

<...> Из всех талантов, которые даются нам, нет ничего важней и ценней таланта доброты, правды и благорасположения к людям. Нет ничего больше, чем открытое, щедрое и умное сердце. В какой мере это качество дается природой и в какой воспитывается самим человеком, нельзя сказать, но, когда сбывается такой человек, — огромная удача и радость для людей быть рядом с ним, дружить с ним, учиться у него. Таким и был Валерий Петрович, наш Валера Зиновьев. <...>

И не может же быть, чтобы в нас, кто знал его, не остались его любовь к человеку и его дар понимать человека.

В. Распутин

Министерство культуры и архивов Иркутской области
ГБУК ИО «Региональный центр русского языка,
фольклора и этнографии»
Научно-исследовательская лаборатория по изучению
традиционной культуры Восточной Сибири
Иркутского государственного университета

В. П. Зиновьев

Русский фольклор Восточной Сибири

Книга 1

Иркутск 2019

УДК 398(571.5)

ББК 82(253)я43

3 63

Ответственный редактор:

Р. П. Матвеева, доктор филологических наук

Составление, комментарии, научный аппарат Г. Н. Зиновьевой,
Н. Л. Новиковой, М. Р. Соловьевой

Редакционная коллегия:

Р. П. Матвеева (отв. редактор), М. Р. Соловьева (отв. секретарь),
Г. Н. Зиновьева, В. Л. Кляус, Г. В. Медведева, Н. Л. Новикова, О. Ю. Юрьева

Рецензент:

А. Г. Игумнов, доктор филологических наук,
старший научный сотрудник Института монголоведения,
буддологии и тибетологии СО РАН

Зиновьев, В. П.

3 63 Русский фольклор Восточной Сибири / отв. ред. Р. П. Матвеева :
в 2 кн. Кн. 1. – Иркутск, 2019. – 648 с.

ISBN 978-5-00133-150-6

Издание содержит научные труды известного сибирского фольклориста, педагога В. П. Зиновьева (1942–1983) — замечательного собирателя и исследователя фольклора Восточной Сибири в живом бытовании. Малодоступное в настоящее время творческое наследие ученого, ценнейшее собрание народной словесности сибирских старожилов в полной мере должно войти в исследовательское поле фольклористики, стать достоянием общественности, служить делу сохранения народной культуры и национального самосознания.

Самостоятельный раздел составляют воспоминания и статьи, раскрывающие духовное богатство, высокий человеческий и научный авторитет личности В. П. Зиновьева.

Научная содержательность и лирическая проникновенность трудов В. П. Зиновьева, подлинные произведения народной словесности сибирских старожилов делают издание интересным широкому кругу читателей, полезным преподавателям, аспирантам и студентам вузов, учителям и воспитателям детских образовательных заведений и всем, кто интересуется традиционной культурой русского народа.

УДК 398(571.5)
ББК 82(253)я43

ISBN 978-5-00133-150-6

© Зиновьев В. П., 1974, 1983, 1987

© Зиновьев В. П., 2019, с изменениями

Валерий Петрович Зиновьев

Валерий Петрович Зиновьев — сибирский фольклорист, талантливый ученый, безвременно ушедший (он умер в возрасте 40 лет), посвятивший свою научную деятельность изучению традиционной культуры Сибири, преимущественно — Восточного Забайкалья, внесший значительный вклад в разработку теории жанров народной прозы. Без В. П. Зиновьева сегодня нельзя представить историю русской фольклористики Сибири.

Валерий Петрович не понаслышке знал жизнь сибирской деревни. Крестьянское воспитание помогало ему быстро сходитьсь с людьми, проводя полевые исследования. Он умел все делать в лад, своими руками. И всегда помогал по хозяйству одиноким старикам, своим рассказчикам и собеседникам: мог быстро с умом срубить крыльцо, брался за литовку, или копал огород под картошку, как вспоминают его ученики. И это было общим правилом для всех. М. Р. Соловьева, одна из талантливых учениц В. П. Зиновьева, вспоминала, что и они, оказавшись уже без своего учителя в деревне, легко вписывались в круг крестьянских забот. «Когда обнаружилось, что колхоз, где мы были со студентами во время фольклорной практики (которой мы вместе с коллегой руководили), нуждался в прополке колхозного поля, то мы выразили свою готовность поучаствовать в прополке, и реально вместе со всей студенческой группой несколько часов пропалывали определенные участки».

Валерий Петрович Зиновьев навсегда запомнился всем, кто его знал, той энергией добра, которую он отдавал с безоглядной щедростью. Всё его научное наследие как нельзя лучше выражает мировосприятие самого исследователя. Оценка им всего сущего проходила через призму нравственности. Научные интересы Валерия Петровича и его человеческие качества очень ценил Валентин Григорьевич Распутин. Его проникновенное слово на смерть товарища говорит об этом: «...Из всех талантов, которые даются нам, нет ничего важнее и ценнее таланта доброты, правды и благорасположения к людям. Нет ничего больше, чем открытое, щедрое и умное сердце. В какой мере это качество дается

природой и в какой воспитывается самим человеком, нельзя сказать, но, когда сбывается такой человек, — огромная удача и радость для людей быть рядом с ним, дружить с ним, учиться у него. Таким и был Валерий Петрович, наш Валера Зиновьев...».

Все фольклорные сборники, подготовленные Валерием Петровичем и вышедшие в свет («Русские сказки Забайкалья» — Иркутск, 1983; 2-е изд. доп. — Иркутск, 1989; «Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири» — Новосибирск, 1987; «Русские песни Восточной Сибири» — Иркутск, 2006) вызвали большой общественный интерес и получили заслуженное признание среди специалистов и ценителей фольклора, давно став библиографической редкостью. Они выросли из картотеки исследователя, но ими она далеко не исчерпана и хранит немало еще неизданных материалов по народной культуре Восточной Сибири.

Наибольшую известность из всех сборников В. П. Зиновьева получило издание «Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири», вышедшее в Новосибирске в издательстве «Наука» в 1987 г. Оно было доведено до публикации и увидело свет уже после смерти ученого, хотя основной корпус текстов и комментариев к ним был подготовлен им еще при жизни. Работа была завершена Г. Н. Зиновьевой, Н. Л. Новиковой и Р. П. Матвеевой (отв. редактор). Издание книги открыло новую страницу в изучении жанра мифологических рассказов, в том числе, в плане систематизации их сюжетики. Но книга вышла в свет в сложное время, когда сам жанр был, что называется «отреченным» (В. М. Гацак), так как отражает суеверные представления русского народа, не соответствующие идеологическим представлениям о «советском» человеке. Именно поэтому составители просили написать предисловие к сборнику Б. Н. Путилова, который должен был своим авторитетом легитимизировать его появление. Кроме того, издание вышло в годы, когда шла борьба с пьянством, инициированное руководством СССР, и уже на стадии гранок из фольклорных текстов вымарывались все упоминания об этой стороне жизни русского человека. О последнем знает только небольшой круг специалистов, готовивших сборник к изданию.

Все эти обстоятельства дали основание говорить, что в сборнике реально мифологические рассказы представлены не в том виде, в котором они были записаны самим В. П. Зиновьевым. Фольклористическая же наука должна опираться в своих исследованиях прежде всего на записи, которые не подвергались редакторской правке, что является аксиомой, выработанной отечественными учеными еще в начале XX века. Но, к сожалению, это правило в данном случае по цензурным причинам «не сработало». Издание трудов В. П. Зиновьева в их подлинном, не отягощенном «идеологическими путями» виде, прокомментировано с позиций науки XXI века, по сути, является восстановлением исторической справедливости по отношению к В. П. Зиновьеву.

Ценность зафиксированных В. П. Зиновьевым материалов с каждым днем увеличивается, поскольку произведения многих жанров уходят из живого бытования и уходит из жизни то поколение, которое хранило в своей памяти

истинные народные традиции, было живым носителем устного творчества. Представляя собой ценнейшее собрание народной словесности сибирских старожилов, фольклорно-этнографические материалы, входящие в творческое наследие В. П. Зиновьева, в то же время раскрывают особенности уклада жизни сибиряков, сформировавшиеся и устоявшиеся в течение трехсот с лишним лет, их исторические судьбы, характерные черты их мировосприятия. Сегодня на фоне уходящей фольклорной традиции собрание В. П. Зиновьева обретает особую актуальность, и настоящее издание будет способствовать делу сохранения народной культуры и национального самосознания.

В двухтомнике представлены наиболее значительные работы сибирского ученого-фольклориста, записанное им уникальное собрание фольклорных произведений сибирских старожилов (сказок, мифологических рассказов, песен, преданий и устных рассказов), в том числе из архива собирателя. Самостоятельный раздел составляют воспоминания и статьи о Валерии Петровиче Зиновьеве, раскрывающие духовное богатство личности ученого, его научную и педагогическую деятельность. В книгу также вошло более 150 фотографий, из них около 100 фотографий полувековой давности. Они сделаны Валерием Петровичем в 1970-х годах во время фольклорных экспедиций в Забайкалье. Большинство из них — с сохранившихся, частично разрушенных фотопленок. На многих отсутствует паспортизация. Но эти старые безымянные снимки сами по себе бесценны, они воссоздают удивительный мир русской сибирской глубинки... Все они — подлинные документы уходящей крестьянской цивилизации.

Настоящее издание подготовлено в рамках культурно-просветительского проекта «Духовное наследие Восточной Сибири», разработанного сотрудниками Регионального Центра русского языка, фольклора и этнографии, который предполагает публикацию и популяризацию научного, творческого наследия сибирских фольклористов.

В. Л. Кляус, доктор филол. наук,
зав. отделом фольклора ИМЛИ РАН (Москва)

Г. В. Медведева, доктор филол. наук,
профессор ИГУ, д-р «Регионального Центра
русского языка, фольклора и этнографии» (Иркутск)

От ответственного редактора

Настоящее издание — дань памяти Валерию Петровичу Зиновьеву (1942–1983), известному сибирскому фольклористу, исследователю устной фольклорной культуры Восточной Сибири, это издание вместе с тем и реальное введение в исследовательское поле фольклористики научного наследия ученого, а также произведений народной словесности сибирских старожилов, записанных им лично или под его руководством.

Жизнь, к сожалению, отпустила В.П. Зиновьеву очень короткий срок для реализации его творческих замыслов, однако он многое успел осуществить, сумел не только объёмно и полно представить устную поэзию локальных традиций, но и показал ее включенность в контекст мифологической и обрядовой системы как части духовной культуры. Его труды, более того, подготовили базу для последующих исследований.

Исследования В.П. Зиновьева в полной мере отвечают творческим запросам современной фольклористики. Для фольклориста всегда важно качество записи и, если публикация текста, то идентичная полевой записи. Эмпирическое подтверждение результатов в наше время не только не утрачивает своей ценности, но остается основой для теоретических изысканий. За всеми исследованиями В.П. Зиновьева стоят тексты, за каждым текстом — исполнитель и та среда, где бытовало произведение. В.П. Зиновьев хорошо знал местную фольклорную традицию, глубокие и обширные познания ее начинались с детства, он и сам был носителем этой традиции.

Кроме исследовательских работ, В.П. Зиновьев оставил бесценное фольклорное собрание, состоящее из двух частей: рукописной картотеки и фонотеки (магнитных лент-катушек). За два десятилетия (1964–1983 гг.) активной, планомерной, комплексной собирательской работы, полевых исследований по заранее составленной карте им был накоплен и систематизирован большой фонд материалов по разным жанрам. В настоящее время корпус сказок насчитывает 284 текста, быличек и бывальщин — более 2000 текстов, песен — 2180 текстов¹.

Фольклорный фонд, в первую очередь картотека, систематизирующая материал по сказкам, несказочной прозе, песням, свидетельствует о высоком научном уровне собирательской работы В.П. Зиновьева, по своей методике и принципам сбора материала он, безусловно, принадлежит к лучшим предста-

¹Обработка и систематизация фонотеки началась еще в 1979 г. Начиная с 1980-х гг., полевые записи с магнитных лент, не расшифрованные при жизни В.П. Зиновьева, последовательно расшифровывались его учениками. После расшифровки магнитных лент картотеки значительно пополнились. В 2014 г. магнитные ленты были оцифрованы, записи вместе с описями магнитных лент перенесены на жесткий диск, который хранится в семье В.П. Зиновьева, сами катушки переданы в Государственный архив Иркутской области. (Сведения по личному архиву В.П. Зиновьева сообщены Н.Л. Новиковой, за что мы искренне ее благодарим.)

вителям русской фольклористической школы. Его картотека освещает записанные им тексты в живом бытовании. На карточке записывался текст произведения, указывался жанр, приводились сведения о собирателе и исполнителе, давались примечания собирателя (характеристика исполнителя, замечания о манере исполнения, попутные реплики исполнителя). Сбор материала велся по принципу повсеместной и безотборочной фиксации: «...запись в основном производилась в обстановке непринужденного исполнения по „безотборочному“ принципу, т.е. от всех из опрошенных...»². В.П. Зиновьев был опытным собирателем и умел расположить к себе собеседника. На некоторых магнитных лентах зафиксирована часть диалогов собирателя с рассказчиком, что само по себе является бесценным даром для будущих исследователей.

Материал архива В.П. Зиновьева — не памятник, он живой, он заключает в себе богатейший нравственно-этический, педагогический и художественный опыт сибиряков, содержит, по выражению собирателя, «интересный факт поэтического осмысления жизни». Это серьезный источник для исследования русской устной культуры.

Настоящее издание структурно состоит из трех разделов: Первый раздел составляют избранные труды В.П. Зиновьева, во Втором разделе нашли отражение материалы из фольклорного фонда В.П. Зиновьева, завершают издание воспоминания и статьи Третьего раздела, раскрывающие личность замечательного нашего современника.

Раздел избранных трудов открывает сборник сказок — одного из основных видов устной народной прозы. Современные забайкальские сказки представлены во всем их жанровом многообразии, с характеристикой сказочников и условий бытования. Статья В.П. Зиновьева, предвещающая сборник, раскрывает не только мир сказок и сказочников, но в немалой степени и личность самого автора, его мировосприятие, его высокий писательский талант владения художественным словом. Сборник «Русские сказки Забайкалья» был полностью подготовлен В.П. Зиновьевым и сдан в издательство, но увидеть свое творение опубликованным ему было не суждено.

В.П. Зиновьевым собран и изучен большой локальный материал разных жанров, но главный научный интерес его лежал в области малоизученной в то время «низшей» мифологии: суеверных рассказов — быличек, бывальщин. В науке к рассказам о мифологических персонажах относились как к поверьям, отказывая им в принадлежности к художественному творчеству. В.П. Зиновьев подошел к исследованию быличек как самостоятельному, с особой эстетикой фольклорному жанру. Мифологическая проза была научно осмыслена ученым как часть народной духовной культуры. Объемный региональный материал позволял исследовать многогранную тему с фольклористических позиций. В 1974 году была опубликована в качестве учебного пособия по курсу

² Рукопись: Зиновьев В.П. Быличка как жанр фольклора и ее современные судьбы (на материале фольклора Забайкалья). — Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. — Иркутск, 1975. — С. 20–21.

«Русское народное поэтическое творчество» для студентов-филологов монография «Жанровые особенности быличек», в 1975 году — защищена кандидатская диссертация «Быличка как жанр фольклора и ее современные судьбы». Написанная более четырех десятилетий назад публикуемая ныне монография не утратила своей научной актуальности, она и теперь остается ценным учебным пособием, раскрывающим своеобразие одного из жизнестойких жанров русского фольклора.

Сборник «Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири» был задуман В. П. Зиновьевым еще в период его работы над диссертацией. В приложении к диссертации представлено 200 текстов, распределенных по тематическим группам, типам и мотивам. В картотеке фонда быличек и бывальщин собранный материал систематизирован по темам, типам и сюжетно-мотивным группам, сборник «Мифологические рассказы...» (условное название его было «Былички и бывальщины русского населения Восточной Сибири»), таким образом, создавался уже в самой картотеке. В 1976 году В. П. Зиновьев прислал для ознакомления автору этих строк проспект. К сожалению, завершить работу над сборником В. П. Зиновьев не успел. К публикации сборник был подготовлен Н. Л. Новиковой и Г. Н. Зиновьевой. Публикация «Мифологических рассказов...» ввела в научный оборот около 500 сибирских быличек и бывальщин, одни из них отражают общеславянский сюжетный фонд, другие — общерусский, третьи — только сибирский. В сборник вошли лишь наиболее характерные, художественно цельные тексты. Былички и бывальщины публикуются без жанрового разграничения. В комментариях отмечены только бывальщины.

Структура сборника аналогична структурному составу картотеки фонда и соответствует «Указателю сюжетов сибирских быличек и бывальщин», составленному В. П. Зиновьевым в процессе систематизации материалов фонда.

В текстологической работе соблюдены принципы, определенные В. П. Зиновьевым: «Общерусские слова, не отражающие особенности местного диалекта, а измененные лишь в произношении исполнителя, передаются орфографически. Но сохранены устойчивые, характерные для диалекта отклонения от литературных норм: стяжение гласных в окончаниях полных прилагательных, форм сравнительной степени и пр. (*больш́ий* вм. *большие*, *ста́ра* вм. *старая*, *тошн́е* вм. *тошнее*, *пя́ты* вм. *пятые*); выпадение согласных (*и́ть* вм. *ведь*, *де* вм. *где*, *тода* вм. *тогда*, *токо* вм. *только*); долгое твердое (*настоя́ишие*); местное *чѣ* (вм. *что*); *ково* (вм. *что*, *зачем*)...».

В текстах отточием в угловых скобках <...> помечены пропуски, это либо слова и выражения неудобные для печати, либо слова, отражающие привычку злоупотреблять словами-паразитами. Иногда исполнитель отвлекался от рассказа на другой, бытовой разговор, речь становилась прерывистой, все это затрудняет восприятие повествования, поэтому здесь допускалась купюра, отмеченная отточием ...

В данной публикации в сборнике восстановлены по картотеке архива купюры, сделанные в первой публикации по требованию издательства в связи

с идеологическими установками 1980-х годов. Тексты публикуемых мифологических рассказов сверены с магнитной записью, допущенные в прошлом издании неточности исправлены. В комментариях исправлена единица хранения: вместо ИГУ дается ссылка на личный фонд В.П. Зиновьева, хранящийся в Государственном архиве Иркутской области.

В настоящем издании «Указатель сюжетов-мотивов быличек и бывальщин» к опубликованным текстам в сборнике «Мифологические рассказы...» введен в общий «Указатель сюжетов сибирских быличек и бывальщин», завершающий публикацию исследований В.П. Зиновьева в первой книге.

«Указатель сюжетов-мотивов быличек и бывальщин», как уже сказано, создавался В.П. Зиновьевым в процессе систематизации собранных материалов. Тексты классифицировались в соответствии с системой Указателя Померанцевой-Айвазян³.

Сибирский русский фольклор, оставаясь по сути общерусским явлением народной культуры, несет в себе специфические черты в том числе и в сюжетно-мотивном составе. Былички как никакой другой жанр локальны, образ мифологического персонажа в разных местностях может иметь существенные различия. Некоторые темы и сюжеты фонда мифологических рассказов В.П. Зиновьева не нашли аналогий в Указателе Померанцевой-Айвазян. Появились новые разделы.

Вторую книгу настоящего издания открывает сборник В.П. Зиновьева «Русские песни Восточной Сибири», в него вошла сравнительно небольшая часть песенного собрания (в картотеке около 2100 песенных текстов). Отобрав и подготовив к печати тексты, В.П. Зиновьев не успел закончить работу над книгой. Завершила подготовку её к публикации Н.Л. Новикова. Ценное дополнение к сборнику песен — музыкальное приложение, нотные расшифровки магнитных лент, характеризующие особенности сибирской певческой традиции.

Фольклорные сборники, подготовленные В.П. Зиновьевым, представляют собой ценнейшее собрание народной словесности сибирских старожилов, но они не исчерпывают в полной мере творческое наследие ученого. Им проделана огромная работа по подготовке собранного материала к дальнейшим исследованиям. Его подход к материалу, интерпретация явлений народной культуры представляют научный интерес для тех, кто продолжил намеченные В.П. Зиновьевым исследования. Его научное наследие работает, о чем свидетельствует Второй раздел настоящего издания — «Из фольклорного архива В.П. Зиновьева. Народная проза».

Второй раздел завершает Приложение, включающее научно-справочный аппарат к первому и второму разделам.

При подготовке исследовательских работ В.П. Зиновьева к данному изда-

³ Указатель сюжетов русских быличек и бывальщин о мифологических персонажах / Сост. С. Айвазян при участии О. Якимовой // Померанцева Э.В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. — М., 1975. — С. 162–182.

нию библиографические ссылки оформлены согласно современным эдичионным правилам.

Мемориальную часть издания представил Третий раздел — «Воспоминания и статьи о В.П. Зиновьеве». Наряду со статьями всемирно известного писателя В.Г. Распутина, ведущих ученых страны Б.Н. Путилова и Е.И. Шастиной, раскрывающих творческую одаренность В.П. Зиновьева, публикуются воспоминания обычных, близких ему людей, кому посчастливилось соприкоснуться с ним по жизни. В воспоминаниях с лирической проникновенностью и любовью запечатлен образ замечательного человека, близкого родственника, учителя, друга, соратника.

Р.П. Матвеева

Раздел I

Избранные труды

Русские сказки Забайкалья*

От составителя

Путь от Читы на восток лежит сначала вдоль левого берега Ингоды. Ближе к реке идет железная дорога, дальше, местами отодвигаясь на порядочное расстояние, — Московский тракт. Если едешь по железной дороге, то лучше сидеть у правого окна — там вся на виду Ингода, речка неширокая, светлая в сухое время, где бурная и порожистая, где тихая, раскатившаяся по плесу.

От станции Солнцево надо внимательнее смотреть на противоположный берег: там из большой пади выходит к Ингоде мутный Онон. Его устья почти не видно, только по отчетливой серой полосе воды, сразу занявшей полширины, догадаешься, что началась Шилка, родившаяся от слияния двух равных рек.

На Шилке перекаатов нет, вода убыстряет свой бег в протоках между многочисленными островами, поросшими тальником, черемухой и дикой яблоней. На плесах плавают сиги, сазаны, может ухнуть, вывернувшись из глубины, осетр. Вода уже во всю ширину серая, моторок мало, только после Сретенска начнут они во все стороны ерошить реку.

Вот, постояв против Нерчинска, поезд перебежал по старому железному мосту через Нерчу, с севера впадающую в Шилку. Вода в ней прозрачная, но буроватая, будто листовяжную кору парили, теплая, как молоко. Я это знаю, потому что вырос здесь. Нерча не меняет цвета Шилки, зато делает ее вроде бы уверенней, породней. Острова дальше попадать будут уже редко.

За рекой тайга, Борщовочный хребет. По гребню ломаными зубьями выставились в небо обнажения скал. Вот Стариковы столбы. Местные предания рассказывают, что в россыпях под ними века полтора назад купцы Кандинские укрыли свои бесчисленные сокровища. Их искали, с ума сходили, даже гибли в этих камнях, но до сих пор ничего, кажется, не нашли.

Слева от поезда леса почти нет, он весь за рекой. Прямо под окном вагона скала, так она и пойдет чуть ли не от Читы до Сретенска. С этой стороны тоже есть что смотреть. Мы едим в Забайкалье в самом начале июля, в эту пору здесь очень много цветов. Поезд идет быстро, но взгляд на мгновение удержи-

* Русские сказки Забайкалья: Сборник / Подгот. текстов, сост., предисл. и примеч. В.П. Зиновьева. Вступ. ст. В.Г. Распутина; науч. ред. Р.П. Матвеева. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во. — 1983.

ваает алые завитки саранок, сиреневые островки цветущей богородской травы, щедро разбросанные по горе среди камней. А в распадках — море желтых лилий и маков. Вот все чаще стали мелькать роскошные марьины корни, гордо поднявшие белые тюрбаны над сочной зеленью стеблей и листьев, — царь-цветы Забайкалья.

Полотно дороги идет влево, а Шилка прямо — и исчезает. Поезд останавливается на станции Куэнга. Так же называется река, бегущая, как и Нерча, к Шилке с левой стороны. У нас здесь пересадка. Дальше три сретенских пассажирских вагона и десяток товарных тянет паровозик. Состав, отстучав по рельсам на мосту через Куэнгу, снова выходит к берегу Шилки. Ход его медленный, остановок много. Теперь марьины корни зелеными оазисами покрыли все распадки.

Из Сретенска вниз по Шилке, на восток, ходит «Заря», быстрое и удобное речное судно. А в юго-восточные районы области ехать надо на автобусе. Вот он, лихо скатившись с горы, свернул влево и побежал вдоль правого берега речки Куренги, которая здесь, рядом, под самым Сретенском, впадает в Шилку. И снова буйное разноцветье.

Дорога перебегает в долину другой реки — Унды, притока Онона. Вот село Ундинские Кавыкучи, через несколько десятков километров — Газимурские Кавыкучи. Но они уже на другой реке — Газимуре, притоке Аргуни. Когда-то этим путем на Нерчинские рудники шли каторжане, переход был трудный, не зря говорили: «От Кавыкучей до Кавыкучей глаза выпучишь!»

Ингода, Нерча, Куэнга, Куренга, Унда, Газимур... Речки вроде бы небольшие. А служат одному: заботливо собирая по пути воды родников-ключей, подкрепляя друг друга, питают они Шилку и Аргунь, а те, соединившись, дают жизнь могучему Амуру, великой реке. Здесь, по селам Предамурья, и были собраны сказки, которые не одну уж сотню лет незримым ручейком вливаются в единый полноводный поток русской народной словесности. Они появились в этих местах с землепроходцами, по службе — за мягкой рухлядью и серебром или по вольной воле — за свободной жизнью и удачей, пришедшими из-за Байкала. Их несли с собой и люди, осужденные на ссылку или каторгу. Вольные и невольные поселенцы, оседая на малозаселенных землях, покорили огромный край не силой, а стремлением к добрососедству, уживчивостью. Здесь они сеяли хлеб, разводили скот, добывали руду, несли службу по охране границы. Пели песни, сказывали сказки, слышанные от отцов и дедов, свидетельствующие о кровной связи с народом, который они представляли, с его обычаями, нравственными и эстетическими традициями.

Сохраняя общерусский характер, в новых условиях произведения устной поэзии постепенно приобретали и особый колорит. Это было связано с географией края, его природным и климатическим своеобразием, со спецификой хозяйственно-бытового и социального уклада жизни.

Во многие сказки, которые составили эту книгу, вошли местные географические названия: Шилка, Газимур, Начинский гонец, пади Озерская и Тунгуска, Нерчинск, Сретенск, Дарасун. В одном повествовании герой-купец едет торго-

вать в соседний с Забайкальем Китай, в другом разбогатевший батрак уезжает с женой в Японию. В отдельных случаях сообщаются реальные имена торговавших здесь когда-то купцов: Мошкович, Ли Фан.

Некоторые тексты дают представление о климатических особенностях края. Вот старуха отправляет своего деда на реку: «Ты езжай-ка на Шилку, там пролубь разломай, где скотину поят. Говорят, перекаты промерзли — рыба глхнуть стала и лезет в пролубь. Езжай налови». Здесь речь идет о характерном для Забайкалья явлении: в особенно морозные зимы вода в реках промерзает до дна, и, бывает, задышающуюся от недостатка воздуха рыбу буквально гребут из проруби лопатами.

Сказки напоминают читателю и о близости тайги: нередко герой — охотник, вместо традиционного «зверя лесного, чуда морского» персонажем является медведь. Солдат щелкает не обычные орехи, а кедровые, лося называют «сохатым», птицы тоже сохраняют местные названия: кедрушка, ронжа.

Забайкальцы известны своим гостеприимством. Таковы они и в сказках: «Когда в гости заходят, сразу у нас чай ставят» (№ 54). Чаепитие занимает особо важное место в жизни местного населения. Недаром здесь в шутку говорят: «Чё голодовать-то, пойдемте чай пить». «Чаюют» у старика разбойники (№ 33), «почаевал Фома, пошел сено уметывать» (№ 37), приехали старик с дочерью на заимку — тоже «почаевали» (№ 50).

Кстати, понятие «заимка» связано с особенностью хозяйства старой деревни Забайкалья: на зиму скотину сгоняли на дальние сенокосы, где стояло зимовье для людей, ухаживающих за ней, а также дворовые постройки, — и это тоже нашло отражение в сказках (№ 50).

Забайкалье в прошлом — казачий край, и в сказках можно найти тому подтверждение: хитрая лиса грозит «заявить атаману» на хозяина (№ 1), батрачит на атамана герой-бедняк (№ 37).

Эти детали дают только внешнее представление о своеобразии забайкальских сказок. Но местный житель, знающий историю своего края, выросший среди гор и степей, среди добрых, приветливых людей, за ними увидит большее. Сам я, например, слушая сказки родных мест, возвращаюсь в мир моих детских романтических впечатлений от рассказов взрослых о прошлом. Это мир удивительных преданий о таежной жизни охотников, старателей, которые золото рыли в горах, о смелых и благородных разбойниках, гордых казаках, о суровых нравах приискательской жизни, о чалдонах-каторжанах, которых простые казачки кормили хлебом и молоком, специально оставленными на ночь в окошечках «ланцовках», о страшных порядках на приисках горного начальника Разгильдеева... Я читаю эти сказки с ощущением судьбы моей родины, неповторимости ее красот и запахов.

Сказки — один из старейших жанров фольклора. Каждого, кто знакомится с ними, прежде всего привлекают не отзвуки седой старины, а безбрежный мир фантазии, остроумие, отточенность и красота формы.

Конечно, и действительность, и прошлое отражены в сказках, но, так сказать, в зашифрованном виде. Ученые разгадали смысл многих сказочных

моментов. Сейчас, например, мы знаем, почему именно младший крестьянский сын вначале представлен обычно придурковатым и никудышным, а к концу сказки он же изображается и удачливым, и умным, и красивым, наконец. Оказывается, младший сын по древним обычаям обязан был содержать родителей, пока они живы, он же должен был и похоронить их по-людски. В наследство ему доставалась только старенькая избенка. А старшим его братьям переходила земля, скотина, сбережения. Стало быть, давалась воля их предприимчивости, ведь на их руках не было стариков-нахлебников. Возможно, это было и справедливо. Если у хлебороба руки не связаны, значит, и пользы от него больше. А как же с Иваном, младшим сыном? Обделен ли он? Наверное. Но его доля, его судьба была для людей нравственным примером, образцом. Долг есть долг, притом давно известно, что обычно у семи нянек дитя без глаза, без должного присмотра. Вот почему Иван-дурак сидит на печи как привязанный: он привязан к родительскому очагу силой традиций, условиями древнего обычая.

Подобные расшифровки сказочных ситуаций интересны, необходимы, но самое ценное знание, которое дает нам сказка, — это знание нравственное.

Предположим невероятное: человечество утратило нравственные представления. Исчезла память, то есть знание прошлого опыта, люди забыли, как относиться к злу и добру, к верности и предательству, к правде и кривде, — все спуталось. Но если бы сохранились народные сказки, по ним одним можно было бы восстановить основные моральные нормы. Потому что сказки учили и сейчас учат, как жить человеку среди людей и как нельзя жить.

Одна из основных идейных формул сказки — «Что посеешь, то и пожнешь». Если герой недобр, равнодушен, жаден, он в нужный момент тоже не получает поддержки и терпит поражение. Сострадательный, щедрый в конце концов всегда вознагражден, и это даже не плата за добро, а естественное следствие добра. В некоторых сказках показано вроде бы обратное: старая хлеб-соль забывается. Однако и здесь дана четкая нравственная оценка: забывший добро отвечает черной неблагодарностью. И если даже он не наказан, моральная идея сказки — напоминание, что носитель зла теряет право на спокойную совесть, оказывается под дамокловым мечом заслуженного возмездия.

Сказка утверждает мир справедливых отношений. Может показаться, что некоторые повествования излишне жестоки: в одном случае домашние животные убивают лесных, в другом героиня, которой мы полностью отдаем свои симпатии, умалчивает об опасности, ожидающей ее сводную сестру на лесной заимке.

Да, недобрые гибнут, это правило. Но это добро одерживает верх над злом. Это ради добра и справедливости сказка решается на жестокость. Притом по своей жанровой специфике сказка поддерживает в нас сознание того, что содержание ее — все-таки вымысел. Нужно помнить к тому же: сказки вынесены из крестьянской среды, где дети видят, что животных выращивают для пропитания и удовлетворения других нужд людей, и где это воспринимается не в ущерб представлениям о человечности.

Сюжеты сказок очень древние, но до нашего времени они дошли не как реликвия, а как необходимые в современной жизни ценности, имеющие не только эстетическое, но и, так сказать, практическое значение. В повседневной действительности возникают десятки случаев, когда сказки помогают определить сущность человеческого поступка, разобраться в конфликтной ситуации, дать точную и меткую оценку тому или другому явлению. Особенно часто таким образом используются социально-бытовые сказки и анекдоты. Многие сказки о животных, да и волшебные, в этом смысле тоже имеют большие возможности. Скажем, любимый народом герой волшебных сказок Ванюшка-дурачок во все эпохи мог восприниматься как художественное воплощение определенного типа современника, который в условиях, когда окружающие из соображений «очевидной» целесообразности черное вдруг станут называть белым, а на голом короле возьмется расхваливать несуществующие одежды, — в белом белое и видит и поэтому оценивается «умными» как недотепа, простак себе во вред. Но это до поры до времени. Вдруг оказывается, что такая-то простота и нужна, чтобы жизнь не искривилась, не зашла в тупик и не закисло. В совокупности народные сказки позволяют так интерпретировать образ Иванушки-дурачка. В настоящий сборник многие из них не вошли, но и имеющиеся тексты сказок с чудесным содержанием дают возможность составить представление о народном восприятии этого образа. Вот в сказке «Сивка, Бурка и синегривый конь» Ванюшка напоминает братьям, что надо идти «к тятке». Значит, крепче других помнит отцов наказ сыновьям поочередно три ночи являться на его могилу. Этот наказ для умных братьев ничего не значит — какой же нормальный человек согласится сидеть в темную ночь на кладбище из-за прихоти умирающего старика! Это сказ для дураков. Нравственная сторона дела их не интересует, исполнение неразумного завета, такого долга, по их нормальному, здравому размышлению, не обязательно. Но Ванюшка ко всему относится проще — на то он и «дурак». Однако не такой уж и дурак. Мы видим, как ловко уходит он от ответа на расспросы братьев, выходил ли отец из могилы. «А ты, — говорит Ванюшка сперва одному, потом другому, — из могилы выйдешь?» Разумные братья, конечно, понимают, что из могилы не возвращаются, и не догадываются, что дурак-то и дурачит их. Ванюшка прекрасно знает, что к царю «на съезд» братья его не возьмут, понимает, что они уже давно прибрали к рукам его долю в наследстве, и очень кстати и толково использует этот факт: «Братья, мне тоже отец-то дал наделочек, дайте мне хоть каку-нибудь клячонку, царевну поглядеть!» — «Сиди, сопляк, куда ты поедешь!» — «Да чё, братья, наделок отцов есть». — «Бери тогда вон хрому Воронуху». И эпизоды с Воронухой, Саврасухой и Карюхой говорят не о глупости, а об уме Ванюшки. Когда же старшие братья, возвратившись со «съезда», рассказывают о чудесном богатыре и гордятся, что он их «плетью выходил», Ванюшка не без иронии спрашивает: «Не я ли это, братья, был?» И в конце, когда он рассказывает, что два коня предназначались Афоне и Василию, а третий ему самому, становится ясно, что Ванюшка действительно все понимал лучше других и не случайно, а по заслугам стал царским зятем. А следующая сказка (№ 24) сразу же предупреждает

нас, что Ванюшка «не дурак, только ро́жденный так», т. е. его удел — удел младшего сына, а на самом-то деле «он лучше всех был». Не случайно и то, что этот фольклорный образ всегда привлекал и сейчас привлекает внимание писателей, а составители сборников обычно сказку о Ванюшке-дурачке и его волшебном коне ставят впереди других. Во-первых, это наиболее распространенный сюжет, во-вторых, важно, чтобы у читателя с самого начала сложилось представление о главном герое народных сказок.

В социально-бытовых сюжетах часто встречается простота и другого характера, та простота, которая, как говорят, хуже воровства. Иначе это качество можно назвать неумением жить и работать по-людски. Издавна старики поучали молодых: дело только тогда — дело, когда оно конец имеет, незавершенная работа — не работа. Мало траву скосить, ее надо высушить и в зароды собрать, а зароды завершить умело и с толком. Недаром вершить зарод обычно поручалось самому опытному и понимающему человеку. Мало и хлеб хороший вырастить, важно уборочную страду закончить в срок и чисто, чтобы урожай под снег не ушел. Да и куда ни посмотри — везде в хозяйстве просто необходимо любое дело доводить до конца.

Плохо недоделывать, а еще хуже делать больше, чем надо. Если хозяйка замесит непомерно много теста, то все лишнее пропадет: печь сделает не больше, чем ей положено, и остынет. Да и зачем лишний черствый хлеб?

Сказка «Про Фому и Ерему» о двух братьях, которых люди прозвали Недоделом и Переделом, как раз и обращает внимание на необходимость помнить о мере наших усилий как в быту, так и в хозяйственной жизни государства, в преобразовании природы и эксплуатации земных недр. Так служат современности традиционные сюжеты и образы.

Но есть основание затронуть в разговоре еще одно явление. Я имею в виду возникновение новых сказок.

Сказки всех основных видов могут создаваться и в наше время. Р.П. Матвеева, комментируя бывальщину П.А. Болдакова «Про вихрь», записанную Р. Базилишиной и Т. Григорьевой, отмечает, что это «яркое свидетельство трансформации жанра былички и перехода его в разряд бывальщины, а затем и в сказку» (Матвеева, 1981, С. 322). Стало быть, сюжетный состав волшебных сказок может расширяться за счет быличек. Есть основание говорить и о возникновении новых сказок о животных (см. № 17, 21).

В фольклоре действует вечный закон: как только какой-то нравственной норме, нравственному понятию или представлению угрожает опасность, сразу активизируется фольклорная традиция. Не случайно старики ворчат по поводу недостатков социального и морального характера, сравнивают настоящее с прошлым, подчеркивая, что в прошлом было лучше. Этим самым они, иногда преувеличивая достоинства прошлого, сохраняют представление об идеальном или нормальном положении вещей, заостряют наше внимание на возможности нравственных утрат, тревожат общественное сознание. Так возникают устные рассказы, предупреждающие общество обо всем, что в нем появляется нездорового, ненормального, и создающие, как правило, параллельно вариан-

ты положительных, образцовых ситуаций. Так же возникают и бытуют народные анекдоты, которые, соединяясь один с другим, могут выстроиться в одну многоэпизодную цепь и образовать социально-бытовую сказку. Такая сказка может быть создана и на основе одной анекдотической ситуации.

Вот сюжеты некоторых новых сказок, записанных мною в Забайкалье: старик через суд собрал своих многочисленных детей, разъехавшихся и в суете забывших о родителях, а потом извинился перед судьями, поблагодарил их и повел свое семейство праздновать встречу; две сестры, обливаясь слезами, встретились в доме матери после многолетней разлуки, а потом в разговоре выяснили, что живут в одном городе, в одном доме, только в разных подъездах; дочери сорвали с места и переталкивали друг другу мать, узнав, что деньги, вырученные за корову и избенку, она потеряла, и только для невестки, заматавшейся с ребятишками и не имеющей по этой причине возможности работать по специальности, старуха оказалась необходимой и желанной. Эти житейские истории не укладываются в маленькую форму лаконичного анекдота, они облекаются в сказочную форму. Одна из таких сказок включена в сборник (№ 97). Подобные произведения необычной для сказок привязанностью к настоящему близки к устным рассказам, но доминирует в них все-таки сказочная форма, несомненно нарочитая установка на вымысел, выражающаяся в зачине, в отсутствии индивидуализации действующих лиц. Эти сказки отличаются функциональностью, качеством, которое становится все более характерным для современного фольклора.

Мысль о злободневности, повседневной актуальности сказок хотелось бы связать с некоторыми наблюдениями из собирательской практики. Есть два способа получения фольклорного материала. Собиратель приходит к сказочнику и выясняет, какие сюжеты тот помнит, потом устанавливает круг произведений, которые менее активно используются сказочником или использовались раньше, а теперь забыты. Это один способ. Другой — более трудоемкий, на первый взгляд менее эффективный, но на деле очень плодотворный. В этом случае собиратель живет в среде, которая его интересует, работает с людьми из этой среды и не провоцирует рассказы, а фиксирует их во время естественного исполнения в связи со сложившейся ситуацией. Здесь он и получает доказательство, что старинная сказка прекрасно служит современности, что без нее оценка явления, события, поступка, характера ли не была бы такой точной и действенной.

Если пользоваться только первым способом, соберешь много, но при этом не получишь верного представления о том, как живет сказка среди людей. Пользуясь же вторым способом, запишешь меньше, но зато это будет очень ценный материал.

Многие сказки, варианты которых включены в этот сборник, я слышал, когда их рассказывали по какому-то поводу. Есть люди, которым свойственно чуть не по каждому случаю приводить — и всегда кстати — известные или малоизвестные сказочные ситуации. Для собирателя встреча с такими носителями народной мудрости всегда большая радость. Мне тоже посчаст-

ливилось познакомиться с прекрасными, талантливыми рассказчиками: это Ирина Степановна Рязанцева из Нерчинского района, Николай Григорьевич Бояркин из Газимурозаводского района, Федор Абрамович Балагуров из Шелопугино и многие другие. Их талант служит духовному обогащению окружающих: люди учатся образной, сочной, красивой и хлесткой речи, широкому мышлению, умению через опыт прошлого выверять явления современной жизни.

В одной сказке не раз повторяются слова: «Стара собака взлает — быть либо будет». Так думает герой, выслушавший совет старика и решивший последовать ему. «Стары люди» как в сказках, так и в произведениях других фольклорных жанров обычно помогают герою в трудной ситуации или в добром деле. Помощь эта оказывается всегда бескорыстно, часто в ответ на уважительное приветствие, на доброе слово или поступок.

Были в истории человеческого общества периоды, когда по каким-то важным, как казалось людям, причинам от стариков старались избавляться. Народные предания и сказки донесли до нас сведения об этом (№ 71, 72). Не только сказки, но и жизнь подтверждает, что нет более бескорыстного и непредвзятого взгляда на мир, чем взгляд старого человека. Ему незачем лукавить, нечего бояться, он пожил на свете, на склоне лет отстранился от суеты и теперь кровно заинтересован, чтобы молодые не повторяли его ошибок, не отмахивались от доброго совета. Прямое поучение почти никогда не воспринимается, поэтому, видимо, люди старшего поколения и обращаются к сказке.

В деревне Курумдюкан Газимурозаводского района я встретился с Николаем Григорьевичем Бояркиным. Тогда, в 1978 г., ему было 73 года. Встреча была короткой: что-то уж больно неласково смотрела на мой магнитофон Евдокия Максимовна, жена Николая Григорьевича, и, рассказав три славные сказки, он объявил, что это все, больше ничего не знает. Я видел, что это не так, но не сумел настоять на своем, и мы распрощались.

Вернулся через полтора года. Эта была удачная встреча: я прожил у Николая Григорьевича три дня и записал между делом двенадцать сказок, а всякой всячины — не перечесть! Оказывается, не так давно сказки «ходом шли» по деревне. Было много мастеров их рассказывать: Василий Анисимович Бояркин, Федор Нилович Рюмкин, Тимофей Степанович Гробов, Федор Степанович Гробов... От них перенял многие сказки сам Николай Григорьевич. Рассказывали, вспоминает он, ночами. Вечером члены колхозного правления соберутся, обсудят хозяйственные дела и остаются потолковать «души ради». Еще мужики, старики подтянутся. И пойдет... До утра просиживали, слушающая сказки, покуривая, перебрасываясь скупыми замечаниями. Так было до войны. А война подобрала стариков-посказателей: ослабели от голода, поумирали — «и все самы что ни есть настоящи мужики», совестливые и безотказные.

Старики всегда совестливы. В жизни что-то неладно, и у них совесть неспокойна. За все переживают. При мне зашла утречком к Николаю Григорьевичу соседка, тоже уже бабушка, и посидела-то не больше получаса, а о чем

только не успели они переговорить! Обо всем, что случилось за эти день-два: кто с кем на машинах стукнулся, о пьяницах, о курящих ребятишках, о пожаре (сено у кого-то сгорело, а на дворе февраль), о сосновых ветках, которые, оказывается, можно перемалывать в витаминный корм и поддерживать коров... Короче, обо всем, за что душа болит.

Из разговора с Николаем Григорьевичем я понял, что раньше сказки рассказывали, чтобы душу отвести, поудивляться чуду-чудному, а теперь только к слову, да к делу, да ребятишек ради вспоминают, у него самого сказки без дела не остаются — внучата не дают.

В деревне Бурукан живет Степан Владимирович Рюмкин. Уже после войны он учился на шофера в Нерчинске, так ему проходу из-за сказок не было — Расскажи и только! Попросит: «Дайте, ребята, закурить» — с ног готовы сбиться: «Но, кто? Скорее давай завертывай ему!» В момент завернут самокрутку и прикурят — только бы не останавливался.

Федор Абрамович Балагуров из поселка Шелопугино — тоже прекрасный рассказчик, общительный, добрый человек. В годы войны был председателем колхоза. Мужчины ушли на фронт, в селе остались старики, женщины и дети. Приходили похоронки. Какие слова надо было сказать, чтобы поднялась вдова из-под тяжести неизбежной беды и снова вышла в поле довязывать очередную тысячу снопов? Федор Абрамович такие слова находил. Сам он, чуткий к меткому народному слову, знал много поговорок, сказок, анекдотов и при случае удачно, с тактом ими пользовался. Знал, что сказать молодежи, как подойти к пожилому человеку.

И после войны, уже работая в райкоме партии, Федор Абрамович всегда находил время для душевного разговора с людьми, и здесь делу помогало умение воспользоваться точным и кстати сказанным словом, прибауткой или побасенкой.

Среди многих встреч со сказителями самой яркой и памятной для меня стала встреча с Ириной Степановной Рязанцевой. Это случилось, когда я второй год учился в университете и собирал в Нерчинском районе материалы для курсового сочинения. Когда пришел в Крупианку, сразу спросил, где живет Ирина Степановна, — в соседних селах пришлось не раз услышать об этой удивительной посказительнице. Все отправляли меня к ней и называли при этом... Ариной Родионовной. Ей в то время было 73 года. Сухонькая, очень подвижная и легкая, она встретила меня шуткой, будто знакомого. И разговаривалось с ней легко, она была рада гостю, хотя и не знала цели моего прихода. А когда узнала, не удивилась, будто давно ждала этой встречи. Скоро зашумел и вскипел самовар, тотчас же с разрешения хозяйки перенесенный мною на стол. На него поставили заварник, а перед ним на чистую холстину легли мелко запотевшие половинки с холода принесенных пшеничных калачей с чуть дымящимися серединками на срезах, сдобные печенюшки, мороженое, тоже в капельках пота, сало, мед в вазочке и стаканы в блюдцах. Калачи уже отошли, только самая середочка в них еще хрустела. С Ириной Степановной мне сразу стало просто, пить горячий, душистый чай было хорошо. Потом она рассказы-

вала сказки. С первых же ее слов я взволновался, поняв, что нашел человека необыкновенного.

Я побывал у Ирины Степановны еще три раза. Она повторяла старые, вспоминала новые сказки, и все они были необычайно красивы. Ирина Степановна сохраняла все сказочные формулы, зачины и концовки. Она легко и естественно рифмовала, и сказки местами были как стихи: «Ваня вышел, оглобли у саней кверху задрал, привязал и говорит тихонько:

— По шучьему веленью, по моему прошенью, дрова, рубитесь, колитесь и на сани кладитесь! — В улицу (Ваня) заезжает, собаки лают: «Ам-ам!» Он опять думает, что «нам», «нам». Той кусок, другой кусок — сбросал собакам все мясо... Привез только голову да ноги. Вот братья спрашивают:

— Но чё, Ванюша, купил?

— Ох, братья, уж корова-то дорога, да привез-то только ноги да рога...»

Говорок у сказительницы скорый, немного глуховатый, но все слова произносились внятно. Каждую сказку она проигрывала в лицах, каждый персонаж имел свой особенный голос.

Ирина Степановна рассказала мне десятки быличек, легенд и преданий, спела много песен и частушек, мы спорили с ней о космосе, о Боге, о людях, и теперь я понимаю, что во всем она была добрее, искреннее и страстнее меня, ею двигала забота о человеческой духовности, а моей душе до этого тогда еще не было дела.

Ирина Степановна в жизни никогда не имела врагов. Жилось-то тяжело, было, что ей делали и обидное, и плохое, но она никогда никого не считала врагом. Сама бойкая и работящая, она подсмеивалась над людьми с бойцовскими качествами, говоря, что им вечно кого-то надо побеждать. А когда всех врагов победят, то начнут побеждать и друзей. Разве мог я согласиться с принижением идеи борьбы? И очень скоро удалось «уличить» Ирину Степановну: оказывается, к ней недавно приходили доярки, жаловались на пьяницу-животноводу и просили сочинить про него частушки. Бабка Арина не отказалась, и теперь молодежь под гармошку распевала куплеты о похождениях бравого начальства. Я считал себя победителем, так как получил свидетельство борьбы со злом, а бабушка посмеивалась. Но если говорить честно, на борца она не походила: уж очень тепло умела обращаться к людям, каждого — и мужчину, и женщину — называя хорошим забайкальским словом «моя», которое всегда и всеми, как я заметил, произносилось с искренней сердечностью и доброжелательностью: «Ты, моя-то, не устал ли?»

О своеобразии языка забайкальцев, нашедшем отражение и в представленных здесь сказках, хотелось бы сказать особо.

Основную часть сборника составили сказки коренных русских забайкальцев, отцы и деды которых родились и выросли в этом краю. Но есть и сказки, записанные от переселенцев, их по языку всегда отличишь от сказок старожилов. Местные жители называют переселенцев «западными», а себя «гуранами». Гуран — дикий козел. Почему старожилы — «гураны», точно не знаю. Правда, слышал на этот счет предание: будто бы в давние времена

два брата охотились на козуль и один убил другого, по ошибке приняв за козла.

Над «западными» обычно посмеиваются, особенно над их разговором. Например, сразу же отметят фрикативное «г», ввернув для потехи дурацкий набор слов: «/Ү/ришка, /Ү/ад! /Ү/де /Ү/ребенка? /Ү/ниды /Ү/олову /Ү/рызуть».

Помню, парни из села Кумаки играли в футбол. Среди них были братья Копейны, приехавшие недавно с родителями из Горьковской области. Один из братьев пробил по воротам, штангами которых были две «глызы», но гол не засчитали. Игрок заспорил, загорячился и, тыча в землю пальцем, повторял: «Вот ведь жмурачок, вот жмурачок!» «Жмурачком» он называл выбоину в пыли, место, куда пришелся удар мяча. Мои земляки зашлись от восторга, услышав диковинное, не свое слово. И окрестили парня Жмурачком.

К наиболее характерным особенностям своего говора «гураны» относятся тоже достаточно иронично. Как известно, в каждом селе говорят хоть немного, да по-своему. В Зюльзе и Зюльзикане Нерчинского района, например, «щикают», смягчают звук «ш», поэтому соседи подтрунивают, обращаясь к жителям этих сел: «Но чё, поедем в Би/ш'/игино /ш'/ерсть /ш'/ингать?»

Нравится почему-то «гурану» поставить приезжего человека в тупик малопонятными словечками или даже целыми выражениями, специально для этого придуманными. С детства помню одно из таких: «Ланись мы с братаном сундалой тянигусом хлыняли», что означает: «В прошлом году мы с двоюродным братом ехали вдвоем на одной лошади по затяжному подъему мелкой труссой».

Об ироническом отношении забайкальцев к особенностям своей речи свидетельствует широко бытующее словосочетание «паря, дева, никого», где первые два слова — иногда обращения к лицам соответственно мужского и женского пола, а чаще — вводные слова, третье же может выступать то в значении отрицательной частицы «нет», то местоимения «ничего». Даже забавная частушка есть:

Паря, чё, паря, чё,
Паря, сердисься почё?
Или люди чё сказали,
Или сам увидел чё?

Для языка забайкальцев характерно выпадение гласных звуков (стяжение) в окончаниях глагольных форм, прилагательных, форм сравнительной степени. Вместо *стираем* скажут *стирам*, вместо *думает* — *думат*. То же происходит с согласными в ряде случаев: говорят *тода* вместо *тогда*, *боле* вместо *больше*, *ить*, а не *ведь*... Частое явление — употребление усеченных форм ускоренной речи: *гыт*, *грит* вместо *говорит*, *счас*, а не *сейчас*. Усердно используется частица -ка (*тама-ка*, *тута-ка*), отсутствует «н» в местоимениях с предлогом (*до их*, *к ему*). Вместо *зачем* нередко говорят *почё*. Особенно вольно обращаются со словом *теперь*: один и тот же человек может сказать и *таперь*, и *тепери*, и *тепериче*. В творительном падеже множественного числа исчезает окончание

(*жмуркам играть, со слезам, с двум пудам, ходить за коням*). Старики часто слово *путь* употребляют в женском роде.

Все эти и некоторые другие диалектные особенности речи забайкальцев сохранены в текстах сказок, вошедших в сборник. В сказках, записанных от переселенцев из западных областей, речевое своеобразие тоже сохраняется.

В бытовой лексике русского населения Забайкалья довольно много слов, заимствованных из бурятского или эвенкийского языков. Но, как ни странно, в сказках этого почти нет. В словарь сборника вошло лишь несколько слов, таких как *зудырный*, т. е. хлопотный, требующий терпения, сил и стараний, или *иман* — козел.

То же можно сказать и о сюжетном составе русских сказок, в котором почти нет бурятских и эвенкийских заимствований. Зато довольно активным среди старожилов становится репертуар русских переселенцев из западных областей. В селе Верхняя Куэнга Сретенского района дети дружно советовали мне записать сказки от У.Ф. Сычевой с соседнего разъезда Шапка, которая в конце 30-х годов приехала в Забайкалье из Воронежской области, несколько лет прожила в Верхней Куэнге и собирала вокруг себя вместе с внучатами деревенских мальчишек, рассказывая им сказки. Как об интересной сказительнице об Устине Федоровне говорили и взрослые. Я заметил, что старожилы вообще склонны считать «западных» лучшими, чем они сами, певцами и рассказчиками, хотя едва ли это так. Но тексты, записанные от приезжих сказочников, интересны тем, что по ним можно судить о взаимодействии разных областных традиций.

В эту книгу вошли сказки, собранные в 70-е годы в Карымском, Шилкинском, Нерчинском, Сретенском, Шелопугинском и Газимурозаводском районах Читинской области. Это районы Восточного и Юго-Восточного Забайкалья. Надо сказать, что фольклорные экспедиции неоднократно работали в этой местности и до нас, но остается фактом, что до сих пор не было опубликовано ни одного собрания сказок. Вышедший в свет в 1979 г. «Сравнительный указатель сюжетов» восточнославянских сказок (далее — СУС) зафиксировал только четыре текста, записанных в Читинской области. Это сюжеты «Конек-горбунок», «Илья Муромец», «Жадный помещик» и «Карты (бутылка водки) падают из рукава проповедника». Список, пожалуй, самый бедный по сравнению со сказочным репертуаром других русских областей. Три книги русских волшебных сказок Сибири, составленные Р.П. Матвеевой (см. Пр. сокр. Матвеева. Матвеева, 1980. Матвеева, 1981), тоже не отразили сказочной традиции Читинской области, за исключением одной сказки С.Т. Чекашкина, записанной в 1970 г. Н.В. Соболевой и Л.В. Свиридовой в Нерчинске (Матвеева, 24). Не оказалось читинских материалов и в книге «Русские народные сатирические сказки Сибири», подготовленной Н.В. Соболевой (Новосибирск: Наука, 1981). Думается, что наш сборник в какой-то мере заполнит пробел в представлениях о географическом распространении в Сибири русских сказочных сюжетов.

Надо еще добавить, что появление забайкальского сборника расширяет состав русских сибирских сюжетов. Здесь можно назвать такие сказки, как «Медведь и три сестры», «Три брата и богач», «Блюдечко золото и яблочко налито»,

«Про Нужду», «Потороча — одна нога другой короче» и многие другие, всего более двух десятков текстов. Некоторые сюжеты не отмечены в русском сказочном материале, учтенном «Сравнительным указателем сюжетов»: «Поп, мужик и Николай Угодник», «Ленивая старуха» (СУС 1370 E**). Ряд сказок — «Про храброго мышонка», «Почему у кукушки гнезда нет», «Про двух жен, или Как мужик жене на фартук плюнул», «Отчего волк на луну воет», «Как жить: с деньгами или с детьми?» и другие — вообще не зафиксирован в «Сравнительном указателе».

Построен сборник традиционно: в нем выделены сказки о животных, волшебные и социально-бытовые; последний раздел включает в себя также анекдоты, прибаутки и докучные сказки. В приложениях даны комментарии к текстам, список сказочников и словарь малоупотребительных и диалектных слов.

Сказки о животных

1. Лисичка-сестричка

Ехал мужичок с ярмарки и потерял с воза скалочку. Вот бежит зайчик. Увидел на дороге скалочку, остановился. «Взять или не брать? — думат. — Да куда она мне, на черта — тащить ее?» Убежал, не подобрал.

Идет лисичка-сестричка, хитроумная лиса, как говорят. Увидела скалочку и сразу подобрала ее. Дескать, пригодится. Пошла дальше, дошла до деревни. С краю деревни в избу постучалась.

— Кто там?

— Я, лисичка-сестричка, пустите переночевать.

— Да у нас самим места мало!

— Не бойтесь, мне много места не надо. Я лягу на лавочку, хвостик под лавочку, скалочку к печечке положу.

— Вот, черт, не отвяжешься! — хозяин.

Запустили лисичку. Она зашла, поздоровалась, скалочку к печке прислонила, сама на лавочку легла, хвостик под лавочку. Но, правда, ее поужинать пригласили, всё. Она поела, легла.

Вот все уснули. Лиса встала, скалочку взяла и положила в печку поверх дров, они с вечера наложены были. Сама опять легла, уснула, будто ни в чем не бывало.

Спит. Утром хозяйка встала, печку затопила, давай завтрак готовить. Стоговила, стала всех на завтрак поднимать. Лисичка тоже встала. Встала, умылась и сразу с претензиями:

— А где же моя скалочка? Кто мою скалочку украл?

— Где, какая?

— Да вот тут была.

Туда, сюда — нету скалочки. Лисичка требует:

— Вот давайте мою скалочку! А то сейчас пойду к атаману, заявлю! Вы не рашшитаетесь!

Хозяева засуетились, дескать, не ходи, все будет хорошо.

— Давайте тогда курочку рябу, да пожирней!

Дали ей курочку, за стол усадили. Лиса позавтракала, курочку в мешок затолкала, мешок за плечи и пошла, пошагала.

Вот идет по дорожке. Снова доходит до деревни, и тут ее ночь пристигла. Стучится в избу с краю деревни.

— Кто там? — хозяева спрашивают.

— Лисичка-сестричка! Запустите переночевать.

— Изба-то у нас маленькая, куда мы тебя уложим?

— Да не беспокойтесь, я много места не займу, сама — на лавочку, хвостик — под лавочку, а курочку — в курятничек.

— Вот чертова кукла, не отвяжешься! Заходи! — говорит хозяин. Зашла лисичка, курочку в курятник отпустила, поужинала хорошенько, сама легла на лавочку, хвостик под лавочку. Уснули все.

Вот в полночь глухую лисичка встает, из курятника свою курочку рябу достает и начинает ею закусывать. Голову свернула, мяско съела, перышки прибрала и снова спать легла. Свернулась, поляживат. Утром хозяева встали, завтрак сготовили, стали гостью будить.

— Вставай, лисонька! — Лисонька встала, умылась, полотенцем вытерлась. И сразу в курятник.

— А где же моя курочка?

Все туда, сюда — нету курочки.

— О-ёё-ёё, украли! Но все, сейчас же пойду к атаману и заявлю! — Вот так раз! Хозяева лису упрасивают:

— Ой, матушка, не ходи, не заявляй! Скажи, что тебе надо, то и отдадим. Токо не заявляй атаману!

— А вот давайте мне девочку, не заявлю!

Вот дела! У их была девочка маленька. А хозяин уже догадался, как она така гостья, говорит:

— Ладно, ладно, отдадим тебе девочку! — Сам вышел в сенцы, позвал собаку и посадил ее в мешок, завязал.

— Но иди, лисица, вот тебе девочка!

Лисичка-сестричка еле-еле сгребла на горбушку себе мешок, вышла на улицу, отправилась. Шла, шла, вздумала посмотреть на девочку, поразговаривать с ней. Развязала мешок, а там собака! Как заворчит, как бросится на нее! Лисичка, конечно, перепугалась, в уход от этой «девочки». Вот бегут, лисичка уж еле дышит. Ладно, что нора близко оказалась, лиса в эту нору кое-как успела заскочить. А собака легла у норы и ждет, думат, что лиса выскочит или высунется.

Лисичка запыхалась, таку беду бежала! И вот отошла маленько, давай разбираться. Спрашивает:

— Глазеньки-глазеньки, что вы делали, когда я от собаки убежала?

— О, как же, лисонька, мы все смотрели за собакой и пяткам подсказывали, куда бежать.

— Хорошо, вы у меня молодцы. А вы, ноженьки, что делали, когда я от собаки спасалась?

— А мы бежали, чтобы тебя, лисонька, от собаки сохранить.

— Молодцы, помогли мне! А ты, хвостик, что делал, когда я от собаки убегала?

— А я за кусты да за колодины цеплялся, бежать тебе, лиса, мешал.

Вот ловко! Те старались спасали, а этот вон как выразился!

— А-а, такой-сякой, — лиса говорит, — ты мне мешал, дак я с тобой рассчитаюсь! — Взяла и хвост-то из норы высунула. — Ешь его, собака! — Показала, значит. Но высунула — собака его цапе! И выдернула лисичку-сестричку из норы. Извозила ее, истрепала, бросила и убежала. Лисичка лежит, в себя приходит.

А тут дело вот как повернулось. Жил в деревне старичок со старухой. Утром старуха поране его подняла, накормила завтраком и говорит:

— Старик, ты езжай-ка на Шилку, там пролубь разломай, где скотину поят. Говорят, перекаты промерзли — рыба глохнуть стала и лезет в пролубь. Езжай налови.

Поехал дедка. Приехал на Шилку — у них деревня в стороне стояла, — пролубь проломил и прямо черпаком на лед рыбы навывбрасывал. Рыба замерзла, он собрал ее в мешок и поехал домой. Едет довольный, думает: «Но, паря, повезло — наловил рыбки, теперь будем со старухой всю зиму ись». Вдруг кобыла засмущалась, в сторону сбилась. Старик ее остановил, с саней слез и пошел на дорогу. Видит — на дороге лисица лежит. Это та и была, притворилась как мертвая. Старик подошел, пошевелил — мертвая! «Вот, — думат, — добро: рыбки наловил и старухе на вороток добыл. Лисий вороток к шубе будет». Доволен. Взял лисицу и бросил на воз. Сам сел, поехал, трубочку покуриват. Едет, назад не оглядывается. А лисица одыбалла, огляделась и давай из мешка рыбку выбрасывать. Одну за другой всю выбросала на дорогу. Вот выбросала рыбу на дорогу и сама соскочила. Старик так и не оглянулся. Приехал домой, старуху ревет:

— Федоровна, пошевеливайся! Я тебе не токо рыбки наловил, но и на вороток лису привез!

Старуха ворота открыла, старик заехал во двор, хотел кобылу выпрягать. А старуха хватилась — да кака же рыбка? Да какой же тут воротник? Где? Заругалась по-матерному на старика:

— Такой-сякой! Чё обманывашь? — Старик только теперь понял, что эта хитрюга лиса жива была и его вокруг пальца обвела. А лисичка, как старик уехал, всю рыбку собрала, в свой теремок перетаскала и поедает с удовольствием.

Вот бежит по дороге волк. Заглянул к лисе в окно. Видит: кушат соседка рыбку с аппетитом, только похрустывают.

— Где, кума, рыбкой разжилась? Своровала, поди?

— Нет, не своровала, сама наловила.

— Дай мне хоть одну, я голодный шибко.

— Нет, не дам. Иди да сам налови.

— А как? Я же не умею. — Вот лиса и научила волка:

— Иди к пролуби, на реку, хвост окуни и приговаривай: ловись, дескать, рыбка, крупна и мелка! Сиди подоле, чтобы больше рыбы нацеплялось. А когда много наиматся, тащи домой и ешь. Я тоже так же ловила.

Волк дураковатый — скорей на пролубь. Хвост окунул, посиживает. Пролубь льдом затянуло, хвост прихватило. «Ничё, — волк думат, — посижу подоле — рыбы будет боле!» Потом потянул — ничё себе! Наловил дак наловил — не вытащить! Утром на пролубь пошли мужики, женщины. Мужики коней поить, женщины по воду, с коромыслами. Вот заревели:

— Волк, волк! — И бегут к нему, кто с коромыслом, кто с батогом. Но и давай его хлестать, волка этого. Так навыхаживали, что он рванулся из всех сил — хвост-то и оборвал под корешок. Сам убежал еле. А лисичка-сестричка в это время тоже на промысел вышла. Забегат в одну избу, там квашня с тестом стояла. Лиса наелась, морду всю себе упучкала в тесте. Обтирать некогда, так в тесте вся и убежала.

Вот волк бежит — сам без хвоста — и лису ругает. Смотрит: она на дороге лежит.

— Ох ты, кума, така-сяка! Обманула меня! Бабы меня в кровь исхлестали, хвоста лишили!..

А кума лежит, постанывает:

— Ой, кум, тебе-то дивья — только хвост оторвали, а меня так хлестали, что на голове живого места нету, — видишь, мозги текут! — Он посмотрел — верно, мозги текут из головы (а это же тесто)! Волку стало вроде как неудобно, про себя думат: «Паря, ить верно, здорово куме голову разбили, даже мозги повывлетали!» А кума ему:

— Ты бы меня, кум, пожалел, отвез домой.

— Но залезай.

Лисичка-сестричка залезла на волка, верхом сидит на нем. Едет и приговариват тихонечко:

— Битый небитого везет! — Этому дурню-то. Вот так бывает.

2. Лиса и волк

Волк и лиса строили избы себе. Волк из коры построил, лиса из льду. Оне же кум с кумою были. Волк и говорит:

— Кума, ошиблась ты. Придет весна, растает твой дом.

— Зато красивый! А чё твоя с коры?!

Состроили. Стали поживать. Пришла весна, и растаяла у лисы изба. А волк-то живет все в коряной. Вот лиса идет к волку:

— Кум,пусти меня на фатеру!

— Кума, я тебе говорил, что растает твоя изба! Не пущу я тебя! У меня на вышке масло стоит, а ты его съешь!

— Нет, кум, не буду исть.

Волк ушел, лиса съела масло. Волк пришел, было ненастье. «Дай, — ду-

мат, — масла поем!» Полез на вышку, а там кувшин пустой стоит. Нету масла — все съела лиса! Зарычал волк:

— Вот, кума, говорил — не пущу. Все съела.

— Нет, кум, не ела я. Давай попробуем, сядем возле печки — из кого масло потечет, тот и съел его.

— Ладно, кума.

Сели возле печки. Волк сидел, сидел и уснул. У лисы течет масло. Она взяла и намазала волку хвост. Волк проснулся, а хвост в масле.

— Вот, волк, сам масло съел!

— Я не помню! Я не ел масла.

— Нет, волк, сам съел, а на меня говорил.

Волку делать нечего. Пустил лису жить. Вот тут и сказке конец.

3. Медведь и лиса

Однажды медведь прогуливался по лесу. Идет, идет, и вдруг летит тетерева. И прямо медведю в рот и влетела: он рот-от разинул, когда шел. Медведь скорей схватил ее, сдавил челюстями и идет дальше. Доволен, что будет ему чем отобедать, закусить. Тут идет кума Лиса Патрикеевна. Увидела, что медведь тетереву во рту держит, и сдогадалась, как же обмануть его, чтобы эта тетерева у него вылетела изо рта-то. Сообразила и спрашивает медведя:

— Мишенька, скажи-ка мне, я чё-то не пойму никак, откуда дует ветер? — А ему, толстопятому дураку, надо бы ответить, что с севера, — он бы ишо крепче зубы-то прижал. «С севера», — вот так. А он сказал:

— С запада! — Рот-то разинул, тетерева выпала, лиса схватила ее и только тут и была. Схватила и убежала.

4. Непослушный петушок

Жил мужик Костя. Избенка его в лесу стояла. Хозяйства не держал, один только петушок Петя у него был. Пошел Костя на работу и наказывает Пете:

— Сиди, Петя, дом сторожи. Из квартиры не вылезай, лису берегись! — И ушел. А Лиса Патрикеевна тут как тут. Села перед окошечком и запела песенку:

Петя-петушок,
Золотой гребешок!
Выгляни в окошко —
Дам тебе горошка
Целую ложку!

Петя не вытерпел, шею в окошко вытянул — лиса его цап-царап и была такова. Понесла петушка, а он кричит:

Дядя Котя! Дядя Котя!
Несет меня лиса
В темные леса!
Помоги!

Услыхал дядя Котя. Побежал за лисой, догнал ее. Петю отбил и домой вернул. Прошло время, снова надо Коте идти на работу.

— Смотри, Петя, дом получше стереги да лису не слушай, не верь ей, обманщице! — Наказал так и ушел. А лиса опять под окошечком уселась и говорит:

Да бояры ехали,
Да зерно рассыпали,
Гороха рассыпали!
Петя-петушок,
Золотой гребешок,
Выгляни в окошко —
Дам тебе горошка!

Не стерпел Петя, позарился — выглянул в окошечко, а лиса его цап-царап и понесла. Закричал Петя, стал звать Костю:

Дядя Котя! Дядя Котя!
Несет меня лиса
В темные леса!
Выручай!

Никого не докричался. Не услышал Костя, не пособил петушку. Лиса принесла его к себе в дом, придушила и съела. Пришел Костя домой — петушка нет. Он погоревал, погоревал да и купил на базаре нового. Построил ему курятник, налил в корытце водички, зерна насыпал. Потом собрался на работу идти и стал наказывать:

— Ты к окошку не подходи, голову не высовывай. А то тебя Лиса Патрикеевна унесет и съест!

Ушел. Лиса подскочила и запела:

Да бояры ехали,
Гороха рассыпали!
Да зерно рассыпали,
Петя-петушок,
Золотой гребешок!
Выгляни в окошко —
Дам тебе горошка!

Петя понял, что лиса его выманивает, и не выглянул. Лиса ушла несоло-

но хлебавши. Вернулся Костя, петушка похвалил, накормил, напоил, погулять выпустил.

И стали они жить-поживать с петушком и добра наживать.

5. Лиса и журав

Лиса пригласила к себе в гости журавля как близкого соседа и кума. Журав пришел к лисе. Раскланялись, поздоровались. Лиса стала готовить для гостя угощение. Приготовила каши, сварила. И эту кашу размазала тонким-тонким слоем по тарелке.

Ну, посадила лиса журавля за стол, сама села. Сама прекрасно языком слизывает все это с тарелки, а журав скоко клювом ни колотит об тарелку, один только звон от тарелки получается, а каша ему в рот не попадает.

Журав обиделся, но виду не подал, не осердился как будто бы, но подумал: «Хорошо же, погоди, я тебя тоже угошшу!» Но, раскланялся, поблагодарил и пригласил лису в гости.

На следующий день лиса приходит к журавлю. Журавль встретил ее, провёл:

— Добро пожаловать!

Давай угощение готовить. Приготовил вкусное блюдо и эту пищу поместил в кувшин с длинным горлом. Но и сели за стол угощаться. Журав посадил свой клюв в это горло и попивает оттуда всяки сока, что там было. А лиса вертится кругом кувшина, а в рот ей ничего не попадает. Вот так и отгостили кум с кумой друг у друга, так и угостились. Как аукнется, так и откликнется!

6. Про лису и зверей

Жили-были лиса и бык. Жили дружно, весело: семь лет у них праздник, потом три года охмеляются.

Раз собрались на ярманку. Запрягла лиса быка в телегу, села и поехала. Вот едет и прибасат:

Еду к праздничку, к понеделничку,
Щи хлебать половничком,
Бражки — по чашке,
Винца — по стаканчику!

Вышел заяц:

— Кума лиса, куда едешь? — Она прибасат:

Еду к праздничку, к понеделничку,
Щи хлебать половничком,

Бражки — по чашке,
Вина — по стаканчику!

— Ну посади меня с собой.
Она зайца посадила, поехали. Едут, а лиса все прибасат :

Но-о, не стой!
Хомут не свой,
Дуга краденая,
Вожжи хватеные!

Но, идеть вопеть волк:
— Кума лиса, куда едешь? — Она:

Еду к праздничку, к понедельничку.
Щи хлебать половничком,
Бражки — по чашке,
Вина — по стаканчику!

Он:
— О, кума, посади меня с собой!
Она его тоже посадила, и поехали дальше. Вот едут ближе к селу. Медведь выскочил:
— Куда, кума, едешь? — Она:

Еду к праздничку, к понедельничку,
Щи хлебать половничком.
Бражки — по чашке,
Вина — по стаканчику!

— Меня возьми с собой!

Лиса взяла с собой и медведя. Сел медведь — бычок еле везет возок. Вдруг оглобля не выдержала и сломалась. Нельзя ехать стало. Лиса послала зайца за оглоблей. Он побежал, сломил от ветки прутик и несеть. Где же ему! Лиса увидела, как заяц прутик на оглоблю несеть, рассердилась и ударила его этим прутиком по ноге. Зайчик и захромал.

Послала лиса за оглоблей волка. Волк пенек выворотил и несеть. Она его пеньком, волка-то.

Потом медведя-то послала, он ей с корнем вывернул всю березу и тащить. Лиса плюнула и пошла сама за оглоблей. Их всех оставила тут. А волк и медведь быка-то задавили. Задавили быка, пузо у него разрезали и требуху съели. Бык лежить в оглоблях. Сами убежали. Вот лиса пришла, давай быка поднимать, а он не встает, не едет. Она догадалась, что медведь и волк у него всю требуху съели, а сами убежали.

Взяла лиса быка, на телегу положила, оглоблю наладила, сама впряглась и привезла мясо на ярманку. Там продала мясо и воротилась домой с мешком денег. И стала жить-поживать.

7. Лев и мышка

Однажды лев приустал и лег отдохнуть. Растянулся на травке, поляживается свободно себе. Вдруг ниоткуда взялась мышка-норушка. Взбежала на льва, стала бегать по нему. Лев призаснул, но тут сразу разбудился. Посмотрел на эту мышку — уж больно крохотна. Подумал: если скушать ее — много ли проку? И решил не трогать эту мышку, отпустил на волю. Мышка убежала, но перед тем сказала льву:

— Спасибо! Придет время, и я тебе пригожусь!

Лев ишо подумал: «Ково она мне пригодится, така маленька?»

Прошло несколько времени. Охотники, которы ловят зверей для зверинцев, растягают сеть и уходят. Растянули звероловы сеть, где водятся львы, и сами запрятались. Вот этот лев подошел, лег на сеть и стал кататься по ней. И так в ней запутался, что потом никак не мог освободиться. Попал крепко.

Дело теперь за звероловами: поднять его и отвезти в зверинец. Но тут ниоткуда возьмиись мышка, эта же самая. Прибежала ко льву, посмотрела на него, ничего не сказала и сразу давай перегрызать сеть. Нитка по нитке перегрызла сеть, и лев освободился. Так мышка и спасла льва, несмотря на то, что маленькая.

8. Медведь и бревно

Медведь захотел полакомиться медом. Ходит, топчется возле пасеки, но побаивается. Хозяин это заметил и повесил над ульем бревно, потому что медведь пакостил ему уже не раз, охотился за медом. И таким путем в одно прекрасное время медведь насмелился и пришел за медом, чтобы полакомиться. А тут привешено бревно. Медведь взял его в охапку крепко-накрепко и оттолкнул. Бревно откатнулось, и полетело обратно к медведю, и сшибло его. Он поднялся и снова оттолкнул. И так много раз: бревно откатнется и летит обратно, сшибает да сшибает медведя. Тот злится, ишо сильнее раскатят. И до того качал, что бревно как ударит его — медведь тут и свалился. Потом еле ноги унес. Отвадился за медом ходить, так к нему и не пробрался.

9. Глупый волк

Жили дед с бабкой, и была у них собака. Говорит бабка деду:

— Стара собака, брешет много. Увези в лес, привяжи к лесине. — Дед говорит:

— Будет голодной смертью помирать.

— Убивать жалко.

Дед увез собаку, привязал к лесине и ушел. Собака воем, лает. Услыхал волк. Подходит ближе и говорит:

— Ох, собака, вот и сама пришла в лес ко мне. Раньше сама на меня лаяла, а теперь я тебя съем.

— У, волк, стара я. И ты будешь есть меня? Кости как гнилушки, мясо как труха. Ты бы покормил меня, а потом и скушал.

— А чё тебе надо? — Собака говорит:

— Теленка завали и принеси.

Пошел волк в поле. Завалил бычка, притащил.

— Ешь, собака, через два дня приду.

Собака осталась. Приходит волк.

— Ну что, собака, поправилась?

— Да нет, ты бы бараньки принес. Я бы поправилась.

Волк барана приволок, отдал собаке.

— Ешь, я через два дня приду.

Собака ест, поправляется. Волк приходит:

— Ну что, собака, поправилась?

— Да поправилась, да не совсем. Ты бы пудика два свинины принес. Я бы совсем поправилась.

Волку задача большая. Чё сделать? Пошел к хозяину в каку-то деревушку. Принес собаке свинину:

— Ешь!

Ест собака, поправляется. Приходит волк.

— Чё, собака, поправилась?

— Поправилась, могу с тобой справиться.

Волк озлился. Собака цепь порвала и давай сражаться с волком. Всего покусала. Волк сел под березу, сидит раны зализывает. Услышал собачий лай и хлеще побежал. Идет голодный, тошшой. Попался ему козел навстречу.

— Козел, я тебя съем!

— Старый я, как будешь исть меня. Ложись под гору, разевай пасть. Я разбегусь — и тебе прямо в пасть. Сыт будешь сразу.

Так и сделали. Залез на гору козел. Волк разинул пасть. Козел разбежался, дал ему рогами в лоб. Волк два часа без памяти лежал. Насилу одумался.

— Теперь таким дураком не буду.

Чушка ходила в лесу, гуляла с поросятами.

— Счас всех съем, — говорит волк.

— Дурень, мои поросята не крешшонные. Становись к мельнице. Пойдем. Я на вешняки стану. Буду тебе по поросенку кидать. А ты будешь их по очереди в воду курнать.

Волк стал, а чушка ворота открыла. Вода потекла, чуть волка не потопила. Он опять идет голодный. Подошел ко двору, где падла лежит. Давай жрать. А хозяин отраву насыпал. Волк наелся, пропал. Хозяин кожу ободрал. Вот и сказке конец.

10. Про кошечку

Жила-была кошечка. Старики примерли. Ей деться некуда, она пошла. Пришла к гусю.

— Гусь, пойдем со мной, будем дом строить.

— Нет, мне в камышу тепло. — Пришла к петуху.

— Пойдем, петух, зимовье строить.

— Нет-нет, мне на суку тепло. — Пошла кошечка к барану.

— Баран-баран, пойдем избу строить.

— Нет-нет, мне на дворе тепло.

Пошла кошечка, всплакнула, руками взмахнула. Запрягла пестру кобылу. Поехала в лес, нарубила дров, срубила избушку. А рубила она: тят-ляп, тют-люп, тят-ляп, тют-люп — изба готова. Стала окошки пилить: тилим-пилим, тилим-пилим, тилим-пилим... Окошко есть. Тилим-пилим — друго. Вот теперь построила, печку склала. Сидит. Теперь перезимует. Идет гусь.

— Га-га-га! Кто на нашей дорожке замок поставил?

— Кошечка.

— Пусти прозимовать.

— А-а, я тебе говорила, красноперому, да ты!..

— Ты меня не серди! А то с потолка всю землю ссыплю!

— Но иди, садись к окошечку. — Идет петух.

— Ку-ку-реку! Кто же тут живет?

— Гусь да кошечка.

— Кошечка, пусти прозимовать.

— Я тебе говорила, красноногому, дак ты!..

— Ты меня не серди, мох повыдержгаю!

Она заплакала, пустила. Сидят у окошечка. Идет баран.

— Бя-а-а. Кто тут построил замок на моей дорожке?

— Кошечка.

— Пусти прозимовать.

— Я те говорила, круторогому, дак тебе во дворе тепло!

— Ты не серди, разобью твою избу! Как смаху рогом дам — и готово. —

Пустила его кошечка, посадила к третьему окошечку. Сама сидит на предпечке. Идет заяц.

— Кто же тут поселился?

— Кошечка, гусь, петух и баран.

— О-о! Гусятину и баранину люблю!

Ниоткуда берется гусь — цоп его за хвост. А у ушкана хвост-от ране вот какой был! Петух глаза выколол, баран как саданет — кишки вылетели! Теперь кошечка нос переела. Притащили. Баран толкует:

— Но-ка, Гусев, воды тащи, а ты, Петухов, дрова руби, а ты, Котофеевна, готовь. А я буду мясо рубить.

Вот гусь говорит раз:

— Кто бы мне перчатки связал?

Кошечка взяла веретешечко, села у окошечка и давай прясть. Идет к избушке лиса.

— Кто же тут поселился?

— Гусь, петух, баран да кошечка.

— О-ой, я гусятину, петушати́ну да баранину люблю!

Тут петух как прыгнет — сразу ухватился за глаза, гусь за хвост, а кошка — за нос. Баран как рогом крутым поддел — кишки разорвал.

— Но, Гусев, опять иди по воду, Петухов, дрова руби!

Наварили, напарили. Наелись. Вот петух говорит:

— Ох, Котофеевна, мне бы связала шапочку.

Она садится за окошко, берет веретешко и прядет. Шапку связала. Идет волк.

— Кто же тут живет? Кто на нашей дорожке поселился?

— Петух, гусь, баран и кошечка!

— Ого! Давно не едал баранины!

Тут как баран прыгнет да рогом-то... Сразу разорвал шкуру. Гусь — за хвост. Петух глаза выклевывают — у него же нос-то острый, а кошка знат нос перекусат. Живо тут обделали, все. Опять гусь пошел по воду, а петух — дрова рубить, баран — мясо рубить, а кошечка начала жарить. Вот раз баран и говорит:

— О-ё-ёй, мне как бы кустом связать шерстяной из волка.

Кошка ошшипала волка. Берет веретешко, садится к окошку, прядет. И связала ему кустом хороший. Идет медведь.

— Кто тут поселился?

— Гусь, петух, баран да кошечка!

— О-о, хватит мне поись, и тут же ночью!

В этот момент кошка прыг — медведя прямо за нос. Он повернулся, а тут петух глаза клюет, баран рогами поддает — разорвал шкуру, гусь за хвост дергат. Задавили. Вот гусь опять по воду пошел, петух — дрова рубить, баран — мясо рубить, а кошечка варить взялась. Живут дальше. Кошка и толкует:

— Эту теперь шкурку мне — на ковер. — Сделала ковер. Живут дале.

Вот подходит тепло. Прилетела кедрушка на шишки. Прилетела ронжа, по-ученому она сойка. Теперь прилетел ворон:

— Корму, корму мало!

Как кошка прыгнула — поймала ворона, все разлетелись. Но имя хватило мяса тут. Теперь подходит весна, надо расходиться имя. Петух попрощался:

— Пойду почищу перья, червяков почищу. Котофеевна, спасибо, к нам заходи! — Гусь:

— Я пойду умоюсь. Спасибо, Котофеевна, ко мне в гости заходи!

Баран тоже:

— Прощай. Вот в таком-то углу буду травичку исти, ты ко мне заходи.

Вот кошечка пошла по гостям. Шла, шла, к гусю пришла.

— Здорово, гусь!

— Я тебя знать не знаю!

— Как так? Ты же у меня зимовал!

— Ты не ври, я вон на воде всю зиму ночевал.

Кошечка всплакнула, рукой слезу смахнула, дальше пошла. Баран ходит.

— Здорово, Баран Баранович!

— Ты кто така?

— Я кошечка. Ты же у меня зимовал!

— Врешь. Видишь, я по лугу хожу да зеленую травочку щиплю.

Опять кошечка всплакнула, рукой слезу смахнула, глаза протерла, пошла дальше. Петух ходит:

— Ку-ку-ре-ку, кто тут?

— Здорово. Я кошечка, ты у меня зимовал.

— Ты не ври! Я вот по лугу хожу да червячков ищу.

Вот кошечка всплакнула, слезу смахнула, пошла назад, домой. Стала одна жить.

11. Про Кота Котофеича

Жил-был старик со старухой. У них был кот. Такая греза — не дай Господи! Старуха и говорит:

— Эй, Агафон, увези кота-то в лес. Он надоел. По́касть. — Старик его поймал, посадил в мешок, запряг коня и поехал. Вот ехал, ехал, в Озерску¹ приехал. Там зимовье. Приезжат — фурк его из мешка, собак изуськал. Кот на лесину залез. Старик сел на сани и назад поехал. Приезжат.

— Но чё, увез?

— Увез.

— Не придет?

— Нет.

Теперь кот огляделся. Зимовье рядом. Питаться надо — мышь поймал. Это дело было весной. Мышь поймал. Там черну изловил, там красна попала. Вот стала жизнь хороша. Там попала кедрушка, там рябчик. Сытый. Пришел в зимовье — там, глядит, полным-полно мышей. Он цоп туё, другу, третью... Теперь стал выходить на прогулку. Идет на прогулку, бежит лиса.

— Это что за зверь за зверица, каково твое имяце?

— Я Кот Котофеич, из сибирских степей, прислан главнокомандующим над всеми зверями.

— Ой, Кот Котоевич, вы холост или женат?

— Холост.

— Возьмите меня замуж. Я Лиса Ивановна.

— Возьму, пойдешь дак.

Но вот. Они день гуляли, он ее мышам кормил. Там чё поймат — в лесу есь, чем накормить.

¹ Название пади.

— Ты, — гыт лиса, — прогуливайся, Кот Котофеич, а я пойду на озеро, поймаю утку, притащу. — Вот ушла она на озеро, поймала утку. Тащит, к ей бежит волк навстречу.

— Ты, Лиса Ивановна, зачем мою утку взяла? Это моя!

— Нет. Ты меня не серди, не скорби. У меня сейчас муж — Кот Котофеич, он прислан из сибирских полей над всеми зверями главнокомандующим. Он тя обдерет.

— О, Лиса Ивановна, а как его поглядеть?

— Тащи большого барана, тогда только поглядишь. Да и то смотри, езли он в хорошем духу, дак ты его посмотришь. А в худом — не кажись. — А его, волка, называли Левонид Иванович. Но теперь бежит медведь.

— Ты, Лиса Ивановна, зачем мою утку взяла?!

— Ты что, Михаил Иванович, меня сердишь?! У меня муж-то теперь Кот Котофеич, из сибирских лесов прислан главнокомандующим над всеми зверями.

— О, Лиса Ивановна, как бы его поглядеть?

— Тащи быка. Вон туды тащи, в Озерску, там стара больша-то лесина есть, туды клади.

Сговорились. Волк поймал барана, Левонид Иванович, а медведь, Михаил Иванович, — быка. Но теперь притащили, положили. Медведь:

— Я, — говорит, — спрячусь. — Левонид Иванович:

— А я куды?

— А ты, — говорит, — лезь под корешки, я тебя зарюю. А сам на лесину залезу.

Медведь волка зарыл, сам на лесину залез. Лиса вышла.

— Лиса Ивановна! Левонид Иванович и Михаил Иванович пришли и барана с быком притащили, — медведь докладывает. Лиса побежала за котом. Вот идут сюда вместе. Медведь волку сообщает:

— О-ё-ёй, Левонид Иванович! Какой маленький, но шубка на нем кака бархатна! — Он, кот-то, был пестрый. Кот теперь на барана встал, ногтями скребет, мурчит: «мяу-мяу-мяу...» Медведь:

— Ой, какой обжористый, барана ему мало!

Тот перескакивает на быка, ногтями-то опять скребет: «мяу-мяу-мяу...»

— Вот обжористый, — медведь говорит. Волк зашевелился, листьями зашумел. Вздумал поглядеть, что за зверек.

А кот думат —мышь. У каждого же зверя свой опыт, навык. Волк когда глаза-то вытаскивать стал из листков-то, кот с быка-то раз! — ему в глаза вцепился и когтями глаза-то вытащил. Эх, волк был — да нету! А глаза остались в когтях. А кот испугался — да на дерево. А Лиса Ивановна орет:

— Ладом, Кот Котофеич, ладом его! Не будут ходить!

Медведь-то как повернулся, оттуль упал — лапу изломал, печенку в...л, селезенка вылетела — убился оттуда. Бежал, бежал, а лиса ревет все. Добежал до реки. А Левонид-то Иванович тут плавает, вылезти не может.

— Кто тут?

— Левонид Иванович.

— А ты кто?

— Михаил Иванович.

— Скажи моей Настеньке, пускай с ребятишками меня вытащат. Вытаскал мне глаза Кот-то Котофеич!

Медведь выбрался, идет волчуха, Анастасия Петровна.

— Иди скорей с ребятишками! Твой муж лежит в речке, ему Кот Котофеич глаза вытаскал. Скажи своим детям, чтоб в этот лес не ходили, потому что тут завелся Кот Котофеич, из сибирских лесов главнокомандующий.

Сам бежит опеть.

— Эй, Машутка, скорее беги ко мне. У меня все вылетело: и рука, и нога, и селезенка!

Прибежали ребятишки, Вася да Ваня, схватили его, повели Михаила Ивановича. А Кот Котофеич с Лисой Ивановной и счас за гольцом у нас живут.

12. Волк и козлятки

Коза построила в лесу избушку на курьих ножках, на петушьей голове. Стала жить. Прошло несколько время, и у ней родились козлятки. И вот коза стала ходить пастись, а козлятки остаются в это время дома. Она им перед уходом наказывает, что надо остерегаться волка:

— Не открывайте волку двери, не запускайте его, а то он вас съест. — И присказывает им: — Вы слушайте внимательно. Если я буду стучаться, пропойю вам песенку:

Детушки-малолетушки!
Отложитесь, отворитесь.
Ваша мама пришла,
Молочка принесла.
По титечкам, по копытечкам
Молочко течет! —

Вот тогда вы отлаживайтесь, это, значит, я пришла. А больше не открывайте никому. — Козлята выслушали внимательно.

Узнал волк, что в избушке живут козлятки, и решил их съесть. Спрятался за кустик и прислушался. Коза собралась пастись, наказывает козляткам не пускать чужих:

— Вот так приду, запою вам:

Детушки-малолетушки!
Отложитесь, отопритесь.
Ваша мама пришла,
Молочка принесла.

По титечкам, по копытечкам
Молочко плывет! —

Вот тогда вы открывайте.

А волк это услышал и запомнил. Козлиха ушла в лес, он подождал несколько время, потом постучал в дверь. Козлятки подбежали, спрашивают:

— Кто такой? — Он запел:

Вы козляты, мои деточки!
Отложитесь, отворитесь.
Ваша мать пришла,
Молочка принесла.
По титечкам, по копытечкам
Молочко плывет!

— Нет, это не наша мама! У нашей мамы не такой голос, ты нас не обманешь! — закричали все козлятки хором. Волк подумал: «Да, действительно, у меня голос грубый». Пошел в деревню к кузнецу, подклепал себе язык, потоньше чтоб был, и вернулся. Постучал к козляткам — козлятки подскочили к двери. И он, точно как коза, запел им:

Детушки-малолетушки!
Отворитесь, отопритесь.
Ваша мама пришла,
Молочка принесла.
По титечкам, по копытечкам
Молоко плывет!

Козлятки открыли ему. Волк забежал и давай их по одному ловить и глотать. А один козленок залез в печку. Там была плита, дверка открыта — он заскочил и таким образом спасся.

Приходит козлиха. Ой, дверь по́ла, козляток нет! И вот слышит: кто-то в печке шевелится. Заглянула — там один козленочек остался, живой. Коза взяла его на ручки, стала спрашивать, в чем тут дело. Он ей все рассказал:

— Пришел волк и стал кричать громким голосом. Мы поняли, что это не ты, и не открыли ему. Он пошел, перековал свой язык и стал петь точно как ты сама, мама. Мы отложились, и он всех сглотал козлят, токо я один спасся в печке.

Но что ж. Пошла козлиха по лесу искать волка. Козленочка взяла с собой. Вышла на поляночку и видит: волк лежит кверху животом — набил в него этих козлят. Козлиха подошла, как копытом дала волку по животу — все козляты живыми выскочили из него. И побежали за матерью домой.

13. Мужик и медведь

Мужик подружился с медведем. Вместе косят, вместе в поле работают. Подходящие у них дело идет. И один раз на сенокосе мужик приустал, решил отдохнуть под копной. А медведя попросил его не беспокоить пока. Вот спит.

Медведь рядом сидит, мух отгоняет: мух было много. И одна муха привязалась и привязалась, ползает по лицу. Мешает, но мужик все-таки спит. Медведь обозлился на эту муху, схватил большой камень и по этой мухе ударил камнем, по голове-то мужику! С тех пор — да ишо ране — стали говорить: «Глупый друг опаснее врага!»

14. Семь девочек и волки

Жили мужик и баба в лясу на кордоне. У них были дети — семь девочек. Хозяйство було: овечки, конь да собачка. Хлебец в амбаре. Мать и отец уехали на базар, детей оставили одних. Ребята взялись баловаться да и сожгли избу. От избы амбарец загорелся — и хлебец весь сожгли.

Вернулись родители — нету избы и хлебца нету! Надо жить как-то. На скору руку сладил мужик соломенную избенку, хлопяну дверь навесил. Стали жить без хлеба, кое-как.

Подшло время, и отец помер. Потом мать померла. Остались семь девочек. Овечки остались, конь и сучка-собачка.

Вот живут помаленечку. Съели детишки овечек. Овечек съели, ись стало нечего. Когда овечек варили и ели, то мослы клали на крыльцо. Вот волк эти мослы и учухал. Пришел к ним. Стал стучать. Стучит и прибасат:

Буку-бук,
Соломенна изба,
Хлопяна дверь,
Семь девочек в ней,
Я вас съем!

Они испугалися и спряталися. Старшая — на печку, а эти — кто под корыто, кто под таз. Волк их не может найти, говорит:

— Да чё же это, девчонки були, а теперь нету!

А она с печки отвечает:

— У нас сучка-собачка у ворот на цепи. Ступай и ее съешь.

Волк пошел, сучку-собачку с цепи ухватил и проглотил. Ушел к речке и тама пропал. Потом другой волк учухал мослы, пришел к соломенной избе, хлопяной двери. Пришел и прибасат:

Буку-бук,
Соломенна изба,

Хлопьяна дверь,
Семь девчонок в ней,
Я вас съем!

Опять девчонки испугались. Полезли: старша на печку, та под корыто, та под таз — везде попрятались. И большая опять отвечает:

— Ступай, волк, у нас конь в стойке — коня и съешь.

Волк пошел, прыгнул коню на шею и съел его. Ушел к речке и там пропал от обжорства.

Вот выпал снежок. Девчонки проголодались. Решили в сяло идти. Кто во что обулся, веревочками замотались и пошли в сяло. И их разобрали по избам. У кого не было детей, те взяли и людьми сделали.

15. Медведь — липовая нога

Жили-были старик со старухой. Посадили они репу. Выросла репа не густа, не редка — в самый раз.

И наповадилсЯ к ним в огород медведь, репку есть. Старик пошел посмотреть, видит: кто-то все грядки испохабил, чуть весь урожай не кончил. Пришел к старухе и говорит:

— Кто-то у нас репу ворует.

— А ты бы пошел да покараулил.

Собрался старик, взял топор и пошел в огород. Сел у плетня и ждет. Сидит.

Вот идет медведь. Подошел к огороду и стал через плетень перелезть. Только ногу за плетень перекинул, старик размахнулся и отрубил ее топором. Медведь заревел и убежал на трех ногах. Старик взял ногу, принес домой.

— Вот кто у нас репу-то ел — медведь!

А старуха с ноги шерсть состригла, кожу выделала, а мясо сварила. Сидят они со стариком вечером. Старуха на коже медвежьей сидит, медвежьей шерсть прядет. А старик медвежье мясо ест, медвежьей костью грызет.

Медведь убежал в лес, сделал себе там липовую ногу и березовую клюку. Идет в деревню к старикам, сам приговаривает:

Скрип-скрип — липовая нога,
Скрип-скрип — березовая клюка!
И земля-то спит, и вода-то спит,
Одна бабка не спит.
На коже моей сидит,
Мою шерсть прядет,
Мясо ест!

Услыхали старик со старухой, испугались. Скорей свет потушили и подполье открыли. Медведь дверь выворотил, в избу залез и давай в темноте

шариться, старика и старуху искать. Шарился, шарился и в подполье свалился.

Старик с печки соскочил, подполье западной закрыл и бочкой с водой придавил. Сел с топором караулить, а старуха побежала по деревне людей на помощь звать, медведя убивать.

Люди прибежали, медведя убили, мясо сварили и всю деревню накормили.

16. Вершки и корешки

Мужик с медведем сговорились работать вместе. Вот пришла весна, они посеяли вместе пшеницу. Теперь медведь и говорит:

— Когда урожай подоспел, делить будем — тебе вершки, а мне корешки. —

Мужик:

— Во, давай! Мне вершки, а тебе корешки.

Вот оба ходят, наблюдают. Выродилась пшеница.

Убрали, давай делить. Мужiku достались вершки — колоски-то, а медведю корешки — солома да корень, стерня. Теперь медведь копнет стебель, а там ничего нету. Но он не стал супориться. На другой год стали сеять брюкву. Медведь говорит:

— На этот раз, мужик, бери корешки, а мне давай вершки.

Мужик опять обрадовался: в брюкве толк-от в корешках, а вверху — листья. Посеяли. Медведь ходит, приговаривает:

— Твои корешки, мои вершки!

Теперь опять осень. Когда брюкву убирать стали, давай делиться. Мужiku вся брюква и досталась, а медведь ботву сгреб. Попробовал — ее же есть нельзя! И зарекся медведь с мужиком одним хозяйством жить. Разделились.

17. Про храброго мышонка

Вот жила-была мышь Турица. Раз вышла она из-под печи и говорит:

— Где наш царь Кучурим? — Ей крыса отвечает:

— На Каменных пещерах. Он сейчас оттуда будет спускаться и с вами воеваться!

Турица стала плакать-горевать, куда ей малых детушек девать. А у ней были мышоночки: Шиша, Епиша, Омелька и Митроша — самый маленький.

Вот кот — царь Кучурим — стал с предпечки спускаться, чтобы с ними воеваться. А Митроша был храбрый. Кучурим хотел его поймать-то, а он — прыг! — да коту-то на спину как сяд, да как начал его за уши греть! Кот — туды-сюды! — испугался. Тут подскочил мышонок Омелька, схватил за хвост кота и начал объедать!

И коту-то хвост объели, уши объели и у глаз-то брови объели. И кот теперь ходит слепой. Ревет: «Меня, меня обидели!»

18. Коза-борза

Жил-был старик со старухой. У них была дочка — но, примерно, назовем Надя. У них была коза. Старик раз говорит:

— Но-ка, Надя, гони козу пасти! — Вот она пасла, пасла целый день, гонит назад. Старик сидит у ворот.

— Но чё, коза-борза, пила ли, ела ли?

— Ой, хозяин...

Скочила через мосточек —

Ухватила кленовый листочек,

Скочила через гребелку —

Ухватила воды капелку — вот так пила и ела!

Старик осердился, бил-бил свою Наденьку, бил-бил — выгнал. Говорит старухе:

— Но-ка ты, Устинья, гони имануху пасти! — Она погнала. Вот пасла, пасла, гонит назад. Старик сидит у ворот.

— Но чё, коза-борза, пила ли, ела ли?

— Ой, хозяин...

Скочила через мосточек —

Ухватила кленовый листочек.

Скочила через гребелку —

Ухватила воды капелку — пила и ела!

Вот старик Устинью бил-бил:

— Ты что? Заморила! — Выгнал и ее. Погнал сам пасти. Пас, пас, погнал домой. Опередил и сяд у ворот.

— Но, коза-борза, пила ли, ела ли?

— Ой, хозяин...

Скочила через мосточек —

Ухватила кленовый листочек,

Скочила через гребелку —

Ухватила воды капелку — пила и ела!

Ох старик рассердился, зачем он выгнал старуху с дочкой?! Надо эту козу заколоть! Поймал имануху, взял веревку, а веревка-то слабовата была. Цоп ее. Хотел только ножиком в глотку — эх, коза была — да нету... Вырвалась, веревку изорвала, убежала. Бежала, бежала. Бежит по кустам. Теперь увидела под кустиком балагашек. Она забегат в этот балагашек, ложится. А это заячья избушка. Зайчик приходит:

— Кто тут в моей избушке?

— Я, коза-борза,
За три гроша куплена.
Топы-топы ногами,
Забоду я рогами.
Рогами забоду,
Ногами затопчу!
Хвостиком замету!

Вот заяц убежал. Плакал, плакал. Бежит лиса.

— Что, зайчик, плакашь?

— Как же мне не плакать?! Поселился под кустиком, а кто-то зашел в мою избушку!

— А ты меняпустишь перезимовать? Я ее выгоню!

— Ой, пустю, Лиса Ивановна!

Подошли к избушке, лиса закричала:

— Кто в заячьей избушке?

— Я, коза-борза,
За три гроша куплена.
Топы-топы ногами.
Забоду рогами.
Рогами забоду,
Ногами затопчу.
Хвостиком замету!

Лисица поклонилась зайцу:

— До свидания, заяц, побегу к своим детишкам.

Но теперь зайчик опять идет, плачет. Попадат ему волк.

— Что, зайчик, плачешь?

— Дак вот тако и тако дело: кто-то в моей избушке поселился и меня не пушшат.

— А ты меняпустишь прозимовать?

— Пустю, только выгони.

— Я выгоню! — волк отвечает. Подошли к балагашку, волк говорит:

— Кто в заячьей избушке — выходи!

— Я, коза-борза,
За три гроша куплена,
Топы-топы ногами,
Забоду рогами.
Рогами забоду,
Ногами затопчу,
Хвостиком замету!

Волк струсил.

— До свидания, заяц. У меня дома не в порядке, надо бежать.

Опять ничё не получилось. Сказка-то скоро сказывается, а дело долго идет. Вот в деревне хозяйка пошла по воду на Газимур². За ней пошел петух. Видят: ходит заяц по бережку и плачет. Это дело было в апреле, скажем. Но и ходит.

— Что ты, заяц, плачешь?

— Ой, Петр Петрович Петухов! Кто-то в избушке поселился, и вот хожу всю зимочку, плачу.

— Пусти меня пожить с тобой, я выгоню!

— Ой, пойдем, Петр Петрович Петухов!

Приходят. Петух кричит:

— Кто в заячьей избушке поселился?

— Я, коза-борза,
За три гроша куплена.
Топы-топы ногами.
Забоду рогами.
Рогами забоду,
Ногами затопчу,
Хвостиком замету!

Он:

— Ку-ка-реку!
Я Петр Петрович Петухов!
Иду на ногах
В красненьких сапогах,
Несу косу —
Тебе с плечей голову несую!

Как коза пыхнет с печки — упала тут на льду. Вот она ее заклевали, съели, шкуру ободрали — на пол постлали. Стали жить-поживать да добра наживать.

19. Колобок

Жил-был старик со старухой. Старик и говорит:

— Старуха, испеки колобок!

Старуха пошла, по сусекам мела, по уголкам скребла — квашонку навела. Завела квашонку, стала стряпать. Состряпала колобок, посадила в печь. Вытащила из печи — надо постудить его. Вот посадила его на лавочку к окошечку, скорее чтоб остыл.

² Река в Забайкалье, левый приток Аргуни.

А колобок покатился. Покатился — с окошечка на завалинку, с завалинки по деревне. По улице покатился.

Вот за ём собаки бежали, бежали. А он говорит:

— Я от дедки ушел,
Я от бабки ушел,
А от вас, собаки,
Тоже убегу!

Убежал. Катится, а навстречу заяц:

— Ты что за зверь, за зверица?

— А я колобок.
Я по сусечкам скребен,
По уголочкам метен,
В квашонке замешен,
В печке испечен,
На окошке стужен.
Я от дедки ушел,
Я от бабки ушел,
От семи кобелей ушел
И от тебя, заяц, убегу!

Убежал. Теперь катится дальше, бежит волк.

— Что за зверь ли зверица? Я тебя съем!

— Нет, ты меня не съешь, я тебе песенку спою:

Я по сусечкам скребен,
По уголкам метен,
В квашонке заведен,
В печке испечен,
На окошке стужен,
Я от бабушки ушел,
И от бабки ушел,
От семи кобелей и от зайца,
От тебя, волк, я убегу.

Убежал. Теперь бежал, бежал, встречу ему лиса.

— Что за зверь ли зверица?

— Я колобок.

— О-ё-ё! Я тебя не видывала. Ты садись-ка мне на спинку да спой песенку. — Колобок лисе на спину сел и запел:

— Я колобок,
Я по сусечкам скребен,

По уголкам метен,
В квашонке заведен,
В печке испечен,
На окошке стужен.
Я от дедки ушел,
И от бабки ушел,
От семи кобелей ушел,
От зайца ушел,
И от волка ушел,
От тебя, лиса, тоже уйду!

— Ой-ё-ёй, колобок! Я же глуха, ничё не слышу. Ты садись-ка ко мне на ушки-то. Я ничё не слышу. Да спой, красавец, песню. Я люблю красивые песни. — Вот он опять начал:

— Я по сусечкам скребен,
По уголочкам метен,
Я в квашонке заведен.
В печке испечен,
На окошке стужен.
Я от дедушки ушел,
И от бабушки ушел,
От семи кобелей ушел,
И от зайца ушел,
Я от волка ушел,
От тебя, лиса, тоже уйду!

— Ой-ё-ёй, колобок! Я, видать, совсем глуха стала! Ничё не слышу! Ты садись-ка ко мне на язычок да свою бравеньку песенку пропой!

Она хитра, лиса! Он только ей сяд на язычок-то, затащит:

— По сусечкам скребен... — она его цоп — и съела.

20. Почему собаки гоняют кошек, а кошки мышей

Жил-был царь. Один раз поехал он охотиться зимой. Его слуги выгнали медведя из берлоги, медведь бросился на царя и сбил его с ног.

В это время слуги отпустили собак. Собаки набросились на медведя и спасли царя от смерти. Решил царь наградить собак: велел всем собакам, где какие есть, бесплатно давать мясо. И грамоту выдал, чтобы все подданные кормили собак мясом.

Тогда собаки дружно жили с кошками. Во всем им доверяли. Куда девать царскую грамоту? Решили отдать на хранение кошкам.

Кошки взяли эту грамоту и решили спрятать ее на чердаке. Положили на чердаке и велели мышам караулить. Взялись мыши караулить грамоту.

Вот живут собаки хорошо, мяса им хватает, даже кошкам остается. А про мышей забыли. Мыши ждали, ждали и стали грызть грамоту от голода. Изгрызли ее всю.

А у людей мяса стало мало, и они перестали отдавать его собакам. Собаки рассердились и велели кошкам принести царску грамоту, чтобы заставить людей давать им мясо. Побежали кошки, залезли на чердак. А мыши испугались, что им плохо теперь будет, раз не сберегли грамоту, и разбежались.

И вот с тех пор собаки гоняют кошек, что не сберегли царскую грамоту, а кошки гоняют мышей за то, что мыши съели ее.

21. Почему у кукушки гнезда нет

Сорока всех птиц учила гнезда вить. Вот, гыт, стала учить ворона:

— Вот так, вот так. Хворостинку притащи. Вот так, вот так!

Научила. Там другу птицу гнездить — всех научила.

Вот начала кукушку учить. Хворостинку положит и говорит:

— Вот так, вот так! — Другу положит: — Вот так, вот так!

А кукушка говорит:

— Не трудно, не трудно, не трудно!

Та опять хворостину кладет, она ей:

— Не трудно, не трудно, не трудно!

Сорока осердилась, улетела, и кукушка не стала вить себе гнезда. Не стала, и вот она то у коршуна, то у ястреба в гнезде яичко снесет и улетит. А своей семьи не знает.

22. Пузырек и уголек

Пузырек и уголек договорились езок строить. Вот таскают. Пузырек тащит соломинку, уголек другу. Таскали, таскали — загородили езочек. Стали ждать.

Рыбы много в езочек налезло. Уголек говорит:

— Но лезь, пузырек, рыбу вытаскивай! — Пузырек говорит:

— Нет, ты, уголек, лезь!

Вот спорили, спорили. Теперь уголек полез. На соломинку встал — она перегорела. Он на другу — пыхнуло! В воду провалился этот уголек — зашипел, задымил.

А пузырек на берегу хохотал, хохотал — упал и лопнул.

Волшебные сказки

23. Бурка, Каурка и синегривый конь

Жил-был старик. Было у него три сына: Афанасий, Василий и Иван. Старшие братья умные, а Иван — дурачок. Старик стал умирать и наказывает старшему сыну:

— Когда умру, ты в первую ночь приходи ко мне на могилу, на кладбище.

Умер старик, надо идти Афанасию на могилу. Он и толкует:

— Ты, Иван, иди. У меня завтра жена будет пекчи блины, я тебе блин дам.

Ванюшка пошел. Вдруг могила открывается, выходит его отец.

— Это ты, Афоня, пришел?

— Нет, тятя, это я пришел.

— А чё Афоня не пришел?

— А его жена будет блины пекчи, он даст мне блин. Вот я пошел.

— Но, Ванюшка, вот я тебе подарок даю.

Свистнул, гаркнул молодецким голосом, богатырским посвистом:

— Будь, мой бурый конь, на пору готов!

Конь бежит — земля трещит, из носу пламя пышет, из-под хвоста головешки летят.

— Встань передо мной, как лист перед травой! — Конь встал. Отец в право ушко влез, в лево вылез, всю богатырскую сбрую вынес. Седлал он коврички на коврички, черкасско седёлочко о двенадцати подпруг шелковых. Шелк не рвется, булат не гнется, чисто серебро в земле не ржавеет.

— Вот, Ваня, тебе подарочек. — В лево ушко влез, в право вылез, всю богатырскую сбрую оставил. — Вот, Ванюшка, тебе конь. Когда трудно будет, его кричи (но или по-нашему — реви). — Назавтра очередь идти Василию.

— Но, Василий, иди к тятке.

— А ты, Ванька, чё, тятку видел?

— А ты из земли выйдешь?

— Нет, не выйду. Но ты, Ванька, иди, баба моя будет пекчи шаньги, я тебе большу шаньгу дам.

А Ванюшка все за печкой сидел, тараканов месил. Его и не кормили, раз глупый был, дак глупый. Ванюшка вышел, пошел. Вот могила открывается.

— Чё, ты, Вася, пришел?

— Нет, это, тятка, я пришел.

— А чё Васька не пошел?

— А он сказал, что его баба будет пекчи шаньги, он мне даст шаньгу.

— Вот, Ванюшка, я тебе другой подарочек дам.

Свистнул отец, гаркнул молодецким голосом, богатырским посвистом:

— Будь, мой каурый конь, на пору готов.

Каурый конь бежит — земля дрожит, из-под копыт искры летят, из ноздрей пламя пышет, из ж... головешки летят — из-под хвоста.

— Встань передо мной, как лист перед травой!

Конь остановился. Он в право ушко влез, в лево вылез, всю богатырскую сбрую вынес. Седлал коврички на коврички, черкасско седёлочко о двенадцати подпруг шелковых. Шелк не рвется, булат не гнется, чисто серебро в земле не ржавеет.

— Вот, Ванюшка, тебе подарочек. Когда тебе нужно, скомандуй — конь прибежит.

Потом в лево ушко влез, в право вылез, всю сбрую там оставил. Приходит Ванюшка домой.

— Но чё, отец вылез к тебе?

— Ты попробуй из земли вылезти.

На третью ночь приходит очередь Ванюшке идти ночевать к отцу на могилу. Никто его не покормит! Вот теперь Ванюшка пришел. Отец выходит из могилы.

— Чё, Ваня, пришел?

— Пришел.

— Но вот тебе последний подарочек, больше ты ко мне не ходи.

Опять так же свистнул, гаркнул молодецким голосом, богатырским посвистом:

— Будь, мой синегривый конь, на пору готов!

Конь бежит — из-под копыт искры летят, из-под хвоста головешки, а из ноздрей пламя пышет.

— Встань передо мной, как лист перед травой.

Синегривый конь остановился, отец в право ушко влез, в лево вылез, всю богатырскую сбрую вынес. Седлал так же коврички на коврички, седло черкасско о двенадцати подпруг шелковых. Шелк не рвется, булат не гнется, чисто серебро в земле не ржавеет.

— Вот, Ванюшка, как тебе трудно будет, ты коня реви.

А оне, эти братья, занимались кожевенным делом. Ванюшка все кожи сидел мял, все братья его не кормили. Раньше знаете, как жили. Но, теперь услышали братья клич, что у царя дочь ищет жениха хорошего. Но братья собираются на съезд. А она сидит на первом этаже. Ваня подходит:

— Братья, мне тоже отец-то дал наделочек, дайте мне хоть каку-нибудь клячонку царевну съездить поглядеть!

— Сиди, сопляк, куда ты поедешь!

— Да чё, братья, наделок отцов есть.

— Бери тогда вон хрому Воронуху.

Ваня сел на кобылу, выехал за поскотину, там кобылу в лоб.

— Ешьте, сороки-вороны, поминайте батькину душу! — Но свистнул, гаркнул молодецким голосом, богатырским посвистом:

— Будь, мой бурый конь, на пору готов!

Конь бежит — земля дрожит, из ноздрей пламя пышет, из ушей дым валит, из-под копыт искры летят, из-под хвоста головешки.

— Встань передо мной, как лист перед травой!

Конь остановился. Ваня ему в право ухо влез, в лево вылез, всю богатырскую сбрую вынес. Клал коврички на коврички, седлал седло черкасско о двенадцати подпруг шелковых. Шелк не рвется, булат не гнется, чисто серебро в земле не ржавеет. Обседлал, пустился братьев догонять. Подлетат к им, того плетью — раз! Другого — плетью. А там уже царевна сидит на первом этаже. Народу — полно там у царского дворца. Вот видят: богатырь летит! Только ой-ё-ёй! Прыгнул, но не достал этот конь до царевны. Все кричат:

— Имай, хватай!

Ваня ускакал, коня отпустил, сам домой пришел. Вот приезжают братья, жены их спрашивают:

— Но чё?

— Вот, какой-то богатырь приехал, нас плетью выходил.

А Ваня:

— Не я ли это, братья, был?

— Замолчи, сопляк едакий, куда тебе! Где Воронуха?

— А я поехал, она упала, ее собаки съели — пускай поминают тяткину душу.

Но назавтра сля красавица царская дочь на второй этаж. Опять афиши, объявления: кто достанет до нее на коне, за того и выйдет замуж. Братья старшие засобирались посмотреть. Ваня к им:

— Дайте, братья, мне каку-нибудь клячку.

Те не дают, а Ваня не отстает.

— Но бери, дурак, Саврасуху.

Уехали братья, а Ваня за поскотину выехал, кобыла под ним упала. Он ее кулаком в лоб, шкуру на огород, кости под огород.

— Нате, сороки-вороны, ешьте, поминайте тяткину душу!

Сам крикнул молодецким голосом, свистнул богатырским посвистом:

— Будь, мой каурый конь, на пору готов!

Каурый конь бежит — земля дрожит, из-под копыт искры летят, из ноздрей пламя пышет, из-под хвоста головешки летят!

— Встань передо мной, как лист перед травой!

Конь встал. Ваня ему в право ухо влез, в лево вылез, всю богатырскую сбрую вынес. Клал коврички на коврички, седлал седло черкасско о двенадцать подпруг шелковых. Шелк не рвется, булат не гнется, чисто серебро в земле не ржавеет. Поскакал. Едет, братья бегут, он даже через телегу перескочил. Царевна сидит на втором этаже. Он скакнул, но не достал маленько чё-то. Все кричат:

— Имай, хватай! — Но только его и видели.

Прискакал домой, в лево ушко влез, в право вылез, всю богатырскую сбрую там оставил, коня отпустил. Заходит домой, а скоро и братья вернулись, рассказывают:

— Оё-ё! Богатырь на кауrom коне был, все: «Хватай, имай!» — поймать не могли.

— Не я ли, братья?

— Молчи, дурак сопливый.

Вот назавтра ишо объявляют:

— Садится красавица на третий этаж, кто до нее на коне достанет, за того и выйдет.

Братья засобирались, Ваня тоже просится:

— Дайте, братья, клячонку получше?

— Да мы тебе давали.

— Оне же упали, сдохли. Пускай вороны клюют, тяткину душу поминают.

Дали ему Карюху. Братья оделись шикарно, уехали. Тепериче Ваня едет за поскотину. Кобыла упала. Он шкуру на огород, мясо под огород. Свистнул, гаркнул молодецким голосом, богатырским посвистом. Конь бежит — земля дрожит, из ноздрей пламя пышет, из-под хвоста головешки летят.

— Встань, синегривый конь, передо мной, как лист перед травой! — Синегривый конь встал. Ваня ему в право ухо влез, в лево вылез, всю богатырскую сбрую вынес. Клал коврички на коврички, седлал седло черкасско о двенадцать подпруг шелковых. Шелк не рвется, булат не гнется, чисто серебро в земле не ржавеет. Сел на коня, поскакал, только мимо братьев просвистел. А там царевна сидит на третьем этаже. Народ увидел богатыря, закричал:

— Вот летит! Вот летит! — Он на коне скакнул и достал до царевны, и ее поцеловал. А у нее был молоток тавренный. Она его раз в лоб — тавро посадила. Все кричат:

— Имай! Хватай! — Куда там! Ускакал Ваня на своем синегривом коне. Где его поймаешь? Прилетат домой, отпускают коня. В лево ухо ему влез, в право вылез, всю богатырскую сбрую там оставил.

Вот царь собрал весь народ, одного Вани нет. Жениха ждут, а найти не могут. А Ваня привязал на лоб тряпицу. Приезжат царь в их деревню. Вытащили Ваню из кож.

— Чё у тебя на лбу?

Он говорит, что упал. С него тряпицу сняли, лоб оммыли — у него клеймо. Привели к царю, спрашивают:

— Это ты был?

— Я.

— А кто тебя научил?

— Это тятка помог. Первый, бурый конь, предназначался Афоне, но он не пошел к отцу на могилу, — мне достался. Каурый конь должен быть Василию. Тоже мне тятка отдал. А синегривый — мой. Вот я и скакал на них.

Притащили ему чистой воды ключевой, он умылся и сделался сильным богатырем. И вот оне с царевной обвенчались, сделали свадьбу. Я тут был, вино пил, по усам текло, в рот не попало.

24. Кобылица-златыница, свинка — золота щетинка и золоторогий олень

Жил старик. Он был богатырь, этот старик. У него были сыновья: Данилушка, Гаврилушка и Ванюшка-дурак. А он не дурак, только рожденный так. Он лучше всех был. Вот отец и говорит сыновьям:

— Когда я помру, вы каждую ночь приходите ко мне на могилу. Три ночи приходите.

Умер отец, его похоронили. Вот Ванюшка и говорит:

— Данила, иди на могилу!

— А я, — говорит, — кого там забыл?

— Гаврила, иди на могилу!

— А я кого забыл?

Вот Ванюшка надеет иманушку, берет хлеба краюшку, взял дубину и пошел на могилу. Приходит.

— Тут ли ты, батюшка?

— Тут. Кто пришел, Данилушка?

— Нет.

— Гаврилушка?

— Нет.

— Ванюшка?

— Я, батюшка.

Глуха полночь приходит, отец из могилы выходит. Свистнул по-молодецки, гаркнул по-богатырски:

— Где мой Бурка-космач ни гулял, был бы на пору готов!

Бурка бежит — мать-сыра земля дрожит, леса ломаются, трава клонится. Зелены луга хвостом застилает, между ног мелкие реки пускает, из-под копыт головы летят, из ноздрей пал пышет, из ушей дым столбом идет. Встал перед его, как лист перед травой.

Вот отец коня похлопал, потрепал, в чисто поле отпускал.

— Как мне служил, так служи и Ванюшке!

Коня отпустил, а сам опять в могилу залез.

Вот Ванюшка приходит домой, братья спрашивают:

— Но чё, тебе отец ково дал?

— А ково он мне даст? До церкви дубиной гнал!

— Но вот, ходи — он будет тебя попугивать.

Вот на другую ночь очередь Гавриле идти на могилу.

— Иди, Гаврила, — Ванюшка говорит, — на могилу.

— А я ково там забыл? Тебя дубиной прогнал и меня прогонит. — Не пошел.

Вот Ванюшка опять надел имануху, взял хлеба краюху, взял дубину, пошел на могилу. Пришел, стукнул дубинкой по могилке.

— Тут ли ты, батюшка?

— Тут. Кто пришел? Гаврилушка?

— Нет.

— Ванюшка?

— Я, батюшка.

Вот опять глуха полночь приходит — отец из могилы выходит. Свистнул по-молодецки, гаркнул по-богатырски:

— Где мой Бурка-космач ни гулял, был бы на пору готов!

Вот Бурка бежит — мать-сыра земля дрожит. Лес ломится, трава клонится, зелены луга хвостом застилает, промеж ног мелки реки пропускает, из ноздрей пал пышет, из ушей дым столбом валит. Вот стал перед его, как лист перед травой. Отец в право ухо влез, в лево вылез — всю богатырскую сбрую вынес. На себя и на коня. Седлал его: потнички на потнички, коврички на коврички, сверх ковричков черкасское седло о двенадцати подпругах, подпруг шелковых. Шелк шамотинский. Шелк не рвется, булат не гнется, чистое серебро в грязи не ржавеет. Вставал на стремя тальянско, садился в седло черкасско, отправлялся добрый молодец. Драл своего коня по крутым бедрам. Конь его рассержался, от земли отделялся — скакал выше леса стоячего, ниже облака ходячего.

Вот прибежал обратно, слез. В лево ухо влез, в право вылез — всю эту богатырскую сбрую там оставил. Похлопал коня, потрепал, в чисто поле отпустил.

— Как мне служил, так и Ванюшке служи! — И опять залез в могилу, а Ванюшка домой пошел. Там его братья спрашивают:

— Кого тебе отец дал?

— А кого он мне даст? До церкви меня дубиной прогнал.

— Но вот ходи — он тебя будет попугивать.

На третью ночь Ванюшкина очередь. Он никого не отправляет. Сразу надеет имануху, берет хлеба краюху, взял дубинку и пошел на могилку. Стукнул:

— Тут ли ты, батюшка?

— Тут, кто пришел? Ванюшка?

— Я, батюшка.

Вот глуха полночь приходит — отец из могилы выходит. Свистнул по-молодецки, гаркнул по-богатырски:

— Где мой Бурка-космач ни гулял, был бы на пору готов!

Вот Бурка бежит — мать-сыра земля дрожит, лес ломится, трава клонится. Зелены луга хвостом застилает, между ног мелки реки пропускает, из-под копыт головешки летят, из ноздрей пал пышет, из ушей дым столбом идет. Стал перед его, как лист перед травой. Вот отец Ванюшке велел так же делать. Ванюшка коню в право ухо влез, в лево вылез — всю богатырскую сбрую вынес. Седлал его: потнички на потнички, коврички на коврички, сверх ковричков — седло о двенадцати подпругах шелковых, шелк шамотинский. Шелк не рвется, булат не гнется, чисто серебро в грязи не ржавеет. Скакал выше леса стоячего, ниже облачка ходячего. Вот прибежал назад. Ванюшка с коня слезал, в лево ухо влез, а в право ухо вылез — всю богатырскую сбрую оставил там, в ухе. Отец опять говорит коню:

— Как мне служил, так и Ванюшке служи!

Вот Ванюшка распрощался с отцом, и этот конь ему достался. Пустил его Ванюшка в чисто поле, в широко раздолье. Сам домой пришел.

— Но, ково тебе отец дал?

— Никого не дал. До церкви дубиной гнал.

А сам соплями замазался, тряпицами завесился, корчагу на голову — сел на печку и сидит. Вот братья бегают. Там царь посадил свою дочь в терем на три этажа и объявил:

— Кто ее достанет, за того и замуж отдам! — Братья чешутся, мажутся, на бал собираются.

Ванюшка и говорит:

— Братья, я тоже поеду. Дайте мне кобылу!

— Да ты что, дурак. Тебя свяжут, и нам не уйти! Ты всех людей насмешишь.

— Но дайте мне кобылу, я хоть бабам грибов наберу.

— Тогда бери вон ту, еле ходит, ее черви едят.

Братья уехали на бал. А Ванюшка взял эту кобылу, сел задом наперед, хвост в зубы берет. Доехал до огорода, за хвост дернул — шкуру на огород, мясо под огород:

— Ешьте, сороки-вороны, поминайте моего батюшку!

А сам пошел в чистое поле, в широко раздолье. Свистнул по-молодецки, гаркнул по-богатырски:

— Где мой Бурка-космач ни гулял, был бы на пору готов!

Вот Бурка бежит — мать-сыра земля дрожит, лес ломится, трава клонится. Зелены луга хвостом застилает, промеж ног мелки реки пропускает, из ноздрей пал пышет, из ушей дым столбом валит.

Стал перед его, как лист перед травой. Ванюшка коню в право ухо влез, в лево вылез — всю богатырскую сбрую вынес, на себя и на коня. Седлал его: потнички на потнички, коврички на коврички, сверх ковричков черкасско седло о двенадцати подпругах шелковых — шелк шамотинский. Шелк не рвется, булат не гнется, чисто серебро в грязи не ржавеет. Вставал на стремя тальянско, садился в седло черкасско, отправлялся добрый молодец. Драл своего коня по крутым бедрам. Конь его рассержался, от земли отделялся — скакал выше леса стоячего, ниже облака ходячего.

Братьев обогнал Ванюшка, скакнул и заскочил на первый этаж. А его только и видели. Вот склики скликают, барабаны бьют:

— Кто был? Царь-царевич, король-королевич? Или сильный, могучий богатырь?

А он взвился птицей. Приехал, коня в чисто поле отпустил. Грибов бабам набрал и опять залез на печку. Тряпицами завесился, корчагу на голову надел. Вот братья приехали, говорят:

— Кто такой был: царь-царевич, король-королевич или сильный, могучий богатырь? На первый этаж заскочил и птицей улетел.

— А не я ли, братья, там был?

— Ох ты, дурак едакий! Тебя свяжут, да и нам не уйти!

— А вот я-то и был.

Назавтре опять братья чешутся, мажутся, на бал посылаются. Ванюшка опять просится:

— Дайте кого-нибудь мне, кобыленку, я хоть бабам грибов наберу.

— Да ты все обдерешь тут! Но вон иди, иману возьми.

Ванюшка поймал иману, сел задом наперед, хвост в зубы берет. Доехал до огорода, дернул иману за хвост — шкуру на огород, мясо под огород.

— Ешьте, сороки-вороны, поминайте моего батюшку!

А сам опять пошел в чисто поле, в широко раздолье, свистнул по-молодецки, гаркнул по-богатырски. Конь к нему прибежал, Ванюшка на него сел. Драл по крутым бедрам — конь скакал выше леса стоячего, ниже облака ходячего. Полетел, заскочил на второй этаж. Тут совсем народ ладушки бьет: кто такой? Он птицей взвился, улетел. Бабам грибов набрал, пришел и на печку сел. Опять замазлся, закутался, корчагу на голову — и сидит.

Вот братья приехали, рассказывают.

— А чё, не я ли там был?

— Ох ты, дурак ты такой! Да тебя свяжут, и нам не уйти!

— А вот я-то и был. — На третий день опять братья собираются ехать. Ванюшка просится.

— Дайте кого-нибудь, я хоть по грибы съезжу.

— Но вот там жеребенка возьми — издавили волки. Езжай по грибы.

Вот он едак же сделал: до ограды доехал, за хвост издавленного жеребенка дернул — шкуру на огород, мясо под огород:

— Ешьте, сороки-вороны, поминайте батюшку! — Сам пошел в чисто поле. Свистнул по-молодецки, гаркнул-по богатырски:

— Где мой Бурка-космач ни гулял, был бы на пору готов!

Бурка бежит — мать-сыра земля дрожит, лес ломится, трава клонится, зелены луга хвостом застилает, промежду ног мелкие реки пускает, из ноздрей пал пышет, из ушей дым столбом валит. Стал перед его, как лист перед травой.

Ванюшка в право ухо влез, в лево вылез — всю богатырскую сбрую вынес, на себя и на коня. Клал потнички на потнички, коврички на коврички, поверх ковричков черкасское седло о двенадцати подпругах шелковых, шелк шамотинский. Шелк не рвется, булат не гнется, чисто серебро в грязе не ржавеет. Вставал на стремя тальянское, садился в седло черкасское, драл своего коня по крутым бедрам. Конь рассержался, от земли отделялся — скакал выше леса стоячего, ниже облака ходячего.

Прискакал к царскому терему и на третий этаж залетел. А царевна под этот момент Ванюшку золотым кольцом ударила в лоб, и у него стало воссиять. Народ ревет:

— Лови! Держи! — А его и след простыл.

Приезжает домой, коня отпускает. Всяких грибов — червенистых, всяких — бабам насобирал, нарвал. Лоб залепил, домой прибежал. Закутался, замазлся, на печку залез.

Но, сказка-то скоро сказывается, а время-то много идет. Там по всем городам жениха этого ищут. Искали, искали — не нашли. А потом тут и говорят:

— А вот какой-то дурак все на печке сидит. Не он ли это был?

Царь поехал со своей дочкой. Царевна зашла, посмотрела на Ванюшку и говорит:

— Дайте-ка мне водички, я его обмою.

Взяла корчагу сняла, тряпочки размотала, Ванюшку вымыла, очистила — на лбу у него воссияло, как адали звезда! Она говорит отцу:

— Папочка, не прикажите казнить, прикажите речь говорить: вот это и есть мой жених!

А Ванюшка стал красавец — ни в сказке сказать, ни пером описать! Папонька видит, чё получилось: тако только в сказках бывает. Пришлось свадьбу играть.

Все-таки царю нелюбо, что дочка за простого мужика пошла. Думат: «Я тебя допеку!» — и вызывает к себе Ванюшку с братьями.

— Вот, Ванюшка, како дело: за такими-то горами, за такими-то лесами живет кобылица-златыница о двенадцати жеребцах. Вот кто мне эту кобылицу достанет, я тому полцарства отдам, а кто не достанет, тому мой меч — того голова с плеч!

Вот братья Ванюшкины засобирались: мы-де, пойдем, чё же: «полцарства отдам!»

Вот долго ли коротко, низко ли высоко, близко ли далеко — ходили-ходили, искали-искали. Никого не нашли. А Ванюшка вышел в чисто поле, свистнул помолодецки, гаркнул по-богатырски, заседлал своего коня и поехал. Подъезжат к медному дворцу, к нему выходит старушка. Тепериче эта старушка спросила его:

— Ты куды, дитятко, собрался?

— Да так и так: ищу кобылицу-златыницу о двенадцати жеребцах.

— О-ёханьки! Вот у меня дальше сестра живет, в серебряном дворце. Я дам тебе шкатулочку медну, ты покажешь — сестра тебе поможет.

Поехал Ванюшка дальше. Ехал, ехал — доехал до серебряного дворца. Вышла к нему старушка ишо той старе. Он ей дает шкатулочку, она узнала, что от младшей сестры. Накормила его, напоила и спрашивает:

— А куда же ты, дитятко, путь держишь?

— Я ищу кобылицу-златыницу о двенадцати жеребцах. Не знаешь ли, где она?

— О-о, не знаю! Может, моя старша сестра знает. Вот тебе шкатулка серебряна, езжай по дороге, пока не приедешь к золотому дворцу. Там живет моя старша сестра, она, может, чё знает.

Взял Ванюшка серебряну шкатулку и поехал дальше. Доехал до золотого дворца, встретила его старушка, совсем старая. Отдал ей шкатулку, она узнала, кто отправил. Накормила его.

— Куда же ты едешь?

— Ищу кобылицу-златыницу о двенадцати жеребцах.

Старушка ему и говорит:

— Я знаю, где она живет. Поезжай на закат солнца, едь десять дён. В дремучем лесу пасется кобылица-златыница о двенадцати жеребцах. Ты своего

коня отпусти, а сам садись на дуб и жди, когда прибежит кобылица и будет чесаться об этот дуб. Тут ты на нее прыгай да держись покрепче. Усидишь — будет счастье твое. — Потом эта старушка дала Ванюшке золоту шкатулку и сказала, чтобы он открыл эту шкатулку, когда есть захочет: тут будет ему пивошна-разливошна и всяка всячина. Ванюшка поблагодарил старушку и поехал дальше. Через десять дён доехал до дремучего леса. Своего Бурку отпустил в чисто поле, а сам залез на самый большой дуб и стал ждать.

Вот летит кобылица-златыница о двенадцати жеребцах, подскочила к дубу и давай шоркаться об него. Ванюшка прыгнул на нее. Стала кобылица-златыница его по белу свету носить. Носила, носила и устала. Ванюшка приехал на ней назад к этому дубу, привязал, а она и говорит человеческим голосом:

— Сколько на меня всадников ни садилось, кроме тебя никто не мог усидеть. Владей теперь мной!

Вот он ей и повладел. Вывел в чисто поле, за ней жеребцы побежали. Ванюшка свистнул по-молодецки, гаркнул по-богатырски — прибежал Бурка. Ванюшка сел на него, кобылицу в поводу повел.

Ехал, ехал — захотел поесть. Достал шкатулку золоту, отвернул ее влево — выскочили солдатики и ему все выставили. Тут и пивошна, тут и разливошна, и столы, и ковры — все! Ванюшка напился, наелся и спать лег. Он же одетый в богатырскую одежду.

А в это время подъезжают Данила да Гаврила. Они ездили, ездили, не нашли ничё. Подъезжают братья к Ванюшке. Не узнали его, боятся разбудить. Дивятся, и кто же это спит: то ли царь-царевич, то ли король-королевич, то ли могучий богатырь?

Вот он проснулся. Братья его спрашивают:

— Сколько же стоит эта кобылица-златыница о двенадцати жеребцах?

— Она не продажна, она у меня заветна.

— А какой такой завет?

— А ее тот возьмет, кто от рук и ног по пальчику отдаст. Вот это и есть завет.

Братья постояли, поморщились, друг другу говорят:

— А чё, мы же в перчатках, в обутках ходим. Заживет все! Давай отрубим. — И отрубили себе по пальчику. Отрубили и отдали Ванюшке. Он этот завет в бумажечку завернул. В карман положил. Забрали златыницу-кобылицу с двенадцатью жеребцами и увели. И царю привели, отдали. А Ванюшка, как век не бывал, будто и не ездил, и ничё, — там уж дома посиживают. Царю полцарства жалко, он снова говорит:

— Вот за такими-то горами, вот за такими-то лесами ишо есть свинка — золота щетинка и золоторогий олень. Вот если достанете, то все царство отдам и дочь отдам.

Братья опять засобирались. Чё же, довольны остались, что кобылицу-златыницу привели. Опять собираются. А Ванюшке горя мало, ничё не думат.

Уехали братья. Ходили-ходили, искали-искали — не нашли ничё. А Ванюшка ночи дождался, вышел в чисто поле, широко раздолье, свистнул

по-молодецки, гаркнул по-богатырски — прибежал к нему Бурка-космач и стал перед его, как лист перед травой.

Ванюшка заседлал коня и поехал за свинкой-золотой щетинкой и золоторогим оленем. Ехал-ехал, доехал до первой старушки, потом до второй. Третья старушка, сама старая, ему говорит, где найти свинку — золотую щетинку и золоторогого оленя. А братья сколько время ходили, искали, опять пришли на то же место. Видят: то ли царь-царевич, то ли король-королевич, то ли могучий богатырь спит. Рядом привязаны свинка — золотая щетинка и олень золоторогий. Вот дождались братья, когда Ванюшка проснулся.

— Чё, продажны у тебя свинка и олень?

— Нет, заветны.

— А чё завету?

— А вон из спины ремень и вокруг задницы с петелькой.

Поморщились. Но да чё, де, — заживет. Ить царство получим все! Все богатство. А то ить «мой меч — голова с плеч» будет. Вот согласились, вырезали друг другу из спины по ремню с петелькой вокруг задницы, отдали Ванюшке, а сами повели свинку — золотую щетинку и золоторогого оленя.

А Ванюшка уже дома. Вот теперь царь говорит братьям:

— Вас я наградо. А тебе, — Ванюшке говорит, — мой меч — твоя голова с плеч. Ты чё же не нашел? — Ванюшка говорит:

— Царско величество, не прикажи казнить, прикажи речь говорить!

— Говори, говори.

— А вот перед смертью-то мне желательно, чтоб в баньке помыться, да братья чтоб со мной мылись, и вы тоже.

— Хорошо!

Баню затопили. Вот за братьями раз отправили — не идут. А Ванюшка безо всяких пришел, разделся и вместе с царем моется.

Вдругорядь за братьями отправляют — опять не идут. Что такое? Сам царь оболосся, пошел за ними. Привел. Вот они давай раздеваться, перчатки сняли.

— А это что у вас пальчики отрублены?

— А вот, — Ванюшка за них отвечает, — ваше царско величество, эти пальчики-то — кобылица-златыница и двенадцать жеребцов. Это завет. Это я у них отрубил. А глядите тут чё! — И вытащил из карману, приложил тому, другому из спины ремень с петелькой вокруг задницы. Вот так. — Это — свинка — золотая щетинка и золоторогий олень. — Царь ему тогда:

— Но дак, значит, я тебе все царство отдам, а мой меч — их головы с плеч! — Ванюшка и говорит:

— Царско величество, не прикажите казнить, а прикажите речь говорить. Я над имя издевался сам, чтобы вам доказать, что это я все нашел, поэтому я их прощаю, и вы их простите!

Царь братьев простил, а Ванюшку царством наделил и сам с имя стал жить-поживать да добра наживать.

25. Конек-горбунок

В некотором царстве, в некотором государстве, именно в том, в котором мы живем... Слушайте, послушайте, соплей не распушшайте. Это не сказка, а присказка, сказка вся впереди.

Жил-был старик. Жена померла. У него было три сына. Васька, Афоня, Ванька. И наповадились лошади у них есть пшеницу. Старик и говорит:

— Но-ка, Афоня, ты старший — иди покарауль, чьи лошади на нашу пшеницу ходят.

Афоня пошел, под заплот ляг да лежит. Утром пришел.

— Но чё, видел, Афоня, кто?

— Никого нету!

— Но ты, Вася, иди. — Пошел Вася, тоже под заплотом проспал. Боялись ночевать на поле, да и идти далеконько.

— Но чё?

— Никого нету.

Отец пойдет — следы, была лошадь.

— Но-ка, ты, Ванюшка, иди!

Ванюшка пришел, сял на межу. Глядит, бежит белая лошадь, кобыла. Подбегает к нему, он — цоп и на нее верхом. И не томо что к голове, а руками за хвост, ж... к голове. И попер. Вот она бегала-бегала, бегала-бегала — сшибить его не могла. Теперь говорит:

— Ты меня отпусти, гражданский сын Иванушка! Я тебе приведу двух коньков — золоты гривы, золоты хвосты и алмазны копытцы, еще тебе придачи дам конька-горбунка!

Он слез с нее. Домой приходит.

— Но чё, видел?

— Видел. Лошадь была и убежала. — Он не сказывает ни отцу, ни братьям. Теперь отец захворал и помер. А Ванюшка все ходил за коням-то тайком. Братья видят: чё Ванька ходит? Взглянули — э-э, какие красавцы стоят! Позолочены хвосты, золоты гривы и копытцы алмазны. Тут же конек — совсем никто: уши по аршину (это четыре четверти), маленький.

Но теперь братья толкуют, как украсть этих коней и продать. Царю. Поймали коней и повели. Ванюшка был простоватый, дурачок. Он сял на конька и — догонять. Догнал их.

— Куда, братья, поехали?

— Ванька, мы коней продавать поехали.

— Но и я с вами.

Вот увидел далеко в пади, километрах в десяти, зарево.

— Я побегу, там хоть воды напьюсь.

Побежал — там жар-птичье перо лежит. А ему конек-горбунок говорит:

— Не бери жар-птичье перо. Это для тебя мука и горе.

Ваня берет безо всякого, не слушат. Садится на конька-горбунка — и назад, к братьям. Им не показыват.

Вот приезжают к царю. На конюховской стоят кони на продажу всякого сорта. Ходят конюха, заглядывают на этих.

— Вот кони дак кони! Гривы, хвосты золотые, копыты алмазны!

Вот царь пришел.

— Чьи это кони? — Братья:

— Наши!

— Продажны? — Иван отвечает:

— Продажны.

— Почему?

— За каждого коня шапку денег.

А царю этого не жалко, за таких коней шапку денег дать — дал. А Ваня перо жар-птичье спрятал в тряпицу, засунул в шапку и посиживает. Коней увели. Ваня остался с коньком-горбунком. Коней увели, но ничё сделать с имья не могут — как ни чистят, как ни чешут, придут — гривы, хвосты все всклочены. Хвосты, как ни гладят, — всклочены. Позвали Ванюшку. Ваня пойдет к коням — гривы и хвосты аж светят. Царь начал говорить:

— Чё такое? Приду — кони нечесаны. А если Ванька смотрит — чесаны! — А Ванька ночью за имья ухаживат. Приладит жар-птичье перо — светло. И гладит их. Старший конюх увидел, прибегат к царю и долаживат:

— Такое-то дело. Ванька достал жар-птичье перо и обещался достать жар-птицу! — Царь, стало быть, сразу:

— Но-ка, Ванька, доставай жар-птицу!

Он пришел к коньку-горбунку.

— Но, конек, вот тако и тако дело. Царь велел достать жар-птицу.

— Я же тебе говорил, что от этого пера тебе будет горе одно и мука. Но ладно. Набирай вот столько-то продуктов. Бери белояровой пшеницы у царя, и поедем.

Вот потом поехали. Едут за тридевять земель, за тридевять морей. Горбунк вывозит к морю.

— Вот видишь скалу?

— Вижу.

— Иди к ней, делай два корыта — одно для птиц, под другое сам лезь. А я тебя здесь буду ждать. Насыпай в корыто белояровой пшеницы, чтобы жар-птица ее прилетела ела. А ты лежи. Когда они соберутся, успевай имать!

Но и верно. Ванюшка сделал два корыта. Кем уж он делал, не знаю, я там не был. Насыпал белояровой пшеницы в одно, под друго лег. Вдруг прилетела одна, потом друга прилетела, набралось их — целый табун. Ваня цоп одну! Поймал. Пошел, на конька сел и поехал домой. Приезжат домой, привозит.

— Вот вам, царско величество, поймал жар-птицу.

Царь радый. Раз царь радый, значит, други конюха на Ванюшку осердились. Приходят к царю и говорят:

— Вот чё. Ванька хвастал достать царю Царь-девицу за морями!

Царь:

— Вот, Ванюшка, доставай Царь-девицу! Достанешь — жить будешь, не достанешь — мой меч, твоя голова с плеч!

Ваня пришел к коньку-горбунку, заплакал. Тот:

— Я те говорил: не бери жар-птичье перо! Но ничё. Сослужу тебе службу. Бери продукты, поедем.

Собрался Ваня, поехали. Ехали-ехали, доезжают. Стоит избушка. В ней Баба Яга лежит из угла в угол, ноги крючком.

— Куда поехали?

— Вот туда-то.

Она дает клубочек.

— Езжайте за клубочком, он приведет вас к моей сестре. Она скажет, чё вам делать. Отправлят их к средней сестре. Сама старша одноглаза была. Туды приезжают. Ванюшка:

— Я приехал к вам, меня сестра ваша отправила. Еду я за Царь-девицей.

Эта Двоглазка. Говорит:

— Я тоже не знаю. Ты езжай за клубочком, он приведет тебя к младшей сестре. Она должна знать. Она тебя на ум наставит.

Ваня садится на конька, едет. Приехал туды. Там Трехглазка. Он ей все пояснят. Она:

— О-о, это я знаю! Конька, когда приедешь, оставляй у стены. Там больши остороженья: собаки охраняют, много военных. Царь-девицу надо уметь взять. Ты залазь вот в тако-то окошко. Она будет сонна. Ты ее бери на кокорки. Она будет спать, чтоб реву не было. Когда ты выйдешь к коню, сядешь на него, она тажно тебя увидит, но в этот момент реветь не будет.

Но он, верно, — как сказано, так сделано. Он приехал туды, залез в окно. Царь-девица спит. Он взял ее на горб, потащил. Везде часовые, но они его не видели. Собаки.

Когда на коня садиться стал, она его увидела.

— Откуль такой?

— Вот, я Иван — гражданский сын.

Он ее попер. Приезжат к царю, привозит.

— Ваше царско величество, вот привез Царь-девицу.

— Но, Иван — гражданский сын, молодец! Службу мне сослужил.

А раньше венчались. Царь к ней:

— Давай обвенчаемся! — А он был старик. Она совсем малёхонька — годов восемнадцать-девятнадцать. Она теперь толкует:

— Я с тобой венчаться не буду!

— Как не будешь? Я же царь, ты будешь царицей.

— Нет. Вот, гыт, я тебе скажу: тогда обвенчаемся, когда ты помолодеешь.

— А как это?

— А вот как. Ты ставь три котла, накладывай под них огня. Один котел с водой студеной, другой — с кипяченой, а третий — чтоб молоко кипело. Под ими пусть костры горят.

— А потом что?

— А потом — ты укурнешься, вылезешь оттуль — помолодеешь. Потом я замуж за тебя пойду. А то не пойду.

А царь — да и каждый начальник сидит — надо кого-то за себя толкнуть. Он живо:

— Вызвать Ваньку! — Привезли Ваньку.

— Ваше царско величество, Иван прибыл.

— Вот, Ванюшка, тебе последнее дело. Не выполнишь — мой меч, твоя голова с плеч! Вот три котла кипят, вишь костры, вот должен в них ты искупаться.

— Я же сгорю!

— Не сгоришь! Вот выкупайся в них. Упади в воду студену, потом в кипячену, потом в молоко.

Молоко кипит, бурлит кверху! Он пошел проститься с горбунком. Пришел:

— Вот како дело, конек-горбунок: мне царь приказал упасть в студену воду, потом в кипячену воду, потом в молоко кипучее. А под им костры все горят.

— Э-эх, Ваня-Ваня! Я тебе говорил, не бери жар-птичье перо — это мука, горе! Вот ты к ему иди. Они будут глядеть с балкона, как ты будешь падать. Ты скажи: «Ваше царско величество, разрешите мне с горбунком проститься!» — Он скажет: «Простись!» — Ты беги скорее ко мне, я сразу тут!

Но так и есть. Когда Ваня пришел, царь говорит:

— Но, Ваня, падай в воду! Падать не будешь — мой меч, твоя голова с плеч.

— Ваше царско величество, разрешите мне с горбунком проститься!

С коньком-горбунком.

— Но иди простись!

— Я его приведу сюда. — Как конек ему наказывал.

Привел. Теперь конек сказал:

— Когда я махну хвостом в воде и тебя брызну, ты в этот момент падай в студену воду, потом в кипячену и в молоко.

Ванюшка глядит. Конь хвостом махнул, брызнул — Ваня сразу в студену воду упал, потом в кипячену, потом в молоко. Вылез — из красавцев красавец, из молодцов молодец!

Тогда царя. Царь подошел, упал в воду. Чуть не захлебнулся, в студеной-то. Потом в кипячену, в молоко упал — сварился.

Вот Царь-девица заревела, на Ивана показывать:

— Вот этот мой милый друг!

Значит, тут и народ заревел.

— Вот этот у нас будет царь! — А он — из молодцов молодец, из красавцев красавец! Все царство народ передает ему, Ивану.

Устроили тут свадьбу. И все, какие есть, стали подчиняться Ване. Мол, вишь, чё он перенес: жар-птицу достал, царевну достал, теперь в воде укурнулся, в другой обмакнулся и из молока вышел — стал красавцем!

И вот они устроили пир на весь мир, кто был там, вино пил — по усам текло, но в рот не попало. Сказка вся, хватит.

26. Незнаюшка

В некотором царстве, в некотором государстве, а именно в том, в котором мы живем, жил был царь Картаус. У этого царя Картауса был сад. Царь все любил ходить по этому саду, разгуливал. Детей у него не было.

Вот в одно прекрасно время он идет и видит: за его садом растет дерево и на нем яблоки растут. Он пошел одно яблоко сорвал. А тут его цоп — дед на железных костылях:

— Что ты делаешь?! Теперь я тебя могу убить, несмотря на то, что ты царь! Вот отдай мне то, чё ты дома не знашь, тогда я тебя отпущу.

Царь думал, думал, чего же он дома не знает. Вроде все знает.

— Но ладно, — говорит. Тот его отпустил.

А у него жена была беременная, и пока он гулял в саду, она родила. Но ладно. Вот вернулся царь Картаус домой, узнал, что сын родился, и запечалился. Надо бы радоваться, а он расстроился. Но чё же. Проходит како-то время, растет этот его сын Иван. Вот уже дорос он лет до семнадцати. Выучился, все. Сидит в одно прекрасно время у окна. Окно открыто. Вдруг прилетает в окно листок бумаги, а на нем написано: «Что же ты это, Иван, не идешь. Ведь ты же отсуленный. Ишо был когда у матери в животе, тебя отсулили». Он потом заплакал, загрустил. Пошел к отцу, к матери. Мать не знала ничего. Отец говорит:

— Отдал я тебя, сынок, старику на железных костылях. Должен ты явиться туда-то и туда-то, к такой-то горе в трехдневный срок. А если не явишься, то мне не жить.

Но чё, отец с матерью потолковали, собирать его стали в дорогу. Хорошего коня дали, и поехал он. Вот день едет, другой едет, на третий подъезжает к этой горе. Когда стал подъезжать к этой горе, видит: ворон вьется кругом него. Потом сел на сук и говорит:

— Послушай меня, добрый молодец! Когда подъедешь ты к этой горе, то бросай коня и беги, сколько у тебя есть сил. А когда забежишь на эту гору, то встретит тебя дедушка на железных костылях. Он поведет тебя. Заведет в один подвал, где будет насыпано золото, спросит тебя, что это такое. Ты отвечай, что не видишь ничего, кроме желтого песка. Он тебе оплеуху даст, но ты терпи. Он тебе очухаться даст и поведет во второй склад. Заведет тебя, там будет насыпано серебро. Спросит, что ты видишь. А ты отвечай, что ничего не видишь, кроме белого песка. Он опять тебя ударит наотмачь, ты снова терпи. Очухаешься когда, он поведет тебя в подвал. Здесь будут чаны со смолой, где будут кипеть там разные черви, лягушки, всякая така гадость — в этой смоле, и вот спросит: «Чё тако?» — «Ничего не вижу, кроме черной земли!» Вот он тебя ударит тут. Ты пролежишь, может быть, с час. И потом он нагнется достать показать тебе этих червей, ты не робей, бери его за ноги и туды, в чан, бросай.

Иван поблагодарил ворона и сделал так, как тот велел. Доехал до горы, бросил коня и скоком на гору бежит. Добежал, его старик на железных костылях встретил.

— Чё так долго не приходил? Почему?

— Да так и так.

— Но ладно, пойдем со мной.

Вот приводит старик Ивана в склад, где золото насыпано.

— Что это такое?

— Ничего не вижу, кроме желтого песка.

Старик его ударил, он без памяти упал. Пролежал минут двадцать, вот очухался. Старик повел его дальше. Приводит в склад, где насыпано чистое серебро.

— А тут чё такое видишь?

— Ничё я не вижу, кроме белого песка.

Старик подвез снова ему. Иван с час пролежал без памяти. Когда очухался, старик его заводит в подвал. Там в чану со смолой кипят разные гады, черви да лягушки. Он позвал:

— Чё ты здесь видишь?

— Ничего я не вижу, кроме черной земли.

Он опять ударил Ивана — тот больше часа пролежал без памяти. Очухался, встал, а старик ему говорит:

— Но, смотри внимательно, я тебе сейчас покажу, что здесь такое.

Нагнулся, а Иван его — раз! — головой туды, в чан. Тот и сварился. Вышел Иван из подвала, вошел в дом. Заходит в зал. Ись хочет, пристал сильно. А ись нечего. Видит, стоит у стены зеркало, повернуто неладно.

— Почему же это зеркало неладно стоит? — И повернул зеркало, как должно стоять. Вдруг выскакивают два молодца.

— Чего угодно, хозяин?

Он понял, что зеркало волшебное.

— Хочу, — говорит, — поись, а потом в кровать лечь, отдохнуть. — Вмиг появилось полно вина, закуски всякой. Наелся он, напился. Зеркало поставил опять, как было, и лег спать. Встает, поворачивает это зеркало — выскакивают молодцы.

— Были мы, — говорят, — слугами старика с железными костылями, а теперь мы твои. Что хочешь, то и проси, мы все исполним!

— Мне бы надо хорошу лошадь, чтобы уехать отсюда!

— Есть лошадь, но твоя сила не позволит, чтобы владеть ею.

— Дак сделайте, чтобы позволяла.

Вот молодцы приносят в трех бутылках вина красного.

— Вот это вино выпьешь — будешь владеть этим конем. — Он берет одну бутылку — выпил. Чувствует, что силы прибавилось.

— Но ишо слабоват, — говорят молодцы. Он втору литру выпил. Но, теперь посильней стал. А когда третью литру выпил, они спрашивают:

— Но, теперь как?

— Да вот чувствую, что если бы посреди земли столб был бы, то взялся бы за него и всю землю переверотил!

— Но, многовато теперь. — Берут пол-литрову бутылку. — На-ка, хлеб-

ни. — Он хлебнул, силы убавилось маленько. — Вот теперь как раз! Собирайся.

— А как зеркало? Куда его девать?

— Бросай его о пол!

Иван взял зеркало и бросил о пол — зеркала не стало, а получился клубочек. Он забрал этот клубок, вышел во двор и пустил на дорожку. Клубок покатился, Иван за ним пошел. Шел, шел. Остановился клубок у каменной плиты. В эту плиту железно кольцо заделано. Иван взялся за кольцо и отодвинул плиту. За ней открылся погреб. В этом погребе конь заржал богатырский, при нем вся амуниция. Иван коня под уздцы взял, на свет вывел, всю амуницию вынес. Клал потнички на потнички, коврички на коврички, седлал седельце черкасско, подтягивал две подпруги сыромятные — не для красоты, для прочности. Сел Иван на коня — только его и видели. Конь бежит выше леса стоячего, ниже облака ходячего, мелки реки меж ног пропускает, глубоки пади хвостом устилает, больши реки переплывает. Облетел полсвета и назад вернулся. Отпустил Иван коня на луг пастись и сам собрался. Кинул о землю клубочек — выскочили два молодца:

— Чё, хозяин, надо?

— Поись, ребята, соберите да со мной рядом садитесь!

Появились вина, закуски всяки. Они поели. Потом молодцы подают Ивану бутылку.

— На, выпей. — Он выпил — волосы стали у него золоты. Бросил о землю клубок — молодцы исчезли. Поймал коня и поехал домой.

Вот едет, едет, доехал до речки. На другой стороне речки дворец стоит, у дворца стражники ходят. Иван с коня слез, отпустил его в чисто поле, а им начал через реку камни пуда по полтора покидывать. Царь во дворце услышал шум и велел привести к нему того, кто озорует. Стражники на лодках речку переплыли, давай Ивана арестовывать. Он не стал сопротивляться. Надели на него кандалы. Вот идет за стражниками, запинается. Запнулся — упал и цепи все прервал. Надели на него снова кандалы. Приводят к царю. Царь его спрашивают:

— Кто ты такой? Какого царя сын?

— Не знаю!

— Откуда путь держишь?

— Не знаю!

Но «не знаю» да «не знаю». Велел царь Незнаюшку на кухне поселить, стряпкам помогать. А у царя было три дочери. Две старшие замужем, а младшая на выданье. Стала она заглядываться на Незнаюшку, а старшие сестры над ней посмеиваются, дескать, выйдешь за него — стряпухой будешь.

И вот проходит како-то время. Вдруг прибегают на конях гонцы из другого царства и говорят царю:

— Царь, нас отправили к тебе три брата-богатыря. Выдай свою старшу дочь за старшего брата. А если не выдашь, то войной на тебя пойдут! — Царь позвал двух зятевей и рассказал им про это. Зятевья выслушали и говорят:

— Не отдадим, царь, твою старшу дочь богатырям. Будем воевать!

Собрали войско и поехали воевать. А Незнаюшка на лавке посяживает, знать ничего не знает. Побежала к нему младшая царевна, рассказала все: так, мол, и так... не поможешь ли отвести богатырей? Незнаюшка поднялся с лавки, вышел в чисто поле, свистнул молодецким посвистом — прибежал к нему богатырский конь. Незнаюшка ему в лево ухо влез, в право вылез, всю сбрую вынес. Стал седлать седельце черкасско, стал затягивать подпруги сыромятны не для красы — для прочности. Сел на коня, подлетел к царскому балкону. Царь вышел на балкон, спрашивает:

— Ты из какого же царства, чей сын?

Незнаюшка ему ничё не ответил, только сказал:

— Молитесь за меня, а я помогу прогнать братьев-богатырей! — И ускакал.

Старши дочери царя зарятся на него:

— Вот нам такого муженька!

А младшая царевна посмеивается:

— Не мне ли он достанется?

— Где тебе! Шла бы к своему Незнаюшке!

А Иван прискакал на поле битвы, встал на коне перед братьями-богатырями. Старший брат стал над ним смеяться:

— Это что за чудо прислали? Положу счас тебя на праву ладошку, левой прихлопну — мокро место останется!

— Не торопись! Сначала давай в бою силы испытаем!

Вот разъехались они, потом поскакали друг на друга. Иван богатырю сразу голову отсек, войско его конем потоптал, других братьев в бегство обратил. Тут зятевья с царским войском подошли. Иван показал на убитого богатыря и говорит им:

— За доклад царю давайте по мизинцу. — Они согласились. Отсек у них Иван по мизинцу, в платочек завернул и за пазуху спрятал.

— Теперь, — говорит, — езжайте домой, поите народ! — И уехал. Коня отпустил, пошел на свою кухню и уснул. Захрапел так, аж стекла в окнах полопались. Целы сутки спал.

Ладно. Опять прошло како-то время. Приезжат к царю гонец от второго брата, передает записку: «Зря успокоился, царь! Я иду на тебя войной, буду мстить за старшего брата, так что берегись! А среднюю твою дочь себе в жены заберу». Царь посылает за зятевьями.

— Один раз, сынки, побили вы богатырей, теперь опять же выручайте. — Они отвечают (чё имя делать остается?):

— Пойдем воевать, будем войско собирать!

Собрали войско, поехали. А младша царевна бежит к Незнаюшке: все на войну с братьями-богатырями ушли, тебе, дескать, тоже надо бы отправляться. А Незнаюшка опять на лавке отсыпается. Царевна его уговорила, он поднялся и пошел в чисто поле. Свистнул молодецким посвистом — прибежал к нему богатырский конь. Иван в лево ухо влез, в право вылез, всю богатырскую амуницию вынес. Седлал седельце черкасско, затягивал подпруги сыромятны —

не для красы, а для прочности. На коня сел и поскакал к царскому балкону. Царь увидел его и спрашивает:

— Кто ты, какого царя сын?

— Кто я — не скажу пока. Поеду помогать твоему войску сражаться против братьев-богатырей. Молитесь за меня!

Ускакал — только его и видели. Догнал царево войско с зятевями — все зашумели, закричали:

— Опять этот принц прискакал, защитник наш!

Он не опнул, пролетел дальше. Вот подъезжат к братьям-богатырям, встал перед ими. Второй брат давай над Иваном смеяться:

— О-о, молодой свистун, я из тебя сейчас мокро место сделаю!

А Иван говорит:

— Чё нам ссориться да ругаться, давай лучше разъезжаться да биться! Разъехались, коней повернули и во всю прыть навстречу друг другу поскакали. Иван мечом вышиб богатыря из седла, голову ему отрубил, а Иванов конь того коня истоптал и все войско разогнал. Младший богатырь еле убежал.

В это время зятевя царицы с войском подъехали. Иван у них по безымянному пальцу за доклад царю забрал и ускакал.

Приехал, коня в чисто поле отпустил. На кухню вернулся и спал двое суток. Захрапел — аж в соседних домах стекла повывлетали. Вот опять гонцы прибежали, от младшего брата-богатыря записку привезли царю. В этой записке сказано: «Царь! Готовь свою младшу дочь мне в жены! Если будешь возражать, я все твое царство пожгу, а тебя в плен возьму и на кол посажу!»

Царь расстроился: чё же, серьезна записка! Созывает зятевей.

— Выручили вы меня, сынки, дважды — выручайте и в третий раз!

Те давай отказываться (кого же, пальцев-то не остается!). Пришлось царю самому войско собирать. Вот собрал он войско, офицера во главе поставил и отправил на войну. Со вторым войском сам поехал. А младша царица скорей к Незнаюшке побежала.

— Собирайся, помоги отцу, а то богатырь все царство потопчет, меня силой заберет в жены!

Незнаюшка с лавки соскочил, пошел в чисто поле, свистнул молодецким посвистом — богатырский конь к нему прибежал. Иван коню в лево ухо влез, в право вылез, всю богатырскую амуницию вынес. Седлал седло черкасско, затягивал подпруги сыромятны — не для красы, для прочности. Сел на коня, догнал заднее войско с царем. Войско обрадовалось:

— О, наш спаситель снова здесь! — Царь Ивана опять спрашивает:

— Кто ты, какого царя сын?

— Молитесь за меня, а я вперед поеду, может, помогу чем тебе, царь! — Ускакал дальше, перво войско с офицером обогнал, перед младшим братом-богатырем остановился. Тот смеется:

— Кого это на смех прислали? Я тебя на одну руку положу, а другой прихлопну — мокро место будет! — Иван отвечает ему:

— Не убил медведя — шкуру не обдирай, давай лучше разъезжаться да сражаться!

Разъехались, коней заворотили и поскакали один против другого. Ударил младший брат-богатырь Ивана пикой в плечо и ранил. Иван изловчился все-таки и отрубил голову ему. Конь войско все потоптал, подавил. Тут офицер со своим войском подошел. Иван у него тоже палец отсек за доклад царю. Поехал назад.

Доехал до царя, говорит ему:

— Вели, царь, кабаки открывать, поить народ девять суток: твое войско победу одержало.

Сам ускакал. Коня отпустил в чисто поле, на кухню пришел и уснул. Захрапел — по всему городу окна повылетали. Спал трое суток. А офицер перед царем выхвалился, что это он побил младшего брата-богатыря. И требует в жены себе младшу царевну. Царь согласился. Вот вернулись домой, давай к свадьбе готовиться. Повара забегали, стряпать надо. Велели Незнаюшке дров принести. Он пошел, нашел канат, в канат поленницу сложил и понес на кухню. Пока нес, колоды вывернул, сени чуть не разворотил. Принес дрова, печки протопил и испек пирог с надписью: «Царевна! Ни за кого не выходи замуж, кроме Незнаюшки!»

Вот сели за столы. С царевной офицера посадили. Поднесли им пирог. Царевна как прочитала надпись, поднялась и говорит царю:

— Ни за кого замуж не пойду! Пойду за Незнаюшку!

— Как так?

— А вот так! Это он чужих богатырей погубил. Зовите его сюда, он пусть все вам расскажет.

Царь велел привести Незнаюшку. Привели его. Царь спрашивает:

— Не ты ли чужих богатырей победил, все их войско потоптал?

— Я.

— А чем докажешь?

Иван вынимает из-за пазухи пальцы царских зятевей. Приставил эти пальцы на место — они приросли. Потом офицеру приставил — тоже прирос. Потом показал рану от пики, она ишо не зажила. Тогда младша царска дочь берет Ивана за руку и сажат его рядом с собой. Пошел тут пир на весь мир.

Я тоже на том пиру был, мед пил — по усам текло, а в рот не попало. Надели на меня колпак, стали под ворота толкать. Я вылез из-под ворот, гляжу — летит ворона, кричит: «Синь да хорош!» Я думал: «Скинь да положи!» — Положил под кокору, не знаю под котору. Вот завтра пойдем, дак найдем.

27. Ванюшка, волк и Каша Бессмертный

Жил-был царь. У него было два сына. Царь все время болел, и вот ему врачи порекомендовали:

— Вот в таком-то царстве, в таком-то государстве надо достать тебе жар-

птицу. Ты от нее можешь излечиться: будешь ее обмывать, воду пить — и излечишься. Он сыновей созывает:

— Вот, сыновья, я дам вам хозяйство, но вы достаньте мне жар-птицу, я ишо вам помогу!

Они поехали. Одного звали Данила, другого Ванюшкой звали. Вот поехали. Едут, едут дорогой — стоит столб. На столбе надпись: «Кто поедет вправо — останется без коня, кто поедет влево — будет сыт, пьян и нос в табаке». Данила, постарше-то, говорит:

— Я поеду влево, а ты поезжай, брат, вправо!

Но они оборудованы тоже. Поехал Ванюшка. Едет, вдруг выскочил волк — и коня у Ванюшки задавил. Он хотел его стрелять.

— Не стреляй, Ванюшка, — человеческим голосом говорит ему волк, — я тебе буду слуга! — Он не стал стрелять. — Куда ты поехал?

— Вот поехал в тако-то государство доставать жар-птицу, вылечить отца.

— Я тебе помогу. Садись на меня.

Сел Ванюшка на волка, он попер его! Приезжают к этому государству. Волк Ванюшке наказывает:

— Иди в сад, бери эту жар-птицу, но без клетки. Клетку возьмешь — тебя самого заберут!

Но он ково же. Пришел туды. Жар-птица в золотой клетке сидит. Думат: «Взять: дак прямо с золотой клеткой». Взял ее, тут чё же: собаки залаяли, петухи запели. Охрана прибежала, Ванюшку забрали. К царю привели.

— Чё тако?

— Да вот так и так.

— Зачем так делал? — Он сказал. Царь ему говорит:

— Вот что, Ванюшка. Я тебе отдам жар-птицу вместе с золотой клеткой, токо поезжай за стоко-то гор, за стоко-то морей, в тако-то государство. Там у царя есть золотогривый конь. Вот ты мне его достанешь, я тебе отдам жар-птицу.

Отпустили Ванюшку. Идет он к волку. Волк дожидат его.

— Но чё, я тебе говорил?!

— Да вот тако и тако дело...

Поехали в это государство за золотогривым конем. Приехали. Волк опять наказывает:

— Иди бери коня. На нем седло. Ты это седло не бери, сыми. Возьмешь — опять будешь несчастный человек! — Ванюшка пошел. Увидел коня, на нем золото седло. Он обзарился — чё же, тако седло! — сел на коня и хотел уехать. Тут быстро охрана набежала, с коня его стащили, привели к царю. Царь ему говорит:

— Но зачем ты нарушаешь правила-то. Я же тебя расстрелять могу!

— Да вот так и так...

А этот царь был холостой. Говорит Ванюшке:

— Езли ты мне дело сделаешь, то отдам золотогривого коня. Вот в таком-то государстве есть у царя дочь Елена Прекрасная. Езли ты мне достанешь ее, коня отдам тебе вместе с седлом!

Отпустили Ванюшку, он пошел к волку. Тот:

— Но вот видишь, я тебе говорил!

— Дак чё, тепери вот так и так, надо за Еленой Прекрасной ехать.

— Но поехали.

Вот подъезжают к этому государству, к самому саду царскому подъехали. Волк и говорит:

— Вот в етим саду Елена Прекрасная с няньками гулят. Ты проберись в сад, спрячься у самого красивого цветка и сиди. Когда Елена Прекрасная подойдет, ты ее хватай, а я уж тут как раз буду. Тут уж пошевеливайся! Посадишь ее на меня, и мы уедем.

Но, Ванюшка пошел, сел под самый красивый цветок. Сидит. Вот она идут, песни распевают, она с няньками. Няньки говорят:

— Но пойдемте, время-то уж много.

— Счас, нянечки, вон какой цветок-то хороший! — Только к ему подходит — Иван её цап, и волк тут. Посадил на этого волка. Сели. Те:

— Ой, ой! Хватай-имай! — Уехали. Приезжают до того государства, где золотогривый конь был. А Ванюшка-то тоже был холостой, жалко отдавать ему такую красавицу. Она была очень красивая!

Волк:

— Но ты чё?

— Жалко. — Тогда волк Елене Прекрасной говорит:

— Ты нас тут дожидай! — Сам ударился об землю и сделался Еленой Прекрасной, не отличишь.

— Вот води меня теперь царю. А потом придешь, на коня садись, и поезжайте. — Иванушка повел. Пришли к царю. Царь обрадовался:

— О-о! — Чё же, едрить твоё масло, така красавица!

И все отдал Ванюшке: и золотогривого коня вывели, и седло, и золотую уздечку отдали. Он сел и приехал к Елене Прекрасной, посадил ее на коня, и поехали.

А царю надо перед ком-то выхвалиться. Хотел ее обнять-то да вывести — волчья морда образовалась. Царь испугался, отскочил, а волк — раз! — выскочил и пошел.

— Хватай-имай! — Уже нету. И тех нету, и эта ушла!

Вот волк Ванюшку догонят. Ванюшка на волка пересел, она на коне осталась, и приезжают в государство, где жар-птица была.

Тоже коня жалко отдавать. Тогда волк таким же образом ударился об землю — сделался конем золотогривым, а Ванюшка сел на него и проехал к царю. Царь обрадовался. Живо его в конюшню привели. А Ванюшке клетку с жар-птицей отдали. Он вышел, на коня сели и поехали поскорей. Так им волк наказал:

— Не медлите здесь, а я вас догоню!

Царь хотел сесть на коня, попробовать прокатиться — перед ним волчья морда! Все закричали, а волк убежал.

Догонят Ванюшку и Елену Прекрасную. Пересел опять Ванюшка на волка,

и поехали дальше. Доехали до того места, где волк коня у Ванюшки задавил, раскинули шатер, отдохнули. Волк с ним простился.

— Но ладно, Ванюшка, делай все укуратно, чтобы было все в порядке. На всякий случай вот тебе шапка-невидимка, вот тебе дубинка, имя вот так руководи — они тебе пригодятся! — И убежал. Но и отдыхают тут они. А в это время летел над лесом Каша Бессмертный. Увидал их, Ванюшку на куски растерзал, Елену Прекрасную забрал, золотогривого коня забрал с жар-птицей и к себе, где он там во дворце находился, унес.

Один раз волк идет и слышит: что такое? Вороны каркают! Он подкрался — цап одного вороненка. А вороница-то летает кругом. Тут Ванюшка лежит растерзанный. Волк и говорит воронице:

— Вот слетаешь ты за стоко-то земель, за стоко-то морей и достанешь мне живую и мертвую воду, тогда отпущу твоего вороненка! — Она слетала, принесла живой и мертвой воды.

Волк собрал кусочки все, брызнул мертвой водой — все срослось, он нормальный стал. Живой водой помазал — Ванюшка поднялся:

— У, как долго я спал!

— Да, не моя голова, ты и теперь бы спал.

— Но где чё есть у меня?

— Нету у тебя ничё. Счас иди туда-то, там стоит терем, и добивайся, чтобы попасть на третий этаж. Дубинка тебе ступеньки вырубит.

Пошел Ванюшка. Шел, шел — дошел до терема Каша Бессмертного. Там стража. Он велел дубинке эту стражу унисьтожить. Она их всех перехлестала, стала ступени в стене прорубать. Ванюшка в шапке-невидимке за ней следом идет. И добрался. На третьем этаже сидит Елена Прекрасная и качается в качалке. Когда Ванюшка шапку снял, она его узнала и заплакала:

— Ой, съест тебя Каша Бессмертный!

— Нет, не съест!

— А что будем делать?

— А вот так и так: мы его напоим вином, а потом унисьтожим. — Елена Прекрасная села в качалку опять, качается. Ванюшка рядом в шапке-невидимке стоит. Вот прилетат Каша Бессмертный.

— Фу, чё тако — русским духом пахнет?

— Это ты по Руси летал, русского духу нахвтался. — Сама накладывает закуски, наливает вино ему. Он выпил, поел. Елена Прекрасная спрашивает:

— А чё ты бы стал делать, если бы мой брат в гости пришел?

— О, я бы с ним пить-гулять стал!

Ванюшка тут снял шапку-невидимку, стали они пить-гулять. Каша Бессмертный выпил сорок бочек вина и опьянел. А Ванюшка велел дубинке его бить — дубинка его на кусочки измесила, рассеяла.

Ванюшка забрал коня своего, жар-птицу взял, сели с Еленой Прекрасной на коня и поехали домой. Приехал домой. Отец стал обмывать жар-птицу и эту воду пить — поправился. Поправился и отдал Ванюшке свое царство. Стали Ванюшка и Елена Прекрасная жить-поживать и добра наживать. А второй брат

скоро тоже приехал: весь обрюх, опух. Он доехал до озера кисельного и давай его хлебать. Сытый был, а приехал без всего.

А Ванюшка хорошо с Еленой Прекрасной жил. Я у них на пиру был. Вино пил — по усам текло, а в рот не попало.

28. Про Буренушку-коровушку и Троеножку-бычка

Жили-были старик и старуха. У них было три дочери — одна отцова, другие ее. Мачеха своих жалела дочек, а старикову сиротинку просто изнуряла. Работы надаёт и заставляет пасти Буренушку.

Вот Буренушку она пасёт, бедненькая. Мачеха ей то, другое — всякой работы надаёт. А Буренушка ей и говорит:

— Ты, девочка, мне в право ухо влезь, в лево вылезь — вся работка твоя будет сроблена! А сама-то ляг да усни.

Но ладно. Она в право ухо влезет, в лево вылезет — и вся работа готова.

Вот на другой день пошла пасти старикова дочка Буренушку. Мачеха ей ишо больше надавала всего — и она опеть так же сробила всю работочку. На третий день пошла, мачеха ей ишо больше надавала: прясть да вязать да — все сробила. Удивляется мачеха над своей падчеркой, что она работу срабатывают.

— Ага, погоди, отправлю дочку, пускай смотрит, чё она делает?

Вот дочка караулила ее. А старикова дочь ей говорит:

— Давай, сестрица, будем вошками искаться.

Вот начали вошками искаться, она и приговаривает:

— У сестрички один глазка спи, другой спи, и сама усни! — Вот та и уснула. Девочка в право ухо Буренушке влезла, в лево вылезла — всю работочку сробила. Сестру разбудила, и пришли. Мачеха туё спрашивает:

— Но как, видала, чё она делает?

— А она все время сама пряла, вязала!

Но ладно. Вот мачеха на другой день втору дочку отправляет. А у этой-то три глаза было. А она, девочка-то, тоже так попросила:

— Но давай, сестрица, будем вошками искаться.

Вот начали вошками искаться. Девочка приговаривает:

— Спи, глазенок, спи другой, сама спи! — Она уснула. А девочка про третий-то глаз не сказала — он все видел: как девочка Буренушке в право ухо влезла, в лево вылезла и вся работа сроблена! Домой приходит, мачеха дочь спрашивает:

— Но как, видела?

— Видела. Она, — говорит, — мне сказала: «Глазенок спи, другой спи, сама спи». А третьему-то не сказала, я третьим-то все видела: она коровушке-то в ухо влезла, из уха-то вылезла — у ей вся работа сробилась.

Вот мачеха и говорит старику:

— Заколи эту корову! — Девочка узнала, жалко ей стало Буренушку. Пошла к ней, плачет:

— Ой, ты Буренушка, ты Буренушка! Тебя колоть хотят!

— А ты, — говорит Буренушка, — не плачь. Ничё, не плачь. А когда меня заколют, ты проси от меня рожки да ножки. Да в передний угол унеси, да загреби их, эти рожки да ножки. А еще оставлю я тебе Троеножку-бычка. Ты за ним ухаживай, как за мной. Придет время, и будет тебе помочь.

Вот ладно. Эту коровушку когда колоть повели, она:

— Дайте мне хоть рожки да ножки! — Они корову закололи, отрезали ноги, рога обломали — дали ей. Никто не видал, она их в передний угол унесла и загребла там.

И вот сколько времени прошло, у ей там стал расти куст. Куст все время рос, а она за ём ухаживат.

А старуха все ворчит на падчерицу. То заставляют, друго заставляют делать. Но кого же, она без этой Буренушки-коровушки ничё не успеват. Та ее совсем изнурят. А кустик стал расти и превратился в яблоню. А скоро на этой яблоне и яблочки появились, яблочки золотые. Отцова дочка ухаживала за яблонькой, поливала все. Яблонька выросла, и она сама выросла.

И вот ехал Иван-царевич. Узнал, что у дочки старика есть яблонька с золотыми яблоками, и заехал к ним. Говорит:

— Ну-ка, девушки, угостите меня яблочком!

Мачехины дочери кинулись к яблоне, никак сорвать не могли — ветками только покололись. А отцова дочь подошла, сорвала яблочко самое красивое, самое большое и подала Ивану-царевичу. Она, эта девушка, ему понравилась, и он ее сосватал.

Вот сосватал и решил везти к своему отцу свадьбу играть. Когда яблоня выросла, Троеножка-бычок тоже подрос. Тут Иван-царевич посватался и собрался везти невесту к своему отцу, к царю. А мачеха была злая ведьма. Она решила погубить падчерицу и Ивана-царевича. Вот сели Иван-царевич и падчерица на Троеножку-бычка и поехали. Едут, едут, вдруг Троеножка-бычок и говорит человеческим голосом:

— Иван-царевич, прислони-ка ухо к земле да послушай, не бежит ли погоня! — Иван-царевич прислонился к земле и ничё не услышал. Теперь эта дочь старика прислонилась и говорит:

— Ой, бежит погоня! — Троеножка-то бычок и говорит:

— Иван-царевич, когда погоня будет совсем близко, ты у меня из-под хвоста выдерни брусочек, брось на землю и скажи: «Будь перед нами чисто поле, а за нами сине море!»

Вот погоня стала их нагонять, Иван-царевич выдернул брусочек — за ними образовалось синее море, а перед ними — чистое поле. Погоня отстала, вернулась к мачехе ни с чем. А Иван-царевич и дочка стариковска едут дальше на Троеножке-бычке.

Едут, едут, вдруг опять бычок говорит:

— Иван-царевич, прислонись к земле ухом да послушай, не бежит ли опять

за нами погоня! — Иван-царевич прислонился — ничё не услышал. А дочка старика прислонилась и говорит:

— Снова погоня бежит! Уже близко! — Бычок:

— Иван-царевич, когда совсем близко погоня будет, ты у меня из-под хвоста выдерни ширинку, махни ей и скажи: «Пусть перед нами будет чисто поле, а за нами чаща непроходима!»

Вот погоня уже настигает их. Иван-царевич выдернул ширинку.

— Пусть перед нами будет чистое поле, а за нами — чаща непроходима! — Сразу за ними поднялась непроходимая чаща. Погоня в этой чаще увязла, назад повернула.

Сказка скоро сказывается, да дело не скоро делается. Вот бежали они, бежали, опять велел Троеножка-бычок к земле прислониться. Иван-царевич ничё не услышал, а она сама прислонилась и говорит:

— Ой, совсем близко погоня! — Вот Троеножка-бычок и говорит:

— Будь ты, хозяйка, старой церковью, ты, Иван-царевич, будь попом старым, а я стану кадилом. Иван-царевич, ходи по церкви и кади кадилом!

Вот опять налетат погоня. Видит: стоит церковь стара, дряхла, на пороге стоит старый поп, кадилом машет и говорит: «Господи, помилуй, Господи, помилуй!» Погоня спрашивает:

— Таких-то не видели? — А поп ходит и приговаривает: «Господи, помилуй! Господи, помилуй!»

Снова к мачехе ни с чем вернулась погоня. Она говорит:

— Вот это они и были! — И сама бросилась догонять.

А поп снова стал Иваном-царевичем, церковь — дочерью старика, а кадило превратилось в Троеножку-бычка. Сели все на него и поехали дальше. Бежали, бежали, бычок опять говорит:

— Прислонись-ка, не слышно ли погони!

Иван-царевич ничё не слышит. А падчерица прислонилась к земле и говорит:

— Шибко близко погоня! Сама мачеха бежит!

Троеножка-бычок говорит им:

— Но ладно. Тебя, хозяйка, я сделаю кривой рекой, а ты, Иван-царевич, будь уткой, а я стану селезнем. И вот она подбежит, будет камнями попадать — ты скорей ныряй в воду поглубже.

Так и вышло: девка превратилась в кривую реку, Иван-царевич в утку, а Троеножка-бычок стал селезнем.

Подбежала мачеха и давай их попадать камнями, давай их попадать! Кидала, кидала — никак попасть не может: утка ныряет, и селезень ныряет. Она ничё не могла сделать-то и закричала:

— Быть тебе теперь три года кривой рекой! — И убежала назад домой. Попустилась. Утка опять стала Иван-царевичем, селезень превратился в Троеножку-бычка, а сама падчерица осталась кривой рекой. Говорит она Ивану-царевичу:

— Садись, Иван-царевич, на Троеножку-бычка и поезжай к отцу. А я останусь три года текчи кривой рекой — мачеха меня прокляла. Когда ты прие-

дешь домой, никого не целуй. Если кого-нибудь поцелуешь, то ты меня забудешь.

Вот ладно. Сел Иван-царевич на бычка и поехал дальше. Приехал домой. Никого не целовал, ничё.

Вот год прошел. Вот второй прошел. Вот третий год идет. А у Ивана-царевича племянник маленький именинник был.

Собрались на именины. Все мальчика целовали, Иван-царевич тоже поцеловал. Поцеловал и сразу же забыл про свою невесту. И забыл. Прошло еще немного времени, стали его все уговаривать жениться. Он согласился. Ему быстро нашли какую-то невесту.

И вот стали свадьбу делать. А падчерица кривой-то рекой отекла три года и пришла в их город. Нарядилась старухой и пришла на кухню. А там пельмени на свадьбу стряпают. Она женщин попросила:

— Разрешите, матушки, мне чё-нибудь сострять. — Ей разрешили. Она состряпала голубя и голубку и испекла их. Голубку поставила на стол, а голубя под стол. Вот они как ожили, голубка ходит по столу и приговариват:

— Гуля-гуля-голубок! Если ты меня поцелуешь, то позабудешь. Если ты меня поцелуешь, то позабудешь!

Все удивились, побежали к царю, к гостям и давай рассказывать. Чё же, интересно! Царь пошел на кухню, жених тоже пошел. Вот смотрят и видят: ходит голубка по столу, а голубок под столом. Голубка ходит и приговариват:

— Гуля-гуля-голубок! Если ты меня поцелуешь, то позабудешь!

Иван-царевич и вспомнил, что свою невесту забыл. Посмотрел на нее, узнал сразу и говорит:

— Вот моя невеста! Никого мне больше не надо!

Все царю рассказал, эту богату девку назад отцу отправили, а на падчерице Иван-царевич женился. Стали они жить-поживать и сейчас живут. Я у них на свадьбе тоже была, мед пила — по усам текло, а в рот не попало.

29. Падчерка

Жил мужик с бабой, а у него была ишо баба, полюбовница. Тепериче у этой у полюбовницы-то две девочки растут, а у законной-то жены — одна девочка. Но и вот, те уж большие, на возрасте уж. А обе бабы были волшебницы — полюбовница и законная жена. Но та сильнее была, полюбовница-то. Законная жена раз говорит ему:

— Но, отец, гыт, есть у тебя полюбовница. Скоро ты с ей сойдесся. А меня она сделает коровой. Первый год будете доить, а на второй на мясо заколете. — Он ей:

— Да ты чё! Никово, никово! — Но все так и вышло, как она говорила. А перед этим ишо дочке рассказывает:

— Ты, гыт, дочка, больше меня не увидишь. Будешь ты одна. Тебя люди, гыт, считать не будут, будут тебя дурочкой считать. — Девка эта завyla. —

Не вой, — мать опять грит, — тебе, гыт, счастье будет. Ты выйдешь за купца, за купцом жить будешь. — Раньше за купцов выходили, за богатых. Ну и ладно, теперя вот чё говорит ишо: — На, гыт, тебе шапку-невидимку. Ее на голову наденешь — тебя, гыт, никто не увидит. В любом месте пойдешь — тебя никто не увидит. Дак вот, пойдешь ты в огород, выкопашь там яму. А я буду коровой — меня превратят. Потом забивать будут, а ты не бери, не ешь мясо, а то всё пропадёт! Потом кости собери и закопай в туё яму. Когда надо, ходи туда, к яме, и топай правой ногой — всё тебе будет.

Но и вот, все так и вышло. Полюбовница туё-то сделала коровой. Первый год держали — молоком доили ее. Вот год продержали, на второй надо ее забивать. А этой девке давали молоко, все — она за печкой сидит, воет, не ест. «Мама!» — и только.

— Но и ладно, пускай не ест, не надо.

Вот тепериче в воскресенье она идёт в огород, надеёт шапку-невидимку, её никто не видит. Правой ногой об землю ударят — вылетат колодец, холодна вода. И вот она перекрестилась, попила эту воду, умылась. Опять вторично стукат — вылетат ей платье шёлково, полуботинки, зонтик и шляпочка с пером. Это всё надела.

Опять ногой топнула — карета вылетела, извошшик. Поехали в церкву молиться Богу (это раньше). Но, приезжают туды, в эту церкву, там её сводны сёстры, но полюбовницы-то девки. А она изо всех красивей, така красива!

Эти Богу молятся и смотрят на неё. Но ладно, кончилось всё. Она вышла, в карету села и уехала. Оне приходят домой.

— Мама, мама, да каку барыню видели мы красивую-красивую! Идёт во всем шелку она, полуботиночки, но на лицо — как наша Дунька! — Им мать-то говорит:

— Да что вы, девки! Она как попадёт, наша Дунька? Она за печкой как сидела, так и сидит.

Но вот ладно. А её уже присмотрел один богатый купец. Молодой. Думат: «Вот бы высватать!»

Тепери она опять так же проделала. Пошла передела эту шапочку, вышла в огород, там стукнула ногой — вылетат ей платье. Оделась быстренько. Вылетат опять тама-ка извошшик. Села и поехала.

А тама тепериче этот купец приготовил котелок смолы. Когда все к обедне ушли, он насмолил пол. И когда обедня кончилась, она вышла, наступила на это место — полуботиночек-то остался. Она скорей-скорей в карету села и уехала. А купец шел сзади, поднял этот полуботиночек. И наавтра приезжат в иху деревню, объявляют:

— Кому вот этот полуботиночек подойдет, та моя невеста будет! — А девки, сёстры-то, обрадовались:

— Но, будем ччас мерить! За купца замуж пойдём! Жить богато будем! — Вот тепери он к им в дом заходит. Зашёл, поздоровался, тапери спрашивают:

— Вот этот ботинок кому подойдет, та и невеста будет моя.

Сели оне, он отдал им. Вот они надевали, надевали этот полуботинок, он

никак не лезет. Обои попеременке оне: то та, то эта. Обои спотели, ничё не могут надеть.

— Но-ка, мама, тепери ты понадевай, тебе не войдёт ли? Може, ты за купца замуж не выйдешь ли? — Но мать чё? Пыхтела, пыхтела — тоже никого. Тепери он спрашивают:

— А ишо, гыт, у вас есть девки?

— Есь, гыт, дура на печке. Да она же дура, мы, гыт, её и за человека не считаем.

— Нет, всё равно надо померить.

Но, заходит туды к ей, за печку. Взглянул — и он захохотал, и она захохотала, засмеялись там. А девки-то заметили:

— Мама, мама, гыт, оне чё-то хохочут!

— Но, ладно, ничё. — А он:

— Но вот, гыт, мерь ботинок. — Ей дает. Она теперя этот ботинок-то прикинула — тут и есть!

— Вот моя невеста! — А эти давай ругать: кого же, мол, дуру-то взял! Как он с ей жить-то будет?

— Ничё! — он говорит. Она надеёт шапочку-невидимочку и пошли. Пришли в огород. Она правой ногой стукнула — вода! Ее попили, перекрестились. Опеть стукнула — одежда. Там извошшик вылетел с каретой. Сели и уехали.

30. Отчего волк на луну воет

Жил лесник Степан. Жену звали Степанидой. А вот детей у них не было. Вот они все плакали об этом, а друг другу ничё не говорили. Сидит иной раз Степанида на крыльце, плачет. Степан мимо идет.

— Ты, Степанида, небось заболела?

— Да нет, не заболела.

— А чего ж тогда плачешь?

— Да вот, соринка в глаз попала, а теперь выкатилась, и ничего. — Ну вот она и стала просить у Луны дочь:

— Дай, Луна, мне одну дочь. У меня нету детей. А у тебя детей много. Вон сколько звездочек. — А Луна отвечает:

— Да кого же тебе дать? Я тебе дам дочь самую малую. Она старательная, она будет тебе помогать.

А две другие дочери Луны-то и говорят:

— Мы тоже, мать, поедem к ней в дочери!

— Куды вас? Вы лентяйки. Вы ничё не будете пособлять.

Но она им отказала. Пошла провожать Луна дочь свою к Степаниде и дала ей кружку. А те тоже заскочили тут же, и мать не видала. Она эту провожат, цалует ее и наказывает:

— Тебя на земле всё научат делать. Ты, доча, старайся.

Но ладно. А те соскочили и вперед ее! А Луна дочь свою проводила и сама

на свое место встала. Эти две прибежали к Степаниде и сидят там на крыльце. Эта приходит, мала-то, что такое? Сестры оказались.

— Мы тоже, — говорят, — приехали к Степаниде в гости. Но ты матери не рассказывай! — Она не успела и слова сказать, у Степаниды дверь открылась, она вышла. Те сразу давай плести:

— Нас мать отправила троих к тебе в дети!

Ой, Степанида обрадовалась — одна одной красивой девки-то. Ну ладно. Повела их к Степану.

— Вот каких дочерей-то нам Луна дала! — Ну и тот доволен.

— Давай, — говорит, — угощай их.

Степанида и давай их кормить. Вот эти больша наедятся и уходят. А эта, мала, все ходит за Степанидой и учится у ней. Научилась кружево вязать. Ну ко всему хозяйству просто привыкла. Теперь говорит этим своим сестрам:

— Если вы, — говорит, — желаете, то я вас научу.

— Нужно нам спину гнуть! Мы не за этим приехали, чтобы спины гнуть. Нас взяли в дочери, пусть и кормят.

Ну, они и никого не делали. Возьмут орехи, семечки и уходят в лес. И там целый день. Их не видят. Только вот когда спать ложатся да утром встают. Ну, вот потом, значит, они это ходили, ходили, набрали семечек и ушли в лес. И там сидели пели песни всяки. Сидят и толкуют:

— Вот надоело ведь нам эти упреки слушать. Я бы хоть за кого сейчас замуж согласна. Кто бы взял, за того бы и пошла. Хоть бы за паука и то пошла! — А тут паук спустился к ней.

— Желает, — говорит, — за меня замуж, дак пожалуйста.

— Я-то желаю. Дак надо это... Сестра-то моя куда?

— Куды, куды... Женихов-то ить от сколько!

А тут табун серых волков. Волк приходит и говорит:

— Желает за меня выйти замуж? Смотри, у меня сколь войска! Ты будешь царицей, над всея будешь командовать.

А паук первой сестре говорит:

— Будешь в шелковой сетке сидеть. Покачиваться. И будешь медок поедать.

Ну вот оне живут, поженились, свадьбу сделали. А старики потеряли их. Пошли искать. Идут, им навстречу лисица бежит:

— Куда пошли?

— Дочерей искать.

— Да у их же свадьбы, разве вас не звали? Одна вышла за паука, друга — за серого волка.

Старики опечалились, вернулись, давай плакать. Ну что же, раз ушли, идите. Ну, а эта, мала-то, все работает, помогает. Теперь Степан заказал кузнеца, Антона, коней ковать. Молодого парня. Вот эта сидит на дворе, кружево плетет и помаленьки песенки поет. Приходит молодой такой красивый парень!

— Вот дак ладно. Меня звали коней ковать, а тут така красавица сидит! Ты кто будешь така?

— Я Луна, Степана да Степаниды дочь приёмна.

Ну и вот он на ее посматривает, она на его посматривает. Полюбили друг друга. Вот вышел Степан со Степанидой. Он им:

— Вы отдайте за меня свою дочь.

Степанида руками развела, а Степан говорит:

— Да ты парень-то хороший. Руки у тебя золоты, сердце хороше. Мастер ты на всё. Но мы не знаем, это не наша воля. Не можем мы отдавать так-то, спрашивай дочь.

— Я желаю.

Ну, значит, тажно Антон ее поцеловал. Решено дело. Пошел коней подковал. Теперь к свадьбе готовиться надо.

— Теперь я поеду домой, отца, мать порадуя. И приедем за невестой. — А Степан со Степанидой поехали припасы эти брать свадебны. Ну и уехали. А Антон ушел домой. Она, девка-то, осталась одна. Сидит у окошечка, плетет кружево. Окошко открыто.

А теперя сорока в лесу давай чекотать:

— Вот младша Луна выходит замуж за красивого парня, за хорошего мастера!

А сестры услышали и думают: «Вот дак ловко! Она же над нами будет смеяться!» А мужья их уже превратили: эту в паучиху, а ту в волчицу. И говорят:

— Она над нами смеяться будет, отдадим ее замуж!

— А за кого ее отдать?

— О, да тут филин давно на нее зарится, вот за филина.

— Филин-филин, возьми нашу сестру замуж.

— Я бы давно рад взять. Дак вот пойдет ли она за меня?

— Но если не пойдет, мы ее силой отдадим.

Вот филин пошел. Пришел, на окошко сел. Она там плетет, он сидит.

— Ты выходи за меня замуж.

— Нет. Ты опоздал. Я просватана.

Теперя паучиха села ей на руку. Поползла.

— А ты не знаешь, где мои сестры? — спросила у филина она.

А паучиха отвечат:

— Я твоя сестра.

— Как ты мне, черт, сестра! — Взяла и за окно выбросила ее. А волчица:

— Выходи за филина замуж, а то жизни лишишься. Мы тебя сейчас лишим жизни.

А тут этих пауков набралось, волков! Волки в двери стоят там. А пауки ткут. Эта паучиха сказала своему мужу:

— Прикажи им запутать ее. — Ну и ей запутали ноги, руки. А волки уж там зубами щелкают. А ей мать-то Луна корзинку дала с иголками, с булавками и сказала:

— Она тебя выручит, придет время. — Она и вспомнила об ей.

— Корзинка-матушка, помоги моему горю.

Крышка открылась, из нее вылетели эти иголки да булавки воинами. И давай этих пауков! Всех перекололи. Ножницы ишо были. А ножницы разрезали

эти паутины замотаны. Ослобонили девку. А потом ножницы выскочили, эти иголки, нитки и давай колоть волков. А ножницы хвосты стригчи да уши. Всех разогнали. И вот приходит этот Антон утром.

— Вот я, — говорит, — торопился. — А она начала рассказывать:

— Меня, — говорит, — тут чуть не кончили. За филина хотели замуж отдать сестры. Таперь, — говорит, — может, и ты откажешься от меня?

— Нет, не откажусь.

Взял надел ей обручально кольцо. Гости приехали. Отец, мать. Сделали свадьбу. Гуляли. А волчице, сестре-то, стало обидно. Она прибежала и давай тут плакать, жаловаться на свою судьбу. Вот из-за этого сейчас волки все воют на луну.

А эти так и стали жить. И ее стали звать не Луной, а Олёной. Так Олёной она и осталась таперь.

31. Иван-царевич и Василиса Премудрая

Жил-был царь в некотором царстве, в некотором государстве. У него было три дочки и сын. Царь состарился. Собрал своих дочерей, сына позвал и говорит:

— Дочки, кто бы вас первый ни посватал, за того и идите замуж.

И вот царь помер. Остались дочери и брат одни. Однажды гуляли они в саду, вдруг залетат в сад змей, ударился о землю и сделался человеком. Подходит к царевичу и начинат сватать старшую дочь. Красивый такой молодец! Но чё ж, раз отец завещанье дал, кто первый посватается, за того и идти, — дали согласие. Тут свадьбу сыграли, отгуляли, молодые пошли в сад погулять, а жених тут ударился о землю, сделался змеем и унес старшую сестру. Ну, Ваня искал-искал, искал-искал — не мог нигде найти. Погоревали, погоревали. Ни слуху ни духу, пропали без вести!

Вот исполняется средней сестре восемнадцать. Вдруг прилетат в сад другой змей-волшебник. Ударился о землю и сделался человеком. Ваня как раз стоял на крыльце.

— Вам, — говорит, — что нужно?

— Я пришел вашу втору сестру сватать. — Ваня втору сестру вызвал.

— Я отцу заверенье дал, что выйдешь ты за первого, кто тебя посватает. Жених явился.

Вот свадьбу сделали, точно так же погуляли. Через некоторо время пошли молодые в сад гулять, там жених ударился о землю, стал змеем и улетел, ее с собой унес. И этих найти не могли.

Прошло время. Исполняется младшей сестре восемнадцать лет. Вот прилетат к ним в сад третий змей, ударился о землю — стал добрым молодцем лучше некуда. Заходит во дворец. Ивану говорит:

— Я пришел сватать твою младшу сестру.

Делать нечего, надо выполнять отцовский завет. Опеть сыграли свадьбу,

гуляют, а молодые вышли в сад, там молодец ударился о землю, сделался змеем и унес младшу царевну.

Остался один Иван-царевич. Приходит пора и ему жену искать.

И вот услышал он, что есть где-то Василиса Премудрая. Заседлал своего коня и поехал ее искать. Ехал-ехал, ехал-ехал, открылась перед ним река. Через реку он никак не может перебраться: конь не идет. Тогда Иван-царевич оставил коня на этой стороне, а сам решил перебраться вплавь. Коня отпустил пастись, а сам поплыл. Когда он переплыл реку, идет и видит: стоит медный дворец. Подошел он к медному дворцу и подумал: «Не тут ли живет Василиса Премудрая?» А тут старшая сестра с мужем жила. Она его уже увидела, сразу к нему выскочила навстречу.

— Милый ты мой братец! — Обрадовались оба. Она ему и говорит потом: — У меня муж-то змей, он может тебя съесть!

Она его спрятала в подвал. Вот когда змей прилетел, ударился о землю — сделался человеком и говорит:

— Фу, чё-то у тебя русским духом пахнет!

— Да никого у меня нет.

Но посмотрели, посмотрели, ладно. Она и говорит змею:

— А что, если бы к нам мой брат пришел?

— О-о, если бы твой брат пришел, я бы с ним полный месяц прогулял бы!

— А он у меня здесь.

— А где?

— Да спрятанный сидит.

— Ну-ка веди его сюда!

Вот она его привела, все обрадовались, обнялись и давай гулять. Вот прогуляли месяц. Змей Ивана-царевича спрашивает:

— Куда же ты путь держишь?

— А туда путь держу, куда судьба моя ведет: Василису Премудрую ищу.

— Вот, — говорит, — что! Туда много молодцев ушло, да никто не вернулся. Ухо держи вострее. А я дам тебе подарочек — скатерть-самобранку. Разверни — все тебе будет: и кушанья всяки, и музыка разная. — И еще поменялись они перстнями.

— Дай, — говорит змей, — мне твой перстень. Если твой перстень затускнеет, то я узнаю, что тебе худо. Может быть, я тебе помогу. Распростились, и пошел Иван-царевич. Шел, шел, видит: стоит серебряный дворец. «Вот тут-то, наверно, и живет Василиса Премудрая!» Подошел ближе, со стены увидела его средняя сестра, увидела, обрадовалась брату, угостила его и спрятала.

— А то, — говорит, — мой муж-то может тебя съесть!

Вот спрятала, прилетат муж змей.

— Фу, почто у нас русским духом пахнет?

— Ты сам по Руси болтался, русским духом надышался, а у меня никого не было.

— Но давай есть будем. — Вот они сели есть.

— А что, если бы мой брат к нам пришел?

— О-о! Если бы твой брат пришел, я бы полных два месяца прогулял!

— А он здесь.

— Где?

— Да спрятанный сидит.

— Но-ка давай води его сюда!

Она привела Ивана-царевича, стали обниматься, стали гулять. Два месяца прогуляли. Вот змей-зять и спрашивает Ивана:

— Куда путь, Иван-царевич, держишь?

— А вот иду искать Василису Премудрую.

— Да, много молодцев туда идет, но никто оттуда не ворачивается! Дам я тебе подарок — волшебный платочек. Развернешь его, и будет все, что хочешь: и музыка разна и кушанья разны.

Вот оне тоже поменялись кольцами, распростились, и Иван-царевич пошел дальше. Идет-идет, видит: стоит золотой дворец. Думат Иван-царевич: «Вот тут-то, наверное, и живет Василиса Премудрая!» Подходит он ближе ко дворцу, увидела его младша сестра. Увидела, обрадовалась, завела домой. Угостила хорошо и говорит:

— Скоро прилетит мой муж, как бы он тебя не съел!

Но поели они, сестра его спрятала. Скоро прилетел змей:

— Фу, чё-то у тебя русским духом пахнет!

— Это ты сам по Руси налетался, русского духа нахватайся, а у меня никто не был. Спорить не будем, давай есть садись.

Вот сели, она мужа спрашивает:

— А что, если бы мой брат пришел к нам в гости?

— О, если бы твой брат пришел, я бы полных три месяца с ним прогулял.

— А он здесь.

— Где?

— Сидит спрятанный.

— Веди его сюда!

Вот все рады, давай гулять. Прогуляли три месяца. Змей и спрашивает потом:

— Куда же, Иван-царевич, путь держишь?

— Иду искать Василису Премудрую. Туда моя судьба ведет.

— Да, много молодцев туда идет, да только никто еще не воротился назад!

Но раз судьба, то иди. А от меня возьми подарок — он тебе пригодится. — Дает ему змей кошелек и говорит:

— Возьми этот кошелек, он волшебный. Когда ты его развернешь, то разны кушанья появятся и музыка всяка играть будет.

Иван-царевич поблагодарил зятя, взял кошелек, кольцами тоже с ним поменялся и отправился своей дорогой дальше. Долго шел, трудна путь была, но все-таки теперь было ему легче: если проголодается, то всё у него под рукой. Шел он, шел, пеши всё. Долго шел, наконец доходит до дворца. Кругом дворца стража стоит, во дворец всех впускают, а обратно никто не выходит. Доложила стража Василисе Прекрасной, она велела его привести. Привели Ивана-царе-

вича, она с ним поговорила, а потом палкой стукнула — его схватили и бросили в тюрьму. А там народу! Все голодом сидят. Огляделся Иван-царевич и говорит:

— Эх, ребята, чё нам горевать! — Развернул скатерть — музыка заиграла, кушанья появились, вина разны!

Докладывают Василисе Премудрой слуги:

— Как только мы Ивана-царевича в тюрьму посадили, сразу там веселье началось, кушанья и вина появились, музыка заиграла.

— А но-ка подвести его ко мне!

Они его позвали. Привели.

— Что у тебя это такое? — Иван-царевич раскинул перед Василисой Премудрой скатерть-самобранку — заиграла музыка, кушанья появились. Она попробовала:

— О-о, сколько на свете живу, такой музыки не слыхала, такого кушанья не едала! Ты мне продай ее.

— Я тебе даром отдам эту скатерть, но при одном условии: станцуй передо мной нагая.

Они были одне, без слуг, Василиса Премудрая разделась и стала танцевать перед ним. Отдал Иван-царевич ей скатерть, она позвала слуг, и они отвели его назад в тюрьму.

Заходит Иван-царевич в тюрьму. Там опять все голодом сидят.

— Но, что головы повесили? Гулять будем! — И вынимает платочек. Раскинул платочек — тут же заиграла музыка бравей прежней и появились кушанья лучше прежних.

Василисе Премудрой слуги докладывают:

— Опять в тюрьме все пьяные, гуляют, поют!

— Давайте сюда Ивана-царевича!

Его привели снова. Выгнала Василиса Премудрая всех из комнаты и говорит Ивану-царевичу:

— Что там у тебя опять?

Иван-царевич достал платок, раскинул его — заиграла музыка и кушанья с винами появились лучше прежних. Она попробовала:

— О-о! Ничего лучше не едала и музыки бравее не слыхала! Продай мне этот платочек.

— А он не продажный. Вот если разденешься и поклонись мне земным поклоном, то я тебе этот платок так отдам.

Она сперва разгневалась, а платочек охота получить — баба да баба! — быстро разделась и поклонилась Ивану-царевичу. Он отдал ей платочек, а сам под стражей назад в тюрьму пошел. Приходит, там снова голодают. Заходит и кричит:

— Но, ребята, горевать нам нечего! — Сам вытащил кошелек, раскрыл его — сразу же появились кушанья и музыка заиграла бравей прежнего. Давай все снова пить, гулять, веселиться. Песни поют, пляшут! А Василисе Премудрой снова докладывают:

— Опять чё-то Иван-царевич придумал. Все в тюрьме пьяные, пляшут да песни поют.

А Иван-царевич в это время говорит своим друзьям:

— Сейчас меня опять поведут к Василисе Премудрой. И если долго меня не будет, поднимайте страшный крик да шум. — Только сказал так, а стража уже замки отпирает.

— Но, Иван-царевич, собирайся, тебя Василиса Премудрая к себе требует!

Привели его к Василисе Премудрой. Она всех выгнала:

— Чё у тебя опять? — Он вытащил кошелек, раскрыл — музыка заиграла, всякие кушанья, вина появились. Попробовала она — оторваться не может никак, так все вкусно. Вот поела и говорит:

— Продай мне эту диковинку!

— Она непродажна. А вот если ты разденешься и меня поцелуешь, тогда даром забирай. — Махнула рукой на все Василиса Премудрая — все равно никто не видит! Разболоклась быстренько и поцеловала Ивана-царевича. А в это само время раздался шум в тюрьме, закричали, заревели на все голоса заключенные. А стража-то и залетат в комнату к Василисе Премудрой сообщить, что происходит. Залетат, а она как раз целует Ивана-царевича. Она выперла стражу и говорит ему:

— Но, Иван-царевич, сумел ты меня обмануть. Теперь будешь ты моим мужем. — Сыграли свадьбу и стали жить. Вот как-то берет Василиса Премудрая мужа за руку и ведет его по своему дворцу. Показала ему все свои сокровища и говорит:

— Теперь ты хозяин всего этого. Видишь эти одиннадцать комнат? В них ты можешь заходить, но в двенадцату не заходи без моего разрешения. Не то быть большой беде.

Сказала так и уехала на коне. Вот ходит Иван-царевич по дворцу и думает: «Какой же я здесь хозяин, если нельзя мне в двенадцату комнату заглядывать!» Взял открыл эту комнату и зашел в нее. Видит: там сидит трехголовый змей, закованный в цепи. Одна голова поднялась и говорит:

— Иван-царевич, дай мне напиться, я тебе первую вино прощу!

Он принес ей воды. Тут втора голова говорит:

— Иван-царевич, дай и мне напиться, я тебе втору вино прощу!

Он подал. Третья:

— Иван-царевич, дай напиться! — Он ей тоже дал воды. Тогда змей встряхнулся, с цепей сорвался, двери выбил и улетел.

Вылетел змей, а Василиса Премудрая домой возвращалась. Он ее схватил и с собой унес. Выскочил Иван-царевич во двор, а ему стража все рассказала:

— Схватил трехглавый змей Василису Премудрую и улетел. Теперь она у него.

Заседлал Иван-царевич самого хорошего коня и поехал искать свою жену. Ехал, ехал, приезжат в царство трехглавого змея. Вышла ему навстречу Василиса Премудрая, он ей и говорит:

— Садись скорей ко мне на коня, побежим от змея!

— Не убежать нам от него.

— Ничё, побежим. — Села она к нему на коня, и побежали. А тем временем возвращается трехглавый змей. Видит, нет Василисы Премудрой, сел на своего трехглавого коня и бросился в погоню. Настиг их, отобрал Василису Премудрую, а Ивану-царевичу сказал:

— Ладно, одна вина тебе прощается! — И ускакал с ней. А Ивану-царевичу делать нечего, дает он коню своему отдохнуть, заседлывает его и едет назад в царство змея. Приехал, снова вышла ему навстречу Василиса Премудрая, он посадил ее впереди себя, и побежали. Трехглавый змей вернулся домой — нету никого. Он сел на трехглавого коня и бросился в погоню. Настиг беглецов, отобрал Василису Премудрую, а Ивану-царевичу говорит:

— Ладно, еще одна вина тебе прощается! — И ускакал.

Снова набрался сил Иван-царевич, коня подкормил, заседлал и поехал еще раз счастья поискать. Приехал в царство трехглавого змея (его снова не было дома), посадил жену впереди себя на коня, и побежали они во всю прыть. Снова догоняет их змей. Отобрал Василису Премудрую, а Ивану-царевичу сказал:

— Помни, последний раз вина тебе прощается!

Остался один Иван-царевич, думал, думал, как ему жену у змея вырвать, — ничего не придумал. Заседлал коня и поехал в змеево царство. Того дома не оказалось. Посадил Иван-царевич впереди себя на коня Василису Премудрую, дал коню шенкеля, и побежали они назад.

Вот опять догнал их трехглавый змей. Василису Премудрую отобрал, а Ивану-царевичу голову срубил и бросил его тело посреди поля. Лежит он мертвый. А в это время зятевья Ивана-царевича взглянули на свои кольца. Видят, они совсем потухли, затускнели.

— Э, с нашим шурином беда стряслась! — Полетели искать и нашли его тело в чистом поле. А над ним уже вороны кружатся, добычу почуяли. Зятевья поймали вороненка. Ворониха их просит:

— Отпустите вороненка моего.

— А ты слетай принеси живой и мертвой воды, тогда отдадим.

Улетела ворониха, долго летала, наконец принесла живой и мертвой воды. Зятевья голову Ивана-царевича приставили к телу, брызнули мертвой водой — голова приросла. Потом брызнули живой водой — Иван-царевич на ноги поднялся.

— Ого, как долго я спал! — Зятевья ему говорят:

— Если бы не мы, твои кости уже дожди бы мочили, а ветры бы обдували. — И рассказали ему все. А потом спрашивают: — Чё дальше делать будешь?

— Поеду жену выручать.

— Э-э, ничё у тебя не получится. Надо тебе сначала доброго коня завести. Лучше ты поезжай в заповедный лес, там пасется кобыла с виноходым жеребенком, а стережет ее стая волков. Ты купи отару баран и гони ее в тот лес. Там бросай по барану на волка — они тебя пропустят. Лови жеребенка и паси его на заливном лугу три месяца. И будет тебе добрый конь. Вот тогда и поезжай добывать свою Василису Премудрую.

Распрощался с зятевьями Иван-царевич и пошел искать отару овец. Нашел и погнал их в заповедный лес. Там стал волкам бросать по барану. Накормил волков, они его пропустили. Иван-царевич поймал виноходого жеребенка, стал пасти на заливном лугу. Из жеребенка вырос настоящий богатырский конь. Вот заседлал Иван-царевич своего коня, вскочил в седло и помчался в царство трехглавого змея. Того дома не было. Увидела Василиса Премудрая мужа, заплакала от радости, выбежала к нему навстречу.

— Иван-царевич, как же это? Ты убитый был, а теперь ожил!

— Ожил, — говорит, — и теперь-то я тебя увезу. Садись впереди меня. — Села она впереди него, и они поскакали.

Тут возвращается трехглавый змей. Сел на трехглавого коня и бросился в погоню. Трехглавый конь стал спотыкаться.

— Ты чё спотыкаешься? Не бойся, Иван-царевич слабее меня. — Догнать-то догнал он Ивана-царевича, но только виноходый конь поднялся на дыбы, сбил змея вместе с трехглавым конем и затоптал. А Иван-царевич разложил костер, побросал их тела в огонь, сжег, а пепел по ветру развеял. Сел на своего коня, Василису Премудрую впереди себя посадил, и поехали они домой. И зажили потом хорошо.

32. Солдат и его товарищи

Солдат демобилизовался, идет домой. Идет и видит человека, этот человек шапку набекрень надел, вот-вот она свалится.

— Здорово, солдат! — стал спрашивать, как служил да что видел.

— Здорово, — говорит солдат. — Вот отслужил службу царю, демобилизовался. Теперь иду домой. А ты пошто шапку набекрень надеваешь?

— О-о, если я ее прямо надену, то страшный просто-таки мороз ниоткуль возьмется!

— Тогда пойдем со мной, будешь мне товарищем.

— Но пойдем.

Пошли вдвоем. Шли, шли и встретили другого человека. А у этого человека ноздри ватой заткнуты. Солдат говорит:

— Здорово, добрый человек! Ты пошто ноздри себе ватой позатыкал?

— О-о, солдат, если я ноздри ототкну, то такой ветер поднимется, просто страшный.

— Это у тебя хорошее, — говорит, — дело. Пойдем с нами товарищем.

— Но пойдем. — Идут втроем. Идут, идут и видят — идет навстречу человек на двух ногах, а третья за плечом подвязана. Поравнялись, он спрашивает солдата.

— Здорово! Куда идете?

— Да вот идем товарищами, вместе веселее. А ты пошто о трех ногах, а третью ногу за плечом подвязал?

— О-о, если я ее подставляю, то быстрее ветра побегу. Никто меня не обгонит!

— Это ты молодец! Пойдем с нами.

— Пойдемте.

Пошли вчетвером. Идут, разговаривают. Скоко уж прошли? Заходят в дремучий лес. Видят: человек целые деревья с корнем вырывает и складывает в кучу. Солдат ему:

— Здорово, добрый человек! Ты пошто деревья с корнем вырываешь и в кучу сбрасываешь?

— О-о, мне жена уже просто надоела: всё, говорит, дров не хватает. Вот я навяжу их с деляны и принесу ей побольше.

— Бросай это дело. Пойдем с нами.

— Пойдемте, ладно. — Пошли впятером. Шли, шли, увидели охотника. Этот охотник стоит и в кого-то целится.

— Ты в кого, мил человек, стреляешь?

— О-о, за сто верст и сто долин сидит муха. Я ей в левый глаз стреляю.

— С нами пойдешь?

— Пойду.

Пошли вшестером. Долго шли и пришли в город. Заходят в этот город и видят — везде плакаты висят и на этих плакатах написано: «Если найдется такой человек, который обгонит царскую дочь, того царь на ней женит и большим богатством наградит».

Эти товарищи идут на площадь. На площади уже полно всякого-разного народу, из всех стран понаехали. Все добрые бегунцы, здоровые такие. Солдат тоже заявил, что побежит с царской дочерью. Над ним все смеются, дескать, куда тебе с нами тягаться!

Но ничего. Царевна с кем ни побежит, сразу обгонит. Подходит очередь солдата. Царь его подзывает.

— Вот на тебе, — говорит, — кувшин. И дочка с кувшином побежит. За столько-то верст есть хороший родник. Если ты первый прибежишь с водой, то ты будешь победитель.

Ничего. Солдат не больно бегаёт-то, но побежал. Эта царевна сразу, как вихрь, его обогнала. Все смеются. Солдат все-таки до первого кустика добежал, а там его уже товарищ с тремя-то ногами дожидается. Забрал у него кувшин и понесся. Эту царевну опередил, да далеко опередил! — из родника воды набрал и решил подождать. Ногу третью привязал, лег у этого родника под кустом и уснул. Прибегает царская дочь, воды набрала и назад убежала. А этот спит.

Солдат переживает. Что же, вон уже царская дочь показалась, быстро бежит. Но все-таки еще далековато! Солдат думает: «Но все, проиграли!» А сам велит стрелку поглядеть, чем там этот бегунец занимается. Стрелок посмотрел и говорит:

— Да ведь он спит. — Берет ружье и стреляет. Пуля у бегунца под ухом прожужжала — он проснулся. Разбудился, быстро схватил этот кувшин, третью ногу подставил — побежал и обогнал далеко до места царевну. У кустика передал кувшин солдату, и тот прибежал первым. Все кричат, что солдат

победил. А царю неохота дочку за солдата отдавать, он и решил его погубить. Подходит к солдату и говорит:

— Вы выиграли. Теперь отдыхайте.

Отвел им комнату, а в этой комнате было подделано: под ней в подвале были печи чугунные, а полы, стены и потолок тоже чугунные. Вот эти зашли. Им вина дали много, закуски всякой-разной. Сидят, выпивают, закусывают. А там прислуга стала топить печи. Вот все жарче и жарче. Тут тот человек, у которого шапка набекрень, немного эту шапку поправил, стало свежее. Еще поправил — стало уже холодать. А там топят. Но им-то все нипочем. Выпивают, закусывают. На стенах, на потолке иней.

Вот царь прибежал, думает, что солдат сгорел в этой комнате. Двери открыли — там все они живёхоньки. Говорит солдат:

— Давай, царь, теперь расплачиваться.

— А сколько тебе надо?

— Так царевну и золота, сколько один человек унесет.

Царь согласился. Солдат царевну забрал. А тот силач, который дялану таскал, сгрел все золото царско и легонько на спину тюк этот забросил. И пошли. Идут, а за ними топот: конница бежит. Это царь отправил армию, чтобы отобрали царску дочку и золото.

Что же, тот, ветродуй-то, из ноздрей вату повытаскал да как дунет! Все войско в воздух взлетело, все погибли. Царь тоже умер. Солдат говорит:

— Давайте-ка, ребята, во дворце царском поживем! — Вернулись, закатили пир на весь мир. Вино текло по усам, текло, а в рот не попало.

33. Потороча — одна нога другой короче

Жили старик со старухой. У них детей не было. Они наварили каши четверик с восьмухой, стали мать — потянуло фунтов пять, стали весить — вытянуло десять. Они все это сложили в горшок и повесили в мешок, под крышу. Там долго ли, мало ли это всекисло. И у них вышел ребенок маленький. Сам был с ноготь, а борода с локоть. Они его назвали Поторочей — у него одна нога была короче. Вот старик и говорит:

— Ты, мать, накорми детёнка-то!

Она стала блины пекти. Блин испечет, пока другой нальет, а того уж нету — он их завернет да за бороду кладет. У него борода была. Вот второй опять испекла — он завернул да за бороду положил. Наложил блинов за бороду и думат: «Хватит мне дойти до городу!»

Вот отец уходит на работу, наказывают:

— Ты мне, старуха, отправь хлеба с сынком-то.

Старуха хлеба напекла и отправила Поторочу к отцу. Понес хлеб. Идет — все кочки, да болото, да осиновы ворота. Вот он дошел до осинового ворот, сам отцу орет:

— Папка, ты перевези меня! — Он говорит:

— А ты ить Потороча — одна нога другой короче, вставай на кочку и будет в точку.

Он встал на кочку и пришел в точку. Принес отцу хлеб.

Вот отец сел ись, а он за плугом пошел, этот Потороча, сам с ноготь, а борода с локоть. Но какой же он ребенок?

Едут узольники и говорят:

— О, паря, каки хороши кони — одне ходят! Вот бы нам тюки возить! — А старик и говорит:

— Да вы чё, это же мой сын за плугом-то ходит.

— А ты нам его продай. — И как раз поверстались.

— Нет, я этого сынка сам-то едва дождался.

А Потороча к отцу подбежал и тихонько говорит:

— Отец, продай меня. Проси всякого товару, а я от них, от купцов, все равно убегу. А ты пока потайник копай.

Поторговались, поторговались — отец все-таки продал Поторочу. Купцы его в ящик посадили и уехали. А старик начал потайник копать. И вот далеко ли, близко ли отъехали, Потороча начал из ящика товар выбрасывать. Весь товар выбросил, а купцы и не оглядываются. Везут его своим купчихам на забаву.

А Потороча товар-то выбросил и в ящик полно навалил, н... Сам выскочил. Приезжают купцы домой, говорят:

— Но, тащите корзиночку или серебряно блюдечко! Мы вам диковинку привезли.

Вот купчихи прибежали, ящик-то открыли — там дыхнуть нельзя, схватывают просто! Купчихи осердились, разговаривать со своими мужиками перестали, дескать, вы чё, смеетесь над нами! И купцы-то рассердились:

— Это он куды же товару стоко дел? — Поехали назад. Старика нашли, напустились на него:

— Это ты нам кого же продал? Дыхнуть нельзя — просто схватывают!

— Кого схватывают? Это вы куды моего сына девали? Я вас сейчас в тюрьму посажу! Отыскивайте мне сына! — Им делать нечего, повернули коней да уехали. А старик до этого уже с Поторочей потайник выкопал, все товары собрали с дороги и запрятали.

Прошло чё-то время, приезжают к этому старику разбойники. Сидят, чаюют. Этот Потороча и говорит:

— Давайте поедemте и ограбим этого купца, который меня покупал! Давайте! — А им то и надо, этим разбойникам-то.

Вот поехали. Потороча ишо из дому подушку медом намазал, приехали — окошко выдавил. Залезли в магазин. А у купца дом-то на одной связи с магазином был. Давай они добро вытаскивать да в свою золоту карету грузить. Но все вынесли, сложили. Один медовой остался бочонок. Вот Потороча и заревел:

— Евот ишо! Идите, нате, берите! — Они:

— Да ты что?.. — А он ише сильнее ревет:

— Вот бочонок остался! — Ох ты меченьки!

Тут хозяин разбудился. У него телефон — живо милицию созвали. И поку-

дова шум да дело, Потороча спрятался в шелку кареты. Этот медовой бочонок забросил в карету — и был, да нету.

Уехал, в потайник все спрятал.

А разбойников в тюрьму посадили. Много ли, мало ли они сидели в тюрьме, все-таки сбежали чалдонами. Идут лесом. А Потороча взял бочонок и пошел по грибы в лес, де, больше притащу. Ножичек взял, хлеб с собой взял. Ходит там, собирает грибы. Разбойники в этом лесу как раз прятались, увидели его:

— Ух он, черт такой, Потороча-то, — всё-то живой! Давайте его счас изловим.

Изловили, раздели, в этот бочонок посадили да гвоздями забили. Сами ушли. А у него ножичек был, хлеб был.

Вот подошла к бочонку лисица, понюхала, а он в шелку увидел, что лиса ходит. Думат, как бы ее изловить. Давай протрагивать в бочке ножичком дырку. А лиса вертелась, вертелась — учухала и убежала. Потороча дырку поболее сделал, чтобы рука прошла. Вот пришел волк. Нюхал-нюхал, вертелся-вертелся и повернулся к дыре хвостом. Потороча скорей схватил волка за хвост, волк-от его в деревню с перепугу и понес.

И вот когда волк в деревню-то забежал, там его давай собаки драть. Потороча хвост в бочонок затянул, никак не отпускает. Волк-от прыгал, прыгал — из шкуры выпрыгнул и в лес убежал. А шкура-то осталась. Потороча в дыру вылез и шкуру-то на себя надел. А тут собаки увидели этого повесу и думают, что волк пришел из лесу. Кинулись на него.

А в амбаре баба муку сеяла. Потороча в этот амбар заскочил и за дверь встал. Баба испугалась — да за охотниками. А Потороча выскочил из амбара — да в баню, а из бани — да в лес за грибами. Вот и все.

34. Как Иван-дурак на царевне женился

У одного старика три сына было. Два сына умных, добрых, а третий и не дурак, а все его дураком звали. Заставили его чушек в лесу пасти. Вот и задумал Ваня-дурак узнать, что там, за лесом. И пошел. Шел-шел по лесу. Темно стало. Залез на лесину, переночевал. Опять прошел целый день по лесу. На ночь снова на лесину залез. Утром проснулся от петушиного крика. Выходит из лесу, смотрит, а перед ним город. И народ весь в черной лопоти. Спросил Иван у мужиков, что у них случилось?

— Да вот царску дочь на съеденье дракону отправляем.

— А что же это вы сделать ничего не можете с ним?

— А чего ты с ним сделаешь?

— Пойду защищать царевну.

— Иди, иди, — говорят мужики, — как раз на закуску дракону годишься. — Пошел Иван к царю. Так и так, говорит. Царь велел накормить его, одеть как следоват, принести ему всяко оружие. А Иван-то и говорит:

— Я не умею оружием руководить. А вот топор мне сгодится.

Принесли ему топоры. Выбрал он себе посправнее да покрепче. Тут уж царевну к пещере дракона повезли. Привязали ее к большой лесине. Народ весь провожал. Распростились и ушли. А Иванушка-дурачок остался.

Стал он сухостой рубить. Разжег костер. Смотрит, дракон из пещеры и ползет. Схватил Иван долгу головню, стал в хайло ему складывать одну за другой. Тот так и помер. Ослобонил, паря, царевну. А возвращаться поздно уже, они в лесу и переночевали.

Утром царь приезжат дочь оплакать и видит: лежит молода царевна в обнимку с Иваном. Обрадовался царь. Сделал свадьбу им. Женил Ивана на царевне. Одел его в царски одежды.

Немного погода стал Иван с женой в гости к отцу с братьями собираться. Запрягли карету. Много продуктов взяли, вина в чемоданы наложили. Рвану одежду свою, лопотишку свою, Иван в мешок сложил и с собой повез. Подъехали к его деревне. Видят: чушки его гуляют. Иван и говорит царевне:

— Поезжай одна, постучи вон в тот дом, в гости, попроси баню затопить. А обо мне молчи.

А сам царску одежду в чемодан сложил и одел стару. Погнал чушек домой. Идет ревет! Выбегают отец, братья:

— Тише, тише! У нас царевна гостит.

— А мне, — говорит, — чё, мне чушек загнать надо.

Заходит в дом, здороватся. А царевну будто не знают, и она его не выдает. Его и спрашивают:

— Где же ты, дурак, шлялся столь время?

А тут баня уже готова. Повела старуха ее в баню, барыню-то.

— Ты, девка, только заложись, а то дурак прибежит, чё доброго! — А дурак-то и спрашивают:

— А что царевна, моется?

— Моется.

— Пойду я к ней.

— Иди, иди, — говорят, — она ошпарит тебя!

Пошел, а они все смотрят, что будет. Глазам не верят: царевна дурака впустила. Вымылись. Оделся Иван в царски одежды. Взял чемодан в руку. И выходит с царевной под ручку. А родные его дивуются. Заходят в избу, царевна и говорит:

— Поздравьте нас с легким паром. Давайте нашу царску свадьбу справим. Иван Семеныч, принеси продукты. — Наготовила она царски кушанья, вина поставила. Все наудивляться не могут:

— Как же это дурак на царевне женился?

35. Иван — гражданский сын и нечиста сила

Жил-был крестьянин. У него была жена. Вот родились у них сын и дочь. Дочь называли Еленой, а сына — Иваном. Пришло время, и старик помер, ста-

руха померла. Брат да сестра остались одне. Вот живут, вот живут. Теперь сестра связалась с нечистой силой (раньше нечиста сила была), нечиста сила и говорит ей:

— Ты своёва брата уничтожь, а то нам покою не будет.

— А как?

— Отправь его к лисице, чтобы он у лисицы попросил молока тебе лечиться. Она его и съест. — Елена пришла к брату и говорит:

— Брателко, мне присоветовали идти к лисице... чтобы ты принес лисичьего молока, я тогда вылечусь, а то сильно болею.

Он берет ружье, пошел. Глядит — бежит лиса. Он нацелился на нее. Лиса остановилась и говорит:

— погоди, не стреляй! Скажи, Иван — гражданский сын, что тебе надо?

— Дак вот мне надо что — молока твоего.

— Я не токо что молока, я тебе лисенка дам. — Дала ему лисенка, молока. Он принес сестре. А та молоко не пьет, а за ухо льет. Но, значит, не лечится.

— Но чё?

— Но ково, — говорит, — толку нету.

Нечиста сила потом опять ей подсказывает:

— Ты отправь его к волку, волк его обдерет. — Пришла.

— Ой, брателко, мне присоветовали найти от волка молока. Ты иди, а то болею сильно. Волчье молоко обязательно подействует.

Он берет ружьишко, назавтра пошел. Идет, идет, увидел — бежит волчуха. Он нацелился. Она ему говорит:

— Чё тебе, Иван — гражданский сын, надо?

— Дак вот, надо молока, сестра болеет.

— Я тебе молока дам бутылочку и дам тебе волчонка.

Он приходит домой.

— Вот тебе, сестра. — А сестра не пьет опять же, а за ухо льет. Прилетат к ней нечиста сила.

— Чё?

— Ой, он тогда лисенка принес, а теперь ишо и волчонка принес. Нихто его не съест никак!

— Отправь его к медведю, медведь его сломает.

Она тепериче назавтра:

— Вот, брателко, иди к медведю, надо медвежье молоко, он же зверь большой — вылечусь.

Вот пошел Иван, встретил медведицу, нацелился. Она ему:

— Что тебе, Иван — гражданский сын, надо?

— Мне, — говорит, — надо медвежьего молока, сестра болеет.

— Ну, я тебе дам бутылочку, ишо дам медвежоночка.

Пошел Иван — гражданский сын домой. Приходит домой. Она не лечится, не пьет, за ухо льет. Нечиста сила опять толкует:

— Теперь ты отправь его на охоту. Там звери его задавят. Медведь прибежит, волк и лиса, его задавят там.

А у Ивана была еще сучка-вещуйка и кобель-рвач. Вот он пошел на охоту, собак и зверей с собой взял. Идет поपालиват, а собаки — в овраг. Попали звери в глубокий овраг и вылезти не могут. Вдруг к Ивану прилетат нечиста сила и говорят:

— Я тебя съем! — Он говорит:

— Нечиста сила, разрешите баню затопить, потому что у меня тело грязно, как вы будете ись?

— Топи как можно скорее! — Он сырых дров наклад, дым идет. Нечиста сила опять прилетат:

— Что ты?

— Дак видите, не могу затопить.

— Вот за стоко-то время топи и мойся, потом я тебя съем. — И улетел. Летит ворон-воронович Тарх Тархыч, кричит:

— Иван — гражданский сын, как можно доле баню топи, твоя охота из оврага выбивается! — Только ворон улетел, прилетат опять нечиста сила.

— Чичас съем!

— Ты чё, нечиста сила, погляди, как я так буду мыться? Я же угорю!

— Чичас сгложу, но пока я убегу, потом прибегу и проглотю.

Нечиста сила улетат, снова прилетат ворон-воронович Тарх Тархович:

— Иван — гражданский сын, как можно доле баню топи. Охота твоя отдохат на берегу!

Только нечиста сила прилетел, собаки набежали и его разорвали. Иван взял его сожег. И остался один зубок. Он его положил в карман, принес домой. Сестра взяла этот зуб и завернула, спрятала. А брат догадался, что она творит, взял ее и повесил за шиворот на матку. Поставил под ней два ведра, одно со дном, другое без дна.

— Вот, сестра, если ты любишь меня, то со дном ведро полно слёз будет, а без дна пусто. А если не любишь, то ведро безо дна полно слез будет. Ушел. Когда вернулся, в ведре безо дна полно слез, а со дном — только три капли.

Теперича Иван ее оставил, а сам свистнул охоту и пошел куда глаза глядят. Идет, идет. Шел долго ли коротко, близко ли далёко ли. Приходит в город. Попросился к одной старухе переночевать, она и говорит, что прекрасну девушку увозят нечистой силе двенадцатиголовой на съедение. Он теперь и говорит:

— А куда ее повезут?

— А вот туда-то.

— Знаешь, бабушка, ты мою охоту в амбар посади. Она у меня смирна. А сама зажигай свечку и молись. Если кровь капнет со свечи, ты собак и зверей отпускай.

Но он пришел на то место, там сидит девушка и плачет.

— Ты пошто здесь?

— Да вот пришел тебя освобождать.

— Да как же ты освободишь?! Сколько нашего брата девушек нечиста сила съела!

— Ничё, постараюсь. А вы знаете чё? У меня свербит в голове. Вот вам шило, и поскребите в голове.

Она как в голове-то стала скрести, он уснул. Вдруг море заволновалось, вылетат нечиста сила двенадцатиголова.

— Фу-фу! Просил на завтрак, а отправили ишо и на обед! — Теперь заходит. Девушка Ивана разбудила. Нечиста сила:

— Но как, Иван — гражданский сын, будем с тобой драться или мириться?

— А я не за тем сюда пришел, чтобы мириться. Будем драться! Ты, нечиста сила, вперед меня бей, а потом я. — Он ударил — до лодыжки в землю вбил. Иван ударил — три головы сшиб.

А бабушка сидела перед свечкой, сидела и уснула. Со свечки уже кровь за капала. Она спит. Иван свою стрелу бросил. Она не слышит, как молилась, так и уснула. Тогда нечиста сила Ивана — гражданского сына второй раз ударил, в колено закопал. Иван его — бацк! Опять три головы сшиб. И снова стрелой стрелил туды, к бабке. Тепериче, когда втору-то стрелу стрелил, старуха разбудилась. Там уж кровь из свечки вовсю бежит. Она соскочила, охоту выпустила. В этот момент нечиста сила ударил — до пояса вбил Ивана в землю. Иван ударил, еще три головы свалил. Тут налетела охота, нечисту силу схватили звери и разорвали. Иван берет цепь, обвязывает тушу нечистой силы и сбрасывает в воду, на показ людям чтобы потом. Головы тут, все. А тот Ивану руку повредил, рассек.

— Вот, — говорит, — руку мне повредил.

— Вот у меня шелкова шаль — отрывай конец. — Перевязывают ему руку и говорит: — Теперь ты будешь мой милый, ты меня спас. Пойдем со мной?

Он отказался, пошел к бабушке. Она выходит, едет водовоз.

— Ты как спаслась?

— А меня один молодой человек отстоял. У него две собаки, лиса, волк и медведь — вот меня отстояли.

Он ее давай заставлять:

— На, ешь земли горсть. Говори, что это я тебя отстоял!

— Да как же ты! Ты на бочке ездешь.

— Нет, ешь землю, говори, что я отстоял.

И скормил ей горсть, другую. Но волей-неволей — смерть приходит, от той отстоялась, эта опять — пришлось согласиться.

Он приезжат, ее привозит. Водовоза спрашивают:

— О-о, ты это как ее спас?

— А вот так: я то на бочку, то под бочку, то вокруг, он меня никак достать не мог! — А она боится сказать. Ну, давай готовить свадьбу. Отец ее, купец, делает свадьбу. На весь город объявили. А Иван и говорит своей хозяйке:

— Поедем, бабушка, на свадьбу посмотрим.

Напоили кобелишку, сучку-вещуйку, лисицу, волка и медведя и пошли. Идут. Невеста его увидела и узнала.

— Папа, вот этого пропустите! — Народ в сторону, потому что охота идет: лисица по-своему воет, волк по-своему, медведь, собаки — по-своему и медведь ворчит. Он заходит.

— Папа, вот меня кто спас!

— Как?

— А вы посмотрите, у него перевязана рука моей шелковой шалью! — Посмотрели — верно.

— А с этим что делать?

— Его расстрелять! (Раньше простокишей расстреливали.)

Поставили на столб, расстреляли простокишей. Сделали свадьбу. Отец богатство свое отдал Ивану. Спрашивает:

— Кто твои родны есть?

— Есть сестра, — говорит, — Елена.

— Привези ее.

Он ее привозит. А когда легли спать, Елена зуб нечистой силы положила ему под подушку. Когда Иван уснул, зуб ему в ухо залетел. Утром встали — Иван — гражданский сын лежит мертвый. Что делать? Похороны надо сделать. Сделали стеклянный гроб, сказать, домовище ли, положили. Увезли, поставили. Она толкует, жена:

— Поставим его на кладбище на высоко место, чтобы я видела, потому что он мне жизнь спас, а сам умер.

Они же не знали, от кого он погиб. А охоту куда? Посадили зверей в погреб, чтобы заморить голодом. Вот лисица скребет, скребет, потом начинает волк, волк скребет, скребет — начинает кобель-рвач, рвач скребет, скребет — начинает медведь. Выбрались! Когда охота выбилась, сразу на кладбище.

Утром купецка дочь встала, посмотрела на кладбище.

— Папа, на кладбище, где Иван схороненный, шевелится кто-то!

— Ты что! Как же он может встать? Ты что, моя милая, разве кто из могилы встает?

— Но, папа, посмотри, как будто охота Ивана.

А звери вытащили тело Ивана. Теперь вытащили, кобель-рвач лизал, лизал ухо ему — этот зуб выскакивает и в него — кобель упал. Кобель лежит. Иван поднялся:

— Оё-ё, как я долго спал! — Отвечает охота ему:

— Тебя твоя сестра «поправила»! — показывают на рвача.

Сучка давай кобелю ухо лизать, лизала, лизала — зуб вылетел, прямо сучке в ухо! Она упала. Начинает лизать волк. Лизал, лизал — выскакивает зуб и ему в ухо! Волк пропал. Теперь медведь толкует:

— Моя очередь.

Лизал, лизал — выскакивает зуб и ему в ухо. Медведь упал. Теперь лисице лизать. А ее называют «хитра». Она говорит:

— Нет, вы обождите. Я побегу в деревню, там возьму кое-чѐ.

Прибегат в деревню, там старуха пекет лепешки, или, сказать, блины.

— Бабушка, смотри: у тебя на дворе скот вышел, волк их давит!

Старуха выскочила. Лисица схватила сковородку и вернулась с ей к Ивану. Давай лизать ухо медведю. Лижет, лижет и к уху сковородку ставит, лижет, лижет и к уху сковородку ставит. Зуб вылетел, в сковородку ударил — только «тресь!» — разбился весь. Вот Ванюшка идет, а его жена заглядывает.

— Ой, папа, вишь, я тебе говорила!

— Чё тако?

— Иван идет. — Стали его расспрашивать.

— Это меня сестра решила!

— Чё с сестрой делать?

— А вот вам совет: что хотите, то и делайте. Я нечисту силу победил, а один зуб остался. Вот меня охота от него спасла.

Решили расстрелять ее. Ее простокишей тоже надо расстреливать. Посадили, простокишей расстреляли. Сделали пир тут на весь мир. Я тут был, вино пил, по усам текло, в рот не попало.

36. Про Ивана Поповича, Дубыню и Гориню

В одном селе жил-был поп. У него была хозяйка, матушка. Во время лета матушка пошла собирать грибы в лес. Ушла далеко в лес и долго ходила. Батка ее потерял. И вдруг в лесу она наткнулась на медведя. Медведь ее забрал и увел в берлогу.

Вот розыски. Искали и не могли найти. Через долго время у матушки появился сын. Сын очень стал большой, могучий. Матушка взяла его и ушла от медведя. Вышла из леса и вернулась к попу.

Поп обрадовался, что она пришла. А сына назвали Иван Попович.

Иван Попович быстро развивался. У него было много лошадей, на которых возили дрова, всё. Стал Иван Попович сильным и могучим. Запряг он двенадцать лошадей и поехал по дрова. Один на двенадцати лошадях!

Едет лесом, навстречу ему идет медведь. Лошади испугались, разбежались, а он остановил медведя, запряг его, схватил двенадцать деревин, нагрузил воз и привез на медведе домой.

А у попа в конюшне были хороши лошади, выездные, пара стояла. Чтоб где-то поехать куда-то на них. Иван Попович завел к лошадям выездным этого медведя и заходит в хату. Говорит:

— Ну, папаша, я знаешь какую лошадь приобрел! На одну погрузил двенадцать лесин. А те у меня все разбежались, лошади.

— А где она сейчас?

— Да вот там, в конюшне, с лошадям.

Батка открыл конюшню: эти выездные лошади испугались и убились об стену, расхлестнулись. Батка его стал, конечно, ругать, за то, что он неправильно сделал.

Иван Попович долго не думал. Забрал Мишу-медведя и пошел странствовать. Идет. Поле, большое озеро. Иван Попович предлагает:

— Давай, Миша, искупаемся! — Миша согласился. Иван Попович говорит: — Но перво я пойду купаться. — Он спустился в озеро, а в этом озере оказался большой черт. И потащил Ивана на глубину. Иван вскричал:

— Миша, выручай!

Миша быстренько забрел туды, Ивана Поповича за руку — и выворотил совсем вместе с чертом.

Пошли вместе странствовать: черт, медведь и Иван Попович. Идут и идут. Черт сколь ни идет, а все назадь оглядываются. Иван Попович спрашивает:

— Ты пошто оглядываешься? — Черт отвечает:

— Эх, Иван Попович, где кто родился, без того жить не может!

Иван Попович поглядел на него:

— Иди себе куда тебе надо. — Черт — бульк! — в озеро и все.

Пошли они с Мишей-медведем. Миша не столь идет, сколь оглядываются. Иван Попович спрашивает:

— Чё, Миша, оглядываешься?

— Эх, Иван Попович, где кто родился, без того жить не может.

Иван Попович поглядел на Мишу и Мишу ослободил. Пошел один странствовать. Идет. Попадает ему мужчина. Познакомились, стал спрашивать, кто он такой. Он говорит:

— Я Дубыня-богатырь. Я дуб ворочаю любой! А вы? — Иван Попович:

— А я простой человек.

— Ну, пойдемте вместе, на пару веселей.

Пошли странствовать. Идут, идут, встречают третьего богатыря. Тот говорит:

— Я Гориня-богатырь. Я на любую гору залезу, топну, и получится болото! — Остановились. А Дубыня-богатырь говорит:

— А я вот подойду к дубу любому, толкну — и он свалится!

Но дело чё ж, неспорное. Иван Попович стоит в стороне, помалкиват. Сильный, могучий. Вот Дубыня подходит к дубу. Толкал, толкал — столкнуть не мог. Гориня залез на гору, топал, топал — была гора, так и стоит гора. Иван Попович говорит:

— Но-ка дай, я попробую. — Зашел на гору, топнул — оказалось болото. Подошел к дубу, толкнул — и дуб повалился. Значит, Иван Попович вроде остался победителем.

Пошли трое странствовать. Идут-идут, лес, лужайка большая в лесу. Стоит хата большая, никого в ней нету. Ходят кругом быки. Они зашли в эту хату — никого нет. Устроились, мол, здесь мы будем счас отдыхать, поохотничам похотим. А пока быка одного убьем — мясо у нас будет пока. Привели быка, убили.

Переспали. Утром Иван Попович говорит:

— Но ладно, надо идти на охоту. Мы пойдем на охоту с Дубыней, а ты, Гориня, оставайся, вари нам мясо. Чтоб мы пришли с охоты, а мясо было бы готово. — Но, согласились с ним.

Иван Попович и Дубыня пошли на охоту, Гориня остался варить. Гориня наварил полно-полно ведро мяса, даже боле. И вдруг к нему стучат во дверь:

— Откройте! — Он ему открыл. А к нему подбегат — сам с ноготь, а борода с локоть!

— Накормите! — Он накормил.

— Еще. — И этот старик у Горини все мясо съел! Покушал когда, из-за стола вылез, Гориню скомил и отмял хорошенько. Ушел.

Приходят с охоты Иван Попович и Дубыня-богатырь.

— Но как, Гориня, наварил мяса?

— Ой, нет, ребята.

— А почему?

— Да печка... угарна печка — угорел.

Но что ж. Стали снова печку топить — топится. Наварили мяса. Наутро Гориня говорит:

— Я сегодня пойду на охоту с Иваном Поповичем, а ты, Дубыня, оставайся, вари мясо.

Ушли. Эти охотничают, а Дубыня стал варить мясо. Наварил много. Вот опять прибегают старичок. Сам-с-ноготь-борода-с-локоть.

— Откройте! — Открыл.

— Проведите! — Он его провел.

— Накормите! — Он его стал кормить. И так же получилось, то же самое: старик все мясо съел и Дубыне хорошо оттункал. Сам ушел. Дубыня лежит. Приходят с охоты Иван Попович и Гориня. Дубыня говорит:

— Но правильно, печка угарна. Ничё не смог я сварить, только угорел.

Иван Попович подумал: что такое? И говорит:

— Но-ка, вы идите завтра на охоту, а я останусь варить.

Они ушли на охоту, Иван Попович остался варить, приготавливать обед. Нарубил мяса, наварил. Вот кто-то стучит во дверь:

— Откройте! — Иван Попович говорит:

— Гость, дак откроешь! — Старик царапал, царапал — дверь открыл. Кричит:

— Проведите!

— Гость, дак пройдешь и сядеешь! — Вот он прошел, сел.

— Накормите! — Иван Попович говорит:

— Гость, дак дождешься, потерпишь. — Взял тарелочку, вилочку, приготавливает — все было запасено. Поставил ему. Старик кричит:

— Еще! — Он ему:

— Гости помногу не кушают. — Тут Сам-с-ноготь-борода-с-локоть на Ивана Поповича, как на тех же, попытать хотел, побить и уйти. Иван Попович, конечно, ему крепко поддал и выбросил за дверь. Сам-с-ноготь-борода-с-локоть чуть теплый ушел.

Приходят ребята с охоты. Иван Попович:

— Чё же, вас эта «печка» и уморяла?

— Да-да, вот она сама, эта «печка»... Вот он нас отомнет, мясо съест и уйдет.

— Но садитесь. Ешьте досыта. — Сяли, наелись. Иван Попович, когда они наелись, говорит: — Выпал снежок, пойдемте-ка его следить, куда он ушел.

Вот пошли. Подходят — под землю большая дыра. Они подошли и толкуют:

— Кто туда полезет в эту дыру? — Иван Попович говорит:

— Давайте спускайте канат, и я полезу.

Они давай привязывать канат, и Иван Попович полез. Они его спускают. Спускали, спускали — спустился Иван Попович. А там оказалось хорошее село. В этом селе у старика Сам-с-ноготь-борода-с-локоть были три дочери. Иван Попович зашел с краю, спросил:

— Где тут живет Сам-с-ноготь-борода-с-локоть? — Ему отвечают:

— Да вот у первой дочери.

— А где ее квартира?

— Вот тут-то. — Он зашел, спросил, старша дочь говорит:

— Да, он нам папаша. Он ушел к средней дочери.

Иван Попович спросил, где живет средняя дочь. Пошел туда. Зашел. Та говорит:

— Отец ушел к младшей дочери, там сегодня баню топят.

Он приходит туда, к младшей дочери. Спросил. Она говорит:

— Да, отец счас у меня. Только что куда-то вышел, а я топлю баню.

А они, все эти дочери, были красавицы. Иван Попович стал вести беседу с младшей.

— Почему он такой маленький, а сильный? — Она говорит:

— Вот почему: у нас в бане стоят два бака воды. В одном баке сильная вода, а в другом бессильная. Если он сильной водой помоемся, его никто не может победить. А если бессильной, то едва придет.

Вот так. Иван Попович познакомился, значит, с младшей дочерью, она его закрыла в шифонер, дескать, все шито-крыто. Вдруг застучало. Приходит старик Сам-с-ноготь-борода-с-локоть.

А Иван Попович за время сходил и переставил баки с места на место. И вот этот приходит. Дочь говорит:

— Но иди, баня готова. — Старик пошел. Пришел, начал мыться. Он же думат, что в этом баке сильная вода — стал ей мыться. Умылся и едва-едва оттуда идет. Потому что в этом баке оказалась вода бессильная. Заходит. Иван Попович сидит за столом. Вот он на Ивана Поповича кинулся. Помнит же, что тот ему насолил. Но Иван Попович его скрутил-смутил. Всё.

Но что? Забрал у старика младшу дочь. Пошел за второй. Вторая тоже согласилась с ём идти. К третьей. Всех трех забрал и идет, где висит спущенный канат, где дожидаются Дубыня и Гориня-богатыри. Иван Попович за канат подергал и кричит:

— Но давайте, я пришел! Поднимите меня назад!

А он первой подвезал старшу дочь, и они потянули. Когда вытащили, видят — красавица! Давай спорить. Тот: «Мне!», другой: «Мне!» Иван Попович кричит:

— Отпускайте канат, ишо красивой есть! — Средню уже привязал. Вытянули — ишо красивой. Опять тот: «Мне!», другой: «Мне!» Он и говорит:

— Тяните ишо! — А эта его сама любима, Ивана Поповича.

Вытянули — ишо больше шумиху подняли. Теперь надо Ивану Поповичу как-то вылезать. Он кричит:

— Давай канат, ишо красивой есть!

Сам привязался, и они потянули. Потащили и увидали, что Иван Поповича тащат. Хотели отпустить обратно, но Иван Попович сумел выскочить оттуда. Когда выскочил, Дубыне отдал старшую сестру, Горине — среднюю, а себе взял младшую. И разошлись. И сейчас живут — куда с добром!

37. Фома-богатырь

Жила в одном поселке вдова. У нее был единственный сын Фома. Этот Фома был простоватый, у него маленько не хватало.

Вот как-то велел ему атаман сена привезти. Фома поехал, сена накладал на сани, привез. Заехал в ограду, веревку развязал, бастрик выбросил. Пласта два сена на стайку кинул и думат: «Паря, чё-то проголодался здорово, пойду почаюю». А стайка была низенька. Тут во дворе бык ходил. Он зашел с задней стороны и залез на стайку. Стоит, свеженько сено поедат. Фома заходит в избу к атаману и видит, что на стенке объявление висит.

— Это что за объявление? — Фома спрашивает. Поселковый атаман ему отвечает:

— Наш царь (тогда еще цари были) разослал указ: если найдется в русской земле богатырь, который царского богатыря в поединке победит, за того царь дочь свою замуж отдаст и полцарства в придачу отвалит.

Ладно. Почаевал Фома, пошел сено уметывать. На крыльцо вышел, видит — на стайке бык ходит, сено ест. «Ничё себе, — Фома думат, — я даже и не заметил, как быка вместе с навильником на стаю закинул!» По-быстрому сбросал воз и побежал к матери. Прибежал и говорит:

— Собирай, мать, меня. Поеду к царю. — Повернулся — и к атаману назад. — Оформляй документ!

Тот посмеялся, но документ оформил. От атамана Фома вернулся домой, торопит мать. Старуха его собирает, сама отговариват.

Фома заладил: «Поеду!» — и только. Но, собрался, поймал свою кобылу, оседлал и поехал. Мать его проводила, а на дорогу дала еще полотенце, говорит:

— Возьми, сынок, утрешься дорогой.

Взял он утиральник, едет. А тут уже царский указ огласку получил. Было место и время назначено. И торопятся к этому месту богатыри силу свою испытать.

Вот Фома наш едет и на каждом верстовом столбе пишет: «Здесь проехал могутный богатырь Фома». А другие богатыри едут следом и читают эти слова. Вот один догоняет, спрашивает:

— Эй, добрый молодец, не проезжал ли тут могутный богатырь Фома?

— Я и есть Фома, подстраивайся сзади и езжай за мной. Будешь мне младшим братом. — Сколько-то проехали, догоняет их другой богатырь, спрашивает заднего:

— Ты чё за этим мужиком еле плетешься? Поедем скорей!

— Ой, тихо! Это же и есть могутный богатырь Фома!

А Фома поворачивается и говорит:

— Езжай за нами. Будешь другим моим младшим братом.

Этот присмирел, поехал следом. Потом так же еще один к ним припарился. Вот приезжают на поле боя. Тут грань помечена. До время заезжать на нее нельзя. А Фома не заметил, проперся за эту черту. Ему ревут:

— Ты зачем переехал грань?!

— А мне, — Фома говорит, — нипочем любая грань!

Тут выезжат навстречу Фоме царский богатырь. Огромный, больше двух метров в высоту. А конь под ём — дак как птица! Фома увидел его и струсил, потом думает: «Паря, я глаза утиральником завяжу себе, чтобы не так страшно было». Кобылу остановил и давай глаза себе завязывать. А богатырь увидел — удивился, подумал: «Тут что-то не так». И тоже себе глаза завязал. У Фомы и меча-то не было, косу с собой прихватил. Конь у богатыря бросился и занес его прямо на косу. Голова слетела, со слепу-то без головы остался этот царский богатырь.

Вот стал Фома победителем. А царю он, конечно, не понравился, царевне — того боле: замухрышка да замухрышка. Тогда царь Фому позвал и говорит ему:

— Напал на наше королевство сосед-король с большим войском. Ты как могутный богатырь должен это войско перебить и короля прогнать.

Что тут делать? Делать нечего, Фома стал собираться. Решил ехать на коне того богатыря, которого победил. Привели этого коня, заседлали. Фома ладился, ладился, никак не мог на него сесть. Повел его к штабелю бревен, думат, с бревен заскочу в седло. Еле влез на коня, конь попятился, и бревна покатались вниз. Одно попало в стремя. Конь сдурел — и в поле. А там войско этого короля. Конь как взялся по полю бегать, а бревно в сторону торчит — этим бревном все войско исхлестал вместе с королем ихним. Бревно из-за стремени выкатилось как-то, и конь успокоился.

Вот приезжат Фома к царю, докладывает, как и что. Теперь к нему другой подход нужен. Царевна руку подает Фоме — она девка здорова тоже была — он заойкал. Э-э, да какой же это богатырь?! Надо его еще испытать. Вот царь и говорит Фоме:

— Много лет уже мучит нас старик из подземного царства: скотину давит, людей убиват. Теперь ты одна надежда у нас. Ступай в подземное царство и отвадь этого старика.

— А как туда попадать?

— Есть дыра специальная.

Привели Фому к этой дыре, и он полез в неё. И через эту дыру попал в подземное царство. Шел, шел, видит — стоит медный дворец. Выскочила из дворца девица.

— Ты куда едешь?

— Старик у нашего царя грезит. Его ищу.

— О-о, ты его не найдешь. Рази моя средняя сестра знат, где он живет. Она в серебряном дворце хозяйка.

Пошел Фома дальше. Дошел до серебряного дворца. Выскочила друга девица.

— Ты куда путь держишь?

— Да так и так... — все рассказал.

— О-о, это надо нашу старшу сестру спросить, может, она знает. Она в золотом дворце живет.

Дошел Фома и до золотого дворца. Выскакивает к нему девица, он ей все рассказал. Она и говорит:

— Этот старик живет недалеко. Он нас всех закабалит. Но тебе с ним силой не справиться. Ты вот что сделай. Заходи во дворец к этому старику, там стоят две бочки. Ты из первой напейся, а из второй умойся. Тогда у тебя и силы, и ума прибавится. И ты старика победишь.

Отправился дальше Фома. Дошел до дворца, в котором старик жил. Дома его не было. Зашел Фома, видит: стоят две бочки. Он из одной напился, а из другой умылся — стал настоящим богатырем. Взял со стены меч и ждет старика.

Вот старик заявился. Сам с перст, а борода на семь верст. Взялись они драться, и Фома старика убил. Пошел домой, по пути забрал этих сестер и вывел их на белый свет. Пришел к царю и доложил обо всем. Царь глядит — перед ним настоящий могучий богатырь стоит. Отдал он за Фому свою дочь-царевну. На сестрах те богатыри женились. И стали все жить-поживать да добра наживать, поди, и теперь живут.

38. Дочь царя и сын Бабы Яги

В некотором царстве, в некотором государстве, а именно в том, в котором мы живем, на ровном месте, как на бороне, жил-был царь Картаус. Дак вот, жил этот царь, и было у него три дочки.

Настала война: напал на эту державу войной враг. И вот царю приходится ехать воевать, а он был уже старей. Вояка плохой из него. И царь запечалился: кому ехать? Ехать некому. Значит, должен он быть побежденным. Тут старша дочь говорит:

— Отец, давай я поеду и справлюсь не хуже других воинов-мужиков.

— Ну куда тебе? Какая ты ишо вояка?

— Нет, поеду! — Ну, стала настаивать, и отец согласился. Снарядили ее, одели в мужскую одежду, в военную, и она поехала.

А отец другой дорогой, окружным путем и выходит ей навстречу. Сам обратился в медведя, на задние лапы встал, ревет дурным голосом! Ну, конь у нее встал, да и сама напугалась. Стояла, стояла, медведь не пускает ее. Повернула коня и поехала обратно. Приезжат, а отец уже, конечно, дома. И спрашивает ее:

— Ну что, дочка, почему вернулась?

— Не могла, отец, проехать я дальше. Вот в таком-то месте встретился мне медведь огромный, встал на задние лапы и ревет несусветно! Я не могла проехать.

— Ну вот, я же говорил, что не проедешь.

Вторая дочь стала проситься:

— Пусти, отец, я не напугаюсь, я никаких преград не боюсь!

Скоко отец ни возражал, но все же в конце концов согласился.

Тоже снарядили, поехала. То же самое: до этого места доехала — тот же медведь выходит ей навстречу и преградил дорогу. Ревет дурным голосом и все! И скоко ни билась она, не могла проехать, вернулась обратно. Теперь стала проситься младшая дочь:

— Давай, папка, я поеду. — Отец говорит:

— Где уж тебе! Старшие вон не могли преодолеть такое препятствие, а ты? Где же тебе преодолеть?

— Преодолею! Поеду, не испугаюсь ничего!

Ну вот, все-таки отец в конце концов согласился — поехала. Доезжат до того места, и верно — выходит этот же медведь. Никак, ни в какую не пускает, держит. Она недолго думая снимат с плеча винтовку свою, прицелилась в глаз и хлоп! И попала прямо в глаз. Глаз этот у медведя вылетел и повесился на кустик. Медведь убежал. Она слезла с коня, взяла этот глаз, в платочек завернула и приезжат обратно домой. Отец сидит, глаз болит — стонет. Она спрашивает:

— Что, отец, почему ты стонешь?

— Да что, ходил в лесок да и на сучок наткнулся глазом. И глаз выколол. Теперь остался без глаза.

— Погоди-ка, батюшка, а вот я там медведя застрелила — не подойдет ли этот глаз? Я подобрала его. — Взяла развернула, приложила — подошел, как тут и был. Стал отец видеть.

Ну вот хорошо. Что теперь? Теперь надо ехать воевать. Опять ее снарядили, в мужску форму одели, и поехала она.

Приехала, показала документ от царя и возглавила войско. Когда войско возглавила, стали они побеждать и прогнали этих врагов. Получилась у них победа. А про нее так никто и не знает, что женщина. Думают, что мужик. Вместе с ней отличился один молодой воин. Но где она, там и он. И подружились. Он был сыном Бабы Яги. Когда война кончилась, он пригласил ее в гости. Вот они приехали к его матери, к этой Бабе Яге.

А когда дочка-то царя от отца уезжала, он дал ей маленькую собачку и сказал:

— Вот эту собачку береги. Где бы ты ни была, чтобы эта собачка была при тебе!

И когда она со своим другом зашла к Бабе Яге, то незаметно так ее отпустила. Собачонка где-то там за печку или куда ли спряталась. И не показывается. Но и вот Баба Яга стала примечать, что гость-то вроде как бы не мужчина.

— Однако, она девка, — своему сыну говорит.

— Ты что, мать? Какая же девка? Вон как воевал. Да и никаких признаков нету.

— Нет, я примечаю, что она девка.

А эта собачонка-то слышит. Она понимала человеческую-то речь. И все младшей дочке царя передает, что так и так: они, мол, тебя заподозрили.

Но ладно. Теперь им как узнать, как все-таки увериться? Мать сыну и говорит?

— Поди-ка скоси травы. Я постелю вам на полу постель — вы ляжете. Вот мы и посмотрим: если будет одинаково, — что под тобой зеленая трава, что под гостем зеленая, — то он мужчина. Но а если постель под ним будет желтая, а под тобой зеленая, то все: она девка.

Так и сделали. Утром встали, Баба Яга смотрит: но, паря, что ты скажешь, — на полу, где гость спал, желтая трава!

Баба Яга говорит сыну:

— Но что? Вот видишь — трава-то желтая!

— Нет, все-таки надо как-то еще удостовериться!

Мать тогда говорит:

— Ты вот возьми его на базар, води там, где женские наряды продают: платки там, чулки... И замечай, как он будет на все это смотреть. Если баба, то она обязательно будет на это зариться.

Но ладно. Эта собачка все передает ей. Пошли на базар. Этот тянет ее в такие ряды, где женские наряды, принадлежности продают. А она посмотрела там малость и говорит:

— Ну что мы будем здесь искать? Зачем нам на это барахло глядеть? Пойдем, где продаются ружья, сабли или еще что для военных нужд! — Туда его тянет.

Ходили, ходили, больше она и смотреть не стала на эти наряды бабы. Приходят домой. Мать спрашивает:

— Ну как там?

— Э-э, он даже смотреть не хочет на это. Все тянет туда, где ружья, сабли, пистолеты. Зря ты все, мать!

— Нет, что-то мне не верится, — Баба Яга говорит. — Погоди. — Баба Яга, ясно, была очень хитрая. — Вот что сделаем, — говорит, — я истоплю баню, а вы идите мыться. Вот завтра она никуда не денется.

Ладно. Собачонка это все девке передала. Она тоже задумалась. Дело-то сложнее становится. Как теперь из этого положения выйти? Но собачка ее и тут выручила.

— Ладно, — говорит, — когда с ним в баню пойдете, возьми меня с собой. И только в предбанок зайдете и положите белье, я схвачу его белье, начну бегать. Он бросится догонять меня, а ты в это время мойся скорей.

Но хорошо. Только в баню приходят, белье положили — собачка схватила это белье и побежала. Этот за ней. Кричит, бегаёт. Дочка царя раз-раз! — быстро разделась, зашла, вымылась мало-мальски. Пока собачка бегала, она уже оделась. Потом собачка бросила белье. Где-то он его подобрал. И когда вернулся, она уже оделась.

— Да ты что, уже вымылся?

— Что я ждать тебя буду, что ли! Ты где-то бегаешь.

— Да вот, черт, собачка загоняла! Утащила белье.

— Ну мойся, я тебя подожду.

Он зашел в баню, вымылся. Потом приходит к матери.

— Ну как?

— Да вот так и так...

— А-а, вот видишь, какая она хитрая! Мы хитрые, а она еще хитрее нас! Но ничего, надо что-то придумать.

Но дальше Баба Яга не успела ничего придумать. Дочка царя говорит:

— Но вот, мне надо завтра уезжать домой.

Баба Яга на дорогу настряпала пирогов, печенья там разного. Собрали ее, сложили все. Назавтра сын Бабы Яги пошел провожать ее. Тут река, надо через реку переезжать. Лодка. Она села на лодку, он ее перевез. Ну, распростились, это как полагается. Он вернулся на свой берег. Когда вернулся, та кричит:

— Давай, брат, искупаемся последний раз с тобой, ты на своем берегу, а я на своем!

— Ну давай! — И когда она разделась, то говорит:

— Вот, брат. — Они уж братом друг друга называли. — Вот, брат, мать твоя мастерица печь белые булки, а у меня грудь-то, смотри, еще белее хлебов! — Тогда-то он убедился, что она действительно девка была. Приходит домой печальный.

— Да-а, она действительно девка, мама. — Рассказал, как что получилось.

— А сколько я тебе говорила, что она девка?! — И вот он затосковал, затосковал. Не может без нее. Говорит матери:

— Как теперь ее достать? Не достанешь! — А мать:

— Можно достать.

— А как?

— А вот так вот. Сделай кровать расписную, красивую из дерева. И поймай двенадцать голубков. Шесть голубков посади в изголовье, а шесть в ноги. Потом отправь эту кровать на продажу к дворцу царя, отца этой девки. Он увидит и обязательно купит эту кровать. А когда купит, подарит своей дочке. Она ляжет, а голубки вместе с кроватью принесут ее к тебе.

Ну, он так и сделал. Вырезал кровать такую затейливую, поймал двенадцать голубей, посадил по шесть штук на каждый конец кровати и отправил с продавцом. Тот поехал, приехал на базар, поставил эту кровать. Вот царские слуги вышли и увидели кровать. Приходят и рассказывают:

— Кровать, — говорят, — сегодня на базаре красивая появилась! Да еще на каждом конце по шесть голубей сидят!

Младшая дочь услышала, и захотелось ей эту кровать завести. Отцу говорит:

— Купи мне эту кровать! — А он уж ни в чем ей не имеет права отказать. Она же ему какую службу большую сослужила!

— Что же, купи. — Отправляет слугу и говорит: — Какая бы цена ни была — купи.

Купили кровать, привезли, поставили в горницу. Она постелила постель на эту кровать и спит. А то кормит голубков. Вот раз стала кормить этих голубков, они и запели:

Вару-вару, вару-вару,
Улетим за сини моря
В Бабы Яги края!

Она тогда и поняла, какая это кровать. Думала, думала, как ей избавиться от этой опасности, и придумала. Стала кормить голубей в разное время: сейчас этих шесть накормит, а потом этих шесть накормит. Одни голодны, другие сыты. Которы сыты, сразу запоют, другие голодны — не в силах лететь.

И вот сестры ее это заметили. А они сердились, завидовали, что ей таки больши привилегии отец дает: что только не запросит, ей сразу все есть. И давай вредить: она одних голубей накормила, а сестры других. Все голуби и вошли в силу. Младша сестра легла, уснула в кровати. А голуби пропели свою песню и улетели. Когда она проснулась, то увидела, что несут ее как раз над морем. Она сняла с пальца золотой перстень и бросила его в море. И сказала:

— Когда этот перстень у меня на пальце будет, только тогда я заговорю!

Ну, голуби принесли ее к сыну Бабы Яги. Те ее встретили, а она молчит. Вот день молчит, два молчит ходит, как языка нет. Молчит и все. Он потом ее спрашивает:

— Объясни все-таки, почему молчишь-то. Ты же ведь была разговорчива, а теперь почему молчишь?

Она объяснила: «На дне моря лежит мое кольцо обручально. Вот когда это кольцо будет у меня на пальце, я заговорю».

Он рассказал матери. А та командовала всем, что было в море. Приказала, чтобы все искали это кольцо. Вот море разбушевалось — все чудовища, все рыбы кинулись кольцо искать. Никто найти не может. Все собрались, но никто не нашел. И вот тут последний рак плывет и на клешне несет это кольцо.

Баба Яга это кольцо отдала сыну, сын надел на палец этой девке, царской дочке, своей невесте-то.

Только после этого она стала разговаривать. Устроили они свадьбу, и стали жить-поживать, и сейчас еще где-то живут.

39. Медведь и три сестры

Жил медведь в лесу. Он всех людей поедал. А в деревне жили старик со старухой. У них было три девки. Вот отец и говорит:

— Ты, старуха, завтра мне отправь со старшей дочкой обед на поле.

А в это время медведь ходил по подокошкам и слушал. И услышал, что отец велел старшей дочери нести обед на поле.

— А я, — говорит старша дочь, — как же, отец, тебя найду?

— А я пойду, буду стружки строгать — ты по стружкам-то ко мне и придешь.

Но ладно. Утром отец уехал на работу, едет, а сам стружки стружит. Мать рано поднялась, хлеба напекла, калачей. Стала девку собирать. Собрала, та пошла, отцу обед понесла. А медведь-то, когда мужик на работу ехал, за ним шел. Отец стружки стружит, а медведь их на свою дорогу перетаскиват.

Девка шла-шла и другой дорогой ушла, пришла к медведю в избу. Медведь соскакиват с полатей и говорит:

— Ты кого рыщешь? Или дело ищешь?

— А я, — говорит, — отцу хлеб понесла.

— А замуж за меня пойдешь?

— Нет, не пойду.

— Но дак я тебя съем!

— Но пойду.

Вот ушла за него замуж. Он ей наказыват:

— Вот, хозяйюшка, в этот амбар ходи, в другой ходи, а в третий не ходи, который лычком завязанный, г... запечатанный! — И ушел.

Ладно. Она обошла всё, просмотрела. Не стерпела и в третий амбар зашла. Видит: чан крови кипит, туловища кругом человечески набросаны. Она пальчиком помешала кровь — отмывала, отмывала, не могла отмыть. И пальчик завязала. Вот хозяин-медведь пришел.

— Но чё, хозяйюшка, ходила смотреть?

— Ходила.

— А в тот амбар ходила?

— Нет, не ходила, я почё.

— А чё пальчик завязала?

— Да я лучинки строгала да занозила.

— Но-ка покажи!

А чё же, она кровь-то не могла человечью отмыть.

— Но-ка принеси топор! — Принесла топор.

— Клади голову на траву! — Положила.

Он ее зарубил, в чан кровь выцедил, туловище забросил. Дверь лычком завязал, г... запечатал. Вот тебе на! Назавтре опять идет к старику под окна слушать. Отец говорит:

— Ты чё же, мать, не отправила мне хлеб-то?

— Пошто же? Я отправила.

— Но, видно, сблудила девка-то, куды-то ушла. Дак ить я стружки строгаю! Вот другой велит хлеб нести в поле.

— Но я не пойду! Дорогу не знаю.

— А я буду стружки строгать.

Так же настрогал ей. А медведь услышал. Отец поехал, стружки давай строгать, а медведь их на свою дорогу утаскиват.

Девка как вышла, так сразу по медвежьей дороге и пошла. Пришла в избу к медведю. Медведь соскочил с полатей:

— Ты кого рыщешь? Или дело ищешь?

— Да отцу хлеб принесла.

— А ты за меня замуж пойдешь?

— Нет, не пойду.

— Но я тебя съем!

Вот беда-то! Пришлось идти и этой замуж. Ушла замуж.

— Вот, хозяйюшка, в этот амбар ходи, в другой ходи, а в третий, где лычкой завязано, г... запечатано, не ходи.

И ушел медведь. А девка во всех амбарах побывала и в этот зашла. Видит: туловища набросаны и ее сестра тут, чан крови кипит. Она тоже пальчиком помешала.

Оё-ё-ё! Отмыть не может. Медведь пришел.

— Чё, ходила, а в последний амбар заходила?

— Везде ходила, а в последний не заглядывала. Я почё туды?

— А чё пальчик завязала?

— Лычки строгала да порезала.

— Кажи! — Показала.

— Клади голову на траву! — И эту зарубил, выцедил кровь, туловище в амбар бросил. Вот ушел. А старик дома ругатся.

— Куды девки девались? Наверно, за кого-нибудь замуж ушли.

А третья, мала девка, у них мудрей всех была. Вот отец говорит:

— Завтра, мать, напеки хлебов и отправь мне с дочкой. А ты, дочка, смотри хорошенько. Я поеду — буду стружки строгать, ты по стружкам иди, никуда не сворачивай и меня найдешь.

Медведь услышал, побежал за этим мужиком. Давай стружки перетаскивать на свою дорогу. Перетаскал.

Эта девка тоже к нему пришла. Медведь соскакиват с полатей.

— Ты кого рыщешь? Дело ищешь или от дела бежишь?

— Дело ищу. Отцу хлеб принесла.

— А ты за меня замуж пойдешь?

— Нет, не пойду.

— Но я тебя тогда съем!

— Но дак а чё же, пойду тогда. — Ушла замуж.

Вот медведь собрался уходить, ей наказыват.

— Хозяйюшка, в этот амбар ходи, в другой ходи, а в последний не ходи!

Ушел. Девка все амбары обходила, все просмотрела. Потом и в последний амбар зашла. Видит: туловища человечески лежат, сестры ее там же. Чан крови кипит. Она палочкой в нем помешала. Палочку в огонь бросила, сожгла. И так же запечатала все, как следует быть. Приходит медведь.

— Чё, хозяйюшка, ходила, глядела!

— Ходила.

— А в тот не ходила?

— Нет, я в тот не ходила. Я почё пойду, не велел дак?

Вот он в ей и уверился. Опять пошел утром на работу.

А она живо сходила, это все оглядела. Тепери пошла к упади, взяла пузырьки. Ворона там летала, у пади. Девка вороненка схватила и говорит вороне:

— Вот если ты мне принесешь живу и мертву воду, я тебе вороненка отдам. А не принесешь — я его разорву.

— Принесу. — Девка вороне пузырьки привязала. Она улетела. Вот принесла живу и мертву воду. Девка прямо при воронице разорвала вороненка, мертвой водой помазала — он сросся. Живой водой попрыскала — полетел.

Но и вот. Осталась у медведя. Он ходит на работу, она свои дела устраиват. Одну сестру оживила. Наладила там — у него всячины было: и золота, и серебра, и скатна жемчуга! — наладила родителям гостинцы. Сестре говорит:

— Я тебя в короб посажу, сверху золота, серебра и скатна жемчуга насыплю. А медведь понесет родителям. Когда далеко от дома отойдет, захочет посмотреть, ты говори: «Вижу, вижу, муженек! Папочкины да мамочкины гостинцы берешь!..»

Но ладно. Вот младша сестра говорит медведю:

— Хозяин, я пойду-ка гостить домой, к отцу, к матери.

— Но, хозяйюшка, ты пеки гостинцы, а я сам унесу, — а ей то и надо. Она взяла напекла гостинцев, в короб склала. А сестра уже там, в этом коробу.

— Но неси гостинцы-то, а я буду глядеть с вышки-то, как понесешь! Да смотри не развязывай!

Вот он понес. Шел, шел — устал. Говорит:

— Сесть бы на пенечек, съесть бы пирожочек — женино печенье, тещины гостинцы! — А та девка-то из короба и заревела:

— Вижу, вижу, муженек, папонькины-мамонькины гостинцы съесть хочешь!

— Ух, кака она, шельма глазаста, далеко видит!

Схватил и потащил дальше. Притащил в деревню. Тут собаки на него напали. Он принес и на крыльцо бросил короб. Собаки его окружили, давай кусать. Он был, да нету — побежал.

Младша сестра его встречат, стала корить:

— Эх ты какой! Хотел папонькины-мамонькины гостинцы съись. А я ить все-то на вышке стою, гляжу!

Вот теперь медведь опять пошел на работу. Опять много-мало они пожили, она другой короб взяла, оживила средню сестру, посадила в короб. Туда же натолкала золота, серебра и скатна жемчуга. Сама напекла печенюшек и наказала медведю: но, де, вот, тащи папоньке и мамоньке снова гостинцы. И сестре сказала:

— Он будет развязывать, ты вот так говори: «Вижу, папонькины-мамонькины гостинцы съесть хочешь! — Медведю говорит:

— Но тащи! — Сама на вышку залезла, смотрит. Вот он схватил, потащил. Опять до того же места, до пенька, дошел и говорит:

— Сесть бы на пенечек, съесть бы пирожочек — женино печенье, тещины гостинцы!

— Вижу, вижу, муженек, папонькины-мамонькины гостинцы хочешь съесть!

— Ох она, шельма глазаста, как далеко видит!

Приташил, на крыльцо бросил. Тут собаки набежали, давай медведя цапать-лапать. Еле убежал. Домой вернулся, она на вышке стоит, смотрит.

— Но, слезавай, унес гостинцы. Каки шуряки-то ласковы — все мне пяты обцеловали!

Но хорошо. Вот опять много-мало пожили, она взяла большушшу ступу чугуунну, оболочла ее и на вышку спрятала. Сама напекла печенюшек и говорит медведю:

— Теперь я сама гостинцы отнесу папоньке и мамоньке.

— Нет, ишо пеки, я больше унесу сам.

Она ступу подняла на вышку, слезла и в мешке с гостинцами спряталась. Медведь схватил мешок и потащил. Дошел до пенька и говорит:

— Сесть бы на пенечек да съесть бы пирожочек — женино печенье, тещины гостинцы! — Она из мешка:

— Вижу, вижу, муженечек! Тятенькины-маменькины гостинцы хочешь съесть! — Медведь поглядел — на вышке стоит хозяйюшка.

— О, шельма глазаста, как далеко видит!

Приташил мешок. Тут собаки его окружили. Медведь бросил мешок у ворот и побежал. Вот бежит, ревет:

— Ой, шуряки таки ласковы! Да все пятки-то мне обцеловали! Слезавай, хозяйюшка.

А «хозяйюшка» стоит. Чё тако? Он взял ступу, потащил эту ступу. На себя — бах! Уронил, ступа-то его убила. А дочь-то младша вылезла из мешка и рассказала все своим. Облаву сделали, поехали этого медведя искать, пришли, а он уж пропаший.

И вот сколь народу в амбаре было, она весь народ этой живой и мертвой водой оживила. И все поразошлись и стали жить-поживать, да и сейчас живут.

40. Мальчик с пальчик

Жил-был лесоруб. У него была жена и семеро детей. Все мальчики. Шестеро — ребята как ребята, а самый младший — маленький-премаленький. Его звали Мальчик с пальчик. Жили они в лесу. Семья большая, заработки маленькие — еле концы с концами сводили.

Вот пришло время, что в доме нечего стало есть. Ночью мать с отцом стали разговаривать, как быть. Ребята уснули, а Мальчик с пальчик не спит, все слышит. Вот отец говорит:

— Надо, мать, ребятишек в лес отвести и оставить там. Дома они все равно с голоду умрут, а там хоть не на глазах. Уведу я их и оставлю в глухом лесу. — Матери хоть жалко, да делать нечего.

— Но уведи, — говорит.

Мальчик с пальчик все слышит. Тихонечко поднялся, в ручей сбегал и набрал камешков полны кармашки. Утром отец чуть свет поднял детей и повел в лес. Маленький сзади идет и камешки побрасывает за собой. Вот отец завел их в глухой лес и говорит:

— Давайте, ребятишки, в прятки сыграемте. — Взялись играть в прятки. Отец отбился от них и ушел домой. А братья собрались, кликали его, кликали — не могли дозваться. Потом маленький имя говорит:

— Пойдемте, братья, я вас домой выведу. — И по камешкам повел их назад. Привел. А отец по пути убил сохатого. Стаскал мясо домой, и стали они плакать с матерью. Потом смотрят: ребятишки-то один за другим из лесу выходят! Ой! Наварила мать мяса, наелись все и стали жить веселей. Да недолго. Семья большая, скоро все мясо прибрали. Когда это мясо съели, отец ночью снова говорит матери:

— Опеть надо куда-то ребят девать. Утром поведу.

Мальчик с пальчик снова весь разговор слышал. Поднялся с постели и хотел бежать на ключ за камешками. А дверь-то заперта. Да на большую заложку. Он как ни бился, но никак не мог открыть. Тогда собрал со стола крошки хлебные и сыпал в кармашек. Утром отец повел ребят. Снова так же:

— Давайте, ребята, в прятки играть!

Сам отшатился от них и ушел домой. А ребятишки остались в глухом лесу. Вот остались. Мальчик с пальчик хотел по крошкам назад дорогу найти, а их птички склевали. Так и заблудились ребятишки. Шли, шли по лесу и вдруг увидели дымок. Пошли они на этот дымок и пришли к большому дому. А в этом доме жил людоед с женой. И семь девок у него — дочери.

Впустил этот людоед ребятишек, покормила их сама-то. Когда покормила, то и спать уложила. Вместе с девками своими. А людоед ей велел рано всех парнишек убить и сварить ему. Она, чтобы ночью не обознаться, своим-то девкам надела золотые капорки на головы.

Вот все уснули. А Мальчик с пальчик не спит. Он все слышал. Поднялся тихонько и золотые капорки с девок на своих братьев передел. Себе надел. Только прилег, старуха стала шарить. Кого нашарит в капорке, того оставляет, а как без капорка, того забирает — и в мешок. Всех девок в мешок побросала и утащила варить. Мальчик с пальчик скорей братьев поднял на ноги, вывел из дома — и в лес. Тут старуха к постели вернулась — девок-то нету! Она все поняла. Скорей будит людоеда. Тот соскочил, ревет:

— Давай скорей сапоги-сороходы!

Надеёт эти сапоги-сороходы — и в погоню. Вот почти что догнал ребятишек, но тут рассветало. Братья видят — дом-то недалеко, а людоед совсем близко. Вот они заревели.

Отец услышал, выскочил с ружьем и этого людоеда убил.

Мать обрадовалась, отец тоже. Что же — ребята золотые капорки принесли! Вот и зажили богато.

41. Про Луту-Лутонюшку

Жили-были старик со старухой, и у них был сынок, Лута-Лутонюшка. У них была своя лодочка, он рыбачить все ездил на этой лодочке. До озера дойдет, лодку отопрет, столкнет — и на тот берег, рыбу ловить. А мать ему продукты носила. Сварит кашу, понесет, придет к берегу и поет:

Лута-Лутонюшка,
Подъедь сюда,
К крутому бережку!
У меня про тебя каша мазана,
Ложка красенька!

— Слышу-слышу мамонькин голосок! — Подъедет, она продукты отдаст, он — рыбу. И назад мать пойдет.

А в лесу жила Баба Яга с тремя дочерьми. Захотела Лутонюшку изловить, обмануть. Подошла к берегу и кричит. А голос толстый:

Лута-Лутонюшка,
Подъедь сюда,
К крутому бережку!
У меня про тебя каша мазана,
Ложка красенька!

— Слышу-слышу, да не маменькин это голосок! У меня маменька тоненьким голосом поет!

Баба Яга думат: «Как это мать поет, надо послушать».

Но вот. Мать опять приходит к сыну, а Баба Яга подле елочки встала и слушает, как мать поет про сына песенку.

Лута-Лутонюшка,
Подъедь сюда,
К крутому бережку!
У меня про тебя каша мазана,
Ложка красенька!

Лута-Лутонюшка подъехал, рыбу отдал, мать ему — продукты. Ушла домой. Вот Баба Яга изменила голос, подошла и запела, как мать:

Лута-Лутонюшка,
Подъедь сюда,
К крутому бережку!
У меня про тебя каша мазана,
Ложка красенька!

— Слышу-слышу маменькин голосок!

Как подъехал, Баба Яга его сгребла и утащила домой. Посадила в залавок, закрыла и старшей дочери наказывает:

— Доченька, ты завтра жарко-нажарко печку истопи, а Луту-Лутонюшку жарить посади!

Но ладно. Встала утром старша дочь, истопила печку, открыват шкаф и говорит:

Лута-Лутонюшка,
Вылезай из залавочку,
Садись на лопаточку:
Ноги калачиком,
А руки пряничком!

А он говорит:

— Ты меня поучи, я не умею.

Она села на лопату-то, он ее в печку бухнул и заслон припер. И она там сожарилась. Сам спрятался. А Баба Яга на вышке сяла, мать ихня. Вот слезат и поет:

Покатаюся, поваляюся
На Луты-Лутонюшкиных косточках!

Заслон отперла и давай исти дочку-то. Лута-Лутонюшка из залавку-то поет:

Покатайся-ка, поваляйся-ка
На дочериных косточках!

— Охо-хо-хо-о! Не зажарился! — Велит на следующий раз второй дочери истопить утром печь и Луту-Лутонюшку изжарить. Средняя дочь утречком рано встала, печку истопила и зовет Луту-Лутонюшку:

Лута-Лутонюшка!
Вылезай из залавочку,
Садись на лопаточку:
Ноги калачиком,
А руки пряничком!

— А ты меня поучи как! Я не умею. — Она села. Он ее в печку турнул. Она там зажарилась.

Лута-Лутонюшка опять в залавок залезает, преспокойно закрывается. А Баба Яга с вышки слезает:

Покатаюсь, поваляюсь
На Луты-Лутонюшкиных косточках!

Он ей:

Покатаюсь, поваляюсь
На дочериных косточках!

— Охо-хо-хо-о, опять не зажарился! — Третьей дочери велит: — Доченька, завтра рано утром печку жарко-нажарко затопляй, Луту-Лутонюшку жарь в печке!

Но ладно. Эта последняя дочь тоже истопила печку и Луту-Лутонюшку зовет:

Лута-Лутонюшка!
Вылезай из залавочку,
Садись на лопаточку:
Ноги калачиком,
А ручки пряничком!

— А ты меня поучи, я не умею! — Она села на лопату-то — он ее и бухнул в печь. Зажарил всех дочерей у Бабы Яги.

А Баба Яга слезат с вышки и поет:

Покатаюсь, поваляюсь
На Луты-Лутонюшкиных косточках!

А он:

Покатайся-ка, поваляйся-ка
На дочериных косточках!

— Охо-хо-хо-о! Опять не зажарился! Но я завтра сама! — Сама утром встала, печь жарко-нажарко растопила и велит:

Лута-Лутонюшка!
Вылезай из залавочку,
Садись на лопаточку:
Ноги калачиком,
А руки пряничком!

— А ты меня, бабушка, поучи, ведь я не знаю как!

Она села — он и ее запетяркал. Вот она там верещит нехорошим всяким голосом:

— Лута-Лутонюшка, выпусти, ничего не сделаю, живого тебя отпущу!
А он:

— Жарься-жарься, стара Яга! Жарься! — И всех их пережарил. Троих. И сам домой отправился. Но с тех пор на рыбалку больше не ходил.

42. Иван — купеческий сын и Царь-девица

В некотором царстве, в некотором государстве — именно в том, в котором мы живем <...> Слушайте-послушайте, своих жен не распушшайте. Это не сказка, а присказка. Сказка вся впереди.

Жил-был купец, у него жена. Детей у них не было. Однажды купец увидел во сне, что в чужом государстве он построил монастырь и у него родился сын. Он жене рассказал, она и говорит:

— Я видела этот же сон!

— Дак как?

— Надо ехать! Ехать!

Они были богаты. Он поехал. Сказка скоро сказывается, а дело долго идет. Вот он ехал, ехал, в то государство попал. Построил там монастырь. Проездил там три года.

Поехал домой. Едет на пароходе. Вдруг пароход остановился, из-под него выскакивает доска, на ней вырезано: «Чё дома незнамо отдашь — пароход пойдёт, не отдашь — с голоду замрешь!»

Вот он думал, думал: «Дак ить я давно ли из дому?! Сучка должна ощениться — щенка отдам!» Вот походит, опять думат: «Неужели кто другой?» Смотрит, на этой доске нова вырезка: «Разрежь безымянный палец и пиши. «Что дома не знаю — отдаю».

Он написал. Все — пароход пошел. Когда приехал, сошел на пристань, видит — идет жена с сыном. Он сразу заплакал. Она:

— Ты чё, милый мой? Я не мила или сын Ванюшка не мил?

— Нет, ты мила и сын Ванюшка мил!

— Дак что же ты плачешь?

— Плачу. Я давно ли уехал?

— Ты проездил три года. — Он: «О-о, вон сколь я проездил. Сын уже на руках».

Теперь Ванюшке не сказывают. Отец работает, живут хорошо. Он подрос.

— Папа! Мама! Надо бы мне работы.

— Нет, сыночек. Живи, всё у нас хватат, всё.

А жене купец-то сказал: «Отдал туды — сам не знаю куды, отдал тому — сам не знаю кому! Вот остановился пароход, не идет, вылетела из-под пароходу доска...» — Все рассказал.

Но теперь ладно. Ванюшке подходит пятнадцать лет.

— Папа, я буду работать!

— Нет. — Никуда его не отпушшали. Вот стало ему восемнадцать лет, они сказали, что с отцом случилось:

— Вот так и так, сынок. Когда ехал я домой из чужого государства, где строил

монастырь, пароход остановился и из-под него вылетела доска с надписью: «Чё дома незнамо отдашь — пароход пойдёт, не отдашь — с голоду замрешь». Я отдал туда — сам не знаю куда, отдал тому — сам не знаю кому.

— Но, папа, мама, я поеду. Куда поеду, — сам не знаю!

— Бери тогда двенадцать кораблей! — Он на двенадцать кораблей богатства наклал, поехал. Ехал, ехал по реке, из кривунчика в кривунчик, вдруг попадат ему старик.

— Здравствуйте, дедушка!

— Здравствуй. Куда поехали, куда путь держите?

Иван — купецкий сын отвечает:

— Поехал туды — сам не знаю куды, отдан тому — сам не знаю кому.

— А куды это богатство везешь?

— Думаю, нельзя ли откупиться от злого или от приятного.

— О-о, молодой человек! Отправь назад шесть кораблей. Тебе с умом так шести хватит.

Иван подумал, подумал: «Стара собака взлает — быть либо будет!» — и согласился. Отправил шесть кораблей назад отцу. С шестью поплыл дальше. Плыл, плыл — из кривунчика в кривунчик, — попадатся ему этот же самый старичок на лодочке, весёлы весёльчики.

— Здравствуйте, молодые люди!

— Здравствуйте! — Он уже его признает, во второй-то раз.

— Куда это поехали?

— Поехал туды — сам не знаю куды, отдан тому — сам не знаю кому!

— А куда богатство везешь?

— Да думаю, нельзя ли от злого, приятного ли откупиться.

— Э-э, молодой человек! Отправь ты эти корабли, а тебе и трех хватит. — Иван опять подумал: «Стара собака взлает — быть либо будет». Отправляет свои три корабля, остается с тремя.

Ехал, ехал — из кривунчика в кривунчик, вдруг опять выплывает этот же самый старик, опять здоровствуется.

— Куда поехал, куды путь держишь?

— Вот поехал туды — сам не знаю куды, отдан тому — сам не знаю кому.

— А куды богатство это?

— Да вот нельзя ли от злого или приятного откупиться.

— Э-э, молодой человек! Отправляй эти корабли, тебе с умом и одного хватит. — Он сейчас отправляет два корабля назад.

Ехал, ехал, глядит — опять этот старик! Уехал туды, а едет вот откуда. Этот же седой старичок.

— Здравствуйте, молодые люди!

— Здравствуйте!

— Куда поехал, куда путь держите?

— Э, дед. Поехал туды — сам не знаю куды, отдан тому — сам не знаю кому.

— А куда это богатство везешь?

— Да вот нельзя ли от злого либо приятного откупиться.

— Э-э, молодой человек! Отправляй корабль, садись ко мне на лодочку, и поедem.

Иван опеть: «Стара собака взлает — быть либо будет». Садится к нему на лодочку, и поехали.

Вот ехали, ехали, подъезжают к берегу. Старик говорит:

— Лезь по лестнице. — Иван полез. Лез, лез, старик спрашивает: — Чё видишь?

— Ничё не вижу.

— Лезь на другу. — Он полез на другу лестницу. — Чё видишь?

— Просто нарошно вижу како-то.

— Лезь на третью. — На третью лестницу полез, она высока. — Чё видишь?

— Сине озеро, море ли, или река больша. И черный круг.

— Вот ты пойдешь туда. Туда придешь, не кажись. У этого озера ты спрячься в кустики. И вот прилетят одиннадцать колпиц, ударятся о землю — будут одиннадцать девиц. Они вызовут всех крепчиков, рябчиков, музыкантов — будут танцевать. Потанцуют — закусят. Повара им наташшут чё хочишь. Ты сиди под кустом. Потом сделаются утицами, вылетят на берег и улетят. Погодя прилетит двенадцата колпица. То же само: ударится о землю — сделается девицей. Потанцует, покушает. Ты сиди. Она будет купаться, унырнет, ты в это время у нее платье украдь и под кустиком сиди. На ласковые слова не давайся, а на грубые не сердись. Она будет тебя страшать — ты не бойся, будет ласкова — не сдавайся. А как скажет: «Будь милый мой...» — тогда спрашивай: «Не врете?» Она скажет: «Царско слово не секется, не рубится».

Ладно. Распрощался Иван со стариком и пошел. Вот он шел, шел — увидел озеро. Подошел к кустику, сял. Только сял, вдруг летит шум! Летят одиннадцать колпиц. Ударились об землю — сделались одиннадцать девиц, из волосу в волос, из голосу в голос, из платья в платье. Запросили девицы музыку — музыка стала играть: балалаечки, кто ли там. Они стали танцевать. Вызвали поваров. Накушались. Потом ударились о землю — сделались одиннадцать утиц, стали плавать. Плавали, плавали, ударились о землю — сделались колпицами и улетели.

Только улетели, прилетат колпица. Ударилась об землю — сделалась девица. Теперь она вызвала музыкантов — потанцевала, поваров — покушала. Ударилась о землю — сделалась утицей. Стала плавать. Когда она нырнула, Иван у нее платье цоп — затащил под куст и сял.

Она накупалась, вышла на берег, видит — платья нет.

— Кто мое платье взял? Разорву! Чичас съем! Целиком сглочу! — Но, теперь стала умолять:

— Покажешься — сразу съем, целиком сглочу! — Но, страшала все. Потом стала говорить: — Кто из мужского полку: старше меня — будет отец мой, из женского полку — будет мать родна!

Он не откликается. Теперь опеть:

— Кто из мужского полку старше меня — будет брат мой, кто из женского — будет сестра моя!

Тоже не откликается, помалкивает. Теперь походила:

— Отдайте мое платье! Кто из женского полку — будет сестрица моя, из мужского — будет милый друг!

— Не врешь?

— Царско слово не секется, не рубится!

Он вытаскивает, отдаст ей платье.

— Ох ты, молодчик! Ты куда пошел?

— Пошел туда — сам не знаю куда, отдан тому — сам не знаю кому.

— Ты идешь к моему отцу в услуженье.

Вызвала поваров, его накормила. Потом говорит:

— Ты бери на три сутки питания. И одиннадцать домов проходи, заходи в двенадцатый дом. И вот тебе шапка-невидимка.

Он был молодой человек. Думат: «Да чё мне на три дня брать! Возьму на один. Дойду быстро». Взял питания на один день. Девушка ударила об землю, сделалась колпичей и улетела.

Вот он пошел. Шел-шел, шел-шел — сутки прошел, други. Все съел. Опять идет. Оголодал. Третьи сутки прошли. А ишо идти — о-ё-ёй! Дошел до города. Одиннадцать домов прошел, в двенадцатый заходит. Встречат его девушка, говорит:

— Я тебе говорила, чтобы взял продуктов на три дня, а ты взял на один, молодчик! Теперь ты пришел к моему отцу в услуженье. Он тебя будет спрашивать: «Где живешь?» — Ты говори: «На берегу под лодочкой». — Он спросит: «Что жуешь?» — Ты отвечай: «Сухари с примочечкой». Не сказывай, что у меня был. Утре иди к отцу — он здесь царь — и скажи: «Ваше царско величество, Иван — купеческий сын прибыл!» — Он будет тебя хвалить. Потом станет тебе загадывать загадки. Перво построит нас, двенадцать девиц — из голосу в голос, из волосу в волос, из платья в платье — и вот велит тебе найти меня, его старшу дочь, Царь-девицу. Ты не теряйся. В этот момент повертывайся к нему и говори: «Ваше царско величество, с краю третья», — и дергай меня за праву руку.

Но, так и есть. Он пришел к отцу и говорит:

— Ваше царско величество, Иван — купецкий сын прибыл!

— Ого-о! Долго я тебя ждал, но, наконец, дождал. Вот какая у меня работа для тебя: отгадашь, кака из двенадцати моих дочерей старша, Царь-девица, — будешь жить, а не отгадашь — мой меч, а твоя голова с плеч. Вон видишь тын? Там на каждой тынине — человечья голова. Одна тынина свободна. Это для тебя.

Тут он позвал своих дочерей. Смотрит Иван — они из волосу в волос, из голосу в голос, из платья в платье — никак не отличишь! Он сразу повернулся к царю и говорит:

— Ваше царско величество, Царь-девица — третья с краю! — Берет ее за руку и выводит. Царь:

— О-о, Иван — купецкий сын, молодец! Иди на отдых. Завтра опять придешь. — Он ушел. Приходит к жене, она его учит:

— Завтра опять как пойдешь к отцу, на ласковы слова не сдавайся, на грубы — не сердись. Он на тебя будет кричать, ты стой. Будет уговаривать — ты молчи. А как велит меня искать, то знай: я буду с краю седьмая. Сразу выдергивай меня за праву руку. — Назавтра Иван опять идет к царю:

— Ваше царско величество, купецкий сын Иван прибыл!

— О-о, молодец! Но вот, Иван — купецкий сын, отгадай теперь мою старшу дочь, Царь-девицу! — А они стоят из голоса в голос, из волосу в волос, из платья в платье. Все как одна. Вот царь его начал:

— Но, чё ты! Но, Иван — купецкий сын, чичас тебя сглотю! Вот на эту тынину голову насажу!

— Ваше царско величество! Вот седьма! — И выдергиват ее.

Царь не соображат, что Ивана учит его дочь. Но ладно.

— Завтра опять приходи. Если не отгадашь, то на тынину твою голову насадю! — А он ему не перечит:

— Чему быть, тому не миновать. Чё на роду написано, то и сбудется. Этого не минешь.

Ладно. Сказка скоро сказывается, а дело долго идет. Иван опять к жене приходит. Она ему говорит:

— Вот тебе табакерка. Это моей мамы поминочек. Как отец на тебя закричит: «Чичас съем! Чичас разорву! Чичас...» — ты в этот момент к нему оборотись: «Ваше царско величество, разрешите табаку напиться!» — Он тебе скажет: «Жри, собака!» — Ты открывай крышку и гляди: там будет мизерная муха, и она сядет ко мне на праву бровь. — Назавтра Иван идет к царю.

— Ваше царско величество, Иван — купецкий сын прибыл!

— Но, Ванюша, отгадай теперь, котора Царь-девица, и на отдых пойдешь. — Иван молчит. Он на него:

— Разорву! Чичас сглотю! Что ты надо мной смеешься?!

— Ваше царско величество! Разрешите табаку напиться!

— Жри, — говорит, — собака!

Он крышечку табакерки открыват, оттуда вылетат маленька мушечка и садится одной девице на праву бровь. Он:

— Ваше царско величество, вот ваша Царь-девица!

— Но вот, Иван — купеческий сын, завтра опять ко мне придешь. Эти загадки-то доле того. Завтра я тебе потруднее загадну.

Иван ушел. Приходит к жене. Она ему и говорит:

— Завтра ты будешь моего отца учить. Он превратится в дикого жеребца. Ты скуй железно седло, скуй двенадцать прутьев медных, двенадцать оловянных, двенадцать железных. Теперь скуй железный молот, затыкай за пояс. Потом приходи к отцу. В избу не ходи, а в окошко реви. Он велит тебе садиться на жеребца. Ты не бойся. Смелей садись и бей его сперва двенадцатью прутьями медными, потом оловянными, потом железными. А потом бей по голове

молотком. Он пристанет, прибежит домой и упадет. Ты в избу не заходи, сразу реви. — Назавтра Иван приходит к царю, в окошко ревет:

— Ваше царско величество, Иван — купеческий сын прибыл!

— Иван — купеческий сын, молодец! Имай моего жеребца!

— Где твой жеребец?

— У бушного корыта овес ест.

Он только к нему — жеребец на него налетат. Иван не испугался, обседлал его, сял. Жеребец его попер по горам, по лесам, по сиверам. Он двенадцать прутьев избил медных, двенадцать железных избил. Избил шесть оловянных. Остается шесть. Жеребец его начал по скалам, по лесу — везде. Потом попер топить в воду. Иван смотрит — он уж до пазух в воде. Он тажно вспомнил, выхватил двоерушный молот и давай возить по голове. Жеребец повернул, в ограду забежал и упал. Иван с седла соскочил, давай реветь в окошко:

— Ваше царско величество, ваш жеребец у бушного корыта овес ест! — А жеребец лежит. Он пропал. А из окна царска жена, мачеха этих колпиц, колдовка, отвечает:

— Но вот, Иван — купеческий сын, тут отдыхай!

Он пошел. Теперь надо убегать. Побежали они. Вот бежали-бежали, бежали-бежали, мачеха хватилась: все сестры тут, а Царь-девицы нету.

— Это она! Это она, подляга! Это она все сделала. — Отправлят трех гонцов догнать их. Трое поехали, два-то стары, третий молодой. А эти бегут. Царь-девица к земле упала, говорит:

— Ой, Иван — купеческий сын, погоня! Три человека за нами. Но чему быть, тому не миновать!

Теперь она сделала его муравейником, а сама сделалась цветком в этом муравейнике. Погоня подъехала. Молодой говорит:

— Я отроду такого красивого цветка не видел! Как бы сорвать?

А те и отвечают:

— Зачем ты будешь его рвать? Ты сорвешь, а он сразу поблекнет. Такой жар! — Вернулись назад. Царица спрашивает:

— Но чё видели?

— Видели один муравейник, а на нем цветок.

— Не могли вы цветок оторвать! Это она!

Значит, опять погоня. Царь-девица упала к земле, говорит:

— Иван — купеческий сын, опетъ бежит погоня, шесть человек. Чё теперь делать?

— А чему быть, тому не миновать.

Вот бежали-бежали, бежали-бежали. Она сделала его бараном, сама сделалась пастухом. Вот подъезжают шесть человек.

— Здравствуй, дедушка!

— Здравствуйте.

— Давно ли проходил мужчина с женщиной?

— О-ой! Давно-давно. Было у меня пятьсот баран, а теперь уже тысяча.

— О-о, давно! — И они вернулись. Мачеха:

— Но чё, видели?

— Нет, не видели.

— Но чё-то видели?

— Видели пастуха. Он сказал, что мужчина и женщина проходили, но давно. У него тогда было пятьсот баран, а теперь тысяча.

— О-о! Это она! — Отправляет мачеха двенадцать человек в погоню. Вот они побежали. Бегут. Царь-девица снова на землю пала, говорит:

— Но, Иван — купеческий сын. Двенадцать человек догоняют!

— Чё же, быть либо будет. Чё на роду написали, не минешь.

Она скорее его сделала монастырем, а сама сделалась псаломщиком. Вот подбегат погоня.

— Здравствуй, отец!

— Здравствуйте.

— Не пробегали мужчина и женщина?

— Пробегали, но давно, когда мой монастырь строился, а я в псаломщики посвящался. Ой, давно, давно. — Погоня вернулась.

— Но чё, видели?

— Видели монастырь, псаломщика. Он помнит, что проходили мужчина и женщина, но давно, когда монастырь еще строился, а сам он в псаломщики посвящался.

— О-о, это она! — Скорее садится мачеха в ступу, пестом понужат. А эти снова бегут. Царь-девица пала на землю:

— Но, Иван — купеческий сын, бежит в погоню сама мачеха на ступе, пестом понужат!

— Куда нам теперь?

— А чё будет, тому не миновать. Счас мы будем утками.

Она, мачеха, только подскочила, закричала:

— А-а, вот вы где! — Они сразу утками сделались, давай нырять в воду. Мачеха бегала, бегала по берегу, ударились об землю — сделалась коршуном и на уток кинулась. Они — на берег. Царь-девица кричит Ивану:

— Вот табун ходит, режь хвосты! — Он хвостов нарезал, они наделали пленок, кругом наставили. Мачеха кинулась, в пленках запуталась и удавилась. А они дальше пошли. Вот Царь-девица говорит:

— Но, Иван, нам идти с тобой недалеко. У тебя народилось дома много братьев и сестер. Ты когда придешь, всех их поцелуй, а младшу, Акулюшку, не целуй. Если ты ее поцелуешь, то меня забудешь.

— Ты что? Я как тебя забуду?

— Забудешь!

Но вот шли, шли — пришли. Он:

— Пойдем сразу домой.

— Нет. Там старуха живет, я у нее останусь, а ты заходи домой. Только Акулюшку не целуй, а то меня забудешь.

Он пошел. Заходит в дом к отцу. Все бросились к нему.

— Ой, братка пришел!

— Ты где, Ванюшка, был? — Он стал всех целовать, стал рассказывать. Дошел до Акулюшки, мать говорит:

— Ты Акулюшку-то поцелуй, она у нас сама мала.

— Нет, мама, если я Акулюшку поцелую, то жену свою забуду.

Лег и уснул после обеда-то. С устатку.

Акулюшка подползла, его поцеловала. Когда поцеловала, он свою жену-то забыл. А она живет на краю в избушке у старой старухи. Тепериче стали к ней свататься. Она говорит:

— Вот смелите турсук хлеба, я гулять с вами пойду. — Он смелет. А она его прогонит. С другим так же. Теперь услышали, что у такого-то купца сын Иван собрался жениться. Царь-девица говорит:

— Пойдем к ним, бабушка, пойдем!

— Ой, куды же я пойду-то?

— На тебе, бабушка, платье, и пойдем.

Пришли. Там уже свадьба. Невеста за столом. И у него стало на ум набродить, что где-то он вот эту девушку видел. Из красавиц красавица! Они за столом с бабушкой тоже сидят. Тепериче Иван и говорит:

— Папа, мама, вон той красавице-то подайте стопочку винца. — Рюмочку! Это теперь стопарям-то зовут. Ей подают, она сымат кольцо и говорит:

— Вы жениха угостите от меня.

А кольцо-то именнó, он ей его и дарил. Когда рюмку-то взял, кольцо увидал и узнал ее кольцо! Сразу выскакиват:

— Папа, мама! Я только ради этой красавицы живой остался. Это Царь-девица! Невестин род-от зашумел: обманул, дескать, надсмеялся! А Иван одно:

— Вот, папа, мама! Я через нее и пришел. Она меня и вывела. Мне без нее бы не выйти! — Начал рассказывать:

— Я был у ее отца. Там кругом все обнесено было тыном, на каждой тыни не насажены головы, а на одной не было. Это для меня. Эта Царь-девица меня вывела. Она — моя жена.

Кого же его судить!

Сделали тут пир. Вот я в этот момент там был, вино пил: заморско, запеканку, самогонку! По усам текло, а в рот не попало.

А они стали жить-поживать да добра наживать. И сейчас живут.

43. О Сусане Асановиче — купеческом сыне

Жил-был купец Асан в городе Одессе. Купец был крупный, торговал сильно. Детей у него не было, жили вдвоем со старухой.

Но и вот, однажды он торговал в магазине и призадумался. Призадумался, дескать, что же: вот какой я имею огромный капитал, а у меня нету никакого родства, нету детей — кому же это все должно остаться?

Сидит, задумался, и вдруг в этот момент заходит нищий старик. Зашел, посмотрел на купца и говорит:

— Чё-то, хозяин, я замечаю, вы призадумались?

— Да, маленько замечтался.

— Какая же у вас грусть-печаль?

— Да вот видите, все-таки у меня капитал огромный, а живем со старухой вдвоем. Детей нету. Куда же это все добро должно остаться? — Нищий этот теперь ему и говорит:

— Знаете что, дайте мне немножко муки, на приправу всего: масла, изюма. Я вам состряпаю пирог, и вы его скушаете со старухой — и у вас родится сын.

И вот дал нищему купец муки, дал масла, дал всякой приправы — все, что ему нужно было. Нищий все забрал и ушел.

Купец — Асан Сусанович был он — думат, что тот его обманул, и значения не придавал. Мол, от моих капиталов не убудет. Но на завтра снова приходит этот нищий и приносит купцу пирог. И когда он принес купцу пирог, то сказал:

— Вот скушайте этот пирог со старухой.

Купец поблагодарил нищего, взял пирог и расплатился с ним: дал ему двадцать копеечек, а тогда это были большие деньги.

Нищий ушел, купец унес пирог на кухню, и они со старухой его съели. Прошло несколько времени, старуха говорит старику:

— Чё-то я неладно чувствую себя.

Конечно, раз он так богато жил, то у них всяки няньки-матки были. Посмотрели — она стала тяжелой. Вот настала пора купчихе родить. Это счас есть роддом, а тогда этого не было. Купец, чё же — богатый, пригласил и врачей, и астронома какого-то. Родился сын. Сделали ему крестины, назвали Сусан Асаных. Справили это все. И астроном ему предсказал:

— Ваш сын на восемнадцатом году должен потонуть в колодце.

Купец расстроился, потом приказал все колодцы, которые были во дворе, забить.

Сын рос быстро, рос не по дням, а просто по часам. И вот подошли годы его, восемнадцать лет. Когда годы подошли, отец его со своими товарами отправляет доверенным. Купец этот торговал с заграничными странами, у него были корабли, и на этих кораблях он отсылал товары свои за границу, а обратно привозили заморские товары. До этого доверенными купца ездили другие люди. А тут сын уже выучился, стал грамотный. Подходит к отцу и говорит:

— Чё же, папаша, такой капитал нагружаете, а отправляете с чужими людьми. Ведь я могу поехать.

А поскольку отец знал от звездочета, что сын на восемнадцатом году утонет, то он не согласился. Как парень ни просил, его не отпускают. Но он, конечно, отца убедил. Говорит ему:

— Если уж мне на роду написано, что я на восемнадцатом году потону, то я все равно и на сухом потону. А если нет, так буду жив. — Как ни уговаривали, все-таки он поборол. Стал отец его отправлять. А раньше отправляли — зовут священника, всё. Но, погрузили, он поехал. Когда поехал, старики, понятно дело, остались.

Вот плывет день, плывет второй. На третий день идут, идут три его корабля, один за одним идут полным ходом. Шли, шли и вдруг, как воткнулись, все три встали. Когда встали все корабли, он удивился: что такое? Или на камни налетели, или на чё-то еще? У него водолаз был с собой. Оне счас отпускают на канатах посмотреть, чё там есть.

Спустился водолаз под воду, посмотрел: там огромный восполин с огромными рогами уперся в корабли, и они не идут. Водолаз скорей подергал за канат — его подняли. Он и говорит:

— Там такой огромный восполин с рогами, с огромными глазами держит корабли, не пускает!

Вот стоят день, стоят второй. Чё за причина, чё ему нужно? И вот тогда Сусан Асаныч решил узнать, чё этому восполину нужно. Отправил назад водолаза. Водолаз снова спустился, спросил. Восполин говорит:

— Мне нужен ваш хозяин.

Водолаз поднялся, рассказал. Но и чё же, стоят день, стоят второй опять. Тогда Сусан Асаныч говорит:

— Когда на роду мне было написано так, то тому и быть. Зато вы будете жить. Лучше я один погибну.

И решился. Оделся в чистое белье, отслужил молебен. И с корабля прыгнул. Только с корабля прыгнул, ниоткуда взялась така волна огромна, сразу его откинула, а корабли как шли, так один за другим и пошли! И вот его волной понесло, первой. А за ним гонится вторая волна. С этой волной восполин-то за ним и гнался. И перва волна выбросила Сусана Асаныча на сушу, далеко. Вторая волна нехватила до него. А восполин был, видимо, волшебник, но раз уж не мог похитить на воде, то на суше совсем не мог. И он тут сам себя начал рвать, восполин, и канул на дно.

Когда Сусан Асаныч пришел в себя, то он поднялся и пошел дальше от моря. Шел, шел, наконец сильно устал, отощал. Все-таки дошел до рощи. Видит, кустарник растет, а на нем всевозможные яблоки. Он сильно отощал и наелся яблоков. Когда наелся этих яблоков, сразу на сон его позвало. Он прилег. И только прилег, вдруг на него навалилась кака-то огромна масса и не дает дыхнуть. Просто дыхание стало схватывать, каки-то лягуши, мыши летучи навалились. Потом слышит: по земле какой-то шаборк. Этот шаборк ближе, ближе. И вот подошла старушка.

— У, негодяи таки! — Палочкой стукнула, и оне все разлетелись от него. И вот когда он поднялся, старуха ему говорит: — Давно я тебя дожидаю. Теперь дождалась. Пойдем.

Он поднимается, конечно дело. Повела его эта старуха. Жила она где-то в отдаленности, келья у нее была какая-то. Привела, напоила, накормила и уложила спать. И он, конечно, после этого всего дня три целых спал. Когда проснулся, пробудился, теперь старушка и говорит:

— Дак вот, теперь ты от одной беды избавился, но другая беда рядом. У этого восполина есть родная сестра, волшебница. Когда сам себя восполин погубил, то она дала клятву, где бы ты ни был, погубить тебя. Теперь ты таскай

дров больше и топи печку, а я ее призову. И когда она придет, мы ее сожжем в печке, чтобы тебе не было больше никаких препятствий.

Но и вот так получилось. Он натаскал дров, затопил печку, раскалил ее. И вдруг является эта сестра восполина. Она когда явилась, ее скомили они со старухой и в печку затолкали. Сожгли, пепел выгребли в котелок и по ветру рассеяли. Старуха ему говорит:

— Теперь ты можешь спокойно на свете жить.

Он пожил сколько-то у старухи, она ему и говорит:

— Так вот что, у меня много кое-чего добра. Но ни родни, никого нету. Пойдем, я тебе все передам, и ты можешь ехать со своими товарами за границу и торговать.

Повела его на пристань. Там у нее три корабля с драгоценными камнями, три корабля с золотом, три корабля с серебром — вот богатства-то! Он думат: «Чё я могу сделать один? Ведь девять кораблей!» А она ему говорит:

— Вот тебе кольцо. Куда ты пожелаешь, перекинь это кольцо с пальца на палец и скажи — корабли туда и пойдут.

Он поблагодарил старуху, уселся на первый корабль, перекинул с пальца на палец кольцо и поехал. Едет, видит: море как море. А раньше много на морях разбойников было. И вот он видит: какой-то корабль приближается. А это был корабль разбойничий, специальный. Но, атаман, конечно дело. Атаман смотрит: людей нет, один только человек сидит. Скомандовал:

— Забрать!

Разбойники кинулись на его корабли, но тут их корабль перевернулся, и они все потонули. Только атаман с помощником как-то зацепились за корабль. И тот самый, на котором Сусан Асаныч сидел. Когда они забрались, то стали его умолять, упрашивать, дескать, спаси нам жизнь.

— Если ты старше нас, будь нам отцом, если младше, то братом.

Но вот, он скомандовал, корабль остановился, и они вылезли на палубу. Вылезли, теперь едут.

Этому атаману помощник говорит:

— Вот диво! Столько кораблей — и без людей идут! А добра сколько! Давай его, этого хозяина, в воду сбросим, и все это будет наше.

Но атаман все-таки выдержал. Тут промеж них поднялся шум, но атаман зарубил того. А Сусан Асаныч заревел:

— Чё там тако?

— Да вот такое дело... — рассказал. И вот оне проехали долго или мало ли, приехали в какой-то город. Пристали к пристани. А это как обычай, если куда купец приехал, то царю надо подарки дарить. А у него подарки, конечно, шикарны.

Причалил, этого атамана оставил на корабле, сам взял подарки, потащил к царю. Стал просить разрешение торговать. Царь, чё же, получил такие огромные подарки — пожалуйста, торгуй! И вот он живет, торгует. Живет неделю, другую. В гостиницу ись попеременно ходят.

А в этом городе жил один богач, генерал. У него имелась прекрасная дочь

Светлана. Когда до них дошла весть, что прибыл какой-то человек с огромным капиталом, отец говорит дочери:

— Вот с кем, понимаешь, познакомиться-то надо бы!

А она уже многим от ворот поворот дала. Вот приглашают Сусана Асановича. Он пришел с подарками. А он уже слышал про нее много, что така красавица. И вот он пришел, принес подарки. Начался бал. Они сидят, выпивают, закусывают. Теперь он и спрашивает генерала:

— Слышал я, что у вас дочь есть. Нельзя ли ее пригласить?

— Пожалуйста!

За ней отправили, она говорит:

— Если он отдаст три корабля золотом, тогда я выйду, но в маске, поговорю с ним. — Отец вернулся, рассказал, что она предъявила. Сусан Асаных говорит:

— Ладно.

Отдал три корабля, она вышла к нему в маске, показалась. Но, походкой своей прошлась. Побеседовали. Теперь после этого три корабля пропали, отдал. Пишет другу записку. Тот ее получил. И понял, что хозяин начал гулять, куролесить. Взял, нанял повозку и часть добра перевез в гостиницу. Снял номер и перевез в него. А часть спрятал на берегу. И правда. Через некоторое время Сусана Асаныха к генералу опять пригласили. Он снова три корабля отдал. И в третий раз пригласили. Он снова спрашивает:

— А нельзя ли дочь увидеть?

Она говорит:

— Пусть три корабля отдаст, я выйду, потанцую.

— Ладно.

Опять приходит человек, подает атаману записку. А он уже знал, чем дело может кончиться. Корабли отдал, а сам перешел жить в гостиницу. Живет в гостинице, но все-таки за ним наблюдает. А он смотрит, чё же, тако богатство человек на ветер пускат!

Но чё же, отдал последние корабли. Потом стал думать, чё ему делать. Думал, думал и решил, что остается только на пристань идти, вниз головой — и все! И когда он надумал это дело сделать, атаман за им наблюдает. И когда Сусан Асаных хотел в воду прыгнуть, этот его взревел.

— Ты чё хочешь?

— А теперь чё, мне только один исход — утонуть.

— Ладно, пойдем, нам с тобой еще хватит!

И повел его в гостиницу, показал ящики.

— Вот у нас с тобой еще сколько добра, за глаза хватит!

А теперь праздник отошел у Сусана Асаныха. Когда кораблей не стало, никто не приглашает его в гости. Живет в гостинице, ходит по городу. Шибко-то не шикарный. Ходит по базару.

Однажды ходил, ходил по базару, ись захотел. Там были харчевки. Заходит в харчевку, заказал обед — перво, второ... Только принесли, он сел — ниоткуда появляется здоровый парнишша, цоп эти тарелки, понимаешь, и скрылся. Чё такое? То ли привиденье, то ли чё? Тарелок нету. Зовет официантку рассчиты-

ваться. Рассчитался, пошел домой в гостиницу. Переночевали. А его все беспокоит: что за человек? Тем более совершенно голый. Думат: завтра закажу снова, пока он берет, я, может, его поймаю...

Но и вот приходит, заказывает. Когда заказал, ему поставили на двоих. Он только уселся, опять этот парень появился, раз — и все забрал. Здоровый такой детина. И опять исчез. Сусан Асанович снова ушел несолоно хлебавши. Думает про себя: «Я завтра закажу больше. Может, успею поймать».

Вот приходит в харчевню эту на третий день. На третий-то день пришел когда, заказал не только на пятерых — больше. Принесли. Тут вылетат этот парень, давай собирать эту еду. Но где же, он сразу-то столько не соберет. Купец поймал его, успел.

— Что ты за человек?

— А я не один. Нас уже двадцать девять человек обобрано здесь. Так же, как и ты. Ты будешь тридцатый.

Это все женихи этой Светланы. Его она тоже «женила». Вот парень спрашивают:

— Нет ли у тебя чего, чтобы нас приодеть? Из тридцати, может, тебя мы одного женим.

— Найдется немного, пожалуйста.

Этот парень, он Константин-царевич был, скомандовал — все пошли за купцом. Приходят к гостинице, где эти друзья жили. Сусан Асаных спрашивают атамана:

— Найдется у нас, чтобы двадцать девять человек одеть хорошо?

— Найдется.

Вот одели этих парней. Когда одели, царевич говорит:

— Напротив генеральского особняка стоит старый дом, он пустой. Хватит ли у тебя средств купить этот дом?

Сусан Асаных посмотрел на атамана. Тот говорит:

— Хватит.

— Покупай этот дом, мы переходим в него все. А там будем работать.

Ладно. Купили этот дом, давай работать. Ставни новы делают. Подкрашивают, но, ремонтируют полностью. А часть людей повели к Светлане туда, под ее комнату, подкоп. Сделали подкоп. Когда подкоп сделали, направляют туда этим ходом Сусана Асаныха. Он пошел. А там Светлана в своей комнате сидит, вдруг видит: западня открывается. Она закричала:

— Ой! — Мать услышала, как дочь ойкнула, побежала к ней, давай замки открывать (они ее под замками держали). А купец вылез когда, давай ее успокаивать, эту Светлану, чтобы не пугалась. Замки тут защелкали — он унырнул в подпол и закрылся. Мать заходит:

— Ты чё, Светланочка, Бог с тобой?

— Да просто я замечталась.

— Но ничё, ложись спокойно, спи. — И ушла. Когда дверь закрылась, он снова вылез. И они начали беседовать, конечно дело. Вот посидели, поговорили, потом он и говорит:

— Знаешь, Светлана, в честь первого вечера нашего знакомства ты бы мне какой подарок подарила.

Она дала ему золоченый портсигар с ее портретом.

— Это у меня он один. Если родители хватятся, то все поймут.

— Нет, я только до вечера возьму, а потом возвратю.

— Но пожалуйста. — Он забрал этот портсигар с ее портретом. Константин-царевич его встречает. А это он наказал чё-нибудь с ее портретом выпросить.

— Но чё?

— Да все в порядке.

— Деньги еще есть?

— Есть.

Поехали на извозчике к золотых дел мастеру. Спрашивают:

— Можете вот такой портсигар с портретом сделать до вечера?

— Могу.

Вот вечером забрали у мастера портсигар, новый отдают купеческому сыну и отправляют его снова к Светлане. Константин-царевич наказывает:

— Опять проси чё-нибудь с ее портретом.

Ладно. Он явился. Тут уж она не ойкала, не бросалась. Побеседовали. Он воротил ей портсигар. Потом и говорит:

— Светлана, я уже совсем не могу, мне дайте до вечера хотя бы что-нибудь с вашим портретом. Хотя бы вот перстень.

— Да он же у меня один.

— Ничё, я обязательно верну.

Она ему дала перстень с ее портретом, он взял его и ушел. Его встретили, сразу на извозчика — и к мастеру.

— Можете такой перстень сделать?

— Могу.

Мастер к вечеру перстень сделал. Сусана Асаныча опять отправляют к Светлане и наказывают:

— Опять какую-нибудь вещь доставай! С ее портретом обязательно! — Тот пошел к ней. Посидели, поговорили. А у нее была тросточка с ее портретом. Он увидал. А перстень ей возвратил.

— Светлана, в честь третьего вечера дайте мне на время эту тросточку.

Она же видит, что он все честь по чести возвращает обратно. Дала ему тросточку. Вот вернулся, его спрашивают:

— Взял?

— Взял. — Опять к мастеру, тот им такую же тросточку сделал.

Ладно. Теперь этот генерал обратил внимание. Ага, дескать, этот купец купил дорогой двухэтажный дом, вон как отделал его, вон сколько работников держит — значит, живет он еще богато. И решил опять пригласить в гости купца. Вот пришли люди, пригласили. А Константин-царевич купцу говорит:

— Бери портсигар с собой. Когда на балу будешь, старайся сесть с генералом и показать ему этот портсигар. А дальше сам соображай.

Приходит Сусан Асаныч на бал. Сел рядом с генералом. И вроде невзначай портсигаром щелкнул. Тот посмотрел.

— О, это же портсигар моей дочери! Вот и портрет ее. Значит, ты спер портсигар, когда бывал раньше у меня!

— Как так спер! У вас есть, а почему у меня не может быть?

— Нет, спер! — Так слово за слово давай спорить. Тут гости собрались. Тогда Сусан Асаныч говорит:

— Вы меня оскорбили, тогда надо разобраться. Если ваш порсигар на месте, то вы возвращаете мне три корабля с драгоценными камнями. Если портсигара у Светланы нет, тогда я отдаю свой дом и все добро.

Тут нашлись свидетели, ударили Сусан Асаныч с генералом по рукам. Но ладно. Ударили по рукам, потом пошли к Светлане.

— Где портсигар?

— Вот он.

Делать нечего, три корабля с драгоценными камнями вернулись к Сусану Асанычу. Прошло еще некоторо время. Генерал опять собирает бал: генеральша была именинница. Сусана Асаныча уже как владельца большого богатства опять приглашают на этот бал. Константин-царевич ему наказывает:

— Когда придешь на бал, садись рядом с генералом и постарайся показать ему перстень.

Но что же, приоделся Сусан Асаныч как следует, приходит на бал, садится рядом с генералом. На свой перстень поглядывает. Генерал это заметил, соскочил:

— Как же это? Перстень-то моей дочери Светланы. Это ты спер, когда она выходила к тебе показаться!

Заспорили. Нашлись опять же свидетели. Сусан Асаныч говорит:

— Если вы напрасно меня оскорбили, то вернете мне три корабля с золотом. Если нет — забирайте три корабля с драгоценными камнями.

Тот согласился. Опять пошли к Светлане. Она показала перстень. Что делать, пришлось генералу писать опять записку, чтобы купцу вернули еще три корабля. Прошло время. Опять у генерала бал. Конечно дело, приглашают именитого купца, как же! Он берет тросточку и идет на бал. Тросточку эту с портретом Светланы держит на виду. Генерал заметил и говорит:

— Дак эта тросточка-то Светланина!

— Что за глупости? Только у вас со Светланой может быть? Что же я не могу иметь такую трость?!

Генерал вертит трость в руках — ихня трость!

— Нет, это вы стащили, когда мы глядели перстень!

Опять заспорили. Пошли смотреть. У нее все честь по чести, эта тросточка на месте. Так последние три корабля забрал. Все себе вернул. Теперь он богатейший человек. А друзья думают как-то, что его женить надо. А как женить?

А он к Светлане похаживат. Понравились друг другу. Те думают, как ее высватать. И порешили. Вызывает Константин-царевич Сусана Асаныча и говорит ему:

— Вот тако и тако дело. Скоро твои именины. Ты пригласи на именины генерала и жену его и посади за столы в самый конец зала, чтобы им трудно было вырваться, чтобы вылезти не могли. А Светлану подговори поднарядиться нищенкой, пусть она придет прямо на гулянку. И ты начинай ее сватать.

Но вот. Приглашает именитый купец Сусан Асаныч всех знатных людей к себе на именины. Пришел генерал со старухой. Их посадили за дальние столы. Начали гулять.

В это время Светлана по подземному ходу перешла в их дом, сама в тряпье разном. Старуха генералу говорит :

— Вроде как наша Светлана!

— Да ты чё, она же под замком. Это же нищенка.

Вроде она маленько успокоилась. Но потом опять:

— Нет, это Светлана! — Просто из себя выходит.

— Да уймись ты! — Тут поднимается хозяин, Сусан Асаныч, и говорит:

— Человек я холостой, и пришла мне пора жениться. Вот эта девушка мне по душе пришлась. Пойдешь за меня?

Она стоит, молчит. Тут начали ее все сговаривать (выпили уже ладно). Генерал тоже уверят: выходи за него. Она согласие дала. Генерал даже согласился посаженным отцом быть на свадьбе. Свадьбу на завтра назначили. А старуха никак не уймется: «Светлана и Светлана!» Тащит мужа домой. Пока они вылезли из-за столов, Светлану эти уже отвели по подземному ходу в ее комнату. И мать прибегают. Замки отомкнула, спрашивают:

— Светлана, ты дома?

— Но, Боже мой, а я куда же могу деваться?

— А счас купцу невесту сосватали, ну не разведешь — ты и ты!

— А я-то при чем? Ты чё, мама?

— Но просто вылита! Така хорошенька!

Вот утро. У Сусана Асаныча уже готовы, гоношат свадьбу. Пришли генерал с женой, они же согласились благословенными отцом с матерью быть. Вот наладились. Эти Светлану привели, ее одели честь по чести. Повезли в церкву, обвенчали. Приехали, столы отвели. Вот столы отвели, купец с молодой женой давай собираться уезжать на своих кораблях. Добра у них полно всякого. Сусан Асаныч друзьям своим вытащил по ящику золота.

— Берите, ребята! Спасибо вам за помощь!

Тем чё, все теперь, можно жить. Смеются:

— Но хоть тридцатого женили!

Вот Сусан Асаныч со Светланой зашли на первый корабль. Он кольцо перебросил с пальца на палец — и корабли, как гуси, пошли в море один за другим. А генеральша побежала к дочери рассказать, как купца оженили. Открывает — Бог ты мой! Там вся комната затаскана хламом: и солома, и всяка ерунда! А Светланы след простыл! Она — в обморок. Потом, паря, хватились — а там ход. Вот ловко обделал! Но смирились. Старуха генералу говорит:

— Это за твой обман все. Ты вон скольких обобрал, теперь и нас обобра-

ли — родну дочь увели. Но чё же, она же по согласию пошла. Пусть уж живут, чё им сделаешь теперь.

А Сусан Асаныч с женой едут в Одессу. Плывут по морю день, плывут второй. Приглядываются — плывут двенадцать кораблей. Он кольцо с пальца на палец переташил — догнал их быстро. Смотрит: на этих кораблях знак фирмы его отца. Это команда-то наторговала столько добра за границей, что купили еще девять кораблей и все их нагрузили. Сусана Асаныча сразу узнали, обрадовались. И вот приплыли в Одессу двадцать один корабль. Уплыло три, а вернулось двадцать один! Все с товарами.

Отец с матерью еще живы были. Встречу им сделали хорошу. И сделали пир на весь мир. Я там был, вино пил, а в рот не попало. Дали мне блин, который совсем изгнил, но кто слушал, тот скушал, а мне и этого не досталось.

44. Как кузнец черта отвадил

Жил дедушка-рыбак, рыбачил. Небольшо хозяйство было у него: имел коровенку, двух коз имел. Старуха у него была, а вот ребятишек Бог не дал. И вот он каждый выходной ездил на реку рыбачить. Переметы ставил. Наставит их к ночи, утром встает, сымат. Лошадь при ём с телегой. Он переметы выташшит, рыбу в мешок складет и утром уж едет домой.

Вот с вечера переметы поставил, утром давай сымать. Последний перемет стал выпрастывать — выходит из реки черт:

— Ты мне всю дорогу загораживашь, старик! Просто ни пройти ни проехать! Я тя утоплю, старик! — Забирает его и таском тащит в воду. Старик ему:

— Не тащи меня, пожалуйста! Я ишо поживу. Мне ишо жить охота! — Черт все равно волокет его топить.

— Тогда возьмите мое хозяйство: есть у меня лошадь, телега, корова...

— На кой хрен мне твоя корова?

— Тогда берите, чё хотите!

— Нет, ничё мне не надо. А вот прогневи, кого не знашь! — Сам тащит старика в воду. Тот вот-вот захлебнется.

— Но ладно, прогневлю!

Тот отпустил его сразу, говорит:

— Через двадцать лет приеду к тебе и заберу, кого ты прогневил. — Старик домой поехал, сам думат: «Кого же я прогневил?» Печальный едет. Приезжат домой, лошадь распрег, переметы сушить развесил и пошел в избу. Только двери-то открыл — ребенок плачет. Он сразу: «Вот кого я прогневил!» Но и спрашивает хозяйку:

— Кто родился?

— Сын, — говорит.

Вот этот ребенок растет, быстро растет. Ему уже лет десять, уже отцу по хозяйству помогают. Отец молчит, никому ничё не говорит. Вот парню уже пятнадцать лет. Он и говорит:

— Но, папаня, ты мне поставь кузницу, я буду кузнецом.

Старик с ём согласился. Поехал в город, набрал чё инструменту надо в кузницу, полностью всё: мех купил, молотки, клешши. Ему двадцать исполнилось, а он уже куёт настоящие, самостоятельно.

Вот раз отец ему говорит:

— Но, сынок, я ить тебя прогневил.

— Как прогневил?

— А вот как. Как тебе родиться, пришлось пообещать черту отдать, кого дома не знаю. А то бы он меня утопил. В то время ты и родился. — Иван — так сына звали — пошел винца купил. Сели, выпили. Отец говорит:

— Может, сынок, последний раз так с тобой сидим! Черт ночью придет и уволокет тебя. — Но и Иван говорит:

— Ничё, отец, не печалься. Все в порядке будет.

Посидели, поговорили, попрощались. Он все уговариват сидит, дескать, никто не уволокет. Повечеровали и спать легли. Старик не спит, беспокоится. Теперь двенадцать часов. Стучат! Он спрашивает:

— Кто такой? — Черт говорит:

— А ты забыл, как прогневил? За Ваней пришел.

Старик запустил черта, тот зашел в избу. Посидели маленько, поговорили. Черт спрашивает:

— А где Ваня?

— А он спит.

— Буди его. — Старик подходит:

— Но, Ваня, вставай. Пришел хозяин за тобой.

Ваня встал, поздоровался. Черт:

— Но чё, пойдем кузницу посмотрим. Твое хозяйство ишо посмотрим.

Спички взяли и пошли. Мать завывала. Теперь заходят в кузницу, разжигают горно. Иван вытаскиват проволоку, прут в палец, берет молоток, клешши, черт берет кувалду — и пошли ковать. Поковали — положили. Черт пошел дальше смотреть, чё в кузнице есть, а Иван сзади идет. Черт спрашивает:

— А это чё делать? — А он говорит:

— Это вот на телеге колеса оковывать.

Дальше идут. Там инструмент всякий висит. Черт к тисам подходит и говорит:

— А это чё?

— Это тисы. Гайки нарезать, болты дак зажимать.

— Кого имя зажмешь?! Я их разорву, тисы твои!

— Никого, паря?

— Разорву! — Затолкал пальцы-то, а Иван подскочил и завертел, зажал их.

Когда зажал черту пальцы, давай горно дуть. Раздул горно, железо накалил и давай этого черта дуть — аж пыль пошла! Бьет, а сам ишо приговариват:

— Ты будешь людей прогневлять? Будешь, будешь?

Бил его, бил. Тот взмолился:

— Иван, отпусти. Не буду больше! — А Иван его все наворачиват. Но до

тех пор бил, пока тот не выдрал руки. Шкуру всю содрал и убежал. Отбежал подале и кричит:

— Но, Иван, ты будешь за рекой невесту брать, женишься, а я тебя утоплю с твоей женой.

Через недолго время Иван из-за реки взял невесту. Он ничё никому не говорит. Давай они тут свадьбу делать. Через неделю поехали к теще на блины. В лодку сели и поплыли. А хозяйке сказал: чё будет ей велеть, чтобы сразу делала.

Тут вылезает этот черт и говорит:

— А, Иван, попал ты мне! — А Иван ему:

— А ты забыл, как я тебя в тисах зажал? Но-ка, хозяйка, подымай подол, зажимай его покрепче!

Она скорее подняла — черт видит: о-ё-ё! Вот тисы дак тисы!

А Иван:

— Зажимай! Зажимай! А я сейчас приговаривать буду!

Черт такого деру дал, что сам чуть не захлебнулся.

45. Солдат и черти

Раньше солдаты служили по двадцать пять лет. Вот один отслужил двадцать пять лет и идет домой. Дело под вечер. Он заходит в деревню, надо проситься переночевать где-то. Заходит к богатому мужику.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте.

— Вот так и так... Переночевать не пустите?

— О-о, самим места мало.

— Да у вас же новый дом рядом. Люди говорят, что ваш.

— Наш-то наш, только в нем жить нельзя. Мы его поставили, только хотели въезжать, а в нем черти поселились. Как только их ни выживали, никак не могли выжить.

— Давайте я выгоню.

— О-о, как ты их выгонишь? Не такие молодцы брались, да не смогли.

— А я выгоню.

Вот слово за слово, все-таки договорились, что если солдат выгонит чертей, то хозяин дает ему чё-то много денег.

— Только с условием, — солдат говорит. — Дайте мне колоду карт, водки и закуски на всю ночь и орехов кедровых.

Но вот. Засветло принесли в новый дом провизии для солдата, водку принесли, карты. Печку растопили, свечи поставили. Оставили солдата одного в доме. Вот он сидит, водочку попивает, орехи пощелкивает. Вдруг западня открывается, вылезает из подполья черт. Вылезает и сразу:

— А-а, солдат явился. Вот я тебя сейчас съем! — А солдат ему:

— Садись сперва рядом, выпей, закуси.

Черт сел. Выпили, закусили. Солдат орехи пощелкивает. Черт обзарился.
— Дай-ка, солдат, мне орешков.

Солдат ему горсть пуль подает. Черт щелкнул — зуб вывалил в горсть.

— Но и орехи у тебя! — Сам уже с опаской на солдата посматривает. Потом говорит: — В карты бы сыграть.

— Давай. — Солдат карты достал, взялись играть. Тут черт солдата обыграл. Обыграл и говорит:

— Но вот, солдат, ты орехи грызешь хорошо, а я тебя лучше в карты играю. Давай буду тебя съедать.

— погоди, — солдат отвечает, — у нас пока ничья. Теперь попробуем, кто лучше прячется. — Черт согласился. А у солдата был вещмешок брезентовый, крепкий. Он его нарочно в угол поставил, устье раздвинул. Сам говорит:

— Прячься.

Дом пустой. Черт заметил вещмешок, сделался маленьким-маленьким и заскочил в этот мешок. Солдат подглядел.

— Чё всё? — Черт молчит. Значит, все. Солдат — раз — ремешком у самого низа мешок перехватил. Сам сидит опять на лавке, водочку пьет. Открывается западня, вылезает второй черт.

— Сидишь, солдат? А братан где?

— По водку я его отправил. Он мне проспорил.

— Как так? Не может быть!

— А вот так. Не мог мои орехи разгрызть.

— Но-ка давай их сюда. — Солдат дал ему горсть пуль. Тот мял, мял зубами — не мог. Только зубы пообломал.

— Но, паря, и орехи у тебя. Не могу. — А солдат пощелкивает.

— Но чё, в карты будем играть?

— Давай.

Взялись играть. Черт солдата обыграл. Говорит:

— Счас тебя сожру-ка!

— Нет, у нас ничья. Теперь прячься, я тебя искать буду. Если не найду, ешь тогда.

А мешок у стены стоит, устье по́ло, места еще много. Этот черт тоже маленьким сделался — прыг в мешок. Солдат подскочил, ремешком снова перетянул мешок. Сам сел на лавку, орехи пощелкивает. Вот западня открылась, вылез третий черт.

— Где братовья?

— По водку убежали, да чё-то долго нету. Проиграли мне они, не могли орех раскусить.

— Но-ка что за орехи?

Солдат пули дает. Этот тоже одну помусолил «орешку» — зубы выломал.

— Нет, не могу. Давай в карты играть.

Опять солдат проиграл. Черт:

— Счас сожру-ка!

— Погоди, у нас ничья. Прятаться будем.

Мешок у стены стоит, места еще много. Черт сделался маленьким и прыг в мешок. Солдат устье затянул. Водку допил, закусил, шинельку разостлал, печку посмотрел и лег спать. Вот утром стучается хозяин.

— Чё, живой?

— А что мне сделается?

— А черти были?

— Были. Больше не явятся. Давай расчет.

Хозяин заупрямился. Солдат тогда показывает на вещмешок.

— Вон они у меня, черти-то. Если не заплатишь — сейчас же выпростаю мешок.

Хозяин пощупал — верно, черти. Живо заплатил солдату, сколько было положено.

— Но спасибо, солдатик! Только чертей скорей заведи да в озеро выкинь прямо с мешком.

Солдат деньги в карманы, вещмешок за спину — и пошел себе.

46. Кузнец и черт

Жил-был кузнец. Характером он был вредный-вредный. У себя в кузнице повесил икону, а на двери нарисовал черта. Утром придет на работу — Богу помолится, а черту кукиш поставит. Вечером уходит домой — опять так же: Богу помолится, а черту кукиш поставит да ишо плюнет в рожу-то.

Но и вот. Как-то к нему приходит парень средних лет и говорит:

— Ты, батюшка, возьми меня в молотобойцы!

Парень такой проворный, верткий, веселый. Кузнец согласился, взял его в молотобойцы. Начали работать. Верно, в работе парень до того проворный! Где надо угля подсыпать, где какую сложную работу отковать — он уже готово! Все понимает. Вот один раз как-то подъезжат колясочка. Кучер соскочил, побежал в кузницу:

— Ребята, вот тако и тако дело: коренной у нас расковался. Сделайте побыстрому, будьте добры!

— Выпрягай! — Кучер коренника выпряг, в станок завел, не успел оглянуться — уже готово все. И подкову отковали мужики-то, и на весь круг подтянули. — Готово. Запрягай!

А в коляске старик сидел, седоком-то. Молотобоец подошел к этому старику и говорит:

— Давай-ка, дед, мы тебя перекуем на молодого. — Старик-то — но он почти совсем недвижимый был, дряхлый — и слова сказать не успел. Этот молотобоец его на руки взял, в кузницу — раз! В горно забросил. Он раскалился, этот старик. Молотобоец кричит кузнецу:

— Хватай его клещами! Тащи, батюшка, на наковальню!

И давай они хлестать этого старика, в молодого перековывать. И перековали, вместо старика вышел молодой парень. Радый, много денег имя за это дал.

А кузнец ничё понять не может. А когда стали деньги-то делить, его жадность одолела: он все деньги себе забрал, а молотобойца выгнал. Но выгнал — выгнал. Молотобоец посмеивается, руки в брюки — и ушел. А он же и был черт, которому кузнец-то кукиши ставил. Он, видно, так и хотел, ему этого кузнеца подвести надо было, проучить.

Ладно. Опять к кузнице подъехал барин. Седой, старый. Кузнец ишо решил подзаработать и говорит:

— Давай, барин, я тебя на молодого перекую.

Барин согласился. Кузнец — раз его в горно! Только дым пошел: барин-то сжарился, сгорел весь. Тут кузнеца схватили и потащили в суд. А молотобоец, черт-то, незаметно поглядывал, как там дело пойдет. Видел всё: как этот барин седой сгорел, как хозяина в суд поволокли. Он тоже следом пошел.

Вот суд идет. Судья спрашивает кузнеца:

— Как же это ты догадался человека живьем в горно затолкать?

— Дак так... — Но чё он скажет?

Тут подходит молотобоец и говорит судье:

— Мы же доброе дело делали: старика в молодого перековывали. А тут, видите, барин попался. А барское тело, как говорится, не идет в дело. Давайте проверим — увидите, как это получается.

Судья говорит:

— Но давайте попробуемте.

Привели какого-то простенького, бедненького старикашку в кузницу. Молотобоец — а он проучил кузнеца, теперь решил выручить — этого деда — в горно. Раскалили и перековали в молодого. Вот ловко! И оправдали кузнеца. А черт после этого и говорит кузнецу:

— Вот так вот, батюшка, ты Богу-то молись, а черта не обижай! Хотя ты мне и кукиши ставил, и в рожу плевал, а я — видишь — тебя спас.

47. Сынок-поросеночек

Жили старик со старухой. Старые. Ему уже было девяносто лет и ей семьдесят с лишним. Детей у них не было. Жили они в лачужечке недалеко от царского дворца. Вот эта старуха говорит:

— Эх, дед-дед! Не грех ли нам буде, мы с тобой век прожили, никто к нам не зашел и не назвал отцом-матерью! Ты знаешь что, утром ране вставай и иди куда глаза глядят. Какая будет первая встреча — бери в дети. Хотя там зверь, хоть птица, хоть человек.

Утром этот старик встал и пошел. Шел, шел. Пришел в ложок, там болото, в болоте роется чушка с поросятами. А он тихенько пришел и под кустик сел. Чушка его учуяла. Учуяла, поднялась из болота и пошла. Одиннадцать поро-

сенков за ней побежали, а двенадцатый завяз в грязи и никак не может вылезти. Такой плохенький! Пишшит, пишшит и никак не вылезет. Чушка ушла, из виду скрылась. Старик подошел, этого поросеночка из грязи вытащил, положил за пазуху и приносит домой.

— Вот, старуха, нам с тобой и сыночек!

Она обрадовалась. Счас наделала щёлоку, вымыла поросеночка с мылечком, вытерла полотенчиком, накормила его и постлала постельку, уложила спать. Так каждый день его купала, кормила, ухаживала, ростила его. Стал поросеночек большой. Ухи большие, нос большой стал.

Вот как-то собирается старик в город. А старуха ему:

— Ты смотри, старик, не забудь купить то-то и то-то...

Вот возвращается старик из города. Старуха спрашивает:

— Но что в городе нового?

— Да новости есть. Царь объявил: кто из молодых парней мост хрустальный выстроит от своего дома до царского дворца, чтобы на том мосту цвели сады и птицы пели, за того он отдаст свою дочку. — Старик рассказывает это старухе, а поросеночек сидит, слушает. Вот дед рассказал, а поросеночек вдруг говорит:

— Я, отец, построю мост хрустальный до царского дворца!

Старуха прямо упала со страху, а старик спрашивает:

— Кто же это сказал? Никого вроде нету. — А поросенок ему:

— Я, я сказал, я построю мост хрустальный. Пойди и скажи об этом царю. — Старик пошел к царю. Приходит к царю, а там его стража не пускает.

— Ты куда?

— Да я иду к царю. Мой сынок берется мост построить хрустальный. — Пропустили его. Он заходит и рассказывает царю:

— Вот мой сынок берется мост построить хрустальный до твоего, царь, дворца!

— А ну приведи его самого ко мне, жениха-то этого! — Старик испугался, а что поделаешь? Пошли они к царю с этим поросеночком. Охрана их не пропускает, а он им и говорит:

— Это не поросенок, это сынок мой. — Пропустили. Они прошли с поросенком к царю. Царь давай смеяться, а поросенок говорит:

— Чем смеяться, царь, ты лучше выгляни в окошко. — Царь выглянул в окошко и видит: мост готов, весь из хрустала, драгоценными камнями выстлан, сады кругом и птички поют! Царь удивился, а потом расстроился — чё же, надо отдавать свою любимую дочь за поросенка! Позвал ее и сказал, что судьба ее жить с этим поросенком. Она пошла со стариками и женихом. Подходят по мосту к своему дому, а домишка-то нету, на этом месте стоит дворец не хуже царского. Пришли они в этот дворец. Заходит царская дочь в комнату спальную за поросенком. Вот надо ложиться спать. Тут поросеночек чужечью кожу снял и стал красивым да сильным парнем. Проспали они ночь. Утром он снова эту кожу надел — снова стал поросенком. Но вот молодая жена пожила с ним неделю и просится сходить в гости к царю-отцу. Муж пустил ее. Пустил, она пришла и рассказала все.

— Папа, ох какой же он красивый парень! Когда он спать ложится, то снимает чушечью одежду и становится большим красивым парнем! — А отец ей говорит:

— Ты смотри, дочь, ничего не делай — это у него такая родимая рубашка, не делай с ней ничего.

А царицы, матери, не было в это время. Когда царевне идти домой по мосту, мать пришла и пошла ее провожать. Она ей тоже все рассказала: как он снимает рубашку, как становится хорошим парнем. А мать и говорит:

— А ты, дочь, знаешь что? Он уснет, а ты печь в кухне затопи, жару поболее нажги да и брось кожу-то чушечью в жар, сожги ее! Он так и останется парнем.

Но и она решила, дочь-то, сделать, как мать подсказала. Когда муж поросычью кожу бросил и уснул, она встала, в кухне печку натопила, жару загребла, взяла и тую чушечью шкуру в жар бросила. Она загорелась, аж весь дом затрещал. А муж сразу проснулся и говорит:

— Что ты наделала! Ты все счастье мое сожгла. Счас наскочит вихрь, буря и меня здесь не будет! Тогда ты меня ищи в хрустальном монастыре.

И сразу налетел вихрь, поднялась буря, все завертело, закружило — и парня не стало. Утащило его, и ни моста, ни дворца не стало. Только стариковская лачужка стоит.

Тогда она пошла его искать. Шла-шла, идет по лесу. Страшно! Блистат молонья, гром. Глухо так кругом. Никакого следа нету. Вдруг видит: стоит избёнка. Она подошла. Подошла, стучается. А из избёнки отвечает голос:

— Кто там? Если добрый человек, то заходи, а если недобрый, то прочь отсюда! А то пса спущу, он тебе счас изорвет!

Она говорит:

— Бабушка, я добрая!

— Но заходи! — Она зашла и увидела старушку. Это была святая Середка. Зашла и рассказала ей, куда иде, по какому делу. И святая Середка, эта старуха, дала ей мотовила золотые в подарок. А сама вышла и покликкала всех зверей и всех птиц. Все слетелись птицы, все звери сбеглись, она их спрашивает:

— Кто знает, где хрустальный монастырь? — Все сказали:

— Не знаем.

И молодница пошла дальше. Шла-шла по темному лесу, снова набрела на избенку. Там жила святая Пятница. Царевна рассказала и ей, куда и зачем идет. Святая Пятница вышла на крыльцо, покликкала всех зверей и всех птиц. Когда все слетелись, сбеглись, она спрашивает:

— Кто знает, где хрустальный монастырь? — Все сказали:

— Не знаем. — Потом святая Пятница подарила ей золотую самопряжку и отправила дальше. Говорит:

— Иди дальше, там наша старшая сестра живе. — Пошла дальше. Опять избёночка там. Она зашла в нее — там святая Троица.

— Куда иде, молодуха, зачем? — Эта ей рассказала тоже всё. Святая Троица тоже созвала зверей и птиц. Спрашивает их:

— Кто знает, где хрустальный монастырь? — Все сказали:

— Не знаем! — Бежит хромая жаворонка, отстала. Подбегает жаворонка, святая Троица ее спрашивает:

— Жаворонка, где хрустальный монастырь?

— Ну как же не знаю! Я там и нахожуся.

— Вот отведи туда, пожалуйста, прохожую.

Но, эта старуха, святая Троица, ей подарила золотой поднос и золотую курицу с цыплятами. Жаворонка ее повела. Шли, шли, она ее привела на место. И говорит:

— Вот садися у колонны и сиди. — Она села у колонны и сидит. Глядь: женщина показалась.

— Ты зачем здесь?

— Мужа ищу!

— Ну сиди, счас приде сама хозяйка. — А это служанка была, за водой приходила. Ушла она, хозяйке сказала: тако-то дело, пришла молодница, ище мужа. Пришла сама хозяйка и позвала с собой царевну. А эта хозяйка-то и была та чушка, одиннадцать поросятков — ее дочки, девочки, а двенадцатый поросенок — ее сын. Он был на охоте в это время.

Вот приезжае с охоты муж царевны, мать его встретила и дала попить молока. От этого молока в сон клонить стало, он ляг, как умре. Жена пришла, а он не просыпается никак. Потом ее уводят. А он утром просыпается и снова уходит на охоту с товарищем.

На другой день все так же получилось. А на третий день ему товарищ говорит:

— К тебе жена приехала, а мать мешает тебе увидеть ее. Дает молоко, а от него ты спишь непробудным сном. Сегодня приедем, ты не пей молоко.

Он так и сделал. Не стал пить молоко, матери ничего не оставалось, как дать им встретиться. Встретились они, царска дочь и говорит:

— Вот и нашла я тебя, мой муж любимый!

Он обнял ее. Сразу тут мост появился хрустальный, а в конце его дворец краше царского. Он взял жену, и пошли они по мосту. Заходят в дворец, а там их старик со старухой встречают. Обрадовались и стали все вместе жить-поживать.

48. Ореховая веточка

Жил богатый купец. У него было три дочери. Вот собрался он в город за товарами и спрашивает своих девок:

— Что вам, дочки, купить, какие подарки привезти?

Старшая говорит:

— Мне, тятя, купи отрез на хорошее платье, чтобы подружки завидовали.

— Мне, — средняя говорит, — бусы привези самые бравые.

— Хорошо, это все куплю. А тебе? — у младшей спрашивает.

— А мне, тятя, привези ореховую веточку.

Купец подумал и говорит:

— Это задание потруднее. Но постараюсь привезти и тебе, доча, подарок.

Собрался и уехал. Приезжат в город, набирают там всяких товаров. Потом купил подарки старшим дочерям. А ореховой веточки найти не может. Думает: «Неужели любимую дочку без подарка оставляю? Может быть, дорогой где-нибудь увижу ореховое дерево».

Едет дорогой и смотрит, нету ли ореховых кустов. Вот видит — целой чащей поднялись ореховые кусты. Он с телеги соскочил, выбрал самую ясную веточку и сломил. Только сломил веточку — выскочил медведь и кричит:

— Ты чё делаешь! Зачем мой орешник ломаешь? Я тебя за это съем!

Купец испугался, еле живой стоит перед ним.

— Я бы, — говорит, — не стал ломать ветку, но у меня есть меньшая дочка, она ждет от меня подарок — ореховую веточку. Ее наказ я и выполняю.

— Дак вот чё. Эта твоя дочь должна за меня пойти замуж. Если же не пойдет, то я тебя все равно съем.

Дал медведь купцу три дня сроку и отпустил домой. Едет купец, переживает: он ведь медведь, а не человек, как же дочка за него пойдет? Подъезжат к дому, его встречают. Он коней распряг, умылся, потом давай подарки раздавать. Девки рады. Но потом заметили, что с отцом что-то неладно.

— Что ты, тятенька, такой грустный?

— А вот так и так, доча... Придется, видно, или тебе замуж за медведя идти, или мне от него смерть принять. — И рассказал все, как он достал ореховую веточку. — Если, — говорит, — не согласишься за медведя замуж идти, то он приедет через три дня и меня съест.

— Пойду, тятя! Что уж там будет, то пусть и будет. Буду с медведем жить.

Но, согласилась. Вот проходит три дня. Далеко где-то колокольцы зазвенели. Поезд едет. Летят тройки, колокольцы звенят, песни поют! На передней тройке медведь едет в сапогах, при шляпе, брюки в распуск, тросточка в руке! Вся деревня вывалила, встречают этот поезд свадебный. С вином, с рюмками.

Остановились кони у ограды купеческого дома, медведь поднялся на крыльцо. Повели его за столы. Посидели, постоловались: выпили, закусили хорошо — все по-людски.

Но купец, отец-то, переживает. Чё, дескать, дальше будет? А чё дальше? Поднялись из-за столов да поехали венчаться. Приехали, поп молодым на пальцы обручальны кольца надел, венец надел. И вот, когда венец-то на медведя надели, вдруг он сделался молодым парнем. Здоровый, бравый! Короче — парень-гвоздь, во!

Отец обрадовался, невеста того боле. Повенчались и поехали к жениху. Приезжают в лес, а там поляна, и на той поляне дворец стоит — есть где разгуляться. Но и гуляли целую неделю.

Потом отца с сестрами проводили, а сами стали жить-поживать да добра наживать.

49. Пойди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что

Жил-был Андрей-стрелок. И он жил один, у него никого и ничего не было. Стояла только избенка, как банёночка. Он ночевал там. А как утром встает, идет к царю. Царь его отправляет в лес дичь стрелять, мясо заготавливать. Там что попадется: птица какая, зайчик или чё-нибудь.

Вот он ходил, мясо готовил царю. А однажды ходил-ходил, ничего не убил, ничего не попадает. Вдруг видит: на дереве сидит птичка. Он выстрелил и ее подранил. Птичка упала. Хотел Андрей голову ей оторвать, а птичка говорит:

— Ты, Андрей-стрелок, не убивай меня, не губи. А возьми меня, посади за пазуху по праву сторону и неси домой. Принесешь домой, посади на окно и гляди на меня. Когда я буду дремать, ты меня толкни. Вот твое и все счастье будет.

Он взял ее за правую пазуху, принес домой и на окно посадил. Стоит, глядит. Птичка глаза закрыла, как вроде задремала — он ее толкнул. Она упала и обернулась красивой девицей. Получилась красивая девица, огляделась и говорит:

— Что ж ты, Андрей, так бедно живешь?

— Да вот так и живу. Хожу на охоту, царю мясо готовлю в лесу.

— А ты пойди купи шелковых ниток всяких разных, разного цвету.

Он собрал денежки, что было, пошел и набрал всяких разных ниток, принес. Принес, она их умотала, основала и выткала ковер. На нем выткала всю царству, всю государству, самого царя выткала и говорит:

— На, Андрей, неси на базар, продай, но свою цену не запрашивай. А сколько дадут, за столько и продай.

Он этот ковер вынес на рынок — сразу все купцы к нему! Окружили его.

— Сколько просишь за ковер?

— Мне жена не велела свою цену запрашивать. Сколько дадите? — Один говорит:

— Я тебе даю три тыщи. Хватит?

— Хватит. — И уплатил ему деньги. Этот купец с ковром идет, а тут как раз царь катался на коне. Удивился: чё тако — купцы толпятся! Решил поглядеть. Слез, подходит к этой толкучке, а этот покупатель выходит, на руке ковер висит. Царь как глянул: вся царства, вся государства и сам он, царь!

— Ты где этот ковер взял?

— Да вот у человека.

— Сколько ты за него отдал?

— Три тыщи.

— Я тебе, — говорит царь, — пять тысяч отдам. Продай мне.

— Нет, я этот ковер сам себе купил. — Не продал царю.

Ну и ладно. Пришел Андрей-стрелок домой с тремя тышшами. Стали жить хорошо. А царь узнал, что у Андрея-стрелка жена появилась шибко красива.

Посылает посыльного проверить. А она уже стоит у порога, ждет. Приходит посыльный, она его повернула:

— Тебе тут делов нету! Уходи, уходи! Тебе тут делов нету! — И дверь закрыла. Он ушел, но все-таки ее увидел. Приходит к царю и говорит:

— Ох и красива! Но меня и через порог не пустила.

Пошел сам царь. А она и этого стоит дожидает у порога. И этого — царя — повернула назад. Но и царь увидел ее. Увидел и думат: «Но, коли бы у Андрея-стрелка эту красавицу отбить?» Потом требует Андрея к себе.

— Сходи ты, Андрей-стрелок, на тот свет, посмотри, что там мой батюшка делает! — Вот приходит Андрей домой. Сидит, задумался. А жена и говорит:

— А ты чего, Андрей, задумался, какая в голове кручина?

— Да вот, посылает меня царь на тот свет узнать, что делает там его батюшка.

— Ладно, ложись спать, а утро мудреней вечера.

Ну и лягли спать. А жена встала, во двор вышла, позвала своих мамок да нянек, спросила у них, как быть. Утром Андрей проснулся, она ему и говорит:

— Андрей, один на тот свет не ходи. Попроси царя отправить с тобой другого человека, а то тебе не поверят, что на том свете был. На вот тебе колечко. Выйдешь на дорогу — брось колечко. Колечко будет катиться, а вы за ним идите. Где оно встанет, вы вставайте.

Пошел к царю Андрей, попросил напарника, и они пошли. Вот вышли на дорогу, кольцо пустили. Колечко катится, и оне за ним идут. Катилось колечко и по логам, и по лесам, и по болотам — везде. Выкатилось на дорогу и встало. И они встали. Стоят. Вдруг идут враги, на царевом отце воз дров везут. С обоих боков хлещут прутьями его! Доезжают до их, Андрей и говорит:

— Подождите, дайте нам с ним поговорить!

Они, эти враги, отвечают:

— Некогда нам разговаривать. Надо скорей дрова отвезти!

— Тогда запрягайте этого человека, а я с царевым отцом поговорю. — Те согласились, свежего-то напарника запрягли. А Андрей-стрелок стал с царевым отцом разговаривать.

— Но как поживаете?

— Да видишь же, дрова возят на мне. Скажи сыну, что это большой грех — над людьми издеваться. Чтобы он не издевался.

Но пока они поговорили, те возвернулись, перепрягли царя в телегу, того выпрягли, а Андрей-стрелок снова бросил колечушко, и пошли они за ним. Домой пришли, у этого напарника бока болят. Оне им нахвалиться не могли, враги-то. Но и нахвошшали! Аж кровью полосы налились на спине.

Вот пришли к царю. Андрей-стрелок и говорит:

— Были мы у вашего отца. На нем враги дрова возят. И он заказывал вам над людьми не издеваться, потому как это большой грех, за который сам он врагам служит.

Царь никого не слушат, только и думат, куда бы стрелка отослать, чтобы он не пришел оттуда, чтоб ему жену-то забрать. И опять вызывает его.

— Сходи, Андрей-стрелок, туда — не знаю куда, и принеси то — не знаю что!

Но это как же? Ничё ни к чему! Запечалился Андрей-стрелок и пошел домой. Сидит дома, задумался. Жена его и спрашивает:

— Ты что, Андрей, задумался?

— Да вот царь посылает туда, не знает куда, принести велит то, не знает сам что. Как же это? — Она говорит:

— Ладно, ложись спать, а утро мудреней вечера! — И уложила его. Сама вышла на крыльцо, обернулась птичкой и куда-то слетала. Узнала у мамок и у нянек, что и как. Утром будит Андрея и говорит:

— На тебе, Андрей, клубочек, на дорогу пусти его и иди за ним. Куда он подкóтится, туда заходи, там и ищи, что царь требует. — Пошел Андрей-стрелок, клубочек пустил на дорогу. Клубочек кóтится, и он идет за ним. Видит, стоит избенка. Там сидит старуха, ему и говорит:

— Ты куда идешь?

— Сперва меня в баньке помой да накорми, потом спрашивай!

Старуха ему баньку истопила, накормила. Он ей и рассказал, куда идет и за чем идет.

— О-о, это далеко. Вот тебе клубочек, он доведет тебя до избенки без окон, без дверей. А ты подойди и скажи: «Избенка-избенка, повернись к лесу задом, а ко мне передом». А там сам смотри, как быть.

И пошел Андрей за клубком. Дошел до этой избенки, у нее ничего нет — ни окон, ни дверей. Он сказал, как старуха научила:

— Избенка-избенка! Повернись к лесу задом, а сюда передом!

Избенка перекрутилась — получились дверочки. Он зашел, там никого нету. Андрей встал за печку и стоит, думает: «Кто-то да сюда же ходит». Глядь: приходит мужичок, сам с ноготок, а борода с локоток, и говорит:

— Сват Наум, собери поесть!

Счас сразу поставился стол, на столе бык печеный, а в боку нож точеный и бочонок с водкою. А никого нету! Этот мужичок быка оплел, водку выпил и ушел. И стол исчез.

Вот Андрей стоит за печкой, а есть-то тоже хочет, и говорит:

— Сват Наум, покорми меня, я тоже есть хочу. — Сразу появился стол, на столе графины с водкою, всяки закуски. Вот Андрей и говорит опять:

— Сват Наум, садись со мной, поешь. — Никого нету, а голос послышался:

— Вот спасибо! Сколько я лет здесь работаю, а никто меня не попотчевал.

Я вижу, ты человек хороший.

Никого нет, а напитки отбавляются, закуски отбавляются. Поел Андрей-стрелок, с ним и сват Наум, Андрей и говорит:

— Сват Наум, ты кто же такой?

— А я не знаю сам, кто я.

— Тогда пойдем со мной.

— Я пойду с тобой, — ответил Андрею сват Наум. — Я вижу, что ты человек хороший!

Андрей-стрелок вышел. Вот идет, идет.

— Сват Наум, ты идешь со мной?

— Иду. Я теперь от тебя никуда.

Шли, шли. Он умирился, Андрей-то, и говорит:

— Сват Наум, где бы нам передохнуть, я умирился.

Он его сразу поднял, как вот на каких крыльях. Унес к морю, на море появился остров, на нем дворец с садом. Посадил Андрея в этот сад:

— Это все твое. Садись пей, ешь и отдыхай!

А по морю корабельщики ехали. Видят: остров появился. «Чё тако, — думают, — сколько мы здесь проплывали, никогда такого острова не видели, а на нем дворца с садом!»

Приезжают к царю и говорят:

— Чё такое, появился на море остров с дворцом и садом! Кто там построился?

Царь тоже удивился. Посадил на корабль войско и поплыл с ним к острову. А Андрей-стрелок спрашивает свата Наума:

— Нету ли у тебя кораблей с войском лучше царевых?

Тут же поплыли по морю большие корабли, стали стрелять пушки — и все корабли царя потонули вместе с царем и всем его войском. Царь отправился прямо на тот свет помогать своему отцу дрова возить.

А Андрей-стрелок со сватом Наумом перенесли на остров его жену и весь народ. Стали они жить-поживать и добра наживать.

50. Не сживай постылого — приберет Бог милого

В некотором царстве, в некотором государстве, а именно в том, в котором мы живем, жил муж с женой. Жена померла, осталась у него дочь Машенька. А в другой деревне у старухи муж помер, осталась дочь Наташенька.

Теперь мужику — пускай он Иван — присоветовали: дескать, что ты не женишься, вон Устинья одна осталась, у нее девка и у тебя девка — сходитесь. Он пошел, посватался. Та согласилась, переехала к нему в избу. А падчерка Маша Устинье не поглянулась. Она стала ее гонять на работе, гонять, гонять.

Потом пришла весна. Устинья говорит:

— Ну, старик, пускай Машка скота пасет! До весны. — Это баран, коров и коней, примерно в Тунгуску [название пади. — *Соб.*]. — Там зимовье, пускай живет! — Старик заплакал. Машенька плачет: ехать одной в како-то поле! Пасты скота! Как спать там? Но чё же, пригнали в эту Тунгуску скота, ночевали, другу ночь ночевали. Вот старик и говорит:

— Но, доченька, оставайся, выгоняй. — И уехал. Вот она пасет, вот пасет. Поест надо — поест. Не столь ест, сколь слез прольет — боится. Теперь, значит, дён пять-шесть прошло. Сварила кашу, сидит поедат. Выскакиват мышка из-под полу:

— Красна девица, дай ложечку каши!

— Ой, слава те Господи, — раньше все Бога поминали, — я еще не одна! На, матушка моя, хозяйushка! — Дала ей кашки ложку. Мышка попикала, ускочила. Ну, это попикала — как поблагодарила.

Теперь утром сяла опеть ись. Опеть мышка выскакиват:

— Красна девица, дай ложечку кашки! — Она дала ей кашки. Там мышончки выскакали. Всех накормила. Мышка поела, попикала и убежала.

Теперь в обед пригнала скота, сварила кашки, супику, опеть мышка выскакиват. Машенька рада, что она не одна, с ей кто-то хоть есть живой. Опеть попросила — Маша дала ей. Опеть поела супику. На другой день приходит медведь:

— Здравствуй, молода девица!

— Здравствуй!

— Давай жмуркам играть! Если ты меня поймашь, то есть омманешь, то какого хочешь товару и короб денег тебе дам. Ежели я тебя омману, то я тебя съем!

Она начала плакать: смерть пришла, медведь пришел в зимовье!

— Вот завязывай мне глаза, бери колокольчик!

Она завязала ему глаза, он ей подал колокольчик. А мышка подскочила, котору она кормила, и говорит ей на ухо:

— Красна девица, дай мне этот колокольчик. Лезь под шесток.

Красна девица залезла под шесток — она не помнила сама себя: вот смерть пришла, ее съест!

Вот мышка начала с колокольчиком бегать. То в тот уголок, то в другой. Он ее гонял-гонял, эту мышку, но ведь не человек! Он туды, она под ноги! Он туды, она под ноги. Мышка вскочила на гобец. Она уж чувствует, что медведь обессилеват. Она на гобец, он за ней. Она там пошибче побрякиват, по печке бегат, он туды. Она напярмы — пых, он туды. Скочил да ногу чуть не изувечил.

— Но, красна девица, ты меня омманула, развязывай мне глаза. Будешь богата. — Развязала она глаза.

— Вот ты меня омманула дак омманула! — Он ей чё было, то и давал! Там и денег, и товару всякого, и платья, и польта, и обутки — все это...

Теперь Устинья дома говорит:

— Но-ка, старик, вали, узнай про Машку! Поди, ее волки съели, медведь ли!

Старик поехал. Пока ехал, всю дорогу плакал. Теперь подъезжат, глядит: ходит Маша в платье, в хорошем полушалке, шаль ли назвать, светлы сапожки. Старик узнать не может: кто это там? Он подъезжат, она ему:

— Здравствуй, папа! — Он ее не узнал! Вот схватились целоваться со слезам.

— Папа! Чуть я не померла! — Стала ему рассказывать, что медведь приходил. Потом он ей говорит:

— Но, дочка, поедem домой.

Накладывають на сани все эти манатки. Поехали. Теперь подъезжают к дому. У них была постельна собачка. Она выскакиват из-под лавки:

— Хав-хав-хав! Машу везет и много товару!

— Цыц, шавка из-под лавки! Хозяин едет, Машкины кости везет! — Устинья. Собачка опять:

— Хав-хав-хав! Хозяин едет, Машу везет, много товару везет!

— Цыц, шавка из-под лавки! Хозяин едет, кости Машкины везет! — Она опять выскочила ко двери:

— Хав-хав-хав! Хозяин едет, Машу везет, много денег везет!

— Цыц, шавка из-под лавки!.. — Взглянула — о-о! Машка-то в пальте! Хороша одёжа! Заходит:

— Здравствуйте!

— Здравствуйте. — Она ее не узнала. Эта же одета хорошо. Но это не сказка, это присказка, сказка будет впереди.

Опять Устинья старика зудит:

— Но-ка, старик, вези на зимовье теперь Наташку. Наташка моя еще боле привезет.

А Маша не сказывает, как дело было. Потому что озлила ее мачеха. Так озлила! Каку работу бы ни сделала — все неладно.

Поехала Наташка. Старик ее увез. Но, Наташка рада, дескать, она теперь сколь денег да товару наберет! Пасла скота, пасла, пригнала. Сяла ись, мышка выскакиват:

— Красна девица! Дай ложечку кашки!

— У-у, леша тварина! — Раз ее кипятком! Мышь: пик-пик-пик — ускочила. Сяла на другой раз опять обедать. Выскакиват мышка друга:

— Красна девица, дай ложечку кашки!

— У-у, тварьё, ишо вздумали ись! — Облила кипятком и эту!

Мышаты стали бегать — пик-пик-пик! Она их тоже начала... чтоб уничтожить. Но теперь прошло дён пять. Приходит медведь:

— Красна девица, давай в жмурки играть! Ты меня омманешь — много получишь денег и товару. Всем одену. А ежели не омманешь — я тебя съем. Вот завязывай мне глаза.

Но как она ему ни завязывала — человек! От медведя куды уйдешь?

— Вот на колокольчик, от меня прячься.

Куды она ни кинется, с колокольчиком-то, он цоп ее, цоп! Цоп и цоп! Имат. Поймал и вот:

— Теперь я тебя омману! — Схватил и съел. Теперь Устинья дома кричит:

— Старик, запрягай коней! Теперь Наташку вези. Наташку надо парой везти — много привезет!

А Маша помалкиват. Старик поехал. Приехал. Нету Наташки, съел медведь. Собрал ее кости, голову да ноги, а это все медведь съел. Вот собачка из-под лавки лает:

— Хав-хав-хав! Хозяин едет, Наташкины кости везет в мешке!

— Цыц, шавка из-под лавки! Хозяин едет, много товару везет: платьи, польты!.. — Собака ускочила, потом опять выскакиват:

— Хав-хав-хав! Хозяин едет, Наташкины кости везет!

— Цыц, шавка из-под лавки!

Теперь шавка подскакивает ко двери:

— Хав-хав-хав! Хозяин приехал, Наташкины кости привез!

— Цыц, шавка из-под лавки! — В окошко взглянула: О-о! Вытаскивает старик в мешке кости.

— Вот чё! Медведь Наташку съел!

Но потом оне стали жить, Машу стали любить. Что ее медведь поправил. И стали жить-поживать да добра наживать.

51. Три подарка

В некотором царстве, в некотором государстве жила-была одна старуха. У нее был сын, звали его Андрей-охотник. Жили бедно, как обычно: собака, кошка. Больше никакого хозяйства не держали. Чё, короче, на охоте добудет, тем и жили.

Один раз пошел он на охоту. Шел, шел — ничё не добыл. Стал уже поворачивать домой, видит: дерутся две змеи, черна и бела. Черна белу побеждат. Но, Андрей видит тако дело, давай помогать белой змее. Черну змею убил. Когда убил, отдышался, то видит: бела змея оземь биться стала и превратилась молодцом. Говорит:

— Спасибо тебе, Андрей, что спас меня от черной змеи! Теперь говори, чё желаешь, — я все для тебя сделаю.

— А мне ничё не надо, — это Андрей отвечает.

— Ладно. У меня есь три сестры. Одна имеет волшебное полотенце, вторая — золотой гребень, третья — волшебное кольцо. Я сейчас тебя к ним поведу! Ты проси у них полотенце, гребень и кольцо! Садись на меня.

Этот молодец опять ударился лбом оземь — стал белой змеей с крыльями. Андрей сел, и полетели. Летели долго ли, мало ли. Сказка скоро говорится, дело мало творится. Но вот прилетают они, змея об пол стукнулась — оказалась добрым молодцем. Перед ними дворец желтого цвета. Выскакивает старшая сестра, их встречает.

— Где тебя столько не было? — брата спрашивает.

— О-о! Ты вот его благодари, он мне жизнь спас! — Все рассказал. Попили. Потом сестра повела показывать свои владения. Всякого добра тут полно. Она говорит Андрею:

— Бери, чё только хочешь!

— Тогда дай мне полотенце.

Она дала волшебное полотенце и сказала:

— Когда ём вытерешься, неписанным красавцем станешь.

Потом полетели они ко второй сестре. Тот опять об пол стукнул — добрым молодцем обернулся. Сестра выскочила, встретила:

— Где ты, брат, был?

— О-о! Если бы не этот молодец, не увидела бы ты меня больше! — Рассказал, как чё было.

— Чё же тебе в подарок дать? — Андрея она спрашивает.

— Дак чё, давай гребешок волшебный. — Она сначала не отдавала, потом ничё, подарила. Опять полетели, к третьей, самой малой. Вот летят, летят — увидели золото царство.

— Чё, Андрей, видишь?

— Вижу.

— Это моя младша сестра живет.

Опустились, этот опять стукнул лбом оземь — сделался человеком. Тут младша сестра выскочила, к себе их завела.

— Ой, брат, уже не думала тебя живым встретить!

Он ей тоже все рассказал, как чё было. Она их тоже хорошо приняла. Накармила, напоила, в бане помыла. Потом опять мед пили. Это все в золотом дворце. Спрашивает Андрея:

— Проси, чё тебе надо. — Андрей говорит:

— Мне кольцо волшебнo подарите.

— Ладно, подарю.

Они ишо отдохнули, потом сестра сбегала, принесла кольцо и отдала Андрею-охотнику. Но, попрощались, тот сделался змеей, Андрей сел на нее и полетел назад. Прилетели на то место, где Андрей охотился. Этот парень и научил Андрея:

— Когда помоешься, то утрись подаренным полотенцем — будешь красавцем хоть куда. Потом гребешком причешишься — будешь еще бравей, волосы золоты станут у тебя. А кольцо любó твое желание выполнит: с зари на зарю перебрось его с одного мизинца на другой — все твои желания исполнятся.

Прощались и расстались. Андрей домой приходит, а мать вся в слезах:

— Проблудил где-то, беспутный! Я уж думала, убили тебя.

Вот уж ночь. Легла мать спать. Андрей посмотрел-посмотрел на свою ветхую избенку, потом с вечерней зарницы кольцо с руки на руку перебросил, смотрит — перед ним двенадцать молодцев появились откуда-то.

— Чё, хозяин, нужно?

— Дворец нужен, и чтоб ограда хорошая была!

Мать утром встает и дивится: откуда чё взялось! Дворец стоит, ограда, внутри ограды амбары с мукой, с зерном, со всякой всячиной. Тут же их хибарочка стоит. Мать муки взяла, лепешек настряпала. Не знат чё делать — тако богатство! Сына будит. Разбудила, он поел и говорит, что все это теперь ее.

А неподалеку стоял дворец царский. У этого царя была дочь, ишо незамужняя. Андрей и говорит матери:

— Завтра вставай и иди сватать за меня царску дочь.

Вечером он опять перекинул кольцо с руки на руку — явились двенадцать молодцов.

— Чё, хозяин, надо?

— Мне надо тройку коней с золотой каретой!

Утром мать встает и видит: у окон золота карета стоит, в упряжке тройка коней добрых. Она дивится. Потом села в карету и поехала к царю. А царь

тоже дивится: вроде бы по соседству никакого такого дворца раньше не было, откуда он?

Тут старуха подлетат на тройке. Вышла, ее пропустили. Царь спрашивает, зачем она к нему явилась.

— Сватать царевну за сына, — говорит. А царь:

— Вот если твой сын ковровую дорожку выстелит от своего дворца до моего, тогда отдам за него дочь.

Мать вернулась, Андрею сказала. Он опять вызвал молодцов, молодцы эту дорожку соткали.

Поженились. Может, день прошел, может, два, а может, и год. Это сказка скоро говорится, а дело не быстро творится.

Вот однажды жена спрашивает Андрея:

— А как это ты так быстро разбогател?

Он ей взял да и рассказал. А она в одну прекрасную ночь кольцо у него с мизинца сняла, в вечернюю зарницу перекинула с руки на руку. Явились двенадцать молодцов и спросили:

— Что нужно, хозяйка?

— Этот дворец за море перенесите, а хозяин пусть останется в той хибарке, в какой раньше жил!

Наутро мать в слезы. Андрей ей говорит:

— Не горюй, мать, лучше пошли счастье искать.

Вот пошли они, с собой взяли кошку, собаку. Шли, шли, видят — море. Рыбака попросили, рыбак перевез их через это море. Там остановились отдыхать. А ночью собака и кошка ушли дворец искать. Кот, как чуть что, сразу спать. Собака давай трепать кошку:

— Ты что за лень? Надо кольцо доставать, а ты спишь!

Вот кот взялся за кротов. Гонял, гонял, пока те не взялись за мышей. Мыши согласились выкрасть кольцо у царевны.

А царевна здесь за морем уже с новым мужиком поживает. Андрей-то, видишь, ей не по нраву — из простой семьи. А когда она спала, то кольцо в рот клала. Тогда старая мышь, сама мудра, хвостик в норку ей сунула и давай чикотить. Царевне стало чикотно, она чихнула — кольцо и выпало. Мышь его скорей цапе, отдала кротам, кроты отдали коту с собакой.

Кот с собакой прибежали с кольцом к морю, а Андрея там уже нету. Он домой вернулся. Рыбак их с матерью обратно перевез. Решили кошка с собакой плыть. Дескать, кошка плавать не умеет, дак возьмет кольцо в рот и сядет собаке на спину.

Поплыли. Собака гребет лапами, а кошка посиживает, ничё не делает. Захотела поговорить с собакой — кольцо-то изо рта и выпало. Но нырять не будешь — кого же в море нанырять! Поплыли дальше.

Когда до берега доплыли, собака от злости так отодрала кошку, что та не знала, куда ей деваться. Только ключья летели.

Потом прибились к рыбакам. Домой к хозяину совсем боятся без кольца идти. В это время рыбаки с рыбами вернулись. Давай большущую рыбину

потрошить, потроха бросили собаке с кошкой. Те давай их ись и вдруг в желудке нашли это кольцо. Его, видно, рыбина сглотила, когда кошка выронила. Вот забрали это кольцо и драть. Теперь собака потащила. Прибежали к Андрею, а его дома нету. Когда он вернулся домой-то, царь велел его схватить и казнить за то, мол, что он куда-то его дочь вместе с дворцом утаделил. Андрея сразу схватили и в тюрьме привязали к столбам.

Собака с кошкой нашли эту тюрьму. Кошка пролезла в окно и отдала хозяину волшебное кольцо. Он перекинул его с мизинца на мизинец — явились эти двенадцать молодцов.

— Чё, хозяин, надо?

— Освободите меня. А тот дворец с моей женой на старое место поставьте.

Сказал — моментом столбы разлетелись, тюрьма разлетелась, дворец опять появился, а в нем Андрей и жена. Мать тут. Кошка с собакой тут. А на другой день Андрей велел отделать ее плетью, жену-то, — сразу шелкова стала. Сам умылся и вытерся тем полотенцем, потом гребешком причесался — сразу стал неписанным красавцем с золотыми волосами. Вот она увидела и завывала, заревела:

— Прости меня, Андрей, прости. Больше не буду.

Он ее, конечно, простил. Они и сейчас живут. Вот недавно я у них был. Ничё, хорошо все.

52. Деревянный журавль

Жили-были часовых дел мастер и столярных дел мастер. Вот призывает их царь к себе и говорит часовых дел мастеру:

— Сделай мне часы, чтобы во всем свете не было таких!

А столярных дел мастеру говорит:

— Ты сделай мне тоже такую фигуру, которой во всем свете бы не было! — И дал им по сто рублей денег.

Мастера эти деньги прогуляли. Но что ж, надо что-то делать. Пришел домой часовых дел мастер, давай делать часы. Делал, делал — все не так получается, как надо бы. Снова стал делать. Делал, делал, наконец сделал такие часы, которые как только начнут бить, так открываются, и за створками весь мир видно, кто чё в это время делает. Столярных дел мастер тоже домой пришел. Думал, думал, чем ему царя удивить. Решил делать кресло. Сделал кресло — не понравилось. Это немудреная штука. Снова стал делать и сделал птицу журавля. Теперь, думает, как бы сделать, чтобы он ходил. И сделал такую пружинку — журавль заходил. Это ему мало. И мастер придумал такой аппарат, что нажмешь кнопку — журавль и полетит. Он на нем пробу сделал, полетал и вернулся.

Вот закончился срок, и приходят мастера к царю. Царь их одобрил, что очень хорошо сделали.

А у этого царя был сын. Звали его Иван-царевич. Царь взял подарки и поставил на балкон. Иван-царевич как-то зашел на балкон и видит: стоят невиданные часы и большой деревянный журавль с сидением. Он поглядел часы,

потом подошел к журавлю и сел на него. Стал все трогать и нечаянно какую-то кнопку нажал — журавль взлетел и Ивана-царевича понес. Стал он тогда проверять всё и понял, как этим летучим журавлем управлять. Летел, летел и прилетел в другое царство.

А у царя здешнего была дочь-красавица. Когда она была еще маленька, звездочет предсказал царю, что она войдет в возраст и без его благословения выйдет за приезжего человека и родит сына. Когда царь услышал это предсказание, то велел построить высокую башню. В эту башню, в верхнюю комнату посадил свою дочь и приказал, чтобы в эту комнату никто, кроме женщин, не заходил. Только что одни женщины-служанки.

Иван-царевич прилетел в это государство и сел как раз на балкон к царевне. На балкон сел, и в это время царевна вышла и увидала его. И они друг дружку полюбили.

Он стал летать к ней каждую ночь. И так прошло почти с год. Вот приходит прислуга однажды к царю и заявляет ему:

— Ваше царское величество! Ваша дочка стала толстеть.

Царь тот же час вызвал врача. Врач признал, что скоро она должна родить ребенка. Царь разгневался, всех поднял на ноги.

— Кто тут мог к ней ходить? — Никто ничё не знает.

Царь приказал поставить еще больше стражи. Но никого не могут нигде заметить. Тогда поставили стражу в ее комнате. И когда Иван-царевич прилетел на журавле, сел на балконе и вошел в комнату, тут его стража схватила. Когда его схватили, то хотели повесить, казнить. А она не даёт, ей жалко. Говорит царю:

— Дайте нам с ём проститься хошь один ишо раз.

Царь разрешил. Они вышли на балкон, быстренько сели на журавля и улетели. Иван-царевич увез ее и прилетел в свое царство. Отец обрадовался. А тот царь, отец невесты-то, узнал, кто такой его зять, и объявил им войну. У дочери сын родился в это время. Она и говорит Ивану-царевичу:

— Давай возьмем сына и поедем к дедушке на переговоры.

Так и сделали. Поехали к тестю, тот их сперва-то плохо встретил. А царица ему и говорит:

— Ну чего ты, царь? Тебе ведь предсказали, что будет. Видно, такая судьба. Зови зятя и помирись.

И они помирились. Тут и сказке конец.

53. Три брата и богач

Жил-был отец. У него было три сына: два умные, а третьего все дурачком считали, Иваном-дураком звали.

Вот старший брат пришел к отцу и просится:

— Отец, отпусти меня людей посмотреть, себя показать. Работать где-нибудь устроюсь, в батраки наймусь. — Отец говорит:

— Но ладно, иди. Людей посмотри, сам себя покажи.

Пошел старший брат на работу проситься. Идет по улице, всех спрашивает:

— Пустите меня на работу. — Его никто не пускает к себе на работу. Просился, просился — ни к кому наняться не может. Потом какой-то дяденька шел, старший брат попросился у него — он его взял к себе. Стал работать, старается, делает все, что ему скажут. Вот проработал месяц и попросил расчет. Этот дяденька похвалил старшего брата и дал ему в награду золотого барашка. Сказал:

— Вот тебе за работу барашек. Надо сказать: «Барашек, беги!» — тогда он стоять будет, из роты у него будет валиться золото. — Старший брат поблагодарил хозяина и пошел домой. Шел он домой, шел, и наступила ночь. Он зашел к одному богачу переночевать.

— А деньги есть?

— Есть.

— Но-ка покажи!

Старший брат барашка своего на землю поставил и сказал:

— Барашек, беги! — Сразу у барашка из роты золото посыпалось.

Богач впустил этого парня и уложил спать. А сам ночью встал, золотого барашка забрал себе, а вместо него подложил простого, не волшебного. Утром старший брат поднялся, взял этого простого барашка и пошел домой к отцу и братьям. Когда пришел домой, сразу говорит отцу:

— Отец, вот какого я барашка заработал. Скажи ему: «Барашек, беги!» — у него из роты золото сыпется. — Отец говорит:

— Но-ка покажи. — Старший брат:

— Барашек, беги! — Тот как стоял, так и стоит, и никакого золота нету. Отец наругал старшего сына и сказал, что больше никуда его не отпустит. Потом средний брат стал проситься:

— Отец, отпусти меня людей посмотреть и себя показать. Я тоже где-нибудь в батраки наймусь.

Отец его тоже отпустил. Вот средний брат пришел в то же село, где старший на работу нанимался. Ходит и просит, чтобы его в работники взяли. Никто не берет. Потом этот же дяденька обратно идет.

— Наймите меня к себе в батраки! — Дяденька взял его на работу.

Средний брат тоже хорошо-хорошо работал. Вставал рано, ложился поздно, все, что заставляли, делал. Проработал месяц, стал заработок просить. Дяденька дал среднему брату ковер и научил:

— Скажи этому ковро: «Ковер, накройся!» — и на нем появятся всякие блюда. — Взял средний брат ковер и пошел домой. Дяденьке этому «спасибо» сказал. Шел, шел — ночь наступила. Он зашел обратно к этому же богачу, у которого переночевал старший брат. Богач спрашивает:

— А что у тебя за ковер? — А он отвечает:

— Если этому ковро скажешь: «Ковер, накройся!» — то на нем появятся всякие блюда.

— Но-ка покажи! — богач говорит. Средний брат сказал — на ковре всякие блюда появились, всякие-разные кушанья! Они все съели, и средний

брат лег спать. А богач ночью волшебный ковер подменил простым. Потом этот средний брат проснулся, взял ковер и пошел домой. Приходит домой, говорит:

— Отец, зови всю деревню, я всех сегодня угощу! — Отец собрал всю деревню, все пришли. Тогда средний брат говорит:

— Ковер, накройся! — А ковер как лежал, так и лежит — ничего на нем не появилось. Потом все засмеялись и ушли, а отец среднего сына наказал и больше никуда не отпустил.

Вот стал проситься младший брат:

— Отпусти меня, отец, тоже себя показать и людей посмотреть. — Отец ему говорит:

— Но куда уж тебе, Иван! Старших братьев обманули, а тебя-то вовсе обманут!

— Нет, не обманут!

Отец и его отпустил. Идет Иван и спрашивает у всех работу. Идет обратно этот дяденька, у которого работали старший и средний братья. Иван попросился у него, и дяденька тоже взял его на работу к себе. Стал Иван работать. Тоже хорошо проработал месяц и стал домой собираться. А этот хозяин в награду дал ему дубинку и сказал:

— Вот, — говорит, — тебе дубинка. Если кто тебя обидит, ты скажи: «Бей!» — она и начнет его бить.

Иван сказал дяденьке «спасибо» и пошел домой. По дороге обратно его настигла ночь, и он зашел к тому же богачу ночевать. Богач его пустил, а сам уже смотрит, что этот брат принес. Увидел дубинку и спрашивает:

— Мальчик-мальчик, что это у тебя за дубинка? — Иван и говорит:

— Это дубинка, которой нельзя говорить: «Дубинка, бей!»

И вот, когда младший брат уснул, этот богач дубинку взял и говорит:

— Дубинка, бей! — А дубинка как давай его бить! Била, била — богач стал кричать:

— Убери свою дубинку! — Иван проснулся, увидел, что делается, — этого богача дубинка лупит — и сказал:

— Ты отдай мне барашка, которого у старшего брата украл, ковер волшебный, который у среднего брата украл, тогда дубинка бить тебя перестанет!

Богач отдал все, Иван забрал и барашка, и ковер, и дубинку и спокойно пошел домой. Принес все домой, рассказал, как дело было. Отец его поблагодарил. И стали они жить-поживать.

54. Петух и жерновцы

Жил старик со старухой. Старуха один раз перебирала горох, каши наварить хотела, одна горошинка упала в подполье. Старуха полезла некоторо время спустя в подполье, видит: горошинка под самый пол выросла, росток. Вылезла из подполья, говорит:

— Ой, старик, прорубай дыру! — Старик прорубил. Горошина давай дальше расти. Росла, росла, доросла до потолка.

— Ой, старик, прорубай дыру!

Горошина до крыши доросла.

— Прорубай! — Он прорубил. Вот она росла, и росла, и росла. Дело дошло до осени. Старик и говорит:

— Но, старуха, полезу стручки снимать. — Вот лез, лез, лез — долез до неба. Пошел по небу — избушка. Он в избушку зашел, там лежат жерновцы. Он эти жерновцы забирает и идет назад к горошине. Надо домой спускаться. Больше урожая никакого нету — одни жерновцы нашел. Слез старик на землю, заходит к своей старухе.

— Но, старуха, смотри, чё я тебе принес! Жерновцы.

— Какие это жерновцы? — старуха ругается.

Он теперь поставил их на стол — крутит. Круг — блин да колоб! Другой раз: круг — пирог да шаньга! О-ё-ё, наелись!

Вот суседи услышали, стали в гости ходить. Когда в гости приходят, сразу у нас чай ставят. Чай поставят, жерновцы на стол. Круг — блин да колоб! Круг — пирог да шаньга! Вот добро-то. Теперь едет барин, богач.

— Но как, старики, живете?

— Да вот живем. — Вздумали похвастаться ему. Вытащил старик жерновцы, когды крутанул — выскочили блин да колоб. Еще крутанул — пирог да шаньга. Теперь посадили барина за стол.

— О-о, вы как хорошо живете! — Поел, всё.

— Теперь, — говорит, — я у вас эти жерновцы заберу. Они вам не годны, а мне годны будут.

Эти заплакали, не дают. Он взял и увез. Когда увез, старик со старухой плачут. Заходит ихний петух:

— Почему плачете?

— Да вот так и так...

— Не плачьте, дедушка и бабушка. Я слетаю, отберу у барина жерновцы!

Вот петух полетел. Прилетат к барину, садится на ворота и кричит:

— Отдай, барин, жерновцы! Отдай, барин, жерновцы!

Вот осердился барин. Приказал работникам:

— Имайте петуха, бросьте его в колодец! — Поймали, бросили в колодец.

А петух приговаривает:

— Носок-носок, пей водичку! Носок-носок, пей водичку! Носок-носок, пей водичку! — Весь колодец высушил. Теперь опять прилетат, кричит:

— Отдай, барин, жерновцы! Отдай, барин, жерновцы!

— Поймайте его, посадите в огонь!

Но, работники поймали петуха, в огонь бросили. Он:

— Носок-носок, лей водичку! Носок-носок, лей водичку! Носок-носок, лей водичку! — Огонь залил. Опять выскакивает:

— Отдай, барин, жерновцы! Отдай, барин, жерновцы! Отдай, барин, жерновцы! — Барин опять:

— Бросьте его к скотине, пусть забодут!

Петуха бросили, а он чушкам, баранам, коровам — каждой скотине в зимовье глаза вытаскал — все пропали. Приходят работники к барину:

— Так и так, животины пропали. — Барин приказывает:

— Зарубить его! — И когда барин-то вышел на крыльцо, петух раз ему на макушку. Сял и начал клевать по макушке. Он:

— Караул! — Ковды заревел «караул», чтоб бежали, петух в этот момент схватил жерновцы и полетел.

Но, полетел. Прилетат к старику со старухой:

— Ку-ку-рику! — Ой, старуха:

— Дедка, вставай, петушок прилетел!

Но теперь дверь открыли, петух залетел, вытаскивает:

— Нате, деда, баба, вот вам жерновцы! — Притащил им жерновцы. Вот он его целовать, петуха. Целовали, целовали на радостях. Чуть не до смерти.

55. Жадность до добра не доведет

Жили два соседа в деревне. Один жил бедно, а другой справно. Оба уже стареньки тоже. Но, старухи у них были. У бедного старика дома все продукты вышли — шаром покати. Вот сидят.

— Ты бы, старуха, хоть прибралась, — старик говорит. Она взяла веник, давай пол мести. Мела, мела — вдруг горошинка из-под веника покатила. Старик эту горошинку поднял и думат: «Таперь, дескать, эту горошинку размолоть — все-таки мука будет». А пока трясся над ей, эта горошинка выпала из рук-то и покатила. И в подполье закатилась. Дед за ней полез. Горошина в нору закатилась, в мышиную нору. Дед туда же за ней. Вот гнался, гнался, догнать никак не мог. Потом ему встречи попал старичок.

— Ты, дедушка, тут мою горошину не видел?

— О-о, да я же ее съел.

— А как же мы со старухой таперь?

— А вот чё. Ты иди дальше. Тут недалеко мыши свадьбу играют. Ты им помоги. — Пошел старик. Нашел этот дом, где свадьба была. Вот заходит. А там все так богато обставлено, дороги польта висят, добра всякого много. Мыши старика увидели:

— Ты, деда, чё пришел?

— Да пришел помочь свадьбу делать.

— Но помогай тогда.

Вот он стал им помогать: где чё поднести, где вынести. Свадьба же дело зудырно. Короче — хорошо помог. Мыши его наградили: вынесли два красных шелковых халата и сказали:

— Таперь иди дальше. — Рассказали, куда идти. Он пошел. Опять же попадат тот дедушка:

— Но, был на свадьбе, помог?

— Помог.

— Наградили?

— Наградили. Вот два хороших халата дали.

— Вот и хорошо. Тапери иди вот по этой дороге, иди, пока не дойдешь до большого дерева. Ты на это дерево залезай и сиди, в полночь под деревом соберутся черти. Ты сиди тихо, чтобы они тебя не заметили. Начнут они в карты на деньги играть. Когда много денег навалят — это уже светать будет, — ты пой первым петухом. Потом вторым, третьим... Как третьим петухом пропоешь, черти все бросят и убегут. Ты эти деньги забирай и иди домой.

Старик так все и сделал. Нашел большо дерево, залез на него и затаился. Вот явились черти, давай играть в карты. Когда светать начало, у них в банке уже цела куча денег. В это время старик закукарекал первый раз. Потом второй и третий. Черти убежали. Он все эти деньги забрал и ушел домой.

Когда домой пришел, старухе все рассказал: так, мол, и так. Вот она дивится. Тут как раз суседка — богато-то жили — зашла. Тут старик и ей спроста все рассказал: вот тако и тако дело получилось. Та повернулась — и к себе. Своему старику быстро доложила, дескать, вон каку сумму денег бедный-то принес! Нам-де тоже обязательно надо так сделать.

Сперва давай в избе мести. Мели, мели — никакой горошины не нашли. Суседкин старик тогда выскочил во двор, каку-то горошину там подобрал. Скорее залез в подполье, в норку мышке ее бросил, сам тоже залез. Вот шел, шел по норе, дошел до старичка. Тот эту горошину уже проглотил.

— Ты съел горошину?

— Я съел.

— Тогда показывай, где эта свадьба у мышей?

Дедушка ему показал дорогу, тот пошел. Прибежал на эту свадьбу, никого помогать не стал, а мышей перетоптал, потом сгреб польта и убежал. Опять старичок ему попадат. Суседкин старик:

— Где это дерево, под которым черти в карты играют?

— Да вон.

Побежал. Прибежал, на дерево залез, стал ждать. Вот явились черти, давай играть. Но кого же, когда стало светать, он закукарекал. Черти сразу схватились:

— Ага! Вон кто у нас все деньги уволок! Опять пришел! — И кинулись к нему. Старика спёрло — он хотел убежать, да в польтах этих запутался, упал. Когда упал, то на сук ребром угодил и зашибся. Умер. А старуха его ждала, ждала и думат: «Чё теперь наше барахло-то берегчи!» — Взяла и все в печке пожгла. Все пожгла, а старика так и не дождалась. Гола и осталась.

Верно говорят: жадность до добра не доводит.

56. Два брата

Жили два брата. Один был богатый, а другой — бедный-бедный. Оба женатые. Ну и приходит бедный к богатому.

— Брат, семья у меня большая, а есть некого. Дай хоть хлеба ли, чё ли.

— А вот дашь тебе глаз выкопнуть, я тебе мешок муки нагребу.

Ну чё, бедному делать ничё не остается — тот ему выкопал глаз. Бедный домой приходит без глаза, муку приносит. Баба давай ругаться.

— Да ладно, не ругайся. Стряпай. Как-нибудь проживем! Один-то глаз есть.

Прошло время, они все съели. Куды денешься? Опять надо к брату идти. Пошел. Тот:

— Ну чё? Другой глаз отдашь — дам муки.

— Что поделаешь. Бери.

Тот выкопнул другой глаз бедному брату, дал ему мешок муки. Пришел домой, баба опять поднялась на него.

— Ладно, баба, не ругайся. Сама видишь: ребятишки с голоду пропадают. А я завтра пойду, — говорит, — ты меня уведи, там далеко, у дороги, есть три сосны. Ты меня там посади. Кто едет, смотришь, мне в шапку чё бросит — вот и обойдемся, прокормимся, может. — Вот баба отвела его, посадила. Он день просидел, дело уже к вечеру. Темнать стало. Вдруг прилетели две больших птицы, сели над слепым на сосну и давай разговаривать.

— Вот там-то живут два брата: бедный и богатый. Дак богатый за муку бедному оба глаза выкопал. А в соседней деревне у мужика есть дочь. Она с рождения темная.

— А чё делать?

— А вот есть така-то и така-то трава. Если ей слепому глаза потереть, то он видеть будет. — Тут друга птица рассказывает:

— В таком-то селе — тоже недалеко — воды не стало никакой, не бежит.

— А чё делать?

— Там у богатого человека быки есть. Этих быков запрягли бы да поехали к истоку ключа. Там упал с горы камень и загородил воду — она под землей бежит теперь. Эти быки могут тот камень свалить. — Тут баба за бедняком пришла. Птицы ее увидели и улетели. Ну ладно. Вот привела она мужика домой.

— Вези меня, — он бабе говорит, — в такую-то деревню. Там темная девушка сидит.

Его повезли, эту девушку нашли. Он велел искать ту траву. Он эту траву взял и потер сначала себе глаза — стал видеть. Той дал. Она потеряла.

— Ой, папа, я вижу!

Отец взял что-то, бросил — она подняла. А он богато жил. Говорит работникам:

— Но ладно, ребята, запрягайте коней, кладите мяса, муки и везите имя́ домой!

Те побежали запрягать коней, а бедняк поехал дале, где воды не было. Приезжает.

— Что, воды нету у вас?

— Нету.

— Вот у такого-то есть быки. Вы на этих быках езжайте к истоку ключа, там камень упал, воду загородил. Этот камень надо своротить. — Они поехали, камень обвязали веревками, и быки его своротили. Вода-то и побежала. Ой, обрадовались!

— Чё же, — говорят, — надо запрягать коней и везти этому человеку за то, что водой нас обеспечил!

Запрягли коней, нагрузили муки там, продуктов всяких, поехали. Денег ему дали. Он вернулся, купил домик хороший и зажил. Приходит к нему богатый брат с женой.

— Как это ты так скоро разбогател? — А баба ему:

— А вот ты выкопал глаза-то моему мужу, он ушел к трем соснам милостыню просить. Вечером прилетели птицы и рассказали, как ему глаза вылечить и как богатым стать. Вот люди нас и накормили, и одели.

— А, ну ладно.

Пришли они домой. Посидели, чаю попили. Баба говорит:

— Чё же, давай я тебе глаза выкопаю.

— Ты чё, сдурела?

— Дак ить вот как разбогатели!

— Но ничё, подожди. — И пошел.

Прилетают к этим соснам две птицы опять же. Давай рассказывать, чё где делалось.

— Мы, — одна говорит, — в тот-то раз сидели, а брат, которому глаза-то выкопали, тут же и был, слушал. И вот он себе глаза вылечил, той девушке вылечил и водой деревню обеспечил.

— А ты знашь, — друга отвечат ей, — ить этот-то гад под сосной сидит, подслушивает. Давай его счас растерзаем!

— Давай! — Взяли его по косточкам растаскали. Баба приходит за ним — его нету.

57. Про Нужду

В одном селе жили два брата. Один жил богато, а другой бедно. У бедняка, конечно, были дети, жена.

Богатый брат устроил вечер, пригласил богатых гостей. А бедный Иван и говорит своей хозяйке:

— Пойдем, Акулина, может, брат нам даст хоть кусок хлеба!

Приходят, открывают двери, выходит богатый брат:

— Но что, Иван, пришел?

— Дак вот... Поесть нечего детям и самому.

— Но вот. Я тебе отрежу полбуханки хлеба и все. Можешь идти!

Отрезал им хлеба полбуханки, они взяли и пошли. Вышли в ограду. Иван и говорит Акулине:

— Э-э, они поют, и я запою! — Запел песню. Запел песню, а ему кто-то подпевает. Он и говорит:

— А ты bravo, Акулина, подпевашь эту-то песню. — А она:

— А я не пою.

— А кто же поет?

А это Нужда у него на горбушке сидит и поет. Говорит:

— Это я пою, Нужда. У тебя на горбушке. — Вот тебе!

Приходит домой. А Нужда никуда не уходит от Ивана. Сидит у него на горбушке. Плохо живет Иван. Думал он, думал, чё делать? Придумал: надо ее схоронить. И пошел копать могилу Нужде. Выбрал местечко под березой. «Вот тут, — думает, — я ее и схороню. Живу схороню». И занялся рыть могилу. Рыл, рыл и добрался до целой коробки золота. Запрятано было, купеческое.

Он вытащил — ой-ё-ёй, сколько золота! Раскрыл — золото! А Нужда — хоп — на край коробки села, заглядывает. Иван скорее закрыл коробку, толкнул Нужду в яму, там оставил ее и живком зарыл. Взял коробку и пришел домой.

Стал жить Иван богато. Вот старший брат и говорит:

— Как ты сумел так скоро поправить свое хозяйство?

— Да вот как. Пошел свою Нужду хоронить. Выкопал могилу. И вот она меня просила, просила оставить живу. Дала целу коробку золота. А я ее, Нужду, закопал. У нее еще осталась коробка золота. Она просит, чтобы ее откопать.

Богатый брат подумал: «Да это что же? Надо идти скорее откапывать». Прибегал на указанно место. Верно, Нужда просит:

— Будь добрый, откопай меня, я тебе все услуги сослужу!

Но, богатый брат откопал ее. Нужда — брык оттуда — и богатому брату на горбушку! И он ее никак стащить не может. И как раньше жил! А теперь стал хуже и хуже.

А этот, Иван, стал жить богато.

58. Блюдечко золото и яблочко налито

Жили отец и мать, у них было три дочери. Отец собирается в город и говорит старшей дочери:

— Машенька, тебе какой подарок из города привезти?

— Ты мне, папа, возьми черный полушалок.

Вторую спрашивают:

— А тебе, Аннушка, что?

— А мне, папа, на платье.

Дунюшка любима дочь у него была.

— А тебе, Дунюшка, чего?

— А мне, папа, возьми блюдечко золото и яблочко налито.

Ладно. Он поехал в город. Купил старшей дочке черный полушалок, средней — на платье, а младшей — блюдечко золото и яблочко налито. Приехал домой, отдал дочкам подарки. И этот Дунюшкин-то подарок старших сестер

раззарил. Как отобрать? И стали ее за ягодой в лес звать. Сами подглядывают, куда она яблоко спрячет. Она яблочко спрятала, а блюдечко с собой взяла.

И вот они пошли. Шли-шли, шли-шли лесом, и старши сестры решили Дунюшку убить. Убили ее, около березы положили, хвоей закидали, ломом и пришли домой. Отец спрашивает:

— А где Дунюшка?

— Папа, она от нас отстала, мы ее ухали-ухали и не могли доухаться. Так и пошли домой.

Но ладно. А раньше же нищие ходили. Ходили же нищие — кто бедно жил, кто одинокий. И вот два старика идут лесом-то по тропке и увидели ягель. На могилке ягель вырос. Толстый, высокий. Один старик этот ягель срезал, сделал дудку. Заиграл — и дудка Дунюшкиным голосом запела:

Дядюшка, поиграй-ко,
Родименький, поиграй-ко!
Не ты меня убил,
Не ты меня сгубил —
Убили меня две сестрицы,
Сгубили меня две родные
Из-за блюдечка золотого,
Из-за яблочка налитого.
Коло белой березоньки положили!

Они думают — чё такое? Пошли в деревню. И к этому старику-то угадали. Просятся:

— Дедушка, пусти нас переночевать!

— Да ватага-то большая, а изба-то маленькая — спать негде.

— Да мы где-нибудь в уголочке ночуем. А для тебя в дудочку поиграем.

— Ну, заходите.

Они зашли, их ужином накормили, чаем напоили, и хозяин их попросил поиграть на дудочке:

— Сыграйте.

И вот Дунюшкиным голосом трубочка опять запела:

Дядюшка, поиграй-ко,
Родименький, поиграй-ко!
Не ты меня убил,
Не ты меня сгубил —
Убили меня две сестрицы,
Сгубили меня две родные
Из-за блюдечка золотого,
Из-за яблочка налитого,
Коло белой березоньки положили!

Отец-то говорит:

— Ой-ё-ё! Но-ка дайте мне дудочку-то. — Взял, она опять запела:

Папочка, поиграй-ко,
Родименький, поиграй-ко!
Не ты меня убил,
Не ты меня сгубил —
Убили меня две сестрицы,
Сгубили меня две родные
Из-за блюдечка золотого,
Из-за яблочка налитого,
Коло белой березоньки положили!

— Ой-ё-ёй, — говорит отец, — это сестры Дунечку убили!

Потом мать заиграла, дудочка то же поет!

Пошел отец в лес, увидел березку, возле нее ягель растет. Он ветки разбросал, ягель выкопал — и встала Дунечка, жива-живёхонька! Он ее домой привел и дочерей прогнал.

Снова Дунечка с отцом и матерью жить-поживать стала, наливным яблочком на золотом блюдечке играть. А сестры походили по людям, домой вернулись, во всем признались, и их потом простили.

59. Чудесный сын

Жила одна женщина. У нее росла дочка. Когда девочке стало лет четырнадцать-пятнадцать, мать ее умерла и девочку взял воспитывать поп. Этот поп не был женатый и стал уговаривать ее замуж за него пойти. И шибко ей надоел. Она пришла к соседке:

— Тетенька, я задущусь!

— Почему? Ты чё, доча, не надо! Ты луччи уйди от него.

Ну и теперя, значит, она ушла от него. Был праздник. А раньше Паску праздновали шибко. Поп ушел в церкву, а она собрала манатчонки и ушла. Шла, шла по лесу и нашла тропинку. Кто знат, сколь уж она продуктишек-то с собой взяла. Оголодала сильно. И вот нашла домик. Говорит:

— Слава Богу, я хоть дом нашла!

Живет в этом доме день, второй. Кругом грязно, а дом большой. Колодец в ограде. Она нашла ведро, достала воды. Тут подвал был, а в подвале мясо. Она в доме вымыла, подбелила все.

Никого нет. Она сготовила ужин и спряталась за печку. Сидит там, утихла. Вот заходят двенадцать человек разбойников. Она боится: «Ой, чё будут делать со мной?» Разбойники видят: в доме чисто, еда приготовлена. Говорят:

— Сроду так у нас хорошо не было! Выходи, кто это все сделал. Если жен-

щина — заместо матери будешь, если девка — сестрой родной. Не бойся, не тронем сами и в обиду не дадим!

А ей и так — и так: все равно, дескать, найдут. Вышла.

— Вот это я. Сколько уже лет шляюсь.

— Почему же тебя не ищут?

— А кто его знат? Я, може, из детдома, а може, мама меня бросила, не знаю.

Они ее пожалели. Стала у них жить. Живет и живет. Они ухаживают за ней, берегут. А раньше-то колдовки были. Одна-то с попом схлестнулась и говорит:

— Погоди, не расстраивайся. Я найду твою девку.

Раза два сколдовала и узнала, где та находится-то. Но, узнала, снарядилась в дорогу.

— Найду и похичу. — Поп говорит:

— Дело твое. Найдешь — сойдемся.

И вот эта колдовка сделалась молода. Нашла ее, девку. Та в саду сидит. Увидела — обрадовалась шибко. Чё же, года два уже людей не видела!

— Откедова?

— Живу я тут. Братья мои здесь. — А колдовка знат, что не братья.

— А я шляюсь по лесу.

У ей, у колдовки, платье шибко бравое было, а у девчонки-то ишо бравей. Они поменялись платьями. Эта сука-то сразу смоталась, а девка осталась одна, думат: «Дай-ка я примерю платье». Надела — и упала посреди пола. Пришли братья, видят — она лежит! Но мужики да мужики! Они и не заметили, кака у ней одёжа. Теперича они, значит, в рев: сестра померла! Успокоились маленько.

— Надо обмывать. — Платье сняли, обмыли — она ожила!

— Ой, братики уже пришли, а я спала! — А они ей:

— Може, ты угорела или чё?

— Нет, вот сон напал и все. — А сама-то про ту суку ничё не говорит. Вот живут опеть, живут. Они рады — погуляли, попили. Потом стали собираться на охоту. Она их благословила. Ушли. А тут колдовка опеть приходит. Уже друга стала обличьем. Ишо бравей платье на ней. Опять эта девка рада. Чё же, одна женщина с двенадцатью мужиками, сами посудите! Опеть платьями поменялись — второй раз заснула. Мужики пришли — опеть! Они уж догадались: чё-то неладно. Снова сняли платье, обмыли — она опеть ожила. Они ничё не догадались про платье.

Вот живут год, второй. Опеть эта явилась, колдовка, третий раз. Тут сменялись они кольцами. Раньше платьями, теперь кольцами.

— На память, — говорит.

Но, а девка как надела колечко, так тут же и сделалась мертва. Братья пришли, колечко не догадались снять, и померла она. Держат ее день, два — не оживат она. Сделали гроб стеклянный, в сад поставили, к деревьям прикрепили. Давай поминки делать.

А она-то жива, только не чухат ничё. Когда они сделали поминки, то один вышел и задушился веревкой у гроба в саду. Потом другой — все задушились в саду.

А был царь. У этого царя сын поехал на охоту и нашел дом-то. Он зашел в сад и видит: висит гроб и эти мужики висят. Он посмотрел — в гробу-то такая красавица! Гроб отвязал и увез домой. В спальне под кровать поставил. Уж больно красива была. И запечатал гроб. Тепериче, назначили ему ехать куда-то. Прислугам говорит:

— Печать не ломайте, не говорите никому.

А сам все тоскует о ней. Зайдет, было, целует, целует! Уж и руки — а она теплая — целует так и так, губы целует.

Вот уехал. Прислуги говорят:

— Царевич у себя чё-то тайное держит. Сказал не трогать. — А сами открыли. Когда открыли, пол помыли, постель застлали и увидели гроб. Позарились на перстень, plombу сорвали и перстень сняли. Перстень-то сняли — она ожила. Прибежали родители, царь с царицей.

— Доча, здравствуйте!

— Здравствуйте.

— Как сюда попала?

— Я ничё не знаю.

Девки ее хотели выгнать, а царь сам напоил, накормил ее.

— Ты откель? Как здесь?

— Не знаю, откель я здесь.

— А ты крещена?

— Вот он, крестик.

Отправили сыну телеграмму: «Приезжай немедленно!» Он приехал — сразу на нее смотреть. Видит: печать сломана, никого нету. Он пошел душиться. А родители:

— Не надо, она ожила!

— Как ожила?

А она вымылась, пришла. Така девка брала! Он ей сразу:

— Давай поженимся! — Пошли к архиерею:

— Вот так и так...

Поженились. Пожили, мальчик родился. Вот уже года два, три живут. Они ее как-то давай спрашивать:

— Откель ты сама? Пошто он тебя в гробу нашел?

— Знаете, меня воспитывал поп, он нехороший был — я убежала. Потом жила у братьев.

Тогда попа посадили в милицию, в тюрьму. А он взял с собой немало денег. Там подкупил тюремщиков и убежал. И давай наблюдать с этой сукой, когда его воспитанница выйдет.

Вот раз она по саду с парнишкой гуляла и заснула. А поп выскочил, парнишку зарезал — а може, та сука! — и ножик ей в руки вложил. Сам скрылся. Муж выходит — она спит, а ребенок зарезанный. Он ее разбудил:

— Ты чё натворила-то? Ты пошто ребенка зарезала?

— А я не резала и не знаю!

На нее сон такой напустили, что она ничего не слышала.

Эти рассердились, чё же! Ребенка зарезанного ей на горбушу привязали, руки за спину, продуктов наложили, глаза завязали и пустили в лес. Он же, мужик-то ее, знал, откуда привез, это направление и дал. Вот она идет, идет, пить захотела. Нашла ключ как-то. На коленки встала и попила. И говорит:

— Господи, Господи! Вот у меня были бы руки развязаны и глаза развязаны, я бы хошь поела. А то продукты есть, а как?

Вдруг парнишка за спиной заговорил:

— Ой, мама, и я ись хочу! — Ожил ребенок!

— Ой, сынок, ты чё?

— А я ожил, мама. — Раньше все веровали, что так напрасно Бог смерть человеку не дает. Но и тепериче ожил парнишка. Развязал матери руки, глаза. Вот они возле этого ключика поели, попили. Ночевали ночи три. А парнишка растет не по дням, не по часам, а по минутам. Стал большой. Он говорит:

— Мама, вы посидите. У нас продукты-то кончились, я пойду поищу чё-нибудь.

Ходил, ходил, взял да с корнем выворотил лесину и поперек дороги ее бросил. Все равно, дескать, кто-нибудь поедет.

Верно, подводы едут с мукой. Купцы везут чугуны, горшки, ложки деревянные, чашки. Вот они эту лесину взялись ворочать! Ворочали, ворочали — нету им ходу. Кругом дороги темный лес, а через дорогу вон кака лесина лежит. А мальчишка на этой лесине сидит, на макушке. Встает с лесины и идет к ним.

— Здравствуйте, дяденьки! Вам что, проехать надо? — А он уж мужик мужиком. По минутам же растет.

— Да вот, сынок, не можем. Ни назад не можем, ни вперед.

— А вы дайте мне вот этого жеребенка, сзади идет.

— А чё ты сделаешь?

— А то дело мое. Пропущу я вас да и все.

Они уздечку ему дали, зануздали этого жеребенка и ему отдали.

— Только уж, пожалуйста, пусти!

Он пошел, за макушку взял эту лесину, повернул повдоль дороги. Все удивились:

— Что за силач такой?! Сынок, ты чей?

— Это дело не важно.

Но они ему чугун дали, поварешку, ложки, посуду дали всяку!

— Вот спасибо!

Тепериче ладно. Приходит к матери, это все приносит, жеребенка приводит. Мать говорит:

— О, Господи, сынок! Где это ты?

— А Бог дал.

— Но спасибо, сынок! Тепериче посуда есь, а вот муки-то нету!

— Ничё, мама, к вечеру и мука будет.

Он все это оставил матери, сам опять туды пошел, к дороге. Вывернул эту лесину поперек дороги. Лег под сучки и ждет. Опять едут подводы. Останови-

лись. Мужики давай эту лесину и так, и сяк, веревкой тянули — никак не могут сдвинуть. Он подходит и говорит:

— Здравствуйте. Откель едете?

— Да видишь, какой-то черт свалил тут лесину! Ничё сделать не можем. Туды ехали — стояла лесина. А тут видишь!

— Вы, мужики, мне дайте мешок муки, а я вам помогу.

— Муки? Чё муки — мы тебе деньгами!

— Не надо, дайте мне мешок муки.

Дали ему муки. Крупчатка раньше была, белая-белая. Он опять за макушку повернул лесину вдоль дороги. Те удивились:

— Мы вон сколько не могли, а этот юноша один! Да ладно, спасибо, что подвернулся.

Парень пришел к матери, мешок муки принес. Сходил за водой. Мать давай стряпать. Так и стали жить. Он охотничает. Живут день, живут два, живут три. Он говорит:

— Но, мама, надо идти, нам изба нужна.

— Пойдем, сынок, вот по этой тропинке. — Пошли. Шли день, два, може, три. Ночевали где, где как. Вот приходят к этому дому, в котором она с братьями жила. А у них уже кости сгнили.

— Вот, сынок, нам Бог дом дал.

— А кто тут, мама, живет?

— Нет, сынок, никто тут не живет. Это наш с тобой дом, тут и будем жить.

Вот живут. Он ездит, охотничат, всяких зверей убиват. И тут откель токо поднялась война на этого царя. Парень стал на войну собираться. А у него конь стал — как огонь! Лётом летат! Шашку он себе нашел хорошую в этом доме. Все там есть. Мать говорит:

— Вот, сынок, отец меня в этом доме нашел. — Рассказала все, как она сюда попала. Все рассказала парню, не хуже как я вам рассказываю.

— Тепери я, мама, ничё бояться не буду. Вот отца жалко, если убьют.

— А если тебя убьют?

— Меня убьют? Бог не даст — свинья не съест, мама! — И поехал на войну. Но кого же он воюет: махнет — проулки делат шашкой, головы летят! Всех поубивал врагов-то. Когда всё приутихло, приубрали, он вернулся к матери.

— Но, мама, отца и дедушку я выручил. Пускай, хоть они нас не пожалели, хоть тебя прогнали!

Вот опять живут. И раз парень записку написал, поехал и бросил им в окно, где отец-то в спальне спал. Там написано: «Отец мой родной, хошь вы маму выгнали и меня привязали к спине ей, я ожил и тепери вас на войне выручил. Не бойтесь, больше на вас никто не пойдет. Сын ваш такой-то и такой-то».

Отец нашел эту записку и старику-царю несет прочитать.

— Тятя, погляди-ка, сын-то мой живой, и жена моя живая! Живет там, где я ее нашел в первый раз!

— А где ты ее нашел?

— А там-то и там-то...

Но, они потом поехали и забрали их, парня и мать-то. Встретились, погуляли, повеселились. Стали жить. И теперь живут.

60. Безручка

Жили отец и мать. Было у них двое ребят: сын и дочь. От родители стали старые. Позвали ребят и говорят им:

— Мы, детки, скоро умрем, а вам наказываем от чё: ты, сын, не женись, а ты, дочь, замуж не выходи. Живите рядышком, друг дружке помогайте!

Чё-то маленько погода отец и мать умерли. Стали брат с сестрой вместе жить. С год, наверно, прожили вдвоем. Потом брат все-таки сошелся с одной там. Решил жениться. Сестра ему:

— Ты, братка, чё, не помнишь родительский наказ?

— Но, ладно тебе! Будем втроем жить.

Брат женился, стали втроем жить. Сестра все-таки не стала выходить замуж. От живут. Братовой жене сестра его не нужна стала. Давай она мужа точить:

— Убирай куда хошь свою сестру! Уничтожь ее!

Брат и задумал свою родну сестру уничтожить. Запрягат лошадь, берет топор и говорит:

— Сестра, поедem в лес по дрова.

Ехали, ехали по лесу, далеко уехали. Сестра говорит:

— Брат, давай эту сосну спилим. — А брат ей:

— Нет, давай дальше поедem.

Вот ехали опять, ехали — стоит дуб. Толстый, большой. Брат говорит:

— Сестра, но-ка обними этот дуб. Скоко же будет? Сестра дуб обняла, а он ей руки по локти и отрубил. Сам на лошадь сел и убежал. А сестра села и плачет. Сидит, кровью обливается. В это время в лесу охотился царский сын. Слышит он, что кто-то плачет. Подошел и увидел девушку без рук. Спрашивает ее:

— Чё с вами случилось?

— Брат руки мне отрубил.

Цареву сыну стало ее жалко, да и бравенька она была, молоденька. Он говорит:

— Знашь чё, выходи за меня замуж!

— Как я пойду, когда у меня рук нету? Ты богат, а я бедна.

Но уговорил он ее все ж таки. Пошла она за него. Привез домой. А царю и царице она, ясно дело, не понравилась: безрука да незнатна.

Стали жить. Он к ей ласковый был, жалел. Родился у их ребенок. И в это время царева сына забрали в армию на службу.

Осталась она с ребеночком одна. Царю и царице совсем не нужна стала. От они утром пораньше встали, настряпали печенюшек и отправили ее. Сумку к плечу привязали, ребенка дали.

— Иди, куда глаза твои глядят!

Она и пошла. Идет, плачет. Так ей пить захотелось — невозможно! Видит — криница стоит, а вода глубоко-глубоко была тамочки. Она как наклонилась — ребенок туда, в колодец, и упал. Она хотела его поймать, локтями-то всплеснула — у ей руки-то и появились! Бог ей руки дал.

От она воды напилася, села, ребеночка накормила, перепеленала и думает: «Куды же я теперь пойду? Пойду-ка я до своего брата». — Поднялася, ребеночка на руки взяла и пошла. Идет, идет, темно уж стало. От дошла до братова окошечка. Посмотрела — они сидят ужинают, брат с женой. Чё ей делать? Она постучала в окошко и говорит:

— Выйди кто-либо! — Брат вышел, запустил ее. А она не выдает себя, принакрылась платочком.

— Пустите переночевать, а то мене некуда деться! — Ну ее пустили. Она зашла в избу, сидит, на брата смотрит, а сама слезами заливается. Брат пригласил ее ужинать. От сидят ужинают.

Вдруг опять стучится кто-то. А это царев сын со службы возвращался. Тоже просится ночевать. Брат открыл, говорит ему:

— У нас уже женщина с ребенком ночует, но и ты заходи. — Пустили и его. Сидят, разговаривают. Потом она предлагает:

— Давайте, я вам расскажу сказку о брате и сестре.

— Расскажи.

— От жили брат да сестра. Когда у их отец и мать умирали, то не велели разлучаться, не велели им жениться. А брат не послушался и женился. Жене его сестра не нужна стала, она велела ее уничтожить. Брат увез сестру в лес, обрубил ей руки по локти, а сам убежал... — А они сидят, притихли. Она дальше говорит: — В лесу охотился царев сын. Он нашел сестру и увез с собой, взял ее в жены. А она безрука. Царю и царице не понравилась. Но родился у нее сын. В это время мужа взяли в армию... — Но этот, царев-то сын, тут же сидит, весь-весь внимательно слушает. — Тогда родители выгнали ее с внучонком. А ей Бог руки за мýку дал. — Они все молчат. Она посмотрела на их и говорит:

— От ты мой брат, а ты мой муж! Неужели вы меня не узнаете?

Брат как обнял ее, заплакал и говорит:

— Ты моя сестра! Оставайся у меня! — А муж тоже к ней:

— Поедем! — Она и сказала им:

— Нет, брат. Кто меня уронил, для того я уронена. А кто меня поднял, с тем я и пойду, буду жить.

И пошла жить с царевым сыном.

61. Похороны старухи

Жили старик со старухой. Стареньки-стареньки, и ничего у них не было. Бедные. Вот жили-жили, старуха умерла. Умерла, старик стал думать, как ее похоронить. У них копеечки не было, родовства никакого не было — как стару-

ху похоронить? «Пойду, — думает, — попрошу попа похоронить даром». Приходит к попу и говорит:

— Батюшка, я к вашей милости.

— А что?

— Вот у меня старуха померла, а похоронить не на что. У меня денег копейки нету и родни никакой нету — никто не поможет мне. Я прошу вас похоронить мою старуху так, без платы. — Поп говорит:

— Не буду! — Он умоляет, просит — поп говорит:

— Не буду! — Ну, не буду — не буду! Он и пошел домой. Вот утром опять к попу иде.

— Батюшка, я к вашей милости. Похороните старуху, негде мне копеечку взять!

— Сказал, не буду!

Старик перед ним на колени падае.

— Сказал, не буду!

Приходит старик домой, попросил у соседа коня отвезть похоронить старуху безо всяких попов. Сосед дал ему коня, запрягли, гробок поставили, и старик поехал. Через ложочек переезжает, тут кустики растут. И чё-то у коня стало под ногами звякать. Он думает: «Наверно, подкова отрывается, ослабла и отстала. Потеряю — хозяин ругать меня будет». Остановил коня, слез посмотрел: а у коня под ногами котельчик с золотом. Конь за него запнулся, и котельчик-то зазвякал. Старик обрадовался и думает: «Наверно, это Господь мне подмогу дал!» Перекрестился и взял этот котельчик. Повернул коня и с гробочком приехал назад домой. Вернулся домой, сосед его и спрашивает:

— Ты пошто же вернулся-то?

— Да встрел знакомого, он мне дал деньжонок. — А не рассказывает, что золото нашел. Ну и ладно. Этому соседу заказал стряпню. У другого купил барана, заказал варить. Сам пошел к попу.

— Батюшка, я к вашей милости. Мне знакомый дал деньжишек похоронить. Так ты вели собрать все хоры да все святцы поднять.

— О, то говорил, что денег нету, а теперь хочешь, чтобы хоры собрали да все святцы подняли. Это двадцать пять рублей стоит!

— Батюшка, расплачуся. — Поп задумался: тут что-то не так!

Вот собрали все хоры, подняли иконы. Целый день старуху до могилки несли. С хорами до могилы проводили. Похоронили. Пошел старик батюшку пригласить на поминки. Пришел:

— Но, батюшка, собирайте хоры, идите на обед!

Поп поставил ступицу и говорит старику:

— Сядь, дедушка, посиди, а то ты наморился! Да не спал сколько ночей! — Приносит ему закуски, подносит полстаканчика водки. — Выпей! — Он выпил, этот старичок, и опьянел.

Поп его спрашивает:

— Скажи, дедушка, ты где деньги взял?

— Я, батюшка, не могу никому рассказать.

Он ему еще полстаканчика налил. Старик выпил.

— Скажи, дедушка, где ты деньги взял?

— Мне, батюшка, всеми грехами каяться — я не могу рассказать. — И вот он ему снова выпоил полстаканчика, старик и рассказал, как ему деньги далися. Поп поддакивает:

— Хорошо! Хорошо!

Ну и ладно. Старик домой ушел. Поп собрал все хоры и привел на поминки. Народ пришел, помянули хорошо старуху. Все ушли. Подошла ночь. Старик сидит в избушке, котельчик перед собой поставил и глядит на остальные деньги. А батюшка что ж обдумал? С матушкой они уговорились, как у старика деньги отнять. У попа была козлиная шкура. Он ее натянул на себя и пошел к старику деньги отнимать. Думает: «Скажу, что я враг».

А старик сидит перед этими деньгами, роется. Поп подошел, под окошком стукается. Старик спрашивает:

— Кто там?

— Я враг! — Старик с печки глядит: правда, в шерсте, уши торчат, рога! Господи, точно — враг!

— А ты зачем пришел?

— Я пришел за деньгами, которые у тебя остались.

— У меня нету ни копейки.

— Нет есть. Если сегодня не отдашь, я завтра приду!

Окошечко в избушке было худое, вместо одной стеколочки тряпочка заткнута. Он тряпку выдернул и отдал котел с деньгами в эту отдушину.

А матушка ждет попа с деньгами. Он пришел, деньги ей подал, а шкуру-т хотел снять, но не может, она приросла! И к спине, и к голове приросла, нельзя никак снять. И назад идти нельзя, уже светает. Поп на печку залез и весь день просидел. А это дело все сметил солдат. И только развиднелось, он забегает к попу.

— Матушка, где батюшка? — Она говорит:

— Поехал в город. Вот только сейчас отъехал от крыльца. А что такое?

— У меня баба заболела, мне батюшка нужен.

А он, солдатик, ходит по избе и спрашивает:

— А вы зачем печку завесили, вроде никогда не завешивали? — Открыл занавеску — там поп-то лежит коло стены. Он:

— Это что же такое, мать? Одежа батюшкина, а вроде на козла похож!

— Да вы знаете, так у нас получилось. Только вы никому не рассказывайте.

И рассказала все как было. Он говорит:

— Надо, матушка, этот котельчик старику вернуть!

Солдатик ушел. Ушел этот солдатик, а поп берет деньги и понес старику назад. «Может, — думает, — шкура слезет». Старик спит, ничего не знает. Он к нему опять стукается.

— Кто там?

— Я враг. — О, это чё такое!

— Чё такое?

— Принес деньги назад. Не приняли, велели назад отнести! — Поп тряпочку выдернул и деньги в избу провалил:

— Возьми, дедушка! — Да и пошел домой. И шкура снялася!

62. Марка-богатый и Василий-бессчастный

Жил-был Марка-богатый. У него была дочка шести лет.

Дак вот Марка-богатый, он нищих людей и близко к своему дому не подпушшал. Только увидит и слугам ревет:

— Отпушшайте собак! Пушшай гонят их, рвут!

И тут в одно время подошли два нищих к нему старика. К окошку, он у окошка сидел. Он заревел слугам, а девчонка-то прибежала и говорит:

— Папа, ты не трави их. Пусти их хоть в стару баню ночевать!

Но ладно, чё же, он их пустил. На скотном дворе дом стоял. В нем эти старики и поселились. Теперя девчонка эта, как все уснули, думает: «Надо же отнести старикам хоть хлебца, поись-то». Взяла хлеб, вышла и пошла, понесла. Подходит к дверям-то — старики разговаривают. Она прислушалась. Один старик рассказывает:

— В дальней деревне родился у бедняка сын, и никто к нему крестным не идет. — А потом второй говорит:

— Да, родился. Но когда он вырастет, то займет все богатство нашего хозяина Марки-богатого.

Ладно. Теперя девчонка послушала и побежала к отцу. Разбудила его:

— Вот так и так, я зашла — чё старики-то говорят! Они вот рассказывают, что в дальнем селе родился у бедняка сын, к нему никто крестным не идет. А другой старик сказал, что он вот вырастет и займет все богатство Марки-богатого.

Вот он и сдурел, этот Марка-богатый! Счас же запряг карету, поехал. Взял с собой меховую шубу. Один, без кучера, поехал. Приезжат в туё деревню и спрашивают:

— Такого-то дня у кого сын родился? — Ему и говорят:

— Да у бедняка. — Он нашел этого бедняка.

— Я буду твоему сыну крестным. На тебе тышшу рублей — крестины сделаем.

Отпраздновали крестины. Марка-богатый и говорит:

— Вот, кум, ты живешь бедно. Отдай лучше мне сына, я его воспитаю. А тебе за него еще тышшу рублей дам.

Бедняк согласился: на чё же, ему не воспитать так. Завернул Марка-богатый малышка в мехову шубу и повез. Увез в лес, там его на снег вывалил, да ишо и приговариват:

— Вот тебе, пользуйся моим богатством! — И уехал. А там, куды он парнишку стряхнул, сразу зазеленел лужок.

Тут едут купцы мимо. Смотрят — лужок зеленый, а на нем мальчик ма-

ленький сидит, в цветочки забавляется. Купцы его забрали с собой. Вот едут, вдруг пурга началась. А дом Марки-богатого стоял как раз на пути. Попросились купцы переночевать, хозяин их пустил. Потом увидел у них ребенка, понял все и говорит:

— Что вы это в такую пургу с ребенком разъезжаетесь?

Купцы и рассказали, как они его нашли. Марка убедился, что это тот парень, которого он в снег выбросил. Притащили ребенку качку. А девчонка, дочь Марки, как прилипла к нему, так и не отходит, забавляется. Вот просит Марка-богатый купцов:

— Отдайте мне этого парнишку, я его выращу, он у меня человеком будет. — Гости согласились. Переночевали, стали собираться. Хозяин проводил гостей, сам стал придумывать, как все-таки ему отделаться от этого парня. А девчонка шагу от ребенка не ступит. Все с ним и с ним. Время уж ладно прошло.

И вот выждал момент. Девчонка чё-то ночи три не спала, тут уснула. А Марка наладил бочонок и посадил в него этого ребенка. К речке утащил, в воду кинул.

А в это время рыбак сети ставил. Увидел — плывет бочонок — вытащил. Крышку выбил — ребенок! Он обрадовался: детей-то у него не было. Побежал домой показывать хозяйке находку.

Вот уж несколько лет прошло. Ехал мимо Марка, заехал к рыбаку. Увидел — мальчик играет:

— О, какой у тебя сын уже!

— Да мы его в бочонке нашли! — Вот те на! Понял все этот Марка.

— Продай, — говорит, — мне его. Ты бедно живешь. А вот тебе за него двадцать тыщ.

Подумали рыбак с женой да и согласились. Пишет Марка-богатый своей жене письмо: «Купил я одного паренька. Он мне большой враг. Ты его отведи в мыльный завод, подкупи работников, чтобы они его в кипяток сунули». Дал это письмо мальчику и отправил к себе домой. Идет он через лес, а ему старики навстречу:

— Куды ты идешь?

— К Марковой жене письмо несу.

— Дай мне почитать. — Прочитал и дунул на него:

— Теперь неси.

Приходит, отдает письмо. Жена читает: «Взял я себе паренька, выдай за него Настеньку и передай ему ключи. Пускай будет хозяином». Прочитала, позвала дочь. Настенька прочитала и говорит, что надо делать, как отец велит. Приезжат отец домой, смотрит — паренек тут, а дочь уж беременна. Он накинулся на жену:

— Это ты чё сделала? Я чё написал?

— А вот, — говорит жена, — письмо-то твое сохранилось.

Посмотрел:

— Почерк-то мой, а слова не мои.

Живут месяц, два. Марка все думат, как бы этого парня уничтожить. Отправляет он его к Змею Горюнучу, говорит, за двенадцать лет деньги ему не заплатил. А Настенька слезы льет, все знает она, да отца боится. Наладили ему харчи. Пошел. Шел он, шел. Остановился у дуба ночевать. Встает утром, налаживаются идти. А дуб ему и говорит:

— Куды, Василий-бессчастный, идешь?

— К Змею Горюнучу.

— Скажи ему про меня. Долго мне ишо стоять на речке?

Нужно было Василию-бессчастному через речку переправиться. А перевозчик старый-старый, седой весь. Узнал он, куда путь держит Василий-бессчастный, попросил:

— Спроси, долго ли мне тут мучиться?

Идет он дальше. Видит, кит лежит и с места сдвинуться не может. Двадцать кораблей он проглотил. По нему, как по мосту, все ходят. И он передает Василию свою просьбу:

— Долго ли мне ишо лежать тут?

Все запоминает Василий-бессчастный. Вот вышел он на большой луг, а там дворец стоит. Весь из человеческих костей. Зашел он. Ходит, смотрит. В двух комнатах никого нет, а в третьей девушка сидит. Увидела его:

— Куды ты?

— К Змею Горюнучу за деньгами.

— Не за деньгами идешь ты, а на съеденье! — говорит девушка. А Змея Горюнуча дома не было. Спросила его эта девушка, кого он в пути встретил. Все рассказал он.

— Я тебя спрячу, — сказала девушка, — а ты слушай, о чем я буду говорить.

Прилетат Змей Горюнуч и спрашивают у девки у этой:

— Чё это русским духом пахнет?

— Да что ты, — говорит. — Это ты над Русью полетал да напыхватался русского духа!

Уложила она его спать. Села с ним рядом и говорит:

— Видела я тут сон: дуб стоит. Спрашивают он у меня: «Долго ли мне ишо тут стоять?» — А Змей Горюнуч и отвечат:

— Дуб-то тот до той поры стоять будет, пока человек к нему не подойдет и не толкнет его рукой. Дуб-то упадет, а под дубом этим драгоценности разны лежат.

А Василий-то-бессчастный сидит и слушат. А девка та опять у Змея Горюнуча спрашивают:

— А ишо видела я перевозчика вечного. Освободится он когда ли нет?

— Он только тогда освободится, когда человек к нему в лодку-то сядет и весло в руки возьмет. И чтоб этот перевозчик оттолкнул лодку, и тот человек вечным перевозчиком станет.

— Ишо видала я во сне кита. Будто лежит он в море. А по нему, как по мосту, все ездят.

— А кит до тех пор будет муки принимать, пока те двадцать кораблей Марки-богатого, которые он проглотил, обратно не выплюнет.

Тут уснул Змей Горюнуч. Открыла эта девушка сундук, выпустила Василия-бессчастливого и говорит ему:

— Беги скорее!

Ну тот и припустил. Прибегат к киту. Сказал ему:

— Вот так-то и так сделай! — Выплюнул кит двадцать кораблей Марки-богатого и поплыл спокойнѣхонько. Василий-бесщастный поплыл на этих кораблях дальше.

Встречает перевозчика. И ему обсказал, что сделать надо.

Подошел к дубу. Толкнул его рукой — дуб-то с корнем и вывалился, а под ним драгоценности разные! Взял он все драгоценности, перетащил на корабли Марки-богатого и поехал домой. А Марка-богатый видит, что Василий-бесщастный обратно едет, озлился на Змея Горюнуча за то, что он Василия не погубил, и побегал к нему, чтобы вернул он Василия-то. Добегат до перевозчика, тот посадил его в лодку, дал в руки весло и оттолкнул от берега. С тех пор Марка-богатый стал вечным перевозчиком.

А Василий-бесщастный вернулся к Насте, и стали они жить припеваючи. Я у них был. Хорошо живут. Чай пил.

63. Про Бога, вдову и богатого мужика

Жил в деревне богатый мужик. Добра у него было много, а семья маленькая: сам да жена с дочкой. Был он сильно богомольный, по нескольку часов на коленях перед образами стоял.

В той же деревне по соседству с этим мужиком жила бедная вдова. Ребятишек у нее была полна изба, а во дворе пусто. Еле концы с концами сводили. А дочка богатого в избу к вдове частенько бегала. Им что, ребятишкам, — то ворожба, то вечѣрка.

Вот однажды богатый мужик помолился Богу, лег в постель и загадывает: «Хоть бы мне Бог приснился». И когда уснул, видит сон, будто Бог разговаривает с ним и обещает прийти в гости.

Утром мужик соскочил на постели, вспоминает: «Это какой же дивный сон я видел. Ко мне же сам Бог пообещал в гости зайти». Скорей оделся, собрал батраков и говорит:

— Сейчас же одевайтесь получше и идите в оба конца деревни встречать Бога. Ко мне в гости сегодня Бог придет. — Стряпкам велел готовиться получше, жарить, парить. Барана жирного забил. Сам ждет. У избы тоже человека поставил, нищих отгонять.

А Бог-то приоделся нищим и идет в эту деревню. На краю деревни постовые его не заметили — нищий да нищий, — а у самого дома не пускают, в шею гонят:

— Проваливай, такой-сякой, тут вон какого гостя ждет хозяин, самого Бога, а нищему здесь делать нечего. — Нищий не уходит.

— Я же вашему гостю в глаза не полезу. Посижу в уголочке, на Бога посмотрю хоть. — Побежали работники к хозяину.

— Бога нет пока, а нищий вот просится переночевать да на гостя поглядеть.
— Нечего нищему тут делать, гоните его.

И прогнали Бога. Тогда он зашел к бедной вдове, попросился:

— Тетенька, пусти меня переночевать. — Вдова ему говорит:
— Проходи, дедушка, только у нас постелишки-то путной нету.
— Ничего, я тужурочку под голову положу, мне и ладно будет. — Но, зашел.
— Тетенька, а поесть у тебя не найдется?
— Садись, дедушка, чай пить будем.
— А супа-то у вас не осталось?

У хозяйки был суп. Только они кушали когда, она все, что у ребятишек в мисках осталось, слила в чугунок, мол, на другой день согреет. А ей неудобно перед стариком. Она и говорит:

— Неудобно, батюшка, обедки-то гостю подавать.
— Ничего, поем. — Она налила, Бог съел.

Тут дочка богатого к ним прибежала, рассказывает:

— А у нас вечер будет, самого Бога в гости ждем. Только его пока чё-то нету.

Занялись молодежь-то ворожить. Поворожили. Дело на Святки было. Эта убежала. Хозяйка старику постелила, легли спать. Вот утром она встает и видит: на столе буханка белого хлеба лежит. Тут ребятня соскочила, на хлеб набросились и сразу все съели. Мать и глазом моргнуть не успела — нету хлеба. Она кричит:

— Вы что же наделали? Это же не наш хлеб-то! — А старик:

— Ничего, пускай едят на здоровье. Теперь у вас к каждому столу хлебушко будет. — Собрался и ушел.

Точно. Подошел обед — на столе уже булка белого хлеба лежит. Смикитила вдова: «Уж не Бог ли это у нас был!»

А богатый сосед так и дожидался Бога. Даже ночью не спал и людям не дал. Помолиться тоже позабыл. Утром дочка рассказала, что у вдовы какой-то нищий ночевал. Богатый спохватился: «Уж не Бог ли?» И кинулся искать. За деревней вроде стал догонять старика, но только подбежал к нему — старик исчез. Тут был и не стало!

Понял богатый, какого нищего он не пустил к себе на порог.

Социально-бытовые сказки

64. Дочь-умница

Жили-были два брата, богатый и бедный. У богатого амбары от добра ломаются, а у бедного кроме жеребой кобылы ничего нет. Пришла весна, пора землю пахать. Пошел бедный брат к богатому плуг да телегу просить. Говорит:

— Дай мне, брат, телегу со сбруей да плуг. Я хлеб посею, осенью зерном отдам.

Богатый дал ему старую телегу и плуг. Поехал бедный в поле. Дотем на пахал, а когда стемнело, выпряг кобылу, сам лег в телегу и уснул. Утром проснулся, видит: под телегой жеребеночек лежит.

— Э-э, да это же кобыла моя ожеребилась!

Тут как на грех богатый брат едет. Увидел жеребенка под телегой и тоже обрадовался:

— Моя телега ожеребилась!

Стали спорить, да что богатому докажешь? Пошли к судье. Пришли к судье, рассказали, как дело было.

Судья думал, думал и говорит:

— Кто из вас отгадает три загадки, тот и жеребенка получит. Первая загадка: что на свете всех жирнее? Вторая: что на свете всех быстрее? А третья: что на свете самое мягкое?

Богатый и бедный пошли по домам думать. Судья утром велел им прийти с ответом. Богатый жене рассказал все, она и говорит:

— Легкие загадки. Считай, что жеребенок уже наш. Мы чушку кормили, вон как отъелась — жирнее ее нету. Самый быстрый — наш конь. А самое мягкое — моя подушка.

А бедняк домой пришел, его встретила дочка, спросила, почему невеселый. Отец ей все рассказал. Дочка говорит:

— Ложись, тятя, спать — утро вечера мудренее. Все будет хорошо. Я тебя научу.

Вот утро. Снова пришли к судье богатый и бедный. Богатый вперед говорит:

— Отгадал я загадки: жирнее нашей чушки нету, быстрее моего коня тоже нету, а самое мягкое — у моей жены подушка.

Потом бедный стал отвечать:

— Самая жирная — мать сыра земля, самая быстрая — мысль наша, самая мягкая — рука. На чем бы ни спал, а руку под голову кладешь. — Судья выслушал и спрашивает богатого:

— Тебя кто учил?

— Жена.

— А тебя?

— Дочка.

— Тогда вот слушай. Пусть твоя дочка еще три задачи решит. Решит — твой жеребенок, не решит — не твой. Пусть дочка привезет мне гостинец и не гостинец, придет в платье и не в платье, пешком и не пешком.

Расстроился бедняк. Пришел домой, рассказал все дочери. Она его опять уложила спать. Пришло утро, она посадила двух голубей в сито и завязала платочком, поверх платья накинула рогожку, сама села на козу, а ногами по земле перебирает — и поехала к судье. Приехала на козе, рогожу скинула — оказалась в платье. Сито судье подала, он развязал платок — голуби улетели.

Похвалил судья девушку, отцу велел жеребенка отдать.

А сам заслал сватов к бедняку, за своего сына высватал эту девушку.

65. Верная жена

Жил-был купец. Жена померла у него. Было у него три сына. Старший — Афанасий, средний — Василий и младший — Иван. Теперя у него был дом на три этажа. Вот женил купец старшего сына. Но, женил — женил. Теперь надо среднего женить, Василия. Женил и его. Потом спрашивают у младшего:

— Но а ты чё, Ванюшка, не женишься?

— Ездил я, папка, по всем купцам. Был у такого-то, был у такого-то (по фамилиям их рассказывают: Мошкович, но какие были тогда купцы). Я, — говорит, — папка, ездил по ним — все дочки мне не по плечу.

— Но езжай, поищи себе невесту.

Поехал Иван — купеческий сын, подъехал к дому Ли Фана. Две служанки стоят. Он поглядел на них и говорит:

— Котора из вас влюбится в меня, значит я в жены возьму.

— Ты чё, Иван — купеческий сын, над нами смеёшься? Ты же купец, у тебя золото кольцо, а у нас медны.

— Ничего, ты по душе. — Приезжат домой, отец спрашивает:

— Чё, где был?

— Да я у Ли Фана невесту нашел, служанку.

— Ты что, наш сын милый, мы купцы, а ты взял служанку? Это же нам позор!

— Ничё, тятя. Потому что по плечу.

Стали старши братья делиться. Старший пошел на верхний этаж. Средний — на средний. Стал Иван свадьбу собирать — никто к нему не идет. Иван пошел в кабак, набрал там голи перекатной, как сейчас говорят — пьяниц. Стал их звать на свадьбу к себе. Ему они толкуют:

— Ты мне дашь обутки — поеду в поезд.

— Дашь мне визитку — поеду.

— Брюки...

— Всё дам, потому что у меня всё хватит.

Поехали. Отец даже не пришел к нему на свадьбу. Но, приехали. Давай гулять. Кто облевался, кто там огадился. Но, пьяницы же, в кабаке собрал. Вот свадьбу кончили.

Проходит время како-то. Старши братья поехали торговаться. Но — в Китай, это к нам ближе, там платят данну и пошлинность. Теперича Ивана его жена Елена Прекрасная спрашивает:

— А ты чё, Ванюшка, не едешь?

— Дак вот...

— Ты, наверно, думаешь, что я с ком-то согрешу, поимею поплот. Иди-ка возьми чистого дегтю. — Он взял чистого дегтю. Теперь она ему сошила новенькую коленкорову рубашку:

— Мажь коленкорову рубашку.

Вот он ее посадил в деготь. Жена взяла рубашку, тряхнула.

— Смотри! — Весь деготь слетел.

— Вот ты на меня надейся. Вишь, деготь не прильнул, значит, ничё ко мне не пристанет, все будет хорошо.

Собрался Иван — купецкий сын и поехал. Приезжат в Китай к купцам (там собрались все купцы, и его два брата там). Вот начали над ём подсмеиваться:

— Мы каждый день рубашки стираю да моем, а почему у нас Иван никовды рубашки не моет, не стирает, не гладит — и все чистенький. Кака же причина? — Смех подняли, ишшут причину. Он терпел, терпел, но потом и говорит:

— Если кто с моей женой поплот сделает, вот у меня и рубашка замарается.

И вот эти купцы отправляют одного, дают ему пуд золота — вали! Но, нашлось там таких-то ухачей много. Он взял золото, поехал. Приезжат, спрашивают:

— Где тут Ванькина баба живет?

— А вот здесь, она одна, только служанки с ей.

Он к ей приходит, начинат сомущать. Она все поняла, бабенка в уме добром была, и говорит:

— Ладно, значит, я с тобой соимею сплот (значит сношение). А пока ты тут садись на лавочку. Выпьем, погуляю, потом ляг отдохни. А там и ночка-матка — натешимся. — Он послушался, лег. Она кроватку столкнула, он упал в погреб. Наутро встает, дает ему туда шерсти.

— Вот тебе работа, пряди, чтобы помнил, как ко мне ездить. — А золото убрала. А оттуль ждут. Чё такое? Рубашка у Ваньки как была чистенька, так и есть!

Тепериче другого отправляют, с двум пудам золота. Этот поехал, то же само:

— Где Ванькина жена живет? — Свёкор ему объяснят:

— Вот здесь. Она одна, идите.

Он к ей пришел, начал разговоры свои.

— Но как, можно?

— Можно-то можно, но вы не торопитесь. Надо хорошо закусить сперва, во-вторых, отдохнуть. — Он поел, лег отдохнуть, она кроватку тряхнула — он туда же, в погреб, упал. Подает им веретешку:

— Ты пряди, а ты сучи, чтоб пряжа была. Потом я вас выпущу.

Вот ждали, ждали купцы. Вестей никаких нет, а у Вани рубашка как была беленька, так она и есть. Теперь, значит, собирают сажонный ящик золота и драгоценных камней. И поспорили на двенадцать кораблей — шелку да всякого товару. Этот ухарь тоже поехал, спрашивают, где Ванькина баба живет. Опеть же ему толкует свёкор:

— Вот к ей езжайте и ночуйте. У ей одне служанки, живет одна. — Тот подъезжат, стаскивают ящик сажонный с золотом, усыпанный дорогими камнями. Но тепериче ладно. Она етому ухарю говорит:

— Но ты гуляй иди, во столько-то часов придешь ко мне.

Этот ящик с золотом, украшенный дорогими камнями, убрала со служанками в свою комнату, золото высыпала, а ему говорит:

— Придешь, — говорит, — ночью, а я поеду спрошу у духовенства, как

мне быть. — Приезжат к псаломщику. Он стоит, свой Евангеля читат — готовится к вечерне.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте. Чё надо?

— Я приехала к вам спросить разрешение, можно ли сделать с заграничным человеком сношеньё.

— Нельзя! Со мной дак можно.

— А как так?

— Ведь я же псаломщик. Я буду молиться, да за мной сколько народу будет молиться Богу. — Она:

— Но тогда ладно.

— А когда?

— Часов в восемь приезжай.

Вот от псаломщика поехала она к дьякону.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте. Чё такое?

— А вот такое дело. Можно или нет с чужим человеком сделать сношеньё?

— Нельзя, а со мной можно.

— Как так?

— А я, видите, дьякон. Я буду молиться, псаломщик да весь народ будут молиться — мы все грехи замолим.

— Но ладно, приезжайте в девятом часу.

Поехала она дальше, к священнику.

— Здравствуйте. — Священник даже не оглянулся. Она: — Вот можно ли, батюшка, с чужим человеком, с заграничным, сделать сношение?

— Нельзя. Со мной дак можно.

— А как же?

— Дак я буду молиться, дьякон, псаломщик, весь народ будут молиться — грех и замолим.

Она ему назначила приехать в десятом часу. Сама поехала к архиерею. К архиерею приезжат. Он тоже читат заповедь. Она теперь и говорит:

— Можно ли с заграничным человеком сделать сношеньё?

— Нет, со мной можно.

— А как же?

— А я буду молиться, да священник, да дьякон со псаломщиком, да весь народ — замолим грех.

— Но ладно, в одиннадцатом часу приезжайте.

Сама поехала к владыке. К владыке приезжат.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте.

— Вот я приехала к вам по делу: можно ли с заграничным человеком сделать сношеньё?

— Нет, нельзя. Со мной дак можно.

— А как так?

— Я буду молиться, архиерей, священник, дьякон, псаломщик да весь народ будут молиться — все грехи и замолим.

— Но приезжайте в двенадцатом часу. — Поехала к еписке.

— Можно ли?..

— С тем нельзя, со мной можно.

— А как?

— Все вместе замолим...

— Но приезжайте в час ночи. — И со всех по сотне прибавляла. Домой приезжат, а там псаломщик уже заявится. Она на столы наставила, ему говорит:

— Садитесь, поешьте. А там ночка-матка долгая, натешимся.

Вот он сел, вдруг в дверь стучат: тук, тук, тук...

— А я куды же?

— Лезь, — она говорит, — вот суды, в ящик-то. — Посадила.

Открывает сама дьякону. Тот торопит. Она ему:

— Давай посидимте, поедим, чё голодом-то. — И только сели — в двери — тук, тук, тук! Дьякон закидался, куды же, дескать, деться.

— Полежай в ящик. — Он залез. Священник заходит.

— Но чё, давай...

— О-о, садитесь, поешьте, а ночка-матка длинна, еще натешимся. — Тут владыка в дверь застучал, она и священника в ящик спрятала. Тепериче опять так же. Она:

— Садитесь, поешьте, отдохните, а ночка-матка впереди, еще натешимся. — Тут снова застучали.

— Кто?

— Я, еписка. — Владыка испугался, закидался. Она его тоже в этот ящик. Он залез туды. А их уже сколько там набралось! В это время заграничный «гость» приходит, она ему поздно ночью велела прийти. Он застукал — еписка тоже в ящик залез. Она — хлоп! — заложила их на засов. Заходит заграничный человек.

— Но как, разрешило духовенство?

— Нет, не разрешило. Забирай свой ящик и уезжай, откуда приехал. — Ему чё делать, забрал свой ящик и поехал назад. Приезжат в за границу, там его ждут.

— Но как?

Он открывает ящик. Ковды открыли — там запах — оне кто огадился, кто оммарался! Давай их спрашивать:

— Ты как? — Псаломщика.

— К Ванькиной бабе.

— Ты как? — Так всех остальных.

— К Ванькиной бабе.

Посмотрели на Ваньку — у него рубашка как была чистенька, так и есть. Ванька, значит, выпорил. Нагрузили ему двенадцать кораблей товарами. Он поехал домой, а там его жена поджидат, смеется.

— Но получил гостинец?

— Получил!

Тут пир горой, я там был, мед пил, по усам текло, да в рот ни капли не попало.

66. О ревнивом муже, злом навете и верной жене

Жил один купец. Баба у него была хороша: работница, чистотка и собой подходяща. На всех всегда уноровит, каждого уважит. И вот мужик уехал в чужу державу переменять товары. Хозяйка осталась дома, он ее оставил одну.

Уехал. Теперь оттуда пишет письмо: «Я тако-то время приеду-ка». Ладно, мужик пишет: так и так — приеду, а его письмо перехватывают и шлют ему друго: «Не дожидат она тебя. Ты там хлещнешься по делам, а она сейчас с другим мужиком сухарит. И когда ты приедешь, то убедишься: она тебя обязательно встретить с этим мужиком выйдет». А хозяйка-то его совсем ни с кем не сухарила, работала все время по хозяйству. Но ить это же есть много кляуз всяких! Кому-то же она не приглянулась. Видно, один тоже за ней ухлястывал, а она ему от ворот поворот дала, вот он и...

Но теперь ладно. Она ждет мужика, ждет — не дождет. Все у ей прибрано, бутылочку взяла, наготовила всякого якого.

Подходит пароход. Этот купец собирается вылазить. И в этот момент ему опять письмо кидают. В ём написано: «Вот, — гыт, — гляди путем, она счас тебя со своим сухарником встречать будет». А она встречать-то пришла одна, но возле ее уже похаживат суфлер, понимаешь, один. Ей-то чё? Она ничего не знат.

Но вот, ладно. Этого купца уже просто трясет. Он же ей верил вон как! Этого суфлера увидел, думат, что сухарник. Достает наган, и только она к ему встречи-то бросилась, начинат ей говорить:

— Я сколь лет ездил, мыкался, теперь вернулся вот, а ты тут с мужиком!

Она:

— Да ты чё? — Но он слушать не стал и стрельнул в ее. Она упала. «Но, — он думат, — убил!» А он ее ранил. Его схватили, подмесици маленько, понимаешь, и в тюрьму посадили.

А его хозяйка-то поправилась. Но с расстройства — да и стыдно! — решила переехать в другой город. И там у ей дела пошли хорошо. Ей большо уважение. Короче говоря, вышла она в уважаемые люди. Как-то стала она во главе этого города. Ее все слушаются.

А в этом городе были ворота. Она знала, что мужик отсидит, одуматся и будет искать ее. И велела художникам, понимаешь, сделать свой портрет, фотокарточку ли, и повесить на этих воротах. И кто заинтересуется, того сразу доставлять к ей.

Вот ладно. Теперича этот купец освободился и идет искать свою жену. Приходит в город и видит ее портрет, увидел эту фотокарточку-то.

— Дак ить эта моя была баба-то, — говорит людям, — она ить моя была! — Его тут сразу взяли и повели туда к ей. Она ему все рассказала.

— Ты, — говорит, — зря. Это же все ложь, понимаешь! Я, — гыт, — тебя ждала, как не знаю кого... — А это же его просто натолкнули по-хулигански... И она его пять лет дожидалась.

67. Оклеветанная девушка

Жили в одном городе два купца, два брата. Старший жил без детей, а у другого были сын и дочка. Сын был малоумный, а дочка хорошая. Сын купца часто ездил на охоту, а сестра ему подмогала, тоже охотилась. Все-все делать умела.

Однажды старший брат приезжат к младшему и говорит:

— Ты отправь ко мне племянницу-то. Пусть у меня живет. Я ее воспитаю, а когда умру, все ей мое добро достанется, весь капитал.

Купец согласился, отдал брату свою дочь. Стал тот ей покупать разные подарки. Вот она и в возраст вошла. А дядя стал к ней приставать, чтобы пошла за него замуж. Она девка была гордая, собрала свои пожитки и ушла к отцу.

А этот дядя вслед за ней отправляет отцу письмо. И в том письме прописал, что племянница пошла по легкой жизни и он ее выгнал. Отец всему поверил, позвал малоумного сына и говорит ему:

— Поезжай, сын, с сестрой на охоту и там, в лесу, ее убей! А в доказательство привези мне лоскут платья в крови.

Брат сестру любил, но отцу перечить не посмел. Поехал с ней на охоту в лес. Приехали, поохотились, он ей говорит:

— Знаешь что, сестра, отец мне приказал тебя убить. Дядя написал про тебя плохое письмо, что ты в нехорошие дела пустилась. — Она брату говорит:

— Ты этому не верь. Это все ложь. Моя душа чистая, ни в чем не порочная. — Стали думать, как же быть им. Она говорит:

— Лучше давай убьем собаку и в ее крови вымажем лоскуток от моего платья. Вынь собачье сердце и тоже отвези отцу.

Он так и сделал. Собаку убил, вытащил ее сердце, завернул в лоскут от платья это сердце и отвез отцу. А она пошла по лесу. Вот шла эта девушка, шла. Питалась разными корешками, ягодами. Наконец нашла дерево с большим дуплом. Стала в этом дупле жить. В это время пошел в лес на охоту один богатый человек. Он учился на коменданта города, приехал в отпуск и пошел на охоту. Подошел к этому дереву. А собаки учуяли, что в дупле кто-то сидит, и стали лаять. По лаю парень понял, что там сидит человек. Он и говорит:

— Эй, кто там есть, выходите. Я ничё плохого вам не сделаю.

Она подала голос тоже:

— Я бы вылезла, но не могу, стесняюсь. Я совсем оборвалась, почти голая.

Он одну собаку оставил сторожить, а сам пошел домой. Пришел к матери (она была жена лесника), взял одежду и принес этой девушке. Когда она оде-

лась и он увидел ее, то влюбился. Привел ее домой, оставил у матери и говорит:

— Вот когда учиться кончу, приеду и женюсь на тебе.

Вот кончился отпуск, он уехал на занятия. Пишет: «Как там моя находка?» Мать ему отвечает: «Очень она хорошая, стала мне лучше родной дочери». Он никак не дожидается, когда кончится учеба. Охота увидиться. Но вот учеба кончилась, и его срочно отправили на работу в город комендантом. Отпуск не дали ему. Тогда он велел отправить карету и пишет ей письмо: «Отпуска мне нету. Поэтому я посылаю людей, чтобы привезли тебя ко мне в город».

Вот поехали. Приезжают, а у нее родился ребенок. Ее собрали, ребенка тоже закутали и поехали. Ехали, ехали, наконец лошади сильно устали. Сделали привал в лесу. Эти мужики стали к ней приставать. Она вырвалась и убежала, а ребенок остался с ними. Сама она в лесу привышна была, спряталась на елке. А эти мужики и ребенка убили и зарыли в яму. Убили одного коня, дескать, разбойники на них напали. Поехали, сказали, что разбойники напали.

Комендант попросил комиссию. Приехала комиссия, все обследовала. Действительно — признали — все так и было, как эти посланцы сказали: ее и ребенка убили, все пограбили.

Вот уехала эта комиссия. А дочь купца слезла с дерева и пошла пешком в город. Достала себе мужской костюм, постриглась и стала, как мальчик. Пришла в город и попросилась к своему дяде приказчиком. В магазин стали валом валить покупатели: очень бравенький приказчик был, мальчик-то. Дядя стал богатеть.

И вот раз он собирает бал. Пригласил туда все начальство и самого коменданта города. Сидят все, разговаривают, выпивают. Мальчик-приказчик здесь же. Кто-то говорит:

— Давайте истории страшные рассказывать! — Все согласились.

Тогда приказчик и говорит:

— Я знаю интересную сказку. Только давайте заключим договор: кто мне перечить будет, с того сто рублей штрафа.

Все согласились, и «мальчик» стал рассказывать:

— Жила одна девушка. Ее взял дядя на воспитание и стал к ней приставать, чтобы она стала его женой...

Тут дядя перебил:

— Нет-нет, это неправда!

— Платите сто рублей! — Он выложил сто рублей.

— ...Когда дядя племянницу опорочил в письме, отец ее приказал убить в лесу, но брат не смог это сделать, и она стала жить в лесу. Здесь ее встретил один молодой человек и взял в жены, но сам уехал учиться. Когда он отучился и стал служить комендантом города, то отправил за женой и ребенком своих помощников. Эти помощники стали приставать к красивой девушке по дороге, и она убежала. А они убили ее сына и все свалили на каких-то разбойников.

— Нет, нет, не может этого быть! — помощники-то, они здесь же были.

— Давайте сто рублей!

«Мальчик» взял деньги и ушел в пустую комнату. Там быстро переоделся в женское платье. Назад вышла красивая женщина, и комендант ее узнал. Он бросился к ней, поцеловал и повел к себе домой. А дядю и «помощников» осудили.

68. Солдат и его дочь

Жил в одном городе парень. Он любил девушку и вскоре женился на ней. У них родился ребенок. А его самого как раз взяли на службу. Когда в армию его взяли, она ему пишет: «Нам питаться не на что». — Он ей отвечает: «Ты продай мой костюм, но ребенка поддержи. Скоро я приеду в отпуск».

А у них в полку были объявлены учения. Полк снялся и пошел в те места, где жили у солдата жена и дочь. Пришел полк и стал лагерем недалеко от их города, но каких-то там километра два или три. А его не отпускают. Он все-таки решил сходить к своим самовольно. Прошел всех часовых, его не задержали.

Только вышел, услышал стон:

— Ой, не дайте душе погибнуть...

Он прислушался. Подошел к этому месту и видит: лежит человек, а в груди у него торчит нож. Солдат подбежал, хотел помочь человеку, но тот ему сказал:

— Теперь ты меня не спасешь, а вот здесь у меня зашитый мешочек с золотом, ты его возьми себе.

Солдат золото взял, и человек тут же помер. Солдат домой поспешил. Когда домой пришел, то за ним по пятам еще один человек. Это и был убивец. Он в кустах сидел и видел, как солдат золото получил. Солдат постучался, жена ему открыла. Она сильно обрадовалась. Девочка тоже тут бегаёт. Уже подросла. А тот убивец залез на дерево против их дома и смотрит в окно. Солдат говорит жене:

— Теперь я тебе принес золота, вам хватит, покуда я служу. Тебе не прожить.

Берет он этот мешочек золота и кладет под кровать. Мать положила девочку в люльку, укачала, и она уснула.

А убивец все это смотрит. Солдату надо торопиться. Вот он засобирался. Жена его проводила. Когда жена его проводила, этот убивец заскочил в дом. Жена вернулась, он ее тут же и убил. А девочка спала в кроватке.

Солдат в лагерь пройти незамеченным не смог. Его поймали и посадили на гауптвахту. А девочка проснулась и вылезла из зыбки, возле матери тут роется в крови... Народ, соседи-то удивляются: что это никто из дома не выходит? Стали заглядывать. Когда заглянули, видят — женщина лежит на полу. Забежали.

— Кто тут был? — девочку спрашивают.

— Был только папа.

— А еще кто был?

— Больше никого не было. Я не слыхала.

Люди сразу в часть доложили, а солдата как раз задержали. Ему стали суд делать. И вот суд осудил его на пятнадцать лет каторги. А этот, который убил и золото-то взял, построил себе лавку и большой дом. Сделался большим богачом, купцом. Солдата посадили, просидел уже много, и вот как-то гнали их по этапу через этот город. К тому времени дочь его уже выросла, стала девушкой. А убиец-то стал богатым, но покою не знал. Его совесть под конец стала мучить. Он просто даже спать не мог.

И под этот самый момент солдат с колонной других заключенных пришел в свой город. Его с конвоиромпустили посмотреть дом. Дочь была как раз там, и они встретились. Она, конечно, его не узнает. Тогда солдат снимает с шеи медальон, там фотография этой дочери, еще когда она маленькая была. Солдат этот медальон показал и говорит:

— Вот я, дочка, есть твой отец.

Тут же был этот убиец. Он не стерпел и при всех сказал:

— Этот человек действительно сидел ни за что. Убил того купца и ее мать я, из-за золота. — Тут быстро позвали суд, этого убийцу взяли, с солдата кандалы сняли, а того заковали. И он стал жить в своем домике счастливо.

А ее-то, дочь-то, вырастил один купец.

69. Про сына бондаря

Жил-был мужик с женой, бондарь. У них сынишка был. Они жили не бедно и не богато. Клепку он выкупал за деньги. Денег не хватает, чё продаст — на пропитанье. Сын рос, учить надо. А раз бондарь — то делал он квашонки, доелки — коров доить.

А денег не хватает. Однажды едет с клепкой. Видит, лежит сумка. Он берет эту сумку, забрасывает на воз. Приезжают домой. Разгружат, своей жене толкует:

— Я нашел сумку. Закрывай окошко, чё в ней есть, будем глядеть.

Она закрыла окошки, стали глядеть. Там все деньги! Они десять или одиннадцать тысяч насчитали, а ишо половины не сосчитали. Там ишо полным-полно.

Он стал жить половче. Ишо клепку делает, а он уже билет выкупил. Стал сына учить. Назовем сына хоть Колей. Пускай — Коля.

— Но, Колюшка, учиться надо!

Раз деньги есть, отец его в приходской школе выучил, потом в семинарию отправил. Он семинарию окончил, приезжат к отцу. Отец:

— Но как, сын, закончил семинарию?

— Закончил.

— По какой специальности пойдешь работать? По моей или по своей?

— Он посидел, посидел и говорит:

— Нет, папа, ни по твоей не пойду, ни по своей. А буду я счастье узнавать свое самым чижолым трудом! Чтобы я заробил своим трудом себе кусок хле-

ба. — А раньше считали пастуха самым злосчастливым человеком и работу его чижолой. Он говорит:

— Пойду пастухом. Работа чижола.

— Да как же? Лучше бы по своей семинарской специальности пошел. Или на худой конец по моей, бондарской.

— Ничё, папа. Мне надо понять все самы чижолы работы.

Отец садит его на телегу и поехал к пастуху. Там деревня больша, город ли. У головы города — дочь. У полковника — он был как комендант по-теперешнему — тоже дочь. Отец привез Колю к пастуху. Пастух и говорит:

— У меня есть пастушонок. Но да ладно, пусть два будет подпаса.

Вот Коля остался у пастуха в избушке жить. Чё же, надо дудочку пастушью делать. А жена пастуха говорит:

— Колька, чё ты мучишься, у нас где-то на шестке дудочка заморского короля таскалась!

— Где, бабушка?

— Вот там. — Он давай клюкой эту дудочку вытаскивать. Вытащил. Она была вся замазана, в пыле. Он ее оммыл, обтер. Когда заиграл в эту дудочку, то, значит, интересно было слушать.

Вот ладно. Сказка-то скоро сказывается, а дело медленно идет. Он уже недели две пасет. Вот утром встал, дудочку взял и пошел коров собирать. Вышел и заиграл. И все пососкакивали посмотреть, кто так хорошо играет. А эти, дочь главы города и полковникова-то, спали, не слышали, что такая трубочка. Вот потом встают, дочь главы города и рассказывать:

— Я сон видела, будто таку музыку, таку музыку слушала! Дак залюбуетсяя! — А служанка говорит:

— Это не во сне. Это у пастуха подпасок так играет.

— Дак ить он не умел.

— Это другой, привезенный, новый. У пастуха теперь два пастушонка.

Вот отец к ей подходит и говорит:

— Дочка, у тебя скоро будут именины. Мы созовем всех: полковника с женой... и будет у нас духовой оркестр. — Она толкует:

— Папа, папа, а езли пастушонка позвать? — Он:

— Ты что, доченька, да ты милая? Пастушонок! Да он же нас опозорит!

— О-ой! Папа, он в дудочку играет, дак залюбуетсяя. Он, когда играет, дак все выбегают слушать. А сонны во сне видят.

А он ее не мог прогневить, эту дочь свою.

— Но ладно. Вот завтра вечером за ём съездишь.

Она садится в карету, ямщик ее повез.

— Где пастух живет?

— Вот тут. — Заезжают.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте.

— Какой у вас пастушонок играет в дудочку? — А старуха:

— Это Колька играет. Он искал дудочку такого-то короля старинного. — Нашли Кольку.

— Но-ка взыграй! — Он взыграл в эту дудочку.

— Ой, поедem к нам на вечер. Мне папа разрешение дал.

Он бы поехал, да боится стариков-то прогневить, пастухов-то.

— Как вы, дядя с теткой, пустите меня на вечер?

— Отпустим. Нам не жалко.

— Мы к утреву его предоставим.

Вот приехали на пир. Был пир на весь мир. Там чё было!

Но тепериче усялись. У него, у главы города, изба-то не моя, изгнила вся — изба больша! Духовой оркестр. Вот, значит, одну песню взыграют, другу, третью — молодежь танцуют, старики за столом: «Тала-бала, где была?» Тепериче старики смеяться:

— А что же вы пастушонка-то зачем привезли? Чё же вы пастушонка-то?

Тогда глава города говорит:

— Но-ка, пастушоночек, теперь вы взыграйте.

Когда пастушоночек взял дудочку да как заиграл, духовой оркестр один по одному убежал! Пошли танцы, а старики, которы уж не могли плясать, те стоят на ноги и плечами шевелят, будто как танцуют — така дудочка.

...А дорóгой дочка городского головы спрашивала:

— Умеете читать?

— Умею.

— Писать умеете?

— Умею.

— Считать умеете?

— Умею.

...А раньше фуры плели, глызы вывозить. Она теперь накладывает в фуру шанег, пирогов — но чё только хотела, чё только на именинах было! Старикам на заманку. Наклала полную фуру, привезли с ящиком.

— Но вот, привезли вашего пастушонка Колю, а вам подарочек от нас, что вы его отпустили.

Теперь запонадобился голове города новый продавец. У него был магазин, а старый продавец просиделся, у него всегда недостача была и товары не раскупались. Вот дочка отцу и говорит:

— Пап, я пастушонка спрашивала: «Читать умеете?» — «Умею». — «Писать умеете?» — «Умею». — «А считать?» — «Умею». Давайте созовем его!

— Дак дурочка ты моя милая! Пастушонок! Это же последнее слово — «пастух».

— Ничё, папа. Он мне сказал, что хочет узнать все работы чижолы, которы есть.

— Но вали, вези!

Вот, значит, она поехала, пастушонка пригласила. Приехали. Сделали ревизию, это по-теперешнему. Там передача была, передали. А она влюбилась

в него. Он был чересчур красивый. Ну грамота больша, раз семинар кончил. Но теперь стал торговать.

В его магазине товары быстро расходятся и больши доходы дают. Она стала чаще к нему ходить. Вот тебе два раза на день придет, вот тебе три. Вот и ночевать к нему приходит в магазин. Там торговали до двенадцати часов ночи. Она с ём.

Теперича этот глава города заподозрил, когда застал, что они на одной постели спят. Он сразу своей жене:

— Надо етого нам приказчика уволить! А то будет позор нам. Он с нашей дочкой живет. Обеременит — будет позор нам. — Вот он садится в карету, едет к полковнику.

— Господин полковник, я слыхал, что вам нужен продавец, дак берите моего приказчика.

— А вы как?

— Да я магазин закрываю. Выгоды никакой нет, так что я магазин закрываю, а приказчика увольняю.

— Присылайте его ко мне.

Но ладно. Глава города идет домой, приказчика отправлят туды.

Коля приезжат, устроился. А из этого магазина тоже никто ничё не брал. Вот он и начал: кто зайдет, он все предлагат, все показыват. Стало и тут все расходиться. А полковник был хитрый. Он стал быстро примечать, что его дочка все подходит к этому Колюшке. Как ни поглядит — она все с ём. Как ни поглядит — с ём да с ём! Однажды пришел — они оба лежат на коечке, оба вместе.

Полковник человек военный. Сразу дает ему повестку:

— Тебя в армию! — А война была с турками. Измаил брали, помнишь Суворов-то. Я тоже там был в то время. Но теперича Колю на фронт. Солдат. Но быстро выслужился перед войском, его ставят главнокомандующим.

Вот он оттуль пишет письмо полковниковой дочке: «Милая Ленушка, высылай мне денег». — Она выслала ему три рубля. Он пишет этой: «Милая Танюшка, вышлите мне денег на папиросы, на табак. Я в армии нахожусь, курить нечего». Она думат: «У моего папки денег — счету нет. Раз мой Коля там без всего живет, я ему отправлю». Несколько сот взяла и отправила.

Но, война закончилась, турок перебили, город Измаил взяли. Приезжают в этот город. Все: «Ой, главнокомандующий, главнокомандующий!» А его никто не узнает. Теперь Коля построил роту, одного выделяют самого толстого солдата, жирного:

— Как меня зовут?

— Ваше высокоблагородие!

— Говори: «Колька»! Как меня зовут?

— Ваше высокоблагородие!

— Я тебя убью, захлестну! Говори: «Колька»!

— Да как я буду так говорить? Ты главнокомандующий, а я буду тебя называть «Колька».

— Я тебе сказал, зови Колька. Как меня зовут?

— Колька.

— Но вот. Пойдем со мной.

Надеёт все старое, пошли. Идут — город да город, не наша деревня: балконы везде. Он представился шибко пьяным. Даже носик распустил это все. Ему надо узнать, которая его шибче любит. Вот идут. Подходят, полковникова дочь сидит на балконе.

— Девушка, дай на табачок или на похмелье. Опохмелиться. — Она выбрасывает ему пятак.

Он поглядел, думат: «Э-э, Лена-Лена! Твоя постеля твердая». Пошли дальше к Тане. Та сидит на балконе, узнала. «Ой, — думат, — Кольку ведут! Куды же это я деньги-то посылала? Нешшётно количество».

А солдат его тычет, как он велел, в спину. Он взагорб его:

— Нажрался! — А он совсем трезвый. А та:

— О-ё-ё, Колюшка! Да ты пошто такой-то, да неужели денежки-то не получил, что я тебе перевела? В грязной такой идешь одеже. — Подходит:

— Танюша, как бы опохмелиться?

— Заходи. — Сразу по черным дверям завела. Он совсем представился, будто пьянхонек. Она его уложила, сидит рядом. Солдата он отпустил, тот ушел в роту. Она говорит: — Проспись, утром уйдешь.

Но теперь он утром встает.

— Но, Таня, я тебя высватаю. Только не обессудь, какой я тебе подвенец дам. Я же солдат. Подвенец тебе принесу только сарапинку да рогожки.

— Ты хоть ничё не привози. Ты мой, я твоя.

Он уходит. С солдатом отправляют такие товары, каких нет во всем ихом королевстве. Когда она развернула — на него страшно глядеть, таких товаров и в магазинах нет! На платье! Хороши ботинки.

Теперь высватали ее. А там идет слава: «Главкомандующий женится». Приходят к отцу, ко главе города. Тут офицер, и она боялась взглянуть: кого же, отец не отдаст, мол. А он военну форму надел — только щелкни да поцелуй! Она думат: «Вот одеть бы моего Колю, да он бы не хуже этого офицера был». А он берет ее под ручки и идет. Она боится взглянуть ему в лицо. Тогда венчались с попом. Пришли в церковь. Поп:

— Как вас зовут? — Он отвечает:

— Николай. — А она:

— Татьяна.

— Любя ли вы сходитесь? — Он отвечает:

— Любя.

— Как вы?

Она на лицо взглянула: «Дак это же мой Коля!» — У нее слезы.

Повенчались. Позвали гостей. Свадьба идет. И полковник только тут осознал, кто был солдат, а стал главкомандующий.

И на пиру было солдат-то — о-ё-ё: Фома, Ерёма, Колупай с братом, Шиша с Епишей — все вино пили, по усам текло, а в рот не попало.

70. Как солдат царя Петра выручил

Служил солдат, служил и затосковал по дому. Никакого терпения нету, охота отца с матерью повидать. И стал у начальства проситься в отпуск. У своего командира попросился, дескать, в отпуск хочу. Тот пошел к своему начальнику. А тот дальше. Так дошло до царя, до Петра, мол, вот како дело: простой солдат в отпуск просится!

Царь выслушал, удивился и — видно, под хорошее настроение попало — велел отпустить солдата в отпуск на десять дён. Сам сел на коня и поехал на охоту. Там как-то отбился от свиты и заблудился. А солдат тем временем домой пошагиват. Идет этим же лесом, где царь охотился. Шел, шел и видит — человек сидит на пенёчке. Солдат его спрашивает:

— Ты чё сидишь, мил человек? — А он Петра-то в лицо не знал.

— Да вот с коня упал, конь убежал, а я заблудился. Где-то переночевать надо.

— Тогда пойдем поищем, како зимовье попадет, может.

Вместе они пошли и наткнулись на огонь. Окошечко светит. Подошли — это хороший дом. Стучат. Им открыла старуха, встретила их хорошо. Усадила, угощать взялась. Потом предложила ложиться спать в избе. Но солдат был умный, опытный. Он и говорит:

— Мы, бабушка, на крыше переночуем, на чердаке.

Царь вроде как засомневался, недовольство показал, но солдат настоял на своем. Вот легли. Подошла полночь. Вдруг подъезжают мужики, много их чё-то! А это разбойники. Старуха им ворота отворила, они заехали, коней расседлали. Заходят в дом, и старуха им говорит:

— У нас гости. Наелись, сейчас на крыше спят. Двое.

Атаман одного подзывает своего и велит ему лезти на крышу. Тот с ножом полез. А солдат не спит, у дыры-то посиживат, саблю в руках держит. Услышал, что атаман отправляет своего подчиненного, чтобы зарезал их. Вот притаился, сидит. Тот полез, голову-то просунул в лаз, солдат ему — раз! — голову саблей отсек. Опять сидит. Так атаман всех перепосылал, а никого назад-то нету. Он заматерился, сам полез. Солдат и ему голову отсек. В это время светать стало. Царь заворочался, пробудился и говорит:

— Долго же и крепко я спал! — А солдат ему отвечает:

— Э, ты спал, а я всю ночь провоевал. Гляди-ка. — Показал ему на разбойников. — Видишь, сколько разбойников перерубил!

Царь подивился. Но чё же, пошли они в избу. А там старуха взялась в них из обрезка стрелять. Разбойники-то, видно, ей сыновья были. Солдат изловчился и ей тоже голову отрубил.

Тут сундуки стоят, в них денег полно. Солдат набирает этих денег, царю дает. Он же не знает, кто с ём. Потом взяли коней, заседлали и поехали. До дороги доехали, солдат говорит:

— Мне дальше, а тебе этой дорогой назад, в город.

А Петр уже знает, что это тот самый солдат, который в отпуск отпросился. Говорит ему:

— Знашь чё, когда из отпуска вернешься, попросись-ка к царю. Я там близко служу. Встретимся, поговорим.

— Но ладно.

Вот разъехались. Солдат отпуск отгулял, назад вернулся. Просится к царю, его ведут. Петр уже предупредил всех, что как такой-то солдат явится, его честь по чести к царю представить.

Привели к царю. Солдат смотрит — это же его напарник! Дак он же царь! Но не испугался, ничё. Царь с ём поговорил, расспросил, как дома живут, и говорит:

— Но, солдат, назначаю тебя генералом!

И стал солдат генералом.

71. Почему стариков уважать стали

Жил царь. Решил он изжить стариков в своем государстве: страшны, слабы, толку от них нету никакого. Велел собрать всех старых и перевешать. Собрали и перевешали.

Потом стал этот царь замечать, что в его государстве умных не стало. Решил учесть, которы пока есть. Велел приказ объявить, чтобы пришли все подданные к его двору не босы, не обуты.

Вот повалили подданные: кто в порванном носке, кто в порванном чулке!.. Царь недоволен. Повторят свой приказ.

А здесь же жил один парень. У него отец тоже был уже старичок. Парню стало жалко отца, он его не стал царю выдавать, а спрятал на заднем дворе, кормил, поил. Вот задумался парень над царской-то задачей. Пришел к отцу, поесть принес. Отец спрашивает:

— Что, сын, грустный такой?

— Да вот так и так... Велел царь прийти к его двору не босым и не обутым. — Старик подумал и говорит:

— Ты, сынок, возьми старые сапоги, оторви подошвы вместе со стельками и иди к царю так.

Послушался сын, сделал, как отец велел. Идет к царю в сапогах без подошв. Царь увидел: идет парень в сапогах. Остановил:

— Ты что, смеешься? Приказа не слышал?

— Нет, ваше величество. Как велели, так и пришел. — Поднял ногу — царь увидел, что следя-то у него голые:

— Молодец! Верно решил мою задачу.

Теперь объявляет царь другую задачу: чтобы подданные пришли к нему с самым красивым цветком на голове. Такой цветок нужен, краше которого бы не было на свете.

Вот этот парень снова призадумался: какой же цветок найти? Приходит домой, снова к отцу. Объясняет ему задачу, какую царь задал. И старик говорит:

— Самый милый цветок — это колос пшеницы. Без пшеницы мы жить не можем. — И давай про пшеницу ему рассказывать.

Этот парень взял два колоса, воткнул в шапку и пошел к царю. А там кто с гвоздикой, кто с розой — в общем, свои любимые цветы принесли. Царь увидел парня, подозвал.

— Молодец! Ты снова мою загадку отгадал. Кто тебя научил? Откуда ты взял такую премудрость? — Он говорит:

— Если я скажу, вы меня велите казнить.

— Нет. Я тебя помиую. Потому что ты верно решил мои задачи.

Парень и говорит:

— Я послушался ваш приказ и своего старого отца спрятал на заднем дворе.

И он мне все отгадки подсказал.

Тогда этот царь повелел:

— Издайте приказ: беречь и уважать стариков, ибо мы от них берем мудрость.

72. Совет старика

В одном государстве несколько лет подряд не было урожая. Царь думал, думал и решил население убавить, перебить, кого не жалко. И дал приказ всех стариков в стране уничтожить, чтобы зря хлеб не ели: увозить их в лес и там бросать. Это чтобы хоть молодых-то поддержать.

Теперь, жил в этом государстве мужик, у него отец старик был. Сын отца посадил на санки и повез в лес. Привез, оставил старика на санках, а сам повернулся и пошел домой. Старик ему:

— Иван!

— Но чё?

— Чё же ты санки-то оставляешь?

— А зачем они мне?

— Как же зачем. А ты состаришься, тебя на чём в лес повезут?

Мужика-то как дернуло: «Паря, придет время, и меня так же увезут!» Забират этого деда, дождат ночи и назад его везет. Привез домой и в погреб посадил: нельзя же на виду его держать.

А есть совсем нечего. Мужик своему отцу приносит в погреб кипяток, тот его спрашивает:

— Чё же ты, сын, совсем не кормишь меня?

— Да хлеба, — говорит, — нету.

— А ты, паря, сбросай-ка с крыши стару солому и перемолоти. Вот тебе и зерно. Потом соломы к зерну добавь — вот тебе и мука.

— Да кака же мука со старой соломы?

Но все-таки пошел. Верно — намолотил зерна, с соломой перемолол — ржаная мука получилась. Стал жить справно.

Вот позвал к себе мужика царь и спрашивает:

— Где ты хлеб берешь?

Тот и рассказал все: как отца спрятал, как старик ему посоветовал солому перемолотить. Царь подумал, подумал и отменил приказ стариков в лес отво-

зить. Велел по всем деревням старую солому молотить, и так перебились до урожая.

73. Про портного

В одной деревне жил-был портной Ганс. Работы у него много было. И вот — в летний период — женщины принесли ему постряпушки. Ему скорее работу надо закончить. Он поел, потом попустился кушать и опять стал дошивать. Но и шьет. Потом обратил внимание — у него эти стряпушки облепили мухи. Он, значит, развертываются — хлесь! Убил сразу семь штук. Семь штук убил, потом сшил кушак и вышел на нем нитками: «Когда злой бываю, семерых убиваю!» И пошел странствовать по свету.

Вот идет, значить, попал в пустыню. В пустыне оказались богатыри, три богатыря. Такие детины идут! А он против их кто там? Как вилпуг! Вот они идут. Взглянули на кушак: вон что написано! «Когда злой бываю, семерых убиваю!»

Они усомнились: такой маленький, а сильный. Спрашивают его:

- Куда идешь, странник?
- Иду странствовать по белому свету.
- Пойдем с нами.
- Пойдем.

Приводят его в пещеру. Привели в пещеру, решили ему варить. Сварили целого быка на обед. А ему много ли надо! Он поел, поглядели — дак он ково-то мало ест! А оне полбыка сожрали втроем.

Тепериче ладно. Решили, что убить его! Раз, мол, он такой сильный, надо убивать — только. Вот в пещере постлали ему на кровать, сами легли. А он лег и не спит — тоже побаивается. Лег, значит, они шепчутся промеж собой: «Надо дубиной бить его».

Он потихоньку слез с кровати, одеяло скомил комочком, сам в уголок пещеры залез и посиживает. Один богатырь встает, берет дубину — хлесь! — по кровати, по одеялу. И говорит:

— Все! И не охнул, — говорит, — теперь он не оживет.

Но, теперь собираются и пошли. Он выходит следом за имья. Оглянулись:

— О-о! Дак его и не убьешь! — драпанули, кому куды любо разбежались.

А он дальше пошел странствовать по свету.

Но, идет, попадают ему змей трехглавый.

- Куда идешь?
- Странствовать.
- Давай, кто сильнее свистнет! — грит змей. Он грит:
- Давай.

Змей свистнул — с лесу лист посыпался! А этот портной:

— Но, завязывай глаза! Я счас свистну!

Тот глаза завязал, он как свистнул... дубинкой его!

— О-о, — говорит, — ты сильнее меня свистнул! Пойдем ко мне в гости!

Тот говорит:

— Пойдем.

И повел змей его в гости. Ведет. Навстречу цыганята идут.

— Это кто таки?

— Это цыганята с бичами, они сейчас тебя пороть будут!

— А за что?

— А ты плохо свистишь! Я-то свистнул — видишь — у тебя искры посыпались из глаз, а ты свистишь — только листья посыпались. Дак давай по-хорошему уходи, а то они испорют тебя.

Змей поворотил и убежал. А портной дальше пошел странствовать.

74. Цыган и черт

Ехал цыган. Заезжат в одну деревню, стучит в дом — никто не отвечает. Он в другой дом стучит — никто не отвечает. Чё тако? Всю деревню обошел, никого в избах нету.

На краю деревни маленька избушка стояла, цыган в нее зашел. Видит: на печке старик со старухой сидят, от страха дрожат, скукурючились. Цыган спрашивает:

— Вы чё на печке сидите? Где народ? — Они ему отвечают:

— Наповадилися к нам черт и всех людей сожрал. Теперь наша очередь. Велел поправляться, а то больно сухи да стары. Скоро ись прилетит. Тебя тоже съест.

И точно. В этот момент в аккурат черт залетат. Увидел цыгана и говорит:

— Я тебя съем!

— погоди, — отвечат цыган. — Давай-ка лучше поспоримся: кто кого победит, тот того и съест.

— Ладно, — согласился черт.

Вот начали спорить. Черт забирает камень в лапу и давай давить изо всей силы. Давил, давил — камень в песок измял.

Цыган виду не подает, держится так это. Тут у бабки на печке миска с творогом стояла. Он забирает в кулак этот творог и давай тоже жать. Жиманул — вода скрозь пальцы побежала, сыворотка.

— Вот как, паря, надо давить, — говорит. — А то у тебя кого? — песок. Надо, чтобы сок выгнать.

Черт молчит, давай уже оглядываться. Потом говорит:

— Знаешь чё, давай ты будешь мой старший брат, а я — младший.

— Давай.

Вышли из избы и пошли вместе по дороге. Идут, идут, видят: пасутся быки. Черт подскочил к одному, за хвост схватил и шкуру с него сдернул, с быка-то. Шкуру сдернул, кишки выкинул, мясо разделал. Говорит цыгану:

— Ташиш, брат, полную шкуру воды из колодца!

Цыган шкуру забрал, пошел к колодезю, взял лопату и давай сруб окапывать. А черт ждал, ждал его, не дождался. Побежал к цыгану. Тот колодезь окапывает.

— Ты чё делаешь?

— Колодезь выкапываю. Маленько подкопаю, сгребу и весь тебе принесу!

— Да ты чё, паря, нам куды столь воды-то?

Взял шкуру, опустил в колодезь, полную воды набрал и унес к костру. Костер уже прогорел.

— Вали, — говорит цыгану, — по дрова.

Тот пошел, веревку взял с собой. Пришел в лес и давай лесины обвязывать. Черт ждал, ждал, не стерпел, опять бежит, ревет:

— Тебя за смертью отправлять! Кого ты там делаешь?

— Лес обвязываю, сейчас тебе весь его и припру!

— Не надо! Ты чё? — Сам одну сухостоину выворотил и утащил. Цыган следом пришел. Поели, чаю попили. Черт быка почти что один умял. Посидели.

Цыган говорит:

— Пошли ко мне в гости?

— Пошли.

Идут. К костру подходят, а навстречу ребятишки бегут, кричат:

Папка идэ,

Черта ведэ —

Мы его съедэ!

Черт испугался и удрал. Дескать, с цыганом свяжешься — проку не будет!

75. Хозяин и работник

Жил богач. Подрядил работника одного. А этот работник был тоже парень неглупый. Работает много, а ест того больше. Вот всю работу в поле переробил. Чё с ём делать? Как-то избавиться надо. Но и вот, видит хозяин, что дело-то у него к расчету идет, он и говорит:

— Ты поезжай в лес. Запряги коня и поезжай за дровами! — Он знал, что оттуда живым не вернуться — там медведь злой жил. Медведь все равно коня задавит и его задавит.

Работник запряг коня, поехал. И точно. Вылетел медведь и коня задавил. Коня-то задавил, наелся. А работник, видно, тоже понимал кое-чё. Имат этого медведя и запрягат его вместо коня. Дрова на нем привез. Заходит в избу.

— Куды, хозяин, коня девать?

— Дак куды, туды, к коням-то, отпусти его.

Он взял и отпустил медведя к коням. Пришел поужинал да и лег спать. Утром хозяин встал, пошел: кони-то все задавлены, а во дворе медведь ходит.

— Ты это кого привел?

— Кого я привел? Коня привел!

— Как коня? Ты же медведя привел!

— Да ничё подобного, он сам заскочил, наверно.

Хозяин видит, что тут бесполезно, тот все понимает. Думат: «Надо бы от него избавиться, он, видно, не мало понимает». Говорит работнику:

— Поезжай на мельницу. — А туда кто уедет, никто живой назад не возвращаются. Там черти завелись.

Но чё, работник поехал на мельницу, кобылу спутал, зерно засыпал — мельница мелет. Сам веревку в руки взял, крутит ее. Чертенок выскочил:

— Ты кого, дяденька, делаешь?

— Веревку сучу, хочу все море высушить, вас, чертей, унисьтожить. Зачем вы тут людей гробите?

— Ой, дяденька, погоди. Я счас к папке сбегаю, мы тебе любую откупь дадим. — Побежал. Приходит назад.

— Но чё?

— Папка сказал, что откупь тебе дадим большу. Но сперва попробуем, кто из нас больше утащит. Если я больше утащу — ты мне будешь платить, если ты больше утащишь — я плачу.

— Но давай! — Вот работник кобылицу привел.

— Но давай, тащи!

Чертенок подлез. Но кого же он её! Кряхтел, кряхтел — никак поднять не может. А тот сел — кобыла пошла. Испугался чертенок, парной весь убежал. Приходит к отцу-черту.

— Но чё?

— Дак ты, папка, знаешь, я не мог поднять, а он прямо взял и пешком пошел с ней. Вот, паря, мужик какой! Он нас унисьтожит! Надо деньги платить.

А работник тем временем яму выкопал, сверху прутьями заложил, шапку бросил, а в ней дырочку проделал. Вот черт вылезает.

— Сколько тебе золота надо?

— А вот эту шапку доверьху.

— Но, паря!.. — обрадовался, убежал.

Притаскиват, высыпал — в шапке на донышке маленько денег лежит! Вот таскал, таскал золото — все перетаскал.

— Больше, — говорит, — нету!

— Но ладно. Нету дак нету. — Золото все забрал, приехал назад.

— Но чё? Смолот?

— Смолот. Все в порядке.

Хозяин думат: «Вот, туды-т твою мать... Никто не ворачивался, а этот вернулся! Ой, много понимает!» К старухе идет.

— Чё, старуха, будем делать? Вдруг он и за чертей рассчитывать начнет.

— Дак чё, убегать надо!

На дорогу насушили они сухарей да чё да. А работник подслушал. Они вроде спать легли. Он мешок цоп — сухари вывалил, а сам в мешок залез и сидит там. Оне встали:

— Но давай, старуха, пойдем! — Цап мешок этот на горбушку, этого работника, и поперли. Вот бегут, бегут, старухе говорит старик:

— Я шибко пристал! Много наклали хлеба с тобой. Давай здесь отдохнем,

лягем поспим. — Легли спать. А работник из мешка вылез, их обоих унисьтожил. Сам хозяйско добро забрал и стал жить-поживать и добра наживать.

76. Два брата, богатый и бедный

Жили-были два брата. Один был бедный, другой богатый был, жадный и завистливый. Они рядом пахали. Вот, значит, они пашут, а у бедного лошаденка была пло-охонька. Он все посвистывал.

— Перестань, брат, свистать! — А он все равно посвистывает. Тот брат осердился, подошел, коня ударил и убил. Что делать? Бедный с лошади шкуру снял, пошел продавать в город.

Идет, идет, по дороге стоит дом. В нем жил богатый старик с молодой женой. А жена у него все болела, лежала дома, ему не готовила, ничё. Вот бедный теперь подошел к этому дому и попросился ночевать.

— Ой, да где я тебя положу, нету места!

А против их дома стоял зарод сена. Он забрался на зарод и сидит там. Видит, идет дьякон к этой бабе. Вот дьякон зашел, она из печки вытащила гуся жареного, все наготовила ему, и сидят, угощаются. Сидят угощаются, потом баба выглянула в окошко:

— Ой, старик мой идет, прячсь в сундук! — Дьякон скорей в сундук залез, она набросала тряпья, вроде так и было. Гуся в загнетку закрыла, водку убрала в угол. А бедный видел все с зарода-то. Вот старик к дому подходит, бедный мужик соскочил с зарода — и к нему:

— Дядя, пусти меня переночевать!

— Но пойдем, места хватит.

Заходят, баба как ни в чем не бывало сидит. Чай наладила. Чё-то мало-мало на стол поставила. Старик побряхтел, побряхтел:

— Чё же ты уж не могла сварить-сжарить чё-нибудь?

— Да я же болею! — баба ему отвечает, вроде даже обиделась, ушла и легла. А бедный мужик старику толкует:

— Дядя, загляни-ка в загнетку — там гусь жареный должен быть.

Старик заслонку открыл — верно. Поставил на стол сковородку.

— А в углу пошарь, там водочки бутылка. — Точно.

Вот сидят, водочку попивают, гусем закусывают. А эта сатана, баба, с кровати поглядыват на них. Вот поели, мужик и говорит:

— Дядя, а у тебя в доме вроде как нечисто.

— Чё тако?

— А погляди-ка вон в этом сундуке. Там черт сидит.

— А чё глядеть, давай его ошпарим кипятком.

Как про кипяток-то помянули, дьякон там и завозился, в сундуке.

— Слышишь?

— Слышу.

— Но, паря, его просто так не выжить, — мужик говорит, — его надо

в чисто поле вывезти. Там я крышку подниму, а ты верхом езжай рядом и бей бичом черта, как он выскочит оттуда.

Ладно. Поставили сундук на телегу и повезли. Вот доезжают до лесочка, бедняк открыл сундук — оттуда дьякон как выскочит. Старик его бичом до самого леса проводил.

Поехали назад. Старик говорит:

— Но, добрый человек, спасибо тебе. — А он уже все понял.

Вот приехали, старик дает мужику мешок золота. Тот взял и пошел домой, свою лошадиную шкуру бросил. Приходит домой и говорит жене:

— Иди к брату, возьми меру. — Жена пошла, просит меру.

— А зачем вам?

— Да золото мерить.

— Но иди, меру я сам принесу.

Вот богатый приходит с мерой к бедному брату.

— Ты где столь золота взял?

— А шкуру продал, мне столько золота дали.

Богатый смекнул: видно, шкуры в цене. И сразу же домой прибежал. Прибежал, пару коней заколол, шкуры с них снял и повез в город. Торговал, торговал, у него никто эти шкуры не берет. Он обозлился и поехал назад, думат: «Убью брата, что обманул меня!» А тем временем у бедного мать старенька умерла. Сам из дома отлучился, а жена у стола сидит. Богатый брат заскочил, злой:

— Где брат?

Жена бедняка рукой замахала, чтоб не кричал, и показала на печку (там мать-покойница лежала). Богатый со стягом заскочил, сразу к печке — подумал, что это брат спит, — хлесь! И убежал.

Бедный вернулся, покойницу повез к попу отпевать. Заехал, видит: подвал открытый. Он покойницу затащил в погреб, посадил у бочки с медом и ложку в руки вставил. Вот поп полез в погреб.

— Воры! — Стяг схватил — хлесь! Покойницу. А тут бедный подскочил.

— Оё-ё, чё же ты наделал! Мою мать убил.

Поп скорей нагреб ему золота. Бедняк старуху похоронил как следует. На поминки богатый брат пришел. Спрашивает бедного (а сам понял, что старуху убил-то):

— Где ты столько денег взял?

— А я покойницу в городе на мыло сдал, мне мешок золота заплатили.

Богатый скорей домой. Жена ему навстречу, он подлетат к теще и хлоп! — убил ее. Коня запряг и повез в город. Привез, давай на мыло сдавать. На него напустились, чуть в тюрьму не посадили — еле откупился большими деньгами и конем с телегой. Бежит домой в деревню, думат:

«Я его утоплю, брата-то!» Прибежал, сгреб в мешок брата и потащил топить на реку. Оставил около мосту, а сам пошел в деревню Богу помолиться, душу свою успокоить.

А тут ехал богач. Видит — мешок стоит, а из него голос.

— Не хочу в рай, не хочу в рай!

Богач остановил коней и спрашивает:

— Ты пошто в рай не хочешь? Там же хорошо.

— Сам иди туда.

— А как?

— А в мешок вместо меня полезай, тебя ангелы унесут.

Богачу охота в рай, он бедного выпустил и сам залез.

— Завязывай! — Бедняк мешок завязал, сел на телегу, поехал домой. А богатый брат помолился, вернулся к мосту и сбросил мешок в реку. Вернулся домой, видит: бедный пару лошадей распрягат, во двор ставит:

— Ты где взял?

— А в реке.

— Как в реке?

— А просто. Ты меня сбросил в мешке, меня там люди поймали, мешок развязали, дали коней и домой отправили.

— А чё мало взял?

— А куда мне.

Богатый брат совсем ополоумел, кинулся за мешком, брата просит в речку столкнуть. Бедный завязал его и с моста сбросил:

— Но, плыви по доброй воле!

Избавился от богатого брата и зажил хорошо и спокойно.

77. Поп и крестьянин

Поп ходил по деревне, молебствовал. Зашел к одному крестьянину. Тот жил бедненько. Но все-таки поставил во дворе стол, накрыл скатертью, поставил чем мог угостить.

Вот поп заходит с иконой молебствовать. Сделал, что надо. Ему плата полагается, а у крестьянина платить-то нечем. Семья большая — пять душ ребятшек только, и на эту семью одна коровенка.

Поп закончил свое дело, ждет награды. Мужик ему:

— Нечем, батюшка, тебе платить. У меня всего-то добра — одна коровенка на семерых. — Поп и говорит:

— Вот ее я и заберу. А Бог тебе за это две коровушки даст. — И увел последнюю животину у крестьянина.

Вот зима прошла, красна весна открывается. Поп выгоняет своих коров на выгон. У него теперь их три головы стало: две свои да одна мужикова.

Вот вечер. Коровенка крестьянина стосковалась по своему двору и увела за собой поповых коров. А поп ждет свою скотину — нет и нет. Посылает работницу за коровами. Та искала, искала — нету нигде. Посылает поп матушку — не нашла. Самому надо идти искать. Пошел. А мужик слышит: корова мычит за воротами. Выскочил и кричит жене:

— Горпа, ты глянь-ко, батюшка говорил, что Бог нам двух коров даст, а он трех послал! — Быстро загнал коров во двор.

— Иди скорей дои да детишек пои!

А в то время поп искал коров, искал и решил зайти к мужику. Видит — тот коров загнал, хозяйка доить пошла.

— Это же мои коровы к вам зашли! — поп кричит.

— Нет, батюшка, это нам Бог послал. Ты же сам говорил.

Вот заспорили, ни тот, ни другой не уступает. Решили пойти к архиерею судиться, кто прав. Пришли. Ночь уже. Давай стучать в двери. А у архиерея игуменья «гостила». Дело к самому интересному, а тут стучат. Архиерей выскочил в сени.

— Кто там?

— Да вот так и так, рассудите нас. — Поп рассказал все.

— Но ладно. Приходите завтра.

А сам двери-то приоткрыл, они зашли в сени.

— Приходите завтра, кто ране придет, того и коровы будут.

Пошел архиерей попа провожать, а про мужика забыл. Тот зашел тихонько в избу — там темно было, дверь открыта — и за печку встал. Архиерей забегат, торопится.

— Но, мать-игуменьша, садись за стол, мы с тобой будем гулять!

Давай гулять. На столе у них вина, еда всякая — курице негде клюнуть! Вот они пируют, архиерей и игуменья. А мужичок за печкой стоит, слушает. Потом эти пошли отдыхать, а он выходит, садится за стол, напился, наелся и назад на свое место ушел.

Вот и утро тебе. Чуть свет прибегат к архиерею поп, утром раненько. Постучал в двери, архиерей спрашивают:

— Кто там?

— Духовный отец пришел!

Запустил, сам убежал за угол. Вот вернулся, видит — оба спорщика посигивают. Поп говорит:

— Я все-таки поране пришел.

— Нет, я. — Опять заспорили.

Это чё же, надо выяснять, вникать. Архиерей и говорит:

— Но ладно, батюшку-то я встретил сам, а ты-то, мужичок, когда явился?

— А я пришел, когда ишо гулянка не кончилась...

— О, стой-стой! Ты ране пришел — твои коровы.

И остались коровы у крестьянина, все три.

78. Поп и цыган

В одном селе жил поп. Держал большо хозяйство. Подходит сенокос, надо сено косить, а некому.

Приезжат семья цыганов. И надыбали, что попу надо сено косить. Приходит цыган к попу.

— Вы, говорят, батюшка, подряжаете сено косить?

— Да-да, вот это мне надо, надо.

Но вот они договорились, что цыган будет косить сено на поповских харчах. А у цыгана семеро детей, хозяйка да сам.

Поп отвел имьям лужану, делянку отвел, где сено косить, и пожелал успешно работать. Цыган сделал хороший шалаш и поживает. Продукты хороши. А траву не шевелит, не косит. Съел продукты. Вышли продукты, едет к попу.

— Но, батюшка, за продуктами приехал.

— Но как покосил?

— О-о, маленько уже осталось. Скоро докошу.

Поп опять ему налаживает много продуктов разных, думат: «Значит, сено будет!» Цыган приезжат опять. Детей накормил, сам кушат, жена сыта — трава стоит. Приезжат опять. Поп думат: «Да что такое? Поляна небольшая, а все-то косит!» Говорит:

— Нет, цыган, я тебе продуктов больше не буду давать, потому что ты плохо работаешь!

— Как плохо работаю? Все выкосил. Не дашь продуктов?

— Нет.

— А раз не дашь продуктов, дак встань, трава, как стояла!

Поп поехал, а трава как стояла, так и стоит. Он же ее и не шевелил, цыган-то. А поп думат: «Эх, зря пожалел цыгану продуктов!»

79. Поп, мужик и Николай Угодник

Вот жил один мужик в селе. А время-то как раз Великий пост был. Скоромное ись ни в коем случае нельзя, запрещено было. Ну, а этот мужичок взял и кислого молока поел. Когда ел, по бороде-то текло это молоко, он не заметил и не утер бороду-то.

А в это время как раз заходит поп. Смотрит — у мужика борода-то в молоке. Он и говорит:

— Иван!

— Чё, батюшка?

— Ты почему скоромное-то ешь, ведь сейчас Великий пост?

— А кто тебе, батюшка, сказал, что я скоромное ем? Я не ем.

А в переднем углу висела икона Николая Угодника, большая. Поп на нее показыват и говорит:

— Мне вон Николай Угодник сказал.

— Но, батюшка, ты меня прости. Больше не буду, ей-богу, не буду. Сроду не буду!

— Но смотри! А то я тебя накажу за этот случай.

— Нет-нет, батюшка, не буду.

Поп ушел. Иван подходит, снимает этого Николая Угодника:

— Ах, сукин сын, ты еще попу говоришь про меня, доносишь! Погоди! — Берет шило, выколол ему глаза и забросил под кровать. — Вот, сиди там!

Через некоторое время поп возвращается. Приходит к Ивану, смотрит — Николая Угодника нет на стене. Спрашивает:

— Иван!

— Чё, батюшка?

— Где твой Николай Угодник?

— Э-э, батюшка, у него глаза болят — в темно место залез. Нельзя ему сидеть в светлом месте.

— Да как же?

— Да так вот. Заболели глаза — и просится в темное место. Вот в темное место, под кровать, залез и лежит.

Поп повернулся и ушел. Чё ему сказать-то? Нечего.

80. Умный и глупый

В одном селе жили два брата, старший и младший. Старший умный был, а младший не так, не в полном уме считался.

Вот старший брат отделить задумал младшего, чтоб он ему не мешал. Не захотел расходов на него. Отдал ему мать-старушку да худеньку лошадку. И больше ничего. А сам остался с богатым капиталом. Но что ж. Скоко бы мать ни жила — старенька — померла. Чё делать Ивану, младшему брату? Запряг лошадку, завернул мать в матерьял, положил на сани и поехал.

Дорогой прямо едет. Вдруг навстречу везут барина. На тройке лошадей. Иван не сворачивает с дороги, нет. Оне его поддели и ковырнули — и перевернули совсем с лошадкой. И мать мертва тут. Он закричал лихоматом:

— Ой, мать убили! О-ё-ёй! — Барин остановился. Поглядели — верно, мертвая. Барин и говорит:

— Слушай, никому не говори, нигде не заявляй, а предъявляй мне счет. Чё будет стоить, я заплачу.

Иван говорит:

— А вот давай-ка мне по старым деньгам пятьсот рублей, дак никому не скажу.

Но барин чё? Выложил денежки и поехал. А сын приехал, ночью покойницу похоронил, чтоб никто не знал. Вернулся, залез на печку и посиживает, деньги считат. Заходит богатый брат.

— Ты куда ездил?

— Да куда, мать возил продавал.

— Куда продавал?

— Да в город. Привез, а у меня ее с руками оторвали!

— Но и на много отошла?

— А вот смотри — куча денег!

Тот посмотрел: «У-ю-ю! За стару, а сколько денег привез! А у меня жена-то здоровая, солидная! Да ежели я ее забью, да в город увезу, да у меня тут не столь денег будет!»

Приходит домой, легонько идет. Жену — хлоп в лоб! И повез на базар, на рынок. А там его прихватили, взяли и посадили.

81. Как мужик богача проучил

Шел мужик, и пристигла его ночь. Попросился ночевать в богатый дом — его пустили. Прохожий зашел в дом и говорит:

— Дайте воды попить.

Хозяин поднес ковшик, а сам спрашивает:

— Что это?

— Дак вода. — А тот ему:

— Нет, это благодать.

— Ну благодать дак благодать.

Вот сидит кошка. Хозяин на нее показывает и спрашивает:

— А это что?

— Кошка.

— Нет, это чистота.

Печка топилась. Хозяин опять спрашивает:

— Что это?

— Это огонь.

— Неправильно. Это красота.

И посмеялся над мужиком. Вот переночевали. Чаю попили, потом хозяин пошел колоть чушку. Закололи, соломы натаскали и стали палить. Прохожий поймал кошку, привязал берестечко к хвосту, незаметно поджег и отпустил. Она кинулась на крышу. А сам хозяину говорит:

Чистота красоту

Понесла на высоту.

Не поспеет благодать —

Тебе и дома не видать!

Богатый ничё сообразить не может. Потом видит — дым валит. Давай воду таскать, тушить. Когда затушили, пришлось хозяину сознаться, что прохожий не глупей его оказался.

82. Солдат Ерёма-хитрый

Это дело было давно, ишо при Петре Великом. Царь он был добрый, большой души человек. И людей любил, которые посметливее.

Служил у царя в гвардии солдат, его прозвали за ловкость Ерёма-хитрый. Тогда служили солдаты двадцать пять лет. А офицерá больше все были из немцев. Этот Ерёма как-то познакомился с сыном офицера и давай от него

учиться немецкому языку. И каких-то через два-три года уже сносно говорил по-немецки.

У солдат служба была тяжелая — их и били, и оскорбляли... Короче, плохо держали солдат, кормили плохо.

Ерёма первое время терпел, потом решил как-то отомстить некоторым офицерам и бригадному генералу. Стал ждать удобного случая. И вот однажды такой случай представился.

Как-то раз Ерёма-хитрый выполнил задание и возвращался в часть. Шел по полю. Видит — идут два офицера, немцы. Ерёма думат: «Счас я вам на-строение испорчу!» Быстро воткнул ружье штыком в землю перед собой и сел оправляться, за этот штык сел.

А офицеры по-своему разговаривают, который помоложе:

— Вот у нашего бригадного генерала дочка-то! Ох! Вот дочка! Я бы десять тысяч, однако, за нее дал!

— Где бы ты их взял, такие деньги?

— Хы! Где! У денежного ящика стоял бы на посту и из этого ящика украл бы. У царя не убудет!

А Ерёма сидит, на ус все мотает. Вот второй офицер:

— Но, я бы воровством мелким заниматься не стал. Я бы за эту девушку просто полгосударства продал. — И только тут увидели, что солдат сидит, за штыком «спрятался».

— Ты что тут, такой-сякой! Не мог в укрытие куда-нибудь отташшить?!

— Хы, каки вы, господа офицеры, глазастые! За железом и то видите! — Ну, они, известно дело, его подозвали, по щекам нахлестали да ишо и на суд повели.

— Пошли к царю-батюшке! — Им тоже — лишь бы русского солдата дураком выставить. А Петр Великий сам творил суд и расправу. Привели Ерёму к царю:

— Вот так и так, ваше величество. Не приветствовал господ офицеров да ишо не в том месте оправлялся! Посадить его нужно.

Ерёма:

— Да кого посадить-то, надо посмотреть. Это вас надо посадить! — Царь:

— Как так? Почему так говоришь?

— А вот почему, царь-батюшка: мы двадцать пять лет служим, государство охраняем, а они за каку-то пройдоху-девчонку рады пол-России продать или обворовать. Вот как же это расценивать?

Царь, конечно дело, на их сразу... Те стушевались, сознались: было, де-скать, дело. Царь велел посадить этих офицеров. Их увели. Он Ерёме:

— А ты, видать, солдат дошлый. Как тебя зовут?

— Ерёма-хитрый, ваше величество.

— Вот скажи, а что бы ты за эту девку-красавицу дал?

— Хы, да я бы за три рубля на ней женился. Только у меня и их-то нету.

— Добудь, если такой хитрый!

— Я же, царь-батюшка, в армии. Дайте мне отпуск на недельку-две, я эти

деньги заработаю, а потом и на этой красавице женюсь, на дочке бригадного генерала. — Тогда Петр Великий ему:

— Вот тебе эти три рубля, а больше я тебе не дам. Остальные сам добудешь, я тебя научу, как добыть. Ты царску казну жалеешь, я тоже ее жалею. — Это царь солдату-то! Потом опять:

— Есть у меня тут один купец-миллионер, скряга и вор. Я его арестую и посажу вместе с тобой. Поставлю такое условие: если отгадат три мои загадки — отпущу. А ты соображай, что и как делать.

Но вот, посадили этого солдата в каталажку, потом привели купца-миллионера этого. Он плачет, вроде бы как не поймет, за что его посадили. Маленько погода приходит царь, говорит купцу:

— Грехи свои ты хорошо знашь. Теперь слушай мое условие: сейчас загадаю тебе три загадки; если разгадашь — завтра же выпущу, не разгадашь — будешь сидеть.

И царь ушел, сперва эти три загадки загадал. Вот этот купец думал-думал, никак не может отгадать. Назавтра просит, чтобы позвали ему царя. Тот пришел.

— Но чё?

— Царь-батюшка! Разрешите мне домашних навестить, может, с мыслями соберусь, а то здесь обстановка-то все-таки не та.

— Но иди.

А он, этот купец, сильно надеялся на свою жену. Она тоже добра пройдоха была. Думат, уж она-то разгадат.

Вот приходит домой невеселый. Жена его спрашивает:

— В чем дело?

— Да в чем дело! Вот посадили и задали три задачи, царь загадал. «Разгадашь, — говорит, — отпущу из тюрьмы. Не разгадаешь — будешь сидеть, пока не разгадаешь».

— Но и какие же?

Вот они легли спать, он давай ей эти загадки пересказывать.

— Перва загадка, — говорит, — така: «Что на свете всех милее?»

— Ва-а! Да ты кого не мог отгадать-то! Кто же всех милее? Я-то тебе не мила, ли чё ли?

— Правда! Ты же мне милее всех!

— Теперь давай другу загадку.

— А эта вот така: «Кто на свете всех быстрее?»

— Быстрее всех? Но ты, паря... А помнишь, к обедне ездили — Пегашка-то наш потащил, аж колеса слетели с брички! Кто же ишо быстреей!

— Правильно! Теперь последняя: «Кто на свете всех жирнее?»

— Но, паря... Погляди-ка, наш-то кабан уже ходить перестал, до того разжирел! Он всех жирнее!

Купец обрадовался, ночевал тут со своей старухой. Наутро его опять в тюрьму увели. Привели, царь пришел.

— Но разгадал?

— Разгадал, царь-батюшка.

— Тогда говори, что на свете всех милее?

— Царь-батюшка, мне на свете всех милее моя жена!

— Соврал, подлец! А кто на свете всех быстрее?

— Да наш Пегашка. Поташил — аж колеса слетели.

— Дурак ты! Кто же на свете всех жирнее?

— Дак, царь-батюшка, у нас кабан до того раскормлен, что на ногах не ходит!

— Дурак!! Сиди.

Вот этот купец закручинился. Думает: «Уж раз я эти загадки не отгадал, жена не отгадала, — все! Весь век страдать в тюрьме!» А солдат тут же, все слышал. Но и подъезжат к купцу в разговоре:

— За чё сидите? Чё так печалитесь?

Вот купец с горя-то ему и поведал:

— Такая штука, дескать, со мной: три загадки надо отгадать. Пока не разгадаю, из тюрьмы не выйду.

— Но дак я, пожалуй, помогу вашему горю. Конечно, если и вы мне поможете.

— А какая тебе помощь?

— Да какая! До дому добраться... Ни деньжонок, ни одежонки.

— У-у! Да у меня всего этого полно!

— И вот еще у меня, — говорит, — просьба-то какая будет, если я вам разгадаю загадки: где бы мне немецкий костюм достать, на принца.

— Ху! Да у меня десять магазинов по всем городам. Да чтоб не найти этот немецкий костюм! Найдем! Только разгадывай.

Ну вот солдат ему:

— Вот придет завтра царь-батюшка, спросит: «Кто на свете всех милее?» — Говори: «Солнышко». — «Кто на свете всех быстрее?» — Ты ему говори: «Мысль!» — «А кто на свете всех жирнее?» — «Это наша земля-матушка».

Купец запомнил это все. До утра спят. Утром царь приходит.

— Разгадал?

— Разгадал, царь-батюшка.

— Говори, кто на свете всех милее?

— Солнышко.

— Кто на свете всех быстрее?

— Мысль.

— А кто на свете всех жирнее?

— Земля наша матушка.

— О! Правильно! Выходи.

Дверь открыл, отпустил купца. Потом велел солдата отпустить.

Вот солдат идет, вертит головой. Купец увидел его:

— Ой, мой ты благодетель! Заходи, заходи! — Зашел Ерёма.

— Солдат, что тебе надо, то и проси.

Старухе уже объяснил: «Вот ведь выручил». Ну, миллионеру-то там тыс-

чонки-то что? Не трудно, правильно? Десять тысяч денег ему дал, шляпу с пером принес, из магазина, и этот костюм немецкого герцога. Ерёма назавтра к царю заявляется, а тот его еле узнал. Хохочет:

— Действительно, Ерёма-хитрый. Хитрый да хитрый. Люблю серка за удачу. Проси чё надо.

— Так ведь чё, батюшка? У нас же условие было жениться на этой на генеральской дочке. И три рубля-то вот всё таскаю.

— Не пропил?

— Но зачем. Царское даяние пропивать? Использую как надо.

— Иди на полмесяца в отпуск. А если женишься, совсем отпущу из армии.

Но вот, солдат оделся в этот костюм немецкого принца. Зашагал. А этот генерал бригадный, который их тут притеснял, жил в деревне: он сын помещика. Ну помещик помер, наследник он уж его. У него усадьба хороша, вообще — богато жил. И вдовый был, одна дочь у него, красавица. Вот приходит солдат. Спросил, где вот такой-то живет. Ему показали. Он зашел, попросился — его пустили. Только не в общу комнату, не в залу, а во флигелек.

— Ну вот тут переночуете.

Он туды ушел, а дочь-то там тайное свидание с другим принцем устроила, крадче от отца. Ну и он-то, этот солдат, потом сметил это дело и спрятался за занавеску. И часов где-то в семь-восемь вечера приходит этот принц-то. Сидят, тары-бары разводят. Она говорит:

— Я сегодня буду спать на втором этаже. Спущу веревочную лестницу. И заодно испытаю вас на мужество. Бойтесь вы или нет по веревочной лестнице залезти туда. Открою окно, и вот вы придете, подергаете за лестницу — я буду знать. И окно уже открою — залазьте ко мне ночевать.

Солдат это все слышит. И какой она час назначила, и все. Принц ушел. Вот где-то минут пятнадцать остается до девяти, солдат подходит к этой веревочной лестнице и давай ее дергать. Но она: «Что такое? Поторопился, видно». Дескать, любит сильно, раз прибежал. Скорее окно открыла — он по лестнице туда залез. Давай с ней по-немецки говорить, поприветствовал ее по-немецки.

— Огня не зажигайте. Что-то подозрительно. Ваш папаша может нагрянуть.

Она не зажигала, конечно. Ну, он тут с ей тары-бары, обнимать-целовать, там, может, еще чё-нибудь. Эге! В общем, он ей понравился здорово. И вот девять часов! И тот лестницу дергат! Она туда. А Ерёма-то знат, что это тот там дергат, ее-то жених. Тот там, это, по лестнице лезет, а этот окно открыл и давай на него с..., на того принца-то, на жениха. О... его. Но он оттуда и попер матом ее:

— Проститутка, така-сяка! Вздумала позорить! — Убежал и застрелился. Но чё же! Невеста его о...! Застрелился! Отец-то этот назавтре-то узнал. Тут знашь, шуму-то сколько? Принц застрелился! Из-за чё? Чё? Отец похороны там организовыват. Потом дня два хоронили, да он ишо пивший — с похмелья лежал там день-два. А этот солдат с ей наслаждается. И он ей понравился, лучше того оказался. Мысленно переводит: «Хорошо, хоть тот застрелился, теперь

я батюшке объявлю, своему отцу, что за этого хочу выходить. Беспрепятственно же будет».

Ну вот, отец там похороны закончил. Пришел, она к ему в ноги падат:

— Вот, батюшка, я полюбила этого немецкого принца. Как хочишь, а я за его выхожу! — А наследница она была всего капитала-то, у его детей больше не было. Ну, он для приличия поломался, а потом разрешил ей выйти. Ну вот, оне с ей обвенчались, и этот солдат взял там свидетельство о браке. Документ-то царю представить надо. Женился, живет. Ага.

Теперь генерал куда-то в командировку поехал или гостить, может. У него была, значит, форма-то у генерала рабочая и форма парадная. Так вот, генерал-то уехал, а форму выходную, парадную, оставил. Так вот этот солдат смекнул: «Надо мне ехать в свою часть и там мне остальных офицеров проучить за все их мордобойство и за все!» Одел эту парадную форму, жене сказал, что на неделю отлучится и приедет.

— А зачем папкино-то?

— Ну как же зачем? Больше прилично. Так мне больше почету.

Она довольненька.

— Только у папки-то перстень драгоценный на персту-то. Тебе надо, наверно, такой же одеть, раз ты подделываешься.

Вынула там из ларчика перстень с изумрудом. Он надел его и поехал. А тогда в гвардию выбирали солдат все красивых да вообще людей жизнерадостных — царска гвардия! Из его получился такой генералище, что загляденье! Жена не плакала чуть, когда его провожала, едва расстались. Целовались, так где слышно было!

Ну вот, приехал он в Петербург, в свою часть, в гвардейский полк. Заехал сразу в казарму, где раньше жил, к ребятам. Они сначала-то все по стойке «смирно» вытянулись: генерал в казарму заходит. Он:

— Вольно, вольно! Я Ерёма-хитрый. Ха-ха!

— Правда Ерёмка! Да ты как?

— Ладно, садитесь. Тихо, некогда. Будем разговаривать. Я теперь генерал.

— А о чем будем разговаривать?

— А вот о чем. Я с вами служил, все порядки знаю, как нас били, плохо кормили, плохо одевали. Как сейчас у вас порядки?

— Как порядки?! Еще, значит, хуже. Вот. Кормят кое-как, сапоги у всех побились, подметки прохудились.

— Ладно, завтра все будет исправно. Вот я вас соберу на парад, а вы не стесняйтесь. Вот ты, Алешка, я тебя первого спрошу: «Как кормят?» Не стесняйся, говори всю правду. Да даже еще прибедняйся: меньше говори. Ты там, Вася, говори про сапоги. Ты, Петя, про шинель. Ага?

Все это сделал и улегся, спит с солдатами. Утром собирает полк на парад на площадь, на Сенатскую, наверно.

— О, братцы-солдаты, здравия да желаю. — Они тоже:

— Здрасте, господин генерал!

— Ну, как служите?

— Да ничего, служим.

— Ничего, ничего... Ну-ка говорите мне всю правду. Я инспектор теперь. Как у вас с питанием?

А этот первый, которого он «заряжал», выходит:

— Дак с питанием хуже, чем раньше. Меньше и меньше паек стал, масла совсем не дают. Водки раньше сто грамм давали, теперь пятьдесят.

— Ладно, есть. Ты, Вася, не стесняйся, говори:

— Сапоги у всех, видите, дырявые. Уже имя срок носки вышел. А эти б... продают да пропивают, а мы почти босые ходим.

Третий заявляет:

— Шинелки плохие.

— Кто заведует питанием? — Вылетат офицер:

— Я! — Он его — раз, два! — по щекам.

— Посадить его на гупвахту на три дня... голодом, за то, что солдат морит! — Того сразу пряжкой и на гупвахту гонят. Второго подзывает офицера:

— На тебе как сапоги? Снимай! Ты, Вася, снимай свои стоптанные, а эти надевай. На гупвахту на десять суток!

А третьего за шинелки-то на пятнадцать суток посадил.

— Да чтоб солдаты в русской армии да в таком виде были! Как же они будут воевать за отечество?!

Но, расправился он с офицерами. Вот. Солдаты довольны. Прибавил имя водки по двести грамм, они тут три дня гуляли потом. Чё же, давно не пили. Вот уехал домой он. И чё-то через неделю, елки-палки, вызывают этого генерала сам царь. Они же не додумали, начальство-то, что это был Ерёма-хитрый. А думают, действительно, сам генерал. Петр Великий ему:

— Немецка ты морда, сдумал еще царски указы игнорировать! Свои порядки разводить! Ты всю казну так расхитишь! Все же склады ты опустошил! Сапоги все раздал! А кто тебе приказал увеличивать такой паек? Да если всю армию так кормить, у нас ничего нигде не хватит! Посадить его! — Посадили генерала. Посадили, ага.

А этот приехал, Ерёма-хитрый, как ни в чем не бывало форму повесил, все. Ну и вот, опять ей:

— Ну еще раз съезжу на минутку. Меня вот вызывают царь.

Приехал, явится к Петру Великому. Пустили. Царь:

— Ну, в чем дело, Ерёма-хитрый?

— Да в чем, Петр Алексеевич. — Он с ём теперь на «ты» почти говорит. — Женился я, приобрел кой-какой капиталишко, и вот ваша трешка. Даже тройка не израсходовал. Возьмите.

— Ого-го, неужели женился? Ты, может, обманывашь?

— А вот свидетельство о браке.

— Вот это здорово! На этой женился, на бригадного генерала дочке?

— На ей, конечное дело!

— Молодец, Ерёмка. Все, из армии тебя увольняю. Есть дома кто?

— А как же? Мать, братишки, сестренки.

— Поезжай домой. Чё тебе надо — счас заявляй. Все тебе будет из царской казны — люблю я находчивых!

— Да мне, царь-батюшка, ничего особенно и не надо. У меня теперь все есть.

— А погоди, а тесть твой где?

— Не изволю знать, батюшка. Уехал, вот уже с полмесяца, как и нету.

— Вот не знашь, так я тебе скажу, где он. Я его, сукиного сына, в тюрьму законопатил! Сёдни расстреляю, чтобы он царские порядки мне не переделывал. А ты, как поедешь туда, к жене, все имение и чё есть — себе забирай!

— Мне она и так, наверное, отдаст.

— Ну так, не так. Не отдаст — будет царский указ на это дело.

Вот он приехал и стал хозяином этой всей усадьбы. Я нынче заезжал к ним — ничего живут, ходят опрятные. В хозяйке, правда, ничё особенного нету — баба как баба.

83. Знахарь

Жили муж с женою. Очень бедные они были. И существовать нечем было. А питаться-то надо же. И ремесла у него никакого нету. Чем заняться? Он и говорит:

— Давай, жена, я найду себе ремесло. Вывешу вывеску, вроде знахарь. Гадать буду.

— Как хочешь, так и делай.

Значит, соседка тут стирала белье и его развесила на проволоку, на веревку ли. И у нее полотенца были вышиты, хорошие. И вот ветер поднялся, и это полотенце сдуло. А у нее во дворе чушка ходила. Но чушка она и есть чушка — хрюкала, хрюкала, это полотенце носом выпачкала в земле и куда-то за кладовку унесла это полотенце. А бедняк все это видел, он уже специально проследил это дело, что там-то полотенце лежит. И знал, что соседка придет, раз рядом знаменитый знахарь объявился. Она же думала, что вор украл полотенце. И точно — пришла.

— Угадай, кто вор, — говорит, — так и так...

— У тебя чушка есть?

— Есть!

— Дак вот что: его ветром сдуло, а чушка утащила. Иди за сени, там лежит. — Она пошла.

— О-о, ты угадал, ты знахарь! Сколько тебе заплатить?

— Да немного. — Он радый такой.

Ладно. Один хозяин вечером спутал лошадей и пустил в поле их пастись. Вот стемнело уже. Знахарь думает: «Я счас распутаю одну лошадь». А кругом степь, только километров за шесть лес. Думает: «Я в этот лес уведу и привяжу».

Вот он поймал лошадь, увел, привязал туда, в лесу, к дереву. Стоит лошадь, стоит, а сам домой пришел. Хозяин искал, искал, нигде найти не мог свою лошадь. А знает, что знахарь есть.

Ладно, погоди. Лошадь там в лесу привязана. Хозяин приходит к знахарю, рассказывает:

— Вот так и так... Лошадь пропала.

— Знаешь что, ехал человек по степи, вор. Видит — лошадь спутана. Он ее распутал. Сел на нее и поехал. Ехал, ехал, а тут светать стало. Он думает: «Куда?» Доехал до лесу. Взял и привязал. Дескать, вот ночь настанет, заберу. Ваша лошадь там-то, там-то. — Хозяин поехал, поискал — нашел. Вернулся:

— Что тебе, хозяин, уплатить за это?

Угадал! Вот ему хлеба несут, то, другое...

Дошло до царя дело. А у царя драгоценный камень украли. И свои же придворны украли. Вора надо поймать. И он узнал, что есть знаменитый по России знахарь. До него слухи дошли.

— Немедленно его ко мне!

Но и вот привозят его к царю. Боятся. Он на самом-то деле не знахарь, а вон кто. Думает: «Тут-то я и попался!» Царь ему говорит:

— Даю тебе три дня сроку — угадай вора! Вот тебе определена комната, тебе никто мешать не будет. А не угадаешь — значит, все — казнить! — А он сразу предупредил:

— У меня гадание такое: я буду по комнате ходить, что делать буду, чтобы мне не протестовали. Чтобы часовые претензии не предъявляли. — У царя же часовые дворец охраняли. — Это такое у меня гаданье. — И эти трое воров думают: «Раз он в комнату закрылся, значит, он нас отгадает». А они придворные. Пришли к этой комнате и слушают.

Ладно. Знахарь про себя загадал: «Дали мне три дня сроку. Вот два дня прошли. Теперь буду петухов ждать. Как только третий петух пропоет, мне надо будет удирать».

А эти слушают. Вот первый петух пропел, он говорит:

— Ага, один есть!

Эти думают: «Все, одного угадал». Опять петух пропел: «Ку-ку-рику!»

— О, два есть!

Вот те-то испугались! А на третий разок уже должен удрать. Они совещаются:

— Второго угадал! Сейчас откроют, он покажет — и пропали мы, и казнить не его будут, а нас. Давайте его уговаривать!

Он ждет, когда третий петух пропоет, а они бросаются в дверь.

— Простите нас! Это действительно мы украли!

А ему это на руку. Что же — придворные царские! Он тогда говорит:

— Но что же, у царя пятнадцать индюков есть. — А индюки они же и камушки клюют. — Десять черных, один белый, а двенадцатый рябой. Вот этот двенадцатый — вор.

— А как?

— А так. Вы скорее идите и драгоценный камень ему скормите. — Они индюка нашли, камень подбросили. Он — бац! — и проглотил. У него же желудок-то большой.

Вот время вышло, царь приходит:

— Ну что, выворожил? — Он ему:

— Так и так... в одно прекрасно время ваша дочь взяла этот камень драгоценный и пошла гулять в сад. И уронила его. Трава. Она ходила-ходила, искала-искала — не могла найти. И индюшки тут. Один индюк и проглотил этот камешек. Вот кто у вас вор — рябой индюк. — Царь немедленно слуг заставляет:

— Поймать рябого индюка, зарубить, распотрошить! — Распотрошили и нашли драгоценный камень. Этому знахарю царь дал золота, говорит:

— Спасибо, что ты мне вора угадал!

И он больше не стал ни гадать, ни тужить. И жили со старухой поживали да добра наживали.

84. Про солдата

Жил солдат. Отслужил срок (а ране двадцать пять лет служили). Служил, горб гнул и копейки медной не заслужил. Идет домой солдат, а в брюхе пусто — есть хочется. Смотрит — изба стоит.

— Дай, — думает, — зайду, может, накормят.

Стучится в ворота. Выходит старуха, стара, страшна. Солдат говорит:

— Бабушка, ись нету?

— Нету, нету, где взять? Стара я, кости не гнутся. Не могу ничё сделать.

Солдат-то видит, что у ей есть все в избе, «Чё делать? — думат. — Все равно старухинога наемся!»

— Бабушка, у меня есть, чё варить. Дай горшок.

Бабка думат: «Чё, горшок не жалко». Подала горшок. Солдат воды туда налил, топор положил и на печь поставил. Вода забулькала. Солдат говорит:

— Вот бы соли еще.

Бабка соли дала немного. Солдат соли в горшок насыпал. Ходит у печи и говорит:

— Варись, топор, вкусный-вкусный. Бабушка, топор почти сварился, сюда бы крупы чуток.

Бабка думат: «Чё это он варит? Дам крупки чуток». Солдат высыпал крупу в горошок. Сварился суп. Солдат наелся, бабку накормил. Бабка довольная, а солдат пуще бабки рад, что и сам наелся, и бабку обманул. Вот и все.

85. Ловкий вор

Жили-были царь с царицей. У них была дочь любимая.

У дочери было именное кольцо. Вот стал царь подыскивать ей ловкого мужа. Делат объявление: «Кто у моей дочери кольцо с пальца сымет, за того замуж отдам».

А как у царевны с пальца кольцо снять? Царь ее никуда не выпускает,

охрану большу поставил. Но один мужик все-таки додумался. «Погоди, — думат, — я пойду». Приходит. А у царя собаки больши на охране стояли, он взял два куска мяса, этим собакам бросил. Собаки стали исть. Он зашел во дворец, приходит туды. Дело ночью было. Смотрит: два охранника сидят. Он подходит, поздоровался:

— Но как, друзья?

— Да ничё. — А он вина набрал.

— Давайте, ребята, выпьемте!

— Давай. — Начали пить. Они-то пьют, а он льет себе в рукав. Напоил их.

Эти охранники уснули, он дальше проходит.

Вот монашка сидит, отчитыват там чё-то, свеча горит. Он ей какой-то порошок под нос поднес — она нюхнула и уснула.

Он свечу угасил. Идет дальше. Прошел, где царевна спала. Видит: а у нее кольца нету-ка. Ладно. Он парень был ничё, кой-чё тоже понимал. Догадался, что царь это кольцо на ночь себе взял. Куда спрятал? В рот, наверно, положил.

Мужик тихо прошел в царску комнату: царь спит, рот закрытый. Парень царю подносит к носу табак — тот чихнул. Чихнул — кольцо и вылетело из роту. Он его подобрал и назад подался. Собаки там все ишо мясо едят. Ушел так.

Царь-то пробудился — кольца-то нету. Где же оно? Монашку спрашивает:

— Кого-нибудь видела?

— Никого не было, все хорошо. — Охранников спрашивает:

— Кого-нибудь видели?

— Никого не видали, все хорошо было.

Давай лучше искать. Все переискали — нету кольца.

Теперь пишет опять же: «У кого именное кольцо моей дочери, прошу прибить ко мне». Парень пришел. Царь ему:

— Но молодец! Годишься во дворец жить. — И начал свадьбу устраивать.

Отгуляли свадьбу, стали жить-поживать да добра наживать.

Только теперь-то они в Японию переехали. В Японии живут.

86. Над ворами вор, над бандитами бандит

В одной деревне, примерно как бы у нас в Дарасуне, жили-были старик со старухой. Вскорости они померли, и остался у них мальчик лет пятнадцати. Взял его к себе дядя. Время идет, парень растет, а жили бедно: парни с девками гуляют, а ему одет нечего. Решил парень пойти в город на заработки. Шел, шел, присел отдохнуть, съел мякинный кусочек, который тетка испекла ему на дорогу, и уснул. Проснулся, видит — поляна, а на ней дом стоит. Зашел он в него, а там никого нет. На столе вино, закуски.

— А будь что будет, наемся!

Заходит девка молодая:

— Ты чего здесь сидишь? Здесь же банда. — (Наподобие вашей «Черной кошки» в Иркутске, помните?) — Банда должна приехать. Куда спрятать?

В шихфонер закрыла. Приехали. Спрашивают:

— Был ли кто?

— Был один парнишечка, да ушел.

— Зря отравила. Пригодился бы.

Девка видит такое, ну и вывела его. Пригласили за стол. Одели. На следующий день говорят:

— Теперь будешь выполнять задание. Если выполнишь — будешь жить, если нет — башка долой. Там мужик поведет продавать быков. Ты быка-то уведи, а мужика не трогай.

Ну он и пошел. Думат, как тут быть? Один ботинок на дорогу положил. Мужик смотрит — новый ботинок. Ну куда брать один? А тот немного прошел, метров сто, снова положил ботинок. Чё делать? Мужик вернулся, а парнишка уже взял ботинок. Пока мужик ходил за ботинком, парень увел быка. Его похвалили:

— Выполнишь ишо одно задание, будешь над ворами вор, над бандитами бандит. Надо украсть у мужика, который быков вел, еще и повозку.

Парень пошел в лес и стал мычать, а мужик думает: «Вот где мои быки!» И в лес пошел, а парень тем временем украл у него повозку и привел ее к бандитам. И дали ему такое название: над ворами вор, над бандитами бандит. Пожил парень у бандитов, но скоро это ему надоело и решил он уйти на волю. Взял у них мешок золота и ушел к своему дяде. Дядя разбогател, а парень гулял, кутил. Решил жениться. Недалеко, километров тридцать пять, жил помещик, и у него была дочка. Отправил парень дядю к помещику свататься. Пришел дядя к помещику, а он его и спрашивает:

— Что, мужик, нужно?

— Да вот, барин, такое дело, у вас дочка есть, я вот в сваты пришел.

— Ты что, мужик, меня позоришь? Как же я за мужика дочку буду отдавать? Но если жених выполнит два моих задания, так и быть, отдам за него дочь. Первое задание: пусть жених в двенадцать часов дня из нашей печи достанет жареного гуся. Ежели не вытащит гуся — быть вам мертвыми.

Приходит мужик домой опечаленный и говорит со слезами:

— Что ты натворил, убьет нас барин! — А парень и говорит:

— Все будет в порядке.

Купил он зайца и бросил его на помещиков двор, а дворовые собаки увидели зайца и ну лаять. Дворня вся и выскочила на улицу, а парень тем временем гуся из печки хватя и был таков.

Задаст ему барин следующее задание: в двенадцать часов ночи вытащить перину, на которой будут спать барин и барыня.

Парень пошел к скульптору и попросил его сделать из картону чучело, как человек. Скульптор сделал чучело. Заплатил парень ему сто рублей и ушел. Подходит двенадцать часов, барин с барыней ждут парня, а парень поперед себя в окно чучело просунул, а барин взял да из пистолета и выстрелил — чучело упало, а парень притаился и ждет. Барин и говорит барыне:

— Давай труп утащим да в реку скинем, а то еще нас засудят за него.

Взяли они чучело и понесли к реке, а парень тем временем стащил у них перину. Нечего делать, сыграли свадьбу. Жить у помещика парень не стал, а выстроили свою усадьбу. Но раз человек заражен воровством, не может он иначе. Поедет в город, банк оберет и живет. Царь издал указ: поймать этого парня живого или мертвого. И вот однажды пошли они с напарником на дело — напарника-то и поймали. Стали его пытаться, а он им и говорит:

— Выдать я его не могу, а вот как он ворует — расскажу. Издайте такой указ, чтобы нигде не продавали мясо, а он все равно будет щи с мясом есть.

По этой примете полицаи и нашли дом этого парня и поставили на нем пометку, а парень, как они ушли, вышел на улицу и на двадцати домах поставил такие же пометки. Так его и не нашли.

87. Дорого яичко к Христову дню

Жил-был богатый купец. В этой деревне было много бедняков. Там же жил Иван-бедняк да Акулина, жена его. Вот они как-то разговаривают:

— Скоро будет Пасха Христова. А у нас детей много. Все люди будут разговляться, а нам ребятишек кормить нечем.

Акулина говорит:

— Я, может, попытаюсь вырастить на окошке огурцов к Пасхе.

И взялась за это дело. И к Паске Христовой она вырастила семь огурцов. Вот скоро праздник подошел. Акулина и говорит:

— Слушай, Иван. Понеси-ка эти семь огурцов богатому купцу. Может, он чё-нибудь тебе даст за них.

Завернула огурцы эти в тряпицу, дала Ивану, и он пошагал. Приходит. У купца вечер. Собрались богатые гости всяки-разны. Купец спрашивает:

— Чего нужно, Иван?

— Да вот, я принес подарочек вам.

Купец развернул — свежие огурцы! Не бывало, чтоб к Пасхе были огурцы! Вот он Ивана привел в залу, там сидят богатые люди, отовсюду понаехали. Эти огурцы положили на блюдо, пригласили Ивана за стол — за то, что он такой хороший подарок принес. Купец и говорит:

— Но вот, Иван, за эти огурцы я тебя отдарю! — А у купца были работники, прислуга. Он вызвал прислугу и говорит: — Слушайте, прислуга! Запрягите пару быков в бричку. Положите Ивану три куля муки, положите мяса — целую тушу, свинину, положите масла и отдайте все это совсем! С быками!

Акулина дома. Ушел Иван, нету и нету... А дом маленький у них. Ограды не было загороженной. Вот вечером уже Иван подъезжает к хате.

— Тпру!

Акулина:

— Кто там приехал? Хозяина дома нету! — Он:

— Но, слушай, Акулина, открывай!

Вот. Заехал, рассказывает:

— Так и так... Барин мне за эти семь огурцов подарил вот чё. А тебе велел прийти чичас же, за то, что ты таки огурцы вырастила.

Она пошла. Да ее сразу одели, за стол посадили. Платий хороших ей надавали за это дело. А рядом с Иваном сусед жил. Хорошо жил. Работает и работает. Вот его жена и говорит мужу:

— Вон Иван семь огурцов утащил богатому купцу и пожалуйста — получил вон чё! А у нас их ить целая гряда, огурцов-то... — А был уже сезон, лето вовсю! — Да ты бы, — говорит, — куль-то если ему утащил, да он тебе полкапитала отдал!

Мужик подумал: «Верно. Иван вон сколько добра огреб за семь только огурцов, а если я куль утащу! Скоко же мне дадут за него!»

Ладно. Набрали целый куль огурцов. А у них еще больши арбузы выросли. Этот сосед навалил на себя куль с огурцами.

— Но-ка я еще арбузов захвачу. — Арбузы возьмет — куль упадет. Куль будет наваливать — арбузы выкатываются, не может взять.

— Но арбузы оставлю, поташу огурцы! — Цельный полный куль! Вот пришел к купцу. Тот вышел.

— Но что пришел?

— Да я вот вам подарочки принес.

— Какие?

— Да вот куль огурцов. Полон куль!

— А-а, полон куль? — А у него прислуги были. — Привязывайте-ка его вот к этому столбу! — Прислуги его схватили, веревкой обмотали, к столбу привязали.

— Ставьте куль огурцов! — Поставили.

— Берите по огурцу и бейте его в лоб. Чтоб знал, как смеяться. У меня этих огурцов вон — полные гряды!

Вот прислуги берут по огурцу. Тот — раз! Другой — раз! Мужик головой вилят от огурцов, вилят и говорят:

— Сдогадался! Сдогадался! — Купец остановил прислугу:

— Погодите. Ты чё сдогадался-то?

— Да я сдогадался, что ладно — арбузы-то не принес, а то бы мне всю голову разбили!

88. Про мужика, черта и злую бабу

Жил в одной деревне мужик. Звали его Аркадий. Был он человек работающий, характером спокойный. Только вот жена ему попалась злыдня злыдней. Он ей — слово — она ему десять! Всю шею перепилила мужику. Вот стал он думать, как бы избавиться от этого золотца, куда девать ее, бабу-то.

Один раз пошли они в лес по ягоду. Бродили, бродили и нашли прорву, большу шшель в земле. Хотел мужик дальше пройти, а баба ему ревет:

— Аркашка, Аркашка, куда ты, черт едакий, поперся? Но-ка лезь в прорву!

Вернулся мужик, привязал к дереву веревку и полез вниз. Спустился на дно — там темно, хоть глаз коли, — пошарил вокруг себя-то и нашарил котел. Привязал:

— Тяни! — Баба вытянула котелок, там золото оказалось. Вот она мужу ревет:

— Ишши ишо!

— Да нету ничё!

— Ах ты, черт слепой! — Она жаднушша! — Но-ка вылазь! — Вытащила мужика, сама связала веревку к поясу:

— Опускай! — Он ее опустил в эту прорву. Веревку отвязал от дерева — то бы не хватило.

— Аркашка! Черт тебя возьми!.. — Как заревела — этот Аркашка со страху веревку вниз сплавил. Вот те на! Как же теперь бабу вытаскивать? А она оттуда ревет:

— Аркашка! Черт ты едакий!

Мужик слушать не стал, побежал домой за новой веревкой. Пока бегал, ночь спустилась. Решил утром идти бабу вытаскивать.

Вот тебе и утро. Взял веревку мужик и пошел в лес, бабу из прорвы вытаскивать. Нашел эту ишшель и бросил в нее конец веревки. Кто-то уцепился. Мужик потащил. Вот видит: рога показались, мохнатого тянет! Черт! Только хотел веревку назад бросить, черт давай упрашивать:

— Ты, будь добрый, не бросай меня назад! Там баба мне никакой жизни не дает — така злушша! А я тебе помогу, пригожусь ишо! — Но вот, вытащил мужик черта, тот и говорит:

— О-о, это же беда, кака зла баба! Только и ревет на меня: «Аркашка! Черт такой-сякой! Аркашка! Черт!..» Но ничё. Раз ты меня от этой бабы спас, я тебе помогу. Я сейчас побегу к попу и войду в нутро его дочери — она заболит. Вот начнут ее лечить — не вылечат. Тогда приходи ты и кричи: «Аркашка! Уходи!» — Я выскочу. Дочка попа поправится, а тебя поп наградит хорошо. Но смотри, после этого в мои дела не лезь, а то тебе худо будет!

Черт куда-то делся, а мужик домой пошел. Поел, лег и уснул.

Вот утром люди говорят, что у попа дочка неожиданно заболела. Поп позвал одного врача — не помог, другого — бесполезно. Девка уже еле дышит. Но чё же, мужик этот приходит к попу:

— Показывай свою дочку. — Его привели к ней в спальню, он велел всем уйти. А девка спит, чуть уже дышит. Мужик крикни:

— Аркашка! Черт едакий — убирайся! — Черт и убежал, а девка проснулась — здоровёхонька.

Поп радый, хорошо наградил мужика: коровенку ему дал, денег дал. Вот он живет. А этот черт Аркашка влез в нутро к дочке другого богача — та тоже заболела. Этот богач узнал, кто вылечил поповску дочь, и посылает за мужиком. Привезли.

— Ты вылечил?

— Я.

— Но-ка вылечи мою дочь!

— Не могу. — Он ему и скотину сулит, и деньги сулит — «не могу!» — и только.

— Смотри, паря, если не вылечишь дочку, я тебя бичом так извожу, что больше не захочешь! А вылечишь — наградю хорошо.

Тут лакея позвали, бич притащили. Но кому же помирать охота? Говорит имя:

— Уходите все! — Все ушли. Вот он подошел к девке и как заревет:

— Аркашка, черт едакий! Убирайся! — Черт выскочил и убежал. А барин наградил мужика хорошо и домой отпустил. Вот приходит он домой, заходит — там черт посиживает, дожидается уже его.

— Ага, не послушался меня — разорву тебя тепериче! — Только хотел разорвать мужика, вдруг слышит:

— Аркашка! Черт ты такой-сякой! Пошто меня не вытащил? — Черт живо — в трубу и след его простыл.

А это жена-то выбралась как-то из прорвы — оголодала, изорвалась вся — и пришла домой. А мужик и тому радый: лучше со злой бабой жить, чем черту на закуску попасть.

Так с ней и до сих пор мается. Теперь старичок он уже.

89. Про двух жен, или Как муж жене на фартук плюнул

Жила одна женщина. Такая трудолюбивая была. Муж у нее служил долго. А другая женщина — все бы гуляла, только за собой следила. Первый муж, когда в армию пошел, дом трухлый, развальной оставил. Жена новый дом построила. Сама износилась, поисхудала, а дома бархат, ковры, богатство всякое.

Приезжают мужья. Раньше ведь двадцать пять лет служили. Ну, муж той, которая наряжаться любила, говорит:

— Где моя жена? Какая она стала? — А ему отвечают:

— Да она какая была молодая, такая и осталась! А живет она вон на квартире, у бабки угол снимает.

Угол снимает! Он приходит к этой старухе и говорит:

— Ну, где моя Анисья?

А жена к нему выбежала. Ой, такая красивая, такая красивая! Что ему там говорили о ней, что гуляла, — все забыл. Чё же, она молодая — как была, красивая.

А второй муж, у которого жена новый дом построила, ищет свою разваленную избушку. Пришел на то место, где она стояла, а там дом большой. Он думает: «Я, может, за двадцать пять лет забыл уже, где мой дом-то был». Пошел, на краю деревни нашел какую-то развалюху, думает: «Вот, верно, моя». Зашел в нее и спрашивает у хозяев:

— Где Дарья моя? — Ему отвечают:

— Да вон, дом большой стоит, там и живет.

Подходит он к дому, а у ворот старуха согнутая стоит. Грязная вся, фартук на ней какой-то холщовый. Он говорит:

— Где тут моя Дарья живет? — Старуха ему:

— Ну, проходи в дом.

Зашли. Он глядит: в доме чистота, все богатство сверкает, бархат, парча. Она ему стульчик, сел, боится пошевелиться. Сама тоже села. Вроде меня, сидит: засохла, только не худобой, а грязью. Ну, муж опять спрашивает:

— Мне бы Дарью? — А она ему:

— Дак я и есть Дарья, что же ты меня не узнаешь-то, Иван?

Он смотрел-смотрел на нее, плюнуть ему охота — тошнехонько смотреть, а некуда — чистота кругом, все сверкает. Он взял да ей на фартук плюнул.

Вот так вот. Оказывается, и труд человека не облагораживает. Она вроде трудилась на общее дело, дом выстроила — муж вернется через двадцать пять лет, оценит ее труды. А мужу надо, чтобы ты была хороша. Вам на будущее полезно будет.

90. Ленивая баба

Жили мужик с бабой. Он был работающий, а она ленивая. Ничем, никакой работой заниматься не хотела. Он терпел, терпел, потом уж рассердился:

— Ты пошто, баба, не прядешь, не ткешь, и в доме у тебя беспорядок?

— Муж, не мучься, не переживай. Еще нарядом и наткем, будет нам чем и глаза накрыть, и самим накрыться.

Он думал, думал, чё же делать. И представился, будто помер. Нарочно, чтобы проверить, чем она это его накрывать будет.

Баба кинулась — мужик-то у нее не встает! Умер! Взяла его на лавку положила, а прикрыть-то нечем. А за все время она только один напятак связала. Она взяла его, нитку за зуб, потом за палец зацепила, распустила этот напятак и обмотала мужика-то. Потом села рядом и давай рыдать, приговаривать:

— Ой, дружечка мой милый! Был ты хорошим мужиком, а теперь на балалайку похож! Встань, посмотри, чем ты стал.

Мужик слушал, слушал — встал и дал ей «балалайку»!

Но теперь дальше живут. Баба как раньше ничё не делала, так и теперь ничё не делат. Вот уже стара стала, а ничё делать не хочет. Старик ее опять спрашивают:

— Ты, старуха, пошто не ткешь, не прядешь ничё? Пошто ничё не делаешь?

— А потому что седни Саввин день! — отвечат ему.

На следующий день она опять ничё не делат, посиживает, поглядыват. Муж ее опять спрашивают:

— А сёдни пошто? — А она отвечает:

— А потому что седни Варварин день!

Так и мучился старик с ней, пока она не умерла. А когда умерла, то опять ее завернуть-то не во что. Старик искал, искал, чем бы обойтись, потом увидел: шкура телячья на стене висит. Взял да в эту шкуру и завернул бабу.

А поп увидел, стал стыдить старика, что он в шкуру покойницу завернул. Пришлось рассказать все: как жили да кака она «работница» была. Вот поп читат по умершей-то, приговариват:

— Только саввилась да варварились!..

Занесли покойницу в церковь, тут псаломщик поет:

— Просаввилась, проварварились! Не ткала, не пряла — кверху ноги подняла!

91. Ленивая старуха

Жили-были дед и бабка. Посеяли они десятинку. Раз запряг дед лошадь, топор за пояс — и поехал в лес. А бабка пошла десятинку жать. Приезжат дед, сваливат дрова, заходит в избу. Сидят, чай пьют.

— Но, старуха, сколько нажала? — дед спрашивают.

А она проспала на поле, еле сжала суслончик. Сама отвечает:

— Овинчик сжала!

Похвалил старик старуху. И так несколько раз. Вернется дед из лесу, старуха уже сидит у печи, чай пьет.

— Сколько, старуха, нажала?

— Овинчик.

Вот думат старик: «Да какой же овинчик? Так она давно бы десятинку убрала. Надо посмотреть».

Наутро бабка берет молоко, хлеб. Пошла на поле, легла под суслончик и спит. А он подкрался, старик-то, и отрезал у нее косы. Она проснулась, хватилась, — чё-то не то с головой. Бросилась в деревню. Бежит по улице и кричит:

— Матрена я, а голова не моя! Матрена я, а голова не моя!

Люди думают: с ума сошла! Схватили ее, отвели в церковь, отпели, чтобы ум вернулся. Приводят старуху домой. Дед показыват ей косы и говорит:

— Вот тебе, старуха, и овинчик!

92. Светлое Воскресение

Мужик один жил бедно, а потом чё-то поправился. Года два хороший урожай был, вот он завел хозяйство. Здоровых двух чушек выкормил. Осенью заколол их. Вот заколол чушек, теперь старуха сидит:

— О, Гошподи! Когда же теперь мы это мяшко-то шъедем? — Сын ей:

— Ничё, мамка, Светло Воскресенье придет — все приберет! — Но, дескать, праздники — Светло Воскресенье. А старуха думат: «Что за Светло Воскресенье?»

А раньше солдат на лето в лагеря выгоняли. Придет полк в деревню, солдат по избам расталкивают, по квартирам: где пять человек поселят, где три, где четыре. Это уже на моем возрасте было: из Сретенска гоняли их в Нерчинск. Идут, по пути к вечеру деревня — тут и ночуют. Утром собираются, и дальше пошли.

Но и вот тут так же. Перегоняли солдат. Эта старуха дома одна была. Сын с женой в поле работали, там и ночевали. Она одна, старушка-то. Вот к ней тоже на постой привели четверых солдат. В шинелях, пуговики начищены — все по форме. Она:

— О, Гошподи, это откуда же ваш Бог пошлал?

— Да издалека, бабушка. А у тебя чё-нибудь сварить-то найдется?

— Да мяшко-то ешть. Шынок-то нонче жаколол двух чушек. Жаколол и шкажал: «Шветло Вошкрешенье придет, дак шъешт».

— О, бабка, а вот мы-то и есть это Светло Воскресенье. Видишь, каки у нас пуговики светлы! Где мясо-то?

— Дак, батюшки, вон там. — А сын заколол чушек когда, то в амбаре мясо повесил. Солдаты посмотрели: да тут счастье, ты знашь! Берут топор, снимают это мясо, изжарили. На других взяли — и варят, и парят. Но, растащили этих чушек — чисто. Наелись, выпались, а наутро ушли.

Вот хозяин чё-то хватился:

— Баба, а где мясо-то? Куда девалось?

— Дак ты же шкажал, батюшка, Шветло Вошкрешенье... Были тут шедни — Шветло-то Вошкрешенье, ночевали и мяшко прибрали.

— Да это же солдаты были!

— Дак ты же шкажал: «Шветло». У них вшё шветло. — Это пуговики-то светлы у солдат. Но и вот, теперь чё ты сделаешь?

Думал мужик, думал, поднялся и говорит:

— Есть же, поди, еще немало дураков на свете. Пойду поищу дурней своих. А тут теперь не житье — горе одно. Надел на плечо сумку, набрал хлеба, пошел.

Вот теперь идет. Заходит в одну деревню. Вот по деревне идет, там дом двухэтажный с балконом. На балконе сидит барыня. А тут в улице лужа, в луже чушки лежат — больши чушки, раскормлены.

Он подошел и давай чушкам кланяться. Но, раскланялся, конечно дело, этим чушкам. А раскланялся когда, эта барыня увидела, прислуге взревела. Та прибежала. А он отошел, идет. Барыня:

— Вон тот мужик кланялся чушкам. Ты спроси-ка его, чё он кланялся-то. Да пускай зайдет в избу.

Но прислуга выскакиват, конечно дело:

— Дяденька, заходите в избу! Барыня велела, просила, чтобы вы зашли! — Он заворачиват, заходит. Барыня вышла:

— Чё же вы нашим пеструхам чё-то кланялись?

— А вон в той деревне у них сестра да сестреница, ихняя родня, дак они велели поклон передать вашим чушкам и шибко просили, чтобы ваши-то погостить приехали. Вот я им и передал.

— А надолго?

— Да нет. Я бы, конечно дело, мог бы и свозить их.

— Слушай, ты будь добрый, свози их, а потом назад привезешь!

— Ладно. Они там поговорят, и я их обратно привезу.

Работник тут — взревели работника:

— Загоните чушек-то! — Загнали. Вот загнали. Но, большушши две чушки!

— Свяжите! — Телегу, коня запрягли, чушкам ноги связали, погрузили в телегу. Но, привязали к телеге, теперь чё же, понимаешь, — поехали.

— Но я свожу и привезу их обратно!

Поехал. Барыня ждет, мол, они там со своими переговорах, погостят и приедут. А барина дома не было, ездил куда-то. И тут вернулся, верхом. Она ему рассказывает:

— Пеструхина сестра с той деревни просила, чтобы наши к ней в гости приехали. Дак вот дяденька повез их!

— Какая же сестра у ей?! Откуда? Дура ты такая!

— Но, — говорит, — с сестреницей даже там они. Шибко просили.

— Ой, дура! Давно уехал?

— Да дивно время.

Барин на коня верхом — и во весь мах догонять.

А мужик едет на телеге, поглядывает. Вот видит: по дороге из деревни кто-то верхом летит. Он счас в кусты заезжат, отрезает у одного коня хвост, у другого. Сейчас ножом расковырял землю, понимаешь, посадил туда хвост и загреб. Второй так же.

Но ладно, теперь загреб. А тот едет, уже близко подъезжат. Мужик уперся, хвост из земли вроде как тянет. Тот:

— Паря, ты чегой-то делаешь?

— Да чё, вот несчастье, скажи пожалуйста! Ехал, ехал, да кони вдруг провалились, совсем с телегой все ушло! Только за хвосты их поймал, успел схватить.

— Ах, несчастье!

— Но-ка давай, ты пособи, может быть, это...

Барин сразу соскочил с коня — его добро — за хвост взялся — хоп! Через голову полетел! Оторвались хвосты, пропало все.

— Ай-я-я-я!

— Да како несчастье! Как же они могли?

— Провалились. И чушки провалились.

— Ой, несчастье! Это же мои чушки!

— Хозяйка-то велела связать да в гости свозить, а тут вишь како несчастье — провалились!

Барин на коня сел, уехал обратно. Мужик тоже бесхвостых отвязал, домой поехал. Приехал домой, этих двух чушек заколол. Вернул свое назад.

Вот вишь, как у людей иногда складывается: и умны вроде, и в дураках оказались.

93. Как Ванюшка глупых искал

Жили-были старик со старухой. Был у них сынок Ванюшка. Жили они бедненько, и пришлось Ванюшке уйти в работники. Работал он хорошо, и хозяин дал ему лошадей, чтобы родителям дров навозить.

Вот приехал Ваня домой, ночевал и отправился в лес дрова готовить. А старики рады, что вырастили кормильца. Растворила старуха блины да поставила тесто на краешек печки, сверху закрыла посуду крышкой, накинула куфайкой, чтобы теплее было, и придавила поленом. А старик захотел отдохнуть и лег на печь. Потянулся и столкнул горшок. Горшок улетел на пол и весь сломался.

Старуха увидела и давай причитать:

— Ой-ёй-ёй! А был бы Ванюшка женатый, да был бы у нас ребеночек — полено б с печки упало да придавило бы ребеночка-то! — Вот рыдат, качается! И старик припарился, вместе с ней заплакал:

— Ой-ёшеньки, да горе-то како-о!

Тут народ собрался около их избы, утешают стариков. А те никак не утешаются, плачут. Едет Ванюшка из лесу, дрова везет. Видит: около их дому народу много собралось, плачут, причитают на разны голоса. Он спрашивает:

— Что тако случилось?

— Ой-ё-ёй! Мамка твоя блины растворила да горшок на печь поставила, чтобы тесто растронулось. А горшок-то и упади! А коли был бы ты женатый, да был бы у тебя ребеночек, да этот горшок упал бы на него — придавил бы ведь ребеночка-то!

Но, узнал Ванюшка, в чем дело, и говорит:

— Поеду-ка я по белу свету, на людей погляжу. Если найду глупее вас, вернусь домой, а не найду, не вернусь!

Сгрузил дрова, коней покормил и поехал по белу свету.

Вот едет день, едет другой. Заехал в деревню. Видит — народ вокруг бани столпился. Кричат, спорят. Ванюшка подъехал, смотрит — мужики корову на баню тащат.

— Вы пошто, мужики, корову-то на баню тащите?

— А евон на бане скоко травыросло. Пусть корова ее съест, — ему отвечают.

Ваня рассердился — но это же каку дурну голову надо иметь, чтобы корову на бане пасти. Вот он рассердился, заскочил на крышу, всю траву навырывал и сбросил вниз корове. Сам думат: «Но, эти подурней наших будут. Ладно, посмотрим, чё дальше будет». Вот едет дальше, опять же заезжат в деревню. Видит — большая лужа, а в этой луже лежит чушка с поросятами. Решил Ваня шутку сыграть. Подошел к свинье и давай кланяться и приговаривать:

— Ты, Аксинья, а моя мать — Апросинья, она завтра именинница и наказала мне звать тебя на именины!

А хозяйка-барыня вылупилась на эту картину — ничё понять не может. Отправила стряпуку узнать, пошто это парень кланяется их свинье. Та побежала, спрашивает Ванюшку:

— Чё это вы нашей свинье кланяетесь? — Ваня ей сказал. Побежала стряпка хозяйку обрадовать:

— Дак ить наша-то свинья — Аксинья, а его мать Апросинья, она завтра именинница и заказывала нашу чушку, ее крестницу, с поросятами в гости.

Барыня удивилась, велела посадить в телегу к Ванюшке Аксинью с поросятами, собрать гостинцев всяких разных и отправить их имениннице. Ванюшка погрузил все это и поехал домой. Маленько погода вернулся муж хозяйки. Она ему скорей похвасталась:

— Вот какой почет нам! Нашу свинью и то на именины приглашают.

— Как так? Кто?

— А вот так: Ванюшка пригласил и увез. Его мать нашей свинье крестная. Я и гостинцев им всяких-разных наложила!

Муж все понял и говорит:

— Дура ты дура! Обманул тебя этот Ванюшка!

А Ваня приехал домой, говорит родителям:

— Здравствуйте! Вот и вернулся я к вам, потому что белый свет велик, и много на нем и глупых, и умных!

Сгрузил чушку с поросятами, гостинцы стаскал в избу. И устроили они тогда пир. Я там тоже была, мед-пиво пила — по усам текло, а в рот ничё не попало!

94. Про Ванюшку-дурачка

В некотором царстве, в некотором государстве, именно в том, в котором мы живем, не на небе — на земле жила вдова. У нее было два сына: один умный был детина, а второй — Ванюшка-дурак. Умный пас баран, а Ванюшка помогал, где попросят.

Вот один раз мать испекла блинов да пирогов, дала их Ванюшке, горшочек со сметаной дала и велела отнести брату.

Идет Ванюшка, песенки напеват. Вдруг увидел свою тень. Подумал, что это другой человек рядом с ним идет, и спрашивает:

— Чё тебе нужно? Блин? — Бросил блин. Немного отошел, смотрит — этот человек опять за ним идет. Он снова бросил ему блин. Так и сбросал все. Обернулся, а человек опять идет за ним.

Ванюшка рассердился и закричал:

— Чего тебе надо?! Я и так тебе все блины и пироги отдал! — И горшком его по голове. Приходит к брату и кричит:

— О, брат! Я тебе поесть принес! — Умный обрадовался, подбегат:

— А где же, давай скорей!

А Ванюшка показыват на тень и говорит:

— Вот этот мужик выпросил у меня все блины. Я ему все сдавал, а он за мной идет и идет. Тогда я рассердился и ударил его горшком со сметаной.

— Экий же ты дурак! Да это же тень твоя! Паси теперь баран, да смотри, чтоб они не разбежались. А я пойду обедать.

Когда брат ушел, Ванюшка давай баран грудить, чтобы не разбрелись в стороны. Грудил, грудил, наконец надоело ему их гонять. Он взял да всем баранам глаза повыкалывал и в мешочек сложил. Бараны встали на одном месте, не разбредаются.

Вот вернулся старший брат:

— Чии это бараны без глаз?

— Да это я нашим баранам глаза повытаскивал, а то они разбредаются. —

Подает умному мешочек с глазами.

Тот отколотил хорошенько Ванюшку.

Вот пришло время женить старшего брата. Мать говорит:

— Ступай, Ванюшка, в город, купи для свадьбы куль соли, десять горшков глиняных и сто деревянных ложек.

Приехал он в город, купил стол прямо с закуской, куль соли купил, десять горшков глиняных и сто деревянных ложек. Поехал домой. Ехал-ехал — лошадь пристала, Ванюшка и говорит:

— У лошади четыре ноги, у стола тоже четыре ноги. Дак пусть он сам и идет. Снял стол с телеги, сам дальше поехал. Тут птицы налетели, склевали все со стола. Едет дальше. Вот стоят пни. Ванюшка поглядел, поглядел на них и говорит:

— Вы чё же, братцы, без шапок-то? Голову солнцем вам прокалит, нате хоть горшки. — Взял и надел горшки на пни. Поехал дальше. Доехал до реки. Спрашивает у лошади:

— Ты, наверно, пить хочешь?

Лошадь не пьет. Он взялся воду в реке солить, чтобы вкусней была. Весь мешок соли высыпал — лошадь все равно не пьет. Тогда он осердился и столкнул ее в воду. Остались у него ложки в мешочке. Взял мешочек за плечи и пошел по дороге домой. Идет, а ложки в мешочке — бряк да бряк! Ему показалось: «Ванюшка-дурак!»

— А-а, вот я вам покажу «Ванюшка-дурак»! — Взял и выбросил ложки на дорогу. Идет дальше и приговаривает:

— Вот вам «Ванюшка-дурак!» Вот вам «Ванюшка-дурак!»

Пришел домой, мать спрашивает:

— Ну чё, Ванюшка, купил?

— Все, мама, купил! Я даже стол прямо с закуской купил!

— А где же твои покупки?

— Да стол сзади идет, потому что лошадь устала и я подумал: у лошади четыре ноги, у стола тоже четыре ноги — пусть он сам домой идет. — Мать и говорит:

— Глупый ты, Ванюшка. Стол-то деревянный! А где горшки?

— Еду я по лесу и вижу: мужики дрова рубят, а шапок на них нету, и солнцем им головы напекло. Вот я вместо шапок горшки им и надел, чтобы головы не напекло.

— Ой, дурень! Да это же горелые пни, а не мужики. А где же соль?

— Я стал поить лошадь в реке, а она не пьет. Тогда я стал солить воду, а лошадь все равно не пьет. Я тогда осердился и столкнул ее в воду. Она сама приплывет.

— Ну, а где же ложки?

— Хы, ложки я понес на горбу, а они ишо дразнятся: «Ванюшка-дурак! Ванюшка-дурак!» Я взял и всех их перетоптал.

Брат рассердился на Ванюшку, затолкал его в амбар и под замок посадил. А там у них стояла огромная бочка вина. Вино в бочке так и ходит, так и ходит. Ванюшка послушал и говорит:

— Бедняга, заткнули тебя там, надоело тебе! Я счас тебя выпущу погулять. — И выдернул пробку. Пробку выдернул — вино все выбежало. Ванюшка сам допьяна напился, потом взял деревянно корыто и давай плавать по амбару. Песни распеват.

Услышала мать и посылат брата посмотреть, чё такое:

— Иди, посмотри, чё там наш дурень развеселился.

Брат открыл амбар, видит — Ванюшка в корыте плавает, а вино все выпущено из бочки. Рассердился и говорит:

— Все-таки я отделаюсь от дурака!

Посадил Ванюшку в мешок и потащил его топить. Притащил к перекату, оставил на берегу мешок и побежал искать место поглубже. А в это время мимо мешка проезжал купец. Ванюшка услышал и давай кричать, возиться в мешке. Купец слез, спрашивает:

— Кто ты и зачем сидишь в мешке? — А Ванюшка говорит:

— О, вы меня не трогайте. Счас прилетит ангел и потащит меня в рай. Ишо много золота мне обещали.

Услышал купец про золото и стал умолять:

— Будь добрый, пусти меня в мешок! Я отдам тебе свою тройку за это!

— Тогда побыстрей развязывай мешок и садись туда, а то вот-вот ангелы прилетят. А когда прилетят, ты с имя не разговаривай, а то по голосу узнают, что не я.

Завязал Ванюшка мешок, сам сел на тройку и поехал домой. А брат вернулся, взял мешок и утопил купца в реке. Идет домой довольный, что избавился от дурака. Домой приходит, а Ванюшка уже там.

— Ты как тут?

— О, брат, спасибо тебе, что ты меня утопил: как хорошо-то там в морском царстве: тройки коней бегают, лови, каки любви. Я вот поймал, приехал домой.

У старшего брата глаза от зависти разгорелись. Стал Ванюшку просить, чтобы он утопил его. Сам влез в мешок, велел Ванюшке утащить к реке и бросить в воду. Ванюшка так и сделал. А сам стал жить-поживать да добра наживать.

95. Ваня-дурачок

У одной вдовы был сынок Ванюшка. Роста высокого, характера доброго, только ума малого. Мать его так учит, а он с простой души эдак делает — все у него наоборот.

Один раз Ваня идет, видит: на гумне мужики хлеб молотят. Он остановился, шапку снял, поклонился и говорит:

— Молотить вам три дня, намолотить три зерна!

Те осердились. Работу бросили, отмутузили сгоряча Ванюшку. Еле вырвался, бежит домой. Мать его спрашивает:

— Чё, сынок, с тобой?

— А я, мама, шел мимо гумна, там как раз хлеб молотили. Я шапку снял, поклонился и сказал: «Молотить вам три дня, намолотить три зерна!» Мужики почему-то осердились и меня давай бить.

— Э, сынок, тебе бы надо по-другому сказать: «Молотить вам не перемолотить, возить не перевозить, таскать не перетаскать!» — этак по-людски бы и вышло.

— Ладно, мама, теперь так буду говорить.

Вот опять идет по деревне Ванюшка, а навстречу ему покойника несут, на кладбище. Парень думает «Отличусь сейчас», — и кричит во все горло:

— Возить вам не перевозить, таскать вам не перетаскать!

И в этот раз всыпали Ване хорошенько. Он, бедный, бежит домой, плачет. Мать:

— Что опять?

— Несли покойника, а я крикнул им: «Возить вам не перевозить, таскать вам не перетаскать!» — меня хуже прежнего поколотили.

— Оё-ё, что же мне с тобой делать? Тебе в таком случае надо бы встать на колени в светлое место, помолиться да сказать: «Царство небесное, святое место».

— Ладно, теперь так и сделаю.

Вот идет, навстречу свадьба. Ванюшка встал на колени, молится и говорит:

— Царство небесное, святое место... — не успел закончить, его парни смяли и отлупили. Идет к матери, плачет.

— Что, сынок?

— Опять побили... — все рассказал матери.

— Эх, горюшко мое! В таком случае ты бы скрипочку взял да заиграл на ней веселую. Вот и было бы как раз — свадьба все-таки.

Ладно. Идет снова Ваня по деревне, видит: люди пожар унимают, дом горит. Он скрипочку берет и давай «подгорну» играть, веселую! Опять ему досталось на калачи. Идет, плачет.

— Мамка, скрипку мою разбили, меня поколотили...

— А что такое?

— Да дом горел, а я на пожаре веселую заиграл.

— Ой, глуп-глуп... взял бы метелочку, воды бы принес, заливал бы да заметал — вот и помощь от тебя.

— Вот так теперь и буду делать.

Как-то видит — мужики свинью закололи и палят. Ваня думат: «Теперь отличусь!» Скорей принес воды — бух на солому (раньше паяльных ламп не

было, дак палили соломой)! Только пар да пепел во все стороны. Конечно, опять поколотили бедного Ванюшку.

Мать встретила, спросила, кто обидел. Он все рассказал.

— Ой, горе мне с тобой, Ваня, горе! Тут бы надо сказать: «Хорошее мясо! Чтобы вам этим кусочком в праздник разговеться!» Вот тебя бы похвалили.

Ванюшка опять идет по улице. Видит — за углом поп сидит. Ваня как заревел:

— Чтоб вам в светлый престольный праздник этим кусочком разговеться!

Поп соскочил и отмутузил дурня. Так Ваня и не исправился.

96. Про Фому и Ерёму

Жили-были старик со старухой, и было у них два сына. Одного звали Фома, а другого Ерёма. А прозвища были у них Недодел и Передел. Отправит отец Фому теленку сена накосить охапочку, — тот литовку берет и идет на луг. Выберет траву погуще и напластат... целу горсть. Когда вернется, отец его выругат и начинают отправлять Ерёму. Тот тоже литовку забирает, на луг уходит. И косит, и косит — чуть не весь луг выкосит. Не дай Бог, дождь! Ждут его, ждут — нету! Отец побежит, Ерёма уже вывалил целую полосу. Наберут вязанку, притащат телку.

Потом матери надо суп заправить. Она посылат Фому нарвать укропу да свекольного листа. А он пойдет и притащит перышко укропу да листик свеклы. Ерёму отправят, тот весь укроп, всю свеклу выдергат, сгребет в охапку и прет матери.

Грешили старики с этими помощничками, грешили и решили их спровадить странствовать. Мол, пушай по белому свету походят — ума поднаберутся, может быть. Говорят сыновьям:

— Валите, ребята, постранствуйте по белому свету, может, вас добры люди уму-разуму научат!

Наложила мать им сухарей по сумке и отправила. Благословила, как это было заведено. Отправились Фома да Ерёма, горя им мало. Идут, хлеб жуют, водичкой захлебывают. Неделю идут, другу... Вот просыпаются раз, хотели поесть — сумки-то у них просты! Все съели. Но вот чё им делать? Вдруг слышат: колокол ударил. Деревня, стало быть, близко. Побежали на звон колокола. Пришли в деревню. Церковь там, около церкви поп живет.

Братья подошли к окошку и смотрят. Там поп с попадьею чай с кренделями пьют. А ребята голодны как собаки! Поп их увидел:

— А, нищета! В батраки пришли наниматься?

— Ага, в батраки.

— Как вас звать-то?

— Недодел и Передел.

— Но заходите, только денег я вам платить не буду, за харчи будете работать.

— Ладно.

Поп довольный, но чё же — даровых работников нашел!

Вот собираться поп на церковну службу с попадьею, а работникам дает задание:

— Ты, Передел, всю посуду песком отчисти, потом вымой хорошенько рамы и стекла в доме. А ты, — Недоделу наказыват, — вытаскивай на улицу из дома постели, сундуки — все развешивай, чтобы хорошенько просохло. Вон какой день разыгрался!

Но ладно. Поп с попадьею в церковь ушли. Поп начал службу служить, сам в окно поглядыват, думат: «Вот хороший денек — все как есть просохнет!»

А братья взялись за дело. Недодел всю одежду, всю постелю повытаскивал во двор, давай хлопать, трясти, развешивать. А Передел посуду трет. Так разошелся, что все тазы, кастрюли до дыр прошоркал — просто все светит насквозь! Потом рамы вымыл, стекла вымыл, тоже чуть не до дыр. Чё же ишо делать? Рамы повытаскивал, стекла тоже повытаскивал. Шкранты из рам выбил, разобрал на части и сложил у стены.

Недодел не торопится, развешиват все. Вдруг ниоткуда тучу нанесло — дождик линул! Поп увидел в окошко, заревел:

— Караул! — И из церкви бегом. — Караул! Все добро мое пропадет! Все перемочит! — Народ следом бежит... Вот прибежали. Смотрит — все как есть утонуло! На матрасах целы озера стоят! Рев поднялся! Попадья кинулась посуду смотреть, схватила таз-от и хотела парней им возить. Смотрит — дно-то одне дыры, как решето.

Братья от греха подальше смотались под шумок.

Вот идут, идут. На третий день пришли в деревню, подошли к богатому дому. Хозяин спрашивает братьев:

— Чё, нищета, в батраки?

— В батраки.

— Каку же плату просите?

— Кормили бы — вот и плата вся нам.

Богач довольный — даровых работников нашел.

— Добро, — говорит, — получайте работу. — Дал Переделу топор, пилу, велел дрова пилить да колоть. Недоделу достал ведро краски и кисть, велел крышу красить, крыша у него была железом крыта. Наказыват:

— Я с женой поеду в поле, а ты к вечеру крышу покрась, да смотри, краски много не трать! Капельки не роняй зря. Чтоб хватило краски на крышу! — И уехал в поле.

Но, братья занялись. Один пилит, колет, в поленницу складыват. Быстро все дрова испилил, переколол, в поленницу уложил. «Паря, — думат, — чё же ишо делать?» Рядом строевой лес лежал. Он давай и его пилить, хлестать...

А второй-то брат, Недодел, выкрасил одну сторону крыши и забыл, что втора сторона есть. Стал по углу слезать, а тут ветер — ведро с краской выпало из рук и на землю. Краска вылилась вся. Тут чушки хозяйски рылись. Подошли к луже краски и давай в ней кататься. Были белы — стали зелены! Которы пеганы. Тут хозяин едет с поля. Подъезжат к дому с крашеной стороны.

— О-о, паря, работников-то я каких добрых нашел!

Тут чушки бегут навстречу, котеры пеганы, котеры зеленые.

— Это кто же чушек-то догадался выкрасить, какой хозяин?

Потом пригляделся — это же его чушки! На дом взглянул — только полкрыши выкрашено! Там — строевой лес на дрова ушел! Давай гонять этих работников! Еле убежали.

Вот убежали они от этого мужика-богача, идут по дороге. Ночь их постигла. Видят — избушка стоит, скотный двор, сенник. Братья боятся стучать. Залезли в копну сена и уснули.

А в этой избе жила старушка. Утром она встала, вышла во двор и видит, что в копне сена два молодца спят. Она вернулась домой и давай пирожки стряпать, чтобы накормить их. Тепериче, парни встали. Старушка им:

— Но чё ж, гости, раз пришли, заходите в избу.

Они зашли в избу. Там уже самовар шумит, пирожки готовы.

— Но давайте мойтесь да за стол садитесь. — Они помылись, сели за стол и давай пирожки уминать. Она им не успевает подкладывать. Все-таки наелись. Старушка спрашивает:

— По какому вы делу?

— Да вот, бабушка, ищем, кто бы нас уму-разуму научил, а то зовут нас только Переделом и Недоделом, а родные имена мы уже сами почти забыли.

После завтрака бабушка отправляет Передела зерно молоть на жерновах. Ручные жернова были. Другому дает удочки:

— Иди, паренек, на речку и лови рыбу. Мы к тебе уху ись придем. — Отправила обоих.

Передел взял мешок пшеницы, унес к жерновам да и высыпал весь мешок сразу. Взялся крутить — жернова не промалывают, кругло зерно летит. Он пошел к старушке:

— Чё тако, бабка, мельница у тебя обленилась, не мелет!

Та пришла, посмотрела:

— Дак ить не так надо молоть-то. Надо ить горсткой подсыпáть — вот и будет тебе мучка.

— Много молоть?

— Да куда много? Решето намели и хватит нам на блины.

Парень взялся молоть — пошло дело. Намолол.

— Ну теперь пойдем к тому, — старуха говорит. — Уху ись. К брату моему.

Пошли. А Недодел удочки забросил и забыл про них. Рыба попалась большая, удочки под кусты утащила. Он — ноль внимания, давай камышинки рвать и дудочки из них мастерить. Все руки порезал камышом да осокой, а дудочку не сделал. Тут приходят старуха и Передел.

— О-о! Смотри-ка, чё у тебя деется! Доставай-ка удочки. — Он полез достал.

— Наживляй да забрасывай снова. — Он забросил. Вот клюнуло! Поймал рыбку. Потом ишо, ишо... Чё-то скоро на уху набросал. Почистили рыбу, давай уху в котелке варить. Наварили ухи, наелись. Старушка говорит:

— Вот так и делайте: сначала обдумайте, потом работу исполняйте.

И с тех пор все хорошо пошло у ребят. Стали опять их звать Фомой да Ерёмой.

97. Как жить: с деньгами или с детьми?

Раньше стары люди говорили: надо жить с детьми, а не с деньгами. А теперь-то вроде как по-другому выходит.

Вот жили-были старик и старуха. У них было четверо детей: три дочки и сын. Жили они все дружно, но небогатенько. Пришло время — дочки выросли и ушли замуж. Потом женился и сын. Женился и отделился от отца. Вот живут все в разных деревнях.

Старик со старухой остались в своей избенке. Но, како-никако хозяйствишко у них было: коровенку держали, чушонку к седьмому подростят — заколют. А все-таки стары. С водовозом договориться — бутылка, дровишек привезти — тоже бутылка. Вот и бьются без замены-то. Старик раз и говорит:

— Надо было, старуха, нам деньги копить, все бы счас полегче было. — Она ему:

— Ничё! Будем с детьми жить! Вот завтра же поеду к дочерям!

Назавтра поехала старуха к дочерям. Приезжат к старшей, к Зине. Та:

— О-о, мама приехала. Куды же мы тебя спать-то уложим? Оё-ё.

Старухе это маленько не пондравилось. Но ничё, промолчала. Притащили откуда-то раскладушку, постелили ей на раскладушке. Перву ночь проспала. А наутро встали, Зина и говорит:

— Ты бы, мама, ехала к Тане. У ней же, знашь, квартира большая, места много.

Чё делать, старуха поехала ко второй дочери, к Тане. Таня тоже мать встретила нерадостно:

— Ой, мама, мужик-то у меня беспокойный. Выпиват и дерется, бывает.

— Ничё, я поживу.

Вот живут. Старуха варит, в магазин бегат, корову доит — хлопот полон рот. К концу недели, в субботу, Танин мужик приходит с работы поздно, распьяной, ноги еле тащит. Тешша чё-то заворчала, он и взъелся на нее:

— А это хто тут ползат? Чтобы ноги не было!

Но и все. Назавтра старуха собирается и едет к третьей дочке, к Лене. Приехала, добралась. А Лена живет у свекровки. Та на сватью давай косо взглядывать, командовать давай, ворчит все время. Прожила старуха у малой дочери с полмесяца, засобиралась:

— К сыну поеду, там поживу.

— Ладно, мама, — дочка ей, — поезжай к братке.

Приехала старуха к сыну. Он в окошко ее увидел, встретил.

— Ой, мама приехала!

Сын взял мать на руки, занес в избу и говорит жене:

— Куды маму посадить?

— За печку посади.

Сын говорит:

— Надо маму покормить.

— Надо — корми.

Вот помучилась старуха за печкой. Посидела там и говорит:

— Запрягай, сынок, коня, поеду домой.

Приехала, старик ее встретил:

— Ой, ты моя-то приехала!

А старуха говорит — она тоже хитренька была:

— Ой, ногу я сломала. — А ногу замотала заранее, чтобы старик видел.

Старик занес ее в избу, на койку уложил, сам за фершалом побежал. Пока фершал старуху смотрел, старик обед налаживал. А она тем временем фершала уговорила, он подзывает старика и говорит ему:

— Вы уж ничё не заставляйте ее делать, пока она сама на ноги не подымет-ся. — Скоро Паска подошла, старик всю избу выбелил к празднику. А старуха встала с постели и у стола сидит.

Потом говорит старику:

— Вот, старик, ты правду сказал: видно, надо жить с деньгами, а не с детьми.

Оно теперь так и выходит.

98. Сватовство

В одной деревне жили мужик и баба. У них был сын.

Вот подошло время парня женить. Подобрал отец свата и поехали в соседнюю деревню девку сватать.

Едут пока, по дороге договариваются, как будут разговаривать. Решили, что один будет рассказывать, а другой — удваивать. Приехали, коней поставили. Заходят в избу. Зашли, разговорились. Отец на вопросы отвечает, а сват удваивает. Хозяйева спрашивают:

— И сколько же у вас коней?

— У меня пара коней. — А тот:

— Да ты, паря, чё? У тебя же четверо!

Дальше — больше. Эти глядят. Думают: справно сваты живут!

В конце концов дело сошлось. Тут сват и говорит:

— Есть, паря, одна повинка у жениха: недовидит.

А второй сват:

— Да что недовидит! Совсем не видит!

Дело-то и разошлось. Пришлось сватам несолоно хлебавши возвращаться. Едут потихонечку, первый-то сват и говорит:

— Что же ты, сват, так меня подвел?

— А ты же сам просил все удваивать, вот я и удвоил.

99. Природа науку одолела

Жил раньше шут Балакирев. Он жил при царе — шутил там у него. А у царя был кот ученый, грамотный — документы подписывал за царя. И вот заспорили царь с шутом. Царь показывал на кота и говорит:

— Видишь, наука уже природу одолевает!

А шут говорит:

— Нет! Природу никто не может одолеть!

Вот заспорили. Но, шут говорит:

— Я тебе докажу на деле.

Так прошло, может, несколько время. Вот шут поймал мышь обнаковенну. Связал ее на ниточку и приходит. Приходит к царю, царь сидит в кабинете. Вот шут выжидает сидит. Кот у царя на столе. Вот тепериче царь коту подкладывает:

— На, Вася, подписывай.

То-олько кот забирает, ручку в чернилку, а шут взял да мышь-то отпустил по столу. Но, кот чё же, увидал — кинулся, опрокинул чернилку, документы все залил чернилами и все же эту мышь поймал. Царь соскочил:

— Ты чё это наделал?!

— Дак что, вы же говорили, что наука одолевает природу. А видите — природа науку одолела.

Видел как!

100. «Глухие» бабы

Один раз шут Балакирев царицу со своей старухой свел. К царице пришел, она его увидела:

— Ты бы хоть свою старуху привел ко мне. Мы бы с ней посидели, побеседовали.

— Ково, — говорит, — ты с ней побеседуешь, она же глуха. Ей не доревешься ничё, моей-то старухе. — Она:

— Но ничё, я пореву. — Но теперича приходит домой к своей.

— Тебя, — ей говорит, — царица приглашала. Но ведь как ты с ей реветь-то будешь? Глухушша она ить, ей реветь надо — ужась как! — опять своей-то бабе. — Та:

— Ничё, я пойду, побеседую. Пореву, ничё.

Вот он ее приводит. Заходит, ее заводит. Та хайлат:

— Здра-авствуйте! — А царица ишшо пушше ей ревет:

— Здра-а-авствуйте! — А он заскочил к царю и говорит:

— Иди-ка послушай, наши-то старухи с ума сошли! Вот ревут! — Тот послушал — верно. Заходит:

— Вы чё орете-то? — А царица показыват:

— Дак ить она глуха! — Та глядит.

— Не, я не глуха! Ты глуха!

Но и вот. А потом оказалось: они обе не глухи.

101. Полтора́ста плеши́вых

Раньше же в церковь молиться ездили. Вот царь в церковь ехать собрался и шуту говорит:

— Ты мне вызови к церкви Тараса Плещеева!

— Ну, хорошо. — А его приказы тоже выполняли, шута Балакирева. Он живо приказ дает:

— Собрать полтора́ста плеши́вых!

Но, теперича чё, набрал он сто сорок девять, только одного не хватает. Выстроил всех этих плеши́вых возле церкви-то. Вот царь едет на карете, смотрит: что за строй стоит? Шут Балакирев командует плеши́вым:

— Шапки сня-ать! — Все сняли — все лысы стоят. Он бежит с рапортом:

— Ваше императорское величество, только набрал сто сорок девять, одного не хватат!

— Дак, а ты ково?

— Дак вы же мне велели полтора́ста плеши́вых набрать!

— Дурак ты, я, — гыт, — тебе велел вызвать Тараса Плещеева! — А он ему полтора́ста плеши́вых набрал. Вот каку штуку отмочил!

102. Царь над мухами

Вот царь собрал генералов, адмиралов разных, собрались у него это, вся свита, на бал какой-то. Он теперь, шут Балакирев, и говорит царю:

— Слушайте, ваше величество, что же это я никакого чина не имею! Ты меня хоть уполномочь — пусть буду я над мухами царем.

Тот захохотал:

— Будь, мне-то чё!

— Нет, вы документально оформите, приказ издайте. Я тогда стану царем. А так я не буду.

— Но ладно. — Взял для пакости, для смеху вроде как — раз, два — и приказ. Дескать, вот дак царь — над мухами!

Но, тут бал собрался, Балакирев ходит, гонят мух. Она где сядет, он ее гонят ходит по залу. Один пузан сидит, лыса голова, и у него, может, села, а может, не села муха, на лысину-то. Шут Балакирев подскакивает — хлесь его палкой по лысине-то! Линейкой. Тут все пососкакивали.

— Он чё дерется?! — Он гыт:

— Нет, вот видите, я свою подчиненну убил, муху. Села она на такую важную личность — я ее убил!

Вот зараза!

103. «Куды ходил?..»

- Куды ходил?
- Славил.
- Кого выславил?
- Калачик.
- А где калачик?
- Сучка съела.
- А где сучка?
- Под огородом лежит.
- А где огород?
- На огне сгорел.
- А где огонь?
- Водой залили.
- А где вода?
- Быки выпили.
- А где быки?
- В гору ушли.
- А где гора?
- Черви выточили.
- А где черви?
- Гуси выклевали.
- А гуси где?
- В ерник убежали.
- А ерник где?
- Девки выломали.
- А где девки?
- Замуж ушли.
- А где мужья?
- На войну ушли.
- А где война?
- Посередь г...!

104. «Я сидела на пеню...»

Приходит баба к старосте, жалуется:

- Я сидела на пеню,
Ела кашу репяну.
Подошел ко мне татарин,
Меня по уху ударил.
Ой ты, староста-судья,
Разбери наши дела!
— А как ваши дела?

— А вот каки:

Я сидела на пеню,
Ела кашу репяну...

и т. д.

105. «Корова есть...»

Корова есть — корову дал тесть,
Корова бура — корова будет,
Корова пёстра — доилась хлёско:
Давала молока ведер по сто.
Я ее убил. А зад к стене привалил
Да еще лет двадцать доил.
Она и счас есть, ее дал тесть,
Корова бура — корова будет ... и т. д.

106. Дед Микитка

Жил-был дед Микитка, была у него серая свитка, шкурная шапка, железная палка. Хорошая сказка? Ты говоришь хорошая, я говорю хорошая... (все сначала).

107. Три брата

Нас было три брата: Егор, Василий и Степан. Вот мы поехали на охоту, недалеко. Теперь едем, глядим — козы! Много их. Егор стрелил: «бух!» — сразу двух! Василий стрелил: «грох!» — сразу трех. Вот мы их набили.

У нас была сера кобыла. Связали коз — кобыла не увезла. Давай мы их обдирать. Шкуры сняли, давай веревку вить. Вережку свили — воз связали, за веревку и протянули к мельнице — недалеко была мельница.

К мельнице веревку связали, облили веревку керосином, зажгли — веревка стала садиться и воз подтянула к мельнице.

У нас была ишо корова, доилась с хвосту, давала ведер по сто, к заплоту привалишь да ишо доишь! Потом зад-то отрубили да ишо десять лет доили!

108. Вставал поутру-вечеру

Я вставал поутру-вечеру, на босу ногу топор надевал, топорищем подпоясывался. Не путем-дорогой шел — подле лыка гору драл. Увидал на утке озеро. Шиб его — перешиб, шиб — недошиб, потом попал, да мимо. Утка всколых-

нулась, озеро улетело. Я на поскотину прихожу, а там корова хозяйку пасет. Я говорю:

— Тетенька, дайте мне, пожалуйста, полтора молока парного стакана!

Она послала меня к бабушке. А бабушка живет недалеко — среди неба в непокрытой улице, на гладком месте, как на бороне кверху зубами. Я пришел, а бабу печка топит. Я спросил — она как выхватит из полена печку, да за мной, я полетел, а на дворе-то собака. Я выхватил из оглобель сани да кое-как тем и оборонился.

Приложения

Примечания

В примечаниях даны следующие сведения: инициалы и фамилия сказочника, год записи сказки, фамилия собирателя. В скобках помечены сказки, записанные на магнитную ленту. Названы место и единица хранения оригинала, сюжет и его номер в «Сравнительном указателе сюжетов. Восточнославянская сказка» Л. Г. Барага, И. П. Березовского, К. П. Кабашникова, Н. В. Новикова (см. список сокращений — СУС). Если сюжет не учтен в СУС или учтен, но существенно отличается от канонического, то кратко передано его содержание.

Для сравнения с современными записями указаны варианты сказок, опубликованные в разных сибирских сборниках с начала века.

После слова «ВАРИАНТ/Ы/» приведены краткие сведения (от кого, когда сделана запись, название и номер сюжета, отличительные особенности) о забайкальских сказках, не вошедших в данный сборник и хранящихся на кафедре советской литературы Иркутского государственного университета³. Название и номер сюжета варианта, полностью соответствующего сюжету публикуемой сказки, не указаны.

Названия сказок, помеченные звездочкой, даны составителем.

Принятые сокращения

АА — Андреев Н. П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. — Л., 1929.

Афанасьев — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. / Подгот. текста, предисл. и примеч. В. Я. Проппа. — М., 1957. Т. 1–3.

Василенко — Сказки, пословицы, загадки: Сборник устного народного творчества Омской области / Ред., подгот. текста и сост. В. А. Василенко. — Омск, 1955.

Верхнел. — Верхнеленские сказки: Сборник М. К. Азадовского. — Иркутск, 1938.

Винокурова — Азадовский М. К. Сказки Верхнеленского края. Вып. I. — Иркутск, 1925.

Герасимов — Г-/ерасимо/в Б. Сказки, собранные в западных предгорьях Алтая // Зап. Семипалатинского отд. Рус. геогр. о-ва. 1913. Вып. VII. — С. 1–87.

Гуревич — Русские сказки Восточной Сибири. Сборник А. Гуревича. — Иркутск, 1939.

Записки Красн. — Записки Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества: По этнографии. Т. I, вып. I / Под ред. А. В. Андрианова. — Красноярск, 1902; Т. I, вып. II / Под ред. Г. Н. Потанина. — Томск, 1906.

³ В настоящее время весь сказочный архив передан в Государственный архив Иркутской области.

Зиновьев, I — личный архив собирателя, раздел I — «Сказки». — Государственный архив Иркутской области.

Избр. мастера — Русская сказка: Избранные мастера / Ред. и коммент. М. Азадовского. — [Л.], 1932. Т. I–II.

Кожемякина — Сказки Омской области. Записаны И. С. Коровкиным от А. С. Кожемякиной / Ред. Н. А. Каргаполов. — Новосибирск, 1968.

Кожемякина, 1973 — Сибирские сказки. Записаны И. С. Коровкиным от А. С. Кожемякиной / Ред. Н. А. Каргаполов. — 2-е изд., доп. — Новосибирск, 1973.

Красноженова — Сказки Красноярского края: Сборник М. В. Красноженовой / Под общ. ред. М. К. Азадовского и Н. П. Андреева. — Л., 1937.

Красноженова, 1940 — Красноженова М. В. Сказки нашего края / Предисл. и ред. С. Ф. Савинича. — Красноярск, 1940.

Кучерявенко — Кучерявенко В. Сказы Дальнего Востока. — Хабаровск, 1939.

Магай — Сказки Магая (Е. И. Сорокикова). Записи Л. Элиасова и М. Азадовского / Под общ. ред. М. К. Азадовского. — Л., 1940.

Магай, 1968 — Сказки и предания Магая. Записи Л. Е. Элиасова. — Улан-Удэ, 1968, Отд. «Сказки». — С. 69–280.

Матвеева — Русские народные сказки Сибири о богатырях / Сост., вступит. статья и коммент. Р. П. Матвеевой. — Новосибирск: Наука, 1979.

Матвеева, 1980 — Русские героические сказки Сибири / Сост., вступит. статья и коммент. Р. П. Матвеевой. — Новосибирск: Наука, 1980.

Матвеева, 1981 — Русские волшебные сказки Сибири / Сост., вступит. статья, коммент. Р. П. Матвеевой. — Новосибирск: Наука, 1981.

Мельников — Мельников М. Н. Русский детский фольклор Сибири. — Новосибирск, 1970.

Прибайк. — Гуревич А. В., Элиасов Л. Е. Старый фольклор Прибайкалья. Т. I / Вступит. статья и примеч. А. В. Гуревича. — Улан-Удэ, 1939.

Сиб. — Сказки из разных мест Сибири / Под ред. М. К. Азадовского. — Иркутск, 1928.

Соболева — Русские народные сатирические сказки Сибири / Сост., вступит. статья и коммент. Н. В. Соболевой. — Новосибирск: Наука, 1981.

СУС — Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. — Л.: Наука, 1979.

Труды — Сборник трудов профессоров и преподавателей Иркутского Гос. ун-та: Науки гуманитарные. Вып. V. — Иркутск, 1923. — С. 387–388.

Фольк. Сиб. — Фольклор Восточной Сибири / Сост. А. Гуревич. — Иркутск, 1938.

Шастина — Шастина Елена. Сказки ленских берегов. — Иркутск, 1971.

Шастина, 1974 — Сказки Приленья / Под ред. Е. И. Шастиной. — Иркутск, 1974.

Шастина, 1975 — Шастина Е. Сказки и сказочники Лены-реки. — Иркутск, 1975.

Элиасов, Тунк. — Фольклор Тункинской долины / Сост. Л. Е. Элиасов, И. З. Ярневский, Л. А. Соловьева / Общ. ред. и вступит. статья Л. Е. Элиасова. — Улан-Удэ, 1966.

Сказки о животных

1. **ЛИСИЧКА-СЕСТРИЧКА***. Ф.А. Балагуров, 1976. Записал В.П. Зиновьев (магнитная лента). Зиновьев, I, № 1. В сказке соединены шесть сюжетов: «За скалочку — гусочку» (СУС 170), «Лиса и ее хвост» (СУС 154-АА 154 I), «Лиса крадет рыбу с воза» (СУС I), «Волк у проруби» (СУС 2), «Лиса обмазывает голову тестом» (СУС 3), «Битый небитого везет» (СУС 4). Такая контаминация СУС не учтена. Необычное соединение сюжетов 154 и I здесь вполне мотивировано: лиса, вытащенная собаками из норы за хвост, «истрепанная» ими, «лежит еле тепленька» на дороге и «в себя приходит»; кобыла старика, везущая воз рыбы, остановилась перед лежащей лисой; старик забрасывает лису на воз. Ср.: Записки Красн., I, 15; Красноженова, 29. **ВАРИАНТЫ**: Р.С. Бессонова, 1976, СУС 170, 154; В.И. Болванова, 1974, СУС 1, 2, 3.

2. **ЛИСА И ВОЛК**. П.К. Бирюкова, 1975. Записали Т. Казидуб, Л. Кустова, Л. Фецерт. Зиновьев, I, № 3. Сюжет «Лубяная и ледяная хата» (СУС-43*). Сказку исполнительница слышала в детстве от бабушки.

3. **МЕДВЕДЬ И ЛИСА**. Ф.А. Балагуров, 1981. Записал В.П. Зиновьев (магнитная лента). Зиновьев, I, № 3а. Сказка о медведе, который, отвечая на вопрос лисы: «Откуда дует ветер?», упускает добычу (СУС 6). Исполнитель слышал сказку в детстве «от стариков» деревни Верх-Ягьё Шелопугинского района Читинской области. В русских сказках, учтенных СУС, сюжет не отмечен.

4. **НЕПОСЛУШНЫЙ ПЕТУШОК**. М.О. Дутова, 1979. Записали Е. Баева, И. Хоменко, И. Шишкина. Зиновьев, I, № 9. Сюжет «Кот, петух и лиса» (СУС 61 В). Особенностью рассказа является то, что лиса трижды выманивает и уносит петушка, но хозяин два раза настигает ее, на третий раз лиса съедает непослушного петушка, хозяин покупает нового, который оказывается умнее первого и спасается от лисы. Ср.: Записки Красн. II, 3. **ВАРИАНТЫ**: О. Лобин, 1974; В.И. Болванова, 1974; А.Г. Пахмутова, 1979.

5. **ЛИСА И ЖУРАВ**. Ф.А. Балагуров, 1981. Записал В.П. Зиновьев (магнитная лента). Зиновьев, I, № 6а. Известный сюжет «Лисица и журавль» (СУС 60). Исполнитель слышал сказку в детстве «от стариков» деревни Верх-Ягьё Шелопугинского района Читинской области.

6. **ПРО ЛИСУ И ЗВЕРЕЙ**. А.П. Горбачева, 1966. Записали В.П. и Г.Н. Зиновьевы. Зиновьев, I, № 2. Сюжет «Звери в саях у лисы» (СУС 158). Сказочница, уроженка Тамбовской области, знает сказку со слов бабушки. Ср. Кожемякина, С. 102–103.

7. **ЛЕВ И МЫШКА**. Ф.А. Балагуров, 1981. Записал В.П. Зиновьев (магнитная лента). Зиновьев, I, № 6б. Сказка о том, как мышь спасла льва из сетей (СУС 75). Ф.А. слышал сказку в детстве «от стариков» деревни Верх-Ягьё Шелопугинского района Читинской области.

8. **МЕДВЕДЬ И БРЕВНО**. Ф.А. Балагуров, 1981. Записал В.П. Зиновьев (магнитная лента). Зиновьев, I, № 4а. Одноименный сюжет сказки о том, как медведь, желая полакомиться медом, наказывает сам себя (СУС 88*). Ф.А. слышал сказку в детстве «от стариков» деревни Верх-Ягьё Шелопугинского района Читинской области. В русских сказках, учтенных в СУС, сюжет не отмечен.

9. **ГЛУПЫЙ ВОЛК**. П.К. Бирюкова, 1975. Записали Т. Казидуб, Л. Фецерт. Зиновьев, I, № 4. Сюжет «Волк-дурень» (СУС 122 А). Ср. Магай, 1968, 16.

10. ПРО КОШЕЧКУ. Н.Г. Бояркин, 1980. Записал В.П. Зиновьев (магнитная лента). Зиновьев, I, № 10. Близко к сюжету «Зимовье (ночлег) животных» (СУС 130): после смерти хозяев кошечка предлагает гусю, петуху и барану строить дом, но те отказываются; кошечка строит дом одна; с холодами гусь, петух и баран приходят к ней и, угрожая разбить дом, просят перезимовать; все вместе они убивают зайца, лису и волка, поочередно пытающихся проникнуть в дом, запасаются на зиму мясом; кошечка вяжет жильцам теплую одежду из шерсти убитых зверей; приходит весна, и жильцы расходятся, приглашая хозяйку в гости, но, когда та идет к ним, делают вид, что не узнают ее. Рассказчик слышал сказку в детстве от стариков-односельчан. Ср. Герасимов, 23.

11. ПРО КОТА КОТОФЕЙЧА. Н.Г. Бояркин, 1980. Записал В.П. Зиновьев (магнитная лента). Зиновьев, I, № 5. Сюжет «Кот и дикие животные» (СУС 103 А). Ср. Записки Красн., I 15. ВАРИАНТ: Ф.А. Балагуров, 1981 (магнитная лента).

12. ВОЛК И КОЗЛЯТКИ. Ф.А. Балагуров, 1981. Записал В.П. Зиновьев (магнитная лента). Зиновьев, I, № 6. Сюжет «Волк и козлята» (СУС 123), ВАРИАНТ: И.С. Рязанцева, 1969.

13. МУЖИК И МЕДВЕДЬ. Ф.А. Балагуров, 1981. Записал В.П. Зиновьев (магнитная лента). Зиновьев, I, № 4а. Сюжет «Медведь отгоняет мух от хозяина» (СУС 163 А*). Исполнитель слышал сказку «от стариков» деревни Верх-Ягъё Шелопугинского района Читинской области. В русских сказках, учтенных СУС, сюжет не отмечен.

14. СЕМЬ ДЕВОЧЕК И ВОЛКИ*. А.П. Горбачева, 1966. Записали В.П. и Г.Н. Зиновьевы. Зиновьев, I, № 7. Близко к сюжету «Пение волка» (СУС 163).

15. МЕДВЕДЬ — ЛИПОВАЯ НОГА*. Т.В. Елифанцева, 1979. Записали Е. Кобак, Н. Серова. Зиновьев, I, № 11. Сюжет «Медведь на липовой ноге» (СУС 161 А*). Рассказчица слышала сказку в детстве от бабушки.

16. ВЕРШКИ И КОРЕШКИ. Н.Г. Бояркин, 1980. Записал В.П. Зиновьев (магнитная лента). Зиновьев, I, № 12. Сюжет «Дележ урожая» (СУС 1030). Ср. Гуревич, 24.

17. ПРО ХРАБРОГО МЫШЬОНКА. Н.Г. Бояркин, 1980. Записал В.П. Зиновьев (магнитная лента). Зиновьев, I, № 13. Сюжет в СУС не учтен: храбрые мышата во главе с самым маленьким обьели коту «царю Кучуриму» хвост, уши, брови.

18. КОЗА-БОРЗА. Н.Г. Бояркин, 1980. Записал В.П. Зиновьев (магнитная лента). Зиновьев, I, № 14. Сюжет «Коза луплена» (СУС 212). Ср. Герасимов, 19. ВАРИАНТЫ: В.И. Болванова, 1974; М.О. Дутова, 1979; Н.И. Пешкова, 1979 — контаминация сюжетов «Коза луплена» (СУС 212) и «Аленький цветочек» (СУС 425 С).

19. КОЛОБОК. Н.Г. Бояркин, 1980. Записал В.П. Зиновьев (магнитная лента). Зиновьев, I, № 15. Одноименный сюжет (СУС 2025). В.Я. Пропп относит сказки с данным сюжетом к разделу «кумулятивных», то есть построенных по принципу нанизывания повторяющихся мотивов.

20. ПОЧЕМУ СОБАКИ ГОНЯЮТ КОШЕК, А КОШКИ МЫШЕЙ. И. Куденцова, 1975. Записали В. Брагина, О. Литвинова, Т. Максимова, В. Мальцев. Зиновьев, I, № 16. В основе сказки лежит сюжет об утерянном документе на собачьи права (СУС 200). Данный вариант интересен тем, что сюжет здесь расширен за

счет мотива вражды кошек и мышей (мышь сгрызла собачью грамоту, к которой кошки приставили их для охраны).

21. ПОЧЕМУ У КУКУШКИ ГНЕЗДА НЕТ. И. С. Рязанцева, 1969. Записали В. П. и Г. Н. Зиновьевы (магнитная лента). Зиновьев, I, № 13. Сюжет в СУС не учтен: сорока учит птиц вить гнезда; кукушка, не имея терпения выслушать все до конца, обижает сороку, и та улетает; кукушка, не сумев свить своего, откладывает яйца в гнезда других птиц.

22. ПУЗЫРЕК И УГОЛЕК. Е. С. Рюмкин, 1980. Записали Э. Лямина, М. Соловьева, Т. Усова (магнитная лента). Зиновьев, I, № 18. Близко к сюжету «Пузырь, соломинка и лапоть» (СУС 295).

Волшебные сказки

23. БУРКА, КАУРКА И СИНЕГРИВЫЙ КОНЬ. Н. Г. Бояркин, 1978. Записал В. П. Зиновьев (магнитная лента). Зиновьев, I, № 37. Популярная сказка о получении младшим братом чудесных коней — сюжет «Сивко-Бурко» (СУС 530). Ср.: Записки Красн., I, 54, II, 23; Герасимов, II, Красноженова; 23; Шастина, 2. ВАРИАНТЫ: И. С. Рязанцева, 1966 (магнитная лента); А. Д. Филиппов, 1973, с присоединением сюжета «Победитель змея» (СУС 3001); М. К. Пискарев, 1974 (магнитная лента), с присоединением сюжета «Победитель змея» (СУС 3001); С. М. Лагодин, 1976 (магнитная лента), с присоединением мотива сюжета «Нерассказанный сон» (СУС 725): дурак спорит с братьями, что будет у царя зятем, что он будет ноги мыть, а братья эту воду станут пить, — так и случилось. Сказка Бояркина, как и варианты, сохраняет канонические особенности: троичность, традиционные формулы, зачин, концовку. Концовка сказки Филиппова: «Сделали они настоящую свадьбу, все пели, веселились. И я там был, вино пил. По усам текло, да в рот не попало. Дали блин, который тридцать лет гнил. Тот, кто смел, выхватил да съел. Ну да Бог с ним!» Подобная концовка завершает и сказку Лагодина.

24. КОБЫЛИЦА-ЗЛАТЫНИЦА, СВИНКА — ЗОЛОТА ЩЕТИНКА И ЗОЛОТОРОГИЙ ОЛЕНЬ. И. С. Рязанцева, 1976. Записали В. П. Зиновьев и А. Кукса (магнитная лента). Зиновьев, I, № 37а. Сказка слагается из двух сюжетов: «Сивко-Бурко» (СУС 530) и «Свинка золотая щетинка» (СУС 530 А). В первой части прекрасно сохранены троичность, традиционные формулы, во второй эпизоды добывания свинки-золотой щетинки и золоторогого оленя объединены в один. Сказка очень популярна в Забайкалье. ВАРИАНТ: Л. И. Анциферов, 1976, сюжеты «Победитель змея» (СУС 3001) и «Свинка-золотая щетинка» (СУС 530 А).

25. КОНЕК-ГОРБУНОК. Н. Г. Бояркин, 1980. Записал В. П. Зиновьев (магнитная лента). Зиновьев, I, № 36. Сюжет (СУС 531) лежит в основе сказки в стихах П. Ершова, оказавшей впоследствии большое воздействие на народную сказку. Ср. Записки Красн. I, 37; Герасимов, 3; Гуревич, 6, 34; Кучерявенко, С. 45–52.

26. НЕЗНАЮШКА. Ф. И. Дутов, 1968. Записал В. П. Зиновьев (магнитная лента). Зиновьев, I, № 63. В основе сказки сюжет «Незнайка» (СУС 532). Начало — мотив «Отдай, чего дома не оставил» (СУС 811*). В сказке сохранены традиционные формулы, троичность, зачин, концовка. Ср.: Записки Красн., I, 4; Герасимов, 21; Красноженова, 16; Василенко, 2; Кожемякина, С. 11–18; Матвеева, 39.

27. ВАНЮШКА, ВОЛК И КАША БЕССМЕРТНЫЙ. М.К. Пискарев, 1974. Записал В.П. Зиновьев (магнитная лента). Зиновьев, I, № 34. В сказке соединены сюжеты «Царевич и серый волк» (СУС 550) и «Муж ищет исчезнувшую или похищенную жену» (СУС 400₁). Такая контаминация в СУС не отмечена. Известны литературные обработки ведущего сюжета сказки (СУС 550) Н.М. Языковым (1835) и В.А. Жуковским (1845).

28. ПРО БУРЕНУШКУ-КОРОВУШКУ И ТРОЕНОЖКУ-БЫЧКА. И.С. Рязанцева, 1969. Записали В.П. и Г.Н. Зиновьевы (магнитная лента). Зиновьев, I, № 20. В сказке соединены сюжеты «Чудесная корова» (СУС 511) и «Бегство от ведьмы с помощью бросания чудесных предметов» (СУС 313Н*; см. подобный эпизод в сказках: Записки Красн., 11, 10, 20; Кучерявенко, с. 45–52; Шастина, 26). Ср. также сюжет «Бычок-спаситель» (СУС 314 А*, см. Записки Красн., 11, 29). Завершает сказку эпизод «Забытая невеста», характерный для типа 313 С.

29. ПАДЧЕРКА. А.Н. Наседкин, 1969. Записала Л. Кобелева (магнитная лента). Зиновьев, I, № 21. В сказке соединены сюжеты «Чудесная корова» (СУС 511) и «Золушка» (СУС 510 А). Ср. Красноженова, 5.

30. ОТЧЕГО ВОЛК НА ЛУНУ ВОЕТ. Н.И. Литвинцев, 1976. Записали Т. Дружинина, Т. Миронова (магнитная лента). Зиновьев, I, № 68. В СУС сюжет не зафиксирован; бездетная старуха просит у Луны дочь; Луна отправляет на землю младшую дочь, старшие самовольно являются туда же; младшая дочь оказывается старательной, трудолюбивой, старшие же ленивы; последние выходят замуж за паука и волка, становятся паучихой и волчицей, завидуют младшей сестре, которую посватал молодой красивый парень, хотят насильно выдать ее за филина; с помощью корзинки, подаренной Луной, младшая сестра соединяется с женихом.

31. ИВАН-ЦАРЕВИЧ И ВАСИЛИСА ПРЕМУДРАЯ. Н.В. Седов, 1969. Записал В.П. Зиновьев (магнитная лента). Зиновьев, I, № 31. Сказка состоит из трех частей, которые известны и как самостоятельные сюжеты: «Животные-зятья» (СУС 552 А), «Приметы царевны» (СУС 850), «Муж ищет исчезнувшую жену» (СУС 400₁). Подобной контаминации в сибирских сборниках нет, но отдельно сюжеты встречаются часто. Ср.: Матвеева, 1.

32. СОЛДАТ И ЕГО ТОВАРИЩИ. В.Е. Егоров, 1969. Записали В.П. Зиновьев и В. Кузнецова (магнитная лента). Зиновьев, I, № 30. Сюжет «Шесть чудесных товарищей» (СУС 513 А). Ср.: Записки Красн., I, 34, 45; Герасимов, 14; Василенко, 6; Кожемякина, с. 84–92; Элиасов, Тунк., 196; Матвеева, 28, 29; Матвеева, 1981, 22.

33. ПОТОРОЧА — ОДНА НОГА ДРУГОЙ КОРОЧЕ. И.С. Рязанцева, 1976. Записали В.П. Зиновьев и А. Кукса (магнитная лента). Зиновьев, I, № 64. Сюжеты «Мальчик с пальчик» (СУС 700) и «На хвосте у волка» (СУС 1875). Сказка широко распространена в Читинской области. ВАРИАНТЫ: Т. Матвеева, 1974, СУС 700, Е.Г. Мясникова, 1977, СУС 700.

34. КАК ИВАН-ДУРАК НА ЦАРЕВНЕ ЖЕНИЛСЯ. Н.И. Литвинцев, 1976. Записали Т. Дружинина, Т. Миронова. Зиновьев, I, № 45. Сюжет «Победитель змея» (СУС 300₁), вошедший во многие сборники русских сибирских сказок. Ср.: Записки Красн., I, 52, II, 29, 37; Винокурова, 6; Сиб., 12; Красноженова, 15; Гуревич, 23, 41; Магай, 2; Кожемякина, С. 11–18; Кожемякина, 1973, С. 11–29; Матвеева, 9, 14, 15, 16, 21, 22, 24–26. Сказка Литвинцева отличается краткостью в описании

боя с драконом и большим вниманием к бытовым сценам. ВАРИАНТ: Л. И. Анциферов, 1976, сюжеты «Победитель змея» (СУС 3001) и «Свинка-золотая щетинка» (СУС 530 А).

35. ИВАН — ГРАЖДАНСКИЙ СЫН И НЕЧИСТА СИЛА. Н. Г. Бояркин, 1978. Записал В. П. Зиновьев (магнитная лента). Зиновьев, I, № 46. В сказке соединены сюжеты «Звериное молоко» (СУС 315) и «Победитель змея» (СУС 300). Подобное сочетание характерно для большинства опубликованных вариантов, в том числе и сибирских. Ср.: Записки Красн., I, 52, II, 29, 37; Винокурова, 6; Красноженова, 15; Матвеева, 24 — сказка С. Т. Чекашкина, с которым Н. Г. Бояркин, по его словам, проходил службу в рядах Красной Армии (см. список сказочников). Действующие лица в сказке, как и в большинстве вариантов, брат и сестра. Однако в роли любовника сестры и противника брата выступает «нечиста сила», а не змей, не Кащей Бессмертный или разбойник. О приближении «охоты» героя предупреждает ворон-воронович Тарх Тархович. Сам герой — сын крестьянина, его имя, Иван — гражданский сын, связано с установившейся в Курумдюкане традицией и характерно для многих героев сказок Бояркина. В эпизоде змееборства противником героя также является «нечиста сила», только «двенадцатиголова». Сцена расправы с вероломной сестрой имеет иронический характер: «Решили расстрелять ее. Ее простокнишей тоже надо расстреливать. Посадили, простокнишей расстреляли». ВАРИАНТ: М. Б. Крапивкин, 1979. Контаминация сюжетов «Звериное молоко» (СУС 315) и «Победитель змея» (СУС 300).

36. ПРО ИВАНА ПОПОВИЧА, ДУБЫНЮ И ГОРИНЮ. С. В. Рюмкин, 1980. Записал В. П. Зиновьев (магнитная лента). Зиновьев, I, № 25. В сказке соединены сюжеты «Иван медвежье ушко» (СУС 650 А), «Три подземных царства» (СУС 301 А, В), мотив — поиски исчезнувшей царевны — отсутствует, не разработана заключительная часть (предательство спутников, возвращение героя на гигантской птице, приход на свадьбу царевны и разоблачение мнимого спасителя). Ср.: Сиб., 18; Василенко, 9; Элиасов, Тунк., 197.

37. ФОМА-БОГАТЫРЬ. П. И. Плотников, 1977. Записали Н. Скобелкина, З. Синелобова, М. Эссерт. Зиновьев, I, № 26. Соединение сюжетов «Фома Беренников» (СУС 1640) и «Три подземных царства» (СУС 301 А, В). Подобная контаминация в СУС не учтена. Ср. сказки, близкие к первому сюжету: Записки Красн., I, 49; Гуревич, 27. Сюжет «Три подземных царства» — один из наиболее распространенных в сибирском сказочном репертуаре.

38. ДОЧЬ ЦАРЯ И СЫН БАБЫ ЯГИ. В. А. Почтарев, 1975. Записали В. Брагина, О. Литвинова, Т. Максимова, В. Мальцев (магнитная лента). Зиновьев, I, № 76. Первая часть сказки близка к сюжету «Василиса-поповна» (СУС 884 В*): дочь царя, переодевшись в мужское платье, идет вместо отца на войну; она хитро обходит испытание пола и благополучно уезжает от Бабы Яги и ее сына. Ряд деталей в сказке совпадает с вариантом из сборника И. А. Худякова (см. Великорусские сказки в записях И. А. Худякова. Изд. подгот. В. Г. Базанов. М.; Л., 1964, № 19): сын Бабы Яги делает расписную кровать с привязанными к ней голубями и продает царевне; царевна кормит голубей в разное время, и они не могут унести ее во время сна; старшие сестры из зависти кормят голубей, и те уносят царевну к Бабе Яге; царевна отказывается разговаривать, пока не найдут кольцо, оброненное ею в море; кольцо находят, сын Бабы Яги женится на царевне.

39. МЕДВЕДЬ И ТРИ СЕСТРЫ. И. С. Рязанцева, 1976. Записали В. П. Зиновьев и А. Кукса (магнитная лента). Зиновьев, I, № 28. Хорошо разработанный сюжет «Медведь и три сестры» (СУС 311). В сказку органично вплетен мотив похищения девушки (отец стружит стружки на дорогу, чтобы дочери смогли найти его в поле, медведь переносит стружки на свою дорогу), характерный для сюжета «Катигорошек» (СУС 312), и мотив оживления при помощи живой и мертвой воды, характерный для сюжета «Царевич и серый волк» (СУС 550) и других. Сказка популярна в Забайкалье, но в сибирские сборники не включалась. ВАРИАНТЫ: В. А. Почтарев, 1975; Н. Г. Бояркин, 1980. В последнем варианте сюжет упрощен: медведь уносит внука; она отправляет его с гостинцами к дедушке и бабушке, сама садится в ящик, не дает отдыхать и смотреть, что в ящике; собаки набрасываются на медведя, он убегает, девочка спасается.

40. МАЛЬЧИК С ПАЛЬЧИК. В. М. Калашникова, 1979. Записали Н. Белоусова, Т. Сафонова. Зиновьев, I, № 66. Сюжет «Мальчик с пальчик у людоеда» (СУС 327 В). Ср.: Записки Красн., I, ВАРИАНТ: П. У. Мешалкина, 1975.

41. ПРО ЛУТУ-ЛУТОНЮШКУ. А. Г. Пахмутова, 1979. Записал В. П. Зиновьев (магнитная лента), Зиновьев, I, № 22. Сюжет «Мальчик и ведьма» (СУС 327 F). Обычная концовка — возвращение героя с гусями-лебедями — отсутствует, как и начало о чудесном его рождении из срубленной в лесу лутошки (см. Афанасьев, III). Ср.: Записки Красн., I, 32, 41, II, 4; Кожемякина, 1973, С. 171–174. ВАРИАНТ: Н. И. Литвинцев, 1976. В сказке соединены сюжеты «Мальчик и ведьма» (СУС 327 С) и «Дурень, его братья и разбойники» (СУС 1653 А, В, С).

42. ИВАН — КУПЕЧЕСКИЙ СЫН И ЦАРЬ-ДЕВИЦА*. Н. Г. Бояркин, 1980. Записал В. П. Зиновьев (магнитная лента), Зиновьев, I, № 52. Сюжет «Чудесное бегство» (СУС 313 С). Открывает сказку присказка, которая в целом неудобна для печатания. Начало сказки представляет собой редкий вариант мотива «Отдай, чего дома не оставил» (СУС 811*). Далее сюжет развивается по обычной схеме. В сказке использовано много традиционных формул. Сюжет достаточно распространен в Сибири. Ср.: Записки Красн., I, 43, II, 22, 38; Верхнел., 22; Красноженова, 19; Гуревич, 11, 24, 42; Магай, 4; Василенко, 4; Кожемякина, С. 19–26; Магай, 1968, 12; Шастина, 8; Матвеева, 1981, 15, 22, 24, 27, 28 и др. ВАРИАНТ: Л. И. Анциферов, 1976 (магнитная лента): в сказке соединены сюжеты о красавице жене (СУС 465 А) и о чудесном бегстве (СУС 313).

43. О СУСАНЕ АСАНОВИЧЕ — КУПЕЧЕСКОМ СЫНЕ*. С. Т. Чекашкин, 1974. Записала В. Добродеева (магнитная лента). Зиновьев, I, № 53. Начало сказки — вариант мотива «Отдай, чего дома не оставил» (СУС 811*), основная часть близка к сюжету «Украденная жена» (СУС 860 В*). Ср.: Винокурова, 21; Гуревич, 35. О С. Т. Чекашкине см.: Н. В. Соболева. Сказитель из Нерчинска // Русский фольклор Сибири. Материалы и исследования. Вып. 1. Улан-Удэ, 1971, С. 178–184.

44. КАК КУЗНЕЦ ЧЕРТА ОТВАДИЛ*. А. Н. Наседкин, 1969. Записала Л. Кобелева. Зиновьев, I, № 71. Близко к сказке «Беглый солдат и черт» (Афанасьев, 154), в примечаниях к которой В. Я. Пропп пишет: «Сказка представляет собой сочетание разнообразных мотивов. Такое сочетание нигде больше не встречается. Условно сказка может быть отнесена к циклу сказок об обманутом черте; напечатана Афанасьевым не полностью, так как конец ее неудобен для печати» (Афанасьев, I,

С. 498). Эти слова можно отнести и к данному варианту, начало которого — мотив «Отдай, чего дома не оставил» (СУС 811*), а основная часть близка к рассказам о том, как человек обманывает черта, защемив его пальцы в тиски (СУС 1159).

45. СОЛДАТ И ЧЕРТИ. Т.В. Епифанцева, 1979. Записали Е. Кобак, Н. Серова. Зиновьев, I, № 70. Контаминация рассказов о том, как солдат заставляет чертей грызть пули вместо орехов (СУС 1061), и о чертях в ранце (СУС 330 В); второй сюжет не завершен.

46. КУЗНЕЦ И ЧЕРТ. Ф.Н. Обухова, 1976. Записали Е. Антуфьева, Л. Петелина. Зиновьев, I, № 72. Сюжет «Чудесное омоложение» (СУС 753). В примечаниях собирателей отмечено, что эта сказка — любимая в репертуаре исполнительницы.

47. СЫНОК-ПОРОСЕНОЧЕК. У.Ф. Сычева, 1974. Записал В.П. Зиновьев (магнитная лента). Зиновьев, I, № 54. В основе сказки сюжет о чудесном супруге (СУС 440). Ср.: Записки Красн., II, 5; Шастина, 22.

48. ОРЕХОВАЯ ВЕТОЧКА. Е.Г. Мясникова, 1977. Записали Ковальская, Мартынова. Зиновьев, I, № 61. Близко к сюжету «Аленький цветочек» (СУС 425 С). Герасимов, 10. ВАРИАНТЫ: У.Ф. Сычева, 1974 — текст близок к сказке С.Т. Аксакова, к которой, по сообщению сказительницы, он и восходит; И.С. Рязанцева, 1976.

49. ПОЙТИ ТУДА — НЕ ЗНАЮ КУДА, ПРИНЕСТИ ТО — НЕ ЗНАЮ ЧТО. У.Ф. Сычева, 1974. Записал В.П. Зиновьев (магнитная лента). Зиновьев, I, № 50. Сюжет «Красавица жена (СУС 465 А) с присоединением основного мотива сюжета «Поручение на тот свет» (СУС 465 С). Сказки типа 465 А в Сибири распространены довольно широко, о чем можно судить по опубликованным материалам (Винокурова, 10; Василенко, 3; Магай, 1968, 13; Шастина, 9, 10; Кожемякина, 1973, С. 11–29; Шастина, 1975, С. 107–114). Меньше в сибирских публикациях сказок типа 465 С (Записки Красн., I, 1; Прибайк., 36). Настоящий вариант, по словам исполнительницы, восходит к репертуару воронежских сказочников, хотя СУС не учитывает в репертуаре Воронежской области сюжета 465 С.

50. НЕ СЖИВАЙ ПОСТЫЛОГО — ПРИБЕРЕТ БОГ МИЛОГО*. Н.Г. Бояркин, 1980. Записал В.П. Зиновьев (магнитная лента). Зиновьев, I, № 19. Сюжет «Мачеха и падчерица» (СУС 480-АА 480*С). Сказка очень популярна в Забайкалье, в сибирских сборниках встречается редко. Ср.: Шастина, 28. ВАРИАНТЫ: А.С. Гусевская, 1977; М.О. Дутова, 1977.

51. ТРИ ПОДАРКА. В.И. Немиров, 1973. Записали В. Добродеева, Н. Пензина, Н. Чайко. Зиновьев, I, № 39. В основе сказки сюжет «Волшебное кольцо» (СУС 560). Начало: охотник, сын бедной вдовы, помогает белой змее в борьбе с черной; белая змея превращается в молодца, ведет охотника в гости к своим сестрам и в знак благодарности подсказывает, какие подарки у них просить; охотник получает волшебное полотенце, гребень и кольцо, с помощью полотенца герой становится красавцем, гребень золотит ему волосы, кольцо помогает выполнить любое желание. Далее сюжет развивается традиционно. Ср.: Записки Красн., II, 39; Винокурова, 11; Магай, 3; Прибайк., 35; Василенко, 8; Кожемякина, С. 45–53; Шастина, 1974, С. 42–51.

52. ДЕРЕВЯННЫЙ ЖУРАВЛЬ. Н.В. Седов, 1969. Записал В.П. Зиновьев (магнитная лента). Зиновьев, I, № 42. Сюжет «Деревянный орел» (СУС 575). Ср.: Верхнел., 21; Красноженова, 4; Василенко, 22.

53. ТРИ БРАТА И БОГАЧ. Н. Юсупова, 1969. Записали В. П. Зиновьев, Л. Кобелева, Л. Кропотова, В. Кузнецова, Н. Михайлова, Л. Москвитина. Зиновьев, I, № 40. Близко к сюжету «Чудесные дары» (СУС 563).

54. ПЕТУХ И ЖЕРНОВЦЫ. Н. Г. Бояркин, 1980. Записал В. П. Зиновьев (магнитная лента). Зиновьев, I, № 38. Контаминация сюжетов «Горох до неба» (СУС 1960G) и «Петух и жерновцы» (СУС 715 А). Ср. Магай, 1968: 19. ВАРИАНТЫ: М. С. Коняшина, 1969 (магнитная лента); В. И. Болванова, 1974.

55. ЖАДНОСТЬ ДО ДОБРА НЕ ДОВЕДЕТ. Н. И. Литвинцев, 1976. Записали Т. Дружинина, Т. Миронова. Зиновьев, I, № 44. Отдаленно напоминает сюжет «Чудесные дары бедняку» (СУС 735****): старик-бедняк, догоняя упавшую горошину, попадает в мышиную нору на свадьбу, за помощь на свадьбе мыши награждают его; бедняк, следуя совету старика, съевшего его горошину, овладевает деньгами чертей и с богатством возвращается домой; богатый сосед следует путем бедняка, но проявляет неучитливость, жадность и погибает; его жена, ожидая мужа с богатством, сжигает старое «барахло» и остается без имущества.

56. ДВА БРАТА. А. Н. Викулова, 1979. Записали С. Полторадыдько, Н. Скобелкина. Зиновьев, I, № 24. Сюжет «Правда и Кривда» (СУС 613). В сказке опущен эпизод спора о жизни, введен социальный конфликтный мотив: богатый брат за мешок муки выкалывает бедному глаз, а затем и второй. Ср.: Красноженова, 7; Василенко, 21.

57. ПРО НУЖДУ. С. В. Рюмкин, 1980. Записал В. П. Зиновьев (магнитная лента). Зиновьев, I, № 69. Сюжет «Горе» (СУС 735 А). Аналогичных вариантов в сибирских сборниках нет.

58. БЛЮДЕЧКО ЗОЛОТО И ЯБЛОЧКО НАЛИТО. А. Г. Пахмутова, 1979. Записал В. П. Зиновьев (магнитная лента). Зиновьев, I, № 55. Сюжет «Чудесная дудочка» (СУС 780). ВАРИАНТ: А. С. Трусила, 1969 (магнитная лента).

59. ЧУДЕСНЫЙ СЫН. Е. С. Черняева, 1975. Записали Т. Казидуб, Л. Фецерт (магнитная лента). Зиновьев, I, № 48. Сюжет «Терпеливая Елена» (СУС 706 С), к нему присоединяются эпизоды сюжета «Мертвая царевна» (СУС 709) и сюжет, близкий к сказкам о чудесных детях (СУС 707). Подобное сочетание в сибирских сборниках не встречается, хотя порознь два последних сюжета распространены довольно широко. Ср.: Записки Красн., I, 35, II, 8, 36, 41; Винокурова, 2; Красноженова, 17; Гуревич, 29, Красноженова, 1940, С. 159–163; Шастина, 1975, С. 148–156 (все сюжет 707); Записки Красн., I, 40, 46; Сиб., 5; Красноженова, 24; Шастина, 27 (все сюжет 709). Следует иметь в виду, что данный вариант «вывезен» из Куйбышевской области. Текст содержит интересный материал о влиянии местного диалекта на речь переселенца из европейской части страны.

60. БЕЗРУЧКА*. Е. Ф. Ломакина, 1976. Записали В. Брагина, О. Литвинова, Т. Максимова, В. Мальцев. Зиновьев, I, № 62. Сюжет «Безручка» (СУС 706), несколько упрощенный; снят мотив злодейств жены брата (наветы, подмена писем), не разработан финальный эпизод (рассказ Безручки); религиозные мотивы, характерные для этого сюжета, тоже приглушены. Исполнительница слышала сказку в детстве от матери. Ср.: Записки Красн., I, 2, 39, II, 1; Гуревич, 29.

61. ПОХОРОНЫ СТАРУХИ*. У. Ф. Сычева, 1974. Записал В. П. Зиновьев (магнитная лента). Зиновьев, I, № 57. Сюжет «Поп в козлиной шкуре» (СУС 831). До недавнего времени варианты были редкими (см. Афанасьев, II, С. 481–485). Ср.:

Магай, 16. ВАРИАНТ: В. А. Нестерова, 1969. В отличие от сказки У. Ф. Сычевой, здесь козлиная шкура прирастает к телу попа навсегда.

62. **МАРКА-БОГАТЫЙ И ВАСИЛИЙ-БЕССЧАСТНЫЙ.** Н. И. Литвинцев, 1976. Записали Т. Дружинина, Т. Миронова (магнитная лента). Зиновьев, I, № 73. Сюжет «Марко Богатый» (СУС 461). Ср.: Записки Красн., II, 34; Винокурова, 15; Василенко, 15. ВАРИАНТЫ: Е. С. Черняева, 1975 (магнитная лента). Начало близко к сюжету о чудесном страннике (СУС 750 В). В сказке содержится много легендарных мотивов (странствие Бога и апостола, ангелы, спрашивающие у Бога судьбу народившихся младенцев, чудесное излечение парализованной, воспитание героя в монастыре и др.), хорошо разработана заключительная часть; А. Н. Судакова, 1979. Сюжет традиционный, начало изложено кратко. Особенности: по пути на тот свет герой, выполняя просьбу яблони, съедает яблоко; на обратном пути яблоня укрывает героя от погони (мотив сюжета «Сестра отправляется спасать своего брата», СУС 480 А*).

63. **ПРО БОГА, ВДОВУ И БОГАТОГО МУЖИКА.** П. А. Рычкова, 1977. Записали И. Каргополова, Е. Протопопова, Н. Сухорукова, М. Тарасова. Зиновьев, I, № 74. Близко к сюжету о чудесном страннике (СУС 750 В): богомольный богач ожидает Бога, но изгоняет его, приняв за нищего; бедная вдова принимает Бога; Бог одаривает вдову вечным хлебом.

Социально-бытовые сказки

64. **ДОЧЬ-УМНИЦА.** М. Е. Заярна, 1979. Записали Е. Кобак, Н. Серова. Зиновьев, I, № 77. Контаминация двух сюжетов: «Спор о жеребенке» (СУС 875 Е*) и «Мудрая девушка» (СУС 875). Второй сюжет широко распространен в Сибири (см.: Записки Красн., I, С. 131; Сиб., 4; Красноженова, 25, 27; Прибайк., 39; Василенко, 20, 24; Шастина, 25; Кожемякина, С. 93–95; Соболева, 28, 29).

65. **ВЕРНАЯ ЖЕНА.** Н. Г. Бояркин, 1978. Записал В. П. Зиновьев (магнитная лента). Зиновьев, I, № 78. Соединение сюжетов «Верная жена (Женихи за прялкой)» (СУС 882 А*) и «Поп, дякон у красавицы» (СУС 1730). Подобная контаминация встречается редко (ср.: Сиб., 3). Отдельно оба сюжета или их мотивы вошли в сибирские сборники (Красноженова, 21; Записки Красн., I, 29, II, 2; Соболева, 28, 29, 34, 38, 39). В сказке сильна антицерковная направленность. Вариант сохраняет ряд местных особенностей — язык, географическое положение и др.

66. **О РЕВНИВОМ МУЖЕ, ЗЛОМ НАВЕТЕ И ВЕРНОЙ ЖЕНЕ.** Л. И. Анциферов, 1976. Записали Н. Новикова, О. Соболева, М. Соловьева (магнитная лента). Зиновьев, I, 79. Сюжет «Оклеветанная жена» (СУС 881).

67. **ОКЛЕВЕТАННАЯ ДЕВУШКА*.** Н. В. Седов, 1969. Записал В. П. Зиновьев (магнитная лента). Зиновьев, I, № 80. Одноименный сюжет (СУС 883 А), имеющий аналогии в ряде сборников (Труды, С. 387–388; Верхнел., 31; Красноженова, 1940, С. 128).

68. **СОЛДАТ И ЕГО ДОЧЬ*.** Н. В. Седов, 1969. Записал В. П. Зиновьев (магнитная лента). Зиновьев, I, № 81. Солдат по пути домой получает от смертельно раненного человека мешочек с золотом; убийца выслеживает солдата и после его посещения семьи убивает жену солдата, похищает деньги; солдата обвиняют

в убийстве и отправляют на каторгу; дочь солдата становится взрослой, встречается с отцом; убийца доносит на себя. Сюжет в СУС не учтен.

69. ПРО СЫНА БОНДАРЯ. Н. Г. Бояркин, 1980. Записал В. П. Зиновьев (магнитная лента). Зиновьев, I, № 82. Сюжет «Две невесты купеческого сына» (СУС 895 А*). Ср. Красноженова, 8; это единственный вариант во всем восточнославянском сказочном материале, учтенном в СУС. В сказку включен эпизод с чудесной дудкой, отдаленно напоминающий сюжет «Чудесная скрипка» (СУС 592).

70. КАК СОЛДАТ ЦАРЯ ПЕТРА ВЫРУЧИЛ. Т. В. Епифанцева, 1979. Записали Е. Кобак, Н. Серова. Зиновьев, I, № 83. Сюжет «Солдат и царь» (СУС 952). Ср.: Василенко, 17. В примечаниях собирателей отмечено, что исполнительница слышала историю от бабушки, считает, что «все это правда», но предлагает «пустить ее под сказкой».

71. ПОЧЕМУ СТАРИКОВ УВАЖАТЬ СТАЛИ. А. Н. Бояркин, 1980. Записал В. П. Зиновьев. Зиновьев, I, № 87. Сюжет «Почему перестали убивать стариков» (СУС 981).

72. СОВЕТ СТАРИКА*. Н. И. Литвинцев, 1976. Записали Т. Дружинина, Т. Миронова (магнитная лента). Зиновьев, I, № 88. Соединение двух сюжетов: «Дедушка и внучек» (СУС А) и «Почему перестали убивать стариков» (СУС 981). ВАРИАНТ: Г. М. Иванова, 1975 (СУС 980 А).

73. ПРО ПОРТНОГО. Ф. С. Смолянский, 1974. Записал В. П. Зиновьев (магнитная лента). Зиновьев, I, № 90. В сказке соединены разные мотивы и несколько сюжетов, которые бытуют и как самостоятельные: иронический богатырь, «победивший» мух, и настоящие богатыри (ср. СУС 1640); попытка убить иронического богатыря дубиной (СУС 1115); «Кто громче свистнет» (СУС 1084); «Дети хотят чертова мяса» (СУС 1149). Варианты этих сюжетов вошли в сборники: Герасимов, 34; Верхнел., 29; Красноженова, 14; Василенко, 16; Элиасов, Тунк., 194; Соболева, 77. Есть основание судить о влиянии на настоящий вариант немецкой сказки (портной Ганс, слова, вышитые на поясе, и другие детали). ВАРИАНТ: В. Е. Егоров, 1969; соединены мотивы сюжетов о портном, убивающем мух (СУС 1640), о состязании с великаном (СУС 1062, 1060), о неудачной попытке великана убить человека (СУС 1115).

74. ЦЫГАН И ЧЕРТ. А. Н. Судаков, 1979. Записали Е. Белоусова, Т. Сафонова. Зиновьев, I, № 91. Мотивы разных сюжетов: «Кто раздавит камень» (СУС 1060), «Угроза унести колодец» (СУС — 1046*), угроза унести весь лес, обвязав его большой веревкой (СУС 1053 А), «Дети хотят чертова мяса» (СУС 1149). Мотив угрозы унести несколько быков разом, связав их за хвосты (СУС — 1046**), разработан не полностью. Ср.: Верхнел., 29, Элиасов, Тунк., 194.

75. ХОЗЯИН И РАБОТНИК. М. К. Пискарев, 1974. Записал В. П. Зиновьев (магнитная лента). Зиновьев, I, № 92. Соединение нескольких мотивов: «Медведь в упряжке» (СУС 1004**), «Угроза морщить озеро веревкой» (СУС 1045), «Кто понесет лошадь» (СУС 1082), «Шляпа денег» (СУС 1130), «Бегство от работника» (СУС 1132). Ср.: Герасимов, 34; Красноженова, 14; Кожемякина, 1973, С. 141–143; Элиасов, Тунк., 194; Записки Красн., II, 4; Василенко, 16; Соболева, I. Наибольшее сходство с настоящей сказкой имеет вариант Красноженовой.

76. ДВА БРАТА, БОГАТЫЙ И БЕДНЫЙ*. Н. В. Седов, 1969. Записал В. П. Зиновьев (магнитная лента). Зиновьев, I, № 93. Сюжет «Дорогая кожа» (СУС 1535)

с присоединением мотивов других сюжетов: «Любовник в виде черта» (СУС 1358 А), «Мертвое тело» (СУС 1537), проезжий богач сброшен в воду вместо бедного брата (СУС 1120). Ср.: Записки Красн., I, 8, 42, II, 2, 7; Красноженова, 39; Прибайк., 40; Красноженова, 1940, С. 116–122; Василенко, 16, 18; Шастина, 4; Соболева, 15, 16, 18, 29, 32, 38, 81, 82. В сказках этого типа, как и в сказках о состязании с чертом, одни эпизоды легко заменяются другими и образуют самостоятельные произведения.

77. ПОП И КРЕСТЬЯНИН. Т. А. Плотникова, 1975. Записали О. Бочарова, С. Пачерская, М. Соловьева. Зиновьев, I, № 94. Сюжет «Кто отдает последнее, получит десятицею» (СУС 1735). Ср.: Верхнел., 28; Красноженова, 1940, С. 190.

78. ПОП И ЦЫГАН. С. В. Рюмкин, 1980. Записал В. П. Зиновьев (магнитная лента). Зиновьев, I, № 96. Сюжет «Скупой поп и работник» (СУС 1736). Ср.: Записки Красн., I, С. 132, VIII.

79. ПОП, МУЖИК И НИКОЛАЙ УГОДНИК. В. А. Почтарев, 1975. Записали В. Брагина, О. Литвинова, Т. Максимова, В. Мальцев (магнитная лента). Зиновьев, I, № 97. Сюжет о наказанной иконе (СУС — 1572 А** и — 849**). В русском сказочном материале подобные варианты не отмечены.

80. УМНЫЙ И ГЛУПЫЙ. С. В. Рюмкин, 1980. Записал В. П. Зиновьев (магнитная лента). Зиновьев, I, № 98. Сюжет «Мертвое тело» (СУС 1537). Ср.: Записки Красн., II, 7; Гуревич, 15.

81. КАК МУЖИК БОГАЧА ПРОУЧИЛ. М. Т. Батурина, 1975. Записали О. Бочарова, С. Пачерская, М. Соловьева. Зиновьев, I, № 99. Широко распространенный сюжет «Чистота, красота, высота» (СУС 1562 А). Ср.: Записки Красн., I, 31.

82. СОЛДАТ ЕРЕМА-ХИТРЫЙ. Д. С. Егоров, 1976. Записал В. П. Зиновьев (магнитная лента). Зиновьев, I, № 100. Сюжет о том, как солдат проникает к генеральской дочери вместо ее любовника и, в конце концов, женится на ней (СУС — 855*). Ср.: Верхнел., 26, 27; Гуревич, 32. К этому сюжету присоединены другие: солдат разгадывает загадки царя вместо богача (ср. СУС — 922*); солдат, переодевшись в мундир тестя-генерала, наводит справедливые порядки в армии (сюжет в СУС не учтен), а также анекдот о солдате, спрятавшемся от офицеров за штыком («глазастые, за железом видят»).

83. ЗНАХАРЬ. В. Е. Егоров, 1969. Записали В. П. Зиновьев и В. Е. Кузнецова (магнитная лента). Зиновьев, I, № 101. Одноименный сюжет о ловком бедняке, который прячет какую-либо вещь или лошадь, принадлежащую соседям, затем угадывает, где эта вещь, и становится знаменитым; по случаю угадывает, где пропажа царя, добывается благополучия и бросает знахарство (СУС 1641). Ср.: Записки Красн., I, 64, II, 17; Прибайк., 44; Красноженова, 1940, С. 185–187; Магай, 22; Шастина, 23. ВАРИАНТ: Т. С. Чистохина, 1975.

84. ПРО СОЛДАТА. Е. Г. Ермолаева, 1975. Записали Т. Казидуб, Л. Фецерт. Зиновьев, I, № 104. Широко известный сюжет «Солдат варит суп из топора» (СУС 1548). Ср.: Красноженова, 38; Соболева, 93, 102, 112.

85. ЛОВКИЙ ВОР. М. К. Пискарев, 1974. Записал В. П. Зиновьев (магнитная лента). Зиновьев, I, № 105. Одноименный сюжет о мужике, который с помощью смекалки похищает кольцо царевны (СУС 1525 А). Интересна ироническая деталь заключительного эпизода: оказывается, царь искал ловкого зятя, считая, что честному среди знати не прожить: «Но молодец! Годишься во дворце жить». Ср.: Герасимов, 34; Шастина, 18; Соболева, 77, 80.

86. НАД ВОРАМИ ВОР, НАД БАНДИТАМИ БАНДИТ. И.И. Чернов, 1975. Записали В. Жаглова, Е. Косолапова, Л. Сапунова, Н. Суковкина. Зиновьев, I, № 106. Соединение нескольких сюжетов о ловком воре (СУС 1525 D, 1525 A). Ср.: Записки Красн., I, 50, 60; Герасимов, 37; Кожемякина, 1973, С. 134–138; Соболева, 77, 80.

87. ДОРОГО ЯИЧКО К ХРИСТОВУ ДНЮ*. С.В. Рюмкин, 1980. Записал В.П. Зиновьев (магнитная лента). Зиновьев, I, № 107. Сюжет «Два подарка» (СУС — 1689 A*). Ср.: Гуревич, 30.

88. ПРО МУЖИКА, ЧЕРТА И ЗЛУЮ БАБУ. И.А. Климов, 1975. Записали Л. Горбатко, Н. Погуральская, А. Хачумова. Зиновьев, I, № 108. Сюжет «Злая жена в яме» (СУС 1164). Ср.: Герасимов, 31; Гуревич, 36; Василенко, 25.

89. ПРО ДВУХ ЖЕН, ИЛИ КАК МУЖ ЖЕНЕ НА ФАРТУК ПЛЮНУЛ. Богданова, 1975. Записали Е. Гребенщикова, Н. Санкина, О. Соболева. Зиновьев, I, № 109. Сатирически изображая обеих героинь — ветреную, заботящуюся только о своей внешности женщину и состарившуюся в заботах о приумножении богатства скопидомку, — сказка более осуждает вторую. Здесь отчетливо выражено народное отношение к жадности, скопидомству. Сюжет в СУС не учтен.

90. ЛЕНИВАЯ БАБА. Р.С. Бессонова, 1976. Записали Л. Найдено, Т. Нестерова. Зиновьев, I, № 110. Сюжет «Жена не хочет прясть» (СУС 1370 B*). Пародийная сцена молебна в сказках с этим сюжетом встречается редко.

91. ЛЕНИВАЯ СТАРУХА. М.А. Старицына, 1974. Записал В.П. Зиновьев. Зиновьев, I, № 111. Сюжет «Жена не узнает себя» (СУС 1383). Ср.: Красноженова, 35.

92. СВЕТЛОЕ ВОСКРЕСЕНИЕ. С.Т. Чекашкин, 1979. Записал А. Кукса (магнитная лента). Зиновьев, I, № 112. Соединение нескольких сюжетов: «Весна-красна» (СУС 1541, ср.: Красноженова, 38; Магай, 26), «Сын ищет людей глупее родителей» (СУС 1384), «Мужик выпрашивает у барыни свинью в гости» (СУС 1540 A*, ср.: Записки Красн., I, 61; Соболева, 49, 73, 74, 75; 76; 97, 100, 101, 103), свиньи и лошади провалились под землю (ср. СУС 1004). Подобное сочетание анекдотов о глупцах встречается часто. ВАРИАНТ: В.А. Почтарев, 1979. В сказке соединены сюжеты «Весна-красна» (СУС 1541) и «Мужик выпрашивает у барыни свинью в гости» (СУС 1540 A*).

93. КАК ВАНЮШКА ГЛУПЫХ ИСКАЛ. А.В. Сидорова, 1975. Записали Н. Андреева, Е. Какунина, М. Керн (магнитная лента). Зиновьев, I, № 113. Сказка состоит из анекдотов о глупцах: сын ищет людей глупее своих родителей, плачущих о судьбе еще не родившегося внука (СУС 1384, ср.: Записки Красн., I, 61; Кожемякина, 1973, С. 168–170), «Глупцы тащат корову на крышу» (СУС 1210, ср.: Кожемякина, 1973, С. 168–170), «Мужик выпрашивает у барыни свинью в гости» (СУС 1540 A*, см. прим. 92).

94. ПРО ВАНЮШКУ-ДУРАЧКА. С.П. Герасимов, 1975. Записали Н. Андреева, Е. Какунина, М. Керн. Зиновьев, I, № 114. Сказка составлена из ряда эпизодов: дурак кормит блинами собственную тень; выкалывает баранам глаза, чтобы не разбегались; купленные в городе горшки надевает на пни, чтобы им головы не «прокалило»; солит реку, чтобы лошадь лучше пила; бросает на дороге стол, чтобы своими ногами за лошадью бежал; выбрасывает ложки на дорогу, чтобы не дразнились (СУС 1681 A); пускает вино из бочки и плавает по амбару в корыте (СУС 1691, ср.: Герасимов, 38). К этим анекдотам присоединяется эпизод,

рассказывающий о том, как старший брат хочет утопить младшего, но тот сажает вместо себя проезжего купца, сам на тройке возвращается домой, уверяя, что достал ее в «морском царстве»; завидую дурню, старший брат велит себя утопить (СУС 1535). В сибирских сборниках ближе всего к данному варианту. Записки Красн., II, 7. ВАРИАНТЫ: И. С. Рязанцева, 1976 (магнитная лента). Сюжеты «По шучьему веленью» (СУС 675), «Дурак боится собственной тени» (СУС 1681 А), «Бегство от дурака» (СУС 1132), «Дурень, его братья и разбойники» (СУС 1653 А, В, С); А. Г. Пахмутова, 1979. Сюжет «Дурак боится собственной тени» (СУС 1681 А).

95. ВАНЯ-ДУРАЧОК. М. И. Смолина, 1975. Записали В. Брагина, О. Литвинова, Т. Максимова, В. Мальцев. Зиновьев, I, № 115. Широко известный сюжет о дураке, который говорит и делает все невпопад, в связи с чем терпит побои (СУС 1696). Ср.: Гуревич, 13; Кожемякина, с. 96–98.

96. ПРО ФОМУ И ЕРЁМУ. Н. И. Литвинцев, 1976. Записали Т. Дружинина, Т. Миронова (магнитная лента). Зиновьев, I, № 116. Сюжет о двух братьях, которые все делают не в меру: один переделывает, другой недоделывает (Ср. СУС 1716*).

97. КАК ЖИТЬ: С ДЕНЬГАМИ ИЛИ С ДЕТЯМИ?* Е. С. Топоркова, 1975. Записала Л. Кустова. Зиновьев, I, № 117. В основе сказки анекдот нового времени. Сюжет в СУС не учтен. Вариант свидетельствует о непрекращающемся процессе сказкотворчества в народе, отличается злободневностью, представляет собой образец народной публицистики, затрагивающий не только вопросы «злобы дня», но и глубинные проблемы человеческого бытия.

98. СВАТОВСТВО*. Е. А. Колесников, 1975. Записали О. Бочарова, С. Пачерская, М. Соловьева. Зиновьев, I, № 120. Сюжет «Слуга должен усугублять заявления хозяина» (СУС 1688). В русском сказочном репертуаре, учтенном СУС, варианты не отмечены.

99. ПРИРОДА НАУКУ ОДОЛЕЛА*. В. Г. Пешков, 1969. Записал В. П. Зиновьев (магнитная лента). Зиновьев, I, № 121. Анекдот о шуте. Балакирев — лицо историческое: шут при дворе императрицы Анны Иоановны, но в фольклорных произведениях он обычно изображается как придворный шут Петра I, чему, как считает Н. В. Новиков, способствовали сборники И. И. Голикова «Деяния Петра Великого» и К. А. Полевого «Собрание анекдотов Балакирева», лубочная литература. В сибирских сборниках сюжет не зафиксирован (но ср. Сказки Ф. П. Господарева. Запись текста, вступит. статья, прим. Н. В. Новикова. Петрозаводск, 1941, С. 389–390).

100. «ГЛУХИЕ» БАБЫ. Г. В. Пешков, 1969. Записал В. П. Зиновьев (магнитная лента). Зиновьев, I, № 122. Анекдот о шуте Балакиреве на сюжет «Двое считают друг друга глухими» (СУС 1698 С). См. прим. 99.

101. ПОЛТОРАСТА ПЛЕШИВЫХ. Г. В. Пешков, 1969. Записал В. П. Зиновьев (магнитная лента). Зиновьев, I, № 123. Анекдот о шуте Балакиреве. См. прим. 99.

102. ЦАРЬ НАД МУХАМИ. Г. В. Пешков, 1969. Записал В. П. Зиновьев (магнитная лента). Зиновьев, I, № 124. Анекдот о шуте Балакиреве (СУС 1586). См. прим. 99.

103. «КУДЫ ХОДИЛ?...» Е. С. Рюмкин, 1980. Записали Э. Лямина, М. Соловьева, Т. Усова (магнитная лента). Зиновьев, I, № 125. Кумулятивная (цепная) сказка (СУС 2016*): цепь ответов на вопрос. В СУС подобные сказки учтены в группе

анекдотов; А. Н. Афанасьев поместил их в разделе «Прибаутки», указав в примечании: «Многие сказочные выражения, отличающиеся стихотворным складом, какие особенно часто встречаются в сказках о животных, вошли в пословицы и прибаутки. По некоторым прибауткам можно заключить, что, кроме уже собранных сказок о животных, существуют в народе или, по крайней мере, существовали прежде (хотя впоследствии и были забыты) другие подобные же сказки» (А. А. Афанасьев. Народные русские сказки. Вып. 3, 4. М., 1857–58, С. 161).

104. «Я СИДЕЛА НА ПЕНЮ...» П. И. Зиновьев, 1969. Записал В. П. Зиновьев. Зиновьев, I, № 126. Сказка относится к разряду докучных (СУС 2300). Они исполняются с целью отделаться от настойчивых просьб рассказать сказку, досадить возможностью бесконечного повествования. Ср.: Мельников, С. 83, 84, 97.

105. «КОРОВА ЕСТЬ...» Н. Г. Бояркин, 1980. Записал В. П. Зиновьев (магнитная лента). Зиновьев, I, № 127. Докучная сказка-небылица (СУС — 1889 L***): человек съедает переднюю часть коровы и продолжает доить ее заднюю часть двадцать лет. См. прим. 104.

106. ДЕД МИКИТКА. Е. Ф. Ломакина, 1975. Записали В. Брагина, О. Литвинова, Т. Максимова, В. Мальцев. Зиновьев, I, № 128. Докучная сказка (СУС 2300). В примечаниях собирателей сказано, что исполнительница привела сказку для того, чтобы уклониться от вопросов собирателей. См. прим. 104.

107. ТРИ БРАТА*. Ф. С. Смолянский, 1974. Записал В. П. Зиновьев (магнитная лента). Зиновьев, I, № 129. Сказка-небылица. В СУС учтен сходный сюжет о том, как человек продолжает несколько лет доить заднюю часть забитой коровы (СУС — 1889 L***), которому предшествуют следующие: три брата двумя выстрелами убивают много коз; кобыла воз не везет; из шкур братья делают веревку и привязывают воз к мельнице — подожженная веревка садится и подтягивает воз. Исполнитель слышал сказку в детстве от жителя с. Куэнга Сretenского района Петра Яковлевича.

108. ВСТАВАЛ ПОУТРУ-ВЕЧЕРУ*. Д. Р. Лоншаков, 1976. Записали Н. Новикова, О. Соболева, М. Соловьева. Зиновьев, I, № 130. Сказка-небылица. Сюжеты: топор на босу ногу, подпоясался топорщиком и др. (СУС — 1930 D*, ср.: Записки Красн., I, С. 137; Мельников, С. 150).

Указатель сюжетов ⁴

1	Лиса крадет рыбу с воза (саней)	1
2	Волк у проруби	1
3	Лиса обмазывает голову тестом (сметаной)	1
4	«Битый небитого везет»	1
6	Лиса, схваченная волком («Откуда ветер?»)	3
— 43*	Лубяная и ледяная хата (лиса-воровка)	2
60	Лисица и журавль	5

⁴ Номера сюжетов даются по «Сравнительному указателю сюжетов. Восточнославянская сказка» (СУС); далее за названием сюжета следуют номера соответствующих сказок настоящего сборника.

61 B	Кот, петух и лиса	4	
75	Мышь (белка) и лев (медведь)	7	
88*	Медведь и бревно	8	
103 A	Кот и дикие животные	11	
122 A	Волк-дурень	9	
123	Волк и козлята	12	
130	Зимовье (ночлег) животных	10	
154 = AA154 1	Лиса и ее хвост	1	
158	Звери в саях у лисы (старушки)	6	
161 A*	Медведь на липовой ноге	15	
163	Пение волка	14	
163 A*	Медведь отгоняет мух от хозяина	13	
170	«За скалочку — гусочку»	1	
200	«Собачьи права»	20	
212	Коза луплена	18	
295	Пузырь, соломинка и лапоть	22	
300 ₁	Победитель змея	34, 35	
301 A, B	Три подземных царства	36, 37	
311	Медведь и три сестры	39	
313 H*	Бегство от ведьмы	28	
314 A*	Бычок-спаситель	28	
315	Звериное молоко	35	
327 B	Мальчик с пальчик у ведьмы (людоеда)	40	
327	Мальчик и ведьма	41	
330 B	Черти и Смерть в ранце (мешке)	45	
331 C	Чудесное бегство	42	
400 ₁	Муж ищет исчезнувшую или похищенную жену	27, 31	
425 C	Аленький цветочек	48	
440	Муж-рак (поросенок)	47	
461	Марко Богатый	62	
465 A	Красавица-жена («Поди туда, не знаю куда»)	49	
465 C	Красавица-жена (Поручение на тот свет)	49	
480 = AA480*C	Мачеха и падчерица	50	
510 A	Золушка	29	
511	Чудесная корова	28, 29	
513 A	Шесть чудесных товарищей	32	
530	Сивко-Бурко	23, 24	
530 A	Свинка-золотая щетинка	24	
531	Конёк-горбунок	25	
532	Незнайка	26	
550	Царевич и серый волк	27	
552 A	Животные-зятя	31	
560	Волшебное кольцо	51	
563	Чудесные дары	53	
575	Деревянный орел (журавль)	52	
592	Чудесная скрипка	69	

613	Правда и Кривда	56	
650 A	Иван-медвежье ушко	36	
700	Мальчик с пальчик	33	
706	Безручка	60	
706 C	Терпеливая Елена	59	
707	Чудесные дети	59	
709	Волшебное зеркальце (Мертвая царевна)		59
715 A	Петух и жерновцы	54	
— 735*****	Чудесные дары бедняку		55
735 A	Горе (Нужда)	57	
750 B	Чудесный странник	63	
753	Чудесное омоложение	46	
780	Чудесная дудочка	58	
— 811*	«Отдай, чего дома не оставил»		26, 42, 43, 44
831	Поп в козлиной шкуре	61	
— 849**	Наказанная икона	79	
850	Приметы царевны	31	
— 855*	Солдат и царевна	82	
860 B*	Украденная жена	43	
875	Мудрая девушка	64	
875 E	Спор о жеребенке	64	
881	Оклеветанная жена	66	
882 A*	Верная жена (женихи за прялкой)		65
883 A	Оклеветанная девушка	67	
884 B*	Василиса Поповна	38	
— 895 A	Две невесты купеческого сына	69	
— 922*	Три загадки царю предлагают короли и князья		82
952	Солдат и царь	70	
980 A	Дедушка и внучек	72	
981	Почему перестали убивать стариков		71, 72
1004	Свиньи (лошади) в болоте утопились		92
— 1004**	Медведь в упряжке	36, 75	
1030	Дележ урожая	16	
1045	Угроза морщить озеро веревкой		75
— 1046*	Угроза унести колодец	74	
— 1046**	Угроза унести несколько быков разом		74
1053 A	Большая веревка	74	
1060	Кто раздавит камень	74	
1061	Кто раскусит камень	45	
1082	Кто понесет лошадь	75	
1084	Кто громче свистнет	73	
1115	Попытка убить топором (дубиной)		73
1120	Хозяйка (богач) сброшена в воду		76
1130	Шляпа денег	75	
1132	Бегство от работника (дурака)	75	
1149	Дети хотят чертова мяса		73, 74

1159	Черт (человек защемляет пальцы черта в тиски)	44
1164	Злая жена в яме	88
1210	Глупцы тащат корову на крышу	93
1358 A	Любовник в виде черта	76
1379 B*	Жена не хочет прясть	90
1383	Жена не узнает себя	91
1384	Муж ищет людей глупее жены (родителей)	92, 93
1525 A	Ловкий вор	85, 86
1525 D	Ловкий вор обманывает прохожих (сообщников)	86
1535	Дорогая кожа	76, 94
1537	Мертвое тело	76, 80
1540 A*	Мужик выпрашивает у барыни свинью в гости	92, 93
1548	Солдат варит суп из топора	84
1562 A	Чистота, красота, высота	81
— 1572 A**	Мальчик съедает сметану	79
1586	Глупец (шут Балакирев) жалуется в суд (Петру I) на мух	102
1640	Фома Беренников	37, 73
1641	Знахарь	83
1681 A	Дурак боится собственной тени	94
1688	Слуга должен усугублять заявление хозяина	98
— 1689 A*	Два подарка	87
1691	Дурак домовничает	94
1696	Набитый дурак	95
1698 C	Двое считают друг друга глухими	100
1716*	Фома и Ерема	96
1730	Поп, дьякон и дьячок у красавицы	65
1735	«Кто отдаст последнее, получит десятирицею»	77
1736	Скупой поп и работник	78
1875	На хвосте у волка	33
— 1889***	Человек съедает переднюю часть коровы	105, 107
— 1930*	Подпоясался топором	108
1960	Горох до неба	54
2016*	Кумулятивные сказки	103
2025	Колобок	19
2300	Докучные сказки	104, 105, 106
— ⁵	Мыши побеждают кота	17
—	Почему у кукушки гнезда нет	21
—	Три дочери Луны	30
—	Солдат и его дочь	68
—	Солдат наводит справедливые порядки в армии	82
—	«Сквозь железо видят»	82
—	Две жены, ветренка и скопидомка	89
—	Недодел и Передел	96

⁵ Сюжеты, не учтенные в СУС.

—	Как жить: с деньгами или с детьми?	97
—	Природа науку одолела	99
—	Полтора ста плешивых	101

Сказочники⁶

Анциферов Леонтий Ильич, 93 года, с. Зюльзя Нерчинского р-на. 1976 — № (24), (34), (42), 66.

Балагуров Федор Абрамович, 72 года, пос. Шелопугино Шелопугинского р-на. 1976 — № 1; 1981 — № 3, 5, 7, 8, (11), 12, 13.

Батурина Матрена Тимофеевна, 75 лет, пос. Дарасун Карымского р-на. 1975 — № 81.

Бессонова Раиса Сергеевна, 64 года, с. Кангил Нерчинского р-на. Родилась в Курганской области. В Забайкалье проживает с детства. 1976 — № (1), 90.

Бирюкова Прасковья Кузьминична, 64 года, пос. Дарасун Карымского р-на. 1975 — № 2, 9.

Богданова, пос. Дарасун Карымского района. 1975 — № 89.

Болванова Варвара Иннокентьевна, 68 лет, с. Верхняя Куэнга Сретенского р-на. 1974 — № (1), (4), (18), (54).

Бояркин Александр Николаевич, 32 года, с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на. 1980 — № 71.

Бояркин Николай Григорьевич, 74, года, с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на. 1978 — № 23, 35, 65; 1980 — № 10, 11, 16, 17, 18, 19, 25, (39), 42, 50, 54; 69; 105.

Викулова Александра Николаевна, 78 лет, с. Верхние Ключи Нерчинского р-на. 1979 — № 56.

Герасимова Софья Петровна, 67 лет, пос. Дарасун Карымского р-на. 1975 — № 94.

Горбачева Аграфена Павловна, 75 лет, с. Зюльзикан Нерчинского р-на. Родилась в Тамбовской области. 1966 — № 6, 14.

Гусевская Августина Савельевна, 63 года, с. Уктыча Сретенского р-на. 1977 — № (50).

Дутов Федот Иванович, 65 лет, г. Нерчинск. 1968 — № 26.

Дутова Мария Осиповна, 65 лет, дер. Рудник-Пешково Нерчинского р-на. 1979 — № 4, (18), (50).

Егоров Владимир Емельянович, 67 лет, пос. Шелопугино Шелопугинского р-на. 1976 — № 82.

Егоров Даниил Сергеевич, 67 лет, пос. Шелопугино Шелопугинского р-на. 1976 — № 82.

Епифанцева Тамара Васильевна, 47 лет, с. Пешково Нерчинского р-на. 1979 — № 15, 45, 70.

⁶ Возраст сказочника указан на день первой записи; место проживания дано по современному административному делению [на момент издания сборника (1983 г.) — *Ред.*]; в скобки взяты номера вариантов, сведения о которых приведены в примечаниях.

Ермолаева Екатерина Григорьевна, 74 года, пос. Дарасун Карымского р-на. 1975 — № 84.

Заярна Мария Евстрафовна, 70 лет, с. Пешково Нерчинского р-на. Родилась в Сумской области, в Забайкалье с 1954 г. 1979 — № 64.

Зиновьев Петр Иванович, 50 лет, г. Нерчинск. 1969 — № 104.

Иванова Татьяна Михайловна, 71 год, пос. Дарасун Карымского р-на. 1975 — № (72).

Калашникова Вера Михайловна, 63 года, с. Пешково Нерчинского р-на. 1979 — № 40.

Климов Иван Александрович, 73 года, с. Кумахта Карымского р-на. 1975 — № 88.

Колесников Евдоким Антонович, 72 года, пос. Дарасун Карымского р-на. 1975 — № 98.

Коняшина Мария Сергеевна, 76 лет, с. Мирсаново Шилкинского р-на. Родилась в Калужской области, в Забайкалье с 1930 г. 1969 — № (54).

Крапивкин Михаил Борисович, 54 года, с. Нижние Ключи Нерчинского р-на. 1979 — № (35).

Куденцова Ирина, 11 лет, пос. Дарасун Карымского р-на. 1975 — № 20.

Лагодин Степан Михайлович, 74 года, с. Деревцово Шелопугинского р-на. 1976 — № (23).

Литвинцев Николай Иванович, 83 года, с. Знаменка Нерчинского р-на. 1976 — № 30, 34, (41), 55, 62, 72, 96.

Лобин Олег, 11 лет, с. Нижняя Куэнга Сретенского р-на. 1974 — № (4).

Ломакина Евфросинья Филипповна, 61 год, пос. Дарасун Карымского р-на. В Забайкалье приехала из европейской части страны в 1938 г. 1975 — № 60, 106.

Лоншаков Дмитрий Родионович, с. Зюльзикан Нерчинского р-на. 1976 — № 108.

Матвеева Т. 7 лет, с. Нижняя Куэнга Сретенского р-на. 1974 — № (33).

Мешалкина Прасковья Уваровна, пос. Дарасун Карымского р-на. 1975 — № (40).

Мясникова Евфросинья Георгиевна, 68 лет, с. Фирсово Сретенского р-на. 1977 — № (33), 48.

Наседкин Абрам Николаевич, 67 лет, с. Шивки Нерчинского р-на. 1969 — № 29, 44.

Немиров Василий Иннокентьевич, 42 года, с. Байцетуй Шилкинского р-на. 1973 — № 51.

Нестерова Василиса Алексеевна, 69 лет, с. Верхние Ключи Нерчинского р-на. 1969 — № (61).

Обухова Федосья Николаевна, 78 лет, с. Кангил Нерчинского р-на. 1976 — № 46.

Пахмутова Аграфена Гавриловна, 68 лет, с. Пешково Нерчинского р-на. Родилась в с. Витьюм Санчурского р-на Кировской области, в Забайкалье с 1959 г. 1979 — № (4), 41, 58, (94).

Пешков Григорий Васильевич, 70 лет, г. Нерчинск. 1969 — № 99, 100, 101, 102.

Пешкова Нина Ивановна, 69 лет, с. Пешково Нерчинского р-на. 1979 — № (18).

Пискарев Михаил Ксенофонтович, 71 год, с. Верхняя Куэнга Сретенского р-на. 1974 — № (23), 27, 75, 85.

Плотников Петр Иванович, 64 года, с. Мангидай Сретенского р-на. 1977 — № 37.

Плотникова Татьяна Андреевна, 67 лет, пос. Атамановка Читинского р-на. Родилась в с. Винобанное Куйбышевской области, в Забайкалье с 1941 г. 1975 — № 77.

Почтарев Владимир Александрович, 67 лет, пос. Дарасун Карымского р-на. Родился в Куйбышевской области, в Забайкалье с 1934 г. 1975 — № 38, (33), 79, (92).

Рычкова Прасковья Афанасьевна, 75 лет, с. Фирсово Сретенского р-на. 1977 — № 63.

Рюмкин Егор Степанович, 73 года, с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на. 1980 — № 22, 103.

Рюмкин Степан Владимирович, 76 лет, с. Бурукан Газимурозаводского р-на. 1980 — № 36, 57, 78, 80, 87.

Рязанцева Ирина Степановна, 74 года, с. Крупянка Нерчинского р-на. 1966 — № (23); 1969 — № (12), 21, 28; 1976 — № 24, 33, 39, (48), (94).

Седов Николай Васильевич, 57 лет, с. Апрельково Шилкинского р-на, уроженец Костромской области. 1969 — № 31, 52, 67, 68, 76.

Сидорова Арина Васильевна, 73 года, с. Тыргетуи Карымского р-на. 1975 — № 93..

Смолина Марфа Ивановна, 74 года, пос. Дарасун Карымского р-на. 1975 — № 95.

Смолянский Федор Семенович, 66 лет, разъезд Шапка Сретенского р-на. 1974 — № 73, 107.

Старицына Мария Алексеевна, 56 лет, с. Кибасово Шилкинского р-на. 1974 — № 91.

Судакова Анна Николаевна, 67 лет, с. Андронниково Нерчинского р-на. 1979 — № 74.

Сычева Устинья Федоровна, 80 лет, разъезд Шапка Сретенского р-на. Родилась в Воронежской области, в Забайкалье с конца 30-х годов. 1974 — № 47, (48), 49, 61.

Топоркова Екатерина Сергеевна, 74 года, пос. Дарасун Карымского р-на. 1975 — № 97.

Трусилина Анастасия Сергеевна, 59 лет, с. Борщовка Нерчинского р-на. Родилась в д. Крутцы Дивейского района Горьковской области, в Забайкалье с 1959 года. 1969 — № (58).

Филиппов Андрей Дмитриевич, 70 лет, с. Казаново Шилкинского р-на. 1973 — № (23).

Чекашкин Степан Терентьевич, 78 лет, г. Нерчинск. 1974 — № 43; 1979 — № 92.

Чернов Игнат Исакович, 71 год, пос. Дарасун Карымского р-на. Родился в Брянской области, в Забайкалье с детских лет. 1975 — № 86.

Черняева Екатерина Степановна, 82 года, пос. Дарасун Карымского р-на. Родилась в Куйбышевской области, в Забайкалье с 1932 г. 1975 — № 59, (62).

Чистохина Татьяна Степановна, 54 года, пос. Дарасун Карымского р-на. 1975 — № (83).

Юсупова Наталья, 8 лет, пос. Холбон Шилкинского р-на. 1969 — № 53.

Словарь малоупотребительных и диалектных слов

Адали́ — как будто

Балага́шек (уменьшит. от *балаган*) — шалаш, используемый для временного житья на сенокосе

Банёночка — банька

Бастри́к — прочная жердь для стягивания воза сена, соломы

Белоя́ровый — в сказках: о зерне (пшенице) лучшего сорта

Брати́н — двоюродный брат

Буи́но́е ко́рыто (бучное) — деревянная посуда для выпаривания белья при помощи раскаленных камней

Вали́ (повелит.) — иди, уйди

Вору́брядь — во второй раз

Веи́няк — ворота с подъемным заслоном в плотине мельницы для спуска лишней воды

Взаго́рб — в спину, на спину

Винохо́дый — иноходец

Влады́ка — архипастырь, патриарх

Волчу́ха — волчица

Воору́жаться — драться

Ворони́ца — самка ворона

Ворото́к — ворот одежды

Восполи́н — исполин, чудовище

Враг — черт, нечистый дух

Вшестёх — вшестером

Вы́копнуть — выткнуть

Вы́переть — выгнать

Вы́слухать — разузнать

Гамáзин — магазин

Глы́за — мерзлый навоз, помет

Гля́нуться — нравиться

Гобе́ц — загородка в избе между печью и полатами

Гове́ть — поститься, ничего не есть

Голе́ц — голая вершина сопки; здесь: Начинский голец Борщовочного хребта

Гонои́ть — хлопотать, готовить

Гребёлка — гребень горы

Грё́за — пакостник

Грё́зить — пакостить, вредить; баловаться

Греши́ть — ругаться, скандалить

Гу́пвахта — гауптвахта, помещение для арестантов

- Данна* — дань, налог
Двоерушный молот — тяжелый кузнечный молот для работы двумя руками
Де́ва — обращение к женщине
Дереви́на — дерево, ствол
Де́яться — происходить
Дивно — много
Дивья́ — хорошо, легко
Доёлка — обрубной подойник с одной длинной клепкой, которая служит ручкой
До́ле того — проще простого
Ева́нгеля — Евангелие
Ёдак — так
Езо́к, езо́чек — плетень поперек всей реки с ловушкой для рыбы
Епи́ска — епископ
Ерни́к — кустарниковый березняк, перелесок
Жар — раскаленные угли
Забос́ти — забодать
Завес́ти — заиметь, приобрести
Загне́тка — угол в русской печи, куда сгребают жар
Зай́мка — зимовье и постройки для зимнего содержания скота в местах отдаленных сенокосов
Зала́вок — место под лавкой у печи для домашней птицы
Зимовьё — избушка в тайге; подсобная избушка во дворе
Засму́ляться (сму́ляться) — опасаться, принимать угрожающую позу
Запеля́ркать — затолкнуть куда-нибудь
За́риться — завидовать, распалять корысть
Заро́бить — заработать
Заро́д — стог продолговатой кладки
Засупо́рничать — начать спорить; упрямиться
Зуды́рно/е/ — хлопотное
Заплóт — деревянная ограда из досок или бревен
Изу́ськать — натравить собак
Има́н — козел
Иману́ха — коза; козья доха
Има́ть — ловить
Квашо́нка — малая квашня, кадка, в которой квасят тесто
Кобе́нить — жестоко избивать
Кокорки — заплечье, закорки
Колти́ца — белый аист; цапля
Корча́га — большой глиняный горшок
Кра́дче — скрытно, тайком
Курна́ть — окунать в воду с головой
Куфа́йка — куртка
Ла́дно — много; хорошо
Ладо́м — хорошенько, тщательно
Ле́ша — лесная

Ли чё ли — или что ли
Лопоть — верхняя одежда
Манатки — вещи, пожитки
Могутный — могучий
Молонья — молния
Навык — опыт, привычка
Навыхаживать — избить
Наделок — доля в наследстве
Надыбать — отыскать, разузнать
Наиматься — наловиться
Нароком — с умыслом
Нахвошишать — побить
Не по плечу — неровня
Несусветно — необычайно, невообразимо
Обзárиться — см. зариться
Обу́тки — обувь
Ов́инчик — хлебная мера, равная 20 суслонам или 200 снопам
Оды́бать — поправляться, восстановить силы
Опну́ться — задержаться, приостановиться
Ослобони́ть — освободить
Остороже́нья — мера предосторожности
Отва́дить — отучить от повадки, привычки
Откуп — выкуп
Отмя́ть — избить
Отту́нкать — избить
Отшати́ться — отделиться, уйти в сторону
Очу́хаться — очнуться
Па́дла — падаль, труп животного
Па́дчерка — падчерица
Парно́й — вспотевший, мокрый
Па́рой везти — везти упряжью о двух лошадях
Па́ска — Пасха
Перемёт — рыболовная снасть с крючками, которую обычно ставят поперек реки
Печеню́шки — печенье
Пеи́тэра — пещера
Плётки — силки для ловли птиц
Поверста́ться — повстречаться
Подвене́ц — свадебный подарок
По́касть — пакостник, тот, кто вредит, портит
Помі́нок — памятный подарок
Попусті́ться — отказаться, прекратить
Подтяну́ть на весь круг — укрепить все четыре подковы на копытах лошади
Поско́тина — выгон, пастбище
Пособи́ть — помочь
Почё — зачем

Пошлинность — пошлина
Предпéчек — шесток русской печи
Припарíться — присоединиться
Прогневíть — несправедливо обидеть
Прóлубь — прорубь во льду реки, озера
Простóй — пустой, свободный
Пуза́н — человек с большим животом
Путный — добротный, дельный
Пыхнуть — прыгнуть
Ра́дый — довольный
Разболока́ться — раздеваться
Разговéться — после поста поестъ скоромной пищи
Разза́рить — возбудить, распалить корысть
Ревéть — звать; сообщать, говорить
Рóбить — работать
Ронжа́ — голубая сорока; сойка
Сади́ться — укорачиваться при высыхании
Сажо́нный — величиной в сажень
Сарапи́нка — полосатая или клетчатая бумажная ткань
Сблуди́ть — заблудиться
Сдурéть — рассвирепеть
Си́вер — северный склон горы
Ска́тный жемчуг — круглый, крупный, будто скатанный
Скли́ки скликать — бросить клич
Скомíть — скомкать, превратить в ком; начать бить
Скорби́ть — обижать, оскорблять
Скоро́мное — животная пища (мясо, молоко, масло, яйца и пр.)
Скукурю́читься — съежиться, сжаться
Сла́вить — исполнять рождественские песни, славящие Христа
Сла́дить — изготовить, сделать
Сомуши́ать — соблазнять, сговаривать
Спе́рло — испугался, струсил
Стружи́ть — строгать
Стяг — дубина, жердина, слега
Супо́риться — спорить, сопротивляться
Сусéди — соседи
Суслóнчик — хлебная мера, 10 снопов, составленных вместе
Сухари́ть — состоять в любовных отношениях
Схва́тывать — перехватывать дыхание от дурного запаха
Тавре́ный — клейменный
Тажно́ — тогда
Турну́ть — толкнуть
Турсу́к — берестяной кузов, кошель
Уби́вец — убийца
Узо́льники — торговцы, купцы
Укурну́ться — окунуться

Умѣтывать — складывать в стог
Уноровить — угодить
Упадъ — падалъ,дохлый скот
Упу́чка́ть — выпачкать
Утира́льник — полотенце
Ухатъ — аукать
Уха́ч — бойкий, бесшабашный человек, ухарь
Ухля́стывать — ухаживать, приставать
Фате́ра — квартира
Фу́ра — большая телега
Хайла́ть — кричать
Хайло́ — горло, глотка
Хва́теный — отнятый
Хле́ще — быстрее
Хлопяно́й — сделанный из охлопьев пеньки, льна
Хрушко́/е/ — крупное
Цап, цапе́, цоп — хватъ
Чалдо́ны — беглые каторжники
Чухать — слышать, чувствовать
Чушка — свинья
Ша́борк — звук шагов
Шамоти́нский шелк — шемаханский шелк, пышный, некрученный
Шаньга — ватрушка с мятым картофелем или творогом
Шаро́м покати — пусто, бедно
Шири́нка — полотенце, платок
Шканты́ — клинышки, скрепляющие раму
Шорка́ть — тереть, чесать
Шуря́к — шурин, брат жены
Щёлок — настой золы в кипятке, употребляемый для мытья, стирки
Ягель — дягиль, дудошник, растение с полым стеблем

Жанровые особенности быличек^{*}

Монография

Введение

Понятие о быличке

За последнее десятилетие в советской и зарубежной науке о фольклоре заметно возрос интерес к изучению жанров устной народной несказочной прозы. В отличие от сказок, в процессе изучения которых, можно сказать, происходило становление фольклористики, предание, легенда, быличка, устный рассказ (сказ) оставались в стороне от главных интересов ученых. К тому же сами эти понятия обладали лишь относительной самостоятельностью и воспринимались как синонимические. Сейчас дело обстоит иначе. Появились монографические работы, посвященные прозаическим жанрам¹. Исследователи ищут принципы разграничения, ведут большую работу по созданию научной классификации жанров², анализируют характер современного бытования произведений народной прозы³. Все большее внимание ученых привлекают так называемые

^{*} Жанровые особенности быличек / Отв. ред. Н. О. Шаракшинова. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1974.

¹ Ч и с т о в К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. – М.: Наука, 1967; С о к о л о в а В. К. Русские исторические предания. – М.: Наука, 1970.

² Ч и с т о в К. В. К вопросу о принципах классификации жанров устной народной прозы. VII Международный конгресс антропологич. и этнографич. наук (Москва, авг. 1964 г.). – М.: Наука, 1964; А з б е л е в С. Н. Отношение предания, легенды и сказки к действительности (с точки зрения разграничения жанров) // Славянский фольклор и историческая действительность. – М., 1965. – С. 5–25; А н и к и н В. П. Возникновение жанров в фольклоре (к определению понятия жанра и его признаков) // Русский фольклор. X. Специфика фольклорных жанров. – М.; Л., 1966. – С. 28–42; А н и к и н В. П. Художественное творчество в жанрах несказочной прозы (к общей постановке проблемы) // Русский фольклор. XIII. Русская народная проза. – Л., 1972. – С. 6–19.

³ С о к о л о в а В. К. Современное состояние преданий // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VII Международный съезд славистов. Варшава, авг. 1973 г. Докл. сов. делегации. – М., 1973. – С. 423–437.

былички — устные народные рассказы о встречах человека с всевозможными сверхъестественными существами, главным образом из низшего пантеона славянской мифологии (домовой, банник, кикимора, леший, водяной, русалка и др.) или с людьми, обладающими сверхъестественной, чудесной силой (ведьма, колдун), о встающих из гроба мертвецах, о невероятных встречах с кладами, которые являются человеку в виде животных или предметов и т. п. В основе быличек — фантастический вымысел, но исполняются они как рассказы достоверные, обычно в форме свидетельского утверждения. При этом в качестве свидетельства привлекаются имена знакомых людей, названия мест, часто указывается время происшествия. Былички выделяются среди других жанров народной прозы своеобразием тематики, структуры, стиля, развития конфликта, изображения сверхъестественных персонажей, обстановки действия и человека-свидетеля, а также особым исполнением.

О термине «быличка»

Термин «быличка» в применении к рассказам, основанным на народных верованиях, вошел в фольклористику с книгой Б. М. и Ю. М. Соколовых «Сказки и песни Белозерского края» (М., 1915). Но за суеверными рассказами закрепились и другие термины. Так, еще в начале XX в. собиратель и исследователь северного фольклора Н. Е. Ончуков отмечал, что рассказы про чертей, леших, водяных, ведьм, оборотней в отличие от сказок называются местными жителями «бывальщинами», «бывальщинками». Понятия «быличка», «быль», «бывальщина», «побывальщинка» до недавнего времени считались синонимичными, хотя тот же Н. Е. Ончуков, например, отметил существенные отличия «бывальщин» и рассказов о событиях, якобы случившихся «с самими рассказчиками или с хорошо известными, или совсем близкими им людьми»⁴. Важные уточнения в смысл данных терминов внесла советская исследовательница фольклора Э. В. Померанцева. Она предложила под быличками понимать рассказы, которые не утратили особенности «свидетельского показания», и, чтобы покончить с фактом разного толкования, отделила «чистые» былички от бывальщин, досюльщин и т. п. произведений, которые «в народной практике обозначают разнообразный материал»⁵ и часто представляют собой переходные формы от быличек к преданиям, легендам или сказкам. Такое разграничение дало возможность изучения быличек как самостоятельного фольклорного жанра, выделения его важнейших отличий от других жанров народной прозы, определения его места в составе русского фольклора.

⁴ Ончуков Н. Е. Сказки и сказочники на Севере // Северные сказки. Сборник Н. Е. Ончукова. — СПб., 1909. — С. XXXII.

⁵ Померанцева Э. В. Жанровые особенности русских быличек // История, культура, фольклор и этнография славянских народов. VI Междунар. съезд славистов. Докл. сов. делегации. — М., 1968. — С. 279.

Собирание и изучение быличек

Опираясь на сведения из древних источников, можно сделать вывод, что былички на Руси бытовали задолго до XVIII в. Но материалы тех времен дошли до нас лишь как информация о «низшей демонологии», как «свидетельство об их [быличек. — В. З.] существовании и бытовании среди „простых людей“, а также как пересказы некоторых из них»⁶.

Русские просветители XVIII в., понимая важность роли древнегреческой мифологии в становлении не только античной, но и мировой культуры, хотели по аналогии с античной воссоздать систему славянской мифологии. Еще М. В. Ломоносов отмечал функциональное сходство отдельных языческих славянских и античных божеств: чёрта и Плутона, лешего и фавна, домовых и пенатов и др. Черновики великого ученого, относящиеся к 1766 г., дают основание предположить, что он готовил работу по русской мифологии.

Выполнение такой работы осложнялось рядом трудностей и прежде всего тем, что нужные сведения сохранялись только в устной традиции, в народном быту, в обрядах и повериях. К тому же остатки древних мифологических представлений подвергались сильному воздействию официальной церкви, и это привело чуть ли не к полному забвению высших божеств языческого пантеона, а также к переосмыслению роли низших: домовых, леших, водяных, за которыми все больше закреплялось понятие «нечистой силы», служащей дьяволу и враждебной Богу.

Обращение русских просветителей к материалам устного поэтического творчества, к мифологии связано со стремлением воспитать у сограждан высокое уважение к национальной культуре. Н. И. Новиков говорил, что полезно изучать иноземное, но стыдно не знать своего. М. В. Попов, М. Д. Чулков делают попытки привести в систему образы русской мифологии.

Сведения о быличках, дошедшие до нас из первой половины XIX в., также имеют характер констатации суеверных представлений народа о лешем, русалке и др. В 1804 г. появляется работа А. Кайсарова «Славянская и российская мифология». Обзор русских верований дает в своем труде «Русские простонародные праздники и суеверные обряды» И. М. Снегирев. Сохранились свидетельства, что А. С. Пушкин интересовался народными суеверными рассказами и хорошо знал их. Известны его записи историй о «неосторожном слове», которые являлись свободным пересказом писателя, но позволяют судить о самобытности народных быличек⁷.

В какой-то мере собранный ранее материал о верованиях народа послужил основой для деятельности русской мифологической школы, среди представителей которой выделялась фигура А. Н. Афанасьева. Его работа «Поэтические воззрения славян на природу» (т. I–III, М., 1865–1869) при известных недо-

⁶ По м е р а н ц е в а Э. В. Жанровые особенности русских быличек. — С. 283–284.

⁷ П у ш к и н А. Сказки / Ред. текста и ст. М. К. Азадовского. — Л.: ГИХЛ, 1936. — С. 102–103.

статках, связанных с ошибочностью теоретической концепции «мифологов», содержит интереснейший фактический материал и до сих пор не теряет значения для науки.

На обилие суеверных рассказов на севере России обратил внимание в шестидесятые годы XIX в. П. Н. Рыбников. Он посвятил описанию заонежских поверий специальную главу своей книги, где привел несколько рассказов о нечистой силе⁸.

Большое количество рассказов «про леших и водяных», «про змеев», «про Иванов цвет», «про клады» вошло в книгу Д. Н. Садовникова «Сказки и предания Самарского края»⁹.

Новый этап в изучении народных верований, а главное — в накоплении фактического материала связан с деятельностью Русского географического общества. Еще в 1840-х годах отделение этнографии Общества разослало по стране специальную анкету с целью получения информации из отдельных местностей. С этого времени наблюдается особый интерес к народным верованиям. В Архангельской губернии богатые материалы были собраны П. С. Ефименко (опубликованы в 1877, 1878 гг.).

С 1889 г. выходит журнал «Этнографическое обозрение», а с 1890 — «Живая старина». На страницах этих журналов публикуются и материалы по суеверным представлениям жителей разных мест России.

Много ценного по русскому фольклору и этнографии было собрано в «Этнографическом бюро» В. Н. Тенишева, здесь «особенно богаты материалы по демонологическим рассказам»¹⁰.

Но среди всей огромной массы материалов, накопленных к концу XIX в., сравнительно мало полноценных текстов быличек, сохранивших важные жанровые черты. К таким можно отнести отдельные тексты Д. Н. Садовникова, П. Н. Рыбникова, многие записи из фонда Тенишева и ряд других. Большинство материалов носит информационный характер. Они свидетельствуют о повериях русского народа, о его «поэтических воззрениях», сообщают факты большей или меньшей популярности конкретных демонических образов в конкретных местностях. Интересно, что уже тогда (как, впрочем, и в XVIII в.) исследователи говорили о бытовании суеверных рассказов как о пережитке древних времен и выражали надежду, что верящих в истинность подобных историй остается в России все меньше. Исследователи XIX в. не видели художественных достоинств быличек, не ставили вопроса о специфике их бытования, о их жанровом отличии, о причинах популярности в народе, хотя удивлялись этой популярности.

На художественную значимость быличек обратили внимание писатели. Достаточно вспомнить знаменитые «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н. В. Го-

⁸ Ры б н и к о в П. Н. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: В 3 т. 2-е изд. / Под ред. А. Е. Грузинского. — М., 1910. — Т. 3. — С. 187–188.

⁹ С а д о в н и к о в Д. Н. Сказки и предания самарского края. — СПб., 1884. — С. 226–363.

¹⁰ П о м е р а н ц е в а Э. В. Фольклорные материалы «Этнографического бюро» В. Н. Тенишева // Сов. этнография. — 1971. — № 6. — С. 138.

голя, его повесть «Вий», чтобы убедиться в этом. Н. В. Гоголь показал, как органически вплетаются былички в повседневную жизнь народа. Он воссоздал обстановку, в которой исполнялись былички, показал особенности восприятия их средой, которая не утратила связь с суеверными представлениями, передал их жуткую, но необычайно поэтическую силу воздействия на слушателя. Мастерски сделано это великим писателем в эпизоде рассказа Левко о панночке («Майская ночь, или Утопленница»), в сцене рассказов дворни о ведьме-дочери сотника («Вий»). Другой общеизвестный факт — «Бежин луг» И. С. Тургенева, из содержания которого можно получить представление не только о бытовании «страшных» рассказов среди крестьянских детей, но и представить роль быличек в их нравственном и духовном формировании.

В начале XX в. было записано большое количество быличек, которые вошли почти во все крупнейшие сборники сказок. Тексты этого периода имеют значительную ценность, потому что отражают обстановку господства суеверного сознания крестьянских масс, записаны на уровне достаточно высоких научных требований, следовательно, сохранили жанровые особенности.

Обилие разного рода преданий, особенно рассказов о нечистой силе, отмечал Н. Е. Ончуков, работая в 1903–1907 гг. в Олонецком крае. Он первый указал на жанровую самостоятельность подобных произведений устного народного творчества, подошел к ним дифференцированно и выделил в массе сходного по содержанию материала различные по формальным качествам группы, о чем уже было сказано выше. Н. Е. Ончуков распределил материал по типам персонажей, указал на важный признак быличек — акцент на достоверность повествования, — обратил внимание на своеобразие их исполнения, хотя очень удивлялся явному несоответствию между довольно высоким уровнем мировоззрения отдельных рассказчиков, их сравнительной грамотностью и необъяснимым упорством в утверждении правдивости самых фантастических историй. Кроме того, исследователь одним из первых отметил возможность перехода суеверных рассказов в жанры сказок, легенд и др.¹¹

В 1908–1909 гг. братья Ю. М. и Б. М. Соколовы предприняли поездки в Белозерский и Кирилловский уезды с целью собирания сказок и песен, а в 1915 г. был издан их сборник «Сказки и песни Белозерского края»¹², где авторы отметили и некоторые отличительные черты быличек. Они первые указали, что термин «быличка» прилагается сказочниками к небольшим рассказам о леших, домовых, чертях и чертовках, полуверцах, колдунах — одним словом, о представителях темной, «нечистой силы», подчеркнули, что местные жители верят в действительное существование «нечистых», в их «способность вредить или помогать людям»¹³. Авторы сборника указали на некоторые причины появления быличек, связывая фантастическое воспроизведение явлений природы в

¹¹ Ончуков Н. Е. Сказки и сказочники на Севере // Северные сказки. Сборник Н. Е. Ончукова. — СПб., 1909. — С. XIV–XXXIV.

¹² Соколовы Б. М. и Ю. М. Сказки и песни Белозерского края. — М., 1915.

¹³ Там же. — С. VIII.

уме человека с его физической усталостью, болезненным состоянием или сновидениями¹⁴.

В 1910 г. вышло из печати «Собрание этнографических трудов» А. Е. Бурцева¹⁵. Это, пожалуй, первая большая работа, где собраны под одним названием «суеверные рассказы русского народа о нечистой силе». Следует отметить, что некоторые тексты сборника не только точно фиксируют содержание, но в них передается также предшествующий диалог, помогающий яснее представить важные особенности в исполнении былички. Собрание А. Е. Бурцева отлично иллюстрировано, с любовью оформлено. Однако существенные недочеты снижают его научное значение: материал расположен бессистемно, у многих текстов отсутствует «паспортизация».

Большую популярность среди населения рассказов про леших, чертей и тому подобное отметил в Пермском¹⁶ и Вятском¹⁷ сборниках народных сказок Д. К. Зеленин, объясняя это спецификой хозяйственного уклада и природными условиями. Местные жители, указывает составитель, большей частью занятые работами на лесозаготовках, верят в леших, ведьм, колдунов и в других «нечистых»¹⁸.

Таким образом, русская фольклористика к третьему десятилетию XX в. накопила большое количество записей быличек. Хотя специальных работ, посвященных исследованию жанра, еще не было, а сам термин «быличка» только что вошел в научный обиход, уже имели место попытки выяснить причины появления и популярности подобных рассказов в среде народа, были отмечены некоторые их жанровые признаки. В быличках увидели материал для пополнения сказочных жанров. Но главное — были записаны тексты, так или иначе отражающие эпоху господства суеверных предрассудков в сознании широких масс.

После Великой Октябрьской социалистической революции фольклористика, вооруженная марксистско-ленинским учением, вступила на путь подлинно научного, объективного изучения как процесса развития народного поэтического творчества в целом, так и отдельных фольклорных жанров. Было творчески усвоено все ценное, чего достигла дореволюционная фольклористика. Советская наука о фольклоре определяла свои принципы и задачи в исследовательской работе в процессе глубокого усвоения и развития важнейших положений марксистско-ленинской эстетики, в процессе борьбы с чуждыми вульгарно-социологическими концепциями. На основе новой методологии широко

¹⁴ С о к о л о в ы Б. М. и Ю. М. Сказки и песни Белозерского края. — М., 1915. — С. IX.

¹⁵ Б у р ц е в А. Е. Полное собрание этнографических трудов, т. I–V. — Сиб., 1910.

¹⁶ З е л е н и н Д. К. Великорусские сказки Пермской губернии. — Пг., 1914. — (Записки имп. рус. геогр. о-ва по отд-нию этнографии; Т. 41).

¹⁷ З е л е н и н Д. К. Великорусские сказки Вятской губернии. — Пг., 1915. — (Записки имп. рус. геогр. о-ва по отд-нию этнографии; Т. 42). — С. XV.

¹⁸ З е л е н и н Д. К. Великорусские сказки Пермской губернии. — Пг., 1914. — (Записки имп. рус. геогр. о-ва по отд-нию этнографии; Т. 41). — С. 1–2.

развернулась работа по собиранию и изучению произведений всех жанров устного народного творчества.

В ходе этой работы ученые продолжают сталкиваться и с рассказами, содержание которых основано на суеверных представлениях людей. Теперь встает вопрос о месте былички среди других произведений фольклора, о ее междужанровых связях, об отражении в ней мировоззрения носителей. Но специальных исследований жанра долгое время не предпринималось. Причины этого, возможно, надо искать в том, что для советской фольклористики 20–30-х годов было характерно стремление изучать произведения в исполнении лучших мастеров, причем обращалось внимание на самые высокохудожественные образцы¹⁹. Быличка же — чаще короткий рассказ, лишенный украшающих вступительных и заключительных формул, устойчивых стилистических оборотов. Язык ее краток, лаконичен, даже обыден. Но это придает описанию конкретность, помогает овладеть вниманием слушателей. И за внешней простотой, обыденностью былички исследователи не всегда видели ее большую, особую силу воздействия на аудиторию и не обращали на жанр должного внимания. С другой стороны, хотя былички знают и рассказывают многие люди (чем объясняется широкое бытование жанра), эти произведения занимают в репертуаре мастера поэтического слова более скромное место, чем, например, сказки или песни. Поэтому установка на изучение лучшей части репертуара лучших мастеров не могла действовать всестороннему освещению всех жанров в системе фольклора.

Иными принципами в собирании и изучении фольклора руководствовался ленинградский ученый А. И. Никифоров. Он стремился изучать произведения устного поэтического творчества народа в условиях их естественного бытования в среде широких масс. А. И. Никифоров записывал тексты от каждого встреченного им жителя определенной местности, фиксировал их в любом качественном состоянии, справедливо считая, что только такой метод собирания позволит составить реальное представление о состоянии жанра в данный момент, о степени его популярности среди носителей, о значении в духовной жизни людей²⁰. Если сейчас никто не сомневается, что безотборочное собирание материалов предполагает и фиксацию лучших образцов народного поэтического искусства, изучение репертуара лучших мастеров, то в 20–30-е годы многие фольклористы считали эти принципы взаимоисключающими.

А. И. Никифоров был одним из первых советских фольклористов, отделяющих былички (или бывальщины) от произведений сказочных жанров. Он утверждал, что «крестьяне сами отличают сказку от „бывальщины“, „досюльщины“», а «главное отличие бывальщины от сказки в том, что бывальщина не знает сказочной формы»²¹. Подготавливая к изданию сборник северных сказок,

¹⁹ П р о п п В. Я. А. И. Никифоров и его «Севернорусские сказки» // Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова. — М. ; Л., 1961. — С. 18.

²⁰ Т а м ж е. — С. 18–20.

²¹ Н и к и ф о р о в А. И. Сказка, ее бытование и носители // Капица О. И. Русские народные сказки. — М. ; Л., 1930. — С. 13.

Никифоров предполагал включить в него также былички или произведения, близкие к ним, считая, что для понимания мировоззрения русского крестьянина этот жанр дает очень много²².

И в тридцатые годы суеверные рассказы публиковались в сборниках сказок. И. В. Карнаухова, например, включила в свой сборник «Сказки и предания Северного края»²³ около двадцати текстов «бывальщин», а в заключительной статье дала краткое описание их особенностей: раскрыла понятие «бывальщина», выделила в ней 4 типа рассказов (о мертвецах, о нечисти, о разбойниках и о трагических любовниках), подчеркнула особенности каждого типа и указала на некоторые черты своеобразия художественной формы жанра.

В 1935 г. Н. П. Колпакова опубликовала несколько записей «поморских бывальщин», сопроводив их статьей, в которой говорит, что среди русского населения Карельского края подобные произведения бытуют в большом количестве. Автор обращает внимание на отдельные социальные функции жанра: «Бывальщины, увлекательные и страшные... развлекали, возбуждали воображение, до известной степени влияли на выработку мировоззрения подрастающей молодежи, поддерживая в ней верность религиозным убеждениям народа»²⁴.

Теоретических работ, посвященных изучению былички как жанра, пока еще очень мало. Ю. М. Соколов, например, в своей работе «Русский фольклор» рассматривает быличку в главе о сказках, хотя замечает при этом, что сам народ рассказывает данные произведения как «правдошные», и они, «обрастая сказочными подробностями», постепенно переходят в сказки.

П. Г. Богатырев указывал на большое различие между фантастическими сказками и быличками. «Уже по своей форме, — писал он, — былички отличаются от разукрашенных эпитетами, общими местами и т. п. фантастических сказок — отсутствием этих стилистических украшений, своим языком, часто близко примыкающим к языку практическому. Но и по своим функциям былички не менее, чем своей формой, отличаются от фантастических сказок. В то время как доминантной функцией большинства фантастических сказок является функция эстетическая, во многих быличках доминантной будет функция научного повествования»²⁵.

Но чаще всего вопросы художественного своеобразия, возникновения или социального значения быличек затрагиваются попутно и вызваны необходимостью констатировать факт их существования в исследуемой местности. Это отмечал в свое время М. К. Азадовский, который ставил задачу отдельного издания суеверных народных рассказов, основанных на поверьях о нечистой

²² Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова. — С. 343–345. См. Описание сказочного собрания А. И. Никифорова.

²³ Карнаухова И. В. Сказки и предания Северного края. — М. ; Л.: Academia, 1934.

²⁴ Колпакова Н. П. Поморские «бывальщины» // Звезда Севера. — 1935. — № 7. — С. 52–59.

²⁵ Богатырев П. Г. Фольклорные сказания об опришках Западной Украины // Сов. этнография. — 1941. — № 4. — С. 59.

силе, но отразивших, по словам исследователя, не только мир суеверных представлений русского народа, но и сложную систему его этических взглядов²⁶.

Вслед за Ю. М. Соколовым и М. К. Азадовским известный исследователь фольклора Л. Г. Бараг в статье «Сказочная фантастика и народные верования»²⁷ говорит, что рассказы-былички являются одним из источников, пополняющих сказочный эпос. Здесь же автор отмечает, что именно сейчас, в период быстрого разложения и угасания верований, необходимо изучение отдельных прозаических жанров в связи с определенными народными верованиями, — это поможет раскрыть одну из существенных сторон сказочного, например, творчества.

Таким образом, просматривая материалы от текстов фиксационного характера, относящихся еще к XVIII в., до работ нашего времени, можно прийти к выводу, что былички давно знакомы исследователям устного народного творчества, но записывались они, как правило, попутно, никто не собирал их и не изучал специально как интересный факт поэтического осмысления жизни.

Однако необходимо подчеркнуть, что русские и советские исследователи положили начало изучению былички как жанра: отметили своеобразие формы и содержания, особенности бытования, выделили ее воспитательную функцию.

Были также сделаны попытки классификации быличек отдельных районов, затронуты вопросы взаимодействия жанров сказочной и несказочной прозы. Но до самого конца 60-х годов все это представляло собой лишь замечания или предположения. А в конце 60-х годов в связи с усилением интереса советских и зарубежных фольклористов к проблемам несказочной прозы появилась работа Э. В. Померанцевой «Жанровые особенности русских быличек»²⁸, в которой исследовательница рассматривает быличку как самостоятельный фольклорный жанр, имеющий свой круг тем, сюжетов, свою структуру, отличающийся своеобразием характера информации, функциональными особенностями, особым отношением к действительности, но до сих пор изучаемый больше как этнографический материал, сообщая сведения о тех или иных народных верованиях.

Э. В. Померанцева считает ближайшей практической целью, стоящей перед исследователями народной несказочной устной прозы, создание общей классификации, основанной на классификации отдельных жанров. Здесь же исследовательница касается современных процессов, происходящих в быличках, говорит об изменении отношения носителей к повествуемому в них. Статья Э. В. Померанцевой — первая работа, специально посвященная изучению былички и обобщившая наблюдения многих предшественников.

Публикация быличек, к сожалению, все еще «вперемежку» со сказками, а не отдельным сборником, продолжается и в наши дни. В 1970 г. вышел в свет

²⁶ А з а д о в с к и й М. К. О русской сказочной традиции в Карелии // Русские сказки в Карелии. — Петрозаводск, 1947. — С. 18–22.

²⁷ Б а р а г Л. Г. Сказочная фантастика и народные верования // Сов. этнография. — 1966. — № 5. — С. 15–27.

²⁸ П о м е р а н ц е в а Э. В. Жанровые особенности русских быличек. — С. 274–292.

сразу же получивший высокую оценку специалистов сборник сказок Терского берега, подготовленный Д. М. Балашовым²⁹. Книгу открывает вступительная статья составителя, в которой он объясняет факт публикации быличек рядом со сказками необходимостью шире представить картину состояния фольклорной традиции Терского берега.

Д. М. Балашов отмечает, что рассказы-былички «до сих пор составляют особый, живой и чрезвычайно занятный жанр устного творчества». Автор сообщает также, что до сих пор суеверные рассказы бытуют в своей традиционной форме, «каждая быличка, самая фантастическая, всегда начинается таким „реальным“ зачином: кто, где, когда, с кем случилось, кто рассказывал, хотя бы вся история относилась к ходячим по всей стране сюжетам».

Касается Д. М. Балашов и вопроса возникновения быличек в современности, объясняя это, с одной стороны, традиционно: «галлюцинациями, воображением, обманом слуха, чему способствовали пустота и тишина северных лесов и тундр». Но, кроме того, исследователь связывает появление фантастических быличек с законами социальной психологии масс. Он считает, что эти законы «мало изучены, но во всяком случае то, что принято воображением большинства, может в свою очередь влиять на человеческую жизнь, как и сугубо реальные явления действительности».

Отмечая факт все еще широкого бытования быличек на беломорском побережье, Д. М. Балашов обращает внимание на интересную эволюцию образа лешего в местных рассказах³⁰. В итоге своих размышлений ученый приходит к выводу, что былички, отличаясь увлекательностью, «оказываются одновременно драгоценными новеллами о жизни», раскрывающими особенности быта рыбаков-поморов, что многие из них «можно смело признать высокохудожественными произведениями... любопытного жанра»³¹.

* * *

Важнейшие положения русских и советских исследователей былички явились необходимой основой в настоящей работе. Здесь использованы также наблюдения автора над бытованием жанра в районах Читинской, Иркутской областей, Бурятской АССР. Анализ проводится в основном на материалах, собранных в Читинской области. Записи в большинстве случаев сделаны в обстановке непринужденного исполнения по «безотборочному» принципу, т. е. от всех из опрошенных, знающих былички, поэтому не все тексты одинаковы по художественным достоинствам. Большая часть их перенесена с магнитофонной ленты.

Тексты претерпели незначительную языковую (а некоторые и текстологическую) редакцию, оправданную тем, что они играют здесь не лингвистическую роль. В процессе извлечения отдельных произведений для анализа оказа-

²⁹ Балашов Д. М. Сказки Терского берега Белого моря. – Л.: Наука, 1970.

³⁰ Там же. – С. 20–21.

³¹ Там же. – С. 29.

лась нарушена композиционная целостность циклов, очень важная при изучении особенностей исполнения и структуры быличек. Общерусские слова, не отражающие особенности местного диалекта, а измененные лишь в произношении исполнителя, передаются орфографически. Но сохранены устойчивые, характерные для диалекта отклонения от литературных норм: стяжение гласных в окончаниях прилагательных, форм сравнительной степени и пр. (*большій* вм. *большие*, *ста́ра* вм. *старая*, *тои́нэ* вм. *тоинее*, *пяты сутки...*); выпадение согласных (*ить* вм. *ведь*, *де* вм. *где*, *тода* вм. *тогда*, *токо* вм. *только*); местное *чё* (вм. *что*); *ковó* (вм. *что*, *зачем*); *к* и *г* в глаголах с основой на заднеязычный согласный в настоящем и будущем времени вм. *ч*, *ж*, (*текёт*, *лягем*); усеченные формы, объясняемые ускоренностью речи (*гыт*, *грит* вм. *говорит*); ударение в некоторых словах, когда оно необходимо для плавности, ритма речи. В некоторых случаях сохраняются колебания в произношении одних и тех же слов, если они являются типичными для речи исполнителя или отражают процессы воздействия литературного языка на диалект.

Материал, собранный по принципу повсеместной и безотборочной фиксации, дает возможность выяснить, насколько широко распространена и популярна быличка среди местного населения, какую роль она играет в духовной и практической жизни забайкальского села, как изменилось отношение к быличке ее носителей и как эти изменения отражаются в ее структуре и функциях.

В работе делается попытка не только рассмотреть быличку как самостоятельный фольклорный жанр, но и показать отдельные важные процессы, которые протекают в современном фольклоре в связи с изменением мировоззрения его носителей, другими словами — на примере былички пролить свет на проблему: традиционный фольклор, мировоззрение и современность.

Основная часть работы состоит из трех глав. В первой главе определяется основная социально-бытовая функция былички, связанная с происхождением жанра и во многом определившая его поэтическое своеобразие: оригинальность системы образов, своеобразие героя-свидетеля, своеобразие обстановки, развития конфликта, построения и структуры, а также специфики исполнения. Быличка рассматривается в сравнении с устным рассказом, легендой, преданием, что также позволяет подчеркнуть ее жанровую самостоятельность.

Во второй главе проводится внутренняя систематизация былички.

В третьей главе рассматриваются особенности современного бытования быличек, обращается внимание на процессы разложения, развития и взаимобогащения былички и смежных с ней жанров, на особенности исполнения быличек, их бытования в среде детей.

В заключение дано определение жанра. Изучение былички основывается на выделении ее основной социально-бытовой функции. Это помогает выяснить, что в быличке является традиционным, связанным с ее природой, а что — следствие современных процессов, возникших в результате эволюции жанра. К тому же без определения жанровых границ былички, без выделения ее в «чистом» виде трудно было бы проводить анализ процессов, в которые

сейчас вовлечен жанр. Представление о традиционной быличке — база, основа, в сравнении с которой лучше заметны изменения в современном материале.

Глава первая

Быличка как фольклорный жанр

По вопросу о жанровом месте быличек до сих пор не утихли споры. И хотя специально их исследованию посвящены пока только работы Э.В. Померанцевой, многие выводы целого ряда ученых, принимающих участие в решении проблемы систематизации фольклора, в частности несказочной устной народной прозы, могут стать важной основой для раскрытия жанрового своеобразия быличек и обоснования их места в составе произведений устного народного творчества. Такие положения содержатся в статьях В.Я. Проппа³², К.В. Чистова³³, С.Н. Азбелева³⁴, В.П. Аникина³⁵ и других советских фольклористов.

Место былички в составе русского фольклора

В.Я. Пропп дает понятие фольклорного жанра как совокупности произведений, объединенных общностью поэтической системы, бытового назначения, форм исполнения и музыкального строя³⁶, выдвигает важнейшие требования к признакам классификации фольклора, которые должны «отражать существенные стороны явления», быть «постоянными, а не изменчивыми», должны формулироваться «ясно и исключать возможности различного понимания и толкования»³⁷, устанавливает жанровый состав русского фольклора, выделяя в области эпической народной устной прозы виды несказочной и сказочной прозы³⁸.

³² П р о п п В.Я. Принципы классификации фольклорных жанров // Сов. этнография. — 1964. — № 4. — С. 147–154; Его же. Жанровый состав русского фольклора // Русская литература. — 1964. — № 4. — С. 58–76.

³³ Ч и с т о в К.В. К вопросу о принципах классификации жанров устной народной прозы. VII Международный конгресс антропологич. и этнографич. наук (Москва, авг. 1964 г.). — М.: Наука, 1964.

³⁴ А з б е л е в С.Н. Отношение предания, легенды и сказки к действительности (с точки зрения разграничения жанров) // Славянский фольклор и историческая действительность. — М., 1965. — С. 5–25.

³⁵ А н и к и н В.П. Возникновение жанров в фольклоре (к определению понятия жанра и его признаков) // Русский фольклор. X. — М.; Л., 1966. — С. 29–42; Его же. Художественное творчество в жанрах несказочной прозы (к общей постановке проблемы) // Русский фольклор. XIII. Русская народная проза. — Л., 1972. — С. 6–19.

³⁶ П р о п п В.Я. Жанровый состав русского фольклора. — С. 58.

³⁷ П р о п п В.Я. Принципы классификации фольклорных жанров. — С.150–152.

³⁸ П р о п п В.Я. Жанровый состав русского фольклора. — С. 58–61.

В работе К. В. Чистова интересна мысль, что при изучении жанра важно учитывать характер его социально-бытовой функции, которая «предопределяет выбор тематики, круг идей и вслед за этим тип героев, принципы построения сюжета, отбора и сочетания определенных художественных средств»³⁹. К. В. Чистов считает, что область устных народных прозаических рассказов можно разбить на две группы жанров, в одну из которых войдут произведения с фантастической основой сюжета, а в другую — с основой нефантастического характера.

С. Н. Азбелев приходит к выводу, что «принципы научного разграничения жанров следует искать в различии отношения их к действительности»⁴⁰, и выделяет, с одной стороны, рассказы, «основным содержанием которых является нечто необыкновенное» (сказка, легенда)⁴¹, с другой стороны — произведения, основное содержание которых «составляет описание реальных или вполне возможных фактов» (предание)⁴². При этом для сказки характерна «установка на вымысел», а для предания и легенды — «установка на достоверность».

Эти признаки⁴³ легли в основу условно принятого фольклористами деления народной прозы на два вида: сказочный и несказочный. Первый составляют волшебные сказки, сказки о животных и бытовые (или новеллистические), второй — предания, сказы (или устные рассказы), легенды и былички. Предание и сказ основываются на вполне вероятных, реальных событиях, а центром повествования легенды и былички оказываются чудесные, невероятно-фантастические явления или факты, связанные обычно с религиозными верованиями.

О происхождении быличек

Чтобы иметь представление о каком-либо фольклорном жанре, надо выделить важнейшие признаки, характеризующие единство произведений этого

³⁹ Ч и с т о в К. В. К вопросу о принципах классификации жанров устной народной прозы. — С. 5. Н. И. Кравцов, уточняя данный тезис, считает, что «исторически сложившаяся относительно устойчивая форма» и в целом, и в ее частностях выполняет сложные функции — «познавательные, воспитательные и эстетические, причем в различных жанрах может преобладать одна из этих функций при их единстве и взаимозависимости» (К р а в ц о в Н. И. Сказка как фольклорный жанр // Специфика фольклорных жанров. — М.: Наука, 1973. — С. 82).

⁴⁰ А з б е л е в С. Н. Отношение предания, легенды и сказки к действительности. — С. 6.

⁴¹ Т а м ж е. — С. 13, 20.

⁴² Т а м ж е. — С. 12.

⁴³ Признаки «установка на вымысел» или «на достоверность» не следует понимать как субъективные, зависящие только от восприятия рассказчика или аудитории; условия «достоверности» или «вымысла» могут быть продиктованы свойственными только той или иной группе жанров особенностями художественной формы, требованиями традиционного исполнения, которые сложились исторически и в совокупности с другими особенностями характеризуют те или иные произведения фольклора.

жанра. Все главные жанровые признаки сложились исторически и могут быть объяснены лишь в том случае, когда станут понятными причины появления произведений, их бытовое назначение, их роль в жизни общества. Известно, что «проблема исторического происхождения наиболее древних жанров с их специфическими свойствами есть прежде всего проблема уяснения того, как в народном быту возникла потребность в произведениях с определенной п р а к т и ч е с к о й установкой»⁴⁴.

В основу быличек легли древние наивные представления людей о том, что рядом с ними живут и оказывают определенное влияние на их деятельность таинственные существа, «хозяева» различных мест: домовые, водяные, лешие, банники и т.п. Такие представления возникли на заре истории человечества, когда производительные силы общества были еще крайне слабо развиты. Человек был беспомощен перед стихийными силами природы, но в процессе борьбы за жизнь у него появляется потребность в познании причин тех или иных явлений.

«Познание человека не есть... прямая линия, а кривая линия, бесконечно приближающаяся к ряду кругов, к спирали. Любой отрывок, обломок, кусочек этой кривой линии может быть превращен (односторонне превращен) в самостоятельную, целую, прямую линию»⁴⁵, — писал В.И. Ленин, подчеркивая, что наряду с накоплением объективного опыта человек часто впадал в заблуждения. Недостаток практики покрывался работой воображения, в результате чего человек иногда приходил к ложным обобщениям. Например, явления и предметы объяснялись по аналогии с действиями самих людей, поэтому наделялись сознанием и человеческими свойствами. Такое олицетворение природы явилось предпосылкой к появлению веры в сверхъестественные силы, страшные для человека. Именно «бессилие дикаря в борьбе с природой», о котором говорил В.И. Ленин, породило «веру в богов, чертей, в чудеса и т. п.»⁴⁶.

Наделяя природу сверхъестественными свойствами и будучи зависимым от нее, человек полагал, что предметы окружающего мира могут ему помочь или навредить, поэтому он стремился войти в связь с ними. Это отразилось в тотемистических представлениях, когда человек свои кровнородственные отношения переносил на животный и растительный мир. Затем возникла вера человека в существование в природе и людях бесплотной души — анимизм. Ф. Энгельс указывал, что причиной зарождения подобных верований явилось непонимание человеком сущности своей психической деятельности⁴⁷.

Анимистические представления распространялись и на природу, которая стала восприниматься как место обитания различных духов. В процессе освое-

⁴⁴ А н и к и н В.П. Возникновение жанров в фольклоре (к определению понятия жанра и его признаков). — С. 31.

⁴⁵ Л е н и н В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. — С. 322.

⁴⁶ Т а м ж е. — Т. 12. — С. 142.

⁴⁷ М а р к с К., Э н г е л ь с Ф. Соч. 2-е. изд. — Т. 21. — С. 282.

ния стихийных сил природы человек пытался нейтрализовать их или склонить на свою сторону при помощи магических действий или заклинаний. Одни и те же божества, которым поклонялись люди, могли быть и добрыми, и злыми. Созданные человеческим воображением, они во многом были подобны людям, различались между собой внешностью, характерами, а также по старшинству. У славян в их мифах сохранились некоторые представления о Дажбоге — боге солнца, Перуне — боге природы, Велесе — покровителе скота и земледелия. Были божества и низших рангов, с которыми связывались представления о явлениях в быту (домовой, банник, оwinник), в лесу (леший), в воде (водяной, русалки).

Естественно, что непонятное, неразрешимое на основе еще недостаточного опыта объяснялось как действие кого-нибудь из подобных божеств. Эти божества могли помогать, могли и мешать людям. Но они не могли быть только добрыми или только злыми. Люди, со временем закрепившие за своими мифическими божками особые функции, стали связывать с тем или другим из них определенные жизненные ситуации, удачи или неудачи. Постепенно складывалась целая система различных по значению и свойствам образов. А рассказы, в основу которых были положены верования в сверхъестественные существа, представляли собою тот материал, который сегодня мы именуем быличками.

Закрепленность за каждым представителем сверхъестественного мира определенных функций привела к тому, что рассказы об одном и том же существе стали приобретать общие черты. Два разных человека могли рассказать одинаково о разных случаях блуждания в лесу: оба могли объяснить происшествие вмешательством лешего и передать сходные подробности блужданий. Сходной могла оказаться и развязка. Подобные истории рассказывались не только с целью удивить собеседника сообщением о необычайной «встрече» с лешим, например, но и поведать, как удалось избавиться от лешего, вытряхнув одежду и перевернув стельки в обуви. Именно практическое, так сказать, «прикладное» значение подобных рассказов стимулировало их широкую популярность. Былички содержали элементы информации о том, как избежать ссоры с тем или другим «хозяином». В них всегда содержались «рецепты», как, например, «узнать» ведьму, как нейтрализовать ее злую силу (подметать пол «наотмашь» — ведьма уйдет; если в виде свиньи или другого животного нападет на людей, бить ее в тень — отстанет). Чтобы не навлечь беду на ребенка, нельзя ругать его «черным словом», нельзя оскорблять родителей — множество подобных сведений призваны были сообщить членам общества былички.

Считается, что большинство наивных представлений, на основе которых возникали былички, «сложилось в эпоху раннего феодализма, так как крестьянская, избяная основа их устанавливается без труда, но какая-то часть демонологических представлений могла быть и более древней»⁴⁸. Надо учитывать, что древние верования претерпевали сильные изменения. Особенно это

⁴⁸ А н и к и н В.П. Художественное творчество в жанрах несказочной прозы. — С. 13.

относится к той эпохе, когда религии доклассового общества стали вытесняться официальной религией. Низвергнутые ею языческие боги уступили место Господу или «слились с образами христианского пантеона», но труднее было изгнать мелких божков, которые, казалось, всегда жили рядом с людьми⁴⁹.

Церковь же, борясь с остатками язычества, вначале склонна была расценивать древние представления как пустые выдумки, объявив их «суевериями» в отличие от «подлинной веры». Но, видя, что в народе к старым богам относятся с прежним почитанием, навесила на многих из них ярлык «нечистой силы», слуг сатаны, врагов Господа. В связи с этим постепенно изменяется и внешний облик, и характер функций прежних божков: все больше люди стали связывать с ними исход трагических или страшных случаев.

Если язычество совмещало в одном божестве и доброе, и злое начала, то официальная религия и церковь содействовали расчленению их. Все чудесное, полезное людям, должно было прославлять Бога, все злое связывалось с дьяволом и нечистой силой. Утверждая заблуждение человеческого ума в качестве бесспорной истины (существование Бога), официальная религия не смогла ничего противопоставить тому же по природе заблуждению (языческие верования), но способствовала изменению отношения людей к их старым предметам поклонения.

Связывая свои некоторые успехи или неудачи с вмешательством в его дела мифических существ, человек стремился или расположить к себе эти существа, или избежать встречи с ними, а то и предохранить себя с помощью «оправдавшихся» когда-то магических действий. Однако с «разделением» функций добра и зла между Богом-Господом — и нечистой силой изменилось и соотношение добра и зла, совершаемого «нечистыми». Влияние официальной религии внесло настоящий хаос и в саму систему образов народной демонологии. Если домовый в силу непосредственной близости к повседневной жизни человека более всех сохранил свои функции благорасположенного существа, леший — свой озорной, но далеко не свирепый характер, определивший множество трудных, но не трагических ситуаций, в которые попадает человек (а иногда даже продолжал выступать в роли помощника человека), то черт стал восприниматься в сознании людей как непосредственный представитель сатаны, постоянно подстерегающий людей, ждущий их оплошности, чтобы обязательно навредить. Другие демоны, возникшие в народном воображении в связи с необыкновенными, с точки зрения древнего человека, происшествиями, имеющими тяжелые или трагические последствия в быту — кикиморы, банники, — оставались враждебными ему.

Под влиянием церкви изменилось и отношение к людям, якобы являющимся посредниками между прежними божествами и простыми смертными — колдунам. Теперь они воспринимались как противники Бога и сторонники нечистой силы. Однако в условиях, когда народ совершенно не знал квалифи-

⁴⁹ Токарев С. А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX в. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. — С. 111.

цированной медицины, приходилось часто обращаться за помощью к людям, которые владели традициями народной медицины и в силу этого объявлялись знахарями или колдунами. Определенной зависимостью общества от такого рода людей и гонением на них со стороны церкви объясняется противоречивость в отношении к ним. Восприятие обществом колдуна как человека, наделенного сверхъестественной силой и связанного с нечистой силой, вызывало к нему чувства почтительного страха и злобы, соотношение между которыми определяло то состояние трусливой терпимости, то взрыва мстительной жестокости. То или другое состояние, естественно, возбуждалось различными обстоятельствами, связанными прямо или косвенно с неустойчивостью экономического положения крестьянина, а также с причинами социальными.

Борясь с язычеством, официальная церковь понимала, что память о нем не может исчезнуть бесследно, поэтому стремилась внушить людям страх и ненависть к тому, что якобы связано с сатаной; под эту же категорию подгонялось все неудобное. Сергей Наровчатов прав, когда говорит, что «церковь не выдумала ведьм, она в их лице расправлялась с остатками языческих представлений и сделала это с изощренной и устрашающей жестокостью. Одновременно здесь подавлялся и бунт личности. Бунт слепой и темный, но бунт»⁵⁰.

Обращение к проблеме происхождения суеверных рассказов позволяет сделать следующие обобщения:

- 1) содержание быличек имеет фантастическую основу;
- 2) былички появлялись из практической потребности объяснить непонятные явления природы и общественной жизни и продолжали существовать как средство сообщения защитной информации;
- 3) имея важнейшей практической функцией *объяснить непонятное, научить противодействовать опасностям, которые могут таиться в этом непонятном*, былички воспринимались и исполнялись как рассказы достоверные. С этой главной функцией связано своеобразие всей поэтической системы быличек, которая по традиции наследовалась и позднейшими временами: своеобразие содержания, структуры, стиливых средств, исполнения и восприятия и т. д.

Но сейчас, когда теряют свое прежнее значение народные верования, изменяется и соотношение в значимости социально-бытовых функций. Рассказываемая в прошлом больше из практических соображений, но преследующая в то же время и развлекательную цель, быличка сейчас все чаще исполняется с целью именно развлечь аудиторию, сообщая факты, очень сильно воздействующие на человеческие эмоции и вызывающие интерес эстетического характера. Но с усилением эстетической функции не потерял своего значения признак «установка на достоверность». По традиции быличку рассказывают как правду, как имевшее место происшествие, даже если рассказчик не является суеверным человеком⁵¹. В этом соединении житейской обыденности (реалистичность

⁵⁰ Наровчатов С. Ведьмы // Наука и религия. – 1970. – № 6. – С. 74.

⁵¹ Подробнее о современных формах бытования суеверных рассказов см. в третьей главе.

обстановки) с необычным, поражающим (встреча с фантастическим существом, чудеса) заложен секрет эмоциональной силы быличек.

Образ сверхъестественного существа в быличках

Итак, былички появлялись на основе древних наивных представлений, возникших, в свою очередь, в процессе преодоления человеком стихийных сил природы. Чтобы победить, надо было объяснить, но знаний для объективного объяснения не хватало, поэтому человек «олицетворял явления природы, особенно те, которые имеют важное значение в его жизни, наделяя их свойством сознательно влиять на жизнь людей. Непонятные, таинственные, но могущественные силы, перед которыми человек чувствовал себя беспомощным, превратились в его представлении в добрых и злых духов, богов, ангелов, чертей и т. п.»⁵². Народ в своих верованиях создал целую систему фантастических образов, вмешательством которых якобы обусловлен ход событий, описываемых в быличках. Это значит, что действительность, отражаемая в быличках, принимает фантастические формы.

Признак *фантастический вымысел как результат невозможности объяснить объективно факт или явление* — очень важен: он проявляется в быличках через присутствие или действия определенных сверхъестественных персонажей. Выделенный признак свойствен не только быличке, но и легенде, и это еще раз показывает, что данные жанры не случайно оказались в одной группе сказочной прозы и могут интенсивно влиять друг на друга, в результате чего возможно не только тематическое расширение границ того и другого жанра, но и взаимное использование поэтических средств.

Весь смысл исполнения былички основан на «факте» в с т р е ч и человека с ф а н т а с т и ч е с к и м с у щ е с т в о м или с проявлениями его действий. Каждое такое существо наделено характерными функциями и способностями. Рассказчик может не называть персонаж, но аудитория по характеру функций обычно догадывается, о каком из них идет речь. Каждый подобный образ является центром повествования и определяет кульминационный момент рассказа, поэтому часто дается описание его п о р т р е т а и действия. «Смотрю — домовой идет, маленький, как хореk. Сел. Как человек сидит, а когти кошачьи»; «...зашли, смотрим: в углу — чё-то белое чудится, то белое, а то вдруг черное, и вдруг окно как раскроется, гром грянет — все черное на окно потянуло — а на окне человек стоит маленький, толстый. Мы как закричали: «Тетка, черт на окне!»; «...Только зашли за деревья, к ним старичок и вышел с большущей бородой и зовет к себе. А девки все ему говорят: «А мы боимся, дедушка!» — «А я не дедушка, я молодой».

⁵² Келле В. Ж., Ковальзон М. Я. Исторический материализм. — М.: Высшая школа, 1962. — С. 390.

Бывает, что сверхъестественный персонаж является очевидцу в виде знакомого человека: «приходит Николай Николаевич Прокудин и приглашает: «Пойдем, у меня старуха заболела». Но, идем, разговариваем. Я говорю: «Да как долго!» Он мне: «Но, да постой!» — и его не стало. Оказалось, в воде стою...», или: «и приходит к нему этот самый „нечистый“, леший, кто ли, и говорит (а как знакомый)»; «и вот вижу, будто на краю осинничка стоит мой братан Антоха. Он ходил в шляпе соломенной. Стоит и чё-то мне ревет...».

Иногда персонаж былички не показывается человеку, а проявляет себя через действия, крики, которые необычны, таинственны: «вдруг подул ветер, зашумело все — и залетат... дверь распахнулась, залетат: «Ага, у тебя человек! Давить будем!»; «...во втором часу-то как зашумело, как загудело, будто скала на меня валится. Выскочил сразу оттуда — стоит скала. И по верху вроде человек какой-то бежит ревет...».

Образ свидетеля происшествия. Конфликт в быличках

Очень своеобразно представлен в быличках сам свидетель невероятного происшествия, его роль в действии, характер поступков. Чаще всего свидетель поставлен в условия, которые он не в силах изменить, поэтому действия его не отличаются особой активностью. Ход событий в быличке, как правило, определяется сверхъестественным персонажем. Например, домовый, которому не понравились жильцы, вынуждает их съехать на новое место: «Бились оне, бились — и перекочевали в другой дом». Другое дело, если научат, как избавиться от вредных действий сверхъестественных сил или предотвратить их: «Пригнала я корову, сделала, как старичок сказал... выпоила ей воду — и с тех пор она никуда не бегала. Вот как он научил меня, и все „вышло“» (Евграфова К. Н., 67 лет. Зап. в с. Шивки Нерчинского р-на в 1969 г.).

Считалось очень ценным знать, в чем уязвимость «нечистой силы» или людей, с нею связанных. Денисова Екатерина Ивановна из с. Усугли Тунгоченского района рассказала, как молодые ребята прогнали ведьму, ударив в ее тень палкой. Сама же она избавилась от домового, прочитав что-то вроде заговора: «„На голову поплевать, домовому не дать!“ — Он исчез». Считалось, что в подобных ситуациях человеку помогает молитва, осенение себя крестом, а также знание специальных обрядов: «...Мы как закричали: „Тетка, черт на окне!“ Она прибежала, упала на колени и давай молитву читать. Прочитала, а он исчез».

Необходимым считалось знание многочисленных запретов, связанных с суеверными представлениями, а также норм и правил поведения человека в конкретных условиях. Конфликт в быличках основан обычно на нарушении этих норм и правил. Он часто развивается по следующей схеме: сообщена норма взаимоотношений между человеком и каким-либо сверхъестественным существом; эта норма соблюдена или нарушена; происходит неожиданная

встреча со сверхъестественным существом, характер ее зависит от соблюдения или несоблюдения нормы; исход — тоже зависящий от выполнения или нарушения условия.

Нарушение запрета часто влекло за собой трагические последствия: «...Причем нужно что-нибудь положить и не брать. А там на кустах все лежит. А одна девчонка взяла платочек, потом у нее руки стянуло. Потом четыре года прошло, и позвали шамана, но он отказался лечить...» (Денисова Е. И.)

Подобный же исход имеет история, рассказанная Т. К. Лариной из с. Кибасово Шилкинского района: девочка унесла с могилы шамана чашечку, после чего сошла с ума.

Иногда человек случайно находит способ избавления от «наваждения»: «...Один из этих мужиков взял баян и стал играть. Умаялся и вытерся занавеской — и... все исчезло» (Чуткова Н. В. Зап. в с. Пешково Нерчинского р-на в 1969 г.).

И все же во многих быличках мы видим, что человек бросает вызов страшным и таинственным силам: «Для смелости взял нож, выпил для храбрости и пришел проверить...» (Козлов М. А., 45 лет. Зап. в с. Пешково). Обычно молодежь, сомневающаяся в истинности необычайных происшествий, решает проверить, правда ли то, о чем со страхом рассказывают старшие. «...Как-то, говорит, все у них вот чудится, вот чудится! Ну, ребята собрались. Побудем, туда пойдем. Дескать, у них ночуем и проверим, как это чудится... Ну, легли все посадом. Постлали на пол, легли... Вот, говорит, вышел барашек из-за печки, давай имя́ [им. — В. З.] пальцы кусать... Ну так правда, ли чё ли!? Ну вот чё к чему?.. Ну и давай имя́ перстишки кусать. Тому покусат, другому. Они, говорит, все ночью разбежались. Ну и потом пошло (они Андреевски): „Ну, у Андреевских чудится!“» (Старицына Н. И., 55 лет. Зап. в с. Кибасово Шилкинского р-на в 1969 г.).

Но в таких случаях чаще всего постигала людей неудача, как это мы видим в указанной быличке. Попытки человека вмешаться, повлиять на ход событий, развивающихся по воле «нечистой силы», оставляют глубокий трагический след в его душе: «Яков никому не рассказывал, а мимо дома боялся ходить: там кто-то по ночам ходил и плакал» (Козлов М. А.). Удача выпадает только самым смелым.

Быличка — рассказ о пережитом, поэтому личность свидетеля, его состояние нередко представлены в драматическом освещении, а сама история передается в остро эмоциональной форме («она, когда рассказывала, так прямо плакала»; «В детдоме это у нас было, в Кулаково. Сто пять человек детей было в этом детдоме. Там были сторож и ночная няня, Полуполтинных Мария. Она и рассказывала. Говорит: „Ой, как чудилось! Так, девоньки, чудилось!“» (Филиппова М. Д., 54 года. Зап. в с. Пешково в 1969 г.); «...мы заревели — и бежать!» (Шестакова Д. М., 68 лет. Зап. в с. Шивки Нерчинского р-на в 1969 г.).

Довольно часто необычная история связывается с болезненным состоянием свидетеля. Иногда это состояние как бы вызывает бредовые видения: «Я болела крупозным воспалением. Дед [муж. — В. З.] у меня был разгуляющий. У него баба была, а я лежу... Взглянула к дверям, смотрю: двое мужиков смотрят, оба в черных шинелях. А они оперлись о стол, а я смотрю... Вдруг — ни

стола, ни мужиков, а на их месте дыра прожжена, а оттуда лапки... Вдруг вылазят кошка и змея, а хвосты длинные!! В голове у меня ходит: вдруг кажется?! Вот я ключкой шарю в подполье, шарю. На следующий день лежу и слышу голос женский: „Зачем меня ключкой тыкала?“

...Пришла ко мне бабка чаем напоить, а я ее прошу на печку заглянуть, а там ничего и нет. А мне кажется, что змея это. А потом мне вдруг легче стало...» (Загвоздкина Д. И., 79 лет. Зап. в с. Мирсаново Шилкинского р-на в 1969 г.).

Невероятные события, о которых рассказывается в быличках, нередко могут быть связаны с пьяным состоянием человека. «Загулял один в компании, пошел вроде домой, а его не отпускали еще. А он все равно пошел. Вдруг к нему старичок подъезжает и говорит:

— Садись, довезу!

Он и сел. А лошадь как помчится! Вот он пьяный-то и заснул. Потом проснулся и говорит:

— О, Господи, где это я?! — И все исчезло, а он среди тайги остался» (Обухова Л. А., 70 лет. Зап. в с. Бишигино Нерчинского района в 1969 г.).

В других быличках болезнь свидетеля выдается за следствие потрясения от встречи со сверхъестественным существом: «...после того намучилась: меня долго родимец бил, пока старухи „ладить“ не начали» (Кривонослова Т. С., 45 лет. Зап. в с. Пешково в 1969 г.).

Обстановка действия

Быличку принято понимать как короткий рассказ, лишенный устойчивых словесных формул, красочных пейзажных зарисовок. Однако нельзя говорить вообще об отсутствии п е й з а ж а в быличках. Элементы пейзажа в них если не обязательны, то довольно характерны. Часто в одной и той же быличке даны два разных описания природы, и они подчеркивают психическое состояние героя как до его встречи с необыкновенным, чудесным, поражающим, так и после такой встречи. Действительно, в быличке редко дается подробный пейзаж. Подбираются только важнейшие детали, создающие необходимое ощущение или настроение. Обычно детали обстановки, подчеркивающие первоначальное и конечное состояние, резко противоположны. Они не всегда бросаются в глаза, но необходимы в рассказе.

«Это я вам про своего свекра расскажу. Тогда я еще молодая была. Он, мой свекор, ездил в город горшки продавать. Поехал один раз, все не продал. Едет домой. А пьяненький был. Кум ему навстречу попадат и говорит:

— Заезжай ко мне.

Он поехал. Приехал вроде. Коня выпряг. Тепло так, а на улице зима. Он взял бутылочку, взболтал и говорит:

— Господи, благослови! — Как сказал это, смотрит: сидит он в яме; снег кругом, ветер кружит, а горшки побиты и по яме разбросаны. Он — на коня — и быстрее до дому. Сразу и хмель весь вышел» (Шумилова А. К., 79 лет. Зап.

в с. Верхние Ключи Нерчинского р-на в 1969 г.). Как видим, внешне благополучное, обычное состояние героя неожиданно резко меняется. Этому соответствует и окружающая обстановка. Вначале герой спокоен, ему тепло, хотя на дворе зима. Но вдруг вместо этого — «сидит он в яме, снег кругом, ветер кружит», — и действия героя становятся совершенно другими: «...он — на коня — и быстрее до дому, сразу и хмель весь вышел».

Быстрая смена обстановки — характерный прием, используемый в быличках. С помощью его достигается эффект «чуда». Момент смены обстановки сопутствует моменту проявления сверхъестественности персонажа, обычно совпадает по времени с мигом его необъяснимого исчезновения («...раз! — и человека не стало! Я теперь остановился, сяд, закурил. Да что это такое?! И человека нету! Смотрю: я ить вон где! На пахоте [колхоза. — В. З.] „Первое мая“» (Достовалов П. А., 60 лет. Зап. в г. Нерчинске в 1969 г.). «Но, едрить! Никого не стало, все это развалилось. Смотрю, гыт: звезды. И вот стал приглядываться — на скале!» (Дутов Ф. И., 66 лет. Зап. в г. Нерчинске в 1968 г.).

Очень част в быличках мотив сильного в е т р а. Ветер воспринимается не как обычное явление природы, а связывается с появлением или исчезновением сверхъестественного персонажа («Вдруг подул ветер, зашумело все — и залетат... дверь распахнулась — залетат...», «И вот они сцепились. Возились, возились — „хозяин“ все-таки того выбросил. И тот засвистел, ветер зашумел...» (Дутов Ф. И.); «вдруг ветер сильный поднялся, открывается окно. Она заходит в избу и говорит: „Пойдем со мной“» (Филиппова М. Д.).

Построение быличек

Мотив в с т р е ч и — основной в быличке, и он определяет кульминационный момент всей истории. Этому моменту предшествует особый настрой аудитории, который с самого начала создается исполнителем. История, как правило, начинается с реалистического описания: человек находится в самых обычных условиях, в которых все понятно, все известно. Это рядовые будни крестьянина, привычное дело или обычный отдых. Но перед этим уже сделана посылка — где-то пойдет речь о необычайном, поэтому реалистический фон только подготавливает неизбежный эмоциональный взрыв. И чем обычнее фон, чем необычнее и удивительнее момент «встречи», тем этот взрыв сильнее.

«Подготовка» осуществляется при помощи стабильных средств. Хороший рассказчик, знающий толк в быличках, обязательно постарается убедить слушателей, что все совершенно достоверно. Для этого он припомнит «свидетелей», может назвать дату, место действия, обратиться к кому-нибудь из присутствующих, чтобы тот подтвердил какую-то деталь. Когда «подготовка» завершится, наступает некоторая затянутость, голос понижается — всем понятно, что вот-вот произойдет что-то поражающее чувства и сознание. И вдруг — встреча!

Наречие «вдруг» — довольно постоянное в быличках — знаменует границу между обычным и сверхъестественным. Само же сверхъестественное длит-

ся какое-то время, иногда оно мгновенно, но заканчивается тоже неожиданно и моментально. Часто вводится оборот «вдруг все пропало» или синонимичный ему. И вслед за этим исполнитель старается «усугубить» ощущение необычности. Он как бы подводит итог, в котором удивляется, высказывает свое возбуждение, подчеркивает как бы собственную растерянность перед невозможностью отыскать объективные причины происшествия.

Этот момент тоже обязательно присутствует в быличках, но может и исчезнуть, если аудитория не сохраняет условий, исключаящих скепсис. В последнем случае быличка не может существовать как полноценное художественное произведение, она служит уже лишь информацией о поверье. Такое построение былички очень органично и характерно для нее. Оно также определено главной практической функцией жанра: предупредить о возможных опасностях со стороны жителей неведомого, но близкого мира, мира «нечисти», «нежити», а также людей, связанных своими сверхъестественными способностями с нечистой силой. Отсюда — всевозможные «доказательства» правдивости истории: ссылка на конкретные лица, место действия, время действия, реалистическая детализация рассказа, прямые утверждения о достоверности.

Но эти качества былички проявляются, естественно, как обязательные в полноценном исполнении, в обстановке эстетической заинтересованности аудитории и рассказчиков. Необходимо подчеркнуть, что в наше время при таком исполнении былички часто преобладает эстетическая функция, даже в тех условиях, когда присутствующие склонны верить в правдивость повествования. Ведь поверия в таком случае уже давно знакомы слушателям, которые хорошо представляют систему образов народной демонологии, поэтому былички для них — произведения, вызывающие именно эстетический интерес. В наше время, когда народ коренным образом пересматривает свое отношение к былым верованиям, первостепенность эстетической функции в быличке особенно заметна. Может показаться удивительным, что при этом формальная структура, характер исполнения былички остаются традиционными⁵³.

Проиллюстрируем сказанное выше текстами, записанными от рассказчиков разной степени мастерства. Вот быличка Григория Васильевича Пешкова (70 лет. Зап. в г. Нерчинске в 1968 г.).

«С начала советской власти-то назначались исполнители при сельсоветах. Неделю ты, неделю я бегам, дежурим.

У нас был хулиган один... Ванька... Ванька... Ванька... Ванька... как его, паря? — Забыл даже... Он жил в Калиновке. Председателем сельсовета Тренев у нас в Ключах был. Он, теперича, ко мне приходит, приносит бумажку.

— Вот, поезжай на Калиновский покос и разыщи Ваньку этого. — Вот я поехал. Кружал, кружал по Чингороку [падь. — *В. З.*] на коне — нашел. Вручил ему повестку — на суд, вроде, вызывали. А сам — в Бичиктуй [падь. — *В. З.*], у нас косили там.

Вечер уже. Я помог пометать сено своим-то. Мужики меня отправляют:

⁵³ Подробнее о современном бытовании былички см. в третьей главе.

— Езжай домой. А то чё потребуется, а тебя нету. — Я заседлал коня и опять домой.

А у нас в Ключах в революцию-то убили Копейкина. Его на Усть-Сенной убили. Ввели в город из Куэнги — белого, предателя — и убили, застрелили в ручье. Потом на бугорке закопали вот так — его даже потом собаки вырыли.

И вот тут чудилось. Я этому и не верил. А потом, еду-то тихонько, шагом, конь идет у меня... Ночью! Темно уж это. Еду. Конь пошагивает. И как доезжать-то стал... а место-то узко на Усть-Сенной, где колодец сейчас — знаешь же? — ниже колодца он и похоронен был под сопкой-то... Но, я еду — и вроде у меня мысли-то пошли, что ага — тут чудится. Еду, а сам это так бодрюсь: „Но-о-о, я ничё, я ничё!“ Еду и думаю: „Вот он тут где-то похоронен“... Еду и скося заглядываю: „Но, ничё!“ И во-от то-олько немного проехал, слышу — у меня сзади-то:

— Стой!

Вроде обожгло меня! Ничё, ишшо терпимо... Я не гляжу, оглянуться-то боюсь. И вот опять, ближе уж:

— Стой!! — ярче мне!

А потом уж просто вроде совсем сзади за мной:

— Стой!!! — кричит.

Но я как пришпорил, конь добрый был, — и так удрал».

Как видно, композиция данного произведения точно согласуется с положениями, изложенными выше. Это типичное построение былички. Так же построен и рассказ Дутова Федота Ивановича, записанный в 1968 г. в г. Нерчинске.

«Раньше в Бодайбо наши ходили. И там приискатели, охотники ли зимовье построили. И вот этот Стренчев и рассказывал: „...Прихожу, гыт, остановился ночевать в этом зимовье. Сходил воды принес, затопил печку. Но, прежде всего, попросился, что „хозяин, пусти меня ночевать!“ — это как обычай... Сварил чай, попил, покурил... И вот, сколь уж время было, не знаю...

...Подул ветер, зашумело все — и залетат... дверь распахнулась, залетат...

— Ага, у тебя человек! Давить будем!

А этот говорит:

— Нет не будешь. Он у меня выпросился, — это хозяин-то, домовый.

И вот они сцепились. Возились, возились — хозяин все-таки того выбросил. И тот засвистел, ветер зашумел...

Я, гыт, уж не в себе, думаю: „Ежели бы не попросился, то значит все — отработал бы!“

...Он видеть-то их не видел, а только слышал возню-то иху, разговор».

Исполнители данных быличек — умелые рассказчики. Оба хорошо чувствуют возможности жанра и в полную меру ими пользуются. Но даже если быличка исполнялась вне условий, стимулирующих выбор средств рассказчиком, то и в этих случаях она сохраняет композиционное своеобразие. В крайне стесненных обстоятельствах, далеких от того, чтобы возбудить творческое настроение, рассказывала свои былички жительница села Шивки Шестакова

Мария Ивановна, 69 лет, поэтому ее рассказы кратки, схематичны, несколько информационны, однако и в них сохранена типичная композиция.

«...Однажды пошли с подругой коня кормить... Смотрим, едет всадник на высокущем коне. Сам весь лохматый, лицо, черное-черное. Мы бежать, а он за нами и свистит! Подруга взяла и крест наложила. Оглядываемся — исчез. Чудилось нам, чё ли?!»

«...Зять мой поздно возвращался с собрания и не стал будить семью, лег спать в телеге на улице. В двенадцать часов кто-то разбудил его. Глянул — костер горит, и нечистая такую пляску устроила!.. Он давай креститься. Оглянулся — исчезли».

Из приведенных четырех текстов два первых были исполнены в часы досуга, в непринужденных условиях, сами рассказчики передавали истории с заметным интересом, в результате чего те приобрели форму завершенных повествований. Во время исполнения двух последних историй перед рассказчиком стояла цель «вспомнить что-нибудь о нечистой силе», поэтому Шестакова М. И. передала лишь схему былички, которая в других условиях получилась бы более увлекательной.

Отдельные расхождения в построении могут наблюдаться в быличках разных типов. В рассказах о людях, наделенных сверхъестественными способностями, например, может отсутствовать момент неожиданной встречи или исчезновения, вместо него довольно подробно описывается необычайное происшествие, которое, однако, в силу своей необычности волнует и возбуждает не меньше, чем внезапная встреча со сверхъестественным персонажем. Это мы наблюдаем в быличке, рассказанной школьником Сашей Абрамовым, 10 лет, из села Кибасово Шилкинского района Читинской области.

«...У бабки не воровали подсолнухи. У всех там бабок воровали, а у нее не трогали. Боялись ее, думали, она шаманка.

Один раз там парни с девушками собрались и залезли к ней в огород, и набрали подсолнухов. Ходят и едят их, эти подсолнухи. И никто не может дома найти. Вот уже полночь. Ходили, ходили они. А уже рассвет. И уже утром пришли к этой бабке.

— Вот так, — говорит, — нельзя лазить по чужим огородам, портить чужое добро!

И они стали просить у нее прощенья, что больше никогда не будут лазить по чужим огородам, чужое добро портить».

Структура былички. Особенности исполнения и стиля

Отсутствие в тексте характерных для былички приемов объясняется обычно условиями, в которых происходила запись. Случайному человеку (собирателю), как считает исполнитель, не обязательно сообщать имена односельчан-очевидцев, если этот человек не знает их, и рассказ приобретает несколько

обобщенный вид. Запись более или менее полноценных текстов зависит от собирательского умения, от того, является исполнение случайным, навязанным, или оно протекает в естественных условиях. И тем не менее тексты быличек почти в любом состоянии структурно однообразны. Оказывается, для быличек характерен устойчивый морфологический состав, компоненты которого также определены своеобразием практической установки. Чтобы увидеть это, рассмотрим несколько рассказов о лешем, сгоняющем с тропы человека, который расположился на ней спать.

1. «Один ездил ночевать во Вьюшкову [название пади. — В. З.]. Конь у него был аптекарский. Сена, думат, там накошу. И вот один раз запоздался. Ну, стал на дороге, выпряг коня, лег. Вот, гыт, меня будит:

— Уйди с дороги! уходи!

Я думаю: „Но, да чё это...“ (он ишо такой мужик-то, из коммунистов). — Доху на голову, перевернулся.

Опять:

— Я тебе говорю: иди подобру!

— Да но, иди ты ишо к такой матери! Чё ты мне.

— Вот я тебе говорю: хош двадцать метров, да уйди с этого места, с дороги! — Тажно меня, гыт, затрясло всего. Соскочил, схватил телегу, скатил вниз. Там лег, тажно уснул.

...Мы с им косили вместе, он все рассказывал: «Сроду я не верил, не боялся...!» (Дутов Ф. И.).

2. «...А то жил в Бянкино Воложанин. Сам с Олинска, а жил у нас. Это, вроде, в молодости было с ним...

Куды-то раз поехал на лошади. Дело было летом. Ехал, ехал, уже поздно, до деревни не доехал и решил переночевать.

Тут дорога идет. Я, гыт, отвернул от нее маленько, коня выпряг, спутал. Конь ходит. Я чай сварил: как раз тут водичка была. Попил, покурил и лег под телегу. Потник — подседельник из бараньей шерсти — под себя. Паря, гыт, лег вот, задремал...

Ка-ак, гыт, подернет из-под меня постель-то — и выдернул. Я соскочил: никого нету! Опять кладу этот подседельник, телогрейку в загололье. Укрылся, опять задремал... И снова: раз! Да что тако?! — никого нету. Давай, гыт, телегу-то от дороги откатывать подальше. Оттянул и лег. И до утра проспал спокойно.

Вот как получилось!» (Достовалов П. А.).

3. «...Это мне Некрасов рассказывал. Поехали они по ягоду. Он ружье взял. И вот запоздались. Пришлось в лесу заночевать. А в траве-то роса под утро выпадат — легли прямо на тропе. Легли, кто уснул, кто чё... Вдруг слышим: лес трещит! Да рядом! Будто деревья целы ломаются! Потом топат, вроде идет кто. Все пососкакивали: чё? чё? Я, говорит, взял ружье на руку и всю ночь простоял. А оказалось: легли на тропинку, леший и сгонял нас» (Соколова М. Ф., 76 лет. Зап. в г. Нерчинске в 1968 г.).

4. «...Как-то мы с отцом и братишкой поехали на сенокос. Приехали, сделали балаган. Вечером чаю попили и легли спать. И вот всю ночь: «Сю-сю,

сю-сю!» — просюкал кто-то на коней. Так мы и не уснули. Утром отец встал, и начали мы перетаскивать балаган на другое место... Мол, построили его на тропинке — загородили лесному дорогу. И потом все было хорошо» (Соколова М. Ф.).

Былички действительно во многом сходны. Мы видим, что рассказчик (или его знакомый) нарушает запрет поверья: нельзя ложиться спать на тропе — леший сгонит, леший и в самом деле наводит страх на нарушителя запрета, и испуганный человек вынужден поправить свою ошибку. Далее сообщается исход происшествия, следствие или вывод («...и потом все было хорошо»; «А оказалось: легли на тропинку — леший нас и сгонял»; «...И до утра проспал спокойно»; «Сроду я не верил, не боялся...», т. е. самому пришлось убедиться). Кроме того, во всех рассказах есть ссылка или на место, где случилось происшествие («Один ездил ночевать во Вьюшкову...»), или на лицо, с которым оно произошло («А то жил в Бянкино Воложанин»; «Это мне Некрасов рассказывал. Как-то мы с отцом и братишкой поехали на сенокос»).

Эти части (поверье как повод к рассказу; сам случай, иллюстрирующий поверье; вывод или последствия; ссылка) легко можно выделить во всех быличках, даже в кратких рассказах информационного характера. Но наиболее яркое выражение эти структурные компоненты находят в рассказах, исполняемых на досуге. Менее отчетливы они в кратких информационных, а также в историях, рассказываемых по свежему впечатлению. Бывает трудно рассмотреть структурные детали былички по той причине, что в тексте не зафиксирован предшествующий рассказу диалог.

Что же представляет собою каждая часть былички, чем объясняется ее необходимость, каково ее значение?

1. **Суеверное представление** (поверье) является организующей частью былички. Его характер определяет тему рассказа, своеобразие действующего лица, его портрета и функций, выбор места действия. В быличке суеверные представления выражаются в форме мистических примет, например: «Если ляжешь ночевать на тропе — леший сгонит».

Здесь нет объективной причинной связи между главной и придаточной частями, эта связь ошибочна: где не хватает знаний, начинает работать воображение, которое, с одной стороны, способно создавать научные теории и гипотезы, с другой — фантастические вымыслы⁵⁴, что мы и имеем в данном случае. Знание примет считалось необходимым, чтобы уметь при случае «обезопасить» себя от враждебных и таинственных сил. Сообщение подобных «сведений» в период расцвета суеверий стало важной практической функцией былички. Поверье может сообщаться не только в начале повествования, но и в середине его или в конце. Практическое значение поверий и мистических примет помогали закрепить ссылки на достоверность сведений, сообщаемых в быличках.

2. **Ссылка**. Особенность рассказывания былички — установка на правдивость сообщения — определила необходимость конкретизировать пове-

⁵⁴ Зыбковец В. Ф. О черной и белой магии. — М.: Госполитиздат, 1965. — С. 98.

ствование, наполнить его реалистическими деталями, второстепенными, но бесспорными фактами, в соседстве с которыми выдавалось за бесспорное и самое невероятное, фантастическое. Одновременно этот контраст рядового и сверхъестественного закрепился в быличке в качестве художественного приема, призванного возбудить эмоции аудитории. Ссылка находит конкретное выражение в том, что рассказчик указывает место, где происходило действие, связывает это действие с определенными лицами, часто сообщается и время действия — «А это дело было тоже до войны, в тридцать пятом году. И вот мне рассказывал Беломестнов дедушка. У него в Бянкино был зять — Юрганов...» (Достовалов П. А.).

Иногда место действия не указывается, рассказчик говорит: «У нас однажды...», — и все знают, что дело было в той деревне, откуда он родом.

3. И л л ю с т р и р у ю щ и й р а с с к а з — главная содержательная часть былички, где в лаконичной форме воссоздается обстановка до «встречи», описывается сама встреча и ее исход. Каждый из этих моментов изображается по-особому. Вначале рассказчик может использовать реалистические подробности в описании обстановки («...а там косогорчик такой, кустарничек мелкий. Он взял ножик, пошел в кустарничек, срезал тоненьку осиночку такую длиной вот, заострил, вышел на кошенину, зачертил ей кружок и в середину воткнул эту осиночку» (Пешков Г. В.)). Иногда начало нарочито растянуто, события развиваются замедленно («...Так получилось дело. Был я председателем промартели. В тридцать восьмом году, в июле месяце, перед уборочной, меня из города звонят:

— Приезжай завтра на исполком.

Хорошо. Я из Бянкино поехал, приезжаю на фирму. Там, как Шилку передешь, в километре и молочная фирма. Но, время уже поздне. Мне заведующий и говорит:

— Переночуй, Алексеевич.

— Да ты чё? Мне завтра на исполком.

— Отцеда доедешь. Утром поране встанешь и уедешь. А то могут тебе и волки попасть...

— Да но!..

— Тогда бери собаку с собой.

Но, ладно. Собака за мной побежала, еду. Время было одиннадцатый — двенадцатый час. Еду. Все светло, видно все. Сiju на телеге-то, собака бежит впереди меня...»). И так до тех пор, пока «вдруг» не произойдет встреча со сверхъестественным, которое рисуется с помощью скупых, сжатых, но напряженных средств, подчеркивающих необычайность события («...Смотрю: идет человек к перекрестку-то. И мой конь как раз на перекрестке остановился. Он подходит:

— Здравствуйте!

— Здравствуйте...

...И повернулся, пошел. И я за ним следом пошел. Идем, разговариваем, он все спрашивает... И до сейчас не могу представить, чё это приключилось?!

Хоть бы я пьяный или кого ли был! Самому-то удивительно... Вот идем, идем, идем... И он меня завел, наверно, километров семь или восемь в сторону. Я запинаюсь (по пахоте-то), а не вижу кочек. Потом говорю:

— Дак куды мы это идем?...»).

Исход же обычно мгновенен — «...Раз! и человека не стало!» (Достовалов П. А.).

Как видно, построение иллюстрирующего рассказа связано с общей направленностью былички: удивить, поразить воображение слушателей, что также обусловлено традиционной практической функцией.

4. **З а к л ю ч е н и е.** Эта часть обычно содержит оценку события рассказчиком, раскрывает его отношение к происшествию. В нем — или дается свое объяснение тому, что случилось («Вот така беда и вышла, что не уважили — он и подпортил» (Пешков Г. В.), или указывается на необходимость соблюдения какого-то условия («Выбирали, чтоб дружка-то сильный был. А то, бывало, наделают чё» (Дутов Ф. И), или выражается удивление и вопрос («Вот как он узнал?! Гыт, когда ехал, все сорока летала. Может, он. Подслушал мысли, как ли?» (Дутов Ф. И.). Иногда такое отношение выражено только в эмоциональной форме («...вот тебе на тебе!»). Роль подобных концовок довольно определена: они тоже как бы подчеркивают достоверность факта, а заодно — и его необычайность. Это завершающий акцент, не только подводящий итог последней истории, но и вызывающий следующую, устанавливающий с нею тематическую и эмоциональную связь.

Таким образом, рассмотренные структурные компоненты быличек представляют собою логически взаимосвязанные части одного целого. Они определяют друг друга или вытекают один из другого и обусловлены как своеобразием «внеэстетической» функции быличек (предупредить о возможных опасностях при встрече со сверхъестественными силами), так и эстетической (удивить, возбудить сильное эмоциональное чувство). Нужно сказать, что выделение и рассмотрение компонентов помогает сделать следующее заключение: в структуре былички полностью отразились особенности развития в ней конфликта, особенности ее композиции, о которых уже говорилось выше.

Обращение к текстам может вызвать сомнения в правильности представленных выше заключений, например, нетрудно обнаружить, что не во всех быличках выделяются все указанные части. Например, может не оказаться основания былички — информации о поверье, к которому должен прилагаться иллюстрирующий рассказ. Но здесь могут быть выявлены различные причины, основная из них связана со своеобразием исполнения быличек, рассказываемых **ц и к л а м и** (о ведьме, о домовом и т. п.)⁵⁵.

⁵⁵ Например, Денисова Е.И. из с. Усугли рассказала так подряд 15 быличек, причем в основе их только шесть поверий: 1) о домовом, 2) о лешем, 3) о гаданиях, 4) о цвете папоротника, 5) о могиле шамана, 6) о порче. Примерно столько же в данных текстах обнаружено информации о поверьях, которые относятся и к остальным быличкам.

Следует учитывать, что особенности поэтики и исполнения быличек можно выделить только в обстановке естественного бытования жанра. Только тогда станет ясным, что эта самая цикличность освобождает рассказчиков от частого повторения сути верования, если о нем уже было сообщено в первой истории. И даже при работе над точно зафиксированным материалом (например, магнитофонная запись хода всего вечера, на котором исполнялись былички) почти невозможно избежать определенных трудностей. Естественно, что возникает потребность вычленения отдельных текстов из цикла. При этом никто не будет информацию о веровании, предшествующую первой истории, «подписывать» и к следующим, хотя на самом деле эта информация относится к ним целиком.

Другая причина сложности выделения структурных элементов в некоторых текстах связана со способом передачи материала. К. В. Чистов пишет по этому поводу, что структура рассказа во многом зависит «от реальных условий общения исполнителя и слушателя»⁵⁶.

Как известно, рассказ может быть передан собирателю двумя способами: в форме краткой информации или как сюжетно оформленное произведение. Выбор способа зависит от условий, в которых должно исполняться произведение, от уровня исполнительского мастерства рассказчика, от характера вопроса, который поставил перед исполнителем собиратель. Исследователям устного народного творчества знакома ситуация, когда ради «городского» человека рассказчик-крестьянин — уходит от традиционного исполнения, тщательно выбирает слова и выражения, не допускает обычных «неприличных» выражений, а в наше время — нарочито скептически отзывается о былых суеверных «заблуждениях».

В результате подобных взаимоотношений собирателя и носителя трудно сделать верные выводы о бытовании того или иного жанра, а особенно — былички. К тому же, отвечая на вопрос «во что раньше верили?», информатор даст именно информацию о верованиях, но это не будет полноценное художественное произведение. А если рассказчик окажется неумелым, то в его исполнении быличка тоже будет слишком сжатой, схематичной. Поэтому для изучения жанрового своеобразия нужны произведения, зафиксированные в обстановке естественного бытования, когда возникает эстетическая заинтересованность слушать и рассказывать былички, когда важнейшим требованием исполнения становится традиционное требование: как можно убедительнее передать необыкновенный случай.

В отличие, например, от сказок былички исполняются многими из присутствующих, при этом рассказывают по очереди, а самые знающие и умелые ведут нить разговора, способны заполнить своей историей паузу, перейти от одного цикла быличек к другому. Циклы строятся из произведений на одну тему. Стоит кому-то напомнить народное поверье о том, как домовый, например, заплетает в косы гриву и хвост полюбившейся ему лошади, — и по этому

⁵⁶ Ч и с т о в К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. – С. 13.

поводу чуть ли не каждый стремится рассказать «случай из жизни». При этом исполнитель старается изыскать такие средства, которые подтвердят правдивость повествования. Иногда это обращение к сидящему рядом («Раньше рожали — бабничала бабка. Ты это хорошо помнишь»), иногда — подробная детализация, воссоздание особенностей местности («...а там косогорчик такой, кустарничек мелкий»; «...А ты же знаешь, в Красноярской какие падушки круты, глубоки о-ё-ёй! — туды к Ключам-то — рассошины!») (Пешков Г.В.)

В некоторых случаях рассказчик стремится специально подчеркнуть таинственность, даже если все можно объяснить проще («...дядя Афанасий провожатый был. Коней запрягли добрых! Вот, паря, только из ворот-то (ограда у нас большушша была), только к воротам — кони уперлись и все! Вылупили глаза. Он их бичом-то как хватил — они рванули, в рытвину..., по ручью, по рытвине... А дядя впереди сидел, те сзади: невеста и две подружки... Вот они [кони — В. З.] подхватили по ручью! Но, чё же, кони здоровы, у-ю-ю! Он ничё не может сделать, и вот опрокинул против Ивана Короткова, вывалил всех... И вот у провожатки, у Кирсановой-то, паря, ты скажи, чем? Даже дивились: чем? — платье как зацепило, так и рассадило все...») (Пешков Г.В.)

И каждый чуткий слушатель старается не развеять атмосферу необычайного, чудесного. Никто не задает вопросов, на которые «поймался» бы рассказчик, никто не пытается разъяснить заблуждение или иронизировать над наивностью аудитории, если нет рядом человека, случайно оказавшегося здесь и не способного артистически влиться в созданную обстановку вымышленного мира. Весь этот процесс, вся структурно-композиционная организация былички — от традиционной установки: доказать, что самое необычайное, самое чудесное происходило и может произойти рядом.

Народное коллективно-творческое начало быличек находит выражение в своеобразии их стиля. Внешне повествование близко к рядовой продукции бытовой речи, но на самом деле огромное количество быличек имеет сравнительно небольшое число фабульных основ. В них используются определенные словесно-стилевые приемы исполнения, устойчивые лексические детали. Важную роль играет мемуарно-иллюстративный способ исполнения, требующий передавать рассказ как личное или услышанное от другого воспоминание, выступающее иллюстрирующим примером к определенному поверью. Данный способ более органичен для былички, чем для какого-либо другого жанра.

Именно практическая «целевая установка» суеверных рассказов-свидетельств — объяснить непонятное в природе, в быту вмешательством сверхъестественных существ и сил, предупредить о их свойствах — привела к общности тематики быличек (о домовом, о лешем, о баннике и т. д.), к сходству отражения действительности в них (фантастический вымысел при невозможности объяснить факт объективно), способствовала выработке особой поэтической системы и условий исполнения (своеобразное развитие конфликта, сюжета, особенности морфологии, стиливых средств; установка на достоверность, цикличность и т. д.).

Отличие былички от других жанров народной прозы

Былички публиковались часто в сказочных сборниках, и некоторые исследователи относили их к жанру сказок. Однако выделение традиционных главенствующих социально-бытовых функций былички и *волшебной сказки* показывает, что эти функции совершенно различны: у былички такая функция имеет практический, а у сказок — эстетический характер. Притом поэтическая форма волшебной сказки обуславливает отношение к ней как к явному вымыслу, быличка же исполняется как рассказ о достоверном факте, хотя тоже не лишена элементов фантастики. Но это различные жанры, относящиеся к разным видам устной народной прозы. И если вымысел в жанрах несказочной прозы «служит объяснению реальных фактов или их правдоподобию», то «вымысел в сказке не только не служит этой цели, но и принимается только как выдумка»⁵⁷.

Сложнее провести разграничение внутри вида несказочной прозы и показать отличие быличек от устных рассказов (сказов), преданий и легенд. Сложность заключается в том, что ни за одним из этих терминов пока не закрепились общепринятое конкретное значение, и их толкование часто противоречиво.

Устные рассказы по своей художественной форме во многом близки быличкам. Но эти жанры разделяет прежде всего принципиально различное осмысление фактов или явлений. Содержание былички обязательно связано с религиозно-фантастическими представлениями, устный же рассказ повествует о достоверном, реальном. Естественно, что и устный рассказ не лишен элементов фантазии, но эти элементы не переходят границ вероятного, возможного — у них совершенно иная природа, они не являются обязательными и не играют такую важную роль в структурной организации жанра, какую играет фантастика народных верований в быличках.

Тем же былички отличаются и от *преданий*, в которых разные исследователи видят следующие общие черты: они «содержат сведения о реальных лицах и достоверных событиях», их «отличает широкий общественный интерес», фантастика в них не является определяющей, события отнесены в прошлое. Быличку роднит с преданием только «установка на достоверность», что указывает на их принадлежность к виду несказочной прозы. Но по характеру осмысления действительности предание ближе к устному рассказу (сказу) и составляет вместе с ним группу рассказов, лишенных фантастической основы содержания, в то время как быличка входит в другую группу, объединяющую народные рассказы с чудесным содержанием.

⁵⁷ А н и к и н В.П. Прозаические жанры (Сказки, предания, сказы, былички, легенды) // Русское народное поэтическое творчество: учеб. пособие для филол. фак. пед. ин-тов / Под ред. проф. Н. И Кравцова. — М.: Просвещение, 1971. — С. 129.

По своеобразию осмысления действительности довольно близки к быличкам религиозные легенды⁵⁸, в которых тоже «действуют сверхъестественные силы и существа, хотя и другого характера — Бог, святые»⁵⁹. Но, как считает Н. И. Кравцов, «жанр — это не только отношение к действительности, а структура, которая включает в себя многие „жанрообразующие моменты“, к тому же „сходное“ или даже одинаковое отношение к действительности наблюдается порой и в нескольких жанрах»⁶⁰. Известно, что в легендах, «направляет действие и определяет исход событий вмешательство сверхъестественных сил, которые обычно сами не появляются, а проявляют себя посредством чуда»⁶¹. Последнее для легенд является правилом, а в быличках встречается лишь как частный случай. Но важнее другое: легенды и былички берут из действительности принципиально отличный материал, что связано с различием их основных функций. Если «основная направленность исторических религиозных легенд [как и всех религиозных легенд — В. З.] назидание, укрепление веры»⁶², то былички, как известно, предупреждают о возможных опасностях, которыми может грозить встреча с лешим, чертом, ведьмой и др. Да и действительность в легендах приобретает чаще обобщенный характер, событие в них должно иметь более широкое значение, чем в быличках (в этом легенды ближе к преданиям).

Следует сказать, что сверхъестественные персонажи легенд и быличек также имеют заметные различия. Если в легендах почти нет описания Бога, святых, или такое описание тоже обобщенно, то в быличках каждый персонаж проявляет свою индивидуальность, часто дается его портрет. В быличках и легендах обычно используются разные сюжеты и мотивы. Важное жанровое отличие легенды от былички заключается в том, что легенда не отстаивает за собой права свидетельского утверждения, но это является отличительной чертой былички, определяющей своеобразие ее композиционных и стилистических средств, а также выбор определенной позиции при исполнении. К легенде невозможно применить мемуарный способ изложения.

При разграничении материала быличек и легенд нельзя не учитывать те особенности, характерные вообще для фольклора, которые находят выражение в процессах взаимовлияния жанров. Это взаимовлияние распространяется в двух основных направлениях: во-первых, расширяется тематика смежных жанров, во-вторых, взаимообогащается их поэтика. Поэтому могут возникнуть

⁵⁸ В понятии «легенда» (как жанр русского фольклора) к настоящему времени отстоялись два значения: 1) легенда — устный рассказ с религиозно-христианской тематикой (что связано, видимо, с первоначальным значением термина «legende»); 2) легенда — всякий устный рассказ, воспринимаемый как достоверное повествование, но основанный на фантастическом вымысле. Очевидно, что второе значение слишком широко, его можно распространить и на быличку.

⁵⁹ С о к о л о в а В. К. Русские исторические предания. — С. 252.

⁶⁰ К р а в ц о в Н. И. Проблемы славянского фольклора. — М.: Наука, 1972. — С. 337.

⁶¹ С о к о л о в а В. К. Русские исторические предания. — С. 270.

⁶² Т а м ж е. — С. 271.

трудные случаи при определении жанра отдельных произведений. Приведем текст.

«Раньше рожали — бабничала бабка, — ты это хорошо помнишь. Но и вот. У одного также рожала хозяйка (говорили, нарекал ангел век в этот момент).

Родился сын у ее, прилетел ангел, стал нарекать, а бабка-то слышала: мол, вот до стольки дорасти ему и в ихом же колодце утонуть. Бабка хозяину все рассказала. Может, лет до десяти он дорос, хозяин взял и забил досками колодец. Заколотил. Дак вот, стало быть, больше нареченного века нет: он пришел, на этот колодец лег и помер» (1968 г. Пешков Г. В.).

По типу сверхъестественного персонажа (ангел) данное произведение следовало бы отнести к легендам. Здесь нет и присущей быличкам конкретизации. Чувствуется, что рассказ передается «по преданию» и не сохраняет не важных для широкого слушателя имен, названий мест, дат, при наличии которых он приобрел бы более узкое, локальное значение. Легенда предназначена для всех, даже если и привязана к определенному месту, быличка — для соседей, односельчан, знакомых людей. Скорее всего, приведенный текст относится еще к пограничным, «межжанровым» явлениям.

В других случаях подобные рассказы сохраняют своеобразие быличек. Они имеют характер частного, индивидуального случая, лишены обобщения, их содержание связано с определенным лицом. Такова следующая быличка, которая необычна тем, что мистическим персонажем в ней является, видимо, ангел, предсказывающий судьбу.

«...Старушонка одна живет в Могоче подле Чалдонки. А я жила в Борщовке. И вот совпадение како! У нее в пятьдесят четвертом году утонула дочь двадцати лет. Сон ей приснился, когда девке два года было. Будто я и эта девчонка в корыте едем по Шилке, и вдруг корыто перевернулось и девку-то унесло, а я осталась. ...И вот девка-то утонула. Искали, искали ее. И не нашли. И мать сказала:

— Не ищите ее, я сама найду.

После трех дней пошла искать. Идет и вспоминает сон, который восемнадцать лет назад видела. Смотрит: кусты! Отодвинула их — и увидела девку...» (Прокудина А. В., 59 лет. Зап. в с. Борщовка Нерчинского района в 1969 г.).

Глава вторая Классификация быличек

Известно, что в основу классификации должен лечь наиболее существенный, постоянный и ясно сформулированный признак; нельзя допускать, чтобы систематизация материала основывалась на разных или взятых из разных рядов или не исключających друг друга признаках (В. Я. Пропп). Выше уже говорилось, что былички отличаются своеобразным характером фантастического вымысла, возникшего в результате невозможности дать объективное толкование

отдельных фактов или явлений и нашедшего свое выражение в действиях или присутствии определенных сверхъестественных персонажей. Например, эхо в лесу, в горах объяснялось как крик лешего, необъяснимое в быту связывалось с действиями домового, а неурожай, стихийные бедствия — с деятельностью других демонов или духов, а также людей, одаренных сверхъестественными, магическими способностями. Подобные персонажи устных рассказов, возникшие в народном воображении в результате попыток осмыслить явления в различных сферах быта, в лесу, в поле, у воды, в связи с этим приобрели особые свойства.

Своеобразие функций персонажа — основа классификации

Считалось, что домовый покровительствует дому. Он следит за скотиной, ухаживает за ней, блюдет традиции гостеприимства и уважения к очагу, предупреждает жильцов о несчастье или удаче — всем этим в какой-то мере определяет благополучие подопечного семейства⁶³. О баннике известно, что он способен «уморить» человека, избить его веником до полусмерти, а иногда и содрать кожу, если тот нарушает какое-нибудь условие, связанное с верованиями: моется в бане после «третьего пара», моется без креста, бранит своих детей и т. п.⁶⁴ Кикимора — антипод домового в жилище. Она зазывается в дом «по злобе», обитает за печкой; сидя там, она свистит, стучит, иногда, как «чудится» несчастным жильцам, переворачивает мебель, разворачивает полы, печь, кидает по квартире кирпичи, т. е. делает все, чтобы «выжить» жильцов из дома. К утру же все оказывается в полном порядке. Согласно древним верованиям, «кикиморы» вырастают из «потерчат» — детей, «проклятых в утробе» или «родившихся неживыми»⁶⁵.

В функции⁶⁶ лешего входит заманивать человека в такое место, откуда трудно выбраться. Он сгоняет со своей тропы путника, расположившегося здесь на ночлег, способствует удаче или неудаче в охоте, похищает детей, которых родители ругают «черным словом» или оставляют без присмотра, иногда вынужден воспользоваться помощью людей, его «видели» и за бытовыми занятиями, когда он плел лапти и покрикивал на луну, чтобы ярче светила⁶⁷.

⁶³ См. также: Токарев С. А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX в. — С. 94–98; Померанцева Э. В. Русские рассказы о домовом // Славянский фольклор. — М.: Наука, 1972. — С. 242–254.

⁶⁴ Токарев С. А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX в. — С. 98–99; Померанцева Э. В. Русские рассказы о домовом. — С. 255–256.

⁶⁵ Зеленин Д. К. Очерки русской мифологии. Вып. 1. — Пг., 1916. — С. 25, 36.

⁶⁶ Здесь в значении: характерные действия.

⁶⁷ См. Токарев С. А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX в. — С. 79–83.

С образом лесной русалки редко связывается фантастическое действие. Обычно рассказывают о неожиданной встрече с русалкой, сидящей на ветвях и расчесывающей свои волосы.

Мало рассказов и о сверхъестественных существах, обитающих в воде: о водяном хозяине, о речных русалках и водяных чертях. В них сюжет тоже построен обычно на факте встречи. Водяные черти, кроме того, представляются шаловливыми существами, провоцирующими гнев Бога. К. Д. Логиновским, например, был записан рассказ о том, как в грозу черти выпрыгивали из воды, хлопали себя по заду, кричали: «Вот тебе!» — и сразу же скрывались в глубине, а в это место тотчас же ударяла молния.

Очень многочисленны рассказы о людях, обладающих сверхъестественными способностями и обязанных ими своей связи с нечистой силой, — ведьмах и колдунах. Ведьма⁶⁸ катается верхом на людях, доит чудесным образом (часто на расстоянии) чужих коров. Кроме того, она летает на шабаш ведьм, вынимает из чрева коровы теленка и с подругами съедает его. Колдун⁶⁹ же обладает властью над змеями, участвует на свадьбах в качестве дружки, чтобы защитить молодых от «порчи», или «хомута», как говорят в Забайкалье, и следит за порядком во время гуляния. Не будучи приглашенным, он сам вредит свадьбам.

Функциями, постоянными для черта, являются участие в святочных гаданиях, охрана кладов и цвета папоротника, вербовка «заложных» и соперничество с силами неба. Черт — персонаж довольно сложный, ему бывают свойственны самые разнообразные действия, помимо перечисленных, и это связано, возможно, с тем, что в нем обобщились представления вообще о нечистой силе⁷⁰. Персонажем некоторых быличек о пророческих снах или свершениях судьбы стал ангел, который «нарекает век», предупреждает людей о неизбежном.

Существует довольно много рассказов о так называемых «заложных» — подсобных нечистой силы — неотпетых или непомянутых покойниках, людях, умерших неестественной смертью, умерших ведьмах и колдунах, которые продали душу черту и «не отработали» необходимый срок. Мертвецы⁷¹ такого рода встают из могил, потому что их «земля не принимает», и всячески вредят людям или ищут способ освободиться от бремени греха. «Заложные» находятся в услужении у нечистой силы: выполняют роль выездных лошадей, «возят воду», приставляются чертями для охраны кладов и т. д.

В Забайкалье существовало поверье, что если родственники очень тоскуют по умершему, то он может явиться или влечь, «тянуть» к могиле живого человека.

⁶⁸ См. Токарев С. А.: Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX в. — С. 28–30.

⁶⁹ Там же. — С. 22–28.

⁷⁰ Там же. — С. 105–110.

⁷¹ Там же. — С. 36–43.

Все перечисленные функции носят, как правило, частный характер, т. е. для определенного сверхъестественного персонажа характерны определенные функции, которые определяют главные особенности персонажа, его своеобразие, и — что очень важно — ложатся в основу фабулы устного рассказа о данном существе.

О сходствах общегрупповых функций

Нетрудно заметить, что сверхъестественные персонажи имеют свои сферы обитания и влияния. В населенных местах действуют домовый, банник, кикимора. В лесу — леший, лесная русалка. В реках живут водяной, водяные черти и русалки. Черт и ангел — сверхъестественные существа неба и ада. В связи с этим демонам или духам, обитающим в одинаковых сферах, оказались свойственны и сходные функции. Например, до нас дошли поверья, что леший и лесные русалки могут «до смерти» зашекотать человека, и те и другие иногда сожительствуют с людьми. Домовой и банник одинаково сурово могут наказывать человека, который не соблюдает традиционные нравственно-этические нормы. Считалось, к примеру, что при входе в жилой дом необходимо было хотя бы про себя произнести слова: «Дедушка-буседушка, пусти меня переночевать!». Подобные же условия надо было выполнить перед мытьем в бане: спросить, чтобы «хозяин» — банник — пустил «помыться-попариться». Существа, обитающие, по представлениям наших предков, в воде, могли содействовать удаче или неудаче в рыбной ловле.

Много общего в действиях таких персонажей быличек, как ведьма и колдун. Оба они способны «испортить» человека — надеть на него «хомут», а также излечить его. Тот и другой с большим трудом, в мучениях умирают, а чтобы избежать таких мучений, стремятся «передать» кому-нибудь способность к колдовству. Оба умеют «морочить» людей, «отводить глаза», в результате чего людям может «казаться», что колдун лезет внутри бревна, хотя он на самом деле ползет рядом. И колдун, и ведьма обладают способностью «охватить» силой своего необычайного воздействия вора, который никак не сможет уйти от места кражи, пока не придет хозяин.

Очень много сходных функций в группе «заложных». Независимо от причин, благодаря которым они относятся к данной категории, все они могут находиться на службе у «нечистых», все они встают из гроба или с места захоронения, бродят по дорогам и пугают людей, иногда мстят за обиду или за кощунство.

Кроме перечисленных внутригрупповых сходств, легко увидеть сходства более широкого, может быть, жанрового характера. Так, все представители нечистой силы, а также люди со сверхъестественными способностями являются человеку или в своих «обычных», традиционных видах, или же превращаются в самые разнообразные предметы или в животных, т. е. все они обладают даром оборотничества. Подобное же можно встретить и в быличках о мертвецах.

Типы быличек

Указанные сходства функций вполне объяснимы, но в то же время каждый персонаж имеет свой характер, свою физиономию, о нем сложилось особое представление. И естественно, что с определенными действующими лицами быличек оказались связаны определенные фабулы, что дает основание именно внутри данного жанра распределить материалы по типам персонажей, определивших не только выбор формальных средств, но и весь смысл исполнения произведения, его задачу. В то же время характер персонажа определяет не только внутрижанровое сходство в быличках, но и типовые различия в них. Чтобы увидеть эти сходства и различия, надо снова обратиться к текстам.

Вначале сравним два рассказа о колдунах, записанные от людей, которые познакомились с данными историями в разных местах Сибири.

1. «Один, Стренчев фамилия, раньше на Унде жил все по работникам, а потом по приискам ходил в тайге. И вот он рассказывал, как раньше свадьба...

Через Унду раньше на телеге нельзя было ездить венчаться, так они ездили верхами.

И вот, он еще молоденький был, собрались, гыт, у мельницы смотреть. Жених и невеста повенчались уж, собрались брести. Дружка вперед их едет. А ребята (тут дед стоял) деду и говорят:

— Ты, дедушка, подшути над имя! (а он тоже знал).

— Но, да вы чё!

— А мы тебе четверть вина поставим, только подшути.

Вот берет он прутик, сломил, натянул, как лук, вострой палочкой стрелил — сразу дружка как век не был с коня упал. Он гыт:

— Но, убежать надо...

Сразу на мельницу и под жернова. И вот этот дружка-то послал ему нож — сквозь крышу и в жернов, и переломился ножик» (Дутов Ф. И.).

2. «Было раньше так заведено: если молодой человек женится, то нужны сваха и дружка.

Но вот один раз пришлось так, что в нашу деревню приперла свадьба. Видно, повенчались, вылетели из деревни в степь-то. А мы тут собрались недалеко. С нами Костя Хромой. А свадьба-то: кавалерия, красны флаги, вожжи гарусны с кистями, дуги изукрашены!..

Костя посмотрел:

— А-а, это Астафий Яковлевич, — он сразу говорит. Берет Костя руки вот так ко рту [лодочкой. — В. З.] и что-то пошептал. — Раз! — кони распряглись, дуги повыпадали... Кто ехал — соскочили да в кошевные снег нагибают подолами. Потом опять пошептал Костя — все у них нормально стало, снег назад выгибают.

И вот через неделю время наши поехали венчаться, а Костя был дружкой. А где в переулок въезжать, жил Трошка, Бессонов, здоровый мужик такой! Но до чё лентяк был! Только до него свадьба доехала — остановилась, все вышли, во двор к нему и давай из двора глызы таскать да в кошевные складывать. Вот

картина была! Наклали и поехали. А это Астафий Яковлевич ему в ответ-то подстроил, отвел надсмешку» (Колмаков Ф. Ф., 67 лет. Зап. в г. Нерчинске в 1968 г.)

Уже эти былички позволяют заметить, что их содержание определено присутствием определенного персонажа, наделенного сверхъестественной силой, — колдуна, которому суеверие приписывает характерные для него функции (в данном случае: соперничество на свадьбе). Действие, как это видно, развивается в сходных обстоятельствах. Толпа людей наблюдает за свадьбой, среди них находится колдун — соперник дружки. Колдун «шутит» над свадьбой, пользуясь своим сверхъестественным умением. Второй колдун (дружка) в ответ здесь же или позднее «отводит насмешку».

Несколько отличаются от приведенных былички о других типах персонажей, например, о лешем, который заводит человека в такое место, откуда трудно выбраться.

3. «Мальчики за деревней ходили и одного парнишку потеряли. Его семь дней искали, а потом его звероловы на скале одной нашли, а он дикий стал. Сказал, что его мужик посадил в утесах и не велел уходить» (1969 г., с. Бишигино, от Обуховой Л. А.).

4. «...А потом Яша был Штормин. Вот со Столбов [название скал у с. Шивки. — В. З.] его едва сняли. Ушел по грибы и потерялся. Вот потерялся, потерялся, вот его искать. Искали, и чё-то на четвертый или пятый день обнаружили на Столбах, на скале. Сидит наверху. Как он туды?! А тот опять так рассказывал:

„...Попал мне дед какой-то, повел меня.

— Пойдем, я тебе натакаю грибы... — И вот шел я с ним...“

И он завел его на эту скалу, как-то залезли с этим дедом! И вдруг того деда не стало!

„...Я, — гыт — гляжу: кругом скала. Слезти-то никак не могу с этой скалы...“

И вот его на пятые сутки сняли. Тоже облавы делали, в трубу — в целó — кричали, значит, и вот нашли. Дак ить едва сняли с этой скалы! Полобчества выходили снимать его» (1968 г., от Пешкова Г. В.).

Бросается здесь в глаза некоторое внешнее различие в форме рассказов. Колдун — человек хотя и таинственный, но близкий односельчанам, он не отличается от других людей внешним видом. Его выделяет только необычайная способность к магическому воздействию на какой-то объект. С фигурой колдуна не связываются неожиданные появления или исчезновения, что обычно для быличек о лешем. Ход событий в первых рассказах более затянут, чем в последних, они могут быть многоэпизодны, в то время как рассказы о лешем или о водяном — одноэпизодны. Действие в первых рассказах происходит прямо в деревне, на глазах у всех людей, а в последних — в лесу, причем герой встречается с лешим один на один.

Именно через подобные различия — в месте действия, в продолжительности действия, в специфике деятельности персонажа — обычно подчеркивается своеобразие отдельных групп быличек.

Таким образом, основанием для выделения внутри жанра быличек различных типов служит своеобразие функций каждого персонажа, обладающего сверхъестественными способностями, действия которого определяют смысловые и формальные сходства отдельных рассказов⁷². При этом нужно учитывать также общность отдельных функций разных персонажей, которая связана с особенностями сферы обитания этих действующих лиц быличек и зависит от нее. Поэтому можно выделить группы быличек о сверхъестественных существах жилых мест (домовой, банник, кикимора), леса (леший, лесная русалка), воды (водяной, русалки, водяные черти), неба и ада (ангел, черт), о людях со сверхъестественными способностями (ведьма, колдун), о «заложных» и прочих мертвецах (умершие ведьмы и колдуны, неотпетые и непомянутые, умершие неестественной смертью и др.).

Можно предвидеть замечание, что более удобным могло бы оказаться распределение материала не по персонажам, а только по их функциям. Казалось бы, в таком случае появляется возможность избежать сомнений, если в рассказе не назван персонаж, а функция является общей для нескольких из них. Но это не так. В быличках четко выделяются типы о том или другом персонаже, который и не будучи назван проявляет свои особенности даже в общих функциях, например: «явление свидетелю происшествия» (леший является обычно в лесу, домовой — в избе); «наказание за непочтительность» (банник «давит» в бане, домовой — в избе). Рассказчики довольно часто не уточняют, о каком именно действующем лице в быличке речь, но они в таких случаях или учитывают, что персонаж был назван раньше, или рассчитывают на осведомленность слушателей, которые по своеобразиеу действий догадываются, о ком говорится в рассказе.

Необходимо при систематизации материала учитывать также, что в процессе исполнения рассказа о существе, название которого не сообщено, но определено самими слушателями, слушатели в своем воображении как бы дополняют рассказ, расширяют его за счет знания верований, бытующих в их среде. Следует помнить, что персонаж — центр былички, ради него она и возникла в воображении автора, и ее типовые сходства и различия связаны с особенностями персонажа. Иногда одно упоминание о сверхъестественном персонаже существенно влияет на восприятие истории, отсутствие же его или явлений, с ним связанных, приводит к тому, что исполнение теряет смысл, а рассказ перестает быть быличкой.

Характер же происшествия часто бывает незначительным, обычным, и лишь только в связи с конкретным представлением о сверхъестественном персонаже возможен особый для быличек эмоциональный эффект. Например, рассказ о том, как у крестьянина «не велись» коровы, пока он не «сменил масть» (т. е. купил корову другой масти), не представляет никакого интереса, если слу-

⁷² Следовательно, понятие «тип» здесь означает совокупность произведений одного жанра (былички), выделяемую на основании своеобразия функций определенного фантастического персонажа (тип быличек о домовом и др.).

шатель не знает народного поверья о домовом. Домовой ухаживает только за теми животными, которые ему пришлись «ко двору», т. е. соответствуют его «эстетическим» вкусам. Не зная этого, слушатель воспримет историю как сухой и неинтересный рассказ о заболевшем животном, вместо которого купили здоровое, — и подобный скептицизм может сделать дальнейшее исполнение быличек бессмысленным.

Кроме того, распределение материала по типам действующих лиц удобно и для текстуального изучения быличек, их сравнения, так как при этом группируются вместе действительно сходные произведения. Это создает прекрасные условия не только для исследования поэтики быличек, но и для более глубокого изучения древних верований народа.

Трудности классификации быличек

Когда дают понятие былички, обычно говорят о существах или предметах, стоящих в центре повествования. Но если речь идет о классификации, то едва ли можно оставлять в одном ряду такие определения, как колдуны, мертвецы и клады. Колдун — человек, обладающий способностью совершать чудесные действия над предметами или другими людьми. Вот краткий пересказ одной из знакомых нам быличек: колдун, если его не уважат, вредит свадьбе. Однажды деревенский колдун пошутил над свадебным поездом: сделал так, что лошади распряглись (явно чудесным образом), а люди соскочили и стали руками нагребать в кошеву навоз.

Здесь колдун — субъект, влияющий на вещи и на людей. Вещи приобретают чудесные свойства, люди совершают необъяснимые с позиции трезвого ума поступки. Это объекты влияния.

В подобных рассказах главный персонаж — всегда субъект, характер действий которого определяет все содержание, и это не вызывает сомнений. Но в быличках о зачатых кладах очень часто основным персонажем является сам клад, который в различных образах способен показываться людям, «приставать» к ним с разговором и т.п. Следовательно, и клад — субъект, определяющий все чудесное в рассказе? Пожалуй, это не так. В произведениях устного народного творчества волшебный предмет, как правило, проявляет свои чудесные свойства лишь в том случае, если у него появляется хозяин.

В. К. Соколова выделяет среди быличек о кладах два вида: 1) о появлениях кладов, встречах с ними; 2) о попытках вырыть клад⁷³. Притом, «самый пространственный вид рассказов — о попытках вырыть клад. В них действует не сам клад, а его сторожа, «приставники»⁷⁴. Многочисленные источники, из которых мы черпаем сведения о характере народных поверий, подтверждают, что

⁷³ Соколова В. К. Русские исторические предания. — С. 191.

⁷⁴ Там же. — С. 192–193.

такими «приставниками» являются черти, которые охраняют зачатые клады⁷⁵ и, видимо, превращают их в различные предметы или существа.

Здесь уместно вспомнить, что современные советские исследователи считают, что «исток поверий о кладах коренятся в древних народных верованиях, в представлениях о богатствах, скрытых в недрах земли, которые в свое время откроются; о духах, „хозяевах“ их, хранителях сокровищ; позже эти древние „хозяева“ земных недр стали осмысляться как нечистая сила, приставленная к кладам дьяволом»⁷⁶.

Из сказанного следует, что зачатый клад — всего лишь объект действий черта, но на присутствие этого персонажа не всегда указывается, тем более, что, обладая даром оборотничества, черт является искателям кладов в различных обликах.

Можно предположить, что и в немногочисленной группе быличек о встрече с кладами чудесное должно определяться присутствием черта, хотя о нем ничего не сообщается.

Необходимо учитывать, что материал быличек о кладах может быть использован в некоторых преданиях об исторических личностях, разбойниках или образовывать промежуточные формы между быличкой и преданием. В таких случаях функция охраны клада может перейти к исторической личности, разбойникам и т. д.⁷⁷

В других текстах, как уже отмечалось, возможна неясность в определении действующего лица, когда оно не называется прямо. Здесь нужно ориентироваться на своеобразие действий персонажа, чтобы отнести быличку к соответствующему типу.

Может возникнуть трудность и другого рода, когда как бы само содержание былички подсказывает нам выделить в качестве главного персонажа отнюдь не сверхъестественное существо. Например, народное поверье гласит, что кикимора — причина тому, что в доме «чудится»: скачет по ночам мебель, «ходуном ходят» полы, звучит дикая музыка — хозяевам «нет житья». В некоторых же быличках повествуется о плотниках, которые виновны в подобном явлении, если их «не уважил» при расчете или во время работы подрядчик-хозяин. Но плотники — обыкновенные люди, и мы не можем отнести их в разряд сверхъестественных, мистических существ, поэтому важнейший признак былички будет отсутствовать. Обратимся к текстам подобных историй.

1. «...Ты, поди, знаешь, как в Иркутске-то дом плясал, ходенём все половицы ходили. Даже цветки на окнах не стояли. Люди ходить не могли. А по-

⁷⁵ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. II. — С. 365; Садовников Д. Н. Сказки и предания Самарского края. — С. 246 № 75, С. 359 № 112а, С. 362 № 112б, С. 363 № 112н; Зеленин Д. К. Очерки русской мифологии. — С. 24; Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова. — С. 349 № 126; Бурцев А. Е. Полное собрание этнографических трудов. Т. 2. — С. 10, Т. 5. — С. 19.

⁷⁶ Соколова В. К. Русские исторические предания. — С. 188.

⁷⁷ Там же. — С. 188.

том обнаружили: это плотники подделали. Им не заплатили, как надо, оне и подделали по злости — там и чудилось» (1968 г., г. Нерчинск, от Соколовой М. Ф.).

2. «...Нил Платоныч партизанил тут где-то на Амурской. Был помкомвзвода. Рассказывал. „Заехали мы в каку-то деревню, забыл в каку. Но, где же! Нас много ить, целый отряд был. Но, мы остановились на краю деревни... Тут дом, а рядом старенькая избенка. Мы говорим:

— Ты нас, хозяин, устрой, — а тепло было, — разреши нам в этом доме переночевать. Он теперь, этот хозяин:

— Ой, ребята! Я бы вам разрешил, но, — говорит, — в нем чудится — никак жить нельзя! Нельзя спать! — (А все хорошо, уделано все).

— Но, нас много! Чё мы?! Ничё, ночуем!

— Но, дело ваше. Я отомкну.

Пошел, нам открыл. Мы зашли в него, в дом этот, на полу разлеглись спать.

Вот теперь, Нил говорит, я ишо не успел уснуть, ребята захрапели сразу. А я не успел. Слышу (а темно, свету-то нету): музыка заиграла, пляска поднялась! Я соскочил и не знаю, в чем дело! Прямо, говорит, чечетку выбивают, пляшут такую штуку в этом доме!

Но, я теперь сразу — одного, другого... все насторожились, значит: играют музыка, громко, и пляска така идет! Мы спички... чиркнули — все спокойно (потом нам хозяин таку мигулечку дал, мол, зажгете... — Мы:

— Но, куды нам! — взяли, угасили).

...Зажгли эту светилку; расстроились — уснуть не можем. Вот пока эта светилка горит — все спокойно. Как только угасим, лягем — опять така штука!

И вот до утра никто не уснул.

Как угасим — танцы каки-то откроются...“» (1968 г., от Пешкова Г. В.).

3. «...Один нанял плотников. А тогда плотники-то, они, как сейчас, и тогда ходили: только бы где „калым“ [заработок. — В. З.] сбить. В то время не „калым“, а кусок хлеба был.

И вот сделали дом ему. Он нанял их с полной отделкой на его харчах. По первости-то, чтобы внушить людям, чтобы работали, кормил, все. А под послед — работа к концу — он тоже, в дурном уме, а приброесил, чтобы подешевле обошелся дом-то. И он их давай прижимать в питанье: дело-то было под расчет. Раз так — оне ему и вдолбили в угол., сделали, распростились... А он и в расчете чё-то зажал.

Закочевали. Как ни ночь, но... все свистит, да ишо кажется ворочат дом кто-то!..

Он мучился, мучился, дом продал и уехал» (1968 г., г. Нерчинск, от Зиновьева П. И., 50 лет).

Несмотря на кажущееся отсутствие (или неопределенность) сверхъестественных персонажей, мы все же чувствуем, что это былички, потому что происшествия в них носят чудесный характер. Но обращение к народным поверьям снова помогает восстановить существенный элемент: «если хозяин

недоплатит плотникам за срубку избы, то они напускают в нее злую кики-мору», закладывая в сруб игральную карту с изображением фигуры, куклу и т. п.⁷⁸

Как уже было отмечено, особенностью рассказывания быличек является то, что их передают циклами, одну за другой, и никогда не путают со сказками. Но бывает, что исполнитель включает в такой цикл рассказ, по форме очень похожий на быличку: создает таинственную обстановку, рассказывает с таинственным видом, но финал истории оказывается неожиданно простым и смешным. Григорий Васильевич Пешков, проживший большую часть жизни в селе Верхние Ключи Нерчинского района, рассказал о том, как один мужчина пришел домой и лег на диванчик отдохнуть. Вдруг он слышит, что из соседней комнаты раздаются странные звуки: «пш-пш-пш-пш», крестьянин прислушался, замер... Немного погодя снова: «п-пш-пш», — вот он насторожился, дескать чё это чудится ему? Оно опять так, опять: «„Пучк!“ — на пол... Он вовсе испугался (а такой трусина был!)... В третий раз так же! Он соскочил и бежать. Когда кинулся, во двор-то выскочил (а вязки на чирках распутаны были) и вязки прижал дверью. Кинулся, упал — и готовый, помер сразу: разрыв сердца. А испугался-то: квашня кисла. Перекисла, и тесто на пол упало».

Такие рассказы не являются быличками: в них не подразумевается никакого сверхъестественного существа, нет фантастического вымысла, и сам рассказчик объясняет движущую причину действия. Скорее всего, это бытовые анекдотические сказки, и рассказываются они с целью несколько отвлечь аудиторию, дать отдохнуть ей после напряженной внимательности к «страшным» рассказам. Но, видимо, таким сказкам дали жизнь былички. Процесс перехода былички в жанры сказок, легенд, преданий является сейчас довольно интенсивным, и он обусловлен тем, что в настоящее время быстро разлагаются, теряют свое старое значение народные верования. Но и «чистые» былички еще продолжают бытовать довольно широко. Характерным их принципом остается строгая определенность необычайных и чудесных действий главных персонажей, сверхъестественных или наделенных таинственной сверхъестественной силой. Такая определенность позволяет внутри известных нам типов быличек выделить мотивы, в основе которых окажутся отдельные функции, присущие тому или иному персонажу.

⁷⁸ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. II. — С. 102; Логиновский К. Д. Материалы к этнографии забайкальских казаков. — Владивосток, 1904. — С. 7.

Глава третья

Особенности современного бытования быличек

Исследователи фольклора справедливо считают, что для текстуального анализа пригодно довольно ограниченное число известных записей быличек, а многие современные тексты дают основание говорить о разложении жанра, об изменившемся отношении самих носителей к быличкам⁷⁹. Надо сказать, что процессы эволюции жанров фольклора, которыми охвачены и «суеверные рассказы», очень сложны и протекают в самых разнообразных формах.

Отражение в быличках противоречивости народной психологии и влияние на них современности

Былички возникали как продукт суеверного сознания, и, естественно, период господства суеверных представлений в народе был периодом расцвета жанра, а с угасанием суеверий, теряя свое значение в жизни людей, уходят и былички. Ученые давно уже начали говорить о скором исчезновении демонологических рассказов. Но до сих пор собиратели фольклора отмечают, что былички не только широко бытуют, но и продолжают возникать. Причины этого обычно видели в следующем: «Былички — яркий показатель суеверий, сохранившихся кое-где на почве невежества»⁸⁰.

Но как же тогда расценивать интерес к быличкам у людей неверующих, свободных от суеверных предрассудков, политически развитых, грамотных? Очевидно, имеются еще какие-то факторы, определяющие популярность быличек в наши дни, поэтому изучать их надо всесторонне, рассматривая не только как свидетельство суеверного сознания, но и как жанр фольклора, обладающий специфическими средствами воздействия на слушателя и представляющий для носителей определенную художественную ценность.

Сейчас есть основание говорить, что жанр былички в значительной мере охвачен процессом разложения. Исследователи часто при этом ссылаются на материал, в котором скептицизм современного жителя села к верованиям своих предков проявляется очень ярко. Подобная точка зрения совершенно правильна. Но если ее абсолютизировать и отвлечься от других довольно сложных и многогранных вопросов, связанных с проблемой эволюции жанров, то очень легко можно упростить и даже ошибочно представить картину бытования традиционных форм фольклора в современную эпоху.

⁷⁹ Померанцева Э. В. Жанровые особенности русских быличек. — С. 285.

⁸⁰ Кайе в А. А. Русская литература. — М.: Учпедгиз, 1958. — С. 112.

Следует заметить, что и в дореволюционных материалах можно найти немало текстов, где исполнители сами разоблачают наивность веры в сверхъестественность природы самых рядовых явлений. Таков рассказ, «как дурочка в чернилах вымазалась», записанный Б.М. и Ю.М. Соколовыми⁸¹, таков же рассказ о крестьянине, который принял за нечистую силу обыкновенную квашню с вытронувшимся тестом⁸². О подобном же скептическом отношении к быличкам, имевшем место еще в XIX в., сообщает Э.В. Померанцева⁸³.

Противоречивость в отношении к суеверным рассказам самих носителей связана с двумя различными тенденциями, которые еще в дореволюционных условиях наметились в народных представлениях о природе. Одна из них связана с осознанием зависимости человека от природных сил, с восприятием природы как враждебного явления. Эта зависимость, обусловленная слабостью крестьянского хозяйства, его низкой технической оснащенностью, осмысливалась как зависимость от Бога и других сверхъестественных сил, по воле которых якобы природа может быть то враждебной, то благосклонной к человеку. Другая, преобладающая тенденция, развившаяся в процессе освоения человеком природы, вступает в противоречие с первой и разрушительно действует на нее.

В целом в русском фольклоре отразились противоречия народного мировоззрения, связанные с противоречиями в осмыслении явлений природы и общественной жизни. В сатирических сказках получил яркое отражение антагонизм трудящихся и господствующих классов, то же самое можно наблюдать в преданиях, частушках, песнях и других жанрах устного народно-поэтического искусства. Но в произведениях тех же самых жанров можно увидеть и свидетельства определенной ограниченности народного мировоззрения. Поэтому ошибочно мнение, что одни жанры несут на себе печать только ограниченности понятий о мире, а другие заключают в себе лишь прогрессивные завоевания народного ума.

Если былички и возникают на основе фантастического осознания действительности, то очень многие из них подводят к выводу, что народная психология в значительной мере оформилась в противовес идеологии и психологии господствующих классов, официальной религии. Из прошлого здесь можно вспомнить историю, связанную с публикацией сборника А.Н. Афанасьева «Народные русские легенды», во многих текстах которого очень сильно влияние быличек, а некоторые и являются быличками. Как известно, в связи с протестом московского митрополита сборник Афанасьева объявили вредной книгой, в которой оскорбляются «благочестивые чувства» христиан, и запретили его. А чтобы «парализовать» воздействие афанасьевских «Легенд», были опубликованы анонимные «Дополнения к русским простонародным легендам

⁸¹ Соколовы Б.М. и Ю.М. Сказки и песни Белозерского края. – С. 41 № 24.

⁸² Там же. – С. 135 № 74.

⁸³ Померанцева Э.В. Жанровые особенности русских быличек. – С. 281–284.

и рассказам», в которых «идейное содержание было подправлено в соответствии с церковной моралью»⁸⁴.

И в современных рассказах-быличках, повествующих о прошлом, нетрудно обнаружить мотивы классовых антипатий. Часто встречается мотив достижения цели или материального благополучия с помощью нечистой силы. Так, в рассказе И. С. Рязанцевой смелая и бескорыстная девушка с помощью черта-«шилукана» выходит замуж за любимого ею парня. В быличках, записанных в разных местах и в разное время, можно найти сведения о том, как леший помогает человеку, платя за услугу услугой: помогает рыболову⁸⁵, спасает парня от рекрутчины⁸⁶, женит портного и дарит ему тройку с каретой⁸⁷, помогает охотнику за то, что тот пожалел «его скотину»⁸⁸.

Материалистическая философская наука определяет народную психологию «как исходную ступень общественного сознания, непосредственно вырастающую из общественного бытия»⁸⁹. Следовательно, теперь в условиях быстрого подъема духовной культуры народа в связи с экономическими преобразованиями происходят коренные изменения и в психологии народных масс: «с изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке»⁹⁰. С этим связано усиление процесса разложения суеверных представлений, что, в свою очередь, обусловило в какой-то мере активизацию процесса разложения суеверных быличек. Но это не единственный процесс эволюции быличек. И при изменившемся отношении к жанру носителей сохраняется его традиционная поэтическая форма. Значительное число современных записей быличек дает полную возможность для изучения их своеобразия. И это объясняется тем, что с изменением экономической основы общества не может сразу исчезнуть складывавшаяся веками система взглядов на жизнь, на явления природы. К тому же, главные изменения, коснувшиеся быличек, протекают в скрытом виде, не нарушая их поэтического своеобразия. Например, изменяется соотношение значимости главных социально-бытовых функций жанра.

Соотношение главных социально-бытовых функций былички

Суеверен ли исполнитель былички, если он заявляет о достоверности происшествия, убеждает других, что был свидетелем встречи со сверхъестествен-

⁸⁴ П р о п п В.Я. Легенда // Русское народное поэтическое творчество. Т. II, кн. 1. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – С. 379.

⁸⁵ С о к о л о в ы Б.М. и Ю.М. Сказки и песни Белозерского края. – С. 72 № 47.

⁸⁶ Т а м ж е. – С. 224 № 122.

⁸⁷ Т а м ж е. – С. 227 № 124.

⁸⁸ К а р н а у х о в а И.В. Сказки и предания Северного края. – № 115, 116.

⁸⁹ Ч е с н о к о в Д.И. Исторический материализм. – М.: Мысль, 1965. – С. 311.

⁹⁰ М а р к с К., Э н г е л ь с Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. – С. 7.

ным существом? Дореволюционные крестьяне в своем большинстве действительно считали, что мир, где они живут, наполнен сверхъестественными «соседями», которые, якобы, могли иногда вмешиваться каким-нибудь образом в жизнь человека. Типичную атмосферу крестьянского быта, отягощенную суеверными предрассудками, очень убедительно передал В.Г. Короленко. Автор показывает, что любой факт давал пищу суеверному сознанию крестьян. Исчезает рыба в «ятрах» — леший повадился красть⁹¹, посетили кабак незнакомые бородатые мужики — всем ясно, что это «лешаки» были⁹².

Действительно, в условиях полной изолированности от медицины, от научных знаний, от общественной мысли в течение веков формировалась особая социальная психология, законам которой подчинялось сознание каждого члена этой среды. И убеждения, выработанные на основе ложных представлений, могли оказывать существенное влияние на все стороны человеческой жизни.

Но всегда ли суеверные рассказы свидетельствуют о суеверном сознании их носителей? Вот что писал Н. Е. Ончуков об одном из исполнителей быличек Савве Яковлевиче Коротких:

«...Это один из самых замечательных людей, каких я много встречал на севере. Живет в дер. Пятниной на реке Онеге и служит волостным старшиной Чекуевской волости. Человек хорошо грамотный, чрезвычайно дельный, любознательный вообще и очень интересующийся политикой. Он упорно и с толком читает газеты и великолепно в них разбирается. Я поразился его знакомством с политикой: он, например, совершенно свободно определил разницу между различными русскими партиями, хорошо понимает политическое положение вещей, и радикально, но очень трезво настроен. Простой, обходительный, милый человек, которому ни его развитость, ни положение старшины не вскружили головы»⁹³.

Но Ончукову непонятно, почему такой развитой человек с увлечением рассказывает суеверные истории, которые якобы случались с ним, и при этом старается привести как можно более убедительные доводы. Исследователь не может совместить довольно высокий культурный уровень Коротких с наивностью его веры в невероятное.

В состоянии недоумения оказывались и другие известные собиратели фольклора. Так, Д. К. Зеленин во время собирания материала в Вятской губернии встретился с интересным рассказчиком — Верхорубовым. «Несмотря на свою талантливость и интеллигентность, — сообщает Д. К. Зеленин, — Верхорубов верит в леших и разную другую чертовщину. Сказку „Леший и черти“ он считает былью, действительным происшествием, которое пережил его родной

⁹¹ Короленко В. Г. История моего современника. — М.: Художественная литература, 1965. — С. 522–524.

⁹² Там же. — С. 524.

⁹³ Северные сказки. Сборник Н. Е. Ончукова. — СПб., 1909. — С. 587.

прадед... Как примирить веру в такие нелепости с общою интеллигентностью Верхорубова, я не могу понять»⁹⁴.

Очень может быть, что эти рассказчики расходились с собирателями в эстетической оценке суеверных историй. Не случайно, видимо, Э.В. Померанцева обращает внимание на то, что Д.К. Зеленин, часто встречаясь с быличками, совершенно не описал их. Может быть, он принимал их за обычную форму проявления суеверного сознания, за простую информацию о верованиях населения и не считал их произведениями, имеющими художественную ценность? А рассказчики, даже если и не верили в абсолютную правдивость истории, в момент повествования оставались верны традиционным принципам исполнения. Они хорошо знали, что былички только тогда оказывают наибольшее эстетическое воздействие на слушателя, когда сохраняют «установку на достоверность».

Изложенные предположения можно подкрепить наблюдениями над современным исполнением быличек и отношением к ним самих исполнителей. Так, былички, рассказанные Достоваловым Петром Алексеевичем, содержат все традиционные жанровые особенности. Если попытаться по характеру записанных от него рассказов составить первое представление об исполнителе, то оно окажется примерно следующим: автор — суеверный человек, потому что он акцентирует внимание на правдоподобности невероятного события. На самом же деле такое заключение не соответствует действительности. Петр Алексеевич не верит ни в Бога, ни в нечистую силу. Он был одним из активистов колхозного движения в стране, много лет проработал в качестве председателя колхоза, затем промартели. Перед уходом на пенсию продолжительное время работал заместителем директора в одной из районных организаций г. Нерчинска.

П.А. Достовалов — замечательный рассказчик. Былички он исполняет увлеченно, иногда они разворачиваются в интересную зарисовку о крестьянском быте, о повседневных делах, в них встают перед слушателями будни человека труда, наполненные хлопотами и заботами. При исполнении быличек Петр Алексеевич весьма часто прибегает к помощи бумаги и карандаша. Это его манера объяснять (на работе его так и звали — «чертежник», потому что, даже давая задание рабочему, он рисовал план: где, что и как надо сделать). В данном же случае карандаш и бумага помогали ему лучше «воссоздать» картину происшествия. Он набрасывал план местности, подзывал свидетелей — кого-нибудь из детей или жену — справлялся, так ли «накидал» план, здесь же уточнял, как было дело, кто откуда шел и где произошла «встреча». Все это придавало рассказу «бесспорную» достоверность, по-настоящему увлекало. После рассказа он продолжал еще жить событиями истории, выказывал всем своим поведением чрезвычайное удивление, часто в пылу эмоций обращался к собирателю (который тоже давно был выведен из состояния равнодушной фиксации) с вопросом: «Ну вот как это?..» — и не допускал скучных «научных» объяснений, которые были бы просто неуместны. И как бы для большей убе-

⁹⁴ Зеленин Д.К. Великорусские сказки Вятской губернии. — С. 1–2.

дительности тут же следовала другая быличка (за один вечер от П. А. Достоевского было записано девятнадцать развернутых и содержательных историй).

Как же в подобном случае совместить несомненный атеизм рассказчика с содержанием и манерой рассказа? Если обратиться к сравнению «голых» текстов, вырванных из естественной обстановки исполнения, то ответа на вопрос не найти. Но когда мы чувствуем, что перед нами незаурядный исполнитель, нетрудно объяснить упомянутое несоответствие способностью его артистически перевоплощаться. Факт такого «перевоплощения» представляет возможность сделать важные заключения.

В главе о жанровых особенностях былички была определена ее главная социально-бытовая функция, имеющая практический характер: предупредить человека о возможной встрече со сверхъестественными существами, сообщить знание о их свойствах с целью научить, как нейтрализовать вредные действия этих существ. В то же время отмечалось, что с оформлением былички в самостоятельный жанр фольклора возрастало значение и функции эстетического характера: былички рассказывались с явной развлекательной целью. Очевидно, еще в дореволюционный период для отдельных представителей крестьянской массы развлекательная установка быличек стала иметь определяющее значение. Демонологические рассказы освещали для этих людей впечатления детства, возвращали в мир поэтических представлений родной среды, но, конечно же, не могли вернуть на позиции наивного объяснения действительности. В их устах былички сохраняли традиционную форму, манера исполнения также диктовалась традицией. Но если говорить в целом о дореволюционном периоде, то нет сомнения в преобладающем значении практической функции былички.

Вероятно, изменение социально-бытовой функции жанра фольклора — естественный процесс. Социально-бытовая функция — категория историческая, она может изменяться в связи с ростом уровня мировоззрения масс⁹⁵. Процесс переосмысления роли главных функций быличек, начавшийся в дооктябрьский период, усилился после Великой Октябрьской социалистической революции. Это явилось следствием замены старого способа производства новым. Начался процесс постепенного преобразования всех сторон социальной психологии народных масс. Вследствие этого происходят большие изменения и в жанровом составе русского фольклора. Заметно усиливается влияние одних жанров (частушка), другие все больше или окончательно теряют свое прежнее значение (заговор). Процесс увядания отдельных жанров тоже протекал по-разному. Если заговор стал быстро исчезать, то быличка до сих пор повсеместно сохраняется. Естественно, в ней усилились процессы перехода в другие

⁹⁵ Это не противоречит мысли, что можно «...теоретическое определение жанра основывать на анализе... [социально-бытовой. — В. З.] функции» (К. В. Чистов). Только необходимо иметь в виду функцию, с которой связано формирование жанра, которая характерна для него в период расцвета, и текстуальный анализ проводить на соответствующем материале.

жанры, но она бытует и в своей традиционной форме. Она не исчезла сразу, а подчинилась законам эволюции, которые протекают в ней очень своеобразно. Таким интересным явлением в данном жанре и стало все заметнее изменяющееся соотношение ее главных социально-бытовых функций. Трудно сказать, какая из них — практическая или эстетическая — стала главной сейчас, но сама тенденция эволюции жанра вполне очевидна.

Былички, сохранившие жанровое своеобразие

Любой фольклорный жанр в своей художественной форме консервативен. Уже давно исчезли факторы, определившие жанровые атрибуты волшебной сказки, но эти атрибуты и сейчас сохраняются при ней. Точно так же многие былички сохраняют свою традиционную форму. Но это отчасти связано и с тем, что отдельные представители старшего поколения еще не смогли избавиться от суеверных предрассудков. Эти люди действительно убеждены в существовании сверхъестественных существ и сил, от которых якобы во многом зависит ход человеческой жизни. Подобная вера связана обычно с причинами экономического характера, с такого рода явлениями, от которых зависит материальное положение семьи. На этой основе возникают былички о том, например, как цыганка-знахарка чудесным образом вылечила «испорченного» теленка и взбесившуюся корову.

Бытовую основу имеет и быличка, рассказанная Кореей Николаевной Евграфовой из с. Шивки Нерчинского района. Интересно, что рассказчица в начале встречи отрицала возможность чудесных происшествий, связанных с действиями сверхъестественных сил. Откликнувшись на просьбу сообщить «бывальщины», она начала с демонстрации скептического отношения к предрассудкам, стремясь найти вполне реалистические объяснения отдельным случаям. Но в процессе исполнения К. Н. Евграфова увлеклась и незаметно перешла к повествованию подлинных быличек. Ниже приводится фрагмент из цикла рассказов Кореи Николаевны в той же последовательности, как они были исполнены.

«...Раньше всему верили. У нас суседка — печка не топилась — она: „Хомут“ на печку надели!» Пошла „ладить“. „Изладила“. А ей ребята подшутили: в трубу подсолнухи, шляпы-то, набили — дым-то и валит в избу...

Раньше верили!.. Как-то на святках чушка бегала. Пришли: вот чушка бегат! А это молодой парень оболосся, бегат за нами на четвереньках. А мы убегаем.

...В Пешково одна чушкой бегала. А парни, молодежь-то тянулись по-новому... Они ее отпучкали [избили. — В. З.]. Назавтра пошли к ней: она не может встать-то. Вот так было» (1969 г.).

Некоторые рассказчики действительно испытывают стеснение при повествовании суеверных историй. Естественно, что художественная сторона рассказов проигрывает от этого. Но по мере того, как исполнитель увлекается повествованием, начинает чувствовать себя свободнее, его критическое отношение к

описываемым событиям исчезает совсем; более того, даже в рассказах, логика которых явно вызывает сомнение, сверхъестественность утверждается уже как само собой разумеющееся.

«Мы как-то в бане мылись двое с подругой, свету тогда не было. Стала на лавку обувку ставить, а там лохматый лежит! Я-то не сказала, все равно бы не поверила. Когда она сама полезла — увидела. Мы заревели и бежать» (Шестакова Д. М., 68 лет. Зап. в с. Шивки Нерчинского района в 1969 г.).

В давно ушедших событиях сейчас довольно трудно увидеть истинные причины, благодаря которым события или факты приобретают характер сверхъестественности. Почти любая быличка со временем в сознании рассказчика-свидетеля все более поэтизируется, а болезнь, недомогание, вызвавшие состояние бреда или галлюцинаций, забываются, о чем можно судить по быличке той же Шестаковой Дарьи Михайловны.

«...Замуж вышла молода. Мужик-то на покосе был. Я прилегла, уснула. Уснула, а ко мне приходит... вот прямо мой мужик-то! — и тащит с меня одеяло и подушку, а то на постель лезет. Это, девки, со мной было. Он меня, паразит, до самого свету давил! Соскакиваш и бегашь — дак его будто нету... А то на кухне посуду ломает...» (1969 г.).

Рассказы, записанные от суеверных людей, обычно лишены всякой детализации, каких-либо украшающих моментов. Они отличаются краткостью, схематичностью и будничностью. Для рассказчика совершающееся в быличках — действительно бывшее, несомненное. В процессе исполнения довольно незначительна художественная роль быличек, обычно они призваны доказать существование неведомого и таинственного мира, в котором действуют злые, равнодушные, иногда добрые сверхъестественные силы.

Появление многих быличек связано с особым, болезненным или возбужденным, состоянием человека, с тяжелыми личными переживаниями, трагическими событиями, о которых якобы его предупреждали тайные силы. Но, как правило, «вспоминают» о «предупреждении» уже после того, как постигнет человека беда.

«Мы жили в Апрелково. Была там семья. И у них две девочки умерли на одной неделе. И вот ей привиделось. Смотрит: монашка вся в белом идет, и платье пимкой застегнуто. Она выскочила — и никого нет.

А потом и померли девки» (Надежкина О. М., 72 года. Зап. в с. Назарово Шилкинского района в 1969 г.).

«...У нас (как) парню в тюрьму сесть, легла я спать. Вдруг подходит ко мне что-то и давить стало. Я и спрашиваю:

— К худу или к добру?

И тут как ветром дунет:

— К худу!

Меня ветром прямо подняло с кровати. А наутро сына в тюрьму посадили» (Маряхина Ф. А., 62 года. Зап. в с. Шивки Нерчинского района в 1969 г.).

Гораздо больший художественный интерес вызывают былички, рассказанные мастерами устной речи. В их исполнении рассказы могут приобрести

высокую выразительность. Достигается это различными приемами. Довольно часто умелый рассказчик осложняет повествование введением и описанием реалистических деталей. Иногда он использует тонкие бытовые зарисовки или обращается к описанию места происшествия, воссоздает особенности пейзажа, что помогает настроить на нужный лад аудиторию. Именно присутствие заинтересованной аудитории является стимулом к созданию художественно осложненного рассказа.

Интересно, что многие незаурядные рассказчики не верят в нечистую силу, но их былички всегда выдержаны в духе традиционного исполнения. Об одном из таких рассказчиков — Достовалове Петре Алексеевиче — выше уже было сказано. Очень интересным исполнителем (и не только быличек) является Пешков Григорий Васильевич, проживающий сейчас в г. Нерчинске. Материал о разных чудесах он черпает из впечатлений своей молодости, когда он жил в с. Верхние Ключи, работал на золотых приисках. В начале войны Григорий Васильевич ушел на фронт, где воевал в составе пехотных частей. Был тяжело ранен в легкие, вынес сложную операцию. После этого получил инвалидность (не все осколки были вынуты) и вернулся в родное Забайкалье. Пошел работать в МТС слесарем, а в 1958 г. ушел на пенсию.

Былички не единственный жанр в репертуаре Григория Васильевича, но именно им он отдает предпочтение. Внешне рассказы его очень прозаичны, будничны, реалистичны. Но вместе с этим они вызывают необычайный эмоциональный эффект у слушателей. В исполнении таких мастеров, каким является Григорий Васильевич, былички приобретают неповторимую прелесть. При этом необычайная история никогда не угнетает аудиторию, не вызывает ощущения страха, однако она настолько правдиво звучит, настолько умело рассказ построен, что совершенно исключает проявление неуместного скепсиса. Понятно, что вынутый из естественной атмосферы, лишенный тех достоинств, которые дает исполнительское мастерство, рассказ много теряет, но при всем этом текст любой былички Г. В. Пешкова способен, можно полагать, подтвердить данную здесь оценку.

«Это один друг в Газимуре на прииске мне рассказывал. Во время партизанской войны он приехал откуда-то с запада, с Чикойю, вроде. Когда Семенова изгнали, его с партизан уволили. Но, некуда деваться... „В одной деревушке, говорит, прильнул я к деду. Он мне:

— На покос поедem (жили еще одинолично тогда).

И у этого старика две лошаденки. Вот поехали. Там была у них падушка, что и заходить-то боялись: змей много было. Вот он едет туда прямо. Приехали. А я-то, гыт, не знал о змеях. А косили руками, „литовками“. Давай косить на балаган.

— Балаган сделам седни, — старик наговариват. — А потом стал я косить, смотрю: там змея ползет! там змея ползет! Я, грит, просто ужáхнулся.

— Да как же, — говорю, — дед?..

— Ты их только не задевай, не руби. Где уж нечаянно попадет, дак шут с ей, пускай не лезет.

...Вот сделали балаган, поужинали (а уж к вечеру). Спать ушли. Я мостюсь на телегу: боюсь. А он:

— Но ложись, дурак, ничё, ни одна не тронет! — Но, уговорил: „Ложись рядом со мной, никто тебя не тронет“. Ну, я, гыт, лег. Лег и уснуть не могу, верчусь. И одна все же за ногу, за большой палец укусила. Раз! — Я соскочил, как лихой-благой, заорал. Он:

— Ничё, ничё, успокойся, успокойся!

А темно, ничего не видно... Он чё-то мне пощупал, помял, почертил.

— Это, гыт, как комар укусил.

Болезнь перестало, а спать боюсь. Еле дождался утра, боюсь и все. Вот утром старик встает.

— Разжигай костер, — говорит.

А там косогорчик такой, кустарничек мелкий. Он взял ножик, пошел в кустарничек, срезал тоненькую осинку таку длиной, вот, заострил, вышел на кошенину, зачертил ей кружок и в середину воткнул эту осиночку. Теперь, я смотрю, его спрашиваю:

— Ты чё, деда, делаешь?

— Ладно, — говорит, — подожди, сам увидишь, чё будет.

И вот они, змеи эти, и поползли ото всех сторон, но — прямо как россыпь кака — катятся к этой палочке, только трава шумит! Просто я ужáхнулся, не помню, как со страху на телегу залез... А он срезал ишо жиденский таловый прутик и с ём стоит. А она, что укусила, аж как виноватая, тянется сзади. Он на нее:

— Но, подходи, подходи. Што, боишься? — на ее командует. Она остановилась. Он чё-то сделал — они все разошлись, а эта осталась. Подошел и давай ее прутиком стегать. Она вьется колесом, прискакивает, а никуды не бежит. Он ее постегал, постегал.

— Ну, ладно.

...А я чай-то повесил и забыл про него — все прогорело...

Он надрал ее.

— Ладно, ись чё-то не хочется, пойдем, покосим до чаю. — Пошли, покосили. — Но, пойдем чай пить.

Пришли, а змея обратно у колушка. Он опять этот прутик взял. Стегал, стегал. Я чай разогрел. Он приспел — мы чаю попили, ушли опять косить.

...А с обеда я уж от него удрал, от этого старика.

— Уйду, дедушка, боюсь...“» (1969 г.).

Нетрудно увидеть, что усиление эстетической функции приводит к раскрепощению былички. Если рассказы, записанные от суеверных людей, строились на одном эпизоде и отличались почти предельной краткостью изложения, то теперь рассказ получает новые возможности: он может состоять из нескольких эпизодов, связанных один с другим по смыслу, в нем могут быть использованы самые разнообразные художественные приемы, выбор которых во многом зависит от исполнителя. Свободно используются диалоги, элементы эмоционально-экспрессивной лексики, больше внимания уделяется портретным

характеристикам, выразительнее и определеннее вырисовывается облик героя-свидетеля.

В исполнении мастеров, тонко чувствующих традицию и учитывающих уровень мировоззрения слушателя, можно подметить одно из важных направлений в эволюции быличек. Оно проявляется в усложнении сюжета, в обогащении арсенала изобразительных средств, одним словом, — в усилении роли художественности в быличках. И при этом не разрушается исторически сложившаяся структура былички. Естественно, что среди дореволюционных записей тоже было немало мастерски исполненных рассказов, но сейчас можно говорить о закономерности художественного развития жанра, которое связано с изменившимся мировоззрением народных масс, явилось следствием изменения социальной роли жанра.

Об интенсивности этого процесса позволяют судить следующие факты: более половины всех текстов быличек фиксировались в хорошем художественном состоянии от исполнителей, которые в первую очередь стремились добиться эстетического воздействия на слушателей; у многих рассказчиков исполнение быличек носит не эпизодический и случайный характер — у них оформился устойчивый репертуар, о котором знает постоянная аудитория, в который включены не только автобиографические рассказы, но и услышанные от других; этот репертуар со временем расширяется, а входящие в него произведения постепенно совершенствуются.

Современные процессы эволюции быличек

Художественное обогащение быличек не единственный процесс эволюции жанра. Есть основание говорить о его разложении, а также о процессах взаимовлияния смежных жанров, которые постоянно протекают и в фольклоре, и в литературе. Вполне понятно, что эволюция быличек приобретает все более интенсивный характер. Основная причина этого — изменение общественно-экономической формации. Произошедшие перемены в культурной и духовной жизни народных масс, обусловленные господством нового способа производства, привели к неизбежным реалистическим, претендующим на объективное обоснование оценкам тех явлений быта, природы, которые раньше связывались с действиями мистических существ и сил.

Говоря о разложении жанра в наше время, исследователи в качестве аргумента обычно приводят высказывания, в которых сами носители дают объяснение подлинных причин «невероятных» случаев, положенных в основу рассказов, или выражают сомнение в вероятности происшествий. Подобные сомнения вполне объяснимы и действительно могут свидетельствовать о разрушении жанровой специфики произведения. Выше на примере рассказов К. Н. Евграфовой было показано, как произведение перестает быть быличкой при исчезновении мотива необычности. Здоровый скепсис народа давно уже проявлял себя в противовес угнетающим сознание людей предрассудкам,

и особенно сильное развитие он получил в советскую эпоху. Но едва ли верным будет принять отношение к предрассудкам за отношение к поэтическому жанру. Справедливо мнение В. П. Аникина о том, что фольклор очень рано обратил в свой существенный признак не истину, а заблуждение народного ума⁹⁶. И даже если заблуждение становилось очевидным, оставалась фольклорная традиция. Уместно по этому поводу привести мысль Р. Р. Гельгардта: «Общепризнано, что образы фантастики имеют свои истоки в реальной действительности. Но действительность включает в себя множество явлений жизни, а среди них также и искусство. Так возникает настоятельная потребность не упускать из виду художественный опыт народа, его поэтическую практику, в которых создаются традиции. От их воздействий не бывает свободным ни коллективное, ни индивидуальное творчество»⁹⁷.

И не случайно К. Н. Евграфова, увлекаясь исполнением, снова возвращалась к традиционной форме рассказа.

Вопрос соотношения скептического и поэтического начал в народном творчестве довольно сложен и пока не разработан. Но есть возможность воспользоваться некоторыми аналогиями. Известно, что исторические корни волшебной сказки, ведущих ее мотивов, находили себе питательную основу в обычаях, обрядах, верованиях наших далеких предков. Со временем эта связь была утеряна, но осколки древних обычаев, обрядов и верований остались как бы зафиксированными в различных внутренних элементах и соединениях жанра. Возможно, что образы и мотивы быличек, теряя связь с верованиями и представлениями ушедших эпох, давно получив свое жанровое оформление, тоже не скоро покинут репертуар народа. Легко предположить, что скептическое отношение к способу осмысления действительности в быличках можно было наблюдать и задолго до Великой Октябрьской социалистической революции. Как уже было замечено, подобное отношение к суеверным представлениям действительно играло роль разъедающего катализатора. И интересно, что опять же (не в противовес ли данному явлению?) появляются рассказы, «разоблачающие» скепсис. Вот один из них.

«Перед святками мужики сговорились напугать девок. Девкам один говорит:

— Идите, у амбара слушайте, кто жених будет. — Но, вот девчонки побежали слушать. Молчит, молчит... А там уже мужчина залез, его замкнули. Но, теперича, одна подходит, втора..., вот хозяйска дочь подходит, слушат. Оттуда кричит:

— На сусеке мужик переломленный лежит! — Те испугались, забегают в избу. А там знают, дескать наш мужик сидит. Потом чё-то кинулись в амбар: верно, он на сусеке лежит переломленный, мертвый, этот человек.

⁹⁶ А н и к и н В. П. Возникновение жанров в фольклоре... — С. 32.

⁹⁷ Г е л ь г а р д т Р. Р. Фантастические образы горняцких сказок и легенд (к типологической характеристике старого рабочего фольклора) // Русский фольклор. Материалы и исследования. Т. VI. — М.; Л., 1961. — С. 195.

Это вот было. У нас бабушка в Ключах рассказывала» (1968 г., от Пешкова Г. В.).

Русские и советские фольклористы указывали на возможность пополнения сказок за счет мотивов быличек, более того, рассматривали былички как первооснову, на материале которой возникали волшебные сказки⁹⁸. Этот процесс взаимовлияния жанров, естественно, в связи с коренным изменением мировоззрения народных масс заметно усилился в последние десятилетия. Произведения, сближающиеся со сказками, нетрудно выделить из быличек на основании тех особенностей, которые чужды быличкам. В то же время такие произведения не утратили полностью элементов быличек. Сравним несколько текстов, чтобы увидеть, как от варианта к варианту все отчетливее проявляется тенденция к сказке.

«На заимке была баня, там (на заимке) никто уже не жил. Девки понеслись туда ворожить... Вдруг среди ночи как ветер подует, аж дверь открылась! Заходит мужик и говорит:

— Отгадайте загадку: у кого коса три раза? — Девки смеяться стали, а в той бане случилось старику-беспризорнику ночевать, он крикнул на девок, а сам отгадал:

— Коса, что косят, коса у девушки, коса у петуха. — Мужчина ушел. Все собрали свою ворожбу и спать легли. Вдруг дверь дернуло — она открылась... Старик слез и перекрестил все углы, а потом спать опять легли» (Лайкова М. С., 75 лет. Зап. в с. Пешково Нерчинского района в 1969 г.).

Здесь отчетливы две различные традиции. Во-первых, налицо качества былички: поверье о ворожбе на святках, когда можно узнать свою судьбу, внезапное появление «нечистого», в чем не дают сомневаться обстоятельства, сопутствующие его появлению («вдруг среди ночи как ветер подует, аж дверь открылась. Заходит мужик...»). Старичок (в конце истории), перекрестив углы, избавляется от нечистой силы. Но налицо и другое, не свойственное быличке: отсутствует ссылка, в рассказе нет характера свидетельства, событие общено. Это признаки разрушения былички, вернее, ее развития от мемората к фабулату. Вместе с этим угадываются элементы волшебной сказки: мотив испытания задачей, рифмованная задача и рифмованный ответ. Явно сказочным является и образ случайного прохожего старичка, выступающего здесь в роли помощника.

Представляет интерес еще один текст, в основе которого лежит тот же быличковый мотив ворожбы на святках.

«Вот девки и молодые парни изъявили желание ворожить. Их зовут молотить, а они идут ворожить на святках. Ну, двое парней и сговорились их отбить от этой ворожбы. Один, поотчаянней, сказал:

— Ладно, я надену доху и сяду в подполье. А ты ложись на печку, но вперед приведи их.

⁹⁸ С о к о л о в ы Б.М. и Ю.М. Сказки и песни Белозерского края. — С. VII; Б а р а г Л.Г. Сказочная фантастика и народные верования. — С. 25.

Один залез в подполье, другой привел их в пустую избу. Расселись, стали слушать. Слушали, слушали — приоткрывается западня, вылезает „черт“. Садится и спрашивает:

— Девки и парни, скажите три слова в одно слово. — Они струхали, не знают, что сказать, а тот, на печке, лежит да и говорит:

— Речная коса, да бабья коса, да та коса, которой сено косят. Так ли?

— Так.

— Кошельна дуга, ведерна дуга, да та дуга, с которой сено возят. Так ли?

— Так.

Те уж совсем струхали:

— Чур с нами! Бегите!

Выбежали. А этот следом и кричит:

— Ячмень, гречмень, да гречуха!

А оне и того не чухают, в чем дело тут. Не до того... А ворожить перестали» (Рязанцева И. С., 74 года. Зап. в с. Крупянка Нерчинского района в 1966 г.).

В этой истории ощущается лишь еле уловимая связь с быличками. Она обнаруживается лишь в представлениях молодых людей, верящих еще в таинство святочных гаданий. Но нет самого важного: отсутствует момент сверхъестественности события. Отсутствуют здесь и так заметные в предыдущем произведении элементы волшебной сказки. Даже задача («скажите три слова в одно слово») теряет функцию, которую она выполняет в волшебной сказке, а приобретает характер игрового момента с рифмованным диалогом. Вместо сверхъестественного персонажа введен его «заместитель». Само произведение несет явно назидательную нагрузку, обычную для бытовой сказки.

Часто элементы былички и сказки сплавляются в очень интересный художественный материал, в котором жанровые достоинства действуют воедино. Это единство оказывается довольно гармоничным, в результате чего повествование производит сильный эстетический эффект.

«Как-то весной я поехал по дрова на конях. Одна лошадь свернула в сторону и завязла: там талица была, болото. Я провозился, вымок, вытаскал дрова, опеть склал и поехал домой. А мокрехонек весь!.. Выпряг и залез на русскую печку. И снится, будто я на своей пашне у соломы лежу. Приходят две девки — девки незнакомые — взяли меня, молодца, под ручки в середку (а я любитель), погуливаю с имя. Гулял, гулял — пробудился. Каки же девки могут быть?!

А вечером: хуже, хуже — и заболел. Напала на меня лихманка, по-сейчаснему — малярия. Вот она меня трясет, вот трясет. Стары люди мне и говорят:

— Ты иди в баню, да в каменку залезь перед тем, как тебя лихманка трепать придет. И не бойся, терпи все, что будет.

Но ладно. Я пошел, срам-то, сажу выгреб, лег, папаху в голову положил... И то ли заснул, то ли чё...

В бане дверь открылась, заходят две гражданки: в белых платьях, в тифельках белых, такие интересные, красивые... и говорят:

— Но, чё с им, подлецом, делать?! Ты видишь, куда он забрался?! В каменку. Чё с им делать?

— Давай его за ноги вытаскивать! — И поперли меня за ноги (это мне блазнится-то). Поперли! Гляжу: подтаскивают чурку, топор...

— Давай, — гыт, — ноги-то клади ему на чурку, а я их отхвачу!

Но, кого же... Я, паря, вскочил — всю каменку поднял и убежал.

Ить не выдержал — опять трясти начала. Но, ладно. Опять мой сосед, Костя Хромой, натакал.

— Ты, — гыт, — в свиное гайно [гнездо. — В. З.] ложись и соломой укройся.

А это девки наши деревенские узнали. Пришли и сяли на прясло, чё из этого будет? А я поляживаю... И извязался петух. Подбежит к голове-то, да: «Ку-куруку-у!» — страшно слушать-то, во всю плотку! Я лежал, лежал, он опять за-кукурукал, да еще взял клюнул — я как подскочил, схватил палку, хотел петуха, да девок-то чуть не сшиб... Ить вот картина получилась какая! Те захохотали:

— Чё с тобой?

— Да вот так и так, петух замучил меня.

— Да никого же не было, никого не было!

Ладно. Опять трясет, опять болею. Кто-то меня снова натакал из стариков, мол, едешь на коне, она тебя молóзить начинат, ты коня выпрягай и ложись в хомут головой.

А мы как раз боронили. Вот чувствую: начинается! Выпряг коня, хомут одел.., мошки меня кусают... Смотрю: у дороги уже вроде пшеница (а ить весна). И едут на тройке две мадамы, а из пшеницы наша же собака выскакивает — и на коней. А кони-то как полоснут — и на меня вроде!.. Я соскочил. Опять же не выдержал.

Потом пошел уж к дяде Савелию: он умел от лихоманки лечить.

— Так и так, — говорю.

— Но, пойдем.

Привел меня к яме, в ней вода, а возле столб, и на столбе нáрочки сделаны, сидеть можно.

— Залазь, — говорит.

Я залез, он ушел. А в воде-то видно меня, как в зеркале... И вот эти мадамы опять явились. Смотрят в воду:

— А вот он опять где спрятался! — ругаются. Потом одна — хлоп в воду. А я сию. Вынырнула, будто и в воде не была. Другая — хлоп! И та пуста выскочила. И сколько они ныряли не ныряли, искали не искали — ничего не нашли.

— Пускай, — говорят, — сидит там! Пропадет!

И ушли. А я сию. Гляжу: дядя Савелий идет.

— Ну пошли. Не будешь болеть.

И не стало трясти» (Колмаков Ф. Ф., 66 лет. Зап. в г. Нерчинске в 1968 г.).

Прием эгоцентризма, такой органичный для былички, в данном случае тоже очень уместен. Рассказчик ставит себя в центре повествования, сообщает имена односельчан, создает реалистические картинки крестьянского быта — все это от былички. Кроме того, очевидна и установка на достоверность истории. Однако слушатель чувствует, что весь рассказ основан на вымысле (встре-

чи с «мадамами» — «лихоманками»). Природа и характер вымысла несколько иные, чем в быличке. В данном случае мы имеем дело с фактом осознанного художественного творчества. Если былички создают особую напряженность, часто тревожно волнуют, то здесь очень сильна струя здорового и тонкого юмора, исполнитель явно стремится развеселить слушателей. Это видно и в нарочито парадоксальном изображении внешней элегантности «мадамов» и бесцеремонности их действия, грубоватости речи. Явно с целью рассмешить слушателей введен эпизод с петухом, при этом картина достигает большой силы изобразительности, динамичности при крайней лаконичности содержания.

Иногда сближение былички и сказки проявляется в традиционно сказочной форме, и произведение представляет один из вариантов известного сюжета.

«Жила одна бедная девушка. Ничего-то у нее не было: ни одежды, никого... Она пришла раз к старушке и спрашивает:

— Бабушка, как же мне богатой стать, как судьбу приворожить? Я же бедная — кому нужна? Никто меня не посватает.

— С кем дружилась-то, красавица?

— Да с купцом. Только не возьмет он меня. Играет со мной. Говорит, мол, если в ночное время на святках вычешешь горсть льну, то в жены возьму, а не вычешешь — не возьму.

— Берись девка, — бабка отвечает. — Я тебя научу, как лен чесать. Только ты и его с собой бери, жениха-то...

Вот пошла девка, жениха с собой взяла.

— Ну пойдем, лен буду чесать. На тебе Христову свечку, чтобы окрестить вокруг все. Сиди, слушай, что буду говорить.

Сама обошла вокруг бани, окрестила все свечками, вернулась и начала лен чесать...

Вот шилюкан [черт. — В. З.] явился и спрашивает:

— Что, девка, лен чешешь?

— Чешу.

— За купца выйти хочешь?

— Хочу... Чур со мной! — бросила шубу и побежала домой. И жених за ней. И ему пришлось взять ее замуж.

...Пришла к той же старухе другая девка.

— Тоже хочу богатой быть.

— Ну, ладно. Слушай. Когда пойдут к заутренней, ты возьми петуха, шило возьми, все унеси туда же, в баню, и накрой стол. Волосы распусти, оденься в белое, как невеста. Если придет жених, ты скажи: «Суженый, ряженный кто будет мой — садись со мной!». Он придет, будет спрашивать: «Пойдешь за меня?» Ты говори: «Да у меня того-то нету». — Он принесет. Проси по одной вещи, вплоть до креста.

Она так и сделала. Приходит парень.

— Что, девка, пойдешь за меня?

— Да у меня одежды-то нет.

— Каку тебе одежу?

— Платье надо.

Приносит.

— Пальто.

Принес.

— Шубу.

— Подушку.

Все постепенно принес.

— Кольца нету.

Он ушел, она петуха шилом ткнула — тот заорал. Тот и не вернулся. Все у нее осталось. Утром приходит и говорит:

— Дайте мне лошадь. Приданое надо перевезти. — Ей дали. Она привезла всякой всячины, только креста нету.

...Вот другая девка позавидовала и спрашивает у старухи:

— Как ты ее, бабушка, научила?

— Вот так и так.

Пошла, пришел жених:

— Пойдешь за меня?

— Пойду, только у меня этого нет, этого, этого нету, — все сразу сказала.

Он пошел, все принес и крест принес.

— Что, пойдешь?

— Пойду.

Он налетел, захохотал и задавил ее» (Рязанцева И. С., 74 года. Зап. в с. Крупянка Нерчинского района в 1966 г.).

С процессом освобождения народного сознания от суеверных предрассудков связано развитие былички не только в сферу сказочной фантастики. Довольно интересное явление представляет факт образования реалистических устных рассказов на материале тех же быличек. Такие рассказы В.К. Соколова назвала «псевдобыличками»⁹⁹. В «псевдобыличках» может большую роль играть построение рассказа. В некоторых из них сначала по традиции развивается мотив чудесного, даже умышленно сгущается атмосфера сверхъестественности события — и совершенно неожиданно вводится мотив разоблачения. Подобные рассказы встречаются довольно часто и отличаются высокими художественными достоинствами. Летом 1965 г. от плотника совхоза «Нерчинский» Селина В.М. была услышана история автобиографического характера. Текст ее довольно большой, поэтому можно ограничиться кратким комментированным пересказом.

Вначале автор рисует очень детальную и живописную картину возвращения бригады плотников-«калымщиков» из с. Нижние Ключи в г. Нерчинск после окончания работы на объекте. Все детали здесь совершенно необходимы, потому что впоследствии они сыграют свою роль в развитии действия («купили пять бутылок водки, четыре выпили, а одну я — на дорогу — за ошкур [пояс. — В. З.] засунул», «...по часам — время мало, а тут темнеть стало. Я смотрю: небо-то

⁹⁹ С о к о л о в а В. К. Русские исторические предания. — С. 196.

занесло, дождь вот-вот будет, и говорю ребятам: «Кака же теперь машина, никто в такую погоду не поедет. Давайте напрямик до города через сопки пойдём...»). Картина грозы, рассказ о том, как герой потерял товарищей, как пробирался по разжиженному полю в полной темноте, как обрадовался, увидев с горы огни города, и допил оставшуюся водку, переданы с большим мастерством.

При этом рассказчику удается создать настроение тревожного ожидания, которое возникло с первых же слов: «...А я ить сам видел черта, своими глазами, — рядом сидели...». Особенно эмоционально и в то же время реалистически достоверно передан эпизод, в котором герой попадает на кладбище, падает в свежевырытую могилу и, не обращая уже внимания на обрушившиеся следом комья глины, потоки воды, с ужасом обнаруживает рядом бородатую, со злобно мерцающими глазами морду черта. Убедителен ужас, подстегнувший героя так, что он «выскочил из могилы не знай уж как», прибежал в избушку кладбищенского сторожа, и тот, ничуть не удивленный, сонно потягиваясь и словно не замечая крайнего возбуждения гостя, поделился с ним собственной заботой: «Козла найти никак не могу. Не упал бы в яму?» Эта реплика превратила «страшную» быличку в несомненно реалистическое произведение другого жанра: в мастерски исполненный устный анекдотический рассказ. Исполнитель сумел воспользоваться всеми возможностями былички, почти до предела усилил ощущение тревожного ожидания «чуда» и в последний момент смог сделать так, что переполнившие слушателей эмоции выплеснулись взрывом хохота.

Иногда история о необычайном происшествии сверхъестественного характера в силу различных причин может получить большой общественный резонанс. В таком случае быличка служит сюжетной основой для появления местной л е г е н д ы. Например, в Нерчинском районе было записано несколько текстов с одинаковым сюжетом: мать увидела сон, будто через определенное время она сама отыщет под кустом (корягой) тело своей утонувшей дочери, которое долго не могли отыскать. Это была местная легенда: обычно рассказчики не могли назвать точно имен действующих лиц, указать место трагедии. Но знали легенду многие.

И вот в июле 1969 г. подобный же рассказ был записан от Прокудиной Анны Васильевны, проживающей в с. Борщовка Нерчинского района. Оказалось, она является свидетельницей события, которое легло в основу легенды. История была рассказана Анной Васильевной в форме былички. В 1954 г. она плыла в лодке с девушкой из их села. Лодка перевернулась, и спастись удалось только Прокудиной. Мать утонувшей нашла тело у берега под кустом, и потом вспомнила, что восемнадцать лет назад, когда дочери было два года, она видела во сне это происшествие во всех деталях: кто плыл с дочерью, где она нашла ее... Рассказ Анны Васильевны построен таким образом, что логика хода событий отвергает всякие сомнения. Вначале сказано о том, как мать увидела сон, а потом как бы в подтверждение его повествуется о самом случае. По форме рассказ Прокудиной заметно отличается от легенд. В исполнении очевидицы рассказ осложнен конкретными ссылками на год происшествия, точное место,

отличается детализацией, а главное — представляет собой как бы свидетельское показание, претендует на роль первоисточника.

Во многих же легендах связь с быличками улавливается через сходство мотивов. Обычно такие представления отличаются большей степенью обобщенности, часто события или явления «воспринимаются исполнителями как продолжающиеся в современности»¹⁰⁰.

«...А в другом месте, в скалах, все люди гибнут. Там парень восемнадцати лет удушился... Одна веревка сорвалась, он втору поддел и повесился. Длинный стал. Говорят, что все время люди гибнут там. И ночью в падушечке все огонек горит и горит» (Денисова Е. И., 51 год. Зап. в с. Бишигино Нерчинского района в 1969 г.).

«...Была гора высокая, со льдом. К ней никто не мог подойти. Вечером огонь загорается и горит. К этой горе все приходили и кланялись. Черт там, что ли жил, Силантием его прозвали. Каку девку захочет, утаскивает, — матери плачут, а он все равно утаскивает. Приезжали и казаки-гураны, а он все равно не допустил. До сих пор в том месте огонек горит» (Нечаева К. С., 64 года. Зап. в с. Пешково Нерчинского района в 1969 г.).

Былички не только пополняют легендарный репертуар, они сами используют элементы легенд, чаще всего в них начинают фигурировать образы святых, ангелов.

В легендах с религиозно-моралистической направленностью сильно ощущается влияние быличек назидательного характера. Например, в легенде о наказанном сыне, довольно широко распространенной в Нерчинском, Чернышевском, Сретенском, Шилкинском и других районах Читинской области, заметна связь с мотивами быличек о «неосторожном слове».

«Дело было на Пасхе. Сын жил уже в отделе от матери. На первый день Пасхи видит: мать идет к ним. А жена ему нажарила чё-то и поставила ись. Он и говорит:

— Убери сковороду-то, вон змея-то идет! — на свою, на родну мать!

Жена взяла сковородку и поставила в печку русску за заслонку. Мать зашла, посидела да и ушла. Когда ушла, он говорит:

— Ну, давай сковороду-то, я поем.

Вытащила — а на сковороде змея! И раз! — ему на шею... И обвилась. Он никак не мог снять-то ее. Только начнет — она его давит. И потом с этой же матерью ходил в Знаменку, Торгу, ходил к обедне. Мол, обет дали, чтобы за тридцать километров ходить. Чекушечка молока у него была — он змею-то поил» (Достовалова А. М., 46 лет. Зап. в г. Нерчинске в 1969 г.).

А вот другой вариант того же сюжета, записанный в с. Нижние Ключи Нерчинского района от Таратухиной Анфисы Константиновны:

«В Знаменке стояла икона Торгинская, к ней все ходили молиться и носили ее повсюду. Мы тоже ходили, маленькие еще тогда были. Там я видела мужчину

¹⁰⁰ Ч и с т о в К. В. Русские народные социально-утопические легенды, XVII–XIX вв. – С. 6.

с завязанным горлом. Говорят, что у него змея вокруг шеи обвилась, за то, что он мать свою змеей обозвал и не уважил ее. Было это в двадцать восьмом году. Вот он и ходил грехи замаливал свои» (1969 г.).

Видимо, здесь наблюдается момент становления былички на основе общеизвестной легенды, что позволяет говорить не только о переходе былички в легенду, но и о пополнении быличек за счет материала легенд.

В настоящее время продолжается также процесс жанровых взаимовлияний между быличкой и историческим преданием. В. К. Соколова приходит к выводу, что взаимодействие исторических преданий с поверьями и связанными с ними быличками происходило на почве рассказов о кладах¹⁰¹.

Среди старожилов Забайкалья все еще живы предания о времени господства в крае купцов Кандинских¹⁰², в долгу у которых было чуть не все трудовое население. Разбогатевшие на грабежах и воровстве, Кандинские не гнушались никакими средствами, лишь бы укрепить свое экономическое господство. Для этого они фабриковали фальшивые долговые книжки, драли громадные проценты. Рассказывают, что слух о крайне наглых действиях Кандинских дошел до самого Муравьева, генерал-губернатора Восточной Сибири, который и положил конец их могуществу, построенному на жестокости и обмане. Весть о крахе Кандинских казалась невероятной: забайкальцы не могли представить возможность банкротства династии. Тогда и возникло предание о том, как якобы Кандинские вывезли свои богатства за р. Шилку и в районе знаменитых Стариковых Столбов, что высятся над селом Шивки, закопали их.

Это предание возбуждало умы многих людей, которые, желая попытать счастья, бродили в россыпях Стариковых Столбов, надеясь отыскать клад. Но всех искателей легкой наживы постигла неудача. Старожилы сел Шивки, Верхние Ключи, Борщовка могут поведать немало рассказов о подобных попытках. Сейчас уже стерлись в памяти людей имена искателей клада Кандинских, и только рассказы еще бытуют, обрастая фантастическими деталями. В некоторых из таких историй говорится о том, что искатель уже напал на след клада, отыскал его, но «взять» помешала нечистая сила, которая охраняет сокровища Кандинских. Подобные рассказы, возникшие на основе исторического предания, одновременно заимствовали мотив быличек о кладах, и постепенно весь смысл рассказа стал заключаться не в передаче истории Кандинских (о них могло и не упоминаться), а в повествовании о том, как нечистая сила охраняет клад, спрятанный в утесах Стариковых Столбы.

Таким образом, бытование современной былички связано с рядом процессов, охвативших многие жанры в системе традиционного русского фольклора. Интенсивно протекают процессы, связанные с переосмыслением народного отношения к прежним верованиям. Здесь имеются в виду факты разложения былички или перехода ее в качественно иной жанровый материал. В то же вре-

¹⁰¹ Соколова В. К. Русские исторические предания. – С. 188–209.

¹⁰² Петряев Е. Д. Нерчинск. Очерки культуры прошлого. – Чита, 1959. – С. 29–31.

мя нельзя не учитывать естественные для всей системы фольклорных жанров процессы взаимовлияния, взаимообогащения.

Надо затронуть один вопрос, касающийся эволюции образов сверхъестественных существ в быличках. Можно отметить общие черты, сопутствующие тем или иным изменениям в системе образов в целом, но есть и частные, индивидуальные, связанные с отдельными персонажами.

Легко увидеть, что многие современные былички не дают четкого, строго определенного представления о внешнем своеобразии того или иного мифического персонажа. Даже в рассказах старшего поколения нетрудно заметить тенденцию к созданию обобщенного образа «нечистой силы», которая является человеку не в своем традиционном виде — с копытцами и рожками, а в виде обыкновенного мужчины («...дали соседям избушку, а соседка к нам ночевать бегала, говорила, что спать там нельзя, „чудилось“ все время. Ходил какой-то мужчина по ночам. В костюме черном, красивый. Один раз она совсем одна осталась дома. В полночь заходит мужчина, в костюме, в сапогах, и ходит взад-вперед...» Шумилова А. К., 80 лет. Зап. в с. Верхние Ключи Нерчинского района в 1969 г.).

Но есть и другая тенденция, которая представляется более перспективной. Сверхъестественные персонажи, не теряя своей индивидуальности, как бы отрываются от атмосферы угнетающих человека суеверных представлений. Они даже более конкретизируются, но в то же время приобретают такие качества, которые как бы сближают его с человеком. Леший, например, чтобы добиться своего, готов чуть ли не умолять отчаянного человека «из коммунистов», чтобы тот переменял место ночлега, ушел с его тропы: «...Вот я тебе говорю: хош двадцать метров, да уйди с этого места, с дороги!» (Дутов Ф. И.). Того же лешего обезоруживает смелость деревенских девочек: «...Ладно, девки, пожалею я вас — больно смелы, отпущу я вас» (Денисова Е. И.). Теперь эпизоды встречи с лешим передаются обычно не в мрачных тонах, не вызывают чувства трепета. И вообще былички все больше приобретают характер не страшных, а удивительных историй. В частности, с образом лешего почти не связываются трагические события, хотя быличек о нем довольно много, они появляются в немалом числе и в наши дни. Сейчас действия лешего — не более как шутки или «бытовая» необходимость, что мы видим в рассказе Пешкова Г. В.

«...А потом это тоже было. Зять у меня рассказывал, Борис. Их много тогда ходило. А у Лазени-старика была кузница под сопочкой — ковал. ...И вот они, говорит, ночью, уже часа в три (раньше ить по всей ночи ходили) ...Вот, теперича, идем, гыт, смотрим: дверь в кузницу открыта, дверь по́ла, горно́ светит!.. Но, так, говорит, молотком об наковальню звонит!! Так звонит, гыт, во-озит!! Просто как кует вроде. Нас, гыт, много, человек восемь-десять было. Сперва-то испугались. Но потом ближе идем: все звонит! Вдруг перестало все... нас много. Но, молоды, чё нам?! Кинулись — и нет ничего. Вот така штука» (1968 г.).

Так же воспринимается сейчас и домовой. Даже рассказы о самых свирепых его устремлениях не вызывают чувства страха: они также должны удивить аудиторию. «Чистая» быличка не терпит скептического юмора, но сейчас она

настраивает не более, чем на удивление необычайностью события. И сам домовый проявляет характер такого упрямого мужичка, не лишённого некоторой агрессивности: «Дэкин мне рассказывал. Это когда он еще молодой был, работали они на лесозаготовках, жили в зимовье. Но вот раз все ушли в Бянкино, а они с другим парнем остались в зимовье. Дэкин лег в одной половине, а парень — в другой.

...Вот, гыт, мы посидели, покурили. Я пошел к себе и лег. Лампа на столе горит. Газету почитал, лег на койку, вроде задремал. Вдруг, паря, кто как меня схватил!

— А-а, счас я тебя задавлю-ка!

Я — туды-сюды, туды-сюды..., думаю: Гоха хотел напугать меня. Никого нет. Потом уж говорю:

— Ты чё меня давил?

— Задавлю, — гыт, — тебя! Вот.

Теперь, дверь открыл в коридор, смотрю: Гоха спит, лампа горит. Я посмотрел на часы — время-то час. Но, ладно. Раздеюсь, сапоги снимаю, ложусь. Лег, но лампу не стал тушить. Задремал. Вот опять:

— Я тебя задавлю-ка! — и душит, придавил к койке-то.

Я, гыт, так и так, разбудился. Вроде вывернулся, встал. Никого не знаю. Дверь открыл: Гоха спит.

— Гоха! — Он, гыт, проснулся.

— Паря, знаешь како дело. Вот так и так... — Он и говорит:

— Дак ты чё? Иди сюды тогда. — И ночевали. Так, гыт, и сам не знаю, кто давил... И так на два приема» (1969 г. от Достовалова П. А.).

Если о домовом, лешем, черте можно сказать, что они заметно не потеряли своей популярности как персонажи устных народных рассказов, то о баннике, кикиморе историй остается очень мало. Видимо, это тоже связано с общей для быличек тенденцией отхода от трагических мотивов, тем более, что жизнь дает для них все меньше оснований. О кикиморе вообще забыли, и в рассказах о том, как «чудится», чаще всего персонаж не назван, а если назван, то домовый. Рассказы о баннике всегда относятся к довольно отдаленному прошлому, и это тоже имеет прямую связь с изменившимся бытом сельского населения.

Некоторые образы быличек постепенно теряют свое прежнее значение, и их роль в произведениях народного творчества все более сближается с ролью классических персонажей сказок с чудесным содержанием. Здесь уместно привести слова Л. Барага: «Когда устные рассказы о встрече падчерицы, вывезенной зимой в лес, с Морозкой были связаны с живым народным верованием, они могли иметь характер наивных рассказов. Утратив эту связь, они стали восприниматься как волшебные сказки и приобрели специфические черты их стиля»¹⁰³.

¹⁰³ Бар а г Л. Г. Сказочная фантастика и народные верования. — С. 26.

Былички и «страшилки» в среде детей

Особенным интересом пользуются былички в среде детей. Фактически все дети, опрошенные в разных районах Читинской, Иркутской областей, знают их. Это легко объяснить тем, что бытующие в среде взрослых жанры так или иначе находят отражение в репертуаре детского фольклора. Дети не только с большим интересом слушают былички, рассказываемые взрослыми, но и охотно исполняют их сами. Особенно чуткие, внимательные слушатели, как правило, являются и прекрасными исполнителями. В их пересказе многие былички сохраняют свои традиционные жанровые черты, что легко увидеть в рассказе Люды Достоваловой, 14 лет:

«Нам бабушка Бронничиха рассказывала. Она раз, говорит, у кого-то ночевала и не попросилась у „хозяина“. И ночью чувствует: кто-то ее давит. Она думает, парнишка. Да потом разбудилась — никого нету. Потом догадалась, говорит:

— Ладно-ладно, хозяин, извини меня.., — и попросилась. Он ее потом не стал давить. Проспала спокойно» (Зап. в г. Нерчинске в 1969 г.).

Дети обычно легко запоминают необычайные истории, которые связываются с именами знакомых им людей или с названиями родных мест. Но воспринимают они былички несколько иначе, чем взрослые. Для них быличка — это сказка наяву. То, что самые невероятные чудеса происходили на глазах односельчан, необычайно увлекает маленьких слушателей. Они чувствуют, что все же это не настоящие чудеса, что здесь имеется какая-то особая условность, о которой не говорят, но именно чувствуют ее. Эта условность открывает перед детьми широкие возможности для собственного творчества. Здесь очень органично соединяются принципы построения волшебной сказки и былички. Сохраняются элементы чудесного, необычайного, поражающего воображение, сохраняется характер достоверности повествования, и при этом используются мотивы и стилистические особенности сказок. Так возникают «страшилки» — что-то среднее между быличками и волшебными, а иногда и авантюрными сказками.

В страшилках могут использоваться традиционные образы быличек (ведьма, колдун, домовой, черт, мертвец). Но дети довольно свободны в выборе их всевозможных сверхъестественных превращений. Персонаж может явиться человеку в виде «гроба на двенадцати колесиках», «синих штор», «серой шали», «белой ленты», в виде руки, высунувшейся прямо из стены дома в поисках жертвы и т. п.

Страшилки бытуют и развиваются, как и любые произведения фольклора. Очень быстро они передаются из уст в уста, кочуют из села в село. Одни и те же сюжеты можно встретить как в сельской, так и в городской местности.

По функциональной направленности среди страшилок выделяются произведения, которые призваны не удивить или зачаровать слушателей, а **р а з р ы д и т ь** атмосферу жуткой фантастики, которая создается в процессе исполнения страшилок. Такие произведения, ставшие «общим местом» в циклах дет-

ских «страшных» рассказов, обычно бессюжетны. «Шел черный-пречерный корабль. На этом черном-пречерном корабле есть черная-пречерная палуба, на этой черно-пречерной палубе стоит черный-пречерный стол, на этом черном-пречерном столе стоит черный-пречерный гроб. В этом черном-пречерном гробу лежит черный-пречерный мертвец... без руки.

— Отдай мою руку!!» (Чумилин Алеша, 7 лет. Зап. в с. Калинино Нерчинского района в 1969 г.).

Последние слова выкрикиваются рассказчиком неожиданно громко. При этом он хватается кого-нибудь за плечо — слушатель бывает сильно испуган, и это неизменно вызывает смех окружающих. Но подобные страшилки могут быть и сюжетными. В таком случае берется типичный мотив о мертвеце, мстящем за кощунство. Концовка, как правило, идентична приведенной выше.

Есть основание говорить, что материал «страшных» рассказов все больше подчиняется сказочной традиции. Это выражается как в прямом использовании сказочных аксессуаров, так и в переосмыслении исхода происшествия, который все реже оказывается трагическим. Часто вводится образ «помощника». В его роли могут выступать милиционер, солдат, «радиво».

«Жили-были старик со старухой, и была у них дочь. Купили они дом (вот такой же, как у Першихи). Спать легли, угасили свет, а из подполья гроб вылез и старика схватил, в подполье упер. А на третью ночь только стал гроб вылазить, а девчонка включила радиво, а по радиво ей и говорят:

— Возьми топор, по гробу стукнешь, и он умрет!

Девочка так и сделала, и гроб умер. Она полезла в подполье и вытащила из подполья старика и старуху. И стали они жить-поживать» (Попов Володя, 11 лет. Зап. в с. Пешково Нерчинского района в 1969 г.).

Процесс разрушения специфики жанров, протекающий в фольклоре взрослых, затрагивает и произведения, бытующие среди детей. В их среде также известны рассказы разоблачительного характера — «псевдобылички».

«Одна бабушка включила радио и слышит:

— Бабушка-бабушка! Черный гроб на четырех колесиках идет к вам в дом. Прячьтесь!

Бабушка испугалась. Вдруг опять слышит:

— Бабушка-бабушка! Черный гроб на четырех колесиках у вас на пороге. Прячьтесь!

Бабушка еще больше испугалась, побежала в туалет и спряталась. Сидит, сидит — никого нету. Бабушка вылезла и слышит по радио:

— ...Мы передавали русскую народную сказку» (Луковникова Наташа, 6 лет. Зап. в Иркутске, в 1973 г.).

В других случаях вместо разоблаченной псевдофантастики предлагается не менее увлекательная авантюрная ситуация.

«Это было на севере. Был постоянный [постоялый — В. З.] двор. А туда все с большой дороги заезжали. И всегда, кто ни заедет, падали в обморок. Один ученый поехал туда с извозчиком. У него был пистолет. Извозчик ему сказал:

— Иди, пройдишь там, разогрейся.

Сам в это время подменил пистолет. Тот снова залез (в телегу), и они поехали дальше, на постоянный двор. Зашли на постоянный двор, извозчик снег отряхнул и ушел, а ученый лег спать и пистолет приготовил... В полночь открывается вдруг подполье, и оттуда поднимается гроб с человеком. Человек встал и пошел на ученого. Тот стрельнул раз, другой, третий, а на четвертый раз стрельнул, тот и говорит:

— Не надо стрелять больше.

Потом снял маску... Потом их разоблачили. Там в подполье сидели два человека, и гроб они поднимали, чтобы проезжих грабить» (Козлова Таня, 13 лет. Зап. в с. Пешково, в 1969 г.).

Исполняются былички и страшилки везде, где собираются группы детей: на чьей-либо лавочке, ночью на рыбалке, в балагане на сенокосе, но особенно благоприятное место — школьный интернат. В течение долгой зимы обмениваются по вечерам собравшиеся из разных сел ребятишки тем, что услышали дома, а то и сами сочинили.

На страницах периодической печати поднимался вопрос о вредном влиянии «страшных» рассказов на формирование детской психики (Работница. 1968. № 4, 7). Но справедливо ли отождествлять суеверия и народные былички? Достаточно вспомнить поэтические и в то же время такие житейски близкие нам гоголевские образы ведьмы Солохи, черта, чтобы увидеть возможности совершенно иной роли быличек и их персонажей. Былички популярны в среде детей. Хорошо это или плохо? Видимо, в любом случае педагоги должны уметь направлять процесс подлинно художественного восприятия подобных рассказов, от которых никуда не уйдешь, как не уйдешь от самой жизни.

* * *

Рассмотрев важнейшие особенности былички, можно сделать вывод, что это самостоятельный жанр устной народной эпической прозы. Он объединяет в себе произведения, построенные на фантастическом вымысле, имеющие характер свидетельского утверждения и исполняемые с установкой на достоверность. Вымысел в быличках выражен через образы и действия определенных сверхъестественных существ. Быличка — интересное и сложное явление духовной жизни народа. Она вобрала в себя противоречивый опыт познания мира человеком, отражая, с одной стороны, систему высоких нравственно-этических и художественных идеалов общества, а с другой — систему его наивно-религиозных понятий и представлений, которые в настоящее время в связи с развитием производительных сил успешно преодолеваются через развитие эстетических начал.

Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири^{*}

Тексты

1–76. Былички и бывальщины о духах природы

1–61. Леший

1. Я ить тоже, однако, рассказывал. В Беломестной-то, на утес-то завели его. Вот этого, Юрганова-то Николая-то тесть. Он рассказывал мне, покойник, старик. Приехал туда, чё-то разговорились. Он беломестновский. Деревня Беломестново против Знаменки, вот там он, оттуда.

Но теперь старик этот со старухой жил. У нас потом старуха эта умерла однако, Полина-то мать. Но таперь утром-то стали — но, оне тут корову держали, баран, чушек — сяли чай пить (это он все рассказывал сам мне, покойник). Старуха-то говорит:

— Дак вот, старик, сегодня пойдем, соседу-то сорок дней, сёдни велели прийти, вчера мне говорили, сегодня пойдем вот во столько.

— Но-но!

Но пока, гыт, убирали, то-друго, время выходит. Теперь старуха:

— Но ково ты ишшо?

— Но дак надо загнать там коров, то-друго, баран... Ты иди, я приду-ка... — Там, дескать, собираются же, звали — надо идти на поминки, сорок дней (тоже старик помер). — Иди, старуха, я приду.

Вот таперь, значит, ну, убрал все, эту скотину, захожу домой. Вот разделся. Помылся там, одел рубаху там, чё надо... почище — идти-то. А кисеты-то таки же были кожаные. Ну там самосадка... Трубку набил. Но счас покурю да и пойду туды. И шубы-то у их своедельски же, бараньи эти, из бараньих шкур. Но, сижую, гыт, курю. Лампа горит у меня, гыт. Но вечер уж подошел: короткий же день-то.

^{*} Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В.П. Зиновьев; Под ред. Р.П. Матвеевой. — Новосибирск: Наука, 1987. — С. 10–304; 321–373. В настоящей публикации данного сборника восстановлены отдельные фрагменты текстов, которые были купированы издательством по идеологическим соображениям.

Заходит сосед-старик:

— Здорово.

— Здорово.

— Но ты чё не идешь?

— Дак вот, паря, убирал тут скотину, да счас вот покурю да пойду.

— Но так пойдем! — Но сосед тут недалеко, ну, допустим, вот как от меня счас Буторин. — Пойдем, там ить ожидают нас.

— Дак пойдем счас. — Но, гыт, одеюсь, шубу надел, но тут недалеко. — Рукавицы-то не стал надевать я, гыт. А зима, оно холодно, короткий день.

Но, выходим. Он, гыт, вперед, этот старик. Он ишо тоже закурил со мной трубку, тоже трубку курит: хорошай, дескать, у тебя табак-то!

Но, вышли. Я, гыт, на сничку надел. Не замыкал никою избу-то. Кого, тут недалеко, через два дома. Вышли и пошли. Он идет вперед. Я за ём. Идем, разговаривам. Вот идем, идем, идем... Вроде пошли на поминки. Он тоже говорит: «Пойдем...» Вышли, и он его повел. Меня, гыт, повел этот старик (да сусед!). Идем, он вперед недалеко, на таком расстоянии вот, разговаривам. Я за ём. Шубу запахнул, руки вот сюды... Но да недалёко же тут!

И он его, значит, из Беломестновки-то вывел на Нерчу, по Нерче книзу туды провел и на утес... Там есть такой, Караськи. По речке-то, по Нерче, там есть таки перекаты — утес. И на утес-то завел его.

...Я, говорит, тоже шел, шел, но и начал падать. А там обрыв подошел, вот на таком расстоянии вот. Ишо бы шаг шагнул — и туды откос, убился бы я! Но я, гыт, шел, шел... Все идем разговариваем. И я, гыт, не помню: да это таку беду идти-то! Но и падаю. Потом говорю:

— Да ты куды идешь-то, ты пошто? Я падаю, падаю! — Раз — и его не стало, этого человека-то! Я тапериче — о-о! Я вон куды попал, на утес! Ишо бы шаг — и под утес! А туды метров двадцать или тридцать! Убился бы я!

Но, оттуда, гыт, кое-как слез, с этого утеса-то, развернулся, сюды иду: «Дак это что такое? Это как же?» Старик-то сусед был, а вон чё!

А старуха-то там побыла, на поминках, ожидали-ожидали — нету. Приходит — изба, гыт, у меня на сничке, а меня нету.

И он в третьим или в четвертым часу оттуда кое-кое-как пришел. Вот. Она:

— Дак ты где? — Прихожу, гыт, смотрю: зложено. Стукнул. Она выходит. — Дак ты где?

— Ой, не говори, давай скорее отлаживай!

Она, гыт, отложила, я, гыт, захожу-ка.

— Дак ты где был? Ты пошто на поминки-то?..

— А вот я тебе счас расскажу-ка. — Старуха:

— Ждали-ждали тебя люди-то. Нету, нету, нету. Вот мы помянули. Я прихожу домой — изба на сничке, а тебя нету.

— А вот я тебе счас расскажу. Ты когда пошла, я скотину прибрал, загнал в стаю, все. Захожу, умылся, рубаху надел, то-друго. Трубку набил закурить. Ну, думаю, пойду счас, — заходит сосед. Ну чё ты сидишь? Пойдем. И мы с им пошли. А он меня вон куды увел — на утес!

— Да ты чё говоришь?

— Ага. Вот оттуда я кое-как спустился. Падал, шел, гыт, немножко, с метру осталось, бы шагнул — и под этот утес (она тоже знат его).

— Да ты чё?

— Но, дак чё? Вот река, спустился... «Ой, дак мы куды с тобой идем?» — И человека-то не стало, соседа-то. Я, гыт, потом оглянулся, очухался: вон чё! Стою над утесом, ишо бы шаг шагнул — и убился бы. И ты бы меня не нашла. Но как понять? Вот чё, гыт, как получилось! Это беда! Куды уйти!

Вот, Беломестнов, старик. Он Беломестнов.

Она была, Поля-то, Беломестнова. Вот как? Сам, гыт, не знаю. Рассказывал сам мне.

2. Иван Павлыч Лончаков — того Афанасия-то брат, которому девяносто пять лет. Вот он рассказывал.

...Там на Пасху, ли чё ли, гуляли. Я, гыт, подпил крепко. Но и старуха-то пошла домой. Приходит, дверь отомкнула, лампу зажгла (тогда же лампы были), легла. Лампу не угасила, мол, старик-то счас придет. И он ишо поболтал у хозяйки-то. Выхожу, гыт, — тоже какой-то мужчина, не бяковский, а знакомый.

— Здорово, Иван Павлыч!

— Здорово, — говорю.

— Ты куды?

— Да домой. Старуха-то уже ушла.

— Но, пойдем, — гыт, — ко мне сидеть.

— Пойдем.

Он, гыт, вперед идет, а я за ём...

...Но и попер его по Борощовке-то [падь. — В. З.], десять километров увел.

...Я потом, гыт:

— О, Боже мой! Мы куды это? — И этого мужика не стало.

Я и отрезвел. Смотрю: я в лесу.

Вот тебе на тебе!

3. Так получилось дело. Был я председателем промартели.

В тридцать восьмом году в июле месяце, перед уборочной, мне из города звонят:

— Приезжай завтра на исполком.

Хорошо. Я из Бянкино поехал, приезжаю на фирму. Там, как Шилку передешь, в километре и молочная фирма. Но, время уже пóздне. Мне заведующий и говорит:

— Переночуй, Алексеевич.

— Да ты чё? Мне завтра на исполком.

— Отцеда доедешь. Утром поране встанешь и уедешь. А то могут тебе и волки попасть...

— Да но...

— Тогда бери собаку с собой.

Но, ладно, собака за мной побежала, еду. Время было одиннадцатый-двенадцатый час. Еду. Все светло, видно все. Сажу на телеге-то, собака бежит впереди меня. Смотрю: идет человек к перекрестку-то. И мой конь как раз на перекрестке остановился. Он подходит:

— Здравствуйте!

— Здравствуйте.

— Это куды дорога идет?

— На Нерчинск, — я говорю.

— У вас, — говорит, — закурить есть? (Но просто как человек!) Я говорю:

— Есть. — Курил самосад, вытаскиваю ему кисет, бумажку-газетку, спички, подаю. Собака тут сляла и не лает, ничё... Он закурил, подает мне и опять спрашивает:

— Так куды все-таки эта дорога-то идет?

— Так на Нерчинск. Вот, — говорю, — спуститесь здесь — будет Нижне-Ключевская фирма, а с фирмы трасса идет до самого Нерчинска.

— Ну, вот, — говорит, — покажите!

— А ково тут показывать-то?

— Покажите!

И повернулся, пошел. И я за ним следом пошел. Идем, разговариваем, он все это спрашивает... И до сейчас не могу представить, чё это приключилось?!. Хоть бы я пьяный, ли ково ли был? Самому-то удивительно... Вот идем, идем, идем... И он меня завел километров семь или восемь в сторону. Там поля были колхоза «Первое мая» — вот туды! Я запинаясь (по пахоте-то), а не вижу кочек. Потом говорю:

— Дак куды мы это идем?

Раз! — и человека не стало! Я теперь остановился, слял, закурил. Да что это такое?! И человека нету! Смотрю: а я ить вон где! На пахоте «Первое мая». Но посидел, покурил, пошел. Иду, добрался: место-то знаю. Конь как стоял, так и стоит. Приезжаю на бригаду, а время-то третий час. Бригадир удивился:

— Ты, паря, чё же это так?!

— Да вот како дело, так и так...

И до сейчас не могу понять, чё тако?

4. А тут вот бабушка Кошкариха у нас все лечила. Вот Петька Кошкарев. <...> Дак его мать вот, Шура. Да она вот сестра Наседчихи, Насти. Она со мной с одного году, токо она как-то уж постарела здорово. Ее «бабушка, бабушка» все, «Шура». И вот она лечила это вот, в общем. У меня старуха тоже болела, она лечила. Алексея — тоже вот дядька — тоже какой-то хомут ли чё ли кто-то надел. <...> И вот я прихожу, когда вот Алексей-то заболел, вечером. Она говорит:

— Не, я не пойду.

— Да ты чё, Александра Андрияновна? Ты чё? Да сходим. Вот тако дело.

— Нет, я уж боюсь.

А потом девки-то:

— Да ты чё? Это же дядя Федот. Ты чё боишься-то его?

Она потом и стала рассказывать, дескать, вот какой случай был <...> Приходит Николай Николаевич Прокудин и приглашат:

— Пойдем, у меня старуха заболела. — Прямо, гыт, Николай Николаич. Но, гыт, вот идем, идем, разговаривам. Я, гыт, говорю:

— Да как долго! (Оне там вот на углу живут, а он, Николай-то Николаич... Нет, он вот здесь жил, в Чупровском домике, счас перестроили, где Душечкин-то живет, тут он жил.)

Но и, дескать: «Да как долго?» И вот потом он гыт:

— Но, да постой! — и никого не стало. Вот я, гыт, потом смотрю — оказалось: в воде стою.

Он ее на Косой брод увел туды, значит. <...> В воду, значит, завел ее до пояса и скрылся. Вот я теперь, говорит, давай молитвы читать, читать... Смотрю: ну чё ж? Звезды, река. Куда идти? Где берег? То ли туды, то ли сюды? Вот и давай стоять. Я, гыт, простояла до свету. <...>

Вот и со мной-то идет, значит, и все время молитвы читат.

5. А потом Яша был Штормин. Вот со Столбов [название скалы у с. Шивки. — *Соб.*] его едва сняли. Вот ушел по грибы и потерялся. Вот потерялся, потерялся... Вот его искали, искали... И вот чё-то на четвертый или пятый день обнаружили, нашли вот, на Столбах, на скале. Сидит наверху. Как он туды?! Вот. Но тот опять так рассказывал:

...Попал, гыт, мне дед какой-то, дед, дескать, повел меня.

— Пойдем, я вот те натакаю грибы...

И вот, гыт, шел, шел я с ём. И он завел его на эту скалу, как-то залез он с ём, с этим дедом! И вот потом, грит, вдруг этого деда не стало. Я, гыт, гляжу: кругом скала. Никак слезти-то не могу с этой со скалы. И вот его на пяты сутки сняли. Тоже облавы делали, но и это было: в трубу — в целó — ревели, значит, его, и вот потом нашли его. Нашли, дак ить едва сняли его оттуда с этой скалы! <...> Пол-обчества выходили снимать.

6. ...Вот Гурьянов у нас старик был. Тот раз... золото мыли. Сенна́ вот эта падь. Было их человека три, наверно. А тогда было кредитно товарищество: беднякам помощь оказывали. А это кредитно товарищество было в Укурее.

И он, видимо, думал об этой помощи, ли чё ли. В яме пески там кулупал, подавал. Вдруг выскакиват! Он такой чудной был. Мы сначала-то и не поверили: но, Гурьянов заприближивал, куды-то побежал.

А к ему там в яме пришел военный человек в шинели:

— Пойдем в Укурей в кредитном товариществе деньги получать, ссуду, как бедняку тебе дают!

Вот, значит. На ём была чугушка самоткана, он и пошел. И в вершину Сенной — туды же далёко!

Оне сперва-то думают: «Но, вернется он». А он скрылся в поворот и по-

шел. Оне потом на коня, а он уж в лес, в березник ушел. А березник-то горел — он всю чугушку в саже вымазал, сам вымазался в саже. Но и попал на шивкинских — шивкински там дрова рубили тоже на прииск — он на их попал. Оне сначала-то напугались — он же весь в саже. Потом узнали:

— Дак ты куды же, Василий Иваныч?

— Дак вот, паря, пошел. Меня человек, гыт, ведет, в кредитно товарищество получать деньги, ссуду. — ...А его не стало, этого солдата.

Он тепериче, значит, что... Он гыт:

— Ребяты, куды эта дорога-то? Я вроде как заблудился, не знаю, куды идти-то.

Оне:

— Дак ты чё? Местный житель и не знашь! — Но вывели, значит, его из чащи-то. — Вот сюды вали!

Он вышел, и опять этот солдат ему:

— Да ты неладно идешь! В Укурей-то дорога вот! — И повел его. Снова. — Ты чё, забыл что ли? Кредитно товарищество... тебе деньги-то получить надо. — Он его увел к шивкинской грани, он там уже за Бога схватился — молитвы давай читать! Рассказывал. И что ты! У шивкинской грани там очнулся, одумался, сел, посмотрел: «Дак местность-то, паря, я куды же ушел? К шивкинской грани!». Но и тепериче, давай, говорит, я оттудова выбираться. Пришел.

...Дак Бога пришлось поминать.

7. Она мне племянница, Лешкова... С двумя сестренками она шла в Коровино через Даир. А от Даира до Коровино девять километров, все время лес, лес: там листвяк, осинник, всяко там багульки много — в общем, трушшоба. Вот идут они. Под хребет подошли. Встретятся им учитель Иван Васильевич (а он там не одних их водил):

— Куды вы?

— Да вот домой.

— Ху, так ить вы неладно идете. За мной идите. Я не раз тут хожу.

Они: «Ну, Иван Васильевич!» (Она ишо у него училась, учитель же он.) Пошли за им. Вот идут, идут... На сопку их завел и потом вдруг исчез. Мы, говорит, смотрим: мы в аккурат над Сергеем, девять километров от нашей деревни Сергей. Он их на этот Сергей, на большую-большую сопку, вывел и исчез. Мы: «Иван Васильевич! Иван Васильевич! (Не видели, куда он ушел-то.) Теперь мы как? Скоро ночь, а мы одни». Не видали, куда он делся. Но, поругали его. Ночью-то домой пошли. Плачут: «Вот змей, Иван-то Васильевич, нас вон куды увел да бросил!».

Ну, а он потом, этот «Иван Васильевич», мужиков сколько уводил...

[— Дак это он и был? — Соб.]

— Нет, нет не он! Под его видом...

8. ...Рюмкины Демид и Назар гуляли. Но пили-гуляли, пили-гуляли. Вдруг приходят два парня.

— Но, пойдёмте с нам! Там вина полно, ишо выпьем.

Но, они и пошли. Газимур перебрели — и сухи! Ушли, за рекой балаган.

Пришли:

— Вот тут сейчас выпивать будем!..

...Утре встали — они в Красной падушке, в сиверу, в балагане!

Вот это было. Ой, пришли, рассказывают:

— Назад-то пришлось брести, а туды сухи ушли.

Как, покуль попали — неизвестно...

9. Это я вам про своего свекра расскажу. Тогда я еще молодая была. Он, мой свекор, ездил в город горшки продавать. Поехал один раз, все не продал. Едет домой. А пьяненький был. Кум ему навстречу попадает и говорит:

— Заезжай ко мне.

Он поехал. Приехал вроде. Коня выпряг. Тепло так, а на улице зима. Он взял бутылочку, взболтал и говорит;

— Господи, благослови. — Как сказал это, смотрит: сидит он в яме, снег кругом, ветер кружит, а горшки побиты и по яме разбросаны. Он — на коня и быстрее до дому, сразу и хмель весь вышел.

10. Мы как-то на покос приехали, два соседа. Почаевали, пообедали, отдохнули. А у него было два парня.

— Ну, — говорит, — ты, отец, что-то заговорился. Идти надо чашу рубить.

Он говорит:

— Но, сходим, еще солнце-то высоко.

Но потом пошли. Тот отпарился, а этот пошел. Вот идет, вот идет. Никого нету. Подходят два человека:

— Ты куды пошел?

Он говорит:

— Да вот мы приехали на покос, нам надо за это надрать корья да сошки вырубить, как на покосе.

Они ему говорят:

— Пойдем с нами. Мы тебе нарубим, все готово будет.

Пошли. Он вперед, они позади. Вот они шли, шли. Он потом: что такое? Куды же они меня ведут? Ведь время солнцу закатываться, они куды ведут?

А он на уме-то молитву зачитал: они в ладошки зашлепали да как захохотут. Они перво-то ему дают — навроне как корье, березка. Глядит: так, корье, березка — все так. Все завязывают и бросает. А он потом молитву зачитал — зашлепали, захохотали, только дыму дали от него! А он глядит: это головешки. Он бросился домой бежать. Бежит, а солнце-то уж закатилось. Его уж потеряли. Бежит.

— Ты чё это? Ты ушел, а мы тебя дожидаем, а ты чё?

— Ой-ё-ё, чё со мной было!

11. В деревне у нас бабка была. Соберет нас, бывало, и начнет рассказывать. О себе рассказывала, будто с ней было. Собрались оне за ягодами в лес с девками. Только зашли за деревья, к ним старичок и вышел с большущей бородой и зовет к себе. А девки все ему говорят:

— А мы боимся, дедушка!

— А я не дедушка, я молодой.

А одна — Кланькой ее звали — засмеялась и к нему:

— А я не боюсь тебя.

Взял Кланьку за руку и пошел с ней, а девки все за ними. А он им говорит:

— Вы идите своей дорогой, не ходите за нами.

— Ага, а Кланьку уведешь!

— Ну ладно, вы сами отстанете.

Идут дальше. Старик с Кланькой легко идут, а у нас грязь кака-то к ногам прилипает, а он пройдет и Кланьку ведет сухой ногой. Зашли к скалам. Он сказал:

— Садитесь, а то пристали.

И повел дальше ее одну. Потом пришел и говорит нам:

— Вон видите Кланьку? Она ягод принесет.

Потом смотрим, а он идет и ягод несет. А день был.

Дал нам ягод, и у Кланьки полная корзина ягод. Он и говорит:

— Ладно, девки, пожалел я вас — больно смелы, отпущу я вас.

Идут назад. Наши ноги вязнут опять, мы запинаемся — ягода рассыпается, а Кланька идет и ничего. Вывел он нас на тропинку и пошел назад, а у него волосы распущенные, и шерстка, и хвост собачий, и одежды нету... Они думали, что приснилось, а нет. Только у Кланьки есть ягода, а у нас нет, вся рассыпалась. Прибежали к матери и говорим с ней, а она:

— Вечно вас черт водит!

Пошли с ней на то место, а там никого нет, и старика нет. А нам чудилось ведь. Вот те святой крест!.. И все шли, и ноги вязли, а Кланька ничё, идет и смеется:

— А мне не больно, а мне не больно.

12. Было это на Усть-Нариндоре. Там один парень пошел на рыбалку и припозднился, значит. Солнце село, и он поехал домой на велосипеде. А люди говорили, что на этом месте нечистый водится, вот он людей и водит.

Поехал он домой да и заблудился, хотя недалеко от дома был. Бросил велосипед, плутал, плутал. Вдруг к нему старичок подходит, седой-седой, в рваной одежде, с бородой. И говорит: «Пойдем со мной. Я тебя выведу». Потом говорит парню: «Одет ты как-то не по-христиански». Да так парень переоделся, что вся одежда задом наперед оказалась.

И вот ходят они со старичком, ходят. Парень проголодался и просит старика дать поесть. А старик тем временем вывел его на дорогу, хотя парень ее не

видит, показывает на конский помет и говорит: «Бери, ешь румяные булочки». Парень и напихал полные карманы. Так всю ночь и проблудили. А как заря стала заниматься, старик говорит: «Я к тебе каждый вечер приходить буду. Как услышишь, что бык мычит, знай — это я».

И когда этот парень очнулся, то увидел, что плутал совсем рядом с селом. Его нашли, привели домой, а он ничего не говорит, только плачет. А когда бык замычал, парень подбежал к матери и говорит ей: «Держите, держите меня!»

Бык еще несколько раз приходил. Только после того как парня заговорили, он перестал приходить.

13. Пошла я раз стог заметать, с суседкой. Иду-ка. Стала заметать, слышу: корова мычит. А у нас как раз этот, скотник, потерял корову. Я думаю: «Ой, корова-то вот-ка, потерял — она тут!» Я на горку зашла — мычит. Я туды за ней дальше — она дальше и дальше. И я сколько бежала — все мычит и мычит...

А там тогда говорили, что чудится, а я не верила. Тоже работала там и не верила. И вот сама-то испытала, что это на самом деле чудится...

И я побежала, побежала, а потом уже смекнула: о-о, дело-то неладно. Прихожу на ток, мешок забираю-ка и обратно домой повернула и ушла...

А так-то я не плутала ни разу, не видала, чтоб там где-то чудилось, ли чё ли... <...> И вот на опыте сама испытала. В войну вот это дело было...

14. Бабушка Павлиха блудила, рассказывала...

У ней два сына были, обои были в партизанах, вот в революцию. Она им по ночам ись носила. А в лесу все тропки знала она, каждый кустик знала. Мы-то ей внуки, она дедушкина сестра была. Ни в жисть никого не возьмёт по ягоды или по грузди!

— А-а, вы со мной не ходите!

Ей крестна или бабушка ли говорят:

— Да возьми ты девок-то!

— Знаешь чё, Дарья, ты лучше девок не отправляй со мной. Я все равно их брошу, а потом меня ить убьют мужики! А я ить их брошу! Я зайду в лес и их брошу! — Она прямо так и говорила.

И вот утром бабы коров гонят, а она уж прется из леса с груздями. Никово не боялась.

И вот сыновья у ей обои в партизанах были, в зимовье. Оне, конечно, там не одне, целый отряд был. Она им носила еду. А выходили-то к ей по одному, по два. У их там условно место было, какой-то был пенёк. Она на этот пенёк клала хлеб, картошку. К дедушке придет, скажет:

— Ну, братуха, дай сала или там муки. Идти надо, отнести ребятам-то. — А материлась к каждому слову. И вот она рассказывала:

Я, гыг, шла и материлась. И вот положила, значит, продукты-то и думаю: «Сяду маленько отдохну. Может, кто-нибудь выйдет». Должен Зенка выйти. Я ему:

— Ну ты чё, Зенка? Зенка-а!

Он отвечает:

— Я здесь, иди сюда, мама! — Ну, я и пошла, гыт, к ему. Иду, иду — он дальше, дальше, дальше...

И она трое суток блудила. И потом она обессилела и прервала всю одежку-то на себе. И вот по следам да по лохмотьям ее нашли. Она по чашше по такой... До того доходила — опять же матом заехала:

— Да ты что! <...> Ты куда меня водить-то будешь?! — И осталась на скале! Туда обрыв, говорит, сюда обрыв — боюсь пошевелиться! Обессилела и сидела там. Спала или уж так ли просто сидела... Ее потом на четвертый день партизаны-то по лохмотьям нашли и говорят: «Ты ково же здесь, мать, делаешь? Ты как сюды попала?» Она давай опять же материть сына-то своего: так и так, мол, ты меня завел.

— Ты что, бабка? Он совсем никуда и не уходил...

15. С дядей моим было. Родной дядя, отцов брат. У него маленько не хватало. Он все с самого начала, значит, у попа служил, ходил кадильщиком.

А у нас падь была, ну, она и счас — Шарабаниха называется — метров пять-сот. (А раньше же молотили батогами.) Вот отец его послал туда:

— Ты, Самоха, иди, батоков там сруби штук пять, шесть ли.

— Ну ладно, схожу, братуха. — Ушел, с обеда ушел.

И вот ходил, очевидно. То ли у его голова закружила... Петухи поют... Я, говорит, думаю, туда идти — к скале подхожу. Впереди женщина идет. Дескать, пойду туда. Иду, иду — женщины нет. Опять у этой скалы!

Он три оборота сделал. Батоги таскал, таскал — бросил. Измучился. Пошли его искать. Нашли: он там ходит, а выйти не может. Ково же не выйти-то?! Деревню-то видно! Повыше подняться — и видно! Но самое большое два с половиной километра от деревни. Собаки лают, петухи поют — все слышно. А выйти не мог.

16. Когда человек блудит, ему тоже кажется... Со мной такое было.

Говорят, что в Ильин день в лес ходить нельзя. Я как-то прежде шла из-за реки и заметила на островке несколько черемуховых кустиков. А на завтра Ильин день. Я утром раненько встала. Гляжу, а соседи все сидят, никто в лес не собирается и мне не советовали. Не послушала я их, побежала, о черемухе-то все время думала.

Как шла, все тропинки, дороги заметила, вот речку перешла — и к островку. А на островке-то и ягод не видно, боярка одна. Солнце уже падать стало, а я и не знаю, куда идти. Страх меня взял.

А говорят, что когда человек блудит, его нечистая сила окружает. У меня перед глазами вся Шилка, вагоны стоят, а не знаю, куда идти. А так страшно: ветер дует — ну еще страшней. Я ходила-ходила, то вперед, то взад. Солнце уж закатилось, а никак Шилку найти не могу. Уж всех святых вспомнила. Куда ни пойду — все не то.

Потом вышла в ложбиночку, смотрю: вроде моя дорога и кусты те. Подхо-

жу к ним, а червяк-то как зачакает в середине — я и отлетела! И не помню как. Она бы меня и жгнула, если бы не отскочила на бугорок. Сижу, не знаю, куда идти. Погода поднялась еще боле.

Потом я поднялась, гляжу сквозь кусты, а вдали по дороге Степан Чупров коней гонит, наверное, в ночное. Я и давай его рукой махать. Он подъехал, я и спрашиваю:

— А чё, вода-то шибко прибыла?

Он и говорит:

— Иди на мост, мост-то там, выше, не видишь что ль?

А я ведь в своем уме была, спрашивать-то боле и стыдно вроде. Уехал он, а я пошла, куда он показал, и пришла в Чапай-городок. Вон куда нечистая-то занесла! А когда домой возвратилась, бабы смеются надо мной, говорят: надо было молиться или одежду-то на леву сторону всю перевернуть, чтобы не плутать.

С тех пор больше не ходила в лес в Ильин-то день.

17. Со мной был вот такой случай. Сама не знаю, как могло случиться. У меня Вовка был грудной. Ну и утром встала я доить корову. А корова-то доилась с телянком, а так не подоишь. Я дою, значит, а соседка: «Ой, Нина, пастух уже погнался». А телянку-то надо еще пососать. Ладно, думаю, под горку прогоню и буду посматривать.

А ей надо в стадо. Я хотела ее заворотить — никак не могу. А бабка мне говорит: «Догоняй стадо, оно только за кладбище ушло. Намучишься с ней». А я совсем босиком. Она мне пальтишко дала.

Гоню, гоню ее за кладбище: дескать, корова сама найдет стадо по следам. Корова привела на поле. А стада сроду нет. Рядом сопка, гора. Я давай подниматься. Ноги все исколола. Горькими плачу. Давай смотреть с сопки, где стадо. Плачу и смотрю: стадо ходит. Ну, я погнала. Корова стала есть. А пастух-то уткнулся так и спит, видимо. Я его будить не стала.

Я по дороге-то домой пошла — и совсем в другую сторону. Смотрю: зима-вье. Никогда не было! Все равно иду дальше. Думаю, может, не видала раньше. Ну, спустилась, ручеек перешла. Смотрю: сопка, чуть не отвесная. Забралась туда. На ногах-то, на следях, живого места нет, одни кровоточины. Ой-ёй! Плачу горькими, прокляла эту корову-то. Смотрю: Апрельково!

Где-то в пять-шесть часов вечера домой пришла. Свекровь-то меня потеряла. «Баба-то, видно, спряталась у меня», — говорит.

Кое-как дорогу-то домой нашла. И что со мной было, что за затмение?! За деревней заблудилась, в трех соснах.

18. Тут у нас племянник. Он сына женил на той улице, вот на той улице, на нижней-то живет. Ну и пригласил нас на свадьбу вечером прийти. В восемь часов, говорит, приходите. А мы что-то замешкались и пошли-то где-то в девять часов. Темно уже, осенью. Но идем, разговаривам. Я говорю:

— Миша, мы вроде неправильно идем?

— Да что ты? Чего, я не знаю, где живут Бочкаревы?! (Родственники, да в одной деревне.)

Вот идем, идем... Дак долго что-то!

— Ну-ка, я зайду вот в эту избу да спрошу. — Надо мной смеется брат-то: да ты что — спрашивать? Я захожу, спрашиваю:

— Где тут Бочкаревы живут? Мы к имя...

— Да вы что?! Вы же в совхозе.

Вон он где совхоз-то! Километра два ушли.

— Дак как же нам теперь к Бочкаревым попасть?

— А вот тропинка, тут по бережку идите и прямо до них дойдете.

Вот мы идти, вот мы идти по этой тропинке. Ага — Бочкаревых нету. Смотрим: мы вон, в комхозе у мостика (я по этим... узнал). Я говорю:

— Миша, мы ж с тобой скоро на гору опять придем. Мы опять километра четыре ушли и мимо их прошли. Это же вот мостик-то в комхозе.

Он:

— О-о, иди за мной. Я теперь знаю.

Вот опять шли мы, шли. Пришли — опять нету. Да что такое?! Воротились обратно. И вот около клубу дошли, опять спрашивам — смеются:

— Да вы что, Сергеечи? (Ну, братья — Сергеечи.) Ведь вот же вы где. Вот клуб, вон там живет Бочкарев. — Мы вышли — опять не знам, куда идти. Огни там, на горе, огни сюда... И не знаю, наш дом где. Подходит жена этого... Верхотурова, зав. райфо (они нам еще родственники):

— Вы чё, Сергеечи, тут толпитесь?

— Да чё, заблудились.

Она как захохочет:

— Да ково блудить-то? Вот клуб — видите? Вон магазин, там книжный магазин, вот проулок. Идите по ему и прямо упретесь в Бочкаревых дом.

А нам, однако, уж домой надо. Чувствую: голова у меня больше и больше — вот така стаёт. И он тоже говорит:

— Вино не пил, а голова у меня, знаешь, так болит и ширится почему-то.

Смотрим, его собачонка бежит нам навстречу,

— О-о, мой Моряк! Но этот нас доведет! Значит, моя старуха там, на свадьбе. Моряк, води нас. Где бабушка?

Он у него такой славный кобелишка. Хвостом завилял, побежал и прямо туда, к Бочкаревым в ограду. Мы заходим, а там уже со столов все убрали. Два часа ночи! Вот сколько ходили, понимаешь! Два старика в деревне.

Но вот почему? Как объяснить?..

19. Здесь жил <...> Мокшин. Он вообще-то нездешний. А за ним Афанасия Дементьича племянница, и мне она крестница. И он меня все: «Крестна, крестна!» Вот тут рядом жили, за клубом-то.

Я как-то прихожу, он мне:

— Знаешь, крестна, чё сегодня со мной произошло? Мне никогда так не приходилось, никогда, и я не верю ничему!

...Сено вот здесь он косил, вот за этой горой. Стал, гыт, сметывать сено, и подъехал к нему на белой лошади Алексей Андреевич, вот здешний сосед. А его тоже Леней звали.

...Вот подъезжает ко мне и говорит: «Чё, гыт, Леня, мечешь?» — Я говорю: «Мечу» — Он говорит: «Давай закурим», — А у меня немножко осталось сена, я говорю: «Погоди, Алексей Андреич, я сейчас...»

И вот это сенцо собрал, бросил вилами, оглянулся — нету никого!

И мне, гыт, прямо так неловко стало... Я быстро собрался, вилы на плечо — и домой.

И вот я пришла, он рассказывает.

Я говорю:

— Со мной такого не бывало, я не знаю...

— Да и со мной не бывало! И я не верил ничему, а тут голос слышал, все, самого его видел. А оглянулся — нету никого! Главню, говорит: «Леня, закурим...»

20. В Бичиктуе на заимке (я был подростком) катал я гречуху. Раньше ить жнейкой сожнут гречку, и ее в балочки скатают, чтоб класть — поддеть и она не рассыпалась. Это в вершине Тарской. А кругом кусты: осинник, ерник... Поляна вышла в середине.

Катаю, уже недалеко, кончу вот-вот... До краю осталось мне пройти, и все. И вот вижу, будто на краю осинничка стоит братан мой, Антоха. Он ходил в шляпе соломенной. Стоит и чё-то мне ревет. Я ему тоже реву:

— Иди сюда!

Он мне ково-то рукой махнул — я понять не могу. Но, теперича, тороплюсь заканчивать, а он скрылся. Я быстро довертел эту гречуху, докатал и пошел туда, де он был. Давай кричать:

— Антошка! Антошка! — нету! Я туды, сюды — нету! И так не оказалось. Я потом маленько чё-то сообразил: «Неладно, видно, со мной». И пошел на зимовье. На зимовье прихожу: он даже и не ходил никуда.

21. А вот ишо такой случай был. Искали мы коней. А у нас кони раньше все в Красноярской ходили. (Тоже подросточком же был.) Тут Антошкин брат был — Кузька — постарше... А ты же знаешь, в Красноярской каки падушки: круты, глубоки — о-ё-ёй! Туды, к Ключам- то, — рассошины!

И вот я на этом бугре, а Кузя на том. И вроде бежит, чё-то ревет... Я не пойму. «Но, — думаю, — поди, коней нашли, за мной теперь отправили: надо ехать на покос». Я к нему и отправился навстречу, думаю: «Вот тут мы должны встретиться, на еланке». Дошел:

— Кузька, Кузька! — его нету.

Домой прихожу: он и не уходил никуда, дома был.

А мне вот это и представилось. Смотрю: вот просто он и бежит.

22. ...Дядя жил на Такане тут, у города. Он на моей тетке был женат, на отцовой сестре, вернее сказать. Оне раньше ить груза́ возили, си-и-льно возили груза́.

Вот они ехали, их подвод, наверно, тридцать было. И вот дорога там лесом идет. Там, в этом лесу, они все ночуют: ключ хороший. Дядя рассказывал.

Мы до ключа доходим. Воза отворачиваем в сторону — обязательно, гыт, в сторону. Отвернули, коней привязали, ужину сварили и ужинают. А тут, откуда мы ехали, луг большой! Слышим: но так идет, песни возгудат! Мы: «Что такое? Кто там, пьяный ли чё ли напился? Почто так хайлат идет?» И вот к нам подвигается... Подошел прямо-то. Лошади стоят, даже ушами не водят. Мы, гыт, посмотрели: руки у его, пальцы, как бревны, а сам, наверно, метра четыре вышиной, вот такой, гыт. Постоял, поглядел, гыт, и отправился своей дорогой. Недалеко отошел... Как гром шшелкат — шшелкнул! Подальше отошел — опять песни запел и ушел. Мы утром-то поехали: два телеграфных столба в щепки все разбил. Это уж я был очевидец, говорит.

Вроде лесной был, дьявол.

23. Была я раз в поле. Не помню, что я делала. Вдруг передо мной, прямо перед моими глазами, возник мужик. Мужик-то такой огромный, что и представить-то невозможно! У мужика-то палка была здоровая, одет он был в белую рубаху и подпоясан красным кушаком.

Это в войну было.

Ну, такого верзилу я еще не видела. Поклонился он мне, а я ему не ответила. Он плюнул мне под ноги и ушел — как его и не было.

А на том месте, где он плюнул, яма огромная образовалась. Я теперь эту яму обхожу.

24. Вот старики рассказывают, что в лесу на тропе ложиться ночевать нельзя: будто кричит кто-то, свистит, и колокольчики звенят. Дорогой едешь, ночевать на тропе будешь ладиться — хозяин выгонит. Станешь на дороге ночевать — как кто идет, свистит! А то подбежит, головешки в костре все разобьет, разбросат. Убегай лучше. Вот насколько это правда?

[— Ну а самого «хозяина» видели? — *Соб.*]

Нет. Но свист этот, потом песни поет, как соловей, на всяки голоса кричит — слышали.

Вот дедушка же рассказывал. Это в его быту. Тоже раньше, еще не было советской власти, он ишо молодой был. На охоту ходили. Чё-то на ночлег остановились, ну и... Надо было попроситься у хозяина, а один, говорит:

— Каки, — говорит, — ...тут хозяева! Я никою не верю.

Ну, старики его поругали ишо. Ладно.

...А перед этим один у них заблудился. На охоте. Они походили, постреляли и воротились ни с чем. Легли, значит, спать на этом на новом месте. Вот только легли — кто поет! Поет «малинушка-калинушка...», песню. То по-соловьиному свистит. Эти говорят:

— К нам идут. Наверно, этот (охотник-то) идет. Да опять же как он будет петь так всяко-то разно?!

А старики:

— Вот это не попросились ночевать да легли, где не надо.

Ну а потом ближе и ближе, все ближе. Старики давай отходить от дороги-то. Потом — раз! — пронеслась тройка вороных. Просвистело.., аж ветер продул.

А насколько правда это, насколько правда — не знаю.

25. Это слышал. Санча рассказывал. Там тропинка с мыска на мысок. На охоту ездили.

Один лег на тропинку, другой за тропинку. Этот уснуть не может, пинат и пинат его кто-то:

— Почему на мою дорогу лег?!

Он бился, бился — покою нету просто. Он другого будит:

— Санча, ты спишь?

— Сплю. А чё?

— Ты вот ложись на мое место, я чё-то уснуть не могу. Вот сна нету и все. Я на твоим месте, может, усну.

— Но, давай ложись, мне все равно.

Лазарь захрапел, а у Александра знику нету, пинком пинат кто-то:

— Ты чё на мою дорогу лег? Уходи! Ты на моей дороге лежишь.

А он потом и говорит:

— Лазарь, вставай, ты куда меня положил?!

— Чё?

— А вот кто-то запинал...

— А я, думаю, из-за чё ушел?!

На чужу дорогу легли. На то место легли — никого не стало. Вот кто-то же ходил.

Вот оне приехали и рассказывали:

— Вот, паря, нас напужал дак напужал! Дак ишо, гыт, как больно пинат! «Вот почему на мою дорогу лег?» А дорожка чиста, мы легли, огонек наклали. Вот это они рассказывали.

Раньше этих фокусов много было, а теперь на охоту почти и не ездят. На одну ночку уедут человека три, кабан покараулить.

26. ...Ездил ночевать он вот. Работал в аптеке, конь у него был аптекарский. И вот он ездил ночевать сюды вот, во Вьюшкову [падь. — В. З.]. Уеду, гыт. Сена там накошу. И вот один раз, гыт, запоздался. Ну, стало быть, уж на дороге ли где ли уж он его? Остановился, выпряг коня, лег. Вот, гыт, уснул, вот меня будит:

— Уйди с дороги! Отцеда уходи!

Я, гыт, думаю: «Но, да чё это... (он такой это ишшо мужик-то... не верит), но да чё?» Я, гыт, это... доху на голову, брезент... Он потом:

— Я тебе говорю, что уйди подобру.

— Да но, иди ты!.. Чё ты мне!

Он потом третий раз:

— Вот я тебе: хоть двадцать метров, да отцеда отойди, с дороги!

Я, гыт, потом-то... меня, гыт, всего затрясло. Соскочил, схватил эту телегу и под гору туды, говорит, скатил. Там лег тажно на телегу и проспал ничё.

Вот косили мы вместе, он все рассказывал: «Сроду я, гыт, никого, никаких не признавал, не боялся...»

27. А это говорят: нельзя на росстани ложиться спать! Тоже было не так давно. Это-то уже точно, я вам расскажу-ка.

Здесь жили с Усть-Курлыги Почекунины, и у них, значит, дочь училась в институте в Иркутске. И училась она — как же? — в филологическом. Вот и она куда-то ездила верхом на лошади. И, говорит, чё-то уморилась. И лошадь тут недалеко, гыт, спутала, а сама прилегла. Прилегла, говорит, и потом заснула или не заснула — подходит ко мне дедушка и говорит:

— Почему вы здесь легли?

Я говорю:

— Вот так вот... утомилась и прилегла.

— Вы встаньте отсюда, встаньте! Здесь не положено лежать!

И она, говорит, встала и потом посмотрела — никакого дедушки нету. “То ли мне приснилось, то ли чё?”

Дак, она, знаете, — до припадков, она испугалась.

А она не знала. Потом стала старухам рассказывать, ей сказали, что на росстани никогда не ложись.

28. Вот если не попросишься и на росстани дорог ляжешь — выгонит, не даст спать. Как-то Петр Сып у нас (ему восемьдесят четыре года сейчас) с дядей остановились в лесу ночевать. Дядя-то еще старше. Ну вот, остановились, коней выпрягли, на ключ сходили — тут вода недалеко была — чай сварили. Сидят, курят, разговаривают. Вдруг колокольцы забрякали! (А оне не попросились.) И вот что ты?! Поднялись, огляделись: огонь на этой стороне оказался, телега — на той. Огонь на одном месте, телега — на другом. И так чудило им, пришлось перейти на другое место.

Это уж точно. И вопше, на росстани не останавливайся, все равно сгонит.

29. Вот так же ехал, шел ли — с пьяных шаров. Вот Пановы-то тут жили, Анисья-то Дмитриевна... Ее мужик... Возле пня уснул, возле дороги. Ну и пошел кто-то, пинками его! Оглянулся — никого нет. Он соскочил да дальше побежал.

Стало быть, нельзя...

Дак, а вот я сама на тропинке спала. Слышу: меня пинком будто кто... «Ха-ха-ха!» Смех разносится дальше! Опять уснула. Потом меня легонечко — фыр-р!.. — выбросили так отудова. Я гляжу — Господи мой! — красные штаны вот так вот, тужурка, всё... — и нет никого. Но, я дай бог ноги тут! В двенадцать часов прибежала.

Мне сразу сказали: не надо на дороге спать. Вот это я знаю хорошо.

30. Это у дяди моего было. Значит, когда единолично работали, с конями ездили. Ну, едешь ночевать, откормить коней ведешь километров за десять от села, на долгу траву. И дядя мне наказывал:

— Никогда, гыт, на дороге не останавливайся ночевать! Отвори в сторону. Тут же отвори и ночуй.

— А чё, дядя?

— А вот, — говорит, — какой случай был. Ехали мы, запоздались. И остановились. Дак ить что было — и коней, и нас, гыт, перебил! Пурга така поднялась! А фактически не было ничё. И когда, гыт, все-таки разбежались все, остановилось всё это. Кто-то старше их догадался: «Неладно мы остановились — на дороге — ночевать».

И вот он это мне наказывал всегда:

— Едешь, пристигло тебя — отвори, гыт, две сажени (раньше не метры были), две сажени отвори в сторону. И разведи огонек — и ночуешь. А на дороге, гыт, Боже спаси, никогда не ложись!

Было или нет?..

31. Тоже один старик, Александром его звали. Ну, ехал. Конь хороший был у него. И, значит, что? Заблудился. Кружал, кружал до ночи и решил, значит, ночевать. Коня выпряг — ни лесу, ничё — степь, падь. Ему бы падушкой надо ехать, сюды в Чичакуй спуститься... Не попал, заплутался и всё. Но и решил ночевать. Но и лег под телегой.

Тепериче, утром-то проснулся и оказался на обрыве скалы. Он проснулся: да что такое? Телеги нет, коня нет — это как же?! Думат: «Я же под телегу ложился!»

Но и, тепери, соскочил, огляделся, думат: «Как же я не спустился под скалу-то, не оборвался?! Поворотился бы, значит, — укатился». Встал, значит, приходит — конь ходит, как ходил, телега на месте. Ну, запрег коня, поехал.

Переночевал над обрывом скалы. И не видал, гыт, никого... Ложился под телегу, а оказался на обрыве скалы.

32. Это мне Некрасов рассказывал. Поехали они по ягоду. Он ружье взял. И вот запоздались. Пришло в лесу заночевать. А в траве-то роса под утро выпадат — легли прямо на тропе. Легли, кто уснул, кто чё...

Вдруг слышим: лес трещит, да рядом! Будто деревья целы ломаются! Потом: топот, вроде идет кто. Все пососкакивали: «Чё? чё?» Я, говорит, взял ружье на руку и всю ночь простоял.

А оказалось: легли на тропинку, леший и сгонял нас.

33. А вот ребятишек одних в избе не надо оставлять, маленьких. Ефросинья была. Ее зовут гулять:

— Но хоть на минутку...

— Да ты чё? Ребенок же у меня.

А ее девчонка-то (она сейчас на сакмане работает) маленькая была. В ка-

чалке оставила ее и пошла, мол, через дорогу — будешь посматривать, далеко ли! Вино она и сейчас не пьет и раньше в рот не брала. Пошла, уважить чтоб просто. Посидела, гыт, не могу никак сидеть-то, надо идти смотреть. Побежала. Забежала в избу-то и сразу к кровати — девки-то нету! Она туды, суды — чё тако? Вылезти не могла: маленька совсем.

Гляжу, гыт, она совсем в стороне лежит. Кто вытащил? И вот я, гыт, всегда каждому говорю, что маленьких ребятишек никогда в избе одних не оставляйте. А то, гыт, нечиста сила уведет. Ладно сразу пришла, а мог бы унести.

34. Пацан, годов десяти он, наверно, был, Григорьев Харитошка. Нет, больше — лет двенадцати он был.

Вот к Ключам Нижним есть это там лесик, березник большой, дорога туды еще через хребет из Верхних в Нижни Ключи... Вот в этом лесу (он же большой был, его березник называли). Но и вот заблудился и заблудился...

Вот ходили облавой уже (он же узкий), всю же деревню выгоняли. Вечер, всю ночь ходили — нигде нету. Как провалился парень! Ни слуху ни духу. Прямо вот ходили, чуть не за руки брались, проходили по этому лесу — и не нашли его. Теперича, назавтра утром (но ходят же, свои тут родственники, все заглядывают, ходят режут там) он, паря, это... утром-то выходит. Из лесу идет, бежит еще бегом. Но, бежит... Его сразу:

— Ты где был? Тебя ревели!..

— А я, — гыт, — у дедушки Вербина был (у нас Вербин-старик был, ходил в халате, нож всегда вот такой за поясом таскал. Он кастрировал этих, ходил, жеребцов, телков...). Я, — грит, — у дедушки Вербина ночевал. У него хорошо в избе, тепло, браво, — рассказывает.

— А чем он тебя кормил? — его давай спрашивать.

— У-у, я у него не проедал. Конфеты у него, пряники — все! Вот, смотрите-ка, он мне полны карманы нагрузил пряников, конфет...

У него хватили — а у него конь г...ы в карманах оказались, полны карманы коньих г...в... У дедушки... — вот одно уверят.

35. ...Вот про Таню Касьянову... Они жили: мать, пятеро сестер. А отец умер. Колхоз был. А хлеба нет. Она пошла в контору: хоть, дескать, выписать хлеба. Никого не выписали. А она подумала про отца: «Вот отец бы был, ему бы все равно выписали». Отец вдруг появился. «Пойдем, дочка», — говорит. И увел в лес.

Она и исчезла. Долго найти не могли, с неделю... Потом нашли. А она уж облесела. Кое-как поймали.

— Где была?

— У папки, — говорит, — у него в квартире все простынями белыми затянуто.

— А ково ты ела?

— Да белый хлеб. А у меня и сейчас в кармане есть. — И вытаскивает наросты с березы, как грибки.

— Вот, — говорит, — папкин хлеб.
...И чё, и где была?..

36. В Кангиле была свадьба. Вот мать готовит к свадьбе-то, а ребяташки, известно, под руки лезут: того дай, другого... Вот она сгоряча-то и взревела на девочку:

— Да чтоб тебя леший унес в неворотимую сторону!

Да, видно, не в час и сказала.

А леший-то как тут и был.

Девочка выбежала из-за стола и побежала, а сама ревет:

— Дяденька, дожидай! Дяденька, дожидай!

Теперича, баба-то учухала (опомнилась), да и побежала за ней... И народ-то смотрит: что же это девчонка бежит. Ну, как вихрем несет! Не могут догнать. И на конях, и всяко. Кое-как догнали. Теперь, как догнали ее, смотрят: у нее полный подол ернишных шишек.

— Это, — говорит, — мне дедушка набросал, шишки-то.

37. Это тоже было по старинке. Это было в Актагучах. Праздник — то ли Петров день, то ли Троица... Теперь, старуха собирается по ягоду идти, с внучкой. А старик:

— Чтоб те леший водил. Кажный раз — все по ягоду, по ягоду!

Он ее повел. Петров день, однако, — косили... Вот он ее повел и повел. Вот она пошла, перешла с Актагучей через хребет, все идет, все идет. Теперь, вперед ее старик идет.

— Пойдем за мной! — Сук дал (что его поднять трудно было). Девке — дал. (Девка эта потом в Бурукан выходила замуж за Овчинникова.)

Вот идут, вот идут. Вышли в Боты — Боты есть там по Шилке — к покосчикам. Он их там бросил.

— Чё пришли? Откуль?

— Да вот пришли. Како-т нас, дедушка, вперед ведет и ведет. Велит: «Идите за мной!»

— А чем же вы питались?

— <...> Ково, он нам давал хлеб! — В карманы-то сунулись, а там мох! Он имя моху набил. <...>

А здесь всю станицу подняли, в Актагучах.

[— Когда это было? — *Соб.*]

— Это с революции сразу. Погоди, погоди, как бы не соврать..., не с революции. А та война-то была, в четырнадцатом году, дак вот тогда говорили, что австрийцы уводят. <...> Ну, а потом всю станицу подняли, а ее привезли ботовски через Батакан. Так вот говорили, что никогда не посылай «к черту», «к лешему».

38. В Петров день это было. Петров день бывает летом. Она пошла.

— Ну, — гыт, — старик, я пойду по земляничку. — Она взяла внученьку и пошла по земляницу. А он, старик-то, говорит:

— А-а, поведи тебя лешай!

И увел. Все грязь, все прошла. Ее уж потом на пятый или на шестой день на конях догнали. Все прошла на свете. Вот! С девочкой, с внучкой. И вышла она в Боты. В Актагучах была, а вышла в Боты. Это уж к Сретенску.

Лешай водил. А она говорила потом, что нигде не оцарапнулась. Шла, нико-во не знала. Как сёравно ветром, гыт, несло. Так и девочка с ей ходила, внучка, она ее за руку водила.

39. ...Вот стряпалися. Ну, они дети да дети! (И сейчас бывает... ну, этого-то сейчас нет...) Они хватают есть-то. Она и говорит:

— Да чтоб вас леший унес!

И их с того слова... (то ли момент какой подходит, или ково ли?) и — раз! — в окошко! Как их свистнуло туды, ветром! Они — за окошко. Да знашь, где поймали? В Тайнэ. В Чорон убежали, вот где их поймали.

Они бегут, прискакивают. На конях бежали за имя. Поймали. Это же сами матери... Они говорят:

— Какой-то дяденька с нами бежит.

Но мать же сказала это — и всё!

40. А у нас опять Кешу-то, парняшку уж большого, водил. Он пошел в вос-кресенье рубить прутья, делать колошу — рыбу ловить. А мать-то:

— Тебя чё лешай таскат! Ты бы наелся да пошел потом. Утащить тебя не может! — Мамы-то всяки были.

И вот он ушел, и ушел, и ушел. Он ушел не туды, а в хребет. И в хребте жил там. С дяденькой там ходил. Красну ягоду ели да грибочки жарили, да всяку штуку.

Его искали-искали — весь мир! До Актагучей доходили, станица вся искала!

Потом этот Кешенька (он его бросил), он сидит на валежине и не знат, куда идти. А дядя-то родной его говорит:

— Я поеду искать Кешку. Чё-то я видел во сне интересно.

Иван, отец-то, говорит:

— Седлай коня да и вали. — Он поехал.

Поехал в лес-то, видит: Кеша сидит на валежине. Он подъехал и на него крестик надел.

— А ты кого, — говорит, — дядя ищешь?

— Да тебя, Кеша, садись, поедem. А мы тебя потеряли.

— Э-э, я вчера ушел, седни уж вы ищите! — Вот как оно было!

— А ты с кем ходил?

— С дядей. Мы питались с ём.

Он его кормил. Ране ить вот старухи всё говорили, что без благословесь крыночку не поставишь, а то уташшит.

41. А парнишка тоже... Вот это-то болото тамака, в Закаменной. Но отец ему говорит:

— Ты иди кобылу имай, Рыжуху. — Он пошел. Но, бегат, ее там, Рыжуху, гонят. Отец:

— Но, куда-то леший увел — все-то нету! — Вот какие слова-то интересны! И он вон туды, в Богдаты, ушел — всё Рыжуху гонят! Теперь, в Богдаты-то туды ране все бумажки рассылали, телефону же не было. Послали туды бумажку: «Если только увидите, то задержите как-нибудь».

И вот баба идет за водой. Он кобылу гонят. Гонял-гонял и к бабе-то как-то явился.

— Ты ково же, батюшка, ходишь?

— Кобылу поймать не могу.

— Пойдем к нам. Почаюешь, отдохнешь, потом поймаешь ее. <...> — Перекрестила его и увела. А это кака же кобыла? Это он и блазнился. Ладно, что увела, а то бы и счас гонял эту «кобылу».

Было, было много всяких чудес.

42. А у нас потом парень пошел в девятую пятницу. Вот это при моей жизни... У нас в Закаменной было. Большой парень. Тума-ан, туман!.. А у нас там девятая пятница была — престол — народ съезжался.

А у их была кобыла с жеребенком. А мать-то блины пекла (и вот тоже как тут было слово-то...). Он собирается эту кобылу поймать да привести. <...>

— Я, — гыт, — мама, пойду кобылу-то приведу.

Она и говорит:

— Ой-ё-ёй, Ванюшка, ты куда же? Экой туман — ты заблудися.

И он, верно, ушел и заблудился. И вот тебе и гулянка собралась, вот тебе и народ — его нету и нету. И назавтра нет.

На семей день его нашли. А кобыла утром пришла, они ее загнали. Он семь дён ходил — кобыла все возле его была, гыт. А ел кого? Ягоду, брусницу, ел. Ну, а в девятую пятницу кака брусница?

— Я, — гыт, — пока там был, и она со мной. Я лягу спать — она со мной ляжет. Вот это же беда-то (не к нам сказано), кобыла!..

Ну, его потом на семей день изловили. Тоже благовестили, все делали там, в церкви, всем народом искали, батакáнски, луговский — весь народ искали. Потом его нашли, он на пеньке навалился вот так, стоит. Ну, его тут народом окружили, поймали. Он одик: чё же, семь дён не ел нико́во. Он ково ел? Г...ы рази.

Ну, и потом год прожил только: исчах, исчах, исчах...

Вот эта беда-то уж бывала.

43. Бабушка мне рассказывала. Ее отца — когда он был маленький — не любила мачеха. Коней как-то надо было вести на пойло, а он рано не хотел вставать. А мачеха и говорит: «Леший бы его убил».

Повел он коней — и нет его. Его день ищут, второй — нету. Это было весной. И молебны отслужили. Уже целая неделя прошла. (А с им была собачка. Он спал в амбаре, и собачка с ним: мачеха-то его в избу не пускала.)

После молебны пошли белковать: где-то у Бушулея крутой утес... и он си-

дит на самой отвесной скале, и рядом собачка. Стали думать, как его взять. Ребенок-то совсем одичал. Обошли его сзади, растянули все одежды, чтобы уж если упал, то не разбился. Все же взяли его.

Его одна бурятка лечила. А он и не разговаривал совсем. Потом стал отходить. Стали его спрашивать, а он говорит: «Со мной мама моя была». А за пазухой у него нашли конское г... и губу. Он говорит: «Мы с мамой ходили, она давала мне масло и хлеб. Жучка маму не любила, никак не давала мне с мамой спать. Когда молебен отслужили, я увидел, что у нее конские ноги, хотел спросить, а она мне говорит: «Вот тебе масло и хлеб, ты со мной больше не ходи, отец запретил...»

Люди старые говорят, что его леший водил.

44. Мать осердилася на сына, ето... ну и говорит:

— Черт бы тебя утащил, — говорит, — паразита эдакого! — Но и он пропал, парнишка-то. Нету, нету, нету. Ночь нету, две нету. Но, раньше молебен служили, там на икону пообещают плат, ково ли, чтобы, значит, он пришел, этот парнишка, живой он, мертвый ли.

Но и потом оне утром встали, это уж на третий день, и увидел отец: он на крыше, на коньке, сидит, на избе. Отец-то думат, если закричать, он упадет и убьется. Что делать?

Но, лестницу принес, потихонечку полез и снял. Взял когда, домой привел, спрашивают:

— Ну, сынок, ты где был?

— А вот, папа, я где был... Меня дяденька водил все. О-о-о... Мы, знашь, папа, где ходили? Мы ходили по лесу, по верхушкам! По верхушкам он меня все водил, по верхушкам. А потом, — говорит, — посадил он меня дома на крышу и сам ушел куда-то.

45. Вьюшкова была одна, бабуся. Это с ей по молодости было. Пришла она с поля и пошла за телятами. Навстречу кум. Она ему:

— Подвез бы ты меня до леса. Телят ищу.

— Садись, кума.

Она села и сорок дён проездила.

Пропала и пропала. Уж на мужика грешить стали, не убил ли: оне с ём шибко худо жили.

И вот как-то одна бабушка молола гречуху на мельнице, видит: собака бегат, а глаза у нее разным огням горят. И вроде в дом этой бабы, котора потерялась-то, забежала.

Старуха к попу. Тот давай молебен служить, икону подымать. Потом сделал святу воду и избу эту окропил.

Когда дверь открыли, увидели: эта баба вничь лежит. Потом отошла. Три дни не разговаривала, а потом рассказала.

— Я, — говорит, — у лесного и жила. Он водил меня. А потом собакой сделал и отпустил. Я прибежала, — говорит, — в деревню, к маме в кухню

заскочила. А мама заругалась: «Каку тут собаку черт привязал!» — Меня сковородником ударила. Она шибко ругалась и — ишо в девках я была — как-то по-страшному, вроде «леший заberi», меня выругала.

Вот лесной ее и водил.

46. ...Это было там же в Ботах. Это еще в казаках они служили — Вьюшковы. Их было четыре брата. И вот как раз им пришлось на службу идти: один еще не пришел — второго взяли. Потом третьего и четвертого взяли. А раньше опекунов ставили над хозяйкой-то. Но, из своих же из кого-то. Но, значит, их-го старика брата взяли опекуном:

— Вот, помогай хозяйке. Может, чё ей не хватат, помочь вот так. Заболет ли чё ли.

Но он наблюдал, всё, наблюдал. Потом приходит — а где же она? Нету. Снова приходит — где? Нету. Вот тебе назавтра нет, вот тебе на послезавтра нет! Шумиха поднялась. Атамана подняли: «Вот человек-то потерялся, а ты, опекун, отвечай!» — Старика-то приперли: «Давай! Ну, и что ходить?»

И только на восемнадцатый день (там дальше в Ботах перелески были на полянах, не расчищено все было) кто-то увидал: из перелеска в перелесок пробежал человек. Давай догонять, всем селом ить бросились! Едва ее поймали. Поймали ее, привели домой. Давай разбираться, в чем дело.

Она когда в чувства вошла в свои — чё же, восемнадцать дней где-то бродила же! — и давай рассказывать:

— Я была дома...

А дом ее родителей был за сорок километров. Она оттуда была взята вза-муж-то. А когда она шла за него, ее мать кляла, гыт. Каки-то против были клят-вы.

...Но и вот, что же. Она давай рассказывать:

— Я была дома. Там похоронили бабушку, собрались все, а меня, гыт, выгнали. Я пришла, меня выгнали.

Там стали допытываться, им говорят:

— Кака-то собака <...> в это время забегала в избу. Выгнали ее, точно.

Вот это факт. Старики-то нам еще сродственники были. Да мы потом даже внучонка ее «лесным» звали:

— Ты же «лесной». У тебя бабушку-то ить лесной водил.

В чем дело это было?..

47. А у нас ишо вот, девчонки, какой случай был. Родня наша в Ботах. У нас моего-то отца мать с Ботов, ботовская, Вьюшкова была. И вот, значить, двоюродный брат моему-то отцу женился, а ее из-за хребта взял, жену-то (там «захребет» в Ботах-то называется), из-за хребта она была.

А раньше не было этого, чтоб поженилися да стало плохо, между молодыми плохо чё-то: и вот они разбегаться — не было этого. Уж как ни плохо — все равно жить надо, жили. И вот они с мужем чё-то не поладили, стали плохо жить. Да вот ишо тоже говорили, что разлаживали жись у молодых, ежли друж-

но живут. Таки худы люди были каки-то: вот на них чё-то наделают, они потом друг друга ненавидят. Да у нас здесь было, рассказывали, портили всё. И вот я расскажу вам про эту бабушку.

И вот как оне стали плохо-то жить, она стала думать, что я утоплюсь, или в лес уйду, заблужусь, или удушусь — жена его (а детей ишо не было. А свекор, свекровка у ей были...).

И в сенокос. Мужики были на покосе, а она испекла хлеб. А у их, значит, вот дверь откроешь — и сразу амбар был. А свекровка-то... Раньше же в Бога веровали... Она в амбар-то только дверь открыла да хотела шагнуть туды с калачами. <...> Только шагнула в дверь-то — на вороном коне брат приехал к ей. И говорит:

— Чё, — говорит, — тебя, сестра, плохо держат? Садись, поедem со мной.

— А я, — говорит, — куда хлеб-то?

— Да толкай тут. — Она вот так сунула в амбар-то и вышла, и сразу очутилась на коне с ём. На коне и поехали. И вот где они ездят, он из Ботов ее никуда не увозил. Целый месяц она с ём проездила. Дак она начнет как рассказывать — плачет. Там же, в этой деревне, в Ботах.

[А видели их? — *Соб.*]

Их не видели, а вот вихрь видели. Вихрь, говорит, завьет, землю-то завиват, вихрь пролетит. И вот она узнала: Максим Русин шел. У их елань там, в Ботах-то, а он этой еланью-то шел. А мы мимо его, говорит, на коне-то как пролетели, его фуражка слетела и покатилаь, а он, говорит, за ей, да с матерщиной. А брат-то, говорит, так и захохотал на коне-то.

И вот, говорит, куды ни возит — ночью окажусь в соломе. Только вздумаю куда идти — пути не знаю. А его нету, он, говорит, от меня уедет. Нету, одна. А днем-то вот только стоит вздумать, что рассветат, да я пойду — он тут. И опять, говорит, едем. И обедали в Ботах же, в одной избе обедали. Ребятишек много, и матери этих ребятишек посадят: «О леший, черт, ешь!» Я, говорит, ишо у дверей, а он уж за столом, брат-то. А его не видят, семья-то. Стало быть, не видят. И вот она говорит: «Ребятишек за столом никогда не ругайте по-страшному». Она приезжала, помню, сюды в гости и рассказывала.

А потом получилось вот чё: оне когда туды съездили, там ее нету-ка — человек потерялся. Где она? Не стало. А раньше-то попы были. Церква эта, Богу-то веровали. Оне сразу — попа, в церкву: стали молебен про нее служить, что потерялася. Оне уже думают, что ее нету.

А он, брат-то, ее не стал любить. «Фу, — говорит, — от тебя пахнет ладаном». Меня, говорит, не стал любить-то. И вот, — говорит, — ела я белый хлеб. А в кармашке-то потом, когда он ее привез обратно, то у ей в кармашке конский шевяк был. <...>

Он ее утром взял, а привез-то ночью в тот же час: в который час увез, в тот же час привез. В сени затолкнул — и не стало никого. И она потом, говорит, в сенях-то шарится. <...> Невестка выскочила: в сенях она. «Ой, — говорит, — это Анна». Свекровка-то сразу с иконы распятычко, иконочку стащила и на ее

надела, и занесли ее в избу-то. Она уже это, не помнила ничё, без памяти была, а потом очнулася. Начала рассказывать, где была. <...>

А брат дома, совсем ничё не знат живет. Она рассказывала, что на вороном коне ездила с братом. А он куда? Брат никуда не ездил... Они же ее потеряли.

А вот, говорят, что думать тоже не надо, вот будет чё-нибудь плохо, ну вот: я то сделаю над собой, да друго сделаю... От этого получилось ей. Тоже, говорят, нечиста сила вот эта раньше... <...>

А потом они дожили, детей сколько наростили, и дети выросли, все. Жить мирно стали, он потом не стал ее притеснять-то.

48. Одна взамуж ушла в Боты. Отец-то ее клял за это, ругал, что ушла взамуж молодая.

Она пошла по воду. А там в Ботах-то, значит, Шилка идет (я там жила долго). А от нас опеть река, по ней стоят мельницы. Она пришла к этой мельнице, начерпала воды-то и по лавам перешла. Перешла и пошла, к нам сюды она пошла. А чё же? К нам пятьдесят километров, к Батакану!

Вот шла и шла, шла и шла, <...> а ее мужик какой-то ведет.

Тепериче, дома ее искать взялись. Нету. Там уже сенокос пошел. <...>

Он водил, водил ее, по деревням водил.

А ране молебны служили. Теперь, говорит, когда пошли служить за деревню, а мы, гыт, сидели на повети у брата. Теперь, ковды проходили, она, говорит, с братки Вани сдернула картуз. Сдернула ковды, пронесли икону, и я, гыт, — домой. А он, гыт, остался на повети. Не пошел со мной.

— Ты, — говорит, — прокисла. От тебя кисельно несет. — А это ковды молебен стали служить, он ее ругать и начал.

Она домой-то пришла — замок. Бабы-то все ушли с иконой. И под замок как-то попала, в сени, и легла.

Одна-то заходит — да напугалась. Дескать, вот сколь время ее нет, а тут взялась! Побегала, думат, ей поблазнило. Да народу-то чё!..

Я еще была небольшая, тоже ходила смотреть.

Он ее два месяца водил. Кормил, он ей булки притаскивал, кринки с молоком притаскивал. Стало быть, не благословесь оставляли.

Вот чё было!

49. Бывало это, те года бывало. Вот водили в лесу. Это у нас тетка Груня говорила.

Погнала мать коров прогонять, а с ей семи лет девчонка связалась, привязалась, своя же дочь. Вот чё хошь!.. Она ее дома оставляют — она никак. Она жгнула ее по спине:

— Чтоб тебя леший увел! <...>

И потом она, эта девчонка, выскочила вперед ее и пошла, и пошла, и пошла — и ушла. И она потом ее не могла догнать. Семей же год ребенку... И вот потом ее искали трое сутки, на четверты сутки ее нашли, изловили где-то эту девчонку... Ну, она чё? Семи годов — она все знат.

А у их парнишка был, ее брат, Ванька. А дул ветер — вихоря-то бывают — ветер вихорил: с его картуз слетел, с этого Ваньки. Не нашли ее — она на четвертый день-то сама пришла домой, на крыльце оказалась! Вся измята... Она потом и говорит:

— Вот, братка Ваня, ты помнишь, как я с тебя картуз-то сбросила?

А вихорь сбросил.

Потом она умерла: три дня проходила, на четвертый умерла: ну, вся изжужлькана же была. Тажно же молебен служили в церквах-то. Вот молебен-то, видно, служили — он ее бросил. А издавил. (Не к нам сказано.)

Вот это тоже было. Было, это все было.

50. Была девкой... Парень у соседей был. Все черемку брали, и он захотел пойти. Мать не пускает, а он просится. Ну и мать с простой души:

— Да води тебя леший! — И ушел, а тут его и день нету, и второй нету. На третий день нашли котелок на пне. На другой год попадают навстречу дяде и говорит:

— Дай закурить, у меня табаку нету, — а потом кисет оставил и говорит, — ты купишь еще, а у меня денег нет. Передай привет матери.

Мать и обедню в церкви отслужила. И у пня отслужила.

Опять попал какому-то мужику навстречу:

— Пускай мать молока поставит на полку.

Утром крынка перевернута, значит, съел. Опять попал навстречу... А тут брат женится, вот ему и говорят:

— Свадьба у вас скоро.

А он:

— Вот и попляшем. Только пусть мать стакан водки поставит на брус.

И на свадьбе не столько на молодых глядели, сколько на стакан. Глядят: стакан опрокинутый, а его и не видали.

На третий день встретился:

— Передайте, — говорит, — матери привет, а я теперь отсюда уезжаю за большие гора.

51. Сват мой с женой своей Александрешкой хорошо жили. Да надоело им на поле ездить. Решили зимовье срубить. Сват оклад уж обложил, глядь: собаки залаяли. И свистит кто-то. Пригляделся: идет незнакомый человек и спрашивает:

— Ты что здесь делаешь?

— Хочу зимовье срубить.

— Не у места ты зимовьюшку начал. — Сказал так да и как в воду канул.

Сват не стал здесь оставаться, ушел домой. А как вернулся, глядит: на оклад лесень упала. Не ушел бы — самого задавило!

52. ...Конюха нашего колхозного Сережу Бочкарева увел...

Утром надо пахать (я ишо в колхозе был) — не гонит конюх коней и все. Что такое? Побежали искать; кони, значит... ходит табун, Сереги нету.

Потом с Даира (где девчонки-то шли) заказывают: ваш пастух здесь с ума сошел. Надо же! Поехали, он там сидит и орет:

— Волки-то, волки! Иван Васильевич, стреляй!

Его спрашивают:

— Да какой Иван Васильевич?

— Да вот учитель глининский. Он же мне ишо сродный, свояк. Мы с ём отбивались от волков. Он меня сюды увел, а то бы съели.

Он потом, однако, с полмесяца кричал «волки!» да «Ивана Васильевича». Кое-как его направили: лечили, да старухи ладили.

...Так на коне он уехал. Он, гыт, на своем Рыжке, и я на своем лохмаче. И вот уехали туды в Даир, а то бы нас волки съели.

Спрашивают его:

— А конь где?

— Дак волки, наверно, съели.

Он ему волков показал и сам показался...

Вот каки бабенки оттуда пойдут, с Шивьи через Даир, как этот хребет перейдут — заплутают, ведет их.

И все «Иван Васильевич».

53. В Знаменке... Его, значит, звали Чапом, старика. Он работал в церкви. Свечки, ли чё ли, зажигал.

Ну, теперя, он пошел куды-то, а человек ему бежит встречу:

— Ну, здравствуй.

— Здравствуй.

— Вот я, — говорит, — ишшу крестного. Встрешного-поперешного надо мне.

— Но ладно. А когда крестить-то?

— Так завтра, — говорит.

Ладно. Он согласился. Теперь, этот старик, чтоб поране ему встать, в сени лег спать-то. А ночью ему явился этот мужик, который его будто звал в кумовья-то.

— Ну, ты какого черта спишь-то? Вставай, — говорит, — скоро попа привезут, там уж налаживаются, ждут. Пойдем.

Старик тот живо собрался. Чё у него было принесёно, оделся. Пошли. Вот идут, идут. А здесь есть такая падь, называется Речка. Но, он его ведет, а тот никою не замечат, что лес, что темно. А все ему гладко, как будто идут, куда надо. Вот приводит его на такую скалу.

— Ну, садись, куманек, вот на кровать.

Он смотрит: там женщины бегают, копошатся. Как будто их, всех как будто он знает. Попа ждут, дескать, вот скоро должон. Ну и вот он сидит.

А он его посадил на утес, а туды обрыв. Он это ничё не поймет: как бы туды шагнул, так и убился. А он посиживает. Теперь, все заглядывают этот кум-то, с ём разговариват.

— Вот, — говорит, — кум, я тебе подарю трубочку. — Притащил трубочку ему. Ну, он ее взял, в карман положил. Положил, да все сидит да смотрит: да что тако-то, попа-то все-то нету. Да говорит:

— О, Господи, да где же это он все-таки?

Только сказал «Господи» — никого не стало: ни дома, ни людей. А сидит вот на утесе, только упасть, мол. А уж стало светать. Светло будто. Он тажно едва выбрался. И домой-то пришел не раньше, как вот сейчас (раньше говорили: паужина). Ну, сейчас как, пять часов. Пришел. Порвал этот халатчик свой, одежду. Пришел домой, а там уж на крестинах люди-то. И вот он туды пришел. И вот рассказывает: «Тако дело приключилось. Меня кум-то увел принимать крестника, и я попал, говорит, на утес. Привел и посадил на койку. Разговариват. Женщины наши как бегают, разговаривают. А попа не было. Вот сказал, говорит, „о Господи“ и оказался на утесе. Сижу, и ножки весят. И вот слез и пришел. Кум-то мне трубочку подарил». Вытащил лиственный сучок.

Ну это все быль была, а не сказка.

54. ...Со Знаменки, Калей, Калеев фамилия его, Андрей Егорыч. И вот рассказывал. У них один все... но, кумом его все ставили. И вот он чё-то у многих принимал ребят. И приходит к нему этот самый — кто уж? — нечистый, черт ли, кто ли он? И вот говорит:

— Но, чё же, Андрей (там развеличал его) Егорыч, у меня опять родила жена-то. Пойдем, прими его ишо уж! <...>

— Но, пойдем.

Вот идем, идем, разговаривам с ём. Но Знаменка — деревня-то кака долга. Идем, да, дескать, да что такое? — долго ... А он его не сюды, а через реку (зимой было) перевел да на скалу посадил...

Потом пришли, гыт, это домой, всё:

— Но, садись, кум. Вот стул. — Смотрю это. Кума тут и ребятишки. — Садись, — гыт, — вот на стул-то. — Стул-то мне поставил, я сел.

— Да чё-то у вас холодно?

— Да мы ишо сёдни не топили.

И потом смотрю... но, едрить!! — никого не стало, все это развалилось.

Смотрю: звезды. И вот потом стал приглядываться — но, едрить, я вона где сижу, на скале! И не спуститься, и ничё — куды же ночью?! Дак сымали его потом уж на веревках.

55. Где-то по Урюму наши со скотом жили. С имя́ был один старик. А их, девчонок, много там было. И ребята. Но, вечером-то играли, возились.

А старик этот все одергивал:

— Вы, ребята, смотрите! Вы, ребята, смотрите! После двенадцати часов не балуйте!

И вот дверь-то распахнулась — влетел человек во всем черном, а пояс красный — и искры на обе стороны! Как засвистит! И повернул, и обратно ушел.

И все, гыт, припухли. Дед говорит:

— Спать! Хватит играть!

...Но вот правда ли? Кто знат...

56. На солонцах охотились с дедушкой. И вот все было, потом — раз! — год-два нет зверя. Дедушка говорит:

— Ну, Михаил, хозяин наш проигрался. Когда у нас выиграет, придут опять звери. Зверя другой хозяин угнал в другу падь. (Вроде в карты проигрался — так уже надо понять.) Но выиграет, ничё...

Вот год-два нету: или они отходят, или чё ли? Глядишь, потом в этом же месте опять начинают ходить звери.

— Паря, выиграл, — говорит, — пошли...

57. А это мужики лесникам рассказывают. Вот в лесу работают, они рассказывают. Мы, грит, в зимовье сидим. Ну пьяные приходили туда, пьяные-пьяные. Сварили суп с мясом. И Витька Есипов: «Повернулся, гляжу — что за черт? Мужик так же одетый, все: в шубе, а такая шуба, она искрится вся, серебрится на луне, но шапки, грит, нету, волосы не разобрал, какие. Я, гыт, сразу протрезвел. Протрезвел сразу».

Он принес двух рысей, бросил здесь, не мерзлых, ничё как будто, кровь бежит, будто только вот убиты. А наутро, грит, когда встали, этих рысей нет, а две кошки сидят, живы, все. Он положил, ничё не сказал и ушел. Оно, вишь, может, чё и спросил, да старики-то пьяные были.

Сидят две кошки, и, главное, цвет такой у них сероватый. И вот он привез кошку-то домой оттуда, а она три дня прожила, а потом пропала куда-то, и нет ее. Ну и найти никою не могли эту кошку. А другая... ее три дня не покормили, она задавилась сама, прямо в зимовье задавилась. Там печка-то закрывается, она в нее — раз! — головой и задавилась. <...> А кошка... собак не боится нисколько, идет, а возле нее четыре собаки. Они на нее о-ё-ёй, на эту кошку, а она так повернулась, с презрением на них посмотрела, собаки сразу — раз! — отошли. Ни одна, грит, не тронула...

58. Правда или нет... Бабка мне рассказывала про моёго деда. С ним произошло это на охоте.<...>

Дед у меня был бесстрашный: все был охотник. Не боялся ни чёрта, никого. И в Бога не верил. Ну, один раз собрался он на охоту. Бабка его отговаривала:

— Не ходи на охоту, не время.

Ну, раньше были поверья: в такой день нельзя ходить и в такое время. Точно не знаю, в какое. Это было давно дело, бабка мне рассказывала, я точно не расскажу...

Было так. Пришел он в тайгу. Один, без собаки. Пошел на медведя. Решил медведя завалить. Ну, обычно на медведя как охотятся? Или с собаками группа, или сидьбу на деревьях делают и скрадывают. На деревьях делают настил, от земли несколько метров. Ну, от медведя это, конечно, не спасет, но если винтовка хорошая или ружье... Ну, с ружьем делать неково — глухо. Деревья тоже не спасут. Но если вовремя... Он сидит.

Дело было осенью. Медведи уже нормальные были, как сейчас говорят, в полной кондиции были, при теле. Перед тем как ложиться в берлогу, они

жирные. Ну, сидит. Нет и нет, нет и нет. А сидьба была на солонцах (по-нашему, солонцы — это куда козы, гураны приходят соль грызть. Ну, а медведь тоже приходит на их, на коз. Караулит.). Смотрит (раньше часов не было, по звездам определяли время), смотрит: уже полночь. Только ровно полночь, слышит — затрещало. Он, говорит, приготовился, винтовку скинул, с предохранителя снял. Смотрит: вроде не видно. Ближе, ближе затрещали кусты. Я, говорит, хотел стрелить — руки не поднимаются, отнялись и все. Ни крикнуть, ни двинуться — ничего не могу. Слышу, грит (это дед потом рассказывал бабке), в кустах затрещало, захохотал тут таким голосом громким:

— Что, — говорит, — не можешь стрелить? Не сможешь ты стрелить. Не сможешь и не убьешь! — Ишо раз захохотал, затрещали кусты. Он ушел.

Дед был бесстрашный. Но, говорит, здесь забыл про винтовку. Когда очнулся, и до дому километров пять или десять рвал из тайги только так. Прибежал, говорит, сам не свой. А бабка ему говорит:

— Я же тебе говорила: не ходи — ты пошел. Нельзя было.

Не знаю уж, это точно или нет. Подробностей-то я всех не знаю. Основное все запоминал, а подробности пропускал мимо ушей.

59. В Бурукане... Буруканский рассказывал нам, Парфентий... Арестовали в тридцать седьмом году.

Пришел на соль. Сял. Теперь, говорит, сижу. Гуран приходит. Я, гыт, его — хлоп! — он отскочил: «Хав!»

(А Парфентий мимо не стрелял.) ... Ушел гуран, посарапался.

Гляжу, говорит, другой идет, опять к этой же березке. Опять стал сарапать-ся об её. Я, гыт, его — хлоп! — «Хав!» — отскочил.

Я, гыт, сижу, думаю: «Куды же я стреляю?» Сроду так не стрелял. Еще маленько посидел — опять гуран идет, мимо соли, снова: «Хав! Хав!» Я, гыт, его стрелил, он так и убяжал.

Вот совсем стемнело, луны нету — теперь ково дожидать? Ково я теперь настреляю? Теперь завтра надо.

Слышит: с гольца едет свадьба. Колокольцы, песни, музыка... Но я, гыт, сижу. Вот едет свадьба. Подъехали.

— Чё, сидишь? Но, значит, сиди. Вот невесту выбирай любую. Назад поедем, вот мы тебе невесту дадим!

Девки поют, ребята, гармония ревет, колокольцы...

Проехали. Я, гыт, поглядел: ить мне смерть.

«Назадъ поедем, мы тебе невесту дадим обязательно!» Он в сидьбочке. Ишо, говорит, остановились коло меня. Припевают, гармония играт...

Оне уехали, я — был да нет — из сидьбы да в балаган. А в балагане меня, гыт, трясет: боюсь! А слышу, что там поют ездят, всё.

А больше не видал.

И вот он нам рассказыват:

— Вот, ребята, как получилось! Пришлось мне соль эту бросить. Назавтре, гыт, отошел, в пятёнышко стрелил — куды стрелял, туды попал!

Это было. Это лесны, ему в лесу маячило.

60. Вот здесь есть у нас Маслуха, падь. У меня сейчас в ней это... сенокос. В этой Маслухе — солонец. (Солонец — это, ну, природная соль.) Так вот, козы на этот солонец ходят, а там сидьба сделана, из нее караулят, ночью стреляют. Все говорят: «На солонце сидел».

Вот этот деда Анисим сидел там, на этом солонце. И собака у него была, Белка, здоровый кобель, белый — ну Белка, Белка.

Вот, говорит, вечером приехал на этот худой дух, сел. Вдруг где-то близко к полночи Белка залаяла. Туды, говорит, смотрит, в вершину: гав, гав, гав. А так спокойный кобель-то. Ну, я, говорит, положил его с собой. (Да они, охотничьи собаки-то, умные.) Потом вдруг слышу: свистит, гремит, колокольцы брякают, и даже, говорит, слышно, что кони бух-бух — вроде свадьба: песни распевают, гармошки играют. О-ё-ёй! Пролетели мимо. И характерно то, что собака-то, говорит, соскочила и залилась прямо лаем. Тоже, видно, слышит. Ну, потом, говорит, опять все стихло. Опять с другой стороны, опять эта же свадьба. И Белка опять лаять. А потом, говорит, слышу голос: «Уходи с дороги». Ну, я, говорит, потом взял собрал эти свои манатчонки, ушел и до утра-то проспал. Ничё. Белка не лаяла.

Надо же!

61. ...Так вот в поселке Федор Трофимыч однажды, значит, мне и рассказывает: «Шел я с охоты. Запоздал. Зашел в зимовье, в Чистой. Вижу, что поздно, домой не попаду: Ушумун-речку перебродить... Я решил ночевать. Лег на нары, винтовку поставил около дверей в углу и ишо не успел заснуть, как слышу: о, из Уктычей с гармошкой едут, наигрывают. Я думаю: „Куда же они? Зачем сюда, когда можно было другой дорогой, поближе, попасть в Кудею?“ Вот ближе, ближе... Подъехали к зимовью, как будто спешили. И слышно, отворяют дверь. Гляжу: а в просвет-то двери заходит человек, сантиметров тридцать высотой, за ним другой. У меня, говорит, мороз по коже пошел. Что за люди такие? <...> Тихонечко, чтобы их не задеть, с нар соскочил, руку протянул к винтовке, схватил ее — и в дверь! И бегом, говорит, на брод через Ушумун. Перебрел на нижнюю елань и домой прибежал. Вот старухе рассказываю. Но она чё? Говорит: „Чудится...“»

Вот по-нашему, по-деревенски, говорят «чудится», а по-медицински это называется «ностальгия»...

62, 63. Водяной

62. У него борода ...как трава-то растет, тина-то сама. Вот с этой тины борода длинная. Волосы большие, тоже с этой тины. Тело такое, переливается, как рыба чешуя, но это не чешуя. Ноги в воде, он опустил ноги...

Старушка рассказывала. Две бабки — моя и соседка — разговорились, ну, у них и зашел разговор про всяких леших...

Она (моя бабушка) по речке ходила. Не ночью, а часов так около одиннадцати. Теленка искала. Ну, и ноги, гыт, не видно, а руки-то, как у лягушки — четыре пальца. В воде сидит. И не слышно. Так-то если встанешь, слышно, как вода шумит. <...> А он шевелится, все. Она не поняла сначала, а потом отошла от речки-то и потом уж вспомнила, что это же водяной, надо убегать, а то он утянет в воду или еще чё сделает. Сначала не испугалась по горячке-то. Ведь теленка искала... По горячке-то...

63. Мне было лет восемь или девять.

Я помню, это было в Ильин день. Мужики наши кумакинские мылись в бане. У нас же в деревне бани все на берегу, за огородами. Мужики напарятся и выскакивают — прямо в Нерчу ныряют.

Мы, ребяташки, на берегу были. И вот тетка Мишиха из своей бани вышла, к нам подошла. Посмотрела, посмотрела и говорит:

— Это что же такое они вытворяют! Разве в Ильин день купаются? Сегодня Илья пророк в воду <...> — только черти сегодня купаются.

Сказала так и ушла.

И вот мы смотрим: на той стороне Нерчи, за Тарским Камнем, появился из воды кто-то — косматый, черный — и давай из воды выскакивать. Унырнет — снова вынырнет, унырнет — снова выскочит. Сам волосатый, волосья длинные, черны и по самую з... Руками хлопает по воде и выскакивает.

А там же, за Нерчой, скалы одни. Кто же там мог быть?! Человек никак не мог.

64–76. Русалка

64. Дружинин рассказывал... Он ехал ночью. Там где-то омут был. И на камне сидит русалка. <...>

— Я еду, — он говорит, — сидит женщина, я смотрю. Вот, гыт, встал, посмотрел, а она чешется. У ей гребень золотой, она золотым гребнем чешется. Ну, гыт, волосы у ней золотые, блестящи. А ноги в воде. Я, гыт, скашлял — она сидит. Я, гыт, ишо скашлял — сидит. Ну-ка, подойти к ей? Я к ей-то подошел — она — бульк! в воду... И никого не стало.

65. ...Мать-то на пашне была, поздно поехала. А у нас братишки-то маленькие были — мне по воду-то некогда было сбегать. Думаю: «Я по огороду-то побегу на старицу (у нас старица речку называли) — по огороду-то близко». Но, я ведры начерпала, а она чешется там сидит, на кочке, на той стороне. А я в ум не взяла, думаю: «Михайловна перебрела и моется». Я ведры набрала и пошла. Пришла домой-то и говорю:

— И чё, мама, там бабушка Михайловна моется?

А мама (она пришла):

— Чё она ночью-то мыться будет?!

— Не знаю, чешется сидит на кочке.

...На третий день мама опять приехала поздно, мне говорит:

— Езжай коня поить.

Я сяду верхом на этого коня. Приехала туды, к речке-то. Гляжу — опять чешется, опять моется. Конь-то пьет, а я говорю:

— Ты чё, бабушка Михайловна, ночью-то моешься?

Она как в воду-т — бух! Конь-то у меня со всех ног...

Я уж прижалась, не упала. <...> Приехала, маме-то говорю: так и так. Она:

— Ить это русалка. Тут люди тонули.

Много людей перетонуло, где русалка была, как купаются, так кто-нибудь утонет.

А это русалка... Но ее потом Сафонов убил, эту русалку. Из воды вытащил и показывал. У нее голова и руки, тело-то человечесьё, а ниже — хвост рыбий. Черный такой, в чешуе.

66. Ходили мы как-то по черемуху. Брали, брали да и решили в лесу-то и заночевать. Стали мы друг друга пугать русалками да водяными. Вдруг видим: как будто паром плывет и не паром будто. А на том пароме гребут веслами и песни поют. Присмотрелись мы и видим женщин во всем белом. А волосы длинные они гребнями чешут, а сами то песню запоют, а то вдруг как засмеются! Стали ближе-то подплывать: вместо ног-то у них хвосты рыбы. Они ими по воде шлепают, а вокруг брызги серебряные летят. И потом вдруг не стало никого.

67. Люди-то ее на камешках видят все больше. А я-то видела в воде, она только всплывала — я без ног и без всего убежала тогда! На карачках почти что уползла! Обезумела.

Я коров уже подоила. Темнеться начинало. Я пришла к реке ножонки мыть, мою да вот эдак-то заглянула — она! О-о-ой! Я и обезумела!

На крыльцо-то забежала, бабушка говорит:

— Ты чё? Ты кого напугалась? Тебя кто напугал?

— Ой, бабушка, молчи. Никово. Утре расскажу тебе.

Утром:

— Но чё, Анна? (Она меня Анной называла.) Но кто тебя напугал? Что за беда получилась у тебя?

— Да вот чё... — Рассказала.

Дак ее которы стары-то видали: сидит на камешке и золотым гребешком порасч́асыват волосочки. Но редки видали ее. <...>

Она и счас у меня в глазах. Как увидела — не забыла. Я потом не стала вечером ходить.

68. У нас рассказывала бабушка Назарьевна.

Раньше говорили: чертовка вот на камне чесалась. Теперь пришел Соболев:

— Вы, — гыт, — видите, кто на камне сидит?

— Видим. — Взяли с крыльца — хлоп! — она упала в воду. Упала и:

— Год от году хуже будет!

К камню подбежали, а на нем золотой гребень. Взяли и в омут за ней же бросили, в воду.

Это бабушка рассказывала. С крыльца стреляли... Но это давно. И с тех пор она не вылазила.

Но, кто говорил — русалка, кто говорит — чертовка.

...К камню подбежали — там гребень. Кто-то даже сказал:

— А чё его не взять, езди он золотой?

— А его возьмешь — она ночью придет, задавит!

Так побоялись.

69. Ребятишками мы еще тогда были. Сидели на бережку. Темно уж было. Глядь, а на той стороне реки девка идет и поет. Потом всплеск слышим, и плывет она на этот берег. Вышла из воды, вся черная. Села на камень, волосищи длинные распустила и давай чесать, а сама поет. Расчесалась, бульк в воду — и ушла. Покуда она чесалась, мы все смотрели. А потом подбежали к этому камню, а гребень-то лежит. Шура Попова взяла его и домой понесла. А мать-то как заругается: «Отнесите его обратно, а то она сама придет за ним». Побежали мы опять и положили его у камня.

А потом-то этого гребня не стало. Взяла она его, видно.

Шура-то все время потом боялась проходить мимо того камня.

70. Две бабки с гостей шли. Одна тётъ Шура наша была. До мостика дошли, смех слышали. Интересно им стало, решили, что девки с парнями балуются. Подошли поближе видят: девка в воде стоит, волосами трясет и хохочет. А смех-то такой, что страх наводит. Испугались они и бежать. В чужой дом заскочили и — к окну. А девка волосы свои чешет и смеется. Тетка Шура как матюгнется! Девка в воду плюхнулась и замолчала, а гребень на берегу оставила.

А утром тетя Шура за водой пошла и его домой притащила. И каждую ночь ей та девка-волосатиха спать не давала, стучит то в окно, то в двери.

Тетка Шура старичку одному рассказала. А он ей: «Снеси гребень-то, девка, а то русалка житья не даст». Утащила бабка гребень, и та девка к ней ходить перестала.

71. ...Бабка, короче, одна (это еще было до революции дело), она пошла за водой, по воду, то есть: за водой-то далеко можно уйти. Они две бабки пошли... не бабки, они еще молоды были, но, в то-то время. (Это бабушка моя... сейчас-то умерла. Вот сидишь и чё-нидь слушаешь. Но, они меня выгоняют, выгоняли, а тут, видать, забыли или чё ли. А я сию слушаю, я люблю слушать. <...>) Она, короче, рассказыват, вот, мол, подруженька моя, со мной чё получилось. Вот я, грит, иду, а за мной Нюра что ли была, втора женщина. И главное чё: нас то ли леший попутал, то ли чё ли: <...> идут, идут — речки нету, нету и нету. Потом на како-то озеро вышли. (Там озер много было.) <...> Вдруг, говорит, как кто-то захохочет! То там ишо... Мы, грит, сразу и сели, у нас, грит, сразу и шаньги пригорели, короче... Потом они, грит, вдвоем плывут, на середке речки, <...>

подплыли к нам (к ним подплыли, короче), ну, а эти сразу ведра побросали и бежать! Ну, мы, грит, видели: она кака-то серебриста така чашуя-то на них, женская голова — все, грит. Но, они убежали...

72. Вот было. Нюра, подруга моя, и я вот пошли как-то вечером по воду. Где мост раньше был, там большой проулок, а потом тут колхозный двор. Мы хотели к прорубу и вот в этот проулок-то зашли... А там стояла большая баня. Мы только подошли — стоит женщина! Вся в белом, как снегурка. Все у нее горит около головы так. У этой проруби конской стоит и грозит пальцем: «Вы знаете, что в двенадцать часов на прорубь ходить нельзя? Хотя у соседки ковшик воды попроси, а не ходи». Вот так стоит и грозит...

Дак мы так бежали — друг дружки не видали.

73. Потом так получилось. Приходит Федор:

— Ты, Василий?

— Нет.

— Ты, Прокопий?

— Нет. — К братьям пришел братан, приходит:

— А вы обе невестки тут? А тут кто-то у вас моется!

Но, побегут туды, в баню, — ребенок ревет в этой бане! А человеческого голосу нет, а ребенок ревет по-человечьи. Как стукнут — никого нет, токо зашипит. Вот они бились-бились, как вечером баня — то и есть, как вечером баня — то и есть!

Потом им пришлось эту баню убрать оттудова. Когда убрали — больше этого маячить не стало.

Потом вот эта чуда-то и вышла: на берегу женщина...

74. Мы раз поехали вот в Сретенск хлеба купить. В двадцать седьмом году. Не доезжая Сретенска-то есть место — Пьяный Лужок называется — остановились ночевать. А это дело-то было уж под осень, холодно так-то, но на дворе ночевали.

А вперед-то зюльзински ездили. И они приехали как раз к нам. Говорят:

— Позавчера ночевали тут — не спали всю ночь. (Тут и табор их остался, мы на этом табору и остановились.) ...А туды дальше, — говорит, — ночью-то мы разбудились: огонь — и женщина! Через огонь-то скачет! В одеже, гыт, а подол-то подобрала и скачет. Космата.

Мы говорим:

— Но, кака же она может быть, женщина, ночью!

— А вот посмотрите, — грит.

Никого, мы ночевали — никого не было. Назад поехали, хлеб купили, тут же ночевали — никого не было, не видали.

А наши тоже ночевали, дядя он ишо мне, пожилых двое, — тоже, гыт, така штука была.

Черт ее знает!

75. Я, когда девчонкой была, училась в Илеме. Там десятилетка школото. В одном месте надо было переходить через Торгу, через речку. Там был мостик, его сломали, остались только столбики. Мы всегда по этим столбикам перебирались. И вот как-то идем. Там место страшное, тайга темная, этот мост. Девчонки говорят:

— Вон в том омуте русалка живет...

И рассказали про эту русалку.

...Здесь луг большой, и колхозники всегда тут сено косили. Балаган ставили, в этом балагане спали. Однажды заметили, что у них кто-то хлеб ворует. А там же, кроме них, никого нету. Кто же ворует? Решили караулить по очереди.

Вот все ушли на покосы, а один Ванька остался, сидит. Посмотрел на речку: из омута русалка выходит, из воды, и идет к балагану. Сама страшная, волосы длинные, волнистые... Подошла и в проход руки потянула. Руки все длинней, длинней... взяла хлеб и унесла.

А этот Ванька сидит, перепугался. Когда все собрались, он стал про все рассказывать. Ему не поверили: «Какая такая русалка!»

И вот сел другой. Они же по очереди договорились караулить. А остальные тоже решили подсмотреть. И увидели... Русалка вышла, заметила, что за ней наблюдают, и погналась за ними. Они — в деревню. Заскочили в клуб (там раньше была церковь, а теперь сделали клуб), заскочили — она за ними. И вот все-все видели, как она встала, шагу сделать не может, и вдруг у нее голова исчезла. Оказалась как без головы. И совсем пропала с глаз.

Вот это девчонки-то и рассказали.

76. ...А после того, в Троицу, ребята, которым по двадцать лет, вздумали на конях купаться в протоке. Теперь-то проток никаких нету, а раньше и протока была. Ангара Ангарой, а тут протока была. Вот так, в этом же месте, где видела Фекла Дмитриевна с Катериной русалку-то...

Вздумали на конях купаться, начали купаться. Их человек пять собралось. Кони вплавь пойдут, оне поймают и обратно заворачивают к берегу. Ну и вот, <...> у которых я в детях росла, вот ихний сын... Он на белом коне. Поехал так же плавать. Все заехали, и он заехал. Раз! — конь вот так, в дыбы, всплыл. В дыбы всплыл. Ну чё?

На берег вышли, а он ни туда, ни сюда. Стоят, его кричат, а он все так за гриву доржит и никово, конь на дыбах стоит. Он туды-сюды его дергат, а он никово: его кто-то доржит. А кто доржит — кто его знат? Туды-сюды, бились, бились...

А у нас один старичок, он знал. Ну вот, побежали к этому старичку. Старичок пришел на берег туды, пришел, каку-то молитву начал читать. Читал, читал — а его коня как отпустит кто-то, сразу конь — раз! — на голову, головой в воду-то и потом кверху. И потом этот Сергей наш выскочил вместе с конем.

Вот тебе и все. Это бывало так.

77–138. Былички и бывальщины о домашних духах

77–111. Домовой

77. Отец рассказывал. Возьмите, говорит, чистую расческу, налейте ведро воды, но, чисто ведро воды, эту расческу бросьте в ведро. Через три дня будет волос от домового. Ну, чё, мы посмотрели через три дня: там волос, правильно, седой, белый волос. <...> А этот волос, говорит, потрешь на руках, свет-то вытушится, ну, потушится. Потрешь, говорит, волос — ну, он появится, домовый.

Ну, я, говорит, зашла домой, потеряла волос — ничё чё-то нет. А потом на второй день она ночью терла, домой зашла, видит: сидит старик такой, белый. Ну, он голый только, волосам обросший, белый такой, седой, борода длинная — ну, старый, старый, старичок такой. Я, говорит, зашла, ну, говорит, села сразу, напугалась так, ни слова, говорит, не могу ничё вымолвить. А он посидел, говорит, и — раз! — я смотрю: его уже и нету. <...> Раз! — и нету.

А потом утром рассказала отцу-то своему.

Он говорит:

— Ну, это на счастье увидела его. Счастливо жить будешь, чё-то там. <...>

78. Дэкин мне рассказывал. Это когда он еще молодой был, работали они на лесозаготовках, жили в зимовье. Но вот раз все ушли в Бянкино, а они с другим парнем остались в зимовье. Дэкин лег в одной половине, а парень — в другой.

Вот, гыт, мы посидели, покурили. Я пошел к себе и лег. Лампа на столе горит. Газету почитал, лег на койку, вроде задремал. Вдруг, паря, кто как меня схватил!

— А-а, счас я тебя задавлю-ка!

Я туды-сюды, туды-сюды, думаю: Гоха хотел напугать меня. Никого нет. Потом уж говорю:

— Ты чё меня давил? — Задавлю, — гыт, — тебя! Вот.

Теперь дверь открыл в коридор, смотрю: Гоха спит, лампа горит. Я посмотрел на часы — время-то час. Но ладно. Теперича, говорит, раздеюсь. Думаю: «Может, неловко мне», — раздеюсь, сапоги снимаю, ложусь. Лег, но лампу не стал тушить. Задремал. Вот опять:

— Я тебя задавлю-ка! — И душит, придавил к койке- то... Я, гыт, так и сяк, разбудился. Вроде вывернулся, встал — нико-во не знаю. Дверь открыл: Гоха спит.

— Гоха! — Он, гыт, проснулся.

— Паря, знашь, како дело. Вот так и так...

Он и говорит:

— Да ты чё? Иди сюды тогда.

И ночевали. Так, гыт, и сам не знаю, кто давил. И так на два приема...

79. Было в пятьдесят шестом, однако, году. Однако так. Мы ишо там жили же. Правильно. Вот в этих годах. В пятьдесят шестом — пятьдесят седьмом... Мы в Бянкино жили.

Теперь, значит, этот Дэкин в выходной день (мы на одном же выходном — рубили дрова-то), он не поехал. И Лопатин Гоха. Домой не поехали на выходной, а остались дрова рубить, вроде к концу месяца надо заработать.

А зимовье-то у нас на две половины. Сюды, значит, вроде восточна половина, в середине коридор, и сюды зимовье пять на шесть. Но Лопатин в етим спал, а Елька в етим, Дэкин-то. Но вечером в субботу с работы пришли и не поехали домой отдыхать... Это Елька мне сам рассказывал, покойник.

Но, ужин сварили здесь, поужинали. Там радио у их, пешки были, газеты — всё это. Но, поужинали, посидели, газеты почитали. Гоха встал и пошел в туё половину, там он спал. А Елька тут, на койке.

Я, гыт, закурил. Газету читал, свет горит. Почитал газету-то, лежу, гыт, на койке просто. Не раздевался, ничё. Папиросу выкурил — махорку курил — бросил к печке. Огонь горит. И я, гыт, задремал. Задремал, значит. Но на спине. <...>

И чувствую, грит, давит меня. Но придавил кто-то. Коленом на живот и руками вот сюды уперся! Но и давит к койке-то! Я туды, я сюды! Заревел:

— Гоха! — Знаю, что нас двое в зимовье, Гоха в той половине. Но, наверно, пришел. — Гоха, ты чё?! — И вроде одеялом-то закрыл мне морду-то. Но ничего не могу сделать! Кое-кое-кое-как! Одеядло-то сбросил — но, паря! Никого нету! Лампа горит, свет... Никакого Гошки нету!

Опять только лег, взял, гыт, угасил, разделся, но, спать. Только лег, задремал — опять давай давить! Я, грит, туды-сюды, кое-как вывернулся, соскочил, лампу-то включил, думаю, он. Дак дверь не стукнула!

— Гоха, ты чё преставаляешься?!

Но, пошел туды с лампой-то. Прихожу — он, гыт, храпит. Я говорю:

— Гоха! — Он храпит. — Гоха! — Он:

— Ты чё?

— Ты был у меня?

— Никого не был.

— Да ты меня давил!

— Иди ты к черту! Я спал вон как, пока ты меня не разбудил.

...Не знат, гыт, чё тако. Вот, паря, как получилось дело-то! А вот кто его, как, чё? <...> До этого-то ничё, а тут...

80. У меня случай был во время службы. Перевели меня ...Я приехал, документы представил, меня устроили. Там на отшибе дом был. Большой. Все комнаты пустые, а одну для солдат отделали малость. Все ушли в клуб, а я устал с дороги, лег спать. Ребята ушли, и я лег спать. Вдруг старик лохматый из-за печки выходит... подходит ко мне и давай душить. Душит! Я уж думаю: «Да неужели такой старый задавит меня?!» Все силы собрал — как его толкну! Он улетел. А там западня, она открыта оказалась — он в нее. И замолк. Опять все тихо.

Я наутро рассказал поварихе, она мне говорит:

— Э-э, солдатик, ты здесь не задержишься. Это тебя домовой невзлюбил.

И точно — вечером меня отправили в другое место. Перевели.

81. Это я как в Ботах родился, там и жил, там и учился. И что ты?! В одном доме получилось... У него сени были сделаны — туды дом и сюды дом. Две квартиры, в общем, но у одного хозяина. <...> Теперь что? Он в этой — в улицу котора — жил. Мужик такой, столяр был, слишком не трус, ничё. Дак что ты! Забурит, дак ить... Главно — кирпичи летят с печки-то, ночью. А что ты! Ребятишек еще стукнет?! Кто кирпичи эти ломат? Сначала стукать начнет, потом вот так начнет. Он бился, бился, но и чё ты будешь делать? Учитель у нас, Власьевский был, Иван Георгиевич. И еще там грамотны-то люди были. Но, пришли.

— В чем дело? — проверить надо им. — В чем дело? — Он им:

— Дак вот, приходится в одной избе жить, а в этой не живу. Вот как? Пустует.

Но те ночевали, при их не было ничё. А потом еще раз рискнули. Верно! Кирпичи пошли с печки. Дак ежели бы в окошко, так сказали бы: «Кто там?» А то ить тут, с печки, сверху. Дуют кирпичи и ваших нет.

Но ничё те не смогли.

А был здесь цыган. Кастрировал этих жеребцов, быков.

— Чупуху-то. Сичас мы ее выживем! Купи картов колоду, бери в магазине.

Тот пошел, купил картов колоду, притащил. Он взял их:

— Уходите все! А карты потом посмотрите, куда я их положу!

Залез в подполье, карты положил там на место. Но, те залезли потом, чтоб поглядеть-то, действительно он их положил? Посмотрели — тут лежат. Но, те-перя говорит:

— Заселяйтесь, живите. Ему есть, чем заняться будет.

А кто «ему»? Кому «ему»? «Он, — гыт, — в карты играть будет, а не здесь...»

Посмотрели — действительно, картов-то нету! Куды девались? Никто не приходил. Хозяин в той половине. Сюды не слышно, никто не приходил. Учителя пришли: нету, где лежали, карт. Но, давайте попробуем. И вот хозяин ночевал, нету, ушло. А чем объяснить? И чё он знал, ково ли знал он?

— Ему, — гыт, — заняться нечем было, он вас и беспокоил...

Кто?

82. Жили мы с бабкой на Трудовой в двадцать седьмом году. Там я и женился.

Это дело было на Рождестве. Ребята эти — Михаил, Владимир, Иннокентий — ходили в кино, из кина приходят часов в одиннадцать-двенадцать, постукались — я встал, запустил. Они легли. Иннокентий-то был комсомолец, даже левольвер таскал. Теперь, легли только, еще не заснули. Но, ребята, может, уснули, а я-то еще не уснул. ...Застукался! На террасах (окна больши были), за-

стукался так, дак аж эти окна задребезжали. А ее [бабки. — В. З.] отец, значит, тоже у нас жил. Но, мол, он, поди, дедушка, пришел, дескать, это. Я выхожу:

— Кто? — Молчит. — Кто? — Молчит.

Что такое? Я не стал отлаживать, побоялся. Теперь, разбудил Иннокентия, тот берет левольвер, вот Володя (счас он на заводе комендантом работает), тот, значит, отлаживает дверь, а я беру топор. Но вышли — никого нет. Вот кругом обошли всю ограду — никого нет. Только зашли, двери заложили, еще не успели присесть — опять тошнэ старого застучал. Но мы опять вышли — никого нету. Что такое?! Но в третий раз мы уже не пошли — побоялись. И вот он, примерно, простучал так... ну, до часу. Как петухи запели, он это... все это прекратилось, не стал стучать.

Вот назавтра так же ... Да, мы рассказали, значит. Но, тут ездил... как он? — вагон-лавка — тут продавец этой вагон-лавки, Камша фамилия его, — он с левольвером пришел. Теперь, Федюха Усов пришел, Иван Новиков, правда, вот ишо, их зять. Вот пришли. Вот вечером сидим, разговаривам, хохочем...

Вот застучало. Да, вперво-то, значит, собака залаяла. (Рядом-то Купелин жил Степан. У него цепна собака.) Перво-то собака залаяла. Потом кони захрапели у их, потом наши захрапели. И застучался!! Только уж не в это окошко, а в крайне. Но мы чё же, така орава — выскочили, кругом все оцепили — нету. Погреб там был, баня, зимовье, в амбаре — все обыскали, никого нету. Что такое? Степан-то Купелин тоже встал, пришел. Токо в избу зашли, успели двери заложить — опять застучал. И вот что ты!.. Опять выскочили... Третий раз выскочили, но больше всё — побоялись. И вот он опять простучал до петухов — как петухи запели, никого не стало, и вот так продолжалось примерно (скоко это было?) дён десяток, наверно. Потом я на Неверу поехал с зятем, работать туды на копиях. Но, мы погрузились, уехали — ничё не стало! Как я уехал — никто не стал стучаться! И вот скоко я там? — зиму проработал — чё, я приехал уж примерно в феврале месяце. Ну да, в марте уж дело-то было, тепло уж. Теперь приехал я, значит, мне надо было купить коней. Я, значит, на базар пошел (раньше на базар выводили коней-то). На базар прихожу, сижу там на базаре-то, разговаривам. Прибегат Стасюков Федор (был вот с Просвещенской улицы):

— Ты чё же сидишь?!

— А чё же я буду делать?

— У тебя дома-то сено сгорело (зеленка была), зеленка сгорела!

Днем же это было, так примерно перед обедом я ушел, часов в двенадцать. Что такое?

— Да ты чё чудишь? Я ить токо пришел.

— Да вот я с пожаркой счас приехал.

Но я, тепери, домой. Прихожу домой — верно: забор, значит, обгорел, зеленка моя не сгорела, разбросали ее, в общем, затушили. Но чё?

Давай я тода (вот здесь дядя у нас жил, вот где Федор Ильич Бакшеев, <...> пятистенный дом-то был, в той жил Павел Усов, а в эту, значит, нас он пустил), ну, мы перекочевали сюды...

83. ...Это дело было давно. У одних было две дочери и сын. К ним как-то пришел парень. Василием звали, а ее Дусей. Вот Дуся и Василий поженились и отделились от ее родителей в другой дом. У них родился ребенок. Как-то сам ушел в картишки играть, а она на печке лежала, а ребенок в зыбке рядом с печкой. Вдруг в двенадцать часов получается стук — стучит и стучит, стучит и стучит... Стучит по-над полом. Она на следующий день говорит мужу:

— Ты вечер никуда не ходи.

А ей все говорят, что это домовый ей чудится, стучит: ведь муж-то кузнец... Однажды она опять осталась одна. Видит, кто-то вышел мохнатый — и такой верзила! Зыбку качает с ребенком. И хохочет, и хохочет! Лицо белое-белое, а сам весь чернуший. Вот так покачат зыбку и исчезнет, а ребенок не выпадает из зыбки. Позвала она сестру Гальку. Пришло время — он опять выходит...

Бились оне, бились и перекочевали в другой дом. А в этом доме никто долго-долго не мог жить. А потом он, этот дом-то, сгорел.

84. ...Шарф я Кузьке вязала, у меня вот такой клубок был. Вот я сидела, значит. Курмушка на мне была надета. А чулков на мне не было. <...> Из угла ветром мне дует и дует в ноги. Теперичи, мне почудилось, адали меня кто гладит мохматым. Я сразу кошек: кыс-кыс-кыс. Они все четыре, кошка с котятами, соскочили с печки. У меня на столе горшок молока стоял. А я тут будто на лавке сижу-ка, а стол-то вот эдак, перед печкой. Как этот стол-то бросит! — и молоко разлилось. О-ё-ё-ё! Я вот как есть во всю головушку заревела:

— Но, не попугивай, все равно, пока клубок не извяжу, ты меня не уго-нишь!

А сама не знаю, с кем разговариваю. И вот так, теперичи, и сидела чуть не до утра и вязала этот клубок, пока не извязала и спать не легла. И потом так ветром, ветром — зашумело, все зашёлкало — и кто куды чё девалось. И я ребятам даже виду не подала. Маруська у меня маленька была еще. Она разбудилась.

— Ой, ты, мама, все-то сидишь!

Я говорю:

— Все-то. <...> Но иди вон за печку да мне принеси котенка. — Она туда по-маленькому сходила. И я говорю:

— Ты угаси огонь-то.

<...> И легли, и до утра проспали. И утром никому слова не сказала.

Вот, теперича, Егор приехал. Я ничуть ничё не говорю.

Так немного время прошло — надо за реку ехать. А меня чирьи одолели. Ой, чирьи! — дак упаси Господи. Я тажно Маруське говорю:

— Ты, Маруся, мне вот это место вытащи стержень. Я хоть и зареву, так ты ничё, так вдруг его дерни,хвати да дерни.

А потом Егор-то говорит:

— Надо мне это... ехать за реку. Поедем, Кузьма, — это сыну-то. За реку засобирались. Я говорю:

— Но дак ладно, ты чай-то подогрей да их накорми сперва, потом мне вы-тащишь.

Она печку-то подтопила железну-то да пошла по молоко. Теперича, оттуда забегат: Ой-ёй-ёй! — побелела, как бела печка, и слова сказать не может. Ее спрашиваем:

— Чё, чё?

Она:

— Крыса, — гыт, — там. Ой-ёханьки кака! <...>

И вот такие штуки творились. Я уж потом Егору:

— Хоть ты сдохни, хоть ты меня сейчас убей — не буду жить все равно: это чё-то кака-то беда тут деется.

<...> И вот укочевали и не стали здесь жить.

85. От чужой старухи слышала.

Приехала она с Хабаровска, и в своем доме домовый-то ее и попер. Ночью она с ним боролась, три ночи он ее гонял.

Там у них стеночка была разгорожена. Девка-то легла в комнате, а старуха-то тут, в трехстеночке. Глаза зажмурила, а тут дед и подходит. Борода — вот эка! Как маханул, да и лег ей на грудь, а она его хлопнула и говорит: «Ах ты!» <...> И всю ночь, девки, не спала. Опосля встала, покурила. Он опять привязался...

И рассказывает: «Како-т старик ко мне привязался. Вот экой низенький, толстой, борода вот эка. Напугалась, девки, всю ночь не спала».

Вот втора ночь подошла. Девка ей говорит:

— Мама, здесь ложись.

А она:

— Чья возьмет!

...Он снова подошел, одеяло сбросил на пол. Она говорит:

— Ах ты <...> Тебе чё?

Дак ведь холодно, одеяло-то схватила и говорит:

— Уходи, я тебе завтра бутылёшку куплю.

А в третью ночь снова. Я уж, говорит, Курску Богоматерь читала. Боюсь, живот заболел с расстройства. Я его колодой по голове как двинула, а он все не уходит. А наутро-то в баню пошла, светло уж, все на работу идут, а я, говорит, баню-то открыла, а он — в дверях. Он меня, <...> в баню не пускает, стоит, а морда обезьянья.

Захворала, бояться стала. А потом уже ладить стали: ушел дедушка-то, опосля он к ей и не приходил. Вот те чё...

86. Это вот тоже рассказывали...

Мужик ехал домой откуль-то. И стояла избушка в лесу. Просто одна, в ней не жил никто. И он придумал, значит, ночевать остаться.

Уже притемняло все.

А вот не спросил, когда входил-то, дескать, пустите меня переночевать! Но и лег. Лег ночью-то, вдруг мужчина пришел и говорит:

— Вы почему не попросились? — Ну и такую страсть ему придал — он ведь убежал. Прямо такую ужась наводил — просто невмочь было никак! Он

лежал, лежал: все трещит, все шумит. Ну, прямо ужась, такая ужась, что страшно лежать. И убежал. Он его просто выживал.

Вот как.

87. Арсюха Достовалов рассказывал. Я не знаю, он верил, нет ли, все ругался в бога-то, а сам кого-то шептал ходил.

Вот он пошел в лес, сделал избушку у солонца. И вот, паря, когда сделал, все, на мху — тепло... А как раз у скалы.

Вот через несколько дней пошел, солонец посмотрел: хорошо едят!

«Но, седни пойду».

Пошел пораньше, сял. Понюхал табак. Сижу, гыт. Вот тебе двенадцать часов по время-то, вот тебе час. (А я, гыт, у домового не попросился.) Но, сижу.

Во втором часу-то как зашумело, как загудело, будто скала на меня валится! Выскочил сразу оттуда — стоит скала. И по верху вроде человек какой-то бежит, ревет. Но, я посидел — меня спёрло, боле туда не полез.

Вроде я же и срубил, гыт, ее, избушку-то, а не попросился — и вот как!.. И пошел домой, не стал сидеть: побоялся.

А потом пошел. Пришел, попросился — и с тех пор сидел и убивал коз этих.

Вот, гыт, обязательно надо проситься у домового. Это, гыт, ты, паря, запомни навсегда!

88. Дак оно вот у нас в деревне было это дело-то.

Дом срубили новый. А работник их, Швецов Иван, он домой-то не ходил, а в этом доме-то приспособился спать. И вот одну ночь давай его камнями оттуль понужать. Камнями, гыт, начал хлестать!

Я, гыт, соскочил: «Чё такое?» Ну, дескать, на крыше кто-то есть. (А он такой боевой мужик-то был.) Выскочил да обошел, а там такая дверь была маломальска. Я по углу залез — никого нету! Пришел, только лег — опять! И бормочет, гыт, такой голос грубый, гыт, старика:

— Уматывай, гыт, отцель!

И так этот вечер промучился и убежал домой. Вечером-то бердану притащил. Опять, гыт, лег — в полночь опять поволок его!

...Дак он потолок-то истрелял весь — и никого нету. А уснуть так и не удалось. Ушел.

...И, главное, дескать:

— Уходи!

89. Здесь, значит, жил учитель. Сейчас он учительствует в Сретенске. И была тоже здешняя старушка. <...> Вот учитель с женой собрались куда-то и ее попросили:

— Ты, бабушка, у нас побудь эти ночи, сколько мы уж погостим, подомовничай.

Но и она осталась. А старушке уж лет шестьдесят, наверно, было. И она, говорит, пришла, печку натопила, все честь по чести, и прилегла. На коечку

прилегла, говорит. И вот появился свист! Вот так, говорит, засвистело, да так вот кругом просвистело — да ко мне! Ко мне, да на меня, говорит, — хы! — как дохнет! Но, такой запах — просто невозможный! Вот, гыт, невозможный запах. Я, гыт, встала, трубу закрыла, честь по чести, избу-то закрыла на замок и домой прихожу. А дома-то зять был да дочь-то. Оне, гыт, прямо испугались: а это же было примерно в час ночи.

— Ты чё, мама, чё с тобой? Почему пришла-то?

— Да так, ребята. Чё-то не заспалось мне, и я пришла.

Это она сама мне рассказывала.

— Никогда, — говорит, — в жизни ничего со мной не было, а тут вот пришлось! <...>

Это же нужно — вот так встретить!

90. А вот у меня отец рассказывал. Дак это ему так трафлялося...

Раньше зимовьи были в степях, с конями уезжали, жили весной, осенью, со скотом жили там, в зимовьях-то. <...>

И вот у нас отец весной уехали с конями, но где-то уж это в апреле. Он еще был холостой, не женатый, мой отец родной. И, говорит, вечер-то натопили это зимовье (или в марте: снег ишо был в сиверах-то). Ну, начали тут друг другу: сказки рассказываем, да чё — но, всю дребедень собрали. Трое их, три мужика, парни холостые: кто свистит, кто чё. Но, набаловались, улеглись спать.

А с ними был помладче, Егор Михайлович, нашего Абакума брат. Оне, эти двое-то, уж уснули — мой тятя и тот другой-то, Дмитрий Александрович, — уж уснули. А тот не спит, помоложе-то, и слышит: шагат к зимовью человек. Он, это, пролежал. Потом маленько погода второй шагат к зимовью. Он давай будить, говорит: «Кто-то двое пришли к зимовью». А оне его ишо изматерили по-матерски: «Лежи и не ври тут, спи!» А он говорит: «А вот слушайте». И потом слушают — правда, по снегу шар, шар, как человек идет опять к зимовью. Оне выскочили из зимовья, кругом обежали, поругались: «Кто тут? Где тут ходит?» Герои же! Опять легли. Только легли — в стеклину вот так пальцами застукало. Потом опять на улицу выскочили, кругом обежали — нету никого. Опять легли. Легли: но теперь они пушшай ходят там, будем лежать... Дверь-то, говорит, как открылася! Аж в стену да обратно вот эдак вот, у зимовья-то. Но, они эти шубенки, говорит, вот эдак схватили — и были да нет! И дверь по́лу бросили. Убежали через речку и там потом костер расклали и до утра-то там у костра были.

Но, а утром пришли, говорит, в зимовье-то: как чё было, так все лежит. И чё было, говорит, с нами?!

Но, вот ишо раньше говорили, что надо у хозяина попроситься. А оне не попросились...

91. Раньше чуды-то были — о-о-о! <...>

Ребята ходили по вечёркам. Теперь, значит, пришел вперед один парень-то, сял разуваться-то — он идет из-за угла. Прямо к ему! И говорит:

— Стой, не разувайся! — Вот как!

Он бросил один сапог, а другой-то на ём — и бежать! В притворе оборвал всю ногу.

— Кто-то, — гыт, — не велел мне разуваться.

...У нас в амбаре чудилось (вон он стоит около церкви). Михаил пришел туды и лег спать. Он его выбросил. Вот только лягу, — говорит, — пришел оттуда, он меня за ноги и ко дверям! Ко дверям вот так, вот так, а ноги на полу. Отодвинусь, лягу, оденусь — он меня опять тащит.

И ушел из амбара, и спать не стал.

Ране — у-у-у! — этих делов было...

92. Это было где-то в двадцать пятом — двадцать шестом году, точно-то не помню. Я и сейчас-то не верю ни в Бога ни в черта и тогда уже не верил.

Приходит ко мне братан Витя. А жил он один. Такая изба и коридор, в этом коридоре он больше обретался.

— Пойдем ко мне ночевать.

— Почему?

— Но пойдем, там узнашь. Ты не веришь ведь ничему?

— Ничему не верю.

— Но поверишь...

Приходим. Он мне прямо — котора дверь из коридора в избу — стелет. Ну, раньше потничок, подушку там бросил.

— Ты ложися здесь, а я рядом.

Вот легли мы с ним. Я чувствую, еще не заснул, смотрю: кот на двери черный! Глазишши такие, светлые! Шипел; шипел — раз! — на меня. И задавил, лапами-то за горло. Я туда, сюда... Потом очнулся, кот-то вроде соскочил с меня. Этот Витя хохочет:

— Ну чё? Чё ты кричал? Кот давил?

— Как ты знашь? Видел что ли?

— Я так и знаю, что он меня уж несколько раз давил.

Я говорю:

— Как же быть? Я тогда домой пойду, не буду здесь спать. — Спёрло! <...>

— А ты с аршин подвинься вот сюда или ко мне поближе, и он тебя оставит в покое.

И действительно: лег на друго место, и больше никакого кота не было. Это переход его [домового. — В. З.] был, лег на его дорогу...

И вот досейчас думаю, правда ли так получатся? Верю не верю, а интересно получилось.

Главное он мне:

— Ну чё, кот тебя жучил?

— Кот.

А он, видимо, не спал, дожидал, как я буду на это реагировать.

— А ты, — говорит, — стонал, кричал и всяку штуку...

93. А еще я вам расскажу вот как историю. Она со мной была.

Жили мы тогда в старой деревне Бронниково. Целая деревня была Бронниковы, потому и деревня звалась Бронниково. Сто семнадцать дворов было. Браво, дружно жили. По-современному-то будет — круговая порука. Бронниковых-то много было. Скажешь в деревне, что тот-то Бронников нужен, никто и не скажет, кто он. Назовешь по прозвищу — скажут, покажут. Прозвище как фамилия было. Был у меня дядька Иван Бронников, так его Рублевым дразнили. Рубль, значит.

Так вот, был со мной случай в этой деревне. Я до сих пор не пойму, был он или нет. Я не то чтобы боязливым был. Нас-то тогда по-другому воспитывали, с малых лет приучали не бояться ничего. С шести лет уже сел на коня.

Стал я вечером как-то спать укладываться. Прошусь у мамки на печь лечь, а она не пускает, говорит: «Ужаришься на печке-то». Но я уперся на своем, прошусь — и все тут. Ну, она и согласилась. Лег я, значит, на печку, совсем уж начал было засыпать. Слышу: вроде как козочка скачет по полу. А у нас-то сроду коз не держали. Слышу дальше, вроде как кто-то крючок откинул, а дверь не открылась. Потом копытца по полу туп-туп до печки (а у нас там вперед бабушка спала, которая тогда как раз умерла). Я как заору: «Мама!» — и к матери. Больше я никогда не спал на печи.

Потом спрашивал у матери, не пугала она меня. Она говорит, что нет. Да и к чему ей это? Так я и не понял до сих пор, что это было.

94. Я на себе испытала... Я его, конечно, не видела, только чувствовала. За руку поймала. Рука-то мягкая-мягкая...

Я родила Вовку в сорок первом году, в апреле, перед войной. Я родила, наверно, часов в одиннадцать, а где-то в двенадцать слышу: с печки спрыгнул кто-то и ко мне идет. Я крикнуть-то хочу и не могу. А потом как-то рукой его схватила... Рука-то моя — как в пух: мягко чё-то тако, пушисто! А я же никакой сроду ни молитвы, ничё не знаю. Лежу, думаю: «Господи!...» А мужик-то у меня с ребятишками на полу. Спал крепко, если он уснет, его не разбудишь. Он мне притащил палку:

— Если чё тебе надо: попить или чё ли — потычь меня. А то пока меня будишь и ребят разбудишь.

Я лежу, боюсь пошевелиться. Потом разбудила его:

— Ложись со мной.

Он на меня матом:

— Да ты чё?!

— Ну, тогда стели мне на пол, я с тобой лягу. Не лягу я одна.

Я так всю ночь пролежала с открытыми глазами. Лампу себе поставила, и он возле кровати лег.

А потом, назавтра-то, свекрова пришла, я ей и стала рассказывать: мама, мол, так и так... Она:

— Ах ты... Что ж ты его не спросила, к добру или к худу.

Я говорю:

— А я испугалась. Мне не приходилось, я и не знала.

Она так на меня посмотрела, но и ничё мне не сказала. И, видимо, под-казала, чтоб убрали все зеркала. Дня три, наверно, прошло, я встала вижу: ни одного зеркала нет.

— Где же зеркало-то у нас?

— Не знаем.

А потом (уж много время прошло) я взглянула в зеркало-то: а у меня на шее, на этой стороне три и на этой два, пальцы-то...

95. Мальчишка у меня родился в сорок первом году. И после этого начало меня давить — хоть одна не спи. <...> Однажды вот так задавил, задавил, задавил, задавил — мизинчиком не пошевелишь. <...> Ну, старухи стали говорить: ты, мол, спроси, к худому или к хорошему.

И вот мужа не было дома, он в командировке был, должен назавтра часов в двенадцать приехать. А у меня недавно мальчик родился. Ну, я довольная: мальчика хотели. <...> И вот я здесь на коечке, около коечки на стульчике ребеночек лежит. Натопили жарко в избе. Бабушка у меня ночевала. Уснули. И слышу: два мужчины подходят. Слышу прямо чисто наяву: два мужчины (обои такие видные, при костюмах, рубашечки чистенькие) посмотрели, говорят:

— Мальчик... Мальчик маленький.

А у меня койка-то стояла вот так от стены-то, от заборки. И вот оне обои туды (тесно так) втираются, чтоб встать-то в изголовье у меня, понимаете? В головах встали, вот стоят они обои, чё-то шепчутся. А я уж чувствую: <...> меня уже задавило, чувствую, что все, сейчас умру-ка... А они шепчутся. Думаю: «Чё же они хотят, убить меня или чё ли?» И вот на ум-то припало, что бабушка-то говорила, <...> и я на уме-то: «К худому или к хорошему, к худому или к хорошему?» Сказать-то не могу. И вот один, вот с етой стороны: ху-у-у — как дыхнет! Вы понимаете? Жаром, как из каменки в бане! Даже вроде как вспотела я. А потом как до ног дошло, да как заморозит! Все тело как закоробило — и отпустило. Я соскочила и говорю:

— Бабушка, бабушка, зажигай огонь. Я сон нехороший видела.

И бабушке сразу рассказала. Она говорит:

— Девка, чё-то нехорошее... Чё-то нехорошее. У тебя бы два мужика не было. У тебя, однако, два мужика будет.

— Да ты чё, бабушка?

И действительно, в этот год Сашу угнали, убили. Шесть лет прошло, за Николая-то вышла, тридцать лет с Николаем прожила — и все-таки нехорошо: вперед меня умер...

96. Предвещевало у меня: хозяина убило — и мне предвещевало в ту ночь. <...>

Теперича, вечером прихожу-ка домой, убрала все. Ложимся спать. Мы на полу (раньше коек не было же, деревяшка стоит маленька, вот на ее постель складывать). Ложимся спать: Коля у нас в середочке, как поменьше, Аня

с краю, я с краю с другого. Слышим: харчит и так страшно харчит! Просто вот как животину колят, бывает харчание. <...> Я голову подниму, мне кажется, как с переднего угла. Сначала я послушала, поворачиваюсь и говорю:

— Сыночка, ты не расстегнул воротник. — Думаю: «Может быть, туго ему?»

Он говорит:

— Мама, это не я.

Анька ревет:

— Мама, тоже не я. — Платице снимат.

Я повернулась к печке — вроде как оттуда, из-за печки. Ну, ползет, аж морозит всю... Вот мы лежали, лежали — давай вставать. Спичек нет — кака же жизнь была в войну-то — зажечь огня нечем: и лампа пуста, и солярки <...> нету. Вот бились, бились — соскочили. Я у стола постояла, еще сказала:

— Кому я так надоела? Вон кака чистоточка. Уж как мне придется, устану, а все равно сделаю как-то, должна сделать.

Ну и замкнули, пошли. У меня <...> в ящике шалька лежала да детское одеялко — я и то вытащила, с собой взяли: упрут, вдруг кто залез, может, отпугиват. Приходим к отцу. Отец уже спит посереде ограды (раньше же все спали, вишь, на вышках, на телегах, в амбарах, а сейчас в избах преют. Из-за холоду? Климат изменился, ли чё ли? Мы и набегаемся ночью, девками были, кто нас караулит? Отец уж спит, а мы тихонько придем да — как не ходили никуда...). <...> Я к отцу подхожу, он говорит:

— Ты чего бегаешь с ребятами? Спать надо.

Я плачу:

— Тятенька («папа» не звали, все «тятенька»), вот так и так.

Он говорит:

— А, додумала, со слезами да горем... Ты, Дорка, не плачь.

А мне писем от мужа месяца два нету. Я с ума схожу, думаю: «Чё же это так долго Иван не пишет, ничё нет?» Стала тосковать, сны худы стала видеть. Кому расскажу — о-ё-ёй! Но оно и совпало точно...

Ну, мы пришли туды, в избу. Захожу, <...> мама моя водится с Петькой — полтора годика ребеночку, маленький. <...> Она меня поругала:

— Не надо думать, не надо плакать. Чё будет, то и будет. Кого-то убьют — на то война... Кто вернется, кто нет. Если счастливые ребята, то отец вернется, — понаговорила мне.

Вот мы посидели, посидели у них там. Я говорю:

— Мама, пойдем к нам. А ты, Чижик, спи, — на Петьку-то (Чинова моя фамилия-то девичья). <...>

Мы пошли. Мама полупальто надела. Анька-то хитра: она к Клаве, сестренке, залезла под одеяло. А Коля, тот бестолковый был, бежит за мной и все. А ночь же.

Теперь, приходим и легли опять на то же место, где мы спали. <...> Немножко погода как начал опять! Ишо хуже!.. <...> Мама меня достает через Колю-то:

— Вставать надо!

Ну, кого же! Нельзя лежать никак. Вот мы поперлись опять туды, в дом родной. <...> Утром я встаю, ребята там остаются, я домой по улице. Прибегаю, отмыкаю, зашла. Все в избе, в подполье соскочила, в амбаре просмотрела — ни даже не подкопаться ни к чему! Идет бабушка Моничиха (она сейчас покойница) — старушка у нас жила, соседочка, славная такая, ворожейка. Все угадат! Она:

— Дора, раньше тебя никто не встает. Утром в окошко гляжу — ты уж бегаешь.

— Тетя Фрося, Ефросинья Ивановна (ее развеличиваю)! — Вот така и така штука.

— Ой, девка... Давно тебе от Ивана чё было?

— Давно уж ничё нет, месяца два, наверно.

Она записала, на како число-то все это дело. И точно: мне извещение-то пришло, стала смотреть... Александр Константиныч был, учитель (он сейчас умер), пришел и говорит:

— Вот, Дора, пожалуйста, факт налицо. Его убили, а «хозяин» тебе дал знать, что хозяина у тебя теперь нету. Вот видишь, как совпало.

Я до сих пор... мне семьдесятый год идет... не могу забыть. Никак не могу. Как припомню — вся замерзну, задрожу, думаю: «О-ё-ё... Как пережили мы все!»

97. А вот еще случай был. <...> Этого я никогда не забуду.

У меня как раз жила эвакуированная из Гомеля женщина. Она врач была, ну, и я в больнице работала и взяла ее к себе на квартиру: веселее же, чем мне одной.

И вот я в том углу лежу-ка, она вот сюда, а так вот дверь у нас. <...> И вот я слышу-ка: из-за печки бежит, понимаете, как кролик, и лапой-то вот так — тук-тук-тук — ударят об пол. Я сразу взглянула, смотрю: на пороге заяц. Такой белый-белый! И ушечки маленько черненькие, кончики. На порог-то заскочил, на задние лапки встал и вот так почистился. На ее посмотрел, на меня и — скок-скок-скок — убежал. <...> И Зоя Павловна курила, лежала вот так навзничь. Вижу, Зоя Павловна следит глазами-то вот так. У меня прямо по коже мороз — откуда же этот заяц? Он убежал, она и говорит:

— Ти-ин (она белоруска), у нас трусы е?

— Какие же у нас трусы (трусы — кролики по-белорусски)? Какие у нас трусы, когда нам с тобой жрать-то нечего! Еще трусов будем кормить...

Теперь что? Раз! — и свет потух. У нас свет был. А у ей на стуле лампа стояла, керосинка. Она зажигает эту лампу:

— Шо так? Айда искать. Айда!

Пошли мы искать. Ну, хоть бы где-нибудь какое было отверстие. Бывает, в доме кошечке делают такое отверстие, чтоб ходила в подпол. А тут такая шшелочка в подполье, он же не мог в эту шшелочку ускочить... Вот что интересно.

Было это в январе (я забыла... так-то бы записать эту дату...), а двадцать первого января у меня мужа убили. Вот оно как. Вы понимаете? <...>

А вот нынче-то, как мне потерять мужа, как умереть ему... Уехала я в Балаганск со внуком. Чё-то признали у него <...> Галя пришла:

— Мама, съезди.

Да и он, Николай-то:

— Съезди, старушка, чё там. Может, дня три пролежишь, да и отпустят.

— Тебе, поди, плохо тут будет? Не поеду я.

Но посмотрела: Дима пришел, Галя, просят. Думаю: «Чё я? Съезжу». А распутица была. Уже и по Ангаре не ездили, запрет был. Туда приехали, восемь дён пролежали — раз! — запрет и никуда! И самолет не садится: грязина така. Нас выписали с больницы. Куда нам? Знакомых никаких нет у нас. И мы там три дня сидели. Ну, я так плакала, так я переживала! Как поедem? Ну прямо сине море эта водища кругом. <...> Я плачу! Вот сердце у меня прямо несет, как водой. Внучек-то:

— Баба, ты чё плачешь? — У меня сердце чувствует: <...> чё-то неладно.

И вот так расстроилась, у меня давление поднялось, температура. Не могу спать. Выпросила у нянечки чайник, думаю: «Чайку попью, может, усну». И пошла (это было в час ночи), чай вскипел, я в кружку засыпала и пошла заливать кипятком. Только на кухонку-то ступила — смотрю: оттуда, с улицы — словно кто ее приглашал — хвост, как у белки, да пушистый такой! Ростом она будет величиной с кошку. Вот такая коричневая, <...> бордовая, аж блестит... Оттуда выскакивает! Хвост так растопырила — и мне под ноги, и вот туда, в угол. Что такое? Мордочка беличья и усики такие, в кучечке и ушечки, <...> как у белки. Белка и белка! Но большая. Глаза светлые-светлые, как у кролика глаза. Я ишо посмотрела, а нянечка-то спит, Капа (я ее Капулей звала).

— Капа, у вас тут кошки — не кошки ли, кто такой?

Она и говорит:

— Ты, бабулечка, иди, у тебя, наверно, температура. <...> Тебе уж кажется.

Я, дурочка, давай ее искать. Поискала, поискала — деться некуда ей. Что такое? В комнату только захожу-ка, а парнишечка этот никак не спит. Он ко мне выскочил — цоп! — меня обнял, я маленько его не обварила. Кружечку поставила, развернулась, думаю: «Возьму его да положу на кровать». Смотрю: она опять у меня из-под ног, эта белка, выскочила! Белка — не белка, кошка — не кошка. И опять же она вот так круг дала — и под койку. Я опять же ее искать. И тут, когда я не нашла никого, у меня так стронуло... Ить у меня тогда с Александром-то неладно получилось, убили его, когда так мне наяву помаячило...

И потом, когда у меня бабушка умерла... Пошла я по телят (мне так лет двенадцать было) — что такое? Такая же маленькая собачонка вот так obeжит кругом меня, посмотрю — ее нету. Такая же желтенька... Обратно прихожу — бабушка у меня умерла. Вот интересно...

Эту белку искала, искала. Надо же мне ее искать! Какой-то меня ужас взял.

Домой приехала, кое-как добралась: и на машине-то, и на автобусе-то, пешком-то я с Балаганска до тракту шла, всяко. <...> И вот я коеньки-как приехала. Он уже знал, что я до магазина-то доехала, там стою: такая грязница, пройти нельзя. Чайку сварил, так меня встречал, дверь открыл.

— Проходите, Кристина Александровна! Пожалуйста! — По-старинному раскланялся. На стол наладил, самовар вскипятил. — Жду ить я тебя. Мне ить сказали, что приехала, но не иду: грязь. <...>

И вот эти полдня я побыла с ним. Всю ночь мы с ним проразговаривали. А назавтра в день, во втором часу, он умер. Вот так...

Ну, что это такое, а? Как понять? Это не во сне... Я этих привидений до смерти боюсь. <...>

Одна женщина у нас рассказывала: я, говорит, по кухне хожу (а вот так же занавеска у дверей), хожу на кухне, убираюсь. Что такое? Вот такие большие ноги, белые-белые, по комнате прошли, мужские ноги, от кровати-то туда. Пошла, посмотрела — никого нет. <...> А в обед утонул парень-то, брат ее. <...> Вот такое дело.

Какое-то есть предвешенье...

98. А это было у нас.

Лошадь утромхватишься — мокра вся. В чем дело? На ней же никуды не ездили! Она тут, во дворе, была. Одна и та же лошадь. Бились, бились вот так. В чем же дело? Ничё не можем понять. Вся закуржавет, мокра! Но, теперя, нас спрашивают:

— А вы не видали, никто на ей не выезжат?

— Дак нет. Ходим же вечером поздно, сено бросаю и утром ходим бросаю — никто ничё не видал.

И вот опеть же свои же научили:

— Это на ней «хозяин» ездит какой-то.

— Дак мы же хозяева.

— Да нет, — говорит, — не вы. Надо ладить.

И вот изладили, значит, — не стало этого получаться.

99. У нас четыре коня было. Одного-то невзлюбил домовый и все.

Утром приходят мужики: у всех овес насыпан, гривы заплетены (он им косички мелкие-мелкие плетет). А этот вспаренный весь, храпит.

Ну, решили мужики подкараулить его. Взяли подвесили дырявое ведро под овес, а сами за скирдой спрятались. А домовый пришел, стал овес насыпать, а ведро дырявое. Он как кинет его в скирду, в мужиков. Ох, перепугались они и убежали!

100. Я еще девчонка была, а помню. Как-то в память все позапало.

Лошадка у нас тогда была. Наповадила к нам в стойку кто-то ходить да косичку заплетать. Вот как-то однажды дед пошел в сарай — у лошади опять заплетены косички. Он про себя говорит: «Наверное, домовый». А смотрит: старичок сидит. Он и говорит:

— Сидишь?

А тот сжался, малюхонький такой стал, да так тихонечко прокряхтел. А сам косу-то плетет.

Мать моя частенько тоже поговаривала, мол, уйдет куда-то, вернется — а в избе-то уж все прибрано.

...Маленький, говорит, такой старичок, седенький.

101. Бабушка моя ишо рассказывала. Жили они хорошо, коней имели. Все кони как кони, один же исстрижен и худеет на глазах. Однажды утром дед по двору пошел, видит: варежка валяется из какой-то непонятной шерсти.

Притащил ее в дом да и в печь бросил. Бабка ему:

— Зачем ты это сделал? Ведь это суседка коня <...> И варежка его.

Вечером дед пошел в зимовье. Ночью слышит: открывается дверь, кто-то залезат на печку и пыхтит. И давай вожжами деда выхаживать. Как настоящий мужик, бил. Это суседка приходил.

102. У нас кони не стояли. То пропадет, то ногу сломат. И вот один старичок отцу говорит:

— Ты двор перетащи на ново место. Не поленись, перетащи. Отступи вот сюда и перетащи. — Это значит, на новом месте загородить надо. — У тебя кто-то враг есть или кто-то подсмеивается.

А раньше же шаманы эти были.

Но ладно. Чё сказано, то сделано — это в пословице говорится. Взяли и перетащили двор на друго место. Перегородили.

Взяли нову кобылу. Она ожеребилась. Он начал продавать коней. И в колхоз только сдал десять. Видел?! Как получилось. А то у нас за полтора года восемь лошадей ушло на тот свет. Волки задавили, стрихнину одна объелась. Вот так получилось.

103. Раньше у нас говорили: если животное не ведется, значит, она домовому, хозяину, не ко двору. А чтобы скотина была справной, велась, надо во дворе держать бахану. И вот у того, кто хорошо жил, всегда козел во дворе ходит. У Павловских был большой старый козел. Все по улице объявления «читал». Только пройдет человек — кто он там, клеил — козел слизнет объявление и лижет этот бурдук, клейстер.

И был у нас серый конь. Говорили, на нем «суседушка» ездит. Вечером сухой конь, утром весь закуржавееет стоит, на ногах еле держится. И стали бахану запускать — все стало хорошо.

104. А вот это бывало. Если лошадь потет шибко ночью, то яманий лоскуток привязывали к шее. Это вот суседка не любит. <...>

Значит, яманий лоскуток привязывали, <...> вот к шее привяжут — он бросат, не будет лошадь потеть. <...> Это суседка. Конь ходит, и ходит, и ходит, и ходит — весь мокрехонек. А никто не видал.

105. Была бабушка. Она все узнавала и лечила. Я к ей ходила два года лечилася, когда мы сгорели. Пожар у нас был в двенадцать часов ночи, и я испу-

галась. Вот я с перепугу стала дуреть. И вот я к этой бабушке ходила ладилася. Когда как пришла к ей, она прямо сразу сказала:

— Ну, у тебя потрясение сердца и болить голова. — Я уж стала нехорошо делать. И вот она меня лячила.

И вот я так один раз пришла, у ей сидят две женщины. Одна женщина говорить:

— Бабушка, поладь мне курочкам. У меня курицы дома не живут. Как только развидняется, они становятся на насесте на ноги и кудакають, кудакають и кудакають! Вот совсем развидится, они улезут к соседу и целый день домой не заходят — у соседа. А как вечер, они идут домой да вот головы вытягивают, как чего-то видють, как вроде кого-то и боятся. Идут и кудакають, кудакають. Вот прямо не с охотой идут домой. И взлетают на насест и стоять на ногах, кудакають. Пока уж там ночью они присядут.

А она, бабушка, начерпла кружку воды, глянула да говорить:

— Вы недавно в селе-то отделилися?

— Да, мы недавно отделилися.

— А почему вы хозяина-то не пригласили с собою. А это у вас он ходить, стонает к вам.

— Бабушка, правда, мы слышим, у нас на дворе кто-то стонает.

— Это хозяин. Он ходить. Он на вас обижается. Вы его позовите. И курочки будут там жить.

...Но они, может, так и сделали.

Это вот я слыхала сама у этой у бабушки.

106. Раньше в Бодайбо наши ходили. И там приискатели, охотники ли, зимовье построили.

Вот этот Стренчев и рассказывал.

Прихожу, гыт, остановился ночевать в этом зимовье. Сходил воды принес, затопил печку. Но, прежде всего, попросился, что, хозяин, пусти меня ночевать! — это как обычай.

Сварил чай, попил, покурил... И вот, сколь уж время было — не знаю... Подул ветер, зашумело все и — залетат... Дверь распахнулась, залетат...

— Ага, у тебя человек! Давить будем!

А этот говорит:

— Нет, не будешь. Он у меня выпросился, — это хозяин-то, домовый.

И вот они сцепились. Возились, возились — хозяин все-таки того выбросил. И тот засвистел, ветер зашумел... Я, гыт, уж не в себе, думаю: «Ежели бы не попросился, то значит все — отработал бы!»

Он видеть-то их не видел, а только слышал возню-то иху, разговор.

107. Это вот в Нергороду-то, по Нерче-то. Там есть Зюльзя, так за Зюльзой туды ишо Тэкер и Окима. Я оттудова один раз шел. А посредине там, от Зюльзи-то до тех деревушек, зимовье стояло. Ну, заезжали. Зимой поездят по Нерче-то на санях-то, а летом-то тропина одна — верхом да пешком.

И вот мне пришлось раз идти. Я, теперича, опоздал... Дай зайду в его зимовье, переночую, а утром еще пятьдесят километров до Зюльзи надо месить. Ну и захожу. А темно уже. Захожу за всяко просто. А то, мол, по лесу-то идти ночью темновато да и хуже же...

Я дверь открыл, зашел, спичку чиркнул, смотрю: нары. Все пусто, никого нету нигде. Спичка угасла — я втору. Взглянул на леву сторону, в левый угол, смотрю: человек сидит на кукурках. Спичка угасла — я вторую, и к нему вплоть, в угол: так он же неживой, человек-то! Ну, чё, неживой так неживой: вот так зашел, может, и подох, вот так, как я же зашел... Я все тут преспокойно. Но лето же было. На мне тужурочка и больше ни ножичка, никово... Я туды, в угол-то, — так нары-то настланы — прошел и лег. Фуражку да чё под себя подложил, под голову. Гляжу: вдруг дверь, мне кажется, открылась. Заходит — дядя дак дядя! — гляжу. <...> И вот, паря, <...> он ко мне тут пробирается.

— Ага, ишо есть один.

А я смотрю, а кто же из-под нар вылезит? Из-под нар вылезит бела кака-то фигурятина, здорова! Ну и сгреблись, и сгреблись.

Это вот бывало давно: когда заходишь куда-то (а да и счас оно есть), вроде, надо проситься у хозяина ночевать, у кого ли там.

А я зашел да ничё не сказал, а на уме перевел просто; вроде, мол, хозяин, пусти ночевать.

И вот, брат, аж шум, шум! Теперь говорит, который из-под нар-то вылез:

— Не тобою пущен, не тобой и взят.

Ну, у меня все застыло уже. Боюсь. Что ты, шутишь?! Навалится — смерть. <...>

И вот высадил он его. Высадил — и не стало никого. Выгнал. И дверь не затворена. Вот интересно-то. Вот тут я сам не могу до сих пор понять: то, может, мне пригрезило, а дверь-то почему по́ла была? Вот тут-то как? <...> Могло пригрезиться, если я уснул. Так я заходил, дверь затворил, а дверь оказалась по́ла.

И вот утром уже рассветало. Я дожидаю солнца, когда солнышко взойдет. Просто замерз на нарах, у меня все отнялось. И вот потом чё же? Огляделся: больше никого не видать, кроме этого человека. Я с нар сполз, на ноги стал, а шагнуть не могу — оробел, стало быть, боялся тоже здорово. Ну, потом к колоде подошел, думаю: «Ишо не стоит ли там?» За колоду выглянул туды, сюды: никого нигде нет. Оклемався, вышел и по тропинке пошел. В Зюльзю прихожу, предъявил: так и так, в зимовье человек мертвый. Ну, поехали, его подняли. А какой человек был, не знаю.

И вот, парень, чего это такое было? Я вот сам сейчас даже не могу... Если во сне это мне пригрезилось, а дверь-то почему?.. Вот тут я не могу до сих пор понять. <...> Дверь туго затворялась.

108. ...Это уж я своими ушами слышала.

Построил в Травяной пади один наш мужичок зимовье. Скот там пасти, то, друго... Скотину перегнал. А перед тем попросился у домового:

— Хозяин-хозяин, пусти меня к себе и скотину мою жалуй.

На ночь каши наварил полный горшок, сам не тронул, а на шесток домовому поставил. Ну вот. Загнал во дворы скотину, стал жить, пасти.

И как-то раз дождь был. Он промок весь, к вечеру загнал во дворы, пошел, согрелся и уснул. Спит, вдруг кто-то его за плечо встряхнул:

— Хозяин-хозяин! А быки-то твои стамовик разбили, ушли вверх по падё!

Соскочил он. Выбежал: правда, дворы пусты. Он — на коня и вверх по паде. И уже в вершине догнал, заворотил.

Потом снова как-то... Спит, слышит:

— Хозяин, у тебя зимовье-то горит!

Проснулся: вот беда! — все огнем занялось!

— Дедушка-домовой, помогал бы мне тушить-то.

И сразу дело лучше пошло, затушил скоро, ничего как-то не погорело.

109. Друг у меня один был. У него отец умер. Похоронили отца-то, поминули. Люди разошлись. Так за день умаялись, что ничего убирать не стали. Ну, меня мать его упросила ночь побыть. Спать-то и ложиться не стали, сидим в темноте. Тишина тягостная.

Вдруг кто-то ложкой стучит и говорит: «А у них кисель-то вкусный». Я так к месту и присох. На Вовкин (это друг-то мой) голос не похож, а кроме меня и его мужиков-то не было. Мать-то его к выключателю бросилась, свет включила: никого нет! Так до утра со светом и сидели.

110. От бабушки слышал: <...> с ее подругой было.

Я, грит, сплю ночью, мне, грит, снится: у меня парень — ну, я будто в молодости, я с парнем — он меня чё-то за волосы по голове гладит, целует. Я, грит, проснулась, думаю: «Чё тако?» Ну, так ощущение рук, волосатых рук. Слышу голос: «Спи, спи». Я — раз! — грит, повернулась и опять сплю. Такое ощущение легкости.

И вот утром, грит, встала: четыре косички заплетено, не две, а четыре. Она сначала не поняла, чё к чему. Ну и, говорит, месяца два продолжалась такая ерунда. Потом ее муж пришел (старик тоже уж), а они спали отдельно друг от друга — чё там у них, я не знаю. Вот утром встанет, на нее посмотрит — она заплетена, но, косички, все заплетено.

И вот он начал потом... в подпол залезет и давай: картошку они всю оттуда выгребли. Ну и всё, вроде ничё нет.

А потом старуха научила: принесите, грит, вётоши. Ну, это трава, которая на зиму остается. Вётоши, грит, возьмите, облейте водой. Водой, грит, облейте: ну, чтоб она не горела — дымила. Зажгите её и все. Они — раз! — зажгли, и все, не стало.

111. Мама моя в положении Андреем ходила. Приходить к ней по ночам стал молодой мужичок, небольшой, без бороды. И живот правит — руки-то мягонькие. Сначала она не говорила про это никому, потом матери своей рассказала. А она ей говорит: «Иди в анбар <...> спать».

И сюда он пришел. «Я-то, — говорит, — ваш хозяин. У твоего отца детей много было. Я с тобой в Уктычу ездил венчаться и буду теперь вашим хозяином. Пойдем во двор со мной, посмотри, на кого ваш хозяин похож стал». Ну, пошли они. А там дед старый сидит, седой, оборванный. Вот этот небольшой мужичок и говорит: «Он скоро умрет, а я буду на его месте». И еще на корову белую показал, что она в том углу умрет.

И правда, через несколько времени она в том углу сдохла.

112–122. Банник

112. Раньше ведь строили бани по-черному. Ну, вроде зимовейку построят и такую примитивную печь из камня. Ну, чтоб стена-то не горела, эту печь вплоть не ставят ко стене, а там щель остается, ну, примерно, сантиметров где-то двадцать.

Так вот, нам все старики говорили: «Ребятишки, если моетесь в бане, один другого не торопите, а то банник задавит». Вот такой, дескать, случай был.

Один мужик мылся, а второй:

— Ну чё ты там, скоро или нет? — Раза три спросил.

А потом из бани-то голос:

— Нет, я еще его обдираю только!

Ну, он сразу это... побоялся, а потом открыл дверь-то; а у того мужика, который мылся, одни ноги торчат! Он его, банник-то, в эту щель протасил. Такая теснота, что голова сплющена. Сам же он не мог бы так пролезти, чтобы голова-то сплющилась.

Ну, вытащили его. А ободрать-то он его не успел.

113. Короче, это было в Макарово, в деревне. От Ушумуна она недалеко, это Макарово.

Женщина одна пошла в баню. Ну и потом она оттуда — раз! — выбегает. Ну, голая вся (пока разделась, мылась...). Выбегает, чё-то вся в крови, в общем. Прибежала домой, отец на нее; чё, мол, получилось? Она ково? Она ни слова, никоно не может сказать. Пока водой ее отпаивали...

Этот отец в баню забежал. Ну, ждут час, два — нету его, три — нету. Раз! — опять туда забегают: там шкура на каменке натянута, а его самого нету. <...> Это банник!

Вот, он, короче, побежал: он с ружьем, раза два успел выстрелить. Ну а, видать, рассердил его шибко... Ну, и шкура, говорит, там натянута на каменке. <...>

Старики рассказывали. <...> Это давно ишо было.

114. Это тоже рассказывали. Спорились парни. Один парень говорит:

— Я ночью в баню схожу и кирпич возьму с печки.

Ему говорят:

— Нет, не возьмешь.

— Почему не возьму? — И он пошел ночью. Но и только стал брать кирпич-то, нечистый тут и выскочил:

— Ты что здесь делаешь? Зачем?!

— Вот, мол, мне нужно взять кирпич.

Но, кого же, банник его задавил тут. Он не пришел никою. Его ждали, ждали, ждали, ждали. Пошли, а он там лежит задавленный.

115. У нас в Еремино дед один... Константин, кажется, попался баннику.

Они с бабой в баню ходили. Баба-то уже оделась, а дед взади остался. Ему шапку да тулуп одеть осталось. Баба ему и говорит:

— Я уж пойду, а ты догоняй.

Домой пришла, а деда пятнадцать минут нет, двадцать... Побежала она в баню. А старик-то в предбаннике лежит, весь голый. Ну, живого его захватили еще.

Он потом сам рассказывал: схватили его, раздели, на полоч утащили, а потом с полка стаскивать начали. Кто за ноги, кто за голову тащит. И душат, и мнут...

Вот отсюда-то и идет: ходи в свой пар.

116. Тетка рассказывала.

Утром встаю, на самовар угли надо. Серенький свет, часа три-четыре. Дверь открыла — ой! — ладушки захлопал, заревел, захохотал. Я, гыт, закрестилась и взапятки, взапятки — и убежала.

Ну, не пойду теперь сроду больше за углями... Ну, едва прибежала!

Я ей говорю:

— Дак чё ты в баню-то ночью? Какой тебя понес?!

— Так углей нагрёбу: самовар ведёрный.

117. Дед Тимофей Распутин рассказывал.

Построили одни баню, и в это время заболела у них дочка. А под подушкой каждое утро мать находила кусочки сахара. Уже и покупать стали сахар песок, а все равно каждое утро мать находила сахар. А девочка все хуже и хуже себя чувствует.

В это время в их доме остановился старик проезжий. У него-то и спросил отец, почему девочка болеет. Тот посмотрел и сказал сходить в двенадцать часов на кладбище, накрыть стол белой скатертью и поставить на него две рюмки и бутылку водки. Причем рюмки должны быть не граненые, не с рисунком, а простые, светлые.

Все так и сделал отец. Стоит и ждет. Вдруг слышит: водка наливается. Он повернулся, а никого не видит. Смотрит, а рюмка уже пустая, и вдруг кто-то говорит:

— Баня у тебя не на месте.

Послушался его отец и стал разбирать баню. А девочка помаленьку стала выздоравливать. И уже когда оклад разбирал, вышла девочка на крыльцо.

Видно, правду говорил он, что баннику место не понравилось.

118. ...А у них баня в ограде-то стояла. А я на крыльце (крыльцо высоко у них было, но как у вас сейчас пристроено — вот так же). Я стою это, вышел да... А лунна ночь, прямо настоящие светло. И вот Митька поймал эту Воронуху, сел на нее, а этого гнедого коня погнал. Он вышел и сразу у бани-то давай валиться (а кони обычно же... — ну и кататься).

А он — но вот эканький, как раз... окна там небольшие, дак он вот в окнах-то — прямо нагой как есть. Глаза так вот таки у него. И стоит, значит.

Конь-то как перевернулся — увидал — соскочил сразу и за ворота. И Митька увидал — и заревел потом. <...>

А он оттуда, из бани — дверь открыта — выскочил и под сарай. Я схватил заложку, за ём, под сарай забежал — там никого и не было. <...> Думал я: «Клад». Говорят, все клад бегат... Но думаю: «Сейчас, может, мне подфартит».

Забежал под сарай, туды, суды — ни черта нет.

И вот как сейчас вот вижу: <...> маленький бежит, нагой и всё.

119. А то вот насчет банника-то. У нас была старая баня. Но, в ней зимовали курицы, всё.

И вот сестра и сестреница пошли загонять вечером куриц в эту баню, зимой. Но, загнали куриц, сестра-то ушла, а эта — сестреница — осталась закрывать куриц.

И дедушка, старик, сидит. Шубой накинулся и сидит, грит, а там видно было все. Она после говорит: «Я его ишо подошла за плечо потрепала:

— Ты чё, дедушка, сидишь, делаешь тут?

Он мне чё-то ответил, мыкнул. Я, грит, не поняла».

Но и повернула и убежала. В избу забегат: дедушка как сидел, так и сидит.

— Ты, дедушка, как пришел из бани-то скоро?!

— Я, — грит, — не был там, ты чё?!

И вот схватились, кинулись туды — никого нету, никакого дедушки не оказалось.

120. А вот с моей подружкой дело было.

Старики ей говорили, что одной баню замывать нельзя. А она то ли забыла, то ли посмеялась. Пошла в баню-то одна мыться, последней. В девках еще была.

Зашла, голову намылила да за водой-то нагнулась, глядь: а под лавкой сидит маленький старичок! Голова большая, борода зеленая! И смотрит на нее. Она кричать и выскочила!

Нашли ее братья на снегу. Еле откачали.

А так кто знает, было это или причудилось ей.

121. Папа один раз рассказывал матери. А я уж была большенькая.

Он ехал на подводе, своя пара лошадей с колокольчиками. Ехал по набежной. И вот тут, где берег, — на той стороне же жили — стояла баня.

Я еду, он маме рассказывает, выходит женщина или мужчина ли и говорит: — Виктор Афанасьевич, зайдите! — Громко, ясно видно.

Я, говорит, коней-то завернул, баню-то открыл, спичкой чиркнул — никого нет! Он, говорит, с испугу-то упал в кошевку, и кони-то — они знали двор-то свой — они привезли его. И он чуть не умер.

Чудится!

122. И в банях чудилось тоже.

Значит, все перемыслись. И пошли вдвоем мать с ребяташками, ли чё ли. Налила, говорит, воды, начинает мыть. А под полком — полком кверху поднимается — ребенок ревет: «Увяк, увяк...» А тут кто-то и говорит:

— Ну, погоди, я тебя сейчас помою...

А баба та собралась, ребенка в пазуху да нагишом из бани...

123–138. Кикимора

123. Тоже в соседнем доме было. Чушка стала бегать. Чушка насерет, чушечье говно... Житья нету тоже. Ково же!

А получилось у них вот как. У них девочка маленька была. Она, хозяйка-то, вышла по хозяйству, а у них печка топилась. Девочка рядом со щепочками играла. Боле никого дома не было. Девочка угольки, видно, выгребла — все загорело на ней, кухня загорела. Мать прибежала, двери открыла — ее огнем! Она попасть не могла. Дочка сгорела.

И вот стало у них: эта чушка бегала. Потом, говорили, тоже ерничинку нашли, как куколка замотана. Ерничинку выбросили — и ничё не стало потом.

124. Я, однако, тебе рассказывал, у нас три чуда было. В избе, вот в этой избе. Заяз бегал, бык, собака. И чушка, поросенок.

Хозяйка ушла за дровам, а в избе поросенок. Она пришла — он на лавку, на стол, везде.

А потом в етим самым [дому. — В. 3.] стала маячить собака. А то оправлялась: то чушка <...> — куча. Уберут, назавтра придут — опеть. То двери расхлобыснутся.<...> Вдруг все двери — раз! — все открылись.

Потом тут шорну открыли. Ковды шорну-то открыли (а в колхозе, знаете, шорна была: хомуты налаживать, седёлки, сёдлы — к весне), теперь сперва пришел старик, мохнатый, а рук-то нету вот так. Мохнатый стоит. Тут шили, а он подошел, глядит. Но ить у каждого же ужась-то берет! Клещи (клещи-то знаете? <...>), теперь, один замахнулся — старик ускочил. Маленько погода собака мимо пробежала, желта. Потом на другой день собака пришла, да така кобелина дак о-ё-ёй! — как будто теленок, на это место.

А потом чё? Стали искать — там ерничинка, или палочка, ерничинку, наверно, не знаете, вы же городски. Куколка завязана: будто как платочек, личико — или как сказать? — мордочка перевязана, все.

А где вот ушкан-то, там (но же умны люди делали!) там такая из резины из желтой сделана тапочка. Вот така! Тапочку убрали — маячить не стало. Сожгли — маячить не стало!

Но кто-то же делал!

125. Сосед рассказал мне как-то историю. Он, вообще-то, человек был не-суеверный, грамотный, инвалид Отечественной войны. Ногу одну свою там оставил.

Вздумалось ему дом себе новый поставить. Сыновья строили, а он им указывал, что куда положить. Сам-то не мог подсоблять: калека был. И вот, как спать они лягут, в этом доме-то ночью уж такой тарарам подымается, будто ведра друг об дружку стучаются, переворачиваются. Гром, шум ужасный стоит, что спать невозможно.

И так повторялось каждую ночь. Однажды сосед не выдержал и накричал на сыновей, что будто бы они там ведра забыли, вот их ветер и гоняет по крыше, по чердаку-то. Они его подняли, сыновья-то, наверх. Светом осветили, а там пусто, хоть бы одна железячка какая осталась. Слезли оттудова, а все ведра стоят внизу, как сыны поставили с вечера. Плюнул сосед с досады, пошел спать. Только в дом — на крыше опять началось!

Так ничего они сделать и не смогли. Жуть стала брать всех. Продали дом и уехали.

Потом много времени прошло, гляжу я как-то: приехали они снова. Родные места заманили, видно, обратно.

А помнит тот случай, все рассказывает...

126. Напротив нас дом был. Старинная печка там с целом стояла. Хозяйка в подполье ползет — кто-то юбку тянет, тянет с нее. Вдруг стало из-за печки понужать. Как трахнет — старику попало в голову. Приехал мужик один к ним, сел чай пить — и как камень на стол угодит!

То из-за печки вдруг заяц выскочит, то щенок. Тогда один богатый дед говорит:

— Тут клад есть.

Они тогда выкопывали и стали печку рушить. И в той печке кукла оказалась, как живая, смотрит. Привели тогда попу, иконы поставили, давай везде служить. Тогда утка вылезла, закрикала и ушла.

Потом не стало ничего больше.

127. Нил Платоныч партизанил тут где-то на Амурской. <...> Был помком-взвода.

Вот, говорит, мы заехали в одну деревню. Уж не знай, кака деревня, забыл, счас не помню. Но, заехали ночевать. Но, где же! Нас много ить, нас целый отряд был. Но, мы на краю деревни. Тут дом новый стоит, построенный, всё, возле него, говорит, старенька худя избенка. Но мы теперь уж куды? Говорим:

— Хозяин, ты нам (а тепло было) разреши нам в этом дому ночевать.

Он, теперь, этот хозяин:

— Ой, ребята! Я бы вам разрешил, но, — говорит, — в ём чудится, нельзя спать, никак жить нельзя (а все хорошо, уделано все). <...>

— Но, нас много! (Нас же целый взвод.) Чё мы? Ничё, ночуем.

— Но, дело ваше. Я отомкну...

Пошел, нам открыл. Мы зашли в его, в этот дом. Но чё, говорит, посадом на полу разлеглись спать и всё, значит. Вот теперь, Нил говорит, я ишо не успел уснуть, ребята захрапели сразу. А я не успел. Слышу (а темно, свету-то нету), слышу, говорит, музыка заиграла, пляска поднялась! Я на <...> соскочил и не знаю, в чем дело! Прямо, говорит, чечетку выбивают, пляшут, гыт, такую штуку в этом дому!

Но, я теперь сразу — одного, другого... Но, все насторожились, значит, слушаю: играют музыка, да прямо так громко, и пляска така, говорит, идет! Мы спички, дескать, спички. Чиркнул спичку — нету никого, все спокойно. Потом он, гыт, нам такую мигуличку, лампу, дал, хозяин: на случай, говорит, зажжете... Мы: «Но куда нам?» Взяли, угасили...

Зажгли эту светилку. Вот я лег. Потом, говорит, расстроился — уснуть-то не можем. Вот пока эта светилка горит — ничё, все спокойно, никого нет. Как, говорит, только угасим светилку, лягем — опять така штука!

И вот до утра даже никто потом не могли глаз с глазом... Никак, говорит, не дали нам...

Как, говорит, вот это — так танцы откроются каки-то и все. И вот кто это был?!

128. Мама на птицеферме работала, цыплят маленьких сторожила. Тятя был на фронте... А мама одна боялась ходить ночевать, вот меня и взяла сторожить с собой.

Пошли. Темно уж стало. А сперва-то пошли окошки закрывать. Все закрыли, одно осталось на кухню. Я закрывать-то стала, а там из окошка смотрит кто-то, глаза красные, пальцы растопырены. Закричала:

— Мама, кто-то смотрит!

Мама спрашивает:

— Где? — Схватила меня — да и к соседям. Всех собрали: Настасью, Антониду, Степаниду. Пришли, поискали — никого нет. Но и пошла по деревне слава, что изба наша «пугает».

И это не один раз. Однажды мама в город поехала. Повезла сено и молоко. Мы называли подружек ночевать: Лизку Маланьину да Санку Настасьину. Вот в эту ночь нас все пугало. Только мы это спать легли, забежали по постели ноги, собачьи, кошачьи. Раз, другой... Мы испугались, под одеялы залезли. Вдруг грохот получился — треск, гром. Полетели стекла впереди, заорали кошки — и все тихо стало. Зажгли копилку, давай искать: ни кошек, ни собак, и стекла все целы.

Потом мы созвали Прокопия. Он умел лечить.

Последний случай дак совсем невыносимый был. Приехал к нам наш дядя.

Мы его на курятнике спать положили. Мама с тятей в боковушке. Потом дядя кричит:

— Иван!

Тятя:

— Но!

— Ты, паря, на улицу ходил?

Тятя говорит:

— Не.

— Счас зашел какой-то в белом тулупе, ушел в зал и обратно вышел.

Тятя соскочил, зажгли лампу. Все просмотрели, в сенях двери заложены. Это пугает так.

Вот посла уж этого дядю Прокопия-то созвали. Он залез в подполье: где-то в углу должна быть заколочена кукла. А он ножик нашел. С тех пор пугать не стало.

129. Один нанял плотников. А тогда плотники-то, они, как сейчас, и тогда ходили: только бы где «калым» сбить. В то время не «калым», а «кусок хлеба» был.

И вот сделали дом ему. Он нанял их с полной отделкой, на его харчах. По первости-то, чтобы внушить людям, чтобы работали, кормил, все. А под послед — работа к концу — он тоже, в дурном уме, а прибростил, чтобы дешевле обошелся дом-т. И он их давай прижимать в питание: дело-то было под расчет. Раз так — оне ему и вдолбили в угол... Сделали, распростились. А он и в расчете чё-то зажал.

Закочевали. Как ни ночь, но... все свистит, да ишо кажется, ворочат дом кто-то!..

Он мучился, мучился, дом продал и уехал.

130. ...Второй случай — мой отец это видел.

Никонов был... Здесь строили они дома: в Ботах больницу строили, здесь он больницу — вот эту стару — строил. Бригада их была оттудова. Но и он остался здесь, женился в Ботах-то — Никонов. Отца взял как-то с собой (сорок километров Матокан есть) строить одному богатенькому дом. Трое они уехали: Поликарп Вырупаев, наш отец и он. Но, хозяин, видимо, договорился на ихих харчах строить ему, цену там, все, а сам харчи-то давай подсовывать: то творог с червями попадет, то чё-нибудь. Ну, богатенький — жалел вроде добрым-то накормить. Но Никонов, гыт, молчит, ничё не говорит об этом: черт с ним, как-нибудь проживем... Дальше. Когда вырубали, гыт, матку, чтоб ложить, <...> щепка одна отлетела и с визгом туды, на пол. А отец-то на полу работал. Он уж отвернулся от нее, этой щепки, а тот говорит:

— Ты подай-ка сюды, — Он ее подал. Он, оказывается, взял и под матку ее положил.

Но, гыт, сделали дом, рассчитались и уехали. Ему надо закочавывать. Он, значит, попа позвал. Осветили, на матку, гыт, кресты навели — поп с этой своей кадилки.

— Но, — говорит, — закочавывай.

Вот закочевали — как завоет в избе все! Нет возможности! Оне бились, бились. Попа опять привели:

— Но невозможно жить никак.

— А я чё же сделаю? Не знай, чё уж — я освятил. Все должно быть в порядке. — А потом и говорит: — Давайте к мастеру, чё он ли ни натворил.

Он туды поехал, хозяин-то, за сорок километров:

— Вот так и так.

— Дак вот так! Ты сначала в твороге своих червей выбросай, а потом, гыт, под маткой щепку выбрось.

А изба уж закрыта. Это же надо поднимать домкратом, потолок разбирать. Тот:

— А вот как хочешь, но я не поеду. Мне не надо никакой платы, а вот под такой-то маткой вытащи щепку. И святить не надо будет. Но сперва выбросай червей из творогу!

Вот что-то он знал же?! Он, Никонов, долго еще жил в Ботах. «Вот так, гыт, надо делать!» Чё это? К чему?

131. Это уж на моем веку было.

Отец мой дом строил, и плотников чем-то осердили. Они в последний ряд, под балку, куколку положили. Ночью как давай куакать: ребенок ревет, аж за душу тянет. Выкочевали. Спать никак не могли в доме. Посудили старики. Пришлось снимать, раскрывать крышу и етот ряд бревен.

Нашли там куколку. Ма-аленька така, из тряпочек сшита.

Наотмачь ее бросили, а потом в печь. С тех пор все кончилось.

132. Тоже рассказывали.

Старуха со стариком жила. У них невестка была. И чё получилось? Они сидят, разговаривают все — вдруг полетели судомойки! Посуда летит, всё летит! Просто бросатся! Хватятся — никого нету-ка.

Потом пришлось: вызывали, кого-то искали, все никак не могли найти-то.

И разоблачили. Избу-то ворочать стали, там ртуть лежит. Она и выфигуривала! Всякой ерунды... Человек-то сидит — то судомойка прилетит, то ложка, то поварешка прилетит! А чё получалось, не известно. Это в Елгиной.

А в Курумдюкане-то из избы-то на берегу-то, около Анны Назарьевны, подле Газимура-то — ить вышли, не стали жить, невозможно было жить-то. Вот эта ерунда и была.

И вот хозяева-то продали эту избу. И вот или хозяева чё натворили, или было там. <...> Новы-то хозяева жить не могли никак. Так и ушли из этой избы.

133. Вот сейчас там клуб в Верхних Ключах. Этот дом-то клуб. Вот в ём чудилось.

Значит, жил там этот, Кузьма Карпыч Григорьев. А раньше-то Вербина был дом-то. Строили Вербины. А жил Кузьма Карпыч, Григорьев был. И вот

что там происходило. Вот, гыт, ничё (они уж привыкли и вроде не обращали внимания, а это было действительно). Вот, гыт, лягем спать вечером — то табуретки запляшат, прямо, гыт, запляшат, то столы запляшат, значит. Вот така штука творилась! Вот один раз, говорит, такой был случай, характерный случай.

Значит, таз с водой — чё-то замывали вечером и оставили этот таз, не выташшили. Но, говорит, оставили его, таз этот. И вот только легли, еще не успели уснуть, вдруг в этом тазу как зашлёпнется, зашлёпнется! — как кто купаться в ём. Но соскочили: чё? Кузьма, гыт, соскочил <...>, орет:

— Чё бросили там? Кто где купаться? В бочке кто-то утонул, ли чё ли?!

Ну, соскочили, зажгли огонь. И характерно, говорит: кругом таза мокрота, говорит, просто наплескано. И потом разглядели, значит: прямо копытцы маленькие (мокро же, он был мокрый) — и пошел так и за печку ушел, копытцы, говорит.

Вот, чудилось. Это вот тоже было, действительно.

134. У нас в одной деревне было. Тетка рассказывала про Дуньку и Акульку.

Шел один нищий по этой деревне, зашел к одной хозяйке. Она стирала, чё ли. Говорит:

— Некогда мне тебя угощать.

Ну, он и пошел. Пошел да и сказал:

— Попомнишь меня.

С этого дня и началось чудиться. Акулька с Дунькой разговаривают друг с другом на печке и пакостят. То золы, то коровьего кала намешают в еду. Суп поставят в русскую печь, сами в поле уйдут, а Акулька с Дунькой намешают всякой дряни. Чай только скипятят да и пьют один. А масла раньше помногу сбивали, так его в баню поставили, они и там все обезобразили.

Так и мучились с ними. Дело к зиме стало. Ночью уйдут во двор, скот гоняют. Утром кони в мыле, пена изо рта, косы в гриве. А потом придут и разговаривают:

— Ты замерзла, Дунька?

— Да нет, а ты, Акулька? — А самих-то не видно.

Мучились, мучились с ними. Потом кто-то научил попа позвать. Поп пришел, молитву читает. Народ в избе собрался. А Акулька с Дунькой пустили с печки в попа скалкой. Поп перепугался, народ тоже. Как давай все из избы! А Акулька с Дунькой ступеньки крылечка разобрали — все кубарем!

Сколько времени, может с год, так в доме было. Они и в другой дом уковывывали, так Акулька с Дунькой тоже туда перешли. Давай отыскивать старичка, нашли в одной деревне. Говорят:

— Напоим, накормим, денег дадим, только давай, мол, дед, помогай, убери.

Ну и правда, напоили, накормили, денег много дали. Пошел он. Где-то из поленицы вытащил две куклы. Вот вам, говорит, Акулька с Дунькой.

Это тетка из той деревни нам рассказывала.

135. От нас-то близко она была, кикимора. Где магазин, мы тамака жили. А кикимора — у Коли Сличенко через дорогу-то на огороде дом стоял — там получалось. Ее цыгане пустили.

У матери три девки было, одна-то еще счас живет в Ушумуне. Вот он на ее и пустил. Цыган, китаец ли. <...> Дак тут тоже диво!

Раньше подле печку-то ленивки были срублены, вот как диван, такой же ширины. А там, выше-то, опять вот так полати настланы. Нас людно, ребят-то, было. Мы пришли слушать эту кикимору. Сидим тамака. А под нами мешок крестьянский лежал, тогда кули называли. Нас четверо сидело. Мы и не слышали, как с-под нас мешок вылетел. <...> Сама-то, Ивановна:

— Где-ко мешок-то?

— А он где был?

— Под вами. — А мы и не слышали, как она его из-под нас выбросила.

Приезжали с Заводу, партизаны приезжали. Не верили же, что за кикимора. К нам заедут, папка:

— Сходите, посмотрите.

Как-то узнавала, сколько чужих, сколько наших. Вот спросят:

— Сколько чужестранных, из чужой деревни-то, здесь? — Стукнет — точно!

— А сколько наших? — То же само.

А дядя Вася, папкин-то свояк, чудной был:

— Но, ты бы хоть взыграла «краковяк» или «коробочку». <...>

«Располным-полна коробочка...» — выигрывала, стуком на половицах-то. Играт и все. <...>

Откуль неизвестно, прилетит... Раз у них угли стояли студены, для самовару. Дак она их нажевала адали, больше горсти, да средь полу-то как в народ резнет! Которых позвало сразу домой уходить — застигнет же!

У меня теща в гостях была. Теперь, мама с папкой:

— Но, пойдемте, послушам кикимору.

А Катя говорит:

— Вы идите, а я не пойду!

Тогда папка мне:

— Ты тогда тоже оставайся. — Я остался, они пошли.

А у них там ботинки были связаны, старшей-то сестры. Никто не знал, где они и лежали. А кикимора имя — раз! — тещу по голове. Не знаю, пошто.

Теперь с Тайны братка мой приезжал, папкиной сестры сын. Сидел на лавке — ногу ему отбросило.

— <...> чё-то, — говорит, — ногу-то у меня отбросило! — Другу положил, придавил этой ногой. Раз! — опять отбросило. — Да это чё тако? <...>

Вот ниоткуль взялся колубок пряжи. Раз! — к ему под ноги.

— Ты чё бросаешься, ты чё кидаешься? — Как займется натаранкивать — всё говором говорит! Всё только дрожит! Спросят:

— Кто тебя напустил, стукни. Китаец? — Нет.

— Кто? Кореец? — Нет.

— Цыган? — Нет.

— Русской? — Нет.

— Кто запустил? Не китаец, не кореец, а смесь? — Стукнет, давай щелкать.
<...> А мать-то у него русская была, он то ли от корейца, то ли от китайца.

А потом Кирика же Захарыча привозили с Ушумуну. Нельзя же жить. Хозяевам нет покою-то. Они говорят папке:

— Степан Нилыч, надо Кирика Захарыча звать. <...>

Поехали. <...>

— О-о, в переднем углу в простенке у колоды в щели пошарьте-ка. Там ерничинка вот така большины подвязана, как куколка, это она фокусит.

Он откуда узнал?!

Возвращаются, забегают:

— Дядя Степа, Кирик Захарыч сказал, что в простенке в переднем углу у колоды в щелё куколка затолкана!

Папка:

— Но-ка, пойдёмте.

Мама не отпускает:

— Не ходи, там бы над тобой ково не наделала эта куколка!

Хватили — верно. Тамака.

А Кирик Захарыч имя сказал: найдешь, в ограде наклади костер, когда разгорится, ее наотмашь бросить в костер.

Ее нашли, огня наклали, раздухарилось, растопилось, он потом ее взял в костер бросил, потом ничё не стало.

136. ...Дом был у одних тут, всё девка в доме ходила. Всё помогала. Оне уйдут, она чугульки просты возьмет и в печку затолкат. А то и молоть помогала. Тогда же не было здесь мельниц, а жернова крутили. Вот она крутит камень, мелет. А ходила нага. И все делала. А спали раньше на полатах.

И вот хозяйка пробудилась, рукой повела и ее учухала. А у ней, у девки, коса така длинна! Вреда-то не делат им, но опасно! Оне бояться. И давай дом разбирать. И вот нашли куклу в матке. Куклу. Дом перетащили, после этого ничего не стало. Вот. Перетащили дом-то — и не стало ничего.

137. А тут однажды померещилось мне. Вот в этой же избе, где я в детях жила. Отчим с матерью на койке (раньше деревянные койки были, не железны), на койке лежат оне, а я возле них. Так вот бочка с водой стояла, так вот шкаф. А я между бочкой и между койкой лежала. Сплю на полу: чужой человек, приемыш. Лежу я, лежу. Надо мне сходить на улицу, по малому сходить на улицу. Пробудилась я. Пробудилась, гляжу: возле бочки стоит девочка! Вот така стоит девочка!

— Тут кто, — говорит, — спит, девочка или мальчик?

Я молчу лежу. Она второй раз:

— Тут кто, — говорит, — спит, девочка или мальчик?

Я молчу. Третий раз:

— Тут кто лежит, девочка или мальчик? Счас задавлю! — И раз на меня!

Я — ни вздохнуть, ни охнуть. Ни туда ни сюда. Не могу, никак не могу. Чё такое? Я никак. Крутилась-крутилась, крутилась-крутилась. Но, вспомнилось мне: надо материться, по матушке надо сказать, вот так. Я хочу сказать — никак не могу сказать. Но, сказала! Она соскочила с меня. Соскочила с меня и — к подполью. Стала и стоит у подполья.

Ладно. Я соскочила, подбегаю к тетушке. Подбегаю, бужу ее:

— Тетушка, тетушка!

Она говорит:

— Чё такое?

— Вот какая-то девочка меня давила.

— Кака тебя девочка давила?

— Вот, вот она стоит! — А она передо мной стоит.

Соскочила:

— Где она?

Я говорю:

— Вот! — Та — раз! — отскокнула — и к подполью.

Тетушка:

— Ах ты такая-то! Ты зачем сюда пришла? Ну-ка, иди-ка отсюда!

Она отскочила. Я потом легла. Не стала туда ложиться, к тетушке легла, побоялась. Раньше всякое бывало, ой-ё-ё-ёй!

138. Я в девках была. В Кирге жила. У меня племянник был. Мы жили на горе, а он так, под горой жил. И вот, были вечёрки раньше, собирали на вечер дома и девок и парней, всех: верховские идут, низовские идут... На балалайках играют, пляшут, вальс танцуют — по старинке.

Кончилось это в двенадцать часов уже, идти домой надо. Идет этот мой парень, племянник-то. Вот идет. Дошел до ворот и стал. <...> Видит: кукла пляшет. <...> Как пройти домой? Кукла пляшет и все. Как она жива! Он:

— Ай, черт побери! Чё она мне, эта кукла-то?! — Ворота-то открыл, только пошел — она стук ему сюда! В голову. Пришел домой, лег спать. У него жар поднялся. Вот заболел, заболел. Его отец туды возил, сюды... Ничё не могли сделать. А он не сказал, что его кукла в голову стукнула. Высох он, и вот уже осталось ему два дня или три, как помереть. Он сказал:

— Мама! Я умру — вы вот этот столб выкопайте и посмотрите, что там есть. Меня кукла раз в голову тут ударила, может, я из-за этого и хвораю...

Он умер. Они <...> столб-то выкопали, там кукла. К этой кукле — его была рубашка, который умер-то — воротник был пришитый и брюки как были — ошкур пришитый, и волосы его были. Мать-то потом узнала: вот, это наколдовали, это по злобе. Один парень только у ней был, больше никого не было. Мы все его звали братка. Он вычах, но прямо одне кости. Я помню, как он лежал. Он сказал:

— Мама, эту куклу сожгите.

Знаете, вот я стояла, я помню. Эту куклу потом отец выкопал, посмотрели

ее — все Сенькино (а его звали Семен), все его: от рубашки, волосы... Они эту куклу взяли в огонь бросили. Знаете, чё она там делала?! Она вот так там вилась, прискакивала... Сгорела.

139–182. Былички и бывальщины о змее, чёрте, проклятых

139, 140. Змей

139. У моей-то тетки, сказать, у мужика-то сестра была. У его-то сестры взяли мужика в армию. Война же была. <...> И она все плакала, все плакала, и осталось трое детей у нее. Душа земли была — исхудала!

А тогда все серпом жали. Она поздно-поздно домой ходила. Этих детей одних оставит. Ну и вот. Идет домой-то и глядит в окно: это что же такое? Яков в избе сидит в простенке. Как же он попал-то, ведь все закрыто?

В избу-то вошла, отперла сени-то — никакого Якова нету, он пропал. А это змей летал к ей... Он пропал. Потом ладно. Она взяла дойницу и пошла корову доить в хлев. Доит корову-то и слышит: по сеннику-то ходит человек! Ладно, она корову подоила, это ведро на гвоздок повесила, взяла фонарь и полезла туда, на сеновал-то. Влезла: только ноги видать, одни сапоги — человек лежит. А деверь был, его-то, значит, брат, на одном дворе жили. Она побежала туда и говорит:

— Иван, Яков домой пришел!

— Да ты что?! Война не кончилась. <...> Что он, на крыльях прилетел? Кто его отпустит? Ты, — говорит, — чё это?

— Да нет, Иван, он на сарае лежит, в сене весь зарытый, только ноги видать в кожаных сапогах! — Он тажно пошел с ней.

Пришли — никого нету. Только место, как человек лежал.

Но ладно. Пошла домой, молоко процедила. Стала ужин для детей готовить. Сели поужинали, легли спать. В кладовке спали. И он, значит, к двенадцати часам является. Является, ложится с ней.

Ночь, две — с неделю так все ходил к ней.

Потом она шарит вот эдак, пальцам по голове у него водит да и говорит:

— Ой, Яша, у тебя голова-то вся в шишках! — Но, змей! Волниста же голова-то, не как у человека.

— Ты, — говорит, — что, Паша, вот как меня взяли на войну, раз всего только в бане и вымылись. Опаршивели мы там, — говорит, — все, все солдаты.

Но ладно. <...> Она уж потом поняла. А он придет и узел гостинцев ей отдает. А ей некогда глядеть. Она этот узел возьмет и в ящичек, в сундук, клала. Ладно.

Потом уж легла в середке к ребятишкам. Он ее стаскиват оттуль, с койки-то. И вот она поняла, что дело неладно. А он с неделю уже ходил. Потом она позвала невестку, братову-то жену:

— Айдайте, — говорит, — Лизавета Максимовна, ко мне спать. Вот какое дело. Ко мне, — говорит, — летат змей, и я никому не говорила. — А он заказывал: «Ты никому не говори! Я крадучи ухожу, не надо говорить!» Ага! Она до этой поры и не говорила.

Вот они и пришли, спать-то легли на печку. Потом он как до дому-то долетел, как рассыплется — искры прямо по всей избе, так и осветило! Ой, говорит, мы думаем: «Изба вся рассыпалась по бревну!» А потом захохотал как да и говорит:

— Ладно, что догадалась! А то бы тебя сегодня не было! Ты бы задавлена была!

А он ишо потом заставлял ее баню топить, в бане бы ее задавил.

— Ты истопи-ка, Паша, баню про меня, я вымоюсь.

— Ой, да ты что, — говорит, — Яша, баню-то топить. Я же вон как поздно из поля хожу. Да приду — дома сколько дела! Когда же мне топить?

— Дак вот, когда придешь из поля-то, дома все переделаешь, вот и затопи. — Да ладно она поняла, что неладно. Ага!

А потом дрова были, цела сажень плахам, он эти дрова все <...> перетаскал и двери завалил! Все сени завалил, чтобы отворить нельзя было. Все! Все дрова перетаскал. Они утром-то встали — сени-то не отворяются. Он окошко выставил тогда, Ваня, вылез, да и всё стаскал.

И вот они недели две, наверно, к ней ходили спать-то потом.<...>

А потом посмотрела, что же за гостинец, не золото ли? Стала развертывать — лошадино г... Накладено в узлах лошадиного г... Вот и гостинец!

140. А вот Зоя-то. <...> И вот змей тоже летал в деревню-то к нам, к кому-то летал же!

— Ой, мама, — говорит, — мы все как напугались, присели. Искры-то как летят у него из роту! А он, как коромысло, — говорит, — летит, выгибается. Вот так все летит. А потом где-то пропал.

И все говорили, что он к Лидке. Когда мать-то умерла, она плакала по ей. И все говорили — к ей. Потом-то он женщиной делается ведь! Да-а! К ей когда — женщиной! Вот и разговариват, как она разговаривала, Елена-от Федоровна. Лидка-то потом рассказывала. <...> Летал. Несколько раз видали люди. «Ну, к кому-то, — говорят, — змей летат у нас в деревне». А к кому, не знают. Он же наказывает: «Не говори, дескать, нельзя говорить-то».

141–176. Черт

141. ...Вечёрку делали черти. На Крещение было это. Сделали вечёрку, и черти омрачили девок. Девки с имя пляшут. А девчоночка за печкой сидела. Ее не омрачили, не увидали ее. Она взревела:

— Няня! Няня! Иди сюды!

Та подошла. Она:

— У них же конски копыты, а в роте огонь! У парней-то!

Девки-то выскочили, побежали. До бани добежали. Забежали и сидят, за скобу держатся. Перекрестили баню с нижнего бревна до верхнего.

Ну, и потом петухи запели. Когда петухи запели, то оказалось: где была вечерка, там стало озеро. <...>

Говорят, что правда было все это.

142. Слыхал это от мамы.

Значит, вечерка была. Но это все было раньше. Теперь, девки пляшат. Приезжают мужики, ребята. Тоже танцевать. Танцевали, танцевали...

А старша сестра и младша сестра... Младша-то вышла из избы, манит старшу.

— Чё тако?

— Вот эти-то мужчины приехали, ребята-то — у них в роте огонь!

<...> Верно! Стали примечать-то... Но, а раньше какие-то еретики были... Вот. Теперь, одну девушку гнали. Она бежала. Теперь, ее спрашивают:

— Сколько кос есть?

<...> (Она в баню забежала от них.)

— Я девушка, у меня коса. Теперь у петуха тоже коса. <...> И коса — сено косить.

Они сразу повернули и убежали. Вот это мама рассказывала.

Раньше чудес много было, а счас их нет, потому что чё — где много народу, там много разговору. А где народу нет, и этого нет.

143. Рассказывала одна, что вроде в Святки, когда девчата ворожат, уехали они от деревни подальше, в зимовье, чтоб ребята им не мешали. Вдруг откуда ни возьмись ребята их подъехали! С гармониями, хохочут. Входят в избу.

— Никуда вы от нас, — говорят, — не уйдете. Мы вас везде найдем.

Стали они танцевать под гармонь, петь... Вот сели ужинать. А одной девки сестренка была малая. Дома-то одна боялась остаться, ну, она и взяла ее с собой.

Вот сидят они за столом, а у маленькой девчонки ложка-то под стол упала. Ну, полезла она за ней, смотрит: а у всех ребят-то вместо ног копыта. Выглянула она из-под стола-то: а у них на голове рога. Вот сидит она и говорит сестре:

— Няня, няня, у меня живот болит.

Ну, ребята-то ей и говорят:

— Своди ее на улицу. — Вышли оне на улицу. Она сестре-то все и сказала.

А дети-то, они же ведь как ангелы: на них грехов-то нету, вот они и видят всяку нечисть.

Сразу-то убежать они не решились. Зашли они обратно. Посидели чуток. А маленькая-то эта опять к сестре:

— Няня, няня, у меня опять живот болит.

Парни ей говорят:

— Выведи ее да побудь там подольше.

Вышли они — и как давай бечь! Бежали, бежали... Смотрят: скирда стоит. Добежали до скирды. Сестра молитву прочитала и круг сделала. Зачертила себя. А черти-то эти догоняют их со свистом. Все кругом закружило, завертело. А они, черти-то, кричат:

— А-а, догадались! Убежали! Скрыться от нас хотите! — Тут петух закричал, и исчезло все.

Девочка-то дней через пять умерла, а сестра ее болела шибко.

144. В бане собрались ворожить девки с парнями. А к одной, к Нюрке, привязался братишка, Андрюшка.

— Нянька, я пойду с тобой тоже ворожить. <...>

Она никак не могла отвязаться и тоже повела его. Они в предбаннике ворожили, и этот парнишка-то, Андрюшка, за имя подглядывают, как они ворожить будут. Сели на стулья, закрылись тряпками. Колечко золото в стакан положат и смотрят.

А потом чё-то вдруг зашумело. И они все бросили, не стали ворожить, засмеялись: но, дескать, начало нам чудиться. Вдруг заходят в дверь <...> три парня. Они таки красивы парни. Сели на порог двое, а один на прилавок. Сидят, разговаривают. Те думают: «Сроду у нас таких парней не было. Откуда эти взялись парни?» Андрюшка заметил у них чё-то, говорит:

— Нянька, пойдем домой!

Она:

— Но, ты чё?!

Оне:

— Ну, никуда не пойдете, мы вас не отпустим.

Андрюшка:

— Нянька, нянька, я на улицу хочу, я на улицу хочу!

— Но, иди.

— Я один боюсь. Пойдем с тобой.

— Но ладно, пойдем. — И вот оне вышли. Выскочили за ворота. Парнишка знал, что надо сказать «Господи, благослови!», чтоб оне не выскочили, не догнали. Хлопнули дверью.

— Господи, благослови! Нянька, бежим. У парней-то сзади хвосты, а у ног копытцы! <...> — О-ой! Оне бежать! Оне выскочили за имя, эти парни. Те давай бог ноги и успели добежать до дому. Дверь захлопнули.

— Господи, благослови! — Всю ночь не спали. Рассказали дедушке и бабушке. Ну, а старуха сразу сказала:

— Это нечиста сила пришла! Чё теперь будет с темя?

Там ишо осталось пятеро, три парня и две девки: ее подружки и парни. <...>

Наутро зашли за председателем сельсовета, собрали народ, и все пошли к бане. И все они оказались там: шкуры сняты, ободраны весятся.

Это дядя Петя Чихирдин нам рассказывал.

145. Это тоже Прасковья Михайловна рассказывала.

Пошла, говорит, одна девка ворожить на Святках. Поставила зеркало, колечко опустила в стакан с водой и сидит. А ее парень знал, что она собирается ворожить, и в эту избу пришел ране ее, залез на печку, лежит. И вот девка пришла, сидит. Вдруг западня поднимается, из нее появляются черт (а она не видит) и спрашивает ее:

— Девка, что на свете три косы?

Она испугалась, молчит, не шевелится. А парень не растерялся, с печки говорит:

— У речки коса, у девки коса да литовка — коса.

Тот снова спрашивает:

— А что на свете три дуги? — Парень опять же:

— В печке дуга, в упряжи дуга и радуга — дуга.

— А что на свете три матери?

— Мать-родительница, мать — сыра земля да мать Пресвята Богородица. — Только сказал: «Мать Пресвята Богородица»-то — сразу черт исчез, западня захлопнулась. Девка ни жива ни мертва.

А если бы не парень, то он, черт-то, девку задавил бы. Она же испугалась. Не может ничё сказать.

146. Раньше заготавливали лес семьями. Все собирались и уезжали лес готовить. <...> У нашей бабки было десять братьев и четыре сестры.

Дрова поехали готовить под Новый год. Дома с девчонками остался самый старший. Девчонки вздумали ворожить в бане. Баня была по-черному... Взяли они зеркало, свечки. Сидим, говорит, ворожим. Вдруг двери распахиваются — входит мужчина. Среднего роста, потом все выше, выше, под самый потолок стал! Говорит:

— Если отгадаете три загадки, то выйдете отсюда. — Спрашивает: у кого три косы? — И исчез!

...А старик за каменку спрятался за девчонками наблюдать.

Через некоторое время появляется мужчина. Спрашивает:

— Ну, что? Отгадали мою загадку?

А старик отвечает:

— У девицы коса, у петуха и у косы. — И мужчины сразу не стало.

Ветер, ветер поднялся. Старик кричит:

— Скорей в зимовье!

Прибежали все в зимовье. Старик снова кричит:

— Ложитесь, молчите, только молчите!

А двери открываются... Бычьи пузыри в окнах будто кто-то разорвал... Старик дверь перекрестил, шубу в окно затолкал. Успокоилось все.

Наутро как взял бич — до сих пор у них рубцы остались.

147. ...В селе одном было, рассказывали.

Ворожили девки. В баню стол унесли, закуски наставили и по одной сидят

в бане, дожидаются. Петуха принесли и иголку... В двенадцать часов ночи колокольцы загремели. Заходит в баню мужчина. Девка одна его за стол позвала, а сама отстригла у него кусочек от костюма. Долго он сидел. Слышит: дверь открылась, а вокруг черти, вроде как люди, а хвосты есть. Испугалась она, что удавят, взяла и кольнула петуха иголкой. Он запел. Жених как побежит! ...А потом они где-то познакомились и поженились. Он однажды надел костюм свой, а там кусочка нет. Взяла да все мужу и рассказала, а он с ней жить не стал. Говорит, что «ты меня через черта доставала».

148. ...До заутрени надо ворожить на Святках.

Одна так и сделала. Родители ушли к заутрене, она села за стол и сказала:

— Суженый-ряженный мой, садись со мной.

Приходит, значит, человек к ей, вроде хотел присести. Военный. Снял саблю, положил на лавочку. И только хотел к ей присесть, она сразу заревела:

— Чур со мной! Чур со мной!

Он соскочил и убежал. А саблю-то оставил. Ей бы надо было ее выбросить наотмачь, а она ее взяла и в ящик положила.

Вот теперь этот жених отслужил службу, и как раз приехал через год и у родителей стал свататься. Но там многие сватались. Теперь, и она сказала:

— Но, мать, я вот этого и выберу. Он, — говорит, — и прибежал. Пойду за его.

Ее, значит, просватали. Вот они год живут, другой живут. Теперь и Святки подошли. Так же вот приходят, значит, спрашивают:

— Как вы ране ворожили? (Как вот вы пришли.)

Она и говорит:

— Я вот эдак ворожила. Села, он ко мне только хотел прикоснуться, саблю положил на лавку, хотел присесть, я заревела: «Чур со мной! Чур со мной!» Он убежал, а сабля-то, — говорит, — у меня осталась.

А этот, хозяин-то ее, да говорит:

— Вы, ребята, не слушайте ее. Она вам наскажет!

— Да ты что «наскажет»! Да она у меня и сейчас в ящике, сабля-то, лежит.

— Ну-ка, покажи-ка.

Она все со дна выгребла, вытащила ему:

— Вот, — гыт.

Он поглядел.

— Паря, действительно, моя сабля-то, бывшая... Я, — гыт, — когда-то терял саблю...

Потом, значит, немножко погода:

— А, дак ты за меня неспроста вышла замуж? — Раз! — ей отсек голову.

149. В Крупанке у нас рассказывала Аксенова, из городу.

Вот, гыт, села ворожить-то. Сидела. Но, ее научили, что если чё, дак ты «чур с нами» реви. Так же тарелочки, все поставила. Тоже военный пришел и сел к ей. А она с ножницами. Только он присел, она ножницами-то от шинелки — раз! — отрезала и заревела:

— Чур со мной! Чур со мной! — От шинелки-то успела отрезать лоскуток. Он убежал.

Вот тепериче, когда пришел со службы или с войны ли уж там — не знай, стал свататься. Она тоже сказала:

— Вот я его и выворожила.

А он откуда-то дальний.

Ну, выворожила — выворожила... Теперь поженились. Ее мать отдала, отец тоже. Прожили. И вот говорит:

— Паря, вот что такое? Шинелка у меня новенькая. И вот кто-то у меня унес эту шинелку, маскароваться попросили, я дал ее. И кто-то испортил шинелку-то. У меня заплатка теперь.

Она говорит:

— А у меня, — говорит, — есть эта-то заплатка. Помнишь, ты один раз в этой шинелке прибежал ко мне, я, — говорит, — ворожила. И вот выворожила.

— А где?

Но и притащила эту заплатку, приложили — она как тут и была! <...>

Стали жить. Никово, не убил он ее.

Это действительно правда, даже и я верю.

150. Бабушкин отец шел с Ботов — село ниже на три километра — пешком. И попадает ему встречу на белом коне ботовский мужик. Ну, и он поздоровался с ним:

— Здравствуй, Иван Сафроныч. Чем пешком идти, садись на моего коня.

Ну, он и сел и приехал сюда, в Мангидай. Зашел в избу и сыну говорит:

— Коня-то устрой.

А сын вышел, видит: никого нет. Ну, он зашел и отца спрашивает:

— Где, папа, конь?

А когда сам-то отец вышел: где связывал коня, там палочка березовая привязана. Но он и понял, что ехал на самом черте.

151. ...Жили мы с теткой. Четыре сестренки нас было, маленькие были. Иг-
рали на улице. И вдруг — гроза! Пошли в дом. Зашли, смотрим: в углу что-то
белое чудится, то белое, а то вдруг черное. И вдруг окно как распахнется, гром
грянет — все черное на окно потянуло, а на окне человек стоит, маленький,
толстый. Мы как закричали:

— Тетка, черт на окне!

Она прибежала, упала на колени и давай молитву читать. Прочитала, а он и исчез.

152. Дед Иван ставил сети рыбачить. Ехал домой вечером. А за ним ягнок
увязался. Бежит и бежит. «Наверно, отстал», — подумал дед. Положил на теле-
гу, пологом прикрыл. Смотрит: а лошадь-то в пене!

— Что ж это такое? Бог с тобой. Неужели ты тяжело везешь пусту телегу?

А ягнок как соскочит да захохочет! И побежал вперед, в речку упал. А деду речку переезжать надо. Пока ехал, все молитвы собрал.

Аж крови в зубах не было. Сильно испугался!

153. Тетя Шура с одной женщиной пошли по полю и слышали колокольчик и конский топот. И вот все ближе, ближе!... А никого не видать. Они испугались и побежали домой. Прибежали домой и бабушке сказали, что за имя кто-то скачет и не видать никого.

Она взяла, бабушка, ково-то пошептала, воды в углы и на дверь налила. А когда на дверь-то линула, забежал черт с конскими копытами и сказал:

— Хитра, бабушка! — Повернулся, сделал дыру в полу и в нее ускакал.

154. Мне тетка рассказывала моя. Она была бабка-повитуха. Лучше медиков знала. И вот приехали за ней. После этого приходит она и говорит:

— Я только с чертом еще не бабничала.

Вот приезжат ночью мужчина на коне. Привозит в дом, а там женщина. Приняла бабка мальчика. Муж и говорит:

— Ну, давай отплачу, ты хорошо бабничаешь. — И насыпал ей в фартук золота. На коня — и через Чачу перевез.

И только он через реку-то перевез, на нее такой сон напал! А конь у него такой красивый, под седлом. Она легла и заснула. Идет женщина по воду и говорит:

— Ты чё, Семениха, здесь?

— Да вот, — говорит, — я у кого-то ночью бабничала, он мне золота дал.

Развернула фартук, а там угли!

155. ...Вот нам тетя все говорила, что нельзя с веревкой баловаться, а то черт подтолкнет в петлю и удавит. В Кумаках, говорит, одна девка рассердилась на мать. Той дома не было, она и думает: «Я ее напугаю». Привязала веревку, встала на табуретку и только хотела петлю надеть, как почудилось ей: старичок с белой бородой. Он говорит:

— Не балуйся, нельзя! — И исчез.

Она бросила веревку, а тут кто-то за спиной как выбьет у нее табуретку-то из-под ног! Она упала, чуть не умерла со страху. А черт (его не видно) ругается, все тише, тише и не слышно стало.

156. Одна бабка, она пила здорово эта старуха, вечером она идет (это бабушка мне моя рассказывала, это в году было где-то в тридцать шестом), напилась пьяная. Была — ни одной сединки не было, а тут вся седа. Может, она запила уже до чертиков, а может, это было, правильно?

Вот я, грит, домой зашла, на кровать легла, а кровать поехала — а деревянные же раньше кровати были — и разваливаются кровать-то, а я на полу! И, главное, ничё нету, а меня как будто кто-то бьет по голове, по всему... И синяки были у нее, вся в синяках! И бела вся, поседела.

Форточка, грит, открылась, подушка сама распадается, перья летят из наволочки. Всё летат, летат, летат там. Ну, потом слышит разговор, каки-то разговоры, разговоры, потом музыка (она потом рассказывала), музыка кака-то началась. Главно, поют-то хорошо, как раньше гулянки-то были. <...> И меня потом кто-то взял за руку и ведет. Довели, грит, до печки, а я — раз! — в печку-то смотрю — а там человек, грит, сидит. <...> Такой голый мужчина. Я от этой печки хочу уйти, а меня кто-то держит. А потом — раз! — откуда-то огонь появился (в русской печке). Он там в огне горит! Ему жарко, он сидит, улыбается...

А потом, в натуре, пришли, а там все разбросано так, угли еще теплые. Ее спрашивают: «Ты растопляла печку?» Она грит: «Нет...»

Ну, там горело, и вот он сидит там, и видно — горит, ноги-то тянет ему, его самого тянет. Весь почти сгорел, а лицо цело, не сгорат, ничё! <...>

Вот она посмотрела на него и поседела вся. А потом она вырвалась, а рукава остались. И убежала.

А там кровать-то вся разбита, подушка тоже разбита, одеяло...

157. И вот такой же на Приисковой — Александра Картинин — жил (он наш же был, ключевской). Но тот это... даже стрелял в доме. Он жил в одной половине, а в другой магазинчик держал, приторговывал даже. И до тех пор допил — тоже как запьет-запьет — и закрыл уж этот магазинчик. А в этой половине у него стояла койка. Он уж там отляживался.

У него был пистолет (раньше же их продавали, пистолеты-т, в магазине, покупай иди — пожалуйста). И вот ляжет там, лежит. И сам мне лично рассказывал:

«Лежу, не сплю, вроде. И не пьяный — с похмелья. Смотрю: из-за печки вылазят черти, — грит, — таки небольшие, но много-много их... И вот начинают они передо мной всяко выфигуривать, всяко выламываются, выфигуривают передо мной. И вот, — грит, — припасу пистолет, думаю «Убью! Одного, да убью!» — хлесь! — в их выстрелю. Заскочат:

— Ты чё?

— Да вот, чертей полно!»

Соскочит с этим пистолетом, за печку обежит, туды, сюды — нету никого. И вот несколько раз так. У него черти выскакивали. А ить непьяный. Была така штука.

158. У нас в селе Петр Горбунов жил. Так вот он про себя рассказывал.

...Вот его черти увели в лес. И такая у них музыка хорошая. Они пляшут, и он с ними вместе. Черти все молоденькие да так пляшут!

Потом, говорит, я домой шагаю, и они за мной. Они окружили его. Что делать? Я сапог скинул, а они — цапе! — и так в карниз его забухали, что ни крикнуть и ни пошевелиться.

Жена-то его потеряла и только по сапогу узнала, что он домой уж пришел. Голову-то подняла, а он в карнизе зажат. Черти его так забухали, что всем народом выворачивали его.

159. Мы когда пацанами были, нас бабки пугали: смерч, вихрь — бегите, бойтесь! Это свадьба черта. Черт, дескать, женится на утопленнице. Мы с ребятами решили проверить. И как не поверишь?!

Взяли нож. Когда вихрь поднялся, мы бросили прямо в серединку этот нож. Все исчезло. Нож взяли в руки — он в капельках крови.

Как это было?..

Может, мошка вьется?..

160. Ехали два мужика по лесу и немного заплутали. Попадается им знакомый мужик из другого села и пригласил их в свое село на свадьбу. Сказал, что невеста из их села. Вот приехали, привязали коней. Зашли в дом. Гости сидят, невесту ждут. Мужики-то торопятся домой, а им говорят:

— Подождите, сейчас невесту уж привезут.

Вот привезли, заводят в хату, а эти двое ее узнали — с их села, Гашка. Узнали и думают: «Чего же голова у нее так криво?»

Началась свадьба. Один из этих мужиков взял баян и стал играть. Умаялся и вытерся занавеской, и... все исчезло! Столы — не столы, а пни, и вся еда — конски г... Это их черти возили.

Упали они на коней и до дому тикать! Приезжают, а им говорят:

— Гашка-то на току повесилась.

Это ее черти запихали, чертям душу свою отдала. Таких раньше на кладбище не хоронили. Тот срок, что им дожить оставалось, они на чертей батрачили. Вот так-то.

161. ...Шел какой-то мушщина по деревне, нанимался работать. Вот где-нить поработаться с куска хлеба. Живет ни при чем: ничего у него нет и есть нечего. Ну, хотел там где-нить чё-нить поработаться. И вот прошел деревню и нигде не нанялся. А потом выходя из этой деревни, в другую деревню идтить. Выходя из деревни, ругается:

— Черт их... — говорит. — Прошел, никто не нанял. Хоть бы, — говорит, — черти наняли, поработать с куска хлеба.

Иде, ругается один. А потом отошел так от деревни, его нагоняют тройкою конями, догоняють его, останавливают.

— Ты, — говорят, — куда идешь?

— Да иду вот нанимаюсь в работники — никто не берет. Хоть бы какой черт взял вот из куска хлеба поработаться.

А он сидит на повозке, барин, и говорит:

— Ну вот. А я работника ищу, мне работник нужон. Нанимайся ко мне. У меня работа легкая: будешь воду возить.

Ну, и он к им сел на повозку — сразу скрылся, как провалились куды-то. Усё получилось новое: народ ходит, работают, кто чего делают...

И он ему дать, хозяин, коня белого старого большого.

— На, — говорит, — тебе этого коня, запрягай в бочку и вози воду: из этого колодца наливай, а в этот колодец выливай. Из колодца в колодец другой.

Ну, он и возе на ём там. День, два возе. Он ему дал, <...> водовозу-то, сапоги чугунные дал да чё-то ишо ему дал. Он возе на ём, а потом подъезжае к колодецу, заводе его (а он ста-арый конь-то).

— Но, — говорит, — заходи, черт старый!

<...> Вот он у своего хозяина спрашивае:

— Барин, а докуда я буду работать у вас?

Он говорит:

— Пока сапоги твои худые будутъ.

Тогда он уж сапоги начинае пробивать. Чё ж, чугунные сапоги! Их за сто лет не износишь. Там железочки подыме и пробивае их. И пробил дырочку. И говорить:

— Хозяин, сапоги худые.

— Сапоги худые? — И расчет сразу дал.

Обратно заявилси, где шел. На какой дороге он шел, ругалси, обратно образовалси тут. А он ему приказывал, конь-то:

— Возможно, ты, — гыт, — вёрнесси вперед мене. Сходи к нам, где я жил. Там мои живут теперь правнуки. Вот ты сходи к им и скажи: где был ворог старой (это «ворог» — куда скотину загоняют, двор, называется «ворог») — там, — говорит, — котел золотой с золотом закопан. Где был старый двор и там котел золотой с золотом. Где была, — гыт, — старая рыга, и там котел золотой с золотом. У трех местах. Пускай они эти достанут котлы с золотом. (Уж он, наверно, раньше-то разговаривал со своим-то хозяином, как его оттуль выручить-то. Вот.) И пускай они меня поминают двадцать лет каждый день. Каждый день, чтобы помин шел двадцать лет ровно. Чтобы не обижать ни птицу, никакого там зверя, ни пёса. И, може, где какой зверь бежит — кидать мясо, хлеб кидать, птице все надо кидать, чтобы все поминали. Кто ёде, кто йде — всех зазывать, всех кормить.

Ну, вот и возвернулси тот извозчик-то и пошел туда, где он жил. Приходе, там два брата живут. Он говорить:

— Я был у вашего дедушки. <...>

— А как, — говорят, — зачем ты туда попал? Где ты был?

Ну, он им там рассказал, как он туда попал.

— Я, — говорит, — на ём воду возил. Вот он мне приказывал; где рыга была, котел золотой с золотом закопан, где был старый двор, там котел золотой с золотом, где был старый ворог, и там котел. Вот эти котлы велел достать и двадцать лет его поминать. А потом, — говорит, — когда двадцать лет ровно сравняется, этот хозяин приеде тройкой конями к им. Тоды пускай они просят с правого боку коня — они, гыт, меня отстегнуть.

Ну, они пошли искать эти котлы. Правильно, нашли. Нашли и поминали его двадцать лет, каждый божий день помин шел. А потом, когда двадцать лет сравнялося, приехал этот хозяин (как он, враг, кто он будя?). Приехал. Они ему все приготовили: знали, что приеде. Они его угостили, а потом выходя он, садится опять на повозку уезжать. Они говорят:

— Ты, нам, барин, отстегни коня с правого бока.

Они его отстегнули, парой уехали. А этого коня завели на двор, поставили. Ста-арой конь, белой, высокой. И он голову вот так наклонил, на дворе-то стоять. Но, они пришли в избу-то, разговаривают: ну, как его узнать, что он человек-то?

А на ём удила-то серебрянаи, они блестя. А там парнишка ходил, ему, можа, лет пять или шесть. На дворе тут ходе мимо этого коня-то, хочется ему снять эту ясненькую-то уздечку-то. А потом ходил, ходил и насмелился, так вот с его сдернул — он получился человек. Эта уздечка, наверно, она вместо креста. Он стал, дедушка. А он бежит с этой с уздечкой в избу да говорит:

— Папа, папа! У нас на дворе дедушка стоять!

Они вышли поглядели: правильно, старик стоять и говорить:

— Возьмите меня в избу. <...> И привезите попа, просто посвятить маслом и приобчить — и я всеми грехами раскаюсь.

Ну, и они этого деда привели в избу. Один за попом поехал, а эти его вымыли, убрали, положили на лавку. Приехал поп. Он все грехи свои рассказал, он его маслом посвятил, приобчил — и он помер.

162. ...Это тоже бабушка Анна Алексеевна рассказывала. А ей один кузнец.

Вот, значит, одна удавилась, женщина. ...Ну, вот ему она будет крестна, этому кузнецу-то. И вот прошло уже это порядочно время. И вот приезжают в одиннадцать часов.

— Будь добрый (на паре коней), подкуй мне лошадей!

— Да, — гыг, — темно. Где же буду я... как ковать?

— Нет, будь добрый, подкуй! Большие деньги я тебе.., хороши деньги заплачу.

Но, он пошел ковать. Ногу-то поднял, копыто-то — там человечья нога-то! А голову положила на оглобли, плачет. Это его же крестна! Черти на ней ездят, катаются за то, что она удавилась. А второй конь — какой-то сродственник тоже. Подошел, хотел ковать — у него и руки-то опустились. И потом как они свистнули, засвистали, закричали. Петухи пропели <...> — и их как не было.

163. У нас раньше по многу скота держали. А мужик один: и сено надо, и дрова, и хлеб.

...Ребенка напоила и пошла скот убирать, жена-то. Но, <...> ребенок спит. Мужик приехал, давай обедать. Она вытащила чугунок, а на косте мяса-то нет, одна кость гола... Но, мужик поругался, чай попил. Она сосит ребенка — кто знат?!

На другой день два куска положила — и эти обгрыжены. Рассказала, старухи и говорят:

— А ты седня поставь, да не гоняй поить-то. Коров выгони, а сама под окном встань.

И вот только встала, глядит: заколыхалась зыбка вовсю, из зыбки вылазит дядька, взял вилку, нож, обгрыз кость — и опять в зыбку.

Она не идет в избу-то, боится. А тут мужик пришел, она и говорит:

— Я в избу не пойду. Там мужик в зыбке сидит.

Старики собрались, один и говорит:

— Иди ломай девять тычин, шесть пучков.

И шесть стариков пришли. Ну и вот. Вытащили его, кладут на пол. Двое держат, один дует. Вот уже третий взял — и он заревел. Не по-русски, а по-иманьи. Потом опять взялся. А как пятый-то взялся — он давай реветь не по-кошачьи и не по-иманьи, а еще хуже. И вдруг дверь открылась — и женщина схватила ребенка-то! И как заругается:

— Ты моего ребенка недокармливала, недопаивала, да еще и бить вздумала! Вот твой — забирай. А это мой. — И исчезла.

Оказалось, что это чертовка была, детей-то и поменяла.

164. Теперь опять такую басню слыхал. Может, правильно, может, нет.

Одна девушка, значит, тоже сидела и говорит:

— Ой, мне бы хоть какой жених попался, я бы за него пошла! <...>

И через недолго появляется жених.

— Пойдешь, — говорит, — за меня замуж? Вот я такой-то, такой-то...

— Пойду.

Но и пошли. А у нее был брат, у ей, у этой сестры, и больше никого не было. Отца с матерью не было. Пошла. Вот идут.

А раньше все «благословесь» было. Вот к одним пришли — это она потом рассказывала — три невестки коров доят. Подоили. Эта вылеет молоко, втора свое, потом третья. Он девке говорит:

— Вот видишь, эта не благословясь вылеет. Пей!

Я, говорит, пила-пила, потом он стал пить. Выпили.

— Теперь ссы! — Она, вишь, не благословясь поставила, а те перекрестили. Крест положили. Но теперь он нассал. И пошли дальше.

Теперь идут... Какой-то праздничек. Теперь, идут люди с иконам. Оне их видят, а этих, чертей-то, не видать. Эту девку-то с этим... <...> У ее брата, у этой девки-то, фуражка упала.

— Ты, — говорит, — видишь, один только твой брат нас увидел и с нами поздоровался. Вишь, нам поклонился. Ты его видишь?

— Вижу. — А он [брат. — В. 3.] их не видит. С иконам шли. Раньше же с иконам часто ходили.

— Ковды будет свадьба?

— Да вот товды свадьба...

Там было гостей полно, на свадьбе. Теперь, когда к венцу-то пошли — раньше же венчались с попом — к венцу-то пошли, а там, когда венцы-то надеют, то надо перекреститься. Но, она, теперича, когда к венцу-то подошли, ей венец-то подают в руки-то, она крест-то положила — и никого не стало, а перед ней — петля! Вот она бы не перекрестилась, ей взамен венца-то бы петлю... Вот она потом рассказывала <...>

Это было где-то по нашей, по Газимуру. <...> Это было раньше, это мы только пользуемся слухам старинным.

165. Мама рассказывала. Тоже у нас там липа растет — лапти плетут. Раньше в лаптях же ходили, бедно народ жили.

Ну и старик сидит и заплетает лапоть. И пришел сосед-старик и говорит:

— Ты кому это такой большой лапоть заплетаешь?

— Черту, — говорит.

Но и он засиделся до двенадцати. Двенадцать часов уж подходит время, ночью. Подъезжает на сивой лошади человек. Высокий, прямо вот под верхне стекло, и говорит:

— Ну-ка, дедушка, ты мне пообещал лапти сплести. Дак давай!

А он уж последний лапоть на пятку сганивает и концы эти обрезывают.

— Сейчас, — говорит, — готовый будет второй лапоть.

Закончил, обрезал кончики-то, которые остались, связал парой и в окошко подал.

Тот забрал и поехал. Слышать, как конь топает ногами-то. Вот.

Это, говорит, сущая правда. Черт! Он его помянул...

166. У нашей бабы одной мужик-то был так, ничё себе, бравенький. Да только черти его мучили. Порченный был, что ли?! До двенадцати часов-то дома, а потом как вскочит и начинает вокруг избы кружачить. Кружачит, кружачит. А как петух запоет — упадет и лежит.

А еще было: возьмет два ведра песку, обсыпет себя и так спит. А утром проснется — а песок-то в ведрах. Черти, видать, собирали.

Ну, маялся он! А потом пошел к деду-то. А тот говорит:

— Иди вечером к сосняку. Если кто появится — стреляй.

Он пошел. А в дупле-то мать и покажись! Ково же в мать стрелять?! Ну, он молитву читает «Отче наш». Так с молитвой и убежал.

А люди-то сказывали: мать-то его колдовкой была. Вот.

167. Это на Задней улице жили Демины. У них был старик. Я его-то худо помню. И вот он пьяный напьется, ляжет на печку и кричит кому-то:

— Но, давай, ребята, мостись на полати-то.

А невестке (я ее как сейчас помню, хошь и маленька была):

— Девка, ты, Авдотья, принеси соломы-то поболее (раньше же была под порогом солома — ноги вытирать).

И вот он лежит, а я, гыт, не слышу, как они просят работы-то. А он ревет:

— Но, каку вам, ребята, работу дать? Молотите солому-то!

И вот оне начнут!.. Мужик пьяный спит, а у меня, гыт, с ребятишками волосы дыбом, вот так... А они и начинают молотить! И он в потемках к имя сядет и разговариват. А потом спрашивают:

— Но, чё, ребята, наработались? Но бегите на покой и мне покою дайте.

Утром, гыт, встану — мякина одна, одна мякина! Сразу выметаю, собираю в тряпку и вместе с мякиной — в печку. Пусть! Говорю потом:

— Дедушка, ты чё сегодня дурел-то?

— Девка, ить не дают покою-то, работы просят.

У тверёзого-то не просят, а вот у пьяного... А бабы ругают ее:

— Ты как это с им спишь в одной избе?

— Да какой к черту сон!..

А видеть, гыт, их не видела.

168. Там был дедка Проня, скрипач, в Сергее. А раньше, знаешь, где свадьба, это ж музыкант — перва фигура. Так вот в Глининке свадьба была, его увезли с Сергея на эту свадьбу играть. Где-то примерно в марте... Да, однако, восьмого марта, уже оттеплевало.

Ну вот, он там свадьбу отыграл, и утром хватились: дедки Прони нету. Что такое? Куда делся старик?.. где-нидь бы не замерз... Пошли. А порошка пала перед утром, и на след-то напали: ага, пошел старик. Ну, он идет — пьяный да пьяный — походка то туда, то сюда. И вот семнадцать километров прошел, и там его нашли в лесу. Сидит на пне и наяриват, на скрипке играт. К нему подошли.

— Дедка Проня! Что ты тут?

— Не мешайте! Не мешайте, не мешайте! Видите, ребята только расстанцевались, а вы... — Это черти, наверно.

Ему (раньше же народ-то верующий):

— Крестись! Ково ты тут? Чё тут с тобой?

— Ну, я как? Ить оне меня за руки держат.

Вот понимаешь? Ну, насилу его тут уговорили. Все же взяли (да оно уже и рассветало) этого дедку Проню.

Дак вот он после-то рассказыват:

— Незнакомы какие-то ребята, нарядны: «Пойдем, нам поиграй!» Вот я только что пришел, только устроился, они танцуют, а я играю. И меня эти и нашли...

169. И вот тоже один не умел играть на гармонии. Купил гармонь и никак не может научиться. У них пустая изба была. Пошел, значить, в пустую избу часов в одиннадцать. И вот сидит играт... И приходят к нему парни и девки. И вот его научили играть. Он играет — едрит твою корень! — оне под его пляшут! А как двенадцать часов — так никого нету.

И вот чё тако? Парень стал уходить играть. И вот, значит, стали за ним следить. <...> И вот, значит, когда последний раз он пошел играть, и кто-то пошел последить. <...> А черти уж его задушили. <...> Это все бабушка мне рассказывала.

170. Деревушки раньше рядом друг от дружки были — два-три километра.

Два товарища сговорились идти на вечерку в соседнюю деревню. Один просил, чтобы другой зашел за ним. А тот, другой-от, гармонист был хороший.

Этот-от ждет-пождет, нету гармониста. А тот из избы вышел, и вроде чудится ему, что он на вечерке. Кругом пляшут-пляшут! Все будто знакомые, а хорошо припомнить не может. Попляшут да брови помажут. А гармонист-от

играт да думат: «Ну-ка, я помажу». Помазал — глядит: в лесу сидит на пеньке, а кругом кто-то мохнатый. Гудит все. Погудело-погудело, исчезло.

Потом нашли его. Руки по локти ознобил, сам чуть не замерз.

171. А потом это тоже было правильно. Зять у меня рассказывал, Борис. <...> Не один он, их много, но молодежь ходили раньше, в Ключах. А у Лазени, старика, была кузница под сопочкой: ковал.

И вот они, говорит, ночью уже тоже, но, может быть, часа в три (раньше ить по всей ночи ходили). <...> Вот, теперича, идем, гыт, смотрим: дверь в кузницу открыта, дверь пола, горно светит! Но, так, говорит, молотками об наковальню звонит!! Так звонит, гыт, во-озит!! Просто как кует вроде. Но мы, гыт, тоже... Нас, гыт, много, чё человек восемь-десять было. Но мы сперва-то, это, испугались. Но потом <...> ближе идем: все звонит! А потом, говорит, вдруг ничё не стало. Подошли, говорит, дверь закрыта, всё. Вот это он сам рассказывал лично. Нас много. Но, молоды — чё нам?! Кинулся — и нет ничего.

Вот така штука.

172. Это было раньше (может, правильно, может, народ врал)...

Вот цветет папоротник. Он — в одну ночь. И вот раньше говорили: ежли богатым надо стать, то иди, папоротник карауль.

Вот собирайся. Очерчивай круг и садись.

Раньше читали Евангеле, верующши (это все рассказы старины). <...> Он цветет каки-то минуты. Ежли ты этот цвет сорвал, то ты в любой магазин пой-дешь, тебя никто не увидит.

...Вот приходят. Вот тебя начинают баграм колоть, чтобы ты ушел. Вот-вот рассветет. Как перед етим — дак тебе знику не дают:

— Уходи с нашего места, то мы тебя сожгём!

Кто баграм, кто палками тычут. Бьется-бьется, они его окружают — он со-скакиват, убегат. Отскочит — и сразу спокойно стало.

Вот это было раньше <...>

И никому не удавалось. Никому, никому!..

Это все от старинки слухи-то остались.

Надо цветок сорвать <...>, и должён ты его себе взять и уйти с ём. <...> Идешь в любой момент — тебя не видят. В магазине, что хошь, бери, тебя никто не увидит. Как цветка этого никто цвет не видывал, так и ты невидимый будешь.

173. Один мужчина пахал на быках в поле и потерял их. День ищет, два ищет — не может найти. На третий день цветок папоротника попал ему за голяшку. И мужик узнал от него, где быки. Он взял быков и вытряс из сапога папоротник и сразу не стал знать всё.

Мужику захотелось еще раз все знать. Он пошел ночью в лес, сорвал цветок папоротника и решил переночевать в лесу. Ночью ему снились черти, их дикий крик. Один черт подбежал к нему и спрашивает:

— Ну-ка, где, сыночек, папоротник?

Мужик достал его и показал черту. Черт выхватил его, захохотал и убежал.

174. Одна женщина отправила мужа на службу. Осталась с сыном да невесткой. Пашет, пашет однажды. Думает: «Господи помилуй, скорей бы мой мужик приехал». Только подумала, а тут он с горы едет. Кричит:

— Александровна! Коня-то распрягай!

У коня грива до полу, все солдатско, седло форменное. Она спрашивает, почему такая грива. А муж и отвечает, что на войне у всех так. Она как будто на своего коня садиться стала, а он говорит:

— Садись на моего, что ты на своем-то?

Конь высокий. Она на изгородь залезла. И тут возьми да и скажи:

— Слава тебе, Господи. — И тут — ни коня, никого! А она сама на полу стоит. Взяла коня и пошла домой.

Ее спрашивают:

— Ты что, Александровна? Что так рано?

Она рассказала. Давай ее лечить. Вылечили.

И приехал потом мужик-то ее живой.

175. У одной женщины муж солдат был. Она все о нем думала. Ну вот.

Раньше-то на полу спали. Постелила она, легла и думает: «Господи помилуй, хоть бы приехал». Слышит, муж говорит:

— Я ведь приехал, я ведь не убитый.

А она-то похоронку получила да не верила все. Двери отворила, заходит. Начала гоношиться.

— Не надо, — говорит он, — я к родителям пойду зайду.

— Да что ты ночью-то пойдешь? — говорит она-то.

Легли рядом. А тут сынок чихнул, она и говорит:

«Ты что, Христос с тобой». — Дверь тут ветром отворило, и муж улетел.

А она с ума сошла.

Утром побежала к родителям. Они говорят: мол, приходи к нам жить, а то ударит тебя. А он-то — муж будто, ну, прямо не отличишь: на лицо такой же, форма, все как есть. Натерпелась она да осталась с родителями. Они вылечили ее.

176. Были раньше на деревнях заимки. От поселка эдак километра два. На одной из них жили мужик и баба. И было у их два сына, обое женатые: у одного молодая невестка, у другого уже дите.

Сыновей забрали на германскую войну. Как уже горевали по им невестки, плакали шибко. Уехали мужья, а жены все тоскуют. Старшей-то все легче: дите есть, а младшая молодуха одна-одинешенька.

Однажды ночью подлетают на конях двое. Заходят в избу:

— Поди, не ждали?

Все разбудились, радехоньки. Самовар поставили, сели чай пить. А ребенок маленький — годик ему был — уронил вилку со стола. Старшая молодуха

полезла под стол достать ее, глянула: а у их-то ноги коровьи! Схватила она дите и потихоньку в амбар с ём убежала. Заперлась, дрожит.

А из избы вдруг крик, рев раздался, шум такой! Опосля давай и к ей в амбар ломиться. А она молитвы давай читать, какие знала. Тут и петухи запели. Побежала она в избу, а там все задушенные, мертвые лежат!

177–182. Проклятые

177. Святки идут — ворожат же. Ну и вот, один парень, значит, говорит: — Пойду я в баню эти камушки вот набирать и нести в прорубь, спускать — тут что-то должно быть.

Эти говорят:

— Ты, мол, не пойдешь.

Поспорили они там. Он:

— Почему? — И ночью пошел. Пошел в баню в двенадцать часов ночи.

Заходит в баню... Вот говорят, когда заходишь в баню, протянешь руку, и вот если в мохнатой рукавице возьмет — значит богатая будет невеста (или там жених), а если просто голой рукой — значит бедная.

Он, значит, заходит, а его хватает голая рука и говорит:

— Ты, — гыт, — на мне женишься?

Он, значит, боится, напугался: если не женится, значит, что-то с ним будет. Придется, значит, жениться. Он же не знает, не видит, кто, вот рука только. Темно же, ничё не видать, только рука одна держит его:

— Женишься, — говорит, — на мне?

Он говорит:

— Женюсь.

— Ну, раз женишься, завтра вечером приходи. Ты пойди, — гыт, — сейчас домой, матери скажи, отцу, мол, женюсь я. Не говори, на ком, потому что ты сам не знаешь. Говори, что женюсь. Принесешь, — гыт, — к завтрашнему дню мне одежду полностью, ну, всю женскую одежду мне принесешь.

Напугался. Она его отпустила, все. Он пришел домой. Молчит, ни с кем не разговаривает, печальный такой, ну, напуганный еще вдобавок. Приходит, значит, и говорит:

— Тятя, мама, я, — говорит, — женюсь.

— На ком женишься? — Он молчит, ничё не говорит. Ну что он скажет? — Сам не знает. А сам-то в мыслях думает: «Вдруг окажется какая-нибудь ведьма, старуха». Ну, всяко же может быть.

Ну вот. Они, значит:

— Ну, женишься — женишься. — Переубеждать не стали. Хоть и по старинке, ну, видимо, таки родители попались, не стали его переубеждать. — Женись, ладно.

На другой день с матери попросил:

— Давай мне платье, нижнее белье — все. — Взял, чтобы, значит, одеть-

то полностью. Пришел туда, в баню. Опять в такое же время, ночью. В это же самое время пришел. Она ждет:

— Пришел, — говорит, — принес мне одежду?

— Принес.

Она одевается. Он еще не видит, как она оделась. Она была совершенно голая. Девушка. Он ее ведет, видит очертанья, а лица сам не видит. Когда завел ее в избу, она оказалась такой красавицей! Вот писаная красавица.

Она говорит:

— Ты меня ничего не спрашивай. Я, — гыт, — тебе ничего не скажу, откуда взялась в этой бане. Ничего не скажу. Потом, — говорит, — ты с годами все узнаешь.

Прожили они несколько лет. Ну, детей не было, правда. Вот она начала скучать. Скучает, тоскует — жена-то. Ну, жили очень хорошо, в общем, богато жили. Он, значит, эту девушку, жену-то свою:

— Ну, что, — говорит, — с тобой случилось?

— Мне бы в гости съездить.

— К кому?

— Ну, — гыт, — к знакомым своим, к родственникам.

— Ну, хорошо, — гыт, — я тебя повезу.

Запрягли пару коней, поехали. Едут сутки, двое, трое. Она:

— Езжай, езжай дальше. Вот, — говорит, — еще одно село будет там. Вот туда мы едем.

Уже темно. На улице ночь. Они подъезжают к селу к этому — и крайнее окошко. Свет горит.

— Вот, — говорит, — заверни, — говорит, — мы здесь переночуем.

Он заворачивает к этому дому, стучится. Оттуда старческий голос, старуха говорит:

— Кто там?

Они:

— Откройте, бабуся, переночевать.

— Зачем вы мне тут со своей переночевкой. Мне и без того... Всю жизнь я тут маюсь. — Ну, открыла дверь, так они вошли. — Дитё, — говорит, — с малых лет не растет. Лежит целыми сутками и ревет. Все силы, — говорит, — уже с им... Измучилась. И не знаю, чё делать. А тут еще вы с гостями со своими.

Ну, она уже дошла до того... бабка, худая! А ребенок все не растет, все в зыбке качается и даже ни на минуту рот не закрывает: кричит и кричит, и плачет, плачет и плачет, да заревывается еще! Вот она с ним прямо не знает, чё делать. И кормит его, и все...

Ладно. А эта, жена-то его, и говорит:

— Когда, — гыт, — я была маленькая и лежала вот в этой зыбке качалась, я заплакала, ись попросила, а ты послала меня к черту: «Пошла, гыт, ты к черту».

Ну, она была еще молодая в те годы.

Вот это мать прокляла ее, послала к черту, а черт это услышал, взял ее и забрал, эту девочку. Забрал ее и растил до восемнадцати лет, до совершенноле-

тия. Воспитывал. А вместо ее, значит, положил полено. Это полено в ребенка, конечно, превратил. Положил это полено... И черт ее ростила до восемнадцати лет. Вырастил и говорит:

— Ну, ты уже совершеннолетняя. Тебя, — гыт, — нужно замуж выдавать.

Он не черт был, а вот этот банник самый. Она в бане росла до восемнадцати лет, но только невидимая была. Когда ей исполнилось восемнадцать лет, он ее видимой сделал и говорит:

— Вот если придет, — говорит, — сюда парень молодой, если он откажется жениться на тебе, то ты вообще не выйдешь замуж и будешь такая же невидимая. Никто тебя не увидит, и вообще ты будешь одна. Если, — говорит, — согласится он жениться, то будешь жить ты счастливо, богато.

А мать-то не верит, говорит:

— Врешь! — Не верит, что это ее дочь-то. Она:

— Нет, — говорит, — я не вру. — Подходит и это полено, ну, ребенка-то, берет — и к окошку. А старуха-то закричала, напугалась. Она это полено-то, ребенка, берет и в окошко выбросила. Ребенок-то упал, закричал и в полено обугленное превратился.

178. В Новый год молодые парни собрались, девки, заспорили, кто пойдет в баню, принесет камень. Один парень пошел, подошел к каменке, хотел взять камень — а его цап за руки.

— Возьмешь замуж — отпущу, нет — задавлю.

Пришел домой парень, заболел. День, второй... на третий все рассказал матери. Мать дома все перекрестила и засветила. А она ночью приходит:

— Что? Засветила, закрестила? А я тебя все равно найду!

Ну вот, отец поехал к попу. А поп говорит:

— Пущай он ее заставит в церкви венчаться.

Пришел парень в баню, сказал ей про венчанье-то, а она:

— Ну и что?! Я венчана буду, жена твоя буду. Мне ни платья не надо, ничё не надо. А откуль ты высватала меня, оттуль и бери. Ты придешь в баню, там будет стол, на нем закуски, вино. Вы не пейте, не ешьте. А ты бери меня за руку и выводи.

Вот они пришли, открыли баню, а она, правда, сидит оболочена уже. А перед этим она ему сказала:

— Только не говори «Господи, благослови».

Вывел ее. Пара коней стоит, а она ему сказала:

— Поезжай, а я за тобой следом. — В церковь пришли, окрестили, поставили к венцу, обвенчались. Приехали, смотрят: красавица девка, статна така. Поп сказал, чтоб двенадцать обедней отслужили.

Вот на Масленку все молодые едут к теще на блины, а свекровка и говорит:

— Вот видишь чё, а вы куда поедете? В баню?

— А чё? И мы поедем, только далеко. У меня тоже отец и мать есть.

Собрались, поехали. День едут, второй едут, на третий заехали в деревню. Подъехали к одному.

— Иди, просись ночевать, да и полечить ребеночка надо.

Заехали, подошла она к зыбке-то, это невестка-то, посмеялась. А хозяйка-то ей:

— Девка, ты чё? Умешь, дак лечи. — Попросила топор, берет из зыбки осиновое полено в тряпице. На пороге трижды рубанула его и говорит матери:

— Вот ты с кем водилась. Ты меня прокляла, а чертенок-то в зыбке остался.

179. Жили старик со старухой. У них был один сын. Вот девки и парни ворожили в бане. И этот парень только зашел, вдруг из угла выходит женщина. Он испугался, а она говорит:

— Если ты меня замуж возьмешь, я тебя живого оставлю, а не возьмешь, я тебя здесь задавлю.

Ну, он решил и дал слово:

— Возьму.

Он домой пришел. Переночевали, утром он говорит:

— Ну, папа, мне надо жениться.

— А кого брать-то в невесты?

— В баню пойдем сватать.

— Да ты что, сынок, какая же в бане невеста может быть?! Там ведь только эти чертовки живут, в бане-то! Неужели ты будешь ее брать?

— Дак вот, дескать, так и так. Я зашел в баню-то ворожить, мои товарищи убежали. Я один остался. И из подполья-то женщина вышла, меня схватила и говорит: «Если ты меня возьмешь, дак жив останешься, а не возьмешь, то нет». Я и решил ее взять. Она сказала сегодняшней ночью за ней приезжать.

Ну, и они поехали, отец, мать и он, к бане. Привезли, значит, ее. Сыграли свадьбу.

И она стала женщина самостоятельная, как и другие.

Она, видно, прокля́нная была. И пока ее, значит, не выручат, замуж не возьмут, так бы она и стала жить с чертями-то.

А так нормальной стала. Работница, все. Все, как и другие женщины.

180. Две девушки и два парня пришли на вечерку (раньше вечерки были) и заспорили. Одного парня звали Сергеем, а тех я не знаю, как звали.

У этих девок-то в доме одна половина пуста была. А там мать прокляла на три месяца свою дочь. Раньше проклинали.

Но и вот. Пришли на вечерку. <...> А он парень хороший был. Ему говорят:

— Ну чё, Сергей, притащи из пустого дома из загнетки кирпич.

А он говорит:

— Ну чё же не притащить? Притащу, — говорит.

— Давай по бутылке.

— Давай. — Если, дескать, Сергей проспорит, то он ставит, если те — оне.

Но, таперича, пошел Сергей. Спички взял. А там был пол наслатый, только не во все. Он заходит в этот дом — бух! — туды упал, в подполье. Оттуль кое-как выкарамкался, вылез и давай печку-то искать. Нашел эту печку. Затолкал

туда руку праву, токо стал кирпич-то вытаскивать, чувствует — человек схватал его. Тянет туда, в печку-то. И спрашивают:

— Сергей, ты?

— Я.

— Ты жениться на мне будешь? — говорит.

Он думал-думал, согласился: а то будет еще чё вредно. Чувствует, что человек. Разговариват, все. Но ладно. Говорит:

— А чё тебе надо?

— Дак кирпич.

— На. Я знаю, где твоя квартира, приду к тебе послезавтра.

Ладно. Он, теперича, взял этот кирпич и вышел. Походил маленько, чтобы свое сердце успокоить. Испугался. Потом заходит туда, где вечёрка.

— Вот кирпич. Вы проспорили.

Девки его спрашивают:

— А ты кого видел там?

— Никого, — говорит, — не видел. — Не сознался.

— Не может быть! Там чё-то должно быть!

— Нет, никого нету.

Но ладно. Никого дак никого. Тапериче, Сергей приходит домой. Не спит, беспокоится. Мать спрашивает:

— Ты чё, Сергей?

— Да ничё, так чё-то. Не спится и все. Утром поеду на покос.

— Но, вали.

Утром собрался, поехал на покос. Мать ему наладила с собой, отправила. Поехал.

И вот в ночь, на послезавтре-то, приходит эта «невеста».

— Колобов здесь живет?

— Здесь.

— Дома он?

— Нету, — мать говорит, — уехал на покос.

Ну, человек как человек, по голосу-то. А ночью, в двенадцать часов ночи. Мать ушла спать обратно.

— Ладно, я завтра приду. Он, поди, приедет же?

— Наверно, приедет.

Опять приходит в двенадцать часов, опять стучится.

— Но чё, Сергей дома?

— Да нет, нету ишо.

— Что тако? Он, наверно, совсем не приедет?

— Да нет, должён.

— Ладно. Завтра опять приду.

Потом Сергей приезжает с покосу. Мать ему:

— Но, Сергей, какой-то человек ходит ночью, в двенадцать часов, спрашивают тебя.

Он помялся, помялся.

— А чё ты мнешься-то? Ночуй, дожди этого человека. Может быть, хороший человек.

Он говорит:

— Я боюсь! Боюсь! Опять давай скорей продуктов.

Собрала она продукты, он уехал. Ночью та опять приходит.

— Но чё, дома?

— Да нету.

— Он чё, не приезжал?

— Приезжал да опять уехал.

— Ах ты! — говорит. — Ковда же он приедет?

— Завтра.

Мать на эту ночь старушку позвала. Запушу, говорит, одной-то неудобно запустить ночью человека. Но, пришла эта старушка. Вот в двенадцать часов приходит. Стукатся.

— Сергей дома?

— Нету. Но, заходи давай. — Она заходит. На ней платье все прирвано, сама грязна. Ее мать на три месяца прокляла. Она в печке-то и жила.

Но и это... Ей воды налили сразу, мыло тут, полотенце.

— Вот мойтесь — мыло, полотенце. И садитесь чай пить. — Она пошла помылась. Разговариват, все — как человек.

— Меня мать, — говорит, — прокляла. И вот Сергей меня не берет. Я ить девка-то кака хороша. У нас хозяйство будет. Мы жить хорошо будем.

Она чай попила и ушла. Говорит:

— Но тапери когда прийти?

Мать говорит:

— Не знаю, таперь когда он.

И он приехал — они поженились. Мать ее прибрала, одела — стала девка хоть куда. И стали жить хорошо. Всё.

Это был была.

181. Вот еще чудище слыхала.

Ночью девки кружали перед утесом. Стали замечать, что на этой лужайке поют, музыки играют. Храбрецы нашлись, пошли. Пошли поглядели, посидели. Услышали: идут, поют, музыки играют. Убежали, напугались! Не стали дожидать.

А один вызвался — дескать, я пойду, я высижу. Стали примечать: действительно высидел. Вот пришли откуда-то из утесу, поют, музыки... Столы наставили, угощение наставили, музыка играет. Он на них глядел, глядел, все же не испужался, не убежал. Говорит:

— Вот эта девушка красива, я бы на ней женился.

Пришел домой, и она пришла. К нему ложится. Вот куда бы он ни лег, она все приходит, ложится. Он стал сохнуть. Ему стало страшно: почто она ходит-то?! Родители говорить стали:

— Что ты такой? Что-то худеешь, что-то не ешь.

Он потом сознался. Они люди старые были. Крестик приготовили, говорят:
 — Она к тебе придет ляжет, ты накинь на нее крестик. — Он так и сделал. Она пришла, он набросил крестик. Она обмертвела, не ушла, осталась тут. Рано утром встали: действительно, лежит. Что делать? Стали разговаривать. У ней нашлись родители, отец — купец. Пришли:

— Действительно, наша дочь.

Стали ее отмаливать, ожила. Говорили, что она у них заклета была.

Так, сказка...

182. ...Ну, вот спорились они. Вот один говорит:

— Ты сходи притащи мне камень из бани.

— Чё ж я его притащу? Ставь четверть вина — так притащу.

— Поставлю.

Он гыт:

— Я только руку-то протянул — женска рука меня за руку... Взяла да и говорит: «Возьмешь меня замуж — так я, — гыт, — тебе дам камень. Мне уж, — гыт, — двадцать лет, так мне надо судьбу-то...»

Ну, он потом испужался, принес камень, дал имя, а сам домой пришел.

Согласье-то дал, а сам боялся. Ну, теперь мать-то, значит, — чё такое? Женщина пришла, под окошком повертелась, гыт, ушла. А на второй-то вечер приходит, имя его называет и все.

— Ты же чё же, Миша, посулился... Мне уж двадцать лет, а ведь я нагишом хожу — мне стыдно. Давай, говорит, бери меня.

Ну, мать-то говорит:

— Ладно, доченька, иди. Завтра придем вечером к тебе.

Она мать-то послушалась, пошла туда, в баню.

Вот они вечером священника взяли, он ризу взял, священник-то. Одежу взяли, все. Приходят в баню. А она там готовилась, стоит. Но нагишом. Он ризой накрыл ее. Здорова така дивчина.

— Ну, чё, доченька?

— Да ничё, — гыт, — пойдемте. Таперь я, — гыт, — знаю, что пришли за мной.

Ну, пришли. Свадьбу сыграли, все. И вот, гыт, год живем, сын родился, дочь родилась — и ничё, говорит. Ну, теперь, на крестины все собираются, а я, гыт, сию да говорю:

— У всех, — гыт, — есть родня, а у меня нету, к кому же поехать.

А она:

— Почему? У меня есть родня. Отец, мать есть. Вот живут там-то, там-то, такой-то переулоч. Запрягай только жеребца.

Приезжам, гыт, она заходит. Мать качат зыбку. Вот качат, качат. Она говорит:

— Ты кого, мама, качашь? Дай, — гыт, — мне качнуть тую зыбку.

Она гыт:

— На, поводишь, деточка (она ее не узнала), поводишь, деточка.

Она взяла это полено, бросила.

— Вот, мама, я приехала с мужем. (Они ее прокляли.)

Ну и вот, гыт, дожили до этих пор. Тут у нас пожар получился. Тут, гыт, мать умерла, тут пожар был. Она, гыт, с пожара у меня умерла.

[— Жена-то? А хороша? — *Соб.*]

— Хороша. Все берется делать. Все, гыт, у матери спрашивают, все училась: я же, гыт, проклятая, я же по баням... А мылась-то, гыт, ходила по речке. Мылась, гыт, в речке. Зимой, гыт, в прорубе купалась, проклята. (А раньше ведь проклинали, правда.)

[— А как же вместо ребенка полено оказалось? — *Соб.*]

— Полено. Полено было.

[— А мать-то? — *Соб.*]

— Мать-то обрадовалась, что дочь живая. Она, гыт, на мать-то и находит. И отец-то такой боевой. Вот дождались: Анночка, Анночка (Анночкой звали).

Это былъ была. Вот он сам, Михаил, и рассказывал. Вместе мы с им в затоне работали. Он и гыт:

— Вот какой случай-то был. Жена-то вот как у меня.

В Сретенске, затон-то тут... Вот он рассказывал:

— Дак я, гыт, плакал, вот какой испуг принял, в баню сходил, бабу нашел, и вот чё получилось. Она, гыт, от пожара у меня умерла.

Это былъ была.

183—412. Былички и бывальщины о людях, обладающих сверхъестественными способностями, о покойниках

183—276. Ведьма

183. Вот вы поверите, нет — мне вот куды надели!

На губу. Посмеялся над девчонкой. Еще сродственница была.

Девчонки гребут отаву, зеленку, а я конюхом. Я подъехал:

— Вы, девки, brave... Вас в Москву свозят, женихов brave выберете, городских. — Посмеялись.

Поехал, а одна-то:

— Пускай, до дому-то доедет, дак хватится.

Я к дому-то подъезжать стал — губа! Зазудела, зазудела и пошло... Но, теперь, пошло да пошло.

Вот я день... тут нарыват. Ой, говорят, то-друго... Вот нарыват. Прет и все! Дак ись-то надо. Я вот сюды затолкну, с правой-то стороны, сгону-ка кусочек.

Вот, теперь я пришел, у меня — страшно глядеть.

— Чё?

— А вот чё получилось...

Вот те день, вот те два. Меня подменяют: видят, что у меня... На четвертый день взнику нет!

Теперь, старуха толкует:

— Иди-ка к Федору Егорычу. — К маминому брату. Он вот тут же, за Степаном, жил. Я пошел, я говорю:

— Дядя, ладь-ка мне от порчи, хомута ли!

— Чё, кто тебе ково наденет?

Я говорю:

— Смерть подходит!.. Права сторона ничё, а левой нет!

Он живо поладил — она у меня замерзла. Сразу же! Вот помазал — она замерзла! Теперь он говорит:

— Я еще от красноты полажу, сестричкин наговор.

Я говорю:

— Ково, дядя, ладь ишо... — Тут же! Он опять мне почертил, помазал.

Ладно. Теперь я заговорил с ём нормально. <...> Сидим. Тетка-то тут, Груша. Теперь он:

— Но, давай ишо тогды.

Третий раз поладил, я говорю:

— Но вот, теперь вот такой нарыв, ведь куды-то гной-то пойдет.

Он опять наладил.

— Ты счас домой-то придешь, как только дверь-то отворишь, перешагнешь — теплый ветер хватит, ты возьми и помажь. — Перышко дал. А там на перышке масла — воробью не напиться.

Но, я захожу. Старуха дома. Я — раз! — помазал.

Она:

— Чё, вылечил?

— Вылечил.

А там комару не напиться гною-то было. Вот столечко.

Вот как получалось. Вот и поверишь, что есть хомуты.

184. ... — Мама, Расскажи-ка, как старуха-то тебя, Ивашиха-то...

— А-а, Ивашиха-то.

— Ну, вот это Расскажи.

Ну дак эта старуха... Мы рядом жили. У ей был зарод небольшой сена. А я первый год только вышла замуж. Да чушку кормлю-ка. А она залезла на зарод-то да вот эдак и треплет, в ладошках. А я молоденька была, ума-то нет, я и говорю:

— Трепли, трепли, бабушка, ладом. А мы все равно его украдем, сено.

Она:

— О-о! Таку твою — растаку твою!.. Молода. Свистунья! — Стала отыкаться! Да и полезла через заплот-то, да и чё-то мне сделала. Ну и вот. <...> Заболел живот. Резь сделалась. Я тажно с кровати слезла да за печку уползла на коленках.

Ну и чё ж? А потом бурят лечил в суседях. Он едет. Дедушка вышел на улицу... Арсалон он был Иванович, бурят. (Давно его нету. Утонул он в Шилке. Побрел да утонул.) Но тажно дедушка вышел. Он едет. <...> Его взревел,

он заехал. И вот он на стакан только карымского чаю изладил. Я выпила и лучше стало. Вот чё!

185. И вот, значить, одна была — она портила. Портила. Вот эти хомуты надевала. В Верхней Куэнге.

Ну, и что ты, <...> ну что получилось? Вот она, примерно, если даже по ветру пускает. Ветер дунет внезапно, и ты попадешь, токо бы на твое имя она вздумала нахряпать. Значит, все! По ветру пустит, ты идешь — на тебя нанесло, все!

Было вот, у меня на отца надевала, Феня Полищукова была старуха, портила. А одне одеют, а други, значить, снимают эти хомуты. Тоже шепчут, на масло ладят, на скотское. Ну, примерно, одела на живот — прямо вот так получатся посинет все и рубец, и потом смертельно, если не хватисся, то все!

Но вот, пожалуйста, а други, значить, снимают, а одевать не одеют.

<...> Отца глянули:

— Ага, хомут! — Бегут к этому ладить. Он изладил, пошептал на масло, ложку масла или там стакан воды выпил — легче стало. Все.

186. Мы за ягодой пошли. А про одну говорили, что она надеет хомуты. Но, мы там чё? Дети да дети. Говорит:

— Много натаскали?

— Да сусек да два натаскали. Вам не натаскать столь.

И вот два раз бегали. Мама высыплет так куды-нибудь, засыпет сахарком да чё... Мы опять бежим. Она на меня и надела.

Но я потом ночью-то заболела и заболела, лихоматом ревела. На коленочках ползала! Вот здесь все, как ножами, изрезало!

А у нас дедушка был Евлампий Романыч. Вот он потом стал мне ково-то ладить: на воду поладил, на масло поладил. Я попила, брюхо помазала — перестало.

Вот чё было! На себе износила.

187. У нас вот здесь бабка, она одет... Она все-то жива. Мел ест всю дорогу. Я не знаю, чё она его ест. Вот ей принесешь кусок мела (она работат сторожем), и она тебе за этот кусок мела, она тебе все отдаст. О-ё-ё... Но ест она его по-страшному.

Ну, она хомуты одет. Если вот чё-нибудь ей начудят: дрова раскидают или еще чё — вот так посмотрит, отойдет в сторону, три раза плюнет...

Сделала так этому, Коле Короткевичу, одела она хомут. Но, а хомут — это не видно, что он одет, правильно? Она вот так полоса по телу. Днем-то он ничё ходит, а ночью он давит его. Он задыхатся — воздуху не хватат и все. Ну, она на Колю-то надела хомут. А он ее чё-то обозвал:

— Ух, — гыт, — карга! — на нее. Она ему чё-то попала под руку, он пьяный был, обозвал ее: «Ух, — гыт, — карга!»

Утром-то встал, я к нему пришел, говорю:

— Коля, ну чё?..

Он говорит:

— Чё-то не могу я, грудь всю сдавило.

Ну, а мать-то сразу:

— Ты где вчера был?

— Там и там.

Ну, она на эту... давай старуху поносить! Рубаху-то расстегнула ему — у него полоса красная. Ну чё, поноси не поноси... правильно?..

А они, кто одеют хомуты, они потом снять-то не могут. Надо, другой чтоб, друга чтобы старуха, которая снимат. А она опять одеть не может хомут. Они, кто оденет, она уже не снимет его, не заговорит.

Его, Колю-то, водили везде тоже по больницам, <...> а там говорят:

— Это ушиб, — говорят, — просто.

А где? Он нигде не падал. <...> У него потом начали волосы вылезать. Как дурак становится. Она потом не красна, а кака-то фиолетова, желта, полоса-то. Кровь идет носом, давит его. И ночью стало, и днем давить его.

И потом в Гусиноозерск к какому-то старику возили, он снимат здорово. Но он снял с него. Все нормально стало.

188. В жизни я один хомут и износил. На своем носу. Я же в это и не верю. Но и вот как, уж не знаю. Совпадение, ли как ли...

Это еще где-то после гражданской войны сразу. Ну, устроились, спектакли там... А пока репетиция, посторонних же не пускают. А у нас там была Санька Тимошина. Все говорили: она хомутинница. Ну вот, она зашла, а я ее погнал. Она не соглашается уйти. А у меня характер был крутоватый: я ее схватил и выбросил из клуба-то. Она с крыльца кричит:

— Ну, узнашь кузькину мать в сарафане!

Ну, узнаю, узнаю, чё мне это?! Ничё. Проводим репетицию, вот чувствую, у меня нос зазуделся. Поцарапаю маленько, опять зудится. А потом — у нас там была Эмка Степанцева, девка такая озорная, — она как захохочет:

— Данилка, у тебя нос-то с картошку!

Ой-ёй, действительно: взял, а он у меня не входит в руку-то. Ой-ёй! Ну, некогда тажно и эту репетицию доделывать. Покончили мы с этой репетицией, домой я прибежал. Ну, лег, никак не могу уснуть: горит, просто огнем жгет нос! Я старшего брата:

— Матвей, Матвей!

— Чё?

— У меня чё-то с носом.

Он посмотрел:

— Ой-ёй, дак ты чё? Это же у тя, наверно, хомут. Ты где с кем спорил?

— Да вот, Саньку Тимошину выбросил с клуба. Ну вот, она матюком...

— Зараза такая, она, значит, тебе подделала. Пойдем к Микуле Игнатычу.

Микула у нас был. А у того все парочками: ребята с девками заходили. Он вдвой, один. Он слышал Матвеев-то голос.

— Опять ты, Мотыка, тут, наверно, с Ленкой. Не пушшу! Надоели, холеры. Спать не даете.

— Да никово, Микула. Вот такое дело, дескать, парнишка привел ладить.

— А, ладить — другое дело.

Вот зашли к нему. Он мне ково-то чертит этот нос пальцем, шепчет. Не знаю, чё уж он там шептал. Раз зашептал — чуть-чуть мне не стало жечь-то. Маленько погодя... опять. И вот таким вотом он мне три раза его зачертил. И я не знаю, как и уснул у них же на лавке. Утром-то пробудился — вот где, я у Микулы! В первую очередь хватаю нос-то: большой ли нет? А он нормальный! Верно.

И после не нашивал эти хомуты.

189. У меня мачеха-то была баба нехороша: дьявольщиной занималась. Про это все знали. А рядом с нами жил Костя Хромой, тоже этим делом занимался, но был послабже, поэтому и не дружили они промеж собой. Зло какое-то имели друг на дружку. Он ее побаивался.

И вот как-то я приезжаю в субботу домой с заимки, как это обычно было — в бане попариться. Да. Достал с полки шанежку мягоньку, налил молока и стал искать в шкафу свою ложку — у нас же у каждого своя ложка была. Пока ложку-то искал, обернулся к столу-то: ни шаньги, ни молока на столе. А она в сенях пол мыла, мачеха-то. Я ей:

— Куды же все это девалось?

— А что? Тебя черти притащшат, да ишо требуешь тут!.. То ему, друго!

Я озлился, схватил ухват да ее в сенях-то и обуздал раз пять или шесть.

Ладно. Вечер настал. А спал-то я в телеге, в сарае. Собираюсь укладываться. И тут пошла у меня кровь носом, ротом!.. Рядом избенка Кости Хромого стояла, я и пополз к нему. В стену колочу кулаком.

— Кто там?

Но, запустил он меня, я все рассказал. Он берет уголек и бросил его в стакан с водой — уголек сразу потонул.

— А-а-а. Это она тебя наказала. Она! Давай ладить.

Я попил воды, ушел в телегу спать. Легко стало, успокоился. Утром она ходит по ограде, управлялася.

— Но чё? Куды седни пойдешь?

— А тебе како дело? Пойду с ребятами гулять...

— Но, гляди. — Сама в дом ушла.

...И вот пришли «госпожинки» — пост. (А она для вида соблюдала. Кулагу заварила.) А меня перед тем Костя Хромой подзывает:

— Иди-ка к Кольке Семенычу, попроси у него собачьих хохоряшек штуки две, принеси.

Я пошел, взял, принес Косте. Он высушил, измял, пошептал и дал мне порошок.

— Подсыпь-ка ей в кулагу, да сами-то не пробуйте!

Я с вечера обделал все. Она у окошка сидела, с бабами болтала языкам.

Вот она нас накормила, сама села, куском макнула в кулагу и только надкусила — сразу на пол, пена изо рта, бить ее стало... Я выскочил, отца отправил, а сам боюсь. Побежал к Косте... Отец рассказывал: вот ее хлестало, ажно волосы на себе рвала...

Через два дня оправилась, встретила меня во дворе.

— Эх, и гад же ты!

— А ты-то кто? Пошто ты меня испортила?!

И с тех пор она уже ничего не могла. Тут Костя-то и возвысился. А то ить она сильней его была.

190. ...А тут, я тебе скажу, в Знаменке при моих глазах картина была. Промколония тогда еще гоняла по Нерче лес. А в Знаменке ходил паром через реку (он и сейчас там же ходит). В то время перевозчиком работала одна женщина. И вот мимо парома плот проплывал. Один на плоту взял да посмеялся, отправил ее... сам хохочет. Она ему:

— Не пожалей смотри!

Он хохочет. И вот, видно, отнесло их немного, его и схватило. Пришлось к берегу приставать. Пристали, его привезли в Знаменку в больницу. Но и там ничё не могут сделать. Тогда председатель сельсовета пошел к ней и говорит:

— Ты, Марея?

— А вот так и так...

— Ты уж его прости, они тебе любую сумму выплатят.

Она тогда уж согласилась, простила его. У него сразу все прошло.

— Теперь, — говорит, — сроду я не буду!

191. Хотя и не верим, что вот эти хомуты есть... Мы же не верим! А они же на самом-то деле раньше-то были. Да они и сейчас есть ишо. Вот нет-нет да здесь и проскочит.

Однако, года четыре где-то... я забыл... така-то история была... Да здесь, однако... По животу брус прошел. <...> Туды-сюды. <...> Вот, хомут, говорят, был. А как? Вот чё-то же надеют!

Портасьевна была, на ее жаловались. Так опять как жаловаться? Она свинаркой была. Я все время ее ругал да на двести рублей оштрафовал ее. А на ее все жаловались. А потом у ей старик куды-то уехал, я шел, она:

— Пойдем чай пить.

Ну, думаю, пойду <...> с тобой. Чё ты будешь делать со мной?

[— А за что оштрафовал? — *Соб.*]

— Свиньи... Ну, не ходила за свиньями. А у нас больши же, у ветеринаров, права. Большой падеж. Под суд надо было сдавать, но я не сдал.

[— Это было когда? — *Соб.*]

— Это было в тридцать пятом году. Давно.

Но, пришел, и вот сяди чай пить. Я говорю:

— Слушай, Портасьевна, вот ить говорят (а она черна была, как цыганка, глаза черны), вот по всем предметам [приметам. — *Соб.*] вот ты хомутница же.

Ты почему, как на меня-то не можешь надеть? Вот я же ты сколько... Ить доберусь, ругаю-то как! (Ну чё же? Непорядки.) Да я и сам себя потом не помню, как тебя ругаю. И ты уж плакала от меня. Ну как ты хомут-то?

Паря, на колени упала.

— Ей-богу, не знаю, — говорит. — <...> Накажи меня Господь Бог!

Я говорю:

— Да хватит тебе, вставай! К черту тебя! (Чё же, я молодой был.) Ково ты? С ума сошла! Ты же меня на несколько лет старше, а на колени встаешь передо мной...

Ну вот. Кому, чё верить?

192. А тут-от хомуты одевают, слова по ветру пускают...

Вот и в войну было. Плохо жили, не было ничего. А у меня корова была, картошка была. А про хлеб и речи не было. Женщина жила на той улице, вот и придумала идти до меня. Думает: «Пойду, на нее пошлю, все равно мне подарит».

Я с работы иду, у меня лицо зазудилось, загорелось. Огнем горит лицо! От как коло костра стоишь — нет возможности стоять. Прихожу домой. Василий покрывало и одеяло дал. Легла на полу. Сил нет. Лежу. Уже ночь, она приходит и открывает дверь. А она по ветру пустила, и до меня пришло. Я знала, что она ворожа. Она говорит:

— Ты чё лежишь?

Я говорю:

— Сгорела. Горьмя горю.

Она говорит:

— Васька, тащи еды. Постой, я тебе счас натру.

Ей сметаны принесли, молока из сенец. Потом она меня дунула. Ветер дует, а мне аж легче делается. Ну, посидела, посидела, опять давай ладить. Три раза поладила, я ей говорю:

— Сидай, ужинай и ночуй у нас.

А сама уснула, как умерла. Утром встала — нет ничего. Мы ей тогда молока налили, сметаны дали. Она говорит:

— Я же не унесу.

А мы ей:

— Ну ладно, другим разом придешь.

Она ж по ветру пустила и сама же пришла.

193. У меня мужик рассказывал.

Он маленький был. Пошел по телят, загонять их. А старуха в суседах недалеко жила. Но и она знала. Ее все звали Васка-хомутница. Он бежит, а она поехала и говорит:

— Подай мне, Васька, прутик — коня понужать. — На коне.

А он бежал и пробежал. Сбегал, телят загнал, пришел — упал в катки и заревел.

— Ково сделал? Объялся?

Сперва рвать зачало его.

— Никово не ел.

— Кого видел?

— Зениха прутик просила, а я не подал.

— Ну все, она тебя угостила.

Она за ей. (Они вот эдак и вымогают.) Пришла:

— У меня чё-то с парнишком.

Она пришла поглядела:

— Ой, худо ему.

Но, худо! Она ее тут давай умаливать, упрасивать ее. Она:

— Тащи масла.

Мать ей масла притащила. Она нашептала на это масло, напоила его, намазала, положила.

— Ну, ишо завтра полажу приду.

Ну и ушла. Назавтра опять приходит. А отец дома. Она опять все наготовила, наладила. Мать самовар стала ставить, говорит:

— Садись чаевать.

А старик подошел:

— Чё, сняла? — Он такой старик был, не дай бог.

— Сняла.

Он ее сгреб вот так за кофту и давай об печку-то возить...

— Будешь ишо надевать?!

Навозил ее тут. Мать-то перепугалась, говорит:

— Тебя посадят.

Он говорит:

— Она никому не скажет.

И никому духу не подала, что исхлестал. И никому не сказала.

194. У нас тут дядя Ваня был. Вот к нему приходит молода (соседка ему):

— Дядя Ваня, дай веревку. — Они проверяют, получится или не получится.

Он ничё не знат, дал ей веревку с простой души. И вот она чё-то сделала, хомут ли чё ли на него надела — не может прямо. Дак он пошел к матери своей:

— Сходи к этой старухе-то. Это чё они делают? Пусть они на мне-то не учатся. Чё же они на мне, на пожилom? Пусть на молодом. Ей как не стыдно!

Мать пошла к этой колдовке, к матери. Ну, и они с него сняли. А потом дядя Ваня встретил ее — она за водой шла — и говорит:

— Я тебе всю холеру пообломаю, все зубы! Ты на ком учишься?! Я же старик, семьдесят шесть лет, а тебе ведь тридцать. Ты чё делаешь-то, бесстыжая?

Так она извинялась потом.

...Вот так вот жить среди чужих-то людей. Живи да не плошай, да подстраивайся. Вот как бывает. У меня Бакшеева подруга, а вот не подстройся, ведь чё может быть? Всяко может быть.

195. На ферме мы работали с этой, с Валей, с сестрой. И собирались все на вечерку. А сестра подошла к зеркалу и давай краситься да пудриться. А вот эта шаманка-то, она там была, подошла да вот эдак махнула:

— Не пудрись, — гыт, — присядешь.

Как она заревела, сестра-то моя:

— Ой-ой! — И это... — за лицо!

Я зашла:

— Чё такое?

— Вот так и так. Она мне так сказала.

А она на конце деревни там жила. Я побежала к ней и говорю:

— Ты что, сволочь, сделала? Иди да счас же сними с нее это.

Она:

— Милок, милоч, ладно... Счас я, — говорит.

Подошла и эдак по голове ее погладила — и она сразу ничего. А то: «Ой-ой! Уля, Уля!» — заревела и заревела. Дак у нее боль такая — и глаза, говорит, вылетят сейчас из орбит.

196. Бывает, бывает, сглаживают...

У меня вот Клава родилась. Дак хоть бы кто чужой пришел, а то свой же пришел, своя же пришла, братанова жена. Я ее положила так на подушки, она лежит, а она говорит:

— Ой-ё-ёй! Ты чё ее на подушку-то бросила? Хоть бы закрывала ли чё ли.

Я говорю:

— Чё ей сделается?

Она ушла — девка реветь, и реветь, и реветь, и реветь. Тянет на всякий манер. А потом бабка пришла, изладила, ково-то попрыскала, и девка не стала реветь.

А она потом сама же пришла и говорит:

— У меня глаз чертовский. Своего-то ребенка, ежели мокрый дак родится, дак мне не показывают.

Это уж человек, наверно, из тыщи один, у кого глаз плохой.

197. Это тоже в Чороне было. Это вот в советску власть было, только по первости, ишо пока токо начиналось, а уже там эти избачи были. Там был избач такой, он с образованием. Жена его была учительница, с образованием. Он там все комсомол-то собирал да эти всяки постановки делал. Теперь, вот там у их на девочку было чё-то пущено (девочка лет шести была, она ишо не училась): у их стало стучаться. Дом большой, пятистенный был. Вот сядут они вечером — у их так вот в стене стучит, стучит! Сильно так! Они пошли, все там изрыли — никаких нету ни дыр, ничё. А все стучит. Теперь, девочка стала в избе на кровати спать — под кроватью стало стучать. Стучит под кроватью. У их была невестка, молоденька. Она боялась, прямо не знала, куда, как застучит. Крестна ее там была, подальше жила. Она ее взяла да унесла вечером домой, думат: «Она, может быть, уснет да забудет...» Принесла ее домой, по-

ложила с собой на кровать — там опять застучало, у ей. А у их не стучит там. Но, они тогда поняли, что, наверное, на девочку было пущено.

Теперь, они попа привели (попы ишо были тогда, сразу после революции, это уж, наверно, в двадцать седьмом — двадцать восьмом году не стало попов). Поп молебен имя́ отслужил. И вот этот Глухих, парторг, он это все узнал, написал в избе — просмеяли, в общем, их, что они молились-то Богу. Все равно ничё не помогло. Как стучало, так и стучит.

Теперь, они привезли каку-то шаманку, бурятку. (Раньше шаманки были, вы, поди, слышали?) Шаманка говорит:

— Вы каки-то вещи купили... (А правда, в том году была засуха сильная. Ни хлеба, ни сена не было. Из других деревень все время ездили, покупали по нашим деревням, ну и привезли им...)

Шаманка на улице огонь разожгла, скакала ково-то, головешку у себя держала. Ну и высчитала, что они вещи купили, так на их было пущено. Велела их сжечь. Они сожгли все — как стучало, так и стучится! Увезли эту шаманку, ничё не помогло.

Теперь уж к этой поре, наверно, к марту стало. Всю зиму простучало, они промучились. Девчонка совсем доходила, как спичка, стала: она не может спать, когда стучится под ей. Куда ее ни положат — везде под ей стучит. Вот этот парторг пришел и говорит:

— Постелите мне с ей на пол. Я ей буду говорить. У ей черны глаза и у меня черны, я своим электричеством на ее подействую — может, она не будет...

(Раньше же кино ишо не было этого, театров никаких, токо что делали спектакли в деревне-то). Но лег с ней, стал говорить — там ишо больше стало стучать! Он потом соскочил, убежал: неприятно все-таки... Там же ничё нет, а кто стучит, не могут понять.

Теперь там у их была соседка. Заехал к имя́ мужчина, хлеб покупать поехал. Старичишка на одном конишке там, на телеге (тепло уже, наверно, в марте, в конце, поди, снега уж не было). А народ соберутся. Я тоже ходила, сколь раз слушала. Они же вот там внизу у речки жили. Вот тут стоишь и слышно, как у их стучится. Мы слышали. Сколько раз я ходила слушала тоже. Этот старик и говорит:

— Что за народ? Тут клуб или чё? Чё собрались?

А молодежь-то каждый вечер ходила туды, болтались: где баловались, где слушали.

Старик и говорит:

— Что у вас там такое? Народ какой-то...

Хозяйка стала ему говорить:

— Вот так и так. У соседей у наших стучит, и девочке совсем плохо.

Он постоял и говорит:

— А, пустяки, можно вылечить...

Эта рысью скорей прибежала к соседке:

— Иди, Петровна, старик сказал... (За все, как утопленник за соломинку ловится, так и тут.) Попроси его, может быть, он придет да вам поможет.

Она пришла, давай его просить. Он говорит:

— Я утром рано приду. Возьмите у ей волосок выдерните из головы и в чисту миску налейте воды чистой.

Она так и сделала. Налила воды. У ей волосок вырвала из головы. Он пришел, вот так поводил, поводил этим волоском по миске и говорит:

— На большого было в бане пущено. Ее отец когда-то в молодости выбивал окна у какой-то старухи. Эта, — гыт, — старуха вот ему хотела отомстить, а попало на девчонку. Попойте ее счас этой водой, не будите. Двое сутки проспип, трое проспип — не будите, пока она сама не проснется.

Все так сделали, в комнату ее уложили. Она говорит:

— Я в чулках одних зайду на носочках, послушаю: спит, храпит. Вот сутки спит, двое спит, все спит и не пробуждается. Потом закричала: «Мама, я есть хочу!» (А то она не стала совсем почти ничё кушать.)

Но, вот после того совсем стучаться не стало.

А сейчас под их домом-то ключ закипел, дом-то у их своротили, нету его. А то он все тут стоял.

Ну, теперь, он сам-то все ругался, ишо как выпьет. <...> Это в Чороне было. Комогорцевы, Комогорцев Дорофей Прокопич был он сам.

Девочка поправилась, выросла. Она сейчас где-то в Одессе живет. Сейчас-то она пожила (она года с четырнадцатого, что ли), уж на пенсии.

Вот чё-то старик имя помог... Вот как? И верить и не верить...

198. ...Молоко-то отбирали. Это, говорят, действительно. Бабушка-то, моя теща-то, это рассказывала мне.

У их отбирали. Дак отбирала-то, через три дома, своя, как-то имя она родственница.

Ну, коровы хорошо, гыт, доились. Ну и вот, знают, что она бегат. Ну и вот. Тесть-то мой пошел в сено сидеть. Оделся, доху надел, ружье взял и пошел. Вот нету-нету. А он в сене сидит. Потом видит: она — раз! — к корове. Только по двору-то прискочила до нас, он ее и давай тут убирать. Ну и убрал: сопатку всю расхлестал, чё-то с рукой сделал. Ну, убрал. Она вырвалась и убежала. Ну чё же? Пришел:

— Но, дескать, нашел. Наша вот невестка (или кто ли она имя?) сделала это.

Назавтра (а рано вставали в тот четверг-то) поели. Он:

— Пойду к брату.

Пришел к брату. У них блины состряпаны.

— Но, раздевайся, брат, давай есть.

— А молодница-то где у тя?

— Да чё-то заболела. За печку залезла, стонет, не встает. — (А он же избил.)

— А чё она у тебя? — (А она же, наверно, слышит.)

— Да вот ночью чё-то получилось, заболела, рука заболела, и закрыта лежит.

Я, говорит, ему и говорю:

— Дак вот, брат, твоя-то молодница чё заболела. Ее я убрал.

— Как ты?

— А вот так, брат, хоть сердись, хоть не сердись. Она не первый год и не один раз у меня, наверно, была. Корова-то у меня чё не доится? Скота не могу развести-то? Во дворе застал, у коровы. У ней должна быть рука сломана. Я как саданул ей руку, шшелкнуло чё-то, и всю харю разбил. У меня ни скота, ни молока, ничё нет, а у тебя все ломится, а она ишо бегат, ведьма такая!

Посидел, а та-то не встает, слушат, наверно... Ну, ушел. Тот, правда, с ей разошелся. Куда она делась потом, не знаю. А он разошелся с ей. А у того пошло хозяйство.

199. У меня еще мать была жива, и отец. Было-это еще до армии, до кадровой... Ну да, где-то в тридцатом году.

Была у нас корова. А рядом тут суседка жила. Мать про нее все говорила:

— Она худая. Чё бы она не натворила нам.

Я говорю:

— А чё, мама?

— Она, — говорит, — хомуты надеет.

— Но, да какие хомуты?

— А вот. Ты на нее шибко-то не ругайся, а то она может хомут надеть — пропадешь.

...Но и вот. Эта корова, значит, вскором пришла: вымя все разнесло! Мать сразу видит: хомут надели. Корова зашла и сразу на пласт. Мать:

— Это она наделала! — И идет к ней. Приходит.

— Девка, ты это чё же наделала у меня с коровой-то? Хомут надела?

Она туды, сюды:

— Ой, да верно, я попробовала на вашей корове, как получится.

— Да ты чё? Ты у меня корову-то решила!

— Но, извини, я вроде попытала. — И к этому старику, Афанасию Павловичу, пошла, он и снял (она наденет, а сама снять уже не может. Ни в коем случае).

...А то на людей надевают. Быстро — опухоль, как сёравно змея укусит, — пухнет...

Афанасий Павлыч-то почертил — к утру поднялась корова-то.

200. Пошла я корову доить, она прямо навздым! Меня не пускает. Навздым! Будёт, лягаться, прямо чуть не на стенку скачет, глаза нехорошие! Но, я не могла ее подоить.

А у нас за семь километров так деревня Аданыра, черемисы там живут, марийцы. Ну и бабушка там Анна ладила. Я пришла к ней. Ну, она сразу это, значить, узнает. Говорит:

— О-ё-ёй! Ой, кака беда-то! Ой, как порти-ил корову-то у тебя! У-ю-ю-эй! Соседка портил. (Она марийка.) Окошко-то есть у их-то к вам в ограду?

Я говорю:

— Есть.

— Вот корова-то как шел из поля, ты пускал ее — и она в тот раз и портил ее. Молоко отнято и сметана отнята. Вот как.

Она мне на соль нашептала, говорит:

— В воде разведи эту соль, попой ее, потом между рогов полей, дескать, на запад и вымя помой этой водой. И сразу пройдет. А дорогой пойдешь — кто встретится, не разговаривай ни с кем.

Вот я иду, уж к деревне... Со мной встречается Гутя. Спрашивают, куда ходила да к кому — я не разговариваю. Она:

— Да что ты не говоришь-то ничего?

Я молчу, никою не говорю. Уж потом:

— Вот ить я почему не говорила. Мне нельзя было говорить-то.

И потом все, изладилась корова-то. Я доить стала, сметана... А то — навздым, навздым! Ревет нехорошим голосом — о-ё-ёй!.. Ну, потом я и говорю:

— Ну, тетка Ефросинья, спасибо тебе, старушка добрая! Как ты, — говорю, — издыхать-то будешь? По-соседски и так ты сделала, позволила! <...>

Ничего не сказала, промолчала и все.

201. ...Это было дело в колхозе. Мы молоко тут потащили сдавать. А у меня корова хорошая была, она три ведра давала в сутки. Вот это я ее утром подою-ка — ведро надою-ка и я его сдам, утащу-ка, а днем подою-ка — я его опять себе, а вечером подою — опять утаскиваю это молоко, лишь бы скорей сдать. А эта старуха говорит:

— Она, — гыт, — не молоко таскат, она воду таскат.

Ну и чё? Раз — да контроль сделали. Я корову пригнала, пошла доить. А она у меня на подсосе была. А тут приходит Иван Рюмкин. Мы сидим с им разговаривам. Я потом подоила корову, из ведра в ведро скрозь марлю процедила это молоко, я говорю:

— Ну, пошли. Я молоко-то понесу, принимайте. У меня вон сколько молока.

Они это молоко-то мое-то взяли да отдельно, сразу пропустили, сливок много напропускали, все.

— Вот, — говорят, — как людей-то путает. Смотри-ка, корова-то кака! Вон сколько молока дает, ишо сливок сколько!

И — раз! — моя корова молочка нисколько не стала давать. Вот эта старушка и подтащила. Не стало молока и не стало. Тут одна вызвалась: дескать, ты мне заплотишь, я тебе отлечу. Ну я чё? На юбку, на кофту ей взяла, сошила, запон сошила — никою не отлечила.

Вот она жизнь-то кака была! Поревела я по этой корове, повыла, жалко было.

Потом ее здесь стали прижимать. Ну, народ-то стали, — чуть-ка поделатся — все на её. Она в Култому уехала. В Култуме-то на ребятишек чё-то делала да делала<...> И лама-то приехал как раз туды. Одна женщина к нему пришла:

— Мне сгадайте. У меня дети не стоят.

— Притащили нам простынь.

Она взяла да принесла простынь. Он на эту простынь поглядел ково-то:

— Дак она в соседях у тебя живет. Вы не возражаете, мы вам ее приведем? Она сама к вам придет.

Ну, она говорит:

— Да слава Богу!

Пришла эта женщина-то домой:

— Вот лама мне говорил, она сама к нам придет. — И только успели утром-то встать — дочь-то ее приходит да и говорит:

— У меня мать умирает, совсем на стены лезет, взбесилась. Дайте мне молока — попить ей. — Они ей не дали молока-то.

Ну, ее тут кем-то накормили потом, и она померла, эта старуха.

Это Кеши Яковлевича была Татьяна.

Сейчас-то этого нету, сейчас свободна жизнь.

202. Это еще в сорок четвертом году было, вот ковды. У меня была корова. Что-то с ней получилось, и стала она двор бояться. Бойтся и боится. Теперича, я погнала корову в Грязнуху. Она ревет и ревет, от стайки убегает и убегает. Пригнали, значит, корову в Грязнуху, и как раз навстречу едут цыганы: Юрченко с невесткой. А я знала, что она ладит. Я ей говорю:

— Бабушка, перевезите нас на ту сторону. — Они нас перевезли. Я говорю:

— Я теперь тебя никою, не отпущу...

Она что-то по-цыгански мне сказала, а мне отвечает:

— Да нет, я еще похожу-ка тут.

— Нет, пойдем ко мне! У меня корова хворат, а я слыхала, что ты ладишь.

— А, кака? Это та, черная?

— Вон, котора ревет.

Пошла со мной. Пришли.

— Дай, — говорит, — мне стаканчик и полотенце, угульки.

Я дала ей стаканчик, полотенце подала, угулечки. Она что-то через скобу посливала, потом встала перед иконой, где по-цыгански говорит, где по-русски говорит...

Ладила, ладила. Перевернула вверх доньшком стакан. Ково-то бормотала, бормотала над ём, обратно переверотила — и у нее даже полотенце не замочло! Нисколь! Ни капельки! Потом вот так обмахивает рукой и говорит:

— Вот видишь, какая у тебя была подруга? Вот она, ишь ты! — по куте ходит. У нее черный запон, бурый платок, в ботинках. ...А вот стоит перед тобой женщина. Ково она у тебя просила? А вот у печки парень стоит, шарится, девчонка тебе в окошко светит... (А я как раз хлеб веяла, а эта женщина была да у меня пепел просила.) А ты ей на Христов день что не дала?

— Пепел не дала.

— Ну так вот, она тебе и подделала. Вот их три черных женщины да одна бела. Она налила да доняла.

Я тажно трекнула, кто така была. Цыганка и говорит:

— Вот я тебе сейчас излажу, и иди сразу же со мной в одне двери и сразу же копай то место, где корова боится. И корову загоните.

Вот мы с дочерью (она вот экачка была, маленька) пошли копать вилами и выкопали тряпку. Цыганка не велела развязывать, велела в печке сожечь, а мы

развязали. Ой-ё-ёй! Ниток суровых сколько было замотано, можно трое обуток сошить, и там деревянна подковка и еще что-то. Мы все и бросили в печку.

Вот вечером пригнали корову, она никак под стайку не заходит. Я начала доить. Вот теленок сосал, сосал и вдруг захлебом пошел — и ушел от коровы. Корова стояла, стояла... Ка-а-ак бросится! И побежала. Вот беда-то какая!

Я опять подогнала ее. Ну, подоила кое-как. Теперь, вот давай теленок по двору бегать. Бегал, бегал, играл, играл... Я его в избу завела — уж солнышко закатилось — привязала его. Он то встанет, то ляжет, то встанет, то ляжет... Я думаю, может, у него паховики? Пощупала — вроде никово нету. (Паховики — это в пахах бруссы, железы появляются у задних-то ног, болят.) Я взяла ему одеяло подбросила, думаю, ему твердо лежать на полу. Он опять ложился, ложился, да как заревет лихоматом, да как бросится! Я хотела его схватить, а он упал и пропал. Вот я заплакала. Вот беда-то! И эта девчонка заплакала, и этот парнишка был — тоже... Едва мы утра дождали. Председатель был Арсентьев. Я пошла чуть свет. Теленочек-то ково, не дышит. Я взяла лаженую воду, что цыганка бормотала, сама вспомнила, переняла, что она бормотала. И пошла к председателю лошадь просить, к фершалу ехать. А он говорит:

— Вчера Константин да Глашка с коровой что-то поделали — она и встала. Ты их зови.

Я пошла, их созвала обоих. Этот старичок ладил, а она паховики смотрела.

— Никово, — говорит, — это не паховики.

Ну, теленок встал, такой невеселый. Смотрю: цыганы-то опять приехали. Я зову цыганку:

— Знаешь чё? Вот чё получилось, — рассказала ей все.

— Ой, я же тебе не наказала. В избе-то не надо жечь, а то выживет вас из избы-то.

Теперь, я говорю:

— Бабушка, ты уж путем изладь, чтоб все было...

— Вино было бы, я бы на вине тебе, как в зеркале, этих людей показала.

— Да ты хошь и не показала, а я уж этих людей знаю-ка.

— Ну ладно. Я излажу. А кто после меня придет просить иголку, смотри не давай. А уже кто придет, не знаю. И опять иди копай. Там еще есть. И сжигай сразу.

Вот мы выкопали, и хоть она не велела нам смотреть, но все-таки интересно — мы посмотрели: там такая петушья голова из камня и такие нитки да тряпки. Мы камень расколотили, все сожгли. (А цыганка еще наказала: «Откуда будет бросаться корова — все сжигайте.»)

Вот назавтра корова идет, средь ограды вдруг бросилась. И откуда взялся камень больше вот этого круга? Его и не было. Я его отвортила: там колечушкой свернутый ковыль лежит. Я эту ковыль взяла, сожгла. Корову подогнали, чтобы она это место набола [набодала. — *Соб.*]. Корова ну бросаться на это место, прямо как на собаку, просто лихоматом ревет, бодёт!

— Боди путем, боди! — а сама вилами туда тычу.

Вдруг вылетела птица, как сорока, и полетела наниз. А тут как раз моя

старшая дочь шла — вон на потрете-то — и Зенкова с ней. Птица ей прямо в грудь ударилась и скрылась.

203. ...Вот она, дочь-то бабушки Маши, хорошего почти не знает. Только плохо. Ну, чё она делает?.. Вот хомуты какие-то надевает, там на детей или на взрослых. Вот на кого осердится, тому и навредит: на двор, на избу, на человека. Во двор пустит — значит, животное не будет держаться. Мы у них в соседях жили, и она вот не любила... Чтoб у нее хозяйство было — она это любит. Но что у другого поросёнка хорошо растут, корова много молока дает, ну, скот хорошо держится, курицы — она не любит.

Вот мы рядом жили. У нас ни коровы не стало, поросёнка она загубила, всех куриц — всё. А я ей против слова не говорила. А что я могу с ней? Если я буду с ней ругаться, она со мной что-нибудь еще сделает.

Ведь ее материть надо, но чтоб она не слышала.

204. Папа наш жил, у него все было: и кони, и все... Он жатку купил. А дядя наш, брат папин, то купит, друго — ничё у него нету: то конь ногу сломат, то волк разорвет, корова пропадет. Никак он ничё не может.

И какой-то шел мужичок и попросился у него ночевать. Он и говорит:

— Дядя, у вас не в порядке во дворе.

— Нет, в порядке.

— Нет, не в порядке.

Он в бане вымылся. (Я была в девках, как сейчас помню.) Он его вымыл и дал свою рубаху, дядя Ганя, этому, пришлому-то. Он, теперь, поел. Говорит:

— Утре мы пойдем с тобой во дворы.

Пошел. Взял ерничинку (дядя Ганя рассказывает) вот так махнул и говорит:

— В матке вот тут колупай.

Он колупать стал — вот такой комок коровьей шерсти закатан, в другой раз колупать стал — конская шерсть, там ишо стал колупать — опеть там чушечья щетина и куричье перо. Скатано так, что нельзя разорвать! Притащили домой. Вот рвали! Никак. Не могли ничё сделать.

— Но, — говорит, — учатся это делать. Я знаю, сильный. Но они ишо слабы, я сильней. Вот мы сделаем, кто это сделал, мы сейчас.

Ему папа стакан воды притащил. Он:

— Ты мне через левое плечо смотри. Видишь? — говорит.

— Вижу.

— Кто?

— Кума. (Вот тут живет кака-то кума.)

— Это, — гыт, — она. Но, — гыт, — ничё. Мы ей сделаем.

Он чё-то сделал пошел.

— У тебя теперь, дядя, кони, все будут. Все будет нормально.

И все хорошо стало.

...Не стояли кони-то. Ведь вот тоже же кто-то же чё-то делал. Там было в воротах чё-то закопано...

205. Моёму свёкру готовили коня на службу. Ране ить на службу-то брали со всем: конь в седле там со всем, попона, мундир надо готовить, шинель, всё.

А он в дорогу ушел, ему кто-то сказал <...>, ему один старик взворожил:

— У тебя, — говорит, — дома несчастье. Ты коня готовил, он у тебя пропал.

Он ему потом взворожил, <...> дал вилочку:

— Поставь на росстани, как поедешь. А приедешь домой, только приедешь, она, — гыт, — зайдет. (А суседка, свои же вот. И сейчас дома-то так же стоят.) И станет в правой стороне. Ты, — гыт, — ее выбрасывай сразу...

Ну, он чё же? Верно. Приехал — она сразу пришла и стала. Он ее сразу выбросил. А семья:

— Чё, чё, чё?

Он молчит. И вот выкопать в каком месте, показал, рассказал. Верно. Выкопали — и всё. <...>

А то подростят — пропали и пропали.

206. ...У нас жеребец отдельно был, его с лошадьми же нельзя, он отдельно жил. Ишо вместе отец и дядя жили. Раньше, это, выходили на Великий четверг, в банки там звонят да в чё... У сена где-то сидят — ну, такой порядок был: сено караулит кто-то.

Ну и ладно. Дядюшка это дело пошел проверить. И увидал: вот из тех же, котора шаманила на это дело, только та старше ишо была.<...> Они жили к церкви туды. Он смотрит: а кто же в соседний двор перелезат от жеребца? Он — пых! — туды... А раньше завертки же деревянные были, березовы же, завертывали сани. Ну, и остались палки — она ему попала. Он ее на заборе-то поймал — что такое, она ково же делат?! Ну и взял этой заверткой. Она упала туды когда, в тот двор, он ишо ей добавил. Она и встать не может. Он посмотрел: у ей полный подол г... от жеребца-то! И тащит туды домой его... Ну, он ее убрал, а потом к им же сходил туды.

— Свою ведьму, — говорит, — приберите! А то сейчас пойду и добыю там ее!

Так ведь так: у нас кони все время сохнут — у их взлягивают!

Вот така штука была. Это уж тоже я жил в это время. Даже благовестить залезал уж на это... где сено: на повети, где сено есть ли чё ли... На Великий четверг. Он же когда бывает? На его обязательно брякали. Ну, как раньше на Пасхе стреляли, стрельбу устраивали, соберутся молодежь...

207. [— Но это как, по злобе, да? — *Соб.*]

— По злобе. Конечно, по злобе!

Это, просто наговор какой-то, его даже по воздуху пушшали... Вот эзли наименное пустят, на имя по воздуху, значит, он на каждого не попадет, а на кого пустят, на того и попадет... На животин делали... У-уй, чё было!

У нас когда Стукова эта была, дак ить у-ю-юй как на ее грешили! Укуля была, Стучиха, сильно портила. Говорили: надо ее поймать и нос до крови разбить. И вот Укулю-то Митька Беспрованнов поймал и раскроил весь нос

до крови, разбил. И с тех пор ей не стало действовать. Уже не могла, а свою племянницу научила, свою же.

Та уж потом начала...

208. У нас как-то меж старухами спор зашел. Одна и говорит:

— Я могу и на редьку хомут надеть.

Взяла редьку. Кого уж она там пошептала — только на редьке кругом, кольцом почернело. Ну и надела.

Эти хомуты и на животных, и на людей, и на вещи надевать могли, лишь бы ймя знал.

Это все у нас папа рассказывал.

209. Один раз, значить, с двустволкой шел. Хотел выстрелить. Прицелился, спустил курок — не стреляет. Второй спустил курок — не стреляет. Я теперь это... перезарядил, ишо два раза попытку сделал и опять не выстрелил.

А потом смотрю: женщина — так она постарше меня — смотрит. А стояла в стороне. Ну, сколько? — метров сто, наверно, стояла. А потом я засек — неужель, думаю, это может быть? — засек.

...Потом, у нас кролики были. Надо суп варить, кролика пойдешь отстреливаешь. Если она ходит и смотрит, я с ее глаз ни одного кролика не убил. Или ружье осекется... а если стрельну, он обязательно куда-нибудь залезет, <...> я его не найду. Дак я потом поверил и готовлюсь: чтоб она не видела, чтоб она не смотрела.

А женщина?.. — соседка была, на той стороне речки жили. И вот я поверил в етот, как сказать, худой глаз. Может, совпадение? Черт его знает, всяко бывает! Веры-то такой у меня нету. Ну, а в силу людей, в гипноз верю.

210. ...Я с пятого года. Мне было лет семь уже. Это в двенадцатом-тринадцатом году... Пахали мы. У нас старики были два брата: мой дедушка и брат его, они жили вместе. А мой отец и дядя — эти ишо молоды были. Так вот поехали пахать. Значит, а прежде чем начинать пахать, с утра не выезжали: надо накормить коней. А каку-то на Великий четверг корвигу оставляли в хлеву, в семенном амбаре. Эту корвигу яришну разломают, коням с овсом выкрошат, сами в бане помоются, а потом уж с обеда лишь бы очертиться съездить, начать. Только не в понедельник. В понедельник не начинают, а вообще-то в такие дни начинать надо.

Ну и вот, собрались они. Кони проверены у нас все. Один парой пашет, другой тройкой. А ехать километров девять, за Мангидай. Там поле, под ярицу надо вспахать. Вот туды поехали. Приезжаем туды, коней запрягли — у тройки коренщик не идет в борозду никак — и шабаш! В чем дело?!

А дедушка-то наш сердитый сильно был. Он езли приехал — у него чтоб суп горячий, и зашел — он уж на столе был. Вот как хочешь караул его. <...> И место свое знал, куды сесть ему, а где тетка Настасья, его жена, а где брат сидит...

А вот когда они собрались ехать-то, тут соседка забегает:

— Ты мне, кума, дай корвигу хлеба яришного к обеду. У нас яришного-то нет.

Она дала. Она вынесла, на полку положила и убежала. Они сидели ели. Она забежала опять:

— Дай решето, семена подсеять.

Она ей дала. Она взяла, тут же вытащила, на полку положила.

Когда они запрягли своих коней, в улицу поехали туды, она — хлесь! — с пустыми ведрами — на Шилку по воду. Ну, никто ничё не сообразил, в чем дело.

Теперь, когда этот конь-то задурел, никак в борозду-то не идет, дедушка березу вырубил вот такую толшины и стал его возить. А брат-то его смирный был, постарше-то который, Петро, видит: коня-то он решит... Прибежал.

— Ладно, выпрягай! Тут чё-то есть. Поехали домой.

Тот очертился там. Приезжают домой. Она тут, Настасья, ставит на стол. А тот вперед расхомутил, зашел и говорит:

— Если эта сука прибежит, ты за это место садись, сюды, а я за это место, не отпустить чтоб его из-за стола: он же, гыт, кончит ее. Она ково-то натворила. — Сообразил.

Ну и что? И в самом деле так получилось. Они только уселись ись-то, она забегает:

— Ну, как вы начали?..

211. А вот еще что было.

Муж-то мой, как первый раз женился, так он присушен был, приворожен. У его жены-то первой мать колдовкой была, в трубу летала. Ну, Коляху-то и присушила. Плохо он с женой жил. Как она дома, ну, прям, ненавидит ее, а как уйдет — места не находит. Вот раз подрались они. Она ушла да и говорит:

— В трубу крикну — прибежишь.

Он-то в двенадцать часов и побег за ней. Вот как!

А потом она удавилась. Все они из семьи-то удавились. Мать их прокляла. А их у нее четырнадцать человек было. Так двое осталось. Остальные все удавились, и жена Коляхи тоже. Пятеро детей оставила. А Коляха недолго жил. Они, привороженные-то, мало живут, сохнут быстро.

Вот как в жизни бывает.

212. ...Небольша была, когда случай у нас такой случился.

Девка одна была, лицом страшна. Пастуха любила. Ох, любила! А про мать ее слухи шли: нечиста была, говорили, колдовать умела. А пастух красивый хлопец был, вся деревня об ём сохла. И вдруг женился на ней. По любви иль присушили — не помню. Но, и не помню, чтоб миловались они.

Недолго жил. Стал мужик толстеть. Живот вырос — страх смотреть. Дышать тяжело стал. Думали, что помрет скоро.

А здесь дедусь один объявился, ненашенский. Пожалел что ли парня. Ве-

лел баню докрасна истопить. И вдвоем с тем парнем ушли. Долго были. А что делали, никто не знал. А потом люди говорили, что много старичок лягушек в печь поскидал. И вылечил парня-то. И после этого не видели его больше, старичка-то.

Ой, давно это было — темное дело.

213. ...Это мне свекровь рассказывала. Один женился, а его мать невестку не полюбила. Невестка в положении ходила. Пришло время рожать, прилетают сороки (вещейки, которые в сорок превращаются и залетают в печную трубу, поэтому трубу всегда надо на ночь закрывать). Ну вот, они прилетели, усыпили невестку и вытащили ребеночка и съели, а потом сами-то улетели. Утром невестка просыпается — тяжело ей что-то очень, тяжело и живота нету. А старухи, которых она спрашивала, сказали ей, что она трубу не закрыла к ночи, сороки прилетели и унесли... Первого ребенка так, и со вторым така же история. Это все свекровь подстраивала, она же невестку-то сильно не любила.

...Третья беременность была. Она плачет и просит мужа не уходить, боится, дескать. Он грит ей:

— Ложись и спи. Не бойся, я приду, чтоб меня никто не видел, и спрячусь.

Пришел, спрятался под койкой, зарядил ружье и лег там. Подошло время, двенадцать часов ночи. Прилетают эти сороки. Перва подходит свекровка и начинают... И огонек уже на шестке развели. Сын, как только она вытащила ребенка (он еще живой был), подстрелил ее. Те сороки-вещейки-то вылетели, а ее он убил.

Так и сохранили третьего ребеночка, самого последнего.

214. Муж с женой жили, и свекровка с ними жила, а детей нет. Беременная ходит, а не рождает, не рождает. Время придет — живот исчезнет.

Однажды солдат шел со службы, ночевать к ним попросился. Муж сначала говорил:

— Зачем же? У меня сегодня жена должна рожать.

А он говорит:

— Я немного места займу, у порога на шинели.

Ночь наступила, все уснули. А раньше ведь ни врачей, никого не было. Все уснули, жена начала мучиться. А перед сном-то свекровка печь затопила. Достала головешку, а все спали. Солдат-то наблюдал, не спал. Она про него забыла. Три раза обвела головешкой вокруг жены. Она и родила легко, даже ребенок не плакал, ничё. Завернула она ребенка в тряпку, к печке подошла. У нее уже и волосы были распущены, все. Короче, колдуньей была. Солдат соскочил, схватил нож, отрезал ей волосы и ребенка отобрал. А старуха сразу на печь залезла.

Утром встали — опять ребенка нет. Сели есть, что-то жена к завтраку настряпала. А ребенок спит себе под шинелью. Солдат говорит:

— Зовите мать!

Потом достал ребенка и рассказал все...

215. Мама рассказывала.

Вот, говорит, одна вышла взамуж дивчина. (А маме ишо ее мама рассказывала, а там какие-то далекие...) Приехала, значить, она... Например, вышла взамуж и не приехала на Масленку прощаться к матери, а приехала к Петрову дню вроде. Ну, дня за два до Петрова дня, вот в этот самый Иванов день раньше у нас эти колдовки за Байкалом бегали...

Сидел, сидел мужик-то, лег спать. Ну, они с матерью разговаривают, разговаривают часов до двух. Она и говорит, мать-то:

— Доченька, мы с тобой давно-о не ели мяска свежего. — Ой, страсть какая!

Она говорит:

— Нет, я давно не ела, нет...

Раз! Обои собрались быстренько. Мужик глаза открыл чуть-чуть. Они, говорит, чем-то вот так помазали, на ладошке вот так помазали и на следиках вот так — босиком. И — фырк! — в трубу. Улетели в трубу. (Ну, конечно, это ишо бабушка да, может, прабабушка говорила.) Улетели в трубу. Теперь, через немного время... Он испугался: что это — жена улетела в трубу — как это так? И долго это они не летали, гыт. Пуц! пуц! — одна, друга — в трубу. Они ребенка притащили. Обои садятся за стол и вроде как режет этого ребенка. Ой, страсть какая! Вроде режут этого ребенка, мяса свеженького имя надо, сволочам, поись!

<...> Они сидят и между собой говорят: вот, мол, как нам удачно получилось, что, мол, этого ребенка вынули, а головешку туда всадили!

Видите, что делается?!

Дак вот эти головешки-то вроде нельзя... Если она не догорела (раньше страсти-то наводили!), если она в печке не догорела, ты ее как-нибудь поколоти, чтобы она сгорела. Не выбрасывай на улицу. <...>

А мужик от них убежал: не надо мне такую жену. Месяца два, может, три прожили.

216. ...В селе нашем муж с женой жили. Вот муж смотрит: жена не ест ничего уж несколько дней. Он и стал за ней следить. А она мазь наготовила. Мазью под мышками смажет и в трубу вылетает. Гости к ней приехали. Она парню мазнула под мышкой — он вылетел в трубу и сел на коня. А утром смотрит: он на березе сидит и за ветки держится...

Раз она только себя намазала и вылетела, муж тоже намазался — и за ней! А она прилетела в дом, где беременная баба живет. Та спит, а она вытащила у нее ребенка, на его место голик вставила, а ребенка съели. Муж как увидел, так после этого и смотреть-то на нее не мог.

И ушел к другой бабе.

217. Я еще вот слышала разговор.

В Березовке один женился. Девку взял, и приехали гостить к ее матери. Он уснул, она встала и к матери:

— Ну, мама, я, — говорит, — давно детско мясо не ела.

Мать достает там чё-то: мазь, тряпки какие-то — у нее черный сундучок, там все лежало. Намазались, эти тряпки надели черные. Он не спал, следил... А так русская печь стояла, труба... Ну, они вылетели и птицами обратились. Потом стук, шум, грохот — они в трубу опять! Все сняли и на шестке над латкой жарят. Ну, муж ее все видел и говорит:

— Ты волшебница, дак живи с матерью, а я с тобой жить не буду.

218. А вот был со мной такой случай. С дедкой мы поженились. А он на золоты прииска... Чё же, у нас ничё не было, не нажили добра. Я и жила у одних на квартире. Все было хорошо.

И вот ночью спим — летне время, открыто окно — вдруг птица мимо меня фыр-фыр... И вот летат. Я свет зажгла — ничё нет. Ну чё же? Всю ночь: фыр-фыр... На другу ночь и окно закрыла и печку (трубу). Ну и: «Господи, благослови!» — не верю так-то, но тут вроде как полагается. Ну, на втору ночь все спят. Опять: фыр-фыр! Мы на полу спали тут у печки, и зыбка висит. А дядя за перегородкой. Я говорю:

— Дядя, птица летат.

— Дак ничё не слышал, — он, гыт, и сходил за печку, — никакой птицы нету.

Ну и теперя чё? Так я и не сплю. Меня всю трясет. Он спит, храпит. Старик — ему даже представленья нету. Огонь зажгу — ничё нету, никакой птицы. А так: фыр-фыр!

И вот я с неделю так мучилась: они спать, а меня всю трясет. Я тогда еще тяжела была...

У меня сестра тут. Я прихожу к сестре-то:

— Вот так. Птица ночью летат.

— Девка, это Филиха летат, — она мне сразу (у них сватья Филиха, дак про нее все говорили: волшебница). Кочуй, нёче тебе там делать.

Я перекочевала к сестре и никакой птицы больше не видела. А дядя, он читал эту «Магию», «Черна магия» кака-то, книга. Мы ее посмотрели: она красива, вся позолочена. ...А эта Филиха была дяде сватья. Они потом чё-то в разладе жили. И я вот так думаю: может, она сердилась, что я тут живу, а дочь не живет. <...>

...А мне сестра говорит:

— Ты знаешь чё? Филиха летат. Они чё-нибудь с тобой сделают. Кочуй от них.

Раньше же так говорили: волшебница летат, и если беременна женщина, они ребенка вытащат — я не верю этому, как это может?..

219. А это опять Карпушиха... она сорокой летала. <...>

Это я на покосе, на страде была. У меня братка говорит:

— Ты, — говорит, — Ариша, это... поезжай.

Я со страды-то приехала обмываться. ...А этот, Селин Кузька, был с этого... с Олекану. Мне еще братка-то и говорит:

— Если Кузька, — говорит, — приехал олеканский, дак ты, — говорит, — ему утре харчей наложите да отправьте на страду. А сама-то, — говорит, — останешься: седня, очевидно, баню топят. <...>

А я приехала, уже солнце закатилось. В бане вымылась. А мамонька еще этому Кузьке да возьми да подала самогону, он выпил. Но, оне все легли да уснули. Ну и храпят, а я как? Хоть ты сдохни, не могу уснуть. На меня храпят — я никак не могу.

Вдруг в трубу забрякало, я — сестричку, говорю:

— Сестричка, чё-то труба брякат. — Ничё. Она спит.

Я вдругорядь:

— Сестричка, чё-то труба брякат. — Опеть никово.

Но потом маленько погода:

— О! — сестричка застонала, заревела возле меня вплоть. — Ой, ой, ой и ой! — Я потом:

— Сестричка, сестричка! — Сестричка никово.

— Мамонька, мамонька! — Мамонька спит, и тот это парень спит, ребята спят.

Я потом спичкой-то чиркнула: от нее воробей полетел и в трубу сразу... Вот она ревет лихоматом. Я ее будила, будила — не могла, давай мать будить. Мать будила, будила и за ноги, и за нос. Ну, едва-то я ее разбудила.

— Ой, — говорю, — мамонька, чё-то сестричка лихоматом ревет. — Мы ее разбудили.

— Ой, — гыт, — на меня кто-то студену воду лил...

Потом хватили: у ней на простыни мокро.

И вот она полтора месяца, значит, этот дресвяный камень проносила в себе. Хворала.

220. С нами рядом жили Вагины. У них четыре брата было. У младшего брата в Кактыче жена была. Один раз два старших-то сидят на Пасхе, пришли и рассказывают всячину перед Пасхой. Одного Ефрем звали, а другого Прокопий. Вот сидят разговаривают. Прокопий и говорит:

— Все чё-то на нашу Татьяну наговаривают. Все чё-то говорят, что она летат. Давай нонче на Великий четверг не поленимся, подкараулим, чё будет.

— Давай.

А она — невестка их, младшего брата жена.

Потом, говорят, не поленились — она, верно, летала. Ночь настала, она из трубы вылетела сорокой и полетела по сорам, мусор где, и по коровам ково-то делала. До самого света. К однем залетела в стаю и теленочка у коровы вытащила... Потом назадь залетела, и они скараулили, как печка затопилась у ее.

Потом уж уверились, что правильно.

221. А это у нас было. В мою молодость, конечно. Я был молодой еще, холстой, неженатай. Ну, и собрались так же, перед Пасхой, тепло было — примерно в марте месяце, голо было, снегу не было, — но, вот стоим разговаривам

возле одних старичков. Она в ограде, мы за оградой собрались, разговариваем. Девчонок дожидали, играть должны были.

Вдруг выскакивает свинья, черно-пестра! Ну, подскочила к нам и давай кусать, <...> того, другого — за ноги грызть! Бились-бились — да чё тако? — отступу нет! Пошли от нее — она за нами. Нет отступу! Давай выламывать становик да бить ее, хлестать. Хлестали-хлестали — нет, не отобьешься, оказываются! Поворотили — да кому куда любо...

И вот она за одним извязалась и погнала его! Он с перепугу-то как ударил во дверь, так и заложка лопнула деревянная! Залетел — она за дверью осталась, а он ночевал у этих у двух вдовушек.

И потом объяснил:

— Вот так и так... Нас какая-то чушка гоняла, от нее отбиться не могли. Пятнадцать человек хлестали, и нет отступу!

И она ему сказала:

— Надо только бить наотмачь такую чушку!

Это какая-то колдовка...

222. Один раз мои девчонки пошли в клуб. А я говорю:

— Девчонки, сегодня вечер-то страшной, вы бы не ходили. <...>

Они в клуб-то прошли, а потом из клуба пошли и видят: старуха бежит, вот так сгорбилась, бежит. И за имя ударились. Они лихоски режут, а она чушкой сделалась и бежит за имя. Потом ребятишки фонарям ее осветили — и не стало! Поворотятся — она опять бежит.

Один раз Кеха, покойник, сторожил на фирме, и за ним извязалась и вот дотуль бежала за ним эта чушка. Он в ворота, и она в ворота. Он тогда ее палкой ударил — и ее не оказалось.

Вот это чё? Кто ее знает, откуда она?

223. Дак вот со мной случай был. За нами поросенок гнался. Счас... Это — как бы не соврать-то — ...погоди, счас скажу... Восьмого числа было, в позапрошлом году.

Мы шли. Нас трое парней шло, где-то после двенадцати уже, по-моему. И поросенок за нами извязался. Мы его гнали, гнали, а он это... короче, от нас не отходит. Мы убегали — он за нами. Мы на забор залезли... Бьем его — больно же палкой ударить — он не визжит, никоно.

Я потом пришел у бабушки своей спросил:

— Вот это, — говорю, — чё тако?

— А ты бы не по нему бы бил, а вот в тень (от него есть от поросенка тень), а по тени: он сразу исчезнет. Его, — гыт, — не будет.

224. Раньше-то ходили на вечёрки.

Вот пошли девки на вечёрку, и с имя парнишка маленькой. Потом они и рассказывают: «Идем с вечёрки. (А там недалеко жили Тонкины, их звали Безносковыми. Старуха их, видно, много знала.) И привязалась за нами свинья: это

она сделалась чушкой. Мы-то впереди бежим, а Лаврюшка-то сзади. Она его под задницу тычет».

Прибежали домой, а назавтра он сильно заболел, испугался, видать. И эта старуха приходит и спрашивает:

- Ну чё? У тебя Лаврюшка сегодня не болеет?
- Да вчера на вечерку ходили, он кого-то и напугался.
- Ну, девка, его ладить надо. Это ить я чушкой-то сделалась и напугала его.

225. У нас тоже случай был... С Сережкой с этим.

Мы там собирались на вечерку. А он проводил девку, идет обратно — чушка зарюхала. Вот чушка привязываться и привязываться... Он еще:

- Ну, чушка, отойди от меня. — Ножик вытащил и взял и уши ей обрезал.

Приходит на вечерку-то и рассказывает:

- Я какой-то чушке сейчас уши обрезал.

Мы еще поохотали. А назавтра говорит:

- Я своей матери уши обрезал.

Я говорю:

- Да как?

— Вот, — гыт, — мать утром не встает, не встает. Потом платочком повязана выходит: «Ой-ой, у меня зубы болят». А потом посмотрел: у нее хрящи на этих местах, где уши-то обрезал. Хрящи.

Он у нее спрашивает;

- Это чё у тебя, мама?

- А вчера на сенокосе была да вот литовкой обрезала.

Он пришел на вечерку и рассказывает:

- Ну чё же?! Я обои уши своей матери обрезал.

Вот есть колдовство како-то. И сейчас есть в Кумаках.

226. Вот у меня была женска бригада, значит, восемь человек. Но и вот так, чего ж? Как-то разговорелись, сидели — работы нету, вечером-то, — вот одна и говорит (она с Украины, с Киева, с города).

— И вот, — говорит, — за мной ходил один парень, тоже. Но, как раз на краю изба-то его, но бедно, — говорит, — жили... этот парень. А парень красивый, так, гыт, в общем. Но я, гыт, вот просто, гыт, влюбилась в его. И вот он ходил, все, ходил, гыт, значит, меня сговаривал. И вот, гыт, мы как сядем за воротами (не у их там, а у других: мать-то его, в общем, не брала ее, его-то мать: «Не надо, дескать, мне ее»). Но и сидим, гыт, вот за воротами на лавочке, собачонка прибежит: «Тяф, тяф, тяф, тяф», — и вот хватат, гыт, за ноги. И вот возьмет, гыт, он там камень, ли чё ли, ударит, она отбежит. Опеть... И так вечеров несколько. Потом один раз он говорит: «Погоди, я ее того, отучу!» Взял, гыт, топор. И вот она, гыт, прибежала. ...«Тяф, тяф», Он, гыт, как наотмачь этот топор-то бросит ей в спину — и она убежала, эта собака, завизжала и убежала, в общем. Но, посидели, проводил, гыт, меня. Приходит домой-то, а мать-то (это мать его была) заложилась. Он туды-сюды, он пошел там, дядьев позвал,

значит. Дверь с крючьев не стали сымать, а взяли окно выставили, залезли, значит: у нее, значит, позвоночник-то переломленной, перерубленной. Он, гыт, топором-то... Но и умерла. Оказалось, значит: его мать.

227. Я в армии в двадцать четвертом году кадрову службу служил. Тогда ить кого попало не брали, а тех, кто водку не пьет, не хулиганит. Сельсовет рекомендовал. И вот там старик все рассказывал.

В их деревне жили мать с дочерью. Дочери годов восемнадцать было, а матери под шестьдесят — худенька такая, горбатенька. И вот они ночами жили в пещере, в скалах, а днем дома. Превращались в птиц страшных и нападали на людей. Напугали раз его сестру, Анной звали. Дак вот, один старик его научил:

Ось снимай с передка, а как они свиньей или птицами побегут, бей в тень. Он так и сделал. Утром пошли, а у нее, у матери, все расшиблено.

228. Это у нас в Кокуе... Молодежь гуляет вечером, а там одна старуха (она, видно, много знала...), то она чушкой сделатся, за имя гонятся, то лошадью сделатся, за имя бегат. Один там их старик и научил:

— Вы, — гыт, — поймите ее. Лошадью будет бегать — окружите ее и поймите. Не бойтесь. И приведите ее к кузнецу, чтоб подковал ее.

Но, так и сделали. Лошадь бежит туды прямо к им. Они ее окружили, поймали и привели как раз к ее к дяде. Он кузнецом работал.

— Ну, дядя, подкуй, — гыт.

А он знал, что она такая.

— Давай я ее, каналью такую, сейчас подкую.

Подковал ее, отпустил. Убежала.

Утром-то внучка отправляет:

— Беги за дядей Митрохой, приведи. — Сама с печки не слезает.

Тот пришел.

— Дядя, раскуй меня!

— А-а. <...> Не будешь бегать за молодняком!

И сразу отвадил ее. И с той поры она все, кончила бегать. Сразу отучили.

229. Тут мы пасли скота. И вот летит птица... Как кыркнет! Как засвищет! И скот весь разбежится. И невозможно собрать его никак.

Ну, эту колдовку-то поймал отец мой. Во второй-то день со мной погнал пасти. Я говорю:

— Тятя, вот сейчас эта птица летит, скота разгонит.

Он уже ружьё зарядил. <...> Стрелил и вот в это место ранил. Да не могли мы ее найти-то в траве-то. Как провалилась!

Ну, и потом отец-то вечером пошел: она на печке лежит, стонет. Он:

— Ну чё, сеструха, окрестилась?

— О-о, вчера, серы глаза, ты меня решил.

— А не будешь, — гыт, — скота-то гонять!

И с тех пор она все, не стала.

Это было, было... Это же колдовали. Это же все колдовство!

230. Как-то в голодный год дядя с одним мужчиной поехал хлеб закупать. К одним заехали, хозяин говорит:

— У меня семья большая, а вот напротив женщина живет, она вас примет.

Они переехали через дорогу, попросились, та их пустила. Они как только легли, так сразу и уснули. А этот, дядя-то мой, да товарищ-то никак уснуть не могут... Вдруг слышат: будто в трубу залетела сорока и зачекотала. Дядя, видно, набожный был. Зааминил ее как-то, заколдовал, чтобы не могла улететь. Начали будить хозяев. Будили, будили — никак не встают. Кое-как подняли, говорят:

— У вас гостя гостит, сорока.

Вот искали, искали — не могут нигде найти. Потом дядя и сказал:

— Ищите то, чего дома не было.

Снова ищут. Вот хозяйкин ящик оттащили, а за ним — осиновый чурбашек.

— А это было?

— Нет.

— Ну, несите повострее топор.

Принесли топор, он поставил чурбашек на окошко и тихонечко шкурку содрал, бросил за окошко,

— Ну, иди, матушка, кто ты такая...

Утром встали: на окошке — кровь, за окошком — кровь. Дядя товарищу и говорит:

— Садись на моего коня, всех спрашивай, никого не пропускай, кто нездоров сегодня.

Вот тот всю деревню проехал — все здоровые. Последний дом — поповский. Он к ним заехал. А там попадя на ладан дышит, все лицо ободрано, руки ободраны...

Вот ее тажно вызвали на сборную и дали ей на бобыльях. И сослали её в Иркутскую богомольню.

231. ...Вот как-то рассказывали. Умерла жена. Муж остался, и девчонка осталась расти. Женился он на другой. Мачеха ее не любила, хотела уничтожить. А она колдунья была.

И стало девчонке восемнадцать лет. И ночью мачеха к ней кошкой пришла. Прыгнула на нее! А та видит: висит сабля старинная. Схватила и лапу ей пересадила! Кыска и уползла.

Наутро видит, что мачеха с перебинтованной рукой. Отцу говорила, что так и так. Все говорили — отец не верил. А потом дочке, не мачехе, пришлось уйти из дому.

232. Потом случай был... Бабушка рассказывала.

Она шла и вот видит она: ну, птица кака-то летит и все за ими. И вот раза три... А потом отец ее вышел и вместе он с ней пошёл, с бабушкой, и в нее

выстрелил. Чувствует, что он в нее попал, в эту птицу, она не падает, ничё... А потом бабушка пришла, дряхла какая-то бабушка. И это... короче, он в тень-то выстрелил — она упала, птица-то (по земле тень-то идет...).

Они наутро пришли, значит, к соседке. А у нее рука перевязана и на ноге чё-то, но, в общем, кровь. Бабушка спросила (она уже старуха, ей девяносто было):

— Ну, чё у тебя рука-то?

— Да я вчера упала, — говорит, — но, зашиблась просто.

А потом это... — бабушка рассказывает, — мы пошли подсматривать (ну, ее не стало, птицы-то, ничё), у ней ставни закрыты и шторы там. Мы ставень один открыли и смотрим: а у ней видно, что выстрелено было, прострелено дробью, рука прострелена, нога... Она как раз перевязывалась, примочки там делала.

233. У меня была мачеха, с запада она была, лет пятьдесят ей было. В двенадцать часов возьмет веник и западню обведет, скажет:

— Открывайся! — Она и откроется, а оттуда кто-то вылезает. Мы маленьки были, закричим — западня и захлопнется. Вот она берет несколько стаканов, что-то зачерпнет, отойдет от них — стаканы лопнут. Обратно подойдет — они склеятся!

...Был молоденький, уже за девчонками бегал. Пришли с ребятами в клуб, а там никого нет. Идем назад, а свинья какая-то под ноги лезет, за платья девчонок хватает, парней за брюки. Пришли к мачехе и рассказали, а она и говорит:

— А вы не бейте ее прямо, а бейте наотмашь.

Свили мы с Колей кнут, и, когда она опять полезла, мы ее избили — она и убежала. А мачеха говорит:

— Если хорошо вы ее избили, то она лежит сейчас. Я узнаю, что за свинья.

Пошла на ту сторону, а там старуха лежит. Мачеха ей и сказала:

— Не ходи по клубам, а то я своих ребят натравлю, они тебе уши поотрезают!

Больше ее не видели.

234. Вот это Ольга Ивановна рассказывала. У их там много было..., срамота какая была.

В Великий четверг караулили. Собакой сделалася женщина и бегала во дворе. А ее скараулил мужик, поймал эту собаку и отсадил ей лапы-то. Отсадил взял и все.

А знали, кто бегал, какая баба-то бегала.

Ну, он потом пошел заведать утром, а эти лапочки-то взял в руку да притащил. Она сидит на печке, охат, стонет.

— Чё с тобой, бабушка?

— Да руки чё-то заболели.

Он постоял:

— Не твои ли эти лапочки собачьи? — Притащил да отдал их.

Вот какие люди были!

Она потом чё? Помучилась, помучилась да умерла. Но долго, говорят, ишо мучилась она без рук, сколь годов!

— О-ой, батюшка! Ты бы уж лучше меня поймал да бы нахлестал ладом...

— А вот будешь ходить?!

<...> Вот чё делали! Это все ране...

235. У бабки не воровали подсолнухи. У всех там бабок воровали, а у нее не трогали. Боялись ее, думали, она шаманка.

Один раз там парни с девушками собрались и залезли к ней в огород и набрали подсолнухов. Ходят и едят их, эти подсолнухи. И никто не может дома найти. Вот уже полночь. Ходили, ходили они. А уже рассвет. И уже утром пришли к этой бабке.

— Вот так, — говорит, — нельзя лазить по чужим огородам, портить чужое добро!

И они стали просить у нее прощенья, что больше никогда не будут лазить по чужим огородам, чужое добро портить.

236. Рассказывал мне это дело один шофер.

Один раз, говорит, поссорился я в Березово с мужиками, поспорил чё-то. Потом уже собрался уезжать, подходит ко мне баба:

— Посмотрим, как доедешь...

— Доеду!

А у меня, говорит, в кабине парень сидел, гармонист. Вот мы поднялись на хребет, давай спускаться. И только на самом крутяке разогнались, смотрю: обрыв на дороге! Парень:

— Стой! — А я ему:

— Играй во весь мех гармонию!! — и перелетели. Вроде и не трянуло.

А на дороге сзади кошка замаякала. Это ведьма и подделала, а нам показало: обрыв.

237. В Елгино, в деревне, мы жили вчетвером там. Ее сносят, деревню-то. Сейчас там два дома осталось.

А мы к ней пошли, бабушке, икону просить у бабушки. У ней икона старая, ну, где-то года с тысяча шестьсотого. Мы к ней пришли икону попросить. У ней икон много, вся изба завешена. Мы зашли, она на нас:

— Чё не креститесь, безбожники?

Раньше же обычно, когда заходят, в угол сначала перекрестятся, а потом уж начинают разговор.

А мы зашли — я чё, знаю, креститься мне или там прыгать ли, радоваться? Но эта старуха на нас — у-ю-ю-ю! Мы тут сели с ней (она ничё так старуха, одна живет, у ней никого нет, четыре коровы держит. Я думаю: «У-ю-юй, эта бабушка еще в силах. Ну дак сена надо накосить на четыре коровы, делов-то много»), мы с ней сели, давай у ней икону просить. Она не дает ее никак. У ней икон штук сто пятьдесят. Она их не дает. Я говорю:

— Бабушка, ну какую-нибудь любую дай. — А мне одна понравилась, там какой-то Спас или чё ли на этой иконе. — Ты мне отдай ее, бабушка.

Она говорит:

— Придешь вечером потом один. Я с тобой поговорю.

Я думаю, ну ладно, чё... Вечером иду. Вовка Гарин мне говорит:

— Ты это... поосторожней. Чё-нибудь еще сделает! Всяко же может быть. На ноги, на руки, на голову чё-нибудь сделат...

Ну и, короче, я зашел. Она, старушка, гляжу: спиной ко мне стоит. Но я же был — здороваться с ней не стал. Она повернулась: вся раскосмачена стоит, волосы распустила, и таки бешены глаза у нее — о-ё-ёй! Ну, она ково там... я не знаю, чё она делала там. Бешены таки глаза! Я посмотрел, думаю: «Тут не до разговоров», — ну, убегать. И вот я хочу уйти-то — и не могу уйти, в дверь-то выйти не могу, возле двери стою — и не могу выйти в дверь. Она ничё не говорит, на меня смотрит. А жутко, сам пойми. Жутко оно просто. Я не могу в дверь-то выйти, у меня ноги не шевелятся. Потом как? Я не знаю, как — с какими-то силами тут собрался, дверь-то токо открывать — и вот чувствую: она меня как будто к себе тянет, эта старуха. Теперь я — раз! — и сел тут на лавку, сел и сижу. Весь в поту. Я сразу взмок весь. Ну, она — раз! раз! — ково-то по избе круга три дала, кака-то пена изо рта пошла. У-ю-юй! Но она чё? Я не знаю чё, может, колдовала ли чё ли... Я тут ворвался и помешал, может. И вот я не могу уйти и все. И вот она ходила, ходила, потом упала, старуха-то. Я думаю: «Ну, померла. Всё, меня счас сразу повяжут за эту старуху». Упала, минут пять полежала где-то, раз! — встала. Потом уже нормально всё. Сходила помылась, волосы подобрала.

— Я, — гыт, — знашь, чё, сынок, хотела сказать? Больше сюда не приезжайте.

— А чё, бабушка, не приезжать-то?

Она говорит:

— Не приезжайте. Еще раз приедете — вам худо будет. (А мы остановились... там дом пустой был, маленький такой, небольшой.) Вот ты, — гыт, — в этот дом придешь. Сейчас у вас ничё не будет, а вот еще раз приедете, ну, сюда: или вы дурачками из этого дома выйдите, или...

Я ей:

— Ну, ты Расскажи, чё будет.

Она:

— Нет, — гыт, — и все. — И не рассказыват пичё.

Я пришел, Вовке сказал:

— Вот так и так. Старуха чё сказала...

Но он-то любитель.

— Мы, — гыт, — приедем ишо раз сюда.

Я говорю:

— Но, делов-то! Машина под собой, поехали...

А сюда приехали, дня три здесь жили — обратно туда: ну, интересно все равно же узнать! <...> Приехали, все нормально. День живем, два — ничё нет. И опять к этой старухе. Я захожу. У нее чё-то вода разлита по полу, стакан

кататся. Но, она не пила, ничё, старуха. Но она верующая, староверка... Но и вот. Она мне:

— Ты, — гыт, — приехал. Ну, еще раз я тебя прощу за твою молодость. Но на третий раз вы приедете, я, — гыт, — вас не прощу.

Я:

— Ну, ты, бабушка, расскажи. Мне интересно вообще-то послушать, как там, чё...

Ну и вот. Она мне и начала тут рассказывать: у-ю-юй! Я за голову схватился.

Она говорит:

— Вот так. Ты придешь домой, ну, в этот дом. А в этом доме знаешь кто жил?

Я говорю:

— Кто?

— Два старика. Всю жизнь, — гыт, — прожили — не было у них ничё.

Я говорю:

— Как не было?

— Но вообще ничё не было. Жили только... но, тряпки на себе были и все. И вот, — гыт, — начнется у вас. И вот ты закроешься одеялом или чем ли — оно у тебя спадет, одеяло. Ты пойдешь за ним — оно будет летать, это одеяло. Летать. Ну, а если форточки закрыты, они будут открыты. Начнется ветер и сразу — темнота. <...> А вот дальше... У тебя, — гыт, — есть простынь?

Я говорю:

— Дак я чё сюда с этой, с кроватью приезжаю?

— А, ну ладно. А чё-нибудь белое есть у тебя?

— Есть. Рубашка белая.

— Вот, бойся этой рубашки. Она тебя ночью задушит.

Я сижу: у-ю-юй, думаю, ее теперь и на себя не наденешь, эту рубашку.

Но и ладно, ничё.

Я с ней долго просидел, с этой старухой. Она мне рассказыват. Ну, так... просто ужас на меня нагонят и все. Ну, а я-то не верил. «Врет, — думаю, — да и все». <...> Ушел. А ночью спим, я слышу: чё-то кто-то ревет. Раз! — просыпаюсь. А там Валик, братишка, <...> на нарах на этих крутится. Я его разбудил.

— Ты чё?

— Кто-то давит меня, я, — гыт, — понять не могу...

Потом я токо заснул — Вовка опять.

— А ты-то чё?

— Суставы ломат, чё-то не могу. <...>

А у меня ни ощущений, ничё нет. А на их она, видать, чё-то там наговорила, а меня — она же сказала, что простила. И вот он всю ночь не может спать: то голова... ну, голова заболела. А не пили, ничё. Приехали здоровы. Голова заболела, началось... Вовка этот тоже бедный крутился-крутился, крутился-крутился, ну заснуть не может. Ломат всего. Потом Валик на крыльцо вышел — раз! — вскрикнул, упал. Я скорей выбежал: он в обмороке лежит. Я его оттрес:

— Ты чё? — говорю.

— У меня чё-то начинат казаться. Я плохо себя вообще чувствую. Давай лучше поедem домой. <...>

Уехали оттуда. Отъехали от этой деревни километров двадцать — и все прекратилось, ничё не стало. Будто и не болело ничё, не ломало, и голова не болела. Но я-то на себе не испытывал, а оне-то испытали на себе.

Я потом эту старуху видал здесь. Она меня узнала сразу, далеко узнала. Она еще мне говорила: «Я слепая». Ну да, слепая! Узнала аж за три километра.

— Ты где, — говорит, — живешь, сынок?

— А здесь квартира.

— Стара квартира?

— Стара.

— А ничё по ночам не кажется?

— Я заходил однажды: пол поднялся чё-то.

— Ну, пойдem со мной. — Она — раз! — чё-то обошла этот дом.

— Тут, — гыт, — вчера были, ушли. Они больше сюда не придут. <...>

Ладно, я пойду.

Я повернулся вот так — ее нету! Она как растаяла, эта старуха! У-ю-юй! Меня аж затрясло (я честно рассказываю) — нету старухи! А вот так стояла. <...> Думаю: «Ну, опять попал...». Валик пришел, я ему рассказываю, чё к чему. Он говорит:

— Бабушка, — гыт, — моя ее знат. Она ничё так старуха, понял? Но ей плохого не надо делать.

И вот мы третий раз потом приехали к ней, к этой старухе. Я все за этой иконой. Дома штук сорок висело. Она спросила:

— Зачем икона? Ты же неверующий. Я вижу тебя.

Я говорю!

— Так, бабушка, для коллекции.

— Ну, смотри, смотри... — она мне.

И вот я приехал, ну, так не мог я выпросить. Она мне маленькую икону дала. Ну, а потом все это потерялось, потом отдал в музей.

С тех пор я ее не видел... Вот три раза я видел эту старуху. Она невысока така, с тумбочку с эту ростом. Стара. Горб какой-то у ней уй-ю-юй — здоровый. Нос какой-то... вот так загнутый, длинный...

238. ...Мужик там этот, Горбунов (не знаю, где он счас), вот сват где счас живет, так он тут недалеко жил. У него соседка, эта Надя, все время просила сена корове. Весной же нету. Вот она раз попросила, два. Ну, он дал. Потом говорит:

— Надя, нет у меня сена-то, мало. — А сено-то пожалел.

— Ну чё же, мало, дак ладно уж. Не надо. — Заковыляла, ушла.

Потом пришла за молоком в июне месяце, однако, уже перед сенокосом: у меня корова, дескать, не доится, надоело без молока, дайте молока.

А молока правда, гыт, не было. Хозяйка-то говорит:

— Мы подоим корову-то, потом, — гыт, — тебе дадим. Садись чай пить.

— Нет, я не хочу. Ладно!

Встала, ушла, а хозяйка-то говорит:

— Зря не дали молока-то, маленько-то есть. Чего бы она не наделала!

Он заругался:

— Но чё она с нами сделает? — Не верил.

Утром хозяйка вышла, дверь-то открыла — у крыльца червяк-то лежит. Она на него топнула тут. Там втора! Она открыла дверку-то выйти-то — на крыльце-то штук шесть лежит! А из поленицы они все головы вытащили. Она обратно:

— Вставай! Змей-размей такой! Ты что наделал?! Ты посмотри-ка чё...

Он вышел, дескать, я сейчас их... Но ково же? Они головы высунули, жалами-то тычут. (Афоня, Горбунов Афоня, вспомнил... Стал забывать стариков...)

— Ну ладно, иди, старик Афоня.

Она же знат. Но, пошел.

— Здравствуй!

— Здравствуй, здравствуй, Афоня. Ну, чё ты пришел-то?

— Дак вот молоко притащил. — Он горшочек с молоком взял.

— Да я уж нашла. Дали добры-то люди мне. — Добры-то дали, а он, значит, худой!

— Надя, у нас тут несчастье.

— Чё такое, Афоня?

— Змеи-то... Змеи нас окружили.

— Ей-богу?! Дак это они у вас откуль же взялись-то?

— Ты чё, не знаешь ли чё ли, Наденька?

— Дак уж и не знаю, чё мне сделать-то.

— Пожалуйста, сделай, если чё знашь дак.

— Да ничё, Афоня, не знаю такого-то. <...> Ну, да ладно.

— Я те все дам.

— Ничё мне не надо. Вот сена-то пожалел... Коровушку-то я выстояла, а теленочек у меня пропал. А ты бы мне подал... — Давай ему укольчики давать.

— Ну, Наденька, я тебе помогу.

— Но, пойдем.

А она жила одна. Всего метров двести ийти. Пошла взяла ерничинку. Ерничинка вот така тоненька, маленька. Приходит.

— О-о, какие заразы! Это вы ково же делаете? Это вас, наверно, та старая-то Акулина затаскала? А где же она, а?! Ох, Маруська... — всех их считают по имени, идет, перешагиват. Они на полу тут ползают. — Дак это чё же такое? Она куда же девалась-то? Ты куда ушла?

Потом назад пошла, а та из-под двери-то высунулась.

— Ох, ты, — гыт, — сволочь такая, подлюга ты! Ну-ка! (Она, гыт, оттуль выходит.) Больше не смей! Давай чтоб всех увела отсюдова. Я вот тебе сейчас этим прутом-то навалю-ка! — А сама помаленечку ее из ограды-то вывела. <...>

— Ну, пойдемте чай пить, почаюем. — А эти тут. <...>

— Чё хошь, матушка, ешь.

Он здорово жил. А она худо жила, двадцать шесть рублей получала только. Час-полтора прошло.

— Чё, много уж время-то? <...> Ну, теперь они ушли далеко. Идите.

Пошли. Хоть бы что! Афоня-то тут трех убил и бросил.

— Зря ты, Афоня, бьешь, зря. Зачем бить? Они шли-то далеко сюда...

239. Второй случай был. Шура, она ишо нам родня.

Она, Надя эта, в магазин пошла, а хлеба не купила на обед. Пришла просить у Шуры хлеба, а та не дала. А хлеб-то тут лежал. Ну, ушла. Под вечер... Легли спать. Это до войны, в тридцать шестом или тридцать седьмом году.

И вот она им подпустила.

Они утром пришли: на огороде, на помидорах змеи. Девка хватилась поливать — они на палках-то ползают. Та туды, та сюды, та вверх ползет, та вниз... Она:

— Мама!.. Ты Надькю-то наругала? Посмотри-ка, змеи...

Та выскочила. Вот ловко! Ну, идти же надо. Опеть к Наде!

— Вот так, Надя, кака-то беда получилась. Вот надо же навести! Кто-то напустил на нас змеев.

Она опеть:

— Дак это чё же такое? Кто же тут такой есть? Но пойдем.

Пошла, ерничинку тоненьку взяла. <...> Она их называет всех. Тоже выгна-ла из двора, из огорода-то. Зашла, посидела.

— Но, иди, таскай воду.

И не было. Ушли.

Вот это было точно...

240. ...В Кунгаре. Они сейчас уючывали в Трубачево. Но, теперь, там он женился, сын-то у ней.

Коней опустит — кругом хлеба, а кони в хлеб не зайдут! Кругом хлеба! Адали будто загорожено!

Но потом загуляли. Это рассказывал... то ли он, Полоротов чё ли, с Актагучей. Как сват.

Но, она, теперя, и говорит:

— Чё, сват, тебе показать чудо?

— Но, покажи, сватья, покажи! — Сидят за столом. Кошке:

— Но-ка, иди-ка, тащи мышь! — Кошка: «Мяу-мяу» — дверь отворил, кошка пошла. Притаскиват мышь. Живу! Но, она:

— Ты не ту притащила, каку я тебе велела! — Кошка: «Мяу-мяу» — назад побежала. Притаскиват другу мышь.

— Я тебе сказала, каку тащить мышь. А то ты ково притащила? Утащи на то же место, где она была! — Вот видел, нет?! Вот ты заставишь тащить кошку мышь?!

Он говорит:

— Но ты, сватья, дока дак дока! Таких, — говорит, — мало.

241. ...Цыгане бывали вот эти, приезжали. У нас у матери было... Мы маленькие были.

Цыганка приходит:

— Дай, я тебе сгадаю.

Она ково-то согласилась. Та ей сгадала: ково-то ей говорила, говорила... А у ей висела вот так на занавеске голубая шаль (раньше эти старинны шали, кашемировы, хороши были). Цыганке надо эту шаль! Она потом никак эту шаль не дает, говорит:

— У меня девчонки. Не отдам эту шаль!

Она чё сделала?! Лягуш напустила ково-то. Вот везде лягуши скачат. Как есть везде скачат! И по столам, и на шкафу, и по окошкам — везде, вся изба по полу, всё в лягушках. Она же омрачила, ково ли сделала, черт ее знат.

А потом мама-то билась-билась — никово. Дядю Андрея взревела.

— Иди, — говорит, — погляди-ка чё: вся изба в лягушках.

Он пришел, заругался.

— Убери! Счас в милицию тебя сдам!

И никово не стало. И шаль осталась, и этих лягуш не стало, и эта цыганка убежала. И все. А вот ежели бы этого дяди-то не было, чё бы было тут? Не знаю.

Всяка ерунда была!

242. ...У меня тоже случай был. Это, конечно, детские впечатления, но до того, все ясно я себе представляю, просто все детали помню! Видимо, воображение мое поразило...

Я не знаю, Евгений Андрианович, собирали ли вы вдесь колоски? Ну и вот. Как-то мы, ребяташки, втроем пошли урганачить, ворошить мышинные копны. Раструсишь эту копешку — там много колосков, их в мешок. И так набирали килограммов по два, по три зерна. Дома вымолотим, отведем — вот и хлеб. Война же.

И вот мы насобирали этих колосков, спускаемся с горы. Жили мы тогда в Чикичее. А весна была. Готовились к севу и вывезли на поле семенное зерно в мешках. Мы смотрим: бабка Трошиха у этих мешков. Оглянулась и давай себе нагребать зерно. По-моему, его тогда не травили. Нагребла килограммов шесть-семь и пошла вниз. А мы что? — ребяташки.

Ага, мы ее счас допечем. Догнали эту Трошиху.

— Что, зерно воровала? Мы все видели. Сейчас в деревне про тебя расскажем.

Она, конечно, испугалась, но виду не подает.

— Да вы что, ребята? Я же колоски из урганов собирала...

Идем и над ней измываемся.

И вдруг видим: со стороны свинофермы бежит к нам огромный боров. Морда вся в пене. Трошиха нам и говорит, вся изменилась и говорит так строго:

— Если вы будете языками болтать, что не следует, этот боров вас станет преследовать. Он постоянно будет теперь пересекать вашу дорогу. Опасайтесь!

И ее сразу же не стало. Нас это просто поразило. Мы идем дальше. Доходим до узкого места и вдруг видим: этот самый боров (а он сначала-то пробежал в гору мимо нас) прямо на нас мчится. Демка — так одного из ребят звали — только успел крикнуть:

— На березы! — Тут три березы росли — и мы в одно мгновение оказались на них. Сидим белые-белые... А боров подскочил и давай ствол березы грызть. Рассвирепел, только кора летит. На задние ноги встает. Мы от страха шевельнуться не можем. И видим: идут мужики. Мы стали кричать — они к нам направились. Боров этот исчез, убежал. Мы слезли и мужикам рассказываем, что случилось. А они нас еще больше напугали: мол, это верно, вы Трошиху бойтесь, она может что угодно сделать.

Пошли мы вместе с мужиками в деревню. И вдруг какая-то птица из-под ног у нас давай вылетать. Не ворона, не сорока — никто из нас такой птицы не знал. Будто раненая, ну, как отводит от гнезда. Сядет и бежит, прихрамывает. Это нас совсем в трепет ввело. Мол, вещица Трошиха в птицу превратилась и нас пугает.

...Вот такой случай был со мной, все досконально помню. Просто поразительно.

243. У нас соседи были, две снохи. В отделе они жили, всяк в своей избенке. Одна высо-окая была ростом, а друга низенькая. Одна, наверно, чё-то знала и другую выучила. Обои они колдуньи были.

Но мы замучились: не можем скотину завести от [из-за. — *Соб.*] них! Вот купишь, прямо уж видишь, сколь у ней молока, — покупаешь, хорошая коровушка. Вот приведем ее домой, она, бедна, всю ночушку лежит стонает, как кто ее давит. Вот стонает, стонает, а лижется навстречь шерсть. Это навстречь — это уж не ко двору. Это домовою ее не любе. А домовою-то напушшоной. Ну, прямо мучились, мучились. Ну, чё делать, черт ее знае. Так они вот, эти снохи, они переделывались и кошками... Как-то отец встал ночью на двор, ночью, глянул в окно — зимою — они, две кошки, одна маленька кошечка, другая повыше — и они друг вот на друга вот так вот прыгают, толкачики делают, на дороге.

А отец говорит на маму:

— Встань, погляди, что враги-то делают. Это точно они!

Вот так вот друг перед другом прыгают... Они помучили нас, собаки! А мама у меня была такая жирная, толстая, грудистая. Вот летом никогда не застегается: ей жарко. А раньше кресты носили. Вот на ней крест на веревочке, а на веревочке узелчики нашиты. Какая-то трава от колдунов. <...> И вот у нас одну зиму у дедушки зимовали цыгане. И цыганка к маме ходила. <...> А мама-то рассказала, что никак, гыт, жить нельзя — вот соседи балуются над нами!

— Може, у вас есть неодолим-трава? Ты хоть мне б дала кропоточки одной. (Они же ее не любят, колдуны-то.)

И она ей, цыганка, маме дала вот коренечек, щепоточку маленькую. Она ее сразу в тряпочку зашила и сюды пришила к этой... к веревочке-то. <...>

И как-то летом вышла ребятишек поглядеть, из коридора вышла, а эта колдунья-то сидела около своих ворот, вышла, на травке сидеть, старуха-то.

А мама-то вышла — ой! Как она застонала-то! Как она заохала-то!

— Ой, достала ты, достала!

— Чё, тебе тяжело?

— Ой! Ой! — Прямо встала, с ревом во двор пошла. Учужа сразу эту траву! Вот паразиты! Чё делали!

Дак они чё ж, они замучили нас — никак жить нельзя, никак скотину нельзя завести!

244. Ведь вот еще... Сват шел со службы — раньше все больше пешком шли — и зашли в деревню, думают: «Три дня отдохнем и дальше». Их трое было. В деревне той жила женщина, у ней три дочери. Она к себе тех пустила. Дом на две половины был. В одной она их положила, в другой сами легли. Легли, побормотали, ведьмы-то...

Те двое уснули, а я, говорит, не сплю. Покурил и не сплю — не могу. А время-то двенадцать часов. Тут выходит старшая дочь, лампу зажгла, к печке подходит (знаете, раньше такие печки были, русские, это сейчас плиты стали, с плитами легантнее), открыла трубу — фырк! Я замерз [испугался. — В. З.]. Потом вторая вышла, подошла к печке, тоже фырк! — и не стало ее. И третья за ними. Ну, я примерз, пошевелиться не могу.

Разбудил посяла друзей, рассказал им, они не верят. Лежим, что делать-то?

А на рассвете слышат: в двери заходят, хохочут. И зашли в двери: улетели в трубу, а зашли в двери.

Это все в «страшную неделю» бывает, на Великий четверг, перед Пасхой.

245. Жила у нас одна женщина. Молодая еще. Сыновья у нее были. Вот все в доме уснут, она встает — и в трубу полетела.

А тут ее как-то поймали наши же ребята, Иванушка... Подкараулили. Она как вылетела, взяли, да трубу закрыли. А она обратно попасть не может, летит кругом: «Чирик-чирик», а попасть-то не может. А как петухи-то запели — она и совсем села, уж не знает, чё делать, куды деваться. Уж потом ребята залезли, трубу открыли, она как впорхнет и ложится спать... Над своим стариком-то чё делала! Так он спит, она ему принесет чё-нибудь: то ком земли принесла, то еще чё-нибудь. Сама-то она крепкая была.

Так она, бедная, помирать-то стала — дня три помирала! Помрет, станут ее подымать, она опять подымется. Потом положили по старинке осиновый кол, старики вырубili...

246. Сам-то я не видывал, а вот в Кунгаре было. Была слава-то.

Мать-то у них эти хомуты надевала.

То ли на Великий четверг — забыл, памяти не стало — они ком-то пома-

жутся — и в трубу улетела. Втора помажется — счас в трубу (эта померла, счас ее нету). Помазалась — тоже полетела...

Это Маришка рассказывала, Марунька.

...Я, гыт, поглядела: Маруська помазалась — улетела, Надька помазалась — улетела. Я поглядела — а сама пьяненька была — взяла помазалась... и оказалась на кладбище! Они там.

— Ты как взялась?

— Как взялась? Как и вы.

Она потом по деревне-то рассказывала. Вот, гыт, как получатся.

Это она несколькими рассказывала людям.

247. Жили мужик с женой. Ну ладно. Это все же на Великой четверг. Тепериче, он замечат: что такое? <...> Она чё-то налаживается. Ну и ладно. Он это лег, присматривается. Приходят подружки: ха-ха-ха, да хи-хи-хи! Он посиживает. Тепериче, печку затопили, сковороду поставили, масло налили. Чё-то нашама-нили. Одна мазнула — фырк! Втора мазнула — фырк! Масло-то намазали по губам. Улетели. Мужик сидел, сидел.

— А чё? Дай я попробую.

Только мазнул — фырк туды! К имя же. <...> У их там пир идет. Баба-то увидала его:

— Ты чё тут? Тебя тут сожарят, съедят!

У их там пир идет... Этих ребят вырезали, на Великий четверг, взамен толкали голики, да чё... Вот эту штуку творили. Это рассказывают так. А может, было, может, нет, — кто их знат.

— Пойдем, я тебе коня-то дам. Убегай скорей, пока не увидали. Уж скоро петух запоет. — А петух запоет — они куда <...> полетят?

Пришел: стоит конь, белый конь. Сял — ну, дак ково же! — раз! — и дома. Но, думает, погоди, я этого коня свяжу. Взял, подвел к воротам, затянул.

Баба прилетела, все спокойно.

Утром встал, пришел смотреть коня — а там березка. Ну, береза обыкновенна, связанная стоит.

— Ну чё, бабушка, посмотрел я коня сейчас, угостила ты меня конем-то.

248. Шел он, значит... Откуда уж он шел? Прохожий, в общем. Ночевать ему надо в деревне. Вот, значит, он край прошел: здесь все, дескать, богаты — не пустят. Спросит у того — нельзя ночевать. Вот последняя избушка. Значит, уж проходить. «Но, — думат, — спрошу». Зашел, спросил тут. Она говорит:

— Дак, но, ночуй, только у нас вот видишь, тут вот сбор будет небольшой.

— Да-а, я лягу, мне не до сборов, до ваших. Я спать хоч, устал. Скоко там... двое суток не спал, иду...

Но лег. Вот теперь, говорит, но часов в одиннадцать-двенадцать там собираются эти. Вот собралось их, этих баб, там вот штук несколько, там три или четыре. Вот теперь, какой-то флакончик у их. Они счас раз! — намажутся и — к шестку. И раз! — в трубу и улетела. Теперя, втора и третья так... Он думат,

дескать, чё такое? — оне улетели. Думат: «Дай — я». Подошел, намазался и — фырк! И тоже и туды, прилетат, прилетат, значит. А оне теленка там, значит, вытащили, теленка варят его, ись. Но она потом меня как увидала:

— А ты зачем сюды?

— Я, — гыт, — вот так и так...

— Но, — гыт, — вот, садись. — Вывела, гыт, меня, посадила, значит, на вороного коня. И полетел, гыт, я на этом коне, поехал. И приехал, значит, очутился на крыше. Ни коня не стало, ничё. Смотрю: звезды. Огляделся. На скамейке сидит он.

Оне его, значит, на скамейку посадили и — вроде как на коне он. Смотрю, дескать: на вороном коне. «Садись, — садят меня на коня, — и поезжай». И вот я, гыт, на скамейке, гыт, приехал. И вот, гыт, до утра просидел... Но куды же с крыши слезешь: убьешься да и все. И я, гыт, до утра и просидел.

249. Одна женщина была. Она колдовала.

Собрались как-то колдовать. А у нее муж был, залез за печурку наблюдать. А их семь было. Они пришли, камни притащили, кашу варили. Хлебнут кашу — вылетят в трубу. Все вылетели.

Мужик тоже хлебнул и тоже вылетел. Прилетели, смотрят: восьмой, лишний! Надо изничтожить. А колдовка, жена-то его, и говорит:

— Дак это муж мой. Мужик хороший.

Дали ему жеребца, шибко хорошего. Добрался он до дому. Привязал его к плетню. Пошел братуху будить. Говорит:

— Посмотри, какого жеребца мне дали!

Приходят, а вместо жеребца — такой горбуль стоит!

Значит, не на жеребце, а на горбуле он приехал.

250. У нас солдатик со службы шел. Переночевать зашел к старушке. А она сама-то летала. Вот солдатик-то спать лег, но не заснул, а из-под одеяла выглядывал одним глазом.

Вот старуха подошла к печи, горшочек поставила на шесток, руки помочила и фырк! — в трубу. А солдатiku интересно. Он возьми да так же и сделай. И в бане очутился! А там старух полно. Хозяйка его увидела и говорит:

— А ты зачем здесь? Давай домой!

Дали ему коня красивого, быстрого. Солдатик сел на коня — и вмиг очутился в хате. Глядь: а под ним вместо коня помело оказалось!

251. Перед полночью четыре мужика шли с дальней дороги. А тут недалеко вроде как заимка стояла. Решили попроситься ночевать. Хозяйка согласилась. Троих-от положила на пол, а другой на печку лег.

Видит тот мужик с печи, что хозяйка-то тех мужиков красным поводом три раза... А про этого-то забыла. Подошло двенадцать часов ночи, надевает она белую рубаху, мажет под мышками сажей, подвязывается красным поясом — и в трубу улетела.

А на другой день развила этих троих. Потом, видел он, как она подставила ведро да давай рыгать — чистая сметана льется. Молоко, знать, собрала со всех коров.

252. Жила в Кумаках старуха, Кузнечиха. Ее у нас все боялись, в деревне-то. Портила много. Все про нее говорили, что она ведьма. И один раз она на богатых рассердилась, на Андреевских. И у их все время стал кто-то корову доить. Вечером надоят ничего, а утром придут — у ей молока ни грамма нет. Иван Андреевич, сын-то их старший, женатый — у него четверо детей уж было — стал подкарауливать. Вот один раз ночью сидел: вдруг кто-то из стайки-то у них захлопал крыльями, полетел, значит. Утром он рассказал. Думают: это лебедь большой или сова летат к им. А все подозревали: старуха, говорили, мол, Кузнечиха у нас доит корову. Дескать, она птицей сделатся, прилетит и подоит. А молодые не верят: как это она может сделатся птицей? Это сова прилетат, <...> а корова с перепугу не дает молока. Ну, а старики все равно уверяют, что это Кузнечиха. Ну, и заставляют Ивана-то караулить.

И потом он ночи три караулил <...>, а в последню-то ночь он скараулил: она уж порхнула, птица-то полетела. Он на ее ножиком как замахнулся, и ножик-то вылетел и в крыло попал. Ну и все. Значит, завтра к Кузнечихе надо сбегать. Если она лежит, то это она, значит, правда.

Бабушка уверят:

— Это она корову доит, птицей делатся она.

Утром пошли к ней чай попросить: Кузнечиха лежит. Встала, давать хотела чай — права рука-то у ее не подыматся, вот так она привязана. Так и решили, что это она прилетала доить корову, в это время ее Иван ранил.

253. А на Великий четверг даже сено караулили.

Вот Великий четверг — это же перед Пасхой — у нас дедушка сидел. Бежит баба. «Я, — говорит, — ее сейчас хлопну!» Она прибежала — у него не томо что хлопнуть из берданы... он не мог и слова сказать! Она пришла, в запон сена набрала и ушла. И все!

И потом то конь пропал, то корова пропала!

Вот и говорят, волшебник... Она сделатся то собакой, то чушкой. Но теперь этого нет, теперь только хомуты надеют.

254. ...Уже к осени дело было... Нет, не осенью, вот в это время. Я слышу: наш поросенок бежит, хрюкает. Я уже знаю его по голосу. Я голову высуну в эту стеклину, крикну, он пробежит когда:

— Вася! Вася!

И он тогда остановится, услышит, что голос-то знакомый, и бежит. И так и пробежит домой туда. Там посмотрит: нету — опять бежит туда. Я опять его кричу. А мне там девочки сказали, что собаки его сильно рвут. Они, гыт, его когда-нибудь задавят. Ну, я его и отвожу все.

А потом одно время, вот как раз это, говорят, на Иванов день, вроде колду-

ны что-то должны натворить обязательно. И вот на этот Иванов день он убежал, <...> потом утром прибегает — у него вся вот эта грива, щетина-то, обстрижена и в смоле выпачкана, дегтем. Я говорю:

— Ой-ё-ё!.. Это дети, видимо, на кисточки, или кто-то пол красит, на кисточки обрили, — говорю, — нашего Васю всего и даже замазали его. Ой, хулиганство же это!

Но, а мне тут одна бабка потом и говорит:

— Нет, это колдуны, — говорит, — над ним натворили такое.

Я говорю:

— Дак чё, он сдохнет, значит?

— Нет, им просто побаловаться надо в этот день, чё-то натворить.

Это я хорошо помню, такой случай был.

255. Девки наши пошли к одной колдовке, чтобы она научила их. А она из них только одну и выбрала. Посадила ее в комнату пустую и говорит:

— Ты, дева, ничего не бойся. — И вышла.

Вдруг дверь открывается, входит медведь. Подошел к ней и стал ее гладить. Она сидит молчит. Ушел медведь. Потом волк ли чё ли вошел. И выть ли чё ли начал. Она вся обомлела, но молчит. Только волк ушел, гадюка заползает. Стала вокруг ее шеи обвиваться. Ну, девка-то та не выдержала и давай кричать. Гадюка-то и уползла быстренько. Только уползла она, а тут эта старуха входит. Говорит ей:

— Дура ты, девонька, это я была, — и выгнала ее.

Я-то не знаю, верить или нет. А девки-то говорят, что правда было.

256. ...И вот эта Кузнечиха никак не могла умереть. Когда она умирала, за ней тетка Анисья присматривала. Вот она меня скричала:

— Гутька!

Я подбежала. Она:

— Бабушке тяжело, никак не умрет. Ты сбегай к нам. На божнице лежит купарисово дерево, в тряпочке завернуто, бумажкой прикрыто. Ты его возьми и беги назад, ни с кем не разговаривай.

Вот я бегу. Нюрка Поздеева меня остановила:

— Ты чё бежишь?

Я говорю:

— Да купарисово дерево несу,

— А-а, это, наверно, Кузнечихе, она же ведьма — умереть-то не может. Вот ей в избе купарисовым деревом начадят, накадят — и она умрет спокойно.

За то, что она грехи не могла никому передать, ей Бог и смерти не давал.

А то ей, Кузнечихе, и князек снимали, и матку, потолок разбирали, никак не могла умереть. Только купарисово дерево и помогло, выгнало, видно, душу.

257. В Нерчинске жила бабка. Она умирать начала и призвала соседку, чтоб ей передать, что знала-то. Она весь вечер просидела с этой бабкой. Потом под

вечер кошки ли не кошки — на чертей похожи — они через дорогу перебежали от той бабки, которая умирала, к той бабке, которая, значит, к ней приходила.

Перебежали кошки. Ну, люди-то видели, говорили вот... А у нее было всего две черных кошки, у той бабки, а тут много-много через дорогу-то перебежало. И бабка эта в тот же вечер ночью померла.

Ну, она передала. Вот эти кошки-то все перешли. Черти ли они, кошки ли — все перешли.

258. ...Я только приехала в сорок седьмом с мужиком. Девчонке три месяца всего было. А она моему мужику кака-то родня приходилась через втору бабу-то. Она моего мужика-то, жена, не дождалась, замуж вышла, а он меня сюда привез. Невестке в отместку сделал. Ну вот. А я ее вообще боялася: она на меня еще хомут накинёт или еще чё-нибудь.

Ну, вот она умерла. Хоронить надо ее. А еще наперед она хворала, меня заказала. Прихожу:

— Ты мне, девка, дуй-ка ты мне в ухо. Вот сюда в ухо дуй.

Я говорю:

— Бабушка, почё дуть-то? Ну ладно. Я сейчас на двор схожу, потом приду тебе надую-то в ухо.

И убежала.

...Вы, молодые, ничего не знаете сейчас...

Потом пришла старая бабушка, стала рассказывать:

— Вот хорошо, что убежала, а то бы в ухо дунула-то, и все черти вылетели, на тебя бы всё перешло, а ты бы и не знала. Ты помирала бы тяжело, а она бы спокойно умерла. Вот зачем она заставляла тебя дуть в ухо.

Ну ладно. Вот теперь ей пришло время помирать-то, а она на стены лезет, везде ползат, бегат, страшно раскосматилась вся. <...> Но все же она пропала... нет, не пропала. Вот крест не... до тех пор, покамест не залезли ей этот князек не разобрали, не сбросили — вот тогда она и кончилась. ...Ни в какую: ходит по избе и все... Потом сразу умерла, как разобрали.

[— А она просила, чтобы разобрали? — *Соб.*]

— Нет, она уж без памяти была. А так люди-то ведь знают таких-то. Ну, а потом, чё же — гроб повалили на сани. Никого кругом не стало: приедут же черти, страшно.

[— А крест что? — *Соб.*]

Крест-то на улице стоял, у переднего угла. Не велела затаскивать сама. Черти же не любят крест.

А вот Ольга-то жила-то (она ково ей наказывала), невестка-то: вот сколь посуды было у ей тарелок, то она этим не попользовалась. Правда, говорит, в руках держу ее, так она выскользнет и сломается сразу. Это уже после смерти ее.

[— А как звали эту бабку? — *Соб.*]

Александрой, Лобачева была. А в доме после нее и сейчас живут. Вот в бане-то мылись-то...

259. Она не очень-то такая, хорошая... Кто ей не понравится, она все могла сделать. Много она знала этих слов-то всяких, шаманства всякого, молитвы... Кто не понравится, она может сделать там на коров, все это.

У них дом большой-большой был. Ну, я к ним часто приходила. Так страшновато! Ну, а когда к ней-то придешь, она как будто бы относится хорошо, она еще нам-то сватья — ее дочь за маминым братом родным замужем, сейчас в Приморье живут.

В общем, она когда заболела, <...> думали, что быстро умрет. Долго ее лечили, всё. И вот где-то за неделю, наверно, до смерти-то <...> вызвали всех ее дочерей, сыновей. Все приехали. Вот. И что захочет она, например, то, что ей надо: то она киселя захочет, то фруктов каких-нибудь свежих... А где это все у нас возьмешь? Сидит, например, то ругает их, то что-нибудь еще, то в баню заставит нести, баню топить в полночь. В двенадцать часов только она начинает все справлять. Сыновей, дочерей, невесток... Плохо ей сильно было.

А перед тем, как уже умереть-то, она стала кричать. Не могла умереть, кукарекала, кричала...

Потом сходили, земли-то принесли когда с росстани трех дорог, взяли на мешали в стакан, она выпила. И тоже не помогло.

Потом залезли на крышу, венец подняли, потом только она умерла.

А потом в эту же ночь, когда похоронили, прошли поминки. И остались все ночевать. Сколько же? Чё-то много детей... Тоже в двенадцать часов пришла: чё-то не понравилось, стало быть, она что-то им говорила, что не надо было делать, ли чё ли, и они сделали не по ее, неправильно.<...>

Потом и дед ее рассказывал:

— Лягу спать. В двенадцать часов дверь открывается. Хорошо так слышу! Она приходит.

— Ты чё, дед, самовар-то не вскипятит? — На кухне тарелками брякает. Ходит, ругается.

И один раз сильно ругала его, что он испугался.

— Пойдем, дед, со мной! — Звала, стало быть, чтоб умереть, ли как ли.

Он убежал, из дому убежал...

260. ...Лет ей двенадцать было. Вот, значит, она училась где-то, читала книгу эту. Читала она ее, а потом, говорит, бросила ее или ково ли сделала с этой книгой.

Жили они в Выселках где-то. Бедно они жили. Вот пришла она один раз с работы и легла спать. Легла, грит, в комнату. А бабушка ей говорит:

— Давай лягем, я лягу за печку, а ты сюда.

Была у них там в подполье западня. Ну, она и легла на эту западню... И заревела ночью:

— Ой, задушили меня!

Та:

— Да кто же тебя душить будет?

— Ой, душит, бабушка!

Она встала, огонь зажгла. Когда огонь зажгла, та говорит:

— Ой, задушили! — рвет все на себе. А потом давай перевертываться, давай перевертываться и давай скакать по избе. И до того скакала, что бабушку привели, давай прыскать на нее. Она до того скакала — упала. Они уж потом от нее спрятались под стол, под скатертью сидят. И она упала, а назавтра у ей язык весь вытащило, вытянуло, говорит. Молода она была и в положении. Ну и вот, потом хоронить ее наладили, как пролежала она два дня. Привезли батюшку — раньше ведь батюшка был, поп. Он открыл ее и взапятки:

— Ой, — говорит, — никогда не видел такого покойника, никогда. Что за покойник?!

Вот понесли хоронить ее. Вдруг откуля ни взялась поднялась гроза — принялось шелкать! Они и бросили ее посреди улицы. Все разбежались, братья кое-как донесли до кладбища, там бросили и убежали. Пришли, грит, когда загребать ее — цельная могила воды, и крышку гроба разорвало. Ну, вот правда или ково ли?! Вот какие чудища [чудеса. — В. З.] были!

А до этого она в Шилке училась. Полутоски раньше шили, богачи, торговали, свой магазин... Она у них и жила в няньках и вот училась у старух.

261. А потом ко мне старуха пришла... Оба они со стариком чудили...

У меня картошка не родилась. Я поехал, глазков купил. Она явилась:

— Ты мне ведро накладывай картошки!

Я говорю:

— Бабушка, я купил. На живой вес отдал вон сколь!

— Ничё, гора моя высокая, ничё. Давай.

Я говорю:

— Стара, э-эх ты! — Взял да ухват вверх рожкам поставил. Она из избы не вышла.

...Лама-то сказал: «Ухват кверху рожкам поставь — шаман из избы не выйдет!»

262. У нас механиком здесь Миша Димов. <...> Он как-то ко мне вот забегает и смеется, значит. Мужик такой здоровый.

— Данила, ты знашь у нас Розаниху-то?

Я говорю:

— Знаю. — (Старуха).

— Она колдунья.

Я, мол:

— Откуда ты знашь?

— Испытал, — говорит.

Я ему:

— Дак чем ее испытать-то надо?

— А мне, — говорит, — там один старичок: «Вот если кто колдун придет гостить, ты, говорит, возьми ножницы в порог воткни. И он не уйдет, пока эти ножницы не вытащишь». А я, — говорит, — захожу домой, на обед приехал.

Ага, Розаниха сидит. А слышал, что она колдунья-то. Я, — говорит, — потихоньки у Шуры там ножницы (у жены) взял и в порог воткнул. Воткнул и забыл. И это... Уехал опять на работу.

Это в четыре часа. Он до шести часов работал. Приезжаю, она, говорит, сидит. А это... Жена-то, Шура-то, говорит:

— Старуха-то сдурела ли ково ли? Одно ревет: «Отпустите меня!» — да и только. А я ее чё, привязала ли чё ли?!

Он потом:

— Я, — говорит, — вспомнил: <...> да ить я ножницы-то не убрал. Только, — говорит, — их выдернул, так она — только задница мелькнула — убежала.

263. Она испортила если, то ей не терпится: обязательно придет в этот дом, где испортила. Так раз и вышло.

Пришла и сидит. А я ухват кверху ладом поставила, она уйти-то не может. Вот встанет:

— Но, дева, идти надо... — а сама тут же сядет. Как на шипишке, сидит.

Потом уже попросила:

— Век не буду. Отпусти.

...Ей не терпится.

264. Вот у Хрулевой-то Женьки мать-то была, старуха-то. Она пришла к Ивановым-то — Клара-то Иванова, она же мне ровесница — и вот она пришла. А ухват-то есть вытаскивать из печки — они взяли его и с парнем поставили кверху ногами. А она, Клара-то, слышала: все говорят, что она шаманка да шаманка.

— Ну, — гыт, — мы сейчас ее испытаем. — Взяли и поставили.

Ей надо идти — она до порогу дойдет да опять сядет, до порогу дойдет да опять сядет! Ну, потом матери и говорит ихой:

— Абрамовна, вот Клара твоя да Колька всю меня, — гыт, — истыкали вилами. Вот бесстужи дак бесстужи.

А она говорит, Абрамовна-то:

— Дак они когда тебя?

— Дак когда... Сейчас вот под бок тычат и тычат меня.

А они укатываются. Мать-то же ничё не знат, а они хохочут. Ну, потом взяли перевернули обратно. Она ушла. Они потом и давай мне рассказывать. А я говорю:

— Уж не могли мне сказать, я же рядом тут живу.

Вот эти ведьмы, они людей ненавидят. Они прямо людям в глаза смотреть не будут. У них глаза: вроде она смотрит, а глаза куда-то в сторону. Она просто мучится всю жизнь, если она знает чё-то нехорошее.

265. Раньше всему веровали, врачей же не было таких.

У нас-от Коля баран стриг (уж в школе учился) и вышел из здания-то, где

стригут, и в озеро забрел. Жарко <...> Ему в пятку и ткнуло. Приходит домой, хромат.

— Ты чё, сынок?

— Чё-то в пятку кольнуло, больно и больно.

Дальше — больше, дальше — больше... И он ночью уже начал стонать, и нога вот така делатся, краснет. Чё делать? А у нас здесь бабка жила. Она сейчас там, в деревне, живет. Ой, я в двенадцать часов ночи побежала за бабкой, она пришла да и говорит:

— Девка, у его краснота.

Бабка изладила — ломоты нету. Не стало ломить-то.

Чё же, ему надо справку. Мы врача привели, он говорит:

— О-о, с такой болезнью из ста один остается с ногами. Надо его в больницу.

Ой, мамочки родимы! <...>

Привезли его к хирургу, <...> он ничё не мог у его признать. <...> Повезли домой.

Бабка начала ладить. Он девять дён лежал — отошла нога. <...>

[— А как она ладила? — *Соб.*]

Чертила. У меня красно платье было, она платье положит, на мел наладит, ково-то пошаманит, завернет...

И так отошел.

266. ...Они рассказывают... Там эти бабочки белые летали ночью, много бабочек. Мы, гыт, давай ловить. Поймаешь — ничё нету. Чувствуешь, гыт, что поймал, руку открыл — ее нету. А потом пятна каки-то по телу пошли после, у всех троих. В больницу их возили — никто не может признать, чё к чему.

А здесь бабка была. Как же ее фамилия-то? Забыл... или Муратова, то ли чё ли, бабка. Она уже старая, ей уж лет-лет-лет... да года пошли. Ну, они же там это, ладят... Она его три раза холодной водой умыла, потом на луну сказала три слова (ну, это обычно как бы в тайне остается, никто не знат, чё она говорит). Но, и через три дня сошло, ничё не осталось.

Меня тоже ладила бабушка моя. Я напугался — собака вылетела... А я маленький ишо был, где-то лет шесть мне было. Она [бабушка. — *Соб.*] меня в магазин отправила:

— Иди, — гыт, — купи килограмм сахару.

Ну, я побежал. Вечером дело было. А у Есиповых собака така здоро-овая была, больше меня. Вылетела — я напугался, заикаться стал (сейчас-то не заикаюсь. Ну, иногда бывает, чё-нить так волнуюсь когда, а так-то не заикаюсь). Но заикался здорово, года два, наверно, буксовал: у-у-у — пока скажешь слово...

И потом никто... бабушка водила меня. <...> Потом сама... какой-то травы настояла (деда выгнала из дому: «Иди, — гыт, — гуляй»), как раз на новолуние. Ну, я не знаю, чё она мне говорила... Она меня умывала, водой умыват лицо, раза четыре вот так делала — я меньше, меньше, меньше, а потом совсем не стал буксовать.

267. Моя старуха, бывало, змею без всяких берет. Змея укусит — она заговорит. Нашепчет, и болеть не будет. Вот уж фактов я знаю сколько. <...>

Одна женщина пошла огурцы рвать, сунула руку-то в гряды — она ее тянула, змея-то. Ну, эта рука у нее распухла. А она старовёрка была, женщина-то. Ну, ходит, ничем ничего вначале, мажет чем-то всяко разно... — никово! Руку разволокло, аж вон куды опухоль пошла.

А мы жили-то недалеко друг от друга. Теперь, моя старуха:

— Ты чё, Арина, скорчилась? — Ее Арина звали.

— О-ой, не могу ходить. Змея-то укусила меня.

— О-о, ты иди сюда, — моя-то старуха.

Она пришла. Она ей пошептала чё-то.

— Но, — гыт, — ляг полежи маленько.

Она легла, эта баба-то, ее уже развезло: рука ее мучила, не давала спать, а тут ее сразу в сон бросило. Она пробудилась (наверно, с час спала), пробудилась — руке-то легче стало, и опухоль пошла обратно.

Вот чё значит?! От шепотка. Вот, ёлки-палки...

268. Поехала я зуб дергать в больницу. Только он укол-то поставил — мне с сердцем плохо. Я вышла на пять минут, он меня выкрикнул, я зашла, меня всю так трясет. Я села-то в кресло и побледнела. Он говорит:

— Ну, бабка, иди, денечка два-три отдохни. Потом придешь. Чё это с тобой?

А я на его руки как глянула — у его же руки-то, как у медведя — аж чувствую: сердце вот-вот схватит. Ну, чё же? Я ушла. Пока укол-то был, я зуб-то не чувствовала, боли-то. Дошла до дочери-то. Ой, как он у меня взял, как взял!.. Я рысью подскочила на остановку, на автобус — и к ей. Приехала, а она собираться в баню. Она ково-то на хлеб мне сделала:

— На, положь. Положь и усни. <...>

Потом она пришла из бани-то, они меня разбудили. Любка, дочь-то ее, хочет:

— Ты не слышала, тетя Феклуша, как по тебе Сережка-то лазил? Сядет на тебя верхом и понужат тебя.

Вот как я спала! Ничё не слышала. <...> И не болело...

269. У меня соседка, вот в этих-то окошках живет. <...> Дотоли у ее живот заболел! Она крутится, ревет: ой-ой-ой, ой-ой-ой. <...> Врача привезли. Врач глядит и говорит:

— Тут ково-то получилось, надо везти.

Тут и грелки, и всё... А тут одна соседка жила, она и говорит:

— Никово! На нее хомут надели. Иди за бабушкой Ефимихой.

Я потом пошла за бабушкой Ефимихой. Она пришла, ково-то поладила ей — она и уснула. А то прямо катком кататся, лиховски ревет!..

Раньше-то много бывало этих делов, о-ёй-ёй-ёй...

270. А это тоже, наш, кўэнгский — с ним было. Коммунист, не верил. Он этому ничему не верил. А ему хомут нахряпали на зубы.

В карты играл — ое-ё-ё! Но чё, бегат, мочи нет! Она, покойница:

— Костенкин, давай излажу-то!

— Но те к чертовой матери! Чё, поможет!

Но ладно, бегат. Вот он бегал, бегал — нет мочи! Конски колоды — раньше коням сечку давали в колодах — туды убежал, лег и лежал. Нету терпения! Она, значит, сходила, ничё не сказала ему и на чаёк изладила.

— Но, иди, Костенкин, чай пить!

— Какой тут чай? Я без ума! Мозга на лоб лезут, совсем выворачиват глаза!

— Дак попей, может, от горячего-то лучше будет!

Но, теперь он чаю хватил — оне у его заболели пуще прежнего. Она говорит:

— Дак пей еще, может, лучше будет.

Он стакан выпил — оно перекутило, потом легче, легче — отпустило. Отпустило когда, он, значит:

— Дак ты чё, ково в чай-то месила ли ково ли?

— Дак никово не месила.

— Дак отчё же лучше зубы-то стали.

Ничё сначала не говорила, потом сказала все же:

— Вот, — гыт, — отково лучше-то стало — изладила я на чай-то.

— Да не может быть!

— Вот не может... Ты бы, — говорит, — загнулся. Еще бы с час и все — и хоронить бы пришлось тебя!

Но, лучше стали зубы.

271. Я человек неверующий, а вот приходится верить...

Я на ферме работал. Если корова где поранится, там, в порах, заводятся черви. И приходится корову эту ловить. Мы со скотником обрабатывали все, ликвидировали этих червей.

А там переселенцы были — Гошоровы. И одна женщина, Юлия Григорьевна, она гыт:

— Чё ты, дядя Семен, с ними возишься?

— Ну, дак нехорошо же, если черви заведутся. У коровы брюхо мокнет потом.

— Да, это ерунда! Как у тебя какая заболет — мне покажи.

Ну, проверим, чё тут тако... Вот, потом я смотрю: одна корова больна, я к ней не подхожу. А к этой женщине пришел, говорю:

— Тут тако дело, Юлька. — А она корову свою доила.

— Ну, счас, — гыт.

Додоила и пришла. Вокруг обошла:

— Ну, ничё у нее не будет. Иди смотри.

Я посмотрел: черви там уже как приготовились выпадывать. А назавтра посмотрел — все, нету ничё. Я у нее спросил, мол, как это, чё тако. А она гыт:

— Ты старше меня, я младше. Ничё у нас не выйдет с тобой.

Вот наговор она какой-то знала. Наговор этот, видимо, действовал. Потом не стали этих коров мы с дедом Ильей ловить. А как заболит кака корова — мы к ней.

272. У нас на одну болтали, что она надеват хомуты. А потом у меня самого случай был. Я ишо молодой был...

...Лошадь слегла и слегла, значит, на пласт, не ест, ничё. Вот потом уже лежит на пласту и все. Вот теперича, меня научили добры люди (а у нас на другом краю деревни жила Шарбакова Александра, она после на Приисковой жила): вот к ней, дескать, ты поезжай.

Но, я коня другого запряг, поехал (это еще до колхозов же было). Поехал. Вот приезжаю.

— Тетка Александра, будь добра, ты мне помоги. Вот так и так...

Но чё напрасно... собралась, поехала со мной. Я ее привез. Она посмотрела и сразу давай ладить. Поладила. А у коня на брюхе, значит, брус, заметный был брус, как все одна опухоль так вот.

Но, теперича, поладила, потом ишо раз, и со второго разу он поднялся так это «на сака» [на передние колена встал, а зад поднял полностью. — В. З.] и встал. А то почти двое суток вылежал, ничё не ел. А тут вроде начал забирать овес: ись надо. И она сразу мне сказала, что это своя тетушка обработала. Прямо сказала мне:

— Она, — говорит, — и больше никто. — А она осердилась чё-то там да вот и...

273. Вот у меня братан был, охотник тоже до-обрай! Убили его в войну-то. А вот тоже сдурит: никак! Срелят, стрелят, стрелят! Придет, почернет весь. А он тихонько говорил все... за губу клал. Наладится этак табак класть.

— Паря, это как же быть-то? Надо было ково-то сделать.

Я говорю с ём:

— А ково делать-то, ты ково думаешь-то?

— Дак вот <...> никак не могу убить!

...И вот мучится, мучится — никак!

Ему все одна старуха ладила. Ружье это вымат, изладит. Он поедет, начинат хлестать опять!

Чё тако? А уж стрелял — о-ё-ё как! То ли дума его убиват, то ли чё? Дак он сам говорит:

— Так ничё всё, а вот ковды не убить-то, на сошки поставлю: но ково... хоть стреляй, хоть нет — знаю — бесполезно! Не убить все равно.

274. ...И вот она (кузница) когда загорела, ее заливали, все. Ну, чё там? Столько, железа <...> и деревянного же много было. Так опять же я не знаю... кака бабушка... Взяла яйцо сырое, чё-то там вокруг его обежала и, конечно, какую-то молитву прошептала там, сказала и бросила прямо на дом. Стало быть, прямо через себя бросила — и сразу весь пожар потух!

275. У меня свекор был. Это мы в Шивках жили. Он молодой был, у него первая жена была. Она у его хворать, и хворать, и хворать. У ней признавали грыжу. Он мучился, мучился, таскался, таскался с ней — замучился совсем.

А тут рядом у них старуха жила, Наседчиха... <...> Она была колдунья. Она на их все: вот теленочек какой выйдет — обязательно волк задавит, или этот... — как его... жеребеночек — обязательно волк задавит. <...>

Потом, говорит, меня научили, и вот куды-то он <...> поехал к этой старухе пошептаться. <...> Теперича, они приехали, там бабушка:

— Пospите, отдохните. — Ночь ночевали, втору ночевали. — Но чё, — гыт, — теперь будем разговаривать. Вы приехали вот чё и вот чё. У тебя жена больна и ребеночек больной.

Он говорит:

— Нет, у меня ребеночек здоровый остался (это вот Никитка, у него сын был). У нас коровушка осталась, она должна отелиться. <...>

Она, говорит, с нами не разговаривала, а все, говорит, нам ворожила <...> и давай нам все рассказывать:

— <...> У тебя, — гыт, — соседка есть. <...> Она вам колдует. Парнишке-то она хомутик надела, да куды ишо надела-то, вражина! Но я ей дам дела! Но, теперича, ладно. Коровушка у вас отелится, все хорошо. <...> (А потом при старухе-то не стала говорить.) А старушка, — говорит, — у тебя через год все равно помрет: у ней, — говорит, — бела грыжа, она устарела, эта грыжа. Теперь уже поздно, я не могу ее вылечить. А тебя не будет, когда она помрет.

Но ладно. И вот он:

— Давай я хоть поучусь у тебя. — Но вот он несколько молитв и списал, дед мой.

Приехали домой. И правда: старуха эта померла без него, он как раз уехал, а парнишке-то, она ему на этот натянула, старуха-то, но и он болет, у него все распухло.

А она ему дала эту бумажку читать, и вот он по этой бумажке снял хомут. А потом к нему стали возить всех.

— Я, — гыт, — сам научился...

276. У нас тут одна есть, бабушка Руфа. Она, когда была молодая, шла мимо дома бабушки Маши. Шла — на ровном месте споткнулась. Пришла домой — слегла. Боль страшная. Никто ничё сделать не может. Привезли бурятку. Она зашла — сразу на Руфу:

— Ну, чего лежишь-то? Вставай, вари чай. — А, видно, эта бабушка Маша говорила, мол, я бурятки по знаниям сильнее... Ну, а бурятка говорит:

— Мы сейчас посидим да пойдем к ней чай пить. Я только порог перешагну — она сразу упадет и прощения будет просить и мне закурить даст.

А у ней трубка такая еще большая, она ее все курила.

Ну и вот. Пришли к этой бабке Маше. Бурятка только через порог-то перешла — та сразу на колени и давай извинения просить, и давай чаем угощать.

И сразу закурить принесла. Короче, договорились они: она больше эту бабушку Руфу-то не трогала...

Эта бабка Маша и сейчас еще живая. Она раз пятнадцать умирала и умереть не может. Всё, уже при смерти лежит, «скорую» вызывают — она все жива, опять ничё.

277–382. Колдун

277. Ну, вот еще один случай. Конечно, это не я знаю, это рассказывала мне мать.

Ее отец, мой дедушка, в то время был атаманом. Вот однажды через Богдаты прогоняли партию каторжников. Когда остановились в Богдаты, один из каторжан решил, ну, вроде бы так, поиграть с девушкой. И вот с одной начал заигрывать. А она девка была такая, что она из себя, видимо, много воображала. Обозвала его всяко, всякими нехорошими словами. Он ей на это сказал:

— Ну, — говорит, — дева, попомнишь меня!

Когда партия каторжан ушла из Богдаты, та девушка залезла на избу, на князек, и закричала. Ну, это мне рассказывала мать, я сам, конечно, не знаю. Закричала, что верните мне во что бы то ни стало этого человека. Ну, а конвой уже был далёко. Пришлось атаману вмешиваться в это дело, запрягать лошадей, догонять конвой и оттудова возвращать этого человека, чтобы что-то сделать. Когда прибежали к конвою, атаман остановил конвой. Ну, конвойный, конечно, разрешил увести этого... Когда он вернулся, поглядел на нее и сказал:

— Ну как, девушка, кукурекаешь? Слезай!

Оттуда девушку сняли, тот и говорит:

— Вот, милая, я хотел с тобой, ну, вроде бы как-то повеселить свою душу, а ты меня всяко обозвала. Так вот, на другой раз знай, что человека-то ты не видишь или не знаешь, а обижаешь. Больше этого не делай.

Девушка с тех пор этим не занималась. Стала очень вежливая.

278. Вот у нас бабушку... — мать рассказывала моя — моей матери мать...

Тоже она вот, за какого ее хотели сватать-то, она за его не пошла (она была из старого города). А вот вышла за дедушку. Но и прошел, наверно, год. Поехали к своим да загуляли. Ну и, видно, соседи были, и оне с ними вместе гуляли. И вот она оттуда приехала — живот болит, и болит, и болит. Живот болит и растет. Чё поест — ее рвет. Ну, а раньше же врачей же ведь не так было: всё эти шептуну да ламы. Она к врачам-то, правда, обращалась, ничё у ее не могли признать. Это бы счас — рентген и все. И он ее повез к ламам, к бурятам. Она только зашла, лама сразу говорит:

— О-о, девка, тебя капусткой угостили.

И вот на капусте чё-то сделали — у ей рыбина жила в животе (это уж моя мать рассказывала). <...> Он ково-то ей наладил на воду, она выпила. И велел

налить в чисто ведро воды и сести на ведро — и она вышла, обыкновенная рыба. И вот он сказал:

— Пять лет не то что в людях — даже дома капусту нельзя есть. Если, — гыт, — капусту будешь есть — снова будет.

И вот она не ела пять лет ни соленой, никакой капусты.

Колдуны же какие-то были. Колдовать умели. Говорили, что были какие-то... «Черные магии», эти книги, — по ним. А теперь-то ничё нет.

279. Дедушка Варламов, его так все и звали — «шаман». А тоди у нас ходила женщина, бабушка, Катерина Чуркина, за телятами. Но, он ей и сказал:

— Ты меня попой чаем.

А она заругалась:

— А иди к ...! — по-забайкальски.

— Ну, попой.

— Не буду!

— Но и ладно. Ты меня будешь помнить!

По такой траве телята ходят — землю, прямо как чушки, выедают, ямами, <...> а траву не едят. <...> По траве ходить — землю-ка есть!

Она:

— Ой, дедушка, чё-то у меня с телятами получилось.

А вин захохотал да и говорит:

— Во-от! Вот не будешь говорить... Я просил у тебя чаю попить... Дак вот я тебе и сделал-то.

Так ей-богу! Как он идет по улице, так она и кричит:

— Иди, дедушка, чай пить! Иди чай пить!

280. Это уж было со мной, врать не будешь.

Ну вот... Кот-то у которого давил меня, у Митьки- то... Потом с ём вместе жили, в одной избе. И в один год женились. У его Зина, а у меня Надя.

Так вот оне с этой Зиной чё-то начали скандалить, скандалить. Он ее не стал это... уважать. В общем, дело почти до развода. А эта Зина потом — у ей дядя был, Вася Сучок, — его пригласила ладить этого Митьку, присушивать. А он, этот Митька, никак... Изладят на чай там или на суп, на чё ли, — он сообразил, что его ладят, — не ест. Она потом меня уговорила, чтоб...

— Вот чё, мы, — говорит, — с Надей с твоей придумали. Вы обедайте вместе, приедете. Мы будем готовить вместе. — И пусть дядя Вася ладит его, Митю этого, а кушать-то мы вместе.

Ну вот, этот дядя Вася ходит, ладит. Кушаем вместе. Я раньше эту Зину как и не замечал, а тут!.. Вот уедем мы с ём (в колхозе работали на тройках <...>) все подумкиваю это, все она это передо мной как... в глазах эта Зина. Ну, я до того дело дошло, я начал ее преследовать. Просто он меня... — на него-то не подействовало — а он меня прикомпотал к ей: суп-то вместе ели, чай пили из одного чайника. И вот до того это я... давай уж ей объясняться вроде в любви.

Ну, молодой был, лет двадцать пять там. А ей тоже вроде надоело. И пока мы с ей не слетелись до самого грешного, все это я об ей страдал.

А потом давай этого дядю Васю просить, ее дядю-то: вот так и так, мол, вы Митьку присушали, а присушили меня.

— Ну ладно. С завтрашнего дня не будет этого.

И потом не стал я ее преследовать. Своя жена стала как жена. А то свою-то не надо, а к ей тянет. Вот чё-то действует! Надо же!..

281. Одна была богата, с ей муж не жил. Завод винокуренный имела. Ну, она была не приспособлена к труду-то... Мария Леонтьевна. Но была красива и богата. И вот муж-то изменял и изменял. Она одну попросила, говорит:

— У вас, может быть, в деревне есть, кто ладит?

Та говорит:

— Есть. Матвеев дедушка. — Он все с палкой ходил. Така палка была, бурятска шишка.

Она говорит:

— Если приведете, я вам заплачу и ему заплачу крепко.

Теперь, ладно. Она села, поехала (она у них поваром работала, эта женщина). Приезжает. Он в Шеметово жил, на горе, Евлентий Евлампович.

Тут такая история.

— Да вы чё? С ума сошли? Под старость лет мне позориться, буду ехать?! Я же пожилой человек. Вдруг узнают, могут убить меня. Сейчас начинатся власть-то вон така.

Но все же сговорила его эта женщина. Приезжает утром, чё-то наладил на чай, она мужа-то попоила, и перестал гулять. Как присох.

А старику-то она заплатила.

282. Раньше чё — и чушки бегали... всяка штука представлялась. Но вот это мне пришлось самому...

Один раз мы с Кузяхой, с братаном, гуляли: но, шлялись ночью, весной или осенью — снегу не было. И вот там стояла изба — все звали Марьиной — пуста она. Вот мы идем. Ладно. Паря, смотрим: вот така бела собака! Вот така, как боровчан. Оказалась на дороге-то, паря, сидит! Но мы оба с ём замерли... Кинулись в сторону, в ручей. Пробежали немного: но-ка, где собака? Не видать. Заинтересовало нас — вернулись. Смотрим: идет Вербин-старик. Но, думам!.. А он много такого знал, дружкой на свадьбах был.

283. Тут недалеко от пекарни у дяди своего вор жил. Ну, прямо разбойник! Только из тюрьмы вышел, за убийство сидел.

Я как-то в ночь работала. Смотрю, под утро идет. А взгляд у него страшный был, ну, прямо волчий, так и сверкает из-под бровей! Я как увидела его — ох, испугалась!

— Я, — говорит, — погреться зашел. Иду с пастбища.

А ведь дом-то рядом. Стою я, а взгляд его недобрый. А тут надо было мне

угля подкинуть в печь. Только я отвернулась на секунду — смотрю: а уж рядом собака стоит. Серая, все равно, что волк. У меня ноги так и подкосились. Осклабилась она, рыкнула и убежала.

Я так думаю, что оборотень это был.

284. Давно это было.

Однажды выскочила я и побежала. К соседке мне надо было сбегать. И только за ворота выбежала — вот такая чушка навстречу! Тощая! Как кинется на меня! Я сама молитву читаю, но бегу. Страшно было! Обернулась — а чушка человеком уже стала. А человек хохочет: «Ха-ха-ха! Что, испугалась?!» Это сосед наш был. Про него много говорили, но я первый раз увидела.

Он очень много знал!

285. У нас в Коровиной был дядя мой, <...> библию читал, «Черную магию» эту изучал. Но на «Черную магию» его не хватило. Что там не хватило: энергии ли что ли? Бросил он ее. Так он здорово этим делом-то занимался.

Однажды там у нас Костя Федотов женился. Свадьба бежит, а мы сидим на завалинке. Он:

— Ребятишки, хотите свадьбу посмотреть? — А он всегда дружил, а тут они его не пригласили на эту свадьбу дружить, но вот имя и мстил.

Мы говорим:

— А чё? Хóчим, конечно, посмотреть.

— Смотрите, сейчас у передней тройки выпрягутся кони.

Ну, вот стоим (примерно метров триста было), смотрим: дуга! — дак ить слышно — щелкнула да и кверху вылетела! Но, пошли смотреть, приходим туда. Действительно невеста, жених... Они уже бежали от венца. Он:

— Но, посмотрели?

— Посмотрели.

О, они потом его тут: вино, лента на бутылке...

— Анисим Михалыч, выкушайте да пошли с нами на свадьбу.

— А-а, вспомнили Анисимку. Но, поедемте. Посторонись! — Кучера-то. Сел с ём. Запрягли, покатали.

...Дак вот он... — прежде чем эта свадьба-то бежать под венец-то — он ково-то этих свечей намнет, коням в челки туды этого воску налепит:

— Но, теперь идите, поезжайте, никто вас не тронет.

Вот видите! Вот это видал.

...Вот и заставил выпрягчись. Вот это тоже на моем веку было.

286. Вот у нас в Закаменной была свадьба. Тепериче, поехали сюды в Батакан венчаться. Как все равно загорожено — встал на дыбы коренной. Никуды! И вся свадьба — никуды. Ой, быт его мужики, да оглобли-то изломали. Он чё же, сядет на ж... — оглобля — раз! В телегах.

А мы тоже на девичнике на тем были. Но, объехали, уехали, сроду ничё... Девчонки. По-олна телега.

А свадьбу никак не пропускает никто. А его не пригласили, Шаболова этого, страшного... Но потом уже поехали за ём. А он в шубе едет такой.

— Но что ты, Карька, встал? — А мужики-то уж проволокой дугу эту привязали, ехать-то нельзя. — Что, Карька? Пошел!

Он пошел — все пошли.

Вот ведь как люди знали!

287. Брата женили. Поехали венчаться в церкву. Поехали, а соседа не пригласили. Кони запряженные стоят, невеста с женихом и дружкой поехали. Только за ограду — а кони сели! Тут стали приглашать старика и его старуху. Выпили, угостили — кони-то встали и пошли.

А как за стол сели, посуда прямо ходуном заходила. А сосед сидит, бороду разглаживает. Ну, ему и говорят:

— Иван Осипович, ну-ка иди.

Тот по столам и прошел, так посуда вся и остановилась.

288. Сестреница моя выходила замуж в Ключах...

Выдавали, как это обычно, девичник, из-за стола ее. Но и вот. Теперь, запрягли коней, собрались гости — всё. А коней же раньше запрягали пар по семь, по восемь, значит. Зимой это дело было. Зимой... По Шилке же зимой туда по Шилке свадьба бежит. Дядя Афанасий провожатым был. Пару коней запрягли добрых! <...>

Вот, паря, только из ворот-то (ограда большущая у нас была), только тронулись из ворот-то, к воротам — кони-то никак это... не идут. Вот встали, уперлись и все! Вылупили глаза. Но бичом... Он их бичом-то как хватил — они как хватили туды от нас в рытвину (ручей был), по ручью, по этой по рытвине, значит...

А он же, как уж на переднем месте в кошевке сидел, а там сзади: невеста и две подружки. Вот они подхватили туды по этому ручью! Но, чё же, кони здоровы, у-го-го! Он ничё не может сделать, и вот опрокинуло, значит, против Ивана Короткова, вывалил этих всех, невесту и всех. И вот у этой у провожатки, у Кирсановой-то, паря, — ты скажи, чем? Просто даже дивились: чем? — платье как зацепило отцедова, так сюды все рассадил у ей. Платье... у провожатки у этой.

Но, он поворотил их на забор, коней-то, остановил. Собрались тут все, народ сбежались. Эта сразу домой побежала, передела платье, провожатка. Ну, собрались, потом ничё, поехали, хорошо.

И вот этот же Попов...

289. Вот раньше в старое время тут были свадьбы. Ездил с этим с поездом (поезд назывался) дружка. Сопровождал его. Конечно, знатный человек, начитанный был, ли чё ли.

Ну, и вот, значит, едет. Один наш холостяк женился, везет невесту к венцу, на свадьбу, к попу. Мимо едут одного старичка. Вдруг кони как вкопаны стали, дальше не пошли!

А дружка, который едет с поездом (у него всегда при себе, имет водку, стакан — пожалуйста), взглянул: «Ага, знакомый дед! Надо угошшать». Слезит с телеги и подносит стакан водки. Тот выпил.

— Но, езжайте, ничё больше не будет!

Сели, поехали. Кони как шли, так и пошли. Больше ничё, никаких происшествий не произошло до самой церкви.

Приехали, обвенчались и — на свадьбу гулять.

Отгуляли и стали поживать.

290. Вот это было, ага. Ишо как, паря! Это тоже я слышал от своего дедушки, от тестя. Раньше же ить чё ни делали, порассказывать, это же беда! Ой-ё-ёй!

...Но, поехали оне... Вот фамилию-то забыл, кто это все делат-то...

В Култуме где-то (она же, Култума, раньше больша-а была). И вот в Батакан уехали, высватали там, все. Но и дуют оттуль. Но, дескать, бы нам такого-то проехать только. Три пары. Но, вáлят!

А в Батакане <...> старик жил, вот эту штуку творил...

Вот бежали, бежали — раз! — оглобли... Кони вылетели, на вожжах оказались у жениха с невестой. Но чё же? А раньше отбирали... Холостежь сразу отбирать невесту. Шум, драка! Вот кто победит. И, бывало, отберут и всё, а потом опять воруеть, убегать ночью или утром рано, чтоб этот старик спал.

Вот такую историю делали. Здесь тоже старики-знахарí были.

291. Дружка, когда порчу отводит, за гриву коней дернет, за челку дернет, потом придет, за хвост дернет и плеточкой кругом обмахат, обойдет и вот так махнет три раз. Напрочь, на сторону. И говорит: «Садись, и никто тебя, никака лошадь никуда...»

А то вот я помню, бутаковский Иннокентий Александрович женился. А хуторский Иван учился у нашего дяди Лаврентия. Но, по дружкам-то охота, он выпивать любил, охота ездить-то — все-таки неделю отгуляет, бесплатно. Дружка в почете.

Но, а когда он его подучил ехать, а он ничё не сказал, чтоб никто не подпортил-то, как говорят. Хотя в это и не верят, но это есть что-то...

А мы на верхнем краю жили. И вот они токо до нас доезжают... А он, старик-то, подошел (знат, что сегодня поезд поедет туды в Горячкину за невестой, за Марковой, за маленькой-то). Он вот так до нас дошел, чё-то взапятки от нас попятился, попятился, а потом к нам зашел и посиживает. Он уж знат, что дальше они не поедут и лагушку тарасуну ему выташшат.

Токо доезжают, одна лошадь — сюда, втора — сюда, как вот будто бы тут какой зверь. И главное — в кошевке, и по дороге не бежит, а в сторону. Дак он непьяный сидел в кошевке-т. Дак вот дыбился, дыбился — брык из кошевки — лошадь убежит, там по степи бегаёт. Но потом она остановится, не убежит никуды. И вот они раза три нырялись: соберутся там в степи, доедут до этого места и опять...

Но, этот Хутор Иван разошелся, что ты! Забегат. А Лаврентий Николаич сидит посмеиваться:

- Но как, Иван Хутор, уехал?
- Дак чё, Лаврентий Николаич?
- Я не знаю, чё.

Но тот чё же, домой сходил, лагушку притащил. Тот сходил до этого места дошел. Попили, попили, оставили эту лагушку. И те доехали, лагушку оставили, мужик гуляет...

— Стройтесь, — говорит, — теперь вы уедете. — И поехали. А то лошади только до сих пор — раз! раз!

...Он, гыт, будет знать, не будет шибко-то задаваться. — Он задавалистый мужик был.

...Это вот на моих глазах.

292. А это тоже я расскажу. Дело было в Шеметово. Был тамака Евлентий... Евлентий... — величать-то как, забыл. Все про него говорили: шибко худой старик, и хомуты вот эти надевал, свадьбы портил. Он Матвеев, Евлентий. Помню, здоровый такой старик, лысый. И вот мать же мне рассказывала.

В Шеметовой один женился. А раньше, видишь, жениться, значит надо высватать невесту. Высватали. А венчаться ездили в Бянкино. Все собрали, коней запрягли, гостей назвали — все по-хорошему.

А раньше женили — отец с матерью потолкуют: «вот эта хороша», а там хошь не хошь — будет тебе жена.

Собрались, значит, а его, Матвеева, не пригласили. И пожалуйста. В Бянкино обвенчались, все по согласию. Вернулись, за столы садиться, а невеста сдурела (он чё-то наделал, дед-то):

— Не хочу! Не пойду!

Что делать? Все поняли: это Евлентий! К нему поехали.

— А вот меня вы не пригласили.

Его позвали, он ково-то поладил, свадьбу отыграли. И стали жить. А был и дружка, но ничего не мог сделать: тот, видно, сильнее был.

293. Он Алексей Евлентийч был Матвеев. Его отец-то Евлеха, старик-то. Я не знаю, сколько у его было этих парней-то.

Дак вот рассказывают как.

Это-то дело было в Шеметовой. Там этот Евлеха жил. Но, он, видно, вот это все шаманить-то умел.

Но и там какой-то, то ли Шеметов, то ли Душечкин, — жениться. А раньше, видишь, как было: сосватают, девишник там делают, то-друго, сватов назначают. Ну, все это с согласия было. А его обошли.

Ну, теперь, значит, вот. Те собирают гостей. Но он отцу-то говорит:

— Дак гостей-то сколько будет?

— А вот, вот, вот, вот...

— Ты, тятя, чё дедушку-то Евлеху не позвал? — Раньше «тятями» звали.

— Но-о, чё мы его! Без его обойдется.

Но, ладно. А венчались-то в Бянкиной. Это, значит: Шеметово, Душечкино, Нижни Ключи, Борщовка, Верхни Ключи — это все в Бянкино венчались. Там же две церкви. Та, нижня-то, Троицка, а эта Никольска. Весной на Николу служили в ей — открывают и до морозов.

Таперь, значит, не созвали дедушку Евлеху. Поехали, обвенчались. Все хорошо же было. А за столы садиться — она ни в каку! Невеста-то. Ни в каку! Вот так, сяк — нет и все, не буду! Бились, бились, ее отец с матерью и етот жениха-то отец, мать и ее крестный, тысяцкий. Но, кое-кое-как посадили!

Вот она отвернулася, столы прошли — она собралась и ушла домой, дескать, я тут не буду!

Но как же так? Ее не отпустили, сбегали за ей. Ну, а народ-то:

— Е-е-эй! Ты чё же его не созвал, Евлеху? Вали!

— Но дак я, не хотел его...

— Вот не хотел — вали!

А он дома там старик-то, Матвеев Евлентий-то. На коней — и туда к ему, приезжает. Он сидит.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте.

— Дак вот я к тебе.

— Чё тако?

— Дак на свадьбу...

— У вас же идет она, свадьба. Уже же обвенчались.

— Дак обвенчались-то обвенчались. Но у нас дело-то не идет. Невеста-то, ничё не можем сделать, убежать собралась. Пойдем, вот я просто... Извини, я тебя не созвал. Не хотел звать-то, а вот счас за тобой приехал.

— Но ладно, — говорит, — чё же, поедем.

Ну, привезли его. Этот же, хозяин дома, сын у него же женится. Но, он, видно, избиделся (это мать мне рассказывала), Евлентий-старик. Но и приехал. Она вроде ничё. Тут на время он сделал. Он посидел, выпил и уехал. А она была, пока он тут был. А назавтре все равно ушла. Не стала жить.

Пока он был — она была.

Вот он какой, старик-то. Избиделся и все: раз не созвали, значит все.

294. А тут опять вот Михаил Николаевич венчался. Вот это бабушка Акси-нья-то расскажет тоже...

А это было опять так у их. Она уктычинска была у его, невеста-то, Алексеевна-то. Приехали от венца, сели за столы. За столы-то сели, и жених-то сел и завыл лихоматом, вот на голос заревел вот эдак вот и не ест никово. Сидит и ревет на голос. И вот тоже тут другого дружку пригоняли. Кто испортил, его нашли. Оне тут двое были и друг другу вредили. Двух не приглашали, всегда же одного дружку приглашали...

Потом наладили этого жениха, все, ну, а свадьбу-то уже испортили. Гости все расстроены же были. И его когда наладили, он потом стал рассказывать, говорит:

— На ее взгляну: она, — говорит, — ряба-ряба, невеста-то. Вот страшная, — говорит, — сидит.

Вот он женился и венчались, все. Она же ему нравилась, сосватались, она красива така. А за столом их испортили. А потом наладили.

Ничё жили. Вот они в войну уковывали.

295. ...Мы вон в тех домах жили, два-то дома на бугре-то стоят. Оттуда я пришла замуж-то. Потом невестки у меня две были, а я уж как младшая была. Приходит этот старик. Ну, ить ишо молодуха, да не хозяйка, правду надо говорить. Хоть и до вас доведись: есть в дому хозяин, надо же приклоняться к кому-то. Не сам же ты хозяйничать, а тобой распорядятся как... Он приходит да говорит:

— Молодуха, подай мне вина.

Я говорю:

— А я вином не командую, никоно.

Он говорит:

— Ты подашь или нет?

Я говорю:

— Сказала, не подам никоно. Иди к ей (невестка была), подаст дак подаст, а я не подам.

А свекровка сидит да и говорит:

— Она ишо не хозяйка.

А он просто сусед и все. Ну, как сусед и сусед. Ну и все. А мы ишо не венчались. <...> Он потом и говорит:

— Что, не подашь?

— Нет, не подам.

— Ну и попомнишь меня. Попомнишь. Да ишо как попомнишь!

Я говорю:

— Ишо бы этого не хватало! — Взяла да вот так и сказала.

Ну и чё? Свадьбу-то стали играть-то. Надо ехать венчаться. И вот, где эта водокачка-то стоит, до моста-то, до кустов доехали — кони стали и все. Стали и стоят. Вот пляшут с ноги на ногу и никуда! Никуда не идут и никоно! Потом старик же подошел, какой-то прутик выломил, этих коней жгнул, этот прутик дал: «Не ругайтесь». Поехали, доехали. В Бурукан-то приехали, надо к венцу идти — на меня дур навалился какой-то: ноги отнялись, руки отнялись. Я на ноги стать не могу. Вот не могу стать! Дурочка сделалась. И вот хоть ты что хошь! Глаза вылупила и все.

Теперь пошли к венцу. Там же колечки меняют. К налою подвели. Поп-то спрашивают:

— Дружелюбно ли нет вы венчаетесь?

Ко мне подойдет, я говорю:

— Нет! — Вот заперло каку-то дуру и все! И венчать не соглашаются никоно. А потом говорят:

— Дак это чё же получатся?

Деверь к нам подошел:

— Венчайте, — говорит, — с ей чё-то получилось. Совсем она не така была.

Ну вот никак! Потом тут старуха кака-то взялася, повела меня, увела в сараюшку каку-то. Разула меня, каки-то мне стельки наклала, деньги каки-то наклала. Я пойти-то пошла, а все равно... Как дурочка, сделалась и все. Какой-то жар навалился.

Ну чё? Так и получилось, как он сказал. Я ему все говорила:

— Чтоб ты не своей смертью помер!

Он, и верно, не своей смертью и помер.

296. Даже мать мне говорила, что у них кто-то вот в родне там женился, каки-то двоюродные братья, кто ли...

Раньше же отсидят свадьбу за столами, потом идут по домам гулять. Приглашенны на свадьбу идут по домам гулять.

Ну и вот. Свадьбу отсидели, отгуляли за столом. Надо идти гулять. А потом... Дружки были, назывались — это которы ладили эту свадьбу... А оне, значит, какого-то тут дяденьку обошли, не пригласили. Думали, и без его эта свадьба пройдет безо всяких.

И когда отсидели — надо идти гулять. А они поднялись из-за стола и давай все ложиться на кровать, вся эта компания. И все стараются к стене! Вот все стараются к стене и все! Надо идти гулять, а оне ложатся и ложатся, всем надо к стене. Ну, и что же получилось!

Давай идти и кланяться к тому дяденьке, надо свадьбу-то налаживать: гости-то все ложатся к стене да и все.

Ну и вот потом сходили за ним, он пришел. Тут побыл. Потом встает.

— Ну, господа, — «господа» раньше было. — Ну, господа гости, милости просим к нам! — все встали как один и пошли гулять.

Вот тако было, что я слышала, то слышала!

297. ...У нас вот в Ушумуне был Кирик Захарыч. Дак тот умертвлял даже! Не только чё!

Свадьба была <...> Венчаться ездили к попу в Ушумун, в церковь. А его не пригласили. Он и подшутил <...>!

Когда вечеринку-то отвели, надо расходиться, оне занялись: перво жених улетел, потом невеста, потом поезд! Упали <...>.

Папка у меня на свадьбе-то участвовал на своей паре. Приехали теперь, сидим, гыт, у ворот, я говорю:

— Давайте Кирика Захарыча пригложим, старика.

— Но-о, к такой матери! Без его обойдется!

...Но, а вперед-то моего дядюшку, маминого брата, женили. Я тоже в поездах-то ездил. Дак когда обвенчались, из церкви-то на квартиру поехали, он у оградки сидит, у ворот. А мама увидала:

— Степан, — гыт, — Кирик Захарыч у ограды сидит, чё бы не наделал на свадьбе...

Подъехали. Папка <...>:

— Можно Кирика Захарыча пригласить, старика?

— Ну, а пожалуйста! Чё же, Степан Нилыч? Пригласите. Все же ваше... (Все же увезли туды на квартиру.) <...>

Папка маму посадил в кошеву, на паре полетел. Он видит, что папа подъезжает, он встает, в ограду пошел, старик-то. Тепериче, подъехали, коней бросили, пошли — он в избу зашел.

— Ну, Кирик Захарыч, мы за вам. — Мама — старуху его, а папка — его.

— Ну, чё, Степан Нилыч, <...> как хозяевам глянемся? Ты меня привезешь, а хозяева как осердятся?

Папка говорит:

— Нет, я — разрешился, спросил. Все угошшенье, все наше. Сядем, поедем.

Старуху мама сговорила.

— Ну, Степан, для кого-кого, а для тебя съезжу. Поедем, посидим, старуха.

Привез. Посидели тамака. Винца, ну, пушшай, по стакану — больше не выпили. Угостили.

— Ну, Степан, тепериче меня обратно. Мне теперь не уйти: я пьяный.

Папка опять посадил в кошеву, с мамой увезли поневоле.

...А тутак я смотрю: опять же папка же жениха с невестой везет, а он опять же у ворот сидит. Он приехал опять же, стал говорить-то, а их-то родня:

— Но-о, без его обойдется! К такой матери! Старика ишо тут... Кланяться ему ездить!

Но, а папка сказал:

— Но, смотрите!

Потом Иван Данилыч, хозяину-то:

— Ребята, вы хоть не ругайтесь. Он, — гыт, — ить узнат. Чё бы ни случилось... Потом как?

Вот туды приехали, эту вечеринку сделали, за столы-то сяди, посидели. Потом расходиться стали. Теперь, жених только из-за стола вышел — хрясь! — его в ту избу унесли. Невеста — к ему. Потом поезд начал... А мы уж дома были. Нет, ишо не дома были. Папка сразу:

— Ну, я как говорил? Давайте Кирика Захарыча пригласим. Ну, старик не обьел бы. Со старухой, но, пушшай, по стакану — и то не выпьют (потому что раньше подавали рюмочками). Не пригласили — вот он... А теперь как?

— Ну, будьте добры, Степан Нилыч, езжайте за Кириком Захарычем.

— А вот как же тепериче ехать?

Они же вот наругались тамака, а он-то знат. Ну чё? Мама потом:

— Ну, Степан, запряги свою пару да съезди.

Папка запрег, поехал. Приехал ранехонько — чуть не в ночь полетел. Приехал, они со старухой картошки в печке жарят. Он забежал, разрешился.

— Ой, Степан Нилыч, куды-то рано поехал...

Папка сразу:

— Кирик Захарыч, я вот до вас приехал. Вот так, вот так...

— А-а, ну пушшай поучатся! Старика не надо: я много съем, много выпью...

У Лазаря-то Тимофеича мы много съели, много выпили? Ежли бы сказали, что ты, старик, заплати, я бы заплатил. Не поеду. Пушшай учатся!

Ну, папка потом тутака давай упрашивать. Упросил. Потом старуха-то убедилась:

— Чё, — гыт, — съездим? Чё там случилось?

— Ну ничё, не помрут. Дождут. Вот самовар вскипит, картошки сожарятся, почаюем, позавтракам, потом поедем.

Вот дожидает. Папка думат: что ж, я [рассказчик. — *Соб.*] ить тоже в поезжанах-то был.

— Кирик Захарыч, — гыт, — как бы там мой парень уж не упал тоже, мать напугатся.

— Не-ет, Гоша не упадет. Пошто Гоша будет падать? Гоша не упадет.

Поехали, тепере. Кони дóбры были. Папке надо скорее, а он не дает.

— Куды ты голубов-то гонишь, перегоняшь? Доедем. Дождут, не умрут.

Потом вперед выехали, в узко-то место тамака, в Кунгару-то дорогу объездили. Он:

— Ну, вот тутака теперь дорожка-то хорошенькая да под горку, тут теперь пугани голубочков. <...>

Он вожжи-то ослабил, дак они!.. Приехали.

...Папка-то поехал, наказал:

— Я, — гыт, — подъезжать буду — вы обязательно, Степан Егорыч, <...> выходите встречать старика, падайте в ноги.

Подъезжать-то стали — они вылетели за ограду:

— Ну, Кирик Захарыч, прости, извини уж.

Я-то там не был. Молодежь да пожилы, крестный-то, можно сказать, старичок...

— Ну, Кирик Захарыч, будьте добры, если можете, дак помогите, пожалуйста.

— Только для Степана Нилыча я приехал. А то бы я никак не поехал. Теперь ещё надо обогреться. <...>

Чаю наташшили, обеду — все на свадьбу готовили. Винца тут по рюмочке. Я как раз пришел тутака. Он меня увидал:

— О-о, Гоша пришел! Ну-ка, иди-ка сюда, молодец.

Я подошел, поздоровался. Поцеловал он меня. <...>

— Я, — гыт, — тебя люблю. — Вот маленько выпили винца, тут я с имя́ сясл. Потом:

— Но-ка, Степан Нилыч, стакан-то возьми вон тот, чистенький, да воды с кадушки почерпни.

Папка соскочил, поймал стакан, почерпнул, притащшил, поставил.

— Ну, Кирильевна, у вас ножницы-то есть?

Она гыт:

— Есть, дедушка. У нас двое. Каки, больши или маленьки, надо? (Одне же специально баран стричь, а други уж маленьки.)

— Да каки? Лишь бы ножницы были.

Притащшили ножницы, он в стакан обмакнул, концам потрес.

— А где-ка они лежат, женишок-то? Вишь... гордый! Погордился! Куды без старика? Старика-то не миновали все равно.

Пришел старичок, этим ножницам опять в стакан помочил, в голову потыкал, в основном-то невесте.

— Но, а те так отойдут, — Тамака две девки были, провожатки, ребята, ее брат, потом сродный брат.

Но оттуда пришли, за столы сяди. Он поднялся, жених-то, невеста поднялась. Давай в ноги ему кланяться, просить его.

— Вот, молодые люди, не надо гордиться-то. Не надо гордиться-то. Надо каждому-всякому, маленькому и большому, надо всем обожать [уважать. — *Соб.*]. Если бы не Степан Нилыч, я бы не поехал к вам, потому что вы меня наругали.

Вон он где был, а знат, что наругали!

Поезд поднялся потом, снова гулять стали.

298. Вот я расскажу. У нас одна свадьба была — пять человек померло, пять человек! Жених, невеста, две провожатки и невестин брат. Это в двадцать шестом году.

[— Тоже испортили? — *Соб.*]

— Но. В Ушумуне, Кирик.

Эти жили средне, в двадцать шестом году, так, середняки. Решили свадьбу играть, а его не пригласили, этого (я его фамилии-то не знаю), Кирик Захарыч его все называли. Он все дружкой ездил. Но и вот, его не пригласили. Потом свадьба отошла, а на третий день делали вечерку молодежь: жених вечерку отдаст, молодежь отпляшет и больше оне его не касаются. Но, тут поплясали. Я в этот момент тут был. Теперь домой прихожу, у нас дома вот тут были, сейчас здесь зимовье... Теперь только уснул — мама приходит, меня спрашивает:

— Ты, Коля, спишь?

Я говорю:

— Сплю.

— Ты у Архипа-то был на вечерке?

— Был.

— А чё там случилось?

Я говорю:

— Ничё не случилось.

— Как? Там ить все померли: Варвара померла, невеста, Архип помер, Маруська с Наташкой померли и Варварин-то брат помер.

— Я не слышал.

— Все ить убежали. Говорят по всей деревне.

Но, я не пошел. Неохота идти. Знашь, разоспишься...

Но, наутре пришли — в Кунгаре были два дружки, но тех я не знаю. Но он туда — как на свадьбе был. Приехал туды. Тот толкует:

— Не, я теперь попустился! — Другой:

— Я теперь попустился.

Вот прибегают — а кони дóбры были. Это сейчас их заморили. Теперь пере-
прягают пару и в Ушумун к Кирику. К Кирику прибегают:

— Вот, Кирик Захарыч, тако-то дело...

— Это, поди, у Рюмкина? (он уже знал!) Это, поди, у Рюмкина?

— У Рюмкина.

— Но, дождут, не торопись. Дождут, дождут. Да у меня ехать-то не в ком.

— А я привез катанки и доху.

Но, сян, приехал. Теперь, когды приехал, надо ладить, а он — закусить да выпить. На свадьбе, знашь, закуски всяки. Закусил, выпил. Теперь, значит, оне все мертвы лежат. Вот на потниках катают жениха. Общество здесь, все мужики и бабы. Ложку ему в рот засадют — он поглядит — невесте... Им губы-то все срезали! Но вот, качают; чё же — други сутки! Поглядит и опеть... Опеть мертвый. Невесту, жениха, провожаток — всех это...

Ладно...

— Но, Кирик Захарыч, будь добрый.

— Э-э-э, дождут, теперь я приехал! Чё? Не помрут! — А он же наделал это (вот раньше это шаманство было). — Дайте отварной воды стакан.

Он стакан взял отварной воды, линули ему, он берет ножницы. Пришел. На жениха:

— Он вперед умер?

— Он. — Прыснул водой на того.

Жених встал, как ни в чем не был. Пришел к невесте — прыснул — невеста пошла! Пошел к провожаткам, на туё и на другу! Со стакана воды все встали. Дак у них всех рты изрезало ложкам-то, а оне здоровеньки! Вот чё было, получалось!

299. Была свадьба. <...> А этого старика не пригласили. Он:

— Но-о, пускай проводят свадьбу! Без меня отведут!

Вот отвели. Значит, когды за столом сидел поезд весь — ну, тамака собрата молодежь, это в первую очередь, жених с невестой... Когда время отошло, начали жених с невестой угощать. Когды они из-за столов вышли, взялись угощать, раз обнесли вином, потом второй — и готово, взялись перевертываться!

А этот старик в Ушумуне там. Он знал, что это будет, этот старик-то. <...> Эти запрягают пару лошадей да туды, восемнадцать километров — надо это, бежать! Прибежали.

— Вот так и так... — Рассказали все. Он им, выходит, еще дядя какой, чё ли. — Вот так и так, дядя Кирилл...

— Но-о, оне не помрут! Не помрут! Почаюем и поедем. — Почаевали. По-ехали.

— Ты не перегоняй лошадей-то. Чё их перегонять-то? <...>

Приехали.

— Но-о, ничё они — отойдут. — Потом воды наладил в стакане, ково ли, попрыскал на их — все! Жених с невестой встали как ни в чем не бывало.

Вот вишь ты! Опеть взялись угощать да чё там. <...>

А его уж посадили за стол тутака, взялись угощать. Сердить же нельзя его. Попробуй! Он ишо чё-нибудь чище сделает.

Потом он поехал домой, хозяин <...> ему нагреб воз — кулей пять-шесть — и повезли ему. Заработал, нагулялся, значит, и людей намучил. Пошутил... Ночью сколь за ним бежали!

300. А это отец мне рассказывал.

Раньше же груза на конях возили, подряжались зимой. Вот с грузом в одной деревне остановились. Смотрим: свадьба бежит, семь возков. А с нами был Загвоздкин, он знал кое-что. Вот мы ему:

— Давай, Спиридоныч, сделай над свадьбой, чтобы кони в разные стороны разбежались.

А он не молился, не крестился... Встал, повернулся туда-сюда — кони разбежались, удержать их не могут. А в последнем возке ехали жених с невестой и дружка. Вот он поднимается с кошевки, дружка, высокий, с белой бородой. Идет к нам. К одному подошел:

— Не этот.

К другому:

— Нет, не этот.

К саням (а Загвоздкин за санями) подходит:

— Жаль твоих детей малых да жизнь твою молодую, а то на карачках всю жизнь ползал бы!

301. А вот еще сестра рассказывала.

Афоня Портнягин был солдат, служил. И захотелось ему погулять на свадьбе. Он нашел девять горошинок в стручке и положил в ворота. Жених с невестой выехать не могут, кони на дыбы! И так пять раз. Ничего не могли сделать.

Афоня говорит:

— Заходите все в избу, садитесь за стол, пейте чай. — И для виду попрыскал водичкой жениха с невестой.

Сам потихоньку горох-то убрал. А при всех опять попрыскал водой, пошептал. Оне сяли и поехали венчаться.

А Афоня пять дней гулял на свадьбе.

302. Я вот вам какой случай могу рассказать. Вот раньше, говорят, что были такие случаи. Но только я по слухам же, я же не испытывала, не видала, что вот эти свадьбы — портили, надсмеивались над свадьбами.

Но и вот, у нас мать рассказывала. Значит, брат ее, наш дядя, служил в Чите. Ехала свадьба. Тогда ить на лошадях, да по несколько пар едут! Но и вот так же заспорили казаки: кто говорит, что можно свадьбу испортить, кто говорит, что нет. А какой-то, значит, один казак выискался и спросил у командира:

— Разрешите мне?

А он говорит:

— Если не во вред, то пожалуйста.

— Нет, не во вред.

— Но, пожалуйста, подшути.

Подшутить над свадьбой! Но и вот, гыт, вдруг все повозки остановились, все поезжаны (поезжаны раньше называли) вышли из повозок и давай все подходить к невесте и целовать невесту!

Начали целовать невесту!

Но и вот командир засмеялся и говорит:

— Но, хватит, отпусти их!

Но и вот. Оне сели и поехали.

А вот правда оно это было, нет ли?

303. ...Кто из дружек покрепче знал, чтоб над свадьбой не пошутили, того больше и приглашали.

Вот в Барановой был Василий, как его... кузнец был. Биток его звали и Солдат. Во-от. Он крепко знал. Жил он так... работать ему не приходилось. Только по свадьбам. Ребятишек дополна. ...Вот того приглашали. И вот Лукерьиного отца. А в Распутине Безрядов Иван был. Тот пел хорошо. И у того лошадь в сторону не побежит. И на язык острый. Обязательно. Он всю свадьбу знает, какой порядок должён. Все это чин чинарем. И эту порчу отводить.

Было так вот. Испортят, тоже были крепки. Но одного не позвали. Он думат: «Я подкую его. Придет он, мне покорится». А вот Безрядов-то знал. Где-то ему сделали.

— Стоп! — остановился.

Тогда волосяны вожжи были. Он столб закрутил вожжам этими и шапку на столб надел. И только к лошади пришел — вожжи эти разорвались, и шапкаверху взлетела, вдребезги! Сел на сани:

— Бесполезно вы трудитесь!

В сторону отвел, на столб-от. Так и проехал.

304. Я вот хорошо с мужем прожила, потому что дружка хороший на свадьбе был. Мы приехали в церковь, и там, наверно, три свадьбы ли чё ли. Там круг столов стоят, дружка рука за руку держит жениха, чтобы не прошел. И вот один ходит, все ходит и ходит, и ходит, и ходит... А своих бросил молодых и ходит... руки вниз. Вот он навредит, смотрите. Как между нам прошел бы — и все.

А если дружка плохой... Вот моя сестра выходила замуж, ну, и дружка плохой был. Приехали они, и там все раком расползлись и по-собачьи лаяли: ав-гав-гав! ав-гав-гав! Вот как. Вот как свадьбу-то испортили — так она, бедная, и прожила. Вот чё творили.

305. Вот Филипп Федорович женился в Черепановой. Выходила за него... как ее? Да вот Ерасимова дочь-то. Да все ее знают... Чё тако? Анисья Ерасимовна. Но и вот, Лукерьин отец... А мы учились в Черепановой в школе. Но, ученье кончилось. А они в воскресенье выезжали. Колокольцы эти на дугах, ленты там, все. Выводят.

А он, прежде чем поезду выйти, сам выходит, шапочку снял. Но, ково-то он читал там. А мы, шпана, смотрим. Он ково-то читат и плеточкой вот так, наот-машь, помахиват. Много времени. Вернулся потом, шапочку надел, вышел. Все поезжаны вышли, сели. И так они до Распутиной доехали.

А там были таки тоже. Вот Егор Домнович — она прежде-то за ём была — вылетел на лошадке-то. Вылетел! Там пересек дорогу. Но, мол, я ее там отберу. Мужики там таки добры были. Его из саней вытащили, пометелили маленечко. В сани положили.

— Больше ты, — гыт, — поперек дороги не вставай.

И к этой Анисье он больше приставать не стал.

306. Раньше волшебством занималась.

Я вот знаю, здесь вот Бушуевы жили, богатые. У их парень, значит, привез невесту аж оттудова, из-за хребта. (Это туды — мы «за хребтом» называм.) Но и свадьбу, значит, делать.

Теперь, собрались ехать венчаться-то, запрягли коней, там несколько пар. Только выезжать — кони-то никак не идут! Не идут никак! Вот подойдет к воротам — на дыбы! Аж чуть назад не падают! Вот они бились, бились — никак не могут выехать.

А тут был старик такой хромой, Вынчиховский фамилия. Он, видно, раньше-то занимался этим делом. Они побежали к ему:

— Дедушка, иди! Вот так и так... Не можем выехать.

Он пришел. Чё он сделал, я не знаю.

— Но, валите теперь.

И поехали, кони пошли. Ково он наделал, я не знаю. Шепнул, чё ли сделал? Вот так было.

307. Потом моя очередь пришла жениться. Вот тятя туды, к Кирику Захарчу. Свадьба-то туды побегит. Но он:

— Ничё, Григорий Кириллыч. Вот так. Ежли когда ехать, вы за мной прибежите.

Но, свадьба подходит, там число у нас — шестое, канун Божьей Матери скорбящей называлось, а дедушка сказал, до ее надо сделать дня за четыре, за пять. Чтоб меньше народу кланяться. Тогда ить кланялись, не дай бог! Но, теперь, тятя отправлят брата (он покойный, с седьмого году). Он туды приехал. Кирик:

— О-о, я вам дам по десять копеечек, жениху и невесте, в сапог. Да рогожки положьте.

Брат вернулся. Мне в сапог положили десять копеек да рогожку, да ей тоже. Поехали. В Ушумун приехали, к ему сходили. Там тысячкой назывался, крестной мой, <...> дядя Степан. Он ему:

— Вы уж валите, Нилычи. (Он их величает «Нилычи», у меня мама-то Нильевна была.) Значит, я вот вам дам обережь...

Поехали обвенчались, пришли. Здесь пошла гулянка. Выпивка да все, и

тут уж чуть не до утра гуляли да пели. Назавтре опять сбор. Опять собрались назавтра сборище. Вот пошло! Свадьба уходит, невеста должна полы мести. А поезд идет — вот допустим, вы бы поезжан был, я бы, ишо бы хто... и все поезжане берут сору и таскают по всей избе. Она только выметет, а он тащит.

— Давай стакан вина. — Напился, потом ушел. Там другой... Она почти полдня метет, покамест их не напоит. А который и остановит:

— Да хватит! Пошутели и пошутели! — Вот потом гулянка. А назавтра жених с невестой идут гулять. А в первый день оне не ходят. Вот потом два дни отгуляли (а у нас три дни гуляли), на четвертый день стали гости к нам съезжаться, к нашему кануну.

Вот так потом стали жить-поживать и добра наживать.

Вот получалось! Как Кирик пообещал, что будет хорошо, так и было хорошо. Это в двадцать шестом году...

308. Дак вот их боялись, дружек этих. Значит, какой дружка... Бывало так вот.

Идет компания. Значит, дружку не пригласили. Тот сейчас, дружка-то, вдруг сделает в избе море. Свадьба заходит — все заголяются, подсучаются брести. А оно же сухо! Этот потом дружка, ежели старе его, то кокнет: чтоб он ушел. Вот так получалось. А то вот в избу заходят: о-о, сине море! Куда идти?! А тут вот как получатся.

Это вот было, дружки. А потом от их Бог избавил. Не стали. Учиться не стали. Вот как было.

309. Мне-то не приходилось, но слыхать слыхал. Дедушка мой рассказывал.

Он в Богдате учился. <...> Малолетком был, учился тамака. Один старичок... к ему собирались ученики-то отовсюду:

— Дедушка, чё бы ты нам рассказал...

— Ой, чё ж? <...> Хотите, я вам покажу? В Борях свадьба тамака. Венчаться поедут.

Но а, знашь, молодежь! И я молодой был: лишь бы чё покажи да Расскажи! Теперь, он и показал.

Девчонки набрались, ребята, каралят свадьбу. Свадьба венчаться-то бежит. Три вот пары, четверта тройка впереди — жених едет. Жених, тысяцкой да ямшик (крестный — его называли тысяцкой, взамен отца их почитали, за отца считали). Свадьба-то бежит, колокольцы шумят, гармошка ревет. Он:

— Ишшите скорей, девчонки, вошь.

Они друг у дружки... Приташили ему.

— Вот глядите в окошко.

Он на окошке вошь-то — чак! — у жениха дуга — трынк! — лопнула. Чё же? Побежали по деревне-то — дугу искать. Вот имя дали дугу, запряглись, поехали. Повенчались, назад едут. В церкви же там недолго, потом обратно. Вот едут. Он говорит:

— Смотрите, вот сейчас фокус будет. Счас невеста причащать будет всех.

Ну, подъезжают. Передняя тройка стала, но и все други (задним нельзя опережать <...>). Невеста вылезает из кошевы, ногу подымат, подол подымат (врут ли правда это?) — ну, первым тысяцкой, крестный, приложился, потом жених, потом поезжаны. Плонули — тьфу! кака гадость! — все по местам сяди, поехали.

Только отъехали, он говорит:

— Быстрее таскайте мне воды!

Ребятишки бочку притащили, полную бочку воды наворочали.

— Отойдите от окошка от этого.

Он за бочку сяд — кинжал вот летит. Окошко — тринк! Бочку-то прошибил, а воду не смог прошибить. Вода спасат все на свете. <...> Это тот дружка-то и ответил. А он и сообразил, что воды сильнее нет. Вода всех сильнее: ее ником не удержишь, а она все задерживат.

310. Один, Стренчев, тут вот, раньше вот он на Унде жил все по работникам, а потом после этого, значит, был приискатель, по приискам ходил, по тайге. И вот рассказывает, как раньше это свадьбы...

Через Унду раньше на телеге нельзя было ездить венчаться, так они ездили верхами: жених, значит, невеста, верхами переезжали эту Унду-речку. И вот, он еще молоденький был, ну так лет восемнадцати был он. И вот собрались, гыт, мы у мельницы смотреть.

Они, значит, этот жених и невеста оттуда — повенчались уж — брести. Дружка вперед едет. А ребята этому-т деду и говорят:

— Ты, дедушка, подшути над имя! (А он тоже знал.)

— Но, да вы чё!

— А мы тебе четверть вина поставим, только подшути!

Он, гыт, чичас берет прутик, сломил, натянул, ну, как лук, и вот взял, гыт, заострил палочку, как стрелил — этот, гыт, сразу! — как век не был, с коня упал дружка!

— Он, — гыт, — но, убежать надо.

Сразу на мельницу и под жернова. И вот этот дружка-то послал: и вот нож скрозь, гыт, крышу — и в жернов, и переломился ножик. Если он бы под жернов не залез, значит, он бы, гыт...

Выбирали ить, чтоб дружка-то сильный был. А то, бывало, наделают, что...

311. Я это слышал, а сам не видел. <...>

А вот внизу деревня Бурукан. Вот там, в Бурукане, свадьба была. А там соседняя деревня через Газимур, Бура. Дак он, в общем, этот старик, обозлился чё-то, ну и вот, не на броду, а выше брода две хворостины сломал и пустил по воде. И вот главное чё? А дружка-то, как чувствовал все равно: жениха, невесту, всех пропустил вперед, а сам сзади остался. И конь у него упал. <...>

Вот он посмотрел, откуда они приплыли, и кинул туда — забыл, как называется, наподобие плети, <...> — ломат на две половины, одну половину в эту сторону кинул, другую — в ту. И старик-то этот (пацаны-то видели), старик

этот весь позеленел, побелел, его тянет в разные стороны, старика-то. Он кричит этим пацанам-то:

— Помогите! Дайте мне пучок травы!

Ну, они напугались: его тянет в разные стороны, он не может с собой ничего сделать, этот старик. Дружка к нему подъехал на коне и смотрит на него. Пожалел его, траву сорвал, дал ему, а тот ее рвет, ну и сразу ест, ест, ест... Потом меньше, меньше, меньше тянет и не стало его тянуть. <...>

А этот старик там много делов наделал, его никто не мог победить. Никто не мог, а вот видишь, один такой выискался. Он один все время жил, ни старухи, никого не было. А дома у него одна лавка стояла, топчан, на топчане шуба лежала и все, больше ничё не было.

И потом этот старик ушел с этой деревни: как побежденным считал себя. Ушел, не слышно, не видно...

312. Один старше был...

Это вот с отцом моим было. Рассказывал-то не сам отец, а дядя Леонид. Было тогда двадцать два года моему отцу.

...Его там все боялись, этого старика. Как-то раз свадьба была. Ожидают молодых с венчанья. Народу много... И вот на свадьбу пришел старик, и отец мой тоже. Они все его боялись: вроде колдун, ли чё ли. Все расступились. А отец мой стоит и ни с места. Тот к нему подходит:

— Ты что, молодой человек, стоишь? Не видишь — я-то иду?

А моего отца-то заело. Старик ему:

— Дорогу нужно.

А он:

— Если вам нужен простор, идите к окошку и постоит там.

А мой отец-то тоже сильный был. (Не знаю, что это: гипноз ли чё ли?) Старик-то повернул и ушел к окошку.

И он простоял у окошка, пока мой отец не разрешил... Пересилил его отец-то мой. Потом он ему и говорит:

— Ну что, паршивый старик, будешь еще свадьбы портить, людям мешать?

А тот:

— Нет, нет, — отвечает.

Потом он идет, отца-то обходит на полтора метра. Все время, как его увидит, так кланяется и шапку снимат.

313. Было раньше так заведено: если молодой человек женится, то нужны сваха и дружка.

Но вот один раз пришлось так, что в нашу деревню приперла свадьба. Видно, повенчались, вылетели из деревни в степь-то. А мы тут собрались недалеко. С нами Костя Хромой. А свадьба-то — кавалерия, красны флаги, вожжи гарусны с кистями, дуги изукрашены!.. Костя посмотрел:

— А-а, это Астафий Яковлич, — он сразу говорит.

Берет Костя руки вот так ко рту [лодочкой. — В. З.] и что-то пошептал. —

Раз! — Кони распряглись, дуги повыпадали... Кто ехал — соскочили, да в кошевные снег нагребают подолáми. Потом опять пошептал Костя — все у них нормально стало, снег назад выгребают...

И вот через недолго время наши поехали венчаться, а Костя был дружкой. А где в переулок въезжать, жил Трошка Бессонов, здоровый мужик такой!! Но до чё лентяк был!!

Только до него свадьба доехала, остановилась, все вышли, во двор к нему — и давай из двора глызы таскать да в кошевные складывать. Вот картина была! Наклали и поехали. А это Астафий Яковлич ему в ответ-то подстроил, отвел насмешку.

314. Однажды случай такой был. В селе была свадьба, а на ней была такая подруга, которая могла свадьбу расстроить. А на той-то свадьбе был колдун Иван. Его пригласили нарочно, чтобы он помешал ей.

Когда она зачала что-то строить, он из дверей поманил ее пальцем. А она-то, как увидела его, вся переменилась, встала и пошла за ним. А вперед-то никто не мог ее с места сдвинуть. Иван вывел ее на реку, она села на лед и примерзла. Он говорит:

— Раскаешься — отпущу.

Потом пришел, спросил ее — она киват. Он ее отпустил, и она пошла. А вперед ее никто не мог поднять со льда.

315. У нас станица была Ломовская. Туды ездили венчаться. Это примерно километров двадцать пять от нас. Зимой. Выедут (от Шилки в стороне жили), выедут и по Шилке едут. Там, километра полтора, деревня Ералга есть. Вот как к Ералге подверстались — лошади встали, всё. (Это уж рассказывали, была боль.) Но, сразу:

— Это Чабан наделал.

К ему едут — бутылку вина берут, из дома везут. Приходят:

— Дедушка! Вот ехали-ехали, кони стали тут у нас и не идут. Ты, может быть, чё-нибудь поделашь? Вот тебе пол-литра вина.

— Ну, поезжайте.

Вышли, сели и поехали. В Ломы приехали, там одному рассказывают:

— В Ералге у нас вот чё Чабан сделал. (У его фамилия была Чабан.)

— <...> Ну, погоди!.. Счас сам придет, будет прощенья просить!

Ну, они обвенчались, пришли, заходят к этому же хозяину чай пить, а этот Чабан-то, стоит на коленках на дворе и ссаку лижет. И воет сам, просит прощенья.

— Иди, — гыт, — сюды и больше так не делай!

А этот больше того знал!

Вот тут интересно...

316. И вот этот же Попов. Такой случай был опять же у нас. Женился Тренев Санька, значит. (Тут ишо интересней.) И вот, теперича, у его отец был,

Артемом звали. Артемий, Артемий, Артюша все раньше... И братан был, Степка, тоже Тренев же был.

Вот теперича, значит, когда сели за столы, приехали... А этот Попов тут был дружкой. Раньше же этот дружка считался высшая марка на свадьбе, дружка. Это уж он, вроде, должен все знать, все это... дружка. <...> И вот этот Вербин-то у нас был, он тоже вроде какой-то, его считали — ладил это вот, колдунничал все, этот Вербин.

И вот ты представь себе: они не могли за столами усидеть оба.

Когда свадьба приехала, сели за стол, пригласили Вербина — всех же приглашали. И вот пригласили Вербина этого, нашего. И вот сели когда за столы, и оне не могли оба усидеть за столом, представьте себе. Значит, этот оказался, видимо, Попов, сильнее и этого Вербина выжил. Вербин прямо вылез из-за столов, значит, и ушел — там у них вроде спальня была, стояла кровать — и он вниз лицом лег и так пролежал все время, пока свадьба шла, это столы, тут гости были, то, друго...

<...> Потом же гости же уходят гулять, когда столы кончатся, и уходят гулять, по домам ходят. Он тажно встал и ушел домой, Вербин-старик.

...Ну, теперича, дальше, значит... Этот Попов-дружка не ушел, так остался здесь. И вот эти — отец-то этот, Артем-то, Санькин-то, и Степка — братанья оне. Но Артем этот старик был, да и тот уж пожилой — вот они между собой разодрались. Но теперича, он их:

— Ладно, — говорит, — погодите, не растаскивайте.

Раз, этого Артема забирает — и на печку, затолкал на печку, значит. И вот он, представь себе, лазит, ревет, а слезти не может. Печка здорова была, ранешня, старинна, и потом, значит, был такой брус, вот так он над головами был — это раньше полати были, но полатей-то не было, а брус-то был, стойка там, в печке она даже вмазана, и брус такой. И вот этот Степка полез драться к нему, к этому, к Артему туды на печку. Ленивочка така — он на ленивочку-то залез, значит, и вот рукой-то взялся за брус-то, и одну ногу поднял, он его — раз! — засек. Он всю ночь стоял, как петух, на одной ноге. Всю ночь он их не отпускал.

И вот тот потом уж разгорел весь на печке. Пьяный, да ишо... Артем-то, ревет, просится:

— Да вы чё? Я пошто не могу слезти-то. — Лазит.

И вот он не отпустил их всю ночь. Этот простоял. Потом уж утром:

— Но что, драчуны?! — старичок уж он был. — Но что, драчуны, будете ишо драться?

— Да что ты! Да вот то, друго...

— Ну, давайте слазьте.

И тот оторвался от этого от бруса руками, слез. Сели. Давайте поразговаривам, чё, дескать, это такое?

— Я вас! подерусь! — говорит ишо на их. — Я вас! подерусь!

Он, этот Попов, шибко был дошлый, о-о-ох и дошлый был! Семен Попов, шивгинский, сейчас его давно уж нет. И вот без него это ни одна свадьба не проходила мимо без его. Дружкой его всегда вот приглашали на свадьбу.

Но езли ему нековды, то его уж задаривали, водки ему везут, платили даже ему. А то иначе чё-нибудь обязательно случится.

317. У нас жил старик, Карп Вербин. И один был старик шивтинский, из Шивков, — Попов. (Теперь нет ни того ни другого.) Дак вот оне знали... Оне знали всё, ну чё только... Вот любого спросите, как оне это... Чё хочут, то и могли сделать. Раньше свадьбы были, их дружками приглашали. И вот они, значит, друг над другом делали, делали за столом-то. И вот этот шивтинский-то, Семен Попов, встал, поклонился всем и говорит:

— Ну, господа гости, извините. Два медведя в берлоге не усидят. Я, — гыт, — силен, но нашелся человек сильнее меня. — И ушел.

Вот один, женихов брат, сахарной тоже был пьяный. Перепил, ну, драться давай, посуду со стола сбрасывать. А он ему и говорит:

— Ну-ка, Николай, снимай штаны, лезь на печку!

Он прямо при всех снял штаны (а печки-то раньше русски были, их нажарят — на их все горит), и он залез на эту печку и кричит:

— Горю! Жгет!

Он:

— Лежи, лежи. Пока прощенья не попросишь, не слезешь.

Он:

— Извини! Больше не будет.

— Но, слазь. Иди спать в амбар, чтоб тебя никто не видел и не слышал.

Зимой, ну, он куда же пойдет в амбар спать? Он на коленях у его ползал. Тот ему:

— Залазь под кровать, чтоб тебя никто не видал.

Он и залез под кровать.

...Это рассказывала моя свекрова. Это все здесь происходило.

318. ...Спустился, ну, коршун не коршун, ли кто ли такой? Так вот рукам-то... А он терпит, этот старик-то. (Вот это мне мать рассказывала, царство небесно ей.) Она потом лежит, бабушка-то, потом эта фигура-то произошел — ребенка-то вынял у ней. (Тогда эти головешки скоту толкали, и кисти, и все...) Старик-то подошел да взял крестик на ребенка-то надел. Да и сказал:

— Вложи, как лежал.

Он вложил. Она утром-то говорит:

— У меня седни живот болит.

Он грит:

— Так вам долго?

Она грит:

— Да недолго.

— Но, — грит, — если родитё, дак вы никого кумом-то не ставьте. (Раньше же кум, кума были.) Никого не ставьте. <...>

Ну, он ушел. Бабушка-то родила.

— Говорил — в кумовья, а все-то не идет.

А он приходит вечером. Сам пришел. Это уже дня три прошло. Приходит.

— Ну, и как, — грит, — здоровье-то у вас?

А дедушка-то говорит:

— Да вот здоровье-то ничё, а почему-то, — грит, — ребеночек-то в крестике родился.

А он говорит:

— Дак вот, если бы не я, у вас бы не было его, этого ребенка.

— А почему, — грит, — так? Если бы этого человека найти.

— А пойдёте найдёте.

— А как найдём?

Он грит:

— Пойдем по всему селу и найдём.

— Ну, дедушка, как мы найдём?

Он грит:

— А я говорю, что найдём и все.

Ну и пошли. Заходят (а он человека-то заметил, видно, что знат, и вот, у одной-то руки по сих мест перстник отрезал и в карман завернул и положил), ну, и потом заходят в избу, он там поговорит чё-то все, а видно же замечал (если бы туда зашли, он бы руку так откидывал, чтоб ее не заметили). Сколько прошли — никово.

— Да никово, — грит, — зря ходим, не найдём.

— Нет, найдём, не беспокойся.

Вот зашли, он сразу... дедушка на него взглянул...

— Он. Узнал, — грит. — Покажите вашу руку.

Он показал, а тот вытаскивает перстник — тут и есть.

Ну, исказнили, грит, его. Мужик оказался. Шаман, говорили, колдун. Они всем превращались, говорят.

319. У меня дед был. Какую штуку я сейчас расскажу вам — это не при моей бытности было.

У одного мужика пропали три коровы. Искал он их — не может найти. Дед-то ему мой и говорит:

— Иди туда-то и туда-то. По дороге встретишь женщину, поздоровайся с ей, но ничего не спрашивай. Дальше встретишь мужчину, вот у него и спросишь, не видел ли он скот.

Пошел он. Встречает первую женщину, поздоровался с ей, но ни об чем не спросил. Второго встретил мужчину, спросил. Тот:

— Вот туды, паря, прогнали трех голов скота.

Приезжат — а они меж зародов загнаты. Он заехал — никого нет. Быстро выгнал коров. Так никто и не пришел.

А дед ему сказал:

— Ты никого не спрашивай, разгораживай и езжай.

Так он и сделал.

У меня дед разные штуки умел.

320. Ну вот... Ходил у нас кореец. Ну, кому надо — гадал. Что-то в стакан воды ему дашь, и он этой воды на палец и чертит на этой... на столе (там если есть клеенка, так на клеенке, раньше клеенки-то мало было — голый стол — на столе). Потом в этот стакан смотрит и начинат предсказывать будущее.

Ну, вот и я тоже взял да и пошел к ему (ну, еще холостой был): взворожи, дескать, мне. Заплатил там. <...> Он мне давай ворожить. Говорит:

— Сейчас ты плохо живешь (а я действительно плохо жил, один, родители-то умерли). Но через год тебе будет хороша жизнь: женись на ком хочешь, и будешь уважаемый этими людьми. — Видали, как оно? Оно действительно сбылось: я через год женился (ну, бегал за старушонкой — молоды же были) и поступил в магазин работать. Ну, верно предсказывал. Ну, работаю продавцом. Правда, почет и уважение, раньше это...

И, теперь, сказал:

— Будет у тебя восемь ребятишка: четыре мальчика, четыре девки. (А сейчас у меня действительно восемь ребятишков.) И если ты в сорок втором году не помри, то до шестьдесят двух жить будешь.

Вот я боялся: шестьдесят второй год мне подходил. Думаю: «Все!»

А в сорок втором, действительно, чуть не помер. И знаете, как получилось? Работал я бригадиром в тракторной бригаде <...>. А война — ребятишки да девчонки там были трактористами-то. Парнишка пашет. А воду-то в их, в этих тракторах, поминутно прямо доливали. Где-то проедешь с полкилометра и доливай, на каждом обороте, на полосах-то, бочки стояли с водой. А он или забыл, этот Степа, мой тракторист, или что? Я еду к нему: ой-ё-ёй, у него пар летит из трактора, и трактор не везет!

— Да чё-то, Данила, не тянет!

Я подлетаю, матом на его:

— Ты же его перегрел! Воду доливал?

— Доливал.

Я ему:

— Врешь, не доливал!

Подскакиваю, люк-то только немножко отвернул — там же вскипел пар-то — люк-то вырвало — и у-у! — кверху вода-то, сколь уж там ее было! и на меня... <...> Я почти сразу без памяти... Упал. Они тут с прицепщиком трактор заглушили, побежали коня взяли <...> — и к врачу меня поперли. Я два месяца... У меня вся шкура-то с этого слезла, до поясу, с спины. А на голове-то только волдыри были, а волосья почему-то не слезли. Ну, руки, вот эти места-то, да кости потом болели — где это у рубашки-то запыстья были. Да рубахи-то были из куля, в войну-то, они пока на мне ее рвали, эти ребятишки, всё мне, всю кожу-то содрали.

Так вот, он как предсказал: «В сорок втором году если не помере, то на шестьдесят втором помере». Ну, вот я потом-то шестьдесят второй год — и я уж тут подсобировался. А в сорок втором не помер, видите, а вон какая, чё перенес. Ну вот, уже и живу, шестьдесят шесть прожил. Тут-то ошибся он вроде.

Вот эти гадания... Я все время помню это гадание. Почти верю.

321. У нас два свата было. Вот один к другому в гости поехал. Приезжает. А сват только из бани пришел, чай пьет. Говорит гостю своему:

— Давай в баню.

Ну, тот пошел мыться. Смотрит: а сват его в бане сидит, моется и молчит. Ну ладно. Вымылся. Приходит из бани, а сват сидит дома за столом и чай пьет. Махнул гость рукой на свата:

— Не буду больше ездить.

А этот-то специально так делал, чтобы отучить в гости к свату ездить.

322. Дед с внуком везли однажды воз пшеницы, смолотили на мельнице, обратно едут. Ну, темнеет. Оне к Грише Босяку:

— Пусти нас ночевать.

Ну, он:

— Заходите.

Оне говорят, мол, воз надо завезти. А он:

— Ничё, ничё. Пусть там. Если чё случится, я, паря, свое отдаю.

Утром встают: пять мужиков круг телеги ходят с мешками, а уйти не могут. Гриша к ним подошел, каждого по плечу стукнул и говорит:

— Ну, спасибо за службу.

Оне мешки побросали и ушли!

323. И мне папа рассказывал... Говорит, приехали на конях с грузом мужики и остановились на Шилке. Зашли к кому-то ночевать. А хозяин:

— Дак у вас чё там?

— Да груз: пшеница...

— А караулит-то кто?

— Чё караулить? Никого нет. А кто возьмет, так без меня никуда не уйдет.

Но, а были воришки-то. Водились. Пришел один, значит, мешок на плечо-то заворотил с пшеницей, вроде: «упру». И давай ходить кругом саней. До утра и проходил в зимнюю ночь. И сбросить не может, и уйти не может. «Но, — думат, — знаткой извозчик, видать!»

Он приходит утром-то, хозяин-то, тот ему:

— Извините, — гыт, — меня! В жизни больше этим делом не займусь!

— Но, положь. Иди да запомни.

Вот как?..

324. Один человек едя парой конями. У няго на возу и мяшки, и сено. Зимой, шибко уже морозы были. На ём доха, с обеих сторон мех. Чижёлая-чижёлая! И он доехал до ресторана, или как сказать? — до столовой. Коней свел с дороги, с дороги свел, поставил в сторонке, доху снял с себя, на воз бросил, и сам пошел в трактир, в эту... столовую.

Там ходит скотина, коровы там никогда не загоняются. И ни одна корова к возу не подошла. Она же заморожена! Не видють!

А он прошел, за задний стол сел. Там в столовой народ. А он сел за задний

стол. Взял чекушку водочки, заказал чаю. А один — эх! — выскочил, хотел доху взять. Выскочил, доху-то хватает. А тут видють в окно да:

— Эй, эй! Доху-то бяруть, крадут!

Он:

— Нет, ее никто не украде. Она чижёла, ее никто не унесет!

...Он хватил на руку-то доху — да стойть! Стоить и стойть, стойть и стойть!

А он время продолжас: «Чё он мне, пускай стойть». А хозяин выпил водочки да чай сидит пьет. Да рассказывас, а ён все стойть с дохою! Вот. Но уж время-то много... Вышел да говорит:

— Но ладно, ты ее не утаишь — она чижёлая. Положи, — говорит, — да иди!

Он рад до смерти. Бросил да убежал...

325. Это вот у меня был отец, нероднай. А у него братья читали «Черную магию». Их было шесть братьев, но вот два знали, читали. Но, може, како слово и отцу сказали. Но отец-то им нероднай.

Вот когда мы зашли первый раз у колхоз, а мы из своей большой деревни ушли на участок за восемь километров в другую деревню: шибко тут безобразили. Это в двадцать седьмом году. А у отца ничего не было, коня не было. Загон у их был близко к нашему участку. Вот приходим, моя мама и говорит на моего мужика:

— Ванюша, возмись ты нам посей просо. Как ты человек свой, хоть ты хорошо, може, землю обрабатас. Вот сколько люди чужи сеяли, ничего не рожається. Возмись и посей. У нас семена есть, только ты обработай!

Ну, мой мужик взялси. Там это взметал прежде, потом передвоил, посеял просо, через два дня, через три дня перевалил — перепаживают. Вот такая проса родилася! Прямо кисть черная, как море! И вот мы навязали девять копён. Пришли там мои две сестры, мы связали девять копён. Пять копён как вроде им отдали, а четыре себе взяли.

И это его, отцово, просо было складено... Все до одного снопа с поля увезли люди, а его копны все стоят! Ему возить-то не на чем. Потом он осенью глубокой приходит к нам, отец-то, нанимать кого-нибудь свезть ему это просо. А он когда приде, прямо сразу соседи идуть: он любит сказки казать, скалозубить. Один сидит и говорит:

— Эх, дядя Леха! Как просо твоя хороша! Я хотел хоть копёнку увезть.

Он говорит:

— А чё ж не увез? Увези, — говорит.

— А чё, не увезу?!

— Почему не увезешь? Увези. Увези, — говорит, — попробуй. Ежели бы мою просу (ведь там стада ходют, пустили стадо: и коров, и овец), ежели бы я ничего не знал — там уж теперь ни одного бы снопа не было: все бы скотина растрясла бы или кто увез. Вот будет всю зиму стоять — никто снопа, — говорит, — не возьме.

...Обойде три раза, чё-то прочитас, черта с два там унесешь.

326. Это, значит, один приезжий был. Вот лежала труба, обыкновенная труба, водопроводна или кака ли — она больша диаметром. А он, значит, говорит:

— Давайте, я по этой трубе [внутри. — В. З.] пролезу! — Все тут: Но-о-о! — смотрят. Ну, он берет, с краю залазит в эту трубу — все на его глядят. Вот он лезет там, карамкатся, в трубе... Все дивятся: как так!

А тут рядом мужик сено вез, воз, на коне (он его-то не охватил!). Он глядит:

— Да ково вы, — грит, — на него смотрите?! Он вам затуманил глаза-то, а вы на него смотрите! Вот ить он рядом с трубой ползет, на карачках!

Но, чё же, он его вывел, тот соскочил, да:

— Эй, — грит, — смотри! У те воз-то горит!

Он оглянулся: у него, верно, воз-то пламенем охватило, загорел! Он — раз! — скорей гужи обрубил, лишь бы, мол, лошадь-то убрать, а то сгорит. Отвел, смотрит: все в порядке. Воз, как стоял, так и стоит. А гужи обрубил.

327. Я годов десяти или одиннадцати был. Какой-то кузовник ездил на лошади, литовки продавал, иголки, брошки... И вот он раз спорил с одним нашим. А тот тоже занимался волшебством. И этот знал.

— Я, — гыт, — в комель бревна счас залезу, а в вершину вылезу, — торговец-то.

— Не может быть, нет!

— А на четверть самогону?!

И вот он встает с завалины, подходит к бревну и... полез. Лезет, уж ноги скрылись, улез. Вылез в том конце.

— Но, проиграл четверть самогонки?

— Да, — гыт, — проиграл. А теперь пойдем в избу.

Зашли (уж темнеть стало), бабы лампу зажгли. Вот этот хозяин взял стекло с лампы и раздавил рукой.

— Теперь ты.

Тот взялся, раздавил, а осколки в руку впились. Он: «Ох, ох», — и умер под утро. Вот те и раздавил!

328. Вот так же собрались молодежь... А приехали... ну, кто они таки? Гипноз ли кто ли, он там работал у них. <...> Но, теперь, собрались, едрить твою корень, деньги заплатили, смотрят.

А которы обробели тут, потом прибежали, не успели зайти — стучатся, их не пускают. А он потом в окошко...

А он этих, в помещении-то, загипнотизировал, имя кажется, что он ползет в бревно.

Этот в окошко залез и кричит:

— Вы ково смотрите? Он же подле стены ползет, а не в бревно. — Он же его не охватил.

329. ...Приехал, значит, около него собрались тут эти мужички, курят сидят, женщины, ребятишки стоят. Ну, сидят на бревнах, развалены бревна. Он сидит да и говорит:

— Посмотрите, вот змея! Какая змеина-то ползет!

Все с места соскочили! А по дороге-то ехал дядечка на лошади, значит, сидит на возу сена. Но, они кричат:

— Змея! Змея! — А он не видит.

— Никакой змеи нет. Чё он вам врет?!

Тот:

— Ково врет? Ты погляди, у тебя сено-то горит!

Он оглянулся: воз-то горит! Он — на коня. Раз! — обрубил гужи и на коне поскакал.

А воз-то как стоял, так и стоит, нигде никакого пламя, ничё. Все хохочут, про змею-то забыли. А тот удират! Уехал, ускакал — сено-то горит и сам сгорит — обрубил гужи и удрал, воз бросил. Теперь над ним хохочут: обманул. А этого и бояться вроде: скажи что-нибудь не так, он сейчас что-нибудь сделает. Сидят и смотрят на него: что он дальше-то сделает.

330. А то вот у нас был пожилой бодайбинец, с Бодайба. Нас жило в бараке шестьдесят человек — на прииске, от Ольдою в сторону. Вот он:

— Давайте, я вам покажу... — А такой молчаливый, все молчит...

— Но, давай.

— Собирайте по тройке с человека.

— Но, давай. Чё ты нам покажешь?

Он тепериче:

— Давайте тарелку.

Принесли тарелку, обнакнавенну.

— Кладите двадцорик [двадцатикопеечная монета. — В. З.] на стол.

А стол такой длинный, на весь барак был, и нары у стола.

— Покрывайте тарелкой этот двадцорик.

Накрыли, положили, всё. Он стоял в стороне. Потом подходит, значит. У него палочка така в руках — ну, четверти полторы она была. Взял вот так, то ли раз, три ли раза стукнул по донышку-то.

— Ну, теперь, — говорит, — открывайте. — А сам до нее руками и не трогал. Открыли: туды, сюды — двадцорика-то нету! Исчез! И на столе-то даже нет его!

Но ладно, опять сказал:

— Опрокидывайте на это место тарелку-то.

Опрокинули. Он подошел, стукнул. Открыли: он как лежал, так и лежит, двадцорик-то...

331. ...Выезжает с этой стороны на большую дорогу, а другой выезжает с этой стороны:

— Вы откуда?

— Да я вот отцель, везу товары.

— А я, — говорит, — отцеда (с другой заграницы).

Ну, и съехались на дороге, поехали вместе. И вот и едут, и едут. День, ве-

чер. Надо где-то проситься ночевать. Там при большаку дома стояли, они редко стояли, редко. Стоить домик. Подле дому стоит старичок, высокая старик стоит. Они подъезжают. Подъезжают и говорят:

— Отец, ночевать у вас можно?

— А почему нельзя? Можно, заезжайте.

— А куды ж нам коней-то?

— Заезжайте, — гыт, — в рыгу становите. (Вы знаете рыгу? Там молотили, туды корм складали.) Заезжайте, — гыт, — в рыгу становите коней.

Но, оне заехали, коней этих поставили, сами взяли продукты, пришли в избу. Пришли в избу, закусили. И один-то говорит:

— А где нам, отец, лечь, чтоб мы вам не мешали?

— Да лезьте на полаты, ложитесь.

Они влезли на полаты, легли. (Он один-то зная, а друго-т ничё не зная).

Но лягли на полатах-то, глядь: приходят одиннадцать человек (где-то были у добычи). Приходят, заходят и говорят:

— Ну, как, отец, дело-то?

— Да дело-то, — говорить, — ничего: два есть (Они режут людей-то!)

Два, — гыт, — есть.

— Но, давай ужинать.

Вот зачали собирать: там у них и холодец, и мясо, и все у их...

Садятся и начинают выпивать. А этот, который знал-то, слово-то, подыме голову и сказал с полатей:

— Вы хоть бы нам-то поднесли. — А те:

— Вам-то мы счас «поднесем». — Сами выпили и говорят: — Но нате и вам по полстаканчика! — Дали. Он выпил и говорит:

— Теперь нам пьяным-то и смерть не страшна!

Вот они поели... Он все поглядывал на их, подымет голову, поглядит... Они поели, поужинали, наелись досыта — и как сидели, так и остались! Как столбы! Как столбы — все двенадцать человек. Этих одиннадцать, старик двенадцатый. А он говорит на своего напарника-то:

— Но, давай слазить!

Он говорит:

— А куда?!

— Слазь, не бойсь, нас никто не троне. Слазь, теперь мы хозяева, а нехай посидать.

Слезли с полатей. Сабе давай ужинать.

...Они, все двенадцать человек, сидят. Эти выпили, наелись. Потом давай этих бить. Да, говорит, возьмем одного — бьем, бьем! Посодим да другого... Бьют и на место сажают, и они сидят. Но потом стали искать... обыск. Нашли, где у них люди резанные, где все есть: одёжа, обумка, нашли у них там и, может быть, деньги. Много там делов понашли! Время продолжали до света. Они все сидят. А потом стало развидняться. Они пошли, коней позапрягли, выехали на дорогу. Вот он заходить, говорить:

— Ну-ка, выходите наружу, бейте друг друга! По мордам! — Оне как все

двенадцать человек выскочили на улицу, да друг другу на пару, и по мордам снують!

А они поехали. Они бьются. Ну, отъехали недалеко, встречается им мушшина. А он говорит:

— Знаешь что? Вот ты там пойдешь, там двенадцать человек друг друга бьют по мордам. Скажи им, чтоб они разошлись какой куда! — Этот мушшина пошел.

А они там волнуются, бедные. Он говорит:

— Разойдитесь какой куда! — И оне какой куда, какой куда, какой куда побежали по сторонам.

Вот оно и все, и старик-то убежал.

332. Рассказывал Тихон, как чё делал.

Вот сядет на голец, у печки, и сидит, как мертвый, — хоть кто. Тихон подойдет, по носу поколотит и говорит:

— Убирайся! — Тот встал и — в дверь, просто вышибат! Потом говорит:

— Хотите, скажу, чтобы на воротах повесился — и повесится?

— Но, зачем же!

Захочет, чтобы козуля из тайги прибежала — вот она, у крыльца! Выйдет на крыльцо — и убьет, занесет!

За границу ходил, никто его не мог убить. Стреляют, а он стоит. Семеновцы не могли расстрелять. Журавлев говорил, что его надо было взять в разведку.

Обойдет табор, и никто туда не войдет. А убить его, говорили, можно было только пулей, отлитой из медного креста.

Но кто же их будет, эти пули, лить, ковать ли?

...Наука эта исчезает и люди такие тоже.

333. ...Погнали они в Актагучи скота сдавать. А женщина идет через дорогу, вышла из двора. А дедушка Арламов и говорит:

— Вот дорогу, скотина, перейти же она!

А она идет по воду на Газимур-то и перешла им дорогу. А он, теперь, и говорит своему спарщику:

— А вот посмотри, она будет идти до Уктычи аж, где мост этот большущий. Она будет до Уктычи-ка идти, — спарщику своему (это прямо точно знаю).

Ну и вот. Она идет, идет. Он: «Хэть! Хэть!» — подгоняет скота да и говорит спарщику;

— Смотри, идет! Куды она-ка идет?

Она уже и мост прошла, из деревни вышла, там два зимовья стоят. Он остановился:

— Тетка, а ты куды-ка идешь?

— Дак я по воду...

— Так вот, тетка, вертайся. Да больше не переходи дорогу! Едет добрый человек, идет — дорогу не переходи!

Она ночью домой пришла перед утром из Уктычи с пустыми ведрами. <...> Вот она и рассказывала:

— Умирать буду, детям и людям буду наказывать, чтоб дорогу не переходили...

334. ...Теперь в зимовье Никанова картошку жарила в печке. Он заходить:

— Ванихватьевна, ты меня покорми, дай картошечки. — Она картошки не дала, еще его поругала.

По ягоду пошла, а он и говорить:

— Ну, иди по ягоду, бог с тобой, иди.

Она только из двери вышла, только двери открыла, видит: пташечка маленькая-маленькая тут перед ней летает. <...>

— Ты иди-ка! Чё это пристала?

Вот она идет, идет, в Закаменную переходить, повернула на солончик <...> Она шла, и шла, и шла — она тут, перед ней летит и летит, эта пташечка. Пришла, голубицы — ой, синем-сине! Ступить негде!.. Наклонюсь — никово нет. А эта пташечка все перед ней да перед ней, <...> она за ней идет. Она впереди летит и летит. Солнце зашло — она за деревней, за пять километров!.. А оттудова до дому пришла ночью <...>

Вот он какой был! Страшно! Это не дай бог! Ей-богу, я сама на неделю голодом останусь, а его покормлю...

335. Это был один старичок, значит. Я вот так знаю, что дедушка Паша, а фамилию-то его не знаю. Тот был такой... тоже, видно, знал чё-то. И вот если в случае где появились змеи, то, значит, его просят... Он даже сам носил через плечо, и на шее она обвивалась. Никогда его не трогала.

И вот если появились змеи, если кто хорошо принял его, значит, он этих змеев угонит. Сперва забивал какой-то колушек, потом прутиком несколько раз махнет и чё-то пошепчет — уходят! Уйдут!

А кто уж если огорчит, то не рад будет. И покосу попустится. Ни грести, ни косить нельзя: змеев будет — хоть отбавляй!

И вот был случай в Золотой [падь. — В. З.]. Там прииска были, золото мыли. И мужики его попросили! Он шел мимо, оне его попросили. Он сказал:

— Давайте, я изделаю!

Но и действительно, изделал. Поставил колушек, прутик взял в руку. Помахал — сама больша пришла, начала крутиться вокруг колушка, и за ней все пришли, в комок свились, шипели-шипели...

Он махнул прутом — она пошла вперед, и те за ей. Увела. Ушли и не стало.

336. Это, значит, один друг мне рассказывал. В Газимуре я встретил <...>, но вот во время партизанской войны он приехал откуль-то с запада, где-то по Чикою был. Но вот, когда закончилось это, Семенова изгнали, тут все эти войска, он уволился. Он молодой был, его уволили с партизан. Но, некуда деваться.

...В одной деревушке, говорит, прильнул я к деду. Он мне:

— На покос поедем со мной, косить сено. — Жили еще одинолично тогда.

— Но, поедем.

У этого старика две лошадки. Но, он говорит, вот поехали. Он, гыт, привез меня... Там была у их какая-то такая падушка, что там исключительно... никто туды заходить-то боялись — змей очень много было. Вот он едет туды прямо в эту падушку, приехали. Но, приехали. А я-то, гыт, не знаю... Но, остановились и давай косить.

А косили руками, литовками. Косить, говорит, давай на балаган.

— Балаган сделаю сѣдни, — старик этот ему наговариват. И все.

А потом, гыт, что? Я, гыт, стал косить, смотрю, гыт: там змея ползает, там змея ползает, я, грит, просто ужáхнулся. Дескать:

— Дак, дед, как же так?

— Ничё, — гыт, — ты их только старайся, не трогай, не руби. Где уж нечаянно попадет, дак шут с ней, пусть не лезет. Вот так.

Но я, гыт, что — просто, гыт, ужáхнулся!

Вот сделали балаган, поужинали (уж дело же к вечеру), спать я, гыт, могу на телегу: боюсь, они же съедят, думаю, прямо ползают кругом змеи.

Но, а он гыт:

— Не ложись, дурак, ничё, ничё, — гыт, — ни одна не тронет.

Но, уговорил меня: «Ложись со мной рядом, никто тебя не тронет». Ну, я, гыт, лег. Лег и уснуть не могу, верчусь... Не могу уснуть: верчусь просто. И одна подошла, говорит, и за ногу меня, за большой палец, укусила. Ну, я соскочил, как лихой-благый, заорал. Он:

— Ничё, ничё, успокойся, успокойся!

Темно, ни свету же, ничё не было, стемняло уже. Он ково-то мне пошщупал, помял, почертил, говорит, этот палец и даже...

— Ничё, — гыт, — это как комар укусил и все, — говорит. Вот так мне...

Но, это дело перестало, а спать боюсь, гыт, потом. Но, тепери, дождался утра. Я, говорит, почти и не уснул ничё, боялся, боюсь и все. Вот он, говорит, потом, этот старик, значит, утром встает.

— Но, разжигай костер, — говорит. — А там косогорчик такой, кустарничек мелкий. Он, гыт, взял ножик, пошел в этот кустарничек, срезал тоненьку осиночку, такую длинной вот, заострил. И вот вышел, где выкосили, на кошенину, сперва зачертил ей кружок, этой осиночкой, и в серединочку воткнул, говорит, эту осиночку. Тепериче, я смотрю: чё будет это? Его спрашиваю:

— Ты чё, деда, делаешь?

— Ладно, подожди, сам увидишь, чё будет.

И вот смотрю: оне, гыт, с разных сторон, эти змеи, — но, прямо, гыт, вот, как россыпь кака — катятся все к этой палочке со всех сторон, только трава шумит! Бегут. Я, говорит, просто я ужáхнулся, просто уже не помню, как, говорит, я очутился на телеге. Уж на телеге сижу, залез просто со страху...

...А он, гыт, срезал прутик, такой ишо жиденький таловый прутик срезал. Но, гыт, с ём стоит. А она, уж эта, которая укусила, виноватая, сама задняя, говорит, тянется сзади. Он на нее командует:

— Но, подходи, подходи. Что, боишься? — на нее командует. И вот потом, значит, она сзади остановилась. Он, тепери, вдруг чё-то сделал, говорит, — оне

все разошлись, все разбежались остальные-то. А эта осталась. Он подошел и давай ее прутиком стегать. Она, говорит, вот вьется колесом, прискакиват, а не бежит, ничё никуда. Он ее этим прутиком постегал, постегал. Тепериче:

— Ну, — гыт, — ладно!

А я костер-то разжег, говорит, чай-то повесил варить и забыл и про чай — у меня, говорит, все прогорело. Забыл про чай. Но, он, когда надрал ее:

— Но, — гыт, ладно. Ись-то вроде не хочется, пойдем до чаю покосим немножко. — Но, я, гыт, пошел. Пошли, покосили. Тепери, приходим обратно. Он говорит:

— Но, пойдем тепери чай пить.

Обратно приходим, говорит, чай пить, она, гыт, она эта сама... она тут у этого колышка, эта змея. Он опять этот прутик взял и пошел. Ее опять, гыт, стегал, стегал... Я чай разогрел. Потом он пришел, мы чаю попили, пошли опять косить. Ушли, говорит, до обеда прокосили, приходим: она, говорит, все у этого колушка, эта змея. Мы с ём пообедали, меня тут взяло ужась. Думаю, тут все равно съедят змеи. Я, говорит, с обеда удрал, просто, говорит:

— Уйду, дедушка, не буду!.. — и так и удрал от его, от этого старика.

Вот така штука.

337. Вот в двадцать седьмом-то году неурожай-то шибко большой был, косили ездили в тайгу. Ой-ё-ёй, змеев-то сколько было!

А у нас наш же, здешний:

— Я, — гыт, — их не боюсь.

Он все шёптал ково-то, на, ребят, на скота... Шёпчет, шёпчет ково-то... А у нас балаганы-то рядом были. Вот придем вечером к его балагану ужинать. Но, едрить, у него на по́тах штуки четыре-пять лежат! Везде. <...> Он никогда не боялся. Там по сенокосу босой все время ходит. И вот когда гребёшь особенно, рукавицы надеёшь. А он так — руками простыми таскат.

И вот невозможно страшно! Косишь — не так их видно, а вот грести начнешь — но, едрить, которые таки дак, оё-ё-ё!

А мы чё же? Отец уехал домой — и стали на по́тах везде тоже появляться, на мешках...

Тажно Черников — старик там жил — он приехал к нам. В обед как раз. Мы сели обедать. Рыбы накололи вечером-то, начали. Егор, брат-то старшой:

— Но-ка, Василий Петрович, вот тако дело!..

— Чё, много шибко?

— Полно прямо!

— Но ничё, — гыт, — не бойтесь, косите — их не будет!

И вот он уехал — и ни одной! Кончили косить и ни одной не видали.

Его специально возили — тут у нас богатый был, Шмакотин, выше нас косили — специально его привозили.

Дак он вот это: ведро смолы поставит, ково-то махнет рукой — они повалят в эту смолу! Залезет, вылезет — и пошла. Не будет тут сроду, коси, сколь хошь!

338. А это тоже дядя же рассказывал.

У нас туды были участки, косить (раньше делили по паям: на хозяина — пай, езли двое взрослых — два пая дают там. Сколько скота держишь — не важно). Ну и вот, при дележке обегали — Новоселка была, она камениста, а они же в камнях зимуют, змеи-то, — ну, вот ее обегали. А, наши все-таки решили взять. Но, и дядя же этот мой:

— Я, — гыт, — созову человека — ни одной не будет.

Человек этот с Мангидая был, старичок. Но и что же? Пришлось его звать... Мы, гыт, и арканы натягали эти волосяны кругом этого — все равно залезают. А его созвали, как только приехали туды. Он кол поставил. Ково он делал, чё делал? Так ить все (артели же больши были: там и девки, они варят, ребята, копны возят, мужики), они все разбежались, как змеи на кол на этот поперли! Не то что внизу навились — до самого верху залезли! А потом он ково-то сказал — ни одной не стало. И выкосили. И так и не стало их.

Ну, и не зря это говорят, что вот она, Кара-то... Их раньше, гыт, тут было тьма тоже: каменисто же все место. Но, и не рады же были все-таки, тут приискатели-то жили... Так вот <...> старичок появился. И вот ежли заплотят — на таком расстоянии у вас ни одной не найдете. Ему надо обойти весь. И что вы хотите?

Он как взял отцедова — как он?.. Гребень у нас называется — от Гребня туды и обошел. <...> Это у него вышло километров, наверно, на шестьдесят, на семьдесят, окружность обошел. И на этом месте после того никто нигде не нашел ни одной змеи. Это вот, значит, чё-то знат человек!.. <...> Он на сорок лет сказал. И вот уж действительно: оне прошли сорок лет, а вот эти года начали появляться. То там увидят на покосе, то тут увидят. Но, а он-то заявил, что на сорок лет вы обеспечены будете. Ему тут собрали деньги, заплатили за это. И не было.

Вот такая штука...

339. У нас тут есть один. В дом отдыхе в Чалбыче, Нилович. Он знат! Вот езли он где косит, ты не будешь косить. Не будешь: как коснёшь — так змея, как коснёшь — так змея.

А папа рассказывал. Укусила одного парня:

— А мы, — гыт, — счас узнаем.

Он осиновый колышек поставил вот так, папа рассказывал, что-то махнул так. А потом: ш-ш-ш-ш — так ползут все — и на этот колышек, быстренько ползут! А одна взади, еле-еле... Он говорит:

— Э-эх, ты виновата! Всех взади идешь. Но-ка, иди-ка сюда. Иди, — говорит. — Я счас тебя...

А как раз была в этой чаше смола (знашь, смолу гонят?).

— Вот иди!. — Она потихоньку... А они навились все на колышек. И все вот так головы подняли и жала-то так...

— Эти, — говорит, — не виноваты. А вот ты виновата. Но, иди... — Она потихоньку ползет: она виновата! Он:

— Ты виновата? — говорит.

Она:

— Вш-ш, вш-ш...

— Лезь, — говорит, — вот в эту, в смолу. Вот тебе наказ. Больше ты не будешь кусать.

Вылезла оттэдова, так отряхнулась и тут же калачом легла. А он ково-то тут имя наговаривал:

— Больше не кусайтесь! — Этот мужчина. У его кака-то палочка осиновая. Он тут же косил с нами рядом. А потом папа сказал:

— Отпусти их.

Он чё-то палочкой раза два махнул — они пошли. Но, гыт, страшно! Они прямо вот такие жирные, рябые. И вот так пошли. А бить не стал:

— Не надо, — гыт, — их бить. Нам жить надо, и имя жить надо.

И больше ни одной на покосе не было.

340. ...Но, забыла, в каком году — то ли в двадцать первом, то ли в двадцать втором. Мы в Колтомое [падь. — В. З.] косили, на первой рессошине — ничего не видели. Ко второй поближе подъехали — и вот тут червей, батюшки! Начнешь косить, дак как лягут: там, там — везде. И потом на табор начали ходить к нам. Так вот, мой братан вот, Андреев был Артюха. Он вот эку вот палочку взял.

— Братя, — говорит, — караульте ребят.

А я со свечкой в балагане-то сижу вот так... Она (змея) куды-то поползет, эти коричневые усики у ней, а он на нее:

— Ты куды? — гыт. Чуть-чуть ее не ткнет.

Она вот эдак подымет голову-то, как цыпленок, на нас глядит, потом опять поползет. Он потом ее ударил, бросил на огонь. Она повертелась, повертелась, ее под гору бросили. Я утром-то пошла да ее смила — она аршин в аккурат, четыре четверти... Вот кака. А потом этот Давыд Писарев приехал да говорит:

— Вы, ребята, — говорит, — не пикайте пикульками. <...>

Потом взял литовку да говорит:

— Срубите жердь. — Жердь срубили. — Где червей-то били, туды, — говорит, — тащите жердь и лом.

Но, и спросил, где покос.

Он с этой веревкой кругом покосу-то обошел да вот эдак, с ограду, выкосил. Накосил. Говорит:

— Не входите сюды, — нам не велел ходить...

И вот взяли вот посадили эту жердь. Тепериче — мы это чё же, с Прокопьева дни да до Ильина дни прожили — эта жердь-то вот в етот столб стала, черви-то все на ее собрались. Вот каку-то силу же он имет?! Вот это уж тут очевидцем видела. И не стали нам на покосах попадаться, ни один червяк.

341. Это на сенокосе при мне случай был. Мы как раз... вот здесь в Павловск — самое змеиное место. Там есть Красный камень, в этих скалах змей! У-ю-ю!

Черемуху пойдешь собирать, раз! — руку протянешь — она висит на ветке...

Мы сено косили. А еще дед коня взял, едем в телеге, я слышу: чё такое поскрипывают чё-то? А она на колесо замоталась, развиться не может. Мы остановились, ее убили. Потом на сенокосе тоже в палатке... не палатка — шалаш сделали. Я ночью просыпаюсь, думаю: «Чё-то на груди больно давит, тяжело даже». Я — раз! — проснулся. А она комком свернулась и лежит на груди! А мне мужики-то говорили, что если лежит, то постарайся не переворачиваться, не шевелиться. Я деда (дед-то рядом), я деда... — раз! — и разбудил. А сам на нее смотрю: она лежит. А там старик, он один жил, косил сено, один жил. Он туда, дед, полетел. Старик этот пришел, так на ее посмотрел, она — раз! — с меня поползла и к нему. И ушла...

А потом этого старика обидели: сено у него отобрали. Он говорит:

— Но, считайте, что вы здесь накосили сена. Все, здесь косить больше не будете.

Утром приходят. Он сидит, а они вот так вокруг его, змеи, в три круга. Вокруг его змей... А он сидит в середине. Они ползают по ногам, везде тут! А он сидит... Дня через два уехал. И все, началось там... Никуда! Куда ни сунься — везде змеи, змеи. Ну, чё? Бесполезно ходить: не разуться, ничё. Сено косить — тем более: раз! — косонёшь, она вылетит оттуда... Я перерубил напополам, но и там начинался, начинался — у-ю-ю!

И все сразу оттуда уехали.

И вот когда он умер, этот старик, у его дом ворочали. Уй! — там змей у его сколько было в подполье!.. Так рассказывали: у его ребятишки были, два пацана (где он их взял, я не знаю). И вот, к нему пацаны — раз! — прибегут и убегают оттуда: они там со змеями играют. Они маленькие, пацаны, а он их, этих змей-то, на охрану оставит, но, они там не запустят никого — кто зайдет-то, правильно? Змеи тут, увидит — напугатся. А они их там за хвост тянут (она не кусат, ничё), бьют их, пинают. А так-то ее пни — она сразу раз пять успеет поймать еще.

...Его то ли Максим звали, то ли Матвей. Старик он такой высокий, метра два был старик. Белые такие волосы у него, длинные были волосы, почти по плечи. Он так-то здоровый был...

342. Ну вот, я поехал туда, с маслозаводскими же машинами и уехал. Потом остановились там — один старикашка, лесником он был, Тихон Иванович.

— Где косить-то, Данила, хочешь?

— Дак вот в Слепухе, — я говорю.

— О, паря, место-то опасно. Но ничего. Ты Леху Ильича знаешь?

Я говорю:

— Знаю.

— Он там коров пасет, в Слепухе-то. Ты к ему сходи да так это по душам поразговаривай. И ни одной этой гадины не увидишь. А то ведь нет, не накопишь, — говорит.

Ну вот это... я пошел к ему:

— Алексей Ильич, дескать, вот такое дело... — Он говорит:

— Но дак коси, ничего. С ребятишками?

— С ребятишками.

— Но коси. Я тут пасу все время, никою не вижу. Нету, дескать. Это враки, что тут змеи.

Ну, ладно, мы косим. Копён, наверное, на пятьдесят накосили. Я вот с Володей да с Машей. Но все же побаиваюсь я: у меня ведь ребятишки схватятся, барахтаются тут это на этом... на валках, вдруг придавят змею — укусит же. Ничего не видели. Вот уже грести надо. И этот Алеха мне:

— Ты дай мне парнишка заворотить быков — разбежались.

Я, мол:

— Да, Алексей Ильич, ведь погода-то, видишь, какая? Надо грести, а вы тут с коровами... Нет уж, на следующий раз, завтра, если мы вот подберем кошенину-то, завтра поможем тебе, соберем.

— Ну, ладно. Попомните...

И вот мы начали грести. Только где это заворотишь валок сена — там змея и змея. У-ю-ю! А машины уже ушли, там мы одни в этом балагашке. И спали-то мы, понимаешь, на полу, ни одной до этого не видели. Ну, думаю, если укусит ребятишек — ни машины, ничего. К врачам пока ташшишься отгуль семнадцать километров, это же — помрет.

— Давайте, ребятишки, убегать.

Они:

— Да что ты, папка? Мы вон сколько накосили...

Я говорю:

— Но, в другой раз.

И ушел оттуда, подъехал на попутных. Бабка спрашивает:

— Чё, накосили?

— Накосили, только — мол, — не сгребли.

Ну и вот, потом я это сено исполовинил, отдал маслозаводу: берите, мол, там половину мне, половину вам. Ну, они гребли... хотя видели штуки три — но все же немного. Сгребли. А у нас прямо под каждым валком. Эти ребятенки-то потом боятся:

— Папка, ты вперед. Может, тебе...

Да ково? Я только гребу — она тут и тут. Да это же у-ю-юй! И бросил кошенину...

...А он, видите, как? «Коси, враки, тут ни одной нету». А потом поехал этих быков собирать, я ему не дал парнишка-то... «Попомнишь», — говорит. Ну и попомнил. И досейчас помню.

343. Отец мой был еще неженатый. В рабочих жил.

А вот эта станция Бянкино — ты же знаешь — а там поселок Шеметово и Душечкино. А через Шилку, если по течению воды, по правой стороне, называются Тарской Луг. Но, таперь, значит, а как это бянковска трава-то,

видно, там наделена была, земля-то. Оне там косили... Но, большинство руками косили.

Теперь, значит, на этом на Тарским Лугу было этих змеев — ужасно дело! Но, теперь, собрались, доехали. Приехали, давай косить: балаган надо же сделать. Он, этот луг, сейчас зарос, а до этого-то... Это отец рассказывал.

Но, этот старик литовки отбил (он в рабочих жил). Пошли. Он вперед пошел, старик, оне за ём. Но, на балаган этих палок-то нарубили, поставили рогульки, а теперь закрыть сеном-то. Вот он идет и идет. А мы, говорит, пошли — только дернешь — змея попадат, змея попадат. Он:

— Вы чё, ребята?

— Дак, дед, змеев-то посмотри сколь!

— Но-о, да вы ково? Вы не бойтесь.

Но нам балаган закрывать-то, таскать-то, вилы-то страшно поднимать, ишо на шею упадет. Но тут выкосили, значит, заставил он чай варить. Мы, говорит, поставили чай. Это сено склали, балаган-то сделали.

— Но вы, ребята, тапериче аргалу! — Это навоз с коров, с лошадей сухой, аргал. — ...Притащите и зажгите в балагане-то. <...> Комаров у нас не будет, ничё, спать. — Но, притащили, зажгли.

Он, говорит, отошел от балагану-то недалеко, палочку взял — но вот така толшины, потолше пальца, вот такую вышины. Подошел там, может, метров пятнадцать, сколь ли, двадцать от балагану-то. И заткнул в землю ее.

<...> А с имя баба была — я забыл совсем — и ее укусила! Правильно, укусила она ее! Но он, этот старик, высосал. Рот, видно, целый, все — губами высосал.

— Ничё, — говорит, — ничё, не бойся.

...Но и заткнул палочку-то.

Приходят. Таперь чаю попили, вроде спать надо.

— Дак вот как, дедка, спать-то?

— Но-о, ничё не бойтесь! Пойдемте-ка вот сейчас. А котора тебя, — этой бабе-то говорит, — укусила, она должна сейчас подойти.

Но, подходим. И как палка стояла, эти змеи — одна на одну, одна на одну! Вот такой клуб! Сколько змеев было в окружности-то. <...> И котора змея-то укусила эту женщину-то, последняя подползла. Он, гыт, ее палочкой вот эдак по хвосту:

— Вот, чтоб вас больше не было.

Но, гыт, мы постояли — оне начали развиваться с палочки-то с этой. И пошли, пошли... А то ить вот такой клуб! Одна на одну, одна на одну! <...>

И, говорит, мы потом весь сенокос косили — ни одной змеи не видали. Ушли.

Вот это чё тако? Я ишо отцу-то потом:

— Дак это чё тако, деда? — Я его «деда» звал.

— Дак вот умет!

Умет он!

344. Там недалеко от Батакана, пониже по Газимуру, есть деревня Закаменная. Жил там Овчинников. Это дело было до коллективизации ишо. Он сена шибко много накашивал. И все близко от деревни. Было там место — косить хорошо, трава добра, но змей!! Черви, змеи. А он их как-то не боялся.

Мужики сердятся, все по мокрому да по тайге косят, а он...

Вот подобрались человек десять.

— Давай его падь разделим. Чё он, как помещик...

Он имя:

— В чем же дело? Давайте делить. — Но целая же падь! Оне десять пайков хотели делать. — Делите, — говорит.

Взял жердь, воткнул ее в землю.

— А вот этой жердью будете мерить.

Оне посидели маленько, покурили. Потом смотрят: а на нее, жердь-то, уже десятки червей наплелись! Оне:

— О-ё-ёй!!

И отказались делить. Вот так вот было.

345. Раньше же ребяташек рано втягивали в работу. Я, к примеру, еще до школы ездил на покос, ворошил сено, подгребал, копны возил. А косить стал после третьего класса — взял в руки литовку. Жили мы в Курлее. Арендовали в то время у колхоза лужок. Это километров пять по Газимуру от Базанихи, на одном берегу колхозный луг большой, а с другой стороны — забька называется, или култук, небольшой лужок. Колхозный.

Чтобы сено там скосить, надо технику перегонять — это не совсем было удобно. Вот колхоз и сдавал его нашей семье в аренду, а за него мы на колхозный скот в другом месте потом косили.

Эту забьку называли Подъярихой. И вот года три уже косили на этой Подъярихе. Косим, значит, а к нам с горы спускается старичок. Спускается старик. Подошел к нам и говорит:

— Вы что же это мой луг косите? Убирайтесь, а то рады не будете!

А мама у нас отчаянная была. Она ему:

— Ты откуда взялся? Мы здесь третий год косим. Земля не твоя, а колхозная.

Он больше ничего не сказал, повернулся — и его как не стало.

Мы давай снова косить. И просто нельзя! Змей! Просто нельзя! А маме хоть бы что:

— Косите, ничего!

И откуда их столько? И раньше попадали, а здесь как кто напустил. Но ни одна не укусила. И все мама:

— Ничего, ничего... Косили и косить будем.

346. ...Дедушка Варламов. Его так все и звали — «шаман». А он почту возил, все вот это... И, теперь, я поехала в Москву на сельскохозяйственную выставку, а дочь за меня осталась пасти лошадей. (Я конюхом работала.) Ну, она и говорит:

— Дедушка, а чё говорят, что вот это много-много у вас змей, а я никогда ни одной не видала. Я поеду, — говорит, — на Украину, а там скажу: «Ох, там много гадюк». А они скажут: «А ты бачила?» — «Нет». — «Ну, так ты ж тоди и не ври, их там и нету».

А дедушка сидит да и говорит:

— А чё ж ты, Оля? Хочешь их посмотреть, змеев?

Она:

— О, охота, дедушка. Посмотрела бы.

Он говорит:

— Ладно. Становися, сядь, слушай. — Она верхом на лошади на седле сидела, дочь моя.

А вот теперь она слезла с лошади, стала, а лошадь пустила, лошадь пасется тут недалеко от их. Говорит, так, мама, тихо, так тихо, ни ветру, ничего, солнце. И вин от так стал, палку большу. <...> А ей только сказал, ее предупредил:

— Ты смотри не реви, как увидишь, значит, так не реви.

Она:

— Нет, дедушка. — А сама так махнула головой.

Он тихо свистнул вот эдак: фью!.. Колына, Марина... — всех назвал.<...> Ой, как, мама, трава таки прямо — ш-ш-ш — шумить. Шумить! Я думаю, ни ветру, ничё нет, а чё ж это так трава шумить. Ой, они как оттуда... Палка така, тоньше руки, была, так они таку витушку намотали, одна на другую... И он стоит, и они его с ног до головы вот это вот так: и в уши повтикались, и сюды в рот, и в нос, и в глаза... А он стоит.

Она стоит, моя дочка-то, падать вот это хочет. А он увидел, что она напугалась, а, таперь, и говорит:

— Чё? Увидала?

Она же ничего не скажет, только вот так головой машет: напугалась шибко их.

А он теперь это <...>:

— Колына, Марина, по местам!

И вот чисто стало поле...

Вот то место, где ты косишь, там же их и много. Ну, и вот она теперь уже сколько ходит на покос — там их штук двадцать, больше — она их уже не боится. Он ей говорил:

— Пока я буду, дочка, живой, и ты пока будешь жива, теперь ты их и бояться не будешь, этих змеев.

347. Вот про змей я тоже расскажу...

У нас дедушка этот был, Иваном Матвеем его величать. Он их вот навесит кругом себя — и не укусит ни один.

— Я, — гыт, — вам сто штук выведу (у нас там <...> дыра была, змеи там жили), но только вы не материтесь! Выпили. Ишо четырех человек взяли понятых с собой. Он подошел к этой дыре, свистнул — они веревочкой пошли-и, пошли... Они считали, считали, вот пятьдесят насчитали, вот шестьдесят, как семьдесят <...> Они стоят и говорят:

— Вот...! Их немало!

Он побелел весь сразу, взревел имя:

— Убегайте кто куда!

Змеи-то все на народ пошли. Он потом опять остановился, свистел, свистел — и опять так веревочкой ушли.

Они ково, по пьянке-то?.. Поохотали да и все.

348. Бывало. Это бывало. Даже вот в эту войну. Чекашкин рассказывал. «Я, — гыт, — беру ее и вот на шею положу <...>». Он с Нерчинского, с Ключей, <...> рассказывал.

И было даже отводили. У нас по нашей-то деревне нет. В Актагучах были и туды в Догье. А у нас здесь не было. На Павловском были. Так вот на покос подъедут — отводили их с этого места старики. Ну, а ить не рассказыват, как он их отводил. А отводили. Ладили от червяка. Успеет поладить — ожил, не успеет (конь ли, человек) — это уж на тот свет может уйти.

А вот он рассказывал, это в армии, Чекашкин.

А вот, говорит, по спору идет. Боятся змей. Я говорю:

— А я не боюсь.

— Дак как?.. — Ой, молодые ребята говорят:

— Мы не боимся. Что? — Я говорю:

— Вот видите ее? Берите!

Никто не берет ее. Никак. Я говорю:

— Вот видите, боитесь!

Я взял ее, на плечо положил. Гляжу: другая. Я другую на плечо положил. Она меня сроду не укусит.

А мы потом (нас людно было) :

— А как же ты?

— Надо знать слово. — Но како слово, он нам не сказал. — Я, — говорит, — на плечо положу, все... чё по плечу — та, друга... Надо, я их соберу к одному кусту. — Но вот не рассказал, как он их собирал.

— У их, — гыт — у каждой имя есть. Женско имя там, мужско... Они соберутся на каку-нить лесинку. Скажи, давай команду, чтоб по своим местам — они, гыт, уйдут. Они не укусят.

А вот не рассказал эту молитву, как... Как он? Но каки-то же слова есть, верно?

<...> Вместе служили мы с ём. За губу ишо кладет, за шшоку. Табак.

349. Слышал, паря. Не слышал, а в Курлее даже видел. Я вот не знаю его фамилии... Жена-то его Карташиха была, а он-то не Карташов, а фамилия друга.

И вот он, говорят, поймат змею и в шапку кладет или к груди прижмет. Положит, приходит и говорит:

— Ну, чё, ребята? — Садится (приискатель был, между прочим). — Но, дескать, я устарел, дак... Вот у меня тут товарищ.

Откроет — она голову-то высунет. Ему:

— Брось ее! Выброси!
 Но бить не давал.
 — Она уйдет сама.
 Отпустит — она и уходит.

350. Вот эта девка, ее дочь. Надей звать (где она сейчас? или на Луговском, или в Батакане?), хрома така, одноглазенька, она ему была дочь неродна.

Дак он с женой уходит (это она рассказывала, с ее слов), оставляют ее:

— Ты уж не бойся. Вот придут змеи, оне с тобой будут лежать — не бойся. Оне караулят.

И вот <...> она потом встала, разбудилась (лампа-то горит): у порога-то лежит така змеишша здорова. Посмотрела: и с этой стороны, и с этой стороны змеи караулят ее.

Это он все делал... И, очевидно, научил ее. Научил. Она потом делала тоже чудеса.

Вот, значит, он если идет на покосе, поссорился с кем-то:

— Но ладно, потом придете...

Глядишь, назавтра придут — на этом покосе коснуть нельзя: одне черви. Идут к ему:

— Ну, чё? Я же вам говорил!

Придет. Ково он там делал, черт его знает.

— Но, идите, косите, ни одной не будет. — Все! Шутник был. <...>

А не даст убить...

Старики-то померли, а дочь выросла стала. Но она калека: нога у ей какая-то, рука чё-то там... как-то так ходит, скулу своротило... И вот она жаловалась на этого отчима: змей, дескать, со мной оставлял. Ну, дак ты что? Остается — одне змеи в избе, с ей остаются, дежурят, караулят ее. А потом привыкла. <...>

351. Брат одной женщины живет у нас, так вот он умеет со змеями... Шестьдесят семь лет ему. Спорили однажды. Мужики говорят:

— У змей ноги есть.

А он говорит:

— Нету.

Как узнать? Он от лиственки отодрал корину, на ней смолы-то много, и пустил змею по ней. Потом посмотрели — от ног следов нет, одни кольца.

А то ишо возьмет, палочку воткнет и зовет змей. Они сползаются и на эту палку накручиваются. Так и висят. Он слово скажет — они уползут.

Или вот на покосе живут они. Чтоб ничего из шалаша не взяли, он на самом видном месте, на сошке, змею вешает. Узлом завяжет, а она висит, развязаться не может. Так-то! Попробуй-ка подойди, когда такой сторож есть!

352. Жил Муратов, с Кунгары прикочевал. Тятя пошел к ему:

— Пособи, Никандр Федорович, перегнать корову. Замучились, угнать не можем. Угоним — оне назад!

— Но, это пусто дело... — Пришел.

— Кака старша корова?

— Вот эта.

Он ее прутком три раза ударил, корова: «Му-у». Пришли во двор, корова стала — и с тех пор не уходила.

Вот это было так. И кака здесь причина? А вот сперва-то...

353. ...Она [кобыла. — *Соб.*] туды [в Егдочу. — *Соб.*] ушла, первого мая ушла, вздумали гулять...

А я конюхом был. У меня помощник проглядел ее. Но, теперь, ладно. Я вот день, два... В милицию звоню. <...> Мне:

— Кто ответственный?

Я говорю:

— Ответственный я тебе, вот найдите лошадь.

— Надо ответственного, чтоб найти.

Председатель толкует:

— Ладно, на четвертый день поедешь.

Я говорю:

— Пойду-ка, сворожу, вот тут через дом. — Она взворожила.

— Ты, — говорит, — поедешь, лошадь найдешь. Она жива, загната. Тебе бубнова краля скажет и трефовый король. — Ну как вот тут знать?!

Вот я поехал. А к Макаровой подъезжать (это падь), — ехал, ехал, чуть не утонул. Газимур-то сперло, весной <...>, это все разлилось. А я понадеялся на коня. С берегу-то спустился — он так туды [в воду. — *Соб.*] ушел. Я в седле-то уж в воде, он потом как-то назад выбрался. Правда, не знаю, куда ехать. Потом увидел лошадь далеко, километров пять. Белет... Но, она. Я туды! Приезжаю туды, выходит бела женщина (она счас в Ушумуне), выходит:

— Ты, дяденька, откуль?

— Вот с Курумдюкану.

— Чей?

— Бояркин.

— Чё ты?

— Лошадь потерял. Была вчера, ушла вот туды.

Черный мужик выходит (трефовый) <...> Но, теперь я поехал туды. «Вот она тут была». <...> Гляжу: он белет. Я туды. <...>

Гляжу: едет председатель Макаровского сельсовета. Гляжу, винтовку наготовливает (я же еду верхом), думает, что я мошенник или бандит.

— Кто такой? — Вижу, что винтовка наготове.

— Лошадь потерял.

— О-о, вали, — гыт, — в Макарову. Она, наверно, в Макаровой.

Я туды приехал. К кому обратиться? Колхозы же, в пятьдесят втором... Я к бригадиру <...> Тут его отец, Глухих Аверьян:

— Ты чё? Беги в Егдочу. Мой парень видел, она <...> через речку перешла.

А тут темнеется. А знаете, ночью ехать... Да незнакомо место. <...> Ой,

гусей — шум идет. Тут воды — светло везде! Газимур прибывал. Туды приезжаю, конь заржал мой. Но, где-то тут! А он, этот конь-то, ходил с ей. <...> Но, теперь, подъезжаю. Он шибчей ржет, та ржет. Я подъехал, там конюх.

— Здорóво!

— Здорóво... — А мы в тридцать девятом годе на переподготовке с ним были, в Песчаной. — Чё?

— Вот како дело...

— Здесь, я, — гыт, — загнал. Она пошла в Догье (а там еще кораб есть, так за кораблем). Я, — говорит, — вот ее подпарил. Вот утре поймашь. Ты, — говорит, — не торопись, торопиться-то нечего.

Тут сердце изныват, как увести: на узде не бывала, с весны четвертый год пошел.

— Ты, — говорит, — не торопись. Счас наши приедут: девки, ребята, мужики. Они поедут сеять, а мы с тобой поймам. Она из этого двора не выскочит.

Там двор-то высокай, да ишо сверху перекладина. Но теперь, закрючили. <...> Но подумашь: верно, стара собака взлает — быть либо будет. <...>

Теперь кобыла как всплыла, повернулась — у меня конь как не бывал, на пласт, и я с ем улетел.

Я говорю:

— Знаете чё, давайте-ка я ее в руках поведу.

Вот она то вперед кроит, вперед-то кроит — я отпущшаю коня похлешше, а как натянется, станет. Руку-то растянуло. Вот ехал, ехал. Егдочински бабы поехали в Макарово по картошки. Я говорю:

— Тетеньки, пугайте кобылу или коня! — Оне пугнули. Я на хребет-то быстро заехал. <...> А потом там, к Макаровой, падушка — там совершенная грязища. <...> У меня там кобыла встала. Я и растянулся. Тут эти тетки две на телеге, как раз повернулись. Я говорю:

— Тетки, будьте добры, пугните... — Они как пугнули ее — <...> я оказался на тем берегу. <...>

Теперь, думаю, пойду к этому старику, к Аверьяну Глухих. А сердце вылетат, чуть не... Подъезжаю:

— Тетка, Глухих здесь живет?

— Здесь.

— Пускай выйдет. — Он выходит.

— В чем дело, молодец? — Я и говорю:

— Дедушка, я к тебе. Вот чё есь у меня овес ведра два, вот возьми, только меня проводи в Желугычу [падь. — В. З.]. <...>

— Нет, кумуха, — это у него ругань была, старики раньше по-матерски не ругались, — сперва почажай.

А тут какой же чай, когда сердце из <...> уже выскакиват! Оно же не лежит на месте. Я только выпил стакан-то, молода подходит, второй мне стакан наливат.

— Пей, кумуха! То не пойду. — Я другой выпил. Только выпиваю, блюдце налию (раньше с блюдцем чаевали), она опеть мне в стакан! Я говорю:

— Вы чё, с ума сошли?! Я уже полную корзинку понабил.

— Но-о, пей... <...> — Насказыват. ...Четвертый! Но через силу выпил. Чё же, думаю, если уж действительно прогневно, он не пойдет.

Поехали. <...> Вот «царство небесно» и помянешь. <...> Он подходит, кобыле:

— Но, кумуха, ты что! — Она через речку прыг! И потом пошла, пошла, вот как собака на потягу идет возле тебя или смиренный конь. Там вода ни вода — пошла. <...>

Дак после неделю ступить не мог, как она меня затаскала.

Вот это было в жизни. Понял?!

354. Матвей Сергеич укладывал из Коровино, десять километров оттуда. У него четыре свиньи да там подвинки, чё же? Надо ящики делать: везти их оттуда. А у него сын здесь шофером, Саня (он сейчас здесь). И он подъехал в аккурат:

— Но, папка, ты зачем эти ящики делаешь? Я Васю Тимофеева привезу сейчас, и он нам их уведет.

Ну, мы там, братья, собрались провожать брата, все дивимся: да как это? Свиней вести не так-то просто: на их ведь узды не наденешь.

— Уведет! — говорит.

Ну чё? На машине быстренько, сюда прибежал, этого Васю посадил, каких-нибудь полчаса — он уже обратно привез. Этот Вася:

— Де они у вас, эти свиньи-то?

Матвей говорит:

— Дак вон.

— Но, выпускайте. Я пойду вперед — оне за мной. (Он гундосит немного, страшной, они вообще-то все страшны, эти чудны-то люди.)

Но и пошагал. Смотрим: больша чушка выходит, за ей втора, третья и поросяки. И десять километров он этих чушек вел за собой и привел сюда. Но, конечно дело, уплатили ему за это. Вот.

Вот уж это-то не вру я, точно. Очевидец.

355. ...Тимофеев Вася, то-олстый такой мужик. Ну, вот где коров там лечить — вымя болит или что ли — он сейчас...

Вот я четвертый год здесь живу: в той улице жил... Корову приведу — она у меня все разберет, все заплоты, и уйдет, и уйдет. Ну, говорят:

— Ты Васю...

Ну, пошел к нему, он кобенится, не идет. Я ему четыре... нет, три рубля дал.

— Ну, пойдем, поведем корову. Будет сидеть, никуды не денется.

Ну и вот. Повели мы корову, а я:

— У меня еще бык подкастрированный. <...>

— А какой он масти?

— Вот такой-то.

— С рогами?

— С рогами.

— Но ничё. Корову приведем, а он ишо вперед, наверно, нас придет.

И вот сюда заводим, ко крыльцу, корову-то, смотрю: бык-то оттуда, с сопки — ры-ысю! — и во двор.

— Ну, это чё, ваш, наверно? (Он так говорит интересно.)

Я говорю:

— Но, наш.

— Я же говорил, что он придет — он и пришел!

А корова-то все одно стала убегать. Сделаешь заборы высокие-высокие — она вылезет и вылезет. Я опять за ём, привел его:

— Парни, кто-то сильнее меня здесь есть. Вы пошукайте. Женщина какая-то.

Но я ково знаю? Я же здесь недавно живу, десять лет всего. А баушка (ну, они, женщины, ведь одна другой: кто-то ей шепнул, она — другой...) бабенку привела. Я ее не знаю, чья она. Та опять чё-то с этой коровой поделала, и она — никуда больше. Вот.

...А этот Вася отказался:

— Кто-то, — говорит, — сильнее меня тут еще есть. — Надо же?!

Так вот мне интересно: этот бычишка-то, он же не бывал сроду во дворе-то этом, не видывал этот двор (только сделанный) — и он прыткою прямо бежит!.. «Вон, — говорит, — бежит, ваш, наверно».

Вот и сейчас этот Вася здесь живет.

356. Я корову продала. У меня уехали... (У меня корова хороша тоже была.) Рюмкин взял. <...> Я потом говорю:

— Она у меня на привязке не была, ее надо кусочком манить.

Повели туды на весы. Он говорит:

— Не беспокойтесь. Она, — гыт, — сама пойдет, — гыт.

Корова здорова, три ведра давала, а на веревке не бывала, не привязывалась, доилась так. Но и все. С малолетства не приучила.

Он говорит:

— Вы не беспокойтесь, она сама пойдет.

Я думаю: «Это как же она пойдет?» Говорю ему, чтоб он вот в такую пору пришел: корову-то через Газимур перегонять надо все-таки. Он:

— Нет, вы не успевайте, я сам погоню ее.

Темнеть-то стало, он ее изо двора вывел, эту корову, и повел. Сам идет вперед, она за ём идет, бежит. Бежит эта корова. Туды к весам привели (я и сейчас дивлюсь — это третьего ли года, четвертого я корову продавала — а и сейчас дивлюсь), и вот к весам привели, он пошел оправляться ково ли и взял вот такую тоненьку веревочку и на рог надел, на кустик забросил. Он там сколько ходил — корова-то стоит. Потом весы исправили, он на весы пошел, корова за ём пошла. Корову потом взвесили, все, он пошел с весов в раскол туды, и корова за ём. Там тележка, в расколе стоит, трактор. Он на тележку зашел, и она зашла за ём. Ну, вот как это быть-то?!

Я домой-то пришла, у меня на вышке всё открыто, ворота все открыты — как ветром взяло все! Дак я побоялась ночевать-то. Вот чё получилось. Ей-богу, испугалась. Там дверка на вышке есть, она по́ла стоит, эти ворота по́лы стоят и те ворота по́лы. Дак как? Как все равно внарок все открыто! А кто открыл? Он-то повел — я взяла да закрыла. «У меня теперь некого загонять, — думаю, — ну, пойду провожу ее». Проводила. Оттудова иду-ка — все по́ло стоит. А они уже повезли ее. А чё получилось не знаю. Ну и все. Чё-то, видно, значит?!

Увел, а я таперь безо всего осталась, без хозяйства. Она ить потом каждый год телиться стала да все тёлок носить <...>.

357. ...Гаврилов, значит, печник, продает корову, уезжат отсюда <...> Но теперь чё же? Пришлось мне ехать в Калиновку.

— Вот, Клим Петрович, продает парень корову хорошу.

Но тот назавтра прибегат:

— Но, запрягай, поехали.

Приехали, <...> а он тут у Дорофеева, на Просвещенской-то тут, печку клал. Но, мы сюды... Он говорит:

— Трубу докладываю. Докладу сейчас и поедем. <...>

А поздно уже, наверно, часов одиннадцать-двенадцать.

— Как, — говорю, — мы корову-то?

— А чё она?

Берет, значит, веревку у него, на рога надеет, сзади привязывает к телеге. Я говорю:

— Да привяжи к оглобле.

— Она и так не натянется.

Сели с ём. Он песни попеват, развалился. Корова идет лучше коня, и не натянется!

Вот чё человек знал! А попробуй в ночное время уведи ее, корову... Но, где же?... Он слово чё-то знал.

358. Вот Фишер, Михаил Ульяныч, он у нас есть на карточке. Он отцу был друг хороший.

Но, в праздник летом ездили гостить в Шеметову. У Михаила Ульяныча, значит, там шурыяки — жена-то у него Аграфена Павловна, с Шеметова. А он... то ли поляк у него отец-то, чё ли, Фишер Ульян. А он Михаил Ульяныч. Старик-то ковал, Ульян-то этот. Кузница своя была. Вот двенадцать скатов подков скует один и гвоздей, но шесть гвоздей на копыто, накует. И двенадцать коней подкует в день. Один. Вот какой кузнец был! Он то ли, паря, поляк, хто ли. Он грамотный. <...>

Но и вот, этот Михаил Ульяныч:

— Но, Алексей Романыч, поедем к моим шурыякам в Шеметову!

В праздник какой-то. Ну, поехали, летом. Едут. У него легонька така... возочек. Там погостили, обратнo едут. Теперь, плошкот переехали, по деревне-то к Ланскому подъезжают.

А у него были собаки вот эки! Дак вот одна-то выскакиват и всегда вперед забежит и коня-то за нос имат! Он:

— Паря, Алексей Романыч, как ехать тут мимо Африкана Иваныча, то обязательно собака вот эта вылетат! Надо его как-то все-таки предупредить. Она может губы оторвать коню.

— Но, Михаил Ульяныч, — мой-то отец (тоже, видно, чё-то знал), — ничё не будет! Ты зря грешишь. Она ить счас выскочит, ну, раз-два, может, взлает и даже не подскочит к коню!

— Да не может быть!

— А вот посмотри.

Но, начали подъезжать — телега вот так стучит — она, гыт, как выскочит из-под ворот-то... Два раза взлаяла и все, встала как вкопана.

Он, этот Михаил Ульяныч, говорит:

— Алексей Романыч, ты чё знашь?

— Да ничё не знаю.

— Дак ить я те-то раза ездил, она ить просто коня за нос хватат.

— Ничё, — гыт, — не знаю.

Но, видно, он тоже чё-то, отец-то, знал. Вот ить како дело!

И все, никаких!

359. А Илюха-то тоже. Он, может, у отца и научился-то. <...> Да вот брат, в Башкирии-то сейчас.

Значит, мы праздник какой-то гуляли. И Кеха Ярославцев. <...> Он со шпенка посадил собаку, цепник, черный, здоровый! Но, если в ограду заходишь, он все сознание перебиват! Цепь здорова! Ой-ё-ёй... Ажно гремит, езли кто заходит.

Он нам в праздник:

— Вы приходите!

И Илюха-то приехал с Холбону к нам. И мы пошли к им. Я говорю:

— Пойдем, Кеха звал. — Он председателем артели работал.

Но пришли. Оне тут наладили — немножко выпили. Чё разговор зашел? Кеха:

— Но-о, у меня цепник, паря, ужасный! Нихто не подойдет. Счас, езли пойду опушшу, и он не выпустит из избы!

А мой-то брат, Илюха-то, говорит:

— Да-а, какой у тебя цепник! Чё он?

— Но-о нет, ой-ё-ёй цепник — ужасный!

А он гыт:

— Я счас пойду, и он не взлает — будет ластиться ко мне.

— Да не может быть! Давай заспорим: если ты счас к моёму цепнику пойдёшь, если тебя не разорвет, я литру ставлю.

Он говорит:

— Давай.

Но, из-за стола выходим. А я как раз тут был. Я и не знал, что брат-то это

делат, чё тут будет. Выходим из избы.<...> На крыльцо-то вышли — он сразу на задни ноги и рвет, ой-ё-ёй!!

Он, брат-то, пошел. Ничё, дескать, сейчас. Идет к ему! Он перво на дыбах, а потом он спросил, как звать, кликнул его — все, сразу и лаять не стал и заластился. Он к ему подошел и начал гладить. И мы стоим.

Но я его спрашивал, он так и не сказал. И Кеха-то удивился. Но, побежал, литру притащил, поставил.

Но как так?

360. А вот такой случай еще был. На фронте я был. Мы делали переход. Но строя такого нет, а шли по четыре, по три человека, по пять. Друг за другом. Ну, идем. В одном месте остановились па привал. Мы со старшиной сели под кустик — и змея ползет. Я говорю:

— Я вот боюсь змей. Я как увижу, так боюсь тут. Если змея есть, дак я никогда не сяду.

А он гыт:

— Но, это ерунда. Я их соберу в одно место. Скомандую имя́ — оне соберутся на возвышенность, соберутся, увьются. Скомандую — разойдутся. И никого не тронут.

Я говорю:

— Я чё-то верю этому и не верю. — А он:

— Но, я тебе докажу.

И тут едут на лошади лейтенант и медсестра. Он гыт:

— До того кустика доедут и не поедут никуда дальше.

И они, правда, метров пятьдесят-шестьдесят проехали — лошади встали и не идут вперед. Они их и бить, и так!.. — Оне не идут. Мы дошли до них он гыт:

— Ну, пусть едут.

Потом опять проехали маленько и встали. А солдаты смеются:

— Ну, не умеют ездить на лошади.

Он гыт:

— Ну ладно, пусть их, — махнул рукой, они поехали.

Он тоже моложе был... Я говорю:

— Научи. — Он:

— Нельзя.

Я вот не верю ничему этому, а в жизни вот приходится.

361. Я маленький был. Пошли с отцом коров колхозных пасти. А поля-то все вспаханы. Мы ведь не то что сейчас, ведь все пешком пасем, бегаем. Он — до поту, я — до поту.

Вот идем, а встречу идет пацан лет тринадцати. Нищий сам, сумка тряпочная через плечо. Говорит:

— Я у вас буду жить, коров пасти?

Мы с отцом накормили его. Ну, а в ночь коров выгнали. А пацан-то и говорит:

— Вы ложитесь, а я сам буду пасти.

Отец того же разу захрапел. А я маленько погода смотрю: а пацан-то рядом лежит. Он коров-то обошел — они как ходили, так и ходят на одном месте.

А назавтре пошли купаться. Я-то купаюсь, а Витька никак не раздеется. Оказывается, — я потом-то увидал — у него хвостик, как у черта.

А однажды идем, а встречу девки. Он что-то сделал, нашептал, им и начало казаться, что на них вода идет.

Вот такой пацан был. Он, наверно, гипнозом обладал.

362. Сват к нам приехал — мне тогда шестнадцать лет было — и рассказывал.

Отец меня оженил. Живу год, два, два с половиной... Двое детей. А хозяйство-то не прибавляется, как отец меня наделом наделил, так и все. Отец все говорил:

— Ой, Кешка, все-то ты подняться не можешь.

Отец прослышал, что шаман есть. Буряты — не буряты, а тунгусы. Ну, чё делать?! Давай ехать. Отец сала, муки положил: шаман этим делом жил. А мне много-то жалко. Оставил немного. Пошаманить-то и этого хватит. Ага!

Собрался, поехал. Весь день проехал. Старуха встречат:

— Ну, что, добрый молодец?

— Да деда вашего надо. — Встретил дед. Он знал уже.

Лошадь распрягли, устроились. Спрашивает!

— Ну, с каким делом?

— Подняться никак не могу. Семья-то прибавляется, а скотинка нет.

— Ну ладно, — говорит, — ложись спать.

Слышу утром: старуха дверь ему открывает, а он спать ложится.

— Не беспокойся. Коровка у тебя растелилась, ребеночек не хворает. Вот приедешь домой и на утренней заре, часа в четыре, из этой бутылочки наотмашь плесни во все углы. По восходу солнца в этом углу копай. Злой человек, мужчина, тебе подкову закопал. Найдешь — выкопай и за огородом вырой яму и закопай подкову. И полей ее остатком из бутылки.

Вот с этого времени он и зажил богато.

Жена потом ему по приезду и рассказывает. Дома она была. Слышит: в трубе печки — пур-пур! — вроде кто-то летает в ней. Вдруг заслонка упала. Она подошла и поставила на место. А сама думает: наверно, плохо поставила ее. Потом опять: пур! Смотрю, говорит, кто-то: чик-чик — как воробей чирикает. Посмотрела — дети спят. Поставила заслонку. Думаю, не буду круто ставить.

Так, я думаю, шаман воробьем-то и сделался. Слетал за ночь к нему в дом и в заслонку-то и бился, ронял ее. Он вроде летал и воду ему наворожил.

363. Один бурят превращался в сороку, знал, кто о чем думат. Лечил он. Отцу и рассказывал один. Как болел он, ему и посоветовали: езжай к буряту. Поехал, а по дороге все думал: может, неправда это все, обманывают он. Приезжат. Выходит он из юрты:

— О-о, ко мне приехал. Ехал, всё ругал, что я не вылечу.

— Да ничё не ругал.

— Ругал, паря, я знаю ить все.

Ну ладно. Поладил он на воду, вылечил.

Вот как он узнал? Гыт, когда ехал, все сорока летала. Может, он. Подслушал мысли, как ли?!

364. Мужики ходили раньше белковали. А там жили орочоны в палатках. Один мужик сидит и говорит:

— У меня жена в положении. Сена домой не привез корове. — Переживает: как там, что.

А орочон говорит:

— Я сейчас, друга, узнаю. Слетаю, узнаю.

Ну, интересно: как слетаешь, узнаешь? А он угли хватает, хватает будто бы ртом, завертелся, упал мертвым: орочон улетел в духа.

Потом, сколько летал, прилетел. Говорит:

— Все нормально. В избу не попал, закрыто. Девочка у окошка стоит, жена твоя в кутё, теленочек в избе, корова отелилась. А во дворе лошадь стоит, сенцо у нее, все. А ниже деревни речка, дом там стоит, свет был, мужик сидит, трубку курит.

365. Один сын был у отца, у матери. Парень-то жанивси. Ну, и там сколько-то годов прожили — свекор помер. Не болел, не горел, сразу схватило — помер. А народ разговариват: это молодая, де, умертвила! ...Это еще мама моя рассказывала (меня, може, и на свете не было, а може, только родилась).

Его, говорит, молодая умертвила. Ну, ладно. Сколько-то лет прошло — свекровья померла. Тоже не болела, ничего. Тоже говорят: это молодая умертвила!

Чё тако? Никакого замечанья за молодой нету, как это человека умертвить?!

А потом вот когда раскулаченье пошло, раскулачивать-то их раскулачили, этих людей-то. У них уже дети больши, какие там замужем, какие женились. Уж они остались со стариком двое. А потом выгнали их из дома. Там жила рядом вдова, женщина. Они к ей на квартиру попросились. Попросились на квартиру, она, эта женщина [жена. — *Соб.*], как вечер — уходит и до двенадцати часов ночи ходит. Черт ее зная, где она ходе, никто не зная. Тут стали, значит: «Правильно, она чё-то знала». Вот как двенадцать часов, она приходе.

— Что ж вы спите-то? Вы посмотрите, что в деревне делается: собаки-то брешут, петухи поют! (чё-то она еще третье говорила).

Я, говорит, лежу да говорю (это вдова эта):

— Ты бы, твой мать-то, спала, не таскалася бы! — А они ей спать не дают! И она уйдет с вечера, до двенадцати часов ходит. И вот стали люди: значит, она «знает».

А потом уж под старость сама начала рассказывать. Был дедушка у них какой-то, колдун. И вот он, когда помирал — шибко долго помирал, не мог помереть. Как вот кто в избу зайде летом, как кто заходит, он:

— Натe! Подойдите ко мне! Натe! — Но уж все знают, чё он колдун, там сыновья да невестки. Никто к нему не подходит, ухаживать. А я, гыт, была девчонка, може, лет там девять мне было, я забежала хлеба кусочек взять, а он:

— Хвения, подойди ко мне! На! — Я, говорит, подошла, он меня за руку взял — я все знать стала!

А ему легче помереть. Вот я, говорит, была еще маленька, мне дедушка передал. Но, грит, ничего не соображала. <...> А я подошла к нему, думала, чё он давал, а он за руку мене взял, мне все передал — я все стала знать. А ему легче помереть. Он помер.

366. Этот Кирик Захарыч, который в дру́жках-то все ходил, шибтя тяжело умирал. Не может никак умереть!

Потом позвал, попросил:

— Мишка, сбрось охлопень! Мишка, сбрось охлопень!

Вот померет — опеть ожил. Померет — опеть ожил!

Потом:

— Мишка, иди сбрось охлопень в улицу!

Мишка пошел, охлопень сбросил — он помер. <...>

Это вот я слыхал, как Кирик-то помереть не мог. Он давненько умер, где-то ишо при колхозе в Ушумуне. <...> Его боялись сильно. <...> Уже старик был, седой, тоже лысый.

367. Я тебе расскажу про дядю про своего.

По ягоду ходили. Нас три девчонки. А девчонки, знашь, спарятся, что парнишки, что девчонки: барахтанье да хохот. Но, мы набрали этой земляницы много. Туча подыматся, ветер. Но, туча прошла мимо. Ветрища! А одна и ревет:

— Папа!

— Чё? Вас унесет? Но ладно, не унесет. Идите сюда.

Вот мы подошли, кучкой стали, глядим. А он:

— Но, идите, ветра не будет у вас на дорожке.

А мы катамся [от смеха. — В. З.]: ишь, ветер угнал куда-то. Но, пошагали, шагам. Хоть бы шелохнуло на дороге. По краям ветер воет, вихрит, а нас хоть бы шелохнуло!

Вот тут уж я подумала: «Кака-то молитвочка, видать, хороша».

А мы — хохотать. Домой-то пришли, он и давай нас ругать:

— Меня обсмеяли, всего обхохотали. — Ой, беда!

Вот это все правильно. Вот это есть какие-то молитвы.

368. У нас вот был Малыгин, ему уж было под семьдесят лет. И он пахал. И пахал, и все... А у нас стан был рядом. А это на покосе было. Подыматся туча страшенна. Ой, туча страшенна! И он приехал. Коней своих привязал и наклал на их потники — ране седлались. А у нас конь привязанный: копны возили. Он говорит:

— Ванюшка, положи на коня потник.

А наши: гы-гы-гы да го-го-го! Это все же молодежь.

А наш-то конь не спотелый стоял. Но, отец:

— Ты, — говорит, — иди, Максимка, положи, чё он говорит.

Токо закрыли — ой, поднялось, ой-ё-ёй! Так вот такой он, батюшка, град был, не круглый, а вот такой. Страшенный! Это ведь как он знал, старик-то, что туча поднимется нехорошая?! Но, и сказал:

— Смотрите, чтоб ни гугу, не разговаривать и не хохотать.

И вот Василий-то Петрович был тут и Федот Петрович... Что ни молодые, то...

— Все. Ни гугу.

Собрались. Туча прошла. Он начинат сено класть, собираются ехать пахать.

— Пахать поеду.

— Однако намочило, шибко намочило. Вон какой град.

— А на моей пашенке не было.

Друг на дружку поглядели: это же смех! Туча вон кака шла, а «на моей пашенке не было». Потом дядя Никита:

— Я схожу к нему. — И скрылся.

А он сидит обедат. Коня пускают кормить.

А тот сходил:

— Ну, ни грамма. Хоть бы вот чуточка была!

Как-то он ее мог отвести. Туча-то кака была! Страшенна! <...>

Вот чё-то было тоже.

369. У нас был старик. Он Лоншаков. У нас в огороде... (вот тут я тоже поверила)... все поедало. Червяк. И подсолнухи, и все на свете. Ну, одна тетка научила. Говорит:

— Сходи... Только Кукой не называй.

Я пришла, говорю:

— Огород-то тут... все съели. Едят, мол. Только посадишь — и едят, и едят, и едят.

Он говорит:

— Я завтра поеду в город и зайду к вам.

А он в деревне Бянкино. А тогда ведь деревня больша была. Я его, как Бога, ждала. Гляжу: идет, с палкой. Страшной.

— Ну, — говорит, — давай уходи. — На меня.

Я ушла, он круг дома, огорода обошел вот так, палку воткнул, зашел в избу.

— Все, — говорит, — не будут исть.

Правда, потом не ели. Да это что тако, что за слова?! Ни одного семечка не раскусили, и все росло.

Вот это я поверила тоже.

370. ... Там за Хребтом больше вот этих чудес творилось, чем у нас. Там то ли люди таки, то ли чё?! И вот с запада приезжали в тридцать пятом году, вербованные-то. Разговоришься — рассказывают. <...> Это Глаша рассказывала.

Дедушка у ей, когда армию служил (царско еще было время-то, он у нас здесь

на востоке служил), и с армии домой не вернулся на запад. Здесь женился, дети пошли, потом внуки, состарился, так здесь и умер. (Они жили в Мирсаново.)

И вот, говорит, я уж больша была — он получал оттуда письма, от родственников, — говорю:

— Дедка, пошто ты никогда не съездишь погостить на родину?

— А ну, внученька, делать нечего.

А вот уж правда или неправда?.. Друг будто бы дедушкин любил, значит, девчонку, а родителям она была не нужна. Родители сватали из другого дома за его невесту: те богаты были. Но у ей были какие-то недостатки, как вроде уродлива была та девчонка. А он хороший парень, но он бедный был. А вот потому и хотели родители разбогатеть, что больше приданого будет. Он все же никак не согласился, не согласился на ей жениться, мол, не нужно мне ваше приданое и все такое. И ушел из дому. Ушел из дому в работники. Договорился с девчонкой-то: мол, буду работать, где-нибудь все равно заработаю и тебя потом возьму. И его превратили в волка, вот эти богаты-то. И вот он ходил: летом в лесу живет, а зимой, гыт, приходил на завалинку. Ляжет и лежит. Ну, волк и волк, обыкновенный волк! И вот мать его кормила зимой. Она знала! И вот на сколько лет его заэтовали, он столько лет проходил волком, а потом стал человеком. (Это вот как сказка-то «Аленький-то цветочек-то» есть, точно. Но это правда было. Вот если Глаша врет, то и я вру.)

И дедушка-то поэтому туда и не вернулся. Говорит:

— Нет. А меня така же судьба ждала, как моего дружка. А теперь куда я поеду? Я уж старик, все у меня здесь: и дети, и внуки. Здесь умирать буду, здесь как вроде втора родина. А когда в молодости был, я туда боялся глаз показать: меня, гыт, ждала его судьба...

371. Я шла с Кунгары. Болит и болит, болит и болит. Как болит! <...> Пришла. У нас Елисей Данилыч жил (он тоже уже покойный <...>). Он потом мне дак на масло опеть, на скотско, наладил. Мама сбегала с пузыречком маленьким — ково-то поладил, пошептал. Она пришла, мне помазала, поела, — и на тебе — все перестало, и болеть не стало. <...>

Она сейчас, эта баба-то, которая надела, где-то в Чите живет.

Вот ить кака беда!

372. Братище коней поил. И одна девка (девкой была) взяла коня ведром ударила:

— Ой, вас, волков, не передождешь.

Но и теперь, братище коней гонит, а я им сено кидать начал. Сено-то даю, смотрю, а у коня пuzдря чуть не по земле тащится. А глаз нет — все вот так стекло, что страшно глядеть. Я в избу. Своего родителя я тятей звал:

— Тятя, Калюнка едва пришел. Пуздря чуть не по земле чертит — все потолстело. И глаза совсем закрылись, вся морда опухла.

Вот говорил вчера — в землю-то закапывался — он к нему. А с етим хомутом лошадь живет только сутки. Понял?

Он поладил, пошел <...> попрыскал. Теперь, пришли почасовали. Потом пошел второй раз. А они братанья были.

— Вот, братуха, с этим хомутом только, значит, существует лошадь сутки, а человек и суток не живет!

Но, а потом третий раз поладил — у коня вроде как ничего и не было.

Вишь, как получатся!

373. ...У коровы молоко отберут — кровь летит и все! Это у меня было. Отобрали молоко — кровь идет. Тоже пошли к Гробову. Он пришел, ково-то поладил, попоил — и все.

Вот как-то же какие-то же слова действуют! Но их, этих хомутников, подобрал Бог всех. Теперь нету.

Вот это бывало все: то на коне, то на человеке, то на скотине... А теперь все ж таки бывает ишо, но редким-редким случаем.

374. [— У коров молоко отымают? — *Соб.*]

— Отымают. Бывали таки случаи. Бывали. У нас у коровы было.

Теперь, корову стала доить (корова была с Кунгары привезёна) — сукровица! Вечером стала доить — ой! кровь!

— Чё-то над коровой сделали!

Я к фершалам:

— Ой, остудила... Марганцовки...

Шкалик выпоила. Назавтра:

— Но чё?

— Пропадет корова. Потому что никово...

На третий день она легла. Вот я рассказывал — который закапывался — говорю:

— Иди-ка зови его.

Она идет. Он по-матерски ругался сильно:

— О-о, четырнадцать раз-раз! Вы дотянули с коровой-то! У нее молоко отобрано! — А доишь — чиста кровь!

Поладил, пошел почертил.

— Попоить надо.

Теперь, почасовали (это заведение всегда здесь — почасовали):

— Но, пойдёте еще разок поладим. Я вечеря пойду за коням, я, — гыт, — зайду.

Пришел, поладил. Вечером стала корову доить — молоко нормально.

Ить были какие-то слова!

375. ...А то в Калиновке старичок есть. Вот корова, которая убегает от стада, он ее хлопнет — она никуда больше не денется.

...Мы жили тогда в Пешковой. Я купила в Савватеево корову. Вот она туды и туды!.. Убегат. Как-то идет старичок:

— Ты чё?

— Так и так.

— А ты выломи палочку, смерть от репицы хвост. Руки, ноги вымой и ей выпой.

...Наутро коровы нет снова. Я — к ворожее. Она:

— Не бойся, она у трэфного короля.

Точно. Пригнала я корову из Савватеевой, сделала, как старичок сказал. Выпоила ей воду — и с тех пор она никуда не бегала.

Вот так он научил меня, и все вышло.

376. Зять у меня, он как-то все умел, покойный давно уж. Он все умел... Вот у коров молоко отнимали — он тоже все ходил лечил. Он с работы приходит, к нему бегут:

— Но, деда Макар, пойдем! У меня корова совсем не стала доиться.

А там старушка была. Она откуда?.. С Ундина Поселья, оттуда, Балейской район. Она как-то сидит у нас, за ём пришли, а он с работы шел да к нам зашел, сидит. И эта старушка у меня тут сидит... Но ишо давно это... Женщина прибежала:

— Но иди, дядя Макар, корова совсем не стала доиться, молоко отняли. На глазах слезы у коровы, никак не дает молоко, все вымя распухло.

А он и говорит этой старухе (как уж он узнал?..):

— Ты, — говорит, — долго, беззуба сатана, будешь?! — матами большими давай ее.

Она:

— Ха-ха-ха, ха-ха-ха! — Сидит.

Но я бы вот пришла, вы меня начали материть, я бы чё же стала смеяться-то? Он всякими матами ее обзывает, ругат — она смеется!

— Ой, ты какой шутник!

Он гыт:

— Уйди лучше, беззуба, отцеда. (А у ей только один зуб торчал.) Я счас с тобой сделаю!..

Он, правда, сердитый был. Контуженный на той войне. Потом его садили в тридцать седьмом году, он пять лет отбыл, потом уж его освободили, взяли на работу в войну. Но, у его нервы все перепорчены — разошелся на старуху. Она убежала и сроду не сердилась, никоно. Опять придет к им. Но она его боялась, без его придет к нам, к им, посидит, а при ём уходила. Он ругался:

— Я тебя прикончу, чтоб меня не мучили люди. Я прихожу с работы, меня мучат, зовут, я не могу отказаться: люди плачут, что ить молока нет.

Она, видимо, отнимала. Он вот ее же ругал, больше ни на кого не грешил.

— Ишо если сюды приедешь, <...> ишо тут приедь, покажись у нас!..

Но она приезжать-то, правда, приезжала.

Ишо там мужчина был такой, вроде партизан. Да чуть ли не партийный он был, я точно не знаю. Вот у его две коровы было, тоже молока не стало у обоих коров. Тоже он его водил, все он ему там отлечивал. Отлечил — и стало молоко. Чё уж он там делал? Видно, на воду ладил да чертил...

377. У меня один раз тоже было. <...> У нас была хороша корова, она двадцать четыре литра давала молока. Вот отелилась — хорошо, молока много стало, телят поили помногу.

Потом вдруг у ей молока не стало, она задумалась, ест плохо. Я скорей ветеринаров (над нами два ветеринара жило военных), я пошла, попросила их, они пришли, посмотрели, какое-то лекарство мне наладили. Всяко я ее поила — ничё не помогает. Неделя, наверно, прошла — телят нечем поить, давай покупать для телят молоко.

Теперь, я пошла на станцию. Ага, <...> думаю, там старуха есть знакомая, поговорю, может, кто умет лечить. Зашла там к знакомым:

— Вот так и так у меня с коровой.

Мне говорят:

— Ты к Мише Медведеву иди. (Он пожилой такой мужчина был. А она как раз мне знакомка была, она чоронка была, жена-то у него.)

Ну, я пришла, говорю:

— Где у вас Михаил?

— Вот там за домом строит ково-то, плотничат. А чё?

— Да вот так с коровой.

Она говорит:

— Он чё-то помогает людям-то. Но я ему <...> чай сварила (как обычный, забайкальской). Ну, сиди. Сейчас я его позову чай пить, поговоришь с ём.

Он потом зашел, поговорила я с ём, просить его стала:

— Пожалуйста, если можете, чё-нибудь сделайте.

Он говорит:

— Ну, я сделаю. Только никому не говори. А то ты будешь лечить корову, а кто ее портил, тот будет портить... Никому, — гыт, — не говори. Даже звуку не подавай, что ты ее лечишь. А как лечить? Соль надо, — говорит. — Взял, в мешочек соли насыпал. Чё уж он там нашептал? Говорит:

— Домой придешь утром ра-ано, ишо пока все спят, беги, через сито ее испугай, чтоб она соскочила, пока спит.

Но, как говорили, я так сделала. Через сито давай ее брызгать. <...> Она поднялась. Он говорил: «Если ей в пользу пойдет, она затрясется, встанет, будет так трястись». Но, я это все сделала ей, сколько было, истратила... Молоко стало прибывать, прибывать помаленьки.

Он говорил:

— Будет хорошо — ишо раз придешь.

Я потом ишо раз пришла туда к нему, он мне сделал — хорошо ей стало. Я ему стала платить, говорю:

— Вот вам деньги.

А он:

— Ишо чё придумала! Я ни с кого не беру деньги. Чё ты придумала?

Я потом пошла, купила пол-литру вина. Третий раз уж я пришла — у них как раз свинью зарезали, жареха. Но, я поставила имя, говорю:

— Вот я как раз на жареху со своим пришла. — Смеюсь...

Он ничё, довольный такой стал. А деньги он не взял нисколь.

Он говорит:

— Я ни с кого не беру деньги. Что это я буду деньги брать? Я же не вожусь с ими, ничё не делаю. Зачем я деньги буду брать с вас?

Вот так направились корова-то. Така хороша корова, <...> четырнадцать раз отелилась она у нас.

Чё-то же помогло? Вот думаешь, верить — не верить, когда вот это было у самих...

378. У нас в Урейской жил Петруня Иванович Вершинин. Тоже говорили, будто он знал разное... Что он и хлеб заламывал.

Раз у Михаила Максимовича Утюжникова заломил. А у того пшеница добра была. Он пришел на поле, видит: стебли в пучок связаны, этим же стеблем и завязаны. И засохли на корню. Что делать? Надо за Петруней отправлять. Поехали, его привезли. Он посмотрел, подумал:

— Да-а. На скота! Надо ладить.

Вот чё-то пошептал, с молитвами какими-то выдернул эти стебельки.

— Теперь жните, никакого вреда вашему скоту не будет.

...И ничего и не было.

379. Ненавижу я хомутников этих. Сама всю жизнь честно прожила, и дети мои так же живут.

Есть тут у нас один, старичок уже, Иван Сергеевич. Так он одну старуху извел. Она надела хомут на его родственницу. Та мучилась, мучилась, пока не изладили. Но, думат, ладно...

И вот заметил он, где ступала ее нога, этой хомутницы, и в этот след воткнул в землю три иголки остриями вверх... — на следующий год она окривела, а потом совсем подохла.

Сам-то Иван Сергеевич потом смеялся, что это он убрал старуху, которая хомуты надевала.

...Я не знаю, правда или нет. Сама не видела, а он так рассказывал.

380. Раньше мы по зимовьям жили. Как-то с одной девчонкой доили коров за двенадцать километров. Вечером приехал за молоком братан отца, ну, и остался у нас. А ночью-то полез к девчонке ночевать. Я топор схватила и на него:

— Я тя счас зарублю-ка!

Ушел он, лег спать. Утром рано я вышла доить. А у коровы теленок маленький был, он сначала пососет, потом тажно я дою. А тут теленок не сосет. Дядя вышел и говорит:

— Он у тебя заболел.

Я ему:

— Но, чирей тебе на язык!

Маленько погода я пошла, он опять не сосет. Потом стонать начал. Я подо-

шла к нему, а у него через брюхо в два пальца рубцы. Сбегала я в амбулаторию, взяла лекарств. Никого ему не помогает. Дедушка Петруня посмотрел теленка да и говорит:

— Это кто-то его испортил. Но ничего, пройдет.

Чё-то ему сделал, я его напоила, и все вскорости прошло.

Тажно мы не знали, что дядя урчитя. Однажды поросята у моей свиньи народились, дядя пошел посмотреть, и вскорости болеть они стали, и все один за другим померли. Пошла я опять к дедушке Петруне. Он мне и говорит:

— Но, это какая-то порча. Дознаюсь я, кто это у вас портит. Потом скажу.

Потом приходит и говорит:

— Это у вас сусед молодой. — Он и не знал, что это отца брат...

381. Учительницей меня направили, и работала я в Догобчане заведующей школой. В деревне нашей колдун жил. Все его боялись. Отец наш был отчаянный, и говорит:

— На меня он ничего не напустит. — <...> И пошел к колдуну, пришел туда и говорит:

— Знаете, на вас вся деревня обижается. Сделай мне красноту.

А колдун и отказался. Отец его избил, а потом по деревне гонял, на кладбище. Там могилки кирпичом выложены <...> Колдун ночь там переночевал, а утром пришел. И больше никому ни плохого, ни хорошего не делал.

382. У меня девочка была <...> маленькая. Одна женщина тут рядом жила, я пойду на работу — она у меня водилася с ней. Прихожу к ней один раз за девочкой-то из школы, работу закончила, она говорит:

— Роза Васильевна, вы знаете что? Посмотрите-ка, что у меня коровы дали.

Поднесла ко мне котелок-то, я смотрю, а там просто брызги крови, а молока нет. Это мне в первый раз в жизни встретилось... Она мне и говорит:

— Иди тогда ты. Девочка у меня пусть посидит пока. Вот там возле магазина живет один дедушка, фамилия его Трухин.

Я его сама знала, все. Значит, я в магазин сходила, обратно иду. А возле горочки так стояла у их небольшая избушка. Я захожу к ним.

Только зашла, <...> поздоровалась, он говорит:

— За мной пришла, Роза Васильевна.

— А вы как, дедушка, знаете?

— О, Васильевна, я в армии по спору офицеров по-собачьи лаять заставлял.

Ну, что я могла сказать?!

— Дедушка, вас Маруся Супрунова зовет зачем-то. Обязательно. Сейчас же.

— Ну, ладно, иди, девка. Я приду.

Я прихожу, значит, туда к ней. Ну, ожидаем этого деда. Приходит дед этот:

— Здравствуйте.

— Здравствуйте.

— Ну, что, Мария?

— Дак вот у меня, дед, кто-то корову испортил. Посмотрите-ка, что коровы дали. — Две коровы у ей было.

Он походил, походил, у печки чего-то.

— Да, дак испортили, девка, твоих коров. Давай-ка, мне неси-ка мне масличко да еще что-то, — что-то там пошептал у печки. — Иди, девка, помажь это все, и назавтра будет у тебя молоко. — У этой Маруси Супруновой бражечка стояла, она, конечно, наготовила (жила хорошо она). Сразу этому дедушке тут подала, он тут разболтался и нам говорит:

— Хотите узнать, кто корову испортил вашу?

— Она:

— Ну как же! Мне же, дед, интересно.

— Он говорит:

— Но ладно. В шесть часов этот человек придет. Ровно в шесть. Просить будет железное у вас. Если вы дадите железное, значит, мое лечение не поможет. Вот не давайте.

Я, значит, заинтересовалась, в этот день я домой не пошла, осталась до шести часов. Интересно, правда это, или нет. Деда она поблагодарила: «Еще рассчитаюсь с тобой...» Он ушел. Вот мы сидим. Шесть часов. <...>

И вот заходит ее соседочка, ближняя совсем, рядом они живут. Заходит:

— Здравствуйте.

— Здравствуйте. (Маруська же звать ее, Кононенко фамилия.) Проходите, пожалуйста, закурим, Маруська.

(А была, уже начиналась, весна, еще кое-где снег лежал). Она и говорит:

— Ты мне, Маруся, дай лопатку.

Она гыт:

— А тебе зачем лопатка-то? — Мы сразу догадались, что это она. Ровно в шесть часов пришла именно. Она на нее как закричала:

— Ах ты, колдовка ты такая! — Табуретку схватила — она выскочила в дверь-то. Ну, и еще там поругала ее, выскочила.

А эта соседушка — просто рядом они жили — бедненько так жила она...

383–412. Покойник

383. Было это в селе Нижний Нарым Красночикойского района Читинской области. Дед рассказывал.

Я еще холостой был. У нас много переселенцев приехало, и был там Крауз один, где-то раздобыл золотишко и поселился недалеко от нас, женился на дочери богатого человека. Ему толкуют, чтоб он дочь-то не брал, — у нее мать была колдовка. А он говорит:

— Я этому не верю.

Открыл лавочку и заделался купцом. Товары завозил с Петровск-Забайкальского. У них родились две дочери, Надя и Арина. Арина была постарше. Обе были помешаны, но Арина меньше Нади. У семейских были приметы таки,

что она, мать ихня, много знала от своей матери: заломы делала, хомуты надевала, а передать-то, потому как дочери — дуры, не могла, когда помирать стала.

...В одно прекрасно время приходит мой дед вечером домой и говорит:

— У Краузов филин на крыше сидит (это плоха примета) и собаки лают.

Это было в одиннадцать часов вечера. Я вышел и стрелил — и филин потерялся. А утром приходит старуха и просит сказать, кака така птица лежит у нее на крыльце. Просит, чтоб, значит, определили ее. Посмотрели — филин. А дед сказал, что это я его убил. Ладно. Месяца два или три прошло. Матрена (так звали Краузиху) начала помирать. День помират, другой — не может. Она же дочерям ничего не передала. Один старик говорит:

— Вы залезьте на чердак и поверните верхнюю перекладину-князек.

Ну, и верно! Как только сделали, что старик сказал, она и умерла. Ее похоронили, а дочери-то совсем одни остались. Куда их? Комиссию собрали, опломбировали амбары (отец тоже уже умер давно) и стали давать девкам продукты на житье. Ставни у них день и ночь не открывались. А дочки-то день спят, а ночью у них огонь горит. Ну, внимания на них не обращают — дуры да дуры. А один у Арины-то спросил про это. Она и сказала:

— К нам мамчина ходит.

Он не поверил и попросился к ним в гости. Спросил у Арины, что делат их «мамчина», когда приходит. Арина говорит:

— Мы самовар поставим, она нас чешет [причесывает. — В. 3.].

Он для смелости взял нож, выпил для храбрости и решил проверить.

Пришел, у них уже лампа зажжена, самовар наливают. Разговаривают сидят, он и спрашивает:

— Долго она у вас сидит?

А они говорят:

— До первых петухов.

Вот вскипел самовар, они говорят:

— Скоро уж мамчина придет.

Арина дверь открыла. Посидели еще немножко. Вдруг зашаркало в сенях! Дверь открыл шире и... никого нету. Яков спросил:

— Почему?

— Она боится тебя, — Арина говорит.

Яков взял лампу и пошел ее звать вместе с Ариной. Лампой все осветили — никого нету. Потом зашли, сели. ...Опять все как первый раз! Третий раз то же самое! Закашлял кто-то по-старушечьи... — нет, опять никого нету!

— Это она тебя испугалась, — говорит Арина.

Прошло часа четыре, хмель вышел, страх нашел на Якова. Просит Арину, чтоб проводила. Она его проводила. Пришел домой, отец его наругал, что так долго ходил. ...И вот остается тайной, почему у этих дур в ту ночь пожар приключился?! Один на санях ехал, смотрит: стекло в форточке лопнуло, и пламя вылетело. Когда тушить стали, стекло выбили — и пламя всё вихрем в окно вылетело! Девки-то обе сгорели. Одну в подполье нашли, другую — за печкой.

Яков никому не рассказывал, а мимо дома боялся ходить: там кто-то ночам ходил и плакал. Потом взяли Матрене осиновый кол посередине могилы забили, и всё успокоилось: перестала ходить.

384. Я ведь ревела по мужику-то. Ой, ревела! Шибко. Дак <...> спим, слышу: по вышке ходят... Ходит человек! А Зойка годовушка осталась. Я маму бужу:

— Мама, у нас по вышке кто-то ходит!

А она уж замечала за мной.

— Я тебе вот дам сейчас! Я встану, — на печке спала, — да такую вышку задам! Кто полезет? Кто пойдет? Все закрыто, заперто!

А свинью мы большую закололи.

— Мама, наверно, мясо пришли воровать в кладовку!

И не даю маме покою. Ну, мама встала, фонарь засветили, полезла на вышку. Если бы я сама-то полезла, то он бы мне привиделся там, муж-то. А мама меня не пустила:

— Я сама полезу.

Взяла фонарь. Слазила. Глядит:

— Никого нету!

— Ой, мама, может, за трубой сидит человек-то!

Она туда полезла, за трубу пошла — нету никого.

— Спать будем!

На вторую ночь слышу, в сенях как обдирают лыко. Лутушку-то обдерут и бросят. Слыхать! Как обдерут и бросят.

— Мама, у нас в сенях кто-то есть!

Она опять меня начала ругать.

385. Муж у меня умер. Так легла я спать уже. Здесь стоит ящик, здесь кровать, здесь в избе курицы (притульня не было). Слышу: колокольчики тук-тук-тук — едут. Гляжу: Коляха мой входит. В синей рубашечке, в сапогах — ну, как ходил. Садится на сундук и заговаривает со мной. Я лежу, дрожу, а он: «Ты замерзла?» — «Нет», — грю. — «Ты боишься?» — «Нет». — «Сена привезли?» — «Привезли». — «Дети спят?» — «Как видишь. Разбудить?» — «Нет, не надо». — Так и разговаривали.

А тут петух закукарекал — он бросился бежать! Только сапоги и застучали. Я вскочила, свет зажгла — нет никого. И дверь, как была, — на крючке.

Дочка Валюшка просыпается:

— Что это вы стучать вздумали? Сапоги какие-то надели, ходите, топаете тут.

— Ничего, — грю, — дочка, спи.

А сама наутро к бабке Солдихе пошла. Рассказала ей все, та и говорит:

— А ты крестики, — грит, — наставь везде.

С тех пор и спокойно было. Не приходил больше.

386. Померла у одного мужика жена. Двое ребят осталось. И вот она ночью придет, берет девчонок, наливает воды и купает. И так каждую ночь. Аж

замыла детей, они такие худенькие стали. Отцу говорят утром, что их мама приходит, а отец говорит:

— Как же я не вижу, как же мне узнать?

Взял золы насыпал по полу, думал, ступни будут. Поднялся утром, дети спят. Ничего нет, а дети говорят;

— А она нас моет, каждый день будит нас и моет.

А ему-то она не показывается. А однажды утром на полу увидел ступни. И не знает, что делать. Начал по людям ходить, спрашивать. Ему говорят:

— Возьми осиновый кол выстругай и над головой забей.

И вот мужик нашел кол, забил, и мать перестала ходить и детей мыть.

387. Умер у нас дед. И вот на сорок дён пришел его друг помянуть. Выпил из стакана маленько, остальное оставил и говорит:

— Это покойнику. Он на сороковой день приходит и смотрит, как тут без его живут.

Ну, ушел этот старик, а мы все спать лягли. Вдруг часа в два ночи слышим: кто-то в сени шибко-шибко стучится. Отец встал, спрашивает:

— Кто? — Никто не отвечает, потом пошел. Шаги слышно — дело было зимой — и ажно снег хрустит. Пошел он к бане, к сараю, весь огород обходил. Долго-долго ходил. Потом опять шаги возле дома, и опять в сени затарабанил. Отец опять выскочил в сени, спрашивает:

— Кто там!

Хотел выйти, мать не пускает.

Утром пошел следы посмотреть — нет ничего. А снега-то ночью не было. Вино в стакане тоже маленько, глотка на два, меньше стало.

Кто знат, может, и покойник приходил?! Говорят: дух сорок дён летат после смерти.

388. Умерла у Анки Епифанцевой мать. Постелили спать на полу, заложили двери, всё. Заходит:

— У-у-у-у, дети-то спят!

Я испугалась, Людку позвала. Она как закричит:

— Мама! — Она как растаяла.

На другой день стали бабушке рассказывать, а она не верит. Пошла с нами спать. А она опять пришла. Бабушка руками развела:

— Ой, Миланья! — А она как растаяла.

Бабушка испугалась и ночью убежала. Стали отцу жаловаться:

— Не будем здесь ночевать.

А он не верит, смеется:

— Неправда все.

Остался спать, а ночью она опять пришла.

На другой день поехали в город, в церкву отпевать. Отпели, и ходить больше не стала.

389. У меня муж помер. Я никак не могла. Чувствую: тянет и тянет меня к нему на могилку... И наповадила я на кладбище ходить. Хоть копать, хоть чё — тянет и тянет! Ночью в одиннадцать часов наповадилась!

Как-то приходит к нам сосед играть в лото, дочь ему и говорит:

— Так и так... Вот мама наповадилась по ночам ходить к отцу!

...Я и в ту ночь пошла. Сажу у могилки. Вдруг слышу: идут! А копать! — ничего не видать! Вроде подходит сосед:

— Вставай-ка.

Я — ни слова, ни речей — встала. Он три раза пряжкой меня ударил. Мне легче стало. И так отвадилась. А то тянет — приду, с ним разговариваю.

А то они ить сами заявляются. Его похоронят. Соберутся ночевать, а он приходит, беспокоит. Это его грехи земля не принимает. Ему тогда в могилу кол осиновый вбивали — он и не приходит.

Видно, осина здорово влияла.

390. Это было в Хабаровске, в роддоме. Рассказывала одна родилка, я там сама в то время лежала. Последняя кормежка детей в двенадцать часов ночи, вот мы и придумывали рассказывать, кто что может, чтоб не спать. Вот одна и рассказывала:

«Нас у матери было трое. Брат старший женился, а мать невестку невзлюбила. Но она скоро умерла. Брат отдельно жил. Вот они садятся кушать — откуда-то с потолка кал конский падат. А меня она, мать, сильно, больше всех, любила. Один раз я сажу вечером. Ночь была светлая, лунная. Смотрю — идет мать во всем том наряде, в котором ее похоронили. Сначала все хозяйство проверила, идет потом прямо к квартире, а я сажу у окна. Вдруг ветер сильный поднялся, открывается окно. Она заходит в избу и говорит:

— Пойдем со мной!

А мне тогда двенадцать лет — тринадцатый было. Я не соглашаюсь. Тогда она берет меня за волосы и тащит на гору. Тащила, тащила... Вдруг петухи запели первы. И она сразу же испарилась куды-то. А мой младший брат, то есть наш средненький-от, комсомольцем был. Он был на собрании. Когда домой пришел, я стала ему рассказывать, а он не верит. На другой вечер собирается идти он, а я реву, не пускаю. А он со злом таким и говорит мне:

— Никто не придет, дурочка, причудилось тебе!

Лежал он на кровати. Как только сказал, одеяло с него — раз! — слетело! Он встал, надел на себя это одеяло и заругался — и тут же вместе с койкой улетел. Потом сел посередине избы и молчит: поверил, ругаться боится. Ну, ему-то на собрание все равно идти надо: он вожаком был. Ушел он.

В этот вечер все было, как и в первый раз... Она опять меня за волосы схватила и говорит:

— Если не пойдешь, утоплю в речке!

Потом опять меня за волосы схватила и к мосту потащила. Стала топить. В это время комсомольское собрание кончилось, комсомольцы с собрания

стали выходить. Я закричала, а комсомольцы брату сказали, что его сестра кричит. Прибежали они к мосту — она сразу же куда-то скрылась.

Потом меня стали ладить старики. А как дело было? Пришел к старшему брату старик незнакомый и стал проситься ночевать. Ему невестка отвечает:

— Место есть, но не покушаешь — беда одна... — и рассказала все потом.

А он говорит:

— Это дело поправимое.

И потом еще говорит:

— У вас была свекровь, и она вас невзлюбила, а теперь пакостит. Возьмите осиновый кол, сходите на кладбище и посередине ее могилы вбейте.

А про меня сказал:

— Пусть возьмет яблоко, идет на перекрестную дорогу до восхода солнца, идти и не оглядываться туда и обратно нужно. Взять с собой ржавый гвоздь и этим гвоздем двенадцать дыр на перекрестке сделать. Потом бросить все это и, не оглядываясь, рысью назад».

...Это все настоящая правда, этой женщине можно верить. Она, когда рассказывала, так прямо плакала.

391. Соседка была за вторым мужем. Один раз поехал он за сеном. Конь споткнулся, телега перевернулась, мужика придавило сильно. Пролежал он недолго, помер.

Жена не могла его никак забыть, все плакала. По ночам он ей снился. Бедная женщина похудела, осунулась. И вот стал он к ней приходить по ночам, уговаривать:

— Домна, собирайся, что ты мучаешься?

Она все не соглашалась. Но вот в одну субботу стопила она баню, полезла за веником на вышку, только хотела снять веник, вдруг почувствовала на себе взгляд. Оглянулась — а муж стоит за трубой. И говорит:

— Долго ли я тебя еще ждать буду?

Нехорошо ей стало. Бросилась она от него, упала с вышки. Чуть живая осталась. Отлежалась, постепенно выздоравливать начала. И опять он ее к себе звать начал. И приходил к ней по ночам и звал ее до тех пор, пока она не согласилась.

Вышла — тройка стоит, такая красивая. Села в нее — и кони понеслись. У нее было такое состояние, что будто летит. Очнулась на кладбище. Смотрит — никого не видно: ни тройки красивой, ни мужа. Пошла женщина домой.

Не смогла больше в себе все держать, рассказала бабам. Те ей посоветовали что-то сделать. Что именно, не знаю, врать не буду. Только после этого перестал муж к ней приходить.

Ну и все!

392. Одна девушка любила одного парня. Хорошо любила. Он умер, она об нем страдала. Вот она все думала и думала об ём, все сидела на лавочке, все думала, мечтала, ждала. Месяц ярко светит на небе, подъезжают к ней на карете и говорят:

— Садись, моя, поедem.

Села она в кошевку. Месяц светит, мертвец едет:

— Ты невеста моя, не боишься меня?

Она отвечает:

— Нет.

Едут дальше, а он опять спрашивает:

— Ты, невеста моя, не боишься меня?

— Нет, — отвечает невеста.

Заезжают по проулку на кладбище к могиле. Вдруг — ничего не стало, вздрогнула и тут же умерла.

Значит, везде искать стали. Приходят на кладбище, а она у могилки мертвая лежит. На Святки это было, месяц светил, карета подъехала, и показалось ей, что это ее сухарник.

393. Дружили парень с девкой. У нее родители были богаты, а у него бедны. Девкины родители не соглашались, чтобы они сошлись.

Вот парень с девкой и договорились, что она за него убегом пойдет.

Девка ишо днем узелок собрала и вынесла на улицу, в поленище спрятала. Вот сидит, дожидается ночи.

Пришла ночь. Эта девка слышит: кони остановились и захрапели. Она шубенку наинула, вышла тихонько на улицу, узелок взяла, за ворота выскочила. Там ее в сани посадил парень — а все темно — и только копыт полетела! Вот кони бегут! Темно, снег пошел. Парень на нее доху накинуд, а сам спрашивает:

— Месяц светит, покойник едет! Ты его не боишься?

Она отвечает:

— Я с тобой ничего не боюсь.

Дальше едут. Он опять спрашивает:

— Месяц светит, покойник едет! Ты его не боишься?

Она:

— Я с тобой ничего не боюсь. — А самой так жутко вроде стало. У нее в узелке библия была. Она узелок растянула, библию вытащила и за пазуху спрятала. Едут дальше. Он снова:

— Месяц светит, покойник едет! Ты его не боишься?

— Я с тобой ничего не боюсь.

Тут кони остановились, и она увидела, что приехали на кладбище. И поняла, что это не жених, а мертвец из могилы ее увез.

Вот он подошел к пустой могиле и стал показывать, как в нее входить надо. А девка не растерялась. Быстро сдернула шубенку, разорвала библию, сунула половинки в рукава и накрыла шубой могилу. Сама побежала. Там часовня была, она заскочила в нее и перекрестила дверь за собой. Досветла дождалась. Потом ушла домой. Родителям все рассказали, они тогда согласились выдать ее за бедного парня. Он же ночью приезжал, а она уже с мертвецом-то уехала.

394. Девка с парнем дружила. А его богатые убили, сказали, что на фронт уехал.

Он к ней в двенадцать часов пришел:

— Ну, Зина, собирайся, поехали.

Она спрашивает:

— А где у тебя конь-то?

Идут на луну-то, а он говорит:

— У тебя тень, а у меня нет.

Она поняла, что это неживой человек. Она его спрашивает:

— Далеко еще идти-то?

Пришли они на кладбище, он ее подводит к могиле и говорит:

— Проходи.

Зина его первого пропустила. А сама начала ему по вещичке отдавать. Когда вещи-то все отдала, начала по бусинке отдавать, а сама-то все рассвета ожидает. Ночь уже спустила, петухи запели. А Зина-то как раз уже ноги в могилу спустила. Петухи-то запели, и земля сомкнулась. Она давай кричать.

Мужики мимо шли, подошли и выкопать не могли. Попа позвали, выкопали. А она и умерла, осталась со своим женихом.

395. Умер у одной женщины муж. Давай к ней по ночам ходить. А раз говорит:

— За тобой пришел, собирай вещи.

Она собралась, поехали на кладбище. К могиле подошли, а он:

— Лезь в могилу.

У нее сердчишко все сжалось, поняла, что плохо это, и говорит:

— Ты лезь сам, у меня вещей много, я тебе подавать буду.

А сама все молится, чтоб петухи скорей пропели. Просыпала бисер, чтоб дольше собирать. А тут и петухи пропели. Смотрит: она стоит у могилы.

Когда домой прибежала, давай у старухи заговорами лечиться. Он к ней на следующий день приехал. Мимо нее на коне проскакал и говорит:

— Счастливая ты!

Вот чё было у нас. Все это правда я рассказываю.

396. У одной женщины был мужик, и он скоро умер. Она долго горевала, как будет жить одна, справляться с хозяйством без него. И стал ходить к ней муж помогать. Она стала потихоньку худеть. Соседка спрашивает:

— Ты чего, девка, думаешь все о муже?

И женщина рассказала ей, что муж все время приходит. И бабушка научила:

— Ты сядь на порог, распусти волосы, сиди чешись, и щелкай семечки.

А он будет спрашивать: что ты ешь? — отвечай: воши.

Так женщина и сделала. Когда она все это сказала, он плюнул и перестал к ней ходить.

397. У нас вот случай был. У одной муж умер. Думала, переживала, боялась, что придет — он и пришел. Никогда не надо бояться. А он приходил

к ней каждую ночь и жил с ней как муж. Конфеты приносил. Она их ест ночью, а останутся — под подушку положит. Утром смотрит, а там вместо конфет орешки бараньи лежат. Рассказала все свекрови, а та и посоветовала:

— А ты сядь на порог, чеши волосы, а семя ешь. Только ногу не поставь в раствор — оторвет.

Так и сделала. Сидит, чешет. А он пришел и спрашивает:

— Что делаешь?

— Вшей грызу, — отвечает.

Он как хлопнет дверью и больше не приходил.

Всегда нужно слушать советы старых людей, ведь, чай, прожили годков-то и опыту у них поболе. Может, верой своей свекровь ее убедила. Кто знает? Всяко бывает.

398. ...Во сне пришла будто к одной покойница-мать и говорит:

— Нам с отцом плохо живется, дай нам что-нибудь для христового дня.

А баба-то помнит, что нельзя покойнику ничего давать, а то унесет с собой кого-нибудь. Она и говорит:

— У меня, мама, нет ничего.

А мама говорит:

— А я все равно возьму.

Подошла к жаровне, выскребла из нее в подол, а потом и говорит:

— Мне нельзя долго быть.

Вышла за дверь — и колокола бить стали.

А потом у нее дочь померла.

399. У нас в Борщовке был старик. И вот он рассказывал. Умерла одна вроде после родов. А у их кладбище, они под кладбищем жили. И вот она летит оттуда — только саван раздувается! Слышат: девчонка сосет. Но и худеть, худеть, худеть девчонка-то стала... Потом он стал говорить старикам-то: так и так... И вот если он кого позовет ночевать — она не прилетат.

А девочка-то умерла.

400. Говорят, что если покойник помрет, старшая голова, то обязательно нужно какую-то скотину заколоть.

А у нас так получилось... Мой папа помер в марте. Думали колоть боровчана, а дядя говорит:

— Но ково его колоть? Ни рыба, ни мясо! — после зимы-то.

Купили мясо в лавке и похоронили отца. Ну, купили, похоронили.

А стары-то люди говорят:

— Почему же вы не закололи этого бычка? Надо бы заколоть, ведь он [отец. — В. З.] у вас голова семьи был.

Я говорю:

— Дак он сухой был.

...И только трава пошла от земли, этот бычок наелся и пропал. Покойник-

то, говорят, не просит, а свое возьмет. И после этого пошло: то подавится скотина, то сдохнет. Нам и сказали:

— Надо масть сменить.

Вот вывели мы эту масть и взяли красненьких, и вот они у нас пошли.

401. ...Хутора же раньше были. Семья богато жила: у них и керосин в бочках стоял, и одежда хорошая была. А жили они на хуторе, а хутор на отшибе стоял. Была у них семья: старики — старик со старухой, у них сын, невестка и двое детей. Одному-то года три было, а второй-то еще в качке лежал, маленький.

Ну ладно. Метель началась, пурга такая, снег, ветер! К ним постучались в окно:

— Хозяин,пусти!

Он запустил их на порог.

— Ты нас проводи сходи. Мы с дороги сбились. Туда-сюда ходим.

Старик говорит:

— Я сейчас им покажу дорогу, а то, правда, люди заблудились.

А это бандиты были, махновцы или кто ли... Они отвели его немножко и — слышно было, что выстрелили — уложили его. Ну, чё же? Одни женщины остались да этот еще, мужик-то молодой. А у них жеребец был, в стойле стоял. Никого не подпускал, кроме хозяев. Они тут керосином все облили, стаскали в кучу всю одежду, старуха-то долго топором отбивалась. Они ее до того избили, что она вся в синяках была, старуха-то, и зарубили этим же топором ее. А молодушка спряталась в ларь, они ее нашли и зарезали. И детей-то тоже: одного застрелили, а маленького в качке-то зарезали.

Они еще хотели коня с собой забрать, а он их не подпустил, копытами отбивался. Мужик-то молодой под лодкой сначала пролежал где-то там возле речушки (нет, чтобы спастись... или уж их так много было?..), а потом — на этого жеребца и ускакал в деревню. А те все керосином облили, стаскали в кучу всю одежду и подожгли. Подмога-то приехала — а все сгорело.

Ну, похоронили их в братской могиле посреди села. И как идешь — могилу никак не обойдешь ни с какой стороны, обязательно мимо пройдешь.

Вот мы с подружкой пошли в кино. Обратном идем уже поздно, где-то, наверно, в двенадцатом часу. <...> Я в ту ночь осталась у нее ночевать. Сидим, а там все уже в комнате спят: мать, сестры. Мы сидим... Я глаза-то подняла: старуха стоит возле окна и вот так руками-то по стеклу водит, как вроде просится в избу. <...> Другая девчонка взглянула — и той тоже так примерещилось: эта старуха стоит, вся избитая и руками по стеклу водит синими. <...>

402. Купили мы избу. А понятия не имели про чудо.

А так не верили, не боялись никого. Пожили мы в том доме с месяц. Днем нас не бывало там. А однажды-то обнаружилось. Слышу: мужик храпит.

А в доме-то старик удушился, старуха удавилась. Два сына осталось, тоже удушились. Одна жена осталась со свекровкой, но и свекровка потом удушилась.

Ну и вот. Ночью однажды тоже разбудилась, слышу: храпит. Дочь Люда проснулась, ей, видно, тоже страшно стало. Потом в другую ночь опять разбудилась, опять: хр-р, хр-р. Свет зажгла — никого нет. Свет погасила, легла — и опять храпит. Диван тут стоял, перекочевала на диван.

Дальше — больше стало. Спишь, как час ночи — то собака лает, воет под кроватью... Один раз разбудилась: лежит мужик среди комнаты толстомордый, серые штаны, рубашка хлопчатобумажная, полосатая. Сам вроде рыжий. А вот на ногах что, не заметила. И говорит он:

— Укочевывай. Мой дом. Вон конь за воротами стоит, вожжей только нет.

Старухи-то говорят, надо нож в порог втыкать или под подушку положить. Да я подумала: пока бегу до порога, ведь задушит. И я его под подушку. И тут нож схватила — и в мужика! Сама боюсь страшно! Но прямо в грудь ему нож вонзила — и к двери. Через него перешагиваю, а он за ногу хватает. Включила свет: нож в половице, посредине лужа воды. Откуда она среди ночи взялась?

Потом старухам-то рассказала, они и говорят, что это, видно, был Николай-плотник, который тоже удушился. Вот покойный и приходил в свою избу. А воду я собрала с полу и на кладбище вынесла. Ну, ково там? — не помогло.

Как вечер, так вроде дурочкой становлюсь, всего боюсь. <...>

Ночевал у меня как-то сосед, но только одну ночь выдержал, хоть и сказал:

— Крыс у тебя до<...>! Прямо по стенам ходят.

Но потом слышала, что он соседям говорил, мол, старуха может с ума сойти и что он сам видел: черная кошка поперек ходит, а вокруг избы двое ходят, воют.

Вот сроду не верила, да вот как бывает: не верится — да приходится.

Потом еще хуже стало: гуси идут, теленок бегаёт, петух куриц по полу кругом гоняет. А потом стучат, вроде строят, колотят. Плотник что ли был? Опять потом, кружат. А после третьего петуха все проходит.

Говорят, вся семья та шибко худо жила. И дед, бабка много знали. И прадед, видно... Оттого и не жилось: стрелялись да давились все...

А я там недолго еще прожила. Забрали меня тайком, чтоб никто не знал. Вот тогда и перекочевала я из Илима в Знаменку.

Вот было. Трафлялось на своем веку.

403. Вот здорово в школе чудилось! В Верхней Куэнге. Что получалось?

Вот, в особенности, сидишь поздно. Уроки выполняешь. А раньше лампы же были, электричества не было. Мы как-то двое остались, а те ушли в столову, ребята-то. А у меня глаза чё-то болели. Ну, теперь что?

Я взглянул в окошко — нога чело́вечья: обыкновенна нога. Вот така больша, во всё окно! Гола! Мы — под покрывало! Я ему говорю:

— Ты видишь чё? — Он говорит;

— Вижу!

Гляжу — опять нога! Одна нога чело́вечья! Гола! По самы вот... Да что за черт возьми!

Тепериче, каптерка тут была рядом, а в ней у нас струнный инструмент: балалайки, гитары — весь полностью комплект.

Ну, взглянул — на тройке белых лошадей в карете по саду-то едут мимо окон. Вдвоем сидят. Наряжены во всем белом. Что за черт?! Раз проехали, два... Тепери, гляжу: заиграли в каптерке-то! Да так затанцевали, выбивают так, дак ой-ё-ёй!

Да что ты за черт возьми?! А по помещенью-то столбы стояли, я бросился — и на столб налетел. Ударился, упал, с ревом соскочил да в столову-то прибежал.

Ребята:

— Чё-чё-чё?

— Да вот так и так... В каптерке кто-то играют на инструментах!

Пошли.

— Вот тут нога ходила у окошек-то, человечья нога, больша нога. И на тройке белых...

Тот парень-то говорит:

— Точно, видели... — Пошли огонь зажгли, лампу, — везде тишина, замок на каптерке. Потом заинтересовались, давай спрашивать сторожа. Он пожилой был, вот в мои года — Шестаков Михаил. Не забыл фамилию-то. Спрашивам его:

— Дядя Миша, вот так и так... У нас чудится тут чё-то!

— Как чудится?

— А вот так и так... Мерещится чё-то. То то, то друго...

— А вы знаете чё, ребята! Вот здесь, — говорит, — где сосна-то стоит в конце школы, у третьего класса, тут, на этой сосне, вешали людей и расстреливали. Это кровь ходит!

Верно, мы потом копали — человека выкапывали, скелет человеческий. ... Вот чё... Кровь ходит!

404. Раньше же вот эти вечёрки были. Молодежь-то, парни с девками дружат... Девки-то вперед бегут, выскочили. А там один такой куролеса был! Он возьмет в узком проулке проволоки натянет. Тут натянет, эту улицу-то перетянет, там перетянет. А отцеда их потом пугнут! Они как побегут — э-э-эй! — <...> все валятся, одна за одной.

Вот глядят: две девки убегают, с которыми они дружили. Вот бегут. А там у нас обычно поскотина проведёна, чтобы скот на поля не заходил, ворота, дорога там идет к кладбищу. Они — в эти ворота и к кладбищу, а те за имя прут:

— Сейчас вас там покойники-то попрут с кладбища!

И вот они забежали туды... И мы уже близко. Глядим: вдруг зарево! Они как там захохочут! Парни повернули да и дай бог ноги обратно! Убежали. Чё же? Надо проверить, дома ли нет девки. Пришли — девки дома, чай пьют.

Вот чё это?..

405. Шла одна баба из Бугачачи к сестре своей, в деревушку. А раньше там развалины церкви были. И всем там чудилась девушка, дочь попа. Она в девках померла. И вот видели ее все в белом платье, коса до самого пола и всегда с кувшином.

И вот баба-то эта по одной стороне идет, оглянулась — батюшки! — а за ней по другой стороне девка эта идет с кувшином. Та баба давай быстрее пошла — и девка быстрее! Баба эта давай бечь к дому сестры-то. Хорошо еще сестра спать не легла, открыла ей быстро.

Ну, баба-то эта долго потом по вечерам одна не ходила.

406. С начала советской власти-то назначались исполнители при сельсоветах. Неделю ты, неделю я бегам, дежури́м. У нас был хулиган один. ...Ванька... Ванька... Ванька... Ванька... — как его, паря?! — забыл даже... Он жил в Калиновке. Председателем сельсовета был Тренев у нас в Ключах. Он, теперича, ко мне приходит, приносит бумажку.

— Вот, поезжай на Калиновский покос и разыщи Ваньку этого. — Вот я поехал. Кружал, кружал по Чингору́ку [падь. — В. З.] на коне — нашел. Вручил ему повестку — на суд, вроде, вызывали. А сам — в Бичиктуй, у нас косили там. Вечер уже. Я помог пометать сено своим-то. Мужики меня отправляют:

— Езжай домой. А то чё потребуется, а тебя нету.

Я заседлал коня и опять домой.

А у нас в Ключах в революцию-то убили Копейкина. Его на Усть-Сенной убили. Ввели в город из Куэнги, белого, предателя — и убили, застрелили в ручье. Потом на бугорке закопали вот так — его даже потом собаки вырыли. И вот тут чудилось. Я этому и не верил. А потом, когда еду-то тихонько, шагом конь идет у меня... Ночью! Темно уже это. Еду, конь пошагивает. И как доезжать-то стал... А место-то узко на Усть-Сенной, где колодец сейчас — знашь же? — ниже колодца он и похоронен был под сопкой-то. Но, я еду — вроде у меня мысли-то пошли, что, ага — тут чудится. Еду, а сам это так бодрюсь: «Но-о-о, я ничё, я ничё!» Еду и думаю: «Вот он тут где-то похоронен». Еду, искося заглядываю: «Но, ничё!» И во-от то-олько немного проехал, слышу, у меня сзади-то:

— Стой!

Вроде обожгло меня. Ничё, ишо терпимо... А не гляжу, оглянуться-то боюсь. И вот опять, ближе уж:

— Стой!! — ярче мне!

А потом уж просто вроде совсем сзади за мной:

— Стой!! — кричит.

Но я как пришпорил, конь добрый был — и так удрал.

407. ...Иванов Архип Левонтьевич, он всё ездил закупал скота. С этим вот, как он фамилия-то? — Штемпель, еврей, — от его все ездил закупал. И вот там-от по караулам заезжал он к одному все. Там деревня от деревни недалеко, в общем, километров пять так вот. И вот тот, значит, тоже куда-то ездил, хозяин-то тот, и заехал тут в эту деревню, ближню-то.

У него тоже был, гыт, халан — дом пятистенный, большой, на две половины. Собака у того, значит, виноходец хороший, но и собака. И вот заехал...

Смотрю, — говорит, — что такое?! Зашел в избу: покойник. Никого нету. Оне все в той избе. Посмотрел, подошел.

— Чё же ты, Семен Петрович?! Вот видел я недавно живой был, здоровый, тут чё случилось?

...А тот Семен Петрович, видно, когда умирал, и сказал:

— При мне вы не будьте никто.

А он, стало быть, видно, какой-то, вроде был шаман, ли кто ли уж он?

...И вот собака с этим зашла. Собака лежит — соскочит, значит, вроде это, лап. Я, гыт, на нее прикрикну. Второй раз. Вот третий. Подыматся этот покойник, садится на ж... Он, значит, — ходу. Заскочил на коня и наубег. Собака с этим, значит, сцепилась, он выскочил, гыт, в ограде сцепились они с этим покойником.

Но, я, гыт, наубег. Сколь есть мочи, коню ввариват. Смотрю, гыт, собака догонят, вот собака догонят — и покойник за ей. И опеть, гыт, сцепились, значит, с собакой. Но, я в это время, гыт, убегать. И вот потом в третий раз он догнал, значит, с собакой сцепились — он собаку надвое разорвал! И этот прибежал как домой, как забежал в ограду — конь сразу упал, подход: запалил он его.

И вот, он, говорит, в избу зашел, рассказал — и тут же заболел — язык отнялся у него, значит. С перепугу, ли что ли такое?

408. Дело было как раз в Петровку. Пошли по землянику. Там у нас Кокóлда — так падь называется — Кокóлда. Вот на эту Кокóлду и пошли. Там земляника, говорят, шибко родится. «Вороты», прямо как царски ворота. Прямо-таки проходишь, как настоящие, — из камня! Ну, теперь, знаете, девушка пошла к этим воротам, а там был похороненный шаман, шаман был похороненный. Он там сколько годы лежал. Посуда там всяка: чашки, банки, подблюдники. Ну, девчонка глупенька была и взяла одну, унесла с могилы там, на могилу напакостила... И сошла с ума.

Потом идет шаманка с Теленгуя.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте.

— У вас есть истерична девушка, я ее вылечу.

Но мать не приняла ее. Она опеть ко мне зашла.

— Зря она так. Я вылечу за бутылку вина.

Но та так и не захотела. Ее увезли в Читу, так и не выздоровела. А работающая была.

Это в Самсоново у нас. Там и могилка есть.

409. А мы потом вот ездили... Там деревня есть, она брошена, полностью деревня. Ну там дома, деревья... В дом заходишь — так все цело. Смотришь: поленица дров. Вот так возьмешь, они рассыпаются: ну, сгнили все, труха.

<...> Где-то нас человека четыре было. Ну, мы туда — раз! — поехали. Приезжаем, <...> палаточку, всё разбили. А нам старики-то говорили: мол, почё вы туда едете? Ну, у нас какие-то припадки были на этот клад, клад искать. Тоже были ково? — черти. <...> Старики-то: мол, Бог-то обидится, зачем вы туда, деревня пуста, зачем вы едете. Не вздумайте, грит, ночевать там. Ну,

а мы-то назло врагам палаточку разбили, но и сидим. Костер разожгли. А мы Петьку оставили:

— Ты, — говорю, — за костром смотри. Мы спать будем.

А оно все равно страшно же: не своя местность. Он потом нас будит, говорит:

— Там петухи поют, в деревне.

Я говорю:

— Как петухи?

— А вот послушай.

А мы, в натуре, прислушались: петухи поют. Мы туда, в эту деревню! Оно вроде четверо-то не страшно, ничё. Ветра не было, ничё. Только в деревню зашли — ветер начался! Я чувствую: волосы шевелятся, но и ветер дует в лицо. Я думаю: «Не-е! — я не пойду», — повернулся спиной, а Вовка Гарин говорит:

— Ты чё?

Я говорю:

— Я пошел домой (в палатку, то есть), тут, — говорю, — делать нечего.

Потом слышу — а Петька там остался, в палатке, — он бежит. Чё тако? Он белый весь, слова сказать не может. Туда! Раз! — прибежали — палатка уронена, колья выдернуты из земли. <...> Мы — раз! — эту палаточку опять собрали, <...> оттащили подальше. Там навес такой, ну скала, навес. Под скалу ее поставили. <...>

Ну ладно. <...> Мы день отоспались: ночью-то, мол, посмотрим, чё... И ушли мы с Вовкой. Вовка говорит:

— Пойдем в дом, сядем слушаем.

Взяли спички, фонарики, — ну, всё, вооружились: я тут нож взял, <...> ружье, патронташ, <...> на всякий случай. Сели. Я так сижу, потом засыпать начал. Вовка меня — раз! — в бок.

— Смотри, — грит.

Я грю:

— Чё тако?

На окошко показывают, я поглядел: рама стояла — рамы нету. <...> Рукой пощупал, вроде ничё нет. Потом мы сели, опять сидим, ждем, думаем: чё? <...> Потом мы выбежали: показалось, будто пол ходит. <...> Ну, они дома-то старые.

Потом в деревню-то вышли саму, по улице идем, кажется, <...> что люди ходят, все как будто живые. А там, ни кладбища, ничё нет. Деревня есть, а кладбища нет.

410. Теперь, в этой же Бянкиной жил Иванов Федор Егорович. Он сам-то с Курской области. Тут и женился. Она в колхозе дояркой была, а он — пчеловодом. Там церква — называлась Никольска — и счас стоит на берегу. Так у этой церкви он сделал омшаник: выкопали в земле и стали держать пчел. Если он идет вечером на пасеку, заходит ко мне, посидим. Он все переметы ставил, а утром их проверял.

Как-то вечером ко мне зашел. Посидели.

— Но, надо, — гыт, — идти. Я там переметы в церкви сушу. (А там колхоз держал зерно.) И вот после он рассказывал.

Прихожу, говорит, отмыкаю дверь. Покурил и лег на топчан. Лежу, гыт. Время-то уж первый час. Вдруг слышу (а пол-то каменный): вот этак кто-то шаркает ногами, как человек... Я думаю: «Неужели ребяташки? Да как? Решетки же».

...Чувствую: шаркает вот таким образом [показал. — В. З.] по полу. Я с топчана-то соскочил, взглянул: человек! женщина! Вроде как в саване, волосы длинные вот таки. До алтаря-то, гыт, дошла, руки сложила и упала на колени (а он хохол).

Я, гыт, кажу: кто там ходит? — И вдруг все загремело, будто церква-то развалилась.

Он выскочил, отошел немного. Сел, покурил. Потом вошел и лег. Все тихо. А это, потом говорили, мертвец, грешница, вымаливала прощение... Вот така, гыт, штука была.

411. Иванов, счас он в Пешкове живет. Он работал пчеловодом в колхозе. Но, пошел на работу-то. Там он спал. Там церква, Никольска называтся, на берегу. И там он омшаник сделал, где могилы-то были. А в ей там колхоз держал зерно да чё да, зимой-то, видно.

А спал-то — где там алтарь был, все выломали, стекла все изломали, решетки во всех окошках. А он, делать, видно, неково ему, ставил переметы. Тут же сразу Шилка. Она на берегу Шилки.

Но и потом притащил он их, эти переметы-то, и в етим зале-то — а туды вот едак дверь, как вот это окошко, та дверь, наружна, и внутрення. И опеть в залу-то дверь. А он тут.

Но, переметы растянул, вроде высушить. А вечером-то пошел пчел караулить туды, ишо к нам зашел. Потом туды приходит, отмыкат, закурил, лег на топчан. Время много уж было. Час ночи, сколь ли уж там? — второй ли, — лето. Курит.

Слышу, говорит, шоборчит. А пол-то цементированный. Я прислушался: «Чё тако? Неужели кто из ребят? Дак не залезти. Решетки вон каки! Пацаны не залезут».

...Ишо поближе, ишо! Шурудит. Каменный пол-то, слышно — шоборчит! Я, гыт, с топчана-то:

— А, кажу, ково те тут надо?! — Смотрю, говорит, вроде как женщина: волосья длинные, распущены. Не косы, а распущены. Сюды подошла, может, на таким расстояньи, и сразу повернулась на восток-то туды — меня, гыт, просто подымать начало, волосья! Лицом-то ко мне шла, а потом на восток отвернулась, вроде кланятся, вот так руки-то. <...> А волосья-то длинные, распущены. И одета в черном во всем.

У меня, гыт, ажно волосы подняло <...> И ко мне идет! Я кажу:

— Хто тут ходит?! — Паря, гыт, вся церква-то затряслась. Думаю, она падат.

Я, гыт, соскочил и не помню, как эти двери-то открыл, выскочил. Выскочил и гляжу, как она вроде должна обвалиться, церква-то. Упасть. <...> Вот эдак вся задрожала! Я кое-как соскочил с этого топчана и — на улицу. Выскочил.

Смотрю на ее — цела церква! А то затрещало, заходило ходуном все!

...А он всегда спорил. Вот начнем чё-нибудь также, а он, хохол:

— Ха-а, — кажу, — я не верю.

А тут потом пришел наавтра:

— Да, — кажу, — вот тоже получилось как!.. Вот чё. Вот чё... Днем-то посмотрел, думал, все переметы сгрудил, как шла-то, шоборчала. И следа нету! Пыльца лежит и все на камнях-то.

Я говорю:

— Вот, ты не верил, а это дело тако... Быват...

412. Я с одной девушкой гулял. И вот девушка эта, невеста моя, померла. Я ее очень любил и крепко жалел.

И вот собрались возле колокольни, вся молодежь бегат. Я и говорю:

— Э-эх, была бы там сейчас моя Маруся, я бы сейчас залез на колокольню.

А ребята привязались:

— А тебе не залезти на колокольню!

Время уже было одиннадцать — двенадцатый час. Я говорю:

— Но, да пустяки. Залезу! Залезу и позвоню.

Только туды залез на колокольню, гляжу: моя Маруся там сидит! Вот так, скорнувшись... Я её:

— Маруся! — Она мне голоса не отвечает. — Маруся! — Голоса не отвечает.

Я с ее платок сдвигиваю — и в карман. В колокол позвонил и спускаюсь. Ребятам говорю:

— Вот, она счас там была, платочек снял с нее.

Смотрят: верно, в еёном платке, в котором похоронили — этот платок. Действительно, правда.

Значит, домой пришел. Вечером она приходит и говорит:

— Отдай мне платок!

Я, значит, ей выношу, кладу на крыльцо, говорю:

— Возьмите.

— Нет, как сумел снять, так сумей и повязать.

А на второй вечер она опять, приходит.

— Коля, отдай мне платок.

Я опять вынес ей — она опять не берет.

И вот привели потом попа, поп ходил кадил тут, причастили меня — все это сделали... поговел я. Но, решили: что же, делать нечего, придется идти повязывать. И только стал повязывать-то платок — она меня как схватит! Схватила крепко и зажала...

Потом не могли никак разжать: ни топором не разрубить, ни пилой не распилить. Так я тут и помер. Вместе меня с ней и похоронили... Ха-ха...

413–417. Клад

413. Одна женщина стряпала хлеб. Пришла к ней девка в белом. Вот, например, выкатывает она калачики али хлеб. А девка молчит да катает калачи тоже. Вот взяла она веселку (ну, которой тесто-то мешают), она девку-то ею задела, а та рассыпалась, и получилось золото, полмешка!

Говорят, клад сам пришел.

414. Раз тоже кладь положили. Сделали маленький ящичек и где-то под матку в доме затолкнули... Вот, теперь, эта старуха умерла, сын вырос, женился.

И как уедет сын, молодуха останется, спит спокойно — вдруг орет кто-то:
— Отойди — упаду! Отойди — упаду!

Она спичку чиркнула, подошла: весится гробик. Когда муж приехал, она рассказала:

— Вот так и так, третью уж ночь гроб выпадает.

Страшно им стало — перекочевали в другую избу. Тут соседи собрались, с уружьями ночи караулили, но ничего не вышло. Как-то осенью зашел к ним мужчина:

— Пустите переночевать — весь перемок.

Они и говорят:

— Вон, иди, у нас изба на острове, там и ночуешь. А у нас тут рябятишек полно. А там ложись на печку.

...Он на печку лег. Вот подошла полночь. Кто-то и заревел:

— Отойди — упаду!

А он не сробел, да и говорит:

— Падай!

Вот вдругорядь взревел:

— Отойди — упаду!

Он говорит:

— Падай!

Ну, упало — это гробик. Он утра дождался. Посмотрел: ага, самородки золота! Он это золото забрал, гробик с двумя-тремя самородочками принес хозяину.

— Вот какая чуда-то была. Это была кладь положена на вас, а вы боялись. Вот — получи. Если желашь — меня уважь, а не желашь — я и так уйду. Ну, он ему еще одну самородку дал. Этот поблагодарил и ушел. Полный карман самородков унес.

Вот такая кладь была.

415. Жила одна семья спокойно, тихо. Большая была семья. Уходят родители в поле, детей оставляют дома.

В одно прекрасное время приходят родители домой, дети жалуются, что с ними барашек играет.

— Какой барашек? — спрашивают.

— Да с-под пола, — отвечают дети.

Прсят дети достать барашка, но кто поверит?

И пошла легенда по селу. Под страхом деревня стала жить. Дети припухли, играть не стали. А барашек все вылазил и играл с детьми. Золотой шарик вылазил... то золотым человеком, то барашком вновь прикидывался.

Так шли годы. Из бань стали выходить ведьмы. В пустых домах музыка играла, черти плясали. Молодежь отсиживалась по вечерам дома.

И дошла эта весть до станичного атамана. Взял он добрых казаков и пришел в деревню проверить, насколько это правда. Пришли в эту семью и начали делать раскопки. И обнаружили на глубине трех метров саблю дамасской стали и корзину с золотом. И оказалось, что тот, кто ложил клад, сделал заклинание, и что клад таким образом должен обнаружиться.

И так в этом доме хозяин стал богатым купцом. Все это было завещано предками потомству.

416. Рассказывают, что в селе у нас это было.

В одном доме, когда уходили родители, девочка маленькая оставалась. И из подполья к ней девочка приходила. Играла с ней, играла и все просила ударить ее. Как-то дочка говорит матери:

— Мама, уходи скорей, ко мне девочка придет, и мы играть будем.

— Какая девочка? — спросила мать.

Ну, она ей и рассказала. Мать сразу догадалась, что это клад, и говорит дочери:

— Когда девочка придет, поиграет и попросит ударить ее, так и сделай.

— Мне ее жалко, — говорит дочь, — она маленькая.

— А ты ее потихоньку ударь. Если она рассыпется, ты не охай, а молча сложи в мешочек, который я тебе дам. А потом меня позовешь.

Когда мать с отцом ушли и дочка осталась в доме одна, к ней снова пришла девочка и начала с ней играть. И опять стала просить ударить ее. Девочка стукнула ее, и она рассыпалась. Она сложила все это в мешочек, как просила мать, и пошла звать ее.

Но когда пришли, в мешке были угли, а девочка говорит, что было золото.

417. Значит, раньше все клали клад. На ребятишек клали. Деньги. Одна бабушка и положила деньги на внуку: вот вырастет внучка, пусть ее будут деньги. И никто не знал. Старуха умерла.

Дочка выросла до трех лет. Мать вернется с поля — она к ней:

— Мама, ты мне оставила молочко, а его у меня пестренька кошечка вылакала!

А мать замыкала ее в доме, и кошечек никаких нету. Вот ладно... Женщина стала бояться, начала подспрашивать старух: де, вот так, у меня девчонка обижается, что кошечка какая-то ходит и ест у нее молочко. А я, мол, с подворья окошечки все замкнула — не должна бы кошка быть. А одна старуха знатка была и говорит:

— Девка, ты купи ленточку — метра три — и накажи дочке: как прибежит

кошка да станет молоко лакать, пусть она ей покрепче завяжет ленточку на шею.

Вот она так и сделала, наказала:

— Если появится кошечка, будет молочко лакать, ты ей ленточку на шею завяжи.

Замкнула, опять на работу ушла. Приходит.

— Ну, что, дочка? Завязала?

Та пошла снова к старухе:

— Что же теперь делать будем? Завязала девка-то. Кошки нету.

— А вот пойдем, посмотрим...

Пришли, залезли в подполье, давай светить. Эта ленточка весится из-под матки. Потянули — а там деньги!

Вот такое было.

418–424. О предсказаниях судьбы

418. Значит, шли машины. Вот то ли в Солонешну, чё ли... Память плоха стала... Идут машины. И одна машина встала. Вот он ее туды, вот сюды. Колонна прошла, а одна машина встала. <...> Все нормально — а машину завести не может. Встала и все!

Вдруг выходит женщина.

— Здравствуйте, молодой человек.

— Здравствуйте.

— Чё, не можете уехать?

— Не могу уехать.

— Вы знаете, чё я пришла... Вы мне купите... — то ли десять метров белого товара, то ли двадцать. Вот тут я забыл... Купите столько-то метров белого товара. — Вышла из пади, пришла из лесу, и все. <...>

— Но ладно, куплю...

— Но, тут и будете, я, — говорит, — тут вас встречу.

<...> Машина сразу пошла. Домой приезжат, рассказывают:

— Вот, мама, папа. Вот как получатся, пришла женщина, велела столько-то метров товару взять.

Они взяли столько-то метров товару, сколько приказано, ну, примерно десять метров. Взяли десять метров, <...> теперь он поехал.

Ехал, ехал, и на том же месте машина встала. Когда машина встала, стоит, маленько погода выходит женщина, та же сама. (А эти ему наказали спросить, будет или нет война.) <...> Тепериче:

— Чё, купили товару?

— Купил.

Она разрывает пополам.

— Это тебе, а это мне...

— Вы заказывали, я вам взял.

— Нет, нельзя так. — Пополам разорвала. — Это твое, это моё.

— Вот вы мне скажите, скоро ли у нас начнется война.

Она говорит:

— Нет, война скоро не будет. Даже совсем может не быть войны. Но на молодое поколение будет смертельность. Будут упиваться, будут удавляться, с вина сгорать. И этим всем молодое поколение будет уничтожаться.

И вот вспомнишь: то там, то тут, то убили, то удавился — все по пьянке. То под машину попал. Все молодое поколение.

Тоже где-то здесь было. У солонцов. Я говорю: память-то стала нарошешна. Надо бы даве спросить... То ли вот у солонцов, чё ли, но это года три прошло.

419. Слух пустил кто-то...

Будто один шофер ехал, вдруг машина резко остановилась, он видит: женщина идет. Одета во все белое. Подошла и просит его купить белого материала, с полметра.

— А как купишь, сюда же приезжай. Потом рассчитаемся.

Он съездил, купил. Думал, уже не встретит ее. А как проезжать стал то место, машина опять остановилась. Спрашивает его:

— Купил? — он отдал материал. — Что хочешь теперь проси, все исполню.

Он перетрусил, не знает, что просить. Потом сказал первое, что пришло в голову:

— Война будет?

Она отвечает:

— Войны не будет, а будет голод.

420. Отец это рассказывал. Еще молодой он был.

В страду однажды убирали они хлеб. А время как раз был обед. Слышат: плачет кто-то, так уж плачет и плачет. Глядят: на опушке леса женщина в красном идет и тоскливо плачет. А ребята молодые соскочили и побежали, кричат, мол, поймаем. Видят: вот-вот, рядом, сейчас схватят — а она уходит все дальше и дальше и все плачет.

Старики тогда говорили, что к большой это беде. И вправду: вскоре болезнь страшная нашла. Люди мерли страшно. Тогда-то вот и сжигали чучело. За одни сутки надо было коноплю распустить, спрясть, соткать, сшить одежду, надеть на чучело и сжечь его. Только тогда болезнь пропадала.

421. Широкова Пана видела в лесу. Ходила она за ягодами и видела: идет женщина в черной шали. У шали кисти с переливами. Никогда такой красивой шали, Пана говорит, не видела. Сама женщина красива сильно...

И у них потом кто-то в семье умер.

422. Мы по сено ездили с одной женщиной. Почаевали и поехали.

...Она, говорит, не видела, а приехала и заболела. А я без языка лежала...

А мы с ей три воза наклали и ехать собрались, а тут — идет!.. Ранешние

шали-то знаете? Большие такие, расписные, с кистями... Как шагнет — так кистями туды-суды. Шагнет — а кисти у ей в сторону, шагнет — а кисти у ей в сторону! А я и говорю:

— Мать Пресвятая Богородица, откуда тебя привело, туды тебя и уведет.

Она:

— Молись Богу, — говорит, — ладом. — А я опять:

— Мать Пресвятая...

А я с воза-то упала и понужнуть не могу. А она вот таким фертот повернула и пошла... Лицо-то како-то черное. Человек — не человек, скотина — не скотина! Страшно!

У меня-то понос дома, а та — померла.

А после... ее мужики видели.

423. Брат мой рассказывал.

Жили в Борях, катались на речке, на катках. Поднимешься на утес, пройдешь мимо церкви — и вот стоит наш дом.

Стали они на гору подыматься, и видим, говорит, старушка в черном подымается на горку, закутанная, в черную шаль с кистями до пят. Шли, когда темнялось. Думали, что бабушка Сибирячиха.

— Бабушка, ты чё? К нам?

Она оглянулась: вся страшна и черна. Испугался он и побежал вниз, бежал утес по реке и побежал к дому. А когда с утеса-то сбежал в Такшу [речка. — В. З.], а она стоит на утесе и смотрит на них.

Так она и осталась стоять на взгорке.

424. В сорок четвертом году это было. Было у нас комсомольское собрание на квартире у учительницы. Пошли домой поздно, в первом часу.

Надо было идти через небольшую речку, перепрыгивать с камня на камень. Я была с подружкой своей, Таисей. Я уже перескакала на яр, она отстала от меня метра на три. Она скаканула — и тапочек упал в воду. Наклонилась за ним, расклонилась — и ахнула! На том берегу человек весь белый прыгает уже на первый камень. Такой длинный-длинный! Мы с ней побежали, он — за нами. Сам как туман. Таисья от меня отстала метров на пятнадцать. По дороге — лужица. Я ее перескочила, повернулась: она лежит и никого рядом нет. Я к ней подбежала, она лежит вниз лицом и стонет. Говорит:

— Он меня вот так толкнул!

Еле поднялась, ноги ее не двигаются. Пришла в себя. Сели на бревно, Таисья и говорит:

— Это моя смерть была.

В этом же году она сгорела на заимке. Двенадцать человек с нею в доме были, все повыскакивали, а она сгорела.

425–444. Предзнаменования

425. ...Была в девках, так гадала. На Святки. Обязательно ночью и в бане.

Ставили два зеркала, одно спереди, другое сзади, чтобы зеркало в зеркало было. А перед собой ставили стакан с чистой водой, а на дне кольцо обручальное. Терпение нужно было большое, чтобы ждать.

Мне в кольце парень появился в белой рубаше с накладенными рукавами, в шкирах и босиком. Совсем незнакомый. Это мне муж явился.

Потом так и было. Приехал к нам в Знаменку парень, жил по соседству, всегда босиком ходил. Как пришел он к нам в шкирах да в рубаше с накладенными рукавами, я так и захохотала:

— Жених явился!

А гадают по-разному. На бобах, ишо на воске. Кому чё выйдет: кому гроб — помрет, значит, кому уваль [вуаль. — *Соб.*] — замуж выйдет.

А ишо петуха с курицей опускали к зерну. Если петух запоет — значит девка замуж выйдет, а если курица человеческим голосом заговорит — в девках ишо останется.

426. Была у нас девка с одним глазом. А мать-то ее на Рождество уехала. Она, Катюшка-то, зеркало взяла, две свечи с церкви поставила, материно венчально колечко в стакан бросила и против зеркала поставила. А сама рядом села. И надо, чтоб тихо-тихо было.

А мы сидим на койке все.

Ну вот, зеркало потемнело. Она нас тихонько позвала. В зеркале колосья, трава заколыхалась, выходит из нее мужчина в пинжаке, шляпе, с тростью, а брови и ресницы у его густушши-густушши.

Катюшка уехала в Нерчинск, вышла там взамуж. Я ее мужа-то увидала: хоть и без трости был, а по бровям, ресницам я его сразу признала.

427. Девки тоже всей беседой побежали в нежилой дом слушать. Ну, и заворожались: если замуж выйду, дак стаканам забренчите, а умру, дак гроб затешите. Вот слушают. Их четверо.

И одна была кривая. Ну и вот, эти как заворожались все — стаканам-то забренчало! Они и правда все вышли: а ей — гроб затесали, доски тешут и кидают, тешут и кидают!

Мы, говорит, как дунули, оперёживам! Друг дружку сталкивам, падаем! <...> Вот бежали дак бежали! Прибежали, ну, ничего — беседа же. Стали опять сидеть.

А она потом умерла. Не вышла замуж, в девках умерла. <...>

Это в нежилой избе надо, ни икон, никово чтобы не было.

428. Я вот боялась ворожить, не ворожила, а для любопытства ходила. Вот тут недалёко дом стоял, сейчас в нем живут люди. Моёй сестры золовка была:

— Пойдемте ворожить.

И деверь пришел:

— Но, да пойдемте ворожить.

Нас мать научила, моя мать. Как раз в полночь мы пошли ворожить. Мама нам запоны надела (ну, вот, примерно, передники вот эти) на всех.

— Но, идите, — гыт, — вот наберёте когда снег, тогда посейте и говорите : «Где моя судьба, там собачка зла». Падайте, слушайте.

Вот мы пошли.

Сперва моя подруга начала ворожить. Мы все упали. Она это сказала и упала. Мы лежим, слушаю. И вот далеко-далеко нанизу как щененок визжит: тив-тив — тив-тив-тив — лает. Она спрашивает:

— Что, слышите?

— Слышим.

Ну, она встала. Друга начала ворожить. Опять тоже так же набрала снегу, сказала, упала, и мы падам, слушаю. У этой близко, вверху, тоже как щененок визжит.

Вот теперь моей сестры деверь пошел ворожить. Это надо на росстани, а росстань-то недалеко была, три дороги. И мы вот между имья и ворожили. Он только упал и — вот тебе нате! — послышалось, как есть вот фуганком: дзю! дзю! — и вроде доски бросают, вот так вот, тешут, рубят, как вроде кто плачет. Ой, прямо шкуру обдирает!

Мы встали, ушли. Я не стала ворожить. Пришли, матери рассказали. Мать говорит:

— Неужели ты, сват, уйдешь на службу, тебя война захватит да убьют тебя? Это не к добру-у эдак-то слышать... А у тебя будет вверху жених, а у той подруги будет нанизу жить.

Одна ушла в Кангил замуж, далёко. А эта за Рязанцева, недалеко туды вверх ушла. А этот, значит... <...>

Они в Родионихе косили (он уж большой, мужиком был, ему уж надо было на службу идти), они, значит, в Родионовой косили. Накосили, надо зарод было огородить, поехали домой. Они поехали, жерди наложили, колья нарубили, он сел на этот воз и поехал. Ехал, упал с воза — готово, умер. Скоропостижно помер...

429. А вот я в Торге жила, ворожили тоже. Дак сидели, сидели до какой поры, собрались, маскаровались бегали, всё.

Вот, тепери, сестра моя и говорит:

— Но, ребята, идите к этому — забыла, как звали мужика-то, — к Ефрему, там амбар замкнёте и будете под амбаром слушать, что будет.

Взяли петуха. Мы пошли, значит: мой племянник, моя племянница, потом две подруги и этого племянника товарищ, Юрганов Мишка, такой был отчаянный. Она ему, значит, эти рождественски головешки дала (это в первый день печку топили), всем по христовской свечке дала, по такому огарку. Пошли, петуха взяли, шило взяли (в крайнем случае, чё получится — ткнуть, он чтоб спел).

Вот пришли тихонечко, ну, ни одна собака не лаяла даже. Сели. Вот одна тутакса была уж тоже просватана, но она:

— Давай я сяду: уйду ли нет я за этого парня замуж.

Вот, тепери, замкнула этот замок. <...> Мы стоим слушаем. Она нас спрашивают:

— Чё, слышите?

Мы говорим:

— Слышим.

Вот как есть музыки играют и пляшут, поют — всё как-то браво!

Вот, тепериче, Варварой девчонку звали, годов четырнадцати, она тоже загадала: «Чё в нынешнем году мне будет?» Когда загадала, замкнула и села под замок, сидит. И вот долго-долго мы стояли, ой-ё-ё-ёй! И вот будто как рыдают: над покойником воют — так же. И вот как вроде попы поют и всё тому подобно. Так страшно — дак шкуру обдирает!

И ни один парень не сел, сразу все встали, пошли, ушли. Не знай, бы чё дальше было, и вот она пришла, значит, даже домой не зашла, никак. К нам пришла сюды.

— Я, — говорит, — боюсь домой-то. Вы меня проводите.

Ее потом проводили.

А я сразу спать легла. Меня потом давай будить:

— Ты чё же? Все ворожат, а ты чё же не ворожишь? — Эта девка тут ворожила, котора просватана... все, ребята <...> все выворожили. Тепериче, меня сестра разбудила да говорит:

— Садись, Ариша, ворожи.

Я говорю:

— Но я боюсь.

— Ну, никово! Вот так вот, карточку тебе покажут фотографическу и ладно.

Вот я села. Она говорит:

— Возьми воду-то разбулькай.

Я разбулькала... Вот вроде дым вышел сперва, потом лодка, ли хто ли... И через долго время выходит парень. Такой-то чупистый, белай — так о-ё-ёй!

Я говорю:

— Идите смотрите, кто-то вышел. Какой вышел парень, я узнать не могу.

А сестра-то подошла да говорит:

— О-ой, это <...> подруга ворожила, это ее стакан. Погоди, — говорит, — Ариша, я тебе новый стакан, другой стакан дам.

Дала стакан мне, дала кольцо обручально, яркое, и, значит, бумажку подотлала.

— Но, теперь садись смотри, — да еще сказала, — если умереть — гроб выйдет.

Вот я и боюсь этот гроб-то. <...> Но, я говорю, в зеркало смотреть не буду, сразу вот так в стакан колечко опустила и смотрела. Немножко посидела <...> — и вот выходит, значит, как есть фотокарточка: я сама стою, подвязана... Тепериче, я маленько погода побулькала воду, опеть вода устоялась — вышел

стул венский <...> и вот так нога протянута... <...> Я опять побулькала — и вот как раз вот этот мой нареченный, в чем венчался, в ём и вышел, весь как есть: рубаха, значит, у него черна была, воротничок этак отвороченный, там подклад белый, тепери, френчик был (он венчался), карманы, всё.

Вот я его узнавать — никак узнать не могу. Кто же такой? То ли брат мой, то ли кто... Я говорю:

— Ну, иди-ка, посмотри-ка. Кто он такой вышел? Я, — говорю, — узнать не могу.

Она подошла, да говорит:

— Он, — говорит, — Ариша, какой-то еще служащий. Смотри-ка, еще воротничок, — говорит, — беленький у него. (А это подклад.)

Вот Яков подошел и говорит:

— Паря, это... О, это ведь Максим Павлыч вышел, Ивана Кондратьича шурин.

А я потом взглянула:

— О-о, нет! Это тогда старший. Это Егор вышел.

И вот за Егора ушла! <...> Никому не верила, а вот самой, действительно, в колечко вышел.

430. Один раз жениха-то я выворожила, правду...

Это в Новый-то год первый блин испекешь и беги с ём на росстань. Вот я и вылетела! Блин-то испекла не сама, а тетка.

— Беги скорей! — говорит.

И я полетела на росстань. А у нас работник жил, табун всё рано поил. Его звали Минька. Но, я вылетела, а он гонит табун-то поить. Я пришла и говорю тетке:

— У меня будет работник муж-то.

Она говорит:

— Никого не работник, а у тебя Митя будет.

Он Митя и вышел. <...> Один раз только поворожила — сразу и выворожила.

431. Тут я один раз ворожить вздумала. Но вот, говорили, что в Новый год... По-старому он был четырнадцатого января. Тогда один его праздновали, а сейчас два Новых года: старый и новый.

Ну, и я где-то услышала, что надо сор вымести в комнате и его в запоне на росстань вытащить, бросить и послушать, что где.

А у нас за рекой вот тут, на берегу-то, дедушка Степашка жил. Старенькой он, у него бабушка Степашиха, ишо была жива. Я вымела это утром-то рано (до свету надо), вымела скорé, а мама-то заметила, что я ворожу.

Вымела сор, склала в запон и пошла сюды — тут у нас вот так дорога была, так дорога и сюды дорога. А я между их-то вышла на мысок-то, сор-то бросила да и стою, слушаю. А дедушка Степашка стоит во дворе кашлят. Коням сено бросал. <...>

Потом я пришла, а мама-то меня спрашивают:

— Чё, сворожила? Кого выворожила?

— Ой, ничё не выворожила. Дедушка Степашка кашлят во дворе.

А она надо мной:

— Ну, бабушка Степашиха умрет, ты за дедушку замуж выйдешь.

Как счас помню, а я невзлюбила: ну, чё же, я почто же за дедушку пойду?!

А правда, вот вышло же имя у меня — Степан же.

432. Я в сны вообще-то не верю. Вот только один раз случай был.

Приснился мне сон, что брату построили сарай длинный-предлинный. В одной половине дрова пиленые, в другой — пшеница. (А пшеница-то — к слезам.) И тут приходят плотники и давай этот сарай наполовину делить, пи-лить, значит. Я у брата спрашиваю:

— Зачем сарай-то распиливают?

А он мне отвечает:

— А мне и этого хватит.

Я ему утром-то говорю:

— Ты на мотоцикле-то на своей осторожной езд.

Вот как раз три дня прошло, и убили он на нем, на мотоцикле-то. А те плотники, что сарай-то во сне распиливали, те ему гроб-то и делали.

433. Служил я в армии. У нас был человек один, он здорово эти сны разга-дывал. Я ему говорю:

— Я вот такой сон видел: у меня мама пришла и увела тятю. Надела на него черну шинель, папаху.

— Тебе, — грит, — вот письмо придет — он помер.

И верно: мне письмо пришло, что он помер.

Как он угадывал, я не знаю. Вот это мне пришлось в армии.

Я говорю:

— Ты как знашь?

— Я, — говорит, — сонник читал.

А какой это сонник?

Ишо мне рассказывал:

— Потерять каку одёжу, жалеть будешь, то значит, кто-то в роду помрет.

Но, правильно ли нет ли?

434. Сон видел. Пошли будто по бруснику. И высокий у нас там Сухой утес. Я говорю:

— Я полезу вверх, там, наверно, ягода хорошая.

Она, жена, говорит:

— погоди, я сперва полезу. Упаду, дак ты меня схватишь, а полетишь, дак мне тебя не удержать будет!

Вот как сейчас вижу.

И она полезла, полезла. А там щель. Она в эту щель скрылась. Я вроде как заглядывал, искал, ревел, ревел — нету. И так остался один.

И вот осенью она померла. Видел сон-то летом, а осенью померла. Картошку копали.

435. У нас девочка восьми годов была. Надей звали. Николай, будто, Петька и Ванюшка идут со мной. Грибы собрали. Полно насобирали грибов. Я говорю:

— Надя, пойдем домой-то. Ребята все собрались!

А ее нету. Ревели-реведи, ходили-ходили — так и не нашли. И так она осталась.

И скоро померла. Это второй у меня такой сон.

436. А еще видел. Будто пошли с сыном Николаем подле речку. (Загодя видел, он ишо живой был.) Идем будто с им, а зверек выскочил — бурьян нарос — трава заколыхалась. Я бросился, Николай меня за руку схватил:

— Погоди, тятя, я сам, а то ты упадешь в яму. — Побежал и исчез.

И через год умер.

437. ...А раз мой дедушка маме и говорит:

— Я усну, а вы меня не будите.

Взяли постелили ему на топчане. Все лето спал, как мертвый. А в какой час уснул, в такой и пробудился. Рассказывает, что на том свете видел.

Прошел, говорит, и ад и рай. Видел этот самый суд страшный. Хуже, сказывал, тем доставалось, кто молоко водой разводит. Их на том свете заставляют молоко от воды отцеживать. Что они только ни делают: и плачут, и кричат — ничего не могут сделать. А все равно их заставляют. Еще ему сказали, что умрет он через три года четвертого сентября в четыре часа.

Никто не верил, а вот подошел этот день. Встал он раным-ранехонько, тройняк одел, сапоги, меня взял с собой, и мы всю родню обошли. Садят нас за стол везде, разговаривают. А он не ест, не пьет и мне есть не дает. А я же есть хочу, только возьмусь за что-нибудь, а он:

— Ладно, пойдем дальше, внучка. — Я за ним рысью, рысью, не успеваю.

А он тащит меня везде. Пришли на кладбище. Выбрал дед себе место и воткнул сюда крест красный, длинный такой, высокий.

— Вот здесь, — говорит, — меня похороните, чтобы все село видело.

Ходили потом опять по родне. Дедушка всех приглашал прийти к четырем часам.

— Ладно, приду, — а никто не пришел.

В четыре часа он сдвинул две лавки, положил потник. Ему говорят:

— Ложись на кровать.

А он:

— Да нет, я здесь хочу. — Лег да и говорит мне: — Принеси воды.

Принесла я ему воды с ковшом. Он заглотнул воду и умер.

438. ...Старушонка живет одна в Могоче подле Чалдонки. А я жила в Борщовке. И вот совпадение како!

У нее в пятьдесят четвертом году утонула дочь двадцати лет. И сон ей приснился, когда девке два года было. Будто я и эта девчонка в корыте едем по Шилке, и вдруг корыто перевернулось и девку-то унесло, а я осталась.

...И вот девка-то утонула. Искали, искали ее. И не нашли. И мать сказала:

— Не ищите ее, я сама найду.

После трех дней пошла искать. Идет и вспоминает сон, который восемнадцать лет назад видела. Смотрит: кусты! Отодвинула их — и увидела девку...

439. Раньше каждый праздник праздничали. Верили, не верили — кто их знат? <...>

Вот один раз на Кірики Уліты было у нас (это я в детстве была)...

Косили, потом все поехали домой. А тут Шамякины... Они богато жили, скота много у них. Им говорят:

— Но, поехали.

А оне:

— Но вам делать нечего!

— Хоть в бане помоемся, ить завтра Кирики.

Они говорят :

— Ну, Кирик именинник — вы и побежали скорей!

Ну, и все уехали. А у их шестьдесят копён было нагребёно. Они и думают: «Попраздничат, а мы шестьдесят копен смечем, дак они нам сгодятся». Они их сметали, обедать-то поехали... А тут такой морочок небольшой завелся, а там как трахнуло! Зарода-то нет! Сразу пыхнуло! Ну вот чё это? (Или правда, может, это повлияло, или как ли?) Народ-то приехали, надеются, что они тут сметали все, а у их сколько копен сгорело! Ну и заохали. <...>

Грех был работать...

440. В Миколу было грех боронить. А мужик один с девкой своей поехал. А девчонке-от... лет шесть ей было ли нет. Отец-от ей и говорит:

— Поборони, а я схожу вилы ссеку.

Тута-то ей почудилось — какой-то светлый-светлый вышел и говорит:

— Нельзя сѣдня боронить, сѣдня Микола — грех.

А потом пропал. После долго ее лечили. И сейчас она все умом недовольна.

441. Деревня Торга десять километров от Нерчинска стояла. Там было озеро, а по нему кочка носилась: куды ветер, туды и кочка. Поймал эту кочку бурят, а там икона ходяща. Отнес ее в Нерчинск, в церкву, и там ее поставил. Там сделали ей станок, перекрасили, и она ходила везде, а в Прокопьев день приходила обратно. Все приходили к ней: кто виноватый, кто грех имел. Один мужчина, лет сорока, тоже был у ней, приходил грех свой отмаливать.

Время было на Пасхе... Он с матерью жил порознь. И вот мать-то ждала,

ждала, а его все нету. И пошла сама к сыну. Сын-то увидел мать из окошка да кричит жене:

— Вон идет змея, убери мясо!

Мать заходит в избу:

— Вы чё, ребята, не идете? Я вас ждала, ждала. — Мать ушла.

Жена вытаскивает мясо, а на этом мясе-то змея сидит. Он подошел, взглянул, хотел убить, а она как прыгнула, так и на шею села! И обвилась.

Вот тут-то я его и видала. Он ее носил и за иконой ходил. Дал обет: три года ходить. Мужик здорово за змеей ходил: кормил молоком, мыл ее. Ходил мужик по селам и все просил:

— Подайте грешному молоко.

Обвязывал шею красной тряпичей, чтобы не жгло ее и чтоб люди глаза не пялили.

Три года проходил, опять пошел к матери кориться, но она не слезла. А как помер, так она и пропала.

442. ...У нас все говорили. Вот тут я слыхала от многих.

Нажарили чё-то, сковороду вытаскивает жена-то. А мать идет к им'я. Он говорит:

— Вон змея-то идет.

Вытащил сковороду — там змея. Она ему на шею села, и так он ее носил, ходил.

Вот тут одна старушка — она-от нынче померла, недавно, Лапина, рассказывала. Он сюды приходил. Тут была церква-то. В Прокопьев день служили, Торгинску Божью Матерь носили со Знаменки. Ну и вот. Он приходил. Она говорит, старуха-то, мы, гыт, видели: шарфом все замотано на шее, мы ее-то не видим. Он сюды Богу молиться приходил, чтоб снять её.

Грех замаливал, что он на мать так сказал.

443. Раньше рожали женщины — бабничала бабка (ты это хорошо помнишь). Но и вот, значит, у одного так же рожала хозяйка. И вот нарекал, — ангел, говорили, — прилетат ангел и нарекат век новорожденному. Но вот, родился сын у ей. Прилетел ангел, стал нарекать век ему, этому младенцу. А бабка эта, старуха-то, слышала, что вот до столько-то лет дорасти ему и в этом в ихом же колодце утонуть. Допустим, до двенадцати лет дорасти и утонуть в колодце.

Но теперь, бабка эта сказала хозяину, что будет вашему сыну. Им все рассказала: вот так и так, вот такой век, я слышала, будет вашему сыну. Но, может быть, там лет до десяти дорос — хозяин взял этот колодец заколотил, совсем чтоб не брать и не пользоваться — чтоб он не попал.

Дак вот, стало быть, ему век нареченный — больше ему нет веку: он пришел, на этот колодец лег и помер.

444. Рассказываю со слов мамы...

В их деревне два старичка пришли к купцу, у него детей не было, а жена

была в положении. Старички были оборванные, а богатые не любят таких. Попросились они ночевать, их покормили у порога мало-мало, и просидели они весь день.

Потом приехал купец богатый из города. Они его приняли, напекли, настряпали: богатый богатого хорошо угощает. Стариков уложили в анбаре, а купца на кровати, простыни белые расстелили, одеяла...

Жена стала рожать ночью. Привезли бабушку или медика. Родила она. Купец, который в гости-то приехал, стоит на крыльце и курит. И слышит, старики в анбаре разговаривают: нарекли имя мальчику и сказали, что проживет он двадцать лет, женится, а во время свадьбы утонуть ему в колодце. Купец зашел в избу, а хозяевам ничего не сказал, решил проверить, правда ли это. Уехал он на завтра днем.

Стали крестить и крестным отцом взяли купца. Прожили двадцать лет. Пригласили купца на свадьбу. Он молчит, не говорит, что дальше будет. Поехали венчаться, домой приехали, за столы сели. Купец вышел, замкнул колодец. Пришло время парню к колодцу идти, свадьба сидит. Вышел он, а колодец закрыт, и он на колодце умер.

И купец потом признал этих стариков за святых, потому что Господь имя нарекает, и всегда нарекается, сколько лет человеку прожить.

Приложения¹

Указатель мифологических персонажей

Ангел (святой) 155, 440, 443, 444
 Банник 112, 122, 177
 Ведьма (вещица, колдовка, ворожея, знахарка, знаткая, шаманка) 96, 105, 110, 166, 276, 314, 345, 353, 355, 365, 371–373, 375, 376, 379, 382, 383, 408, 415
 Водяной 62, 63, 66
 Домовой 77–111, 155, 243, 400, 105к
 Женщина в белом (в красном) 418–420
 Женщина в черной шали 421–423
 Змей 139, 140
 Кикимора 123–138
 Клад 118, 413–417
 Колдун (знаткой, знахарь, шаман) 76, 117, 129–135, 183–189, 197, 199, 201, 204, 205, 212, 275, 277–382
 Леший 1–62, 71; 106, 107, 1к, 10к, 12к, 19к, 33к, 41к
 Покойник 260, 383–412
 Проклятые 36–50, 177–182, 211
 Русалка 64–76
 Человек в белом 424
 Черт 11, 37, 44, 45, 47, 54, 63, 68, 139–179, 257, 259, 376, 379, 415, 68к, 145к, 152к, 172к, 174к

Список сокращений

Зиновьев, П — личный архив собирателя, раздел П — «Былички».

м/л — магнитная лента.

СУС — Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, М. В. Новиков. — Л., 1979.

Ук. П — А — Указатель сюжетов русских быличек и бывальщин о мифологических персонажах / Сост. С. Айвазян при участии О. Якимовой // Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. — М., 1975. — С. 162–182.

Ук. доп. Зн — Указатель сюжетов сибирских быличек и бывальщин / Сост. В. П. Зиновьев. Публикация Н. Л. Новиковой, Г. Н. Зиновьевой // Локальные особенности русского фольклора Сибири. — Новосибирск, 1985. — С. 62–76.

¹ Указатель сюжетов-мотивов быличек и бывальщин введен в общий Указатель сюжетов сибирских быличек и бывальщин (см. с. 622–639).

Указатель мест записи, Список исполнителей, Список собирателей, Словарь малоупотребительных и диалектных слов включены в Приложение II книги.

Комментарии

1. Записал В.П. Зиновьев от Петра Алексеевича Достовалова, 1909 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, II, № 60, м/л 71.

С ю ж е т ы: Ук. П — А, AI 5, AI 1г.

Леший — один из самых популярных в Сибири персонажей быличек. В картотеке В.П. Зиновьева 245 текстов о нем. Среди них более 60 на сюжет «Леший заводит человека», чаще всего в сочетании с сюжетами: «Леший показывается людям в образах простого человека, старика, родственника или знакомого» (Ук. доп. Зн, AI 1а, б, г) и «Защита от лешего: поминание Бога, молитва, крест» (Ук. доп. Зн, AI 8а).

Быличка — часть постоянного репертуара П. А. Достовалова. Первая запись от П. А. Достовалова была сделана в 1969 г.

«А это дело тоже было до войны, в тридцать пятом году. И вот мне рассказывал Беломестнов дедушка. У него в Бянкино был зять — Юрганов. Дедушка к нему приехал, пришел как-то ко мне, мы разговорились вечером. Он мне говорит:

— Вот ить как получатся! Есть, видно, кака-то «нечиста сила»!

— Какая там... — ему не верю (а потом у меня самого-то и получилось!)

— Но, — говорю, — Расскажи, как у тебя было.

— Да вот так. Я со старухой в Беломестновке жил, и сосед, старик же, был как раз именинник. Зовет меня:

— Приходи вечером со старухой, чаю попьем...

...А вечером кого-то он делал, говорит:

— Ты иди, старуха, я доделаю — приду. — Она ушла. Это было зимой. Сял отдохнуть, трубку набил... Сижу, гыт, идет другой сусед, тоже старик.

— Здорóво!

— Здорóво.

— Но, ты чё сидишь-то? Пойдем! — вытаскиват тоже трубку, из моего кисета закурили. Я, вроде, одеваться стал, а он мне:

— Да ты ково одеешься-то? Через дом пройти!

Я дверь-то на сничку закрыл и палочку воткнул. Пошли. Идем, разговариваем. Вот идем, идем, разговаривам... А там утес у Караськов-то, наверно, метров на двенадцать. И вот этот старик туда его и упер!

...Он впереди идет, а я, гыт, сзади все падаю, падаю. И вот вдруг вижу: на краю утеса оказался, метра два осталось до края-то! Я и заорал:

— О-о, Господи мой! Куды мы идем?! — и этого старика не стало. Я закричал, огляделся: о-о, вон он куды меня завел! На утес! Поворачиваюсь — и домой. В четыре часа ночи пришел домой-то, чуть не замерз... Старуха там сидела, сидела — вернулась. Старика нет! Вернулся: так и так... — рассказал» (Зиновьев, II, № 59).

Сопоставление вариантов, записанных с интервалом в десять лет, позволяет проследить, как в исполнении умелого рассказчика быличка приобретает устойчивость формы. Со временем рассказ становится более развернутым, хотя в позднем варианте опущен сюжет «Защита от лешего — благословение», однако в нем появляются новые детали с целью сделать повествование еще более конкретным, а значит, и еще более «достоверным», убедительным для слушателя (см. коммент. № 78, 292, 410); о П. А. Достовалове см. с. 316–317 настоящей книги.

2. Записал В.П. Зиновьев от Петра Алексеевича Достовалова, 1909 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 57.

С ю ж е т ы: Ук. П — А, AI 5, AI 1г; Ук. доп. Зн, AI 8а.

3. Записал В.П. Зиновьев от Петра Алексеевича Достовалова, 1909 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 58.

С ю ж е т ы: Ук. П — А, AI 5, AI 1а.

4. Записал В.П. Зиновьев от Федота Ивановича Дутова, 1903 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1968 г. Зиновьев, II, № 64, м/л 2.

С ю ж е т ы: Ук. П — А, AI 5, AI 1а. Ср. № 54.

5. Записал В.П. Зиновьев от Григория Васильевича Пешкова, 1899 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 87, м/л 4.

С ю ж е т ы: Ук. П — А, AI 5, AI 1б.

О Г. В. Пешкове см. с. 320, 321 настоящей книги.

6. Записал В.П. Зиновьев от Федора Семеновича Смолянского, 1908 г. рожд., разъезд Шапка Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, II, № 94, м/л 24.

С ю ж е т ы: Ук. П — А, AI 5, AI 1а; Ук. доп. Зн, AI 8а.

7. Записал В.П. Зиновьев от Даниила Сергеевича Егорова, 1909 г. рожд., с. Шелопугино Шелопугинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 66, м/л 38.

С ю ж е т ы: Ук. П — А, AI 5, AI 1г. Ср. № 52.

8. Записал В.П. Зиновьев от Николая Григорьевича Бояркина, 1905 г. рожд., с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, II, № 48, м/л 95.

С ю ж е т ы: Ук. П — А, AI 5, AI 1а.

Из заметок собирателя М. Соловьевой: «Н.Г. Бояркин пережил за 79 лет все беды и радости сибирского крестьянства. Судьба его неотделима от судьбы земляков. Николай Григорьевич — человек, заинтересованный в совершенствовании сегодняшней жизни, выразитель народного отношения к происходящему вокруг. Это человек, умеющий владеть народным словом и знающий ему цену. Для него силен авторитет старшего поколения. Он знаток многих сказок, являющих собой синтез народной философии и педагогики. Н.Г. Бояркин знает множество быличек, это знание — от интереса к окружающей природе и людям». См. коммент. № 37.

О Н.Г. Бояркине см. также с. 24–25 настоящей книги.

9. Записали В.П. Зиновьев, Л. Кобелева, Л. Кропотова, В. Кузнецова, Н. Михайлова, Л. Москвитина от Акулины Кондратьевны Шумиловой, 1899 г. рожд., с. Верхние Ключи Нерчинского р-на Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 102.

С ю ж е т ы: Ук. П — А, AI 5, AI 1г; Ук. доп. Зн, AI 8а.

10. Записали А. Порошина, Н. Скобелкина от Кристины Константиновны Дружиной, 1897 г. рожд., с. Бори Сретенского р-на Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, II, № 63.

С ю ж е т ы: Ук. П — А, AI 5, AI 1а; Ук. доп. Зн, AI 8а; Ук. П — А, AI 2.

Последний сюжет почти всегда бывает сопутствующим по отношению к другим сюжетам, но иногда он встречается в качестве основного: «Ехали на мотоцикле с Грахой-поваром. Куст стоит у мельницы. Из-за него выходит мужчина и женщина. „Кто же идет?“ — Граха говорит. И они ходу не дают нам. Тут мужик так

захохотал, аж гул по скалам пошел. Березовские шли из клуба, тоже остановились, сгучились. Слышим, с верху скал мужик говорит: „Вас много, а нас двое — и такой гвалт наделали“» (записали И. Слепнева, Н. Тарасова от Натальи Евстафьевны Арсеньевой, 1923 г. рожд., с. Пешково Нерчинского р-на Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, II, № 32).

11. Записали В. П. Зиновьев, Л. Кобелева, Л. Кропотова, В. Кузнецова, И. Михайлова, Л. Москвитина от Екатерины Ивановны Денисовой, 1918 г. рожд., с. Усугли Шилкинского р-на Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 55.

С ю ж е т ы: Ук. П — А, AI 5, AI 16, AI 1е.

12. Записал В. П. Зиновьев от Валентины Пуртовой, 1944 г. рожд., с. Нижняя Куэнга Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, II, № 89.

С ю ж е т ы: Ук. П — А, AI 5, AI 16, AI 21.

В приведенной быличке есть элементы сюжета «Защита от лешего: переодевание одежды на левую сторону» (Ук. доп. Зн, AI 86), но с обратным значением: леший требует, чтобы заблудившийся парень переодел одежду задом наперед. Ср. текст, записанный И. Егоровой, Т. Труфановой от Александры Герасимовны Новиковой, 1920 г. рожд., с. Пешково Нерчинского р-на Читинской обл., 1979 г.: «...Мы раз по ягоды пошли и заблудились. А соседка моя и говорит: „Выворачивай юбку и кофту на левую сторону“. Ну, вывернули, и кто его знает, то ли посчастливилось, то ли леший помог, но мы вышли на тропинку» (Зиновьев, II, № 210).

13. Записал В. П. Зиновьев от Лукерьи Викторовны Дружининой, 1920 г. рожд., с. Бори Сретенского р-на Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, II, № 62, м/л 86.

С ю ж е т: Ук. П — А, AI 5.

14. Записали Н. Новикова, М. Соловьева от Феклы Ивановны Мосоловой, 1913 г. рожд., с. Верхние Ключи Нерчинского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, II, № 81, м/л 122.

С ю ж е т: Ук. П — А, AI 5.

15. Записал В. П. Зиновьев от Михаила Григорьевича Анциферова, 1906 г. рожд., д. Усть-Начин Сретенского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 38, м/л 57.

С ю ж е т ы: Ук. П — А, AI 5; Ук. доп. Зн, AI 1м.

В первый раз эта быличка была записана от того же исполнителя в 1977 г. Тексты очень близки друг к другу, но в первом варианте отсутствует мотив «Леший показывается людям в образе женщины».

16. Записали В. П. Зиновьев, Н. Новикова, Л. Попова от Анастасии Александровны Косяковой, 1902 г. рожд., с. Кибасово Шилкинского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, II, № 71.

С ю ж е т: Ук. П — А, AI 5.

17. Записали Е. Баева, И. Хоменко, И. Шишкина от Нины Андреевны Гладких, 1931 г. рожд., уроженки Ярославской обл., в Забайкалье с 1951 г., с. Пешково Нерчинского р-на Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, II, № 53.

С ю ж е т: Ук. П — А, AI 5.

18. Записал В. П. Зиновьев от Даниила Сергеевича Егорова, 1909 г. рожд., с. Шелопугино Шелопугинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 65, м/л 38.

С ю ж е т: Ук. П — А, AI 5.

19. Записал В.П. Зиновьев от Агриппины Васильевны Корниловой, 1904 г. рожд., с. Верхняя Куэнга Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, П, № 9, м/л 22.

С ю ж е т: Ук. П — А, А1 1г.

Данный сюжет широко распространен в Сибири, но в качестве самостоятельного встречается редко (в картотеке Зиновьева пять таких текстов, см. № 20, 21), как правило, он является сопутствующим по отношению к другим сюжетам.

В том же году от этой сказительницы В.П. Зиновьев записал единственную быличку на сюжет «Леший повторяет действия человека» (Ук. доп. Зн, А1 37) в соединении с распространенным сюжетом «Леший показывается людям в образе простого человека» (Ук. П — А, А1 1а).

«А тут один раз приехал [муж. — *Соб.*], говорит (поля у нас были, а потом ключ, у ключа-то тут грязь; и он уехал ночью), вот говорит:

— Только доехал до грязи, ниоткуда взялся, припарился со мной человек. Тоже на белой лошади. Я еду, и он едет. Едет. Едет.

Не разговариват, ничё, а едет со мной. И вплоть до дому доехал! Стал доезжать-то до ограды — не стало! Куда он девался, не знаю?

— Я, — говорит, — свистну — и он свистнет! На конях.

Кто знат, кто он?» (Зиновьев, П, № 243, м/л 22).

Сюжет Ук. П — А, А1 1а обычно является второстепенным по отношению к другим сюжетам, редко основным: «Было это со мной лично. Училась я на тракториста, на занятия бегала в Бишигино. Утром соскочила, мне показалось, что уже светат. Я теперь соскочила, подтопила быстро печку, поела маленько. Пошла, где мост-то есть, и, не доходя моста, оглянулась и вижу, что человек на коне едет. А я впереди него бегу. Он вдруг как свистнет! Оглянулась я — его нету! Вот куда делся? Чудилось это мне. Добегаю до деревни, захожу в один дом к знакомым, а мне говорят: „Ты, дева, ково, куда бежишь?“ А еще полночь только, оказывается, была. После этого намучилась: меня долго родимец бил, пока старухи „ладить“ не начали» (записали В.П. Зиновьев, Л. Кобелева, Л. Кропотова, В. Кузнецова, Н. Михайлова, Л. Москвитина от Татьяны Севастьяновны Кривоносковой, 1924 г. рожд., с. Пешково Нерчинского р-на Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, П, № 2. С ю ж е т ы: Ук. П — А, А1 1а. А1 6).

20. Записал В.П. Зиновьев от Григория Васильевича Пешкова, 1899 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1968 г. Зиновьев, П, № 11.

С ю ж е т: Ук. П — А, А1 1г.

21. См. коммент. № 20. Зиновьев, П, № 12.

22. Записал В.П. Зиновьев от Михаила Ксенофонтовича Пискарева, 1905 г. рожд., с. Верхняя Куэнга Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, П, № 21, м/л 25.

С ю ж е т: Ук. П — А, А1 1д.

В картотеке В.П. Зиновьева зафиксировано девять вариантов этого сюжета.

23. Записала Приображенская от Александры Щербаковой, 1896 г. рожд., с. Нижняя Куэнга Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, П, № 23.

С ю ж е т: Ук. П — А, А1 1д.

24. Записал А. Кукса от Михаила Григорьевича Анциферова, 1906 г. рожд., д. Усть-Начин Сретенского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, П, № 124, м/л 57.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, А1 6а.

В картотеке В.П. Зиновьева 30 текстов на этот сюжет.

25. Записал В.П. Зиновьев от Николая Григорьевича Бояркина, 1905 г. рожд., с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, П, № 127, м/л 68.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, А1 6а.

26. Записал В.П. Зиновьев от Федота Ивановича Дутова, 1903 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1968 г. Зиновьев, П, № 132, м/л 2.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, А1 6а.

27. Записал В.П. Зиновьев от Агриппины Васильевны Корниловой, 1904 г. рожд., с. Верхняя Куэнга Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, П, № 137, м/л 22.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, А1 6а; Ук. П — А, А1 16.

28. Записал В.П. Зиновьев от Якова Ильича Анисина, 1910 г. рожд., с. Зубарево Шилкинского р-на Читинской обл., 1973 г. Зиновьев, П, № 123.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, А1 6а.

29. Записали В.П. Зиновьев, Э. Лямина, М. Соловьева от Антонины Платоновны Пуртовой, 1927 г. рожд., уроженки Витебской обл., с. Кудея Сретенского р-на Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, П, № 142, м/л 82.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, А1 6а; Ук. П — А, А1 1а, А1 2.

30. Записал В.П. Зиновьев от Петра Ивановича Русина, 1905 г. рожд., пос. Усть-Карск Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, П, № 143, м/л 15.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, А1 6а.

31. Записал В.П. Зиновьев от Федора Семеновича Смолянского, 1908 г. рожд., разъезд Шапка Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, П, № 144, м/л 24.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, А1 6а.

32. Записал В.П. Зиновьев от Марии Федоровны Соколовой, 1892 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1968 г. Зиновьев, П, № 146.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, А1 6а.

33. Записал В.П. Зиновьев от Петра Алексеевича Достовалова, 1909 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, П, № 157.

С ю ж е т: Ук. П — А, А1 7.

Данный вариант сюжета встречается редко. Ср.: «Димку родила. Только спать легла, вижу: окно открывается. Старик на завалинке стоит, руки тянет: „Я возьму твоего ребеночка!“ Я как зареву! Всех перебудила» (записали И. Мазур, М. Саванжа, Тырянова от Тамары Тимофеевны Погодаевой, 1940 г. рожд., с. Фирсово Сретенского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, П, № 163).

34. Записал В.П. Зиновьев от Григория Васильевича Пешкова, 1899 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, П, № 162, м/л 4.

С ю ж е т ы: Ук. П — А, А1 7, А1 1г, А1 21.

Сюжеты образуют устойчивое сочетание, часто встречающееся в быличках. Упомянутый в рассказе старик Вербин — персонаж нескольких быличек (см. № 133, 136, 282, 317).

35. Записали Казакова, М. Княжева, Е. Куликова от Марии Ивановны Судаковой, 1928 г. рожд., с. Фирсово Сретенского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, П, № 13.

С ю ж е т ы: Ук. П — А, АІ 7, АІ 1г, АІ 21.

36. Записал В.П. Зиновьев от Ирины Степановны Рязанцевой, 1892 г. рожд., с. Крупянка Нерчинского р-на Читинской обл., 1966 г. Зиновьев, II, № 199.

С ю ж е т: Ук. П — А, АІ 7а.

В картотеке В.П. Зиновьева около 40 текстов на этот сюжет, которому чаще всего сопутствуют другие мотивы: Ук. П — А, АІ 1а, б, г; Ук. доп. Зн, АІ 8а; Ук. П — А, АІ 21. Сюжет «Леший уводит проклятых» всегда является сопутствующим по отношению к сюжетам «Леший делает человека невидимым» и «Леший превращает человека в собаку» (Ук. доп. Зн, АІ 40, АІ 41).

О И.С. Рязанцевой см. с. 23, 24 настоящей книги.

37. Записал В.П. Зиновьев от Николая Григорьевича Бояркина, 1905 г. рожд., с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, II, № 170, м/л 95.

С ю ж е т ы: Ук. П — А, АІ 7а, АІ 1б, АІ 21.

Первая запись этой былички от Н. Г. Бояркина была сделана в 1978 г. (Зиновьев, II, № 169, м/л 68). Она более сжата, схематична. Различие вариантов объясняется той обстановкой, в которой они записывались. В 1978 г. В.П. Зиновьеву не удалось наладить нужного контакта со сказителем: встреча была короткой, Николая Григорьевича смущал магнитофон. В 1980 г. собиратель прожил у него три дня и записал 12 прекрасных сказок, много песен, устных рассказов, быличек. Была создана обстановка естественного бытования жанра, когда возникает эстетическая заинтересованность слушать и рассказывать былички, когда важнейшим в исполнении становится традиционное требование: как можно убедительнее передать необыкновенный случай. См. также коммент. № 68, 124, 142, 373.

Этот «актагучинский случай» широко известен в Курумдюкане и окрестных деревнях. Он лег в основу кратких вариантов, записанных еще от четырех исполнителей в селах Курумдюкан, Бурукан, Бура Газимурозаводского р-на Читинской обл. См. № 38.

38. Записали Э. Лямина, М. Соловьева, Т. Усова от Марфы Павловны Рюмкиной, 1903 г. рожд., с. Бурукан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, II, № 198, м/л 110.

С ю ж е т: Ук. П — А, АІ 7а. См. коммент. № 37.

39. Записал В.П. Зиновьев от Авдотьи Ивановны Полоротовой, 1901 г. рожд., с. Бура Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 188, м/л 67.

С ю ж е т ы: Ук. П — А, АІ 7а, АІ 1а.

40. Записали Э. Лямина, М. Соловьева, Т. Усова от Евдокии Ефимовны Рюмкиной, 1909 г. рожд., с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, II, № 195, м/л 102.

С ю ж е т ы: Ук. П — А, АІ 7а, АІ 1а; Ук. доп. Зн, АІ 8а, ВІ 54а.

Первый раз быличка была записана от той же исполнительницы в 1978 г.

41. Записали Э. Лямина, М. Соловьева, Т. Усова от Евдокии Ефимовны Рюмкиной, 1909 г. рожд., с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, II, № 197, м/л 102.

С ю ж е т ы: Ук. П — А, АІ 7а; Ук. доп. Зн, АІ 8а, АІ 1л.

Первый раз быличка была записана от той же исполнительницы в 1978 г. Этот же случай в основе былички № 42.

Сюжет «Леший показывается людям в образе коня» (Ук. доп. Зн, АІ 1л) встречается редко. См., например: «Дмитриевский-то Филипп один раз переходил в Глубокой пади. Мост перешел, смотрит: стоит конь. То конь как конь, то вроде как человек. Дошел он до того места — ни коня, ни человека нет» (записали И. Егорова, И. Слепнева, Т. Труфанова от Лефестиньи Астафьевны Ланшаковой, 1909 г. рожд., с. Котельниково Нерчинского р-на Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, II, № 26).

42. Записал В.П. Зиновьев от Агафьи Понифатьевны Елгиной, 1905 г. рожд., с. Бурукан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 68, м/л 66.

С ю ж е т ы: Ук. П — А, АІ 7а; Ук. доп. Зн, АІ 1л. См. коммент. № 41.

43. Записали Н. Бобовская, О. Сокольниковы от Нины Васильевны Новиковой, 1942 г. рожд., с. Пешково Нерчинского р-на Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, II, № 184.

С ю ж е т ы: Ук. П — А, АІ 7а, АІ 1г, АІ 21; Ук. доп. Зн, АІ 8а.

44. Записал В.П. Зиновьев от Аграфены Гавриловны Пахмутовой, 1911 г. рожд., уроженки Вятской губ., с. Пешково Нерчинского р-на Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, II, № 186, м/л 90.

С ю ж е т ы: Ук. П — А, АІ 7а, АІ 1а; Ук. доп. Зн, АІ 8а.

45. Записали Т. Балканова, И. Игнатьева, Р. Ушкалова от Анны Самойловны Дутовой, 1911 г. рожд., с. Молодовск Сретенского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 174.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, АІ 41, АІ 8а; Ук. П — А, АІ 7а, АІ 1г.

Сюжет «Леший превращает человека в собаку» в картотеке В.П. Зиновьева встречается только в двух текстах (см. № 46).

46. Записал В.П. Зиновьев от Петра Ивановича Русина, 1905 г. рожд., пос. Усть-Карск Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, II, № 190, м/л 15.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, АІ 41; Ук. П — А, АІ 7а.

47. Записали И. Смолина, М. Соловьева от Прасковьи Дорофеевны Тонких, 1910 г. рожд., с. Бори Сретенского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 206, м/л 83.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, АІ 40, АІ 8а, ВІ 54б; Ук. П — А, АІ 7а, АІ 1г, АІ 21, АІ 2, ПІ 5 (элементы).

Былички на сюжет «Леший делает человека невидимым», как правило, развернуты, многоэпизодичны, что не характерно для быличек о лешем. В картотеке В.П. Зиновьева семь текстов на этот сюжет, три из них — варианты приведенной былички, записанной от разных исполнителей. См. № 48–50.

48. Записали Э. Лямина, М. Соловьева, Т. Усова от Евдокии Ефимовны Рюмкиной, 1909 г. рожд., с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, II, № 196, м/л 102.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, АІ 40, АІ 8а, ВІ 54а; Ук. П — А, АІ 7а, АІ 1а.

Первый раз быличка была записана от Е. Е. Рюмкиной в 1978 г. В первом варианте сообщается, что все рассказанное произошло с родственницей исполнительницы, «маминою сестреницей».

49. Записали В.П. Зиновьев, А. Кукса от Агафьи Понифатьевны Елгиной,

1905 г. рожд., с. Бурукан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, П, № 175, м/л 66.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, АІ 40, АІ 8а; Ук. П — А, АІ 7а.

50. Записали Белоницкая, Зиновьева от Ирины Евграфовны Корякиной (Мункуевой), 1894 г. рожд., с. Дунаево Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, П, № 181.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, АІ 40; Ук. П — А, АІ 7а.

51. Записали А. Ефимова, Л. Софронова от Екатерины Афанасьевны Воложиной, 1898 г. рожд., с. Аталанка Усть-Удинского р-на Иркутской обл., 1978 г. Зиновьев, П, № 218.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, АІ 14ж; Ук. П — А, АІ 1а.

В картотеке В.П. Зиновьева три текста на первый сюжет, все они записаны в с. Аталанка.

52. Записал В.П. Зиновьев от Даниила Сергеевича Егорова, 1909 г. рожд., с. Шелопугино Шелопугинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, П, № 221, м/л 38.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, АІ 17е; Ук. П — А, АІ 5, АІ 1г. Ср. № 7.

53. Записали Т. Дружинина, Т. Миронова от Николая Ивановича Литвинцева, 1892 г. рожд., с. Знаменка Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, П, № 225.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, АІ 19б, АІ 8а; Ук. П — А, АІ 5, АІ 1а, АІ 21.

Сокращенный вариант этой былички был записан в с. Знаменка Нерчинского р-на в 1976 г.

54. Записал В.П. Зиновьев от Федота Ивановича Дутова, 1903 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1968 г. Зиновьев, П, № 224, м/л 2.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, АІ 19б; Ук. П — А, АІ 5, АІ 1г. Ср. № 4.

55. Записал В.П. Зиновьев от Агриппины Васильевны Корниловой, 1904 г. рожд., с. Верхняя Куэнга Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, П, № 239, м/л 22.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, АІ 34к; Ук. П — А, АІ 6.

Быличка на этот сюжет единственная в картотеке В.П. Зиновьева.

56. Записал В.П. Зиновьев от Михаила Григорьевича Анциферова, 1906 г. рожд., д. Усть-Начин Сретенского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, П, № 244, м/л 57.

С ю ж е т: Ук. П — А, АІ 38.

Данный сюжет в картотеке В.П. Зиновьева представлен единственным текстом.

57. Записали М. Аристова, Н. Додатко, Л. Жижкина, В.П. Зиновьев, А. Кукса от Виктора Константиновича Кузнецова, 1952 г. рожд., с. Газимурский Завод Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, П, № 229, м/л 33.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, АІ 27з; Ук. П — А, АІ 1а.

Из заметок собирателя М. Соловьевой: «...В. К. Кузнецов вырос у бабушки с дедушкой, о которых отзывается с большим уважением... В селе он популярен как рассказчик чудесных историй. В. К. Кузнецов не просто пересказывает быличку, но стремится драматизировать повествование, сделать слушателя как бы свидетелем описываемого события. Особое наслаждение ему доставляет ощущение

того, что он может удивить слушателей, вселить в них ужас, подчинить своей воле. С этой целью он со своим другом инсценировал былички, приглашая на «сеансы» подростков, заставляя их ощутить «присутствие» нечистой силы. Былички они рассказывали в заброшенном доме ночью, при свече, садили мальчишек на скамью перед печью и, когда речь заходила о появлении покойника в саване, сбрасывали на них сверху простыню; когда говорилось о том, как перед рассветом закричал петух, друг рассказчика, сидевший в это время в подполье и державший перепуганного петуха с завязанным клювом, снимал с клюва тесемки, и петух истошно кричал; когда говорилось о появлении черта, кому-нибудь из мальчишек водили по руке коровьим хвостом... Мальчишки с визгом выбегали из дома, а на следующий вечер приходили опять. Так истории, поведенные Виктором, оказывались не просто информацией, а актом творчества, дающим слушателю эмоциональный заряд.

58. Записали Н. Онышко, О. Сизых от Александра Михайловича Бронникова, 1945 г. рожд., с. Знаменка Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 108, м/л 42.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, АІ 27л, АІ 27к; Ук. П — А, АІ 2.

Сюжет «Леший прогоняет охотника с солонцов или из зимовья» представлен в картотеке В.П. Зиновьева десятью вариантами.

59. Записал В.П. Зиновьев от Николая Григорьевича Бояркина, 1905 г. рожд., с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 34, м/л 68.

С ю ж е т ы: Ук. П — А, АІ 3; Ук. доп. Зн, АІ 27к, АІ 1н.

60. Записал В.П. Зиновьев от Даниила Сергеевича Егорова, 1909 г. рожд., с. Шелопугино Шелопугинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 36, м/л 39.

С ю ж е т: Ук. П — А, АІ 3.

61. Записал В.П. Зиновьев от Афанасия Андреевича Дунаева, 1902 г. рожд., с. Кудея Сретенского р-на Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, II, № 35, м/л 86.

С ю ж е т ы: Ук. П — А, АІ 3; Ук. доп. Зн, АІ 1т.

62. Записали О. Соболева, М. Соловьева от Виктора Константиновича Кузнецова, 1952 г. рожд., с. Газимурский Завод Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 247.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, АІІ 1ж.

В картотеке В.П. Зиновьева хранится 12 быличек о водяном.

63. Записал В.П. Зиновьев от Серафимы Кирилловны Кочуриной, 1921 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 255.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, АІІ 20, АІІ 1и.

64. Записал В.П. Зиновьев от Анны Максимовны Китаевой, 1914 г. рожд., с. Аргун Сретенского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 271, м/л 54.

С ю ж е т: Ук. П — А, АІІ 4.

В картотеке В.П. Зиновьева 67 быличек о русалке, в 26 из них основным (часто единственным) является данный сюжет.

65. Записал В.П. Зиновьев от Марфы Андреевны Рычковой, 1901 г. рожд., неграмотной, с. Дунаево Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, II, № 278, м/л 25.

С ю ж е т ы: Ук. П — А, АІІ 4; Ук. доп. Зн, АІІ 26, АІІ 21.

66. Записали Е. Алтуфьева, Л. Петелина от Феклы Федоровны Беломестной, 1907 г. рожд., с. Кангил Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 294.

С ю ж е т ы: Ук. П — А, АП 6, АП 4: Ук. доп. Зн, АП 19.

67. Записали Э. Лямина, М. Соловьева, Т. Усова от Анны Назарьевны Соболевой, 1906 г. рожд., с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, II, № 299, м/л 106.

С ю ж е т: Ук. П — А, АП 6.

68. Записал В.П. Зиновьев от Николая Григорьевича Бояркина, 1905 г. рожд., с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 316, м/л 68.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, АП 24, АП 17; Ук. П — А, АП 4.

Быличку воспринял от Анны Назарьевны Соболевой — «бабушки Назарьевны» (см. № 67), творчески ее преобразовал. Повторно быличка была записана от того же исполнителя в 1980 г.: «Вот где теперь Анна-то Назарьевна живет, дак вон с крыльца стреляли ее. Русалка ли кто ли она. Раньше говорили: чертовка.

Она вышла оттуль, чешется гребнем, а тут старики были и из берданы с крыльца — а у Анны-то Назарьевны крыльцо вон какое-е — ее хлоп! Она руки разбросила:

— Год от года хуже будет! Седьмой год хуже всех!

А вот в култуке-то, по ту сторону, все человек плакал, женщина все ходила, плакала. Как вечер, начинат плакать. А вот эти года не стала плакать, годов, однако...

...Из воды на камень вышла, чешется. Волосья долги, черны. Вот ее и хлопнули.

...Вот вы доходите. Здесь вон нечиста сила есть, она вас как заберет да как в прорубь посадит — оттуль не выскочить» (Зиновьев, II, № 317, м/л 95). В этом варианте, в целом близком к первому, опущен мотив «Русалка преследует человека, взявшего ее гребень».

69. Записали Т. Коваленко, В. Невиличук, И. Тайгинд от Августы Савельевны Гусевской, 1914 г. рожд., неграмотной, с. Уктыча Сретенского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 266.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, АП 17; АП 19; Ук. П — А, АП 4.

Эта же быличка была записана от детей в селах Уктыча и Кудея. См. № 70.

70. Записали Л. Плотникова, Н. Щерба от Светланы Николаевны Плотниковой, 1968 г. рожд., с. Уктыча Сретенского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 308.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, АП 17, АП 20а; Ук. П — А, АП 4. См. № 69.

71. Записали М. Аристова, Н. Додатко, Л. Жижкина, В.П. Зиновьев, А. Кукса от Виктора Константиновича Кузнецова, 1952 г. рожд., с. Газимурский Завод Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 301, м/л 32.

С ю ж е т ы: Ук. П — А, АП 10, АП 6.

72. Записали Н. Новикова, Л. Попова, О. Соболева, М. Соловьева от Евдокии Сергеевны Бянкиной, 1922 г. рожд., с. Кумаки Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 314

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, АП 22.

Данный сюжет представлен в картотеке В.П. Зиновьева единственным текстом.

73. Записал В.П. Зиновьев от Николая Григорьевича Бояркина, 1905 г. рожд., с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, II, № 311, м/л 95.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, АПШ 18.

В картотеке В.П. Зиновьева сюжет представлен единственным текстом.

74. Записал В. П. Зиновьев от Капидона Павловича Рязанцева, 1902 г. рожд., д. Крупянка Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 320, м/л 49.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, АПШ 25.

В картотеке В.П. Зиновьева сюжет представлен единственным текстом.

75. Записал В.П. Зиновьев от Серафимы Кирилловны Кочуриной, 1921 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 324.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн. АПШ 27.

В картотеке В.П. Зиновьева сюжет представлен единственным текстом.

76. Записал А. Кукса от Феклы Дмитриевны Аникимовой (Медведевой), 1911 г. рожд., с. Аталанка Усть-Удинского р-на Иркутской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 321.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, АПШ 26, АПШ 20б.

77. Записали М. Аристова, Н. Додатко, Л. Жижкина, В.П. Зиновьев, А. Кукса от Виктора Константиновича Кузнецова, 1952 г. рожд., с. Газимурский Завод Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 334, м/32.

С ю ж е т: Ук. П — А, БИ 1б.

Домовой — популярный персонаж быличек. В картотеке В.П. Зиновьева насчитывается около 240 текстов о нем. Распространенный сюжет «Домовой показывается в образе старика», как правило, сопутствует другим сюжетам, в качестве самостоятельного встречается редко.

В истории, рассказанной В. К. Кузнецовым, сообщается поверье «Увидеть домового — к счастью», хотя широко известно поверье с противоположным значением: «Домовой показывается или воет — перед несчастьем». См. № 96, 97.

78. Записал В.П. Зиновьев от Петра Алексеевича Достовалова, 1909 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 367.

С ю ж е т: Ук. П — А, БИ 5в.

Данный сюжет очень распространен, в картотеке В.П. Зиновьева встречается в 38 текстах. Повторно быличка была записана от того же исполнителя в 1979 г. (Зиновьев, II, № 368, м/л 71, см. № 79). Второй вариант более развернутый, добавлены новые подробности: уточнено время действия, названы имена и фамилии, обстоятельнее описан вечер накануне происшествия. Все это конкретизирует рассказ, делает его более «достоверным», убедительным для слушателя. См. коммент. № 1.

79. См. коммент. № 78.

80. Записал В.П. Зиновьев от Александра Федоровича Утюжникова, 1927 г. рожд., грамотного, с. Дарасун Карымского р-на Читинской обл., 1975 г. Зиновьев, II, № 381

С ю ж е т ы: Ук. П — А, БИ 5в, БИ 1б.

81. Записал В.П. Зиновьев от Петра Ивановича Русина, 1905 г. рожд., пос. Усть-Карск Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, II, № 393, м/л 15.

С ю ж е т ы: Ук. П — А, БИ 5г; Ук. доп. Зн, БИ 7д.

Сюжет представлен в картотеке В.П. Зиновьева единственным текстом.

82. Записал В.П. Зиновьев от Федота Ивановича Дутова, 1903 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1968 г. Зиновьев, II, № 494, м/л 2.

С ю ж е т: Ук. П — А, Б1 16.

В картотеке В.П. Зиновьева сюжет представлен более чем в 20 быличках.

83. Записали В.П. Зиновьев, Л. Кобелева, Л. Кропотова, В. Кузнецова, Н. Михайлова, Л. Москвитина от Марии Дмитриевны Филипповой, 1915 г. рожд., с. Пешково Нерчинского р-на Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 507.

С ю ж е т ы: Ук. П — А, Б1 16, Б1 1г; Ук. доп. Зн, Б1 5к.

84. Записал В.П. Зиновьев от Ирины Степановны Рязанцевой, 1892 г. рожд., с. Крупянка Нерчинского р-на Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 506, м/л 13.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, Б1 16, Б1 1з.

85. Записали З. Москаленко, О. Хвостова, М. Шипицына от Раисы Гавриловны Ключевской, 1903 г. рожд., неграмотной, с. Фирсово Сретенского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 498.

С ю ж е т ы: Ук. П — А, Б1 16, Б1 1б.

86. Записал В.П. Зиновьев от Аграфены Гавриловны Пахмутовой, 1911 г. рожд., уроженки Вятской губ., с. Пешково Нерчинского р-на Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, II, № 529, м/л 90.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, Б1 16а; Ук. П — А, Б1 1а.

Первый из указанных сюжетов — один из самых распространенных: в картотеке В.П. Зиновьева хранится около 40 быличек на этот сюжет.

87. Записал В.П. Зиновьев от Петра Алексеевича Достовалова, 1909 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 519.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, Б1 16а, Б1 16б.

В быличке наблюдается смешение сюжетов «Домовой выживает человека, не попросившегося у него на ночлег» и «Леший прогоняет охотника с солонцов или из зимовья» (Ук. доп. Зн, А1 27л). Ср. № 58.

88. Записал В.П. Зиновьев от Капидона Павловича Рязанцева, 1902 г. рожд., д. Крупянка Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 536, м/л 49.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, Б1 16а.

89. Записал В.П. Зиновьев от Агриппины Васильевны Корниловой, 1904 г. рожд., с. Верхняя Куэнга Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, II, № 526, м/л 22.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, Б1 16а.

90. Записали И. Смолина, М. Соловьева от Прасковьи Дорофеевны Тонких, 1910 г. рожд., с. Бори Сретенского р-на Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, II, № 539, м/л 83.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, Б1 16а.

91. Записал В.П. Зиновьев от Анны Петровны Корниловой, с. Унда Балейского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 525, м/л 41.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, Б1 16а.

92. Записал В.П. Зиновьев от Даниила Сергеевича Егорова, 1909 г. рожд., с. Шелопугино Шелопугинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 552, м/л 38.

С ю ж е т ы: Ук. П — А, Б1 17, Б1 1с, Б1 5в.

93. Записали Н. Онышко, О. Сизых от Александра Михайловича Бронникова, 1945 г. рожд., образование 8 классов, с. Знаменка Нерчинского р-на Читинский обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 400.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, Б1 5ж.

94. Записали Н. Новикова, М. Соловьева от Феклы Ивановны Мосоловой, 1913 г. рожд., с. Верхние Ключи Нерчинского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, II, № 403, м/л 122.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, Б1 5ж; Ук. П — А, Б1 5в.

95. Записал В.П. Зиновьев от Кристины Александровны Разуваевой, 1916 г. рожд., образование 2 класса, с. Аталанка Усть-Удинского р-на Иркутской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 440, м/л 62.

С ю ж е т ы: Ук. П — А, Б1 9а, Б1 1а.

96. Записали Н. Новикова, М. Соловьева от Доры Гордеевны Бутиной, 1910 г. рожд., с. Нижние Ключи Нерчинского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, II, № 441, м/л 127.

С ю ж е т: Ук. П — А, Б1 9б.

В картотеке В.П. Зиновьева сюжет представлен 19 вариантами.

97. Записал В.П. Зиновьев от Кристины Александровны Разуваевой, 1916 г. рожд., образование 2 класса, с. Аталанка Усть-Удинского р-на Иркутской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 453, м/л 62.

С ю ж е т ы: Ук. П — А, Б1 9б, Б1 1н; Ук. доп. Зн, Б1 1х, Е1 2.

В 1978 г. быличка была записана повторно от той же исполнительницы. Второй вариант сокращен, основан на одном эпизоде. Тогда же в с. Аталанка от другой исполнительницы был записан схематичный рассказ о случившемся.

98. Записал В.П. Зиновьев от Петра Ивановича Русина, 1905 г. рожд., пос. Усть-Карск Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, II, № 423, м/л 16.

С ю ж е т: Ук. П — А, Б1 8б.

99. Записали С. Кудрявцева, Е. Кузьмина, Н. Пильник от Валентины Григорьевны Бут, 1925 г. рожд., с. Знаменка Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 420.

С ю ж е т ы: Ук. П — А, Б1 8б; Ук. доп. Зн, Б1 8и, Б1 8е.

В картотеке В.П. Зиновьева имеется второй вариант былички, записанный в этом же году от той же исполнительницы, в нем сюжет несколько изменен; дырявое ведро бросают в домового — он исчезает.

100. Записали Л. Горбатко, Н. Погуральская, А. Хачумова от Александры Степановны Милухиной, с. Дарасун Карымского р-на Читинской обл., 1975 г. Зиновьев, II, № 433.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, Б1 8и, Б1 13в; Ук. П — А, Б1 1б.

101. Записали А. Ефимова, Л. Софронова от Кристины Александровны Разуваевой, 1916 г. рожд., образование 2 класса, с. Аталанка Усть-Удинского р-на Иркутской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 469.

С ю ж е т ы: Ук. П — А, Б1 8б, Б1 12б.

102. Записал В.П. Зиновьев от Николая Григорьевича Бояркина, 1905 г. рожд., с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, II, № 424, м/л 96.

С ю ж е т: Ук. П — А, Б1 8в; Ук. доп. Зн, Г1 13г (элемент).

103. Записал В.П. Зиновьев от Федота Ивановича Дутова, 1903 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 413.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, Б1 7е; Ук. П — А, Б1 8б.

104. Записал В.П. Зиновьев от Николая Григорьевича Бояркина, 1905 г. рожд., с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 411, м/л 68.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, Б1 7е; Ук. П — А, Б1 8б.

В 1980 г. быличка была записана повторно от того же исполнителя. Варианты близки друг к другу.

105. Записал В.П. Зиновьев от Устиньи Федоровны Сычевой, 1894 г. рожд., родом из Воронежской обл., в Забайкалье с 1930-х гг., разъезд Шапка Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, II, № 488, м/л 23.

С ю ж е т: Ук. П — А, Б1 14.

У. Ф. Сычева — прекрасная рассказчица, «самоуком взяла», имеет постоянный репертуар. От Устиньи Федоровны записан рассказ о том, как домового переводили в новый дом: «С нами рядом моего свекра брат жил. У него было два сына, женатаи. Они разделились. А у меня золовка была, она как раз зачем-то забежала. Приходе, рассказывае: „Молились Богу... Скатерть расстлали, хлеба положили, соль. Лампадку зажгли. Помолились Богу. Эти два брата будут уходить от отца. Один говорить (она-то рассказывае) ... братка Ваня говорить: „Хозяин, пойдем с нами жить на нову усадьбу, жить, добро наживать!“ И братка Макар так сказал: „А старый хозяин оставайся на старом дворе!“ Это она прибежала и рассказывае» (Зиновьев, II, № 489, м/л 23).

106. Записал В.П. Зиновьев от Федота Ивановича Дутова, 1903 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1968 г. Зиновьев, II, № 478, м/л 2.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, Б1 13а.

В быличках очень часто встречается мотив ветра. Ветер воспринимается не как обычное явление природы, а связывается с появлением или исчезновением сверхъестественного персонажа (см. № 24, 30, 84, 146, 175, 390, 409).

107. Записал В.П. Зиновьев от Ефима Филимоновича Резанова, 1903 г. рожд., с. Луговское Шелопугинского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 480, м/л 56.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, Б1 13а, Б1 1с; Ук. П — А, А1 1а.

108. Записал В.П. Зиновьев от Ирины Степановны Рязанцевой, 1892 г. рожд., с. Крупянка Нерчинского р-на Читинской обл., 1966 г. Зиновьев, II, № 484.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, Б1 13б.

109. Записали Л. Плотникова, Н. Щерба от Алексея Николаевича Носырева, 1959 г. рожд., с. Фирсово Сретенского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 557.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, Б1 24.

В картотеке В.П. Зиновьева сюжет представлен единственным текстом.

110. Записали М. Аристова, Н. Додатко, Л. Жижкина, В.П. Зиновьев, А. Кукса от Виктора Константиновича Кузнецова, 1952 г. рожд., с. Газимурский Завод Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 565, м/л 32.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, Б1 29; Ук. П — А, Б1 19.

111. Записали Ковальская, Мартынова от Марии Николаевны Тонких, 1904 г.

рожд., неграмотной, с. Молодовск Сретенского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 556.

С ю ж е т ы: Ук, доп. Зн, Б1 23; Ук. П — А, Б1 1а, б.

Первый сюжет в картотеке В.П. Зиновьева представлен единственным текстом.

112. Записали В.П. Зиновьев, Е. Какунина, А. Порошина от Даниила Сергеевича Егорова, 1909 г. рожд., с. Шелопугино Шелопугинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 582, м/л 39.

С ю ж е т: Ук. П — А, БП 2.

В картотеке В.П. Зиновьева сюжет представлен 11 текстами.

Среди сибирского населения рассказы о баннике не так популярны, как рассказы о лешем, домовом, что, видимо, связано с общей для быличек тенденцией отхода от трагических мотивов. Традиционно за банником одной из главных закрепились функция сдирать кожу, давить или иным способом наказывать человека в бане (См. Ук. П — А, БП 2, БП 5; Ук. доп. Зн, БП 5е, ж). Рассказы о баннике, заканчивающиеся трагично, как правило, относятся к давнему прошлому.

113. Записали М. Аристова, Н. Додатко, Л. Жижкина, В.П. Зиновьев, А. Кукса от Виктора Константиновича Кузнецова, 1952 г. рожд., с. Газимурский Завод Газимуровского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 583, м/л 32.

С ю ж е т: Ук. П — А, БП 2.

114. Записал В.П. Зиновьев от Аграфены Гавриловны Пахмутовой, 1911 г. рожд., уроженки Вятской губ., с. Пешково Нерчинского р-на Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, II, № 587, м/л 90.

С ю ж е т: Ук. П — А, БП 2.

115. Записали Т. Кармина, В. Кузьмина от Анфисы Дмитриевны Тирских, 1914 г. рожд., с. Карда Усть-Удинского р-на Иркутской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 590.

С ю ж е т ы: Ук. П — А, БП 2. БП 5а.

Довольно редкий вариант указанных сюжетов, когда свидетель (он же потерпевший) — знакомый рассказчика. См. коммент. № 112.

116. Записали Н. Новикова, Л. Попова, О. Соболева, М. Соловьева от Анны Ивановны Носковой, 1901 г. рожд., с. Кумаки Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 605.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, БП 5е.

117. Записали Колбасникова, Сафьянникова от Надежды Васильевны Донниковой, 1955 г. рожд., с. Карда Усть-Удинского р-на Иркутской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 606.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, БП 5ж.

118. Записал В.П. Зиновьев от Федота Ивановича Дутова, 1903 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1968 г. Зиновьев, II, № 579, м/л 2.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, БП 1д.

В быличке банник не совершает никаких «агрессивных» действий, он только показывается в одном из образов. В таких историях очевидцем обычно выступает сам рассказчик, его знакомый или родственник (№ 119–121).

119. Записал В.П. Зиновьев от Григория Васильевича Пешкова, 1899 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 575.

С ю ж е т: Ук. П — А, БП 16.

120. Записали С. Кудрявцева, Е. Кузьмина, Н. Пильник от Валентины Григорьевны Бут, 1925 г. рожд., с. Знаменка Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, П, № 574.

С ю ж е т: Ук. П — А, БП 16.

121. Записали А. Кукса, А. Порошина от Ефалии Викторовны Егоровой, 1903 г. рожд., с. Шеметово Сретенского р-на Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, П, № 623.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, БП 13; Ук. П — А, БП 1а.

122. Записала Н. Погуральская от Анны Петровны Кирилловой, с. Унда Бaleyского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, П, № 626.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, БП 14.

123. Записал В.П. Зиновьев от Николая Григорьевича Бояркина, 1905 г. рожд., с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев П, № 629, м/л 68.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, БIV 1, БIV 2в, БIV 8а.

Согласно поверьям, кикимора — антипод домового в жилище. Рассказы о кикиморе, так же как и о баннике, малопопулярны среди забайкальского населения. В картотеке В.П. Зиновьева четыре варианта сюжета «Кикимора — умерший ребенок». Ни в одном из них кикимора не упоминается, сверхъестественный персонаж вообще не называется исполнителями, о нем как будто забыли. Но при расспросах собирателя вырисовывается довольно определенный образ с постоянными функциями. На вопрос собирателя, кто такая кикимора, Н.Г. Бояркин ответил: «Кикимора? Это тоже напушшение... У нас было...» Дальше быличка. В.П. Зиновьев: «А кто она такая?» Бояркин: «Ерничинка, сделана кукла...» Дальше рассказы, как «чудилось» в доме, о том, как девочка сгорела, потом «чудилось».

А. И. Полоротова на вопрос: «А вот, говорят, что кикимору вроде заывают в дом, наводят... или как?» — ответила: «А вот тут в дому было в одном. Вот эта кикимора-то, верят, и есть». Дальше рассказ № 132.

124. Записал В.П. Зиновьев от Николая Григорьевича Бояркина, 1905 г. рожд., с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, П, № 638, м/л 95.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, БIV 2в — е, з, БIV 8а.

Первый раз быличка была записала в 1978 г. По сравнению с опубликованной она более сжата, в ней опущен эпизод с явлением кикиморы в различных образах в шорне.

125. Записали В. Жаглова, Е. Косолапова от Руфины Иннокентьевны Брыкиной, с. Дарасун Карымского р-на Читинской обл., 1975 г. Зиновьев, П, № 646.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, БIV 3.

Сюжет «Кикимора беспокоит жильцов» очень распространен в Забайкалье. В картотеке В.П. Зиновьева зафиксировано 56 быличек, где он является единственным или ведущим. См. коммент. № 123.

126. Записали Е. Антуфьева, Л. Петелина от Федосьи Николаевны Обуховой, 1897 г. рожд., с. Кангил Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, П, № 667.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, БIV 3, БIV 2г, д, и, БIV 8а, б.

127. Записал В.П. Зиновьев от Григория Васильевича Пешкова, 1899 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, П, № 669.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, БІV 3.

128. Записала О. Молчанова от Акулины Ивановны Суворовой, 1929 г. рожд., с. Бичура Бичурского р-на Бурятской АССР, 1976 г. Зиновьев, II, № 682.

С ю ж е т ы: Ук. Доп. Зн, БІV 3, БІV 2з, БІV 8а.

129. Записал В.П. Зиновьев от Петра Ивановича Зиновьева, 1919 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1968 г. Зиновьев, II, № 654.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, БІV 3; Ук. П — А, ВІ 39.

В картотеке В.П. Зиновьева шесть быличек, построенных на соединении этих двух сюжетов, иногда с добавлением сюжета «Защита от кикиморы: найти и убрать (уничтожить) куклу или другой предмет, с помощью которого навлекли кикимору» (№ 130, 131). В этих историях сюжет «Плотники населяют новый дом нечистью» очень близок к сюжету «Колдун навлекает на дом кикимору» (Ук. доп. Зн, ГІІ 13а). В одном из вариантов рассказчик прямо указывает на особые «знания» плотника, строящего дом: «Вот что-то он знал же?!» (№ 131). Наряду с этим бытует немало рассказов, в которых объясняется, отчего в доме «чудится», т. е. разоблачается сверхъестественность события. Так, Аркадий Семенович Шамякин, 1921 г. рожд., по профессии печник, проживающий в с. Пешково Нерчинского р-на (приехал из Москвы в 1965 г.), рассказывал: «Вот возьмешь в углу дырку просверлишь центровкой-мулевкой. Вставишь битое горлышко, пробочку. Дырки-то делаешь в разных углах, чтобы разные ветра схватить. Пробочки выдерну — и начинает выть по-собачьи, по-кошачьи и по-всякому разному... Под печь ртуть закладываешь в свинце, чтобы не ушла. Она накаливается, начинает ухать... Если хозяин не напоит, то и делали». Рассказы, основанные на подобных фактах, относятся к разряду псевдобыличек.

130. Записал В.П. Зиновьев от Петра Ивановича Русина, 1905 г. рожд., пос. Усть-Карск Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, II, № 676, м/л 15.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, БІV 3, БІV 8а; Ук. П — А, ВІ 39.

131. Записали А. Володько, Н. Скобелкина, И. Смолина от Марии Иннокентьевны Савватеевой, 1887 г. рожд., неграмотной, с. Пешково Нерчинского р-на Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, II, № 679.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, БІV 3, БІV 8а; Ук. П — А, ВІ 39.

132. Записали Э. Лямина, М. Соловьева. Т. Усова от Авдотьи Ивановны Полоротовой, 1901 г. рожд., с. Бура Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, II, № 672, м/л 109.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, БІV 3, ГІІ 13а.

133. Записал В.П. Зиновьев от Григория Васильевича Пешкова, 1899 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 668, м/л 4.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, БІV 3, ГІІ 13а.

Односельчане считали Вербина колдуном, его обычно приглашали дружкой на свадьбу (№ 34, 282, 316, 317). Рассказчику и слушателю это известно, поэтому сообщение о том, что раньше в доме жил Вербин, без лишних слов объясняет, почему там «чудится».

134. Записали З. Синелобова, Н. Скобелкина, М. Эссер от Елены Кирилловны Кудрявцевой, 1917 г. рожд., с. Ломы Сретенского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 658.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, БІV 3, ГІІ 13а, БІV 7, БІV 8а.

В данном случае перед нами бывальщина. Здесь нет ссылки на очевидцев, не конкретизированы место и время действия. Как правило, истории о кикиморе, о том, как «чудится», рассказываются в форме свидетельских показаний, в большинстве своем они не велики по объему, лаконичны, т. е. имеют все характерные особенности былички. Собиратели отметили, что Е. К. Кудрявцева, по ее же словам, многим и охотно ее рассказывает.

135. Записали Э. Лямина, М. Соловьева, Т. Усова от Егора Степановича Рюмкина, 1907 г. рожд., с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, П., № 701, м/л 103.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, БIV 4, БIV 3, БIV 8а, ГП 13а.

Ведущий сюжет, «Кикимора общается с людьми», редко встречается в Забайкалье. Тем более интересны записи одной и той же истории на этот сюжет, сделанные в с. Курумдюкан и г. Сретенске от пяти исполнителей. В основе былички — событие, взволновавшее несколько соседних деревень: «Эта кикимора перво-то помаленьки, сначала-то не разглашали. Потом пошло: кикимора! кикимора!.. Кака она, кикимора? Дак ходили все, и наша вся деревня ходила смотреть, чё она вытворяет, эта кикимора... Однако месяц, больше ли эти театры были. Как вечер, так и пошли слушать туды эту шутовину-то» (записано от Григория Капидоновича Грובהва, 1907 г. рожд., с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, П., № 700, м/л 101). Курумдюканские былички о кикиморе отличает грубоватый юмор: рассказчики не скупятся на комические подробности. В записанных историях воссоздана редкая для былички атмосфера общего веселья, когда все увлечены игрой, а неуместно серьезные свидетели, не верящие в чудеса, подвергаются единодушному осмеянию. Курумдюканские записи — пример того, как быличка сближается с анекдотическими рассказами и со сказками-небылицами (Зиновьев, П., № 697, м/л 68). О Е. С. Рюмкине см. с. 23 настоящей книги.

136. Записал В.П. Зиновьев от Матрены Алексеевны Томских, 1882 г. рожд., с. Мирсаново Шилкинского р-на Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, П., № 702.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, БIV 5, БIV 26.

137. Записал А. Кукса от Феклы Дмитриевны Аникимовой (Медведевой), 1911 г. рожд., с. Аталанка Усть-Удинского р-на Иркутской обл., 1978 г. Зиновьев, П., № 703.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, БIV 6, БIV 2а, БIV 8г.

138. Записал В.П. Зиновьев от Анны Максимовны Китаевой, 1914 г. рожд., с. Аргун Сретенского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, П., № 704, м/л 53.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, БIV 6, ГП 13а (элемент).

139. Записал В.П. Зиновьев от Аграфены Гавриловны Пахмутовой, 1911 г. рожд., с. Пешково Нерчинского р-на Читинской обл., 1979 г.

В картотеке В.П. Зиновьева всего две былички о змее, обе записаны от А.Г. Пахмутовой в 1979 г. Зиновьев, П., №844, 845, м/л 90.

С ю ж е т: Ук. П — А, ВП 4б.

Данный сюжет «Змей (черт) летает к женщине, оплакивающей своего умершего мужа или близкого ей человека» близок к сюжету «Черт приходит к женщине в образе мужа умершего (ушедшего на службу)» (Ук. доп. Зн, ВI 47).

140. См. коммент. № 139.

141. Записали Э. Лямина, М. Соловьева, Т. Усова от Анны Филипповны Бояр-

киной, 1907 г. рожд., с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, II, № 751, м/л 102.

С ю ж е т ы: Ук. П — А, VI 25, VI 1в; Ук. доп. Зн, VI 6а, е. Бывальщина.

Черт — один из популярных персонажей мифологических рассказов. В картотеке В.П. Зиновьева 112 текстов о нем, немалую часть которых составляют бывальщины, нередко включающие элементы волшебных сказок. Это связано с тем, что рассказы о черте очень многообразны в жанровом отношении.

Ведущий сюжет «Парни-нечистые на вечеринке» представлен в картотеке В.П. Зиновьева пятью вариантами. Интересны детали, связанные с появлением «нечистых»-еретиков на вечеринке в бывальщине, записанной В.П. Зиновьевым от Матрены Алексеевны Томских, 1882 г. рожд., с. Мирсаново Шилкинского р-на Читинской обл., 1969 г.: «Раньше вот вечёрки были. Прежде это, еще ране, еще до меня это — еретики-то были. Но оне и с имя пляшут вместе. Оне видят: зубы-то у них железны. Оне петуха, гыт, раскопают на шестке. Петух-то запоет — они тумаром! А эти будто еретики... Черна была береза раньше. Белой-то не было березы, а черна была. Вот тажно черной березы не стало этой, белая стала родиться — и этих не стало еретиков.

Это раньше старики еще рассказывали» (Зиновьев, II, № 752, м/л 5).

142. Записал В.П. Зиновьев от Николая Григорьевича Бояркина, 1905 г. рожд., с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, II, № 750, м/л 95.

С ю ж е т ы: Ук. П — А, VI 25, VI 1в, VI 40 (элемент). Бывальщина.

Это повторная запись, первая сделала в 1978 г. В ней отсутствуют мотив испытания задачей и некоторые подробности.

143. Записали Т. Дружинина, Т. Миронова от Надежды Яковлевны Борисовой, 1924 г. рожд., с. Знаменка Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 767.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, VI 35г, VI 6д, е; Ук. П — А, VI 1в, VI 6а. Бывальщина.

В картотеке В.П. Зиновьева пять текстов на первый из указанных сюжетов, который близок к сюжету «Парни-нечистые на вечеринке» (Ук. П — А, VI 25). Все они многоэпизодичны, событие имеет довольно обобщенный характер, нет ссылки на определенное место, время и очевидцев.

144. Записал В.П. Зиновьев от Августы Кирилловны Зиновьевой, 1919 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1968 г. Зиновьев, II, № 769, м/л 3.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, VI 35г; Ук. П — А, VI 1в, VI 6а. Бывальщина.

145. Записал В.П. Зиновьев от Анны Ивановны Носковой, 1901 г. рожд., с. Кумаки Нерчинского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, II, № 776.

С ю ж е т ы: Ук. П — А, VI 40, VI 6а. Бывальщина. Привнесение в рассказ мотива трехкратного испытания задачей, рифмованная задача и рифмованный ответ сближают его со сказкой. В 1976 г. была сделана повторная запись от этой же исполнительницы. Во втором варианте, в целом аналогичном первому, более эмоционально высказывается отношение к событию: «Вот каки были! Меня бы — я ни за что не пошла бы! В двенадцать часов ночи не боялся!.. И вот рассказываю — меня кожу продирает. Так я не верю, а вот рассказываю — думаю: правда!» (Зиновьев, II, № 777).

В картотеке В.П. Зиновьева пять вариантов сюжета «Под Рождество в пустом

доме бес загадывает девкам загадки», один из них записан в с. Аталанка Усть-Удинского р-на Иркутской обл. от школьника Малика Михайловича Тухватуллина, 1966 г. рожд. В его исполнении история приобретает черты страшных рассказов, распространенных среди детей: «Сестра случай рассказывала. Залезешь в подполье, круг начертишь, а в середину круга цифру «3» напишешь. Из круга выйдет старик, белый весь, с бородой и загадает тебе, например: три косы. Если отгадаешь — одарит, а нет — задушит. Ну, три девчонки залезли в подполье, начертили круг. Вышел старик. Загадал им, а они отгадать не могли. Так одна в подполье упала, другая — в комнате, а третья за ворота выбежала и чокнулась» (записали В.П. Зиновьев, Н. Кашнова, М. Макарова в 1978 г. Зиновьев, II, № 778).

146. Записали Н. Бобровская, О. Сокольникова от Нины Васильевны Новиковой, 1942 г. рожд., с. Пешково Нерчинского р-на Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, II, № 775.

С ю ж е т ы: Ук. II — А, VI 40, VI 1a, VI 6a.

147. Записал В.П. Зиновьев от Екатерины Ивановны Денисовой, 1918 г. рожд., с. Усугли Шилкинского р-на Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 759.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, VI 356, VI 6e; Ук. II — А, VI 1a, в. Бывальщина.

В картотеке В.П. Зиновьева шесть вариантов первого сюжета.

148. Записал В.П. Зиновьев от Ирины Степановны Рязанцевой, 1892 г. рожд., с. Крупянка Нерчинского р-на Читинской обл., 1966 г. Зиновьев, II, № 761, м/л 1.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, VI 356; Ук. II — А, VI 1a. Бывальщина.

149. Записал В.П. Зиновьев от Ирины Степановны Рязанцевой, 1892 г. рожд., с. Крупянка Нерчинского р-на Читинской обл., 1966 г. Зиновьев, II, № 761 а, м/л 1.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, VI 356; Ук. II — А; VI 1a. Бывальщина.

В отличие от других вариантов в приведенном заменен конец на благополучный.

150. Записали З. Синелобова, Н. Скобелкина, М. Эссерот от Александры Ивановны Плотниковой, 1933 г. рожд., с. Мангидай Сретенского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 715.

С ю ж е т: Ук. II — А, VI 1e.

Этот сюжет — самый распространенный в рассказах о черте, но редко встречающийся в качестве самостоятельного или ведущего. Обычно он сопутствует какому-то основному сюжету, в котором сверхъестественный персонаж, явившись в определенном образе, совершает характерные для него действия.

151. Записал В.П. Зиновьев от Екатерины Ивановны Денисовой, 1918 г. рожд., с. Усугли Шилкинского р-на Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 707.

С ю ж е т ы: Ук. II — А, VI 1a. VI 6a.

152. Записали Л. Найдено, Т. Нестерова от Раисы Сергеевны Бессоновой, 1912 г. рожд., неграмотной, с. Кангил Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 717.

С ю ж е т ы: Ук. II — А, VI 2, VI 1и.

В картотеке В.П. Зиновьева зафиксировано пять вариантов первого сюжета, четыре из них записаны в с. Аталанка Усть-Удинского р-на Иркутской обл.; в текстах, записанных в Иркутской области, делается сильный акцент на том, что черт «подшучивает» над корыстью человека, над его излишней радостью от даром доставшегося добра. В двух вариантах дается печальный исход: «перепугался мужик

и долго болел потом» (Зиновьев, II, № 718); «...дед-то и с ума сошел...» (Зиновьев, II, № 719). Ср. вариант, записанный М. Макаровой, Н. Носковой от школьницы Фаины Михайловны Тухватуллиной, 1964 г. рожд.: «Мама рассказывала... Мужчина идет по дороге. Видит: дрыгается баран. Он взял его и зарезал. Несет, ну, радуется:

— Мясо домой несу, детей накормлю!

А баран все тяжелеет и тяжелеет. Домой его принес, а он как захохотал: „Ха-ха!“ — и пропал...» (с. Агаланка Усть-Удинского р-на Иркутской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 721).

153. Записали Т. Коваленко, В. Невилчук, И. Тайгинд от Андрея Тонких, 1962 г. рожд., с. Уктыча Сретенского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 729.

С ю ж е т ы: Ук. П — А, VI 3, VI 6а, VI 1в.

В картотеке В.П. Зиновьева девять текстов, в которых ведущим выступает сюжет «Черт пугает (водит)», а сопутствует ему мотив явления черта в одном из образов (Ук. П — А, VI 1). В двух случаях былички осложнены сюжетами «Черт боится креста (молитвы, благословения)» и «Черт боится ребенка» (Ук. П — А, VI 6а; Ук. доп. Зн, VI 6а, з).

154. Записали Ковальская, Мартынова от Екатерины Петровны Трухиной, 1903 г. рожд., грамотной, с. Молодовск Сретенского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 731.

С ю ж е т ы: Ук. П — А, VI 10, VI 1а; Ук. доп. Зн, VI 30а.

История рассказана в традиционной форме былички, но сюжет ее близок к волшебной сказке (ср. «Повитуха попадает к чертям, принимает новорожденного чертенка, протирает глаза, начинает видеть чертей в истинном свете и, одаренная, возвращается к людям» СУС, 677 ***).

155. Записал В.П. Зиновьев от Августы Кирилловны Зиновьевой, 1919 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 733.

С ю ж е т: Ук. П — А, VI 12а.

Охота за человеческими душами — одна из характерных функций черта, на основе которой сформировалось несколько сюжетов (см. № 155–160). В быличке, рассказанной А. К. Зиновьевой, присутствует также мотив благодеяния со стороны какого-то сверхъестественного персонажа, который спасает человека от гибели. Это может быть ангел, как противостоящая черту сила, может быть домовая, которому свойственно помогать человеку, отводить беду.

156. Записали М. Аристова, Н. Додатко, Л. Жижкина, В.П. Зиновьев, А. Кукуса от Виктора Константиновича Кузнецова, 1952 г. рожд., с. Газимуровский Завод Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 736, м/л 33.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, VI 12б.

157. Записал В.П. Зиновьев от Григория Васильевича Пешкова, 1899 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1968 г. Зиновьев, II, № 739.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, VI 12б.

158. Записали Ковальская, Мартынова от Марии Николаевны Тонких, 1904 г. рожд., с. Молодовск Сретенского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 742.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, VI 12б.

159. Записали Гилева, Дремина от Василия Ивановича Федорова, 1941 г. рожд.,

грамотного, с. Фирсово Сретенского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, П, № 743.

С ю ж е т ы: Ук. П — А, VI 1з; Ук. доп. Зн, VI 12в.

160. Записал В.П. Зиновьев от Надежды Висильевны Чутковой, 1915 г. рожд., родом из Кемеровской обл., в Забайкалье живет с 1932 г., с. Пешково Нерчинского р-на Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, П, № 744.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, VI 12в; Ук. П — А, VI 1е. Бывальщина.

161. Записал В.П. Зиновьев от Устины Федоровны Сычевой, 1894 г. рожд., разъезд Шапка Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, П, № 745, м/л 22–23.

С ю ж е т ы: Ук. П — А, VI 13, VI 37, VI 1а. Бывальщина.

Ведущий сюжет близок к сказочному (ср. «Скупой богач (жестокий помещик, самоубийца), превращенный в коня, служит у чертей» — СУС, 761).

162. Записал В.П. Зиновьев от Николая Васильевича Седова, 1912 г. рожд., уроженца Костромской губ., с. Апрельково Шилкинского р-на Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, П, № 746, м/л 8.

С ю ж е т ы: Ук. П — А, VI 14, VI 13; Ук. доп. Зн, VI 6е.

Н.В. Седов — интересный рассказчик. От него записано несколько волшебных и новеллистических сказок и бывальщин. Особенно удаются Седову истории авантюрного, нередко анекдотического содержания, которые он обычно рассказывает от первого лица. Их отличают занимательность сюжета и грубоватый юмор.

163. Записали Белоницкая, Зиновьева от Ирины Евграфовны Корякиной (Мункуевой), 1894 г. рожд., с. Дунаево Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, П, № 748.

С ю ж е т ы: Ук. П — А, VI 16а, VI 1а, VI 16.

164. Записал В.П. Зиновьев от Николая Григорьевича Бояркина, 1905 г. рожд., с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, П, № 815, м/л 95.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, VI 53, VI 54а; Ук. доп. Зн, AI 40 (элемент). Бывальщина.

165. Записал В.П. Зиновьев от Аграфены Гавриловны Пахмутовой, 1911 г. рожд., с. Пешково Нерчинского р-на Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, П, № 816, м/л 89.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, VI 54б; Ук. П — А, VI 1а. Бывальщина.

166. Записали С. Кудрявцева, Е. Кузьмина, И. Пильник от Валентины Григорьевны Бут, 1925 г. рожд., с. Знаменка Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, П, № 779.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, VI 45а, ГИ 13 д, VI 6е.

167. Записал В.П. Зиновьев от Елизаветы Петровны Колмаковой, уроженки Тюменской обл., г. Нерчинск Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, П, № 780.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, VI 45б.

168. Записал В.П. Зиновьев от Даниила Сергеевича Егорова, 1909 г. рожд., с. Шелопугино Шелопугинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, П, № 781, м/л 38.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн. VI 46; Ук. П — А, VI 1а.

169. Записал В.П. Зиновьев от Николая Ивановича Седова, 1912 г. рожд., уро-

женца Костромской губ., с. Апрельково Шилкинского р-на Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 784, м/л 8.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, VI 46; Ук. П — А, VI 1а.

170. Записали Н. Жукова, И. Урбанаева от Галины Алексеевны Ситинской, 1925 г. рожд., образование 3 класса, с. Аталанка Усть-Удинского р-на Иркутской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 791.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, VI 48. Бывальщина.

171. Записал В.П. Зиновьев от Григория Васильевича Пешкова, 1899 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 794, м/л 4.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, VI 49.

В картотеке В.П. Зиновьева четыре былички на этот сюжет. Все отличаются краткостью, односюжетностью.

172. Записал В.П. Зиновьев от Николая Григорьевича Бояркина, 1905 г. рожд., с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 805, м/л 68.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, VI 51.

Данный сюжет широко распространен в Забайкалье. В картотеке В.П. Зиновьева зафиксировано 10 вариантов истории о цветке папоротника. От Н.Г. Бояркина в 1980 г. была сделана повторная запись рассказа (Зиновьев, II, № 806, м/л 95). Оба варианта относятся к разряду бывальщин: есть поверье, но нет ссылки, отсутствует характер свидетельского утверждения («Это все от стариков слыхал», «Это все от старинки слухи-то остались...», «Вот один собрался, пошел...»).

Былички на этот сюжет, построенные как свидетельства очевидцев, немногочисленны. Они лаконичны, невелики по объему, повествованию в них предшествует поверье: «В Иванов день надо пойти в скалы, в лес, будет цветок огоньком цвести. Если человек все выдюжит, пройдет через страхи все, то счастье ему выпадет. Человек, когда сорвет его, берет в правую руку и идет назад. А на пути ему будут черти разные встречаться, хватать цветок из рук будут, нужно не отдавать его. А потом высушить и съесть лепестки.

Одна женщина съела лепестки и заходит в магазин, отмеряет материалов и уходит, и деньги не берут у нее. (А потом ее убили).

...Мы с мужем тоже ходили по цветок, но не смогли и пяти метров пройти: под ногами как закричат кошки! — их вроде нет, а крики слышатся. Не смогли и до Шилки дойти, домой вернулись...» (записали В.П. Зиновьев, Л. Кобелева, Л. Кропотова, В. Кузнецова, Н. Михайлова, Л. Москвитина от Екатерины Ивановны Денисовой, 1918 г. рожд., с. Усугли Шилкинского р-на Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 806а).

173. Записали Н. Белоусова, Т. Сафонова от Анны Николаевны Судаковой, 1912 г. рожд., с. Андронниково Нерчинского р-на Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, II, № 810.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, VI 51.

В данной быличке, в отличие от других, цветок папоротника не ищут, а он сам «случайно» попадает человеку и наделяет его «чудесным знанием».

174. Записали Потороченко, Ступина от Серафимы Романовны Манаконвой, 1900 г. рожд., неграмотной, с. Аталанка Усть-Удинского р-на Иркутской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 788, 787.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, VI 47; Ук. П — А, VI 6а, VI 1е. Бывальщина.

В картотеке В.П. Зиновьева пять бывальщин на сюжет VI 47, четыре записаны в с. Аталанка, один — в с. Дарасун Карымского р-на Читинской обл. Как отмечают собиратели, С. Р. Манаконова рассказывала истории с полной верой в происшедшее, чего требует и традиция жанра, однако в ее рассказах отсутствуют важные элементы былички: ссылка на конкретного свидетеля, место и время действия, само событие носит довольно обобщенный характер. Еще более обобщено событие в рассказе, записанном от Екатерины Афанасьевны Воложиной, 1898 г. рожд.: «У одной женщины умер муж. Давай к ней на коне по ночам приезжать. Поначалу так приходил, а раз и говорит ей:

— Садись со мной верхом.

— А ты коня поставь к завалинке.

Он и поставил. Она садиться стала и говорит:

— Господи, благослови! — Тут и пропало все. Она на палочке верхом.

Вот ведь чё быват» (записали А. Ефимова, Л. Софронова, с. Аталанка Усть-Удинского р-на Иркутской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 786).

175. См. коммент. № 174.

176. Записали Н. Жукова, И. Урбанаева от Галины Алексеевны Ситинской, 1925 г. рожд., грамотной, с. Аталанка Усть-Удинского р-на Иркутской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 789.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, VI 47, VI 6е; Ук. П — А, VI 6а, VI 1е, в. Бывальщина.

177. Записали Н. Новикова, Л. Попова, О. Соболева, М. Соловьева от Веры Анатольевны Шалбетской, 1950 г. рожд., образование среднее, с. Знаменка Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 613, м/л 45.

С ю ж е т ы: Ук. П — А, VII 3, VI 16. Бывальщина.

Рассказы о проклятой девушке, которая, выйдя замуж, освобождается от заклятья, довольно многочисленны в Сибири. В картотеке В.П. Зиновьева 10 вариантов на этот сюжет. Как правило, они относятся к разряду бывальщин. Для них характерны многоэпизодичность, обобщенность события, отсутствие ссылки на место действия, конкретного свидетеля происшествия. Обычно указанный сюжет сочетается с сюжетами Ук. П — А, VII 1, VI 16, 16а. Бывальщину, рассказанную В.А. Шалбетской, отличает полнота раскрытия каждого сюжета. Так, например, в ней мы находим рассказ, объясняющий, почему девушка живет в бане и каким образом она может выйти из нее, освободиться от заклятья. Этот момент в других вариантах обычно опущен (см. № 178–182).

178. Записали Белоницкая, Зиновьева от Ирины Евграфовны Корякиной, 1894 г. рожд., с. Дунаево Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, II, № 609.

С ю ж е т ы: Ук. П — А, VII 3, VI 16. Бывальщина.

Рассказ слышала от своей бабушки.

179. Записал В.П. Зиновьев от Аграфены Гавриловны Пахмутовой, 1911 г. рожд., с. Пешково Нерчинского р-на Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, II, № 610, м/л 90.

С ю ж е т: Ук. П — А, VII 3. Бывальщина.

180. Записал В.П. Зиновьев от Абрама Николаевича Наседкина, 1902 г. рожд., с. Шивки Нерчинского р-на Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 827, м/л 9.

С ю ж е т: Ук. П — А, ВП 3. Бывальщина.

181. Записали Н. Скобелкина, М. Эссерт от Авдотьи Митрофановны Астафьевой, 1900 г. рожд., с. Кактолга Сретенского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, П, № 824.

С ю ж е т ы: Ук. П — А, ВП 3; Ук. доп. Зн, ВП 11, ВП 13. Бывальщина.

182. Записал В.П. Зиновьев от Марфы Андреевны Рычковой, 1901 г. рожд., неграмотной, с. Дунаево Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, П, № 611, м/л 25.

С ю ж е т ы: Ук. П — А, ВП 3, ВП 16.

В картотеке В.П. Зиновьева это единственный вариант. История рассказана в традиционной форме былички, в ней сохранена основная отличительная черта жанра — установка на достоверность, что является редким случаем для данного сюжета. См. коммент. № 177.

183. Записал В.П. Зиновьев от Николая Григорьевича Бояркина, 1905 г. рожд., с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, П, № 872, м/л 94.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГП 2, ГП 24.

В Сибири многочисленны рассказы о людях, обладающих сверхъестественными способностями. Былички о ведьмах и колдунах по построению отличаются от быличек о лешем, домовом, черте и о других персонажах. Ведьма и колдун в них являются человеку в образе людей, близких односельчанам, внешне таких же, как все, но умеющих колдовать. Поэтому в быличках о ведьмах и колдунах обычно отсутствует момент неожиданной встречи и исчезновения, вместо него подробно описывается необычное происшествие, которое, однако, в силу своей необычности волнует и возбуждает не меньше, чем внезапная встреча со сверхъестественным персонажем. Повествование обычно многоэпизодично, ход событий в нем затянут, действие происходит прямо в деревне на глазах у всех людей.

Довольно широко распространены былички о «хомуте», который якобы умели надевать колдуны и ведьмы не только на людей, но и на животных, а также на предметы: «...Как-то мать воды набрала из Куленды. Принесла — и вот: „Больно, ой, больно!“ А тогда одна болезнь была — хомут». (Записано от Петра Ивановича Зиновьева, 1919 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1968 г.). Воспоминания о «хомутах» хорошо сохранились до настоящего времени. Как правило, рассказы о «хомуте» построены на сочетании двух сюжетов: «Ведьма „портит“ людей, животных» (Ук. доп. Зн, ГП 2а, ГП 3) и «Знахарка (или знахарь) „ладит“ людей, животных» (Ук. доп. Зн, ГП 31, ГП 32, ГП 24, ГП 25).

184. Записал В.П. Зиновьев от Матрены Алексеевны Томских, 1882 г. рожд., с. Мирсаново Шилкинского р-на Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, П, № 922, м/л 5.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГП 2, ГП 24.

185. Записал В.П. Зиновьев от Федора Семеновича Смолянского, 1908 г. рожд., разъезд Шапка Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, П, № 919, м/л 24.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГП 2, ГП 24.

186. Записала М. Соловьева от Марфы Павловны Рюмкиной, 1903 г. рожд., с. Бурукан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, П, № 914, м/л 110.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГІ 2, ГІІ 24.

187. Записали М. Аристова, Н. Додатко, Л. Жижкина, В.П. Зиновьев, А. Кукса от Виктора Константиновича Кузнецова, 1952 г. рожд., с. Газимурский Завод Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 893, м/л 32.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГІ 2, ГІІ 24.

188. Записал В.П. Зиновьев от Даниила Сергеевича Егорова, 1909 г. рожд., с. Шелопугино Шелопугинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 882, м/л 39.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГІ 2, ГІІ 24.

189. Записал В.П. Зиновьев от Федота Федоровича Колмакова, 1902 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 890.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГІ 2, ГІІ 9, ГІІ 24, ГІІ 28.

Ф. Ф. Колмаков — прекрасный рассказчик, имеет постоянный репертуар. Обычно он вспоминает «подлинные» события из своей молодости и рассказывает о них исключительно с целью развлечь аудиторию. Исполнитель свободно использует диалоги, в его быличках много эмоционально-экспрессивной лексики, выразительна характеристика героя-свидетеля.

190. Записал В.П. Зиновьев от Федота Федоровича Колмакова, 1902 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1968 г. Зиновьев, II, № 392.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГІ 2.

191. Записал В.П. Зиновьев от Михаила Григорьевича Анциферова, 1906 г. рожд., д. Усть-Начин Сретенского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 858, м/л 57.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГІ 2.

192. Записали Л. Волкова, О. Санжихаева от Аксины Михайловны Масленниковой, 1902 г. рожд., уроженки Курской губ., с. Бори Сретенского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 900.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГІ 2.

Обычно в рассказах о «порче» одна ведьма «надевает хомут», а другая (ее часто называют знахарка) или колдун-знахарь снимает. Иногда рассказчик поясняет, что тот, кто «надевает хомут», снимать не умеет (см. № 185, 187). Однако встречаются былички, в которых ведьма по нужде (чтобы накормили, заплатили) или из мести, а то и для проверки своего умения насылает «порчу» и сама же «ладит», излечивает. См. № 190, 193–195.

193. Записали В.П. Зиновьев, А. Кукса от Настасьи Трифионовны Субботиной, 1897 г. рожд., с. Бурукан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 920, м/л 66.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГІ 2а, ГІ 19а.

194. Записали Н. Новикова, Л. Попова, О. Соболева, М. Соловьева от Евдокии Сергеевны Бянкиной, 1922 г. рожд., с. Кумаки Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 874.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГІ 2.

195. Записали Н. Новикова, Л. Попова, О. Соболева, М. Соловьева от Ульяны Яковлевны Единачархой, с. Знаменка Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 884, м/л 45.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГІ 2.

196. Записала М. Соловьева от Лидии Кузьминичны Аверкиной, 1909 г. рожд., с. Нижние Ключи Нерчинского р-на Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, II, № 933, м/л 78.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГИ 2, ГИ 31.

Среди историй о «порче» выделяется группа рассказов о «дурном глазе», или «сглазе», «сглаживании». Близки к этой группе и повествования о том, как человека «испортили» не «дурным глазом», а неосторожной, безответственной похвалой, т. е. «озевали». Вот как о таком случае рассказывает Анисья Васильевна Дерябина, жительница с. Кактолга Сретенского р-на Читинской обл.: «А мы жили... — вот как сошлись — вот как Иван Петрович, у Ивана Петровича мать, вместе жили. И вот... Бабушка Матрена жила у нас на горе. Вот увидит их [детей. — *Соб.*], увидит (а оне большенькие уже стали), вот увидит, оне на улку выйдут:

— Ой, да бравы! Да бравы! — прибежит, полюбуется.

Мой ничё, а тот — сразу вот тяжко, тяжко захворат: блеёт, позеёт, а ломота-то кака...» (записали А. Порошина, М. Соловьева в 1977 г. Зиновьев, II, № 934).

197. Записал В.П. Зиновьев от Евдокии Даниловны Огневой, г. Нерчинск Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 943, м/л 54.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГИ 2, ГИ 24, ГИ 23.

198. Записал В.П. Зиновьев от Михаила Григорьевича Анциферова, 1906 г. рожд., д. Усть-Начин Сретенского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 945, м/л 57.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГИ 3, ГИ 19а.

Среди рассказов о «порче», насылаемой на домашнюю скотину, особенно часты истории, в которых ведьма «портит» корову, главную кормилицу крестьянской семьи: корова перестает давать молоко или доится кровью и т. п. См. № 199–202.

199. Записал В.П. Зиновьев от Петра Алексеевича Достовалова, 1909 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1968 г. Зиновьев, II, № 953.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГИ 3, ГИ 25.

200. Записал В.П. Зиновьев от Аграфены Гавриловны Пахмутовой, 1911 г. рожд., с. Пешково Нерчинского р-на Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, II, № 964, м/л 89.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГИ 3, ГИ 32.

201. Записал В.П. Зиновьев от Авдотьи Ивановны Полоротовой, 1901 г. рожд., с. Бура Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 967, м/л 67.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГИ 3, ГИ 2, ГИ 9, ГИ 28.

202. Записал В.П. Зиновьев от Ирины Степановны Рязанцевой, 1892 г. рожд., с. Крупянка Нерчинского р-на Читинской обл., 1966 г. Зиновьев, II, № 972, м/л 13.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГИ 3, ГИ 32, ГИ 9, ГИ 1а.

203. Записали Н. Новикова, Л. Попова, О. Соболева, М. Соловьева от Веры Анатольевны Шалбетской, 1950 г. рожд., грамотной, с. Знаменка Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 981, м/л 45.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГИ 3.

204. Записал В.П. Зиновьев от Анны Максимовны Китаевой, 1914 г. рожд., с. Аргун Сретенского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 955, м/л 53.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГИ 3, ГИ 9.

205. Записали Э. Лямина, М. Соловьева. Т. Усова от Анны Филипповны Бояркиной, 1907 г. рожд., с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, II, № 949, м/л 102.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГИ 3, ГИ 19а, ГИ 9, ГИ 25.

206. Записал В.П. Зиновьев от Петра Ивановича Русина, 1905 г. рожд., пос. Усть-Карск Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, II, № 969, м/л 16.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГИ 3, ГИ 28.

207. Записал В.П. Зиновьев от Григория Васильевича Пешкова, 1899 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1968 г. Зиновьев, II, № 965.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГИ 19а, ГИ 2, ГИ 3.

208. Записал В.П. Зиновьев от Анны Михайловны Достоваловой, 1923 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 987.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГИ 4.

209. Записали А. Володько, Н. Скобелкина, И. Смолина от Александра Яковлевича Осмолкина, 1910 г. рожд., с. Бори Сретенского р-на Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, II, № 990.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГИ 4.

Данный сюжет — «Ведьма „надевает хомут“ на предметы» — в этой быличке близок к сюжету «Ведьма помогает (вредит) в охоте» (Ук. доп. Зн, ГИ 14). См. коммент. № 273.

210. Записал В.П. Зиновьев от Петра Ивановича Русина, 1905 г. рожд., пос. Усть-Карск Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, II, № 1227, м/л 15.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГИ 29. Быличка не закончена.

211. Записали С. Кудрявцева, Е. Кузьмина, Н. Пильник от Валентины Григорьевны Бут, 1925 г. рожд., с. Знаменка Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 993.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГИ 5; Ук. П — А, ВП 4.

«Присуху» в народе считают той же «порчей», насланной на человека, часто приводящей к трагическому исходу. Вот как об этом говорит «шаманка» — персонаж былички, записанной от Ульяны Яковлевны Единарховой: «У меня, — гыт, — три дочери вдовые, но я никого не привораживаю. Три года, — говорит, — приворожу, на третий год умрет муж» (записали Н. Новикова, Л. Попова, О. Соболева, М. Соловьева в с. Знаменка Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 994, м/л 45).

212. Записали Л. Плотникова, Н. Щерба от Марфы Васильевны Осокиной, 1889 г. рожд., с. Фирсово Сретенского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 997.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГИ 5, ГИ 24.

213. Записали В.П. Зиновьев, Л. Кобелева, Л. Кропотова, В. Кузнецова, Н. Михайлова, Л. Москвитина от Марии Дмитриевны Филипповой, 1915 г. рожд., с. Пешково Нерчинского р-на Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 1024.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГИ 7, ГИ 1а. Бывальщина.

Красть детей из чрева беременной женщины (теленка у стельной коровы) — одна из основных функций, которая приписывается ведьме. По народным поверьям, нельзя оставлять на ночь открытой трубу и выбрасывать из печи непрого-

ревшие головешки, так как ведьма, обладая даром оборотничества, превращается в сороку (ее называют вещицей), через трубу проникает в дом и крадет из чрева ребенка, а вместо него кладет обычно головешку или другой предмет. Так в различного рода приметах своеобразно преломляются уроки народной педагогики: необходимо было, чтобы печь, дававшая жизнь дому, как можно дольше сохраняла тепло, поэтому у хорошей хозяйки дрова всегда сухие, горят дружно, и она должна вовремя закрывать трубу, чтобы до утра не дать остыть печи.

214. Записали Л. Волкова, О. Санжихаева от Ирины Михайловны Рачковой, 1952 г. рожд., с. Фирсово Сретенского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 1019.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГИ 7. Бывальщина.

215. Записал В.П. Зиновьев от Кристины Александровны Разуваевой, 1916 г. рожд., образование 2 класса, с. Аталанка Усть-Удинского р-на Иркутской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 1018, м/л 62.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГИ 7, ГИ 15 в. Бывальщина.

В рассказе использован мотив, характерный для сюжета «Ведьма летает на шабаш» (Ук. доп. Зн, ГИ 21): перед тем как улечь в трубу, ведьма мажется колдовским снадобьем, а муж подсматривает за ней (иногда, тоже намазавшись, улечает за женой) и таким образом разоблачает ее. См. также № 216, 217.

216. Записали В.П. Зиновьев, Л. Кобелева, Л. Кропотова, В. Кузнецова, Н. Михайлова, Л. Москвитина от Екатерины Ивановны Денисовой, 1918 г. рожд., с. Усугли Шилкинского р-на Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 1004.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГИ 7, ГИ 15в, ГИ 21. Бывальщина.

217. Записали Н. Новикова, Л. Попова, О. Соболева, М. Соловьева от Анны Ивановны Носковой, 1901 г. рожд., с. Кумаки Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1015.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГИ 7, ГИ 1а, ГИ 15в. Бывальщина.

218. Записали Н. Новикова, Л. Попова, О. Соболева, М. Соловьева от Анны Ивановны Носковой, 1901 г. рожд., с. Кумаки Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1014.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГИ 7, ГИ 1а.

Сюжет «Ведьма похищает плод из чрева» может быть представлен как в форме бывальщин (№ 213–217), так и в форме собственно быличек. Приведенная история — быличка, где сама рассказчица — прямой участник события (см. № 219, 220).

219. Записал В.П. Зиновьев от Ирины Степановны Рязанцевой, 1892 г. рожд., с. Крупянка Нерчинского р-на Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 1022, м/л 13.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГИ 7, ГИ 15в, ГИ 1а.

220. Записали А. Порошина, Н. Скобелкина от Дарьи Семеновны Шишмаревой, 1895 г. рожд., д. Усть-Начин Сретенского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 1026.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГИ 7, ГИ 28, ГИ 1а, ГИ 15в.

221. Записал В.П. Зиновьев от Федора Семеновича Смолянского, 1908 г. рожд., разъезд Шапка Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, II, № 1055, м/л 24.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГИ 8, ГИ 16, ГИ 19а.

Оборотничество — одна из характерных функций ведьмы. Намечается некоторая закреплённость определенных действий ведьмы за тем или иным ее образом: например, вынимает плод из чрева в образе сороки-вещицы, а преследует людей, как правило, в образе свиньи, реже — клубка, колеса, кошки и т. д. Обычно истории на сюжет «Ведьма-оборотень преследует людей» — былички, представляющие собой свидетельства очевидцев.

222. Записала М. Соловьева от Авдотьи Ивановны Полоротовой, 1901 г. рожд., с. Бура Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, II, № 1054, м/л 109.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГИ 8, ГИ 16, ГИ 19а.

223. Записали М. Аристова, Н. Додатко, Л. Жижкина, В.П. Зиновьев, А. Кукса от Виктора Константиновича Кузнецова, 1952 г. рожд., с. Газимурский Завод Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1042, м/л 32.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГИ 8, ГИ 16.

224. Записали Ковальская, Мартынова от Евфросиньи Георгиевны Мясниковой, 1909 г. рожд., с. Фирсово Сретенского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 1046.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГИ 8, ГИ 16.

225. Записали Н. Новикова, Л. Попова, О. Соболева, М. Соловьева от Евдокии Сергеевны Бянкиной, 1922 г. рожд., с. Кумаки Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1070.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГИ 8а, ГИ 16.

Часто в рассказах о вредных делах ведьмы-оборотня основным становится эпизод ее разоблачения. Былички, построенные на этом сюжете, широко распространены в Сибири. В картотеке В.П. Зиновьева зафиксировано 47 вариантов.

226. Записал В.П. Зиновьев от Федота Ивановича Дутова, 1903 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1968 г. Зиновьев, II, № 1079, м/л 2.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГИ 8а, ГИ 1в.

227. Записал В.П. Зиновьев от Федота Федоровича Колмакова, 1902 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 1089.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГИ 8а, ГИ 19б, ГИ 1а, б.

228. Записал В.П. Зиновьев от Михаила Ксенофонтовича Пискарева, 1905 г. рожд., с. Верхняя Куэнга Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, II, № 1096, м/л 25.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГИ 8а, ГИ 16, е.

229. Записал В.П. Зиновьев от Марфы Андреевны Рычковой, 1901 г. рожд., с. Дунаево Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, II, № 1101, м/л. 25.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГИ 8а, ГИ 1а.

230. Записал В.П. Зиновьев от Ирины Степановны Рязанцевой, 1892 г. рожд., с. Крупянка Нерчинского р-на Читинской обл., 1966 г. Зиновьев, II, № 1102.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГИ 8а, ГИ 1г, а.

231. Записали Казакова, М. Княжева, Е. Куликова от Нины Прокопьевны Федоровой, 1942 г. рожд., с. Фирсово Сретенского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 1107.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГИ 8а, ГИ 1д.

232. Записали М. Аристова, Н. Додатко, Л. Жижкина, В.П. Зиновьев, А. Кукса

от Виктора Константиновича Кузнецова, 1952 г. рожд., с. Газимурский Завод Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1091, м/л 32.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГИ 8а, ГИ 196.

233. Записали В.П. Зиновьев, Л. Кобелева, Л. Кропотова, В. Кузнецова, Н. Михайлова, Л. Москвитина от Ивана Захаровича Нечаева, 1891 г. рожд., с. Пешково Нерчинского р-на Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 1093.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГИ 8а, ГИ 16, ГИ 19а, ГИ 13в, ГИ 23.

234. Записали В.П. Зиновьев, А. Кукса от Агафьи Понифатьевны Елгиной, 1905 г. рожд., с. Бурукан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 1084, м/л 66.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГИ 8а, ГИ 1в, ГИ 28.

235. Записали В.П. Зиновьев, Л. Кобелева, Л. Кропотова, В. Кузнецова, Н. Михайлова, Л. Москвитина от Александра Абрамова, 1959 г. рожд., с. Мирсаново Шилкинского р-на Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 1118.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГИ 10а.

При всей схожести функций, которыми наделены ведьма и колдун, в их действиях есть и различия: только ведьма летает на шабаш, доит коров чудесным способом. Некоторые функции доминируют у одного из персонажей, хотя изредка встречаются и у другого. Так, например, способность «морочить», повелевать змеями больше характерна для колдуна. Однако в Забайкалье было записано несколько текстов, в которых этими умениями наделена и ведьма. См. № 235–237.

236. Записал В.П. Зиновьев от Марии Федоровны Соколовой, 1892 г. рожд., неграмотной, г. Нерчинск Читинской обл., 1968 г. Зиновьев, II, № 1119.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГИ 10б, ГИ 11д.

237. Записали М. Аристова, Н. Додатко, Л. Жижкина, В.П. Зиновьев, А. Кукса от Виктора Константиновича Кузнецова, 1952 г. рожд., с. Газимурский Завод Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1120, м/л 32, 33.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГИ 10в, ГИ 2, ГИ 23.

238. Записал В.П. Зиновьев от Михаила Григорьевича Анциферова, 1906 г. рожд., д. Усть-Начин Сретенского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 1123, м/л 57.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГИ 11.

Нередки случаи, когда исполнители рассказывают целый цикл быличек об одном и том же человеке. От М. Г. Анциферова был записан цельный рассказ, состоящий из четырех самостоятельных быличек, главными персонажами которых являлись колдун Карташов и его неродная дочь Надя, перенявшая от отчима его колдовское умение (Зиновьев, II, № 1124, м/л 57; см. № 239). Начинается рассказ с сюжета «Колдун повелевает змеями» (Ук. доп. Зн, ГИ 11, Зиновьев, II, № 1411, 1412, м/л 57; см. соответственно № 349, 400).

239. См. коммент. № 238.

240. Записал В.П. Зиновьев от Николая Григорьевича Бояркина, 1905 г. рожд., с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, II, № 1131, м/л 94.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГИ 12.

241. Записал В.П. Зиновьев от Авдотьи Ивановны Полоротовой, 1901 г. рожд., с. Бура Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 1228, м/л 67.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГИ 30.

В картотеке В.П. Зиновьева сюжет представлен единственным текстом.

242. Записал В.П. Зиновьев от Геннадия Васильевича Богданова, 1931 г. рожд., грамотного, с. Кактолга Сретенского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, П, № 1134.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГИ 13б, ГИ 1а.

Ведьма, по народным поверьям, служительница дьявола и в своих злодеяниях обычно прибегает к помощи нечистой силы. Часто сюжет «Ведьма и нечистая сила» является сопутствующим какому-то основному сюжету (см. № 102, 166, 233, 257).

243. Записал В.П. Зиновьев от Устины Федоровны Сычевой, 1894 г. рожд., уроженки Воронежской губ., разъезд Шапка Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, П, № 1137, м/л 23.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГИ 13г, ГИ 19г, ГИ 1д, ГИ 2а; Ук. П — А, БИ 8б.

244. Записали Л. Волкова, О. Санжихаева от Татьяны Львовны Касьяновой, 1919 г. рожд., с. Фирсово Сретенского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, П, № 1143.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГИ 15в, ГИ 28.

В приведенной быличке опущен эпизод, раскрывающий цель ночного полета ведьмы. Обычно ведьма летает в трубу, чтобы совершать свои колдовские дела: крадет плод из чрева женщины (коровы), доит коров чудесным способом, летает на шабаш.

245. Записал В.П. Зиновьев от Татьяны Кузьминичны Лариной, 1898 г. рожд., с. Кибасово Шилкинского р-на Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, П, № 1145.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГИ 15в, ГИ 1а, ГИ 17.

246. Записал В.П. Зиновьев от Николая Григорьевича Бояркина, 1905 г. рожд., с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, П, № 1193.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГИ 15в, ГИ 21, ГИ 28.

247. Записал В.П. Зиновьев от Михаила Григорьевича Анциферова, 1906 г. рожд., с. Усть-Начин Сретенского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, П, № 1191, м/л 57.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГИ 21, ГИ 28, ГИ 7. Бывальщина.

Истории о полете ведьмы, ее мужа (солдата или прохожего) на шабаш близки к сказкам. Ср. сюжет, отмеченный в СУС, 832*: «Солдат и ведьма: солдат оставившись на постой в избе ведьмы, выслеживает свою хозяйку, когда она отправляется на шабаш, превращает ее в лошадь и ездит на ней всю ночь, ведьма снова принимает человеческий облик, но руки и ноги оказываются подкованными; изобличенную ведьму казнят». В отличие от сказочного сюжета в бывальщинах и быличках, имеющих в картотеке В.П. Зиновьева, мужа (солдата, прохожего), прилетевшего на шабаш, ведьма отправляет домой, обычно на красивом коне, который потом оказывается помелом (палкой, скамейкой).

248. Записал В.П. Зиновьев от Федота Ивановича Дутова, 1903 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1968 г. Зиновьев, П, № 1195, м/л 2.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГИ 21, ГИ 15в. Бывальщина.

249. Записали Н. Бобовская, О. Сокольниковы от Александры Герасимовны

Новиковой, 1920 г. рожд., с. Пешково Нерчинского р-на Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, II, № 1197.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГИ 21, ГИ 15в. Бывальщина.

250. Записали В. Соколова, Т. Уколова от Андрея Ильича Трофимова, 1915 г. рожд., с. Знаменка Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1199.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГИ 21, ГИ 15в. Бывальщина.

251. Записали Н. Жукова, И. Урбанаева от Галины Алексеевны Ситинской, 1925 г. рожд., с. Аталанка Усть-Удинского р-на Иркутской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 1211.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГИ 22, ГИ 15в.

Ведьма, обладая даром оборотничества, принимает образ птицы, змеи, кошки, собаки (иногда оставаясь в человеческом облике), ночью выдаивает чужих коров. Это одна из характерных функций, приписываемых только ведьме. В картотеке В.П. Зиновьева зафиксировано 12 вариантов этого сюжета.

252. Записал В.П. Зиновьев от Августы Кирилловны Зиновьевой, 1919 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 1205, м/л 3.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГИ 22, ГИ 1а, ГИ 8а.

253. Записал В.П. Зиновьев от Николая Григорьевича Бояркина, 1905 г. рожд., с. Курумдюкан Газимуровского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, II, № 1223, м/л 94.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГИ 28, ГИ 3.

По народным поверьям, нужно опасаться ведьм в ночь на Великий (Чистый) четверг и на Иванов день, так как в это время они особенно активны в своих вредных действиях. Сюжет «Ведьма в ночь на Великий четверг» присутствует во многих быличках в качестве сопутствующего.

254. Записал В.П. Зиновьев от Анны Арсентьевны Томских, с. Мирсаново Шилкинского р-на Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 1222, м/л 5.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГИ 27.

255. Записали Т. Дружинина, Т. Миронова от Любови Павловны Логуновой, 1955 г. рожд., с. Знаменка Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1150.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГИ 16а, ГИ 1к, л.

История относится к разряду бывальщин: событие обобщено, конкретно не названы свидетели; кроме того, в рассказе использован характерный для сказок эпизод трехкратного испытания. В картотеке В.П. Зиновьева это единственный текст на названный сюжет.

256. Записал В.П. Зиновьев от Августы Кирилловны Зиновьевой, 1919 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 1161, м/л 3.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГИ 17б.

Рассказы о долгой и мучительной смерти ведьм и колдунов многочисленны в Сибири. По народным поверьям, они могут умереть только после выполнения определенных условий.

257. Записали Н. Новикова, Л. Попова, О. Соболева, М. Соловьева от Веры Анатольевны Шалбетской, 1950 г. рожд., среднее образование, с. Знаменка Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1156, м/л 45.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГИ 17а, ГИ 13в.

По народным поверьям, свои «знания» ведьма может передать только человеку младше себя по возрасту.

258. Записали И. Смолина, М. Соловьева от Марии Назаровны Пановой, с. Кудея Сретенского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 1166, м/л 82.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГИ 176, ГИ 16.

259. Записали Э. Лямина, М. Соловьева, Т. Усова от Тамары Степановны Кузнецовой, 1959 г. рожд., с. Бура Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, II, № 1164, м/л 109.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГИ 176, ГИ 18, ГИ 1а.

260. Записал В.П. Зиновьев от Надежды Ивановны Старицыной, 1915 г. рожд., с. Кибасово Шилкинского р-на Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 1152.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГИ 17, ГИ 18а.

261. Записал В.П. Зиновьев от Николая Григорьевича Бояркина, 1905 г. рожд., с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, II, № 1183, м/л 93.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГИ 20.

В противовес злодеяниям, которыми народ наделил ведьму, были выработаны и способы «защиты» от ведьмы и ее «изобличения». Сюжет «Защита от ведьмы», как правило, является сопутствующим в рассказах о «порче», насылаемой на людей и животных, о преследованиях людей ведьмой-оборотнем. Сюжет о разоблачении ведьмы может быть как сопутствующим, так и основным.

262. Записал В.П. Зиновьев от Даниила Сергеевича Егорова, 1909 г. рожд., с. Шелопугино Шелопугинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1184, м/л 39.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГИ 20.

263. Записали Н. Онышко, О. Сизых от Анны Константиновны Литвинцевой, 1907 г. рожд, малограмотной, с. Березово Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1186.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГИ 20, ГИ 2.

264. Записали Н. Новикова, Л. Попова, О. Соболева, М. Соловьева от Веры Анатольевны Шалбетской, 1950 г. рожд., образование среднее, с. Знаменка Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1190, м/л 45.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГИ 20.

265. Записала М. Соловьева от Лидии Кузьминичны Авериной, 1909 г. рожд., с. Нижние Ключи Нерчинского р-на Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, II, № 1229, м/л 78.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГИ 31.

Слова «знахарь», «знахарка» произошли от глагола «знать», так же как и «ведьма» от «ведать», т. е. знать. Однако за словом «ведьма» закрепилась определенная отрицательная оценка. От ведьмы исходят всякие козни, одна из основных ее функций — насылать порчу по злобе, из чувства обиды или мести. Поэтому в историях, в которых нет событий, связанных со злодеяниями, сверхъестественный персонаж не называется ведьмой. Это может быть колдунья, если она безобидно «морочит», гадалка, ворожея, если она предсказывает будущее, знахарка (иногда шаманка), если она излечивает от «порчи», от змеиного укуса, испуга и т. п. В быличках о знахарстве, как правило, вместо глагола «лечить» употребляется равный ему по

значению «ладить». Интересно, что в словаре В. Даля нет этого слова в данном значении. Характерным для быличек о знахарстве является и глагол «шептать» в значении «излечивать, заговаривать». Сюжет «Знахарка „ладит“ людей, животных, предметы» очень распространен в Сибири, он обычно присутствует в быличках о «порче», а также может быть самостоятельным, как в рассказе Л. К. Авериной. В картотеке В.П. Зиновьева 36 текстов, в которых этот сюжет является самостоятельным или ведущим.

266. Записали М. Аристова, Н. Додатко, Л. Жижкина, В.П. Зиновьев, А. Кукса от Виктора Константиновича Кузнецова, 1952 г. рожд., с. Газимурский Завод Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1240, м/л 32.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГИ 31.

267. Записали Н. Новикова, М. Соловьева от Михаила Егоровича Малыгина, 1905 г. рожд., с. Нижние Ключи Нерчинского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, II, № 1243, м/л 118.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГИ 31.

268. Записали Н. Новикова, М. Соловьева от Феклы Ивановны Мосоловой, 1913 г. рожд., с. Верхние Ключи Нерчинского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, II, № 1246, м/л 122.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГИ 31.

269. Записали Э. Лямина, М. Соловьева, Т. Усова от Авдотьи Ивановны Полоротовой, 1901 г. рожд., с. Бура Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, II, № 1248, м/л 109.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГИ 31.

270. Записал В.П. Зиновьев от Федора Семеновича Смолянского, 1908 г. рожд., разъезд Шапка Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, II, № 1251, м/л 24.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГИ 31.

271. Записали В.П. Зиновьев, Н. Новикова, Л. Попова, О. Соболева, М. Соловьева от Семёна Степановича Носкова, 1901 г. рожд., с. Кумаки Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1259.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГИ 32.

272. Записал В.П. Зиновьев от Григория Васильевича Пешкова, 1899 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1968 г. Зиновьев, II, № 1260.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГИ 32, ГИ 3.

273. Записал В.П. Зиновьев от Капидона Павловича Рязанцева, 1902 г. рожд., д. Крупанка Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1264, м/л 49.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГИ 33.

В данной быличке сюжет «Знахарка „ладит“ предметы» близок к сюжету «Ведьма помогает (вредит) в охоте» (Ук. доп. Зн, ГИ 14). См. коммент. № 209.

274. Записали Э. Лямина, М. Соловьева, Т. Усова от Тамары Степановны Кузнецовой, 1959 г. рожд., с. Бура Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, II, № 1265, м/л 109.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГИ 34.

Рассказы о том, как колдуны и колдуньи управляют стихией, немногочисленны. Приведенный текст — единственный на этот сюжет в картотеке В.П. Зиновьева.

275. Записал В.П. Зиновьев от Серафимы Ивановны Пешковой, 1919 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 1267, м/л 4.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГИ 35, ГИ 31, ГИ 2, ГИ 24, ГИ 3, ГИ 9.

276. Записали Н. Новикова, Л. Попова, О. Соболева, М. Соловьева от Веры Евлампьевны Филипповой, 1895 г. рожд., с. Знаменка Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1272.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГИ 36, ГИ 2, ГИ 17.

Основной сюжет былички представлен в картотеке В.П. Зиновьева тремя вариантами. Сюжет о соперничестве больше характерен для колдуна (ГИ 28).

277. Записали М. Керн, Н. Погуральская от Григория Варфоломеевича Иванова, с. Догье Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1287.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГИ 2.

Сюжет о «порче», насылаемой на людей, животных, предметы, является общим для ведьмы и колдуна. Однако, если судить по собранным в картотеке В.П. Зиновьева текстам, по их количественному соотношению, то обнаруживается, что гораздо чаще этот сюжет присутствует в рассказах о ведьме (в 135 текстах о ведьме и в 25 — о колдуне). В современных записях быличек зловердные, агрессивные поступки больше свойственны ведьме, чем колдуну.

«Знаткие» колдуны — как правило, пожилые люди, старики, — были напечет, их знали в соседних и дальних деревнях и при случае ездили к ним за помощью. Поэтому в историях, записанных от разных исполнителей, нередко фигурируют одни и те же лица, выполняющие роль главного персонажа былички (см. коммент. № 34, 238, 281, 297, 333).

В картотеке В.П. Зиновьева зафиксировано 19 вариантов сюжета «Колдун „портит“ людей» в самостоятельном виде или в сочетании с сопутствующим «Знахарь (знахарка) „ладит“ людей» (Ук. доп. Зн, ГИ 31, ГИ 24).

278. Записали Н. Новикова, М. Соловьева от Феклы Ивановны Мосоловой, 1913 г. рожд., с. Верхние Ключи Нерчинского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, II, № 1289, м/л 121.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГИ 2, ГИ 24.

279. Записал В.П. Зиновьев от Александры Яковлевны Осадчей, 1896 г. рожд., уроженки Воронежской губ., с. Батакан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 1298, м/л 56.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГИ 3.

В картотеке В.П. Зиновьева сюжет представлен пятью вариантами.

280. Записал В.П. Зиновьев от Даниила Сергеевича Егорова, 1909 г. рожд., с. Шелопугино Шелопугинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1302, м/л 39.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГИ 5.

Данный сюжет является общим для колдуна, ведьмы. Однако характер воплощения сюжета различен (ср. Ук. доп. Зн, ГИ 5 и ГИ 5). В картотеке В.П. Зиновьева зафиксировано четыре варианта.

281. Записали А. Кукса, А. Порошина от Ефалии Викторовны Егоровой, 1903 г. рожд., с. Шеметово Сретенского р-на Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, II, № 1303.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГИ 5.

О колдуне Евлентии Матвееве см. также № 292, 293.

282. Записал В.П. Зиновьев от Григория Васильевича Пешкова, 1899 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 1276.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГП 1в.

Народным воображением колдун, так же как и ведьма, наделен даром оборотничества, но к этому своему умению прибегает не так часто, как ведьма. В картотеке В.П. Зиновьева четыре былички, в основе которых лежит сюжет о превращении колдуна.

283. Записали Т. Дружинина, Т. Миронова от Надежды Яковлевны Борисовой, 1924 г. рожд., с. Знаменка Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1275.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГП 1в.

284. Записали Л. Павловская, Н. Скобелкина от Феклы Федоровны Писаревой, 1904 г. рожд., с. Знаменка Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1273.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГП 1б.

285. Записал В.П. Зиновьев от Даниила Сергеевича Егорова, 1909 г. рожд., с. Шелопугино Шелопугинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1318, м/л 38.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГП 6а, б.

Былички о колдуне на свадьбе широко бытуют в Сибири. Считалось дурным предзнаменованием нарушение обычного хода свадьбы, поэтому на свадьбу старались пригласить всех, особенно тех, кто мог навредить, навести «порчу». В современных записях колдун даже в совершении одной из своих вредных функций — «порчи» свадьбы — предстает не как злодей, а как исполнитель наказания за непочтение. Стоит колдуна «уважить»: пригласить, угостить — он исправляет положение.

286. Записали Э. Лямина, М. Соловьева, Т. Усова от Евдокии Ефимовны Рюмкиной, 1909 г. рожд., с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, II, № 1339, м/л 102.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГП 6а.

287. Записали И. Слепнева, Н. Тарасова от Натальи Евстафьевны Арсентьевой, 1923 г. рожд., с. Пешково Нерчинского р-на Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, II, № 1310.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГП 6а.

288. Записал В.П. Зиновьев от Григория Васильевича Пешкова, 1899 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 1331, м/л 4.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГП 6а.

289. Записал В.П. Зиновьев от Федора Семеновича Смолянского, 1908 г. рожд., разъезд Шапка Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, II, № 1340, м/л 24.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГП 6а.

История, рассказанная Ф. С. Смолянским, отличается от других тем, что в ней нет ссылки на конкретные лица, место действия, событие носит обобщенный характер, что для данного сюжета редкое явление.

290. Записал В.П. Зиновьев от Михаила Григорьевича Анциферова, 1906 г. рожд., д. Усть-Начин Сретенского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 1307, м/л 57.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГП ба.

291. Записал В.П. Зиновьев от Павла Федоровича Пинигина, 1912 г. рожд., с. Аталанка Усть-Удинского р-на Иркутской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 1333, м/л 61.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГП ба, б.

292. Записал В.П. Зиновьев от Петра Алексеевича Достовалова, 1909 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 1316.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГП ба.

В 1979 г. был записан более развернутый вариант былички (Зиновьев, II, № 1317, м/л 71) (см. № 293). Рассказ дополнился новыми деталями, подробностями, живым диалогом, стал более занимательным.

293. См. коммент. № 292.

294. Записали И. Смолина, М. Соловьева от Прасковьи Дорофеевны Тонких, 1910 г. рожд., с. Бори Сретенского р-на Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, II, № 1345, м/л 83.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГП ба.

295. Записал В.П. Зиновьев от Авдотьи Ивановны Полоротовой, 1901 г. рожд., с. Бура Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 1334, м/л 67.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГП ба.

296. Записал В.П. Зиновьев от Агриппины Васильевны Корниловой, 1904 г. рожд., с. Верхняя Куэнга Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, II, № 1325, м/л 22.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГП ба.

297. Записали Э. Лямина, М. Соловьева, Т. Усова от Егора Степановича Рюмкина, 1907 г. рожд., с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, II, № 1338, м/л 103.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГП ба.

В картотеке В.П. Зиновьева четыре записи этой былички, в том числе две, аналогичные друг другу, сделаны от Н.Г. Бояркина. В исполнении Е.С. Рюмкина и Н.Г. Бояркина история особенно увлекательна. Здесь много эмоционально-экспрессивной лексики, живые диалоги дают яркую и точную характеристику участникам события. Особенно интересен образ «колдуна» Кирика Захарыча, к которому рассказчики относятся с почтением. Особые симпатии к «знатному» находим у Е.С. Рюмкина (см. о Кирике Захарыче № 135, 298, 299, 307, 366).

298. Записал В.П. Зиновьев от Николая Григорьевича Бояркина, 1905 г. рожд., с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 1312, м/л 67.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГП ба. См. коммент. № 297.

299. Записали Э. Лямина, М. Соловьева, Т. Усова от Григория Капидоновича Грובה, 1907 г. рожд., с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, II, № 1314, м/л 101.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГП ба.

300. Записали В.П. Зиновьев, Л. Кобелева, Л. Кропотова, В. Кузнецова, Н. Михайлова, Л. Москвитина от Игнатия Сергеевича Пушкарева, 1909 г. рожд., с. Кибасово Шилкинского р-на Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 1337.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГП ба, в.

301. Записали Бушкова, Давыденко, Сафьянникова от Татьяны Львовны Касьяновой, 1919 г. рожд., с. Фирсово Сретенского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 1323.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГП ба.

302. Записал В.П. Зиновьев от Агриппины Васильевны Корниловой, 1904 г. рожд., с. Верхняя Куэнга Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, II, № 1326, м/л 22.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГП ба.

303. Записал В.П. Зиновьев от Павла Федоровича Пинигина, 1912 г. рожд., с. Аталанка Усть-Удинского р-на Иркутской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 1358, м/л 61.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГП бб, а.

Дружкой на свадьбе старались поставить наиболее сильного в своих «умениях» человека, чтобы он мог отвести «порчу», если потребуется. Поэтому дружка — «знаткой», колдун — был первым человеком на свадьбе. Считалось, что если свадьба пройдет гладко, без происшествий, то и жизнь молодых будет счастливой.

304. Записали Н. Новикова, Л. Попова, О. Соболева, М. Соловьева от Веры Евлампьевны Филипповой, 1895 г. рожд., с. Знаменка Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1361, м/л 45.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГП бб, а.

305. Записал В.П. Зиновьев от Павла Федоровича Пинигина, 1912 г. рожд., с. Аталанка Усть-Удинского р-на Иркутской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 1359, м/л 61.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГП бб.

306. Записали Н. Новикова, М. Соловьева от Михаила Егоровича Малыгина, 1905 г. рожд., с. Нижние Ключи Нерчинского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, II, № 1357, м/л 118.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГП бб, а.

307. Записал В.П. Зиновьев от Николая Григорьевича Бояркина, 1905 г. рожд., с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 1354, м/л 68.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГП бб.

308. Записал В.П. Зиновьев от Николая Григорьевича Бояркина, 1905 г. рожд., с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 1363, м/л 68.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГП бв, ГП 13б.

Рассказы о соперничестве колдунов на свадьбе многочисленны в Сибири, свойственная этим рассказам «острота конфликта» делает их особенно интересными и увлекательными. В том же году В.П. Зиновьев записал от Н. Г. Бояркина другую быличку на указанный сюжет:

«Вот тебе расскажу еще. Только записывать-то тут ни к чему.

Учился у нас дедушка Тимоша, бабушкин брат. Три брата... один учился в Богдате, в станице. Там один старик:

— Но, ученики, будете смотреть?! Я вот вам покажу фокус.

— Будем.

— Таскайте воды. — Натаскали воды в кадуюшку. — Вот вы теперь глядите, а я спрячусь.

Оне же не понимают, но поглядеть надо.

Он берет сковороду — и под кадуюшку и в подполье. (Это дружка над дружкой смеялись. Это все дедушка Тимоша рассказывал).

Вот теперь свадьба бежит. Вдруг свадьба бежала, бежала — кони как вкопаны встали. Невеста вышла, встает так, заголятся. Жених перекрестился, ее в лобок поцеловал. Весь поезд: тысяцкой, все.

Потом тот дружка-то метнул: только — фью-ю-ю — в окошко! И вот бочку сверху крышку пробил, пол проткнул, а в сковороду-то — тью-ю-ю-ю! Он тажно говорит:

— Вот так, ребята, вы бы воду не натаскали, он бы зарубил: вишь, какой нож-то прилетел!

Он бы не спрятался... Чё же, воды кадуюшка, сверху крышка, эту надо пробить, там пол пробил, да об сковородку. <...>

Вот как это было. Так их боялись дружек этих».

(Зиновьев, II, № 1364, м/л 68). Еще один вариант былички с описанием этого же случая В.П. Зиновьев записал от Егора Степановича Рюмкина, 1907 г. рожд., с. Курумдюкан, 1978 г. (Зиновьев, II, № 1372, м/л 69.) См. № 309

309. См. коммент. № 308.

310. Записал В.П. Зиновьев от Федота Ивановича Дутова, 1903 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1968 г. Зиновьев, II, № 1367, м/л 2.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГП 6в.

311. Записали М. Аристова, Н. Додатко. Л. Жижкина, В.П. Зиновьев, А. Кукса от Виктора Константиновича Кузнецова, 1952 г. рожд., с. Газимурский Завод Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1369, м/л 33.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГП 6в.

312. Записали Н. Новикова, Л. Попова, О. Соболева, М. Соловьева от Евстигнея Степановича Мальцева, 1908 г. рожд., с. Кумаки Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1370.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГП 6в.

313. Записал В.П. Зиновьев от Федота Федоровича Колмакова, 1902 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1968 г. Зиновьев, II, № 1368.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГП 6в.

314. Записали Н. Онышко, О. Сизых от Александра Михайловича Бронникова, 1945 г. рожд., с. Знаменка Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1366.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГП 6в, ГП 6.

315. Записал В.П. Зиновьев от Михаила Ксенофонтовича Пискарева, 1905 г. рожд., с. Верхняя Куэнга Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, II, № 1371, м/л 25.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГП 6в.

316. Записал В.П. Зиновьев от Григория Васильевича Пешкова, 1899 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 1405, м/л 4.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГП 6в, ГП 10в. См. коммент. № 317.

317. Записали Н. Новикова, М. Соловьева от Феклы Ивановны Мосоловой,

1913 г. рожд., с. Верхние Ключи Нерчинского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, II, № 1404, м/л 121.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГП 6в, ГП 10в.

Рассказ Ф. И. Мосоловой по сравнению с повествованием Г.В. Пешкова (№ 316) менее подробен, лишен конкретного описания участников происшествия, опущены некоторые детали, хотя в целом сохранена традиционная форма былички. Такую трансформацию можно, как видно, объяснить степенью близости и отдаленности от первоисточника: у Г. В. Пешкова этот случай «у самого на памяти», Ф. И. Мосолова услышала о нем от свекрови.

318. Записал В.П. Зиновьев от Авдотьи Ивановны Полоротовой, 1901 г. рожд., с. Бура Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 1374, м/л 67.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГП 7, ГП 1а, ГП 28.

Сюжет о похищении плода из чрева не характерен для быличек о колдуне. Приведенный текст — единственный в картотеке В.П. Зиновьева.

319. Записали Н. Онышко, О. Сизых от Сидора Ивановича Бронникова, 1892 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1378.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГП 9.

320. Записал В.П. Зиновьев от Даниила Сергеевича Егорова, 1909 г. рожд., с. Шелопугино Шелопугинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1380, м/л 39.

Сюжет: Ук. доп. Зн, ГП 9.

321. Записали В. Соколова, Т. Уколова от Андрея Ильича Трофимова, 1915 г. рожд., с. Знаменка Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1387.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГП 10.

«Морочить» умеет и ведьма (Ук. доп. Зн, ГП 10), однако эта функция более характерна для колдуна. В картотеке В.П. Зиновьева зафиксировано 25 текстов на этот сюжет.

322. Записали И. Егорова, И. Слепнева, Т. Труфанова от Владимира Ивановича Баранова, с. Котельниково Нерчинского р-на Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, II, № 1388.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГП 10а.

Данный сюжет широко распространен в Сибири.

323. Записал В.П. Зиновьев от Петра Алексеевича Достовалова, 1909 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 1390.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГП 10а.

324. Записал В.П. Зиновьев от Устины Федоровны Сычевой, 1894 г. рожд., уроженки Воронежской губ., неграмотной, разъезд Шапка Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, II, № 1392, м/л 23.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГП 10а.

325. См. коммент. № 324.

326. Записал В.П. Зиновьев от Григория Васильевича Пешкова, 1899 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 1398.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГП 10б.

Среди рассказов о том, как колдун «морочит», выделяется группа быличек с содержанием, аналогичным приведенной. Этот сюжет отмечен как ска-

зочный в СУС: «Колдун пролезает внутри бревна, показывает, что горит сено» (— 664С**).

327. Записал В.П. Зиновьев от Федота Федоровича Колмакова, 1902 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, II, № 1397.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГП 10б.

328. Записал В.П. Зиновьев от Федора Семеновича Смолянского, 1908 г. рожд., разъезд Шапка Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, II, № 1400, м/л 24.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГП 10б.

Гипнотизер воспринимается рассказчиками как колдун, «только, мол, называется по-другому».

329. Записал В.П. Зиновьев от Александра Михайловича Шишимарина, г. Сретенск Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 1402, м/л 59.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГП 10б.

330. Записал В.П. Зиновьев от Григория Васильевича Пешкова, 1899 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 1399.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГП 10б.

331. Записал В.П. Зиновьев от Устиньи Федоровны Сычевой, 1894 г. рожд., уроженки Воронежской губ., неграмотной, разъезд Шапка Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, II, № 1406, м/л 23.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГП 10в. Бывальщина.

332. Записали М. Керн, Н. Погуральская от Н. Е. Белоусова, с. Трубачево Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1403.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГП 10в, ГП 12, ГП 19.

П. Н. Журавлев — организатор партизанского движения в Восточном Забайкалье в 1918–1920 гг.

333. Записал В.П. Зиновьев от Александры Яковлевны Осадчей, 1896 г. рожд., уроженки Воронежской губ., с. Батакан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 1408, м/л 56.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГП 10г.

Про колдуна Варламова, который «морочит», от той же сказительницы записана другая быличка (Зиновьев, II, № 1409, м/л 56; см. № 334),

О Варламе см. также № 279, 346.

334. См. коммент. № 333.

335. Записал В.П. Зиновьев от Федора Семеновича Смолянского, 1908 г. рожд., разъезд Шапка Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, II, № 1448, м/л 24.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГП 11.

Это один из самых распространенных сюжетов о колдуне. В картотеке В.П. Зиновьева зафиксировано 46 вариантов. Как правило, истории о «хозяине змей» развернуты, многоэпизодичны, интересны и захватывающи по содержанию. Среди них большую часть составляют рассказы о том, как колдун с помощью своего чудесного умения уводит змей с покоса и, наоборот, наводит змей на покос, часто осложненные эпизодом наказания провинившейся змеи.

336. Записал В.П. Зиновьев от Григория Васильевича Пешкова, 1899 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 1440, м/л 4.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГП 11.

337. Записал В.П. Зиновьев от Капидона Павловича Рязанцева, 1902 г. рожд., д. Крупянка Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1445, м/л 49.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГП 11.

338. Записал В.П. Зиновьев от Петра Ивановича Русина, 1905 г. рожд., пос. Усть-Карск Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, II, № 1442, м/л 10.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГП 11.

339. Записал В.П. Зиновьев от Анны Максимовны Китаевой, 1914 г. рожд., с. Аргун Сретенского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 1431, м/л 53.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГП 11.

340. Записал В.П. Зиновьев от Ирины Степановны Рязанцевой, 1892 г. рожд., с. Крупянка Нерчинского р-на Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 1446, м/л 13.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГП 11.

341. Записали М. Аристова, Н. Додатко, Л. Жижкина, В.П. Зиновьев, А. Кукса от Виктора Константиновича Кузнецова, 1952 г. рожд., с. Газимурский Завод Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1433, м/л 32.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГП 11.

342. Записал В.П. Зиновьев от Даниила Сергеевича Егорова, 1909 г. рожд., с. Шелопугино Шелопугинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1425, м/л 38.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГП 11.

343. Записал В.П. Зиновьев от Петра Алексеевича Достовалова, 1909 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, II, № 1423, м/л 71.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГП 11.

344. Записал В.П. Зиновьев от Степана Ермолаевича Щетинина, 1902 г. рожд., с. Батакан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 1456.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГП 11.

345. Записал В.П. Зиновьев от Евгения Андреяновича Астафьева, 1931 г. рожд., грамотного, с. Кактолга Сретенского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 1414.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГП 11, ГИ 11.

346. Записал В.П. Зиновьев от Александры Яковлевны Осадчей, 1896 г. рожд., уроженки Воронежской губ., с. Батакан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 1437, м/л 56.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГП 11.

В некоторых быличках на указанный сюжет колдун просто (без «практической надобности») демонстрирует свое умение зрителям: берет змей голыми руками, наматывает на себя, заставляет виться на колышек и т. п. Таких текстов в картотеке В.П. Зиновьева 9.

347. Записали В.П. Зиновьев, А. Кукса от Агафьи Понифатьевны Елгиной, 1905 г. рожд., с. Бурукан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 1427, м/л 66.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГП 11.

348. Записал В.П. Зиновьев от Николая Григорьевича Бояркина, 1905 г. рожд., с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 1416, м/л 68.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГП 11.

349. См. коммент. № 238.

350. См. коммент. № 238.

351. Записали И. Каргополова, Е. Протопопова, Н. Сухорукова, М. Тарасова от Владимира Евгеньевича Еремина, с. Фирсово Сретенского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 1428.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГП 11.

352. Записал В.П. Зиновьев от Николая Григорьевича Бояркина, 1905 г. рожд., с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, II, № 1457, м/л 94.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГП 12.

В картотеке В.П. Зиновьева 12 вариантов быличек на данный сюжет. Среди них большую часть составляют рассказы о тех житейских случаях, когда пришлось прибегать к помощи «знатких» людей, чтобы перегнать скот с одного места на другое, чтобы приучить скотину к своему двору и пр. От того же сказителя записана другая быличка, где к основному «Колдун повелевает животными» присоединен сюжет «Ведьма ворожит, гадает, предсказывает судьбу» (Ук. доп. Зн, ГП 9) (Зиновьев, II, № 1458, м/л 95; см. № 353).

353. См. коммент. 352.

354. Записал В.П. Зиновьев от Даниила Сергеевича Егорова, 1909 г. рожд., с. Шелопугино Шелопугинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1463, м/л 38.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГП 12.

355. Записал В.П. Зиновьев от Даниила Сергеевича Егорова, 1909 г. рожд., с. Шелопугино Шелопугинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1462, м/л 38.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГП 12, ГП 12.

356. Записал В.П. Зиновьев от Авдотьи Ивановны Полоротовой, 1901 г. рожд., с. Бура Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 1466, м/л 67.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГП 12.

357. Записал В.П. Зиновьев от Федота Ивановича Дутова, 1903 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 1461, м/л 55.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГП 12.

358. Записал В.П. Зиновьев от Петра Алексеевича Достовалова, 1909 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, II, № 1459, 1460, м/л 71.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГП 12.

359. См. коммент. № 358.

360. Записали Н. Новикова, Л. Попова, О. Соболева, М. Соловьева от Семёна Степановича Носкова, 1901 г. рожд., с. Кумаки Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1465.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГП 12, ГП 11.

361. Записали В. Соколова, Т. Уколова от Константина Никифоровича Трушина, 1914 г. рожд., с. Знаменка Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1468.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГП 12, ГП 106.

362. Записали Ковальская, Мартынова от Надежды Кузьминичны Чернецкой, 1917 г. рожд., образование 6 классов, с. Фирсово Сретенского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 1481.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГП 15в, ГП 1а, ГП 3, ГП 25.

363. Записал В.П. Зиновьев от Петра Алексеевича Достовалова, 1909 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 1535.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГП 15а, ГП 27, ГП 1а, ГП 24.

364. Записали Н. Скобелкина, М. Эссерот от Авдотьи Митрофановны Астафьевой, 1900 г. рожд., с. Кактолга Сретенского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 1482.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГП 15б.

365. Записал В.П. Зиновьев от Устины Федоровны Сычевой, 1894 г. рожд., уроженки Воронежской губ., разъезд Шапка Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, II, № 1483, м/л 23.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГП 17а, ГП 16, ГП 2а.

Рассказы о трудной смерти колдуна аналогичны таким же рассказам о ведьме (см. № 257–259).

366. Записал В.П. Зиновьев от Николая Григорьевича Бояркина, 1905 г. рожд., с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 1487, м/л 68.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГП 17б.

367. Записал А. Кукса от Евдокии Ефимовны Рюмкиной, 1909 г. рожд., с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 1492, 1493.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГП 20.

Рассказы об управлении колдунами стихией малочисленны.

368. См. коммент. № 367.

369. Записали А. Кукса, А. Порошина от Ефалии Викторовны Егоровой, 1903 г. рожд., с. Шеметово Сретенского р-на Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, II, № 1497.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГП 21.

В картотеке В.П. Зиновьева сюжет представлен четырьмя вариантами.

370. Записали Н. Новикова, М. Соловьева от Феклы Ивановны Мосоловой, 1913 г. рожд., с. Верхние Ключи Нерчинского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, II, № 1499, м/л 121.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГП 23.

В картотеке В.П. Зиновьева сюжет представлен единственным текстом.

371. Записали М. Соловьева, Т. Усова от Анны Егоровны Макаровой, 1928 г. рожд., с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, II, № 1507, м/л 105.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГП 24, ГП 2.

372. Записал В.П. Зиновьев от Николая Григорьевича Бояркина, 1905 г. рожд., с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, II, № 1523, м/л 94.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГП 25, ГП 3.

Излечение животных чудесным способом — одна из характерных функций колдуна-знахаря, колдуньи-знахарки. Сюжет, в основе которого лежит эта функ-

ция, часто встречается в таком сочетании, как в приведенной записи, но может существовать и самостоятельно (см. № 377, 378).

373. Записал В.П. Зиновьев от Николая Григорьевича Бояркина, 1905 г. рожд., с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 1524, м/л 68.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГИ 25, ГИ 3.

Вторично быличка записана в 1980 г. (Зиновьев, II, № 1525, м/л 94).

374. См. коммент. № 373.

375. Записал В.П. Зиновьев от Кореи Николаевны Евграфовой, 1902 г. рожд., с. Шивки Нерчинского р-на Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 1527.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГИ 25, ГИ 9.

376. Записал В.П. Зиновьев от Евдокии Даниловны Огневой, г. Нерчинск Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 1532, м/л 54.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГИ 25, ГИ 3, ГИ 19в.

377. Записал В.П. Зиновьев от Евдокии Даниловны Огневой, г. Нерчинск Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 1533, м/л 54.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГИ 25.

378. Записал В.П. Зиновьев от Федора Дмитриевича Утюжникова, 1897 г. рожд., с. Дарасун Карымского р-на Читинской обл., 1975 г. Зиновьев, II, № 1534.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГИ 25, ГИ 3.

379. Записали Казакова, М. Княжева, Е. Куликова от Ульяны Ивановны Рожковской, 1918 г. рожд., с. Бори Сретенского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 1548.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГИ 28, ГИ 2.

Наказание ведьм, колдунов за их злодеяния (чаще насылание «порчи» на людей, скотину) — функция, больше характерная для колдуна-знахаря, чем для знахарки. В картотеке В.П. Зиновьева зафиксирован 21 текст с этим сюжетом о колдунах и всего 3 — о ведьме.

380. Записали Н. Кобелева, Т. Колтович от Арины Андреевны Казанцевой, 1909 г. рожд., с. Знаменка Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1543.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГИ 28, ГИ 3, ГИ 2.

381. Записали В.П. Зиновьев, Л. Кобелева, Л. Кропотова, В. Кузнецова, Н. Михайлова, Л. Москвитина от Екатерины Ивановны Денисовой, 1918 г. рожд., с. Усугли Шилкинского р-на Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 1540.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГИ 28.

382. Записал В.П. Зиновьев от Розы Васильевны Бочкарниковой, 1923 г. рожд., грамотной, с. Бори Сретенского р-на Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, II, № 1537, м/л 87.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГИ 28, ГИ 24, ГИ 3.

383. Записали В.П. Зиновьев, Л. Кобелева, Л. Кропотова, В. Кузнецова, Н. Михайлова, Л. Москвитина от Михаила Абакумовича Козлова, 1924 г. рожд., с. Пешково Нерчинского р-на Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 1568.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГИ 1а, ГИ 17, ГИ 18.

В Сибири бытует немало быличек о покойниках, встающих из гроба. Часто в них действуют так называемые «заложные» — находящиеся на службе у нечистой

силы — неотпетые или непомянутые покойники, умершие неестественной смертью, умершие ведьмы и колдуны, которые продали душу черту и «не отработали» необходимый срок.

384. Записал В.П. Зиновьев от Аграфены Гавриловны Пахмутовой, 1911 г. рожд., с. Пешково Нерчинского р-на Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, П, № 1572, м/л 90.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГШ 1а.

Из 110 быличек и бывальщин о покойниках, хранящихся в картотеке В.П. Зиновьева, более четверти основаны на этом сюжете. В Сибири существовали поверья о том, что если родственники очень тоскуют по умершему, он может явиться или влечь, «тянуть» к могиле.

385. Записали С. Кудрявцева, Е. Кузьмина, Н. Пильник от Валентины Григорьевны Бут, 1925 г. рожд., с. Знаменка Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, П, № 1555.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГШ 1а, ГШ 13а.

386. Записали Л. Павловская, Н. Скобелкина от Федосьи Даниловны Жуковой, 1894 г. рожд., уроженки Курской губ., с. Беломестново Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, П, № 1564.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГШ 1а, ГШ 13б.

Примечание собирателей: «Федосья Даниловна верит в то, что рассказывает, но отношение ее к сверхъестественным силам двойственное. Говорит: „Надо верить, в душе свято место сохранять“ — и тут же посмеивается над разной нечистью».

387. Записали Т. Балканова, И. Игнатьева, Р. Ушкалова от Екатерины Егоровны Чернецкой, 1920 г. рожд., с. Молодовск Сретенского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, П, № 1582.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГШ 1а.

388. Записали Пикуцкая, З. Синелобова, Н. Скобелкина, М. Эссерт от Валентины Михайловны Судаковой, 1940 г. рожд., с. Фирсово Сретенского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, П, № 1577.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГШ 1а, ГШ 11а.

389. Записал В.П. Зиновьев от Марии Федоровны Соколовой, 1892 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, П, № 1631.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн. ГШ 6.

390. Записали В.П. Зиновьев, Л. Кобелева, Л. Кропотова, В. Кузнецова, Н. Михайлова, Л. Москвитина от Марии Дмитриевны Филипповой, 1915 г. рожд., образование 3 класса, с. Пешково Нерчинского р-на Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, П, № 1632.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГШ 6, ГШ 1а, ГШ 13б.

391. Записали В. Жаглова, Е. Косолапова, П. Сапунова, Н. Суковкина от Игната Исааковича Чернова, с. Дарасун Карымского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, П, № 1633.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГШ 7, ГШ 1а.

392. Записали Т. Коваленко. В. Невилчук, И. Тайгинд от Доры Корниловны Гусевской, 1907 г. рожд., с. Фирсово Сретенского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, П, № 1633.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГПШ 7. Бывальщина.

Данный сюжет отмечен как сказочный в СУС: «Жених-мертвец: невеста оплакивает убитого жениха, он является к ней и увозит в могилу» (365). В рассказ привнесен сказочный элемент: дважды повторяется рифмованный вопрос.

393. Записала Л. Кобелева от Любови Петровны Мосоловой, 1955 г. рожд., с. Верхние Ключи Нерчинского р-на Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 1634.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГПШ 7, ГПШ 13а. См. коммент. № 392. Бывальщина.

394. Записали Ковальская, Мартынова от Тамары Тыжновой, 1941 г. рожд., с. Фирсово Сретенского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 1635.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГПШ 7, ГПШ 13в. Бывальщина.

395. Записали А. Ефимова, Л. Софронова от Екатерины Афанасьевны Вологжиной, 1898 г. рожд., неграмотной, с. Аталанка Усть-Удинского р-на Иркутской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 1629.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГПШ 7, ГПШ 13в, ГПШ 1а. Бывальщина.

396. Записали Бушкова, Давыденко, Сафьянникова от Анны Самойловны Дутовой, 1911 г. рожд., с. Молодовск Сретенского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 1559.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГПШ 13в, ГПШ 1а. Бывальщина.

397. Записали С. Кудрявцева, Е. Кузьмина, Н. Пильник от Валентины Григорьевны Бут, 1925 г. рожд., с. Знаменка Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1554.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГПШ 13в, ГПШ 1а. Бывальщина.

398. Записали В.П. Зиновьев, Л. Кобелева, Л. Кропотова, В. Кузнецова, Н. Михайлова, Л. Москвитина от Олимпиады Михайловны Надеждиной, 1897 г. рожд., с. Назарово Шилкинского р-на Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 1639.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГПШ 8.

399. Записали Н. Новикова, М. Соловьева от Феклы Ивановны Мосоловой, 1913 г. рожд., с. Верхние Ключи Нерчинского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, II, № 1638.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГПШ 8, ГПШ 1а.

400. Записал В. П. Зиновьев от Анны Михайловны Достоваловой, 1923 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 1641.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГПШ 9, БИ 12з (смешение сюжетов).

401. Записал В.П. Зиновьев от Августы Александровны Пахмутовой, 1957 г. рожд., с. Пешково Нерчинского р-на Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, II, № 1589, м/л 89.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГПШ 16.

402. Записали Л. Павловская, Н. Скобелкина от Надежды Егоровны Казанцевой, 1921 г. рожд., с. Знаменка Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1597.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГПШ 2.

403. Записал В.П. Зиновьев от Федора Семеновича Смолянского, 1908 г. рожд., разъезд Шапка Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, II, № 1607, м/л 24.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГПШ 2.

404. Записал В.П. Зиновьев от Михаила Ксенофонтовича Пискарева, 1905 г. рожд., с. Верхняя Куэнга Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, II, № 1603, м/л 25.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГПШ 2.

405. Записали Т. Дружинина, Т. Миронова от Надежды Яковлевны Борисовой, 1921 г. рожд., с. Знаменка Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1611.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГПШ 3.

406. Записал В.П. Зиновьев от Григория Васильевича Пешкова, 1899 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 1617.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГПШ 3.

407. Записал В.П. Зиновьев от Федота Ивановича Дутова, 1903 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1968 г. Зиновьев, II, № 1612, м/л 2.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГПШ 3.

408. Записал В.П. Зиновьев от Татьяны Кузьминичны Лариной, 1898 г. рожд., с. Кибасово Шилкинского р-на Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 1623.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГПШ 4.

409. Записали М. Аристова, Н. Додатко, Л. Жижкина, В.П. Зиновьев, А. Кукуса от Виктора Константиновича Кузнецова, 1952 г. рожд., с. Газимурский Завод Газимурзаводского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1654, м/л 32.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГПШ 12.

410. Записал В.П. Зиновьев от Петра Алексеевича Достовалова, 1909 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 1627.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГПШ 5.

В 1979 г. быличка была записана повторно от того же исполнителя (Зиновьев, II, № 1628, м/л 71; см. № 411). Во втором варианте рассказ обрастает подробностями. Точно чувствуя возможности жанра и настрой слушателей, П. А. Достовалов постоянно совершенствует свои былички, делая их все более развернутыми и конкретными. Однако большая убедительность повествования достигается за счет некоторой утраты стройности, и с этой точки зрения интересней вариант 1969 г., более лаконичный и цельный.

411. См. коммент. № 410.

412. Записал В.П. Зиновьев от Николая Васильевича Седова, 1908 г. рожд., уроженца Костромской губ., с. Апрельково Шилкинского р-на Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 1647, м/л 6.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГПШ 10. Бывальщина.

Юмористическая концовка бывальщины, рассказанной от первого лица, превращает ее в пародию на известную расхожую быличку.

413. Записали М. Выходцева, М. Кузовкова, Л. Мейерова, Т. Сысолятина от Феоктисты Николаевны Соколовой, 1905 г. рожд., с. Чирон Шилкинского р-на Читинской обл., 1973 г. Зиновьев, II, № 1666.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, Д 16. Бывальщина.

Раздел быличек о кладах в картотеке В.П. Зиновьева самый немногочисленный: он насчитывает всего 16 текстов, большая часть которых относится к разряду бывальщин.

414. Записал В.П. Зиновьев от Ирины Степановны Рязанцевой, 1892 г. рожд., с. Крупянка Нерчинского р-на Читинской обл., 1966 г. Зиновьев, П, № 1670.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, Д 2, Д 1и. Бывальщина.

415. Записали Бушкова, Давыденко, Сафьянникова от Кирилла Ивановича Анисимова, 1921 г. рожд., с. Молодовск Сретенского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, П, № 1675.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, Д 3, Д 1в. Бывальщина.

416. Записали Н. Белоусова, Т. Сафонова от Евдокии Васильевны Обуховой, 1909 г. рожд., с. Пешково Нерчинского р-на Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, П, № 1676.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, Д 3, Д 1б.

В бывальщине использован элемент сюжета «Черт награждает золотом, которое превращается в угли» (Ук. доп. Зн, VI 30а).

417. Записал В.П. Зиновьев от Ирины Степановны Рязанцевой, 1892 г. рожд., с. Крупянка Нерчинского р-на Читинской обл., 1966 г. Зиновьев, П, № 1677.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, Д 3, Д 1д. Бывальщина,

418. Записал В.П. Зиновьев от Николая Григорьевича Бояркина, 1905 г. рожд., с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, П, № 1682, м/л 95.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, EI 1.

В картотеке В.П. Зиновьева в разделе «Вестники судьбы» насчитывается 15 текстов. Как правило, рассказы на указанный сюжет являются фабулатами. Данная быличка была записана в Сретенском р-не Читинской обл. еще дважды (см. № 419).

419. Записали Казакова, М. Княжева, Е. Куликова от Татьяны Георгиевны Бочкарниковой, 1953 г. рожд., с. Бори Сретенского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, П, № 1681.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, EI 1.

420. Записали Н. Жукова, И. Урбанаева от Галины Алексеевны Ситинской, 1925 г. рожд., с. Аталанка Усть-Удинского р-на Иркутской обл., 1978 г. Зиновьев, П, № 1683.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, EI 1.

421. Записали Т. Балканова, И. Игнатьева, Р. Ушкалова от Анны Самойловны Дутовой, 1911 г. рожд., с. Молодовск Сретенского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, П, № 1688.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, EI 2.

422. Записали И. Мазур, М. Саванжа, Тырянова от Марфы Яковлевны Федоровой (Судаковой), 1917 г. рожд., с. Фирсово Сретенского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, П, № 1694.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, EI 2.

Во время той же экспедиции быличку удалось записать от другой исполнительницы (см. № 423).

423. Записали Ковальская, Мартынова от Евфросиньи Георгиевны Мясниковой, 1909 г. рожд., грамотной, с. Фирсово Сретенского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, П, № 1689.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, EI 2.

424. Записали А. Ефимова, Л. Софронова от Лукерьи Макаровны Пинигиной, 1924 г. рожд., грамотной, с. Аталанка Усть-Удинского р-на Иркутской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 1691.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ЕИ 2.

425. Записал В.П. Зиновьев от Соломонида Кирилловны Старицыной, 1912 г. рожд., с. Знаменка Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1721.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ЕИ 1.

Былички о святочных гаданиях широко распространены в Сибири. С гаданиями было связано множество обрядов и поверий, о которых нередко сообщается в быличках. В картотеке В.П. Зиновьева хранится около 30 текстов на указанный сюжет.

426. Записали И. Егорова, Т. Труфанова от Анны Никитичны Кустобаевой, 1930 г. рожд., с. Пешково Нерчинского р-на Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, II, № 1709.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ЕИ 1.

427. Записал В.П. Зиновьев от Аграфены Гавриловны Пахмутовой, 1911 г. рожд., с. Пешково Нерчинского р-на Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, II, № 1713, м/л 89.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ЕИ 1.

428. Записал В.П. Зиновьев от Ирины Степановны Рязанцевой, 1892 г. рожд., д. Крупянка Нерчинского р-на Читинской обл., 1966 г. Зиновьев, II, № 1718, м/л 1.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ЕИ 1.

429. См. коммент. № 428. Зиновьев, II, № 1719.

430. Записали И. Смолина, М. Соловьева от Евдокии Екатеринчук, с. Нижние Ключи Нерчинского р-на Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, II, № 1706, м/л 74.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ЕИ 1.

431. Записали И. Смолина, М. Соловьева от Прасковьи Дорофеевны Тонких, 1910 г. рожд., с. Бори Сретенского р-на Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, II, № 1723, м/л 83.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ЕИ 1.

432. Записали Т. Дружинина, Т. Миронова от Надежды Яковлевны Борисовой, 1921 г. рожд., с. Знаменка Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1725.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ЕИ 2.

В картотеке В.П. Зиновьева 20 быличек о «вещих снах».

433. Записал В.П. Зиновьев от Николая Григорьевича Бояркина, 1905 г. рожд., с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 1727, м/л 68.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ЕИ 2.

434. Записал В.П. Зиновьев от Карпа Федоровича Васильева, 1892 г. рожд., с. Пешково Нерчинского р-на Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, II, № 1731, м/л 89.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ЕИ 2.

435. См. коммент. № 434. Зиновьев, II, № 1733, м/л 89.

436. См. коммент. № 434. Зиновьев, II, № 1732, м/л 89.

437. Записали С. Кудрявцева, Е. Кузьмина, Н. Пильник от Валентины Григорь-

евны Бут, 1925 г. рожд., с. Знаменка Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, П, № 1729.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ЕП 2.

438. Записали В.П. Зиновьев, Л. Кобелева, Л. Кропотова, В. Кузнецова, Н. Михайлова, Л. Москвитина от Анны Васильевны Прокудиной, 1910 г. рожд., д. Борщовка Нерчинского р-на Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, П, № 1738.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ЕП 2.

439. Записал В.П. Зиновьев от Авдотьи Ивановны Полоротовой, 1901 г. рожд., с. Бура Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, П, № 1771, м/л 67.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, Ж 1г.

В картотеке В.П. Зиновьева 40 быличек и бывальщин о небесных силах. Многие из них близки к религиозным легендам и легендарным сказкам.

440. Записали Н. Жукова, И. Урбанаева от Федосьи Андреевны Рыбниковой, 1888 г. рожд., с. Аталанка Усть-Удинского р-на Иркутской обл., 1978 г. Зиновьев, П, № 1773.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, Ж 1г.

Быличка интересна тем, что в ней сверхъестественный персонаж — ангел или святой — является человеку. Как правило, в рассказах о небесных силах «направляет действие и определяет исход событий вмешательство сверхъестественных сил, которые обычно сами не появляются, а проявляют себя посредством чуда» (Соколова В. К. Русские исторические предания. — М., 1970, с. 270).

441. Записали Белоницкая, Зиновьева от Ирины Евграфовны Корякиной, 1894 г. рожд., с. Дунаево Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, П, № 1777.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, Ж 1д.

В конце рассказа сказительница добавила, что это «быль забайкальская», что она сама ходила к иконе и видела того мужика с красной тряпкой на шее. В картотеке В.П. Зиновьева восемь вариантов этого сюжета, все они записаны в Нерчинском и Сретенском р-нах Читинской обл. Эти рассказы-фабулаты очень близки к легендам (в Нерчинском р-не популярны легенды о чудесах иконы Знаменской, или Торгинской, Божьей Матери). Данный сюжет также близок к сказочному, отмеченному в СУС: «Брат сестру (невеста — свекровь) змеей назвал: к богачу во время обеда приходит бедная сестра, он называет ее змеей и велит убрать со стола поросятину; вместо поросятины оказывается змея, которая смертельно жалит богача (свекровь, превратившись в змею, обвивается вокруг шеи невестки и живет с ней до самой смерти)» — 813 А****.

442. Записал В.П. Зиновьев от Евдокии Даниловны Огневой, г. Нерчинск Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, П, № 1778, м/л 54.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, Ж 1д.

443. Записал В.П. Зиновьев от Григория Васильевича Пешкова, 1899 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, П, № 1791, м/л 4.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, Ж 2б.

Данный сюжет отмечен как сказочный в СУС: «Смерть в колодце: девушке (юноше) предсказывают смерть в колодце, когда исполнится 17 лет, об этом знает

кум, который приказывает в этот день затянуть колодец кожей, девушка выходит гулять, падает на кожу и умирает» — 934 А.

444. Записали Ковальская, Мартынова от Евфросиньи Георгиевны Мясниковой, 1909 г. рожд., с. Фирсово Сретенского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, П, № 1790.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, Ж 26.

Указатель сюжетов сибирских быличек и бывальщин^{*}

Указатель создавался В. П. Зиновьевым в процессе систематизации фольклорного материала, записанного им и студентами — участниками фольклорных экспедиций и практик в период с 1964 по 1983 гг. в селениях Восточного Забайкалья и Иркутской области. Собранные фольклорные материалы составляют фольклорный архив В. П. Зиновьева.

Тексты в архиве В. П. Зиновьева систематизированы в соответствии с классификацией, предложенной С. Айвазян в «Указателе сюжетов русских быличек и бывальщин о мифологических персонажах», составленном под руководством Э. В. Померанцевой¹: разделы и подразделы выделяются по фантастическим персонажам, в свою очередь, разряды и сюжеты — на основании своеобразия функций этих персонажей. Внутри каждого сюжета тексты располагаются по исполнителям (в алфавитном порядке). Нумерация текстов сквозная.

В архиве В. П. Зиновьева хранится более 2000 текстов быличек и бывальщин, записанных в 1966–1980 гг. во время экспедиций и фольклорных практик со студентами Иркутского государственного университета и педагогического института в различных районах Читинской области и в с. Аталанка Усть-Удинского района Иркутской области. Все тексты собраны по принципу повсеместной и безотборочной фиксации материала. Значительная часть их перенесена с магнитофонных лент.

В предлагаемом указателе сохранены цифровые и буквенные обозначения, а также порядок расположения разделов, подразделов, разрядов и сюжетов, отмеченных в указателе Померанцевой-Айвазян.

Однако рассматриваемый нами текстовый материал, отражая своеобразие сибирского репертуара и современное бытование жанра, включает в себя значительно более широкий круг сюжетов по сравнению с тем, который представлен в работе С. Айвазян. В связи с этим в данном указателе выделено четыре новых раздела: от Г до Ж, помеченных звездочкой. Кроме того, все подразделы, разряды и сюжеты, не зафиксированные в указателе Померанцевой-Айвазян, также отмечены звездочкой.

В квадратные скобки заключены изменения и уточнения в названиях сюжетов.

После названия сюжета указаны номера быличек и бывальщин в соответствии с нумерацией текстов в архиве В. П. Зиновьева. Номера текстов, в кото-

^{*} Зиновьев В. П. Указатель сюжетов сибирских быличек и бывальщин (публикация Н. Л. Новиковой, Г. Н. Зиновьевой) // Локальные особенности русского фольклора Сибири. — Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1985. — С. 62–76.

¹ Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. — М., 1975. — С. 162–182.

рых данный сюжет является сопутствующим, второстепенным по отношению к главному, приводятся в скобках.

Полужирным курсивом даны номера текстов, помещенных в настоящей книге в подразделе «Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири» (литера «к» указывает на то, что быличка приведена в комментарии).

Тексты быличек с неоформившимися сюжетами в настоящий указатель не вошли.

Не претендуя на исчерпывающую полноту и завершенность, указатель отмечает лишь определенный этап в изучении сибирских быличек.

А. Былички и бывальщины о духах природы

1. Леший

1. Леший принимает образы:

а) простого человека [часто человека в белом, всадника, солдата] — № 1–5, (32, 46, 48, 54, 73, 75, 77, 78, 94, 103, 105, 107, 118, 142, 156, 161, 188, 195, 196, 217, 218, 225, 229, 243, 480); **(3, 4, 6, 8, 10, 29, 39, 40, 44, 48, 51, 53, 57, 107, 10к, 19к)**;

б) старика — № 6–8, (45, 55, 70, 83, 86, 87, 89, 93, 97, 99, 100, 116, 133, 137, 150, 151, 156, 163, 164, 166, 167, 169, 170, 172, 180, 189, 193, 201, 207, 208, 219, 222, 235); **33к (5, 11, 12, 27, 37)**;

г) родственника или знакомого — № 9–14, (39, 47, 52, 57, 59, 60, 61, 64, 66, 79, 81, 82, 90, 92, 96, 102, 139, 158, 162, 173, 174, 179, 182–184, 194, 202, 204–206, 221, 224, 226, 230, 242); **19–21 (2, 7, 9, 34, 35, 43, 45, 47, 52, 54, 1к)**;

д) человека огромного роста — № 15–23; **22, 23**;

е) человека в шерсти — № (120, 207, 215); **(11)**;

ж) человека с рогами на голове — № 24;

з) ягненка — № 25;

л*) коня — № 26, 27, (68, 91, 111, 197); **41к (41, 42)**;

м*) женщины — № 28–31, (4, 32, 38, 50, 113, 116, 159, 176, 203, 231, 241, 242); **(15, 10к)**;

н*) дикого козла (гурана) — № (34, 231, 232); **(59)**;

о*) совы — № (119);

п*) колоды, чурки — № (200, 216);

р*) быка — № (89);

с*) сохатого — № (51);

т*) маленького человечка — № (35, 237); **(61)**;

у*) белого существа — № (245).

2. Леший выдает себя хохотом — № 32, 33, (72, 108, 112, 142); **10к (10, 29, 47, 58)**.

3. Человек видит свадебную процессию леших — № 34–36; **59–61**.

5. Леший заводит человека — № 37–104, (13, 221, 224–226, 1217); **1–18, 1к (52–54)**.

6. Леший пугает действием, звуками и т.д. — № 105–122, (2, 32, 84, 136); **(55, 19к)**.

6а*. Леший пугает ночующих на тропе — № 123–153, (496); **24–32**.

7. Леший крадет детей — № 154–165; **33–35, 33к**.

7а. Леший уводит проклятых, отданных ему неосторожным словом — № 166–209, (825, 840); **36–44 (45–50)**.

8*. [Защита от лешего]:

а) благословение, поминание Бога, молитва, крест — № (28, 30, 31, 51, 54, 57, 59, 61, 63, 70, 74, 76, 82, 83, 90, 94, 97, 102, 120, 168, 174–176, 179, 184, 186, 193–196, 205, 206, 208, 209, 225, 234); **(2, 6, 9, 10, 40, 41, 43–45, 47–49, 53, 1к)**;

б) переодевание одежды на левую сторону — № 210–213, (88); **12к, (12)**;

в) очерченный круг — № 214;

г) стрельба или крики в противоположную от заблудившегося сторону — № 1, (98);

д) вещь, которую попросит леший, надо давать ему через левое плечо — он исчезнет — № 215;

е) от лешего можно откупиться табаком — № 216, (88, 172);

ж) ругань — № 217, (117, 119).

14. Леший служит человеку:

ж*) предупреждает об опасности: сгоняет с места, на которое упало дерево — № 218, 219, (485); **51**;

з*) заботится о заблудившихся в лесу — № 220.

17. Леший и пастух:

е*) леший пугает пастуха волками — № 221; **52**.

19. В гостях у лешего:

а*) человек в застолье у леших — № 222, 223;

б*) человек на крестинах у лешего — № 224–226; **53, 54**.

21. Хлебом [табаком] лешего оказываются мох, шишки, помет — № 227 (13, 50, 89, 159, 162, 164, 167–170, 176, 180, 182, 184, 202, 206, 209); **(12, 34, 35, 37, 43, 47, 53)**.

24. Леший боится:

а) ругани — см. АІ-8ж*;

б) креста, молитвы — см. АІ-8а*.

27. Леший и охотник:

в) охотник знается с лешим — № 228 (105);

з*) леший приносит охотникам двух рысей, которые оживают, превращаясь в кошек — № 229; **57**;

и*) леший помогает проверить, способен ли юноша стать охотником — № 230;

к*) охотник целится в лешего — ружье не стреляет [охотник стреляет в лешего — не попадает] — № 231, 232 (34, 51, 108, 112, 114); **(58, 59)**;

л*) леший прогоняет (пугает) охотников с солонцов или из зимовья — № 233–238 (36, 105, 106, 108, 109, 112); **58 (87)**.

34. Леший наказывает:

з*) за охоту в запретное время — № (108, 112);

и*) девушку, ломающую ветки — № (116);

к*) за озорство в зимовье после полуночи — № 239; **55**;

л*) за самоуверенность («не убил — не тереби») — № 240.

36*. Лешие перекочевывают в другое место — № 241, 242.

37*. Леший повторяет действия человека — № 243; **19к**.

38*. Леший проигрался в карты другому хозяину — зверя в лесу не стало — № 244; **56**.

39. Леший «морочит» — № 245.

40*. Леший делает человека невидимым — № (181, 187, 205, 206); **47–50 (164)**.

41*. Леший превращает человека в собаку — № (174, 190); **45, 46**.

II. Водяной

1. Водяной принимает образы:

б) ребенка — № 346;

ж*) человека с длинными волосами и бородой из тины, тело покрыто чешуей, на руках пальцы с перепонками — № 247; **62**;

з*) красного человека с длинными волосами — № 248;

и*) черного человека с хвостом — № (253, 255); **(63)**;

к*) косули — № 249.

2а. Водяной похищает людей и взрослых — № 250.

9. Водяной и рыбаки:

д) пугает (качает) — № 251.

12. Водяной боится креста и молитвы — № 252.

17. Водяной сидит на камне — № 253.

19*. Водяной не любит медной посуды — № 254.

20*. Водяной черт купается в реке в Ильин день — № 255; **63**.

21*. Водяной показывается людям из воды — № 256, 257.

III. Русалка

1. Русалка — утонувшая женщина — № 258, 259, (270).

2. Русалка просит дать ей крест — № 260.

4. Русалка, сидя у реки, чешет волосы гребнем — № 261–288, (294, 304, 308–310, 316–318, 540); **64, 65 (66, 68–70, 68к)**.

4а*. Русалка, сидя в лесу на пеньке или в лесной избушке, чешет волосы гребнем — № 289–291.

5а*. Русалки качаются на воротах — № 292, 293.

6. Русалки показываются у воды — № 294–299; **66, 67 (71)**.
 10. [Русалка водит человека] — № 300, 301; **71**.
 10а*. Русалка завлекает человека в воду — № 302, 303.
 13. Русалка живет у людей — № (260).
 16*. Русалки пляшут — № 304, 305.
 17*. Русалка преследует человека, взявшего себе ее гребень — № 306–310 (266, 316); **69, 70 (68)**.
 18*. Русалка моет в бане своего ребенка — № 311; **73**.
 19*. Русалка поет песни — № 312, 313 (260, 266, 294, 307); **(66, 69)**.
 20*. Русалка боится:
 а) ругани — № (265, 290, 308); **(70)**;
 б) молитвы — № (321, 323); **(76)**.
 21*. Убитая русалка — № (278, 317); **(65)**.
 22*. Русалка не позволяет брать воду в реке ночью — № 314; **72**.
 23*. Русалка летает сорокой — № 315.
 24*. Русалка предсказывает беду — № 316 (284, 285); **68, 68к**.
 25*. Русалка прыгает в лесу через огонь — № 320; **74**.
 26*. Русалка топит в реке человека — № 321–323 (278, 280, 283); **76 (65)**.
 27*. Русалка крадет хлеб у косарей, гонится за парнями, пугает — № 324;
75.
 28*. Русалка на берегу реки дерется с мужиками — № 325.

IV. Полевик, полудница

1. Полевик (полудница) принимает образы:
 в) [женщины] — № (327);
 г) маленького человечка — № 326;
 д*) коня — № 326.
 2а*. Полевик (полудница) гонит человека из степи — № 327.

Б. Былички и бывальщины о домашних духах

I. Домовой

1. Домовой принимает образы:
 а) простого мужика — № 328–331 (418, 456, 457, 462, 474, 492, 500, 523, 529, 540, 551, 556); **(86, 95, III)**;
 б) старика — № 332–336 (366, 376, 381, 416, 430, 431, 433, 435, 444, 448, 482, 483, 486, 495, 498, 531, 541, 550, 555, 556, 569, 571); **(80, 85, 100, III)**;
 в) знакомого, родственника, хозяина дома — № 337–339 (429, 458, 509);
 г) черного страшного человека (в шерсти) — № 340–342 (351, 458, 460, 479, 498, 501, 507, 517, 545); **83**;
 д) женщины — № 343–347 (406, 446, 490, 533);

- е) кошки — № (331, 363, 370, 371, 375, 377, 452, 508, 510, 552); **(92)**;
 з) крысы — № (506); **(84)**;
 и) собаки — № (453);
 н) [зайца] — № (451, 453, 454); **(97)**;
 о) ветра — № 348;
 п*) курицы — № 349 (406);
 р*) огромного мужика — № 350–352 (395, 562);
 с*) маленького лохматого существа, белого существа — № 353, 354 (480);
(107);
 т*) маленького человечка — № 355–360 (388, 392, 443);
 у*) уродливого существа с хвостом — № 361;
 ф*) жабы — № (455);
 х*) белки — № (451); **(97)**;
 ц*) огненного человека — № (503).
 4. Гадание с домовым — № (763–765).
 5. Домовой ночью в доме:
 а) [разбрасывает посуду] — № (509);
 в) давит человека, наносит ему физические увечья — № 362–381 (338, 339, 383, 414, 475, 476, 496, 505, 509, 515, 517, 518, 548); **78–80 (92, 94)**;
 г) «шалит» — № 382–395 (665–667, 683, 689); **81**;
 е*) путает или расчесывает человеку волосы — № 396–398 (347);
 ж*) ходит в доме, оставаясь невидимым — № 399–405; **93, 94**;
 з*) пересыпает зерно — № 406 (398);
 и*) сидит в ногах у спящих жильцов — № 407;
 к*) качает зыбку с ребенком — № (507); **(83)**;
 л*) зажигает свечку — № 408.
 7. От домового помогает:
 б) крест, молитва — № (371, 374, 520);
 г*) ругань — № 409, 410 (342, 443, 511);
 д*) предмет, отданный ему для развлечения (карты) — № (393); **(81)**;
 е*) козел (на скотном дворе) — № 411–413; **103, 104**;
 ж*) очерченный круг — № (522);
 з*) печеные лепешки, колобки — № 414, 415 (383, 422, 547);
 и*) вбитые в углы избы осиновые колья — № (491);
 к*) хождение босиком по половице до двери и обратно — № (387);
 л*) если натолкать спичек в щели пола, промести, веник сжечь — № 416.
 8. Домовой и домашняя скотина:
 а) домового видят около скотины — № 417, 418;
 б) домовый мучает скотину — № 419–423 (411–413, 418, 469, 470, 1137); **98, 99, 101 (103, 104, 243)**;
 в) домовый губит скотину — № 424–428 (415–418); **102**;
 г) домовый поит, кормит скотину — № 429–431 (415);
 е) [домовому дырявят ведро, в котором он носит овес] — № (419, 420); **(99)**;

и*) домовый заплетает гриву лошади в косы — № 432–436; **100 (99)**.

9. Домовой предсказывает будущее:

а) наваливаясь на спящего, отвечает на вопрос: к худу или к добру — № 437–440 (359); **95**;

б) показывается или воет перед несчастьем — № 441–459; **96, 97**.

11. Домовой крадет детей — № 460–462.

12. Домовой наказывает:

б) за неуважительное к нему отношение — № 463–470 (366, 421, 426, 511–541, 544–551, 553); **(101)**;

в) за недостойное поведение — № 471, 472;

г*) за оставленного без присмотра ребенка — № 473;

д*) человека, которого одного замкнули в амбаре — № 474;

е*) за пользование вещью, принадлежавшей покойнику — № 475;

ж*) за то, что забыли помянуть покойника в годовщину смерти — № 476;

з*) за то, что не помянули покойника, как положено — № (1641); **(400)**;

и*) за невыполнение данного обета — № 477.

13. Домовой [помогает людям] за доброе к нему отношение:

а*) предотвращает козни лешего — № 478–480; **106, 107**;

б*) предупреждает об опасности или о неблагополучии в хозяйстве, отводит беду — № 481–486 (571); **108**;

в*) помогает по дому — № (433); **(100)**.

14. [Домовой обижается, если его не приглашают в новый дом]* — № 487, 488; **105**.

16. Домовой выживает хозяина из дома — № 489–510 (370); **82–85**.

16а*. Домовой выживает человека, не попросившегося у него на ночлег — № 511–541 (134, 368, 369, 465, 466, 1214); **86–91**.

16б*. Домовой не беспокоит человека, попросившегося у него на ночлег — № 542, 543 (516, 518, 519, 527, 534, 537, 538, 541); **(87)**.

16в*. Домовой выживает человека, не попросившегося «век вековать» — жить в доме, не совершившего обряд поднесения хлеба-соли — № 544–551.

17. Домовой прогоняет мужа, легшего спать на его дороге [месте] — № 552, 553; **92**.

19. Домовой ходит к женщине — № 554, 555 (565); **110**.

23. Старый домовый одряхлел; его место занимает новый домовый, молодой, деловой, хозяйственный — № 556; **111**.

24*. Домовой поминает умершего главу семьи — № 557; **109**.

25*. Домовой беспокоится, получила ли семья деньги, посланные ей отцом — № 558.

26*. Домовой не позволяет работать ночью — № 559.

27*. Домовой спрашивает мальчика, заработал ли он на хлеб, за которым пришел — № 560, 561.

28*. Домовой гонит людей от заброшенного дома, пугает в пустом доме — № 562–564.

29*. Домовой заплетает женщине косу — № 565, 566; **110**.

- 30*. Домовой горюет, когда разрушают его дом — № 567.
 31*. Домовой дает знать о случившемся несчастье — № 568–570.
 32*. Домовой горюет по умершему в его доме ребенку — № 571.

II. Банник

1. Банник принимает образы:
 - а) [мужика] — № 572, 573 (591, 595, 606, 627); **(121)**;
 - б) старика — № 574, 575 (622); **119, 120**;
 - в) женщины — № (627);
 - г) косматых людей — № 576–578 (592);
 - д*) маленького голого человечка — № 579; **(118)**;
 - е*) теленка — № (593);
 - ж*) жеребенка — № 580.
2. Банник сдирает кожу, [давит] — № 581–591 (598, 600, 604, 1379); **112–115**.
5. Банник наказывает:
 - а) за мытье в бане в «третий пар» — № 592–597 (576, 590); **(115)**;
 - б*) за мытье в бане поздно вечером, накануне праздника или в праздник — № 598–600;
 - в*) моющегося без спросу — № 601;
 - г*) человека, ругающегося в бане — № (584);
 - д*) пьяного, легшего в бане спать — № 602, 603;
 - е*) за появление человека в бане поздно ночью — № 604, 605; **116**;
 - ж*) за постройку бани в месте, не угодном баннику — № 606; **117**.
6. Гадание в бане — № 607 (759, 762, 766, 769, 770, 775).
7. Парень женится на девушке из бани — № 608–613.
9. Нечистая сила ночью в бане:
 - г*) устраивает шабаш, гуляет — № 614, 615.
10. Банник не дает людям мыться — № 616.
- 11*. Банник прогоняет из бани людей, решивших там переночевать — № 617, 619.
- 12*. Банник пугает — № 619–622.
- 13*. Банник приглашает людей зайти в баню — № 623 (595); **121**.
- 14*. Банник моется и моет своего ребенка — № 624–627; **122**.
- 15*. Банник топит печь в бане — № 628.

IV. Кикимора*

1. Кикимора — умерший ребенок — № 629–632; **123**.
2. Кикимора принимает образы:
 - а) ребенка — № 633–635 (690, 696, 703, 705); **(137)**;
 - б) женщины — № 636 (664, 702); **(136)**;
 - в) свиньи — № 638 (629, 652); **124 (123)**;

- г) зайца — № 637, 638 (655, 667); **124 (126)**;
 д) собаки — № 637, 638 (667); **124 (126)**;
 е) быка — № 637–639; **124**;
 ж) козлика — № 637 (691);
 з) мужика (старика, попа) — № 633, 636, 638 (631, 682); **124 (128)**;
 и) утки — № (667); **(126)**;
 к) овечки — № 640 (674).
 3. Кикимора беспокоит жильцов («чудится» в доме) — № 641–696 (383, 630–632, 639, 697–701, 706, 796, 1133, 1470–1474); **125–134 (135)**.
 4. Кикимора общается с людьми — № 697–701; **135**.
 5. Кикимора помогает по хозяйству — № 702; **136**.
 6. Кикимора давит, губит человека — № (658, 661, 699); **137, 138**.
 7. Кикимора мучает скотину — № (658, 661, 699); **(134)**.
 8. Защита от кикиморы:
 а) найти и убрать (уничтожить) куклу или другой предмет, с помощью которого навлекли кикимору — № (629, 637, 638, 641, 644, 645, 648, 651, 655–659, 661, 667, 670, 672, 676, 678–680, 682, 684–686, 688, 692, 697–701, 1470, 1474); **(123, 124, 126, 128, 130, 131, 134, 135)**;
 б) молитва, поминание Бога — № (633, 655, 667, 689, 696); **(126)**;
 в) забить четыре кола в подполье — № (706);
 г) ругань — № (663, 703); **(137)**.
 9. Кикимора наказывает за кощунство — № (706).

В. Былички и бывальщины о черте, змее, проклятых

1. Черт

1. Черт принимает облик:
 а) обычного человека — № 707–709 (723, 731, 745, 748, 750, 766–770, 775, 777, 784); **151 (146–149, 154, 161, 163, 165, 168, 169, 145к)**;
 б) женщины — № (729, 734, 737, 749, 751, 753, 767–770); **(163)**;
 в) человека с рожками [и копытами] — № (729, 734, 737, 749, 751, 753, 767–770); **(141–143, 147, 153, 176, 141к)**;
 д) черного человека — № 712 (732);
 е) знакомого, родственника — № 713 (744, 785–789); **150 (160, 174–176, 174к)**;
 з) вихря — № (743, 774, 819, 820); **159**;
 и) козлика, барана, овечки — № (717–719, 721, 730, 735); **(152, 152к)**;
 н*) быка — № (727);
 о*) коня — № 714, 715 (724, 772);
 п*) теленка — № 716 (725);
 р*) курицы — № 716;
 с*) черного клубка — № (726);

- г*) человека с головой зверя — № (728);
 у*) предмета (копны, кушака) — № (720, 771);
 ф*) птицы — № (839).
2. Черт выдает себя хохотом — № 717–721; **152, 152к**.
3. Черт водит, пугает — № 722–730; **153**.
6. Черт боится:
 а) молитвы, креста [благословения] — № (707, 712, 714, 715, 729, 749, 751, 753, 767–769, 775, 777, 782, 783, 786–789, 1477); (**141, 143–146, 151, 153, 174–176, 174к**);
 б) льна — № (771);
 д*) магического круга — № (767, 768); (**143**);
 е*) крика петуха — № (746, 751, 752, 759, 767, 768, 771, 789); (**141 –143, 147, 162, 166, 176, 141к**);
 ж*) иконы — № (708);
 з*) ребенка — № (722, 766–770);
 и*) хлеба — № (822);
 к*) ругани — № (713).
10. Баба принимает роды у жены черта — № 731; **154**.
12. Душа удушенника, утопленника, пьяницы — собственность черта:
 а*) черт подталкивает человека к самоубийству — № 732, 733 (815, 823, 1151); **155**;
 б*) к пьянице пристаю черти — № 734–742 (780); **156–158**;
 в*) черт женится на удушеннице, утопленнице — № 743, 744 (815); **160 (159)**.
13. Самоубийца [грешник] служит лошадыо у черта — № 745 (746); **161 (162)**.
14. Кузнец подковывает лошадь чертям — № 746; **162**.
15. Черти крадут детей — № (822).
16. Черт подменяет ребенка чуркой — № 747 (608, 611, 613, 826); (**177, 178, 182**).
- 16а. Черт подменяет ребенка чертенком — № 748 (609, 612); **163**.
25. Парни-нечистые на вечеринке — № 749–753 (ср. VI 35г.), 766–770; **141, 142, 141к**.
- 30а. Черт награждает золотом, которое превращается в угли — № (731); (**154, 416**).
34. Черти водятся ночью в церкви — № 754, 755.
- 35а*. Гадание на сорок один цветок — № 756.
- 35б*. Девушка во время гадания берет вещь или отрезает лоскут от одежды явившегося ей человека, вскоре он становится ее мужем, обнаруживает пропавшую вещь (лоскут) и убивает жену — № 757–762; **147–149**.
- 35в*. Человека, посаженного в амбар во время гадания, убивает черт — № 763–765.
- 35г*. Ребенок предупреждает девушку о нечистых, появившихся во время

гадания в образе парней; она убегает; оставшиеся гибнут — № 766–770, ср. В1-25 — № 749–753; **143, 144**.

35д*. Девушку, во время гадания «зачертившуюся» в круг, преследует черт — № 771, 772.

35е*. Во время гадания с зеркалом появляется черт; если не шевелиться — он уйдет — № 773.

37. В работниках у черта — № (745); **(161)**.

39. Плотники населяют новый дом нечистью — № (641, 644, 654, 656, 662, 676, 679, 1470, 1471, 1473, 1494); **(129–131)**.

40. Под Рождество в пустом доме бес загадывает девкам загадки — № 774–778 (750); **145, 146, 145к (142)**.

45*. Черти ночью пристают к человеку, он заставляет их:

а) собирать по песчинке песок — № 779; **166**;

б) молотить солому — № 780; **167**.

46*. Музыкант играет для нечистых, они пляшут — № 781–784; **168, 169**.

47*. Черт приходит к женщине в образе (умершего) мужа — № 785–789 (845); **174–176, 174к**.

48*. Человек видит гулянку чертей, их снадобьем мажет брови — видение исчезает — № 790, 791; **170**.

49*. Черт работает (кует, пилит) — № 792–795; **171**.

50*. Встреча человека с чертями, черти ночью в доме — № 796–803.

51*. Черти охраняют цветок папоротника — № 804–813.

52*. Черт повесился — № 814; **172, 173, 172к**.

53*. Черт увозит девушку, пожелавшую выйти за любого; вместо венца перед ней оказывается петля — № 815; **164**.

54*. Черт забирает себе:

а) неблагословленное — № (205, 815); **(40, 48, 164)**;

б) отданное ему неосторожным словом — № 816.

55*. Черт вселяется в человека — № 817; **165 (47)**.

56*. Черти мучают человека (черти у постели больного) — № 818.

II. Проклятые

1. Черт забирает проклятых — № 819–823 (747, 824–827, 840).

3. Парень женится на проклятой девушке — № 824–827, 608–613; **177–182**.

4. Сила материнского [отцовского] проклятья — № 828–837 (585, 993); **(211)**.

5. Проклятого не принимает земля — № 838.

6. Проклятый на свадьбе сын делается оборотнем — № (190).

10*. Вместо проклятого ребенка черт уносит курицу, подаренную ребенку при крещении — № 839.

11*. Проклятые гуляют в лесу — № 840 (824); **(181)**.

12*. Родительское проклятье упало на внуков — № 841.

13*. Проклятого освобождают от заклатья, надев на него крест — № 842 (824–826); **(181)**.

III. Змей

3. Змей летает огненным клубком <...> — № 843.

4. Змей (черт) летает к женщине:

б) оплакивающей своего мужа или близкого ей человека — № 844, 845; **139, 140**.

6. Змей присасывается к человеку, сделавшему или пожелавшему кому-нибудь зла — № (1774–1781).

8*. Змея любит солдата, ребенка — № 846–850.

Г*. Былички и бывальщины о людях, обладающих сверхъестественными способностями, и о покойниках

I. Ведьма

1. Ведьма принимает образы:

а) сороки или другой птицы — № 851, 852 (972, 1002, 1005, 1007, 1009, 1012, 1014, 1015, 1022–1024, 1026, 1038, 1059, 1064, 1080, 1088, 1091, 1101, 1103–1105, 1134, 1139, 1140, 1145, 1176, 1205, 1210, 1217); **(202, 213, 217–220, 227, 229, 230, 232, 242, 245, 252)**;

б) свиньи — № 853–855 (1028, 1032–1036, 1039, 1040, 1042–1048, 1050, 1051, 1053–1057, 1061, 1062, 1064, 1065, 1067, 1068, 1070–1073, 1076, 1080–1083, 1085, 1092–1097, 1099, 1106, 1108, 1209, 1224); **(221–225, 227, 228, 233)**;

в) собаки — № 856 (942, 1038, 1067, 1074, 1075, 1078, 1079, 1084, 1098, 1100, 1109, 1110, 1213, 1541); **(226, 234)**;

г) предмета — № (1027, 1030, 1031, 1035, 1049, 1050, 1052, 1058, 1064, 1066, 1069, 1080, 1086, 1090, 1102); **(230)**;

д) кошки — № (1037, 1058, 1063, 1074, 1097, 1107, 1119–1122, 1137, 1207, 1212, 1536); **(231, 236, 243)**;

е) кобылы — № (1041, 1077, 1087, 1096); **(228)**;

ж) вихря — № (1060);

з) кролика — № (1061);

и) теленка — № (1029);

к) медведя, волка — № (1150); **(255)**;

л) змеи — № (1150, 1178, 1203); **(255)**.

2. Ведьма «портит» людей:

а) «надевает хомут» — № 857–932 (971, 1120, 1137, 1186, 1231, 1248–1252, 1255, 1272, 1504, 1507, 1509, 1513, 1544, 1548, 1549, 1551); **183–197 (201, 207, 237, 263, 275, 276, 365, 371, 379), 196к**;

- б) у ведьмы «дурной глаз» — № 933–937 (859, 926);
 в) изводит, губит человека — № 938–944 (1001, 1147, 1483).
3. Ведьма «портит» животных — № 945–985 (865, 881, 902, 903, 1106, 1187, 1223, 1258, 1260, 1270, 1271, 1500, 1522–1525, 1532, 1536, 1537, 1539, 1546, 1547); **198–206 (207, 253, 272, 275, 372–374, 376, 382).**
4. Ведьма «надевает хомут» на предметы — № 986–991 (876, 1138); **208, 209.**
5. Ведьма «присушивает» или ссорит людей — № 992–998 (1270); **211, 212 (47).**
6. Ведьма «портит» свадьбу — № 999–1001 (855, 1366); **(314).**
7. Ведьма похищает из чрева плод (ребенка, теленка), взамен подкладывает какой-нибудь предмет (головешку, голик и т.п.) — № 1002–1026 (903, 1141, 1162, 1191, 1198, 1224, 1547); **213–220 (247).**
8. Ведьма-оборотень преследует людей — № 1027–1062 (1162); **221–224.**
- 8а. Ведьма-оборотень преследует людей (вредит людям) — ее разоблачают: избивают, ранят оборотня — избитой, израненной оказывается ведьма — № 1063–1110 (1007, 1027, 1121, 1122, 1205, 1207, 1212, 1217); **225–234 (252).**
9. Ведьма ворожит, гадает, предсказывает судьбу — № 1111–1117 (972, 1270, 1458); **(202, 275, 353, 375).**
10. Ведьма «морочит»:
 а) собственность ведьмы нельзя украсть — № 1118; **235;**
 б) «отводит глаза» (заставляет увидеть то, чего нет в действительности) — № 1119; **236;**
 в) заставляя людей делать то, что она велит — № 1120–1122; **237;**
 г) заставляя людей блуждать, не узнавая знакомых мест — № (1118).
11. Ведьма повелевает змеями — № 1123–1130; **238, 239 (345).**
12. Ведьма повелевает животными — № 1131, 1132; **240 (355).**
13. Ведьма и нечистая сила:
 а) напускает кикимору (в дом или на человека) — № 1133 (670, 697–701, 704, 943);
 б) напускает оборотня на людей — № 1134, 1135; **242;**
 в) знает с нечистой силой — № 1136 (779, 817, 1093, 1166, 1220); **(233, 257);**
 г) напускает домового на скотину или на человека — № 1137 (365); **243 (102);**
 д) напускает чертей на человека (вызывает болезнь) — № (1505); **(166).**
14. Ведьма помогает (вредит) в охоте — № 1138 (990, 1264, 1538); **(273).**
15. Ведьма летает:
 а) в образе птицы — № 1139, 1140 (851, 972, 1002, 1005, 1007, 1009, 1014, 1015, 1023, 1024, 1026, 1088, 1091, 1103, 1205);
 б) летает душа ведьмы, отделившись от тела — № 1141 (1270);
 в) в трубу — № 1142–1146 (1003, 1004, 1008, 1010, 1015, 1017, 1018, 1022, 1026, 1103, 1141, 1195, 1197–1199, 1201, 1211); **244–246 (215–217, 219, 220, 248, 251);**

г) на метле, на клюке — № 1147, 1148 (1008, 1106, 1201);

д) в гробу — № (1136);

е) ходит, не касаясь земли — № 1149.

16. Ведьма передает умение колдовать — № (903, 1153–1156, 1167, 1266); **(258)**.

16а. Ведьма проверяет на способность к колдовству — № 1150; **255**.

17. Трудная смерть ведьмы — № 1151, 1152 (1145); **(245, 260, 276, 383)**.

Ведьма умирает, когда:

а) передает кому-нибудь умение колдовать — № 1153–1156 (903, 1167); **257**;

б) снимают или поворачивают князек на крыше избы, кадят кипарисовым деревом, отсчитывают двенадцатый кол в заплоте и делают из него крест и т.п. — № 1157–1170 (1121, 1177, 1207, 1568); **256, 258, 259**.

18. Ведьма после смерти встает из могилы (забивают в могилу осиновый кол) — № 1171–1177 (1145, 1164, 1178, 1536, 1568); **(259, 383)**.

18а. Похороны ведьмы — № 1178 (1152, 1182); **(260)**.

19. Защита от ведьмы:

а) избить до крови, ударить наотмашь, выбросить из дому — № (861, 869, 875, 903, 936, 945, 946, 949, 965, 999, 1007, 1033, 1039, 1047, 1052, 1054, 1055, 1079, 1082, 1085, 1086, 1092, 1093, 1194, 1206, 1217, 1221, 1541); **207, 221, 222 (193, 198, 205, 233)**;

б) бить по тени оборотня — № (1073, 1089, 1091, 1108); **(227, 232)**;

в) обругать — № (852, 876, 981, 996, 1043, 1092, 1532); **(376)**;

г) беременной женщине нужно надеть ошкур (мужской пояс) — № 1179;

д) «неодолим-трава» — № (1137); **(243)**;

е) медная пуля — № 1180;

ж) «разобрать» на собрании — № 1181.

20. Ведьма не может выйти из дома, если там поставлен ухват вверх рогами, воткнут в стол (порог, дверь) нож (игла, ножницы) — ее разоблачают — № 1182, 1190 (895, 936, 971, 1001, 1486); **261–264**.

21. Ведьма летает на шабаш — № 1191–1201; **247–250 (216, 246)**.

22. Ведьма доит коров чудесным способом — № 1202–1213 (962, 1038, 1078, 1536); **251, 252**.

23. Ведьма колдует — № 1214–1217 (1093, 1120, 1136, 1266, 1270); **(197, 233, 237)**.

24. Ведьма проходит сквозь стены — № 1218 (1147, 1536).

25. Ведьма молится сатане — № 1219.

26. Ведьма ездит верхом на людях — № 1220, 1221.

27. Ведьмы на Иванов день — № 1222 (1547); **254**.

28. Ведьмы в ночь на Великий четверг — № 1223–1225 (1008, 1010, 1026, 1053, 1095, 1141, 1143, 1170, 1188, 1191, 1193, 1196, 1200); **253 (206, 220, 234, 244, 246, 247)**.

29. Ведьма вредит в работе по хозяйству — «портит» поле — № 1226, 1227; **210**.

30. Ведьма напускает в дом лягушек — № 1228; **241**.
31. Знахарка «ладит» людей — № 1229–1255 (449, 831, 859, 862–864, 867, 868, 875, 878, 879, 881, 885, 886, 894, 896, 901, 908, 909, 911, 916, 918, 923, 924, 926, 929, 982, 933, 935, 936, 937, 944, 1266, 1267, 1286, 1294); **265–270 (196, 275)**.
32. Знахарка «ладит» животных — № 1256–1263 (881, 947, 957, 964, 970, 972, 1268); **271, 272 (200, 202)**.
33. Знахарка «ладит» предметы — № 1264; **273**.
34. Знахарка тушит пожар — № 1265; **274**.
35. Знахарка слышит на расстоянии, узнает мысли людей — № 1266–1269; **275**.
36. Знахарка наказывает ведьму, колдуна («дока на доку») — № 1270–1272; **276**.

II. Колдун

1. Колдун принимает образы:
- а) птицы — № (1374, 1481, 1535); **(318, 362, 363)**;
 - б) свиньи — № 1273; **284**;
 - в) собаки — № 1274–1276; **282, 283**;
 - г) предмета — № (1375, 1376).
2. Колдун «портит» людей — № 1277, 1295 (1486, 1543); **277, 278 (380)**.
3. Колдун «портит» животных — № 1296–1300 (1481, 1542, 1543); **279 (362, 378, 380)**.
4. Колдун «надевает хомут» на предметы — № 1301 (1296).
5. Колдун «присушивает» или ссорит людей — № 1302–1306 (1494); **280, 281**.
6. Колдун на свадьбе:
- а) «портит» свадьбу, шутит над ней — № 1307–1353 (1296, 1357, 1358, 1361, 1367, 1368, 1371, 1372, 1488); **285–302 (303, 304, 306)**;
 - б) оберегает, «ладит» свадьбу — № 1354–1361 (1318, 1327, 1333); **303–307 (285, 291)**;
 - в) соперничество колдунов на свадьбе («дока на доку») — № 1362, 1373 (1337, 1346, 1404, 1405); **308–317 (300)**.
7. Колдун похищает ребенка из чрева женщины — № 1374; **318**.
8. Колдуна-оборотня разоблачают — № 1375, 1376.
9. Колдун ворожит, гадает, предсказывает будущее — № 1377–1383 (949, 955); **319, 320 (189, 201, 204, 205)**.
10. Колдун «морочит» — № 1384–1387; **321**.
- 10а. Собственность колдуна нельзя украсть — № 1388–1394; **322–325**.
- 10б. Колдун «отводит глаза» (заставляет увидеть то, чего нет в действительности) — № 1395–1402 (1486); **331, 332 (316)**.
- 10в. Колдун заставляет делать то, что он велит — № 1403–1406 (1356, 1418); **331, 332 (316, 317)**.

10г. Колдун заставляет человека блуждать, не узнавая знакомых мест — № 1407–1409; **333, 334**.

11. Колдун повелевает змеями — № 1410–1456 (1465); **335–351 (360)**.

12. Колдун повелевает животными — № 1457–1468 (1403, 1478); **352–361 (332)**.

13. Колдун и нечистая сила:

а) навлекает на дом кикимору — № 1469–1475 (641, 647, 654, 658, 659, 668, 672, 684, 695); **(132–135, 138)**;

б) напускает оборотня на людей — № 1476;

в) знается с нечистой силой — № 1477.

14. Колдун помогает (вредит) в охоте — № 1478–1480.

15. Колдун летает:

а) в образе птицы — № 1481; **363**;

б) летает душа колдуна, отделившись от тела — № 1482; **364**;

в) в трубу — № (1481, 1541); **362**.

16. Колдун передает умение колдовать — № 1483 (1270, 1485, 1486); **(365)**.

16а. Колдун проверяет на способность к колдовству — № 1484.

17. Трудная смерть колдуна — № (1491).

Колдун умирает, когда:

а) передает кому-нибудь умение колдовать — № 1485, 1486 (1270, 1483); **365**;

б) снимают князек с крыши избы — № 1487, 1488 (1344, 1486); **366**.

18. Колдун после смерти встает из могилы — № 1489, 1490 (1283).

18а. «Чудится» в доме после смерти колдуна — № 1491 (1597).

19. Колдуна можно убить пулей, отлитой из медного креста — № (1403); **(332)**.

20. Колдун отводит тучу, ветер — № 1492, 1493; **367, 368**.

21. Колдун уводит (наводит) клопов, червей, тараканов — № 1494–1497; **369**.

22. Колдуны перевозят свой заветный камень — № 1498.

23. Колдун превращает человека в волка — № 1499; **370**.

24. Знахарь «кладит» людей — № 1500–1521 (871, 872, 882, 887, 889, 890, 892, 893, 897, 898, 904, 905, 912, 914, 917, 919, 921, 922, 925, 943, 997, 1289, 1290, 1309, 1535, 1537, 1544); **371 (183–189, 197, 212, 275, 278, 363, 382)**.

25. Знахарь «кладит» животных — № 1522–1534 (953, 978, 982, 1481, 1546); **372–378 (199, 205)**.

26. Знахарь «кладит» предметы — № (991).

27. Знахарь слышит на расстоянии, узнает мысли людей — № 1535 (1481); **(363)**.

28. Знахарь наказывает (разоблачает) ведьм, колдунов («дока на доку») — № 1536–1551 (860, 890, 1187, 1226); **379–382 (189, 201, 318)**.

III. Покойник

1. Покойник ходит после смерти:
 - а) приходит домой, навещает родных — № 1552–1584 (1171, 1597, 1602, 1629, 1631, 1632, 1638, 1640, 1648, 1653); **383–388 (259, 390, 391, 395–397, 399)**;
 - б) показывается на месте гибели или на кладбище — № 1585–1593; **401**.
2. «Чудится» после покойника в доме, на кладбище или на месте захоронения — № 1594–1610; **402–404**.
3. Покойник преследует, пугает людей — № 1611–1620 (1630); **405–407**.
4. Покойник наказывает за непочтительность, обиду или кощунство — № 1621–1626; **408**.
5. Покойник замаливает грехи, совершенные при жизни — № 1627, 1628; **410, 411**.
6. Покойник увлекает родственников к могиле — № 1629–1632; **389, 390**.
7. Мертвый жених увлекает невесту к могиле — № 1633–1635; **391–395**.
8. Покойник забирает родных (они умирают) — № 1636–1640; **398, 399**.
9. Покойник забирает домашнюю скотину (онадохнет после похорон) — № 1641, 1642; **400**.
10. Покойник приходит за принадлежавшей ему вещью — № 1643–1650; **412**.
11. Покойник требует:
 - а) совершения необходимого обряда — № 1651, 1652; **(388)**;
 - б) выполнения наказа, данного перед смертью — № 1653.
12. Покойники возвращаются в деревню, брошенную живыми — № 1654; **409**.
13. Защита от покойника:
 - а) молебен, благословение, крест, библия — № (1171, 1552, 1558, 1634); **(385, 393)**;
 - б) забить осиновый кол в могилу — № (1558, 1564, 1581, 1631, 1632); **(386, 390)**;
 - в) хитрость — № (1554, 1555, 1559, 1629); **396, 397 (394, 395)**;
 - г) ругань — № 1655 (1570, 1649);
 - д) мох с кладбища — № 1656.
14. Покойница, предостерегая о т беды, не велит носить красную кофту (рубаху с оборкой) — № 1657, 1658.
15. Муж, прощаясь с умершей женой, роняет в гроб документ; во сне к нему приходит покойница, говорит, где искать пропажу, но не велит открывать саван; муж нарушает запрет и погибает — № 1659–1662.

Д*. Былички и бывальщины о кладах

1. Клад принимает образы (при ударе наотмашь рассыпается золотом):
 - а) старика, старухи — № 1663 (1678);
 - б) женщины (девочки) — № 1664–1666 (1676); **413 (416)**;
 - в) золотого барашка — № (1675); **(415)**;
 - г) золотого человечка — № (1675);
 - д) кошечки — № (1677); **(417)**;
 - е) быка — № 1667;
 - ж) куклы — № 1668;
 - з) золотого шарика — № (1675);
 - и) гроба — № 1669, 1670; **(414)**;
 - к) маленького круглого существа — № 1671;
 - л) цветка — № 1672;
 - м) чайника — № 1673.
2. Клад обнаруживает себя звуками — № 1674 (1669, 1670); **414**.
3. Клад общается с ребенком — № 1675–1677; **415–417**.
4. Клад давит человека — № 1678.

Е*. Былички и бывальщины о предсказаниях судьбы

І. Вестники судьбы

1. Женщина в белом (в красном) предсказывает войну, голод и другие бедствия — № 1679, 1680–1684; **418–420**.
2. Человек в белом (женщина в черной шали, собака) предвещает болезнь, смерть человеку — № 1685–1694; **421–424 (97)**.

ІІ. Предзнаменования

1. Гадания сбываются — № 1695–1723; **425–431**.
2. Сны сбываются — № 1724–1744; **432–438**.
3. Приметы оправдываются — № 1745–1752.

Ж*. Былички и бывальщины о небесных силах

1. Небесные силы наказывают:
 - а) за непочтительное отношение к иконе — № 1753–1759;
 - б) за ночевку в церкви — № 1760–1762;
 - в) за кощунственное отношение к церковным постройкам (церковной утвари) — № 1763–1768;

-
- г) за работу в религиозные праздники (за купание в Ильин день) — № 1769–1773; **439, 440**;
- д) за оскорбление матери — № 1774–1781; **441, 442**;
- е) человека, выстрелившего в ангела — № 1782;
- ж) человек, ругающийся во время сева, не получает урожая — № 1783.
2. Небесные силы предсказывают будущее:
- а) войну — № 1784–1786;
- б) судьбу человека (нарекают век) — № 1787–1791; **443, 444**.
3. «Открытие» неба — № 1792, 1793.

Содержание

<i>Валерий Петрович Зиновьев</i>	5
<i>От ответственного редактора</i>	7

Раздел I. Избранные труды

Русские сказки Забайкалья

<i>От составителя</i>	15
---------------------------------	----

Сказки о животных

1. Лисичка-сестричка	27
2. Лиса и волк	30
3. Медведь и лиса	31
4. Непослушный петушок	31
5. Лиса и журав	33
6. Про лису и зверей	33
7. Лев и мышка	35
8. Медведь и бревно	35
9. Глупый волк	35
10. Про кошечку	37
11. Про Кота Котофеича	39
12. Волк и козлятки	41
13. Мужик и медведь	43
14. Семь девочек и волки	43
15. Медведь — липовая нога	44
16. Вершки и корешки	45
17. Про храброго мышонка	45
18. Коза-борза	46
19. Колобок	48
20. Почему собаки гоняют кошек, а кошки мышей	50
21. Почему у кукушки гнезда нет	51
22. Пузырек и уголек	51

Волшебные сказки

23. Бурка, Каурка и синегривый конь	52
24. Кобылица-златыница, свинка — золота щетинка и золоторогий олень.	56
25. Конек-горбунок	63
26. Незнаюшка	67
27. Ванюшка, волк и Каша Бессмертный	72
28. Про Буренушку-коровушку и Троеножку-бычка	76
29. Падчерка	79
30. Отчего волк на луну воет	81
31. Иван-царевич и Василиса Премудрая	84
32. Солдат и его товарищи	90
33. Потороча — одна нога другой короче	92
34. Как Иван-дурак на царевне женился	94
35. Иван — гражданский сын и нечиста сила	95
36. Про Ивана Поповича, Дубыню и Гориню	100
37. Фома-богатырь	104
38. Дочь царя и сын Бабы Яги	106
39. Медведь и три сестры	110
40. Мальчик с пальчик	114
41. Про Луту-Лутонюшку	116
42. Иван — купеческий сын и Царь-девица	119
43. О Сусане Осановиче — купеческом сыне	126
44. Как кузнец черта отвадил	135
45. Солдат и черти	137
46. Кузнец и черт	139
47. Сынок-поросеночек	140
48. Ореховая веточка	143
49. Пойди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что	145
50. Не сживай постылого — приберет Бог милого	148
51. Три подарка	151
52. Деревянный журавль	154
53. Три брата и богач	155
54. Петух и жерновцы	157
55. Жадность до добра не доведет	159
56. Два брата	161
57. Про Нужду	162

58. Блюдечко золото и яблочко налито	163
59. Чудесный сын	165
60. Безручка	170
61. Похороны старухи	171
62. Марка-богатый и Василий-бесщастный	174
63. Про Бога, вдову и богатого мужика	177

Социально-бытовые сказки

64. Дочь-умница	178
65. Верная жена	180
66. О ревнивом муже, злом навете и верной жене	184
67. Оклеветанная девушка	185
68. Солдат и его дочь	187
69. Про сына бондаря	188
70. Как солдат царя Петра выручил	193
71. Почему стариков уважать стали	194
72. Совет старика	195
73. Про портного	196
74. Цыган и черт	197
75. Хозяин и работник	198
76. Два брата, богатый и бедный	200
77. Поп и крестьянин	202
78. Поп и цыган	203
79. Поп, мужик и Николай Угодник	204
80. Умный и глупый	205
81. Как мужик богача проучил	206
82. Солдат Ерёма-хитрый	206
83. Знахарь	213
84. Про солдата	215
85. Ловкий вор	215
86. Над ворами вор, над бандитами бандит	216
87. Дорого яичко к Христову дню	218
88. Про мужика, черта и злую бабу	219
89. Про двух жен, или Как муж жене на фартук плюнул	221
90. Ленивая баба	222
91. Ленивая старуха	223
92. Светлое Воскресение	223

93. Как Ванюшка глупых искал	226
94. Про Ванюшку-дурачка	227
95. Ваня-дурачок	229
96. Про Фому и Ерёму	231
97. Как жить: с деньгами или с детьми?	234
98. Сватовство	235
99. Природа науку одолела	236
100. «Глухие» бабы	236
101. Полтораста плешивых	237
102. Царь над мухами	237
103. «Куды ходил?..»	238
104. «Я сидела на пеню...»	238
105. «Корова есть...»	239
106. Дед Микитка	239
107. Три брата	239
108. Вставал поутру-вечеру	239

Приложения

Примечания	241
Указатель сюжетов	256
Сказочники	260
Словарь малоупотребительных и диалектных слов	263

Жанровые особенности быличек

Монография

Введение

Понятие о быличке	268
О термине «быличка»	269
Собирание и изучение быличек	270

Глава первая. Быличка как фольклорный жанр

Место былички в составе русского фольклора	279
О происхождении быличек	280
Образ сверхъестественного существа в быличках	285
Образ свидетеля происшествя. Конфликт в быличках	286
Обстановка действия	288

Построение быличек	289
Структура былички. Особенности исполнения и стиля	292
Отличие былички от других жанров народной прозы	299

Глава вторая. Классификация быличек

Своеобразие функций персонажа — основа классификации	302
О сходствах общегрупповых функций	304
Типы быличек	305
Трудности классификации быличек	308

Глава третья. Особенности современного бытования быличек

Отражение в быличках противоречивости народной психологии и влияние на них современности	312
Соотношение главных социально-бытовых функций былички	314
Былички, сохранившие жанровое своеобразие	318
Современные процессы эволюции быличек	322
Былички и «страшилки» в среде детей	334

Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири

Тексты

Былички и бывальщины о духах природы

Леший	337
Водяной	367
Русалка	368

Былички и бывальщины о домашних духах

Домовой	373
Банник	392
Кикимора	395

Былички и бывальщины о змее, черте, проклятых

Змей	404
Черт	405
Проклятые	421

**Былички и бывальщины о людях, обладающих
сверхъестественными способностями, о покойниках**

Ведьма	428
Колдун	478
Покойник	538

Клад	555
-----------------------	------------

О предсказаниях судьбы	557
---	------------

Предзнаменования	560
-----------------------------------	------------

Приложения

Указатель мифологических персонажей	569
---	-----

Список сокращений	569
-----------------------------	-----

Комментарии	570
-----------------------	-----

**Указатель сюжетов
сибирских быличек и бывальщин**

А. Былички и бывальщины о духах природы	624
---	-----

Б. Былички и бывальщины о домашних духах	627
--	-----

В. Былички и бывальщины о черте, змее, проклятых	631
--	-----

Г*. Былички и бывальщины о людях, обладающих сверхъестественными способностями, и о покойниках	634
---	-----

Д*. Былички и бывальщины о кладах	640
---	-----

Е*. Былички и бывальщины о предсказаниях судьбы	640
---	-----

Ж*. Былички и бывальщины о небесных силах	640
---	-----

Научное издание
Зиновьев Валерий Петрович
Русский фольклор Восточной Сибири
Книга 1

Ответственный редактор *Р. П. Матвеева*

Компьютерная верстка *Н. А. Мазутовой*

Подписано в печать 29.11.2019. Формат 70х100/16.
Усл. печ. л. 52,5. Тираж 1000 экз.

Изготовлено в типографии ООО «Репроцентр А1»
664047, Иркутск, ул. А. Невского, 99/2.